ИСТОРИЯ США

ТОМ ВТОРОЙ

1877–1918

Издательство «НАУКА» Москва 1985

ИСТОРИЯ США

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ США

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

т. 2 1877-1918

Издательство «НАУКА» Москва 1985

ВВЕДЕНИЕ

Второй том «Истории США» хронологически охватывает период от гражданской войны в США и Реконструкции Юга до окончания первой мировой войны. Главным его содержанием являлся переход от капитализма свободной конкуренции к монополистическому, а затем к государственно-монополистическому капитализму. Американский капитализм развивался по общим законам, присущим данной формации, хотя, как и в каждой стране, в США имелись специфические черты и национальные особенности. В этот период в стране завершался ряд важных экономических и социальных процессов. На арену классовой борьбы вышли пролетариат, осознавший себя как «новый и особый класс американского общества» [1], и монополистическая буржуазия, противоборство которых продолжается и в современную эпоху.

После буржуазных революций в Европе и США господствовавший капиталистический способ производства вступил в новый период своего развития в конце XIX — начале XX в. Завершившиеся промышленные революции и связанный с ними технический прогресс видоизменили структуру капиталистического хозяйства и его организационные формы. Открытия в науке и технике коренным образом меняли методы организации и технологии производственных процессов, что способствовало повышению производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве. Свободная конкуренция перестала отвечать интересам крупных промышленников, главной целью которых всегда и всюду является извлечение максимальной прибыли. В Германии, а затем и в других странах стали появляться новые производственные объединения — монополии. В зависимости от исторических особенностей развития капитализма в разных странах они принимали неодинаковые формы. В Германии монополии уже после 1871 г. выступили в форме картелей и синдикатов, в США конца 80-х годов — в форме трестов, которые В. И. Ленин считал высшим проявлением экономики империализма [2]. «Картели и тресты, объединяя производство, в то же время,— подчеркивал В. И. Ленин,— усиливали на глазах у всех анархию производства, необеспеченность пролетариата и гнет капитала, обостряя таким образом в невиданной еще степени классовые противоречия» [3].

Гражданская война (вторая Американская буржуазная революция) привела к свержению власти олигархии Юга и освобождению негров. Ликвидация рабовладельческих латифундий и принятие закона о раздаче земель Запада на основе демократических принципов знаменовали собой победу (в общем и целом) фермерского, или американского, пути развития капитализма в сельском хозяйстве. Вместе с тем, как подчеркивалось в томе I, буржуазная революция 60-х годов XIX в. не решила полностью стоявших перед ней задач. Об ограниченности ее результатов свидетельствовало прежде всего социально-расовое неравенство, проявлявшееся в разных сферах, главным образом при распределении земель

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 346.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 94.
[3] Там же, т. 17, с. 22.

Запада. Не менее существенно и то обстоятельство, что американский капитализм не искоренил многие корни рабовладения. Живуч оказался и порожденный им социально-психологический «комплекс» в отношении к «освобожденным» неграм. Незавершенность революции XIX в. повлияла на формирование устойчивых реакционных тенденций, которые наложили отпечаток на все последующее развитие американского общества: расовая ненависть, национальная рознь, попрание элементарных демократических свобод и прав человека, культ насилия.

Вторая Американская буржуазная революция способствовала созданию на какое-то время положения, когда развитие производительных сил более или менее соответствовало уровню производственных отношений и буржуазная эволюция проходила «при условиях, наиболее благоприятных для массы народа из всех возможных при капитализме» [4]. Эти факторы наряду с рядом благоприятных природных, географических и внешнеполитических обстоятельств привели к невиданному росту экономики. За 40—50 лет США из преимущественно сельскохозяйственной страны превратились в индустриально-аграрную державу. Увеличение промышленного и сельскохозяйственного производства в конце XIX в. привело к коренным качественным изменениям, охватывавшим экономику и политику, социально-классовые отношения и духовную жизнь американской буржуазной нации. Но именно такое развитие капитализма во многом способствовало ускоренному процессу концентрации и централизации капитала и тем самым интенсивному формированию американских монополий.

В центре внимания авторов тома находились проблемы перерастания капитализма свободной конкуренции в монополистический, влияние этого процесса на рост рабочего, фермерского и общедемократического движений, проблемы связи «империализма с трестами» [5] и расширением внешнеполитической экспансии.

В конце XIX — начале XX в. в США имелись все основные признаки, свидетельствовавшие о наступлении империалистической стадии развития капитализма. В стране происходил процесс концентрации в промышленном и банковском деле. В отличие от государств Европы в США именно среди железнодорожных компаний раньше, чем в других отраслях промышленности, проявилась тенденция к концентрации и централизации. В начале XX в. уже действовали 445 трестов с общим капиталом свыше 20 млрд. долл. Одновременно происходило сращивание банковского и промышленного капитала и превращение его в финансовый. Этот процесс, развернувшийся в США на рубеже XIX—XX вв., представлял собой часть всемирного процесса концентрации капитала. Гигантские промышленные предприятия до такой степени переплетались друг с другом и были так тесно связаны с банками и страховыми обществами, что почти все богатство и важнейшие отрасли хозяйства оказались фактически под контролем немногих групп финансовых магнатов. Эта финансовая олигархия могла навязывать свои требования законодательным органам штатов и конгрессу и, наконец, влиять как на внешнюю, так и на внутреннюю политику правительства. Но в период, рассматриваемый в томе II, господство финансовой олигархии еще не выходило за национальные границы.

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 150.
[5] Там же, т. 27, с. 409.

Глубокие изменения, происходившие в экономике, оказывали влияние на развитие политической жизни США, на характерные черты общественного строя. Политический процесс шел в сторону создания централизованного государства. Для удержания и укрепления захваченных позиций, для подавления сопротивления трудящихся масс американская буржуазия нуждалась в гибком, быстро действующем и сильном государственном аппарате.

На политической арене США по-прежнему господствовали две буржуазные партии: республиканская и демократическая. С появлением первых монополистических объединений различия между ними стирались. Это обусловливалось тем, что обе партии выражали теперь интересы одного господствующего класса — крупной монополистической буржуазии. Последняя использовала «систему двух партий», чтобы воспрепятствовать созданию самостоятельной партии рабочего класса.

Против растущей власти трестов и корпораций выступали рабочие и фермеры, ремесленники и мелкие предприниматели. Сопротивление гнету монополистического капитала вылилось в крупные классовые бои пролетариата и движение фермеров. Эта борьба стала одной из прогрессивных традиций американского народа. С тех пор массовые движения в стране в основе своей были направлены против господства монополий. «Борьба против монополий,— писал генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл,— вылилась в возникавшие (в конце XIX — начале XX в.— *Авт.*) одно за другим широкие выступления Популистской партии, Беспартийной лиги, рабоче-фермерской партии, движения Лафоллетта и многие другие..., отражавшие традиции борьбы против гнета концентрированного капитала... Антимонополистические выступления в современных Соединенных Штатах... являются продолжением и развитием этих традиций» [6].

К. Маркс и Ф. Энгельс внимательно следили за развитием классовой борьбы в США. Оценка К. Марксом и Ф. Энгельсом социально-экономических процессов и политических событий в США, современниками которых они являлись, имеет принципиальное значение для понимания важнейших проблем американской истории. Отмечая ряд специфических особенностей американского капитализма, К. Маркс и Ф. Энгельс вместе с тем указывали на то, что его развитие подчинено общим закономерностям капиталистического способа производства и связано с неизбежным ростом непримиримых классовых противоречий. Основоположники марксизма сформулировали вопрос о новом соотношении классовых сил в стране и сделали важные выводы относительно развития американского рабочего движения, его возможных союзников в лице трудящихся фермеров и негров в борьбе против «олигархии объединенного капитала» [7], а также по другим проблемам американской истории.

После образования в США Социалистической рабочей партии (СРП) К. Маркс и Ф. Энгельс вели регулярную переписку с американскими социалистами, давали советы и конкретные указания. Их основной задачей К. Маркс и Ф. Энгельс считали борьбу за создание массовой политической партии пролетариата. В своих письмах они советовали творчески применять революционную теорию, учитывая, но не переоценивая спе-

---

[6] *Hall G.* Anti-Monopoly Movement.— Political Affairs, 1965, May, p. 33, 34.

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 50.

цифические особенности развития рабочего движения в стране. Намечая тактическую линию социалистов Нового света, К. Маркс и Ф. Энгельс призывали их изживать сектантство, идти работать в профсоюзы и другие организации рабочих, чтобы революционизировать их изнутри и завоевать массы на свою сторону.

Процесс формирования монополистического капитала и превращения США в классическую страну трестов получил всестороннюю разработку и теоретическую оценку в трудах В. И. Ленина. В книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин отметил, что развитие гигантских трестов — специфически американской основы империализма — приняло в США чудовищные размеры. Однако один из существенных признаков империализма — вывоз капитала — в ту эпоху еще не принял в США широких масштабов. Эта особенность империализма США объясняется наличием огромного внутреннего рынка, образовавшегося в результате победы фермерского пути развития капитализма в сельском хозяйстве. Ключ к пониманию этого дает ленинская концепция двух основных путей развития капитализма в земледелии.

Всесторонний анализ В. И. Лениным статистических данных американских переписей (1900 и 1910 гг.) в работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки» выявил роль монополий и банков в экспроприации огромных масс трудящихся фермеров. Появление трестов означало усиление эксплуатации рабочих и фермеров, наступление на мелких производителей, закабаление и ограбление народов других стран. «И во внешней политике, и во внутренней, одинаково,— писал В. И. Ленин,— империализм стремится к нарушениям демократии, к реакции» [8].

Развитие науки и техники, механизация производства в условиях капитализма и усиление эксплуатации неуклонно вели к усугублению тяжелого положения пролетариата, хотя в целом жизненный уровень трудящихся Северной Америки оставался относительно более высоким, чем в Европе, Азии или Латинской Америке. Однако в Соединенных Штатах происходило ужесточение классовой борьбы. Десятилетия конца XIX — начала XX в. были заполнены активными действиями рабочих за улучшение условий труда и жизни. В истории американского рабочего движения 80-е годы явились переломными: рабочие впервые выступили как класс, осознавший свои особые интересы. Стачки тех лет вошли в летопись не только национального, но и международного рабочего движения. В честь героических борцов 1886 г. 1 мая было провозглашено Днем солидарности пролетариев всех стран. В стране возникли и действовали такие рабочие организации, как «Орден рыцарей труда», Американская федерация труда, «Индустриальные рабочие мира».

Тем не менее в целом борьба рабочих носила экономический характер. В сфере политической значительные слои рабочих следовали главным образом за буржуазией. Борьба двух тенденций в рабочем движении — революционной и оппортунистической — проходила в условиях, когда перед американским пролетариатом не стояли сколько-нибудь крупные, общенациональные демократические задачи [9]. Отсутствие прочных связей

---

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.
[9] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 235, 243—244.

американских социалистов с пролетариатом также не могло не сказаться на развертывании массового революционного движения.

Наряду с исследованием общих закономерностей и особенностей капиталистического развития, социально-экономических изменений в структуре общества, роли государства и политических партий в обеспечении интересов и запросов крупного капитала, развития идей и общественной мысли, массового рабочего и фермерского движения авторский коллектив значительное внимание уделил внешней политике США, анализу движущих сил американского экспансионизма.

В первые 15—20 лет после гражданской войны страна была поглощена освоением западных земель, решением политических проблем Реконструкции Юга и бурным хозяйственным строительством. Но уже тогда идеологи экспансионизма заявляли, что США призваны завладеть Американским континентом и установить контроль над всем миром. Лишь военная неподготовленность и остававшаяся еще экономическая зависимость от Европы ограничивали их захватнические помыслы и мешали развернуть такую же широкую колониальную экспансию на всех материках, какую проводили Англия, Франция и Германия в конце XIX — начале XX в. Поэтому в эти годы США основное внимание уделяли Южной Америке и бассейну Тихого океана. В этих районах правящие круги Вашингтона проводили политику по нескольким линиям: во-первых, прилагались усилия к тому, чтобы воспрепятствовать дальнейшим захватам европейских держав, ослабить там позиции этих держав, и, во-вторых, США, выполняя экспансионистские замыслы американских монополистов, стремились укрепить свои позиции в Латинской Америке и на островах Карибского бассейна, а также обеспечить себе морские порты и базы на Тихом океане, которые должны были сыграть роль трамплина для дальнейших захватов на подступах к Азии и на самом Азиатском материке. Именно по отношению к странам Азии, и прежде всего к Китаю, империалистами США была выдвинута доктрина «открытых дверей и равных возможностей».

Одновременно с усилением экспансионистских тенденций во внешней политике США формировалась и идеология империализма, которая, как указывал В. И. Ленин, в свою очередь, усиливала стремление к колониальным завоеваниям. С целью оправдать и обосновать планы создания американской колониальной империи экспансионисты с конца XIX в. стали реставрировать старые («манифест дестини» — предопределение судьбы) и разрабатывать новые «теории» о «превосходстве» англосаксонской расы и об особой, «цивилизаторской» роли США во всем мире. Американские империалисты ввели в международные отношения такие методы, как политика «большой дубинки» и «дипломатия доллара». Практическое применение эти методы нашли на Кубе, в Панаме и других латиноамериканских странах. В борьбе за укрепление позиций в Латинской Америке буржуазия США наряду с доктриной Монро использовала идеи панамериканизма о том, что географическое положение якобы предопределяет экономическую и политическую общность интересов всех стран Америки. Панамериканизм служил идеологическим обоснованием притязаний США на экономическую и политическую гегемонию над всем Американским континентом.

Эпоха становления империализма США, которая до сих пор привлекает пристальное внимание советских исследователей, является, пожалуй,

наиболее изученной. В трудах члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова, профессоров Л. И. Зубока и В. И. Лана разработаны многие основные проблемы социально-экономической истории США нового времени, вскрыта роль монополистического капитала в усилении эксплуатации трудящихся внутри страны и колониальной экспансии за ее пределами. В фундаментальном труде академика А. Л. Нарочницкого на огромном, главным образом архивном, материале наряду с политикой европейских государств изучена и политика США на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. Академик А. А. Губер всесторонне исследовал историю захвата Филиппин и подавления там национально-освободительного движения американским империализмом.

После опубликования в 1960 г. двухтомника «Очерки новой и новейшей истории США» значительное число историков сосредоточили свои исследования на проблемах изучения истории становления монополистического капитализма в США, эволюции методов крупной буржуазии по укреплению своего классового господства, антимонополистической борьбы рабочих, фермеров и мелкой буржуазии, влияния продолжавшейся и усиливавшейся иммиграции на экономическое, социальное, этническое, культурное развитие американского общества, процесса формирования идеологии империалистической экспансии, агрессивной внешней политики США. В дополнение к источникам и литературе, имеющимся в архивах и книгохранилищах СССР, некоторые из них изучали документы в архивах, рукописных фондах и библиотеках США и других стран.

Используя достижения советской американистики за последние два-три десятилетия, авторы тома старались привлечь архивные материалы, документы, протоколы конгресса США, опубликованные дневники, переписку и мемуары государственных и общественных деятелей, статистические данные, периодические издания и прессу.

Авторский коллектив и редакционная коллегия учли критические замечания и пожелания, высказанные при широком обсуждении рукописи, и признательны рецензентам тома докторам исторических наук Е. Ф. Языкову (МГУ им. М. В. Ломоносова) и М. С. Альперовичу (Институт всеобщей истории АН СССР), а также докторам исторических наук Ш. А. Богиной (Институт этнографии АН СССР), А. А. Мурадяну (Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР), Д. Г. Наджафову (Институт всеобщей истории АН СССР), Э. Л. Нитобургу (Институт этнографии АН СССР) и всем сотрудникам сектора истории США и Канады Института всеобщей истории АН СССР, принявшим участие в дискуссии.

I
ОТ СВОБОДНОЙ КОНКУРЕНЦИИ К ГОСПОДСТВУ МОНОПОЛИЙ (1877—1898)

Глава первая
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

1. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Последние десятилетия XIX в.— период формирования в США монополистического капитализма. Экономической основой этого процесса являлись необычайно бурный рост промышленности и концентрация капитала. С 1870 по 1900 г. производство чугуна увеличилось в 8 раз, добыча угля — в 10, выплавка стали — в 150 раз, достигнув соответственно показателей: 13,8; 212,3; 11,2 млн. т в год. Стоимость произведенной промышленной продукции возросла более чем в 3 раза, почти утроилась численность промышленных рабочих [1].

На темпах развития промышленности позитивно сказались несколько профилирующих факторов: наличие в стране огромных природных ресурсов; высокий уровень накопления местного капитала и большой приток капитала из-за границы; рост численности городского населения, вызванный, с одной стороны, естественным приростом, внутренней миграцией, а с другой — непрерывным притоком переселенцев из разных стран мира; расчетливая протекционистская политика федерального правительства.

Богатая природная среда благоприятствовала ускоренному индустриальному развитию: недра страны содержали всевозможные естественные богатства, полезные ископаемые, прежде всего запасы угля, железной руды, нефти; преобладали плодородные почвы; лесные ресурсы представлялись неисчерпаемыми, а воды рек и озер служили и объектом освоения, и транспортными магистралями. Одновременно, как справедливо отмечалось, уже тогда обнаружилось, что «гигантские предприятия порождали гигантские проблемы и загрязнение окружающей среды было одной из наиболее серьезных проблем индустриализации» [2].

Огромная территория США долгое время была сравнительно слабо заселенной. После гражданской войны активизировалась колонизация районов Дальнего Запада. Обширные площади с одобрения государственных властей захватывались капиталистами под строительство част-

---

[1] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975, p. 127, 590, 599—600, 693—694.

[2] *Teaford J. C.* City and Suburb. The Political Fragmentation of Metropolitan America, 1850—1970. Baltimore (Md), 1979, p. 15.

ных железных дорог и в целях эксплуатации природных богатств. Коренное индейское население страны при этом было либо истреблено, либо загнано в резервации на самые неплодородные земли. К 70-м годам XIX в США располагали огромным пространством от Атлантики до Тихого океана. Здесь проживали 50 с небольшим миллионов человек. По сравнению с относительно перенаселенными Европой и Азией это давало Америке большие преимущества. Рабочей силы постоянно не хватало. Ее заменяли машинами, стимулировалась рационализация производства в многообразных формах.

На процессы динамичного экономического роста в США непосредственный отпечаток наложил научно-технический прогресс. В стране началась общая электрификация промышленности, транспорта, быта; изменилась энергетическая база производства — пар заметно вытеснялся электричеством. Американцы быстро внедряли все, что вырабатывала научно-техническая мысль за последнюю четверть XIX в.[3] В ходе индустриализации широко применялись новый научно-технический опыт европейских стран, достижения американской инженерной мысли, а морально устаревшее оборудование практически отсутствовало и не тормозило роста экономики.

Важным фактором роста экономики стала аккумуляция наиболее энергичной рабочей силы в США. Колонисты, покинувшие европейские берега, в большинстве своем были энергичными, трудолюбивыми, целеустремленными людьми. Зачастую они имели немалую квалификацию. В непрекращавшемся притоке переселенцев были квалифицированные специалисты, впитавшие лучший производственный опыт своего народа. «Америка все быстрее идет вперед, беря со всего мира наиболее энергичное, способное к труду рабочее население»,— отмечал В. И. Ленин[4].

Если за весь XIX век население Европы выросло только в 2 с небольшим раза, то в США оно увеличилось в 14 раз. Поток иммигрантов из Европы нарастал. В 1870 г. в США прибыли 387 тыс. иностранцев, а в 1882 г.— уже около 800 тыс. Всего за 1870—1900 гг. насчитывалось около 14 млн. иммигрантов[5]. На рубеже веков по числу жителей впереди США были только Китай, Индия и Россия.

Хотя основной поток иммигрантов шел из европейских стран (в конце XIX в. это были большей частью переселенцы из Южной и Восточной Европы), началась иммиграция из Китая и Японии, поставлявшая рабочую силу для низкооплачиваемых и трудоемких работ. До 80-х годов в США иммигрировали лишь около 150 японцев, с 1886 по 1890 г. — 3 тыс. японцев; за последующие 10 лет это число выросло до 27 тыс.[6]

Американский исследователь П. Джоунс писал: «Рост богатства Соединенных Штатов был бы более медленным и менее уверенным, не будь того стимула, который он получил от иммиграции в конце XIX и начале XX в.»[7]. США безвозмездно получали активную и деятельную рабочую

---

[3] *Nouailhat Y.-H.* Evolution économique des Etats-Unis du milieu du XIXe siècle a 1914. P., 1982. p. 101—102.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 91.
[5] Historical Statistics of the United States, p. 105—106.
[6] Social Problems in Corporate America / Ed. by H. I. Safa, G. Levitas. N. Y., 1975, p. 170.
[7] *Jones P.* American Wealth. N. Y., 1963, p. 145.

силу, затраты на подготовку которой были оплачены ранее другими народами. Именно европейская иммиграция, указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, сделала возможным быстрое развитие североамериканского земледелия и позволила Соединенным Штатам энергичнейшим образом и в огромных размерах развернуть промышленность [8].

Одним из существенных факторов быстрого экономического роста стала также внутренняя миграция американского населения. Молодежь тянулась в городские центры, здесь оседало и большинство иммигрантов. В Бирмингем, Атланту, Мемфис перебирались из сельской местности негритянские семьи — черная работа в тяжелой индустрии не требовала особого умения. Если в 1850 г. в США в шести крупных городах (по 100 тыс. и более) жило 5% населения, то в 1900 г. уже в 38 таких городах проживало 18,8% населения страны [9]. «По всему Востоку, Среднему Западу и Западу разрастались американские крупные города, все более разбухающие от приливных волн нового населения»,— констатировал американский историк Тифорд [10]. Население 20 наиболее крупных городов с 1870 по 1900 г. выросло на 286% — миллионы жителей переселялись в них с американских ферм и из европейских стран. В Чикаго с 1860 по 1890 г. каждые 10 лет население удваивалось. «За три десятилетия исключительно быстрого роста — с 1870 по 1900 г., когда население Кливленда увеличилось в 4 раза, в городе высокого развития достигла и чугуно- и сталелитейная промышленность»,— писал другой исследователь США, Дж. Ингхэм [11].

В среднем городское население в это время удваивалось каждые 20 лет. Такой рост крупных городов стал «новейшей динамичной силой американской цивилизации бизнеса... Конец XIX в. был периодом чрезвычайно масштабного роста городов: миллионы американцев переселялись в городские районы. В этот великий век урбанизации фабрики произрастали между ферм и арена труда смещалась с полей и пастбищ в цеха и конторы. Городская Америка сооружала дома, возводила конторские башни, одну милю за другой покрывала мостовыми улицы, милю за милей наращивала сеть канализации» [12].

Промышленность США была хорошо защищена от конкуренции импортных, главным образом английских, товаров высокими заградительными пошлинами. Например, в конце XIX в. уровень импортных пошлин достигал $^{3}/_{5}$ стоимости ввозимых промышленных товаров. Такая таможенная политика, ограждавшая американскую промышленность от иностранной конкуренции, способствовала повышению цен внутри страны и росту капиталистической прибыли.

Таможенные барьеры возводились наряду с привлечением иностранных капиталов, которые в погоне за более высокой нормой прибыли широким потоком направлялись в США. Промышленность и транспорт в США развивались в немалой степени за счет иностранных капиталовложений. К началу XX в. иностранные инвестиции в США (преимущест-

---

[8] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 304.
[9] *Hacker L. M.* The Course of American Economic Growth and Development. N. Y., 1970, p. 241.
[10] *Teaford J. C.* Op. cit., p. 32.
[11] *Ingham J. N.* The Iron Barons. A Social Analysis of an American Urban Elite, 1874—1965. Westport (Conn.), 1978, p. 52.
[12] *Teaford J. C.* Op. cit., p. 4, 5, 32.

венно из Англии) достигали 3,4 млрд. долл., тогда как американские зарубежные капиталовложения не превышали 685 млн. долл.

Американские капиталисты активно выходили на мировой рынок в качестве экспортеров товаров. Уже с 1874 г. экспорт США превышал импорт. В вывозе доля продукции промышленности становилась все большей. «Промышленные корпорации,— отмечал П. Джоунс,— защищенные высокими тарифами, начинают реорганизовываться в целях захвата внешних рынков путем создания заграничных филиалов с собственной системой сбыта и штаб-квартирами в других странах» [13]. Выгодным для американской экономики было также то, что Соединенные Штаты находились на значительном удалении от своих главных конкурентов, однако по соседству с экономически слабыми государствами Латинской Америки [14].

Хотя общий рост объема международных экономических связей США вплоть до первой мировой войны был незначительным, а внешняя торговля играла несравнимо меньшую роль, чем в экономике других стран, индустриализация, происшедшая в США, оказала заметное влияние на структуру их международных хозяйственных связей. Американский экспорт в 60—90-х годах почти утроился ввиду роста эффективности в промышленности и повышения конкурентоспособности американских товаров. Вместе с тем увеличение потребностей растущей промышленности в сырье вызвало расширение импорта с 1860 по 1900 г. примерно вдвое. Аппетиты американских как экспортеров товаров, так и импортеров сырья в рассматриваемый период неуклонно возрастали.

Под воздействием упомянутых факторов и ряда других (образование, наука и т. п.) в США произошли настолько существенные сдвиги, что они превратились в индустриально-аграрную державу. Темпы развития промышленности все более опережали там рост сельскохозяйственного производства. По данным переписи 1890 г., преобладающей в стране стала промышленность, а к 1900 г. стоимость ее продукции уже втрое превышала стоимость продукции сельского хозяйства. Национальное богатство Соединенных Штатов возросло с 20,8 млрд. в 1865 г. до 88,8 млрд. долл. в 1900 г., прежде всего за счет роста промышленности.

Число занятых в экономике к 1900 г. достигло 30 млн., главным образом в связи с расширением обрабатывающих отраслей промышленности и сферы обслуживания, в которых трудились около $^2/_3$ всех занятых по сравнению примерно с 50% в 1870 г.[15] Вытесняя Англию, Соединенные Штаты выдвигались на первое место в мире по все возрастающему числу показателей.

В рассматриваемый период в стране стало еще разительнее проявляться неравенство в распределении имущества и доходов. В 1900 г. всего лишь 2% семей принадлежало более $^1/_3$ всех богатств, а 10% семей владели почти $^3/_4$ всего национального достояния страны [16]. Имущественное неравенство было не менее ощутимым в сельском хозяйстве,

---

[13] *Jones P.* Op. cit., p. 170.

[14] *Foreman-Peck J.* A History of the World Economy: International Economic Relations since 1850. Brighton, 1983, p. 203—204.

[15] Число занятых (gainful workers) выросло с 12 925 тыс. (1870) до 29 073 тыс. в 1900 г. См.: Historical Statistics of the United States, p. 134.

[16] *Brownlee W. E.* Dynamics of Ascent: A History of the American Economy. N. Y., 1974, p. 214.

где в особенно тяжелом положении находились негры (60% всех работавших по найму негров в 1890 г. были заняты на фермах)[17].

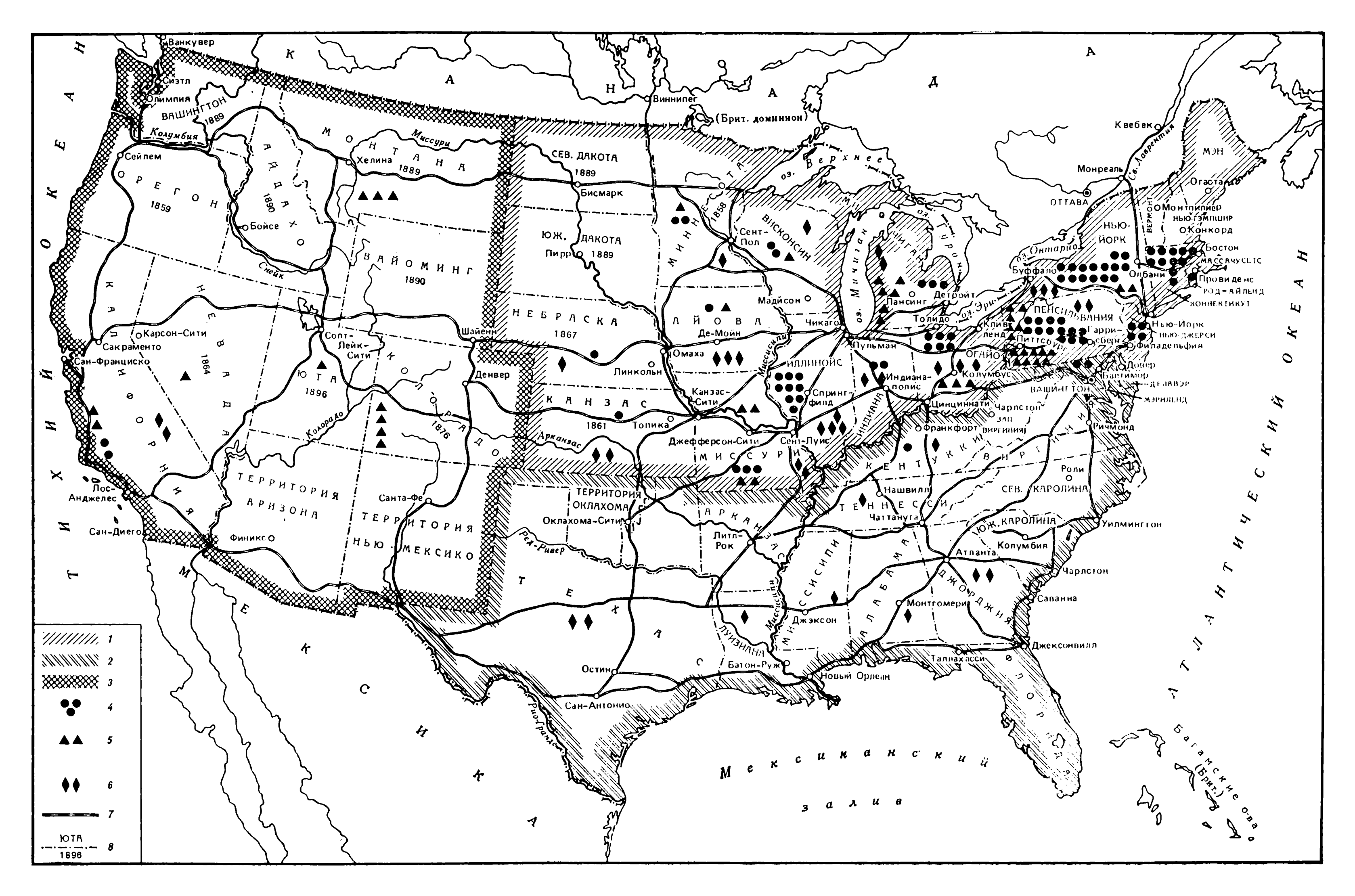
Экономическое развитие страны в последней трети XIX столетия характеризовали не только повышение общих параметров экономики, но и глубокие структурные изменения, появление и развертывание новых отраслей промышленности: электроэнергетической, нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, химической, автомобилестроительной. Совершенствование важнейших отраслей экономики происходило в тесной внутренней взаимозависимости. На общем фоне бурно прогрессировавших новых отраслей индустрии показатели роста тяжелой промышленности стихийно опережали темпы и масштабы развития легкой.

Наиболее бурно увеличивались выработка электроэнергии, производство химической продукции, добыча и переработка нефти. Стремительно продвигалась вперед такая новая отрасль машиностроения, как выпуск автомобилей. Сконструировав первый автомобиль в 1892 г., Генри Форд в 1900 г. уже перешел к массовому производству и выпускал ежегодно свыше 4 тыс. автомобилей. Процесс индустриализации был тесно связан не только с техническим прогрессом, но и с повышением роли организации труда на промышленных предприятиях. В текстильной и машиностроительной, сталелитейной и электротехнической, автомобилестроительной отраслях стали применяться методы научного управления.

В традиционных отраслях индустрии продолжался значительный подъем, хотя темпы роста в угольной, металлургической, текстильной начали замедляться. Структурные изменения выражались, в частности, в резком увеличении доли сталелитейной промышленности в рамках черной металлургии. Из десятилетия в десятилетие возрастала добыча железной руды, в том числе за счет разработки залежей в новых районах (у Великих озер). Механизация работ на шахтах резко подняла добычу угля. По выплавке чугуна, стали и добыче угля США уже в середине 90-х годов обогнали Англию, индустрия которой считалась наиболее развитой. Рост прозводства в металлургии, металлообработке, угольной и нефтяной промышленности поддерживался спросом на металл, топливо и машины ввиду происходившего в невиданных масштабах железнодорожного строительства.

При федеральной поддержке кредитами и в форме земельных пожалований железнодорожные компании развернули энергичное строительство. К XX в. железные дороги связали между собой все штаты, а между Тихоокеанским побережьем и Атлантическим пролегли четыре рельсовые магистрали. Эти трансконтинентальные железные дороги, соединившие восточные регионы страны с Тихоокеанским побережьем, обусловили быстрое вовлечение в экономический оборот продукции Дальнего Запада. Строительство Северной тихоокеанской железной дороги (1883), Великой северной (1893), Южно-тихоокеанской (1883), связавшей Новый Орлеан с Лос-Анджелесом, способствовало завершению формирования внутреннего рынка Соединенных Штатов. К 1893 г. протяженность железных дорог в США составила 176 500 миль. Иностранные капиталовложения в железные дороги США достигали четверти, а то и трети их общей стоимости[18].

[17] *Shover J. L.* First Majority — Last Minority. The Transforming of Rural Life in America. DeKalb (Ill.). 1976. p. 8.
[18] *Faulkner H. U.* The Decline of Laissez Faire, 1897—1917. N. Y., 1951, p. 191.



Тихий океан
Атлантический океан
Канада
(Брит. доминион)
Мексика
Мексиканский залив
Багамские о-ва (Брит.)
Ванкувер
Сиэтл
Олимпия
Вашингтон 1889
Колумбия
Сейлем
Орегон 1859
Айдахо 1890
Бойсе
Снейк
Монтана 1889
Миссури
Хелина
Вайоминг 1890
Шайенн
Калифорния
Сакраменто
Сан-Франциско
Карсон-Сити
Невада 1864
Юта 1896
Солт-Лейк-Сити
Колорадо 1876
Денвер
Колорадо
Лос-Анджелес
Сан-Диего
Территория Аризона
Финикс
Территория Нью-Мексико
Санта-Фе
Сев. Дакота 1889
Бисмарк
Юж. Дакота 1889
Пирр
Небраска 1867
Линкольн
Омаха
Канзас 1861
Топика
Канзас-Сити
Арканзас
Территория Оклахома
Оклахома-Сити
Ред-Ривер
Техас
Остин
Сан-Антонио
Рио-Гранде
Виннипег
Миннесота 1858
Сент-Пол
Висконсин
Мадисон
Айова
Де-Мойн
Миссисипи
Миссури
Джефферсон-Сити
Сент-Луис
Иллинойс
Спрингфилд
Чикаго
Пульман
оз. Верхнее
оз. Мичиган
оз. Гурон
оз. Эри
оз. Онтарио
Мичиган
Лансинг
Детройт
Толидо
Индиана
Индианаполис
Огайо
Кливленд
Колумбус
Цинциннати
Кентукки
Франкфорт
Теннесси
Нашвилл
Чаттануга
Арканзас
Литл-Рок
Миссисипи
Джэксон
Луизиана
Батон-Руж
Новый Орлеан
Алабама
Монтгомери
Джорджия
Атланта
Флорида
Таллахасси
Джексонвилл
Саванна
Чарлстон
Юж. Каролина
Колумбия
Сев. Каролина
Роли
Уилмингтон
Виргиния
Ричмонд
Чарлстон
Зап. Виргиния
Вашингтон
Балтимор
Делавэр
Мэриленд
Довер
Филадельфия
Пенсильвания
Питтсбург
Гаррисберг
Нью-Джерси
Нью-Йорк
Нью-Йорк
Буффало
Олбани
Коннектикут
Род-Айленд
Провиденс
Массачусетс
Бостон
Конкорд
Нью-Гэмпшир
Монтпилиер
Вермонт
Огаста
Мэн
Квебек
Монреаль
Оттава
Св. Лаврентия
1
2
3
4
5
6
7
Юта
1896
8

Быстро внедрялись на железных дорогах технические новшества: к 1890 г. на 80% всех путей железные рельсы были заменены стальными, возросла скорость движения — с 25 до 65 миль в час. Железные дороги сильно потеснили остальные виды транспорта и превратились в фактор многих важных структурных изменений в экономике. Сооружение железных дорог способствовало специализации как промышленности, так и сельского хозяйства, повышению мобильности рабочей силы и капитала, снижению издержек производства и росту производительности труда, процессу урбанизации, а также упрочению позиций американского сельского хозяйства на мировых рынках.

Новые пути сообщения создали крупный рынок сбыта для черной металлургии. В свою очередь, расширение производства в металлургической промышленности повлекло ускоренное развитие добывающей и обрабатывающей отраслей промышленности. В конце XIX в. в быстром увеличении продукции отраслей легкой промышленности большую роль сыграли новые технические и организационные подходы, стандартизация изготовления одежды, обуви, продовольственных товаров, лекарств и т. п. Необходимость повышения квалификации рабочей силы дала толчок возникновению и расширению сети общеобразовательных и профессиональных школ. Доля валового национального продукта США, затрачиваемая на нужды образования, несмотря на мизерные размеры, все же более чем удвоилась в последней трети XIX в., составив к началу XX в. 2,9%.

По мере развития экономики обострялось противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением его результатов. Это неизбежно приводило к кризисным экономическим потрясениям. Одним из крупнейших был биржевой крах 1873 г. В основе биржевой паники и последовавшего за ней затяжного экономического кризиса лежали финансово-экономические проблемы, возникшие в ключевых отраслях экономики: железнодорожном транспорте, сельском хозяйстве, банковском деле. Этот кризис продолжался вплоть до 1878 г., сопровождаясь возраставшим числом банковских крахов: в 1873 г. их было 41, в 1877 г. — 89, в 1878 г.— 140. За этот период промышленное производство упало на 32%, обанкротились 10,5 тыс. корпораций с активами около 250 млн. долл.[19]

После кризиса 1873—1878 гг. в США наступила 5-летняя депрессия. Сменившие ее оживление и подъем продолжались недолго. Очередной кризис перепроизводства не замедлил разразиться в 1882—1885 гг. Паника возникла после банкротства фирмы «Грант энд Уорд» и связанного с ней «Мэрин бэнк». В числе компаньонов фирмы были бывший прези-

[19] *Sobel R.* Panic on Wall Street. A History of America's Financial Disasters. N. Y., 1968, p. 192.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

1 — границы промышленного Севера; *2* — бывшего рабовладельческого Юга; *3* — колонизуемого Запада; *4* — продукция всей промышленности в штате (каждый значок соответствует стоимости в 100 млн. долл.) в 1890 г.; *5* — продукция горной промышленности в штате (каждый значок соответствует стоимости в 10 млн. долл.) в 1890 г.; *6* — продукция сельского хозяйства в штате (каждый значок соответствует стоимости в 50 млн. долл.) в 1890 г.; *7* — железные дороги, построенные к 1890 г.; *8* — границы и названия штатов и территорий с указанием дат вступления штата в Союз в 1851—1900 гг.

дент США У. Грант, именем и репутацией которого воспользовалась в своих целях группа биржевых спекулянтов. Одним из последствий конкурентной борьбы магнатов капитала в условиях кризиса явилось признание Дж. П. Моргана крупнейшим банкиром на Уолл-стрит и лидером американского финансового мира.

Кризис 1893—1897 гг. был одним из наиболее глубоких экономических потрясений в американской истории. Начался он с финансовой паники. В 1890 г. конгресс США принял закон Шермана, разрешивший эмиссию казначейских билетов для закупки ежегодно определенного количества серебра, и закон Маккинли, вводивший новый высокий таможенный тариф. Вывоз золота за границу и вытеснение его из обращения на американском внутреннем рынке привели к резкому сокращению золотого запаса в США. В мае 1893 г. его размеры упали ниже официально установленного минимума в 100 млн. долл. Уолл-стрит охватила паника. Волна банкротств продолжалась, даже несмотря на отмену этого закона и снижение тарифа в августе 1893 г.

Не улучшили положение и эмиссии государственных займов, так как они размещались на рынке за счет погашения ранее выпущенных облигаций. Кризис глубоко потряс промышленные, торговые и банковские предприятия страны [20]. В ряде важнейших отраслей промышленности — черной металлургии, судостроении, паровозо- и вагоностроении — бездействовали половина — две трети оборудования. Добыча угля и нефти упала на 6—11%, выплавка стали — на 18%. Президент США Кливленд был вынужден апеллировать к конгрессу, что, однако, не принесло ощутимых результатов. Не дал эффекта и «золотой дождь» из Англии, откуда было ввезено золота на 54 млн. долл. Только в 1897 г. промышленность США снова вошла в полосу подъема.

Таким образом, серьезными кризисными потрясениями отмечен весь период расцвета промышленного капитализма на стадии перерастания его в монополистический. Последние десятилетия XIX в. обнажили ряд типичных черт кризисного развития капиталистической экономики. В США «наиболее ужасающими и драматичными аспектами депрессий 1873, 1883 и 1893 гг. было сочетание биржевого краха с банковским и валютным кризисами» [21]. Неурядицы начинались со стремительного падения биржевых курсов и сопровождались банкротствами нескольких банков. Положение осложнялось также тем, что после краха на бирже наблюдались длительные периоды кризисного спада производства и деловой активности. Эти периоды стагнации бизнеса продолжались в течение 4—5 лет: 1873—1878 гг., 1882—1885 гг,, 1893—1897 гг. Между тем промежуточные периоды оживления оказывались гораздо короче, чем прежде.

2. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Важными явлениями исторического процесса в США стали ликвидация рабовладельческих латифундий в южных штатах страны и осуществление закона о даровой раздаче западных земель — гомстед-акта. Фактически это означало победу фермерского, американского пути развития капи-

[20] *White G. T.* The United States and the Problem of Recovery After 1893. Alabama, 1982, p. 105—106.

[21] *Primack M. L., Willis J. F.* An Economic History of the United States. Menlo Park (Cal.), 1980, p. 207—208.

тализма в сельском хозяйстве, причем не в узкорегиональном, а уже в общенациональном масштабе. Преимущества этого пути получили конкретное проявление в течение последних десятилетий XIX в.

Показателен рост площади обрабатываемых земель. В США за 1870—1900 гг. она увеличилась со 189 млн. до 415 млн. акров, т. е. в 2,2 раза, а в основном районе раздачи гомстедов — на Среднем Западе, где за это время было роздано около 300 тыс. участков, распашка земель возросла в 3 раза (с 78,4 млн. до 222,3 млн. акров) [22].

Производительность и интенсивность труда в сельском хозяйстве пошли на подъем. Этому в немалой степени способствовало применение новых сельскохозяйственных машин и искусственных удобрений. Стоимость применявшихся фермерами машин и орудий увеличилась более чем в 3 раза, что является важным показателем развития капитализма в американском земледелии.

За тот же период число американцев, занятых производительным трудом в земледелии, возросло с 6,2 млн. до 10,4 млн., а общее число фермерских хозяйств — с 2 млн. до 5,7 млн., валовая продукция основных зерновых культур США — пшеницы и кукурузы — увеличилась соответственно в 3,5 и 3 раза, хлопка — более чем в 2,5 раза, поголовье скота (с 1867 по 1900 г.) возросло в 2 раза [23] и т. д. Такие темпы роста сельскохозяйственного производства позволили Соединенным Штатам в короткий срок стать одним из основных поставщиков хлеба и мяса на мировом рынке. В последней трети XIX в. только сбыт пшеницы принес экспортерам США свыше 3 млрд. долл. чистого дохода [24].

Различные формы проникновения капитала в земледелие (в виде применения машин, найма рабочей силы, затрат на удобрение и пр.) способствовали техническому прогрессу и буржуазной эволюции сельского хозяйства США [25]. В целом по стране ежегодные расходы на наем сельскохозяйственных рабочих за последнюю треть XIX в. выросли на 47 млн. долл., а ежегодные затраты на машины и оборудование для сельского хозяйства — на 424,4 млн. долл.[26]

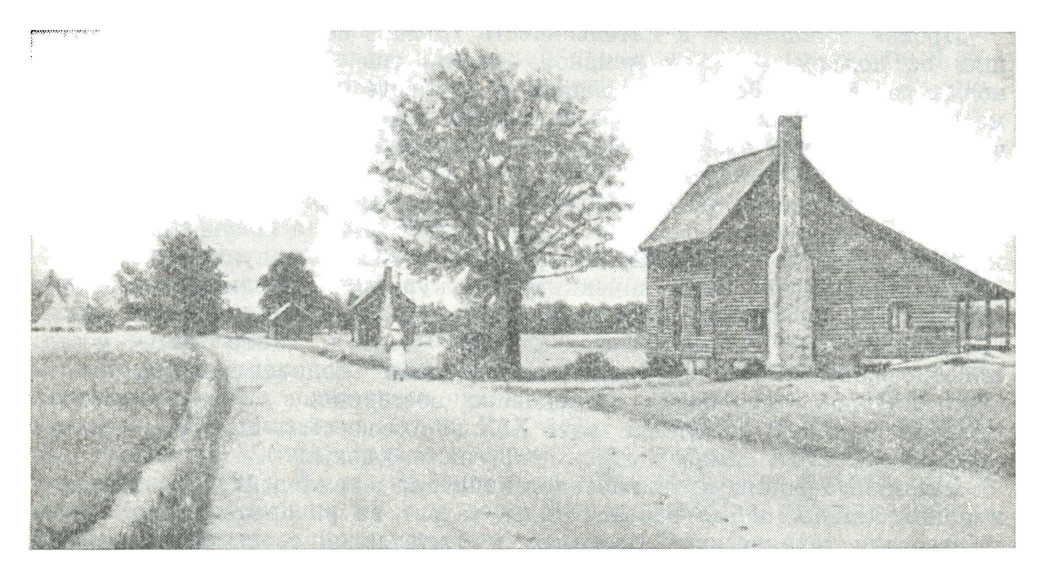
На Юге страны буржуазная эволюция сельского хозяйства, завершившаяся ранее в северных и западных районах, проходила в ином плане. Здесь капиталистическая концентрация производства в руках крупных владельцев протекала значительно медленнее, чем в северо-восточных и западных штатах. В этом сыграли роль весьма укоренившиеся элементы экстенсивного (тип β) развития в районах Юга, обычно именуемых «черным поясом» [27].

Отсутствие земли и орудий труда у значительных слоев сельскохозяйственного населения Юга привело к возникновению в этом районе своеобразной формы арендных отношений — кропперства. Кропперами были черные или белые арендаторы-бедняки, уплачивавшие за аренду

---

[22] United States Department of Commerce, Bureau of Census. Twelfth Census of the United States, 1900. Wash., 1902, vol. 5, pt 1, p. 692, 693.
[23] Historical Statistics of the United States, p. 134, 457, 520, 512, 517—518.
[24] Ibid., p. 898—899.
[25] *Fite G. C.* American Farmers: The New Minority.— Bloomington, 1981, p. 9—10.
[26] Twelfth Census of the United States, 1900, vol. 5, pt 1, p. 698.
[27] *Куропятник Г. П.* О пути развития капитализма в земледелии США в домонополистическую эпоху.— Новая и новейшая история, 1958, № 4, с. 47—50; *Он же.* Фермерское движение в США: От грейнджеров к Народной партии, 1867—1896. М., 1971, с. 49, 74.

земли, сельскохозяйственных орудий, рабочего скота и семян половину и более собранного урожая. Наличие на Юге значительного числа (374 тыс. в 1880 г.) полуфеодальных или, что то же в экономическом отношении, полурабских издольщиков тормозило развитие производительных сил и препятствовало быстрому проникновению капитала. Негров и белых бедняков, лишенных земли и орудий труда, беспощадно эксплуатировали крупные землевладельцы-латифундисты.



ДОМА ИЗДОЛЬЩИКОВ-НЕГРОВ НА ЮГЕ

В том же регионе широкое распространение получила также система долгового рабства — пеонат. Несостоятельный должник-арендатор принуждался кредитором-плантатором или скупщиком сельскохозяйственных товаров работать только в счет оплаты долга. В сети пеоната, как правило, попадали вчерашние негры-рабы.

Развитие капитализма в земледелии усиливало процесс классового расслоения среди фермерства. Доля сельскохозяйственных рабочих в общем числе лиц, занятых производительным трудом в земледелии, возросла за последнее десятилетие XIX в. на 6%, в то время как доля самостоятельных, экономически независимых фермеров и доля всех фермеров снизились соответственно на 3 и 6%. Эти данные обнаруживают тенденции, с одной стороны, к пропорциональному росту применения наемного труда, а с другой — к отставанию роста числа самостоятельных фермеров от роста всех лиц, занятых в сельском хозяйстве. Если же рассмотреть аналогичные данные для отдельных районов страны, то обнаружится, что в наиболее капиталистически развитом районе США — на Северо-Востоке — эта тенденция начинала действовать с такой силой, что уже в конце XIX в. там наблюдалось не только пропорциональное, но и абсолютное уменьшение числа экономически независимых фермеров [28].

[28] United States Department of Commerce, Bureau of Census, Thirteenth Census of the United States, 1910. Wash., 1913, vol. 5, p. 159.

Пропорциональное и начавшееся в отдельных районах абсолютное уменьшение числа самостоятельных фермеров одновременно с ростом числа арендаторов в общем и целом свидетельствовало о разорении и вытеснении мелких землевладельцев, их растущей экспроприации — 1 млн. в 1890 г. и 1,3 млн. в 1900 г., т. е. увеличение на 24,5%. «...Рост числа заложенных ферм,— подчеркивал В. И. Ленин,— во всяком случае означает фактический переход власти над ними в руки капитала» [29].

В США в 1890 г. из 8,6 млн. лиц, занятых производительным трудом в сельском хозяйстве, лишь 2,2 млн. были самостоятельными, независимыми хозяевами, что составляло около 25%. Остальные — арендаторы, безземельные и заложившие свою землю фермеры, сельскохозяйственные рабочие — в той или иной форме находились в зависимом положении от капиталистов, землевладельцев, банкиров и самих капиталистических фермеров. Из насчитывавшихся всего 5,3 млн. фермеров 3,2 млн. (58%) являлись безземельными или заложившими свою землю фермерами и арендаторами. За последнее десятилетие XIX в. число более или менее преуспевающих самостоятельных фермеров выросло всего на 190 тыс., а число зависимых, угнетенных и безземельных — более чем на 1 млн.!

К концу рассматриваемого периода в США насчитывалось 5,8 млн. фермерских хозяйств. Из них 2,1 млн. обрабатывались арендаторами, т. е. людьми, которым эти фермы не принадлежали. Считалось, что остальные 3,7 млн. ферм находились в руках собственников. На самом деле полноправными собственниками из них являлись лишь около 2,4 млн., а у 1,3 млн. фермеров (23%) земля ускользала из рук, так как была заложена в банках и страховых компаниях.

Огромный рост аренды (2,1 млн. арендаторов) и залога ферм (1,3 млн.), наблюдавшийся в конце XIX в., отражал «в сущности один и тот же процесс, а именно: *процесс отделения сельского хозяина от земли*» [30], процесс экспроприации миллионов производителей от средств производства. В 1900 г. только 2,4 млн. фермерских хозяйств являлись формально независимыми от банковского и ростовщического капитала и земельных монополистов. Из них около 1 млн. являлись капиталистическими фермами, дававшими более половины (52%) земледельческого производства США и эксплуатировавшими более $^{2}/_{3}$ сельскохозяйственных рабочих страны [31].

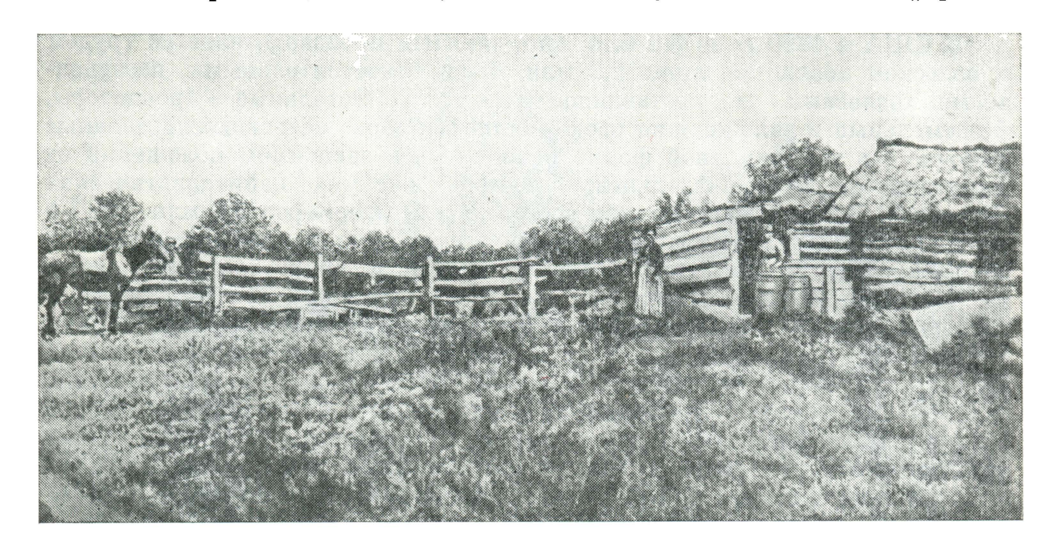
Таким образом, при вступлении США в монополистическую стадию развития почти $^{3}/_{5}$ (58%) фермеров оказались, по данным официальной статистики, в зависимости от финансового капитала, постепенно устанавливавшего монополию на огромные земельные площади и эксплуатировавшего всех фермеров-собственников и арендаторов через монопольно высокие цены, налоги и торгово-посредническую сеть. Сельскохозяйственные переписи того времени не дают возможности установить число всех возникавших и всех исчезавших, обанкротившихся ферм в течение изучаемого периода. «Вопрос об экспроприации мелких земледельцев имеет громадную важность для понимания и оценки капитализма в земледелии вообще,— подчеркивал В. И. Ленин в классическом анализе

---

[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 216.
[30] Там же, т. 4, с. 107.
[31] Twelfth Census of the United States, 1900, vol. 5, pt 1, plate 9.

развития капитализма в земледелии США в 1900—1910 гг.— И крайне характерно для современной, насквозь пропитанной буржуазными взглядами и предрассудками, политической экономии и статистики, что именно этот вопрос не разрабатывается почти совсем или разрабатывается наименее тщательно» [32].

Переписи США, проводившиеся в те времена раз в 10 лет, содержат лишь стандартные данные об увеличении или уменьшении числа ферм за



ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ ФЕРМ, СОЗДАННАЯ НА ОСНОВЕ ЗАКОНА О ГОМСТЕДАХ 1862 Г. (ШТАТ НЕБРАСКА)

данный период, поэтому, особенно в случае увеличения числа ферм, которое наблюдалось в рассматриваемые годы, процесс экспроприации остается замаскированным цифрой роста общего числа всех ферм и в полной мере выразить его статистически не представляется возможным.

Осветить процесс массовой экспроприации мелких производителей в США в последней трети XIX в. может помочь анализ данных о фермах, возникших на основе гомстед-акта. Если сопоставить число поселенцев, получивших гомстеды на протяжении исследуемого периода, с числом фактически сохранившихся гомстедов к концу XIX в., то станет ясно, что за короткий исторический срок — на протяжении жизни одного поколения — сотни тысяч тружеников полей были безжалостно раздавлены капиталистическим молохом Америки.

Из 1 423 808 гомстедов, полученных в 1863—1900 гг., сохранилось лишь 600 тыс.[33] Около 800 тыс. поселенцев, отдав плоды упорного, возможно многолетнего, труда всепоглощающему капиталу, вынуждены были в конце концов отдать ему и свой гомстед.

Но число ферм, возникавших по гомстед-акту и находившихся поэтому в более благоприятном положении, составляло, по подсчетам исследова-

[32] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 208.
[33] Public Lands Commission, Report, 1905. Senate Document N 189, 58th Congress, 3rd Session. Wash., 1905, p. 175.

телей[34], лишь незначительную долю — около 1/6 общего числа фермерских хозяйств, образовавшихся в этот период главным образом вследствие покупки земельных участков как из фонда государственных земель, так и у крупных землевладельцев (железных дорог, горнорудных компаний, земельных спекулянтов, отсутствующих лендлордов и др.) или путем аренды.

Многие из необходимых сведений до сих пор скрыты в архивах железнодорожных корпораций, банков, земельных, страховых и других капиталистических компаний. Но даже имеющиеся данные официальной статистики об экспроприации 800 тыс. гомстедеров, о пропорциональном, а в некоторых районах и абсолютном уменьшении числа фермеров-собственников, увеличении числа арендованных и заложенных ферм, росте сельскохозяйственного пролетариата с несомненностью показывают, что капиталистический прогресс сельского хозяйства США в последних десятилетиях XIX в. сопровождался экспроприацией огромной массы фермеров.

3. КОНЦЕНТРАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА И КАПИТАЛА

Бурному развитию американской экономики в конце XIX в. сопутствовали интенсивные процессы концентрации и централизации производства и капитала и возникновение и развитие на этой основе монополистических объединений в промышленности, усиление роли банков и банковского капитала.

История возникновения крупных капиталистических объединений зафиксировала многочисленные проявления острой конкурентной борьбы не на жизнь, а на смерть, в том числе шантажа, подкупа, похищений, уничтожения материальных ценностей конкурентов, вплоть до убийств. Именно с помощью таких средств и укрепился знаменитый нефтяной трест Рокфеллера. Уже к 80-м годам под эгидой «Стандард ойл» находилось около 90% всех нефтеочистительных предприятий страны. В это время на экономической арене появляются компании Карнеги, Дюпона, Рокфеллера, Вандербилта и др. Чарлз Флинт (1850—1934) — «отец трестов» — организовал несколько промышленных объединений, включая «Ю. С. Раббер компани».

Эндрю Карнеги (1835—1919), прибывший в США из Шотландии, нажил огромные прибыли, используя преимущества, открывшиеся при слиянии сталелитейного дела с железнодорожным бизнесом. Сосредоточив в своих руках бразды правления заводами и магистралями, он добился резкого снижения стоимости продукции. Договорившись с Генри Фликом, который владел залежами коксующегося угля в Западной Пенсильвании, Карнеги стал совладельцем железорудных разработок у оз. Верхнее и даже купил специальную флотилию транспортных судов для переброски руды по Великим озерам в порты оз. Эри[35]. В то время как с 1870 по 1900 г. выплавка стали в США возросла почти в 150 раз, число сталелитейных предприятий уменьшилось почти на четверть. В результате концентрации производства в сталелитейной отрасли выпуск и

[34] *Shannon F. A.* The Farmer's Last Frontier. Agriculture, 1860—1897. N. Y., 1945, p. 51; *Болховитинов Н. Н.* О роли «подвижной границы» в истории США.— Вопр. истории, 1962, № 9, с. 64—65.
[35] *Foreman-Peck J.* Op. cit., p. 211.

прибыли росли еще быстрее, чем капиталовложения. В 1870 г. здесь получали 60 ф. металла на каждый вложенный доллар, а в 1900 г.— 112 ф.[36] Концентрация производства особенно усилилась в последнем десятилетии XIX в. Если с 1860 по 1890 г. образовались 24 промышленных объединения с капиталом 436 млн. долл., то за последующие 10 лет возникло 175 новых трестов с капиталом 3150 млн. долл.[37] К концу XIX в. доля индустриальной продукции, выработанной крупными предприятиями, достигла 67% всего промышленного производства страны. Особенно выделялись нефтяной трест Рокфеллера «Стандард ойл оф Нью-Джерси», стальная компания Карнеги, сахарная монополия «Америкэн шугар рифайнинг компани», электротехнический трест «Дженерал электрик», разветвленная табачная монополия «Консолидейтед тобэкко», медеплавильный гигант «Амалгамейтед коппер» и др. Монополистические объединения, концентрируя материальные и финансовые ресурсы, научно-технический потенциал, получили возможность извлекать максимальные прибыли.

«Антитрестовский» закон Шермана, принятый в 1890 г., не затормозил роста монополий, менялась лишь форма их организации. Участники картелей заключали соглашения о регулировании объемов производства, условий сбыта, найма рабочей силы, сохраняя коммерческую и производственную самостоятельность; синдикаты обеспечивали централизованную реализацию произведенной продукции, лишая участников коммерческой самостоятельности; поглощенные трестами предприятия теряли не только коммерческую, но и производственную, а зачастую и юридическую самостоятельность.

Процесс образования и развития крупных промышленных корпораций сопровождался централизацией банковского капитала.

Банки Рокфеллера, Моргана, «Кун, Леб энд компани», Меллона и другие крупные банки и страховые компании США обеспечивали финансирование различных промышленных и торговых предприятий. Например, директора рокфеллеровского банка одновременно возглавляли ряд крупных промышленных и торговых корпораций США.

Сращивание банковского капитала с промышленным вело к появлению финансовой олигархии, стремившейся подчинить себе экономические и политические учреждения американского буржуазного общества. Финансовая олигархия управляла денежным и товарным рынком США и оказывала влияние на политику правительства, выдвигая нужных ей людей на посты сенаторов, послов, министров и президентов.

Итак, на базе процессов концентрации и централизации производства и капитала, развернувшихся в последней четверти XIX столетия, в США происходит образование капиталистических монополий, захватывающих наиболее важные, ключевые рубежи в основных отраслях экономики страны. Вышедшие на передовые позиции в капиталистическом мире, Соединенные Штаты явились одной из первых держав, вступивших в стадию монополистического капитализма. «Американские тресты,— подчеркивал В. И. Ленин,— есть высшее выражение экономики империализма или монополистического капитализма»[38].

---

[36] *Livesay H. C.* Andrew Carnegie and the Rise of Big Business. Boston, 1975, p. 155.
[37] *Зубок Л. И.* Очерки истории США (1877—1918). М., 1956, с. 207.
[38] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 94.

Глава вторая
ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС

1. ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Новые черты и тенденции в развитии буржуазного общества не замедлили сказаться на политической жизни страны с началом перерастания капитализма свободной конкуренции в монополистический. В прошлом остались острейшие баталии между сторонниками аграрного и промышленного путей развития, сторонниками и противниками рабства. Вместе с ними канула в Лету непримиримая вражда республиканской и демократической партий, составлявшая стержень политической истории США на протяжении 50—70-х годов XIX в.

Содержание политической истории последней четверти столетия определялось уже волей полновластного хозяина страны — крупного промышленного капитала, подчинившего своим интересам обе главные партии. Совпадение классовых целей двух партий означало утверждение самой консервативной в истории США двухпартийной системы. Господство гнетущего единообразия в деятельности республиканцев и демократов затянулось и дало трещину лишь на рубеже XIX—XX столетия.

Своего рода «запевом» нового периода в истории буржуазных партий, да и политики в целом, стали президентские выборы 1876 г. и последовавшая вслед за ними беспринципная сделка между партиями, которую буржуазные историки предпочитают деликатно именовать «компромиссом 1877 года». Он-то и знаменовал стирание существенных различий внутри двухпартийной системы.

Сделка 1877 г.— яркий образец политической коррупции в истории США. На президентских выборах 1876 г. в ходе соперничества между республиканцем Р. Хейсом и демократом С. Дж. Тилденом чаша весов склонилась в пользу последнего. Он собрал на 250 тыс. голосов избирателей больше, чем Хейс. Когда стали подсчитывать голоса выборщиков, выяснилось, что от четырех штатов — Флорида, Луизиана, Южная Каролина и Орегон — поступили противоречивые, сомнительные сведения. Без учета выборщиков от этих штатов у Тилдена было 184 голоса, у Хейса — 165. Кандидату от демократов, чтобы стать президентом, достаточно было получить один из оставшихся 20 голосов выборщиков, т. е. его устраивал благоприятный исход выборов в любом из четырех штатов. Хейсу же для победы нужна была поддержка всех без исключения выборщиков от Флориды, Луизианы, Южной Каролины и Орегона.

Не вызывало сомнений, что в трех южных штатах (Луизиана, Южная Каролина, Флорида), где еще сохранялась Реконструкция, а республиканцы полностью контролировали избирательную процедуру и счетные комиссии, итоги выборов были подтасованы в их пользу. Так, в Луизиане счетные комиссии, состоявшие из республиканцев, объявили недействительными 13 500 голосов, поданных за демократов, в результате чего

Хейсу было обеспечено большинство в 4 тыс. избирателей и поддержка всех выборщиков [1].

Разобраться во всех нарушениях избирательной процедуры предстояло специальной комиссии, включавшей по пяти представителей от сената, палаты представителей и Верховного суда США. В феврале 1877 г. комиссия пришла к решению «не ворошить результаты выборов» и объявила о победе во всех четырех штатах республиканца Хейса. 3 марта 1877 г. он был приведен к присяге в качестве президента США.

Решению комиссии как раз и предшествовал сговор («компромисс») лидеров республиканцев и демократов, в результате которого было решено, что Хейс в награду за президентскую должность без промедления отзовет войска федерального правительства из Флориды, Луизианы, Южной Каролины, где еще не было объявлено об окончании Реконструкции, и передаст контроль над распределением федеральных должностей на Юге демократам, выделит субсидии на развитие там экономики, в частности на строительство железных дорог.

Положить конец Реконструкции попытался бы, конечно, став хозяином Белого дома, и Тилден, но расчет демократов состоял в том, что, как высказался один из их лидеров, «только президент-республиканец мог отдать приказ об отзыве федеральных войск из южных штатов, не вызвав истерии среди сверхпатриотов на Севере» [2]. В течение 1877 г. Хейс выполнил главные требования демократов. Конец Реконструкции подвел черту периоду антагонизма между республиканцами и демократами.

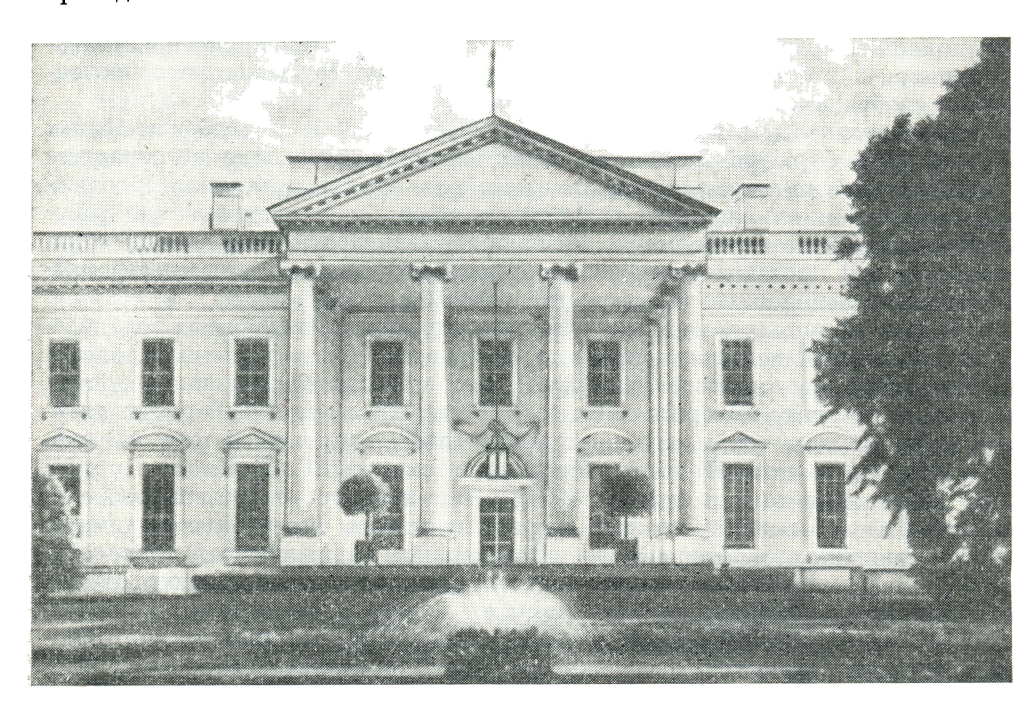
«Компромисс» 1877 г., в результате которого республиканцы выторговали у демократов президентское кресло взамен на обещание прекратить Реконструкцию в южных штатах, являлся закономерным итогом эволюции партии, имевшей еще совсем недавно таких лидеров, как А. Линкольн, Т. Стивенс, Ч. Самнер. В первой половине 70-х годов к руководству в республиканской партии приходят деятели типа Р. Конклинга и Дж. Блейна, цели которых исчерпывались борьбой за федеральные должности. Новые лидеры республиканцев проводили Реконструкцию Юга крайне вяло. Хотя в предвыборную программу партии 1876 г. было включено обещание твердо стоять на страже XIV и XV поправок к конституции, оно, по образному выражению известного американского историка, являлось не более чем «предсмертным криком» радикальных республиканцев [3].

Удержав политическую власть в 1876 г., республиканцы и в последующем сохранили свои позиции. В 1880 г. президентом был избран Дж. Гарфилд. В 1884 г. они уступили президентское кресло демократу Г. Кливленду, но в 1888 г. вернули его (президентом стал Б. Гаррисон). В 1892 г. президентом снова стал Кливленд, но демократы и тогда не смогли удержать власть более чем на один срок. Всего же за 50-летний период от начала гражданской войны республиканцы побеждали на 11 президентских выборах из 13. В этот же период они только дважды, в общей сложности всего на четыре года, уступали большинство в сенате. Учитывая, что платформа республиканцев начиная с 1876 г. мало

[1] *Josephson M.* The Politicos, 1865—1896. N. Y., 1935, p. 230.
[2] History of the U. S. Political Parties, 1789—1972: Vol. 1—4 / Ed. by A. M. Schlesinger, Jr. N. Y., 1973, vol. 2, p. 362.
[3] *Beard Ch.* Contemporary American History, 1877—1913. N. Y., 1915, p. 2.

чем отличалась от платформы демократов, необходимо признать, что партия сумела в полной мере пожать плоды победы в гражданской войне.

Президентские выборы последней четверти XIX в. раз за разом приводили в Белый дом невыразительных, бесцветных политиков. Из шести президентов этого периода ни одного невозможно сегодня обнаружить среди знаменитых, популярных или просто авторитетных американских президентов.



БЕЛЫЙ ДОМ — ОФИЦИАЛЬНАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА США

Раз в четыре года на съездах республиканской и демократической партий принимались политические платформы, которые характеризовались полным единодушием в отношении кардинальных вопросов: обе партии одобряли утверждение господства монополистического капитала, откровенно враждебно относились к нараставшему рабочему и антимонополистическому движениям, санкционировали распространение расистских порядков в южных штатах. Между буржуазными политиками велись, правда словесные, баталии по вопросам о тарифах, золотых и серебряных деньгах, реформе системы федеральной службы, но и в отношении к ним линия размежевывания пролегала не столько между двумя партиями, сколько внутри каждой из них. В рядах как республиканцев, так и демократов были сторонники и противники введения конкурсной системы замещения федеральных должностей, приверженцы фритредерства и апологеты протекционизма, биметаллисты и монометаллисты.

На съездах республиканской и демократической партий верх в вопросе о денежном обращении брали сторонники золотого стандарта (лишь в

1896 г. на съезде демократов победили приверженцы серебряных денег), в спорах об организации федеральной службы мнения постепенно склонялись в пользу сторонников конкурсной системы. Только в одном вопросе — о тарифной политике — соотношение сил в партиях было различным: среди демократов преобладали защитники свободной торговли, а среди республиканцев — протекционисты. На президентских выборах кандидаты от демократов и республиканцев в своих платформах всячески раздували значение этого единственного различия. Первые с помощью изощренных аргументов обосновывали «антинародный» характер протекционизма, а вторые клеймили «губительные» для трудовых масс последствия свободной торговли.

В действительности тарифная тема «эффектных и бессодержательных *дуэлей* двух буржуазных партий» [4] ни в малейшей степени не отражала подлинных нужд народа. Зато лидеры обеих партий проявляли абсолютное равнодушие к запросам трудящихся масс, будь то требования рабочих о признании профсоюзов, обеспечении занятости, социальном страховании или призывы фермеров поставить предел корыстным устремлениям железнодорожных корпораций и банков.

И республиканцы, и демократы отгородились от подобного рода требований народа, используя принцип «государственного невмешательства» в социально-экономическое развитие (хотя активно вмешивались в него, когда это отвечало интересам бизнеса). Республиканец Дж. Гарфилд твердо стоял на том, что «в функции правительства ни в коей мере не входит обеспечение занятости» [5]. Президент-демократ Г. Кливленд в речи при вступлении на этот пост в 1893 г. облек идею государственного «нейтралитета» в отношении чаяний народных масс в откровенно циничную форму, заявив, что народ обязан с энтузиазмом поддерживать правительство, а в функции самого правительства не входит поддерживать народ.

Для республиканцев одним из приемов борьбы с демократами в последней четверти XIX в. являлось использование, как говорили их противники, тактики «размахивания окровавленной рубахой» (напоминания о вине демократов в развязывании гражданской войны). Они не уставали напоминать нации о том, кто в 1860 г. хотел расколоть ее и кто предотвратил этот раскол. Обывателям внушалась мысль: демократы остаются раскольниками, и стоит им прийти к власти, как они вновь ввергнут страну в братоубийственную войну и обратят негров в рабов.

Однако уже опыт первого президентства Г. Кливленда (1885—1889) убедил избирателей, что демократам чужды те зловещие замыслы, которые приписывали им республиканцы. Сами же демократы без труда находили сотни аргументов, раскрывавших ханжество попыток республиканцев облачиться в тогу «друзей» чернокожих. Лидер демократов У. Дж. Брайан как-то язвительно отметил, что, хотя 621 тыс. черных американцев, проживавших в северных штатах, единодушно поддерживают республиканцев, никто никогда не слышал, чтобы хоть один негр-северянин был выдвинут в конгресс США [6].

---

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 193.
[5] The Life and Letters of J. A. Garfield: Vol. 1, 2 / Ed. by Th. C. Smith. New Haven (Conn.), 1925, vol. 1, p. 517.
[6] *Koenig L. W.* Bryan. A Political Biography of William Jennings Bryan. N. Y., 1971, p. 76.

Отсутствие сколько-нибудь существенных различий между республиканцами и демократами осознавалось многими трезвомыслящими американцами и не было тайной для людей малоискушенных в политической игре. В 1879 г. молодой В. Вильсон, ставший в 1912 г. президентом США, лаконично и выразительно охарактеризовал беспредметность соперничества двух партий: «Нет лидеров, нет принципов; нет принципов, нет партий» [7]. Рядовые избиратели, как показали итоги президентских выборов рассматриваемого периода, не видели отличий между кандидатами республиканцев и демократов, разделяя в большинстве случаев свои голоса почти поровну между ними.

Как республиканцы, так и демократы в периоды президентских кампаний акцентировали внимание избирателей на личных качествах кандидатов. Каждая сторона афишировала достоинства своего лидера и стремилась всеми средствами опорочить представителя соперников. Например, на президентских выборах 1884 г. республиканцы выдвинули кандидатом в президенты одного из своих самых известных деятелей, Дж. Блейна, который 20 лет был членом конгресса США. Политическая известность обернулась для Блейна не плюсом, а минусом. Демократы были уверены, что Блейн, подобно всем конгрессменам—ветеранам послевоенной эпохи, не мог не быть замешанным во взяточничестве. Их изобличения увенчались успехом. Блейн еще в середине 1870 г. давал показания в конгрессе США в связи с разоблачениями его участия в финансовых махинациях. Тогда ему удалось отвести от себя подобные обвинения. Но в 1884 г. факты виновности Блейна подтвердились. Блейна обвинили не только в этом, но и в том, что он обманывал конгресс, давая ложные показания. Теперь всякий раз появление этого седовласого благообразного джентльмена на предвыборных митингах встречалось язвительным двустишием:

Блейн! Блейн! Блейн! Джеймс Блейн!
Всеамериканский лжец из штата Мэн!

Республиканцы платили демократам той же монетой. Их кандидата Г. Кливленда трудно было заподозрить в крупных махинациях — его путь в большой политике был слишком коротким. Но республиканцы обнаружили, что 47-летний холостяк Кливленд (он женился, став хозяином Белого дома) имел, оказывается, внебрачного ребенка. Теперь уже Кливленда встречали на предвыборных митингах двустишием:

Ма! Ма! Где мой па? —
Пошел в Белый дом, ха-ха-ха!

Кливленд ответил на нападки противников, как казалось ему самому, благородным жестом: обещал опекать дитя адюльтера независимо от того, подтвердится его отцовство или нет. Злые языки использовали ответ как повод для нескончаемых острот и издевок. Что касается избирателей, то они сочли грешки Кливленда меньшим злом по сравнению с мошенничеством Блейна.

Опыт Блейна воочию убедил политиков, какими нежелательными последствиями чревато выдвижение кандидатом в президенты искушенного

---

[7] *Hofstadter R.* The American Political Tradition and the Men Who Made It. N. Y., 1948, p. 169.

партийного и государственного деятеля. Блейн, впрочем, был не правилом, а исключением среди кандидатов в президенты последней четверти XIX в. Обе партии предпочитали делать ставку на людей, визитной карточкой которых была политическая безвестность, так называемых «темных лошадок». Все президенты республиканцев, за исключением Мак-кинли, были «темными лошадками». На съездах партии их кандидатуры рассматривались лишь в момент, когда выяснялось, что никто из видных политических фигур в партии в силу фракционных распрей не мог собрать необходимых $^2/_3$ голосов делегатов. Тогда, стремясь достичь компромисса, политические боссы начинали подыскивать приемлемую фигуру среди «темных лошадок».

В ходе закулисных обсуждений выбор падал на какого-либо малоизвестного политика. Так, на съезде республиканцев 1876 г. после первого тура голосования уверенно лидировали Блейн и Грант, но кандидатом в президенты, а потом и президентом США стал Хейс, «темная лошадка». В 1880 г. голоса на съезде республиканцев разделились после первого тура примерно поровну между Блейном, Дж. Грантом и Дж. Шерманом. Все они, однако, были лидерами соперничавших фракций в партии и не могли получить поддержки противоположной стороны, а вместе с ней и необходимых $^2/_3$ голосов. Так судьба вновь улыбнулась «темной лошадке» — Дж. Гарфилду, избранному в том же году президентом. В 1888 г. на съезде республиканцев после первого тура лидировал «вечный сенатор» Дж. Шерман. Но ему так и не суждено было расстаться с этим титулом. Кандидатом в президенты был выдвинут Гаррисон, «темная лошадка», победивший и на президентских выборах [8].

Лидеры буржуазных партий видели в выдвижении кандидатом в президенты малоизвестного политика преимущество, которое уравновешивало шансы соперничавших фракций в борьбе за ключевые позиции в правительстве и определение его курса в случае, если «темная лошадка» станет президентом. Партийным боссам, кроме того, легче было обратить бесцветную личность в свою марионетку. Наконец, безвестного деятеля во время президентских выборов можно было без труда представить в образе, который больше всего удовлетворял вкусам широких масс избирателей.

Во время выборов кандидатов в президенты стремились разрекламировать в первую очередь как воплощение честности, пуританского самоограничения и прочих добродетелей. Легенда, сопровождавшая предвыборную кампанию Хейса, гласила о том, что он не курил, не пил, следовал диете, обладал в силу этого отменным здоровьем (республиканская пропаганда не забывала, впрочем, упоминать о боевых ранах кандидата, бывшего, подобно всем другим выдвиженцам партии, ветераном гражданской войны).

Другой республиканский кандидат, Гарфилд, воплощал, согласно пропаганде, столь дорогой американцам образ человека, «сделавшего самого себя»: он родился в бедной хижине на западной границе, был погонщиком мулов и благодаря усердию и другим достоинствам сумел в конце концов выйти на дорогу, ведущую в Белый дом. Голосование за этого кандидата для миллионов американцев являлось своего рода компенса-

---

[8] *Josephson M.* Op. cit., p. 215—282; *Morgan H. W.* From Hayes to McKinley. National Party Politics, 1877—1896. N. Y., 1969, p. 297.

цией за их собственные жизненные неудачи, с помощью избирательных бюллетеней они хотели отомстить тем, кто лишил их шанса выбиться в люди, но не смог-таки отнять его у Гарфилда. Выдвижение кандидатом в президенты Гарфилда, личности бесцветной («нет в нем перцу», говорил босс Р. Конклинг), оказалось бесспорной пропагандистской удачей республиканской партийной машины. А единственной политической «заслугой» еще одного республиканского кандидата, Б. Гаррисона, являлось то, что он был внуком девятого президента США У. Х. Гаррисона, скончавшегося через месяц после вступления в должность. Этот факт должен был разбудить у американцев чувства сентиментальности и сострадания.

Карл Шурц, назначенный в 1885 г. министром внутренних дел, был потрясен, услышав от президента Г. Кливленда во время первой аудиенции: «Мне стыдно сознаться, но, по правде говоря, я ничего не знаю о тарифах. Не могли бы вы просветить меня на этот счет». Вопрос о тарифах оказался камнем преткновения и для кандидата от демократов на выборах 1880 г. генерала Хэнкока. В одной из предвыборных речей он назвал тарифную проблему, единственный предмет разногласий между двумя партиями, «вопросом местного значения».

Ординарные личности и заурядные политики, президенты и кандидаты в президенты последней четверти XIX в. значительно проигрывали рядом с колоритными и влиятельными фигурами могущественных партийных боссов, подлинных организаторов и руководителей республиканцев и демократов, «делателей президентов», как величают их буржуазные историки.

Партийные боссы, которые в силу многих обстоятельств, и прежде всего благодаря связям с финансово-промышленными магнатами, не могли рассчитывать на занятие должности президента США и тешили тщеславие тем, что хозяева Белого дома, получавшие мандат формально из рук нескольких миллионов американцев, были в действительности их креатурами и, как правило, послушно следовали их воле. А если комулибо из президентов случалось ослушаться партийных вождей, ему сурово напоминали, «кто есть кто» в системе политической власти. В конце 70-х годов босс республиканцев Р. Конклинг, желая «поставить на место» вышедшего из повиновения президента Р. Хейса, с предельной откровенностью сформулировал характер связи между партиями и правительством: «Не администрация создает партии, а, напротив, партии создают администрацию» [9]. (Незначительная самостоятельность стоила Хейсу политической карьеры: на съезде республиканской партии в 1880 г. он не имел никаких шансов быть выдвинутым кандидатом в президенты на второй срок.)

Возрастание значения партийных боссов и самих буржуазных партий в формировании внутри- и внешнеполитического курса страны являлось новой важной чертой политической истории США эпохи перехода к империализму. Английскому исследователю конца XIX в. Дж. Брайсу республиканская и демократическая партии представлялись политическими левиафанами, не имеющими себе подобных ни в одной другой стране [10].

---

[9] *Morgan H. W.* Op. cit., p. 37.

[10] *Брайс Дж.* Американская республика: В 3-х ч. М., 1889, ч. 1, с. 6.

Возрастание роли буржуазных партий в политической жизни США объясняется в первую очередь упрочением их связей с промышленными тузами, постоянным расширением финансирования деятельности партий монополистическими объединениями. Для крупного капитала партии все более становились главным средством воздействия на политику. Усиление политического влияния партий определялось также укреплением и разветвлением их организационной структуры. Эти обстоятельства позволяли буржуазным партиям все более прибирать к рукам бразды политического правления, превращая в орудие своей воли выборные государственные органы, которые, согласно конституции, были наделены полнотой власти, в то время как о полномочиях партий, как и о самих партиях, в ней не говорилось ни слова.

Опорами партий и партийных боссов стали разветвленные, слаженные и дисциплинированные партийные организации, созданные в каждом из штатов, во всех крупных и многих небольших городах. Боссы и их приближенные составляли так называемые «ринги», неофициальные объединения партийной верхушки, направлявшие деятельность партии. Особенность партийных организаций как республиканцев, так и демократов заключалась в том, что ни в одном из их звеньев не было освобожденных функционеров. Члены партийного аппарата занимали какие-нибудь невыборные или выборные государственные должности, заполнение которых являлось фактической прерогативой партийных лидеров. Республиканцы и демократы, оказавшиеся на государственных должностях по их протекции, должны были беспрекословно подчиняться воле боссов и вносить в зависимости от занимаемой должности соответствующий взнос в партийную казну (в противных случаях они лишались «теплых местечек») [11].

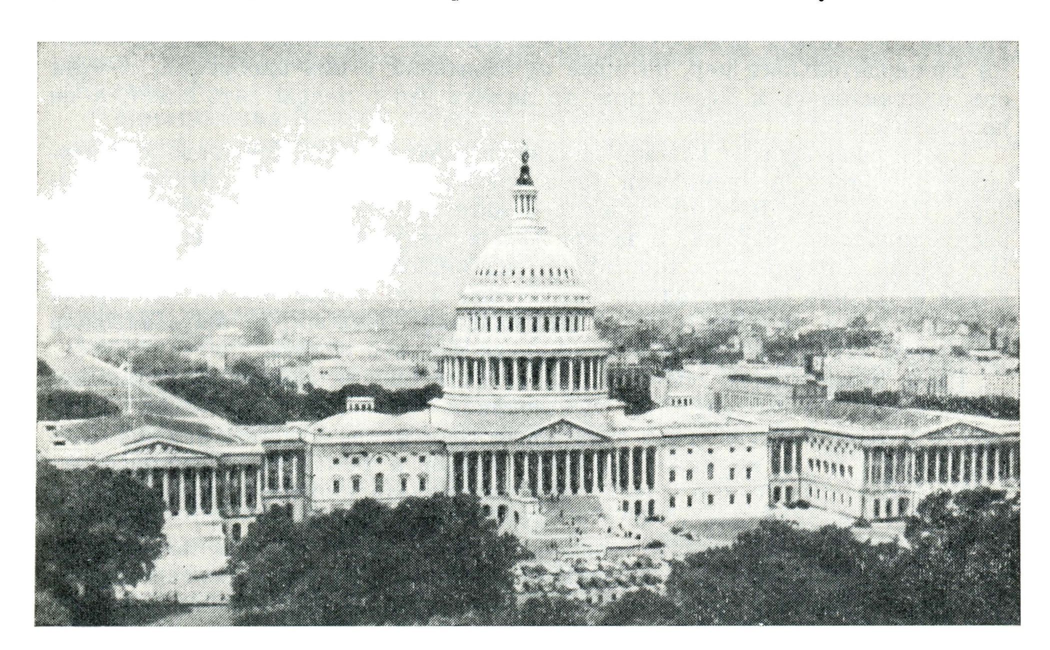
Самые влиятельные боссы стремились превратить в опорные пункты партии крупные учреждения своих штатов. Так, опорным пунктом республиканцев в Нью-Йорке во времена Р. Конклинга стала местная таможня. В 70-е годы на различных должностях в этой таможне оказалось 1011 республиканцев — все протеже Конклинга. Чиновник таможенной службы Ч. Артур, член «ринга» нью-йоркского босса, в будущем президент США, превратил это учреждение в эффективное орудие проведения интересов партии в штате [12]. На таможне процветало взяточничество, что служило как надежным источником финансирования партии, так и обогащения ее босса Конклинга. Служащие таможни свое рабочее время подчиняли указаниям Ч. Артура и бóльшую часть отдавали организации предвыборных кампаний в городские органы управления или управления штата.

Чиновников федеральной таможни г. Детройта превратил в послушный партийный аппарат босс республиканцев штата Мичиган З. Чендлер. На подобной основе были созданы аппараты партийных функционеров по всей стране. В Пенсильвании вожжи партийной власти крепко держал в своих руках С. Камерон, в Мэриленде признавалось верховенство босса демократов А. Гормана, политическим хозяином Иллинойса считался Дж. А. Логан, Индианы — О. П. Морган, Огайо — М. А. Ханна, Род-Айленда — Н. Олдрич [13]. В отличие от президентов и губернаторов боссы

[11] Там же, ч. 1, с. 6; ч. 2, с. 269, 285, 329.
[12] *Josephson M.* Op. cit., p. 94, 95.
[13] *Dobson J. M.* Politics in the Gilded Age. N. Y., 1972, p. 28—31.

не избирались и не сменялись, их могли отстранить от власти, как правило, только физическая немощь или смерть. Нередко они сами назначали преемников, как это произошло, например, в Нью-Йорке, где в 80-е годы республиканскую организацию возглавил Т. Платт, бывший до того правой рукой Конклинга.

Партийные лидеры штатов занимали одно из ключевых мест в федеральном государственном аппарате. В конце XIX в. они буквально запо-



КАПИТОЛИЙ — ЗДАНИЕ КОНГРЕССА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

лонили сенат США, который превратился в палату боссов. Сенат играл гораздо большую роль в системе государственной власти, нежели палата представителей. Попав в него, боссы штатов имели все возможности для того, чтобы навязывать свою волю как нижней палате, так и главе исполнительной власти — президенту. Сенаторы пользовались предоставленным им конституцией правом давать «совет и согласие» президенту по вопросам назначений на правительственные посты и неформальным правом, сложившимся в результате политической практики, составлять списки кандидатов на все другие федеральные должности.

Еще во времена президента Э. Джексона в США утвердился принцип раздачи федеральных должностей по партийной принадлежности, который давал возможность каждому новому президенту уволить всех федеральных чиновников и произвести новые назначения. Осуществлял он подобные назначения не по своему усмотрению, а по указке партийных боссов. Едва переступив порог Белого дома, президенты США обнаруживали, что кандидаты на федеральные должности, число которых к концу XIX в. возросло до 300 тыс., уже подобраны партийными лидерами. «Когда я пришел к власти,— сетовал однажды в присутствии Т. Рузвельта пре-

зидент Гаррисон,— то выяснил, что все назначения были в руках партийных боссов. Я даже не мог сформировать собственный кабинет, ибо они распродали все должности, чтобы оплатить расходы на избирательную кампанию» [14].

Боссы-сенаторы ревниво следили за попытками президента проводить самостоятельную политическую линию, были особенно нетерпимы к его законодательным инициативам. «Наиболее видные сенаторы,— вспоминал член верхней палаты конгресса США конца XIX в. Дж. Хоар,— воспринимали как личное оскорбление президентские послания с предложениями законодательных мер, которые не вызывали у них одобрения. А если они направлялись в Белый дом, то делали это с целью дать совет, а не получить его» [15].

Среди сенаторов от каждой партии, в свою очередь, признавался авторитет двух-трех, а временами даже одного влиятельного партийного лидера. На рубеже 70—80-х годов в сенате верховодил Конклинг — лидер республиканской партии. В конце XIX в. ведущую роль в сенате играл Н. Олдрич. Опираясь на горстку других видных партийных боссов, Конклинг и Олдрич осуществляли назначения в комитеты сената, подбирали и утверждали кандидатов на федеральные должности, вырабатывали принципы законодательной деятельности верхней палаты [16].

Имея возможность обогащаться за счет распределения федеральных должностей, боссы-сенаторы сколачивали огромные состояния. Если учесть к тому же, что сенат стал после гражданской войны притягательным местом и для крупных промышленников и финансистов, тогда будет легко проследить, как и почему верхняя палата конгресса превратилась не только в палату боссов, но и в «клуб миллионеров».

К концу XIX в. в сенате заседало 25 мультимиллионеров, почти треть его состава. Подавляющее большинство других сенаторов непосредственно представляли интересы тех или иных финансово-промышленных объединений. Так, ближайшее окружение Н. Олдрича («философский клуб», как называли те, кто желал польстить боссу) — У. Аллисон, Дж. Спунер, О. Платт были адвокатами крупных корпораций. Член верхней палаты конгресса газетный «король» из Калифорнии Дж. Херст высказался однажды в духе социал-дарвинистских идей: «Я не слишком-то разбираюсь в книгах, не так уж много довелось мне их прочесть. Но я достаточно путешествовал, многое повидал и, основываясь на собственном опыте, пришел к заключению, что сенаторы являются продуктом выживания наиболее приспособленных видов...» [17]. Миллионер или ставленник корпораций — типичный американский сенатор олицетворял тесную унию буржуазного государства и бизнеса.

Укрепление связи между буржуазной политикой и корпорациями особенно четко проявлялось в периоды предвыборных президентских кампаний, финансирование которых все в большей степени переходило в руки монополистического капитала. Его вторжение в политику привело к резкому росту расходов на проведение выборов. Рекордная сумма для XIX в.

---

[14] *Hofstadter R.* Op. cit., p. 172.

[15] *De Santis P.* The Republican Party Revisited, 1877—1897.— In: Gilded Age. A Reappraisal / Ed. by H. W. Morgan. N. Y., 1963. p. 98.

[16] *Rothman D. S.* Politics and Power: The United States Senate, 1865—1901. Cambridge (Mass.). 1966. p. 3—6. 27, 60, 75.

[17] *Josephson M.* Op. cit.. p. 445.

была истрачена на избирательную кампанию республиканца Маккинли в 1896 г.— 3 562 325 долл. Ее организатором был мультимиллионер из Огайо сенатор М. Ханна, в ком республиканцы впервые признали не просто политического заправилу штата, а «национального босса». Ханна удостоился этого титула после того, как в результате переговоров с боссами других штатов сумел обеспечить выдвижение Маккинли кандидатом в президенты еще до съезда республиканской партии. Когда же на съезде его ставленник уже после первого тура голосования обеспечил подавляющее большинство голосов, политиканы, позабыв о своем избраннике, начали дружно скандировать имя подлинного триумфатора: «Ханна! Ханна!» [18]

Организация Ханной избирательной кампании Маккинли стала образцом для последующих «делателей президентов». В штатах «национальный босс» создал «клубы Маккинли», были выпущены брошюры на 14 языках, в которых на все лады превозносились достоинства кандидата. Маккинли, в свою очередь, не скрывал восхищения перед боссом-миллионером и ему подобными: он называл их «капитанами индустрии», отцами процветания, готов был гарантировать в случае избрания все, что те пожелают, высокие тарифы, золотой стандарт, социальный порядок. Альянс Ханны и Маккинли послужил поводом для многих злых карикатур в национальной прессе. На одной из них Ханна был изображен в виде монстра-плутократа, обклеенного сплошь долларами, а Маккинли — карликом, едва не утонувшим в наполеоновской треуголке.

Партийные боссы и государственные деятели США копировали образ мышления владельцев крупных капиталов, подражали их поведению, манерам. Деятельность буржуазных политиков и «капитанов индустрии» была в равной степени пронизана духом наживы, безудержной страстью к обогащению. Не случайно Ф. Энгельс называл республиканскую и демократическую партии «двумя большими картелями политиков», которые «превращают политику в выгодное дело, спекулируют на депутатских местах в законодательных собраниях, как союза, так отдельных штатов, или же живут за счет агитации в пользу своей партии и после победы в качестве вознаграждения получают должности» [19].

Борьба за федеральные должности, а не высшие соображения лежали внутри партийных распрей. Именно она порождала порой весьма острые, даже драматические коллизии, нарушала привычную рутину буржуазной политики. Когда в начале 1881 г. президент Гарфилд склонился к альянсу с одной из фракций республиканцев — «полукровками», назначив их представителей во главе с Дж. Блейном на высшие посты в правительстве и предоставив в их распоряжение большинство других федеральных должностей, это вызвало беспрецедентный демарш со стороны лидеров другой фракции — «стойких» республиканцев. Вожди «стойких» в сенате, Р. Конклинг и Т. Платт, вышли в отставку со своих постов, будучи уверенными в том, что решительными действиями завоюют поддержку большинства партии и сумеют добиться победы для собственной фракции.

Развернувшийся конфликт получил, однако, неожиданную и трагическую развязку. 2 июня 1881 г. Ч. Гито, человек психически нездоровый,

---

[18] *Russel F.* President Makers. From Mark Hanna to Joseph P. Kennedy. Boston. 1976. p. 27.

[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22. с. 199—200.

но в то же время, как выяснилось из его писем, несомненно, поддерживавший «стойких» республиканцев [20], смертельно ранил Дж. Гарфилда. «Полукровки» умело направили гнев общественного мнения против Р. Конклинга и его фракции и захватили лидерство в партии. Но гибель президента уже вопреки желаниям «полукровок» вдохнула жизнь в самую малочисленную фракцию республиканцев, так называемых магвампов (от индейского слова магвамп — мудрец, старейшина племени), претендовавших на роль просвещенного крыла партии.

Магвампы на протяжении многих лет агитировали в пользу билля о реформе гражданской службы, означавшего введение конкурсной системы замещения вакансий в чиновничьем аппарате. Многие магвампы (К. Шурц, Г. К. Лодж, Дж. Хоар, Т. Рузвельт, Э. Годкин и др.), критикуя систему назначений на федеральные должности за политические заслуги, указывали, что она является неиссякаемым источником коррупции и расчищает путь к власти для напористых невежд. Социальную опору магвампов составляла буржуазная интеллигенция, среди них было много журналистов, профессоров, юристов, врачей, представителей семей потомственных политиков, отстраненных от власти партийными боссами. В их глазах надежным пропуском в сферу государственной власти мог служить только диплом привилегированного университета или колледжа.

В риторике магвампов звучала тоска по временам просвещенных президентов из высокопоставленных семей — Дж. Вашингтона, Т. Джефферсона, Дж. Адамса и Дж. Мэдисона — и одновременно презрение к выскочкам из необразованной «черни», готовых оказать любые услуги партийным боссам ради получения доходной федеральной должности. Магвампы сумели использовать убийство Гарфилда, изобразив его как жертву порочной системы дележа федеральных должностей партийными боссами.

В 1883 г. конгресс обнародовал закон Пендлтона, вводивший систему замещения части федеральных должностей на основе конкурсных экзаменов. Закон успокоил общественное мнение и отвел его гнев от алчных боссов. Однако уже очень скоро выяснилось, что боссы вовсе не собирались отказываться от прибыльной системы дележа федеральных должностей победившей партией. В 1884 г. кандидат в президенты от демократов Г. Кливленд обещал в случае победы не отстранять от государственной службы республиканцев лишь по их партийной принадлежности. Но не успел он поселиться в Белом доме, как боссы партии указали ему, что боролись за президентское кресло вовсе не для того, чтобы оставлять федеральные должности республиканцам. Кливленд незамедлительно сместил 100 тыс. представителей побежденной партии.

Число федеральных должностей, замещавшихся на конкурсной основе, все же с 1883 по 1901 г. возросло с 14 тыс. до 106 тыс., но число должностей, распределявшихся между сторонниками победившей партии, также увеличилось — с 118 тыс. до 150 тыс. Сама система конкурсных экзаменов оказалась крайне неэффективной, ибо партийные боссы добились предельного упрощения тестов для испытуемых. Во время типичного экзамена от претендента на должность требовалось написать названия любых 15 штатов и 15 городов США, уметь делить и умножать простые дроби, различать глагол, существительное и прилагательное,

[20] *Dobson J. M.* Op. cit., p. 67.

иметь представление о колониальном периоде, Континентальном конгрессе, Декларации независимости и Прокламации об освобождении рабов [21]. Фактически на федеральную должность при таком конкурсе могли претендовать люди с начальным образованием, и, конечно же, он не мог стать препятствием для протеже партийного босса.

Несмотря на стирание существенных различий между республиканцами и демократами в последней четверти XIX в. и полное отсутствие в их платформах каких-либо преобразовательных идей, буржуазным партиям удавалось долгое время весьма успешно нейтрализовать попытки других политических объединений завоевать избирателей на свою сторону. Объясняется это рядом факторов.

Один из них заключается в том, что стирание различий в социально-политических принципах партий не означало унификации и неизбежного в таком случае резкого сужения социальной базы двухпартийной системы. Внутри нее сложилось своеобразное разделение функции социального контроля широких слоев общества. Республиканская партия имела особенно прочные позиции в штатах Среднего Запада: здесь за нее голосовала значительная часть рабочих и городская мелкая буржуазия. Республиканцы контролировали также голоса значительной части рабочих и фермеров из среды американцев-протестантов в других районах страны. Демократическая партия была в большей степени сориентирована на аграрные круги Юга, Юго-Запада, Дальнего Запада. В городах Северо-Востока их массовую опору составляли главным образом рабочие-иммигранты из числа католиков.

Республиканцы и демократы внедрялись в социальные низы общества, эксплуатируя и раздувая национальные и религиозные различия внутри них. Различия в массовой базе двух партий сказывались определенным образом на их платформах. Так, приверженность республиканцев принципу протекционизма и неприятие его демократами объяснялись в значительной степени тем, что первые поддерживали репутацию «городской», а вторые — «аграрной» партии.

Основную же причину прочности двухпартийной системы необходимо видеть в слабой политической активности рабочего класса.

Политическую оппозицию двухпартийной системе составили прежде всего фермерские партии. В начале 90-х годов популисты добились значительных успехов в Канзасе, Колорадо, Небраске, Северной Дакоте, Миннесоте, Северной Каролине, где их представители в ряде случаев были избраны губернаторами или завоевали достаточное число мест в законодательных собраниях штатов для того, чтобы провести в жизнь некоторые свои предложения [22]. Подъем популизма повлиял определенным образом на тактику двух буржуазных партий, что нашло выражение в размежевании внутри одной из них, демократической, и выдвижении ее кандидатом в президенты в 1896 г. У. Дж. Брайана.

Исторический смысл выступления Брайана и его сторонников с критикой традиционных методов отправления буржуазной политической власти в США заключался в использовании тактики социального маневра для укрепления и расширения массовой базы демократической партии.

---

[21] *White L. D.* The Republican Era: 1869—1901. A Study in Administrative History. N. Y., 1958, p. 301, 307, 310, 317, 320, 348.

[22] *Куропятник Г. П.* Фермерское движение в США: От грейнджеров к Народной партии, 1867—1896. М., 1971, с. 199.

Многими буржуазными деятелями США конца XIX в. эта тактика воспринималась как еретическое нововведение, и они поспешили записать Брайана в популисты.

Брайан не был таковым, но движение, названное его именем, было действительно необычным явлением в американской буржуазной политической практике, и сам Брайан оказался как бы предтечей таких известных буржуазных реформаторов, как Т. Рузвельт, В. Вильсон и Ф. Д. Рузвельт. Движение Брайана, рассмотренное в плане широкой исторической перспективы, выглядит весьма симптоматично. Оно заключало в себе признание того факта, что в условиях США, где получили распространение буржуазно-демократические свободы, грубое и циничное игнорирование республиканцами и демократами лозунгов массовых народных движений чревато опасными для двухпартийной системы последствиями.

Успехи популистов, собравших на выборах 1892 г. около 1 млн. голосов, доказывали, что создание эффективной третьей партии в стране не является утопией. А учитывая, что избирательная активность американцев в последней трети XIX в. была весьма высокой (с 1876 по 1896 г. в президентских выборах участвовали в среднем 78,5% имевших право голоса [23]), можно было ожидать новых успехов популистских кандидатов. Избирательная стратегия Брайана в 1896 г. и была как раз рассчитана на «улавливание» сотен тысяч голосов простых американцев, увидевших в популистах выразителей своих интересов.

Одним из главных приемов избирательной стратегии Брайана являлось включение в платформу демократической партии ряда популистских требований. Ставка на альянс с популистами была подсказана лидеру демократов опытом его собственной политической деятельности в штате Небраска. В 1892 г., когда Брайан потерпел поражение на выборах в сенат штата, раскладка голосов в его избирательном округе выразилась следующим образом: 13 тыс. отдано за республиканского кандидата, 10 тыс.— за Брайана, 8 тыс.— за популистов [24]. Простой подсчет подсказывал Брайану, что союз с популистами обеспечил бы ему победу. Он стал настойчиво домогаться такого союза после того, как популисты собрали на президентских выборах 1892 г. около 1 млн. голосов, которых демократам с учетом голосов, собранных ими самими, с лихвой хватило бы для разгрома республиканцев в избирательной кампании.

Брайан шел на всевозможные демагогические приемы, чтобы привлечь популистских избирателей. Свое отношение к свободной чеканке серебряных денег, на которой настаивали лидеры популистов, он выразил в речи перед избирателями Небраски: «Я ничего не смыслю в серебряных деньгах, но их хочет народ Небраски, поэтому их хочу и я. Что касается аргументов, то я подыщу их потом». Все чаще и чаще Брайан прибегал к популистской критике капитализма.

Когда дошел черед до формулирования конкретных предвыборных лозунгов демократов, Брайна сосредоточил внимание на свободной чеканке серебряных денег. Объясняя свою позицию рядовым избирателям, он ловчил, стремясь уйти от обвинений в измене радикальным принципам: «Восстановление серебряных денег является только одной среди на-

---

[23] *Marcus R. D.* Grand Old Party: Political Structure in the Gilded Age. 1880—1896. N. Y.. 1971. p. 5.
[24] *Koenig L. W.* Op. cit.. p. 103.

ших реформ, но если демократическая партия не проведет ее, она не сможет осуществить и других начинаний...»[25].

Брайан стремился изобразить борьбу за серебряные деньги в виде войны за святую веру, претендуя на роль мессии. Всю страну облетел его знаменитый призыв: «Не позволим распять человечество на золотом кресте». Брайану удалось приобрести известность «великого простолюдина», склонить на свою сторону съезд демократов. Но выборы 1896 г. он проиграл. Их итоги свидетельствовали, что арифметические расчеты не могут служить надежной основой политической стратегии. Социальная критика помогла Брайану завоевать голоса сотен тысяч простых избирателей, которые, по планам демократов, должны были обеспечить им успех, но она же отпугнула многих традиционных приверженцев этой партии, прежде всего финансово-промышленных тузов. Крупный капитал предпочел риторике Брайана прямолинейные заверения в лояльности корпорациям Маккинли. Час буржуазного реформизма в США еще не пробил.

2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Усложнение экономических связей капиталистического общества в США в период смены капитализма свободной конкуренции империализмом и резкое обострение классовых антагонизмов предопределяли неизбежность изменения традиционных форм социально-экономической политики буржуазного государства. Эта трансформация носила сложный, противоречивый характер, зачастую происходила подспудно, незаметно для глаз современников. Необходимо отметить, что господствовавшая в конце XIX в. в буржуазной идеологии доктрина «невмешательства» государства в социально-экономическое развитие, по которой историки США нередко судят о реальном содержании социально-экономической политики правительства, дает в действительности крайне искаженное представление о последней.

Принцип государственного невмешательства в хозяйственную жизнь представлял в рассматриваемый период кредо господствующего класса. Ему поклонялись академические круги, деятели республиканской и демократической партий, бизнесмены, президенты. Социальное звучание этого принципа, который оформился еще в XVII—XVIII вв. и использовался тогда революционной буржуазией для критики регламентаций торгово-промышленного развития феодальными государствами, претерпело в эпоху перехода к империализму серьезное изменение.

В конце XIX в. в условиях смены свободной конкуренции господством монополий выразители интересов мелкой буржуазии отказались от лозунга государственного невмешательства и выдвинули развернутую программу социально-экономического законодательства, направленную на защиту интересов немонополистической буржуазии от посягательств со стороны корпораций. Последние же, напротив, взяли этот лозунг на вооружение, ибо полная свобода рук обеспечивала им наибольшие возможности как для сокрушения мелкого и среднего бизнеса, так и для эксплуатации пролетариата.

---

[25] Ibid., p. 146.

Идея абсолютной свободы бизнеса обосновывалась буржуазными идеологами и политиками при помощи экономических, социологических, правовых теорий. Но особой популярностью пользовались среди них социал-дарвинистские доктрины, представлявшие циничную форму защиты интересов монополий. Социал-дарвинистские идеи пронизывали все буржуазные общественные науки, проповедовались с кафедр университетов, со страниц массовой печати, подчинили себе буржуазное сознание.

Сущность социал-дарвинизма заключалась в перенесении законов биологической эволюции, сформулированных Ч. Дарвином, на общественное развитие. Общественные связи рассматривались социал-дарвинистами не иначе как сквозь призму «борьбы за существование» людей, выживание «наиболее приспособленных» среди них и гибели «наименее приспособленных». Биологизация законов общества оборачивалась в их работах обоснованием извечного характера закономерностей капитализма. Так, непреходящим явлением мироздания, реализацией биологической борьбы за существование объявлялась частнокапиталистическая конкуренция. Свойственные капитализму поляризация бедности и богатства, разорение сотен тысяч мелких предпринимателей и бедственное положение пролетариата, с одной стороны, и усиливающийся гнет монополий — с другой, определялись как продукт естественного отбора. Результатом естественного отбора, проявлением «разума вселенной», «цветами цивилизации» главе социал-дарвинистов У. Г. Самнеру представлялись монополии [26]. Самнер твердил об извечном характере классовых различий и классовой борьбы, которые в его истолковании представали как проявление неискоренимой борьбы за существование [27].

В социально-политических рекомендациях социал-дарвинисты решительно настаивали на полном невмешательстве государства в ход «естественного прогресса» и осуждали любые попытки облегчить участь «менее приспособленных» индивидуумов и как-то ограничить устремления «более приспособленных». Спасение «менее приспособленных» в ущерб интересам «более приспособленных», заявлял Самнер, грозило бы гибелью общества, утверждением антицивилизации вместо цивилизации [28].

Совершенно очевидно, что социал-дарвинистские доктрины и их венец — идея государственного невмешательства — означали апологию частного предпринимательства и ничем не смягчаемой эксплуатации пролетариата, мелкой и средней буржуазии со стороны горстки монополий. Неудивительно, что монополисты, единожды познакомившись с ними, немедленно обратились в социал-дарвинистскую веру. Все они — Э. Карнеги, Дж. Рокфеллер, Дж. Херст, Дж. Хилл и другие — неизменно изображали себя как вид наиболее приспособленных человеческих особей, а финансово-промышленные империи — как высшее достижение естественного отбора.

Соотнесение формулы государственного невмешательства и конкретной практики связей монополистов с правительством обнаруживает ли-

---

[26] *Sumner W. G.* The Challenge of Facts and Other Essays. New Haven (Conn.), 1914, p. 90.

[27] *Sumner W. G.* The Forgotten Man and Other Essays. New Haven (Conn.), 1918, p. 253—254.

[28] *Sumner W. G.* What Social Classes Owe to Each Other. N. Y., 1920, p. 113—120.

цемерие их индивидуалистической веры. В реальной действительности, а не в теории руководители корпораций отказывали в праве на государственное содействие эксплуатируемым ими слоям общества и в то же время активно использовали правительство для поддержки собственных экономических и социальных интересов. В последней трети XIX в. особенно широкую огласку получили тесные связи между государственным аппаратом и железнодорожными компаниями. Империи железнодорожных королей Гульдов и Вандербилтов были созданы в первую очередь благодаря щедрым подачкам из государственного земельного фонда, который согласно гомстед-акту 1862 г. предназначался формально для организации мелких фермерских участков. Земельные владения, полученные железнодорожными компаниями от федерального правительства и властей штатов, равнялись территории Франции и в 5 раз превосходили площадь штата Нью-Йорк.

Уже с момента возникновения первых предпринимательских объединений правительства штатов буквально соперничали друг с другом в предоставлении наиболее благоприятных условий для развития монополий на своих территориях. В 1875 г. в штате Нью-Джерси, который известен как «родина корпораций», был принят закон, отменявший большинство ограничений на предельные размеры капиталов предпринимательских объединений, резко расширявший их возможности при получении займов и выпуске акций и облегчавший условия их ответственности перед кредиторами[29]. Другие штаты, боясь отстать от Нью-Джерси и стремясь инкорпорировать на своих территориях как можно больше предпринимательских объединений, создавали для них поистине тепличные условия. В 1892 г. законодатели Нью-Йорка, желая предотвратить инкорпорацию крупнейшей промышленной компании США «Дженерал моторз» на территории соседнего Нью-Джерси, приняли специальный закон об учреждении этой монополии на чрезвычайно льготных условиях.

В 70—90-е годы во многих штатах были приняты законы, полностью отменявшие предельные размеры капиталов корпораций, предоставлявшие им право заниматься многими видами хозяйственной деятельности, позволявшие монополиям выпускать акции без указания их номинальной стоимости и т. п.[30]

Крупный капитал США, не стесненный законодательными ограничениями в притязаниях на экономическое господство, а, напротив, всячески поощряемый правительством, не пренебрегал и откровенно преступными средствами для достижения своих целей. Отношение к Фемиде, выраженное К. Вандербилтом, было не менее циничным, чем отношение монополистов к «менее приспособленным» индивидам: «Какое мне дело до закона? У меня что — нет силы?» Нефтяной владыка Дж. Рокфеллер прокладывал путь к власти, как показал в 1894 г. Г. Д. Ллойд в книге «Богатство против общества» и в 1902 г. А. Тарбелл в серии разоблачительных статей, с помощью поджогов нефтехранилищ независимых предпринимателей, сговоров с владельцами железных дорог и подкупа судей и законодателей. Преступления «баронов-разбойников» в полной мере были разоблачены макрейкерами в начале XX в., но и в 70—80-е годы они уже стали достоянием широкой огласки.

[29] *Мозолин В. П.* Корпорации, монополии и право США. М., 1966, с. 38.
[30] Там же, с. 38—41.

Уже в 70—80-е годы в различных слоях и кругах общества отмечались выступления против утверждения господства монополистического капитализма. Радикальная линия в критике «баронов-разбойников» получила законченное выражение в воззрениях Э. Беллами, которые являются попыткой разрешения противоречий, порождаемых монополиями, с позиций утопического социализма. Его роман «Взгляд назад», увидевший свет в 1888 г., был воспринят в среде разорявшейся мелкой буржуазии как пророчество и вызвал к жизни широкое социальное движение.

С более умеренных позиций критиковал утверждавшееся господство монополий один из основателей буржуазной социологической науки в США, Лестер Уорд. Он первым среди буржуазных обществоведов США в 1883 г. в труде «Динамическая социология» попытался оспорить социал-дарвинистскую концепцию целей и средств общественного прогресса. В отличие от социал-дарвинистов Л. Уорд отводил значительное место в общественном развитии субъективному фактору, целенаправленным усилиям личности, общественных групп, политических институтов. Он требовал проводить различие между развитием естественного мира и общества, объявляя движущим фактором первого «естественный», а второго — «искусственный отбор». Сам прогресс цивилизации оказывался возможным, по Уорду, благодаря возрастающей роли в обществе методов «социального регулирования» и «планирования». Свою формулу «субъективного фактора цивилизации» Уорд использовал как методологическое основание для доказательства возможности использования в общественных отношениях методов «социального мелиоризма» — планомерного исправления обществом социальных язв и пороков, смягчения вопиющих экономических контрастов и противоречий капитализма.

Концепция Уорда звучала резким диссонансом с господствовавшими в американской буржуазной социологии социал-дарвинистскими теориями, не оставлявшими эксплуатируемым массам никаких надежд на улучшение своего положения. Она показывала, и совершенно справедливо, что человек может вмешиваться в общественное развитие, влиять на его ход. Вместе с тем очевидно, что концепция «субъективного фактора» Уорда имела глубоко идеалистический характер. Путь между преобразовательными проектами и социальной реальностью в схемах Уорда был прост. Социолог полностью отрицал роль классовой борьбы в изменении общественных отношений. Уорд постоянно подчеркивал, что улучшение «социальной среды» предполагало лишь наличие в обществе просвещенной политической элиты, способной, по его мнению, овладеть методами социального планирования. Выдвинутая им концепция социального действия как изобретательства, основанного на активности просвещенной элиты, исключавшего возможность классовой борьбы и самостоятельного творчества масс, соответствовала именно реформистскому воздействию на общественные отношения.

Очевидна и буржуазно-реформистская ограниченность социальной критики Уорда. В своих трудах он показал, что разные социальные слои американского общества имеют неодинаковые жилищные условия, доходы, возможности для получения образования. Но, фиксируя проявления неравенства, свойственные капиталистическому обществу, Уорд не вскрывал механизма его возникновения. «Социальный мелиоризм», который, по Уорду, мог использовать косвенные методы и каналы воздействия на общественные условия, совершенно не затрагивал социального статуса раз-

личных общественных групп, сложившейся общественной структуры [31]. Тем самым «социальный мелиоризм» был не чем иным, как реформами, воздействующими на крайности неравенства при капитализме, но не на его причины.

Во второй половине 80-х годов идеи Уорда подхватили и развили ряд представителей буржуазной политэкономии США, среди которых выделялись Р. Эли, С. Пэттэн, Э. Зелигман. В отличие от Уорда, уделившего основное внимание критике с буржуазно-реформистских позиций социал-дарвинизма, они подвергли пересмотру теорию экономического либерализма, уходящего истоками к А. Смиту. На буржуазных экономистов США большое влияние оказала германская историческая школа в политэкономии, особенно ее второе поколение — Г. фон Шмоллер, А. Вагнер, Л. Брентано.

Вслед за ними американские буржуазно-реформистские экономисты подвергли критике традиционную либеральную концепцию «естественного» и «неограниченного» права индивидуума на частную собственность. Они доказывали, что это право всегда было лишь юридическим и формировалось обществом в соответствии со своими потребностями. Р. Эли, например, выделял два элемента в частной собственности — «индивидуальный» и «социальный» — и всячески акцентировал внимание на последнем. Апеллируя к «социальному элементу» в частной собственности, Эли и его единомышленники обосновывали право государства вмешиваться в экономическую жизнь, ограничивать злоупотребления монополий, смягчать крайности неравенства, осуществлять рабочее законодательство. В 1885 г. ими была основана Американская экономическая ассоциация, которая стала на многие годы главным проводником буржуазно-реформистских идей в США [32].

В движении протеста против наступления монополий участвовала небольшая, но сплоченная и достаточно влиятельная группа протестантских деятелей, критиковавшая «новый индустриализм» прежде всего с позиций нравственно-этических и выдвигавшая в качестве панацеи от всех зол идею «евангелизации» американского общества. Жертвуя рядом привычных для протестантизма представлений, ставящих акцент на «личном спасении», сторонники нового либерального течения обратились к «социальному спасению». Они утверждали, что главной миссией христианства является спасение не отдельной личности, а целого социального организма и построение «царства божьего на земле».

Социальный евангелизм (а именно такое название получило новое течение в протестантской церкви) нес в себе критический заряд: порицал антигуманные черты капиталистического общества, разоблачал антихристианский характер некоторых его институтов и т. д. Одновременно социальный евангелизм давал оптимистическую надежду на «возрождение» этого общества с помощью «социального учения Христа». Его адепты заявляли, что христианство может стать реальной силой общественного прогресса, если принципы «социального учения Христа» получат достаточно широкое распространение и признание во всех слоях и классах общества. Социальные евангелисты были воодушевлены стремлением ре-

[31] *Ward L.* Applied Sociology. A Treatise on Conscious Improvement of Society by Society. N. Y., 1906, p. 28, 31, 288, 291—295.

[32] *Согрин В. В.* Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1975, с. 62—125.

формировать общественные институты на началах «добра и справедливости», смягчить и исправить нравы, покончить с классовой борьбой и с этой целью призывали церкви активнее включаться в материальную жизнь общества, полнее участвовать в социально-политических и экономических движениях. Особое внимание они уделяли укреплению связей с рабочим движением, стремясь таким образом усилить на него религиозное влияние и отвлечь от выступлений, которые могли бы представлять угрозу для существующего строя.

В начале 70-х годов группа протестантских деятелей образовала Христианский рабочий союз, который выступил в поддержку требований американского пролетариата об улучшении условий труда и быта [33]. Это была одна из первых попыток либерального протестантства, действовавшего под влиянием английских христианских социалистов, сблизиться с рабочим движением. В конце 70-х — начале 80-х годов тема соединения христианства с рабочим движением находит свое развитие в деятельности конгрегационалистского священника В. Глэддена, которого американская историография называет «ранним апостолом социального евангелизма». В своих книгах, статьях и воскресных лекциях Глэдден последовательно утверждал этические идеалы социального евангелизма, особый упор делая на необходимости укрепления союза церкви и рабочего класса. Обращаясь к проблемам практической борьбы рабочего класса с капиталистами, Глэдден убеждал первых, что им следует ограничиться применением «христианских» и одновременно наиболее «экономически оправданных» средств, таких, как тред-юнионистское движение. Одновременно Глэдден предупреждал против участия рабочих в социалистическом движении, которое считал вредным и бесплодным [34].

Сильный импульс развитию социального евангелизма дал Р. Эли, уделявший большое внимание роли церкви в достижении классового мира. В уставе Американской экономической ассоциации говорилось: «...мы призываем церковь, как главную силу в нашей стране, помочь нам, поддержать нас, обеспечить нашей работе полный успех, на который мы можем рассчитывать лишь в случае содействия с ее стороны» [35]. По инициативе Р. Эли в 1893 г. был создан Американский институт христианской социологии, в стенах которого получали теоретическую подготовку многие социальные евангелисты.

Наиболее живо реагировала на выступления социального евангелизма баптистская церковь США. В 1892 г. группа баптистских священников, приходы которых, как правило, располагались в рабочих районах, образовала «Братство царства божьего». На своих собраниях это братство обсуждало вопросы, связанные в первую очередь с так называемой «социальной деятельностью» церкви, иначе говоря, практическим участием в ее жизни прихожан. В 1897 г. на очередном собрании братство приняло резолюцию, выражавшую чувства симпатии к бастующим горнякам [36]. Активным участником и одним из руководителей братства в

---

[33] *Dombrowski J.* The Early Days of Christian Socialism in America. N. Y., 1936, p. 78.
[34] *Gladden W.* Tools and the Man. Property and Industry under the Christian Law. L., s. d.
[35] Цит. по: *Dombrowski J.* Op. cit., p. 54.
[36] *Hopkins Ch. H.* The Rise of the Social Gospel in American Protestantism, 1865—1915. New Haven, 1940, p. 133.

90-е годы был У. Раушенбуш, который спустя 10 лет стал признанным идеологом американского социального евангелизма.

В целом социальный евангелизм выступал как умеренно либеральное течение в американском протестантизме, что не исключало появления в нем в определенные моменты радикальных настроений. В конце XIX в. выразителем таких настроений явился в числе других У. Д. Блисс.

Ширящиеся протесты против беззаконий корпораций явились той основой, которая побудила власти задуматься над мерами, способными хоть в какой-то мере сгладить конфликты между монополиями и эксплуатируемыми ими слоями общества. Буржазный реформизм набрал силу в США в начале XX в., но уже в XIX в. были сделаны шаги в этом направлении. Монополистические объединения первоначально получили наиболее широкое распространение на железнодорожном транспорте. Большинство железнодорожных компаний являлись монополиями в рамках своих территорий, а если не были таковыми, то стремились договориться с конкурентами об установлении единых максимальных тарифов на перевозку грузов.

Консервативные члены Верховного суда свято охраняли принцип государственного невмешательства в деятельность бизнеса. Верховный суд объявил недействительным статут штата Иллинойс, ограничивавший произвол железнодорожных компаний на том основании, что регулирование междуштатной торговли и коммерции являлось согласно ст. 8 федеральной конституции прерогативой конгресса США [37]. Вследствие такого решения утрачивали значение и аналогичные статуты других штатов.

В 1887 г. в США был принят первый федеральный закон о государственном регулировании междуштатной железнодорожной сети. В основе мотивов вашингтонских законодателей лежало желание предотвратить распространение требования о национализации железнодорожного транспорта, которое отстаивало фермерское движение и которое пользовалось все более широкой поддержкой среди других слоев. Заслуживает внимания то обстоятельство, что в пользу закона выступили и некоторые железнодорожные компании, надеясь с помощью правительственного арбитража ослабить междоусобную войну и выработать общую тарифную политику.

Закон 1887 г. запрещал сговоры между железнодорожными компаниями об установлении монопольной цены на перевозку грузов и пассажиров, осуждал практику дискриминационных тарифов и в крайне расплывчатой формулировке провозглашал, что тарифы должны быть «разумными и справедливыми». Компании должны были уведомить правительство о желании изменить тарифы за 10 дней до принятия решения. Для наблюдения за выполнением закона создавалась междуштатная торговая комиссия. Она имела право доступа ко всем бумагам компаний, могла расследовать злоупотребления, но внесенные ею решения обретали силу только после соответствующих постановлений судебных органов.

Закон 1887 г., несмотря на всю его расплывчатость и крайне ограниченные возможности междуштатной торговой комиссии, означал распространение власти федерального государства на сферу экономики, кото-

---

[37] United States Reports: Cases Adjusted in the Supreme Court. N. Y.; Wash., 1876—, vol. 118, p. 557—596.

рая до того была подчинена законам рыночной конъюнктуры и частной инициативы.

Очень скоро после принятия закона о регулировании междуштатной торговли выяснилось, что для господствующего класса в целом он был не более чем тактическим маневром, декларацией, призванной успокоить общественное мнение, и что суды намерены твердо стоять на страже свободы предпринимательства, освящать полный произвол корпораций. А в 1897 г. Верховный суд США, как бы выражая свое отношение по поводу 10-летия создания федеральной междуштатной торговой комиссии, объявил в двух решениях, что она вообще не вправе выносить какие-либо суждения по поводу железнодорожных тарифов, ибо это, по мнению членов суда, означало узурпацию ею законодательных прерогатив, которыми конституция наделила только конгресс США [38].

В июле 1890 г. американский конгресс принимает закон Шермана, с которым в США традиционно связывают начало федерального антимонополистического законодательства вообще. Статьи закона звучат весьма радикально. Так, уже в первой из них говорится: «Всякий договор, объединение в форме треста или в любой иной форме, или договор с целью ограничения коммерции или торговли между штатами или с иностранными государствами объявляются незаконными». Лица, виновные в нарушении статьи, подвергались штрафу в размере до 5 тыс. долл., или тюремному заключению сроком до 1 года. Ст. 7 закона указывала, что лица, потерпевшие ущерб от незаконных объединений, могли требовать возмещения убытков в тройном размере [39]. К концу XIX в. в 27 штатах были приняты аналогичные по духу законы, а в 15 штатах антимонополистические акты даже были включены в конституции [40]. Антимонополистических законов было необычайно много, они превосходили друг друга в обличении трестов, но судьба у всех была одна — оставаться на бумаге.

Все эти законы представляли собой необходимую уступку многочисленным слоям немонополистической буржуазии, причем уступку идеологического свойства: авторы закона Шермана, например, с самого начала не сомневались, что он не будет проводиться на практике. Сенатор О. Платт впоследствии откровенничал, что в принятии антитрестовского закона не было ничего «четного» и что его авторы озабочены лишь тем, как бы «завоевать поддержку у нации» в преддверии приближавшихся выборов [41].

Уверенность авторов закона Шермана в его полной безопасности для монополий покоилась прежде всего на том, что дальнейшая судьба акта вверялась судебным органам, которые уже не раз доказали способность услужить крупному капиталу. Но акт Шермана претерпел в интерпретации судов такую метаморфозу, в сравнении с которой померкли прежние искажения судами демократических законодательных постановлений. В 1894 г. судебные власти приравняли к трестам профсоюзное объединение железнодорожных рабочих, возглавляемое Ю. Дебсом, потребовали от него прекратить Пульмановскую забастовку и возместить убытки собственникам в тройном размере. В 1895 г. Верховный суд США одобрил

---

[38] United States Reports. vol. 167. p. 479; vol. 168. p. 144.

[39] The Statutes at Large of the USA. vol. 26. Wash, 1891. p. 209—210.

[40] *Seager H. R., Quilick Ch. A., Jr.* Trust and Corporation Problem. N. Y., 1929, p. 341—348.

[41] *Marcus R. D.* Op. cit.. p. 154.

эту интерпретацию антитрестовского закона[42], превращенного в одно из средств борьбы с организованным рабочим движением.

Когда же вставал вопрос о привлечении к ответственности за нарушение закона Шермана предпринимательских объединений, суды без особых затруднений находили лазейки, позволявшие монополиям уйти от наказания. В 1895 г. Верховный суд США объявил недействительным иск против сахарного треста. Растолковывая судам низшей инстанции, как следует правильно понимать антитрестовский закон, Верховный суд декларировал, что пресекаться могут попытки монополизировать сферу торговли, но не производства. Сахарный трест был признан производственным объединением[43]. Решение Верховного суда раскрыло корпорациям ту истину, что, изменяя организационные и правовые формы предпринимательских объединений, можно обойти любой антимонополистический закон.

В 1897 г. Верховный суд пошел еще дальше в защите интересов монополий — объявил незаконными не всякие ограничения торговли и коммерции, а только их «неразумные» проявления[44]. Задача адвокатов сводилась теперь к обоснованию «разумного» характера действий монополистических объединений. Интерпретации Верховного суда вытравили как дух, так и букву антимонополистического законодательства.

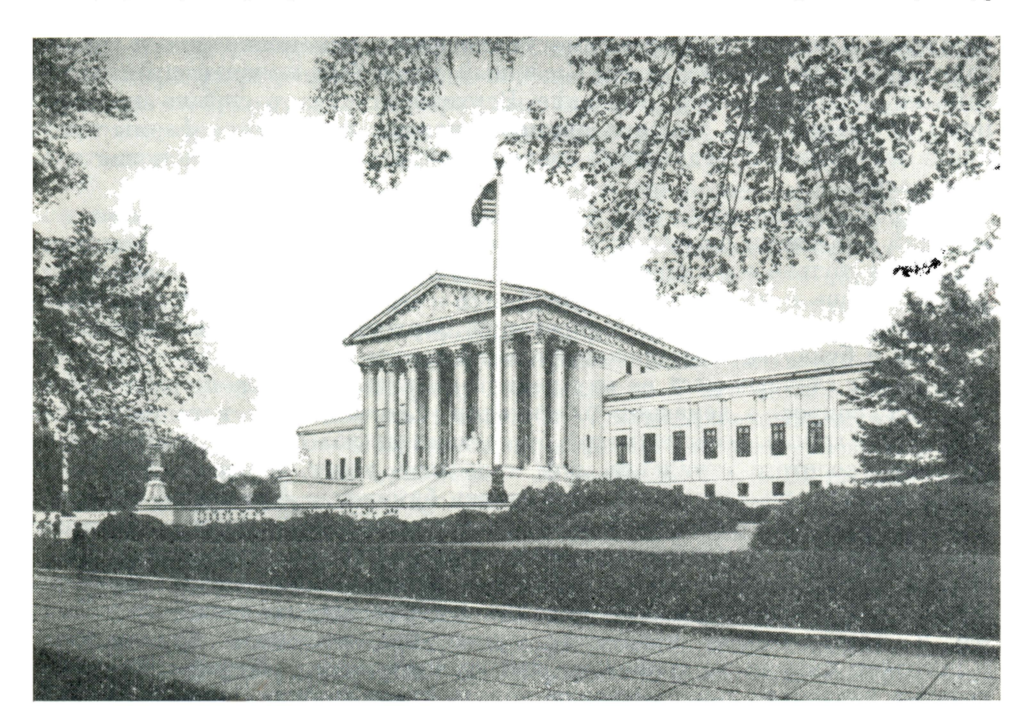
Одно из главных мест во внутренней политике последней трети XIX в. занимал вопрос о денежном обращении. Споры вокруг него разделили различные группы американской буржуазии на два больших лагеря: сторонников золотого стандарта, или «дорогих» денег, и защитников «дешевых» денег, под которыми понимались бумажные (гринбэки) и серебряные деньги. Носительницей идеи золотого стандарта была по преимуществу крупная финансово-промышленная и торговая буржуазия. Социальную опору движения за «дешевые» деньги составляло фермерство, мелкая и средняя сельская буржуазия. Но в защиту их агитировали также и представители некоторых групп промышленной буржуазии[45]. В широком смысле за «дешевые» деньги выступали те буржуазные слои, которые извлекали экономическую пользу от инфляции. Она же была выгодна владельцам неприбыльных и малодоходных хозяйств и предприятий. Всем им постоянное возрастание денег в обращении представлялось верным способом увеличения покупательной способности населения, повышения спроса и цен на их товары и оживления деловой активности. Хроническая инфляция облегчала для них, кроме того, возможность расплаты с долгами: они могли погашать их при помощи все более обесценивающейся валюты.

Легко объяснима особая популярность теории «дешевых» денег среди фермерства: цены на сельскохозяйственные продукты в последней трети XIX в. катастрофически и непрерывно падали, задолженность все возрастала, закладывались и перезакладывались хозяйства. Теория же «дешевых» денег обещала им быстрое повышение цен, облегчение выплаты долгов, освобождение от экономических тягот.

---

[42] United States Report, vol. 158, p. 564.
[43] Ibid, vol. 156. p. 1.
[44] Ibid., vol. 166. p. 290.
[45] *Kirkland E. C.* Industry Comes of Age: Business, Labor and Public Policy, 1860—1897. N. Y., 1967, p. 35, 36.

Глубинные корни ухудшения положения фермерства заключались в мировом аграрном кризисе и в чрезвычайно усилившейся конкуренции на мировом рынке со стороны сельскохозяйственной продукции из Австралии, Аргентины, России и Канады. Складывалась парадоксальная ситуация: улучшая обработку земли, удешевляя и увеличивая производство пшеницы, хлопка, маиса, овса, фермер способствовал углублению кризиса, росту перепроизводства. С 60-х по 90-е годы сбор этих культур



ЗДАНИЕ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

значительно увеличился, цены же на них снизились в среднем в 1,5—3 раза. В результате прибыль фермеров не возросла, а упала [46]. Ухудшение положения фермерства было связано и с бурным процессом монополизации в посредническом бизнесе, с нещадной эксплуатацией сельскохозяйственных производителей железнодорожными корпорациями, отнимавшими у них половину прибылей.

Сторонники «дешевых» денег объясняли падение цен на сельскохозяйственные продукты исключительно уменьшением количества денег в обращении. Они подыскивали красноречивые доказательства своей точке зрения: например, было подсчитано, что с 1865 по 1890 г. количество денег в обращении сократилось в расчете на одного человека с 31,18 до 20 долл. Увеличить количество денег в обращении при сохранении золотого стандарта не представлялось возможным: естественные запасы этого благородного металла были ограниченны. После гражданской войны сто-

[46] *Ленс С.* Бедность: неискоренимый парадокс Америки. М., 1976, с. 215—217.

ронники «дешевых» денег настаивали на расширении выпуска гринбэков, а с конца 70-х годов, когда в западных штатах были обнаружены богатейшие запасы серебра и ежегодная добыча его возросла в 4 раза, выдвинули лозунг свободной чеканки серебряной монеты и уравнения ее с золотой. Так оформилось движение биметаллистов, поборников двойного — золотого и серебряного — денежного стандарта.

К великому огорчению сторонников «дешевых» денег, правительственная политика после гражданской войны заключалась в последовательном укреплении золотого стандарта. В 1875 г. государство изъяло из обращения треть бумажных денег — гринбэков. Еще раньше, в 1873 г., был издан указ о прекращении чеканки серебряной монеты, которая с 1837 г. имела хождение наравне с золотой [47]. Противники этих актов назвали их преступлениями, указав, что девальвация доллара и курс на монополию золотого стандарта означали падение цен на сельскохозяйственные продукты и принуждали фермера расплачиваться за займы, предоставленные ранее в дешевых деньгах, дорогой валютой. Постепенно в сознании сторонников «дешевых» денег оформлялась мысль о гигантском заговоре правительства США и других государств с международными и отечественными финансовыми воротилами в целях утверждения господства золотого стандарта и экономического порабощения армии должников.

При всем том, что сторонники «дешевых» денег давали неверное по существу объяснение причин ухудшения положения американского фермерства и наивно связывали утверждение золотого стандарта с заговором могущественных банков и правительства, их программа определенно заключала в себе способ частичного улучшения экономических позиций мелких производителей — должников. Ретроспективный взгляд на движение за «дешевые» деньги в конце XIX в. позволяет обнаружить, что оно фактически добивалось от правительства дотаций для фермерства посредством и ценой создания бюджетного дефицита и инфляции, т. е. политики, которая стала использоваться в США с 1930-х годов.

С конца 70-х годов движение за «дешевые» деньги, опиравшееся до того почти исключительно на фермерство, получило ощутимую поддержку со стороны владельцев серебряных рудников Запада, которые в результате стремительного роста добычи этого металла столкнулись с проблемой явно недостаточного спроса на него. Их лозунгом стало требование свободной, неограниченной чеканки серебряной монеты. Этот лозунг постепенно восприняли как фермеры, так и организации демократической партии в западных штатах. В 1878 г. они добились частичной уступки своему требованию от конгресса США. Одобренный обеими палатами конгресса билль Бланда — Эллисона (он стал законом, преодолев вето президента Хейса) предполагал ежемесячную закупку федеральным правительством серебра на сумму от 2 млн. до 4 млн. долл. для нужд денежного обращения. Республиканская администрация, однако, с самого начало бойкотировала этот закон, и он ничуть не поколебал позиций сторонников золотого стандарта.

Республиканцы оставались твердыми защитниками золотого стандарта и на протяжении 80—90-х годов. Защищая его, они указывали, что золотой стандарт утвердился как в большинстве европейских стран, так и

[47] *Friedman M., Schwartz A. J.* A Monetary History of the United States, 1867—1960. Princeton (N. J.), 1966, p. 48, 49.

на мировом рынке и что в этих условиях свободная чеканка серебряных денег в США приведет к падению доверия к доллару и утечке золотых запасов из страны. В демократической же партии постепенно складывалась достаточно сильная «серебряная» фракция. После победы на президентских выборах 1884 г. Г. Кливленда она повела решительное наступление на администрацию, добиваясь эффективного проведения в жизнь закона Бланда — Эллисона. Но президент от демократов обнаружил совершенно противоположное намерение, выдвинув предложение о приостановке действия этого закона. Он заручился поддержкой демократов, выражавших интересы финансово-промышленной буржуазии северо-восточных штатов. В конгрессе же его опорой стал республиканский сенат [48].

В 1890 г., когда у власти был уже республиканский президент Гаррисон, «серебряным» демократам удалось провести через конгресс билль, который примерно вдвое по сравнению с законом Бланда — Эллисона увеличивал сумму федеральных средств на закупку серебра [49]. Победа «серебряных» демократов носила временный характер, она была подарена им республиканцами за обещание поддержать билль о новом повышении протекционистских тарифов. Уже в 1893 г. Г. Кливленд, во второй раз занявший президентское кресло, указом исполнительной власти отменил закон 1890 г. и, окончательно вбив клин в свои отношения с «серебряными» демократами, распорядился выделить 50 млн. долл. из федеральных средств на покупку золота у Моргана [50]. Всего на закупку золота в 1894—1896 гг. правительством было выделено 300 млн. долл. Уолл-стрит встретил решение президента с нескрываемой радостью.

Решительная поддержка Кливлендом золотого стандарта привела к расколу демократов накануне президентских выборов 1896 г. Демократы, выражавшие интересы промышленных и сельскохозяйственных кругов Запада, добились выдвижения кандидатом в президенты Брайана. Брайанисты сумели заручиться поддержкой и со стороны популистов. Для фермерской партии этот шаг означал принесение в жертву единственному лозунгу свободной чеканки серебряной монеты широкой программы демократических социально-экономических и политических требований. Пожертвовав большим, популисты не смогли добиться успеха и в малом. Поражение Брайана обернулось смертным приговором лозунгу неограниченной чеканки серебра. В конце XIX в. в США окончательно восторжествовал золотой стандарт.

Предметом нескончаемых споров между демократами и республиканцами в последней четверти XIX в. являлась и тарифная политика. Приверженность демократов низким тарифам опиралась на давнюю традицию. В эпоху перехода к империализму они попытались изыскать новые способы защиты низких тарифов с тем, чтобы заручиться в этом вопросе поддержкой народных масс. Новый аргумент демократов, рассчитанный на мелкобуржуазные слои, сводился к тому, что высокие тарифы подавляют конкуренцию со стороны иностранных товаров и способствуют развитию внутри страны монополий. Идея о том, что жесткая протекционистская политика является «матерью трестов», прозвучала в президент-

---

[48] *Coletta P. E.* Greenbackers, Goldbugs and Silverites.— In: Gilded Age. A Reappraisal, p. 124—126.
[49] *Friedman M., Schwartz A. J.* Op. cit., p. 106.
[50] History of the U. S. Political Parties, vol. 2, p. 395—399.

ском послании Г. Кливленда конгрессу в 1887 г. (лидер демократов надеялся с ее помощью завоевать доверие масс в преддверии выборов 1888 г.).

Республиканская пропаганда со своей стороны изощренно обосновывала противоположный тезис — о преимуществах, исходящих для нации из протекционистской политики. Снижение ввозных пошлин, доказывали республиканцы, приведет к понижению прибылей отечественной промышленности, что, в свою очередь, повлечет повышение рыночных цен и сокращение заработной платы рабочих. В целом тарифная проблема отражала противоречия между различными группами буржуазии. Большинство представителей крупного капитала выступали в пользу протекционизма.

Ввозные пошлины возрастали в США на протяжении последних четырех десятилетий XIX в. На первый взгляд может показаться странным, что американская промышленность, давно вышедшая из младенческого возраста и способная конкурировать в эпоху перехода к империализму с товарами самых развитых капиталистических стран, продолжала оставаться под опекой протекционизма. Неприятие американскими промышленниками фритредерства имело, однако, под собой глубокие основания. Оно объяснялось тем, что у американского капитала не было собственных колониальных рынков и его инвестиционные позиции за границей оставались крайне слабыми. Это и побуждало его к монополизации возможностей внутреннего рынка. Немаловажное значение в защите протекционизма промышленниками США имела боязнь того, что американские товары, несмотря на меньшую себестоимость в сравнении с импортными, окажутся все же дороже из-за более низкой оплаты труда рабочих за границей.

С 1861 г. импортные товары облагались на американских таможнях 5—10%-ной ввозной пошлиной. Этого оказалось достаточно для того, чтобы начиная с 1881 г. ежегодные наполнения федеральной казны стали превышать расходы государства на 100 млн. долл.[51] Опираясь на этот факт, демократ Г. Кливленд, придя к власти в 1885 г., потребовал снизить ввозные пошлины. Дальнейшее увеличение федеральной казны он объявил опасным; излишки средств, доказывал Кливленд, ведут к расточительству и в конечном счете подрыву моральных устоев государства. Конгресс счел пуританские проповеди президента безосновательными. Федеральным средствам было найдено применение: морской министр У. С. Уитни предложил списать все устаревшие корабли и выдвинул дорогостоящую программу строительства 22 современных броненосцев.

В 1890 г. конгресс США одобрил законопроект Маккинли — Олдрича, вводивший рекордные 49,5%-ные ввозные пошлины. Это был не просто защитительный, но и запретительный тариф, направленный фактически на искоренение иностранной конкуренции на внутреннем рынке. Под защиту тарифа попадали даже те отрасли, которые вообще еще отсутствовали в США, например производство броневой стали. Критикуя тариф Маккинли — Олдрича, Дж. Блейн указал, что столь жесткий протекционизм приведет к аналогичным ответным мерам со стороны иностранных

---

[51] *Schlesinger A. M.* Political and Social Growth of the United States, 1852—1933. N. Y., 1933, p. 182.

государств и сузит возможности американской экспортной торговли. По его настоянию некоторые товары, ввозимые из латиноамериканских стран, были освобождены от пошлин.

В 1894 г. тариф Вильсона — Гормана снизил ввозные пошлины до 39,9% и освободил от них импортную шерсть, медь, лесоматериалы. Но в 1897 г. тариф Дингли поднял ввозные пошлины до 57%. Протекционистская политика в США достигла апогея.

Призывая правительство на помощь, когда вставал вопрос о защите национальной промышленности от иностранной конкуренции, капитал США в то же время неукоснительно и твердо следовал принципу государственного невмешательства в подходе к проблеме законодательного обеспечения прав рабочих. С точки зрения правового положения пролетариат США в эпоху перехода к империализму продолжал оставаться парием буржуазного общества. В стране отсутствовали даже зачатки социального страхования рабочих, а требования пенсий для инвалидов и престарелых, компенсаций в случае болезни и производственного травматизма, пособий для безработных считались слишком радикальными. В развитии социального страхования США оказались далеко позади ряда западноевропейских стран, отставали не только от Англии, но и от буржуазно-юнкерской Германии, где первые законы о социальном обеспечении были введены Бисмарком в 80-е годы.

С конца 70-х годов некоторые штаты предприняли робкие попытки законодательного обеспечения самых элементарных норм и условий безопасности на капиталистическом производстве. В 1877 г. в Массачусетсе был принят первый в США закон об охране труда рабочих. К 1900 г. аналогичные акты, направленные на уменьшение производственного травматизма, существовали в 21 из 45 штатов [52]. На практике они, однако, были совершенно неэффективны. Органам фабрично-заводской инспекции выделялись крайне скудные средства, и они были обречены на бездействие. Предприниматели, преступившие законы об условиях труда рабочих, в крайнем случае подверглись штрафу от 5 до 50 долл. Нарушение законов стоило капиталистам много дешевле, нежели их соблюдение.

Одной из немногих сфер рабочего законодательства с конца XIX в. становится ограничение применения женского и детского труда в промышленности. К концу 80-х годов в трех штатах были приняты законы, устанавливающие для женщин 8-часовой рабочий день. В четырех штатах было запрещено использовать женский труд на шахтах. В девяти штатах приняты законы, запрещавшие нанимать на производство детей до определенного возраста (он варьировался в разных законах от 10 до 13 лет). Использование труда подростков старше этого возраста не ограничивалось.

Решительно отказывая рабочим в какой-либо материальной поддержке или вспомоществовании под предлогом государственного «невмешательства» в социально-экономические отношения, федеральное правительство и власти штатов в то же время занимали самую активную позицию во время классовых конфликтов между трудом и капиталом. Главный удар буржуазная государственная власть направляла при этом против профсоюзов, против стремления пролетариата улучшить свое положение и

---

[52] *David Th. H.* History of the Haymarket Affair. N. Y., 1936, p. 31.

защититься от монополий с помощью объединенных, а не разрозненных индивидуальных действий.

Пролетариат добился признания права на создание профсоюзов в 40-е годы XIX в., когда в одном из решений высшей судебной власти было декларировано, что рабочие могут объединяться для достижения своих целей честными средствами [53]. Но и после этого буржуазия не примирилась с существованием профсоюзов. Более того, арсенал средств, используемых ею в борьбе с тред-юнионами, пополнялся и разнообразился.

В эпоху капитализма свободной конкуренции в борьбе с профсоюзами судебные органы чаще всего обращались к доктрине «преступного заговора», заимствованной из «общего права». Эта доктрина обнаружила, однако, свою неэффективность в условиях перехода США к империализму, когда происходит резкое укрупнение масштабов частнокапиталистического производства, а вместе с ним стремительно возрастает как численность профсоюзов, так и число стачек, особенно массовых. Обращение к доктрине «преступного заговора» требовало подчас длительного судебного разбирательства, поименного привлечения к ответственности всех бастующих. Более действенным средством борьбы с профсоюзами оказалась система судебных предписаний («инджанкшнз»), которая с конца 70-х годов становится главным орудием расправы с забастовщиками. Доктрина же «преступного заговора» после 1877 г. исчерпывает себя [54].

Преимущество судебных предписаний в борьбе с рабочим движением заключалось в том, что они не требовали разбирательства дела присяжными и могли быть вынесены по одностороннему ходатайству предпринимателей. «Инджанкшнз» являлись превентивным средством пресечения забастовки: судья отдавал соответствующие приказы профсоюзам, едва обнаружив у них намерение организовать стачку, а если та была начата, мог остановить ее с помощью предписания в любой момент. Неповиновение судье, который при вынесении предписания не был связан буржуазно-демократическими процессуальными нормами, влекло за собой суровое наказание. В последней четверти XIX в. «инджанкшнз» были использованы против всех значительных стачек, в том числе и против знаменитой Пульмановской забастовки 1894 г. Число выносимых судебных предписаний стремительно росло: в 80-х годах их было издано 28, в следующем десятилетии — 122 [55].

Приспосабливая систему судебных предписаний, выносимых по так называемому «праву справедливости», юристы нимало не смущались тем обстоятельством, что формальная цель издания «инджанкшнз» заключалась в предотвращении только «непоправимого вреда имуществу». Прецедент допускал обращение к судебным предписаниям, если существовала угроза физического уничтожения собственности предпринимателя. Американские суды обошли это препятствие, отождествив постепенно в своих трактовках понятия «собственность» и «делать бизнес». После того как в определение «имущество» было включено право предпринимателя беспрепятственно производить, продавать и покупать товары, судебные предписания стали использоваться против любых попыток и намерений

---

[53] *Фонер Ф. С.* История рабочего движения в США...: В 5-ти т. М., 1949—1983, т. 1, с. 190.

[54] *Сивачев Н. В.* Правовое регулирование трудовых отношений в США. М., 1972, с. 15.

[55] В 1900—1909 гг. вынесено 329 «инджанкшнз», в 1910—1919 гг.— 446. См.: *Громаков Б. С.* Антидемократическое законодательство США. М., 1957, с. 62—65.

профсоюзов остановить капиталистическое производство. Рабочим организациям и их руководителям тем самым было отказано в праве рассмотрения их интересов в законном порядке, как он был определен конституцией США.

Пренебрежение судебными властями духом и буквой закона, если это отвечало классовым интересам капитала, раскрылось со всей полнотой, когда они превратили в средство расправы с профсоюзами антитрестовский акт Шермана. Применение акта Шермана к трудовым отношениям предоставило капиталу универсальное средство борьбы с рабочим движением. В законе была заключена возможность использовать все три вида наказания рабочих организаций, известные в то время: уголовное преследование, возмещение ущерба (в тройном размере) и вынесение судебного предписания [56].

В борьбе с рабочим движением капитал США неоднократно прибегал к услугам разветвленного аппарата насилия. Сюда входила и служба так называемого «частного насилия», которую составляли детективные агенты. В трех наиболее крупных из них насчитывалось 135 тыс. (в 5 раз больше численности федеральной армии США) [57]. Самой известной «частной армией» монополий было агентство Пинкертона. Но решающее слово в подавлении выступлений принадлежало воинским соединениям штатов и федерации. Своего рода максимой, выражающей отношение буржуазной власти к требованиям рабочих, явились слова одного из руководителей моргановской стальной империи: «Я всегда придерживался такого правила: если рабочий поднимает голову, нужно ударить по ней» [58].

3. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

После компромиссного соглашения двух буржуазных партий по негритянскому вопросу в результате сделки 1877 г. на Юге установился своего рода режим «реставрации». Конечно, полный пересмотр итогов гражданской войны и Реконструкции был невозможен: так, плантационное рабство теперь уже прочно принадлежало прошлому. Но было сведено на нет значение XIV и XV поправок к конституции, провозглашавших гражданское и политическое равенство негров. Именно в негритянской политике США последней четверти XIX в. заключены исторические корни того неравенства черных американцев, расовой сегрегации, которые остаются непреодоленными и по нынешний день.

В годы Реконструкции южные расисты прибегали в борьбе против гарантированных конституцией прав негров к террору и насилию. Южные бурбоны опирались на подпольные военизированные организации, такие, как Ку-клукс-клан, «Рыцари белой камелии», «Гвардия конституционного союза» и др. После 1877 г. они получили легальные возможности для осуществления своих целей: Север, республиканцы, федеральное правительство не просто закрыли глаза на творимые ими беззакония, но прямо потворствовали расистам.

---

[56] *Сивачев Н. В.* Правовое регулирование трудовых отношений в США. с. 19.
[57] *Громаков Б. С., Лисневский Э. В.* История государства и права США. Ростов н/Д, 1973. с. 47.
[58] *Фонер Ф. С.* Указ. соч., т. 3, с. 32. 33.

Особо реакционную роль в утверждении расистского строя на Юге сыграл Верховный суд США. Пользуясь исключительным правом выносить мнение о конституционности любых законов, принимаемых в стране, Верховный суд, раз за разом попирая федеральную конституцию, благословлял все противоречащие ей постановления расистских властей Юга.

В 1881 г. в штате Теннесси был принят закон о раздельном проезде белых и черных на железнодорожном транспорте, положивший начало легализованной системе расовой сегрегации. В южных штатах стали приниматься законы о раздельном пользовании и посещении неграми и белыми ресторанов, театров, больниц. Встречая упорное сопротивление со стороны негритянского населения, расовая сегрегация тем не менее распространялась повсюду в местах общественного пользования. Подобные акты отрицали тем самым федеральный закон о гражданских правах 1875 г. В 1883 г. Верховный суд США, вынося решение по поводу пяти разбирательств нарушений федерального закона о гражданских правах, объявил неконституционным сам этот закон. Верховный суд мотивировал решение тем, что XIV поправка к конституции США охраняла гражданские права от посягательств только со стороны государственных властей, но не частных лиц. А поскольку, железные дороги, рестораны, больницы являлись собственностью частных лиц, то сегрегация признавалась там допустимой [59]. В 1882 г. Верховный суд узаконил запреты на межрасовые браки, введенные в Южной Каролине, Луизиане, Миссисипи и других штатах Юга.

В 1896 г. Верховный суд США подвел новое обоснование под расовую сегрегацию, которое узаконивало ее в местах общественного пользования, принадлежащих как частным лицам, так и государству. Вынося определение по поводу луизианского закона о раздельном проезде черных и белых на общественном транспорте, верховный судебный орган США объявил, что сегрегация возможна, если не отрицает равенства в условиях обслуживания [60]. Как и прежде, он поворачивал против негров XIV поправку к федеральной конституции, утверждая, что эта поправка осуждала только неравенство прав, но не отрицала возможности раздельного пользования ими.

Доктрина «равных, но разделенных прав» негров явилась самым циничным оправданием расового угнетения. Было хорошо известно, что сегрегация негров обусловливается тем, что они всегда оказываются в гораздо худших условиях, чем белые. Сегрегация негров на транспорте, в школах, больницах и даже в тюрьмах использовалась для того, чтобы низвести человеческое достоинство негров. Так, черных заключенных отдавали на фермы и заводы в качестве бесплатной рабочей силы. Их хозяева использовали кнут и другие средства физической расправы не реже, чем когда-то плантаторы-рабовладельцы. В результате такого обращения в 1887 г. в штате Миссисипи погибли 16% заключенных негров, а в Арканзасе — 32%.

В 1890—1900-е годы в южных штатах было повсеместно изменено избирательное право с целью лишить его негритянское население. В 1890 г. в Миссисипи был созван специальный конвент для изменения существующей или принятия новой конституции. В прежней конституции штата

---

[59] United States Reports, vol. 109, p. 3—63.
[60] Ibid., vol. 163, p. 537.

указывалось, что ее замену должны санкционировать все избиратели. Но конвент, собравшийся в штате, где большинство голосовавших составляли негры, поступился этим правилом и самолично одобрил новую конституцию, которая вводила ценз грамотности и своеобразный имущественный ценз в виде избирательного налога. Эти цензовые ограничения лишили права голоса более 96% черных избирателей. Аналогичные ограничения избирательного права были введены в других южных штатах.

В 1898 г. Верховный суд США признал их законность, лицемерно заявив, что они не отрицают XV поправки к конституции, ибо последняя запрещала лишать избирательного права только по признаку расовой принадлежности или цвета кожи [61]. Буквалистское толкование XV поправки Верховным судом было на руку расистам, ибо давало им возможность исключить негров из числа избирателей, прибегнув к любым способам, не запрещенным федеральной конституцией. В результате на избирательных участках в южных штатах утвердился полный произвол.

Введение избирательного налога и проверки грамотности должно было, по замыслу расистов, отстранить от участия в выборах только негров. Практика, однако, показала, что введенные цензы сократили и число голосующих белых граждан [62]. Дабы восстановить «справедливость» в отношении белых соотечественников, многие из которых были опорой расистов, южные законодатели пошли еще на одну конституционную уловку. Была изобретена так называемая «дедушкина поправка», которая провозглашала, что голосовать могли даже лица, не знакомые с алфавитом и не имеющие за душой ни цента, если их отцы или деды пользовались избирательным правом до 1 января 1867 г. Естественно, что негры не могли представить подобных доказательств, поскольку XIV и XV поправки к федеральной конституции, наделявшие их правом голоса, были ратифицированы после 1867 г.

«Дедушкины поправки» были внесены начиная с 1895 г. в конституции большинства южных штатов. Так негритянское население Юга, составлявшее 89,7% всех черных американцев, было лишено основных гражданских и политических прав. Юг США предстал, по словам В. И. Ленина, как «какая-то тюрьма для „освобожденных“ негров...» [63].

Поддержка федеральными властями устремлений южных расистов выразилась не только в откровенно реакционной позиции Верховного суда США. Исполнительные и законодательные органы внесли свою лепту в пересмотр оценки гражданской войны и Реконструкции. В 1887 г. Кливленд президентским указом распорядился вернуть знамена мятежной Конфедерации, захваченные во времена гражданской войны северянами, в южные штаты. Этот шаг чрезвычайно ущемил самолюбие ветеранов республиканской партии, и Кливленд должен был до поры до времени воздержаться от проведения его в жизнь (знамена Конфедерации оказались в родных штатах при республиканском президенте Т. Рузвельте в 1905 г.). Но лидер демократов не прекратил демонстрировать откровенную неприязнь к итогам гражданской войны. Раз за разом он накладывал, например, вето на билли конгресса, устанавливавшие льготы ветеранам армии северян, которых называл не иначе, как мошен-

---

[61] United States Reports, vol. 170, p. 213.
[62] *Buck P. H.* The Road to Reunion, 1865—1900. Boston, 1937, p. 284—286.
[63] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 144.

никами. (Кливленд вошел в историю как президент, отклонивший наибольшее число законодательных предложений конгресса.)

В 1890 г. конгресс США, будучи хорошо осведомленным о том, что в южных штатах творится произвол во время выборов и что расисты просто не допускают негров к избирательным урнам, тем не менее провалил законопроект об использовании федеральных войск для защиты права голоса черных американцев. Республиканцы и демократы, депутаты конгресса продемонстрировали верность духу сделки 1877 г. и как бы показали, что возврата к временам Реконструкции быть не может.

Наряду с негритянской проблемой в национальной политике США последней четверти XIX в. особо важное место занимал индейский вопрос. С момента образования США буржуазное государство последовательно проводило линию на оттеснение индейцев с их законных земель и заключение коренных обитателей Америки в резервации, площади которых все сужались и сужались. Гражданская война, устранившая все препятствия на пути развития капитализма вширь, имела своим следствием еще более ожесточенное наступление промышленной и сельской буржуазии на земли индейских племен. Железнодорожные компании настойчиво требовали выселения индейцев со всех территорий, где проходили их магистрали. Так возник план «концентрации», предлагавший перемещение индейских племен из всех штатов в одну резервацию, на небольшой пятачок, заключенный между Канзасом и Небраской. Эта переселенческая политика, начавшая проводиться в конце 70-х годов, обернулась настоящей трагедией для индейцев. Многие из них не выдерживали тяжести переезда, заболевали, нередкими были смертельные исходы.

Политика «концентрации» провалилась как из-за решительного сопротивления индейских племен, не желавших переселяться с обжитых мест, так и в силу оппозиции со стороны земельных спекулянтов юго-западных штатов, притязавших на земли отведенной индейцам национальной резервации. Тогда федеральное правительство взяло на вооружение идею «ассимиляции» индейцев, означавшую разрушение их племенной организации и растворение краснокожих американцев среди белого населения. Эта идея, воплотившаяся в 1887 г. в законе Дауэса, на многие десятилетия определила политику буржуазного государства в отношении индейцев.

Закон Дауэса был направлен на разрушение общинной земельной собственности индейцев и раздел ее в частное пользование. Он означал неизбежно уничтожение всей племенной организации коренных жителей Северной Америки. Инициаторы закона представляли его как приобщение «варваров» — индейцев к плодам белой цивилизации [64]. В тайне сохранялся другой, подспудный, но самый важный мотив принятия закона Дауэса — желание железнодорожных и земельных компаний поживиться за счет экспроприируемой правительством большей части индейских территорий. Согласно этому закону при разделе земельной собственности племени главе каждой семьи отрезался надел в 160 акров, остальным взрослым членам семьи отписывалось по 80 акров. При таких нормах только меньшая часть земель племени переходила в частную собствен-

[64] *Fritz H. E.* The Movement for Indian Assimilation, 1860—1890. Philadelphia, 1963, ch. 8, 9.

ность индейцев, большая же часть становилась достоянием федерального правительства, получившего право на их распродажу. К началу XX в. был произведен раздел 118 индейских резерваций. В результате индейцы потеряли 86 млн. акров земли (62%), принадлежавшей им до 1887 г.

Осуществленный по закону Дауэса перевод всей жизни и быта индейцев на буржуазные рельсы принес им неисчислимые и непоправимые беды. Фактически подвергались разрушению весь уклад индейцев, его социально-экономические и этнические основы, а также самобытная, питающаяся вековыми традициями культура. Взамен индейцам обещали блага, которыми пользовались белые американцы,— права на частную собственность и гражданство. В действительности это был обман, о котором знали белые цивилизаторы. Так, не являлось тайной, что все имевшие место до 1887 г. попытки насадить среди индейцев частную собственность оканчивались неизменно тем, что коренные американцы лишались своей земли. Опыт показал, что общее владение землей и племенной уклад жизни заключали для индейцев единственную возможность самосохранения, спасения своей этнической общности и культуры. Авторы закона Дауэса лицемерно закрывали глаза на то, что индейцы, не умевшие ни писать, ни изъясняться на английском языке, не приспособленные к буржуазному образу жизни и капиталистической конкуренции, третировавшиеся белыми как «низшая раса», не могли в основной массе сохранить за собой земельные наделы и не могли, как и чернокожие американцы, реально воспользоваться предоставленными им гражданскими правами.

В целом последняя четверть XIX в. предстает как один из консервативных периодов в истории внутренней политики США. Буржуазия в полной мере воспользовалась победой в гражданской войне для того, чтобы подчинить служению своим социально-экономическим и политическим интересам исполнительную власть, конгресс, суды. Щедрые земельные пожалования железнодорожным корпорациям, беспрецедентная по жестокости протекционистская политика и другие меры буржуазного государства благоприятствовали усилению экономических позиций крупного капитала, образованию повсеместно монополистических объединений. Социальная политика правительства освящала ничем не ограниченную эксплуатацию крупным капиталом пролетариата и мелкой сельской и городской буржуазии. Правительство США отгородилось от социально-экономических требований эксплуатируемых масс при помощи лозунга «государственного невмешательства», но в то же время использовало все средства, не гнушаясь силы, для защиты экономического могущества крупного капитала. В области национальной политики последняя четверть XIX в. ознаменовалась подавлением и отменой многих экономических, политических и юридических прав черных американцев, завоеванных в ходе гражданской войны и Реконструкции. Две буржуазные партии преодолели различия эпохи гражданской войны и выступали отныне единым фронтом по всем основным вопросам внутренней политики.

Глава третья
ПОДЪЕМ МАССОВОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

1. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА

После окончания гражданской войны и Реконструкции быстрыми темпами происходил численный рост пролетариата. Если в 1870 г. было 3,8 млн. рабочих, то 30 лет спустя эта цифра выросла до 9,4 млн.[1]

В составе самого рабочего класса увеличивался удельный вес фабрично-заводского пролетариата, сконцентрированного в значительной степени на крупных предприятиях новых отраслей промышленности, в производстве средств производства, в металлургии, железнодорожном деле.

Важные изменения происходили в составе рабочей силы по квалификации. Значительная часть коренных рабочих, а также небольшая часть иммигрантов-специалистов, связанных с цеховым, ручным трудом, имевших опыт и высокие производственные навыки, принадлежали к категории квалифицированных рабочих: механики, паровозные машинисты, печатники, столяры, стеклодувы, плотники, некоторые категории строительных рабочих, сигарочники и другие подобные специалисты искусного ручного труда. Несмотря на то что быстрое развитие техники и усовершенствование производственных процессов увеличили в значительной степени спрос на труд неквалифицированный, на каждом предприятии оставались рабочие-специалисты, «белая кость» рабочего класса. Появились и новые категории рабочих профессий (в электротехнической, автомобилестроительной и других отраслях, сделавших первые шаги в своем развитии), требовавшие также специальной выучки, высокой квалификации.

Все это усиливало процесс расслоения пролетариата, а различия между слоями становились все более явственно выраженными. Это отмечали и американские исследователи. На предприятиях «в каждом цеху,— писал один исследователь,— можно обнаружить две группы людей, соответствующих этим двум категориям (квалифицированным и неквалифицированным.— *Авт.*): кузнец и молотобоец, каменщик и подсобный рабочий, клепальщик, паяльщик, монтажник и их подручные»[2]. Точное соотношение числа квалифицированных, полуквалифицированных и неквалифицированных американских рабочих в последней трети XIX в. установить трудно. По официальным подсчетам, в 1880 г. в категорию «квалифицированных» входили 844 тыс. рабочих, в 1890 г.— 1910 тыс., в 1900 г.— 2202 тыс.[3]

В стране монополий — США отчетливо проявлялась тенденция империализма к выделению среди рабочих привилегированных категорий и

---

[1] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975, p. 139.
[2] *Coombs W.* The Wages of Unskilled Labor in Manufacturing Industries in the United States, 1890—1924. N. Y., 1926, p. 15.
[3] The Skilled Labor Force. A Study of Census Data on the Craftsman Population of the United States, 1870—1950. Wash., 1954, p. 15—16.

отрыв их от широкой массы пролетариата, на что указывал В. И. Ленин[4]. Миллиарды сверхприбылей были экономической основой углубления раскола в среде рабочих. Увеличивая за счет сверхприбылей заработную плату отдельным категориям рабочих, предприниматели углубляли разрыв в положении высокооплачиваемых квалифицированных рабочих и массы неквалифицированных.

Разница в получаемой заработной плате как в отдельных отраслях, так и внутри одной отрасли промышленности не исчерпывает характеристики привилегированного положения «аристократии» в рабочем классе. Заработки «верхов» отличались большей стабильностью, в известной степени эти рабочие пользовались защитой тред-юнионов, объединявших главным образом эти слои пролетариата. В социальном отношении рабочая «аристократия» чувствовала свою близость к таким слоям общества, как мелкие собственники, ремесленники, торговцы.

Вместе с тем развитие капитализма в последней четверти XIX в. и становление монополистического капитализма делали основные классовые грани все более устойчивыми, резко усиливали социальные контрасты в стране. Посетившие в 1886 г. США Эдуард и Элеонора Маркс-Эвелинг писали: «В Америке... различие между классом капиталистов и рабочим классом... выражено самым отчетливым и бескомпромиссным образом. На верху социальной лестницы — миллионер, открыто и безжалостно сокрушающий конкурентов... Внизу — беззащитный голодающий пролетарий»[5].

Американские рабочие, в особенности квалифицированные, получали несколько более высокую заработную плату, чем европейские. Тем не менее условия жизни оставались тяжелыми. В конце 90-х годов $^2/_3$ американских рабочих-мужчин зарабатывали менее 600 долл. в год, в то время как прожиточный минимум для семьи из пяти человек, например в Нью-Йорке, составлял 825 долл.[6] Продолжительность рабочего дня является одним из наиболее важных показателей положения тружеников, занятых в различных отраслях производства. Рабочий день доходил часто до 12—15 часов, а в некоторых отраслях зачастую приходилось работать и по воскресеньям. 8-часовой рабочий день после длительной борьбы пролетариата был введен лишь на немногочисленных государственных предприятиях, а в 1892 г.— для государственных служащих. Между тем технические усовершенствования настолько увеличили напряженность труда в процессе производства, что она стала физически невыносима даже при 10—12-часовом рабочем дне. Как писал К. Маркс, повышение интенсификации труда заставляет рабочего «плотнее заполнять поры рабочего времени, т. е. конденсировать труд до такой степени, которая достижима только в рамках сокращенного рабочего дня»[7]. Поэтому одним из главных направлений борьбы пролетариата после гражданской войны стало требование 8-часового рабочего дня.

В конце XIX в. бичом рабочих была безработица. Во время кризисов миллионы рабочих оказывались на улице, а занятые рабочие жили в со-

---

[4] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 404.
[5] *Aveling Ed., Marx-Aveling El.* The Working-Class Movement in America. L., 1887, p. 13—14.
[6] *Johnson E. A., Krooss H. E.* The Origins and Development of American Economy. N. Y., 1953, p. 218, 225—226.
[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 421.

стоянии неуверенности, будет ли у них работа в ближайшем будущем. Условия труда большинства рабочих были тяжелыми: промышленные предприятия нередко ютились в малоприспособленных помещениях, отсутствовала техника безопасности, не соблюдались санитарные условия. Особенно тяжела была система надомного труда. Такую работу выполняли многие иммигранты в крупных промышленных городах США, каким был, например, Нью-Йорк.

В большинстве штатов в 80—90-х годах XIX в. не существовало социального страхования и охраны труда. Вследствие этого сотни рабочих гибли или получали увечья на заводах и железных дорогах, на стройках и в шахтах. По официальным данным, в конце 80-х — начале 90-х годов на железных дорогах при исполнении служебных обязанностей ежегодно погибало около 2,5 тыс. рабочих и более 26 тыс. получали увечья [8]. Важной чертой неблагоприятного положения рабочего класса было ухудшение жилищных условий (жилищное строительство не поспевало за ростом рабочей силы). В результате плохих производственных и бытовых условий, низкого уровня жизни пролетариата средняя продолжительность жизни рабочего в этот период достигала всего лишь 30 лет [9].

В самых тяжелых условиях находились дети американских рабочих. В 1880 г. более 1 млн. детей до 15 лет вынуждены были идти на фабрики и заводы, чтобы заработать на хлеб. В 1900 г. число работающих детей достигло 1750 тыс.[10] Во многих штатах не было никаких ограничений детского труда. Так, на фабриках Род-Айленда, где вообще не ограничивался детский труд, по данным созданной в 80-е годы Американской федерации труда (АФТ), 5—8-летние дети работали по 64—74 часа в неделю [11], получая мизерную заработную плату.

С развитием промышленности и ростом капиталистической эксплуатации все большее применение получал женский труд. К концу XIX в. около 2 млн. женщин было занято на производстве. В книге о рабочем классе США супруги Эвелинг писали, что каждого побывавшего на промышленных предприятиях поражала изможденность работниц. За равный труд с мужчиной они получали гораздо меньшую плату.

Значительную часть лишений и нужды, выпавших на долю рабочего класса США, приняли на себя рабочие-иммигранты: «Влияние иммиграции на производственное распределение промышленных рабочих выразилось в превращении рабочих, говорящих на английском языке, в рабочую аристократию, иммигранты же на всех предприятиях выполняли черную работу» [12]. Переполняя и без того перенаселенные города, иммигранты обычно занимали особые кварталы. Поражал контраст между различными «гетто» больших городов — «маленькой Италией», «маленькой Польшей» и т. д. и фешенебельными районами, где в необычайной роскоши жили богачи.

Наибольшие лишения испытывали рабочие-иммигранты из Азии и негритянское население. Наряду с классовым гнетом эти слои американских

---

[8] *Фонер Ф. С.* История рабочего движения в США: В 5-ти т. М., 1949—1983, т. 2, с. 302.
[9] Alarm, 1885, May 30.
[10] *Shannon F. L.* American Economic Growth. N. Y., 1940, p. 505.
[11] Proceedings of the Federation of Organized Trades and Labor Unions of the US and Canada, 1881—1886. Bloomington, 1905; Proceedings of the American Federation of Labor, 1886—1925. Convention, 1884. p. 9. (Далее: AFL. Proceedings...).
[12] *Hourwich I. A.* Immigration and Labor. N. Y., 1912, p. 12.

рабочих подвергались унижению, расовой дискриминации. Все, от чего страдали рабочие-иммигранты: трудная и низкооплачиваемая работа, скверные жилищные условия, экономическая и политическая дискриминация,— еще в большей степени затрагивало негритянских и азиатских рабочих.

Основные тенденции и закономерности развития рабочего класса проявлялись, как известно, в каждой стране в различной конкретно-исторической форме, а специфика социально-экономических процессов и исторического прошлого страны обусловливали особенности проявления закономерностей этого развития. В конце XIX в. продолжал существовать ряд факторов, тормозивших развитие рабочего движения.

К таким специфическим социальным факторам следует отнести исключительно благоприятные условия для развития капитализма в США, а также наличие (до 90-х годов XIX в.) «свободных» земель на западе страны, что, с одной стороны, способствовало определенной текучести состава промышленного пролетариата, а с другой — поддерживало в рабочем классе иллюзии выйти в течение более или менее короткого срока из положения рабочего и стать собственником [13]. Оба эти обстоятельства, влияя на формирование промышленного пролетариата, его социально-психологического облика, поддерживали в обыденном сознании рабочих дух практицизма, культивировали собственнические интересы.

К совокупности особенностей развития рабочего класса США относятся глубоко укоренившиеся расовые предрассудки в отношении негритянского населения, отравлявшие сознание пролетариата. Рабочие-негры, число которых после гражданской войны стало резко возрастать, составляли дискриминируемую как в производственном, так и в социальном отношении часть рабочих.

Расовые предрассудки и после формального уничтожения рабства прочно держались в сознании рабочих. Это выражалось прежде всего в недопущении негров в тред-юнионы белых рабочих. Только Объединенный союз горняков (ОСГ), созданный в 1890 г., принимал в свои ряды негров. Негры избирались и в руководство местных организаций ОСГ, и в исполком союза. Такой же позиции придерживался и «Орден рыцарей труда».

Белый шовинизм железнодорожных братств, независимых цеховых объединений паровозных машинистов, кочегаров, кондукторов, проводников, выражался в открытых антинегритянских демаршах этих союзов и проповеди расизма. С возникновением братств (1863—1890) те негритянские рабочие, которые выполняли квалифицированную работу на транспорте, оказались под угрозой вытеснения. На их долю оставалась в основном работа грузчиков и носильщиков.

К тем особенностям рабочего движения, которые старалась использовать буржуазия для его раскола, относилась иммиграция. В США иммигрировали люди разного достатка, но основную массу иммигрантов составляли трудящиеся массы, рабочие и крестьяне из Европы и Азии. Ф. Энгельс отмечал, что иммиграция разделяет «рабочих на две группы — на коренных и иностранцев, а этих последних опять-таки на: 1) ирландцев, 2) немцев, 3) множество мелких групп — чехов, поляков, итальянцев, скандинавов и пр. ... К тому же еще негры» [14]. Рабочему-иммигран-

[13] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 152.
[14] Там же, т. 39, с. 149.

ту, зачастую не знавшему языка страны, испытавшему экономические затруднения, сложности преодоления психологических барьеров и трудностей приспособления к новой среде, было отведено в обществе положение пожизненного пролетария [15].

Рабочие-иммигранты были рассеяны по всей стране, но главная масса их была сконцентрирована в крупнейших промышленных центрах, среди которых выделялись Чикаго, Нью-Йорк, Сан-Франциско. В отдельных от-

ИММИГРАНТЫ ИЗ ЕВРОПЫ, ОТПРАВЛЯЮЩИЕСЯ НА ЗАПАД США

раслях промышленности, а также географических районах были сосредоточены рабочие определенной национальности. Так, значительный процент немецких рабочих был занят в металлургической промышленности, на шахтах Пенсильвании, Западной Виргинии, на рудниках западных штатов, на текстильных фабриках Новой Англии. Квалифицированная часть итальянских рабочих, прежде всего каменотесы, была сосредоточена также в крупных промышленных центрах и растущих городах, на строительстве дорог. Основная же масса итальянских рабочих, состоявшая из неквалифицированных, подсобников, чернорабочих, проживала в кварталах крупных городов — Чикаго, Нью-Йорке, Милуоки, Сан-Франциско, где составляли основной костяк рабочих коммунального хозяйства, в основном мусорщиков. Рабочие — выходцы из Скандинавских стран — в значительной степени были заняты в отраслях, соответствовавших их занятиям на родине. Они были лесорубами в районах Среднего и Дальнего Запада, моряками как на Западном, так и на Восточном побережье [16].

---

[15] См.: Там же. т. 21, с. 264.

[16] *Богина Ш. А.* Иммигрантское население США, 1865—1900. Л., 1976, с. 157.

Привилегированное положение коренных рабочих обозначилось отчетливее на фоне иммиграционных волн 1880—1900-х годов, когда возрос приток рабочих из стран Восточной и Южной Европы, преимущественно неквалифицированных, поглощавшихся многими отраслями промышленности, где развитие механизации и упрощение производственных процессов вызвали нехватку именно этой категории рабочих. Тем не менее против «новых» иммигрантов воздвигался барьер шовинистических предрассудков со стороны представителей «старой» иммиграции и коренных американцев, выдвигались обвинения в подрыве американского образа жизни, в засорении «расовой чистоты и силы» [17]. На этом основании углублялся раскол между отдельными отрядами пролетариата, чему всемерно способствовала и что умело использовала буржуазия, отвлекавшая рабочие массы от выявления действительных причин их неустойчивого экономического положения, кризисов и угрозы безработицы.

В стране, писал Ф. Энгельс, «с самого начала развивавшейся на буржуазной основе, буржуазные предрассудки крепко засели также и в рабочем классе», и «американский рабочий воображает, что традиционная буржуазная форма хозяйства есть нечто по самой своей природе и на все времена прогрессивное и превосходное, нечто nec plus ultra [18]. Такому восприятию американской действительности способствовала и большая, чем в Европе, социальная мобильность и повышенная текучесть рабочей силы, а также другие факторы материальной и духовной жизни. Все это закрепляло индивидуализм и «экономизм» в обыденном сознании рабочих, создавало почву для идеологического влияния буржуазии, затрудняло развитие классового сознания пролетариата, который в последней трети XIX в., по словам В. И. Ленина, «не проявлял *почти никакой* политической самостоятельности» [19].

Политическая незрелость отразилась на социальных позициях американского пролетариата, которые были значительно слабее, чем у пролетариата европейских промышленно развитых стран. США оставались консервативной страной в области рабочего законодательства. Преследование за профсоюзную деятельность, вынесение судами предписаний, направленных против участников забастовок, были повсеместной практикой в конце XIX в.

Экономическое, политическое, правовое давление на рабочих дополнялось идейным влиянием буржуазии. Рост влияния социалистических идей, определенные успехи атеистического мировоззрения обострили внимание буржуазии к идеологическим проблемам. К жизни были вызваны различные социально-реформистские буржуазные теории, а также религиозные обновленческие тенденции, содержавшие идеи демократизации религии, идеи социальных реформ, направленных на то, чтобы воспрепятствовать соединению рабочего движения с социалистической идеологией. Через печать, школу, церковь, всевозможные клубы, особенно во время избирательных кампаний, буржуазия культивировала среди значи-

---

[17] *Gompers S.* Seventy Years of Life and Labour: Vol. 1, 2. N. Y., 1973, vol. 2, p. 160. Согласно данным американских демографов, при возросшем удельном весе неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих (в 1880—1900 гг.— 56,6% всех иммигрантов) квалифицированные рабочие и мастера составляли 13,5—15% иммигрантов. См.: Demography, Chicago, 1972, vol. 9, N 1, p. 87—89.

[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 38, с. 476.

[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 244.

тельных слоев рабочих мелкобуржуазные иллюзии о возможности разрешить свои насущные проблемы в рамках капитализма.

Несмотря на наличие ряда факторов, тормозивших развитие рабочего движения, в последнюю четверть XIX в. оно поднялось на более высокую ступень. Происходило вовлечение широких масс в стачечную борьбу, создавались рабочие организации национального масштаба, пробуждался интерес рабочих к социалистическим идеалам.

2. СОЗДАНИЕ «ОРДЕНА РЫЦАРЕЙ ТРУДА» (ОРТ) И АМЕРИКАНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ТРУДА (АФТ)

В этот период начался процесс роста и укрепления рабочих организаций, создания новых тред-юнионов. Этот процесс развивался еще интенсивнеее в годы экономического кризиса 1882—1885 гг., когда капиталисты предприняли наступление на рабочих и их организации. Профсоюзы стали более устойчивыми, в рабочее движение активно включались как квалифицированные рабочие, так и неквалифицированные, движение приобретало общенациональный характер. Среди требований об улучшении производственных и бытовых условий преобладало требование о сокращении рабочего времени.

В 80-е годы в рабочем движении существовали два крупных объединения — ОРТ и АФТ. Орден был более многочисленной организацией. Образованный в 1869 г. как тайная рабочая организация группой портных во главе с У. Стефенсом (с 1879 г.— Т. Паудерли), орден привлек в свои ряды рабочих других специальностей, в том числе неквалифицированных рабочих. В 1878 г. высший орган ордена — Генеральная ассамблея — принял программу и устав, которые предусматривали борьбу с растущим могуществом корпораций и уничтожение рабства наемного труда. Эту цель можно было достичь, как отмечалось в преамбуле к программе, «путем тесного объединения рабочих, а также совместными усилиями всех тех, кто повинуется божественному предписанию: „в поте лица своего добывай хлеб свой“» [20]. Программа предполагала «обеспечить получение трудящимися надлежащей доли производимых ими благ» путем создания системы производственных и потребительских кооперативов. С помощью данной системы наивно предполагалось ликвидировать принцип наемного труда и эксплуатацию человека человеком.

Среди требований по вопросам труда были: учреждение бюро рабочей статистики, юридическое признание тред-юнионов, равная оплата труда мужчин и женщин, создание техники безопасности на производстве, запрещение детского (до 14 лет) труда, сокращение рабочего дня.

В 1878 г. было принято решение о переходе ордена на легальное положение, что способствовало притоку новых членов; к 1886 г. в него входило около 703 тыс. Это были рабочие всех специальностей, различной национальной принадлежности, пола, квалификации, цвета кожи. В 1886 г. в ордене насчитывалось почти 60 тыс. негров. В отличие от большинства тред-юнионов ОРТ принимал в свои ряды и женщин, наиболее отсталую и эксплуатируемую часть пролетариата. Все это дало основание Ф. Энгельсу назвать «Рыцарей труда» первой национальной орга-

[20] *Powderly T. V.* Thirty Years of Labor, 1859—1889. Columbus, 1889, p. 243.

низацией, созданной всем американским рабочим классом [21]. Многочисленные ассамблеи ордена, организованные в штатах, подчеркивал Ф. Энгельс, сплочены «инстинктивным чувством того, что уже самый факт их объединения для достижения общей цели делает их великой силой в стране» [22].

Активность рядовых членов ордена сковывалась консервативной позицией руководства во главе с Т. Паудерли. Средства и методы борьбы за реализацию программы организации оказались неэффективными: они свелись главным образом к просветительской деятельности, к пропаганде целей ордена и отдельным общественным мероприятиям. Самостоятельная политическая активность рабочего класса категорически отвергалась, так как, по словам Паудерли, «рабочая партия ...не соответствует духу американских институтов» [23]. Участие в политической жизни ограничивалось поддержкой на выборах кандидатов, высказывавшихся за отдельные пункты программы ордена. В связи с этим руководство решительно боролось с социалистической тенденцией в рядах организации, и в этой борьбе его союзниками выступали непролетарские элементы, которым был открыт доступ в «Орден рыцарей труда».

Трагические последствия для рабочего движения имела установка на отказ от забастовочной борьбы и противопоставление ей арбитражных методов решения конфликтов с предпринимателями. Трусливой и непоследовательной позиции руководства ордена в 80-е годы, в период массового рабочего движения в США, противостояло активное участие местных ассамблей в забастовочном движении.

Иной организационный принцип лег в основу тред-юнионистского движения. Состав тред-юнионов определил политическую линию, экономические требования и идеологические установки этих организаций. В их костяк входили квалифицированные рабочие, «цеховые мастера», «белая кость» американского рабочего класса, значительная часть которых были коренными американцами по происхождению и занимали, как уже отмечалось, привилегированное положение по сравнению с иммигрантами и рабочими-неграми.

Объединение тред-юнионов произошло в ноябре 1881 г., когда была создана Федерация тред-юнионов и рабочих союзов США и Канады, в которую вошли и союзы, состоявшие из рабочих разной квалификации и профессии, а также некоторые ассамблеи ОРТ. Среди членов рабочих союзов немалое влияние имели социалисты. Борьба двух тенденций по принципиальным проблемам рабочего движения, которая проходила в самих тред-юнионах, находила отражение в дискуссиях на съездах федерации. К числу таких проблем относилась прежде всего проблема организационного построения и состава федерации и представительства на съезде.

На первом же съезде 1881 г. требование передовых рабочих состояло в том, чтобы объединить «всех трудящихся страны независимо от рода их занятий» [24]. Гомперс и другие руководители тред-юнионов потребовали не допускать в создаваемую организацию рабочих низкой квалификации, в том числе негров, многих категорий иммигрантов, женщин. И хотя

---

[21] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 350.
[22] Там же.
[23] *Powderly T. V.* Op. cit., p. 282—283.
[24] AFL, Proceedings..., Convention, 1881, p. 16.

гомперсистам пришлось уступить в этом пункте, анализ дискуссий по данному вопросу на следующих съездах выявляет настойчивость руководства и в конце концов преобразование федерации в Американскую федерацию труда — АФТ (декабрь 1886 г.) — в организацию, состоявшую в основном из цеховых союзов. Гомперсисты в дальнейшем укрепили организационные барьеры против проникновения в тред-юнионы неквалифицированных, рабочих-иммигрантов, негров путем повышения вступительных взносов, требованием определенного стажа гражданства США, согласия руководства национального союза на принятие новых членов местной организацией и т. д.

СЭМЮЭЛ ГОМПЕРС

Борьба за узкие цеховые интересы и защита членов тред-юнионов от конкуренции со стороны других рабочих определили антииммиграционную политику руководства федерации, которое активно пропагандировало националистические предрассудки, призывая ограничить или прекратить доступ в США неквалифицированных рабочих иммигрантов, которые якобы были не способны защитить свои позиции перед предпринимателями, организовываться, участвовать в забастовках. Им огульно приписывали роль штрейкбрехеров. Между тем рабочие-иммигранты вносили не только определенный вклад в экономическое развитие США. Многие из них приезжали в эту страну с большим опытом классовой борьбы и профсоюзной деятельности[25]. Гомперсисты игнорировали то обстоятельство, что профсоюзы швейников, ОСГ и др., в которые был открыт доступ иммигрантам, вели более успешную борьбу с предпринимателями.

В профсоюзном движении националистической политике консервативных тред-юнионистов противостояли подлинно интернациональные традиции. Выразителями их были не только известные социалисты Ф. Зорге, И. Дицген, но и активисты профсоюзного движения, среди которых следует назвать А. Парсонса, выдающегося борца за 8-часовой рабочий день, Т. Дж. Моргана, видного профсоюзного руководителя, а также Дж. Суинтона, профсоюзного организатора, издателя рабочей газеты. К. Маркс высоко ценил интернациональную солидарность американских рабочих с жертвами бисмарковского террора в Германии[26] и помощь, которую они оказывали немецким иммигрантам. Усилиями рабочих-интернационалистов на съездах федерации принимались соответствующие

[25] Так, эмигрировавшие в начале XX в. рабочие из стран Южной и Восточной Европы, а также из России «внесли и в Америку дух более смелых, наступательных, массовых стачек» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 91).

[26] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 376.

резолюции: в 1881 г.— в поддержку борьбы ирландского народа, в 1894 г.— против антииммиграционных законов и др.

Все эти проблемы были тесно связаны с борьбой в тред-юнионах по вопросу о независимой политической позиции рабочего класса. Тред-юнионизм, программа которого вырабатывалась в 80-е годы. С. Гомперсом, А. Штрассером, П. Мак-Гиром и другими лидерами, ориентировал рабочих на «чисто» тред-юнионистский путь профсоюзного движения.

Приехав в США в 1863 г. 13-летним подростком, Гомперс начал работать в табачной мастерской. Юношей он вступил в профсоюз и вскоре благодаря своим организаторским способностям стал играть в нем влиятельную роль. К 1881 г., когда была создана Федерация тред-юнионов и рабочих союзов США и Канады, Гомперс был известным деятелем тред-юнионистского движения и возглавил эту организацию. На данном посту (с 1886 г.— в АФТ) Гомперс оставался до конца жизни [27], до 1924 г.

Как и другие лидеры тред-юнионов, Гомперс еще в 70-е годы из работ Маркса и Энгельса и их соратников получил начальные представления о теории классовой борьбы. Эти знания способствовали определенному авторитету Гомперса у рядовых рабочих. В первые годы существования тред-юнионов идеи классовой борьбы, антагонизма интересов рабочих и капиталистов были популярны среди широких слоев рабочего класса. Мысли о классовой борьбе и конечной цели рабочего движения — уничтожении капиталистического рабства — не были чужды и выступлениям Гомперса в этот период. Деятельность лидера к тому же отличалась большой энергией и преданностью идее создания исключительно рабочей организации, организации цеховой, объединявшей квалифицированную часть рабочего класса. По мере того как монополистический капитал добился размежевания рабочего класса и обособления интересов квалифицированной тред-юнионистской прослойки, ее лидер отмежевался от интересов рабочего класса. Отбросив социалистические идеи, которые ранее использовались им, он стал выразителем интересов оппортунистического направления в американском рабочем движении. Изменился и характер деятельности руководства АФТ. Из скромного и даже подчас самоотверженного труженика Гомперс превратился в благополучного честолюбивого босса, который зачастую выступал в качестве партнера капиталистических магнатов.

Гомперсизм стал организационным отражением весьма низкого уровня формирования пролетарского сознания. Предложенная гомперсистами философия прагматизма и волюнтаризма означала отказ от борьбы за конечные цели пролетариата — уничтожение частной собственности, торжество социалистических идеалов — ограничение задач тред-юнионов борьбой за улучшение условий труда для узкого круга членов данной организации. Понятие «классовое сознание» рабочих заменялось «цеховым сознанием», а цеховые союзы были противопоставлены производственным. Принципом «делового» тред-юнионизма стал «политический нейтрализм».

Независимой политике рабочего класса, социалистической ориентации тред-юнионисты противопоставляли поддержку «друзей» рабочих в буржуазных партиях, а затем, на более позднем этапе, сотрудничество и поддержку политических партий буржуазии. Руководство федерации добивалось принятия соответствующих резолюций на съездах 1881—1884 гг.,

---

[27] Гомперс не был избран президентом АФТ только в 1894 г.

а также в последующий период. Характерно, что в годы наибольшего подъема рабочего движения — в 1886 и в 1893—1894 гг.— на съездах тред-юнионов принимались резолюции в поддержку независимой рабочей партии и программы с социалистическими положениями (например, выдвинутая Т. Дж. Морганом на съезде 1893 г.) [28].

Тред-юнионы как часть рабочего движения США испытывали на себе влияние тех процессов, которые характеризовали движение в целом. Именно поэтому в период роста в стране классовых конфликтов и подъема рабочего движения в тред-юнионах обострялась борьба двух тенденций и гомперсизм вынужден был принимать во внимание изменившиеся настроения масс и не выступать откровенно против мнения большинства, чтобы не утратить влияния и в иной обстановке проводить внутри федерации «буржуазную политику против социалистической» [29].

3. БОРЬБА ЗА 8-ЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Первая половина 80-х годов — подъем массового рабочего движения в США. Именно тогда требование сокращения рабочего времени и улучшения условий труда, выдвинутое и поддержанное как квалифицированными, так и неквалифицированными, организованными и неорганизованными рабочими различных профессий, стало всеобщим. Происходил неуклонный рост забастовочного движения (1881 г.— 130 тыс., 1886 г.— 610 тыс. участников [30]), 77% предприятий, охваченных забастовками, находились в крупнейших промышленных штатах.

Среди событий тех лет следует упомянуть одну из первых крупных забастовок рабочих железоделательной и сталелитейной промышленности Пенсильвании, Огайо, Индианы, Западной Виргинии, Иллинойса и Висконсина (1882), когда 40 тыс. рабочих в течение четырех месяцев вели мужественную борьбу, в которой им не удалось добиться от компаний изменения заработной платы.

В том же году произошла забастовка 2,5 тыс. горняков Пенсильвании, выступивших против снижения заработной платы предпринимателями. Как и забастовкой металлургов, горняками руководили местные профсоюзные организации, и хотя им была оказана материальная помощь и поддержка рабочими других специальностей, лишь незначительному числу забастовщиков удалось отстоять свои требования.

В те же месяцы потерпели поражение от железнодорожных компаний «Нью-Йорк сентрал — Гудзон ривер» и «Нью-Йорк сентрал — Лейк Эри — Вестерн роудз» грузчики железнодорожного узла Нью-Йорк и Джерси-Сити, зарабатывавшие всего около 40 долл. в месяц и лишенные предпринимателями права создавать рабочие организации. Требования грузчиков были отвергнуты, а с помощью штрейкбрехеров была сорвана забастовка.

---

[28] AFL, Proceedings..., Convention, 1886, p. 16; 1893, p. 37—38. О формировании идеологии американского тред-юнионизма см.: *Аскольдова С. М.* Формирование идеологии американского тред-юнионизма. М., 1976, гл. I, II.

[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 231.

[30] United States Department of Labor. Strikes in the United States, 1880—1936 / Compl. by F. Peterson. Wash., 1938, p. 29. См. также: *Аскольдова С. М.* Начало массового рабочего движения в США (80-е годы XIX в.). М., 1966.

Летом 1883 г. бастовали рабочие и служащие телеграфной сети США. Фактически это была борьба Братства телеграфистов (ОРТ) с группой монополий, контролировавшихся Дж. Гульдом. 20 тыс. трудящихся выступили против систематического снижения заработков и за сокращение рабочего времени. С самого начала забастовки телеграфисты допустили серьезные тактические ошибки: некоторые категории рабочих, связанные с работой прессы, из опасения восстановить против себя газетчиков не бастовали. К тому же, несмотря на помощь Центрального рабочего союза Нью-Йорка, а также многих местных ассамблей ордена, телеграфисты располагали крайне ограниченным денежным фондом. Руководство «Рыцарей труда», враждебно относясь к стачкам как средству борьбы, проявило равнодушие, с опозданием выделило в помощь стачечникам незначительные средства. Тактика руководства исполкома ОРТ вызвала большое разочарование среди рядовых.

Местные же организации ордена в первой половине 80-х годов успешно руководили стачечной борьбой. Таким примером может быть забастовка на железных дорогах Дж. Гульда (1885), вызванная сокращением заработной платы рабочих на 10—15% и неуступчивостью администрации компании в переговорах с рабочими. В депо и мастерских на протяжении 11 тыс. миль железнодорожного полотна Канзаса, Техаса и Миссури бастовали 4,5 тыс. человек. Этих рабочих поддержали другие организации ордена. Большую помощь забастовщикам в создании новых ассамблей, а также в сборе средств оказал известный деятель рабочего движения, издатель рабочих газет Дж. Бьюкенен. Решающую роль сыграла поддержка рабочих со стороны четырех железнодорожных братств (паровозных машинистов, кочегаров, кондукторов и проводников), в результате чего фактически были приостановлены все перевозки. Солидарность рабочих, решительность их действий, организованность, которую рабочие противопоставили действиям Гульда, обеспечили им победу — повышение заработной платы.

Не удалось Гульду взять реванш через несколько месяцев, когда он предпринял попытку уволить значительную часть рабочих на «Уобаш рейлроуд» в Миссури, Иллинойсе и Индиане в июне — августе 1885 г. Этим актом Гульд рассчитывал разделаться и с организациями ОРТ в своих владениях. Компания наняла штрейкбрехеров и грубо отклонила инициативу местных ассамблей урегулировать вопрос путем переговоров.

К сожалению, местные ассамблеи получили отказ в поддержке со стороны руководства ордена [31]. Такой подход в условиях наступления предпринимателей на права рабочих подрывал коллективные усилия последних. Но когда все местные ассамблеи решительно высказались за забастовку, секретарь исполкома «Рыцарей труда» Ф. Тернер в официальном циркуляре (18 августа) информировал «Уобаш рейлроуд», что в случае упорства все ассамблеи ордена, получившие соответствующее указание исполкома, поддержат забастовщиков. Это была реальная угроза всеобщей забастовки, и компания Гульда пошла на переговоры, ускоренные сообщением о том, что местные ассамблеи пристально следят за их результатами. Гульд вынужден был уступить: перестал нанимать

---

[31] *Ware N.* The Labor Movement in the United States, 1860—1895. N. Y., 1929, p. 141.

штрейкбрехеров, восстановил на работе уволенных, фактически признал орден.

Эти события показали значение организованного давления рабочих для исхода борьбы с монополией. Активное участие ассамблей ордена в стачечном движении способствовало росту его рядов, что происходило часто вопреки линии руководства «Рыцарей труда». Непоследовательность Паудерли и его окружения оказала трагическое влияние на ход событий 1886 г.

Весной того года Гульд перешел в наступление. Он отказался признать организации ордена, закрыл отдельные мастерские, произвольно уволил рабочих, сократил их заработки. 1 марта 1886 г. рабочие ответили забастовкой, «самой крупной в истории США» [32], как отмечалось в официальных документах того времени. Непосредственное руководство рабочими находилось в руках окружной ассамблеи № 101, уже зарекомендовавшей себя успешной борьбой с Гульдом. Возглавлял ее социалист Мартин Айронс. К 6 марта бастовали 10 тыс. рабочих железнодорожной сети, мастерских, в том числе стрелочники, линейные рабочие, грузчики угля, шахтеры, телеграфисты. «Рыцари труда» требовали от компании признания своих организаций и установления минимальной заработной платы для неквалифицированных рабочих в размере 1,5 долл. в день.

Против стачечников выступили компании, официальные власти и пресса. Тяжелый удар был нанесен им также руководством железнодорожных братств и ордена. Глава Братства машинистов П. М. Артур публично осудил забастовщиков, декларировав отсутствие общности интересов у квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Артур резко критиковал принцип объединения ассамблей «Рыцарей труда» и поддержку в стачечной борьбе неквалифицированных рабочих[33]. Т. Паудерли также осудил стачки и действия М. Айронса, уповая на переговоры с администрацией и арбитраж, тем самым расхолаживая и дезориентируя рабочих. Гульд же, встретившийся 28 марта с Паудерли и обещавший путем арбитража учесть претензии рабочих, на следующий же день отказался от этой договоренности, в то время как Паудерли призвал рабочих прекратить стачку.

Против рабочих выступили также и мелкие предприниматели, и торговцы бастовавших районов. В результате мужественно сражавшиеся стачечники, преданные руководством, потерпели тяжелое поражение. Действия Паудерли вызвали одобрение предпринимателей и прессы [34].

Доверие к нему в среде рабочих падало, чему способствовали и другие события. В начале 1886 г. на чикагском заводе сельскохозяйственных машин Маккормика было объявлено о локауте 1400 рабочих — членов ассамблеи «Рыцарей труда», а также профсоюзов формовщиков и металлистов. Рабочие проявили исключительную организованность, согласованность действий, выработали единую программу требований и последовательно отстаивали ее. Лидер ордена Паудерли остался в стороне даже тогда, когда Маккормик отказался вести переговоры с представителями трудящихся. Убедившись, что последним неоткуда ждать помощи, Маккормик нанял штрейкбрехеров и с помощью 400 полицейских разогнал пи-

---

[32] US Congress, House Reports, 49th Congress, 2nd Session, vol. 3, p. XII.
[33] Chicago Tribune, 1886, Mar. 13.
[34] Ibid., Mar. 27.

кеты рабочих и их митинг [35]. В дальнейшем Чикаго стал центром борьбы за 8-часовой рабочий день.

Как уже отмечалось, 1886 год характеризовался подъемом общенационального рабочего движения и ростом рабочих организаций. Активное участие рядовых членов ассамблей «Рыцарей труда» и тред-юнионов в движении влияло на позиции лидеров, хотя в целом эти позиции не отражали настроений масс, а зачастую были враждебны их интересам.

Федерация тред-юнионов и рабочих союзов на втором съезде (1882) приняла резолюцию о требовании 8-часового рабочего дня, предложенную представителями чикагских рабочих, и обратилась к президенту США, который, однако, оставил призыв тред-юнионов без внимания [36].

Важной вехой был съезд 1884 г., который принял резолюцию, внесенную Г. Эдмонстоном от имени Межнационального союза плотников и поддержанную многими другими делегатами. Резолюция призывала установить 8-часовой рабочий день с 1 мая 1886 г. Организациям предлагалось провести голосование о всеобщей забастовке в поддержку этого требования. Резолюция следующего съезда (1885) выражала надежду, что предприниматели согласятся с представленным им документом о 8-часовом рабочем дне [37].

Федерация тред-юнионов оставалась единственным профсоюзным центром, который поддерживал движение за сокращение рабочего дня, особенно интенсивно развивавшееся с первых месяцев 1886 г. Оно сопровождалось небывалым ростом федерации. В 1886 г. в ее рядах насчитывалось 138 тыс. Показательно, что в одном штате Иллинойс в 1885 г. к 139 существовавшим тред-юнионам присоединились 65, за первое полугодие 1886 г.— еще 75 образованных объединений.

Местные организации ОРТ, активно участвовавшие в движении, росли в этот период исключительно быстро. В том же штате за первое полугодие 1886 г. возникли 94 ассамблеи. Движение принимало массовый характер. Но руководство ордена решительно выступило против проведения всеобщей забастовки за 8-часовой рабочий день. Игнорируя поступавшие в исполком требования все новых и новых ассамблей самым активным образом включиться в подготовку всеобщей забастовки в мае 1886 г., Паудерли мотивировал свою позицию тем, что, во-первых, движение такого характера носит недопустимую политическую окраску, а во-вторых, тем, что массы не созрели для таких решительных действий, в силу чего борьба обречена на неудачу. Паудерли фактически сорвал переговоры с представителями федерации о совместных действиях. 13 марта он разослал ассамблеям секретный циркуляр, где категорически высказывался против участия в забастовке 1 мая. Несколько дней спустя циркуляр был опубликован в буржуазной прессе [38].

Тем не менее движение развивалось повсеместно, в первую очередь в таких крупных центрах, как Чикаго, Нью-Йорк, Милуоки, Цинциннати, Бостон, Питтсбург, Сент-Луис. Руководили выступлениями главным образом местные объединения рабочих организаций — центральные рабочие союзы (ЦРС). Под давлением организованных рабочих некоторые предприятия пошли на уступки и сократили рабочий день. Часть рабочих

[35] Ibid., Febr. 23, 24, 26; Mar. 1.
[36] AFL, Proceedings..., Convention, 1882, p. 15; 1883, p. 8.
[37] Ibid., 1885, p. 12.
[38] Chicago Tribune, 1886. Mar. 27.

добилась сокращения рабочего дня. В начале мая в движении участвовали 340 тыс. человек, 190 тыс. рабочих бастовали.

В конце апреля президент США Г. Кливленд выступил с посланием конгрессу по рабочей проблеме. Признавая остроту конфликта между рабочими и предпринимателями, Кливленд отметил «жадность и чрезмерные требования» последних. Упрекнув трудящихся в «недостаточной осторожности», президент пообещал с помощью правительственного вмешательства ликвидировать разногласия. Послание было направлено на то, чтобы успокоить общественное мнение и отвлечь рабочих обещаниями. Практического значения оно не имело. «Стачки следуют одна за другой»,— сообщала «Нью-Йорк дейли трибюн» 1 мая 1886 г.

Массовый характер носило выступление рабочих Чикаго. 40 тыс. рабочих бастовали, другие 45 тыс. добились сокращения рабочего дня без забастовки. 1 мая полностью остановилось все железнодорожное движение через город, закрылись все складские, станционные и ремонтные помещения, замерли промышленные предприятия: машиностроительные, железоделательные, деревообрабатывающие, мебельные, скотобойные и мясоконсервные, приостановились погрузочные работы. «В течение нескольких дней число забастовщиков превысило 50 тыс.,— рассказывали впоследствии очевидцы.— Участились митинги, и росло число их участников. Капиталисты были напуганы и пошли на уступки» [39].

Руководство забастовкой в Чикаго осуществлял ЦРС города, в котором большим влиянием пользовались Альберт Парсонс, Август Шпис и другие представители группы, испытавшей сильное влияние анархистских идей и называвшей себя революционно-социалистической. Однако в отличие от лассальянского руководства Социалистической рабочей партии чикагские лидеры видели свою задачу в работе среди профсоюзной массы, пропагандировали интернационализм, придавали большое значение как работе по организации иммигрантов, так и среди англоязычных пролетариев.

Ошибки чикагцев, прежде всего принижение значения политической борьбы, не мешали им отстаивать правильную идею о необходимости сосредоточить основную революционную работу в профессиональных союзах. Трудно переоценить значение четкой и острой критики, которую обращали чикагцы против узкого, «чистого» тред-юнионизма, против цеховщины, сговора с предпринимателями отдельных категорий рабочих за счет других. Именно с этих позиций ЦРС Чикаго критиковал консервативное объединение тред-юнионов города — ассамблею, с которой они порвали все связи. В 1886 г. ЦРС объединял 20 профсоюзов. Он стал главным профсоюзным центром города, к которому присоединялись все новые и новые организации.

Рабочим противостояли предприниматели и их объединения, в первую очередь Ассоциация граждан, исполнительным органом которой был Комитет общественной безопасности, включавший представителей обеих буржуазных партий. Железнодорожные магнаты чикагского узла создали Всеобщую ассоциацию предпринимателей также в целях борьбы с нараставшим рабочим движением. Эти организации имели в своем распоряжении огромные материальные средства, подкупленную полицию, штрейкбрехеров. Пинкертоновская сеть шпионажа за организациями рабочих

[39] The Chicago Martyrs. Their Speeches in Court. L., 1887, p. 1.

разработала систему провокаций, которая была изложена в секретном циркуляре [40]. Так была подготовлена почва для событий, которые произошли в Чикаго 3—4 мая.

В первый день уволенные с завода Маккормика устроили митинг, на котором выступил представитель ЦРС Шпис. Во время спровоцированного столкновения рабочих со штрейкбрехерами, специально вызванными во время митинга с завода, полиция открыла по рабочим огонь. Шесть человек были убиты, многие ранены.

Провокации продолжались и на следующий день, когда в 19 час. 30 мин. на площади Хеймаркет по призыву ЦРС собрались 2—3 тыс. рабочих. Выступавшие Шпис, Парсонс и Филден разоблачили предпринимателей как виновников кровопролития, виновников локаута 40—50 тыс. рабочих города, в результате чего их семьи обречены на голод. Ораторы вместе с тем призывали к бдительному и ответственному поведению рабочих перед лицом вооруженных противников [41]. В яркой речи Парсонс подчеркивал, что рабочим достается лишь 15% производимых ими материальных ценностей, остальное присваивается капиталистами, которые используют любой повод, чтобы скомпрометировать рабочее движение. «Всякий раз,— говорил Парсонс, обращаясь к участникам митинга,— когда вы требуете увеличения заработной платы, призываются войска, шериф, пинкертоновцы, чтобы стрелять в вас и избивать дубинками...» [42] Последним выступил Филден. Начался дождь, и многие участники стали покидать площадь. Неожиданно прибыл большой отряд полицейских. Они окружили повозку, с которой выступали ораторы.

Появление полиции насторожило участников митинга, ибо в этом не было необходимости, тем более что мэр города, только что покинувший площадь, заверил капитана полиции, что ее вмешательства не требуется. Тем не менее офицер полиции настаивал на немедленном закрытии митинга и велел всем разойтись. «Наш митинг мирный» — были последние слова Филдена. Однако полицейские начали наступать. В этот момент в их ряды полетела бомба. Один полицейский был убит. Полиция открыла по толпе рабочих огонь.

Эти события явились рубежом в движении рабочего класса в 80-е годы. В стране была инспирирована антирабочая кампания, «все конституционные и законные гарантии личной свободы и неприкосновенности были растоптаны» [43], начались массовые аресты, обыски. Парсонс, Шпис, Филден, Шваб, Нибе, Фишер, Энгель и Линг — известные в Чикаго деятели рабочего движения — оказались на скамье подсудимых.

Вся процедура суда была нарушением законодательства. Большое жюри, определившее участь подсудимых, было подобрано тенденциозно. В ноябре 1887 г. Шпис, Парсонс, Фишер и Энгель по приговору суда были казнены [44], несмотря на активный протест рабочих, осудивших деятельность властей на митингах и демонстрациях, несмотря на широ-

---

[40] Циркуляр попал в руки рабочих и был предан гласности. См.: Alarm, 1885, Oct. 17.

[41] The Chicago Martyrs, p. 117.

[42] Ibid., p. 128.

[43] *Зорге Ф. А.* Рабочее движение в Соединенных Штатах Америки. СПб., 1907. с. 250.

[44] Линг, приговоренный судом к казни, покончил с собой в тюрьме. В 1893 г. губернатор Иллинойса Дж. П. Алтгелд, вновь изучив дело, констатировал грубые нарушения законов и помиловал Филдена и Шваба.

кую кампанию рабочих Европы в защиту осужденных, на протест влиятельных американских общественных деятелей демократического направления.

Однако в то время как съезд федерации тред-юнионов осудил решение суда [45] и руководство высказалось в защиту приговоренных (хотя и не приняло на себя роль организатора этой кампании), Паудерли подверг резкой критике чикагских революционеров.

Движение за сокращение рабочего времени оказало политическое и практическое воздействие на рабочее движение. Более 200 тыс. добились сокращения рабочего времени с 10—12 до 8 часов, с 14—16 — до 12, с 12 — до 9 часов [46]. Важное значение движения заключалось в массовом вступлении трудящихся в союзы, тред-юнионы, ассамблеи ОРТ Отсутствие согласованности и общего руководства движением нанесло ему серьезный ущерб. Вместе с тем предательство движения со стороны руководства ордена сказалось на судьбе этой организации, которая стала таять и в 90-е годы XIX в. пришла в полный упадок.

Участие федерации тред-юнионов в рабочем движении 1886 г. укрепило ее положение. Квалифицированные рабочие вынуждены были вести упорную борьбу и за сокращение рабочего времени, и за улучшение условий труда, и за право на организацию, они приняли участие и в политической кампании 1886 г. Впоследствии тред-юнионы сосредоточили усилия на защите узкоцеховых интересов, продиктованных потребностями данной профессии и данной группы высококвалифицированных рабочих. Обособлению интересов этой категории рабочих способствовал процесс дальнейшего расслоения пролетариата, а также усилившийся приток неквалифицированных рабочих-иммигрантов.

В русле этих же тенденций формировалась в тред-юнионах руководящая группа во главе с С. Гомперсом, стремившаяся сузить задачи классовой борьбы и ограничить деятельность федерации защитой «индивидуальных» интересов квалифицированных рабочих — членов цеховых союзов. Этой задаче прежде всего была подчинена реорганизация федерации: в декабре 1886 г. в г. Колумбус состоялся съезд, оформивший образование Американской федерации труда, в основу которой лег принцип «строгого соблюдения автономии каждой профессии» [47]. Резолюция в поддержку политического движения рабочих, принятая на данном съезде под непосредственным влиянием событий года, в руках исполнительных органов АФТ во главе с С. Гомперсом не имела практического значения. Выждав необходимое время, на съездах 1887 и 1888 гг. гомперсисты осудили принятие данной резолюции, а на съезде 1889 г. ее отменили, декларировав, что «АФТ не будет иметь ничего общего с политическим рабочим движением» [48].

---

[45] AFL, Proceedings..., Convention, 1886, p. 46.

[46] Ibid., p. 6. На 1-м конгрессе II Интернационала в Париже в июле 1889 г. было принято решение о проведении ежегодной всемирной демонстрации трудящихся 1 мая, «чтобы разом во всех странах и во всех городах в один установленный день трудящиеся предъявили общественным властям требование ограничения законом рабочего дня до восьми часов, а также выполнения других постановлений международного конгресса в Париже» (Международные социалистические конгрессы. СПб., б. г., с. 49).

[47] AFL, Proceedings..., Convention, 1886, p. 19.

[48] Ibid., 1889, p. 23.

Открыто не требуя исключения социалистов из АФТ и формально допуская возможность доступа всем рабочим в тред-юнионы, включая рабочих-социалистов, тред-юнионистское руководство, однако, в 90-е годы перешло к откровенным антисоциалистическим выпадам. Гомперс в дискуссии на съезде 1890 г. провозгласил, что единственными организациями рабочих в США могут быть тред-юнионы. Интернациональные позиции рабочего класса в этом споре с Гомперсом на съезде АФТ занимал социалист Т. Дж. Морган, слесарь по профессии, представлявший чикагских рабочих. Следует отметить, что в обращениях ко многим видным европейским социалистам, в том числе в письме Ф. Энгельсу, Гомперс не упомянул об этой стороне дискуссии, пожаловавшись лишь на претензии делеонистов превратить АФТ в политическую организацию [49].

4. ГОМСТЕДСКАЯ И ПУЛЬМАНОВСКАЯ СТАЧКИ

Ошибки американских социалистов, обособление АФТ как организации цеховых союзов, упадок «Ордена рыцарей труда» — все это наносило невосполнимый ущерб рабочему движению, которое в условиях экономического кризиса и общего обострения социальной ситуации в первой половине 90-х годов оставалось без должного руководства, без четко выработанной платформы, объединяющей союзников пролетариата в антимонополистической борьбе, в общедемократическом движении. В забастовках 1892—1894 гг., в столкновениях с такими могучими трестами, как Карнеги, терпели поражение не только неорганизованные рабочие, но и члены тред-юнионов АФТ.

В 90-е годы ведущие отрасли тяжелой промышленности, горнорудной, железнодорожного транспорта были охвачены забастовочным движением. События развивались на фоне разразившегося в 1893 г. тяжелого экономического кризиса, в результате которого к марту 1894 г. заработная плата металлургов, горняков, текстильщиков сократилась на 10—20%, а работы лишились, по подсчетам АФТ, 6 млн. человек. Безработица носила повсеместный характер. В промышленных городах проходили митинги безработных. В Бостоне они атаковали официальные здания. Губернатор вызвал полицию, чтобы разогнать людей, требовавших работу [50].

Массы безработных со всех концов страны весной 1894 г. двинулись на Вашингтон с целью потребовать от федерального правительства принять меры по борьбе с безработицей, изложенные в билле о помощи безработным, составленном руководителем похода Дж. С. Кокси. Это движение, носившее название «Армия общего блага», опиралось на симпатии и поддержку многих популистских организаций, тред-юнионов (представитель АФТ в Калифорнии Карл Браун был одним из организаторов похода), местных ассамблей ОРТ. По пути следования безработных возникали митинги с участием рабочих и фермерских организаций, проводились агитационные кампании, разъяснявшие цели и задачи похода. В ряды «армии генерала Кокси» вливалось пополнение из безработных и разорившихся фермеров. По подсчетам агентов министерства юстиции,

[49] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 1, оп. 5, д. 6324.

[50] American Federation of Labor: History, Encyclopedia, Reference Book, vol. 1, p. 11. См. также: ЦПА ИМЛ, ф. 9, оп. 5, д. 15/37.

«АРМИЯ КОКСИ» ДВИЖЕТСЯ НА ВАШИНГТОН

к Вашингтону подошло около 60—70 тыс. человек [51]. Официальный Вашингтон игнорировал требования безработных, Кокси и Браун были арестованы.

Забастовочное движение этих лет, достигшее наибольшего подъема в 1894 г. (610 тыс. участников) [52], началось крупными выступлениями в 1892 г. рабочих Нового Орлеана, стрелочников Буффало, шахтеров Теннесси. Летом 1892 г. вспыхнула знаменитая стачка сталелитейщиков

[51] *Куропятник Г. П.* Фермерское движение в США: От грейнджеров к Народной партии, 1867—1896. М., 1971, с. 231.
[52] US Department of Labor. Strikes..., p. 29.

Гомстеда против монополии Карнеги. Главной причиной недовольства было очередное резкое снижение расценок и ухудшение условий труда. Хозяин компании и управляющий заняли непримиримую позицию, а руководившая стачкой Объединенная ассоциация рабочих сталелитейной и железоделательной промышленности, влиятельный член АФТ — союз квалифицированных рабочих — ослабила свои позиции, отказавшись от сотрудничества с неорганизованными пролетариями этой отрасли.

К осени средства стачечного фонда ассоциации были истощены. 13 октября руководство стачкой не в первый раз запросило помощи у АФТ, но сбор средств в поддержку забастовщикам был назначен только на 13 декабря, а к концу ноября, так и не дождавшись ее от Гомперса и его коллег по исполнительному совету АФТ, забастовщики потерпели поражение. При этом не помогло ассоциации и обращение к кандидату в вице-президенты республиканцу У. Рейду, с мнением которого не посчитались предприниматели [53]. В результате компания не только оставила прежние условия труда, но фактически потребовала ликвидации профсоюза, и в течение последующих десятилетий рабочие этой отрасли оставались неорганизованными.

Исключительно боевой характер носила в 90-е годы борьба рудокопов США. В штате Теннесси в течение 20 лет в угледобыче использовался труд заключенных [54], которых по контрактам получали владельцы компаний от администрации штата. В упорной борьбе, которую в 1891—1893 гг. вели шахтеры Коул-Крика и других местечек штата за право на профсоюз, они добились отмены каторжного труда на угледобыче.

Одновременно развернулась борьба горняков в западных штатах — Айдахо, Монтана, Колорадо. Рабочие испытывали на себе произвол со стороны компаний, создавших Объединенную ассоциацию шахтовладельцев (1891). Невыносимы были не только условия труда на серебряных, свинцовых и медных копях, но и полная зависимость от предпринимателей. В борьбе против компаний в горнорудном районе объединились все антимонополистические силы [55]. Впереди шли рабочие, большинство которых принадлежало к ОРТ, разделяя его гуманные идеи рабочего братства. Эти рабочие поддерживали и популистское движение, от которого также получали помощь во времена стачечных боев, когда центром стал г. Кер д'Ален (штат Айдахо). В районе этого города в 1890 г. был создан Центральный союз горнорабочих (ЦСГ), координировавший деятельность многих возникших местных союзов рудокопов. Забастовка горняков летом 1891 г. против компании, контролировавшейся «Стандард ойл», заставила предпринимателей согласиться с установленной союзом шкалой заработной платы, признанием профсоюза, восстановлением уволенных и выплатой пособий больным.

Однако Объединенная ассоциация шахтовладельцев нарушила эти условия, заменив членов союза штрейкбрехерами. Горняки, подвергнутые локауту, вели разъяснительную работу среди ввезенных в Кер д'Ален штрейкбрехеров, которых охраняли пинкертоновцы. Провокации послед-

---

[53] *Brody D.* Steelworkers in America. The Nonunion Era. Cambridge (Mass.), 1960, p. 55—56. В 1891 г. ассоциация объединяла 21 тыс. рабочих (Ibid., p. 50).

[54] Эта же система принудительного труда существовала в Джорджии, Алабаме, Техасе.

[55] *Haywood W. D.* Bill Haywood's Book. The Autobiography of W. D. Haywood. N. Y., 1958, p. 120—128.

них, поддержанные службой шерифа, привели к кровавому столкновению и гибели трех рабочих. Были вызваны 1500 солдат национальной гвардии. Начались аресты, в первую очередь руководителей и членов профсоюза, некоторых забастовщиков приговорили к тюремному заключению. И все же, опираясь на стойкость основной массы горняков, на общественное мнение, явно склонявшееся на сторону рабочих, рудокопы выиграли забастовку, заставив предпринимателей отказаться от сокращения заработной платы и признать профсоюз. Эту победу рабочие закрепили созданием боевой организации — Западной федерации горнорабочих (ЗФГ) (май 1893 г.). Эта организация, основанная на производственном принципе, понимала необходимость союза рабочих с другими антимонополистическими группами [56].

В АФТ же руководство цеховых союзов смягчило критику монополий, шло на контакты с ними, а в сентябре 1899 г. С. Гомперс и генеральный секретарь Объединенного союза рабочих-швейников Г. Уайт от имени АФТ убеждали рабочих не опасаться роста влияния трестов. Разногласия по принципиальным вопросам привели к резкому расхождению между ЗФТ и АФТ. Осенью 1899 г. ЗФГ и другие независимые от АФТ профсоюзные организации западных штатов создали Западный рабочий союз, против которого на протяжении многих лет вела подрывную работу АФТ.

Другим производственным профсоюзным объединением, носителем боевой традиции в рабочем движении был созданный летом 1893 г. под руководством Дебса Американский железнодорожный союз (АЖС), доступ в который был открыт железнодорожникам всех специальностей и любой квалификации, мужчинам и женщинам. Вступать в союз могли также углекопы, докеры, вагоностроители, обслуживавшие железнодорожные компании. Были установлены низкие членские взносы (около 1 долл. в год). АЖС бросил вызов аристократическим железнодорожным братствам, цеховым союзам, объединявшим десятую часть рабочих железнодорожной сети [57].

Руководитель АЖС 38-летний Ю. Дебс, в будущем один из вождей социалистического движения США, с 14 лет работал на железной дороге; был секретарем и редактором журнала Братства паровозных кочегаров. Дебс упорно боролся против цеховых принципов профсоюзного движения на транспорте и стал авторитетным и умелым руководителем в АЖС. За один год союз превратился в самый крупный в Соединенных Штатах, объединив 425 местных отделений (150 тыс. человек). Это были железнодорожные рабочие «Юнион Пасифик», «Денвер—Рио-Гранде», «Рио-Гранде—Вестерн», а также других компаний, включая 4 тыс. рабочих небольшого промышленного городка, где находилось вагоностроительное предприятие Дж. Пульмана.

В первый год существования АЖС одержал принципиальную победу в забастовке на железной дороге «Грейт Нозерн». Все 9 тыс. рабочих этой трансконтинентальной магистрали участвовали в борьбе против очередного снижения расценок, длившейся 18 дней. Успех был достигнут благодаря единству действий рабочих всех специальностей, что явилось

---

[56] *Dubofsky M.* The Origins of Western Working Class Radicalism, 1890—1905.— Labor History, 1968, vol. 7, N 2, p. 141.

[57] В 1893 г. эти союзы объединяли менее 100 тыс. человек.

грозным предупреждением Всеобщей ассоциации предпринимателей (владельцев 64 тыс. км железнодорожного пути), обеспечивавшей помощь компаниям во время забастовок и набиравшей штрейкбрехеров.

Все эти силы, опираясь на поддержку федерального правительства, выступили против железнодорожников в следующем, 1894 г. во время знаменитой Пульмановской стачки. Причин для забастовки было более чем достаточно. В этом городе царил полный произвол компании как в определении условий труда, так и оплаты жилищ и коммунальных услуг. Рабочие повседневно становились жертвами системы «черных списков», сокращений заработной платы, несправедливых увольнений. В кризисный год компания сократила заработную плату рабочих в среднем на 25—40%.

В переговорах с представителями рабочих Пульман и администрация заняли непримиримую позицию. В мае 1894 г. началась забастовка, которая превратилась во всеобщую, охватившую почти все железнодорожные линии страны. АЖС, его руководитель Дебс призывали рабочих к солидарности, выдержке, последовательности. Союз обратился к другим рабочим организациям — АФТ, братствам железнодорожников — поддержать бастующих, однако последние фактически заняли штрейкбрехерскую позицию. Гомперс рекомендовал местным организациям воздержаться от забастовки, сославшись на судебное предписание («инджанкшн»), которое было уже к этому времени вынесено против забастовщиков. Помощь и поддержка пришли со стороны местных отделений ОРТ и фермеров. Симпатии к рабочим питали и солдаты: в Калифорнии военные подразделения стали брататься с забастовщиками и впоследствии были распущены.

Руководство правительственной кампанией борьбы против забастовки было поручено министру юстиции Р. Олни, члену правления многих железнодорожных корпораций. Под его влиянием 2 июля 1894 г. суд штата Иллинойс вынес предписание, запрещавшее членам союза и другим лицам препятствовать нормальной работе железных дорог. Нарушение этого предписания грозило арестом и судебным преследованием.

Президент Кливленд направил в Чикаго, район главных событий, войска. Это произошло 4 июля, в День независимости США. Провокационные вылазки агентов предпринимателей вызвали пожары, взрывы, порчу имущества компаний и привели к кровавым столкновениям. Войска стреляли в рабочих: десятки были убиты и ранены.

10 июля Дебс и другие руководители стачки были арестованы, затем выпущены на поруки, а 19 июля — снова арестованы; в здании АЖС произвели обыск. 700 активных стачечников оказались за решеткой. Суд над Дебсом и его соратниками состоялся в декабре. Формально их осудили на основании антитрестовского закона Шермана. Руководители АЖС были осуждены на сроки от трех до шести месяцев тюремного заключения.

Подавлением Пульмановской стачки рабочему движению США был нанесен сильнейший удар. Последовали гонения и преследования, распались многие организации, АЖС был обессилен. Но всеобщая стачка железнодорожников явилась важной вехой в классовой борьбе, продемонстрировав мощь и силу коллективных действий рабочих против могущественнейших компаний.

Лидеры АФТ и железнодорожных братств использовали поражение забастовки для пропаганды тред-юнионистских установок и оправдания

политики «классового сотрудничества». Они призывали к переговорам с крупным бизнесом, установлению с ним широких контактов и сотрудничеству, что и было осуществлено в созданной через пять лет Национальной гражданской федерации.

На гребне подъема рабочего движения в 1893—1894 гг. в самой АФТ возникла кризисная ситуация, вызванная активным проявлением социалистической тенденции и антигомперсистских настроений в тред-юнионах. Съезд 1893 г. подавляющим большинством голосов (2244 против 67) вынес решение о передаче на обсуждение в тред-юнионы и местные союзы программы, содержащей ряд принципов социалистической направленности, и вопроса о независимой политической деятельности рабочих. По итогам этого обсуждения должно было быть принято окончательное решение на съезде в декабре 1894 г. в г. Денвере.

Эту программу выдвинул известный социалист Т. Дж. Морган. В ней предусматривалась национализация железных дорог, средств связи, шахт, требовалось ввести систему обязательного образования, законодательную инициативу, законодательство о 8-часовом рабочем дне для всех категорий рабочих, санитарную инспекцию предприятий и жилищ, ответственность предпринимателей за несчастные случаи на производстве, уничтожить потогонную систему, ставилась цель перехода в коллективную собственность народа всех орудий и средств производства и распределения (пункт 10).

Примечательно, что ни один из лидеров АФТ на съезде, а также во время бурного обсуждения программы в тред-юнионах не отверг ее положений. Крупнейшие союзы — ОСГ, Ассоциация рабочих сталелитейной и железоделательной промышленности, сигарочники, текстильщики, портные, маляры, служащие городского транспорта и гостиниц, а также 11 федераций штатов и 8 городских объединений высказались за принятие программы в целом[58]. Соответственно выступала и профсоюзная пресса: «Мы надеемся,— писала газета пивоваров,— что пункт 10 политической программы будет принят и представительный орган тред-юнионов и рабочих союзов Америки официально признáет основные принципы научного социализма»[59].

Обсуждение происходило и на страницах издававшегося с 1894 г. журнала АФТ «Америкэн федерейшионист», где выступали известные деятели американского рабочего движения. Гомперсисты вели себя осторожно. «В революционные времена,— замечал С. Гомперс в доверительном письме,— бесполезно проповедовать консерватизм, лучше стоять в стороне, чем идти против течения»[60].

Но по мере приближения съезда гомперсисты выражали все большие опасения за исход этих дискуссий и готовились «разделаться с навязанными федерации политическими вопросами»[61]. Гомперс предупреждал единомышленников, что на съезде в Денвере «вопрос будет стоять... о коренных и основополагающих принципах организации»[62]. Именно по-

---

[58] *Commons J. R.* et al. History of Labor in the United States: Vol. 1—4. N. Y., 1918—1935, vol. 2, p. 511.
[59] *Grob G.* Workers and Utopia. A Study of Ideological Conflict in the American Labor Movement, 1865—1900. Evanston, 1961, p. 177.
[60] Цит. по: *Mandel B.* Samuel Gompers. A Biography. Yellow Springs (O.), 1963, p. 152.
[61] *Фонер Ф. С.* Указ. соч., т. 2, с. 354.
[62] *Grob G.* Op. cit., p. 178.

этому на съезде АФТ бюрократическое руководство использовало всю свою власть и расчленило голосование за программу по пунктам таким образом, что после длительного обсуждения пункта 10 программы он был передан для повторного обсуждения и «усовершенствования» в низовые организации.

Таким образом, из принятой программы был выброшен главный пункт. И несмотря на то что социалистически настроенным делегатам впервые удалось нанести поражение кандидатуре Гомперса на пост президента АФТ (им стал Макбрайд из ОСГ), в условиях поражения железнодорожников и общего спада рабочего движения гомперсисты уже на следующем съезде в 1895 г. открыто заявили, что «у АФТ нет политической платформы» [63].

С ростом и усилением трестов, вызвавших обострение классовых противоречий, рабочие все четче осознавали свои интересы. Буржуазия вырабатывала тактику борьбы с рабочим движением. Она использовала также реформистскую тенденцию консервативного руководства тред-юнионов для раскола и ослабления пролетарской борьбы.

---

[63] AFL, Proceedings..., Convention, 1895, p. 66.

Глава четвертая

НАЧАЛО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

1. ИДЕЙНЫЕ ТЕЧЕНИЯ

Обострение противоречий между трудящимися и буржуазией, как уже отмечалось, выразилось в чрезвычайном росте активности рабочего класса. По преимуществу она носила экономический характер, но в отдельных своих проявлениях уже могла послужить, как считал К. Маркс, «исходным пунктом для образования серьезной рабочей партии» [1]. Большую роль в активизации рабочего движения в направлении независимого политического действия и формировании социалистических групп сыграли американские секции I Интернационала. При их содействии в 1876 г. была создана объединившая все социалистические организации страны Рабочая партия Соединенных Штатов. В 1877 г. она была переименована в Социалистическую рабочую партию (СРП).

Социалистическое движение развивалось в борьбе с различными чуждыми подлинному социализму влияниями и шло по основным проблемам социалистического и рабочего движения: о революционной роли рабочего класса и его участии в борьбе, о характере и роли политической партии, о пути развития социалистической революции, о соотношении легальных и нелегальных методов борьбы против капитализма, о союзниках рабочего класса и т. п.

В период создания и в первое десятилетие существования Социалистическая рабочая партия испытывала особенно сильное влияние лассальянства, что в немалой степени было связано с преобладанием в американском социалистическом движении немецкой иммигрантской социал-демократии. Несмотря на оппозицию марксистов-интернационалистов, руководство американским социалистическим движением захватили лассальянцы. Национальным секретарем партии был избран также лассальянец Ф. ван Паттен.

Маркс, много лет боровшийся с лассальянством в международном социалистическом движении, характеризовал его как течение сектантское и потому враждебное «организации *подлинного* рабочего движения» [2]. Лассальянцы привнесли в социалистическое движение США мелкобуржуазные предрассудки, касавшиеся вопроса о роли капиталистического государства в общественном прогрессе. Развитие капитализма, утверждали лассальянцы, создает условия для социализма: централизованное производство и огромный пауперизированный класс работников наемного труда — основа для социалистических преобразований. Но чтобы их совершить, необходимо отнять у капиталистов власть, и единственное средство в этом случае — «всеобщее прямое избирательное право», при содействии которого рабочие якобы получат большинство в законодательных

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 50.
[2] Там же, т. 33, с. 279.

и исполнительных органах. В результате государство будет вынуждено передать рабочим капитал для ведения производства в интересах всех членов общества, которое таким образом автоматически освобождается от господства капиталистов-эксплуататоров.

В предложенной лассальянцами схеме политическое движение пролетариата представлялось в виде предвыборной борьбы за места в администрации. «Избирательный бюллетень является тем средством, с помощью которого мы даем практическое выражение нашим мнениям... Необходимо стремиться к тому, чтобы добиться соответствующего нашим интересам законодательства и соблюдения его путем избрания законодателей и исполнителей из числа социалистов» [3]. Вот основные принципы, которыми руководствовались лассальянцы в рабочем движении.

Отводя рабочим в сфере политической борьбы лишь участие в избирательных кампаниях, лассальянцы игнорировали экономический аспект рабочего движения. В их программах отсутствовали требования поддержки статечной и забастовочной борьбы. Подобное игнорирование экономической борьбы трудящихся могло привести лишь к отрыву социалистической партии от масс и превращению ее в секту. Марксисты в борьбе за сохранение влияния партии на рабочее движение стремились идейно укрепить ее. При создании СРП им удалось внести в платформу партии пункт об экономической борьбе. «Экономическое освобождение трудящихся классов,— говорилось в нем,— является... главной целью, которой должно быть подчинено в качестве средства любое политическое движение» [4].

Несмотря на усилия марксистов, СРП не могла полностью преодолеть лассальянства до конца 80-х годов. И все-таки основополагающим принципом практической деятельности СРП оставался марксистский принцип сочетания профсоюзной и политической деятельности. В результате партия оказывала значительное влияние на формирование профессиональных союзов, многие из которых, как отмечал Ф. Фонер, имели в тот период «социалистическое происхождение, т. е. были созданы социалистами или под влиянием социалистов» [5].

Социалистического происхождения был, например, Центральный рабочий союз Нью-Йорка, созданный в 1882 г. В его программе была выражена марксистская идея о необходимости соединения экономической и политической борьбы в рабочем движении. Социалисты вошли в руководство этого союза, направляя его деятельность по пути движения к независимой рабочей политике. Помимо нью-йоркского, другие центральные профсоюзные организации в большинстве крупных городов США также были созданы социалистами.

Влияние социалистов в рабочем движении могло быть несравненно более сильным, если бы саму СРП не раздирали разногласия, которые ослабляли ее и часто являлись причиной появления чуждых и враждебных социалистическому движению тенденций.

В социалистическом движении последней четверти XIX в. была заметна и анархистская тенденция. Особенно она проявилась в начале 80-х годов, что было одним из результатов сектантско-догматической линии

---

[3] The Centennial, 1789—1889. A Political View of the Celebration. S. l., 1889, p. 6.
[4] Labor Standard, 1876, Sept. 23.
[5] *Фонер Ф. С.* История рабочего движения в США...: В 5-ти т. М., 1949—1983, т. 2, с. 37.

руководства СРП, которое часто отказывалось от решения проблем реального рабочего движения. В этот период в стране действовало большое число анархистских групп, использовавших в пропаганде среди рабочих социалистические лозунги. Идеологом американского анархизма был И. Мост, который в 1882 г. приехал из Германии в США, стремясь возродить здесь идеи разбитого в Европе бакунизма. Энгельс, который неустанно вел борьбу с международным анархизмом, предупреждал американских марксистов об этой опасности, полагая, не без основания, что в США И. Мост, и другие анархисты могут найти благоприятную почву в виде полупролетарской, мелкобуржуазной массы иммигрантов. Он писал Ф. Зорге: «Я думаю, что в Америке, этой сектантской стране, он найдет единомышленников и будет некоторое время создавать неразбериху»[6].

Энгельс оказался прав. Во многих крупных городах в начале 80-х годов появились отколовшиеся от СРП группы анархистов. Созданные ими клубы привлекали рабочих прежде всего иностранного происхождения, иммигрантов. По инициативе И. Моста в 1883 г. на съезде американских анархистских групп в Питтсбурге была создана Международная рабочая ассоциация, называвшая себя также «Черным Интернационалом». В Питтсбурге был принят манифест с изложением кредо анархистов. В нем говорилось об уничтожении существующего государства и создании экономической системы, основанной на «свободном обмене эквивалентных продуктов между самими производящими организациями и без вмешательства посредников и спекулянтов»[7].

Часть социалистов, разочаровавшихся в легальной политической деятельности, поддалась пропаганде анархистов и выступила в защиту так называемых «энергичных революционных действий». Идеи анархизма разделяли один из самых популярных на Среднем Западе социалистов, А. Парсонс, а также известный социалистический оратор и журналист А. Шпис. Оба руководили Чикагским клубом анархистов, который имел сильное влияние на профсоюзное движение на Среднем Западе. Анархисты издавали газеты (наибольшей известностью пользовалась «Аларм», редактором которой был Парсонс), организовывали демонстрации, выступали с докладами и лекциями. Обращаясь к рабочим, они убеждали отказываться от политической борьбы и сосредоточить усилия на действиях, способных дезорганизовать и деморализовать капиталистическое производство и капиталистическое общество.

Последующие события показали, сколь серьезный вред нанес анархизм всему социалистическому движению. Крикливая пропаганда и безответственные действия социалистов-революционеров, как себя называли анархисты, были использованы правящими кругами Америки для бешеной антисоциалистической кампании. Как известно, она завершилась расправой над группой чикагских социалистов-революционеров, ложно обвиненных в заговоре против господствующего строя и действиях, направленных на его свержение. Современники трагических событий в Чикаго отмечали, что на митинге 4 мая 1886 г., созванном анархистами, речи выступавших были выдержаны в «обычной политической манере»[8]. Совершенно очевидно, что экстремистские программы, которые фигури-

---

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 42.

[7] Цит. по: *Бриссенден П. Ф.* Промышленные рабочие мира. М.; Л., 1926, с. 7.

[8] *Aveling Ed., Marx-Aveling El.* The Chicago Anarchists. A Statement of Facts. L., 1887, p. 1—2.

ровали в обвинительном заключении по «чикагскому делу», были лишь предлогом для широкого наступления на все социалистическое движение. В это наступление были втянуты и некоторые профсоюзы, спешившие доказать «лояльность» существующей системе [9].

Полицейские преследования после «хеймаркетского дела» заставили анархистов на некоторое время свернуть деятельность. Были закрыты многие анархистские клубы, газеты, журналы. В 90-е годы анархисты вновь попытались оживить пропаганду своих принципов. Однако активных действий они уже не возобновляли и ограничивались дискуссиями на страницах газеты «Рэбел» (основана в 1895 г., после закрытия властями «Аларм»).

Анархисты выступали против основных марксистских принципов в тактике рабочего движения. Они отрицали политическую форму классовой борьбы пролетариата, утверждая, что «рабочий вопрос является чисто экономическим... и в качестве такового должен решаться на чисто экономической основе» [10]. Они отвергли организованные выступления рабочего класса, с ожесточением нападая на принципы парламентских действий, защищаемые марксистами [11].

В борьбе с анархизмом СРП в 1886 г. выпустила брошюру под весьма красноречивым названием «Социализм и анархизм — антагонистические противники». В ней разъяснялись основные теоретические положения марксизма относительно «насилия» и показывались различия в тактике анархизма и социализма. Однако в действительных причинах влияния пропаганды анархистов в рабочем и профсоюзном движении США идеологи СРП разобраться не сумели.

Агитация лассальянцев и анархистов и их фракционная борьба в СРП значительно ослабляли позиции социалистов в рабочем движении. Но в целом авторитет социалистов оставался достаточно высоким среди рабочих. И это являлось важным стимулом для развития социалистического движения в США. Энгельс, внимательно следивший за событиями в США, писал в начале 1886 г. Ф. Зорге: «В конце концов движение в Америке все же делает большие успехи» [12]. Об этих успехах, в частности, свидетельствовали результаты избирательной кампании 1886 г. в муниципальные органы Нью-Йорка. По призыву СРП рабочие приняли самое активное участие в выборах в поддержку кандидатуры Г. Джорджа, платформа которого, не будучи социалистической, могла, как правильно считали социалисты, послужить толчком к развитию независимого политического действия рабочего класса. Как известно, Джордж получил на выборах значительно больше голосов, нежели кандидат от республиканской партии, и этим успехом он был обязан в первую очередь активной пропаганде социалистов среди рабочих.

В целом социалисты сыграли видную роль в крупных выступлениях рабочего класса, и это, как отмечал Ф. Фонер, «был первый в восьмидесятых годах случай, когда СРП сделалась прямой и активной участницей массового рабочего движения в Соединенных Штатах» [13].

---

[9] *Аскольдова С. М.* Начало массового рабочего движения в США (80-е годы XIX в.). М., 1966, с. 210—211.
[10] Rebel, 1895, Nov. 20, p. 29.
[11] Ibid.
[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 366.
[13] *Фонер Ф. С.* Указ. соч., т. 2, с. 50.

1889 год ознаменовался поражением лассальянской фракции, которую Энгельс считал «самым худшим препятствием» развитию социалистического движения в США [14]. Новое руководство СРП значительно переработало программу, изъяв прежде всего пункт об оказании государственной помощи кооперативам. Было принято также решение усилить работу в профсоюзах. Несмотря на то что это решение натолкнулось на сильное сопротивление С. Гомперса, социалистам удалось оказать ощутимое влияние на деятельность нескольких десятков тред-юнионов.

2. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ ПРОТИВ РЕФОРМИЗМА АФТ

Идеологические установки АФТ были прямо противоположны принципам независимого политического действия, которыми руководствовались в своей деятельности американские социалисты. Гомперс решительно отвергал необходимость развивать социалистическое сознание у рабочего класса, в результате чего идеология тред-юнионизма, на которую опиралась АФТ, не могла подняться выше уровня заурядных реформистских теорий. Критика консервативной идеологии тред-юнионизма становилась безотлагательной задачей социалистов в связи с подъемом массового рабочего движения в конце 80-х — начале 90-х годов. Необходимо было нейтрализовать влияние этой идеологии, грозившей свести на нет успехи социалистической пропаганды в рабочем движении. Эту задачу взял на себя Д. Де Леон, который пришел в СРП в 1890 г.

С именем Де Леона связаны многие страницы в истории социалистического движения в США конца XIX— начала XX в., на которое он оказал сильное влияние. Де Леон поднял роль и значение социалистической прессы и в результате упорной борьбы добился признания принципа партийной собственности на печать [15]. Редактируемая им на протяжении двух десятилетий газета «Пипл» (ежедневная и еженедельная) обращалась к читателям на английском языке, что имело значение для широкой пропаганды социализма в американском рабочем движении, для пробуждения классового самосознания пролетариата. Одновременно, и это неоднократно отмечалось в марксистской исторической литературе, Де Леон допускал ряд ошибок, которые болезненно отразились на развитии социалистического движения в США.

К 90-м годам в основном завершилось формирование тред-юнионов, которые стали влиятельными организациями, насчитывающими сотни тысяч рабочих. СРП проявляла заинтересованность в связи с профсоюзным движением, что отразилось в резолюциях съезда 1889 г. [16] Однако последующие события показали, что СРП и в 90-х годах продолжала оставаться изолированной от широких трудящихся масс. Руководство АФТ, занимавшее откровенно антисоциалистическую позицию, использовало в дискуссии с социалистами (и не без успеха) критику сектантских ошибок и догматизма Де Леона в отношении как рабочего, так и фер-

---

[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 289.

[15] *Kuhn H., Johnson O. M.* During Four Decades. Socialist Labor Party, 1890—1930. N. Y., 1931, p. 109.

[16] Socialist Labor Party, Proceedings of the National Convention Held at Chicago, 28 September, 1889. Cincinnati, 1889.

мерского движения. Де Леон считал фермерство «средним», «коррумпированным» и переходным классом, подлежащим экспроприации в ходе социалистической революции. На этом основании он требовал от членов СРП, чтобы они отказались от поддержки популистского движения и Народной партии.

Борясь против влияния социалистов в тред-юнионистском движении, президент АФТ С. Гомперс обвинял их в попытках интегрировать профсоюзы в социалистическое движение[17]. Враждебная позиция Гомперса и антипрофсоюзная тенденция в СРП явились причиной кризисной ситуации, сложившейся в социалистическом движении начала 90-х годов. «В настоящее время мы находимся вне организованных рабочих и не пользуемся доверием пролетариата»,— вынуждена была заявить группа социалистов в 1892 г.[18]

Учитывая сложившуюся обстановку, руководство СРП сделало попытку призвать своих членов удвоить усилия по пропаганде социализма в местных тред-юнионах, с тем чтобы в дальнейшем оказывать влияние на политику национальных союзов. Эта тактика была предложена Де Леоном и получила название тактики «сверления изнутри». Некоторое время она оправдывала себя, поскольку в результате интенсивной социалистической пропаганды в местных союзах на съезде АФТ в 1893 г. была выдвинута программа, которая в корне расходилась с идеологическими установками гомперсизма. Как уже отмечалось, в одном из пунктов этой программы (пункт 10) говорилось о национализации средств производства[19].

Однако, не сумев преодолеть оппортунизм руководителей АФТ и местных союзов, Де Леон отказался от первоначально принятой им тактики «сверления изнутри», от социалистической пропаганды в тред-юнионах, поддержки борьбы за ближайшие, непосредственные требования улучшения условий труда и быта рабочих. Это была роковая ошибка Де Леона, повлекшая за собой ряд других, не менее серьезных. В выступлениях Де Леон все чаще обращался к критике тех рабочих организаций, которые борются за реализацию непосредственных экономических требований в условиях капитализма. Он говорил о тщетности усилий, направленных на улучшение положения рабочих при существующей системе, и отмечал, что все уступки, отвоеванные тред-юнионами у капиталистов, являются в конечном счете «банановыми корками под ногами пролетариата»[20]. Под огонь его критики попал и ОРТ, в котором без особого успеха пытались вести пропаганду социалисты. Покинув и эту рабочую организацию, СРП фактически оказалась изолированной от массового потока рабочего движения. Именно в этот период Де Леон применил новую тактику — «давление извне», или тактику «двойного юнионизма».

В 1895 г. по предложению Де Леона был создан новый рабочий союз — Социалистический альянс профсоюзных организаций и рабочих союзов, который противники Де Леона называли «незаконным отпрыском Социалистической рабочей партии»[21]. Ядро альянса составили Нью-Йорк-

[17] *Зубок Л. И.* Очерки истории рабочего движения в США, 1865—1918. М., 1962, с. 232—233.
[18] The Socialist Labor Party in New York (A Criticism). N. Y., 1892, p. 18.
[19] Proceedings of the American Federation of Labor, 1886—1925. Convention, 1893. Chicago, 1893, p. 37.
[20] *Foster W. Z.* From Bryan to Stalin. N. Y., 1937, p. 35.
[21] The Attitude of the Socialists toward the Trade Unions. N. Y., 1900, p. 8.

ская рабочая федерация, несколько рабочих союзов из центральных штатов, немецкие и еврейские тред-юнионы. На съезде СРП 1896 г. национальный секретарь Г. Кун представил альянс как революционный по характеру и целям профессиональный союз, объединявший в своих рядах квалифицированных и неквалифицированных рабочих [22]. В альянс вошли 15 тыс. человек.

Образованный в противовес цеховым союзам АФТ, Социалистический альянс имел целью борьбу с традиционными и консервативными формами «простого» и «чистого» тред-юнионизма. Однако уже вскоре после создания альянса стала очевидна его неэффективность как профессиональной организации, стоявшей в оппозиции к массовым формам экономической борьбы трудящихся. «Профсоюзы-двойники», согласно Де Леону, должны были покончить с господством реформизма АФТ, поставив под контроль Социалистической рабочей партии рабочее и профсоюзное движение в США. Фактически Де Леон мечтал создать «социалистические тред-юнионы», находящиеся в прямом подчинении социалистической партии. Эта догматическая установка руководства СРП оттолкнула от альянса многих рабочих, так что уже в 1898 г. в нем оставалось всего несколько тысяч человек.

Формируя Социалистический альянс, руководители и идеологи партии думали о том, чтобы выдвинуть «правильную альтернативу» «чистым» и «простым» тред-юнионам. Они призвали социалистов оставить эти «безнадежно прогнившие» организации и сосредоточить все силы на строительстве «революционных союзов». IX съезд СРП рекомендовал членам партии отказываться от должностей в старых профсоюзах [23]. Эта рекомендация (тогда еще не требование) вызвала горячие дебаты в партии. В связи с полемикой вокруг «двойного юнионизма» наметилась антиделеонистская линия.

3. ПРОТИВОРЕЧИЯ В РЯДАХ СОЦИАЛИСТОВ

Фракция, возглавляемая М. Хилквитом, М. Хейсом и Дж. Гарриманом, решила дать бой Де Леону накануне X съезда партии, который должен был состояться в 1900 г. Как показали события, фракция отнюдь не собиралась ограничиться критикой «двойного юнионизма», а стремилась свергнуть руководство, которое, как писал позднее Хилквит, раздражало некоторых членов партии своей «догматической приверженностью ко всем канонам научного социализма и строгим проведением партийной дисциплины» [24]. Сильную оппозицию вызвало предложение Де Леона об установлении партийной собственности на печать и учреждении центральной организации по печати [25].

Внутрипартийная борьба, которая вначале шла по вопросам сугубо принципиальным и касалась главным образом тактики СРП в отношении тред-юнионистского движения, очень скоро превратилась во взаимные обвинения и критику личных качеств лидеров партии и руководителей фракции. Дело кончилось тем, что в 1899 г. фракция Хилквита, объеди-

---

[22] Socialist Labor Party, Proceedings of the Ninth Annual Convention. Held at Grand Central Palace. N. Y., 1896, p. 11.
[23] Ibid., p. 30.
[24] *Хилкуит М.* История социализма в Соединенных Штатах. СПб., 1907, с. 257.
[25] Socialist Labor Party, Proceedings of the Ninth Annual Convention..., p. 21—22.

нившаяся вокруг газеты «Фолькcцайтунг» (ее редактировал Хилквит), не дожидаясь очередного съезда партии, собрала экстренное заседание, избрала исполнительным секретарем Л. Слободина и объявила должность редактора «Пипл» вакантной. Создалась беспрецедентная ситуация: под названием Социалистическая рабочая партия действовали теперь две — одна со штаб-квартирой в Нью-Йорке на Бикман-стрит и исполнительным секретарем Т. Куном, вторая — со штаб-квартирой в том же городе, но на Уильямс-стрит и исполнительным секретарем Слободиным. От имени обеих партий одновременно выходили две газеты под одним названием — «Пипл». Вопрос о праве на партийное имя был передан нью-йоркскому суду, который решил его в пользу делеонистов. Лишь после этого фракция Хилквита созвала в г. Рочестер в 1900 г. съезд (назван X Национальным съездом Социалистической рабочей партии), на котором была принята новая программа, установлен иной порядок управления и принята резолюция относительно предполагаемого объединения с Социал-демократической партией.

Эта партия в немалой мере обязана своим появлением В. Бергеру — эмигранту из Австрии, бывшему школьному учителю. Типичный представитель социал-реформизма, Бергер проповедовал муниципальный социализм — социализм через установление государственной собственности на предприятиях общественного пользования (транспорт, почту и т. п.). В 1892 г. Бергер взял в свои руки редактирование местной газеты милуокского отделения Социалистической рабочей партии «Милуоки форвертс». Но спустя несколько месяцев заявил о несогласии с идейными и политическими установками партии и образовал в 1893 г. милуокское социал-демократическое общество, которое вошло в тесный контакт с АФТ и популистской партией. При значительном влиянии бергеровского социал-демократического общества в 1897 г. в Чикаго была создана еще одна социал-демократическая организация в США — «Социальная демократия Америки». Ее творец Ю. Дебс в тот период был захвачен идеей создания «кооперативной колонии» в одном из штатов Дальнего Запада, что нашло отражение в программном документе «Социальной демократии», одобренном на съезде в 1898 г.

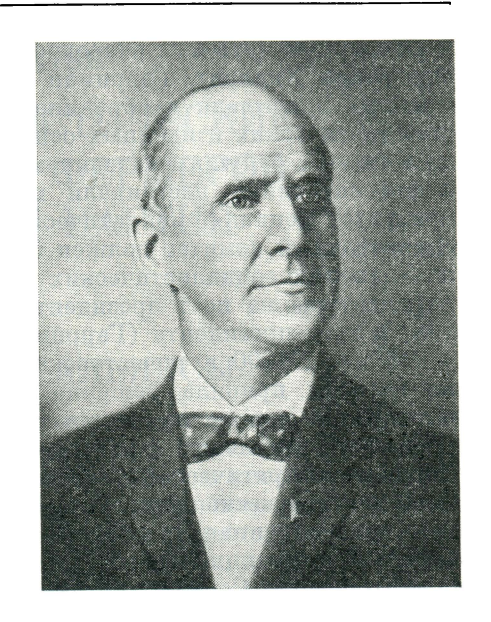
В нем говорилось: «Мы можем подготовить победу над капитализмом, использовав нашу политическую свободу и захватив общественную власть... Для этой цели в одном из штатов (в будущем определится, в каком) соберутся наши сторонники, с тем чтобы организовать кооперативное производство, а затем постепенно расширить сферу наших действий вплоть до установления Национальной Кооперативной Республики» [26]. Часть делегатов X съезда, однако, не поддержала утопического «колонизационного плана» Дебса и ушла, чтобы образовать Социал-демократическую партию Америки. К ней вскоре, полностью осознав свои заблуждения, присоединился и Дебс [27].

Созданная Социал-демократическая партия приняла платформу, написанную В. Бергером и потому отразившую во многих своих положениях требования социал-реформизма. В основе платформы Социал-демократической партии лежала идея национализации трестированной промышленности и установления муниципальной собственности на пред-

---

[26] Constitution of the Social Democracy of America. Chicago, 1898, p. 5.
[27] *Козенко Б. Д.* Юджин Дебс — социалист. Саратов, 1967, с. 22.

приятия общественного пользования. Рост трестов и монополий, считал Бергер, является свидетельством того, что американская экономика постепенно превращается в «плутократический социализм», который предполагает крупную кооперированную организацию производства при сохранении частной собственности. Проблема состоит в том, чтобы превратить данную систему в «демократический социализм», т. е. ликвидировать основное противоречие капитализма, что достигается, по его мнению, передачей контроля за производством и распределением в руки государства. Мирный переход от капитализма к социализму через национализацию промышленности и муниципализацию предприятий общественного пользования рассматривался в качестве единственно эффективного средства.



ЮДЖИН ДЕБС

Проповедь «социализм через реформу» исключала возможность иных политических действий для рабочего класса, кроме активного участия в избирательных кампаниях по выборам кандидатов от Социал-демократической партии в законодательные и исполнительные органы страны. Перед партией стояла задача завоевать максимум голосов в каждых выборах, с тем чтобы социалисты были представлены в муниципалитетах и легислатурах и, таким образом, практически осуществляли принцип общественного контроля за производством и распределением. Соответственно рост социалистического сознания рабочего класса лидеры социал-демократов видели главным образом в том, насколько активно и регулярно принимает он участие в выборах за социалистических кандидатов [28]. Фактически политическая деятельность Социал-демократической партии свелась к погоне за голосами избирателей. Большинство тред-юнионов не пошло за социалистами, несмотря на высокий авторитет, которым пользовался среди рабочих Ю. Дебс.

Начиная с 1899 г. между Социал-демократической партией и фракцией Хилквита в Социалистической рабочей партии велись переговоры относительно возможного объединения их в единую социалистическую партию. Планы объединения вызвали достаточно сильную оппозицию как со стороны ряда членов Социал-демократической партии, так и со стороны фракции Хилквита. Понадобилась большая разъяснительная работа руководителей партий о необходимости такого союза [29], прежде чем удалось договориться об основе объединения. Представители обеих партий встретились на съезде в Индианаполисе в 1900 г.

[28] Report of the Delegates of the Social Democratic Party of the USA to the International Socialist Congress. P., 1900, p. 4.

[29] Большую активность в подготовке союза проявил Ю. Дебс, которому пришлось преодолеть сопротивление Бергера, Хита, Кокса и других деятелей Социал-демократической партии.

На съезде (это был очередной съезд Социал-демократической партии) выступили Хилквит, Гарриман и Хейс, которые от имени рочестерской фракции призывали к объединению, ссылаясь на принципиальное единство тактических и идейных основ обеих партий. Горячие дебаты возникли в связи с будущим названием объединенной партии, поскольку Бергер и его соратники настаивали на том, чтобы партийное имя отразило приоритет Социал-демократической партии. Созданный специальный объединительный комитет должен был провести организационную работу по объединению социалистических групп. На том же съезде были выдвинуты кандидатуры на пост президента (Дебс от Социал-демократической партии) и вице-президента (Гарриман от Социалистической рабочей партии).

13 июля 1900 г. рочестерская фракция провела последнее заседание, на котором приняла решение войти в состав Социал-демократической партии. На первом заседании нового исполнительного комитета был избран исполнительный секретарь У. Бутшер (от бруклинского отделения Социал-демократической партии).

В течение нескольких предшествовавших учредительному съезду месяцев «объединенная партия» вела напряженную агитационную работу, борясь с оппозиционерами, которые подчинили своему влиянию чикагское отделение Социал-демократической партии и объявили себя независимыми по отношению ко всей партии [30].

Раскол СРП и образование новой социалистической партии были неизбежны. Расширение и обострение классовой борьбы в конце XIX в., изменения ее форм требовали от социалистов большей инициативы как в подходе к организованному рабочему движению, так и в усилении политической активности в целом. СРП сыграла свою роль в деле пропаганды и распространения идей социализма в рабочем движении последней четверти XIX в. Под влиянием социалистов формировалось классовое самосознание пролетариата, росло движение за независимое политическое действие. Однако практически с самого возникновения в партии шла непрерывная фракционная борьба по идеологическим и тактическим вопросам, что, конечно, не могло не отразиться на результатах деятельности социалистов.

Следует отметить, что СРП так и не сумела до конца преодолеть лассальянскую сектантскую политику по отношению к массовым непролетарским движениям трудящихся, в частности к фермерскому движению. Она оказалась также вне профсоюзов с их повседневной борьбой за улучшение экономического положения трудящихся. Таким образом, социалисты остались в стороне от основного потока организованного рабочего движения, что грозило им полной изоляцией.

Свежие боевые силы из рабочего класса, влившиеся в социалистическое движение в конце XIX в., уже не могли мириться с прежним курсом партийного руководства. Поэтому новой партии предстояло не только решать проблемы преодоления сектантских ошибок, но и более эффективно браться за пропаганду социалистических идей в широких кругах общества, не отгораживаясь от участия в политической и экономической борьбе трудящихся.

---

[30] W. Butscher to MH, December 11, 1900; A. Simons to MH, May 21, 1901.— State Historical Society of Wisconsin. Madison, 1969. The Morris Hillquit Papers. (Microfilm), Reel 1.

Глава пятая

АНТИМОНОПОЛИСТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ФЕРМЕРОВ И НАРОДНАЯ ПАРТИЯ

1. ФЕРМЕРСКИЕ АЛЬЯНСЫ

Ничем не сдерживаемое развитие стихии капитализма в результате победы фермерского пути оказало значительное влияние на ускорение процесса концентрации и централизации капитала и способствовало интенсивному формированию в конце XIX в. североамериканских монополий. Рабочие и фермеры Америки, белые и черные, которые в ходе второй Американской революции нанесли поражение олигархии южных плантаторов-рабовладельцев, в итоге оказались под господством появившейся после гражданской войны «олигархии объединенного капитала»[1] С протестами против растущей силы трестов и корпораций выступали рабочие и фермеры, ремесленники и мелкие предприниматели. Противодействие американских трудящихся гнету монополистического капитала в конце XIX в. нашло выражение в крупных классовых схватках пролетариата и в широком фермерском движении.

Усиливающаяся эксплуатация фермеров — собственников и арендаторов — со стороны железнодорожных корпораций, банкиров, владельцев элеваторов, торговцев и других различных посредников вызывала глубокое недовольство сельскохозяйственных тружеников. Реальная угроза разорения многомиллионных масс земледельцев США в 70—90-е годы XIX в. резко обострила классовые противоречия и послужила импульсом для активизации борьбы фермеров за экономическую самостоятельность. Выражением борьбы американского фермерства против натиска капитала в 70-х годах явилось движение грейнджеров и гринбекеров. На смену ему в 80-е годы пришло движение фермерских альянсов, приведшее в начале 90-х годов к образованию массовой политической организации — Народной партии.

Хотя к началу 80-х годов фермерские альянсы существовали уже во многих штатах Юга, Северо-Запада и Северо-Востока, кульминация их деятельности приходится на конец этого десятилетия, когда в движении образовалось два центра притяжения — Северный альянс и Южный альянс.

В октябре 1887 г. в Шривпорте (штат Луизиана) состоялся объединительный съезд фермерских альянсов южных штатов. Приветствуя участников, председатель фермерского альянса Техаса Макьюн подчеркнул, что «единственная надежда фермеров — в их организации»[2].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 50.
[2] Forum, 1889, Dec., vol. 8, p. 472.

Делегаты придавали большое значение совместным действиям с рабочими, и по предложению руководителя делегации Луизианы Тэттса съезд принял резолюцию: «Национальный фермерский альянс... шлет братские приветствия всем рабочим организациям и просит оказывать помощь в борьбе за права трудящихся и стремиться к достижению единства целей и действий всех разнообразных организаций труда» [3]. Основная задача съезда была выполнена: Южный альянс пополнился рядом растущих фермерских ассоциаций. С 1889 г. Южный альянс стал официально именоваться Фермерский и рабочий союз Америки.

Намного более сложным в южных штатах был процесс объединения фермеров — негров. Не допущенные в Южный альянс около 1,5 млн. негров, работавших в сельском хозяйстве (издольщики, арендаторы за деньги, сельскохозяйственные рабочие, мелкие фермеры), испытывали двойной гнет: классовое угнетение сочеталось с расовой дискриминацией. Большинство негров Юга не получили при ликвидации рабства ни акра и остались без средств к существованию. После поражения негритянского движения за экономическое и политическое равенство в период Реконструкции несколько десятков тысяч бывших рабов в надежде на получение хоть участка земли устремились в канзасские прерии [4] и юго-западные штаты. К 1900 г. в США насчитывалось всего лишь около 186 тыс. ферм, принадлежавших неграм [5].

Члены Южного альянса неоднократно заявляли, что неграм не место в ассоциации белых. Поэтому неудивительно, что идея образования альянса негритянских фермеров, как в свое время и Прокламация об освобождении негров, пришла с Севера. Создание тайного ордена негритянских фермеров взял на себя белый баптистский священник Р. М. Хэмфри, имевший многолетний опыт миссионерской работы среди негров. В 1886 г. в округе Хьюстон (штат Техас) он основал Национальный альянс и кооперативный союз цветных фермеров, который быстро распространился и в других штатах Юга. Многие обездоленные негритянские фермеры вступили в организацию, рассчитывая на улучшение своего экономического положения. Возникновение альянса рассматривалось ими как своеобразный «вид второй эмансипации» [6].

Процесс организации негритянских фермеров и сельскохозяйственных рабочих в штатах Юга проходил в обстановке преследований и террора. Во многих местах негры, объединенные альянсом, подвергались нападениям, арестам и наказаниям. Их обвиняли в стремлении захватить земли плантаторов и в попытках поднять восстание против белых. По многострадальному Югу снова прокатилась волна негритянских погромов, бесчинств расистов из Ку-клукс-клана. Именно в 1886—1887 гг., когда быстрыми темпами шла работа по созданию негритянских альянсов, даже по официальным заниженным данным, число линчеваний достигло 1200, самой высокой цифры за 80-е годы [7].

---

[3] *Hair W. I.* The Agrarian Protest in Louisiana, 1877—1900. Ph. D. Diss.: Louisiana State University. Baton Rouge (La), 1962, p. 223.
[4] Truth Seeker, 1879, July 26.
[5] United States Department of Commerce, Bureau of Census, Twelfth Census of the United States, 1900. Wash., 1902, vol. 5, pt 1, p. 172.
[6] Farmers' Alliance History and Agricultural Digest / Ed. by N. A. Dunning. Wash., 1891, p. 289.
[7] Century, 1887, Nov., vol. 35, p. 166.

Несмотря на преследования и расистский террор, альянс успешно действовал в 11 штатах Юга. Меньшего масштаба организации негритянских фермеров существовали в Делавэре, Огайо, Иллинойсе, Индиане, Миссури, Небраске и других штатах Севера и Запада. Руководящий центр альянса располагался в Галвестоне (штат Техас). В 1891 г., по свидетельству его руководителя Хэмфри, численность альянса достигала 1250 тыс.[8]

Альянс цветных фермеров выдвинул из негритянского народа плеяду выдающихся лидеров, которые немного позже сыграли важную роль в популистском движении: Гейнор, Кюни, Ричардсон, Грейвс, Уорвик и др. «Эти люди работали с опасностью для жизни, укрепляя политическое сотрудничество между неграми и белыми в этом важнейшем движении, несмотря на террор монополистов и плантаторов, который царил на протяжении 90-х годов» [9]. Альянс цветных фермеров проводил ежегодные съезды, имел свой печатный орган — еженедельник «Нэшнл элайэнс».

Параллельно развивался процесс объединения фермерских организаций в штатах Севера и Запада. Еще в 1880 г. конференция фермерских альянсов этих районов, созванная для выработки совместных действий против гнета железнодорожных монополистов, превратилась в объединительный съезд фермерских альянсов, главным образом северо-западных штатов. Делегаты решили учредить Национальный альянс фермеров, получивший известность как Северный альянс. Принятый конференцией устав облегчил формирование местных альянсов в штатах Небраска, Айова, Висконсин, Миннесота, Мичиган. Уже два года спустя на Севере насчитывалось около 2 тыс. местных альянсов [10].

Период некоторого спада (1883—1884) в деятельности Северного альянса был непродолжительным. С 1885—1886 гг. он сменился периодом подлинного ее оживления. В связи с распространением действия аграрного кризиса на другие районы в среде фермерства с новой силой началось брожение. Газета Национального альянса фермеров, издававшаяся в Чикаго, «Уэстерн рурал» с радостью сообщала: «Альянс фермеров никогда еще не являлся таким жизнедеятельным, как в настоящее время. Альянсы создаются в небывалом числе, особенно на Западе». В 1887 г. в Миннеаполисе состоялся II съезд Северного альянса, который выдвинул ряд радикальных требований мелкобуржуазного характера. Делегаты съезда наладили контакт с происходившей одновременно в том же городе Генеральной ассамблеей «Ордена рыцарей труда» (ОРТ), и оба ордена — тружеников городов и ферм — обменялись дружественными посланиями с пожеланиями успехов.

Рост альянсов на Западе и Севере продолжался вместе с подъемом фермерского движения в стране. К 1980 г. в состав Северного альянса входили организации 10 штатов. Завершилось объединение местных альянсов еще в пяти штатах. Общее число участников доходило до 1 млн. «Народ наконец поднялся,— писала в августе 1890 г. газета «Уэстерн рурал».— Никогда в нашей истории не наблюдалось такого единства действий среди фермеров».

Фермерские альянсы по социальному составу не были однородными. Основную массу рядовых участников движения составляли мелкие и

[8] Farmers' Alliance History and Agricultural Digest, p. 290.
[9] *Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки. М., 1955, с. 493.
[10] Political Science Quarterly, 1891, June, vol. 6, p. 282—283.

средние трудящиеся фермеры и арендаторы. Значительным числом были представлены крупные фермеры. Именно им, как правило, удавалось занять руководящие позиции. Среди руководства местных альянсов была и сельская интеллигенция — редакторы сельскохозяйственных газет, адвокаты и т. п.

После ряда успешных выступлений фермеров на местных выборах в штатах в альянсы стали проникать ставленники буржуазии, задавшейся целью подорвать изнутри это угрожавшее крупному капиталу движение. О таких намерениях буржуазии сообщала еще за год-полтора до образования общенациональной фермерской партии корреспондентка журнала «Северный вестник» в «Письмах из Америки»: «Гигантская сила нарождающегося фермерского воздействия признается всеми... Впрочем, политиканы проявляют большую храбрость отчаяния и отнюдь не теряют присутствия духа. Они крепко надеются на то, что фермерские организации весьма скоро попадут под контроль заправских агитаторов и тогда быстро последуют разделение сил, распри и падение или, вернее, подпадение под эгиду той или другой из существующих партий» [11].

В фермерские альянсы, особенно на Севере, вступали также ремесленники, торговцы и даже мелкие промышленники. Их принимали в альянсы на том основании, что они либо вели свое происхождение от фермеров, либо родились в сельской местности.

Со временем в движении альянсов еще до наплыва чужеродных элементов наметились две линии, две тенденции. Мелкие и средние фермеры, задавленные гнетом капиталистических корпораций и страдавшие от каждого нового понижения цен на сельскохозяйственные продукты, представляли наиболее радикальную линию движения. Доведенные до отчаяния, они готовы были поддержать любую реформу и любые совместные действия, если это хоть как-то могло облегчить их положение. Другую тенденцию — консервативного толка — представляли капиталистические слои фермерства. Они были против независимых политических действий и стремились ограничить сферу деятельности альянсов улучшением агрокультуры, просветительской работой среди фермеров и их семей, повышением их доходов, установлением добрососедских отношений между фермерами.

Насколько представлялось возможным, фермерские альянсы вели борьбу против гнета железных дорог, мошенничества оптовиков, ростовщиков, владельцев элеваторов и скотобоен. Все это подталкивало фермеров Северного альянса к выступлениям в защиту своих интересов на политической арене. Но первоначально фермеры Севера, как и Юга, действовали через ту партию, которая соглашалась, по крайней мере на словах, отстаивать их требования. Для фермерских лидеров Запада имело мало значения, будет ли то демократическая или республиканская партия. На местных выборах 1885 г. альянс Миннесоты поддержал демократов, а в 1886 г. фермеры того же штата отдали голоса республиканцам, обещавшим отстаивать их интересы. В Айове под давлением альянса республиканцы были вынуждены включить в программу ряд его требований. Получив голоса фермеров, республиканцы провели через законодательное собрание несколько второстепенных биллей, но положение

[11] Северный вестник, 1890, № 9, с. 133.

фермеров штата не улучшилось. Так же обстояло дело и в других местах.

Постепенно у фермеров таяли иллюзии и доверчивое отношение к двум старым партиям. Нигде в стране ни один жизненно важный для фермеров закон не прошел с помощью той или другой партии. Эти партии многократным обманом избирателей-фермеров показали, насколько тщетны надежды на них трудящегося человека. 16 ноября 1889 г. газета «Фармерз элайэнс» писала: «Организованные капиталисты контролируют главные партии, обеспечивая, чтобы обе действовали как одна, защищая их требования. Кто не знает того, что ни один человек не может быть выдвинут в президенты США любой партией, если его кандидатура предварительно не одобрена денежными тузами Нью-Йорка и Бостона. Кто не знает того, что железнодорожные бароны, будь они представлены демократами или республиканцами,— это одно и то же в залах конгресса». У северных фермеров, как и их южных собратьев, зрело убеждение в необходимости иметь собственные, независимые от других партий политические организации.

Большое влияние на стремление фермерских альянсов к созданию третьей партии оказали рабочие объединения, в которых с середины 80-х годов проявился живейший интерес к самостоятельной политической деятельности. В декабре 1886 г. американская социалистка Флоренс Келли-Вишневецкая писала Фридриху Энгельсу, что «огромный энтузиазм» охватил пролетариат США и «по всей стране проводится работа по организации рабочего класса и его независимых политических действий» [12].

Вопросы сотрудничества с рабочими поднимались и обсуждались на собраниях фермеров. Эти же проблемы находили отражение на страницах фермерских газет. Многие из них указывали на необходимость сплочения тружеников полей и городских рабочих для оказания совместного сопротивления крупному капиталу. На протяжении всего периода подъема движения альянсов их газеты подчеркивали, что интересы сельских и городских тружеников совпадают.

Местные организации фермеров и рабочих во многих штатах устанавливали дружественные связи и приступали к выработке общих программ, нередко вопреки сопротивлению их лидеров. В 1888—1890 гг. местные ассамблеи ОРТ сотрудничали с фермерскими альянсами в 10 штатах (Иллинойс, Индиана, Миннесота, Южная Дакота, Канзас, Небраска, Нью-Йорк, Алабама, Северная Каролина и Техас). Этот процесс не всегда проходил гладко. Возникали споры и разногласия. Чтобы примирить различные мнения представителей фермеров и рабочих и выработать общую линию, потребовалось много усилий и доброй воли с обеих сторон.

Под влиянием развития на местах рабоче-фермерского сотрудничества происходило сближение между лидерами альянсов и ОРТ. С 1885 г. Генеральная ассамблея ОРТ стала призывать к установлению тесных отношений с Фермерским альянсом в целях укрепления политических позиций обоих объединений. В результате переговоров было решено, что каждая организация направит в Вашингтон группу лоббистов, которые будут «консультироваться и договариваться относительно проведения

---

[12] Ф. Келли-Вишневецкая — Ф. Энгельсу, 10 декабря 1886 г.— Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 5, д. 4696. (Далее: ЦПА ИМЛ).

через конгресс США законов в интересах обеих организаций» [13]. В 1889 г. Генеральная ассамблея ОРТ создала комиссию по рассмотрению жалоб фермеров-должников, имевших заложенные фермы, а местным ассамблеям рекомендовала добиваться отмены законов, лишавших фермеров права на выкуп заложенных ферм. На сессии ОРТ присутствовала делегация Фермерского альянса Джорджии, которая пригласила рабочих Севера послать представителей на очередной съезд Южного альянса.

Хотя многие лидеры Северного и Южного альянсов утверждали, что возглавляют неполитические организации, сама жизнь вносила неизбежные поправки в такую позицию. Происходило это исподволь и постепенно. Неудачи в кооперативных предприятиях усилили стремления фермеров к проведению экономических реформ, а наиболее эффективным путем к их принятию и осуществлению были независимые политические действия. Сторонники политических действий убеждали массы, что все их бедствия происходят оттого, что в стране господствуют тресты и корпорации, а вашингтонский сенат превратился в «учреждение банкиров, штаб железнодорожных корпораций и консультативную палату миллионеров» [14].

Выступая на митингах и собраниях, защитники фермерских интересов заостряли внимание на том, что облегчение положения фермеров зависит от них самих. Они должны проводить в законодательные собрания и конгресс только своих преданных представителей, людей, которые знают сельское хозяйство и нужды земледельцев и способны отстаивать их интересы. Вытекавший отсюда вывод о создании независимой фермерской партии встречал противодействие внутри альянса и за его пределами.

Консервативные участники движения альянсов, возглавлявшие их в большинстве штатов, опасались, что разбуженные политическими действиями массы выйдут из повинования и в стране разразится классовый конфликт, который может поколебать все основы системы. Их пугала также возраставшая активность негритянского народа: в случае раскола среди белых фермеров при голосовании на местных выборах в южных штатах черные могли возобладать над белыми. Некоторые консерваторы высказывали опасения, что на выборах в штатах поражение альянсов может привести к их распаду. Поэтому они выступали за продолжение старой тактики укрепления позиций в существующих партиях и включения в их программы реформ, за которые выступали альянсы.

В руководстве альянсов охотно говорили об «общности интересов производителей», под которыми подразумевались как фермеры, так и рабочие. На деле же многие лидеры альянсов проявляли враждебность по отношению к рабочим, как только дело касалось конкретных проблем сотрудничества. Один из руководителей Северного альянса, М. Джордж, высказал мнение многих крупных фермеров, когда заявил, что рабочие организации, особенно профсоюзы сельскохозяйственных рабочих, наносят ущерб сельскому хозяйству, что некоторые их доктрины являются «дикими теориями», а стачки — проявлением «безрассудства». Газета

[13] Knights of Labor. Proceedings of the General Assembly of Order of Knights of Labor. N. Y., 1887—1890, p. 1792.

[14] *Saloutos Th.* The Farmer Movements in the South, 1865—1933. Berkeley (Cal.), 1960, p. 103.

«Прэари фармер» называла профсоюзы «трестами, стачки же — откровенным грабежом» [15].

Враждебное отношение консервативных лидеров к сотрудничеству с рабочими организациями осуждалось радикальными деятелями типа Доннелли и Симпсона, но влияние первых, особенно в руководящих органах альянсов, ощущалось на всех этапах развития фермерского движения 80—90-х годов. Усиливавшиеся тенденции к независимым политическим действиям фермеров вызывали неприязнь в кругах крупной буржуазии. Сознавая, что «альянс становится политическим инструментом», капиталисты утверждали, будто это «несовместимо со свободными институтами страны» [16]. Газеты монополий писали, что фермеры «следуют за фальшивыми идолами», и запугивали обывателей сползанием фермерского движения к «коммунизму и откровенному социализму», называли радикальных лидеров альянсов «грязными, скабрезными и тупыми демагогами» [17].

Развитие движения фермеров и возможность объединения его с организованными рабочими уже начинали серьезно тревожить олигархию объединенного капитала. «Поразительный рост этой организации (Фермерского альянса.— *Авт.*),— сообщала из США корреспондентка журнала «Северный вестник»,— признается всеми... Многие уверяют, что Фермерский союз проявит свое воздействие на выборы в конгресс и в законодательные собрания штатов, которые предстоят в ноябре; но это вопрос еще спорный. Несомненно одно, что фермерская силища поднимается и готова подорвать все устои, поддерживавшие до сей поры старые политические партии в стране, лидеры которых давно привыкли делить между собою все доходные места. С фактом этим придется скоро считаться всем общественным деятелям. Уже и в настоящую минуту фермеры представляют собой слепую, но весьма грозную стихийную силу» [18].

Ставленники корпораций и трестов постоянно предпринимали попытки разделить рабочих и фермеров, натравливая рабочие союзы на фермерские альянсы и наоборот. На это обращал внимание представитель Фермерского альянса Миннесоты: «Все без исключения возможные средства были использованы, чтобы воспрепятствовать работе членов Фермерского альянса, а также... возбудить ссору между альянсом и рабочими». В фермерские партии и альянсы, как и в рабочие организации, засылались продажные политиканы и агенты капиталистов, всячески демонстрировавшие на словах преданность делу народа. Одна из рабочих организаций Миннесоты, подбадривая своих союзников-фермеров, в июне 1890 г. обратилась к альянсу с посланием, в котором говорилось: «Вы можете быть уверены, что наши усилия будут направлены на объединение всех сторонников реформ и устранение из наших рядов всех посторонних, которые могут проникнуть в движение, чтобы сбить фермеров и рабочих с правильного пути» [19].

---

[15] Цит. по: *Scott R. V.* The Agrarian Movement in Illinois, 1880—1896. Urbana, 1962, p. 87—88.
[16] *Hair W. I.* Op. cit., p. 231.
[17] *Harrington M.* The Populist Movement in Oregon, 1889—1896. Ph. D. Diss.: University of Oregon. Eugene (Oreg), 1940, p. 18.
[18] Северный вестник, 1890, № 9, с. 127.
[19] *Pollack N.* The Populist Response to Industrial America. Cambridge (Mass.), 1962, p. 66.

В ряде штатов классовая борьба принимала довольно резкие формы. Массовая кампания запугивания была организована против негров. Потоки лжи и клеветы обрушивались на наиболее популярных фермерских вожаков. На некоторых даже совершались покушения [20].

Выборы 1890 г. в федеральный конгресс происходили в 39 из 44 штатов. Голосование 4 ноября принесло поражение республиканской партии — в новом составе конгресса демократы получили 243 места, а республиканцы — 89. Большинство в 154 голоса обеспечило демократической партии полное господство в законодательном органе страны. Решающую роль в такой перемене партийного состава конгресса сыграли фермерские партии и альянсы и особенно организации Юга и Северо-Запада — слишком глубоким стало чувство неприязни фермеров к республиканской партии, открыто проводившей политику в пользу воротил Уолл-стрит. Фермерские партии и альянсы провели в конгресс девять представителей. Кроме того, считалось, что еще 40 человек, прошедших по списку демократов, являлись сторонниками альянсов.

2. ОБРАЗОВАНИЕ НАРОДНОЙ ПАРТИИ

Вслед за победой фермеров в ходе ноябрьских выборов 1890 г. в декабре в Окале (штат Флорида) состоялась сессия высшего совета Южного альянса, на которую были приглашены фермерские и рабочие организации Севера и Запада. Одновременно там же проводил свой съезд альянс фермеров-негров. Вместе с представителями ряда альянсов северо-западных штатов уполномоченные Канзаса потребовали немедленного создания независимой политической партии с программой, которая могла быть поддержана и рабочими организациями [21].

Бурная дискуссия завершилась принятием компромиссного решения: созвать через месяц в Вашингтоне предварительное совещание в целях выработки текста официального обращения ко всем фермерским и рабочим организациям с просьбой прислать делегатов на съезд народных представителей в феврале 1892 г. Это было крупным шагом вперед на пути создания независимой политической партии.

Другим достижением сессии альянса в Окале явилось принятие программы, которая делала упор на борьбу за осуществление требований фермерских альянсов по земельному, налоговому, финансовому и тарифному вопросам, выдвигала требования национализации средств транспорта и связи и передачи государству исключительного права на выпуск денег в стране. Окалская программа более, чем любая предыдущая, отражала устремления фермеров. В дальнейшем для привлечения рабочих и других трудящихся слоев населения в окалскую программу вносились дополнительные вопросы, и в таком расширенном виде ее требования вошли в программу Народной партии [22].

По инициативе сторонников образования третьей партии, особенно активно выступавших в штатах Канзас и Индиана, небольшая группа участников сессии объявила о созыве национальной конференции в Цин-

[20] Times Weekly, 1890, Sept. 5; *Woodward C. Vann.* Tom Watson — Agrarian Rebel. N. Y., 1938, p. 159.
[21] Mississippi Valley Historical Review, 1925, Mar., vol. 2, N 4, p. 469.
[22] American Farmers' Movements: Documents / Compl. by F. A. Shannon. Princeton (N. J.), 1957, p. 152—153; Florida Historical Quarterly, 1950, Jan., vol. 28, p. 178—180.

циннати в феврале 1891 г. Это предложение делегаты ежегодного съезда Северного альянса (январь 1891 г.) в Омахе (штат Небраска) сначала отклонили как слишком поспешное. Вопрос был улажен перенесением срока на 19 мая 1891 г., и Северный альянс выделил своих делегатов. Принятая на съезде в Омахе программа северных фермеров по многим пунктам совпадала с требованиями окалской программы Южного альянса. В отличие от Южного альянса Северный без оговорок высказался за новую партию [23].

Почти одновременно со съездом Северного альянса в Омахе Макьюн провел в Вашингтоне совещание представителей Южного альянса, Национального альянса цветных фермеров, Фермерской ассоциации взаимной помощи и ОРТ. Эти фермерские и рабочие организации образовали Конфедерацию производственных организаций для проведения разъяснительной работы и расширения движения за третью партию на основе программ, принятых в Сент-Луисе и Окале. Было решено провести съезд фермерских и рабочих организаций 22 февраля 1892 г. в Сент-Луисе, для организации которого выбрали подготовительный комитет.

Трудящиеся фермеры с энтузиазмом восприняли известие о практических мерах по созданию новой партии и приглашение на объединительную конференцию рабочих организаций. В апреле 1891 г. на собрании местного альянса в Канзасе фермеры поддержали эту инициативу и приняли резолюцию, в которой говорилось, что для тружеников земли пришло время порвать прежние политические связи и объединить усилия с политическими действиями рабочих организаций. Фермерская пресса призывала к созданию широкого союза беднеющих фермеров и городских рабочих. Газета «Фармерз элайэнс» 21 марта 1891 г. писала: «Поскольку с каждым годом фермеры и рабочие становятся беднее, а монополисты и банкиры — богаче, для первых нет иной альтернативы, кроме вовлечения в коалицию всех фермеров, ремесленников и рабочих».

Конференция представителей фермерских и рабочих организаций открылась в назначенный день — 19 мая 1891 г. в Цинциннати, куда прибыло свыше 1400 делегатов из 33 штатов и территорий. Лозунги, украшавшие зал заседаний, призывали фермеров и рабочих к единству действий в борьбе против общего врага — монополий: «Мы — против всех монополий», «В единении — сила, в раздробленности — поражение», «У нас заложены 9 миллионов жилищ».

На конференции были представлены фермерские альянсы и ассоциации, бывшие гринбекеры, последователи Г. Джорджа и Э. Беллами. Сравнительно крупную делегацию (56 человек) прислал ОРТ. Ее руководителем был Т. Паудерли. Среди представителей АФТ находился С. Гомперс. Преобладали же делегаты из северо-западных штатов: только четыре штата — Канзас, Огайо, Иллинойс и Небраска — направили около тысячи человек. Из Канзаса, в частности, прибыли 411 делегатов [24]. Южный альянс воздержался от официального участия, хотя в Цинциннати прибыли 36 представителей от местных альянсов Юга, в том числе председатель Фермерского альянса Джорджии Л. Л. Ливингстон. «Народ, съехавшийся на эту конференцию,— отметил орган Южного альянса,— это не политиканы, а солидные рассудительные люди,

[23] American Farmers' Movements: Documents, p. 153—154.
[24] *Arensinger P. H.* Populism and Politics: Wm A. Peffer and the People's Party. Lexington, 1974, p. 84.

и, может, никогда в истории нашей страны ни одно таких размеров собрание не было настолько проникнуто едиными чувствами. Против программы не раздалось абсолютно ни одного оппозиционного голоса. Дискуссия возникла лишь по вопросу о времени сформирования партии»[25].

Против немедленного создания партии выступили лидеры Южного альянса и значительная группа консервативных деятелей Северного альянса во главе с Дж. Уивером. Однако их оппозиция была сломлена. Канзасские фермеры прямо заявили, что, не создав новой национальной партии, они не осмелились бы вернуться домой. По предложению председателя комиссии по выработке резолюций Доннелли конференция в Цинциннати приняла решение о немедленном создании Народной партии и сформировании Национального комитета. Это историческое решение с огромным воодушевлением было встречено большинством делегатов. Аплодисменты не утихали в течение получаса. Председателем Национального комитета был избран Г. Е. Таубенек из Иллинойса, а секретарем — известный деятель рабочего и гринбекерского движения председатель профсоюза бондарей и член правления ОРТ Р. Шиллинг. Об активном участии рабочих в создании Народной партии говорит также факт избрания в комитет У. Р. Лэмба — руководителя АФТ в Техасе.

Конференция в Цинциннати уполномочила Национальный комитет принять участие в съезде народных представителей в Сент-Луисе в феврале 1892 г., созываемого по инициативе Южного альянса, и по возможности объединить усилия со всеми другими организациями, которые пришлют делегатов на этот съезд. Если же в Сент-Луисе не удастся достигнуть объединения, то Национальному комитету Народной партии поручалось созвать не позднее 1 июня 1892 г. съезд для выдвижения кандидата в президенты США.

Важным достижением конференции в Цинциннати наряду с конкретными мерами по организации третьей партии было согласование кардинальных программных требований Северного и Южного альянсов и принятие определенных шагов для объединения действий с рабочими организациями. После Цинциннати наметились первые контуры коалиции фермеров Севера и Юга, городской мелкой буржуазии и рабочих.

Две резолюции по рабочему вопросу, принятые в Цинциннати, определенно указывали на стремление делегатов привлечь трудящихся фабрик и заводов. Цель резолюций была вполне конкретной и реальной: поддержать чикагских рабочих в их требовании справедливой оплаты за работы на строительстве зданий Всемирной выставки в Чикаго; распространить закон о 8-часовом рабочем дне в правительственных учреждениях на все предприятия страны. Однако значительная группа консервативных делегатов возражала против последнего пункта, поскольку представляла на съезде интересы фермеров-капиталистов, эксплуатировавших труд наемных рабочих.

Таким образом, уже при основании Народной партии по ряду важнейших вопросов (национализация железных дорог и средств связи, 8-часовой рабочий день) проявились противоречия между представителями крупных фермеров и представителями трудящегося фермерства и рабочих союзов. Различные классовые интересы этих групп со временем выз-

---

[25] Цит. по: New York Times, 1891, May 21.

вали возникновение и борьбу между собой двух фракций — консервативной и радикальной.

Состав формировавшейся Народной партии был чрезвычайно неоднороден. В нее вступали фермеры — владельцы хозяйств и арендаторы, мелкие и средние земледельцы и крупные аграрии-капиталисты, ремесленники и городские рабочие, мелкие торговцы и предприниматели. Хотя каждая группа имела специфические проблемы и требования, всех их

СЕЛЬСКИЙ КУЗНЕЦ

объединяло сопротивление гнету, который нес им развивавшийся монополистический капитализм.

Массовую базу возглавляемого Народной партией популистского движения составляло беднеющее мелкое и среднее фермерство, главным образом фермеры, терявшие права на свои заложенные земли, и безземельные фермеры-арендаторы, т. е. слои, находившиеся в той или иной зависимости от банковского, торгового или землевладельческого капитала. При этом экономическое положение подавляющего большинства фермеров, заложивших земли, почти ничем не отличалось от положения арендаторов. Эти социальные слои, пожалуй в наибольшей степени страдавшие от монополий и аграрного кризиса конца XIX в., составляли в 90-е годы около $^{3}/_{5}$ американских земледельцев. Большинство фермеров «зернового пояса» в бассейне р. Миссисипи (штаты Небраска, Канзас, Айова, Вайоминг и др.) не имели возможности платить даже проценты по закладным и находились на грани голода [26].

---

[26] *Pedersen J. F., Wald K. D.* Shall the People Rule. Lincoln, 1972, p. 109.

В Народной партии, как в грейнджерском и гринбекерском движениях, участвовало также крупнокапиталистическое фермерство, эксплуатировавшее труд сельскохозяйственных наемных рабочих. Определенные группы крупных аграриев и латифундистов, тесно связанные с банковским и торговым капиталом, с самого начала оказались в стане врагов популизма.

В составе местных организаций Народной партии наблюдались заметные различия. В одних округах преобладали фермеры-арендаторы, в других основной костяк составляли фермеры-собственники, над фермами и землями которых нависала угроза распродажи за неуплату долгов. Колебались число и процент участвовавших в движении фермеров, не имевших ипотечного долга, городской мелкой буржуазии и крупных аграриев-капиталистов, причем последние довольно часто занимали руководящее положение в популистских организациях.

Движение популистов в значительной степени развивалось на основе предыдущих выступлений организованных фермеров, и многие его участники в свое время являлись грейнджерами или гринбекерами. Вместе с тем к Народной партии, по мере того как она набирала силы, примыкали авантюристы, которые менее всего были заинтересованы в облегчении положения тружеников земли. Эти темные личности, равно как и проникшие вскоре в партию профессиональные политиканы, нанесли значительный ущерб движению.

С приближением 1892 г.— года президентских выборов — все явственнее происходило размежевание классовых и политических сил в стране. Монополии и тресты через своих политических агентов стремились в самом начале блокировать, а затем разбить и подавить выраставшее из народной гущи движение. «Если проклятый альянс или Народная партия победят в этом году в Канзасе,— предупреждал в 1891 г. один из таких агентов буржуазии,— то никакие преграды не смогут тогда удержать членов Южного альянса. Поэтому, чтобы сохранить единство белого Юга, необходимо разбить Народную партию в Канзасе» [27]. Консервативные лидеры альянсов старались подавить любые стремления низовых организаций к самостоятельным действиям.

Национальная конференция в Сент-Луисе, открывшаяся 22 февраля 1892 г., превратилась в арену борьбы фракций. Размежевание мелких фермеров и крупных аграриев-капиталистов, происходившее на местах, проявилось и здесь. Столкновения возникали не только из-за контроля за ходом работы конференции, но и по принципиальным вопросам стратегии и тактики фермерского движения. Конференция должна была окончательно решить, создавать ли независимую политическую партию или по-прежнему следовать за партиями крупного капитала.

На конференцию прибыло около 800 делегатов от 22 организаций, в том числе от Южного альянса 246 делегатов, Северного альянса — 97, Национального альянса цветных фермеров — 97, грейнджерских лиг — 25, ОРТ — 82, а также АФТ, Союза рабочих металлистов, Союза рабочих проволочной промышленности, союза горняков, рабочих союзов Сент-Луиса, Спрингфилда, Канзас-Сити, Мемфиса. Рабочие составляли 29% всех делегатов, из них 10% принадлежали посланцам ОРТ. Сотрудничество

---

[27] Цит. по: *Chrislock C. H.* The Politics of Protest in Minnesota, 1890—1901. Ph. D. Diss.: University of Minnesota. Minneapolis (Minn.), 1955, p. 107—108.

рабочих и фермеров проявилось в избрании делегатов ОРТ на ряд руководящих постов.

Под давлением делегатов рабочих и фермеров Запада конференция настояла на включении пункта о передаче правительству железнодорожного транспорта и телеграфной сети и тем самым восстановила требование, выработанное на сент-луисском съезде 1889 г. Волнение и энтузиазм делегатов вызвал новый документ — преамбула к программе, составленная Доннелли. В документе анализировалось положение трудящихся масс и делались конкретные выводы. «Мы собрались в условиях,— говорилось в преамбуле,— когда наша страна доведена до грани морального, политического и материального разрушения. Коррупция господствует при проведении избирательных кампаний, в законодательных собраниях штатов, в конгрессе и затягивает в свои сети даже суды. Газеты или подкуплены, или их заставляют молчать; общественное мнение заглушено; торговля находится в упадке; наши дома и фермы заложены; трудящиеся фермеры и рабочие влачат жалкое существование, а земля сосредоточена в руках капиталистов» [28].

Особое внимание было уделено рабочему классу: «Рабочие городов лишены права организации в целях самозащиты; чтобы снижать им заработную плату, хозяева ввозят пауперизированных иностранных рабочих; чтобы расстреливать их, они в нарушение наших законов создают постоянную армию наемников... Плоды труда миллионов нагло расхищаются, для того чтобы небольшая кучка магнатов, презирающих нашу республику и посягающих на нашу свободу, могла создавать себе колоссальные состояния, невиданные в истории человечества» [29].

Выдвижение кандидата на пост президента США популисты провели на съезде в г. Омаха 4 июля 1892 г. Им стал участник гринбекерского движения генерал Дж. Уивер, хотя некоторые радикальные популисты, учитывая его консервативные взгляды, считали выдвижение его кандидатуры ошибкой [30]. Для привлечения рабочих на сторону популистов омахский съезд принял дополнительные резолюции к программе Народной партии, касавшиеся специфических требований рабочих, в том числе сокращения рабочего дня, запрещения использовать пинкертоновских наемников против стачек, а также ограничения «нежелательной иммиграции». Однако это не повлекло за собой официальной поддержки популистов со стороны лидеров ОРТ.

Энергично проведенная кампания 1892 г. принесла Народной партии вселявший надежду успех. Из 12 млн. принимавших участие в выборах избирателей за кандидатов Народной партии голосовали 1 029 846 человек (почти 9%). Народную партию в высшем законодательном органе страны представляли 10 членов палаты представителей (от Канзаса, Небраски, Миннесоты, Колорадо) и 5 сенаторов.

Определенную победу Народная партия одержала в четырех штатах — Канзасе, Колорадо, Северной Дакоте, Вайоминге, где кандидаты

[28] Third Party Movements in the United States: Documents / Ed. by W. B. Hesseltine. N. Y., 1962, p. 148—149.
[29] Ibid., p. 149.
[30] Davis H. Waite to Ignatius Donnelly, August 22, 1895, s. 3.— Minnesota Historical Society, Division of Archives and Manuscripts, Ignatius Donnelly Papers. (Далее: MHS, DAM, IDP); Davis H. Waite to William J. Bryan, November 26, 1895, s. 1.— The Library of Congress, Washington. William Jennings Bryan General Correspondence. Container N 3. (Далее: LCW, WJBGC).

популистов заняли губернаторские кресла. Ветеран рабочего движения США Ф. А. Зорге, оценивая результаты выборов 1892 г., в письме Ф. Энгельсу отметил успех новой партии [31]. Не менее удачно для начала популисты выступили и на местах. Им удалось в 19 из 44 штатов провести (учитывая избранных на предыдущих выборах) 345 своих представителей в законодательные собрания и около 1200 на различные должности в местные самоуправления. На Севере и Западе популисты нередко входили в предвыборные соглашения со старыми партиями. В Калифорнии, например, они провели восемь человек в законодательное собрание, из них пятерых, кооперируясь с демократами, а остальных — с помощью республиканцев [32].

На Юге многие фермеры — участники альянса остались лояльными по отношению к демократической партии. В четырех штатах (Техас, Алабама, Северная Каролина и Джорджия), где в 1891 г. насчитывалось около 700 тыс. участников движения фермерских альянсов, популисты набрали лишь 273 тыс. голосов. Но даже в среднезападных штатах, где около 350 тыс. человек отдали свои голоса Народной партии, популисты не получили желательного числа мест в легислатурах. В «кукурузном поясе» Индианы и Айовы за них проголосовали соответственно лишь 4 и 5% избирателей [33].

Один миллион голосов избирателей и общее число прошедших в различные выборные органы популистских кандидатов уже само по себе делали честь молодой партии, в особенности учитывая, что крупная буржуазия Севера и Юга сделала все возможное, чтобы нанести поражение ее кандидатам. В огромных масштабах накануне и во время голосования применялись запугивание, шантаж, подкуп избирателей, заполнение избирательных урн подложными бюллетенями, подброска «своих» людей в «слабые» избирательные округа, а при подсчете голосов — фальсификация результатов. Популистский лидер Алабамы Дж. Д. Мэннинг отметил, что при рассмотрении итогов голосования, особенно на Юге, «следует учитывать, что голоса, поданные в поддержку этого (популистского.— *Авт.*) движения, в огромном числе или не принимались во внимание вообще, или же засчитывались в пользу противника» [34].

Особенно бесцеремонно южные реакционеры обращались с избирателями-неграми. Неоднократно фиксировались случаи, когда плантаторы приводили отряд своих наемных рабочих-негров на избирательный участок и заставляли их голосовать за угодных хозяевам кандидатов. «В Алабаме не найдется ни одного негра, который не мог бы голосовать так, как он сам считает правильным,— говорил сенатор-расист Морган.— Но, черт побери,— добавил он,— каждый из них по своей шкуре знает, как нужно правильно голосовать» [35].

Согласно решениям своих съездов популисты развили в конгрессе энергичную деятельность по воплощению в законы требований Народной партии. Вносимые ими билли охватывали общеполитические требования, а также земельный, финансовый и рабочий вопросы, которые тревожили огромное большинство народа. Они требовали передачи железных дорог,

[31] Ф. А. Зорге — Ф. Энгельсу, 22 ноября 1892 г.— ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 5452.
[32] S. M. White to W. J. Bryan, February 1, 1893.— LCW, WJBGC, Container N 2.
[33] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975, p. 1079.
[34] *Manning J. D.* The Fadeout of Populism. N. Y., 1928, p. 46.
[35] Цит. по: Memoirs of L. A. Thurston. Honolulu, 1936, p. 477.

телеграфной и телефонной сети в собственность правительства, предоставления женщинам избирательных прав, непосредственного избрания народом членов сената, исполнения всех общественных функций только выборными, а не назначаемыми лицами, запрещения конгрессменам и судьям верховных судов бесплатно пользоваться телеграфом и проездом по железным дорогам, на что охотно шли владельцы последних, рассчитывая на «благодарность» со стороны законодателей и слуг правосудия.

Как того требовали народные массы, популисты внесли чрезвычайно важные билли о выдаче государством ссуд поселенцам при получении гомстедов и о запрещении выпуска ценных бумаг частными банками. Популисты из западных штатов с засушливым климатом добивались выделения федеральных фондов на строительство ирригационных каналов и создания специального правительственного агентства по проведению этих работ [36]. Посланцы Народной партии в конгрессе, поддержанные широкой кампанией рядовых популистов на местах, вели энергичную, но безуспешную борьбу против отмены закона Шермана о покупке серебра.

Популисты в конгрессе не обходили стороной возникшие в конце XIX в. вопросы, связанные с проведением агрессивной внешней политики и тенденциями к милитаризации страны. Эти проблемы не поднимались во время съездов фермерских альянсов и Народной партии и не нашли отражения в их программных документах. Но когда в начале 90-х годов в США заговорили о столкновении с Чили, популисты-конгрессмены резко выступили против войны, указав, что она означает новое бремя налогов для бедных, а учреждение постоянной армии создаст серьезную угрозу их свободам. «Жестокие плутократы» пошлют на поля сражений тех бедняков, которых они более всего опасаются у себя дома, и таким образом «отделаются от них с помощью войны». Война подогреет дух милитаризма в стране и подавит движение масс за улучшение своего положения.

Отношение популистов к войнам выразил их лидер в палате представителей: «Я считаю, что приближается время, когда войны — этот варварский способ разрешения споров путем применения оружия — станут такими же реликвиями прошлого... какими в настоящее время являются грубые методы разрешения личных споров с применением физической силы, дуэли и другие формы насилия над личностью» [37].

Делегация популистов в конгрессе выступила против увеличения ассигнований на военно-морское строительство США в целях соперничества с европейскими флотами: «Нам нечего бояться какой-либо европейской державы... Врагами, которых нам действительно следует опасаться... являются разросшиеся и наглые корпорации и жадные монополии здесь, внутри нашей собственной страны». В значительной степени благодаря усилиям популистов удалось отвергнуть билль, предусматривавший превращение милиции штатов в национальную гвардию. Они осудили этот билль как шаг в направлении централизации вооруженных сил для подавления движения рабочих и фермеров и как проявление милитаризма [38].

---

[36] Congressional Record, vol. 23, pt 1, p. 127; pt 2, p. 1164, 1578; vol. 24, pt 1, p. 324, 460; pt 2, p. 1118.
[37] Ibid., vol. 23, pt 4, p. 3361.
[38] Ibid., vol. 23, pt 4, p. 3360, 3361; vol. 24, pt 1, p. 569.

Антивоенные и антимилитаристские выступления популистских деятелей в конгрессе в первой половине 90-х годов в значительной степени определили участие впоследствии многих популистов в антиимпериалистическом движении, возникшем на рубеже XIX—XX вв. в связи с испано-американской войной и захватом Соединенными Штатами Гавайских островов, о-вов Самоа, Гуам.

Борьба популистов в конгрессе за проведение в жизнь политических, экономических и социальных требований фермерских съездов находила одобрение и поддержку среди рядовых участников движения. В то же время, следя за практической деятельностью своих представителей в высшем законодательном органе страны, фермеры убеждались еще раз, что ни конгресс, ни президент не думают об облегчении их участи, на той или иной стадии блокируя все меры, предлагаемые популистами. Тщетные усилия популистских конгрессменов на национальной политической арене и разочаровывающие результаты местной законодательной деятельности популистов даже в штатах, где им удалось послать в законодательные собрания значительное число своих представителей (Канзас, Небраска, Миннесота, Северная Дакота, Колорадо), все более подтверждали, что без союза с рабочими фермерам не добиться улучшения своего положения. Ход развития рабочего движения в начале 90-х годов, рост стачечной борьбы и обращение к политическим средствам борьбы способствовали сближению фермерского и рабочего движений.

3. РАБОЧЕ-ПОПУЛИСТСКИЙ БЛОК

Крупнейшие выступления рабочего класса США первой половины 90-х годов и проявленные при этом мужество и решимость способствовали завоеванию им союзников среди фермеров. Особенно заметно это было во время стачки металлистов Гомстеда. «Сторонники Народной партии в Канзасе,— свидетельствовал организатор ОРТ в этом штате,— демонстрируют искреннюю и горячую симпатию рабочим Гомстеда». Председатель одного из окружных фермерских альянсов в Канзасе заявил после начала стачки в Гомстеде, что «в настоящее время капиталисты ведут истребительную войну против рабочих организаций в целях низведения независимых рабочих до положения покорных рабов». Предложив помощь «союзу рабочих в Гомстеде в их решительных, справедливых и священных действиях», канзасский альянс принял резолюцию, в которой фермеры писали: «Мы осуждаем теперешнюю экономическую систему, которая труженика в поле, на заводе или шахте отдает в кабалу безжалостным и бездушным денежным корпорациям...» [39].

Известная популистка Мэри Лииз заявила, что Карнеги попытался «увековечить систему социального каннибализма с помощью военной силы и пинкертоновских головорезов». Горячо одобрив решение фермеров Канзаса послать провиант рабочим Гомстеда, она предупреждала, что «битва в Гомстеде является только началом наступления монополий на организованных рабочих» [40]. Для того чтобы выжить в жестокой борьбе с капиталом, писали фермеры Канзаса, «все, кто зарабатывает себе на хлеб трудом и потом», должны быть едины. Еще сильнее идею о необходимости

---

[39] Populist Mind: Documents / Ed. by N. Pollack. Indianapolis (Ind), 1967, p. 448, 449.
[40] Ibid., p. 450.

рабоче-фермерской коалиции выразила Мэри Лииз: «В этой борьбе люди труда всех отраслей хозяйства должны быть вместе!» [41]

Стачечники и их семьи получили вагоны с мукой, отправленные в Гомстед по решению фермеров Небраски, Канзаса и других «популистских» штатов. Эта конкретная поддержка со стороны фермеров произвела сильное впечатление не только на сталелитейщиков Гомстеда, но и на пролетариев других промышленных центров страны и во многом способствовала единению рабочего и земледельческого классов. На проходивших митингах Народной партии принимались резолюции, в которых популисты выражали глубокую симпатию поднявшимся на борьбу организованным рабочим Гомстеда.

Практическая поддержка популистами рабочего класса оказала большое влияние на изменение отношения рабочих к фермерским организациям. Вопреки утверждениям лидеров АФТ о том, будто рабочий класс не имеет общих интересов с Народной партией, факты убеждали рядовой состав рабочей федерации в обратном. Рабочие газеты меняли свой прежде враждебный или скептический тон на благожелательную позицию по отношению к «аграрному восстанию». Одна из них писала, что широкий и серьезный размах фермерского движения служит верным предзнаменованием скорого объединения сил всех трудящихся — заводов и ферм, города и деревни. Все большее число рабочих организаций, входивших в ОРТ и АФТ, а также независимые профсоюзы налаживали контакты с местными народными партиями и призывали рабочих оказывать всемерную поддержку популистскому движению. В середине декабря 1892 г. Ф. А. Зорге, анализируя в письме Ф. Энгельсу результаты ежегодной сессии Генеральной ассамблеи ОРТ, отметил, что «Рыцари труда» «настаивают на все более тесном сотрудничестве с фермерами и Народной партией» [42].

В разгар Пульмановской забастовки, крупнейшей в США за весь XIX в., фермерская солидарность проявилась особенно наглядно. Против стачечников выступили исполнительная и судебные власти страны с их мощными карательными органами. Разгоняя рабочих, они прибегли к оружию. В этих условиях поддержку и словами и делом — вагоны с мукой — забастовщикам оказали простые труженики земли. Именно в ходе этой грандиозной стачки солидарные действия фермеров укрепили тенденцию к объединению и сплочению рабочих и фермеров, развивавшуюся по мере дальнейшей радикализации популистского движения, с одной стороны, и роста стачечной борьбы рабочего класса — с другой.

На митингах в поддержку рабочих популисты осуждали действия правительства и собирали деньги и продукты для помощи стачечникам и их семьям. На одном из таких митингов в Канзасе выступили губернатор Колорадо Дэвис Уэйт, видная представительница Народной партии Канзаса Анни Диггс и другие ораторы. Уэйт заявил, что правительство Кливленда использует всю военную мощь как для укрепления монополий, так и для разгрома рабочих организаций. «Скажите, кто еще, кроме популистской партии, помогает Американскому союзу железнодорожников и рабочим?» — обращалась с вопросом к участникам митинга Анни Диггс. Под влиянием солидарных действий местных популистских организа-

[41] Ibid., p. 451.
[42] Ф. А. Зорге — Ф. Энгельсу, 16 декабря 1892 г.— ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 5468.

ций Национальный фермерский альянс выразил сочувствие и симпатии борьбе рабочих и объявил о решении открыть для АСЖ и ОРТ свои зернохранилища и продовольственные склады, чтобы помочь им выстоять в борьбе за справедливые требования.

На промышленный пролетариат Америки произвели огромное впечатление также действия популистов в штате Колорадо. Губернатор популист Уэйт с самого начала встал на сторону горнорабочих Криппл-Крика в возникшем конфликте с хозяевами золотых приисков. Рудокопы требовали восстановления 8-часового рабочего дня и ликвидации «черных списков». Владельцы рудников отказались принять эти требования и, силой оружия изгнав рабочих с приисков, обрекли их вместе с семьями на голод и страдания.

Борьба длилась более четырех месяцев. В попытке силой сокрушить упорство рабочих владельцы рудников сосредоточили состоявшие у них на жалованье вооруженные отряды шерифа в 1,2 тыс. человек вокруг горняцких поселков. 1,8 тыс. стачечников начали строить укрепления, а их пикеты патрулировали местные дороги и отбирали у проезжих оружие для пополнения своего скудного арсенала. Оружие поступало в лагерь стачечников также от соседних профсоюзов, а продовольствие популисты подвозили из фермерских районов. Стачечники защищали свои дома и свои семьи и не раз, когда это требовалось для самозащиты, открывали огонь. В любой момент небольшая перестрелка могла вылиться в сражение, которое, учитывая обстановку в штате, легко могло перерасти в местную гражданскую войну.

Стремясь добиться урегулирования конфликта, Уэйт указывал, что действия шерифа противоречат конституции штата, требовал распустить армию шерифа, созданную на средства частного капитала, как незаконную. Обе предпринятые Уэйтом попытки остались без последствий: шериф не смел ослушаться указаний крупного бизнеса и хозяев приисков. Позиция губернатора вызвала злобу со стороны владельцев рудников, банкиров и капиталистов не только Колорадо, но и всей страны. В такой ситуации Уэйт вызвал национальную гвардию штата. Когда 6 июня войска штата, встав фактически на сторону бастующих рабочих, вклинились между двумя враждебными лагерями, отряды наемников бизнеса отступили [43].

Схватка труда и капитала в Колорадо закончилась победой рабочих. Уэйт с полным основанием заявил, что «ни один губернатор США так решительно не поддержал требования организованных рабочих» и что никогда еще в истории Америки «вооруженные силы штата... не использовались для защиты прав рабочих» [44]. Своими действиями популист Уэйт снискал глубокое уважение среди трудящихся, а престиж Народной партии еще выше поднялся в глазах рабочего класса.

Сближение рабочих и фермеров в суровые годы кризиса становилось все более значительным фактором в политической жизни страны. Искренняя поддержка со стороны тружеников полей усиливала в среде рабочих симпатии к своим естественным союзникам. Прежнее скептическое и даже враждебное отношение постепенно уступало место стремлению объединить усилия для борьбы против общего врага — монополий.

---

[43] *Wright J. E.* The Politics of Populism. Dissent in Colorado. New Haven, 1974, p. 148, 179, 180.

[44] D. H. Waite to I. Donnelly, December 11, 1894, s. 4.— MHS, DAM, IDP.

На съезде АФТ в декабре 1893 г. радикальные популисты приветствовали принятие политической программы и призывали рабочих проводить ее в жизнь единым фронтом с фермерами через уже существующую Народную партию. Они указывали на общность многих целей рабочего и фермерского движений и призывали к объединению усилий всех людей труда в сфере политической борьбы во имя достижения этих целей. Лейтмотивом большинства выступлений фермеров и их прессы стал призыв к рабочим осознать, что их единственными политическими друзьями являются популисты [45].

Организации рабочих тем охотнее шли на сотрудничество с фермерами, чем радикальнее становилось само популистское движение. «Наиболее радикальные лидеры профсоюзов рабочих ирландского происхождения,— сообщала из Чикаго Ф. Келли-Вишневецкая Ф. Энгельсу,— обращаются к Народной партии и будут ее поддерживать на местных выборах...» [46]

Неоднократное установление контактов происходило по инициативе рабочих. В ноябре 1894 г. Федерация труда Миннесоты, обращаясь к фермерским организациям штата, заявила, что, поскольку «интересы совпадают, хотелось бы... установить тесное сотрудничество с Фермерским альянсом». Рабочие пригласили популистов посылать делегатов на профсоюзные собрания. Фермеры ответили, что «глубокие взаимные интересы связывают вместе всех, кто производит подлинные ценности на земле». Они понимают, что «фермеры должны искать рынок для продукции своих полей не среди нескольких тысяч миллионеров, а среди огромной армии людей, которые трудятся в городах, поселках и деревнях. Поэтому,— заключали фермеры,— интересы рабочих являются нашими интересами, а их враги являются нашими врагами» [47].

Устремленность рабочего движения к независимым политическим действиям, с одной стороны, и поддержка популистами борьбы рабочих, даже в ее воинственных формах,— с другой, значительно способствовали созданию в ряде штатов рабоче-фермерского союза. Принимая декларации о поддержке Народной партии, местные организации созывали конференции представителей профсоюзов и популистов. Активную работу по развитию сотрудничества между рабочим движением и Народной партией проводил «Промышленный легион», отделения которого были созданы популистами в крупных индустриальных центрах страны. Многие рабочие из местных ассамблей ОРТ установили тесные контакты с организациями Народной партии или вступили в них.

Рост и углубление сотрудничества обусловливали возникновение рабоче-фермерского союза в ряде штатов, где для этого были благоприятные условия. Значительную роль в борьбе за создание союза наемных рабочих и трудящихся фермеров в рамках Народной партии сыграли социалисты, которые оказались «самыми умными, самыми энергичными, самыми надежными работниками» в популистском движении [48].

---

[45] Populist Mind: Documents, p. 453.

[46] Ф. Келли-Вишневецкая — Ф. Энгельсу, 27 ноября 1892 г.— ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, д. 5461.

[47] *Pollack N.* Op. cit., p. 66—67.

[48] H. D. Lloyd to C. Darrow, November 23, 1894.— State Historical Society of Wisconsin, Henry Demarest Lloyd Papers. (Далее: SHSW, HDLP).

Социалистическая рабочая партия Де Леона на съезде в 1893 г. резко выступила против Народной партии. Ее характеризовали как организацию, «в такой же степени антагонистическую интересам и целям пролетариата, как господство плутократии». При этом утверждалось, что обреченный на экспроприацию «разнородный и переходный класс» — фермеры, мелкие торговцы и предприниматели — стремится к союзу с рабочим классом лишь ради того, чтобы самим не скатиться в ряды пролетариата. Принятая съездом резолюция категорически указывала, что «класс наемных рабочих ни в коем случае не может поддерживать это движение» [49]. Для пресечения всяких попыток сотрудничества с популистами по требованию Де Леона в уставе партии социалистов было оговорено, что секциям СРП «не разрешается вступать в какие-либо соглашения с любой другой политической партией» [50].

Столь враждебная позиция руководства СРП по отношению к Народной партии вызывала протесты среди рядовых социалистов, особенно тех, кто имел личный опыт совместной работы с популистами. Законное недоумение вызывало то, что нападки лидеров СРП на популистскую партию нередко были более ожесточенными, чем их же выступления против обеих партий крупного капитала. Памятуя о советах Маркса и Энгельса, многие рядовые социалисты верили в необходимость быть впереди народных движений, имеющих целью отрыв масс от обеих буржуазных партий. Работая среди участников популистского движения, социалисты ставили задачи политического просвещения масс и терпеливого разъяснения подлинных целей социализма, указывали, что, не участвуя в Народной партии, СРП теряла превосходную возможность для пропаганды социалистических идей.

Действительно, популизм не мог ответить на многие вопросы, поднимавшиеся социализмом. Но под его знаменами тысячи тружеников выступили против притеснений и страданий, порождаемых развитием монополистического капитализма. Это привлекло к нему часть социалистов-марксистов, а также многих из тех, кто причислял себя к социалистическому движению, но стоял на позициях, далеких от научного социализма.

Кроме них, действовали отдельные представители американской интеллигенции, признававшие программу и устав СРП, но не входившие в ее ряды. Неорганизованные, или, как называл их Де Леон, «индивидуалистические» социалисты, также использовали свое участие в Народной партии для распространения идей социализма. Понимая ограниченность популистского движения и критикуя его отношение к деятельности профсоюзов, они тем не менее призывали организованных рабочих участвовать в ширившемся народном движении, добиваясь принятия им программы, которая выражала бы требования не только фермеров, но и рабочих.

В рядах «индивидуалистических» социалистов заметно выделялась фигура Генри Ллойда. Один из самых просвещенных американцев своего времени, блестящий публицист, автор знаменитой книги «Богатство против общества» Ллойд сыграл важную прогрессивную роль в популистском

---

[49] *Quint H. H.* The Forging of American Socialism, 1886—1901. Columbia, 1953, p. 215—216.

[50] *Kipnis I.* The American Socialist Movement, 1897—1912. N. Y., 1952, p. 15.

движении середины 90-х годов. Вместе с единомышленниками он сразу же обратил внимание на небывалый подъем движения фермеров. Реально оценивая программу Народной партии и ее социальный состав, Ллойд видел сильные и слабые стороны движения. Он был «чрезвычайно огорчен тем, что на съездах в Сент-Луисе и Омахе не было сказано ни слова, которое представляло бы ценность для рабочего движения, ни слова, например, в поддержку профсоюзов или требования 8-часового рабочего дня (во всех отраслях промышленности.— *Авт.*)».

Ллойд выступил за активное участие в популистском движении рабочего класса, стоявшего, по его определению, «намного впереди фермеров в смысле понимания тенденций нашего социального и экономического развития» и в силу этого призванного стоять во главе движения масс для обеспечения его развития в радикальном направлении. «Для рабочих в высшей степени важно,— подчеркивал Ллойд,— чтобы фермеры стали их союзниками, и это в такой же степени важно и для фермеров. Низкие цены на сельскохозяйственные продукты и высокие цены на сельскохозяйственные орудия и другие промышленные изделия, от которых страдает фермер; низкая заработная плата и тяжелые жизненные условия рабочего имеют общее происхождение» [51].

Ллойд выдвинул план создания союза между фермерским и рабочим движениями для нанесения совместного удара по монополистическому капиталу. Отметив, что в обстановке промышленного и аграрного кризисов и подъема стачечной борьбы рабочие ожидают от АФТ проявления инициативы и руководства созывом массовых рабочих конференций или конгрессов, Ллойд, обращаясь к делегатам съезда АФТ 1893 г., подчеркнул, что в стране имеются также другие, «нерабочие организации, которые, если их только пригласить, сразу станут в один ряд с вами».

К июлю 1894 г. усилиями социалистов во главе с Ллойдом и Т. Дж. Морганом на конференции профсоюзов в Спрингфилде, на которую впервые были приглашены популисты, удалось оформить создание рабоче-популистского блока в масштабе штата. Конференция потребовала от всех участвовавших в ней организаций, чтобы их члены голосовали на предстоявших в конце 1894 г. выборах «за тех кандидатов Народной партии, которые заявят о приверженности принципам коллективной собственности народа на все те средства производства и распределения, которые народ сочтет нужным обобществить» [52].

Созданный рабоче-популистский блок явился шагом вперед в развитии движения против власти монополий, а его программа целеустремленно увязывала борьбу народа против трестов с установлением на них коллективной собственности народа. Спустя неделю, 12 июля 1894 г., спрингфилдская программа была одобрена 2,5-тысячным активом рабоче-популистского блока в Чикаго, на собрании которого присутствовали представители профсоюзов, популисты, социалисты и сторонники единого земельного налога. Собрание заявило, что его участники порывают со старыми партиями и обязуются вести «решительную борьбу под знаменем Народной партии» [53].

---

[51] *Lloyd C. A.* Henry Demarest Lloyd, 1847—1903. A Biography: Vol. 1, 2. N. Y., 1912, vol. 1, p. 241.
[52] Journal of Political Economy, 1920, May, vol. 28, p. 424—425.
[53] American Radicalism, 1865—1901. Essays and Documents. New London (Conn.), 1946, p. 180.

После образования в Иллинойсе рабоче-популистского блока началось сближение между рабочими и радикальными популистами в других районах страны. Этому способствовали происходившее во многих штатах рассмотрение профсоюзами политической программы АФТ, а также репрессии правительства против рабочих. Шахтеры и металлисты, рудокопы и машиностроители на собственном опыте убедились во враждебности стоявших у власти демократов, которые посылали войска для расстрела рабочих.

В то же время рядовые участники популистского движения поддерживали борющихся рабочих, и естественно, что многие лидеры последних обращали взоры к Народной партии. По призыву председателя Макбрайда союз горняков решил поддержать рабоче-популистских кандидатов на выборах. Руководитель похода безработных на Вашингтон Кокси был выдвинут кандидатом Народной партии в конгресс. В самый разгар схватки с капиталистами АСЖ стал поддерживать Народную партию. Руководитель Пульмановской стачки Ю. Дебс, уже в то время осужденный на шесть месяцев тюремного заключения, но еще не попавший в руки властей, на одном из митингов призвал бастовавших железнодорожников вступать в ряды популистов: «Я — популист,— говорил Ю. Дебс,— и считаю, что двум старым партиям следует нанести такое поражение, после которого они никогда не смогли бы оправиться. Всю жизнь я был демократом, и мне не стыдно признаться в этом. Я бы хотел, чтобы каждый из вас пошел на выборы и голосовал за список кандидатов Народной партии» [54].

Постоянное ущемление предпринимателями прав рабочих, применение войск для разгрома стачек, деятельность социалистов в профсоюзах АФТ, ОРТ и рабочих союзах многих городов, наконец, поддержка фермерами массовых выступлений рабочего класса — факторы, обусловившие достижение в ряде штатов соглашений о политическом сотрудничестве рабочих и фермерских организаций. В течение 1894 г. создание рабоче-популистских блоков было оформлено, помимо Иллинойса, также в Висконсине, Нью-Йорке, Огайо, Индиане, Миннесоте, Массачусетсе, Небраске, Монтане, Техасе и Калифорнии.

С формированием рабоче-популистского блока появлялась возможность для всех радикальных групп отстаивать кандидатов Народной партии и одновременно вести пропаганду своих принципов. Лучше других использовали это чикагские социалисты. Во главе с Морганом и при активнейшем участии Ллойда они развернули внутри Народной партии широкую пропаганду социалистических идей. Их влияние прослеживается во многих выступлениях популистских ораторов того периода, например в заявлении Т. Кидда, председателя Союза рабочих-деревообделочников, на массовом митинге рабоче-популистского блока в октябре 1894 г. «Мы не боимся и не стыдимся выдвинуть принципы, которые должны принести массам освобождение от гнета и эксплуатации,— говорил Кидд.— Если удастся добиться передачи железных дорог в собственность правительства, то больше не будет ни пульманов, ни вандербилтов. Мы хотим, чтобы народ имел право законодательной инициативы и проведения референдумов, и когда добьемся этого, то больше не будет

---

[54] *Morais H. M., Cahn W.* Gene Debs. The Story of a Fighting American. N. Y., 1948, p. 41—42.

раздачи городскими властями особо ценных привилегий магнатам и монополиям»[55].

С огромным внимание участники полупистских митингов в Иллинойсе, Айове, Миннесоте и Северной Дакоте прислушивались к аргументам Ллойда в пользу национализации трестов. Он указывал, что только приход к власти рабоче-популистского блока, который рассматривал как союз рабочих, фермеров, мелких предпринимателей, сторонников единого земельного налога и социалистов, может явиться той силой, которая освободит массы и овладеет цитаделью монополий[56].

Совместные усилия участников рабоче-популистского блока — рабочих, фермеров, социалистов и других радикальных групп — обеспечили успех Народной партии, получившей около 1,5 млн. голосов на выборах 1894 г., т. е. почти на полмиллиона больше, чем в 1892 г. Из анализа результатов голосования по округам в 1892 и 1894 гг. явствует, что рост числа голосов за Народную партию был заметнее в промышленных центрах, чем по штатам в целом, и что значительную долю голосов дал организованный рабочий класс Среднего Запада. В Чикаго (округ Кук) число рабочих, голосовавших за кандидатов рабоче-популистского блока, увеличилось почти в 20 раз — с 2 тыс. до 34—40 тыс. Народной партии отдали свои голоса шахтеры Пенсильвании, Западной Виргинии, Иллинойса и Огайо, где за полгода до выборов уже упоминавшаяся стачка закончилась поражением рабочих после их расстрела федеральными войсками. В штатах Миннесота, Джорджия, Калифорния, Висконсин, Техас, Нью-Йорк, Пенсильвания, Огайо, Мичиган за Народную партию было подано голосов в несколько раз больше, чем в 1892 г. Ставший мэром Са-Франциско кандидат популистов А. Сатро заявил, что преодолеть сопротивление капиталистов, их агентов и прессы ему помогла лишь поддержка, оказанная Народной партии организованными рабочими[57].

Следствием активизации рабоче-популистского блока явилось то, что выборные должности в штатах заняли несколько сот кандидатов. Техасские популисты избрали 22 рабоче-фермерских кандидата в законодательное собрание. 12 человек были избраны по рабоче-популистским спискам в конгресс, хотя лишь восемь из них открыто заявили после появления в Капитолии о принадлежности к Народной партии. Выборы 1894 г., по мнению Д. Уэйта, «показали, что популистская партия является единственной тщательно организованной партией в штате, которая последовательно выражает интересы рядовых избирателей»[58].

4. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАРОДНОЙ ПАРТИИ

Подъем рабочего движения и тенденция к объединению его с фермерским создавали угрозу для политического господства крупного капитала. Пришедшие в движение массы убеждались, что им не от кого ожидать облегчения своего положения: ни от правительства, ни от конгресса, ни от законодательных собраний и местных властей. «Народ многое понял,— писал в июне 1893 г. один из лидеров популизма,— и больше не находится в состоянии глупого безразличия». Пристально

[55] American Radicalism, 1865—1901, p. 193.
[56] Ibid., p. 219.
[57] American Review of Reviews, 1894, Dec., vol. 14, p. 627—629.
[58] D. H. Waite to I. Donnelly, December 11, 1894, s. 1.— MHS, DAM, IDP.

следивший за развитием движения Д. Уэйт через 2,5 года пришел к еще более оптимистическому выводу: «Народ Юга начинает понимать, что партия, принявшая Омахскую платформу, является в настоящее время единственной подлинно демократической общенациональной партией» [59].

Правящие круги испытывали серьезное беспокойство в связи с тем, что «огромные массы» рабочих и фермеров «подымутся во весь рост и начнут хлебные бунты, когда будут требовать и брать все, что захотят» [60]. Пресса уже сообщала о бунтах в городах. Капиталистов пугал также рост самосознания трудящихся. «Мы имеем дело с думающим и читающим народом,— констатировал в 1894 г. один из видных деятелей демократической партии. — ...Две избирательные кампании в огромной степени просветили массы, и народ сейчас мыслит намного свободнее, чем когда-либо раньше» [61].

Между тем «думающий и читающий народ» Америки действительно начинал вникать в причины своего невыносимого положения и поднимать острые вопросы и проблемы, приводившие в трепет имущие классы. Д. Уэйт писал губернатору Канзаса: «Народ охвачен таким возбуждением, какого не наблюдалось во время последней президентской кампании даже в самом ее конце». Выступая на съезде иллинойских популистов в Спрингфилде в 1894 г., Уэйт заявил: «Мы находимся накануне политической революции. Надеемся, что эта революция может быть осуществлена мирным способом — путем голосования на выборах. Однако в любом случае она должна быть завершена!» [62] Обосновывая право народа на революцию, Уэйт исходил из положений Декларации независимости США и прогрессивных революционно-демократических традиций гражданской войны в США. «Когда правительство подавляет те самые свободы,— писал он,— для защиты которых было создано, то правом и долгом народа является сменить это правительство и создать новое» [63].

В обстановке углубления кризисных явлений и обострения классовых противоречий буржуазия провела серию мероприятий, направленных на укрепление полицейских и армейских частей для борьбы против стачечного движения. Под предлогом обеспечения порядка местные власти увеличивали личный состав милиции. Губернаторам штатов было предоставлено право получить оружие и артиллерию из федеральных резервов. В крупных индустриальных центрах началось строительство арсеналов. Газета популистов Запада писала в октябре 1894 г., что создание милиции и военных складов имеет одну функцию — предотвратить социальный протест.

Стремление финансово-промышленных магнатов любыми средствами разгромить поднявшихся на борьбу рабочих и популистов отразил один из наиболее рьяных защитников интересов американского капитала, Теодор Рузвельт, в будущем президент США. «Я хорошо знаю этих популистов и рабочих и чего от них надо ждать,— писал он в декабре 1894 г.— Этих бунтовщиков надо, по-моему, препоручить солдатам или

---

[59] D. H. Waite to W. J. Bryan, November 26, 1895, s. 2.— LCW, WJBGC, Container N 3.
[60] *Hicks J. D.* The Populist Revolt. Minneapolis, 1931, p. 311.
[61] North American Review, 1895, Jan., vol. 160, p. 20.
[62] *Fuller L. W.* Colorado's Revolt against Capitalism.— Mississippi Valley Historical Review, 1934, Dec., vol. 21, N 3, p. 354.
[63] D. H. Waite to W. J. Bryan, November 26, 1895, s. 3.— LCW, WJBGC, Cont. N 3.

ополченцам из национальных гвардий штатов, таким, кто не станет слишком стесняться пролить кровь» [64].

Перенимая опыт европейской буржуазии, американские монополисты втайне готовились к разгрому рабочего и фермерского движений. Монополии и послушное им правительство приложили усилия, чтобы не дать окрепнуть и распространиться на всю страну молодому рабоче-фермерскому союзу, подорвать изнутри популистское движение и способствовать победе консервативных сил в рабочем движении.

Назревавший конфликт внутри популистского движения имел своей основой процесс классовой дифференциации фермерства, происходивший в связи с развитием капитализма и действием мирового аграрного кризиса. С усилением гнета монополий и трестов пролетаризировавшиеся слои фермерства требовали применения радикальных мер обуздания крупного капитала и смелее шли на сотрудничество с рабочими союзами, а верхушка крупного фермерства искала средства для борьбы с радикализацией движения. Этим было обусловлено появление двух течений в популистском движении — радикального и консервативного.

Возглавлявший Народную партию Таубенек никогда не отличался радикализмом, но как председатель партии, программа которой предусматривала проведение ряда существенных экономических и политических реформ, он вплоть до августа 1893 г. поддерживал эти требования и публично предостерегал против ограничения программы партии единственным вопросом о свободной чеканке серебра. Однако через несколько месяцев тот же Таубенек уже выступал за отказ от всех популистских требований и превращение Народной партии в партию, требующую одного — свободной чеканки серебра. Одновременно подобная метаморфоза произошла с другими лидерами популизма, в том числе с Уивером и Алленом. Таким образом, в конце 1893 г.— начале 1894 г. ряд национальных лидеров, нарушая решения популистских съездов, отступились от основных требований Народной партии и стали выдвигать вопрос о серебряных деньгах в качестве единственного требования популистского движения [65].

Экономические и финансовые условия в стране благоприятствовали распространению агитации за свободную чеканку серебра. В самый разгар экономического кризиса правительство Кливленда объявило о созыве сессии конгресса для отмены закона Шермана 1890 г. о покупке серебра. Отмена приветствовалась финансовыми и промышленными магнатами и вызывала негодование трудящихся масс, особенно фермеров-должников и безработных, над которыми висела угроза аукционной распродажи ферм, конфискации имущества и выселения из квартир за неуплату долгов. По всей стране проходили митинги протестов. Ораторы заявляли о существовании «зловещего союза между банкирами Уолл-стрит и правительством Кливленда» [66].

Это нарастающее недовольство было искусно использовано миллионерами-горнопромышленниками — владельцами серебряных рудников в западных штатах. Они были учредителями Американской лиги биметал-

[64] The Letters of Theodore Roosevelt: Vol. 1—8 / Ed. by E. E. Morison. Cambridge (Mass.), 1951—1954, vol. 1, p. 412.

[65] *Peterson J.* The Trade Unions and the Populist Party.— Science and Society, 1944, Spring, vol. 8, p. 146.

[66] *Fuller L. W.* Op. cit., p. 351.

листов (АЛБ) и имели своих сторонников в обеих старых партиях и в конгрессе. К последним принадлежал сенатор Теллер из Колорадо. В конгрессе и на митингах он выступал с обвинениями против «хищных трестов и корпораций» и сеял среди городских безработных и оказавшихся в долгах фермеров иллюзию о том, якобы «серебряные деньги» разрешат все их проблемы и общество будет избавлено от мучительных последствий экономического кризиса [67]. Воспользовавшись шумихой в прессе и бурными дебатами в конгрессе по вопросу об отмене закона Шермана, АЛБ развернула активную деятельность. Афишируя «непартийность» лиги, ее подлинные хозяева стремились привлечь внимание популистов к вопросу о серебре, с тем чтобы впоследствии использовать в своих целях политический потенциал Народной партии.

Лидеры консервативной фракции, стоявшие во главе Народной партии и выражавшие интересы крупного фермерства, со своей стороны считали, что движение приобретало слишком радикальный характер. Они опасались дальнейшего роста влияния рабочих и социалистов в Народной партии и поэтому охотно пошли на установление сотрудничества с АЛБ и владельцами серебряных рудников.

В самом начале 1894 г. политиканам из АЛБ удалось оказать нажим на Таубенека и других лидеров Народной партии, запугав их перспективой образования новой партии стронников серебра. «Здесь происходит многое такое,— сообщал Таубенек Доннелли из Вашингтона в январе 1894 г.,— о чем я не могу писать и расскажу при встрече... За фасадом образующейся новой партии сторонников свободной чеканки серебра стоят мощные силы». Таубенек опасался, что многие покинут Народную партию и присоединятся к новому движению, а привлечь можно будет лишь «некоторое число социалистов и коммунистов» [68].

Как писал впоследствии Генри Ллойд, «Таубенек был попросту одурачен. Политиканы из Вашингтона захватили его в свои руки, уговорили, что свободная чеканка серебра является наиболее важным вопросом», и использовали его, чтобы «направить всю деятельность (Народной.— *Авт.*) партии на агитацию за разрешение вопроса о серебре... а затем присвоить себе плоды его деятельности» [69].

В попытке преодолеть противодействие прогрессивных сил, прежде всего социалистов и передовых рабочих, Таубенек и Уивер приступили к консолидации сил консерваторов внутри партии, что выразилось в создании и укреплении «серебряной» фракции [70]. Ее расширение шло за счет наплыва «серебряных» политиканов из АЛБ, которым оказывалась необходимая поддержка для занятия ключевых постов в местных популистских организациях. Проникшие в Народную партию политиканы, писал Г. Ллойд, «искусственно отвлекали внимание рядовых членов от главных проблем и стремились предать забвению основные популистские требования» [71].

Одновременно для консолидации консервативных сил прилагались усилия по привлечению в Народную партию «респектабельных» членов

---

[67] Congressional Record, vol. 25, pt 2, p. 2467; pt 3, p. 2890—2891.
[68] H. E. Taubeneck to I. Donnelly, January 29, 1894, s. 2.— MHS. DAM, IDP.
[69] H. D. Lloyd to R. J. Grimes, July 10, 1896, s. 1.— SHSW, HDLP.
[70] *Goodwyn L.* Democratic Promise: The Populist Moment in America. N. Y., 1976, p. 430—432, 437, 447—448, 456.
[71] H. D. Lloyd to R. J. Grimes, July 10, 1896, s. 2.— SHSW, HDLP.

из среды бизнесменов, торговцев и адвокатов, которые отвергали все популистские принципы, за исключением вопроса о серебре. Бросив клич: «Нужны торговцы, нужны адвокаты», группа Таубенека — Уивера открыла двери в Народную партию искателям выгодных должностей. Переманивали и местных популистских лидеров, главным образом из крупнокапиталистических слоев фермерства, обещая им за поддержку новой линии Национального комитета хорошо оплачиваемые должности в муниципалитетах в случае успешного выступления на выборах. Значительное число лидеров соблазнились на эти посулы и, принеся в жертву основные популистские принципы, пошли по стопам национальных руководителей [72].

Расхождения консерваторов и радикалов наблюдались по основным политическим проблемам. Если радикальные популисты поддерживали профсоюзы, стачки, голодные походы безработных на Вашингтон, осуждали применение войск и судебных предписаний против рабочих, то позиция консервативных лидеров и их сторонников была диаметрально противоположной. Таубенек резко осудил поход безработных на Вашингтон, заявив, что «не следует связывать партию с этим движением» [73].

Группа Таубенека — Уивера питала особую враждебность к социалистам, сыгравшим в свое время важную роль в создании и укреплении рабоче-популистского союза в ряде штатов Среднего Запада. Начало активной борьбы этой группы за изгнание социалистов и передовых рабочих из Народной партии хронологически совпало с их «переориентацией» по вопросу о серебряных деньгах и слиянии с демократической партией. Социалисты и рабочие являлись самыми преданными сторонниками независимости Народной партии и непримиримыми противниками слияния с любой из партий крупной буржуазии. Именно поэтому на них был обрушен первый удар консервативных лидеров. Только изгнав рабочих и социалистов из Народной партии, они могли надеяться на подрыв рабоче-популистского союза и удержание популистского движения в безопасных для крупного капитала рамках. С этой целью стоявшие во главе Народной партии Таубенек, Уивер и другие члены Национального комитета организовали «большой заговор» (как впоследствии назвали их действия Морган и Ллойд).

Сторонники рабоче-популистского союза под руководством Ллойда на конференции Народной партии в Сент-Луисе в декабре 1894 г. сумели отбить первую атаку консервативной группы Таубенека — Уивера. В программу Народной партии были включены новые требования рабоче-популистского блока: ограничение размера состояний, включая земельные участки, полученные по наследству; отмена системы судебных предписаний и прекращение практики использования войск для подавления забастовок рабочих; передача в общественную собственность и в государственное управление всех монополий, в продукции и деятельности которых заинтересован народ. Девизом сторонников рабоче-популистского союза, принятым в Сент-Луисе, стали лозунги: «Долой власть монополий и

[72] *Jones S. L.* The Presidential Elections of 1896. Madison, 1964, p. 248.

[73] H. E. Taubeneck to I. Donnelly, March 12, 1894.— MHS, DAM, IDP. В одном из писем Таубенек откровенничал: «Ни в малейшей степени меня нельзя считать социалистом или коммунистом, и я буду бороться против них до самого конца» (цит. по: *Arensinger P. H.* Op. cit., p. 209).

миллионеров!», «Вперед, на защиту прав человека и трудящихся масс!» [74]

Обстановка в рабоче-фермерской коалиции резко изменялась в неблагоприятную сторону. Вместе с пессимистическими настроениями, которые были вызваны жестокими расправами с пульмановскими и другими забастовщиками, массовой безработицей и голодом, враждебное отношение ведущего рабочего объединения страны — АФТ к политической деятельности не могло не повлиять на участие рабочих в популистском движении. Даже такому энтузиасту рабоче-популистского союза, как Г. Д. Ллойд, становилось ясно, что многие рабочие уже в начале 1895 г. были не склонны поддерживать популистское движение. В феврале 1895 г. Ллойд сообщал одному из друзей, что отклонение АФТ политической программы, особенно 10 пункта, «грозит сделать невозможным вовлечение наших рабочих» [75].

Вследствие отрицательного отношения АФТ к политическому союзу с популистами новый импульс получила борьба, которую консервативные лидеры Народной партии вели исподволь еще с 1893 г. Теперь она вышла на поверхность. Эти лидеры требовали от своих сторонников изгонять радикальных рабочих и социалистов из организаций Народной партии. Началась широкая антисоциалистическая кампания. На популистских собраниях и на страницах газет консерваторы не уставали подчеркивать, что «получили бы больше голосов, если бы социалисты играли менее активную роль в кампании» [76]. Один из них утверждал, что подлинная цель социалистов и передовых рабочих, входящих в Народную партию, заключается в том, чтобы «объявить ее Социалистической партией Америки». Другие шли дальше и, намеренно преувеличивая роль прогрессивных элементов в Народной партии, запугивали рядовых участников движения тем, что такие «социалистические епископы», как Т. Дж. Морган, «участвуют в популистском движении с единственной целью использовать его для учреждения Чикагской коммуны» [77].

Консерваторы и радикалы по всей стране собирали силы для решительной схватки на национальном съезде популистов в 1896 г. Этот съезд должен был выдвинуть кандидатов на президентские выборы. Накануне съезда консервативные лидеры Народной партии вошли в политическую сделку с боссами демократической партии, уже выдвинувшей своим кандидатом в президенты США Уильяма Брайана. Популистская газета «Прогрэссив фармер», издававшаяся в Северной Каролине, характеризовала действия Таубенека — Уивера как попытку бросить Народную партию к стопам демократов Уолл-стрит. Правильность этого высказывания вскоре подтвердили сами партийные лидеры. Уивер, Аллен и другие деятели публично выступили за утверждение кандидата демократов в президенты США Брайана в качестве кандидата от Народной партии [78].

---

[74] American Radicalism, 1865—1901, p. 230.
[75] Ibid., p. 234.
[76] Arena, 1895, Febr., vol. 43, p. 336.
[77] *McVey F. L.* The Populist Movement. N. Y., 1896, p. 176—177; American Radicalism, 1865—1901, p. 245.
[78] *Larson R. W.* New Mexico Populism: A Study of Radical Protest in a Western Territory. Boulder, 1974, p. 167—183.

Что касается радикальных популистов, то они вели агитацию за выдвижение кандидатом на пост президента США Ю. Дебса, который активно поддерживал Народную партию на выборах 1894 г. Г. Д. Ллойд, возлагавший большие надежды на успех Дебса, за две недели до открытия съезда выступил с призывом бороться за независимый избирательный список Народной партии во главе с Дебсом. Однако отказ Дебса (по-видимому, ошибочный) лишил радикальных популистов единственного кандидата, который пользовался популярностью среди рабочего класса и фермерства, и это сразу подкосило левое крыло движения.

В Сент-Луисе на съезде Народной партии, открывшемся 22 июля 1896 г., консервативные лидеры, прибегая к обману, запугиванию и антидемократическим методам, постарались навязать съезду кандидата демократов. Брайан получил 1042 голоса из 1363. Таким образом, съезд Народной партии выдвинул в президенты США кандидата демократической партии. Радикалам стало ясно, что Народная партия «безвозвратно продана мошеннической кликой политиканов» [79]. Подытоживая результаты работы съезда через 10 дней после его окончания, Ллойд указал на основную причину его краха: «По всему видно, что Таубенек, Уивер и компания еще два года назад решили развалить Народную партию, и теперь в Сент-Луисе они осуществили это» [80].

Руководитель популистов Джорджии Т. Е. Уотсон в письме Национальному комитету Народной партии обвинил лидеров в прямом предательстве: «Слушая сладкие речи руководителей демократов, наша партия оказалась расколотой на фракции, наши лидеры обмануты и пойманы в ловушку, а дело, за которое мы боремся, поставлено под угрозу, если уже не потеряно. Труд многих лет выброшен на ветер, и многие тысячи простых людей оказались обманутыми в своих надеждах» [81].

Самое основное требование Народной партии, собравшее под ее знамена около 2 млн. тружеников ферм, плантаций, заводов, фабрик и мастерских, было направлено против монополий в сфере землевладения, железнодорожного транспорта, связи и банковского дела. Конкретное популистское требование национализации железнодорожных корпораций, телеграфных и телефонных компаний вызвало смятение среди представителей монополистического капитала, поскольку те понимали, что организованная атака на собственность одних может привести к наступлению и на другие корпорации, тресты и банки. В период создания рабоче-популистского блока радикальные популисты под влиянием рабочих и социалистов сделали еще один шаг вперед и потребовали установления коллективной собственности народа на все средства производства и распределения, которые народ сочтет нужным обобществить. В этих требованиях и заключалась прогрессивная черта фермерского движения конца XIX в.

Все сменявшие друг друга фермерские движения конца XIX в., кроме общей основной цели — облегчение экономического положения земледельцев,— объединяло одинаковое отношение к капиталистическому строю американского общества. Объявляя войну монополиям, их участники преследовали цель создания более благоприятных условий для

---

[79] *Lloyd C. A.* Op. cit., vol. 1, p. 262—261.
[80] H. D. Lloyd to James H. Ferriss, August 6, 1896.— SHSW, HDLP, 1896.
[81] Цит. по: *Woodward C. Vann.* Op. cit., p. 329.

свободной конкуренции и спасения мелких производителей без каких-либо коренных изменений в социально-экономическом строе общества.

В существе этих целей нагляднее всего проявлялась мелкобуржуазная природа движения американских фермеров. Не было среди них существенных различий и в методах и средствах достижения целей путем проведения соответствующих законов и реформ. Но если при этом альянсы ограничивались борьбой в рамках легислатур отдельных штатов, то популисты сумели организоваться и проводить избирательные кампании в национальном масштабе. Они выставляли кандидатов в президенты США и имели своих представителей в конгрессе. Популисты считали, что для разрешения проблем, стоявших перед фермерами, следует искать мирные политические средства. Отрицая революционную борьбу, они полагались исключительно на парламентскую деятельность. «Только в том случае, если большинство, действуя с помощью избирательного бюллетеня, не сможет сохранить свои свободы,— говорил один из видных деятелей популистского движения,— лишь тогда наступит время начать разговоры относительно вооруженной революции» [82].

В попытках добиться облегчения экономического положения фермеров аграрное движение конца XIX в. потерпело поражение. Неудачи фермерского движения обусловливались рядом причин. Прежде всего — само фермерство в условиях капиталистического способа производства не представляет единого класса, все больше распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию. В силу специфических условий жизни и работы (оторванность фермера в процессе труда от других тружеников земли, разбросанность фермерства по обширным пространствам, частнособственническая привязанность к своему хозяйству) трудящееся фермерство не может самостоятельно, без руководства со стороны революционного класса — пролетариата и его партии добиться освобождения труда от капитала. Движение американских фермеров конца XIX в. наглядно показало обреченность борьбы мелкого фермерства против крупного капитала. «От гнета капитала,— учит В. И. Ленин,— мелкое крестьянство может избавиться, только примыкая к рабочему движению, помогая ему в его борьбе за социалистический строй, за превращение земли, как и других средств производства (фабрик, заводов, машин и пр.), в общественную собственность» [83].

Наблюдавшийся в рассматриваемый период общий подъем борьбы рабочего класса в значительной степени благоприятствовал развитию и расширению движения тружеников земли. Два последних десятилетия XIX в. были заполнены активными действиями рабочих за улучшение условий труда и жизни. Значительное влияние на рост организованности и боевитости пролетариата оказали американские марксисты. И все же в целом борьба рабочих носила экономический характер. Формирование классового сознания пролетариата задерживалось в силу текучести состава рабочего класса, пополнения его за счет иммиграции из других стран (особенно с малоразвитым капитализмом), пестрого национального состава, «рабочей аристократии», которая способствовала появлению столь сильной в рядах рабочего класса США оппортунистической тенденции. Социалистические идеи медленно проникали в рабочую среду,

---

[82] *Hicks J. D.* Op. cit., p. 324.
[83] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 431—432.

и в политике значительные слои рабочих следовали главным образом за буржуазией [84].

Основная причина неуспеха фермерских выступлений заключалась в слабости американского рабочего движения этого периода. Движение фермеров не было возглавлено рабочим классом, американские рабочие, в свою очередь, еще не имели боевой революционной партии, которая сумела бы стать в авангарде борьбы всех трудящихся против гнета капитала. Из этого вытекали другие недостатки фермерских выступлений. Поскольку земледельцы не имели подлинного революционного руководства, то и программа их ограничивалась лишь насущными экономическими требованиями.

К негативным сторонам движения следует также отнести его засоренность крупнобуржуазными элементами. Аграрии-капиталисты в большинстве случаев возглавляли местные и национальные фермерские организации. Так обстояло дело во многих фермерских альянсах. Подобное положение создалось в популистских организациях. Ведущая группа лидеров Народной партии выражала интересы главным образом крупных фермеров, а также примкнувших к популизму промышленников — владельцев серебряных рудников. Крупные аграрии выступали против требований решительно настроенных фермеров, рабочих и социалистов, составлявших левое, радикальное крыло Народной партии.

Игнорируя искренние стремления организованных рабочих и организованных фермеров к совместным политическим действиям, лидеры АФТ и Народной партии своей соглашательской политикой подорвали усилия передовых рабочих, социалистов и радикальных популистов по созданию на основе рабоче-популистского блока подлинно прогрессивной политической партии. Заняв враждебную позицию по отношению к развивавшемуся в стране рабоче-фермерскому движению, руководство АФТ в значительной степени предопределило его поражение. В свою очередь, деятельность национальных лидеров популизма Таубенека, Уивера и других и их непримиримая позиция по отношению к радикальным и социалистическим элементам в Народной партии указывали на то, что эта группа сыграла примерно такую же роль в фермерском движении, какую оппортунистическое руководство Гомперса — в рабочем.

Ф. Энгельс указывал: «Мелкие фермеры и мелкие буржуа едва ли когда-нибудь создадут сильную партию: они состоят из слишком быстро меняющихся элементов... В обоих этих слоях иммиграция и банкротства способствуют быстрой смене людей, а экономическая зависимость от кредиторов препятствует самостоятельности, но зато они представляют отличный материал для политиканов, которые спекулируют на их недовольстве, чтобы затем продать их одной из двух больших партий» [85].

Как показало движение североамериканских фермеров в конце XIX в., при сохранении капиталистического строя нельзя ожидать освобождения трудящихся, в том числе фермерства. Капитализм, двинув вперед развитие производительных сил общества, одновременно нес труженикам земли нищету, голод и разорение. Тысячи американских ферм в 80—90-х годах XIX в. стояли на грани хозяйственного разорения, перед окончательной потерей экономической самостоятельности и продажей

---

[84] См.: Там же, т. 15, с. 235.
[85] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 38, с. 214—215.

оставшегося имущества с молотка. «Только падение капитала,— писал К. Маркс,— может поднять крестьянина, только антикапиталистическое, пролетарское правительство может положить конец его экономической нищете и общественной деградации» [86].

5. АНТИМОНОПОЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ

Борьба против монополий занимала важнейшее место в социально-политической жизни США последней четверти XIX в., в этот же период начинает формироваться антимонополистическая идеология.

Наиболее радикальную антитрестовскую альтернативу — обобществление крупной частной собственности предлагали социалисты. В конце XIX в. удельный вес социалистических идей в американской общественной мысли существенно возрос. К этому времени наиболее значительные работы К. Маркса и Ф. Энгельса были хорошо известны в США. Опираясь на опыт первых американских марксистов И. Вейдемейера, Ф. А. Зорге, А. Дуэ и других, социалистическая партия сделала немало для пропаганды марксизма в США. Яркие памфлеты и брошюры Д. Де Леона, Ю. Дебса расходились в десятках тысяч экземпляров.

Вместе с тем левые деятели социалистического движения не смогли в должной мере оценить глубокие изменения, происходившие в социальной структуре общества. Рассматривая проблему трестов, они были единодушны в том, что развитие их несет усиление эксплуатации рабочего класса и ущемление политических свобод (в этом коренное отличие их взглядов от оценок С. Гомперса и других правых лидеров АФТ, считавших, что тресты с их более продуктивной организацией производства предоставят рабочим лучшие условия труда). В то же время социалисты, прежде всего лидеры СРП, не выдвинули программы борьбы с трестами и оставляли без ответа вопрос, что же делать пролетариату в преддверии социалистических преобразований. Они полагали, что борьба за ограничение произвола трестов и установление над ними контроля была бы утопической попыткой «повернуть воды Миссисипи вспять» и возвратиться к временам мелкого предпринимательства. В результате отвергалась возможность сотрудничества с партиями и группами, которые принимали активное участие в антимонополистических выступлениях, но еще не осознали необходимости уничтожения капитализма.

Между тем волны движений против трестов в стране вздымались необычайно высоко. Популистская партия объединила главные враждебные трестам силы, став первой в американской истории антимонополистической коалицией. Как справедливо отмечал советский исследователь, Омахская платформа, принятая популистской партией в 1892 г., подытоживала прежде всего идейно-политический опыт фермерских движений: грейнджеров, начавших борьбу против железнодорожных корпораций, гринбекеров с их идеей свободной чеканки серебра; единомышленников Г. Джорджа, выступавших с требованием единого налога на землю. Вместе с ними шли идеологи левого крыла антимонополистической кри-

[86] Там же, т. 7, с. 86.

тики Г. Д. Ллойд и Э. Беллами, обращавшиеся прежде всего к городским мелкобуржуазным слоям [87].

В Омахской платформе, в выступлениях популистских лидеров И. Доннелли, Т. Уотсона, М. Лииз, У. Пеффера, Дж. Симпсона и других подчеркивалась связь принципов популизма с демократической традицией, берущей начало от Джефферсона с его враждебностью к специальным привилегиям и концентрации экономической власти в руках немногих. Хотя популисты обращались к политическим правам и свободам, записанным в Декларации независимости и конституции, в сущности они вкладывали в эти положения новое социальное содержание. «Много ли стоит свобода для человека, умирающего с голоду? Можете ли вы сохранить в комнате тепло зимой при температуре 30° ниже нуля по Фаренгейту чтением Декларации независимости?» — вопрошал главный автор Омахской платформы И. Доннелли [88].

Антимонополизм был основным принципом всех фермерских движений, становясь по мере развития все более радикальным: от старого полусредневекового понимания монополии как особых привилегий, которых домогаются владельцы крупных состояний, до бескомпромиссного осуждения в манифесте популистской партии «монополий, денежных воротил, гигантских трестов и железнодорожных корпораций, которые ради собственной выгоды погружают народ в нищету» [89].

Популисты также показали связь деятельности правительства с интересами крупного бизнеса. «Наше правительство — это уже не правительство народа, для народа и при помощи народа, а правительство Уолл-стрит, для Уолл-стрит и при помощи Уолл-стрит»,— восклицала М. Лииз [90], перефразируя слова из известной речи Линкольна. В свою очередь, Омахская платформа подвергала резкой критике многие звенья американской политической системы, обличала продажность и коррупцию при проведении избирательных кампаний, в законодательных собраниях штатов, конгрессе и судах. Вместе с тем для выступлений популистов типичны поверхностные суждения при оценке экономических явлений. Полагая, что отношения эксплуатации складываются прежде всего в процессе обращения и обмена товаров, популисты направляли острие своей критики против посреднических монополий. Постоянным объектом нападок идеологов фермеров была деятельность финансовых корпораций. И грейнджеры, и гринбекеры также делали акцент на обличение железнодорожных корпораций, а популистская платформа требовала их конфискации [91].

Движение популистов подчас обращалось к социальным идеалам прошлого. Стремясь уничтожить монополии, они желали вернуться к временам laissez faire и свободного предпринимательства. Эти идеи ярко иллюстрировал Доннелли в романе «Колонна Цезаря». Нарисованное им утопическое общество напоминает фермерские мифы об аграрном прошлом Америки, в котором якобы господствовали отношения гармонии и равенства.

---

[87] *Согрин В. В.* Формирование антимонополистической идеологии в США в конце XIX в.— Вестн. МГУ. Сер. 8, История, 1970, с. 67—81.

[88] St. Paule Representative, Sept. 13, 1893.

[89] *Hofstadter R.* The Age of Reform. From Bryan to FDR. N. Y., 1955, p. 64.

[90] *Pollack N.* Op. cit., p. 81.

[91] National Party Platforms, 1840—1972 / Comp. by D. Johnson, K. Porter. Urbana (Ill.), 1973, p. 91.

Вместе с тем средства борьбы, предложенные популистами, расходились с традиционными. Взамен идеи ослабления центральной власти, популярной во времена Джефферсона, они выдвинули мысль об ответственности правительства за общее благосостояние народа. Система государственных антимонополистических мероприятий, предложенная популистами, означала отход от принципов свободной конкуренции, а провозглашение «регулируемой конкуренции» выходило за рамки классических буржуазных верований.

К главным антимонополистическим требованиям относились: государственное регулирование денежного обращения в интересах трудового народа, переход в государственную собственность всех средств транспорта, в первую очередь железных дорог, а также системы телефонной, почтовой и телеграфной связи; борьба с земельной монополией, возвращение железнодорожными и другими корпорациями земель, превышавших их практические нужды. В заключение популистская платформа многозначительно добавляла, что в случае их неэффективности «власть правительства, иными словами, народа должна быть расширена» [92]. Год спустя, на антимонополистическом конвенте в Чикаго в 1893 г., автор этой формулировки И. Доннелли поставил точку над «и», подчеркнув: «Если все другие меры потерпят неудачу, следует прибегнуть к учреждению законов о конфискации собственности всех трестов и корпораций» [93].

Идеи популистов получили выражение прежде всего в экономических воззрениях, но и в политической области они предложили программу широких демократических реформ. Атакуя монополии, показывая, что плутократия контролирует государственную власть, популисты конструировали модель правительства, ответственного перед народом. Они выдвинули программу «прямой демократии» как важной коррекции существующей в США политической системы. Программа включала народную инициативу и референдум по важнейшим вопросам, тайное голосование, прямые выборы сенаторов, вице-президента, президента.

Одним из наиболее замечательных положений, выдвинутых популистами, была идея единства интересов и союза сельских и городских тружеников. Эта идея вырастала из самой жизни, общей антимонополистической борьбы. Она нашла выражение в образовании гринбекерско-рабочей партии, совместных действиях фермеров и «Ордена рыцарей труда». Идеи о необходимости государственного вмешательства в деятельность корпораций, контроле над железнодорожными компаниями, телеграфом, телефоном, вплоть до их национализации, записанные в программе ордена [94], перекликались с требованиями фермеров. На раннем этапе АФТ также поддерживала фермерское движение; лишь к началу 90-х годов, когда тред-юнионы все больше превращались в реформистскую организацию, их руководство выдвинуло положение о коренном отличии интересов рабочих и фермеров. В канун Омахского съезда Гомперс заявил: популисты большей частью — «фермеры-наниматели», в то время как рабочие — люди, «работающие по найму», поэтому им не по пути [95].

---

[92] Ibid.
[93] Цит. по: *Hicks J. D.* Op. cit., p. 291.
[94] *Powderly T. V.* Thirty Years of Labor, 1859—1889. Columbus (O.), 1890, p. 389—391.
[95] *Gompers S.* Organized Labor in the Campaign.— North American Review, 1892. July, vol. 155, p. 93.

Со своей стороны популисты провозгласили, что их партия является «постоянным и вечным союзом трудящихся Соединенных Штатов», что фермеры и рабочие имеют одни и те же интересы и «одних и тех же врагов». Грозным предостережением прозвучали слова: «Богатства принадлежат тому, кто их создает; каждый доллар, изъятый без соответствующего возмещения,— это уже грабеж! Кто не работает, тот не ест!»[96] Конечно, не следует преувеличивать радикальность фразеологии популистов. Тот же Доннелли, глубоко сочувствуя положению рабочих, рассматривал возможную пролетарскую революцию как своего рода апокалипсис, катастрофу человеческой цивилизации. Однако несомненно стремление популистов к совместным действиям с рабочими. В Омахской программе содержались требования 8-часового рабочего дня, запрещение использовать пинкертоновских наемников против стачечников и т. д.

В формулировании ряда антимонополистических принципов немалая роль принадлежит Г. Джорджу. Его книга «Прогресс и бедность» (1879) привлекла внимание самой постановкой вопроса о росте нищеты народных масс в условиях стремительного экономического прогресса. Книга разошлась тиражом свыше 3 млн. экземпляров. Основную причину существовавших социальных зол он видел в несправедливом распределении земли, в земельной монополии. Отсюда возникновение ренты — паразитического по своей сущности налога на тружеников земли. Для уничтожения этого зла Г. Джордж предложил введение единого прогрессивного налога на земельную собственность, который поглотит все несправедливые прибыли. Этот акт, уничтожающий земельную ренту и фактически означающий национализацию земли, передаст землю тем, кто ее обрабатывает, позволит покончить с нищетой в стране.

Таким образом, корень социальных противоречий Джордж видел лишь в частной собственности на землю, а не в частной собственности на все средства производства. К. Маркс и Ф. Энгельс тогда же вскрыли утопический и буржуазный характер теории единого налога. Они указывали на теоретическую беспомощность Джорджа и высмеивали его притязания выдавать себя за социалиста. В то же время К. Маркс и Ф. Энгельс, а позднее В. И. Ленин подчеркивали, что Г. Джордж не просто буржуазный идеолог, а «идеолог *радикальной буржуазии*»[97].

На формирование экономических взглядов Джорджа оказали влияние представители английской классической политэкономии и французские физиократы, но, выступив за передачу земли тем, кто сам ее обрабатывает, Джордж продолжил старую американскую демократическую традицию борьбы за землю, важнейшим этапом которой было движение фермерства конца XIX в. Национализация земли, предложенная Джорджем, не выходила за рамки буржуазных реформ. Но в конце XIX в., когда, по выражению В. И. Ленина, буржуазия «сама себя территориализировала»[98], т. е. укрепилась в собственности на землю, это требование звучало весьма радикально, нападение на один из видов буржуазной собственности ставило под вопрос законность и других ее видов.

Смелое выступление против земельной монополии имело и другой аспект: оно не могло не привлечь внимание к критике монополий вооб-

---

[96] National Party Platforms, p. 91.
[97] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 234.
[98] Там же, т. 16, с. 300.

ще. И Джордж сам пошел по этому пути. Он не только выступил с критикой земельной монополии, но и обрушился с яростными нападками на железнодорожные компании, которые, «подобно разбойникам, объединяются в шайки для грабежа» [99], прямо указывал на огромные богатства Ротшильдов, Асторов, Вандербилтов, Гульдов, Стэнфордов.

В годы, когда выступал Джордж, видное место в американской буржуазной мысли занимал социал-дарвинизм. Джордж отверг его положения, оправдывавшие необузданную конкуренцию и образование монополий. «Господин Спенсер подобен тем, кто утверждает, что каждый должен переплыть реку своими силами, но не принимает при этом во внимание, что одни имеют пробковые спасательные пояса, а другие — свинцовые гири»,— писал он [100]. Джордж, прослушав страстное обличительное выступление известного социолога Е. Л. Юменса против бедности и коррупции, спросил его: «Что вы предлагаете сделать в борьбе с этим злом?» Последний ответил: «Ничего. Мы можем только надеяться на эволюцию. Возможно, через 4—5 тысячелетий эволюция приведет к изменению настоящего порядка вещей» [101]. Со своей стороны Джордж подчеркивал, что, хотя правительство должно в минимальной степени вмешиваться в экономическую жизнь (в данном пункте он следовал принципам классической политэкономии), это не относится к регулированию деятельности монополий [102].

Мелкобуржуазные взгляды Джорджа оказали широкое и неоднозначное влияние. Его теория единого налога на какой-то момент была воспринята слабым в теоретическом отношении американским рабочим движением как панацея, а его доводы за примирение труда и капитала были позднее взяты на вооружение буржуазными реформаторами. С другой стороны, критика монополий Джорджем вливалась в общий поток формировавшейся антимонополистической идеологии. Видные популисты Дж. Симпсон, священник Макглинн и другие являлись сторонниками единого земельного налога. Требование отмены монополии на землю, записанное в Омахской платформе, было непосредственно навеяно идеями Г. Джорджа.

Если социальные идеалы фермерства связаны со стремлением установить равные возможности для конкуренции, то левое крыло антимонополистов выступило за замену свободной конкуренции социальным сотрудничеством, имело ощутимую коллективистскую ориентацию. Эта исходная установка способствовала значительному углублению и расширению критики монополий. Черты нового направления наиболее ярко были представлены в идейных воззрениях Г. Д. Ллойда и Э. Беллами.

На раннем этапе своей деятельности Ллойд видел в монополиях результат нечестного сговора, мечтал о возрождении laissez faire через регулируемую государством конкуренцию.

К началу 90-х годов во взглядах Ллойда произошел перелом. В центре его анализа стала деятельность промышленных монополий. В книге «Богатство против общества» (1894) он не только дал историю развития нефтяной монополии «Стандард ойл», выступив как один из первых «разгребателей грязи», но и показал универсальность процесса

[99] *George H.* Progress and Poverty. N. Y., 1929, p. 193.
[100] *George H.* A Perplexed Philosopher. N. Y., 1892, p. 87.
[101] Ibid., p. 163—164.
[102] *George H.* Social Problems. N. Y., 1966, p. 176.

монополизации. Ллойд подчеркнул враждебность монополий интересам самых широких слоев населения Америки: «Монополии — это деловое предпринимательство в конце своего пути... Неотвратимый конфликт с монополиями также определенен, как недавний конфликт по вопросу о рабстве» [103]. Глубже, чем какой-либо другой американский социолог того времени, он проследил связь между монополизацией и усилением реакции в общественной жизни. Ллойд показал зависимость законодательной и исполнительной властей от монополистических объединений и предвидел еще большее усиление их влияния. Ллойд заявлял, что тресты не только уничтожают экономическую и политическую свободы, но и несут духовное порабощение, переходя «от контроля над рынком к контролю над умами» [104].

В этом же исследовании Ллойд, рассмотрев laissez faire в историческом развитии, пришел к выводу, что эти некогда прогрессивные принципы исчерпали себя. Он считал, что государственное регулирование деятельности трестов ныне невозможно. Он указывал на неудачу междуштатного торгового акта, на антирабочую направленность закона Шермана 1890 г., акта Элкинса, приведшего к еще большей консолидации железнодорожных компаний. Несомненной заслугой Ллойда является то, что он объявил утопичным возвращение к временам свободного предпринимательства и высказался за установление общественной собственности на монополии как «единственного средства, с помощью которого народ может восстановить свои утраченные права» [105]. Он писал: «Консерваторы воскликнут: „Вы хотите разрушить общество!“ Но разве отмена рабства означала его разрушение? Консерваторы воскликнут: „Это революция!“. Нет, это только лекарство» [106].

Идеи «социальной кооперации» были естественным развитием идеалов радикальной антимонополистической мысли, но на их формирование оказали также влияние идеи фабианского социализма, с которым был знаком Ллойд. Ллойд обращался с идеями радикальной антимонополистической критики к низам американского общества. Он отказывался проводить различие между целями пролетариата, разоряющихся сельских и городских мелких собственников, которые, как полагал Ллойд, в равной степени заинтересованы в обобществлении монополий. На протяжении двух десятилетий он боролся за объединение всех антимонополистических сил: социалистов, фермерских альянсов, профсоюзов, «национализаторов», сторонников единого налога. Ллойд резко критиковал Де Леона за сектантство, нежелание участвовать в широких антимонополистических движениях. Особенно успешно проходила деятельность Ллойда в Иллинойсе в 1894 г., где были заложены основы союза популистов и рабочих на уровне штата. В конце жизни Ллойд закономерно пришел к решению о вступлении в Социалистическую партию США.

Социальная концепция Ллойда при всей ее радикальности не содержала альтернативы частному предпринимательству и частной собственности. Высшим достижением радикально-демократической мысли явилось творчество Э. Беллами, который связал решение проблемы монополий с упразднением самой капиталистической собственности. Социально-утопи-

[103] *Lloyd H. D.* Wealth Against Commonwealth. N. Y., 1894, p. 512.
[104] Ibid., p. 323.
[105] *Lloyd H. D.* Lords of Industry. N. Y., 1910, p. 255.
[106] *Lloyd H. D.* The New Consciens or Religion of Labor. 3rd ed. L., 1893, p. 17.

ческий роман Беллами «Взгляд назад» (1888) взбудоражил Америку, его по праву называли «Хижиной дяди Тома» капиталистического общества, он породил целое движение за национализацию. Впечатляюще даны в книге картины будущего коммунистического общественного устройства США.

Беллами прошел этап критики «позолоченного века» с позиций, близких фермерским. Он писал о государстве новоявленных королей индустрии как о «феодализме нового времени», называл иллюзорной политическую демократию в США. О его политических взглядах свидетельствовал также исторический роман «Герцог Стокбридж», где с симпатией изображалось фермерское восстание Даниэла Шейса 1786 г.

Позднее Беллами, подобно Ллойду, пришел к выводу о невозможности и даже нежелательности возвращения к временам свободной конкуренции. Он считал, что концентрация производства резко повышает его экономическую эффективность, и в своем романе подчеркивал, что экономические условия перехода к новому обществу подготавливаются самими развившимися трестами.

В Новом Мире, описанном Беллами в утопическом романе, государство, превратившись по существу в общенациональный трест, становится собственником земли и средств производства. Оно контролирует всю экономическую жизнь общества. Ушли в прошлое губительная конкуренция, опустошительные кризисы, безработица, осуществлен главный принцип справедливости — полное экономическое равенство граждан. В новом обществе, подчас по военному регламентированном и уравнительном, резко возросли социальные функции государства: забота о здоровье, образовании и престарелых.

Изображая Новый Мир, Беллами, несомненно, опирался на традиции утопического социализма, которые получили немалое развитие на американской почве (колонии оуэнистов, фурьеристов и т. д.). На него также оказали влияние принципы так называемого этического социализма, имевшего определенное родство с фабианством. Важнейшую идейную основу миропорядка общества будущего составляла «религия солидарности». Беллами принципиально расходился с социалистами в определении исторических сил, призванных сыграть решающую роль в переустройстве общества. Руководящую роль он отводил просвещенной интеллигенции. Беллами также верил в возможность мирного, эволюционного («без горя и слез») перехода к новому обществу.

«Национализаторские» клубы, возникшие под влиянием идей Беллами и имевшие целью пропаганду принципов национализации, быстро распространились по стране. В начале 90-х годов, в пору наивысшего подъема движения, их было 150, а число членов — 500 тыс.

В тесном взаимодействии с «национализаторами» выступали христианские социалисты. Общество христианских социалистов, созданное в 1889 г. в отличие от правого крыла движения — социального христианства, стремившегося сгладить наиболее вопиющие противоречия капитализма, ставило целью ликвидировать капиталистическую систему. Социализм, по их представлениям, логически вытекал из претворения в жизнь первоначальных принципов христианства. Большое место в деятельности общества занимал рабочий вопрос. Руководитель общества конгрегационалистский священник У. Блисс являлся также видным деятелем ОРТ, а позднее членом СРП.

Общность взглядов «национализаторов» и христианских социалистов существовала не только в сфере конечных целей и средств борьбы, но и ближайших требований. В программе Общества христианских социалистов в качестве первого шага предусматривалась национализация железных дорог, телеграфа и телефона. Блисс был одним из организаторов первого «национализаторского» клуба в Бостоне и называл это движение социальным выражением христианства [107]. В свою очередь, Беллами был членом редколлегии журнала «Дон» («Dawn»), печатного органа христианских социалистов.

Хотя Беллами не анализировал аграрные проблемы, его идеи имели успех в регионах, ставших центрами популистского движения, на Среднем Западе и в Калифорнии. Сторонники Беллами горячо поддержали создание популистской партии, стали ее составной частью и способствовали ее радикализации. (Из немногим более 1300 делегатов съезда 1892 г. в Омахе 300 входили в клубы «национализаторов» [108]). Своей первоочередной задачей клубы провозгласили национализацию «естественных» монополий: железных дорог, телеграфа, телефона, банков, а также лесной и угледобывающей промышленности [109]. В 1892 г. главные требования «национализаторского» движения вошли в программу популистской партии. Общество христианских социалистов также приветствовало образование популистской партии и присоединилось к выдвинутой ею программе. Блисс полагал, что по мере развития движения программа популистов будет углубляться в социалистическом духе [110].

Белламисты составили левое, радикально-демократическое крыло в антимонополистическом движении, их основополагающие принципы имели социалистическую ориентацию. Сам Беллами отрицал какую-либо связь своих идей с марксизмом и никогда не употреблял термин «социализм», но среди его последователей было немало социалистов (вопреки установкам руководства СРП, запрещавшим членам партии участвовать в популистском и «национализаторском» движениях). Школу «национализаторского» движения прошли или испытали сильное влияние идей Беллами многие видные руководители социалистических партий: Д. Де Леон, Ю. Дебс, Дж. Гарриман, Дж. Уэйленд (редактор газеты «Эпил ту ризн»).

При оценке антимонополистической тенденции конца XIX в. легко увидеть ее ограниченность. Мелкобуржуазные идеологи придерживались идеалистических взглядов и, следовательно, в мировоззренческом отношении были далеки от марксизма. Но в борьбе против монополий позиции марксистов и мелкобуржуазных критиков объективно совпадали. Американские антимонополисты подметили многие социально-экономические и политические последствия монополизации и дали толчок новому демократическому направлению в американской общественной мысли.

---

[107] Nationalist, 1889, Aug., p. 97.

[108] *Супоницкая И. М.* Антимонополистические выступления в США конца XIX в.— В кн.: Американский ежегодник. 1974. М., 1974. с. 251.

[109] *Беллами Э.* Общественное движение, возникшее в Америке под влиянием книги «Через сто лет». СПб., 1892. с. 227.

[110] Dawn, 1891, Oct., p. 2; Nov., p. 3.

Глава шестая
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

1. ОТ ПАНАМЕРИКАНИЗМА К ДОКТРИНЕ ОЛНИ

В последние десятилетия XIX в. тресты и монополии все более определяли политический курс США. Возникшая финансовая олигархия, как и в крупнейших державах Европы, не довольствуясь господствующим положением во внутренней жизни страны, стала проявлять растущий интерес к внешним рынкам и «заморским» территориям. Соответственно менялась и внешняя политика федерального правительства. В последней трети XIX в., когда почти все «неосвоенные земли» в мире с их населением и ресурсами уже оказались захвачены европейскими колониальными державами, американские экспансионисты задались целью присвоить то, что удастся, что еще осталось после территориального раздела мира.

Экспансионистская политика имела свою экономическую, социальную и идейную основы. К началу XX в. в США насчитывалось 445 промышленных трестов, среди которых выделялись могущественные группы Рокфеллера и Моргана. Объем выпускаемой в стране продукции был намного больше, чем в Великобритании, и составлял половину объема продукции всех европейских стран [1]. Рост производства сопровождался значительным расширением экспорта. Если в 60-х годах XIX в. вывоз товаров из США еще не превышал импорта, то в 1876 г. стоимость экспорта американских товаров впервые превзошла сумму импорта. Так, с 1877 по 1900 г. стоимость экспорта в Англию выросла с 346 млн. долл. до 534 млн.; соответственно в Германию — 58 млн. и 187 млн.; Францию — 45 млн. и 83 млн.; Канаду — 37 млн. и 95 млн.; на Кубу — 13 млн. и 26 млн. долл. С 80-х годов экспортная продукция США значительно выше объема импорта и в 1900 г. исчисляется суммой в 2 с лишним раза большей, чем в 1877 г. (соответственно 1394 млн. и 645 млн.) [2].

Особенно быстро увеличивался вывоз изделий основных отраслей индустрии. Из США экспортировались корабли, паровозы, продукция машиностроения. Среди господствующей буржуазии усилились требования тех групп, которые стремились к получению новых рынков и сфер приложения капитала за пределами США. Национальная ассоциация промышленников открыто добивалась расширения экспортной торговли. Губернатор штата Огайо У. Маккинли, который со временем станет президентом США, в 1895 г. в выступлении перед делегатами учредительного съезда этой ассоциации настаивал на создании условий для расширения сбыта промышленной и сельскохозяйственной продукции, требовал «иностранных рынков для избыточной продукции, которая переполняет наши

---

[1] *Зубок Л. И.* Очерки истории США (1877—1918). М., 1956, с. 167.
[2] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975, p. 903—904.

рынки» [3]. Стремление к торговой экспансии сопровождалось усилением тенденции к территориальным приобретениям, примером реализации которой стало сначала экономическое подчинение Гавайских островов, а затем их прямой захват Соединенными Штатами [4].

Огромные суммы, накопленные за счет эксплуатации трудящихся масс страны, капиталисты США в расчете на еще большее увеличение прибылей стремились инвестировать за рубежом, в менее развитых странах, где издержки производства были ниже (дешевые сырье и земля), а ставки заработной платы — мизерными. Проявлением тенденции к экспорту капитала явились инвестиции 2 млн. долл. банкирским домом Морганов в перуанские горнорудные разработки еще в 70-е годы. Но тогда подобные капиталовложения носили спорадический характер. Только на рубеже 80—90-х годов активизировался процесс экспорта американского капитала. К 1900 г. зарубежные инвестиции США составляли: в Мексике — 185 млн. долл., Канаде — 150 млн., на Кубе — 50 млн., в Южной Америке — 45 млн.; Европе — 10 млн., в странах бассейна Тихого океана — 5 млн. долл.

Ленин писал: «Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в отсталые страны» [5]. Действительно, история свидетельствует, что одной из причин, воздействовавших на формирование курса внешней политики США в конце XIX в., были выгодные зарубежные капиталовложения. Инвестиции США предпринимались в различных направлениях, однако еще с определенной осторожностью. Наибольший интерес проявлялся к Мексике, Кубе и Гавайским островам. Эти материальные предпосылки экспансии наложили существенный отпечаток на основные направления внешней политики США.

Однако колониальную экспансию США существенно тормозили два фактора. Во-первых, ни по армейским контингентам, ни по флоту, что было особенно важно, США еще не могли соперничать с ведущими европейскими державами. Во-вторых, в США существовал обширный внутренний рынок, и некоторые категории буржуазии не были заинтересованы во внешнеполитической экспансии. Отношение к осложнившимся проблемам внешней политики в условиях новой, империалистической эпохи, к активизации экспансионистских устремлений было неоднозначным. На рубеже веков демократы, противопоставляя себя республиканцам с их одержимостью захватами заморских владений, выдвинули курс на торговую экспансию, получивший название «дипломатии доллара», которая в XX в. эволюционировала в неоколониализм.

Многочисленные антиимпериалистические выступления в США в последние десятилетия XIX в. продемонстрировали несогласие масс с внешнеполитическим курсом как демократической, так и республиканской партий, которые, сменяя друг друга, выдвигали альтернативы, неизменно устраивавшие только господствующий класс буржуазии, те или иные его круги. В силу этого США не могли развернуть политику колониальных

---

[3] Цит. по: *Дементьев И. П.* Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.). М.. 1973, с. 43.

[4] *Куропятник Г. П.* Захват Гавайских островов США. М., 1958, с. 220—221.

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 360.

захватов на других континентах в 70—90-е годы XIX в. в таких масштабах, как Великобритания, Франция и Германия, и сосредоточили внешнеполитические акции на соседних районах — в странах Южной Америки и на территориях в Тихоокеанском бассейне.

Внешнеполитические планы США, несмотря на нюансы, в целом сводились к достижению следующих политико-стратегических целей в этих районах: не допустить расширения «заморских владений» европейских держав; по возможности ослабить позиции европейских держав и укрепить позиции США в Карибском море и во всей Латинской Америке; приобрести морские базы в Тихом океане как опорные пункты на подступах к Азии.

Курс на вмешательство в жизнь соседних государств, проводимый в соответствии с известной доктриной Монро, в конце XIX в. правящие круги США подкрепили, в частности, возникшим ранее, но активизировавшимся в это время панамериканизмом. Основой панамериканизма стало крепнувшее еще с начала XIX в. стремление латиноамериканских стран объединиться против колониального гнета Испании. Выдвигая тезис о «единстве интересов» всех государств Западного полушария, панамериканисты ссылались на их географическое расположение, взаимозависимость экономики, сходство политических систем и исторических судеб[6]. Исходя из этого пропагандировалось тесное сближение всех стран Северной и Южной Америки в политической, экономической, социальной и культурной областях, хотя объективно между ними во всех отношениях существуют значительные различия.

США, добиваясь экономической и политической гегемонии над Американским континентом, задались целью подчинить движение панамериканизма своим империалистическим интересам, направить его на обеспечение условий, выгодных для США и неблагоприятных для их европейских соперников.

Мотивируя «приверженность» панамериканизму, в Вашингтоне демагогически заявляли, что созываемые под эгидой США периодические съезды представителей латиноамериканских государств якобы осуществляют «мечту Симона Боливара», умалчивая, что последний выступал за совместное решение спорных проблем, поддержание мира в Западном полушарии, дискуссии на основе равноправия, был противником засилья США. Как со временем выразительно сказал один влиятельный аргентинский деятель, «в Южной Америке нет никакого панамериканизма, он существует только в Вашингтоне» [7].

Пока по экономическим показателям США не опередили европейские державы, пока не начался процесс перемещения центра мировой промышленности из Великобритании в Соединенные Штаты, о котором писал Ф. Энгельс[8], госдепартамент мог рассчитывать только «на равенство в правах» с англичанами в Центральной Америке, некогда зафиксированное договором Клейтона—Булвера (1850). По мере укрепления экономических позиций в мире наиболее экспансионистски настроенные круги в

---

[6] Подробнее о генезисе панамериканизма см.: *Антясов М. В.* Панамериканизм: Идеология и политика. М., 1981. См. также: *Smith J.* Illusions of Conflict. Anglo-American Diplomacy Toward Latin America, 1865—1896. Pittsburgh(Penn.), 1979, p. 42.

[7] Цит. по: North American Review, 1913. Dec., p. 788.

[8] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 272.

стране все активнее добивались установления гегемонии США на Латиноамериканском континенте.

Методы открытого давления и угроз вооруженного вмешательства были опасны для самих США, еще не располагавших достаточными силами, чтобы противодействовать какой-либо из держав Европы. Доктрина же панамериканизма, призывавшая к проведению «единого американского» курса, стала удобной формой противодействия политике европейских держав, одним из инструментов борьбы Соединенных Штатов против своих конкурентов в Латинской Америке, и в первую очередь против основного соперника, каким в конце XIX в. была Англия[9]. К этому времени такие молодые капиталистические страны, как США и Германия, значительно опередили Британию по темпам и объему промышленного производства, теснили ее на мировых рынках, а отдельные американские и германские монополии проникли даже на внутренний и колониальные рынки Великобритании. Однако объем английской торговли и капиталовложений в Южной Америке на рубеже 80—90-х годов значительно превышал объем товарооборота и инвестиций США. Примечательно, что вытеснение Великобритании с Американского континента началось не в экономической, а в политической сфере созывом первой Межамериканской конференции в Вашингтоне в 1889 г.

Официальное предложение правительства США, разосланное в 1881 г. всем странам Западного полушария,— рассмотреть способы предотвращения войн на континенте — президент Артур был вынужден отменить из-за так называемой Тихоокеанской войны между Чили и Перу. Призывами к миру государственный департамент прикрывал свои усилия по обеспечению монополиям благоприятных условий для внешнеэкономической экспансии. Он заявлял, что США преследуют две главные цели: предотвратить войны в Новом Свете и содействовать увеличению экспорта США в Латинскую Америку.

Подготовка конференции растянулась на восемь лет. Идея созыва конференции не сразу получила поддержку наиболее влиятельных деловых и политических кругов в США. Прежде всего за нее выступали монополии, непосредственно заинтересованные в эксплуатации латиноамериканских природных ресурсов, прокладке железных дорог и т. п. («Мортон, Блисс энд К°» и возглавляемая финансистом А. Шипхердом компания по добыче селитры в Перу «Сентрал Америкэн пасифик рэйлуэй энд транспортейшн» и др.). Выразителями их интересов были спикер палаты представителей С. Рэндолл, бывший президент У. Грант, сенатор Г. Блэр. Однако «ортодоксальные» республиканцы во главе с Ч. Артуром и видным деятелем этой партии Ф. Фрелингхойзеном, а тем более лидеры демократов предостерегали, что жесткий курс в отношении Англии и чрезмерная активность в Латинской Америке чреваты для США серьезными осложнениями.

В 1882—1884 гг. в конгрессе обсуждались проблемы созыва конференции в целях оживления торговли США с Южной Америкой. После экономических потрясений 1882—1885 гг. в стране усилились требования кругов, выступавших за расширение рынков сбыта и сфер приложения

[9] О соперничестве США с рядом европейских держав за контроль над Карибским бассейном см.: *Langley L. D.* Struggle for the American Mediterranean. United States — European Rivalry in the Gulf-Caribbean, 1776—1904. Athens, 1976, p. 136—163.

капитала в Латинской Америке, куда США поставляли только аграрную продукцию, а в 80-е годы стали экспортировать и промышленные товары (текстиль, обувь, бумагу и т. п.). Изучить возможности расширения экспансии правительство поручило специальной миссии, направленной во все страны материка формально для подготовки межамериканской конференции. Миссия настоятельно рекомендовала созыв такой конференции. Обе палаты конгресса приняли соответствующее решение, президент Г. Кливленд в мае 1888 г. подписал его, а государственный секретарь Т. Байярд направил приглашения всем правительствам латиноамериканского региона. Предложенная участникам повестка дня вызвала значительные разногласия, но в конечном счете, когда первая Межамериканская конференция[10] открылась 2 октября 1889 г. в Вашингтоне, в ней приняли участие США и все страны Латинской Америки, за исключением Доминиканской республики, которая была недовольна отказом США ратифицировать договор о взаимном благоприятствовании, согласованный в 1884 г.

На конференции председательствовал инициативный защитник интересов крупного капитала государственный секретарь Дж. Блейн, «американский Бисмарк», как его называли в США, деятель, постоянно добивавшийся гегемонии США в латиноамериканской торговле.

Делегация США, возглавляемая бывшим сенатором Дж. Б. Гендерсоном, почти полностью состояла из видных промышленных и финансовых магнатов. В нее вошли владелец текстильных фабрик и председатель Протекционистской лиги США К. Блисс, шахтопромышленник и банкир с крупными капиталами в железнодорожном бизнесе Г. Дэвис, состоятельный и влиятельный делец Ч. Флинт, текстильные фабриканты в банкиры Дж. Хэнсон и Т. Кулидж, миллионеры Э. Карнеги и К. Студебеккер.

Выдвинутый Блейном проект создания Межамериканского таможенного союза не встретил поддержки участников конференции ввиду настороженной позиции ряда делегаций и закулисного воздействия британской дипломатии, особенно на представителей Аргентины и Чили. Затраты США на полуторамесячное турне делегатов по стране, организованное после первого же дня работы конференции, и расчеты расположить участников к «северному соседу» оказались напрасными. План образования таможенного союза ассоциировался у латиноамериканских делегатов с политикой Бисмарка, которую тот проводил в Германии «железом и кровью», а боязнь ослабления связей с Европой дополнялась страхом перед слишком явным намерением США установить контроль над торговлей и финансами государств Южной Америки.

Предложенный США договор об арбитраже подписала лишь половина участников, а в итоге не ратифицировало ни одно правительство. Единственным практическим последствием Вашингтонской конференции явилось учреждение Международного союза американских республик в целях взаимного обмена экономической информацией. Его постоянный орган (Коммерческое бюро) размещался в Вашингтоне и был фактически подчинен госдепартаменту США[11].

---

[10] До 1948 г. конференции американских республик, периодически созывавшиеся с 1889 г., официально назывались: Международная конференция американских государств, иногда — Панамериканская.

[11] Со временем (в 1910 г.) это бюро было переименовано в «Панамериканский союз».

На исход первой Межамериканской конференции, закончившейся 19 апреля 1890 г., наложила отпечаток политика британских, германских и французских капиталистических кругов, которые видели в экспансионистской программе США угрозу своим интересам в Южной Америке и особенно весьма крупным инвестициям в железнодорожном строительстве. И тем не менее, несмотря на ограниченность итогов, эта конференция явилась ощутимым ударом США по позициям Англии в Южной Америке, поставила под вопрос доминирующий статус англичан. Итак, панамериканизм в сочетании с экспансией, прикрываемой доктриной Монро, стимулировал призывы к расширению разнообразных связей для обеспечения господства США в Западном полушарии.

Проникновение США в Латинскую Америку отнюдь не ограничивалось применением дипломатических средств. Как в 80-е, так и в 90-е годы XIX в. США неоднократно прибегали к прямому использованию военных контингентов [12]. Возросшую агрессивность американского капитализма продемонстрировали предпринятые в эти десятилетия под различными предлогами вторжения войск США на территорию Колумбии, Аргентины, Чили, Бразилии, Никарагуа, Мексики и других государств Южной Америки.

Выдвинутое соответственно обстановке конца XIX в. идеологическое обоснование проникновения монополий США в Латинскую Америку было довольно откровенным. В историю оно вошло как доктрина Олни, которая была изложена в ноте государственного секретаря Р. Олни, адресованной 20 июля 1895 г. правительству Великобритании в связи с первым венесуэльским конфликтом (1895—1896).

Под прикрытием фраз о защите малых американских государств от вмешательства со стороны европейских держав Р. Олни фактически провозгласил намерение США вытеснить Англию и другие европейские державы из Нового Света, установить там безраздельно свое главенство. Какой бы то ни было европейский контроль над американской территорией Р. Олни в этой резкой по тону и объемистой ноте (Кливленд назвал ее «двадцатидюймовкой») объявлял «абсурдным и нелепым». Истолковав применительно к требованиям империализма доктрину Монро, Р. Олни тем самым провозгласил политику силы главным методом в отношениях США не только с соседними странами на Латиноамериканском континенте, но и с европейскими державами.

Формально поводом для выдвижения доктрины Олни послужил многолетний пограничный спор между Венесуэлой и Британской Гвианой. Там вдоль границы обнаружились богатые золотые россыпи, и обе страны стали взаимно претендовать на половину сопредельной территории. США выступили против Англии, якобы защищая «малую» страну — Венесуэлу, и потребовали передать пограничный спор на арбитраж, утверждая, что Британия своей позицией нарушает доктрину Монро. В действительности мотивы США определялись стремлением экспансионистов утвердиться в Южной Америке, поддержать интересы монополий, начавших проникновение в Венесуэлу. В этом отношении ставшее предметом спора устье р. Ориноко имело для США стратегическое значение:

---

[12] *La Feber W.* The New Empire. An Interpretation of American Expansion, 1860—1898. Ithaca, 1963, p. 134.

господство над ним давало контроль над торговыми путями в глубь континента.

Доктрина Олни была призвана заставить трепетать перед США не только Англию и соперничающие державы Европы, но и сами латиноамериканские государства, интересы которых якобы отстаивали США. «В настоящее время,— указывал Р. Олни в ноте,— Соединенные Штаты практически являются сувереном на этом континенте и их воля — закон...» В числе других причин американской гегемонии особо отмечалось то обстоятельство, что «неограниченные ресурсы США наряду с изолированным положением делают их хозяином обстановки и практически неуязвимыми перед лицом любого государства или всех их вместе» [13].

Такая явно империалистическая интерпретация доктрины Монро содержала для государств Латинской Америки не меньшую опасность, чем политика британских капиталистических кругов. На состоявшемся в 1896 г. в Мехико конгрессе представителей Эквадора, Гондураса, Мексики и других стран присвоение Соединенными Штатами роли хозяина всего Американского континента и вмешательство их во внутренние дела суверенных государств получили решительное осуждение. Как подчеркнул В. И. Ленин в «Тетрадях по империализму», «южноамериканцы восстают... против того толкования доктрины Монро, что-де Америка — *северо*американцам. Они боятся Соединенных Штатов и хотят самостоятельности» [14].

Неудивительно, что критическое и враждебное восприятие ноты Р. Олни в Латинской Америке и отказ британского правительства консерваторов дать согласие на арбитраж заметно обострили международные, и в частности американо-английские, отношения. Британский премьер Солсбери в ответной ноте, появившейся лишь через четыре месяца, напомнил, что доктрина Монро, толкуемая новым и странным образом, отнюдь не принадлежит к нормам международного права, как не утвержденная другими державами. А поэтому «правительство США не уполномочено делать предложения общего характера по поводу независимых стран, за поведение которых оно не несет ответственности». Солсбери специально обратил внимание на недопустимость отождествления США с Западным полушарием. Правительство США не имеет права считать, писал он, «что его интересы обязательно задеваются в тех случаях, когда дело касается каких-либо стран, только на том основании, что они находятся в Западном полушарии» [15].

В доктрине Олни, отмечал советский исследователь, «принципы 1823 г. были соединены с идеей гегемонии США в Западном полушарии, дальнейшее развитие доктрины Монро привело к слиянию ее с принципами интервенционизма» [16].

Поскольку британское правительство отвергло предложение об арбитраже, ситуация обострилась. Заняв воинственную позицию, президент Кливленд в послании конгрессу (декабрь 1895 г.) высказался за учреждение специальной комиссии по определению границы между Венесуэлой и Британской Гвианой. Конгресс выделил 100 тыс. долл. для работы этой комиссии. Заодно прошел и законопроект об увеличении ассигнова-

[13] Foreign Relations of the United States, 1895, pt 1, Wash., 1895, p. 558.
[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 28. с. 187.
[15] Foreign Relations of the United States. 1895—1896. Wash., pt 1, p. 566.
[16] *Дементьев И. П.* Идейная борьба в США по вопросам экспансии, с. 149.

ний на строительство трех военных кораблей первого класса и 10 торпедных катеров.

Экспансионисты одобряли действия Кливленда. Один из них — Т. Рузвельт заявил, что сложившаяся ситуация лишний раз убедила его в том, что «стране нужна война» [17]. Ему вторили сенаторы и адмиралы, призывая отнять у Англии Канаду; губернаторы заверяли в поддержке, а Ирландский национальный союз обещал выставить против англичан 100-тысячный корпус добровольцев.

В столицах обеих сторон возникшая напряженность вызвала серьезное беспокойство. Английский флот ждал приказа о приведении кораблей в боевую готовность. В США рабочие, фермеры и прогрессивная интеллигенция осуждали попытки президента в ажиотаже предвыборной борьбы демонстрировать «жесткость» своего курса, обострять международную обстановку, игнорировать опасность войны.

Влиятельная группа в британских правящих кругах (Розбери, Бальфур и др.), выражая интересы владельцев крупных инвестиций в США, высказалась за мирное урегулирование конфликта. Наблюдавшееся осложнение международных взаимоотношений в этот период Англии с Германией и с Францией в Африке, а также с Россией в Азии подталкивало англичан согласиться на арбитражное решение. В 1899 г. арбитражная международная комиссия определила приемлемую для обеих сторон венесуэльско-гвианскую границу, передав устье и дельту р. Ориноко Венесуэле.

США, добившись удовлетворительных итогов арбитража, предусмотрительно не стали заострять внимание на достигнутом успехе, рассчитывая на сдержанность англичан перед лицом активизации американской экспансии в районах Тихого океана и Юго-Восточной Азии.

2. НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ НАПРАВЛЕНИИ

На дальневосточную политику США — в отношении Кореи, Китая, Японии в конце XIX в. наложил определяющий отпечаток переход страны в стадию монополистического капитализма. С 90-х годов, когда уже завершался раздел мира между капиталистическими странами, основной внешнеполитической линией становится борьба за захват источников сырья и рынков сбыта. И хотя расширение внутреннего рынка в стране замедлило внешнюю экспансию американской буржуазии, оно отнюдь не исключило ее. Доходы от колониального сбыта всегда были намного выше прибылей с внутреннего рынка, а расходы на экспансию капиталисты умело перекладывали через систему налогов на население страны.

Правительство под давлением крупных промышленников и торговцев поощряло экспансию. Ее расширения в тихоокеанском направлении энергично добивались компании пароходного и железнодорожного сообщений, предприниматели, озабоченные сбытом текстиля и пушнины, дельцы рыболовного промысла, а также заинтересованные в дешевом сырье импортеры сахара, чая, шелка и т. п. Кроме того, в переключении внимания на аннексии, на приобретения заморских территорий монополисты США видели удобный способ отвлечь массы от обостряющихся внутренних социальных и классовых проблем.

---

[17] Цит. по: *Зубок Л. И.* Очерки истории США, с. 179.

Движимая этими мотивами американская дипломатия устремилась в тех направлениях, куда капитал США еще имел возможность «вклиниться». Дальний Восток открывал в этом отношении определенные перспективы. Потенциальная емкость китайского рынка для американских предпринимателей и торговцев представлялась безграничной. «Если бы мы смогли заставить 414 млн. китайцев покупать в среднем на 1 долл. в год наших товаров, то это более чем удвоило бы всю нашу торговлю»,— настойчиво подчеркивали жаждавшие прибылей бизнесмены [18]. Однако перед лицом сильной конкуренции со стороны ранее утвердившихся там держав, прежде всего Великобритании, США оказались вынуждены маневрировать, пытаться потеснить более сильных соперников или хотя бы получить «равные возможности» с ними.

Поскольку собственными силами обеспечить проникновение на Дальний Восток США еще не могли, практическая политика федерального правительства была направлена главным образом на поддержку агрессивных устремлений Японии. Провозглашая курс на поддержку «японских интересов», США в действительности всячески стремились увеличить собственные инвестиции в Восточной Азии, несмотря на противодействие могущественных европейских конкурентов.

Американо-японские отношения конца XIX в. характеризовались стремлением использовать японскую агрессию против Китая и Кореи для расчистки пути американскому капиталу в Восточную Азию. Наращивая темпы экономического проникновения на Дальний Восток, США постоянно опирались на военный потенциал Японии.

США не раз пытались захватить о-в Тайвань. Еще в начале 70-х годов консул США Ч. У. Лежанр подготовли и провел несколько пиратских налетов на этот остров, которые, однако, результатов не дали. В 1874 г. под командой американских офицеров японские суда атаковали Тайвань [19]. Значительным было содействие США японским захватчикам при оккупации ими в 1879 г. о-вов Рюкю, ставших японской префектурой Окинава.

Вслед за Японией, которая в 1876 г. военными угрозами навязала Корее, признав ее «независимой», кабальный Канхваский договор и получила права экстерриториальности, США тоже потребовали для себя открытия корейских портов. Американский коммодор Шуфелдт, направленный правительством в соответствии с «дипломатией кононерок» в Корею, чтобы добиться «открытия» корейских портов для американских товаров, несколько лет пытался установить с нею дипломатические и торговые отношения, подписать договор. Усилия его остались безрезультатными А японское правительство и не думало поддерживать американские домогательства. Вместо этого оно использовало свое влияние в Корее для срыва замыслов правительства США [20].

В 80-е годы Соединенные Штаты предприняли шаги в направлении закабаления Кореи неравноправными договорами. В результате активных усилий в 1882 г. в Чемульпо (совр. Инчхон) был подписан американо-корейский договор «о дружбе и торговле». Он ограничивал государствен-

---

[18] Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке. 1840—1949. М., 1973, с. 130.

[19] Захват острова не удался из-за эпидемии холеры в японских войсках, прибытия 20-тысячного подкрепления китайцев и упорного сопротивления островитян.

[20] История дипломатии. 2-е изд. М., 1963, т. 2, с. 214.

ный суверенитет Кореи, но давал широкие привилегии американскому капиталу. Согласно договору три корейских порта, уже открытых для японцев, были открыты и для США, предусматривался обмен посланниками, американцам предоставлялся режим наибольшего благоприятствования.

США отказались зафиксировать в договоре признание вассальной зависимости Кореи от Китая, ибо это облегчало американскую экономическую и политическую экспансию на полуострове, открывало возможность эксплуатации природных ресурсов и населения Кореи. Договор стал «образцом» для других колониальных держав, которые уже с 1883 г. добивались подписания аналогичных соглашений, что означало упразднение «закрытых дверей» в Корее. С весны 1883 г. вслед за первым американским посланником Футом в Сеул стали прибывать американские советники и миссионеры. В угоду проводникам колониальной политики, которые, как известно, всегда прикрывали «политику грабежа распространением христианства» [21], они развернули в стране своеобразную идеологическую экспансию. Оказывая влияние на молодежь, миссионеры распространяли утверждения о «цивилизаторской» миссии американцев в Корее.

В экспансии США на Дальнем Востоке миссионеры сыграли важную роль не только как идеологический авангард колонизаторов, но и как практические проводники целей внешнеполитического курса американских правящих кругов. Заявляя, что распространение христианства является предпосылкой необходимого социального развития населения отсталых регионов, миссионеры США при поддержке своего государства и торгово-промышленных кругов насаждали в Азии и Океании западные политические, социальные и идеологические концепции. Хотя среди миссионеров встречались и искренне служившие гуманистическим идеалам люди, объективно их усилия тем не менее сводились к содействию материализации внешнеполитического курса буржуазного государства.

Подрывая позиции Китая в Корее, американские и японские предприниматели добились контрактов на каботажные рейсы, добычу жемчуга, заготовку леса, строительство электростанции и порохового завода. Специальная компания по эксплуатации богатств Кореи заполучила концессию на добычу золота и других ископаемых в Унсане на 25 лет. После японо-китайской войны (1894—1895) предприниматель Дж. Морз получил в 1896 г. права на строительство железнодорожной магистрали из Сеула в Чемульпо. В конце XIX в. Япония перекупила эту концессию. Одновременно США по соглашению 1887 г. направили инструкторов в корейскую армию. Усиленное внимание США к Корее в немалой степени объяснялось ее выгодным стратегическим положением как плацдарма экспансии — на юг и на север — против Китая и России на Дальнем Востоке.

Отношения США с Китаем в последней трети XIX в. отличались с американской стороны двойственностью и противоречивостью. Политика США в Китае во многом определялась влиянием «европейского фактора». США вступили в отношения с Китаем позже других империалистических держав. Чтобы потеснить европейских конкурентов, им приходилось прибегать и к «нетрадиционным» методам, становиться в позу защитника интересов Китая.

---

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 379.

Учитывая, что Китай представлял огромный интерес как обширный рынок для сбыта товаров и располагал источниками различного сырья, в том числе запасами угля, минералов и руд, США опасались, что будут обойдены при дележе китайского рынка капиталистическими «партнерами-соперниками». Заигрывания американского посла, его турне во главе китайской делегации по европейским столицам с призывами к дружбе с Китаем — все это помогало США обрести новые торговые льготы и выгодные концессии, противодействуя проникновению европейских держав в Китай. Однако в 80-е годы внешнее дружелюбие сменилось существенными трениями в американо-китайских отношениях. Они были вызваны несколькими факторами.

Прежде всего сказалось постоянное поощрение японской агрессии североамериканскими капиталистами. В США к японцам относились с уважением, считали их «азиатскими янки», энергичными и устремленными к идеалам и ценностям, близким американцам. «Американцы,— писал историк Ч. Кэмпбелл,— были гораздо более высокого мнения о Японии, чем о любой другой стране Азии»[22]. Политика Японии изображалась в Соединенных Штатах как прогрессивная[23]. О китайцах же говорилось в пренебрежительных тонах. По расчетам США, военная победа Японии над Китаем открыла бы доступ американским капиталистам на дальневосточные рынки и облегчила бы проникновение США в Китай, Корею, Маньчжурию.

Одновременно усилился поток иммигрантов из Китая в США[24], вызвавший антикитайские настроения в Калифорнии, где китайцы в 80-х годах составляли уже 9% населения. Дело дошло до антикитайских погромов, таких, какие были еще в 1855 г. в Рок-Спрингсе (штат Вайоминг), когда 28 китайцев погибли, 50 получили увечья, а сотни остальных были вообще изгнаны из города. Подобные шовинистические акции происходили и в 1886—1887 гг. «Для американца предпочтительнее смерть, чем сосуществование с китайцем»,— заявил Д. Керни[25], рядившийся в тогу рабочего лидера лжепатриот из Сан-Франциско, где 22 июля 1877 г. был учинен погром в китайском квартале. Экономические мотивы сочетались с расизмом, националистическими настроениями.

Кроме того, буржуазия США была недовольна статусом торговых фирм в Китае. Доля Соединенных Штатов в торговле с Китаем падала (с 7,5% в 1885 г. до 6,7% в 1896 г.), капиталисты вынашивали далекоидущие концессионные планы, охватывавшие не только Китай и Корею, но и Маньчжурию, Монголию как плацдармы вторжения на Русский Дальний Восток[26]. Не прошли бесследно также выступления китайских народных масс против заполнивших страну иностранных миссионеров.

---

[22] *Campbell Ch. S.* The Transformation of American Foreign Relations, 1865—1900. N. Y., 1976, p. 108.

[23] *Dorwart J. M.* The Pigtail War: American Involvement in the Sino-Japanese War of 1894—1895. Amherst (Mass.), 1975, p. 92.

[24] Если до 1848 г. в США едва насчитывалось 50 китайцев, то в 1868 г., при подписании американо-китайского договора, их было уже около 90 тыс. и ежегодно прибывали по 16 тыс. Законтрактованные для строительства трансконтинентальных железных дорог китайцы были самой дешевой рабочей силой.

[25] Цит. по: *Sandmeyer E. C.* The Anti-Chinese Movement in California. Urbana (Ill.), 1939, p. 65.

[26] *Зубок Л. И.* Очерки истории США, с. 186—187.

Все это отрицательно сказывалось на отношениях между Китаем и США, которые развивались далеко не столь благополучно, как того хотели стороны при подписании договоров 1868 и 1880 гг.

Посланник Китая в Вашингтоне не раз протестовал против антикитайских мер, вытекавших из принятых в 1882 и 1894 гг. конгрессом законов, по которым запрещалась иммиграция китайцев в США на 10 лет. Кандидаты обеих буржуазных партий на президентских выборах состязались в обещаниях по ограничению китайской иммиграции в США. А по законопроекту Скотта (сентябрь 1888 г.) китайцам вообще запрещался въезд на жительство в США, в том числе даже лицам, выехавшим из страны на время. Палата представителей и сенат быстро одобрили такое дискриминационное ущемление прав человека, а в октябре 1888 г. президент США скрепил этот документ своей подписью [27]. Все китайские официальные протесты Г. Кливленд игнорировал.

В конфликтах, которые порождались территориальными аппетитами европейских держав в Китае, США не раз использовали такую форму вмешательства, как оказание «добрых услуг». Так, в 1879 г. экс-президент США У. Грант посредничал в споре Китая и Японии об о-вах Рюкю. При этом США следили, чтобы соперники не получили слишком больших привилегий. Наблюдая за активностью европейских держав в Китае, США с тщательностью обеспечивали себе сохранение режима наибольшего благоприятствования со стороны Пекина, чтобы получать из Китая не меньше, чем получали европейцы. Претендуя на «нейтральность», на деле США поддерживали японских захватчиков, противопоставляя Японию притязаниям европейских держав [28].

Так, США не пожелали повлиять на Японию, когда та решила завладеть Кореей, Тайванем и Пескадорскими островами. Вместе с тем США заняли выжидательную позицию, когда европейские империалисты и Япония начали борьбу за раздел Китая на территориальные «сферы влияния». Опасаясь оказаться полностью вытесненными с китайского рынка, США в обоснование своих экспансионистских устремлений выдвигали требование проводить политику «равных возможностей».

Такой курс учитывал и ухудшение американо-китайских отношений вследствие позиции США в период войны 1894—1895 гг. между Китаем и Японией [29]. Заняв «нейтральную» позицию, США отчасти под влиянием англичан не хотели допустить полного поражения китайцев, и американские представительства брали под защиту как интересы китайцев в Японии, так и японцев — в Китае.

Политика «добрых услуг» со стороны США в японо-китайской войне под давлением экспансионистских кругов переросла в «дипломатию канонерок». Хотя правительство США формально сохраняло нейтралитет в 1894—1895 гг., «президент и государственный секретарь высадили вой-

---

[27] Этим законом дважды занимался Верховный суд США, который в 1889 г. признал его неконституционным, а в 1893 г.— санкционировал.

[28] *Фурсенко А. А.* Борьба за раздел Китая и американская доктрина «открытых дверей», 1895—1900. М.; Л., 1956, с. 17—34.

[29] Японо-китайская война 1894—1895 гг. в американской прессе тех лет получила пренебрежительное название войны «свиных хвостов» («косичек»). Карикатуристы изображали воюющих дергающими друг друга за волосы, заплетенные в косички. Буквальный перевод с английского pigtail (косичка, коса) — «свиной хвост». См.: *Dorwart J. M.* Op. cit., p. 168.

ска в Корее, направили почти половину военно-морского флота США в китайские воды, привели солдат в готовность к походу на Пекин» [30].

Японская пропаганда поощряла противопоставление Японии Китаю в глазах американской общественности. Японская секретная служба подкупила Э. Хауза, американского издателя «Токио таймс», чтобы он публиковал благоприятные Японии материалы. Японские посланники в Вашингтоне и консулы в Сан-Франциско и Нью-Йорке также постоянно выступали в печати, защищая политику Японии в глазах американцев. Японский консул в Нью-Йорке заявил: «Мы признательны американским газетам за то, что они говорят о нас, и за то, что весомые моральные гири общественного мнения этой страны оказались, похоже, почти полностью на стороне Японии...» [31].

После войны 1894—1895 гг. американцы в официальном и неофициальном плане высказывались за то, чтобы восстановление в Китае проходило под эгидой США, а не Японии. Торгово-промышленные круги США стали требовать от правительства более активной политики по обеспечению привилегий американцам в Китае, более выгодных условий для американского капитала. Бизнесмены из «Американ Чайна девелопмент компани» образовали откровенно названный Комитет американских интересов в Китае, который апеллировал прямо к президенту Маккинли. Усилились экспансионистские призывы в печати. Их подогревали промышленники и торговцы, в частности сбывавшая в Китай керосин компания Рокфеллера «Стандард ойл». Ее главным конкурентом были поставщики из России. Когда же в соперничество вступила «Ройял-Датч шелл», разгорелась острая конкурентная борьба монополий за рынки Китая, охватившая и сбыт металлоизделий, по продаже которых американцев успешно обгоняли англичане.

США активно участвовали в «битве за концессии» в Китае. На переднем крае были видные финансисты: Э. Гарриман, железнодорожный магнат; ряд банкиров (из «Ферст нэшнл бэнк», «Чейз нэшнл бэнк» и др.), представители моргановской группы, стального концерна Карнеги и т. п. Их домогательства через дипломатов А. У. Баша и Ч. Денби построить железную дорогу в Маньчжурии и в долине р. Янцзы, а также развернуть эксплуатацию недр Китая не увенчались успехом ввиду противодействия русских, английских, французских и бельгийских капиталистов. Тем не менее по интенсивности эксплуатации Китая США уступали только Англии.

Определенный вклад в укрепление позиций Соединенных Штатов в Китае рассматриваемого периода внесли наряду с торговцами американские миссионерские деятели, осевшие в Восточной Азии. В 1877 г. в Китае действовала 41 станция американских миссионеров и основанных ими 150 церквей [32]. Они немало сделали для утверждения политического влияния США, для обеспечения экономической экспансии в Китае американского капитала. За какие-то два десятилетия (1870—1890) число американцев-миссионеров в Китае возросло в 5 раз — с 200 до 1 тыс., а по некоторым оценкам, достигало и 1,5 тыс. В целом стоимость собственности американских миссий в Китае увеличилась с 1 млн. долл. в

[30] Ibid., p. 3.
[31] Ibid., p. 97.
[32] *Buck P.* American science and modern China, 1876—1936. Cambridge (Mass.), 1980, p. 13.

1875 г. до 5 млн. в 1900 г., что составило пятую часть всех капиталовложений США в Китае [33].

Зная местные условия, языки, конкретную ситуацию, миссионеры различными путями поставляли информацию предпринимательским и внешнеполитическим учреждениям, выполняли роль переводчиков, отбирали и инструктировали кадры, прислуживавшие иноземным пришельцам. Именно поэтому миссионеры неизменно пользовались широкой военной и дипломатической поддержкой со стороны правительственных ведомств США, особенно внимательно относившихся к деятельности религиозных организаций США в Китае.

3. ОТНОШЕНИЯ С РОССИЕЙ

Экспансия американских монополий затронула и территории Русского Дальнего Востока и Сибири. Обособленная от центра империи бездорожьем и значительным расстоянием, дальневосточная окраина России, одна из наиболее бесправных и угнетенных в условиях царизма, стала заманчивым объектом эксплуатации со стороны иностранных торговцев и зверопромышленников. Экспансия американских капиталистов в Чукотском и Охотско-Камчатском крае приняла форму незаконных промыслов в российских территориальных водах и на побережье. После продажи Аляски и упразднения Российско-американской компании браконьерство иностранцев в русских владениях значительно усилилось, особенно на побережье Берингова и Охотского морей и в районе Командорских островов. На Дальнем Востоке развернулась «незаконная... эксплуатация берегов обоих наших морей, сначала американцами и канадцами, а потом и всеми теми, кому не лень было воровски и легко наживать капиталы»,— отмечал генеральный консул России в Сан-Франциско А. Е. Оларовский [34].

Хотя некоторые пойманные на месте преступления иноземные шхуны власти время от времени подвергали аресту, а добычу конфисковывали [35], масштабы противозаконного промысла в русских водах в этот период не сокращались, а даже увеличивались. В США возникли специальные конторы («Мебер энд К°», «Мак-Кэн энд К°», «Бешторес энд К°», «Линден энд К°» и др.), которые направляли десятки шхун к тихоокеанским берегам России. Прибывавшие на них зверобои промышляли варварскими методами и, употребляя запретное в морской охоте огнестрельное оружие, «губили зверей в пять раз более того, что успевали взять на свои суда» [36].

Авантюристы, используя пассивность самодержавного правительства, видели в браконьерстве и обманной торговле с местным населением побережья прибыльный бизнес. Владелец торгового дома в Сан-Франциско Мак-Кэн все состояние нажил именно на противозаконной торговле с жи-

[33] *Мурадян А. А.* Американские миссионеры в странах Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Океании в XIX в. М., 1971, с. 61, 84.

[34] Записка генерального консула России в Сан-Франциско А. Е. Оларовского. 10(22) декабря 1889 г.— Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР, Главный морской штаб (ЦГАВМФ СССР, ГМШ), ф. 417, оп. 47, 1889 г., д. 5526, л. 210.

[35] Архив внешней политики России (АВПР), ф. Посольство в Вашингтоне, оп. 512/3, 1880 г., д. 140. л. 183—185.

[36] *Скальковский К. А.* Русская торговля в Тихом океане. СПб., 1883, с. 91.

телями Чукотского края. Мак-Кэн, а также фирмы «Райт энд Баун», «Гриффинс энд К°», «Линден энд К°» и другие развернули на Чукотке своего рода меновую торговлю, носившую грабительски неэквивалентный характер. Американские контрабандисты привозили на Чукотку, Камчатку и в другие районы России главным образом виски и ром. Разбавляя спиртное водой и настаивая его на табаке и перце, они сбывали этот дурманящий напиток, заполучая ценные меха соболя, чернобурой лисицы, морского котика, голубого песца [37]. «На Чукотке, Камчатке, Охотском побережье почти безраздельно,— отмечали советские ученые,— господствовали американские бизнесмены и авантюристы, которые, используя слабость и немощность местной администрации, применяли изощренные приемы грабежа местных жителей под видом обменной торговли» [38].

Команды заокеанских браконьерских и контрабандистских шхун, посылаемых к берегам России, часто состояли из уголовников и людей авантюристического склада. Поимка их на месте преступления, естественно, сопровождалась конфликтами. Между соответствующими ведомствами по иностранным делам завязывалась переписка. Причем далеко не всегда представители сторон могли скрыть раздражение. Когда споры со шкиперами и хозяевами некоторых браконьерских шхун передавались на арбитраж, американские дельцы возбуждали встречные иски. Разговоры и межведомственная переписка о необходимости усиления охраны Дальневосточного побережья велись в Петербурге не одно десятилетие [39], но серьезных мер практически не предпринималось. Царское правительство не находило средств [40], чтобы обеспечить неприкосновенность дальневосточных границ России, а изредка посылаемый в Охотское и Берингово моря одинокий крейсер не в состоянии был эффективно охранять территориальные воды вдоль береговой линии, протянувшейся на многие тысячи морских миль.

Кроме того, заинтересованность в поддержании хороших отношений с США в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. побуждала петербургских министров закрывать глаза на вторжение американских капиталистов в дальневосточные владения России. При этом учитывалось, что значительная группа заокеанских дельцов пользовалась особым покровительством госдепартамента США. Когда зимой 1876/77 г. стало известно, что Тихоокеанская эскадра России вместе с судами Сибирской флотилии взяла курс на Сан-Франциско, американские зверопромышленники ринулись к оставшемуся без охраны русскому побережью [41]. Рассчитывая на использование портов США в качестве опорных баз для ведения крейсерской войны против британских торговых судов в случае вмешательства Англии в русско-турецкий конфликт, царское правительство не только не дало отпора такому нашествию дельцов с побережья США,

---

[37] *Нарочницкий А. Л.* Экспансия США на Дальнем Востоке в 1886—1894 гг.— Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. М., 1953, вып. 2, с. 76—88.

[38] История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5-ти т. / Глав. ред.: А. П. Окладников, В. И. Шунков. М., 1964—1971, т. 3. Сибирь в эпоху капитализма / Отв. ред. Ф. А. Кудрявцев, с. 194.

[39] ЦГАВМФ СССР, Канцелярия морского министерства (КММ), ф. 410, оп. 2, 1874—1880 гг., д. 2247, л. 1—3; 1881—1885 гг., д. 2276, л. 2.

[40] Там же, 1868 г., д. 3356, л. 11—12.

[41] АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, оп. 512/3, 1877 г., д. 130, л. 512; 1879 г., д. 138, л. 196.

но и санкционировало по просьбе госдепартамента предоставление им временных льгот [42].

Безнаказанность, а тем более льготы лишь поощряли американских любителей легкой наживы и авантюристов. Их действия распространялись на новые районы российской территории и становились все откровеннее. Браконьеры из Нового Света уже не стеснялись высаживаться близ населенных пунктов России и вступать в перестрелку с коренными жителями. Побывавший на Дальнем Востоке в конце XIX в. горный инженер и путешественник К. А. Скальковский свидетельствовал: «Ни для кого не составляет тайны, что пушные звери убиваются на берегах, принадлежащих России, убиваются без пощады и без расчета или за бесценок вымениваются у населения, спаиваемого дрянным спиртом» [43].

Такого же рода тревожные сообщения поступали в столицу и по официальным каналам из главного управления Восточной Сибири. Все это постепенно убеждало МИД, морское и военное ведомства России, что «американские купцы добиваются права производить каботажную торговлю на наших восточных окраинах не для сбыта своих продовольственных припасов и снабжения прибрежных жителей предметами необходимости, а для контрабандной торговли спиртными напитками и для всевозможной эксплуатации местного населения и богатств края» [44]. Со временем в высших сферах Петербурга начали склоняться к мнению, что пора более решительно пресекать вторжения иностранных авантюристов в пределы русских владений [45]. В тех портовых городах, где в основном снаряжались шхуны браконьеров, в местных газетах был опубликован текст петербургской инструкции крейсерам России о пресечении противозаконных действий иностранных судов в территориальных водах и на побережье Приморской области Восточной Сибири [46]. Для захода иностранных судов в целях ремонта или пополнения запасов продовольствия был оставлен открытым только порт Петропавловск-Камчатский.

Политика дружественного нейтралитета, твердая поддержка Севера во время гражданской войны в США и проявленная Россией добрая воля в 60-е годы принесли ей плоды в следующее десятилетие, когда отношения двух стран прошли ряд испытаний на прочность и была внушительно продемонстрирована сила вековой традиции дружественного расположения и сотрудничества. Во время постигших Россию в 70-е годы грозных внешнеполитических кризисов вашингтонское правительство занимало благожелательную к ней позицию.

В течение нескольких месяцев 1877 г. в американских портах находилась эскадра боевых кораблей России, а за пять дней до начала русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в Вашингтоне президент Р. Хейс дал обед в честь русской военно-морской делегации, на котором присутствовали ведущие члены правительства США [47]. Представители России были окружены вниманием и гостеприимством. Политический эффект от при-

[42] ЦГАВМФ СССР, КММ, ф. 410, оп. 2, 1876—1877 гг., д. 4056, л. 9; АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, оп. 512/3, 1877 г., д. 130, л. 200; 1880 г., д. 141, л. 41.
[43] *Скальковский К. А.* Указ. соч., с. 89.
[44] АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, оп. 512/3, 1880 г., д. 140, л. 112—113.
[45] Письма К. П. Победоносцева к Александру III: В 2-х т. М., 1925, 1926, т. 1, с. 184, 192.
[46] ЦГАВМФ СССР, КММ, ф. 410, оп. 2, 1874—1880 гг., д. 2247, л. 30—33.
[47] ЦГАВМФ СССР, КММ, ф. 410, оп. 2, д. 3719, л. 503; АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470/4, 1877 г., д. 117, л. 229—234.

бытия российских кораблей в порты США и посещения делегацией России Белого дома превзошел всякие ожидания. В Петербурге, сообщал поверенный в делах США уже после начала русско-турецкой войны, остались «в огромной степени довольны сердечной встречей, устроенной... в Соединенных Штатах»[48]. В напряженные недели накануне Берлинского конгресса 1878 г. правительство США не поддалось сильнейшему нажиму со стороны Великобритании и фактически санкционировало строительство и вооружение новой эскадры крейсеров для России в момент обострения отношений Петербурга с Лондоном.

Аналогичным образом политический курс на взаимодействие двух стран проявился во время аннексии Гавайских островов Соединенными Штатами. Добиваясь реализации экспансионистских планов, правительство США пыталось использовать в своих интересах англо-русские противоречия. Как считали в госдепартаменте, сдержанное отношение в Петербурге к притязаниям США на Гавайские острова было способно ослабить вероятные протесты со стороны Англии против американской политики. Когда в США было принято решение окончательно присоединить Гавайи, российское правительство отреагировало в спокойных тонах, рассчитывая сохранить союзника в лице крепнувшего североамериканского государства.

4. ПРОНИКНОВЕНИЕ В БАССЕЙН ТИХОГО ОКЕАНА

Империалистический курс широкой экспансии включал и проникновение в бассейн Тихого океана, что осуществлялось под мощным нажимом финансистов с Уолл-стрит, предпринимателей, объединившихся в рамках Американо-Азиатской ассоциации и «Американ Чайна девелопмент компани», в определенной степени диктовавших курс внешнеполитическому ведомству США.

Поскольку в конце XIX в. у Соединенных Штатов еще не было опорных пунктов на океанских магистралях, ведущих к китайскому побережью, одной из практических задач в планах молодой империалистической державы стало овладение островами на путях из Америки в Китай и Японию.

Планы широкой империалистической экспансии США побуждали создавать средства их материализации. В последней четверти XIX в. в качестве первоочередной ставится задача быстрого усиления военно-морского флота. Ее четко и недвусмысленно сформулировали идеологи экспансионизма и с готовностью приняли на вооружение практики государственного аппарата[49].

Нельзя сказать, что в это время США совсем не располагали флотом. На судостроительных верфях американцы умело и деятельно сооружали всевозможные корабли — крейсеры, мониторы, пароходы с парусной оснасткой и т. п. Но это были преимущественно небольшие и маломощные суда, годные главным образом для несения патрульной службы. В целом

[48] H. Atkinson — W. M. Evarts, May 16, 1877.— United States National Archives, Records of the Department of State, Record Group 59, Diplomatic Despatches from United States Ministers to Russia, vol. 31.

[49] Подробнее см.: *Hagan K. J.* American Gunboat Diplomacy and the Old Navy, 1877—1889. Westport, 1973; *Coletta P. E.* Admiral Bradley A. Fiske and the American Navy. Lawrence, 1979, p. 76.

по состоянию военно-морского флота США уступали не менее чем дюжине других государств.

В ходе внешнеполитических схваток в конгрессе в 80-е годы неизменно поднимался вопрос о том, что «Соединенные Штаты не могут больше оставаться беззащитными, в то время как другие страны с каждым днем все больше наращивают вооружения» [50]. При этом тема «недостаточности вооружений» активно эксплуатировалась ораторами в целях межпартийной внутриполитической борьбы. Как заявил сенатор от Нью-Джерси Дж. Р. Макферсон, «верфи военно-морского флота этой страны используются больше для внутриполитических, чем для военно-морских сражений» [51].

Акт конгресса 1883 г. положил начало реконструкции флота на новой технической основе. В 80-е годы быстро растут расходы на строительство флота, особенно при президенте Кливленде. «Американцам стали импонировать захваты колоний, расширение торговли, прокладка канала и даже ведение войны»,— отмечал историк Дж. Добсон [52].

По настоянию одного из конгрессменов-экспансионистов, Г. К. Лоджа, были выделены ассигнования для строительства трех броненосцев, со временем названных «белой эскадрой». «США должны иметь могущественный флот»,— повторял он при любой возможности. Морская мощь, твердил Лодж, обращаясь к историческим аналогиям, позволила Риму сокрушить Карфаген, англичанам — победить Наполеона, а северянам в Америке — взять верх во время гражданской войны в США [53]. Другой идеолог, одержимый идеей мировой гегемонии США, капитан, ставший впоследствии контр-адмиралом и военно-морским историком, А. Мэхэн, настолько энергично ратовал за аннексии новых территорий и строительство мощного флота, что сравниться с ним мог разве что крупный политический деятель, будущий президент США Теодор Рузвельт, автор концепции «большой дубинки» в международных отношениях. «Мэхэн,— зафиксировали историки,— говорил не о крейсерах, а о дредноутах, не об отдельных кораблях, а о флотах, не о береговой обороне, а о подготовке к наступательным операциям и о господстве на море. В конгрессе США вскоре после появления его работ прекратились разговоры о „военно-морских судах береговой охраны“. Чаще слышались слова: „Флот, никому не уступающий первенства“» [54].

Воздействуя на умонастроения политических деятелей, рекламируя курс на захваты и агрессивные действия в море, экспансионисты—идеологи и практики — способствовали реализации в сравнительно короткое время обширной программы строительства военно-морского флота США, подстегивали наращивание вооружений всех морских держав в мире [55]. Только в 1893 г. в США на сооружение боевых кораблей было истрачено 30 млн. долл., в результате чего военно-морской флот занимал уже не 12-е, как в начале его модернизации, а пятое место в мире.

---

[50] *Grenville J. A. S., Young G. B.* Politics, Strategy, and American Diplomacy. Studies in Foreign Policy, 1873—1917. New Haven, 1966, p. 6.

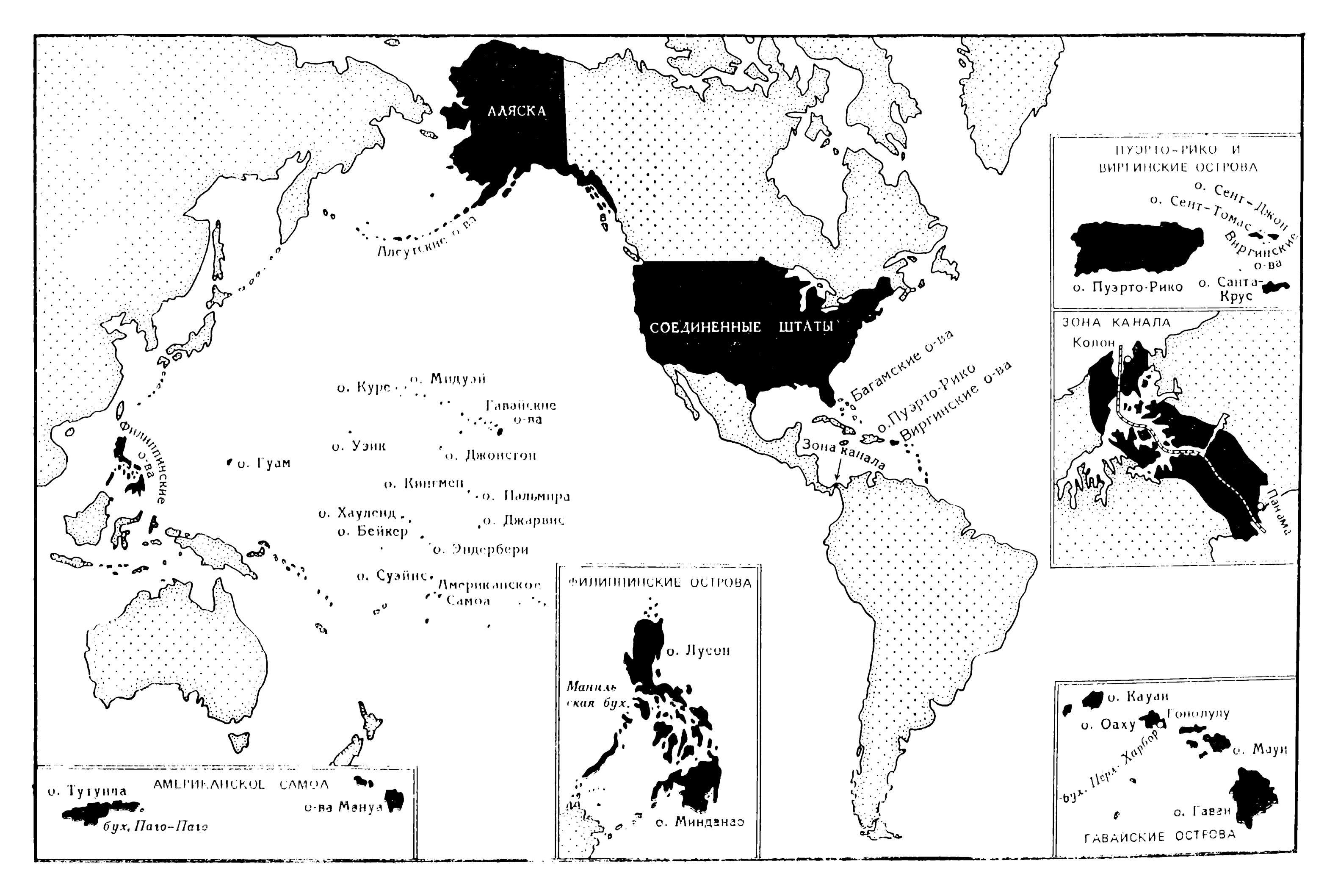
[51] Congressional Record, vol. 15, pt 2, p. 1387.

[52] *Dobson J. M.* America's Ascent: the United States Becomes a Great Power, 1880—1914. DeKalb (Ill.). 1979, p. 54.

[53] Цит. по: *Garraty J.* Hehry Cabot Lodge. N. Y., 1953, p. 152.

[54] *Hacker L. M., Kendrick B. B.* The United States Since 1865. N. Y., 1933, p. 127.

[55] *Plesur M.* America's Outward Thrust: Approaches to Foreign Affairs. 1865—1890. DeKalb (Ill.), 1971, p. 28.


АЛЯСКА
Алеутские о-ва
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ
Багамские о-ва
о. Пуэрто-Рико
Виргинские о-ва
Зона канала
о. Куре
о. Мидуэй
Гавайские о-ва
о. Уэйк
о. Джонстон
о. Гуам
Филиппинские о-ва
о. Кингмен
о. Пальмира
о. Хауленд
о. Бейкер
о. Джарвис
о. Эндербери
о. Суэйнс
Американское Самоа
ПУЭРТО-РИКО И ВИРГИНСКИЕ ОСТРОВА
о. Сент-Джон
о. Сент-Томас
Виргинские о-ва
о. Пуэрто-Рико
о. Санта-Крус
ЗОНА КАНАЛА
Колон
Панама
ФИЛИППИНСКИЕ ОСТРОВА
о. Лусон
Манильская бух.
о. Минданао
ГАВАЙСКИЕ ОСТРОВА
о. Кауаи
о. Оаху
Гонолулу
бух. Перл-Харбор
о. Мауи
о. Гавайи
АМЕРИКАНСКОЕ САМОА
о. Тутуила
бух. Паго-Паго
о-ва Мануа

Но в середине 90-х годов США находились все еще далеко позади крупных морских держав — Великобритании, Франции, Германии, Италии и России по всем видам боевых кораблей. В распоряжении военно-морского ведомства было 19 современных крейсеров и канонерок и несколько устаревших судов. Более десятка боевых кораблей находилось в стадии строительства, но новые крейсеры и первые линкоры уже проходили испытания. Большая часть огромных ассигнований, которые ежегодно конгрессмены-республиканцы отпускали на строительство военно-морского флота, «фактически шла на обеспечение республиканцам поддержки тех предпринимателей, которым были выгодны дорогостоящие контракты» [56].

По мере раздувания гонки военно-морских вооружений рос и арсенал аргументов в ее пользу. К прежним добавились: необходимость защищать торговые перевозки, располагать средствами и силами для подкрепления «эффективной внешней политики», и т. п. Новым доводом стала ссылка на то, что военно-морской флот — это признак не только силы, но и цивилизованности. И снова повторяли, что готовиться к войне надо в мирное время. Увеличивая ассигнования на сооружение новых линкоров, миноносцев и канонерок, загрузив заказами судоверфи, правительство США одновременно форсировало получение большого числа боевых кораблей с иностранных судостроительных заводов, прежде всего английских.

Так воплощались в жизнь экспансионистские концепции Мэхэна, Лоджа, Т. Рузвельта, который больше, чем кто-либо, сделал для реализации программы модернизации американского флота [57]. Военно-промышленные круги («Бетлехем айрон», «Карнеги стил» и др.) сумели добиться в 1898—1899 гг. ассигнований на строительство 15 кораблей, в том числе шести первоклассных броненосцев.

По настоянию наиболее агрессивных кругов буржуазии программа укрепления военно-морского флота была рассчитана на наступательные действия США в столкновении с какой-либо из великих морских держав. Американские экспансионисты получили материальную базу и военные средства для оттеснения империалистических соперников США и для аннексионистских колониальных захватов. Первой территорией, приобретенной Соединенными Штатами за пределами Американского континента, явились Гавайские острова, которые издавна привлекали американских торговцев, дельцов, военных, дипломатов. Курс на аннексию Гавайских островов определялся такими факторами, как выгодное географическое положение островов на пути из США в Восточную Азию, запасы ценного сандалового дерева, имевшего высокий спрос в Китае, а также базы пополнения запасов продовольствия и воды для судов, следующих по торговой трассе между портами Тихоокеанского побережья и Кантоном [58]. США не просто беспокоились, чтобы эти острова не достались Англии, Франции или какому-либо иному государству, но вынашивали планы непосредственной аннексии Гавайев.

Наиболее инициативно экспансионистской политики США на Тихом океане добивались собственники текстильных предприятий и трансконти-

[56] *Grenville J. A. S., Young G. B.* Op. cit., p. 2.
[57] *Morris E.* The Rise of Theodore Roosevelt. N. Y., 1979, p. 611—612.
[58] *Куропятник Г. П.* Захват Гавайских островов США, с. 10, 32.

нентальных железнодорожных магистралей, судовладельцы, занятые трансокеанскими перевозками, крупные торговые компании Северо-Востока, бизнесмены с Тихоокеанского побережья США, набиравшие силу монополии типа «Стандард ойл», «Американ шугар рифайнинг К°» и др. В ассоциациях промышленников и в торговых палатах крупнейших американских центров — Нью-Йорка, Филадельфии, Бостона, Сан-Франциско с конца 70-х годов усиленно изучались возможности расширения торговли в результате проникновения на дальневосточные и тихоокеанские территории. Железнодорожные компании рассчитывали на новые прибыли как следствие роста грузопотоков на трансконтинентальных линиях в связи с активизацией экономической и политической экспансии США в бассейне Тихого океана.

В этом отношении наиболее важными были Гавайские и Филиппинские острова. Американская политика на Тихом океане в последней четверти XIX в. не ограничивалась торговым проникновением на Гавайи. Сторонники экспансии добились в 1875 г. договора США с гавайским королем Калакауа о широком товарообмене, который вступил в силу в 1876 г. Это был существенный шаг на пути к захвату Гавайских островов. Договором предусматривалось, что ни пяди гавайской территории не должно принадлежать никакой другой державе. Экспансионистски настроенных капиталистов и дипломатов в США это вполне устраивало.

Еще в 1873 г. генерал Скофилд по поручению президента США У. Гранта облюбовал на Гавайях выгодное место для военно-морской базы. При продлении договора с королем Гавайев в 1884 г. США включили в него пункт об исключительном праве на использование Пирл-Харбора в качестве такой базы. Протесты Британии, корабли которой согласно англо-гавайскому договору имели доступ «во все гавайские порты», оказались тщетными. Госдепартамент отклонял также все предположения Франции и Англии о международном гарантировании независимого статуса Гавайских островов: США избегали международных обязательств относительно этого архипелага. Они выжидали, как говорил государственный секретарь Т. Байярд, пока на Гавайях не обоснуются американские плантаторы и промышленники, «пока интересы населения островов не будут в сфере бизнеса и политических симпатий полностью идентифицироваться с интересами Соединенных Штатов» [59].

Разграбление природных богатств и угнетение коренного населения начались с самого появления американских торговцев и миссионеров на Гавайях. Вывоз в США традиционных сельскохозяйственных культур давал предпринимателям баснословные прибыли. Почти все 57 тыс. т сахара, произведенного на островах в 1882 г., были вывезены в США. Экспорт риса в 1874 г. составил 885 646 ф., в 1875 г.— 1 146 835, а в 1882 г.— 12 135 074 ф., из которых только 34 401 ф. был вывезен не в США [60].

Такое хозяйничанье колонизаторов привело к тому, что в конце XIX в. из 300-тысячного гавайского населения в живых осталось лишь 35 тыс. человек. Почти все их богатства оказались захвачены иностранцами. Идеологи экспансионизма аргументировали эти захваты причинами то экономического, то стратегического свойства, а чаще всего — комплекс-

---

[59] *Tansill Ch. C.* The Foreign Policy of Thomas F. Bayard, 1885—1897. N. Y., 1940, p. 400.
[60] *Tate M.* Hawaii: Reciprocity or Annexation. East Lancing, 1968, p. 165—166.

но[61]. Все рассуждения об «особых взаимоотношениях» между Гавайями и США в конечном счете сводились к оправданию аннексии.

Политическое подчинение Гавайев США было практически лишь делом времени. В период президентства Г. Кливленда влияние и позиции США на Гавайях настолько упрочились, что на Межамериканскую конференцию 1889 г. в Вашингтон была приглашена и делегация гавайского королевства, которое США по доктрине Монро относили к американской сфере влияния.

Когда в 1891 г. в поездке по Калифорнии умер гавайский король Калакауа, его преемницей стала принцесса Лидия Лилиуокалани. В Гонолулу возникли конфликты между влиятельными экономическими и политическими группами, и американские бизнесмены не на шутку встревожились. Их пугало, что она, «открыто поддерживая идею сопротивления растущему американскому господству, могла стать той фигурой, вокруг которой будут консолидироваться все антиамерикански настроенные слои гавайского коренного населения»[62].

Во время серьезного политического кризиса в январе 1893 г. местная знать и американские плантаторы выступили против укрепления королевской власти. Атмосферу напряженности постоянно поддерживали члены тайного «клуба сторонников аннексии» (немногочисленные, но влиятельные лица из числа американских граждан), эмиссары аннексионистов, посланник США на Гавайях Дж. Стивенс и командующий Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал Дж. Браун[63].

В середине января 1893 г. произошел назревавший переворот. Во главе заговорщиков стояли американские плантаторы, их активно поддерживали посланник США и американские военные. Не рассчитывая на симпатии масс, руководство заговорщиков (Л. Тэрстон, Уайт, Глейд) запросило американского посланника Стивенса высадить 17 января в Гонолулу войска США якобы «для охраны жизни и имущества американских граждан». Морская пехота с боевого корабля «Бостон» с готовностью выполнила отданный ей приказ и оккупировала Гонолулу даже на сутки раньше. Как и было им предписано, войска США сосредоточились вокруг королевского дворца и правительственной резиденции. Ни один из последовавших протестов королевского министра иностранных дел и губернатора острова Оаху против американской военной оккупации гавайской столицы во внимание принят не был.

Уже на следующий день гавайская королева была низложена[64] и установлено диктаторское правление американских марионеток, назвавших себя «временным правительством».

Главная цель переворота 1893 г. заключалась в присоединении Гавайских островов к заморским владениям США. Сделано это было с ве-

---

[61] Подробнее об экономической мотивации см.: *La Feber W.* The New Empire: An Interpretation of American Expansion, 1860—1898. Ithaca, 1963, p. 408—410. Наряду с экономическими рассматриваются и стратегические соображения в кн.: *Grenville J. A. S., Young G. B.* Op. cit., p. 102—115; *Osborne Th. J.* «Empire Can Wait» American Opposition to Hawaiian Annexation, 1893—1898. Kent (O.). 1981, p. 112—113.

[62] *Куропятник Г. П.* Захват Гавайских островов США, с. 67.

[63] Там же. с. 75—77.

[64] Лилиуокалани сопротивления не оказала, однако заявила протест и подчеркнула, что вынуждена уступить военному давлению войск США, интервенцию которых устроил посланник США. См.: *Stevens S. K.* American Expansion in Hawaii, 1842—1898. N. Y., 1945, p. 221—222.

дома и при прямом участии американского правительства. В США распространилась версия идеологического оправдания интервенции: переворот якобы предотвратил установление британского господства на Гавайях. При аннексии Гавайских островов были применены те же приемы, которые использовались при захвате Техаса и вошли в арсенал американских экспансионистов.

Месяц спустя, 14 февраля 1893 г., было подписано соглашение, в котором Гавайи рассматривались как «составная часть Соединенных Штатов». Иммиграция китайцев на Гавайские острова не допускалась. США обязались выплатить гавайские долги, а свергнутой королеве назначили пенсию, чтобы хоть как-то смягчить недовольство местного населения аннексией.

Великие державы реагировали на захват Соединенными Штатами Гавайского архипелага сравнительно спокойно. Протестов не заявили даже Англия и Германия, давно с недовольством следившие за тихоокеанской политикой США. Выражая интересы метрополии, наибольшую озабоченность обнаружили Канада, Австралия и Новая Зеландия. Резкое заявление японского правительства в 1897 г. не смогло воспрепятствовать закреплению аннексии. США сделали ряд уступок по статусу японских иммигрантов. В Токио поняли, что большего не получат, и временно смирились с захватом Гавайев Америкой [65].

Сменивший республиканца Гаррисона на посту президента США демократ Г. Кливленд, учитывая осложнение внутренней обстановки, не отважился утвердить в конгрессе аннексию Гавайев.

Отзвуки экономического кризиса 1893 г., антианнексионистские резолюции, принятые многими объединениями профсоюзов в крупных промышленных центрах страны, усиление антиимпериалистических тенденций и выступлений масс, а также противодействие производителей сахарной свеклы, владельцев плантаций сахарного тростника и магнатов сахарного треста — все это задерживало законодательное оформление осуществленного захвата Гавайских островов.

Закреплена эта аннексия была только пять лет спустя, в 1898 г., при президенте Маккинли, в условиях разгула экспансионизма, всплеска шовинизма, вызванного событиями испано-американской войны.

В сенате США оппозиция аннексии исходила от американских плантаторов, которые опасались конкуренции со стороны владельцев сахарных плантаций на Гавайях. На островах среди местного населения, по свидетельству нового посланника США Г. Сиуэлла, наблюдалось серьезное недовольство аннексией. Что касается американских бизнесменов на Гавайях, то они испытывали явное удовлетворение. Бывший президент островной республики Доул, в прошлом верховный судья США, стал губернатором. С 1900 г. жители островов получили американское гражданство, но статус штата Гавайям был предоставлен только через полстолетия. Овладев Гавайскими островами, США приобрели тем самым важнейшую военную базу, опорный пункт для борьбы за господство над Тихим океаном и Восточной Азией.

В 1899 г. раздел архипелага Самоа дал США еще одну базу в тихоокеанских водах. Интерес США к архипелагу Самоа, проявлявшийся с начала XIX в., был обусловлен в немалой степени его географическим

[65] История дипломатии, т. 2, с. 419.

положением. Фактически такую же выгодную стратегическую позицию на транстихоокеанских магистралях, как Гавайи в северной части Тихого океана, в южной его части представляют собой 14 островов архипелага Самоа.

Когда в 1872 г. в порт Паго-Паго на о-ве Тутуила вошел американский военный корабль «Наррагансетт», его командир контр-адмирал Р. Мид договорился с местным вождем об использовании американскими мореплавателями прекрасной гавани Паго-Паго, а также о передаче всего острова под протекторат США. Военно-морской министр США Робсон первым высоко оценил достоинства «самой уникальной гавани — она отовсюду защищена сушей — из всех, какие только есть на островах тихоокеанского юга» [66]. В дальнейшем аналогичные высказывания руководителей американского военно-морского ведомства постоянно подогревали внешнеполитические устремления США [67].

В 1873 г. из США на острова был послан специальный эмиссар полковник А. Штейнбергер. Но этот авантюрист вместо порученного ему обеспечения американских интересов в торговле с «королевством Самоа» вступил в сделки с германскими фирмами. Несмотря на то что, войдя в доверие к местным вождям, А. Штейнбергер добился себе на Самоа статуса своеобразного «премьера», в конечном счете в 1876 г. его по настоянию консула США выслали с островов на борту английского судна [68].

Состоявшиеся в 1877 г. в Вашингтоне переговоры об американском протекторате над о-вами Фиджи не дали никаких конкретных результатов. Торговое соглашение Соединенные Штаты навязали островитянам только в 1878 г.

Пришельцы из США и Европы на тихоокеанские острова причиняли большие бедствия местным жителям. Иностранные миссионеры и торговцы, различного рода авантюристы отбирали у самоанцев земельные участки, которые превращали в прибыльные плантации экспортных культур, жестоко эксплуатировали местную рабочую силу. При этом они разжигали вражду между племенами, использовали междоусобицы к своей выгоде. Американские колонизаторы стремились не отставать от германских и английских соперников в угнетении и ограблении населения Самоа.

По договору 1878 г. с самоанским вождем правительство США получило права на угольную станцию в Паго-Паго, а также предусмотрело режим экстерриториальности для американских граждан. Одновременно было оговорено, что США «обязаны» улаживать все споры и конфликты между Самоа и любым другим государством, с которым США находятся в дружественных отношениях [69]. С этого договора началось все углублявшееся вмешательство США в жизнь архипелага.

Вступив на путь внешнеполитической экспансии, США не желали спокойно наблюдать, как их европейские соперники поглощают в Тихом

---

[66] Annual Report of the Secretary of the Navy. 1872. Wash., 1872. p. 13—14.

[67] *Kennedy P. M.* The Samoan Tangle: A Study in Anglo-German-American Relations, 1878—1900. N. Y.. 1974, p. 9, 68—69.

[68] Подробнее о А. Штейнбергере см.: *Dodge E. S.* Islands and Empires: Western Impact on the Pacific and East Asia. Minneapolis, 1976, p. 176.

[69] Treaties. Conventions, International Acts, Protocols, and Agreements Between the United States of America and Other Powers, 1776—1923: Vol. 1—3 / Ed. by W. M. Malloy. Wash., 1910—1923, vol. 2, p. 1574—1575.

океане один остров за другим. Империалистическая логика повелевала Вашингтону действовать подобным образом. Когда Германия, направив к о-вам Самоа боевые корабли, активизировала там свои империалистические происки, государственный секретарь США Т. Байярд в июле 1885 г. заявил протест, подготавливая захват архипелага или максимально возможной его части. Созванная для «выяснения отношений» в июле 1887 г. тройственная конференция в Вашингтоне по вопросу о Самоа не принесла США желаемых результатов, поскольку дипломаты Англии и Германии выступили совместно против притязаний США [70]. Конгресс отреагировал выделением ассигнований в 500 тыс. долл. на обеспечение интересов США на архипелаге [71], а президент Кливленд направил в главный его город — порт Апиа военно-морскую эскадру.

Однако осуществить полный захват островов США не смогли. На Берлинской конференции 1889 г., созванной по инициативе Бисмарка, стороны, перессорившиеся из-за Самоа, «с удивительной легкостью» [72] договорились об их разделе и установлении трехстороннего протектората (кондоминиума), что, по оценке Ленина, представляло собой «грабеж островов Самоа (совместно Англией, Германией и Соединенными Штатами)» [73]. Что касается США, то они, считая достигнутое соглашение временным, расценили исход Берлинской конференции как свою дипломатическую победу. Между тем на островах конфликты местных группировок, за которыми стояли колониальные державы, настолько обострились, что вскоре Англия и США послали в Апию свои корабли, которые обстреляли город, повредив даже здание германского консульства.

Кондоминиум 1889 г. проблем не решил, и через 10 лет дипломатическая борьба вокруг этого вопроса завершилась в декабре 1899 г. договором, по которому США получили о-в Тутуила с гаванью Паго-Паго и острова восточнее 171-го меридиана. Остальная часть архипелага отошла к Германии. Англичане отказались от притязаний на Самоа, получив от Германии в виде компенсации о-ва Тонга и часть Соломоновых островов, а также некоторые спорные территории в Западной Африке на границе Того и Золотого Берега.

Достигнутое урегулирование, представлявшее собой империалистическую сделку по одному из крупных кризисных вопросов в международной политике конца XIX в., было одобрено американскими конгрессменами, хотя и встретило определенную оппозицию при голосовании.

На этапе перерастания капитализма в монополистическую стадию США стали играть соответствующую роль в мировой империалистической политике. На рубеже веков оправдалось научное предвидение К. Маркса и Ф. Энгельса: США вышли на мировую арену и повели борьбу с европейскими соперниками за рынки сырья и сбыта, сферы приложения капиталов [74]. Если в последние десятилетия XIX в. США стремились главным образом закрепить за собой территории Нового Света, вытесняя европейские державы с Американского континента, то к началу XX в. их взоры и войска уже устремились за пределы Америки — на Азиатское

[70] Подробнее о Вашингтонской конференции см.: *Ryden G. H.* The Foreign Policy of the United States in Relation to Samoà. New Haven, 1933, ch. 10.
[71] Congressional Record, vol. 20, pt 2, p. 1119.
[72] *Campbell Ch. S.* Op. cit., p. 83.
[73] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 28, с. 669.
[74] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 304—305; т. 22, с. 347.

побережье и к островам Тихого океана. При этом США, где могли, использовали традиционные буржуазные методы внешней политики, применявшиеся империалистами Европы, а там, где встречали значительное противодействие со стороны сильных в это время европейских соперников, выдвигали, ссылаясь на приверженность принципам равноправия и т. п., концептуально новые подходы, выгодные прежде всего для империализма США доктрины «открытых дверей» и «дипломатии доллара».

5. ИДЕОЛОГИЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ

В последние десятилетия XIX в. в США складывается идеология экспансионизма, отразившая агрессивные устремления формирующегося американского империализма. Она получила разностороннее выражение в истории, социологии, политэкономии, теологии и т. п. Влиятельные круги пытались навязать ее широким массам.

Экспансионистская идеология в США имела глубокие истоки. Беспрецедентная экспансия, продолжавшаяся на протяжении жизни многих поколений (с 1776 по 1900 г. территория США увеличилась в 10 раз), и связанные с нею особенности социально-экономического и политического развития породили устойчивые иллюзии об американской «исключительности».

Различные социальные слои американского общества связывали с экспансией разрешение многих общественных коллизий, осуществление религиозных, социальных и политических идеалов. Колосальные ресурсы страны, более легкий доступ к земле, более высокая заработная плата, более подвижные, чем в Европе, классовые разграничения (не говоря уже об отсутствии сословных барьеров), казалось, служили подтверждением оптимистических надежд. Эти действительно имевшие место особенности исторического развития США способствовали формированию демократических традиций американского народа; в то же время они получили извращенную трактовку в националистических и экспансионистских теориях доимпериалистической эпохи, стали ферментом для мифов о национальной избранности, воплотившихся в доктрину «предопределения судьбы» [75].

Однако понимание «предопределения судьбы» менялось. В колониальный период преобладала теологическая трактовка. Во времена основания Плимута и Джеймстауна переселенцам из Европы Америка представлялась «землей обетованной», «Новым Ханааном»; мысль о том, что американцы находятся под особым покровительством бога, встречается еще в ранних пуританских хрониках. Начиная с войны за независимость на первый план выдвигается концепция политического «предопределения судьбы». Принципы буржуазной свободы и демократии, провозглашенные Американской революцией, несомненно, имели большое значение; в первой половине XIX в. США являлись единственной в мире крупной буржуазной республикой. Эти и другие особенности политического развития,

---

[75] Термин «предопределение судьбы» (Manifest Destiny) был введен в оборот журналистом Дж. О'Салливэном в 1845 г., обосновавшим необходимость аннексии Техаса.

завоевания в области буржуазной демократии породили иллюзии о коренном отличии американских политических учреждений от европейских, новую пищу получила теория «исключительности» американского пути. Теперь «предопределение судьбы» выступало в различных толкованиях: ассимиляции политически отсталых народов (прежде всего по отношению к индейцам), политическое тяготение (по отношению к Кубе). В первой половине XIX в. получила широкое распространение доктрина «избранного народа», призванного нести демократию в другие страны.

С приближением эпохи империализма и утверждением всевластия монополий теория уникальности американской демократии, ее превосходства над европейскими государственными системами все более теряла под собой почву. Но она продолжала жить. В массах американского народа, выступавших против вопиющих социальных несправедливостей в стране, еще сохранялась как пережиток прошедшей эпохи наивная вера в «исключительность» его национальной судьбы, в отличие пути, по которому суждено идти Америке. Известный французский общественный деятель Пьер де Кубертен проницательно писал: «На другом берегу океана сформировалось общество, которое после всего стало напоминать общество Старого Света». Тем не менее у этого общества, продолжал он, «есть моральная амбиция обогнать старый мир с точки зрения социальной и политической организации и служить ему образцом» [76].

Другим важнейшим идейным источником экспансионистской идеологии стал расизм. Исторические особенности развития американского капитализма, связанные с истребительными войнами против индейцев, стимулировали его распространение. Еще в ранний колониальный период появились ростки концепции дара высшей цивилизации «младшим братьям», «народам, погруженным во тьму». Рабство негров, бывшее на протяжении почти 250 лет проклятием Америки и оставившее столь глубокий след на теле США, отразилось и на развитии общественной мысли. Оправдание рабства негров явилось важной причиной возникновения американского расизма. В конце XIX в. расизм получил биологическое обоснование на почве искаженных или предвзято истолкованных данных науки (прежде всего антропологии). В это время он приобрел также внешнеполитическую направленность, служил обоснованием колониальных захватов.

Идеология империалистической экспансии в США имела не только американские идейные истоки: ряд реакционных теорий был заимствован из Европы и приспособлен к местным условиям. Особенно глубокое влияние оказала германистская концепция в европейской историографии, в которой англосаксонское направление американской буржуазной исторической мысли нашло готовую и тщательно разработанную аргументацию тезиса о «политическом превосходстве англосаксов». Эти идеи вошли в американскую историографию прежде всего под влиянием малогерманского направления Зибеля—Трейчке. Большое воздействие на формирование англосаксонской школы в США оказали также английские историки Э. Фримен, У. Стеббс, Дж. Грин. С помощью «сравнительной политики» Фримен рассматривал политические институты вне вызвавших их к жизни социально-экономических условий и объяснял сходные черты полити-

---

[76] Цит. по: *Шлепаков А. Н.* Биография статуи Свободы. М., 1969, с. 50.

ческого устройства государств, существовавших в различные исторические эпохи, расовой общностью.

Представители англосаксонской школы в США утверждали, что только народы арийской расы создали совершенные конституционные учреждения; «тевтонское политическое наследие», заявляли они, англосаксы перенесли в V в. в Англию, а затем английские колонисты-пуритане — в Северную Америку. Центром нового направления стал университет Джонса Гопкинса в Балтиморе, а его энергичным пропагандистом — Г. Б. Адамс.

Обращение англосаксонской школы к германистской теории и «сравнительной политике» было во многом продиктовано желанием найти в глубине веков дополнительное обоснование «исключительности» американской буржуазной демократии. Группа историков этой школы пошла еще дальше. Она провозгласила «право» и «обязанность» США распространить конституционные учреждения англосаксонского происхождения за пределы страны и даже на весь мир.

В работах видного историка Дж. Фиске была предпринята попытка с позиций методологии англосаксонской школы проследить происхождение и развитие американских политических институтов. «В самом глубоком и широком смысле слова,— писал Фиске,— американская история началась не с Декларации независимости и даже не с основания Джеймстауна или Плимута. Она восходит к тем дням, когда отважный Арминий в лесах Северной Германии разбил легионы Римской империи» [77]. Под углом зрения эволюции так называемых англосаксонских политических принципов были рассмотрены важнейшие события истории США и провозглашено улучшение в Новом Свете староанглийской политической модели. Сконструированная генеалогия американских политических институтов служила экспозицией к обоснованию политического превосходства англосаксов над другими народами и провозглашению миссии США в политическом обновлении мира.

Экспансионистское кредо Фиске наиболее полно выражено в лекции «Предопределение судьбы англосаксонской расы», которая, до того как стала одной из глав в работе «Американские политические идеи» (1885), была прочитана в США 45 раз. Фиске вспоминал, что особый успех лекции-«вечера́» имели у сенаторов и членов Верховного суда; был он также принят президентом США, прослышавшим об этих «чудесных лекциях» [78]. Обосновывая притязания США, Фиске апеллировал прежде всего к мнимым преимуществам американской политической системы. Нередко он прибегал к доводам о «передовой промышленной цивилизации Нового Света» и выражал уверенность в близости того дня, когда американская система распространится «от полюса до полюса» и на «обоих полушариях» будут господствовать «охотники за долларами» [79].

В 1890 г. вышла работа Дж. Барджесса «Политическая наука и сравнительное конституционное право», в которой доминировала идея о том, что политическая организация государств определяется этническим характером населения. В соответствии с этим Барджесс относил арийские народы к «политическим нациям», а неарийские — к «неполитическим».

---

[77] *Fiske J.* American Political Ideas. N. Y.. 1885, p. 17.
[78] The Letters of John Fiske / Ed. by E. F. Fiske. N. Y., 1940, p. 431.
[79] *Fiske J.* Op. cit., p. 143—152.

Тевтонцы, заявлял он, распространили свою политическую систему на Англию и США. Теперь стоит задача распространить ее на весь мир. «Развитые народы,— писал Барджесс,— обязаны не только ответить на призыв отсталых народов о помощи и руководстве, но также и заставить эти народы подчиниться, применив, если потребуется, любые средства»[80]. На рубеже XX в. Барджесс сформулировал обширную программу империалистической экспансии США, включавшую протекторат США над Южной Америкой, островами Тихого океана и Восточной Азией.

Идеи Барджесса явились крайним расистским выражением доктрины превосходства англосаксов. В течение многих лет Барджесс был профессором крупнейшего в стране Колумбийского университета и основателем факультета политических наук, тысячи студентов приобщались к его идеям. Нельзя не согласиться с американским исследователем Дж. Праттом, писавшим в 1936 г., что многие идеи Барджесса могут быть восприняты как принадлежащие правителям «третьего рейха»[81].

Следует отметить, что историки англосаксонской школы выступали как реакционеры и в области внутренней политики. Еще Фримен во время одного из визитов в Америку предложил свой способ «разрешения» национального вопроса в США. По мнению этого английского «либерала», Америка достигнет величия при условии, если «каждый ирландец в США убьет по одному негру и будет, в свою очередь, за это повешен»[82]. Фиске, будучи в 90-х годах президентом Лиги по ограничению иммиграции, требовал удаления из США славянских и итальянских иммигрантов. Барджесс также выступал за ограничение въезда в США «неполноценных арийцев», утверждая, что усиление забастовочного движения в США — дело рук иммигрантов, не привыкших к законам англосаксонской расы.

Другая влиятельная экспансионистская концепция — теологическая трактовка «предопределения судьбы» США — продолжала длительную традицию американского протестантского миссионерства, кальвинистской убежденности в «избранности» Америки. В конце XIX в. религиозное «предопределение судьбы» было приспособлено к новым условиям, с тем чтобы попытаться дать ответ на жгучие социальные вопросы времени. Особую роль сыграл Дж. Стронг — протестантский миссионер и социальный реформатор, соединивший проповедь христианской миссии с апологией англосаксонского расизма. Его книга «Наша страна: ее возможное будущее и ее настоящий кризис» (1885) стала бестселлером 80-х годов.

Стронг подчеркнул остроту социальных антагонизмов американского общества, яркими красками изобразил «крайнее богатство и крайнюю бедность»[83]. Панацею он видел в умеряющем воздействии христианской морали и смягчении неограниченного индивидуализма. Сам Стронг принял активное участие в реформаторском движении социального христианства. Но главным средством разрешения внутренних трудностей Стронг считал широкую внешнюю экспансию, которая сплотит американский народ вокруг новых целей и идеалов.

---

[80] *Burgess J.* Political Science and Comparative Constitutional Law: Vol. 1, 2. Boston; London, 1890, vol. 1, p. 47—48.
[81] *Pratt J.* Expansionists of 1898. N. Y., 1951, p. 8.
[82] Цит. по: *Kraus M.* The Writing of American History. Norman, 1953, p. 191.
[83] *Strong J.* Our Country: Its Possible Future and Its Present Crisis. Cambridge (Mass.), 1963, p. 151.

Экспансионизм был составной частью провозглашенной Стронгом миссии Соединенных Штатов христианизировать мир, но гораздо большее место занимали в системе его аргументации доводы нерелигиозного характера. Стронг широко использовал расистские утверждения о политическом превосходстве англосаксов над другими народами, соединив их с социал-дарвинизмом. В качестве позитивного момента Стронг отмечал способность англосаксов «делать деньги». Ранее других экспансионистов он подчеркнул связь между «волей провидения» и интересами бизнеса. Необходимость экспансии Стронг мотивировал возросшей мощью американской промышленности. Он четко формулировал мысль, что неудача в овладении новыми рынками может привести к революционным потрясениям, ибо в городах США «содержится достаточно социального динамита» [84].

Перечислив доводы в пользу экспансии, Стронг следующими словами рисовал завтрашний день англосаксов: «Эта раса, обладающая уникальной энергией, наиболее многочисленная и богатая, носительница великих свобод, чистого христианства и наивысшей цивилизации, развив в себе необходимые для распространения своих институтов агрессивные черты двинется по всей земле. Если я правильно предсказываю, эта могущественная раса продвинется в Мексику, Центральную и Южную Америку, на острова в океане, а затем в Африку и дальше» [85].

Стронг оказал многостороннее влияние на формирование экспансионистской идеологии в США. Его идеи стимулировали активность миссионеров-экспансионистов. К числу известных последователей Стронга принадлежали Л. Эббот, Ф. Кларк, Д. Смит, Дж. Бэрроуз. Общая атмосфера в США способствовала усилению деятельности американских миссионеров в странах Дальнего Востока, расчищавшей путь для экономического и политического проникновения.

Непосредственное и глубокое влияние на формирование идеологии экспансионизма оказала теория «границы» [86] Ф. Тернера. Концепция Тернера носила противоречивый характер. Он одним из первых американских историков привлек внимание к особенностям исторического развития США и поставил в центре исследования вопросы социально-экономические. В то же время он не дал их научного разрешения. Выдвинув процесс колонизации западных земель США как определяющую силу американской истории, Тернер тем самым истолковал важную особенность исторического развития страны как ее «исключительность» [87].

Обострение социальных противоречий в США в конце XIX в. Тернер объяснял исчерпанием фонда «свободных» земель. Логическим политическим выводом из теории «границы» было провозглашение внешнеполитической экспансии одним из основных условий дальнейшего развития США, обеспечивающим разрешение социально-экономических проблем и бесперебойное функционирование политических институтов.

К захватам призывали не только политические выводы теории «границы»; этими идеями были пронизаны и отдельные звенья концепции

---

[84] *Strong J.* Expansion Under New World Conditions. N. Y., 1900, p. 91.
[85] *Strong J.* Our Country, p. 214.
[86] «Границей» (frontier) Тернер называл передовую черту белых поселений, образовывавшуюся в ходе колонизации Запада.
[87] *Ефимов А. В.* «Свободные земли» Америки и историческая концепция Ф. Д. Тернера.— В кн.: Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957; *Болховитинов Н. Н.* О роли «подвижной границы» в истории США.— Вопр. истории, 1962, № 9.

Тернера. Романтизированная фигура американского пионера подавалась им в ракурсе покорителя континента. Он воспевал «агрессивную бодрость пионера», «топор и винчестер» как символы завоевания. Взглядам Тернера был совсем не чужд англосаксонский расизм. Вся теория «границы» молчаливо исходила из постулата, что индейцы являются «низшей расой», обреченной на истребление и вымирание.

Теория «границы» получила широкое отражение в литературе, обошла университеты, была подхвачена политическими деятелями различных направлений. Важной причиной такого успеха был национальный американский характер концепции Тернера. Другая причина ее популярности — опора на мечту о свободной земле. Гипертрофировав отдельные стороны американского общественного развития, Тернер дал историческое обоснование агрессивной внешней политики США на рубеже XX в. Солдаты империалистической эпохи выступали как наследники пионеров освоения американского Запада.

В трактовке Тернера империалистическая экспансия изображалась «экспансией свободы», необходимой для поддержания демократии и распространения ее за пределы страны. В экономическом плане концепция была обращена не только к представителям бизнеса, объяснявшим кризисы сокращением площади «свободных» земель и необходимостью новых рынков сбыта. Тернер апеллировал также к демократическим элементам, которые выступали с позиций laissez faire против всесильных трестов. Если основой свободной конкуренции является, по Тернеру, наличие неосвоенных земель, а их исчезновение порождает упадок свободного предпринимательства и рост трестов, то вывод напрашивался один: необходимо дальнейшее территориальное расширение. И эта теория нашла известное число сторонников среди фермеров [88]. Сам Тернер в середине 90-х годов выступил с требованием энергичной заморской экспансии [89].

Создателем концепции маринизма, одним из главных разрушителей американского изоляционизма, автором многочисленных статей на злободневные политические темы был А. Мэхэн — несомненно, влиятельный идеолог экспансии на рубеже XX в., соединивший ее теорию и практику. Центральная идея всех сочинений Мэхэна, и прежде всего книги «Влияние морской силы на историю, 1660—1783» (1890),— решающая роль морской мощи в истории. Эту мысль он старался обосновать на опыте морских войн XVII—XVIII вв. и создания британской колониальной империи. При этом попытки установить непосредственную связь между географическим положением государства, «характером народа» и морским могуществом в отрыве от экономической и социальной организации общества роднят идеи Мэхэна с позднейшей геополитикой.

Мэхэн не скрывал прагматического характера обращения к английской истории и прилагал ее уроки к решению внешнеполитических задач США. Он ставил целью доказать, что Соединенным Штатам необходим большой флот. Все виднейшие теоретики экспансии исходили из необходимости решить социальные и экономические проблемы, стоящие перед США, но ни у кого мотивы «экономической целесообразности» империалистических захватов не выступали столь откровенно и грубо, как

---

[88] *Williams W. A.* The Roots of Modern American Empire. N. Y., 1969.
[89] *Turner F. J.* The Frontier in American History. N. Y., 1921, p. 219.

у Мэхэна. Он откровенно заявлял, что выполнению этих задач в первую очередь подчинена его морская философия.

Мэхэн был не только теоретиком империалистической экспансии, но и империалистом-практиком. В многочисленных статьях, публиковавшихся с начала 90-х годов, им была набросана конкретная политико-стратегическая программа экспансии. К ее основным моментам, помимо строительства большого флота, относился захват колоний в различных частях земного шара, создание морских баз, отмена законов, ограничивающих финансирование программы вооружений, и, наконец, воспитание всей нации в экспансионистском духе. Мэхэн особо подчеркивал необходимость захвата Гавайских и Филиппинских островов на пути США к Восточной Азии и установления господства в странах Карибского бассейна для подчинения Латинской Америки. В ряду концепций, оправдывавших экспансию США, большое внимание Мэхэн уделял доктрине Монро. Вместе с Т. Рузвельтом (а иногда и предваряя его) Мэхэн дал новое толкование доктрине, превращая ее в средство оправдания интервенции США не только в Латинской Америке, но даже за пределами Американского континента.

Влияние Мэхэна трудно переоценить. Американский историк Ч. Бирд назвал его «наиболее успешным пропагандистом в истории США»[90]. Его аргументы цитировались конгрессменами, их использовали публицисты. Особенно сильно было влияние Мэхэна на видных политических деятелей из кружка Т. Рузвельта, Г. Лоджа, Дж. Хэя, Б. Адамса, а через них — на осуществление внешней политики США. Как остроумно заметил американский историк У. Лафебер, «в отличие от Тернера, Стронга и Адамса, его (Мэхэна.— *Авт.*) влияние на американскую внешнюю политику может быть измерено в таких зримых величинах, как 15-тысячетонные морские суда»[91]. Действительно, к 1905 г. военно-морской флот США занимал одно из первых мест в мире.

Все эти экспансионистские концепции оказали глубокое влияние на американскую общественную мысль, причем каждая имела специфическую направленность. Доктрина «превосходства» англосаксов обращалась к живучим иллюзиям о США как стране передовой демократии и расистским предрассудкам; теологическая апология экспансии поддерживалась верой многих американских протестантов в религиозное «предопределение» США; теория «границы», переосмысливая демократическую мифологию, возникшую в вековой борьбе за «свободную» землю, создавала широкую идейную базу для экспансионизма; доктрина «морской мощи» оказала воздействие на военно-политические круги.

Пропаганда экспансионизма была целеустремленной, многосторонней и отличалась определенной гибкостью. Идеи, изложенные в фундаментальных трудах, преподносились в «облегченных», популярных вариантах, а также с университетских кафедр и церковных амвонов, в их распространении большую роль сыграла периодическая печать. Публицисты, социологи, экономисты (Ч. Денби, Дж. Проктор, Ч. Коннант, Дж. Баррет и многие другие), отправляясь от ведущих экспансионистских доктрин, формулировали направления и конкретные методы американской экспансии, прежде всего в странах Латинской Америки и Дальнего Во-

---

[90] *Beard Ch. A.* A Foreign Policy for America. N. Y., 1940, p. 39.
[91] *La Feber W.* Op. cit., p. 94.

стока. Особенно одиозна роль «желтой прессы» Херста и Пулитцера, которая, играя на гуманных чувствах американского народа по отношению к кубинцам, восставшим против колониального произвола Испании, разжигала военную истерию в стране.

Экспансионистские идеи были развиты и использованы широким кругом политических деятелей, военных, дипломатов, в центре которого находилась группа Т. Рузвельта — Г. Лоджа. Они соединили пропаганду экспансионистских идей с практическим проведением агрессивной внешней политики и формулировали имериалистические концепции, дав новое истолкование доктрине Монро, подготовив провозглашение доктрины «открытых дверей», и развязали первую в мире империалистическую войну — испано-американскую.

Внешнеполитическая идеология империалистической буржуазии США на пороге XX в. необычайно выпукло отразила путь американского капитализма за 100 с небольшим лет. Из прогрессивных теорий передовых представителей буржуазии было выхолощено гуманистическое содержание. От идей народного суверенитета, закрепленных в Декларации независимости, США перешли к навязыванию другим народам колониального управления, от провозглашенных просветителями принципов равенства — к апологии неравенства народов и рас, от демократического изоляционизма — к империалистическому интервенционизму.

II
НАЧАЛО ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА (1898—1914)

Глава седьмая
ИСПАНО-АМЕРИКАНСКАЯ ВОЙНА 1898 г.

Закончилась гражданская война 1861—1865 гг. В развитии страны появились новые черты. В последнее десятилетие XIX в. Соединенные Штаты вступили на империалистический путь развития, которое шло очень быстро. Экспансионизм, издавна свойственный внешней политике США, вбирал в себя идеи расизма, социального дарвинизма, геополитические теории, интерпретируя в самом расширительном духе доктрину Монро. Захват Гавайских островов в 1893 г. был заявкой на создание собственной колониальной империи. Но мир был уже поделен. Куда ни обращался взор экспансионистов, они видели мощных соперников в лице старых колониальных держав, которые не были склонны допустить американцев в свои владения или сферы влияния. Вооруженные силы США не могли вступить в единоборство с силами главных европейских держав. Не разделяло идей колониализма большинство американского народа. Не было готово к отчаянным авантюрам правительство, которое колебалось ставить на рассмотрение конгресса вопрос о присоединении Гавайских островов.

Прошло пять лет. Дальнейшее движение Соединенных Штатов по пути империалистического развития, связанная с этим активность экспансионистов, рост их влияния на членов правительства и конгресса, поддержка заинтересованными монополистическими кругами, значительное усиление флота и удачно сложившаяся внешнеполитическая ситуация определили вступление США в войну. Она оказала огромное воздействие на их собственную судьбу, на судьбы других стран, на характер международных отношений.

24 февраля 1895 г. кубинцы восстали против колониального ига Испании. Организатором восстания была Кубинская революционная партия, возглавляемая пламенным кубинским патриотом Хосе Марти. Ни карательные экспедиции многотысячной испанской армии, ни гибель Марти 19 мая 1895 г. в бою у Дос-Риос не сломили сил и духа восставших, продолжавших борьбу под руководством военных командиров Масимо Гомеса и его помощника Антонио Масео.

События на Кубе и англо-венесуэльский конфликт 1895—1896 гг. дали Соединенным Штатам повод заявить о заинтересованности в делах Латинской Америки (доктрина Олни), тем более соблазнительный, что Испания переживала глубокий упадок, была слаба в военном и экономи-

ческом отношениях, связана подавлением восстания на Кубе. Перед США открывалась возможность без особого риска установить над островом свое господство. Искали предлога.

Генерал-капитану Кубы Мартинесу Кампосу не удалось подавить восстание. Испанское правительство заменило его генералом Валериано Вейлером. 10 февраля 1896 г. он высадился на Кубе с большими подкреплениями. С этого дня на население острова обрушился жестокий террор. Каждого повстанца, оказавшегося в руках противника, ожидала смерть. Десятки тысяч мирных жителей, включая женщин и детей, были согнаны в концентрационные лагеря, где гибли от голода, эпидемий и бесчеловечного обращения. Вейлер уничтожил треть населения острова. Многие в Соединенных Штатах сочувствовали делу кубинцев, возмущались зверствами испанских карателей. Используя эти настроения, империалистические круги США всеми способами внушали своим согражданам и всему миру, что возможное, даже необходимое, американское вмешательство в конфликт на Кубе будет продиктовано прежде всего заботой спасти соседей от «мясника Вейлера». В действительности их заботы были иными.

К концу XIX в. американские коммерческие компании и банки почти полностью контролировали главную отрасль хозяйства Кубы — производство и экспорт сахара-сырца, а также (в большой степени) вторую по значению отрасль хозяйства — табачную промышленность. Американцам на Кубе принадлежали сахарные заводы, плантации, сигарные фабрики, железные дороги, рудники, торговые предприятия, финансовые учреждения и т. д. Таможенная политика Испании, пытавшейся защитить свои интересы на острове от вторжения туда американского капитала, наносила ему ущерб и вызывала ярость заинтересованных кругов в США, которые выступали главными вдохновителями антииспанской кампании, стимулировали и поддерживали пропагандистов экспансии. Неудивительно поэтому, что в призывах к вмешательству были и требования защиты американских капиталовложений на Кубе от разрушительной и разоряющей политики Вейлера. Не только капиталовложений, но и самой безопасности Соединенных Штатов: Куба — близкий сосед, ключ к Карибскому морю; нестабильность положения на острове может привлечь туда европейские державы, а следовательно, вылиться в угрозу для США, для всего Западного полушария. Так маскировалось еще одно стремление империалистов — превратить Кубу в плацдарм экспансии США, прежде всего в Латинскую Америку.

Иначе говоря, создавшееся положение на Кубе не только могло служить Соединенным Штатам предлогом для вмешательства, но и давало возможность представить свою вооруженную интервенцию в достаточно благовидном свете, скрывавшем подлинные цели.

Тем не менее Соединенные Штаты все еще не осмеливались на решительные шаги. Требовалось время, чтобы демократы и республиканцы объединились в решении «кубинского вопроса». Это связывало руки президента-демократа Кливленда. Армия США не была готова к войне против испанских ветеранов. Набор волонтеров требовал времени и дальнейшего подогревания антииспанских настроений. Можно было предполагать противодействие европейских держав, с тревогой смотревших на рост экономического могущества и экспансионистские устремления США. Какое-то время казалось, что Вейлер будет удачливей Кампоса. Хосе Марти,

а после его смерти Антонио Масео и некоторые другие руководители восстания были против вмешательства США. Они знали о планах американских экспансионистов, предвидели опасность, хотели добиться независимости своей страны собственными силами.

Война на Кубе затягивалась. В Соединенных Штатах круги, заинтересованные в отторжении острова у Испании, усиливали антииспанскую кампанию. Она давала плоды, тем более что жестокость Вейлера возрастала, а всякая предпринимательская и коммерческая деятельность на острове замерла.

В августе 1896 г. вспыхнуло восстание еще в одном испанском колониальном владении, на Филиппинских островах. Испания изнемогала, разбрасывая силы от Антлантического до Тихого океана за тысячи километров от метрополии.

В ноябре 1896 г. президентом США был избран республиканец Мак-кинли, чья предвыборная программа включала в качестве главной задачи энергичную и решительную политику в кубинском вопросе. Экспансионисты требовали немедленного объявления войны Испании.

В декабре погиб в сражении А. Масео. Эту трагическую для кубинцев утрату проамерикански настроенный официальный представитель Кубы в США Эстрада Пальма использовал, чтобы ослабить в своей стране позиции противников военного сотрудничества с Вашингтоном. Все более проамериканской становилась позиция Великобритании в кубинском вопросе. Лондон хотел обеспечить этим свой тыл на случай столкновения с европейскими соперниками, отношения с которыми, особенно с Германией, были весьма натянутыми. Закаленная армия Кубинской республики сковала противника в наиболее крупных городах. За их пределами власть находилась в руках Временного кубинского правительства. Иначе говоря, условия для американского вмешательства в войну кубинцев против Испании становились все более благоприятными.

У правительства США были основания надеяться, что оно сможет добиться многого давлением и угрозами, одновременно готовясь к войне, чтобы армия и флот могли сказать последнее слово. Дипломатические представители США в Мадриде делали испанскому правительству вызывающие и оскорбительные демарши. Флибустьеры проникали на Кубу, где участвовали в боях на стороне кубинцев или снабжали их оружием. Неподалеку от Кубы курсировали военные корабли США. Американская пресса провоцировала и подогревала военную истерию.

Испания, переживая экономические трудности, усугубляемые политической борьбой между либералами и консерваторами, стояла на грани открытого народного возмущения политикой правительства. Перед лицом провалов на Кубе и Филиппинах она шла на все более существенные уступки. В конце 1897 г. с Кубы был отозван Вейлер. Предоставленную Кубе автономию не признали ни кубинцы, ни Соединенные Штаты. Военные действия на острове продолжались. В январе 1898 г. Белый дом направил в Гавану броненосец «Мэн», заявив, что это знак расположения к Испании. На деле это был провокационный вызов.

США рассчитывали, что терпение испанского правительства иссякнет и оно, спасая свое лицо, сделает шаг, снимающий с США ответственность за «вынужденную» военную акцию. Белый дом спешил. Он не желал допустить полного освобождения острова силами патриотов, революционное

правительство которых в Вашингтоне не признавали все годы борьбы кубинцев за независимость.

Испания не приняла вызова и допустила «Мэн» на рейд Гаваны. Тогда последовала новая провокация. В начале февраля 1898 г. было выкрадено частное письмо испанского посла Дюпуи де Лома, содержавшее нелестную характеристику Маккинли. Письмо опубликовали и использовали как повод к разжиганию в США шовинистических настроений. Посол подал в отставку. Правительство в Мадриде, чтобы охладить страсти, приняло ее.

Прошло несколько дней. 15 февраля жители Гаваны услышали сильный взрыв. «Мэн» накренился и пошел ко дну со всей командой. Причины взрыва были неясны, но с первым известием о трагедии лозунгом пропаганды войны в Соединенных Штатах сделался девиз «Помни „Мэн“!». Американская комиссия, допущенная испанцами для расследования, заявила о виновности испанцев [1]. Испано-американская война стала неизбежной.

В США завершились военные приготовления. 19 апреля конгресс принял резолюцию, требующую от Испании немедленно отказаться от власти над Кубой [2]. Два дня спустя Испания отвергла ультиматум. Президент США отдал приказ о блокаде острова. 23 апреля Испания объявила войну Соединенным Штатам, которые 25 апреля объявили войну Испании. Последняя пыталась заручиться поддержкой континентальных европейских держав, однако ни одна из них не согласилась участвовать в заведомо проигранном деле.

Война была объявлена, у берегов Кубы крейсировала Атлантическая эскадра американского флота, но высадка войск на остров задерживалась. Оказалось, что, начиная войну, США несколько поспешили. Волонтерские части еще формировались, не была налажена координация их действий с частями регулярной армии и флотом, в местах сосредоточения войск царила неразбериха, вспыхивали эпидемии. Те, кто сочувствовал Испании, надеялись, что выигранное время поможет ей собраться с силами, найти союзника или договориться с кубинцами. Но 1 мая 1898 г. под покровом темноты американская Тихоокеанская эскадра адмирала Дж. Дьюи ворвалась в бухту Манилы (столица Филиппин) и пустила на дно стоявший там испанский флот адмирала Монтехо. При этом американцы не потеряли ни одного человека и обеспечили контроль над морскими коммуникациями во всем районе Филиппинского архипелага. Положение испанского гарнизона Манилы, осажденного с суши филиппинскими повстанцами, а с моря американскими кораблями, было безнадежным. Правительство недавно провозглашенной Филиппинской республики считало, что недалек час, когда оно приступит к управлению своей страной.

Неожиданные действия США в Тихом океане насторожили тех, кто поддался пропаганде американской прессы и заявлениям Белого дома о том, что война ведется ради освобождения Кубы. Что́ означали эти действия, хорошо понимали империалистические соперники США. Спохва-

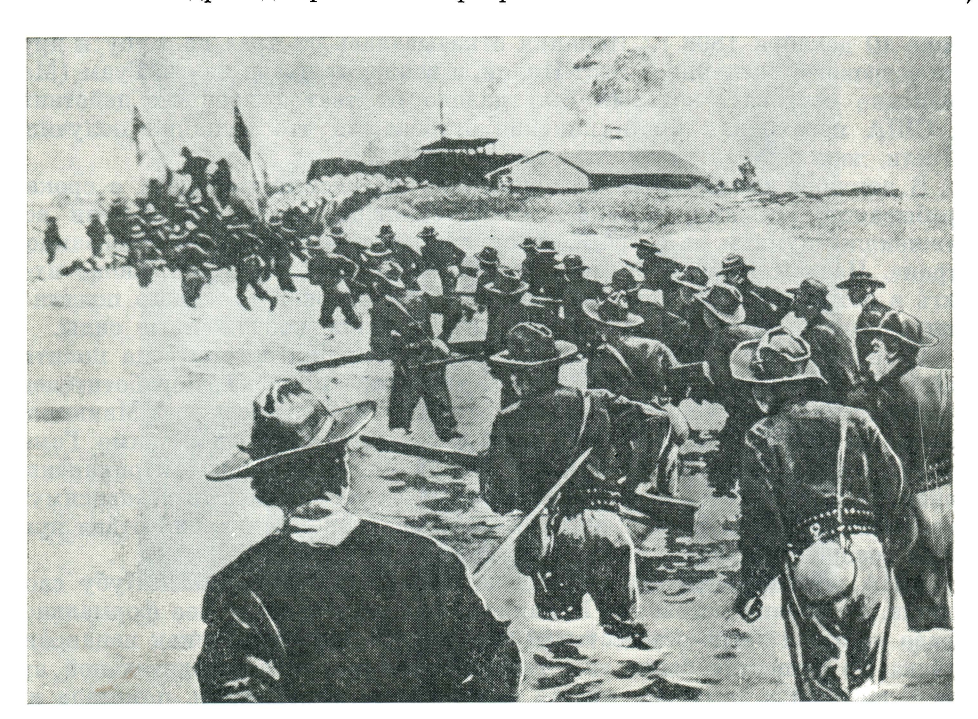
---

[1] Многие тогда считали (и многие считают сейчас), что расследование было пристрастным, а катастрофа — результат взрыва котла от недосмотра или, может быть, была подстроена самими американцами.

[2] Foreign Relations, 1898, p. 740—741.

тившись, Германия послала к Маниле эскадру — формально для посредничества между воюющими сторонами. Посредничества американцы не приняли, а их решительность и силы превосходили немецкие. Последним пришлось ретироваться.

В Вест-Индии испанцы сами ускорили печальную для них развязку. На Кубу незамеченная американскими морскими дозорами прибыла из Испании эскадра адмирала П. Серверы. Она была почти небоеспособна,



ВЫСАДКА АМЕРИКАНСКИХ ВОЙСК НА ФИЛИППИНАХ

но, опираясь на береговые крепости, могла служить охране побережья острова и подкреплением для сухопутных войск, действовавших против кубинцев, а также в случае американского десанта. Неосмотрительно Сервера вывел ее в открытое море, намереваясь перебазировать из Сантьяго, где она стояла под защитой береговых батарей, в Гавану. Американские корабли перехватили испанцев. В бою, происшедшем 3 июля, эскадра Серверы бесславно пошла ко дну. Потери американцев: один убитый и 10 раненых.

Куба оказалась полностью отрезанной от метрополии. Испанские войска на острове, деморализованные своим бессилием в борьбе с патриотами, а также огромными потерями, вызванными эпидемией желтой лихорадки, чувствовали себя в западне. Их командиры уже не помышляли о серьезном сопротивлении. Американцы, наоборот, были воодушевлены морскими победами и взвинчены шовинистической пропагандой. Начатая ими 22 июня робкая высадка неподалеку от Сантьяго развернулась теперь — при самой активной поддержке Кубинской освободительной ар-

мии — в большую десантную операцию, завершившуюся полным окружением города. Кубинские части играли роль авангарда наступавших сил и прикрытием их развертывания. Испанский гарнизон капитулировал. Мадрид признал свое поражение. 12 августа военные действия на острове прекратились. 14-го американские войска и филиппинские повстанцы овладели Манилой. Война закончилась и на этом участке фронта. Начались переговоры о мире.

Мир между Испанией и Соединенными Штатами был подписан в Париже 10 декабря 1898 г.[3] Испания отказывалась от прав на Кубу и другие островные владения в Вест-Индии, а также от права на о-в Гуам (Марианские острова), который был далеко от театра военных действий. К США переходили Филиппинские острова, за что Испания получила 20 млн. долл.

В договоре ни слова не говорилось о независимости Кубы, о сроках пребывания там американских войск, занявших к этому времени все важнейшие пункты на острове. Американцы вели себя как в завоеванной стране. Частям Кубинской освободительной армии было запрещено входить в оставляемые испанцами города. В целях окончательного подчинения острова США решили распустить кубинские вооруженные силы.

Глубокое возмущение кубинской армии и кубинского народа политикой США могло легко вылиться в восстание против новых поработителей. В Вашингтоне были обеспокоены. В январе 1899 г. президент Маккинли послал на остров своего эмиссара. Тот заверил генерала Масимо Гомеса, что вскоре будет отдан приказ об эвакуации с острова американских войск и предоставлена возможность его населению учредить независимую республику. Не без колебаний кубинский главнокомандующий отдал приказ о роспуске армии.

США объявили войну, чтобы иметь основания ввести на Кубу свои войска. Заключив договор с Испанией, они получили от нее формальное право на это и легко осуществили оккупацию острова, так как испанские войска по существу были уже разбиты Кубинской освободительной армией, которая к тому же, считая американцев союзниками, помогала им в окончательном разгроме испанцев. С роспуском кубинских вооруженных сил американская оккупация стала очевидным фактом. Создание Кубинской республики, организация и вся жизнь которой не зависели бы теперь от Соединенных Штатов, сделалось невозможным.

Когда содержание Парижского договора стало известно в Соединенных Штатах, немалая часть американцев была поражена: война, как они считали, за свободу Кубы, оказывается, привела к оккупации острова, а также к созданию американской колониальной империи в Атлантическом и Тихом океанах. Прогрессивная часть американцев осудила такой оборот дела, считая это коварством и забвением того, что сами США возникли в результате антиколониальной революционной войны. Писатель Марк Твен, профессор Ф. Джиддингс, сенатор Р. Петтигру и бывший сенатор Дж. Гендерсон организовали Антиимпериалистическую лигу, которая объединила почти полмиллиона людей самого различного общественного положения. При обсуждении вопроса в конгрессе многие члены выс-

---

[3] Treaties, Conventions, International Acts, Protocols, and Agreements Between the United States of America and Other Powers, 1779—1909, in two volums / Comp. by W. M. Malloy. Wash., 1910. vol. 2. p. 1690.

шего законодательного органа страны горячо и убедительно разоблачали империалистическую направленность договора, его аморальность по отношению к кубинцам и филиппинцам. Экспансионистам, которые разжигали и использовали шовинистические настроения, подогретые упоением легкой победы, удалось одержать верх. Тем не менее 6 февраля 1899 г. договор был ратифицирован конгрессом большинством всего в два голоса. Этого было достаточно, чтобы пуэрториканцы и филиппинцы вновь

ФИЛИППИНЦЫ, ПОГИБШИЕ В БОЮ С ОККУПАНТАМИ

подпали под колониальное иго, а кубинская независимость оказалась под вопросом.

Филиппинский народ не признал американский суверенитет над своей страной. Началась героическая эпопея борьбы против оккупантов, которая продолжалась до 1902 г. Чтобы подавить ее, американцы переняли испанскую систему «концентрации», а в жестокости не уступали «мяснику Вейлеру».

Оккупируя Кубу, США устранили все препятствия для проникновения туда американских капиталов и подчинили своему контролю всю кубинскую экономику. После этого кубинцам разрешили составить конституцию будущей республики и обещали вывести с острова американские войска. 14 февраля 1901 г. кубинское Учредительное собрание одобрило текст конституции. Но 25 февраля в конгресс США сенатором Платтом было внесено предложение, обусловливающее характер будущих отношений между Соединенными Штатами и Кубой. Сессия конгресса заканчивалась. Поэтому предложение Платта было сформулировано как поправка к обсуждаемому вопросу об ассигнованиях на американскую армию и вошло в историю под названием «поправки Платта». Конгресс принял ее 2 марта 1901 г., тогда же она была утверждена президентом.

«Поправка Платта» вошла в силу 22 мая 1903 г., когда был подписан договор США с Кубой [4].

По условиям поправки Соединенные Штаты узурпировали право контроля над внешней политикой Кубы, ей было запрещено заключать договоры с иностранными державами и брать у них займы без санкции американского правительства. США присвоили также право контролировать внутреннюю политику Кубы, поскольку брали на себя полицейские функции по установлению на острове порядка в случае возникновения там волнений, которые американское правительство сочтет нарушающими нормальную жизнь республики и вызывающими необходимость дипломатической или военной интервенции. Куба обязывалась передать в аренду Соединенным Штатам определенные участки территории для создания американских военно-морских баз. Фактически на Кубе устанавливался режим американского протектората. Явочным порядком США захватили лежащий в кубинских прибрежных водах о-в Пинос.

Кубинское Учредительное собрание отказывалось признать правомерность «поправки Платта» как относящейся к кубинской конституции. Тогда Вашингтон пригрозил неограниченным продлением оккупации, что сломило сопротивление членов собрания, не располагавших силами для действенного отпора.

«Поправка Платта» и экономическое господство американского капитала на Кубе превращали страну в полуколонию США. Используя свое влияние, американцы контролировали первые президентские выборы на острове, обеспечив победу Эстрада Пальме, в преданности которого были совершенно уверены. 24 февраля 1902 г. он стал президентом Кубинской республики. 20 мая над страной взвились кубинские флаги. Американские войска покидали остров. Но кубинскому народу, чтобы стать действительно свободным, предстояла еще долгая борьба.

Отняв у Испании Филиппины, Пуэрто-Рико и Гуам, подчинив Кубу, создав собственную колониальную империю, Соединенные Штаты начали передел уже поделенного мира. Для США испано-американская война стала исходным пунктом, от которого они начали бег к политике «большой дубинки» и «дипломатии доллара».

В борьбе за передел мира США столкнулись не только с Испанией, но и с другими империалистическими и колониальными державами. Это столкновение не привело к расширению испано-американской войны, но сильно обострило присущие этим державам противоречия, противоречия конкурентов. Особенно серьезными оказались американо-германские противоречия — наиболее молодых и активных империалистических соперников.

Акция у Манилы не принесла успеха германским империалистам. Однако, воспользовавшись сопротивлением, которое оказывали филиппинцы американским оккупантам, безнадежной слабостью Испании и ее катастрофическим финансовым положением, проявив напористость и лицемерие, Берлину удалось расширить свои колониальные владения. Были куплены у Испании оставшиеся у нее после Парижского мира тихоокеанские владения: о-в Палау, Каролинские и Марианские (исключая Гуам) острова.

---

[4] Ibid., vol. 1, p. 362.

Испано-американская война выявила со всей очевидностью противоречия между империалистическими государствами и народами порабощаемых и закабаляемых стран. Филиппинцы с оружием в руках героически боролись против новых колонизаторов. Кубинцы оказывали сопротивление установлению над островом американского протектората. В обоих случаях неудача борцов за свободу и независимость в немалой степени объяснялась политикой местной компрадорской буржуазии и помещиков, которые пошли на соглашение с империалистами ради своих корыстных классовых интересов.

Так война, начатая Соединенными Штатами якобы ради освобождения и независимости Кубы, явилась одной из «главных исторических вех новой эпохи мировой истории» [5], эпохи империализма.

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 164.

Глава восьмая
ТРЕСТЫ И МОНОПОЛИИ

Победа над Испанией в 1898 г. означала утверждение за Соединенными Штатами статуса колониальной державы, при этом достаточно окрепшей экономически, и наступление нового, XX в. правящие круги отмечали весьма пышно. Особенно отличился Нью-Йорк, финансовый центр страны, который именовался «имперским городом». Однако радужные настроения финансово-промышленных магнатов быстро рассеялись. Уже во второй половине 1900 г.— первой половине 1901 г. обозначилось резкое понижение экономической конъюнктуры. Но особенно значительным оказался финансовый кризис 1901 г., которому предшествовала небывалая спекулятивная горячка: если ранее рекордом считалась продажа 400 тыс. акций в день, то в апреле 1901 г. число проданных за день акций на бирже Уолл-стрит дошло до $3^1/_4$ млн.[1] 9 мая 1901 г. наступил перелом, цены на акции стали катастрофически падать. Американский экономист А. Д. Нойес отмечал, что в какие-нибудь несколько часов большая часть банкиров и промышленников на Уолл-стрит оказалась несостоятельной. А в 1903 г. экономический кризис охватил всю страну.

После недолгой передышки кризис повторился в 1907—1908 гг. и, наконец, в 1913 г., накануне первой мировой войны. Однако из этих кризисов капитализму США еще удавалось выходить сравнительно легко. Стоявшая до 1913 г. у власти республиканская партия во всех политических платформах громко заявляла об улучшении экономической конъюнктуры (несмотря на кризисы) и приписывала успех своему «мудрому» правлению: победоносному завершению войны с Испанией, введению «золотого стандарта» в прошлом, а в настоящем (т. е. в первое десятилетие века) — гибкой внутренней политике в отношении рабочего класса и наступательным акциям за пределами страны (главный пример — захват зоны Панамского канала). Все эти мероприятия проводились в интересах крупного монополистического капитала, превратившегося в США к началу века в ведущую силу экономического, а затем и политического развития. Процесс объединения мелких предприятий в группы и дальнейшая концентрация производства интенсивно продолжались в новом столетии.

Знамением века было создание Дж. П. Морганом гигантского «Стального треста» с капиталом почти 1,5 млрд. долл.[2] О рождении нового треста было объявлено 3 марта 1901 г. (как раз во время спекулятивной горячки на бирже), т. е. в канун вступления Маккинли на пост президента на второй срок. Под контролем этого объединения оказалось $^3/_5$ производства стали всей страны, а поскольку тот, кто владеет производством стали, может диктовать свои условия и железным дорогам и владельцам

---

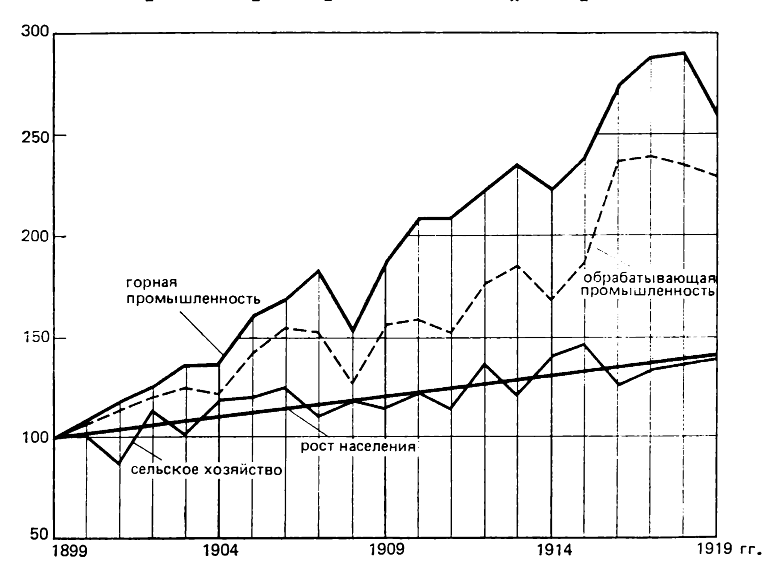
[1] *Noyes A. D.* Forty Years of American Finance. N. Y., 1909, p. 301.

[2] Точная цифра: 1 402 846 817 долл. Решив прибрать к рукам сталелитейную промышленность, Морган заплатил колоссальную сумму Э. Карнеги и Рокфеллеру, предприятия которых влились в «Стальной трест», а кроме них, приобрел еще восемь компаний. См.: *Allen F. L.* The Great Pierpont Morgan. N. Y., 1949, p. 179—180.

предприятий в других отраслях промышленности, то понятно, что влияние моргановской группировки колоссально возросло.

Банкирский «дом Морганов» соперничал с группой Рокфеллера, создателя первой монополии — нефтяного треста «Стандард ойл», представлявшего наиболее яркий пример концентрации производства.

Капиталы, которыми располагали эти две группировки через свои банки, достигли огромных размеров. Банк Рокфеллера «Нэшнл сити бэнк»



ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ США (В %, 1899 Г.=100%)

владел основным капиталом в 25 млн. долл. и распоряжался деньгами своих вкладчиков на сумму 474 млн. долл. Морган контролировал два банка: «Ферст нэшнл бэнк» и «Нэшнл бэнк оф коммерс». Капитал первого достигал также 25 млн. долл., а капиталы его вкладчиков — 630 млн. долл. [3]

Влияние этих гигантских группировок было огромным. Они владели железными дорогами, нефтяными, металлургическими, машиностроительными, автомобильными и пр. концернами и компаниями, распоряжались предприятиями, добывающими руду и уголь, речными пароходствами и т. п. Поистине эти и еще несколько менее сильных монополистических групп (группа Вандербилта и Гарримана, пенсильванская группа, группа Доджа и т. д.) контролировали большую часть добывающей и обрабатывающей промышленности, от них зависело благосостояние тысяч людей.

Эту зависимость — экономическую — можно расценивать как непосредственную и опосредственную: непосредственную зависимость рабочего от работодателя и опосредственную зависимость от банка мелкого вкладчика, заложившего землю или дом. В годы экономических кризисов, как

[3] Очерки новой и новейшей истории США: В 2-х т. М., 1960, т. 1, с. 405.

правило, и рабочие, и мелкие собственники терпели лишения, нужду, ибо теряли работу или сбережения. Разорялись и мелкие промышленные фирмы и банки, а десятки тысяч акционеров лишались вкладов. Так бывало раньше, так было и в кризисные годы начала XX в. Устоять могли лишь мощные монополии, а такие, как Морган и Рокфеллер, располагавшие колоссальными резервами, «поглощали» фирмы, испытывавшие финансовые затруднения. Одним из наиболее ярких примеров такого «поглощения» было приобретение «домом Морганов» (с согласия президента Т. Рузвельта) компании «Теннесси айрон энд стил» во время кризиса 1907—1908 гг.

С развитием монополистического капитализма появляется еще одна характерная черта: возникновение финансового капитала, сращивание банковского капитала с промышленным, их «личная уния», о которой писал В. И. Ленин в труде об империализме [4]. Те же две сильнейшие группы Моргана и Рокфеллера — ярчайшее подтверждение этому. Причем, если Рокфеллеры вошли в ранг финансовых магнатов, начав с организации монополии в промышленности (нефтяной), то Морган действовал иначе — скупал акции промышленных фирм и создавал так называемые держательские компании. Иногда эти операции требовали колоссальных затрат, которые были под силу только Моргану. Так, сделка со стальным королем Э. Карнеги при организации «Стального треста» обошлась свыше 490 млн. долл.

Крупные финансовые монополии могли оперировать огромными, ранее неслыханными суммами в силу того, что распоряжались деньгами акционеров. Сохраняя за собой контрольный пакет акций, финансовые магнаты распространяли мелкие акции среди населения. «Стальной трест» действительно в годы подъема выплачивал своим акционерам высокие дивиденды (до 7%), более мелкие тресты платили значительно меньше.

Вытеснение мелких предприятий корпорациями регистрировалось официальной статистикой, отмечавшей из года в год рост числа банкротств. Если в 1900 г. произошло 10 774 банкротства, то в 1904 г.— 12 199, а в 1908 г. (годы кризиса) — 15 690 банкротств. В 1910 г. промышленная конъюнктура несколько улучшилась: число банкротств упало до 12 652, но в 1913 г. (кризисный год перед войной) достигло 16 036 [5].

Однако на их месте появлялись новые мелкие и средние фирмы. Происходил непрерывный процесс разорения мелких фирм, поглощения их крупными и роста корпораций, а в то же время параллельно шло возникновение мелких капиталистических предприятий, владельцы которых отчаянно боролись за существование. При этом удельный вес промышленной продукции, производимой крупными предприятиями, возрастал также неуклонно, как снижался удельный вес продукции мелких и средних фирм. Если в 1904 г. 71 147 мелких предприятий производили 1,2% промышленной продукции, то в 1914 г., хотя число их возросло до 97 061, удельный вес в выпуске продукции снизился до 1% [6]. То же самое про-

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 337.

[5] Statistical Abstract of the United States, 1914. Wash., 1915, p. 611.

[6] Для сравнения отметим, что за тот же период число крупнейших предприятий с капиталом свыше 1 млн. долл. возросло вдвое — с 1900 до 3819 — и их удельный вес в выпуске продукции увеличился с 38,9 до 48,6%. См.: *Faulkner H. U.* The Decline of Laissez Faire, 1897—1917. N. Y., 1951, p. 418—419. Фолкнер приводит данные по: Statistical Abstract of the United States.

исходило и со средними и более крупными предприятиями: несмотря на некоторое увеличение числа таких фирм, удельный вес их продукции неуклонно снижался.

Как уже отмечалось, в XX в. возросли темпы образования корпорированных предприятий. С 1 января 1899 г. по 1 сентября 1902 г. были созданы 82 крупных треста (включая «Стальной трест», «Амалгамейтед коппер компани», «Американ смелтинг энд рифайнинг компани» и др.); к 1904 г. в США насчитывалось 445 крупных корпораций (промышленных, транспортных, телефонных, страховых и т. п.) с общим капиталом в 20 379 млн. долл.[7] Удельный вес продукции, выпускаемой корпорированными промышленными предприятиями, неуклонно возрастал.

В 1904 г. корпорированные (и акционерные) фирмы, составлявшие 23,6% общего числа всех придпиятий в США, производили 73,7% всей продукции (по стоимости). В 1914 г. цифры соответственно равнялись 28,3 и 83,2%. В то же время доля продукции, выпускаемой индивидуальными владельцами, снизилась с 11,5 до 7,9%. Следует отметить, что в 1914 г. на на предприятиях крупных корпораций работали 80,3% рабочих, занятых в промышленности[8]. При этом характерно, что прибыли монополистических объединений росли из года в год: с 1904 по 1914 г. прибыли корпораций возросли с 4.5 млрд. долл. до 8,09 млрд. (44%). Росла их доля в общей сумме прибылей предприятий (с 71,9 до 81,9%), в то время как доля доходов индивидуальных предпринимателей постоянно снижалась (с 13,1 до 9,1%).

Приведенные данные зарегистрированы официальной статистикой, Более наглядными могут быть такие примеры: в 1900 г. стальной магнат Э. Карнеги получил чистого дохода 23 млн. долл., не обложенных налогом. Для сравнения отметим, что ежегодный доход с недвижимого имущества королевы Виктории (бóльшая доля которого заключалась в доходных домах лондонских трущоб) равнялся примерно 2225 тыс. долл.[9] Такие более чем королевские доходы многие магнаты капитала тратили с «американским размахом». Известно, что Морган пристроил к своему дому в Нью-Йорке роскошно декорированный зал на 2400 человек для свадебного бала дочери. Постройка Рокфеллером загородного особняка неподалеку от Нью-Йорка стоила 2 млн. долл., а содержание имения обходилось ежегодно в 0,5 млн.[10]

За бешеные деньги американские тузы скупали в Европе бесценные произведения искусства: картины, статуи, гобелены, мебель, целые замки. Дж. П. Морган пристрастился к коллекционированию старинных рукописей и редких изданий. Его библиотека в особняке на Мэдисон-авеню (Нью-Йорк) хранила уникальные рукописи, которые он привозил из поездок по Европе. Г. Фрик «специализировался» на полотнах европейских мастеров. Это было своеобразное помещение денег, приобретение собственности, не приносящей процентов на капитал, но никогда не падающей в цене.

После гражданской войны нью-йоркские богачи облюбовали для отдыха живописное местечко на берегу Атлантического океана — Ньюпорт (штат Род-Айленд), рядом с военно-морским колледжем. Строить ньюпортские «коттеджи» Вандербилты, Белмонты и другие миллионеры приглаша-

---

[7] Очерки новой и новейшей истории США, т. 1, с. 403 (по данным Дж. Муди).
[8] Statistical Abstract of the United States, 1921. Wash., 1922, p. 222..
[9] *Allen F. L.* The Big Change. America Transforms Itself, 1900—1950. N. Y., 1952, p. 4,
[10] *Фурсенко А. А.* Династия Рокфеллеров. Л., 1970, с. 100.

ли известных архитекторов Р. М. Ханта, Х. Трамбауэра. Эти коттеджи в стиле французского барокко, итальянского Возрождения или немецкой готики до сих пор привлекают туристов, которым непременно рассказывается о колоссальных затратах хозяев подобных резиденций. В 1896 г. один из предприимчивых бизнесменов построил первый отель близ Майами, на южной оконечности Флориды, вложив в дело свыше 30 млн. долл.[11] Палм-Бич превратился в фешенебельный курорт, американскую Ривьеру, куда приезжали сорить деньгами нью-йоркские, чикагские и прочие финансовые тузы и их отпрыски.

Однако подавляющую часть прибылей мультимиллионеры вкладывали в дальнейшее расширение и усовершенствование предприятий, скупку акций, давление на конкурентов все с той же целью: получения сверхприбыли и завоевания монопольного положения на рынке.

Концентрация промышленности и банков, возвышение отдельных монополистических групп приводили к тому, что в некоторых отраслях «капитанам индустрии» удавалось создать монополию в полном смысле слова. Таково было положение в нефтяной промышленности, где фирма Дж. Д. Рокфеллера «Стандард ойл» сосредоточила в своих руках контроль над 95% добычи нефти и распоряжалась 90% ее экспорта из США[12].

Интересно, что «Стальной трест» Моргана, несмотря на огромный масштаб его деятельности, контролировал «только» половину производства стали. И Морган не стремился к монопольному владению рынком. Его идеей была так называемая «общность интересов»[13], под которой он подразумевал систему личных связей между финансистами, промышленниками, железнодорожными магнатами, но в которой он, Морган, играл бы главную роль. Властолюбивый, жестокий, беспощадный к врагам, но опекавший своих сателлитов, он действительно располагал огромным влиянием на Уолл-стрит, особенно наглядно проявившимся во время экономического кризиса 1907—1908 гг.

После «паники» 1907 г. Морган и Рокфеллер от открытой войны перешли к заключению перемирия и объединенным действиям, согласовывая свои интересы путем покупок или обмена пакетов акций контролируемых ими компаний и введением практики «перекрещивающегося директората»[14]. Специально созданная для расследования их деятельности в 1913 г. комиссия конгресса под председательством Пьюджо опубликовала материалы, изобличавшие связи и махинации этих групп, назвав их «денежным трестом»[15].

Прибыли корпораций были, как мы видели, очень велики, и финансовые магнаты могли позволить себе вкладывать капитал в усовершенствование технического процесса, организацию научных лабораторий, скупку патентов на изобретения.

«Стальной трест» был в особо выгодном положении как предприятие, производящее основу любого производства. Сталь была необходима всем

---

[11] *Furnas J. C.* The Americans. A Social History of the United States, 1587—1914. N. Y., 1969, p. 791.

[12] *Moody J.* The Truth about the Trusts. N. Y., 1904, p. 110.

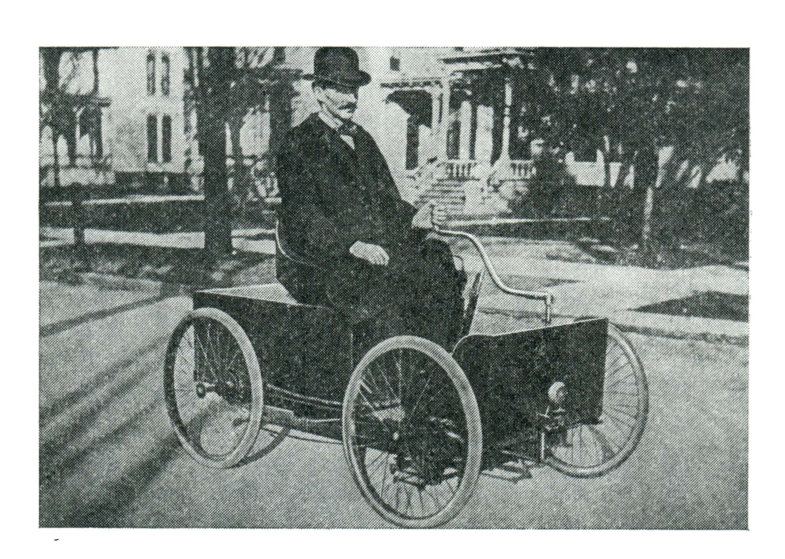
[13] *Корей Л.* Дом Морганов. М., 1933, с. 260.

[14] *Link A. S., Catton W. B.* American Epoch: A History of the United States Since 1900: Vol. 1—3. N. Y., 1973, vol. 1. The Progressive Era and the First World War, 1900—1920, p. 35.

[15] New York Times, 1913, Mar. 1.

отраслям производства: сельскому хозяйству и железным дорогам, строительным компаниям и машиностроительным заводам, угольным шахтам и рудникам и, наконец, новым отраслям промышленности, сделавшим гигантский скачок,— электрической и автомобильной.

Автомобиль в начале века стал завоевывать популярность и входить в быт. Накануне первой мировой войны автомобилестроительная промышленность превратилась в одну из самых перспективных отраслей производства Соединенных Штатов. Ее развитие связано с именем Г. Форда. К 1900 г. в стране существовало 57 фирм, выпускавших автомобили с паровым двигателем. В 1903 г. в Детройте (штат Мичиган) Г. Форд организовал фирму и после ряда опытов с двигателем внутреннего сгорания окончательно приступил к выпуску автомобилей, работавших на бензине. Фирма Форда превратилась в ведущее предприятие по производству автомобилей. К 1913 г. Форд выпускал 1 тыс. машин в день, более 250 тыс. в год, что составляло почти половину общего производства автомобилей в США.



ГЕНРИ ФОРД В СВОЕМ ПЕРВОМ АВТОМОБИЛЕ (1896 Г.)

На заводе Форда впервые применили «систему научной организации производства», автором которой был инженер Ф. Тейлор. Цель системы — максимальное использование рабочей силы, ставка на интенсификацию производства и рост прибылей владельца предприятия за счет беспощадной эксплуатации рабочих, участвующих в производственном процессе.

В первые годы автомобиль стоил дорого и его покупали только состоятельные люди. Форд поставил целью добиться такой организации производства, которая обеспечила бы ему рост доходности предприятия и возможность победы над конкурентами, для чего надо было снизить себестоимость автомобиля, сделать его более доступным для потребителя, т. е. обеспечить широкий рынок. С течением времени Форд действительно снизил стоимость своего автомобиля с 950 до 290 долл. и перешел к

массовому выпуску известной «модели Т» [16]. Этого удалось достичь путем внедрения в 1914 г. движущегося конвейера и стандартизации производства.

В 1908 г. на сцене появился новый конкурент — корпорация «Дженерал моторз», скупившая акции 23 автомобильных компаний. Ядром будущего гиганта американского машиностроения была фирма «Бьюик», последовательно присоединившая к себе (помимо других) фирмы «Понтиак», «Кадиллак» и «Шевроле» (к 1918 г.). Первые годы существования «Дженерал моторз» были не очень успешными, но позднее эта корпорация приобрела огромную мощь, завоевав обширные рынки (в США и в мире) для своей продукции: тепловозов, дизелей, автомобилей, холодильников, впоследствии некоторых видов вооружения и т. д.

Еще быстрее в жизнь Соединенных Штатов, в промышленность и быт входило электричество. Электропровода, телеграфные и телефонные линии связывали между собой целые промышленные районы, административные центры с многочисленными городами и станциями. Облик страны неузнаваемо изменился по сравнению даже с тем, каким он был в конце XIX в., каких-нибудь 15—20 лет назад. Газовое и керосиновое освещение уступило место электрической лампе. Число телефонов в стране перед мировой войной приближалось к 10 млн. (в 1900 г. их насчитывалось всего 13 тыс.) [17].

В развитии городского транспорта электричество сыграло огромную роль. В условиях быстрого темпа общей урбанизации страны, разрастания промышленных центров до огромных размеров и превращения небольших поселков в крупные города проблема перевозки населения внутри этих городов стояла чрезвычайно остро. Достаточно сказать, что к 1900 г. население Нью-Йорка достигло 3437 тыс. человек, Филадельфии — 1294 тыс., Чикаго — 1698 тыс., Бостона — 561 тыс., Сан-Франциско — 343 тыс., Сент-Луиса — 575 тыс., Вашингтона — 279 тыс. Еще большими темпами продолжало расти население городов в XX в. Ценз 1920 г. отметил, что число жителей Нью-Йорка составило 5620 тыс., Чикаго — 2702 тыс., Филадельфии — 1824 тыс., Бостона — 748 тыс., Сан-Франциско — 507 тыс., Сент-Луиса — 773 тыс., Вашингтона — 437 тыс. Стремительно выросли такие города, как Детройт (206 тыс. в 1890 г. и 994 тыс. в 1920 г.) и Лос-Анджелес (соответственно 50 тыс. и 577 тыс.) [18].

Всю эту массу людей, занятых на заводах, фабриках, в конторах, магазинах, учебных заведениях и т. п., надо было обеспечить транспортом. Омнибусы вмещали ограниченное число людей; для содержания лошадей, ухода за ними требовались большой обслуживающий персонал, конюшни, фураж. Конная тяга постепенно заменялась паровой.

В 70-е годы в Нью-Йорке появилась надземная железная дорога, по которой со свистом и грохотом над головами пешеходов летели поезда с небольшими паровыми локомотивами. Чикаго и Бостон в 90-е годы начали строить свои надземные дороги уже с электрическими двигателями. В 1898 г. в Бостоне состоялось открытие первой в США линии подземной железной дороги — метрополитена. В Нью-Йорке строительство под-

---

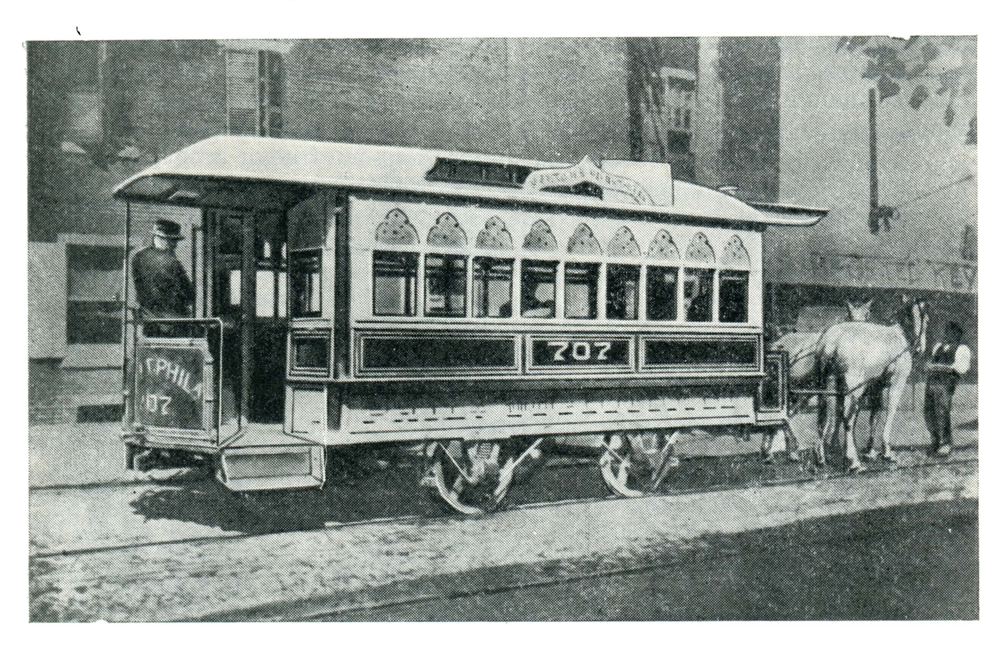
[16] *Faulkner H. U.* The Decline..., p. 124. С 1908 по 1927 г. предприятие Форда выпускало один стандартный тип автомобиля.

[17] *Furnas J. C.* Op. cit., p. 806—807.

[18] Statistical Abstract of the United States, 1921, p. 58—60.

земки началось только после 1900 г., первая линия (Бруклинский мост — 145-стрит — Бродвей) открылась в 1904 г., но затем строительство метрополитена пошло быстрыми темпами.

Как росла сеть городских железных дорог по всей стране в 1900-е годы, наглядно показывают следующие цифры: в 1890 г. протяженность городских железнодорожных линий с конной тягой равнялась 5661 миле (69,7%), а с электрической — 12 262 милям; в 1902 г. протяженность



КОНКА — РАСПРОСТРАНЕННЫЙ ТРАНСПОРТ В НЕБОЛЬШИХ ГОРОДАХ

линий с электрической тягой составила 21 902 мили (97%), а с конной — всего 259 миль (1,1%) [19].

Строительство и эксплуатация городских железных дорог были чрезвычайно выгодным предприятием. Между железнодорожными компаниями шла острая конкурентная борьба за приобретение земельных участков, за получение привилегий от муниципалитетов и штатов. В результате контроль над городским железнодорожным транспортом в Нью-Йорке захватили известные финансовые магнаты Т. Ф. Райан и А. Белмонт, конкурировавшие между собой. В Чикаго вся система оказалась в руках Ч. Т. Йеркса, в Бостоне — Г. М. Уитни, в Кливленде — Т. Л. Джонсона.

В начале 1900 г. усиливается влияние «Дженерал электрик» [20], поглотившей к этому времени несколько электрических компаний. «Дженерал электрик» занималась не только производством электроэнергии, но и выпуском различного типа оборудования, сотрудничая путем объединен-

[19] *Faulkner H. U.* The Decline..., p. 221.

[20] «Дженерал электрик компани» образовалась в 1892 г. путем слияния компаний «Эдисон дженерал электрик» с «Томпсон — Хаусон компани». «Дженерал электрик компани» входила в орбиту банкирского «дома Морганов».

ного владения некоторыми патентами со своим конкурентом, фирмой Вестингауза. В 1903 г. корпорация располагала капиталом в 82 млн. долл., была монопольным владельцем многих патентов и получила чистый доход в размере более 10 млн. долл.

Владение патентами на новые технические изобретения и важные научные открытия давало огромные преимущества компании, и не только для дальнейшего усовершенствования производственного процесса. В условиях обостренной конкуренции компания, скупая патенты — плоды научной мысли талантливых инженеров и ученых, нередко складывала их в сейфы, если в данный момент внедрение этих изобретений не сулило компании непосредственной выгоды. Замораживание новых изобретений, так же как и повсеместный отказ владельцев заботиться о мерах

ТРАМВАЙ В НЬЮ-ЙОРКЕ

технической безопасности и санитарном состоянии предприятий, было одной из форм выколачивания монополиями дополнительной прибыли. Это доказывает, что наряду с промышленным ростом развитию монополистического капитализма сопутствует загнивание.

Развитие техники постепенно приводило к механизации сельского хозяйства, хотя внедрение в сельскохозяйственное производство двигателя внутреннего сгорания происходило сначала не так быстро, как в автомобильной промышленности. К 1914 г. на полях страны насчитывалось 17 тыс. тракторов. Правда, еще в 1911 г. в сельском хозяйстве преобладали тракторы с паровым двигателем, и до 1918 г. продолжало увеличиваться число лошадей как тягловой силы [21].

Уже к концу XIX в. в экономике начала превалировать промышленность (стоимость промышленной продукции более чем в 2 раза превышала стоимость сельскохозяйственной). При этом промышленность и в начале нового столетия в основном локализовалась на Северо-Востоке, где производилось около $^{3}/_{4}$ всей промышленной продукции. Географическими границами этого региона Г. Фолкнер называет Великие озера и р. Св. Лаврентия на Севере, р. Миссури — на Западе и р. Огайо и линию Мэйсон—Диксон — на Юге. Это составляло всего седьмую часть территории страны, где проживала приблизительно половина тогдашнего населения США [22]. Они-то и создавали рынок для товаров широкого потребления, которые производились в этих же штатах (обувь, готовая одежда, консервы, молочные и другие продукты питания).

Несмотря на то что концентрация промышленности в целом сохранялась в старых индустриальных районах, развитие промышленности происходило и на Западе, и на Юге. Индустриализации юго-западных штатов и Тихоокеанского побережья способствовали открытие там новых месторождений нефти и растущий на нее спрос. А индустриализация Юга была связана с хлопкообрабатывающей промышленностью.

Долгие годы поток хлопка шел на фабрики Новой Англии. В начале XX в. начался быстрый рост прядильных и ткацких фабрик на Юге. Темпы развития хлопкообрабатывающей промышленности Юга намного опередили ее рост в Новой Англии: число веретен на Юге возросло в 10 раз, в Новой Англии — менее чем в 2 раза с 1890 по 1920 г., а к 1925 г. число веретен на Юге в абсолютных цифрах превысило показатели новоанглийских фабрик на 1,3 млн. веретен.

В процессе индустриализации Юга сыграли роль различные факторы. Прежде всего большое значение имело приближение обрабатывающих центров к сырью, что удешевляло стоимость транспортировки; новые фабрики оснащались более совершенным оборудованием. Кроме того, значительное влияние на рост промышленности Юга оказало отсутствие в южных штатах законодательства по охране труда, возможность эксплуатации дешевого труда подростков и даже детей и вообще низкий уровень заработной платы рабочих, среди которых было много негров. Это обстоятельство давало нанимателям повышенную прибыль, что вызвало дальнейший рост капиталовложений в индустриализацию Юга.

Хотя, как уже говорилось, ведущим ингредиентом валового продукта

[21] *Faulkner H. U.* The Decline..., p. 332. 333. Фолкнер приводит следующие данные: в 1914 г.— 17 тыс. тракторов и 15 тыс. грузовых автомобилей, но к 1919 г. произошел огромный скачок — 158 тыс. тракторов и 111 тыс. грузовиков.

[22] Ibid., p. 135, 137—138.

страны к началу века стала промышленная продукция, сельское хозяйство в целом вышло из застоя. Наиболее высокий прирост продукции наблюдался по таким культурам, как сахар, хлопок, табак, цитрусовые и масличные культуры, а также по производству мясо-молочных продуктов (особенно по домашней птице и яйцам).

Рост аграрной продукции наблюдался на фоне углубления процесса развития капитализма в сельском хозяйстве США. Конечно, нельзя забывать, что концентрация в сельском хозяйстве США протекала не столь быстрыми темпами, как в промышленности. Все же этот процесс неуклонно происходил, хотя и осложненный рядом обстоятельств, которые в целом сводились к различию в укладе и уровне экономического развития трех основных регионов страны (промышленный Север, бывший рабовладельческий Юг, Запад).

Глубокий, всесторонний анализ развития капитализма в сельском хозяйстве США в начале XX в., страны, уже вышедшей на первое место в мире по уровню промышленного развития, дан, как известно, В. И. Лениным в работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии». Здесь отметим лишь главный вывод Ленина: происходило «*усиление крупных, ослабление средних и мелких ферм*» [23], что, так же как и в промышленности, не означало уничтожения мелких хозяйств. «Капитализм,— писал Ленин,— растет не только путем ускорения развития крупных по площади хозяйств в экстенсивных районах, но и путем создания более крупных по размеру производства, более капиталистических хозяйств на более мелких участках земли в интенсивных районах» [24]. Именно так обстояло дело в США в изучаемый период. Это явление сопровождалось возрастанием числа наемных сельскохозяйственных рабочих и арендаторов-издольщиков при соответственном уменьшении числа мелких фермеров-собственников, что не исключало, как и в промышленности и торговле, появления новых мелких фермерских хозяйств.

Экономическое развитие влияло на демографические процессы. Население Соединенных Штатов с 1900 по 1910 г. возросло с 76 млн. человек до 92 млн. (21%). Однако темп роста городского населения более чем в 4 раза превышал темп роста сельского. Процесс урбанизации в США, отмеченный уже первыми цензами, в XX в. протекал весьма интенсивно. Если в 1900 г. в городах проживало 40% всего населения, то к 1910 г. это соотношение увеличилось до 45%, а ценз 1920 г. отметил уже превышение численности городского населения над сельским (51,4%) [25].

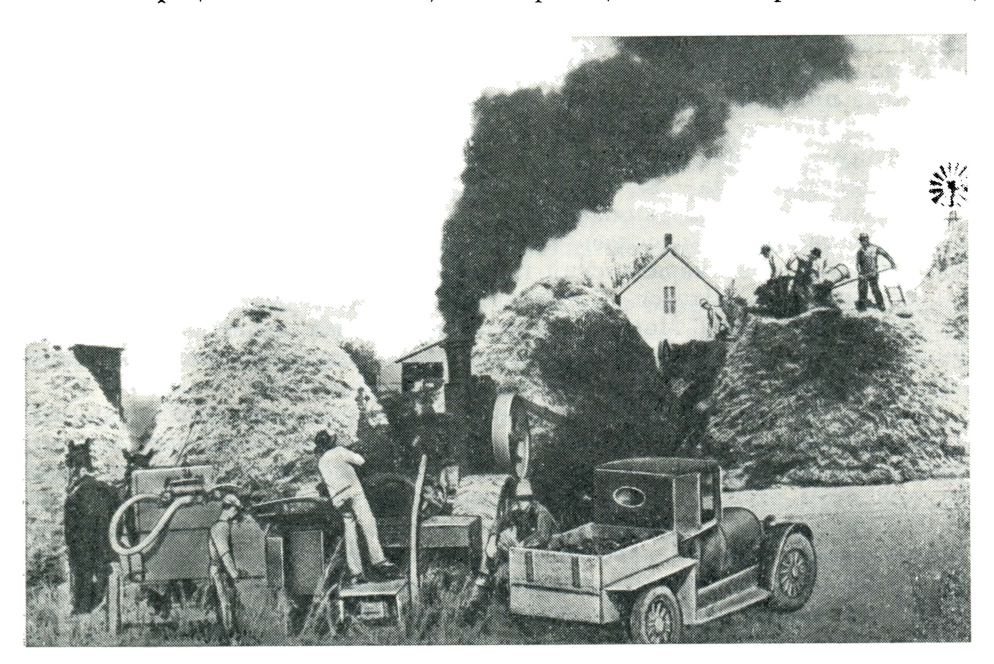
Росту населения перед первой мировой войной способствовала волна так называемой новой иммиграции переселенцев из стран Южной и Восточной Европы: из Италии, Австро-Венгрии, России. Иммиграция в США итальянцев, а также венгров, словаков, хорватов и чехов из Австро-Венгрии, евреев, украинцев из царской России началась в 1880 г., но особенно усилилась в первые годы XX в., хотя в это время уже были введены некоторые ограничения. Подавляющая часть иммигрантов — это неквалифицированные рабочие, готовые выполнять любую работу за нищенскую плату. Несмотря на почти полное запрещение иммиграции из Восточной Азии (не только китайской, но и японской) и жесткие требо-

---

[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 174.
[24] Там же, с. 226.
[25] Statistical Abstract of the United States, 1921, p. 54.

вания для получения разрешения на въезд в страну (иммигрант должен был доказать, что имеет определенный минимум средств, здоров, не является анархистом и т. п.), поток иммигрантов за первые полтора десятилетия XX в. превысил 14,5 млн. человек, т. е. на 0,5 млн. больше, чем за последние 40 лет XIX в. Бо́льшую часть из них составили итальянцы и выходцы из царской России.

Хотя официально считается, что «граница» была закрыта к 1890 г.,



МЕХАНИЗИРОВАННАЯ ФЕРМА

т. е. прекращена широкая распродажа государственных земель на Западе, миграция населения продолжалась и в XX в., но не так интенсивно, как раньше. Тем не менее американский исследователь отмечал, что еще в течение 1910—1920 гг. поток переселенцев из районов восточнее р. Миссисипи (так называемых коренных американцев) на запад от этой реки на 4 млн. человек превышал численность обратного потока, т. е. в восточные штаты [26]. Новые иммигранты оседали главным образом в промышленных штатах Востока и сельскохозяйственных штатах Северо-Запада.

Прирост населения расширял возможности внутреннего рынка, однако и это возросшее население не поглощало всей массы товаров и продуктов, производимых в стране. Американские товары завоевывали внешние рынки, причем баланс внешней торговли уже перед первой мировой войной был неизменно положительный (экспорт превышал импорт). Изменился характер экспорта: если в 1900 г. в нем еще преобладали продукты сельского хозяйства (60%), то к 1914 г. промышленные товары

---

[26] *Faulkner H. U.* The Decline..., p. 95.

составляли, по существу, половину экспорта (49%)[27]. К тому же США вывозили готовую продукцию быстро развивавшейся промышленности, а ввозили сырье, например каучук, марганец, олово и т. п.

Остается сказать, что в этот период, хотя в руках сложившейся финансовой олигархии США сосредоточились огромные капиталы (20 млрд. долл.), заграничные инвестиции американских банков к концу XIX в. были незначительными по сравнению с вывозом капитала британскими, французскими, германскими банками[28]. По данным Г. А. Фолкнера, американские заграничные инвестиции в 1897 г. составили 684,5 млн. долл. Однако к 1914 г. финансовые магнаты, активно поддерживаемые правительством, увеличили эту цифру в 5 раз: 3513 млн. долл. Из них на Канаду — (с Ньюфаундлендом) приходилось 25%, Мексику — 24, Европу — 19, Южную и Центральную Америку — 13, Кубу, другие Вест-Индские острова — 10, Азию (Китай и Японию) — 7%[29].

Как видно из этих данных, более половины (около 60%) американских инвестиций размещалось в Западном полушарии. Именно отсюда начал наступление американский капитал, поддерживаемый правительством Соединенных Штатов. Президент Т. Рузвельт, выдвинувший новое толкование доктрины Монро, умело маневрировал политикой «большой дубинки» и оказал в этом смысле огромную услугу финансовому капиталу своей страны.

Итак, в начале XX в. Соединенные Штаты, опередив по экономическим показателям «старые» капиталистические державы, вышли на путь империалистической экспансии. Американский монополистический капитал при этом взял на вооружение методы, использовавшиеся его иностранными предшественниками, комбинируя в разных вариантах экономическое закабаление слаборазвитых стран, навязывание займов, вложение капиталов в промышленные предприятия, железные дороги, плантации сельскохозяйственных культур своих латиноамериканских соседей с открытой военной интервенцией, оккупацией американскими войсками этих стран под любыми предлогами. Таким образом, экономическое развитие Соединенных Штатов протекало так же, как и развитие «старых» капиталистических стран: от свободной конкуренции к монополии, к всесилию финансовой олигархии.

---

[27] *Link A. S., Catton W. B.* Op. cit., p. 36.

[28] Британские заграничные инвестиции составляли в то время 20 млрд. долл., французские — 10 млрд., германские — 5 млрд. См.: Очерки новой и новейшей истории США, т. 1, с. 407.

[29] Проценты вычислены по уточненным данным Г. А. Фолкнера. См.: *Faulkner H. U.* The Decline..., p. 74. Они расходятся с суммой инвестиций 500 млн. долл., приводимой в книге «Очерки новой и новейшей истории США» (т. 1, с. 407) из более ранней монографии того же автора. См.: *Faulkner H. U.* American Economical History. N. Y., 1943, p. 566.

Глава девятая

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

1. ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

Превращение Соединенных Штатов в страну гигантских трестов и монополий оказало влияние на положение и образ жизни всех классов и слоев общества, способствовало еще большей поляризации богатства и бедности. В «стране равных возможностей», как любят писать и говорить апологеты американской «демократии», особенно разительным был контраст между образом жизни нескольких десятков семей финансовых магнатов и положением трудящихся.

Как же жила «другая половина»? [1] На этот вопрос дают ответ многочисленные источники: от официальной статистики до произведений писателей, пытавшихся сказать современникам правду.

Рассматривая положение пролетариата, прежде всего следует иметь в виду два исходных момента. Во-первых, с развитием науки и техники, с ростом промышленного производства рабочий класс США значительно вырос численно. В 1890 г. в промышленности и на транспорте работало около 10 млн. человек, в 1910 г.— свыше 17 млн.[2] Во-вторых, удельный вес квалифицированных рабочих не подымался выше 14,8% (в 1910 г.), составляя в среднем немногим более 10% (1890 г.— 14,2%, 1900 г.— 12,1, 1920 г.— 11,3%). Таким образом, основную массу составляли неквалифицированные и полуквалифицированные рабочие (1900 г.— 87,9%, 1910 г.— 85,2%) [3]. Иммигранты и черные американцы, как правило, принадлежали к этой категории. Кроме того, с каждым годом увеличивалась численность женщин-работниц. В 1911 г. профсоюзная пресса сообщала, что «каждый пятый наемный рабочий является женщиной» [4].

Естественно, что уровень жизни различных категорий рабочих был далеко не одинаков. Буржуазные экономисты на вопрос о том, улучшилась или ухудшилась жизнь пролетариата в начале XX в., обычно подчеркивают рост номинальной заработной платы, большей частью обходя молчанием сложность структуры рабочего класса. И все же признанный авторитет по экономической истории США Г. А. Фолкнер в 1951 г. сделал такой вывод: «Оценивая положение рабочего класса в период после 1897 г., экономисты сходятся по крайней мере в том, что реальный заработок рабочих в течение последних двадцати лет мало увеличился

---

[1] «Как живет другая половина» — под таким названием вышла книга прогрессивного журналиста Дж. А. Рииса, нарисовавшего страшную картину нищеты рабочих, особенно иммигрантов, обитателей нью-йоркских трущоб. См.: *Riis J. A.* How the Other Half Lives. N. Y., 1890.

[2] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975, p. 139.

[3] Проценты вычислены по данным, приведенным в кн.: *Аскольдова С. М.* Формирование идеологии американского тред-юнионизма. М., 1976, с. 39—40.

[4] *Фонер Ф. С.* История рабочего движения в США...: В 5-ти т. М., 1949—1983, т. 3, с. 220.

и был недостаточен для поддержания приличного существования огромного большинства наемных рабочих» [5].

Действительно, номинальный среднегодовой заработок промышленного рабочего довольно значительно возрос с 1899 по 1914 г. По данным американского буржуазного экономиста П. Дугласа, прирост среднегодового заработка рабочих, занятых в промышленности (во всех отраслях), увеличился с 1900 по 1914 г. на 39%. Но если учитывать не только промышленных, а и сельскохозяйственных рабочих, то этот прирост составил всего 30% [6]. По данным АФТ, прирост среднегодового заработка рабочих только обрабатывающей промышленности с 1899 по 1914 г. приближался к 36% [7]. Как видим, большого расхождения не наблюдается, хотя исследование Дугласа построено на более широком материале и охватывает все отрасли промышленности.

Однако рост среднегодовой заработной платы не означал реального улучшения жизни всех рабочих: средние цифры скрывают разрыв между заработком высокооплачиваемых квалифицированных рабочих и неквалифицированных. Среди последних особо низко оплачивался труд негров и иммигрантов: пуэрториканцев, португальцев, итальянцев и выходцев из Восточной Европы. Нельзя также забывать, что в некоторых отраслях промышленности поддерживался более высокий уровень заработной платы. Заработки в автомобильной, сталелитейной, химической, полиграфической отраслях значительно превышали средний уровень заработной платы рабочих обрабатывающей промышленности. А заработки текстильщиков, сигарочников или рабочих пищевых и деревообрабатывающих предприятий не достигали этого уровня. Еще ниже была заработная плата сельскохозяйственных рабочих [8].

Приведенные данные о росте номинальной заработной платы рабочих разных категорий и разных отраслей промышленности не могут свидетельствовать о действительном улучшении положения рабочего класса в начале XX в., ибо стоимость жизни в эти годы, рост цен на продукты, товары широкого потребления и квартирную плату обгоняли средний рост заработков рабочих. Американские исследователи Кучинский и Штейнфельд считают, что индекс стоимости жизни с 1899 до 1914 г. вырос на 51%. Поэтому реальная заработная плата не повысилась, а снизилась на 9,7% [9].

Такова сухая статистика. Что же скрывается за ней, какими же были условия труда и повседневного быта «другой половины» населения

---

[5] *Faulkner H. U.* The Decline of Laissez Faire, 1897—1917. N. Y., 1951, p. 251.

[6] Абсолютные цифры среднегодового заработка промышленных рабочих таковы: 1900 г.— 490 долл., 1914 г.— 682 долл.; всех рабочих (включая сельскохозяйственных): 1900 г.— 438 долл., 1914 г.— 627 долл. См.: *Douglas P. H.* Real Wages in the United States, 1890—1926. Boston; New York, 1930, p. 392.

[7] *Kuczinski J., Steinfeld M.* Wages in Manufacturing Industries, 1899—1927. Wash., 1928, p. 22. Среднегодовой заработок рабочих обрабатывающей промышленности в 1899 г. равнялся 426 долл., в 1914 г.— 579 долл. Официальная американская статистика считала, что в 1903 г. среднегодовая заработная плата рабочих достигала 650,98 долл. См.: *Faulkner H. U.* The Decline..., p. 254. Эта цифра явно завышена. По Дугласу, среднегодовой заработок в 1903 г. равен 543 долл.

[8] *Douglas P. H.* Op. cit., p. 189. Автор приводит таблицу месячных заработков сельскохозяйственных рабочих: в 1900 г.— 20,59 долл., в 1914 г.— 29,27 долл.; это означало среднегодовой заработок соответственным 247 и 351 долл. при условии, если рабочий нанят не на сезон, а на весь год. См.: Ibid., p. 186.

[9] *Kuczinski J., Steinfeld M.* Op. cit., p. 24.

США? Некоторые американские историки полагают, что эти условия улучшились, хотя бы потому, что уже к началу 1890 г. на большинстве предприятий рабочий день продолжался «всего» 10 часов. Однако существовали предприятия и даже целые отрасли промышленности и транспорта, где рабочий день и в 1900-е годы длился от 12 до 15 часов. Восьмичасовой рабочий день оставался требованием, за которое боролись рабочие во время каждой забастовки. Уменьшение рабочего дня на отдельных предприятиях, в частности государственных, было не результатом «общего прогресса», а завоеванием рабочих союзов в их тяжелой борьбе с хозяевами.

Немногие рабочие имели право на воскресный отдых. «В сталеплавильной промышленности,— писал Ф. С. Фонер,— рабочие трудились по 12 часов все семь дней недели и приобретали право на отдых в каждое второе воскресенье, лишь отработав ужасную „длинную смену" — 24 часа подряд — в первое воскресенье» [10]. Без выходных работали вагоновожатые на городском транспорте.

Длинный рабочий день был уделом не только взрослых мужчин и женщин. Нужда заставляла родителей посылать на фабрики, заводы и даже в шахты малолетних детей, которые получали за непосильный для ребенка труд буквально грошовую плату (27—39 ц.) за рабочий день, равный рабочему дню взрослого. Нечего и говорить, что эти дети не могли посещать школу. В 1903 г. главный попечитель государственных школ г. Нью-Йорка констатировал, что 5—6-летние дети работают с 6 утра до 6 вечера на самых тяжелых и утомительных работах.

Меньшую, нежели мужчины, плату за труд получали женщины-работницы, заработок которых составлял всего 53,7% заработка мужчин [11]. Условия труда в прачечных, на консервных, текстильных или канатных фабриках, где женский труд применялся наиболее широко, были очень тяжелыми. Рабочий день в прачечных, например, длился иногда до 20 часов. По свидетельству фабричного инспектора штата Иллинойс, обследовавшего чикагские прачечные, работницы нередко попадали в больницу.

Жилищные условия подавляющего большинства рабочих семей были плохими. Горняки Колорадо проживали в лачугах и платили за них шахтовладельцам. В крупных промышленных центрах (Нью-Йорк, Чикаго и др.) рабочие жили в многоквартирных домах, бо́льшая часть которых не имела водопровода и канализации. Негры и иммигранты ютились в комнатах, где иногда жили две-три семьи. Тут же работали и надомники, труд которых широко применялся в табачной, швейной, картонажной промышленности. Хотя законодательство (например, в штате Нью-Йорк) запрещало работу на дому без получения лицензий, этот закон безнаказанно нарушался, да и принят он был как санитарная мера, охраняющая потребителя, а не рабочего и его семью.

Еще тяжелее была жизнь странствующих рабочих Запада, представлявших специфически американское явление в истории пролетариата. Это были сезонники, нанимавшиеся к богатым фермерам в период уборки урожая, лесорубы, рабочие лесопильных заводов, строящихся железных и шоссейных дорог, рудников, строительных площадок и новых пред-

[10] *Фонер Ф. С.* Указ. соч., т. 3, с. 18.
[11] *Brissenden P. F.* Earnings of Factory Workers, 1899 to 1927. Wash., 1929, p. 107, 129.

приятий. Они получали буквально гроши за длительный, изнуряющий рабочий день. Даже Гомперс признавал, что их положение «в некоторых отношениях хуже рабства»[12]. Тем не менее АФТ никогда не делала шагов к привлечению их в союз, полагая, что они совершенно не способны к организации. Нечего и говорить, что странствующие рабочие, а среди них было много иммигрантов и негров, не могли рассчитывать на законы об охране их труда даже в тех штатах, где под давлением

ГРУППА СТРАНСТВУЮЩИХ РАБОЧИХ

забастовочного и прогрессивного движения такие законы были приняты[13].

Надо сказать, что вообще в области социального законодательства «великая демократическая республика» далеко отставала от европейских стран. В начале XX в. в США просто не существовало федерального социального законодательства. Попытки в некоторых штатах ввести законы о сокращении в отдельных отраслях рабочего дня до 8 часов, о запрещении детского труда, облегчении труда женщин, о социальном страхо-

[12] Цит. по: *Фонер Ф. С.* Указ. соч., т. 4, с. 98.
[13] Например, в штате Мэриленд в 1902 г.— закон о компенсации пострадавшему на производстве; в штате Массачусетс в 1912 г.— закон о минимальной ставке заработной платы.

вании, об ответственности предпринимателей за несчастные случаи на производстве и т. п. наталкивались на сопротивление или в законодательных собраниях, или в судах штатов.

Корпорации всеми способами старались уклониться от ответственности за несоблюдение элементарной техники безопасности, от компенсации рабочему за увечье или семье рабочего, погибшего в результате несчастного случая на производстве. На стороне хозяев всегда выступали администрации штатов и городов, суды, юристы. Когда в 1902 г. законодательное собрание Мэриленда приняло закон о компенсации за увечье и гибель рабочего на производстве, Верховный суд объявил этот закон противоречащим конституции штата. Та же картина повторилась и в других штатах (в Монтане — 1909 г., в Нью-Йорке — 1910 г.). Рабочему классу противостоял мощный союз монополистического капитала и аппарата государственной власти. Выход был только в организованной борьбе.

2. СТАЧЕЧНАЯ БОРЬБА И ПОЗИЦИЯ АФТ

Стачки первых лет XX в. показали, что после жестокой расправы с бастовавшими рабочими в первой половине 1890-х годов в Гомстеде и на заводах Пульмана, после разгрома Американского железнодорожного союза в рабочем движении США вновь наметился подъем: организовывались новые профсоюзы, ширились ряды старых, уцелевших от расправы рабочих организаций.

К 1901 г. общая численность членов профсоюзов составляла 1124 тыс., а к 1904 г. достигла 2 072 700. Резко возросло число стачек: в 1900 г.— 1779, 1901 г.— 2924, в 1903 г.— 3944 [14]. Довольно часто рабочим удавалось добиться если не полного, то хотя бы частичного удовлетворения требований. Но многие стачки кончались неудачей, увольнением лидеров, разгромом союза. Так было, например, в 1900 г. в Кротоне (штат Нью-Йорк), где бастовали итальянские иммигранты, строители плотины. Поражением окончилась в 1901 г. тяжелая борьба рабочих-сталелитейщиков на заводах «Стального треста».

Рабочие заводов «Стального треста» требовали признания профсоюза и распространения выдвинутой профсоюзом шкалы заработной платы на все предприятия этой монополии. Однако они ничего не добились. Руководство Национальной гражданской федерации (НГФ), куда входили и лидеры АФТ (С. Гомперс, Р. Изли, Дж. Митчелл), приложили все старания, чтобы сорвать забастовку. 14 сентября в конторе Моргана было подписано соглашение, по которому Объединенная ассоциация сталелитейщиков обязывалась не предпринимать никаких попыток к организации рабочих. Союзы признавались только на тех предприятиях «Стального треста», где они уже существовали, но их оставалось всего несколько, так как в ходе забастовки прекратили существование союзы на 14 заводах. Таким образом, забастовка окончилась катастрофой для рабочих «Стального треста».

Неудачей закончилась и борьба рабочих нью-йоркского метрополитена (компания «Интерборо рэпид трэнзит»), выступивших в 1904 г. против сокращения заработной платы и против удлинения рабочего дня.

---

[14] *Фонер Ф. С.* Указ. соч., т. 3, с. 27.

С 1905 г. компания «Интерборо рэпид трэнзит» объявила свое предприятие «открытым цехом», т. е. отказалась признавать союз [15].

Наибольший резонанс в стране получила борьба шахтеров Пенсильвании. Конфликт начался в 1900 г., когда горняки объявили забастовку, возмутившись мошенническими действиями администрации шахт, продававшей рабочим порох для взрывных работ по завышенным ценам, обсчитывавшей рабочих при учете выработки и т. д.[16]

ДОБЫЧА КАМЕННОГО УГЛЯ В ПЕНСИЛЬВАНИИ

К этому времени Объединенный союз горняков (ОСГ) насчитывал до 10 тыс. членов, однако «вне профсоюза все еще оставалось 300 тыс. горняков, причем половина из них работала на антрацитовых шахтах Пенсильвании» [17]. В сентябре 1900 г. ОСГ призвал шахтеров к забастовке, выставив требования о повышении заработной платы, снижении цены на порох и признании рабочих комитетов как своих представителей перед администрацией. Момент был избран удачно, так как перед выборами 1900 г. глава НГФ М. А. Ханна, опасаясь провала республиканского кандидата, уговорил предпринимателей пойти на кое-

[15] Под «открытым цехом», или «открытой мастерской», понималось предприятие, где работали нечлены союза. Рабочие вели борьбу за включение в договоры пункта, обязывающего владельцев брать на работу только членов союза. Таким образом, система «закрытого цеха» означала фактическое признание компанией профсоюза.

[16] Приемщики оценивали выработку рабочего из расчета от 2600 до 3 тыс. ф. в одной тонне, в то время как «законной тонной» считались 2240 ф. Порох для взрывных работ шахтер обязан был покупать сам.

[17] *Фонер Ф. С.* Указ. соч., т. 3, с. 87.

какие уступки. Было заключено временное устное соглашение до 31 марта 1901 г., предусматривавшее повышение заработной платы на 10%, снижение вдвое цены на порох и признание рабочих комитетов.

После 31 марта 1901 г. шахтовладельцы не захотели возобновлять соглашение, а горняки отказывались работать на прежних условиях. Еще в течение более полутора лет президенту ОСГ Митчеллу и Изли, с одной стороны, и Ханне — с другой, удавалось удерживать рабочих от объявления стачки. Положение дел рабочих осложнялось тем, что к этому времени в угольном бассейне Пенсильвании владельцы шахт находились в зависимости у железнодорожных компаний, а контроль за последними был в руках Моргана.

В марте 1902 г. собрался съезд ОСГ и принял решение провести забастовку. 12 мая 140 тыс. шахтеров не вышли на работу. Впоследствии к ним присоединилось еще несколько тысяч. Социалистическая и рабочая пресса оценивала эту забастовку как борьбу за право рабочих объединяться в союзы, ибо именно это было главным пунктом разногласий рабочих с предпринимателями, упорно отказывавшимися иметь дело с представителями ОСГ. Журнал «Интернэшнл соушелист ревью» справедливо писал по этому поводу в августе 1902 г.: «Угольный трест хочет избавиться от союза; шахтеры хотят его сохранить... Право шахтеров на организацию — вот предмет спора».

Забастовка затянулась до октября [18]. Президент Т. Рузвельт решил вмешаться в конфликт в целях мирного урегулирования вопроса. Он пригласил в Белый дом группу предпринимателей и представителей союза во главе с Митчеллом на совместную конференцию (3 октября 1902 г.). 13 октября Морган от имени компаний согласился передать разбор конфликта арбитражной комиссии, назначенной президентом, при условии, что рабочие вернутся в шахты и будут работать на прежних условиях до решения комиссии. Стачка закончилась 23 октября 1902 г.

Арбитражная комиссия предложила компромиссное соглашение на четыре года (до 31 марта 1906 г.). В течение этих лет все конфликты надлежало разрешать путем арбитража, но окончательное решение мог вынести судья соответствующего округа. По существу это была слегка замаскированная форма применения «инджанкшнз» (судебных предписаний), используемых против забастовщиков. Тем самым комиссия признавала за шахтовладельцами право считать, что в угольном бассейне Пенсильвании действует система «открытого цеха», и союзу горняков тем самым был нанесен чувствительный удар. Буржуазное общественное мнение приветствовало решение комиссии именно за то, что оно было направлено против союза горняков [19].

Поведение профсоюзных лидеров во время стачки горняков наглядно отразило общую направленность идеологии и тактики Американской федерации труда, остававшейся самой мощной организацией рабочего класса [20]. Лидеры АФТ открыто говорили, что организованным рабочим следует держать курс на мирное разрешение конфликтов с предприни-

---

[18] Подробнее см.: *Йелн С.* Из истории рабочего движения в США. М., 1950, с. 132—159.

[19] Nation, 1903, Mar. 26, p. 242.

[20] Численность АФТ к 1904 г. достигла 1 676 200 (почти 80% всех организованных рабочих США). См.: *Фонер Ф. С.* Указ. соч., т. 3, с. 27.

мателями во имя, как писал Гомперс в 1904 г., «общих интересов всего народа» [21].

Гомперс, Митчелл и другие выступали с позиции «чистого» тред-юнионизма, отказа от политической борьбы, стремясь убедить рабочих в том, что они должны ограничиваться экономической борьбой за улучшение своего положения, а предпринимателей — в том, что профсоюзы не опасны для капиталистов.

В 1903 г. Гомперс впервые открыто заговорил о своей оппозиции социализму. На съезде АФТ он заявил, что не согласен с философией социализма. «В экономических вопросах,— сказал Гомперс, обращаясь к делегатам-социалистам,— ваши взгляды необоснованны, в социальных — ошибочны, в производственной сфере вы требуете невозможного» [22].

Линия поведения лидеров АФТ совпадала с позицией ярого врага социалистического движения — католической церкви, влияние которой на идеологию и практику АФТ не следует недооценивать. Католицизм не только располагал мощными средствами массовой пропаганды — католическими университетами, рабочими школами, журналами, газетами и т. д., он проникал внутрь профсоюзов. Католики составляли значительную часть членов АФТ, и во главе многих влиятельных профсоюзов (горняков, текстильщиков, кожевников, металлистов и др.) в 1906—1918 гг. стояли католики-ирландцы. Не нуждается в пояснении тот факт, что НГФ одобряла деятельность католической церкви в рабочем движении и согласовывала с ней собственные действия.

В своей деятельности католическое духовенство руководствовалось требованиями Ватикана, выраженными в папской энциклике «Рерум новарум» (1891), ставшей программой католических пастырей в их борьбе с социалистической идеологией. Характерно, что Гомперс объявил «Рерум новарум» «евангелием», содержащим ответы на социальные проблемы. «Мы, члены АФТ,— писал Гомперс,— с радостью признаем, что это евангелие послужило для нас важным руководством, на основе которого мы строили всю свою деятельность в сфере отношений между капиталом и трудом» [23]. Эти слова лишний раз показали, что АФТ твердо стояла на позициях сотрудничества с предпринимателями и умиротворения классовых конфликтов, прибегая для этого и к помощи церкви. Для судеб рабочего движения это обстоятельство имело, можно сказать, фатальное значение, ибо АФТ оставалась наиболее крупной и влиятельной профессиональной организацией в США. Однако она охватывала сравнительно малый процент всех наемных рабочих, притом только квалифицированных. Огромная масса неквалифицированных, плохо оплачиваемых рабочих оставалась вне организации.

3. ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИРМ

Оппортунизм лидеров АФТ, их соглашательские действия во время стачек, готовность пренебречь интересами рабочих ради мелких уступок и собственного престижа, отказ от действенной борьбы за систему «зак-

---

[21] Цит. по: *Аскольдова С. М.* Формирование идеологии американского тред-юнионизма, с. 119.

[22] Цит. по: *Фонер Ф. С.* Указ. соч., т. 3, с. 374.

[23] Цит. по: *Аскольдова С. М.* Формирование идеологии американского тред-юнионизма, с. 275.

рытого цеха» (т. е. за признание профсоюзов), от вовлечения в ряды профсоюзов огромной массы неквалифицированных рабочих — все это вызывало возмущение многих рядовых членов союзов и социалистов. Среди них зрела мысль о создании в противовес АФТ массовой революционной организации рабочего класса, которая была бы построена не по цеховому, а по производственному принципу.

Левые социалисты во главе с Дебсом пришли к заключению, что работа внутри союзов АФТ («сверление изнутри») не дает результатов, что под руководством Гомперса и его помощников АФТ не выражает интересов рабочего класса и остается на позициях, далеких от социализма. Тактическая линия АФТ, вытекавшая из идеологической концепции «классового сотрудничества» и борьбы за улучшение положения узкого отряда квалифицированных рабочих, отдавала широкие массы неорганизованного пролетариата на произвол предпринимателей.

Летом 1904 г., когда Социалистическая партия Америки проводила агитацию за своего кандидата в президенты (им был Ю. Дебс), все эти вопросы были чрезвычайно заострены. Едва вернувшись из предвыборного турне, Дебс выступил в журнале «Эпил ту ризон» с большой статьей «Тред-юнионизм и социализм». Эта статья представляла собой трактат о развитии в США рабочего движения — от его истоков до образования Социалистической партии Америки. Дебс писал для рабочего и обращался непосредственно к наемному рабочему, производителю всех материальных ценностей современного индустриального общества, но поставленному в условия, не обеспечивающие ему даже сносного существования. Он показывал, что предприниматели, присваивая продукты труда рабочих, не оставляли им иного пути, кроме объединения, организации и классовой борьбы. Рабочие должны бороться за право объединяться в союз, «который ведет рабочего в сражения на тысячи фронтов»,— писал Дебс [24].

Затем Дебс подверг уничтожающей критике лидеров тред-юнионизма, которые шли на поводу у Ханны и НГФ, доказывал, что они, защищая «чистый» и «простой» тред-юнионизм, превратились в прислужников класса капиталистов. Дебс убеждал рабочих, что цеховые союзы распыляют силы пролетариата. Он призывал трудящихся к объединению в союзы по производственному принципу для борьбы за улучшение экономического положения и наряду с этим к политической борьбе за ниспровержение несправедливого капиталистического строя. Он указывал, что инструментом для достижения этой цели,— «уничтожения системы наемного труда и превращения рабочих в хозяев всей земли»,— является социалистическая партия [25]. Статья заканчивалась специальным разделом «Социализм», в котором разъяснялись цели социалистического движения, экономические и политические основы будущего социалистического общества.

Статья Дебса, написанная в свойственной ему патетической и образной манере, была вдохновенным гимном социализму и призывом ко всему рабочему классу США. Хотя переход к социалистическому строю мыслился автором как результат борьбы у «избирательной урны», как результат «эволюции, являющейся законом природы» [26], выступление Дебса

[24] *Debs E. V.* Writings and Speeches of Eugene V. Debs. N. Y., 1948, p. 102.
[25] Ibid., p. 111.
[26] Ibid., p. 119.

вызвало резкую отповедь правоцентристского руководства Социалистической партии Америки и АФТ, не желавших и слышать о создании новой организации рабочего класса. Зато радикально настроенные деятели профсоюзного движения на западе (Т. Хагерти, У. Траутман и др.) одобрили статью Дебса. Западная федерация горнорабочих поручила Исполнительному комитету наметить план объединения рабочих в новую общую организацию.

Такой план был составлен группой из шести социалистов и профсоюзных лидеров, собравшихся в Чикаго 20 ноября 194 г. Был принят текст воззвания и разослан 36 лицам с приглашением принять участие в тайном совещании для создания новой профсоюзной организации производственного типа. Дебс, к которому У. Траутман и Т. Хагерти приезжали в Терре-Хот, с энтузиазмом подписал воззвание [27].

2 января 1905 г. в Чикаго открылась тайная конференция, на которую приехали 23 человека. Это были представители левых сил в рабочем и социалистическом движении. Восемь различных профсоюзов прислали своих делегатов. Социалистическая партия Америки и Социалистическая рабочая партия официально не участвовали в конференции, хотя некоторые члены этих партий приехали в Чикаго в качестве частных лиц [28]. Конференция приняла манифест с призывом к рабочим США собрать съезд летом того же года в Чикаго для создания организации, которая бы действительно представляла рабочий класс и боролась за уничтожение наемного рабства.

Манифест отразил взгляды учредителей будущей организации на современное социально-экономическое развитие общества и построение организации пролетариата. В нем ценно, во-первых, четкое определение сущности современного капитализма, концентрации производства, роста монополий, а во-вторых, острая классовая оценка взаимоотношений между предпринимателями и наемными рабочими, осуждение соглашательской политики тред-юнионов, помогающих классу нанимателей выколачивать монопольную прибыль. Тред-юнионы, писали авторы манифеста, разъединили рабочих до такой степени, что «одна часть рабочего класса употребляется капиталистами для того, чтобы сделать более тяжелыми условия жизни другой его части» [29].

Призыв манифеста встретил живой отклик в среде рабочих. На I съезде новой организации, открывшемся в Чикаго 27 июня 1905 г., были представлены 18 рабочих союзов [30] и Социалистическая рабочая партия во главе с Д. Де Леоном. Гомперс и его помощники, а также лидеры Социалистической партии Америки В. Бергер, М. Хилквит, М. Хейс и другие враждебно отнеслись к самой идее создания боевого рабочего союза на производственной основе. Одни видели в этом угрозу существованию АФТ, другие продолжали настаивать на работе внутри АФТ, являвшейся, по их мнению, выразителем интересов рабочего клас-

---

27 *Ginger R.* Eugene V. Debs: A Biography. N. Y., 1962, p. 253.

28 Ю. Дебс не смог приехать по состоянию здоровья, но прислал письмо, в котором поддерживал будущую организацию. Д. Де Леон не был приглашен.

29 Цит. по: *Траутман В.* и др. Производственный синдикализм (индустриализм): Сб. статей. М.; Пг., 1919, с. 18.

30 Западная федерация горнорабочих, Социалистический альянс, Объединенный союз горняков, Объединенный межнациональный союз металлистов, Союз портных Монреаля, Американский рабочий союз, Объединенное братство плотников и столяров и др.

са. Но в работе съезда самостоятельно приняли участие многие социалисты и профсоюзные лидеры. Большую роль сыграл Ю. Дебс, произнесший зажигательную речь, в которой определил основными принципами новой организации классовую борьбу и построение ее по производственному принципу. Дебс выразил уверенность в успехе дела рабочих и подчеркнул необходимость и политической, и экономической борьбы пролетариата, настаивая на том, что эти две линии «представляют органическое целое рабочего движения» [31].

Съезд принял решение о создании новой организации под названием «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ), утвердил ее программу и устав. Знаменательно, что съезд с энтузиазмом одобрил резолюцию, выражавшую солидарность с революцией, происходившей в это время в России: «Мы, собравшиеся на съезде члены производственных союзов Америки, поддерживаем русских товарищей в их борьбе, выражаем искреннее сочувствие жертвам произвола, насилия и жестокости и обещаем моральную поддержку и финансовую помощь в пределах наших возможностей преследуемым и страдающим братьям, ведущим борьбу в далекой России» [32].

Общее настроение участников съезда отличалось энтузиазмом и решимостью создать действенный боевой рабочий союз. Однако прения показали, насколько различны идейные воззрения его участников. Один из организаторов ИРМ, Сент-Джон, впоследствии писал о четырех наиболее заметных направлениях: парламентские социалисты двух групп (в свою очередь, разделявшиеся на импоссибилистов и оппортунистов, марксистов и реформистов), анархисты, индустриальные юнионисты и лидеры старых тред-юнионов [33]. Благодаря оптимизму и доброжелательности Дебса и усилиям Д. Де Леона съезду удалось примирить эти противоречивые элементы, выработать устав и избрать руководящий орган организации — Генеральный исполнительный комитет, возглавляемый председателем. Первым председателем был избран Ч. О. Шерман (генеральный секретарь Объединенного межнационального союза металлистов), секретарем-казначеем — У. Траутман, в число пяти других членов комитета вошел Ч. Мойер из Западной федерации горнорабочих.

Устав и преамбула явились программой построения и деятельности новой организации рабочих США. ИРМ заявляли, что рабочий класс и предприниматели не имеют ничего общего, что между этими двумя классами идет и будет продолжаться борьба до тех пор, пока рабочие не обретут возможности владеть средствами производства и продуктами своего труда. Вопрос о том, каким образом рабочие получат власть распоряжаться средствами производства, не затрагивался, но во второй пункт преамбулы по настоянию Де Леона было включено положение о том, что ИРМ признают и политические, и экономические методы борьбы. Все же основным оружием ИРМ провозгласили всеобщую стачку и саботаж, или, как говорили их лидеры, «прямое действие». Подразумевалось, что рабочий класс, организованный в единый союз, когда-нибудь объявит всеобщую стачку, в итоге которой падет власть капитала.

---

[31] Proceedings of the First Convention of the Industrial Workers of the World. N. Y., 1905, p. 146.
[32] Ibid., p. 218.
[33] *St. John V.* The I. W. W. Its History, Structure, and Methods. Chicago, 1919, p. 6.

Устав определял строение союза по производственному, а не цеховому признаку, ибо только производственная форма объединения рабочих соответствует современному развитию техники и процессу концентрации в промышленности. Предлагая производственный принцип построения, ИРМ считали организационной единицей местный союз, объединявший всех рабочих данного производства в городе или на определенной территории. Местные союзы образовывали национальный союз.

Членом организации ИРМ мог быть каждый работающий по найму независимо от квалификации, пола, расы и национальности. Устанавливались очень низкие вступительный и месячные взносы. Таким образом, союз ИРМ широко распахнул двери для всех низкооплачиваемых неквалифицированных рабочих, женщин, негров и иммигрантов любой национальности. Это было в то время, когда АФТ продолжала политику дискриминации по отношению к негритянским рабочим и поддерживала законы против иммигрантов, особенно по ограничению въезда китайских и японских рабочих.

Организация ИРМ не ставила своей немедленной задачей уничтожение АФТ, как утверждал Гомперс, видевший в ИРМ опасного соперника, хотя АФТ продолжала игнорировать неквалифицированных рабочих. В ряды нового союза охотно вступали неорганизованные рабочие, особенно на Западе, где влияние АФТ было слабее. Именно «Индустриальным рабочим мира» принадлежит заслуга вовлечения в профсоюзы странствующих рабочих (белых американцев, негров и иммигрантов), находившихся в наиболее тяжелых условиях. Эти рабочие (в основном лесорубы, сезонные сельскохозяйственные рабочие, часто шахтеры), не имевшие постоянного дома, семей, измученные жизнью, в поисках работы переезжавшие «зайцами» в товарных вагонах, подвергавшиеся грабежу со стороны хозяев, преследованиям за бродяжничество со стороны властей, впервые увидели интерес к своим нуждам и невзгодам и массами вступали в организацию. Политической борьбой они не интересовались, ибо при кочевом образе жизни даже не имели избирательных прав. Они представляли собой легко воспламеняющийся материал, были способны на стихийные взрывы недовольства, но нуждались в организации и направлении их действий. Как раз в этом и видели свою задачу ИРМ, проводившие среди них разъяснительную работу.

ИРМ привлекли в свои ряды значительное число рабочих. С 1905 по 1915 г. было выдано 300 тыс. членских билетов. Однако постоянное число членов (аккуратно платящих взносы) не превышало 60 тыс. «Рабочие „проходили“ через ИРМ, но не оставались в ней»,— писала Э. Г. Флинн [34].

Чем можно объяснить это явление? Думается, что здесь играли роль репрессии против ИРМ. Признание организацией бескомпромиссной классовой борьбы, боевой революционный дух ее выступлений, беззаветная смелость и энергия ее лидеров и рядовых членов вызвали открытую ненависть к ИРМ со стороны правящих кругов. Руководство АФТ полностью поддерживало атаки властей и предпринимателей на ИРМ. Другой причиной медленного роста ИРМ и даже выхода из нее крупных союзов (например, Западной федерации горнорабочих) были внутренние разногласия идейного и тактического характера.

---

[34] *Флинн Э. Г.* Своими словами: Жизнь бунтарки. М., 1962, с. 222.

Разногласия, как мы видели, наметились уже на учредительном съезде ИРМ; с течением времени они углублялись в связи с ростом внутри организации анархо-синдикалистских настроений как следствия «специфических условий США» [35]. Рассматривая эти условия, У. З. Фостер указывал на такие факторы, способствовавшие в США развитию анархо-синдикализма: жестокие репрессии правительства, вызывавшие стремление ответить «на насилие насилием»; умелая дискредитация политических выступлений рабочего класса; отрицательное отношение к политической борьбе со стороны миллионов рабочих-иммигрантов, не пользующихся избирательными правами; возмущение рабочих оппортунистической линией социалистов-реформистов; влияние на рабочий класс мелкобуржуазных радикалов; проникновение анархистских идей в США из Европы [36]. Все эти факты в соединении с пагубной для рабочих идеологией и тактикой АФТ привели к тому, что даже многие видные лидеры рабочего и социалистического движения увлеклись синдикализмом и тактикой «прямого действия».

Первые разногласия в рядах ИРМ проявились уже во время II съезда в 1906 г., на котором Траутман, Де Леон и Сент-Джон открыто выступили против консервативных взглядов председателя ИРМ Шермана и «низложили» его. Им удалось это сделать путем введения в устав поправки об упразднении должности председателя [37].

Однако разногласия внутри организации не утихали, чему способствовали как стремление Сент-Джона, Траутмана и других анархистов настоять на полном отказе от политических действий, так и нежелание Де Леона отказаться от мысли, что новая производственная организация рабочих должна ориентироваться в политических вопросах на руководимую им Социалистическую рабочую партию. Положение усугубилось тем, что самый сильный профсоюз Западная федерация горнорабочих осудила позицию руководства ИРМ и в начале 1908 г. вышла из организации.

Раскол произошел на IV съезде в сентябре 1908 г. под давлением Сент-Джона, обвинившего Де Леона в стремлении превратить ИРМ в придаток Социалистической рабочей партии. Де Леону пришлось уйти со съезда, вместе с ним организацию покинули его сторонники [38]. Победа осталась за анархо-синдикалистами. Сент-Джон был избран генеральным секретарем-казначеем, съезд утвердил новую поправку к уставу, из которого был вычеркнут пункт о политической борьбе. Отныне ИРМ окончательно отказались от политических действий, провозгласив «прямые действия» (саботаж и стачку) основными принципами борьбы за освобождение рабочего класса. Это была ошибочная тактика. Всё же дальнейшие события показали, что, несмотря на слабость своих идейных позиций, члены ИРМ были искренними и смелыми бойцами.

---

[35] *Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки. М., 1953, с. 541.
[36] *Foster W. Z.* History of the Communist Party of the United States. N. Y., 1952, p. 66.
[37] *Фонер Ф. С.* Указ. соч., т. 4, с. 66—69.
[38] *Бриссенден П. Ф.* Промышленные рабочие мира. М.; Л., 1926, с. 105—110. В ноябре того же года отколовшаяся во главе с Де Леоном группа основала собственную организацию ИРМ с центром в Патерсоне; впоследствии центр был перенесен в Детройт. См.: Там же, с. 110.

4. ПЕРЕХОД АФТ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ДЕЙСТВИЯМ

В 1905—1906 гг. началось организованное наступление предпринимателей на рабочие союзы. Теперь даже лидерам АФТ стало ясно, что вся правительственная машина — от шерифов и судей на местах до Верховного суда и президента — поддерживает стремление хозяев любой ценой сохранить систему «открытого цеха».

Самым действенным орудием предпринимателей были суды, стоявшие на страже интересов владельцев предприятий. Робкие попытки руководства АФТ внести в конгресс через своих посредников билли о 8-часовом рабочем дне и о запрещении судам применять «инджанкшнз» не имели успеха. Более того, 5 декабря 1905 г. Рузвельт в ежегодном послании конгрессу назвал «весьма неразумными» любые требования лишить суды права выносить решения по трудовым спорам [39].

В 1904 г. во многих штатах суды нанесли тяжелые удары организованным рабочим. Например, в Цинциннати (штат Огайо) суд оштрафовал профсоюз литейщиков за привлечение в союз рабочих; в штате Массачусетс — поддержал иск рабочего, нечлена союза. Этот рабочий подал жалобу на профсоюз, у которого был заключен договор с предпринимателем о приеме на работу только организованных рабочих. Наиболее серьезное для профсоюзов положение создалось в г. Данбери (штат Коннектикут), где рабочие шляпной фабрики Д. Э. Лоу организовали профсоюз и требовали его признания. В ответ на отказ предпринимателя шляпники объявили бойкот. Лоу обратился в суд в 1903 г. и предъявил профсоюзу иск за нарушение закона Шермана в размере 240 тыс. долл. В декабре 1905 г. суд признал жалобу Лоу обоснованной [40]. Не только шляпники, но все профсоюзы оказались под угрозой финансового краха, ибо «дело Данбери» создавало прецедент, опасный для американского рабочего движения.

Подобное положение сложилось в Англии во время нашумевшего судебного процесса по делу профсоюза железнодорожников Таффской долины. В 1900 г. железнодорожники в долине реки Тафф (Южный Уэльс) объявили стачку. Железнодорожная компания предъявила иск профсоюзу о возмещении убытков, причиненных забастовкой, и в 1902 г. палата лордов как суд высшей инстанции подтвердила требования компании. Однако комитет рабочего представительства, обратившийся к методам политической борьбы [41], добился утверждения билля, восстанавливающего право союзов на бойкот и пикетирование. Решение по делу Таффской долины было отменено. Это событие широко обсуждалось не только в Англии, но и в США. Гомперсу и его коллегам пришлось подумать об изменении тактики, чтобы не подорвать авторитета АФТ.

Наступательные действия предпринимателей, падение в последние годы членства в союзах АФТ, рост влияния Социалистической партии Америки и образование боевой массовой организации неквалифицированных рабочих «Индустриальные рабочие мира» — все это заставило наконец Гомперса пересмотреть свои позиции. АФТ обратилась к конгрес-

---

[39] Congressional Record, vol. 40, pt 1, p. 94.
[40] *Фонер Ф. С.* Указ. соч., т. 3, с. 300—302.
[41] Комитет рабочего представительства, добившийся избрания в парламент 50 представителей, был предшественником лейбористской партии.

су и правительству с документом, получившим известность как профсоюзный билль о жалобах.

Этот документ, составленный С. Гомперсом и Э. Фурусетом, был принят 21 марта 1906 г. на конференции 118 национальных и межнациональных союзов. Рабочие обращались к конгрессу с жалобой на его невнимание к жизненно важным для трудящихся вопросам. Билль о жалобах включал прежде всего требование отмены «инджанкшнз» и принятия закона о 8-часовом рабочем дне на всех видах работ по государственным заказам. Затем перечислялись требования защиты рабочих от конкуренции с трудом заключенных, отмены так называемой «панамской поправки» к закону о 8-часовом рабочем дне[42], об ограничении иммиграции, об усилении закона, запрещающего въезд в страну китайцам, освобождении моряков от принудительной службы, о запрещении использовать закон Шермана против рабочих союзов и некоторые другие. Билль заканчивался почти что угрозой обратиться «к совести и поддержке наших соотечественников»[43], если голос рабочих не будет опять услышан.

Увы, этот голос не был услышан. Президент Рузвельт принял С. Гомперса и Ф. Моррисона, национального секретаря АФТ, но сказал, что не питает надежды на утверждение конгрессом такого билля, хотя он сам якобы — за упразднение закона об «инджанкшнз»[44]. Действительно, от спикера Дж. Кэннона лидеры АФТ получили резкую отповедь.

Гомперсу ничего не оставалось, как обратиться к поддержке рабочих. Однако никаких решительных акций он не предпринял. Билль о жалобах был разослан всем профсоюзам. В сопроводительном письме Гомперс предлагал союзам поддерживать друзей (т. е. тех буржуазных политиков, которые благожелательны к АФТ) и «давать отпор людям и партиям, которые безразличны, нерадивы или враждебны к нам»[45]. Так впервые была сформулирована тактическая линия, которой отныне стала придерживаться АФТ: «поддерживай друзей и наказывай врагов». Как показали события, коренных изменений в тактике АФТ не произошло, хотя руководству АФТ и пришлось признать, что в определенных случаях необходимо прибегать к давлению на правительство. Но Гомперс в своих выступлениях недвусмысленно ограничивал цель этих действий исключительно уничтожением различных запретов, налагаемых правительством на рабочие союзы.

Гомперс глубоко заблуждался в том, что его раболепие перед сильными мира сего принесет плодотворные результаты. Истинное отношение к АФТ правящих кругов — государственных деятелей и представителей монополий — было явно пренебрежительно, как наглядно показала история билля о жалобах, а также упорное противодействие требованиям отмены практики «инджанкшнз». Вполне очевидно, что политика АФТ не вызывала больших опасений ни у правительства, ни у монополи-

---

[42] В 1905 г. по настоянию Рузвельта был отменен закон о 8-часовом рабочем дне для иностранных рабочих, нанимаемых для строительства Панамского канала. А эти рабочие составляли основной контингент на канале.

[43] Цит. по: *Karson M.* American Labor Unions and Politics, 1900—1918. Cambridge (Mass.), 1958, p. 43.

[44] The Letters of Theodore Roosevelt: Vol. 1—8 / Ed. by E. E. Morison. Cambridge (Mass.), 1951—1956, vol. 5, p. 190—191, note 2.

[45] Цит. по: *Фонер Ф. С.* Указ. соч., т. 3, с. 309.

УИЛЬЯМ ХЕЙВУД

стических кругов. Иное отношение сложилось к «Индустриальным рабочим мира».

С первых дней имущие классы высказывали к союзу ИРМ неприкрытую ненависть. Лидеры ИРМ наряду с социалистами оказались «нежелательными гражданами», как открыто назвал их президент Рузвельт. В 1906—1907 гг. власти организовали судебный процесс в Бойсе (штат Айдахо) над тремя членами ИРМ — Хейвудом, Мойером и Петтибоном. Это было предпринято в целях разгрома Западной федерации горнорабочих, которую можно назвать головным профсоюзом, входившим в ИРМ. Арестованных обвинили в убийстве бывшего губернатора штата Айдахо Ф. Стюненберга. Действительным убийцей был некий Орчард, задержанный властями штата. Но его заставили дать показания против Хейвуда, Петтибона и Мойера, хотя все они в момент убийства проживали в Денвере (штат Колорадо) [46].

Рабочих лидеров буквально похитили без предъявления ордера на арест и специальным поездом, предоставленным железнодорожной компанией «Юнион пасифик рэйлроуд», доставили в Бойсе, где и был организован судебный процесс.

На защиту ложно обвиненных товарищей поднялись рабочий класс, социалисты. Западная федерация горнорабочих, «Индустриальные рабочие мира», почти все союзы, входившие в АФТ, Социалистическая партия Америки и Социалистическая рабочая партия выступили с гневным протестом против беззаконных действий губернаторов штатов Айдахо и Колорадо, полицейских властей, судов. В фонд защиты арестованных было собрано 87 тыс. долл. Только Исполнительный совет АФТ ограничился заявлением о невиновности лидеров ЗФГ и просьбой о проведении «беспристрастного суда присяжных».

Суд над У. Хейвудом начался 7 мая 1907 г. и продолжался 54 дня. Защитником выступил адвокат К. Дэрроу. В патетической речи в течение двух заседаний он не только доказал невиновность своего подзащитного, но и ярко обрисовал тяжелую судьбу горняков и деятельность ЗФГ. Непричастность всех трех обвиняемых к убийству Стюненберга была столь очевидной, что присяжные вынесли оправдательный вердикт сначала Хейвуду (27 июля 1907 г.), а затем и Петтибону (в январе 1908 г.). Ч. Мойер был освобожден без суда.

[46] Делу Хейвуда, Мойера и Петтибона посвящена глава в кн.: *Фонер Ф. С.* Указ. соч., т. 4, с. 42—70.

Процесс в Бойсе имел большое политическое значение. Он показал действенность массового протеста, возможность для рабочих добиться успеха, противопоставив враждебным силам сплоченность и организованность. Но этот же процесс показал и другое: уклончивую позицию руководства АФТ. Поведение лидеров федерации свидетельствовало, что они не желают идти на сближение с левыми силами в рабочем движении, предпочитая сотрудничество с буржуазными партиями и правительством. И это, несмотря на открытое наступление предпринимателей на рабочие союзы, завершившееся судебными решениями по искам двух компаний — «Бакс стоув энд рейндж» (президентом которой был глава Национальной ассоциации промышленников Дж. У. Ван Клив) и компании Лоу.

Ван Клив решил расправиться с союзом литейщиков и шлифовальщиков на своем предприятии. Он спровоцировал конфликт, а когда рабочие объявили бойкот, добился от суда в декабре 1907 г. жестокого временного предписания против АФТ, ее лидеров, всех их представителей и участников бойкота. Судья Гульд, вынесший это постановление, запретил впредь любые действия, которые могли бы «препятствовать деятельности истца, ограничить ее или разрушить предприятие» [47].

Даже Гомперс вынужден был признать, что эта мера — посягательство на права граждан США. Однако апелляция Гомперса в Верховный суд не возымела действия. Более того, 3 февраля 1908 г. Верховный суд подтвердил иск Лоу к союзу шляпников и прямо заявил, что «антитрестовский закон распространяется на рассматриваемое дело» [48]. Это решение означало, что все профессиональные союзы и все выступления рабочих — забастовки, бойкоты, пикетирование, сбор средств на нужды бастующих — будут рассматриваться как «заговоры» и нарушения закона Шермана.

Рабочему движению был нанесен тяжелый удар. Во всех штатах рабочие требовали от руководства АФТ активных действий для защиты права на организацию, создания самостоятельной партии рабочих. Тем не менее лидеры АФТ отказались обсуждать вопрос об образовании рабочей партии, утверждая, что участие в политической жизни со стороны профсоюзов должно заключаться лишь в поддержке кандидатов той буржуазной партии, какая займет доброжелательную позицию по отношению к рабочему классу.

Принцип «поддерживай друзей и наказывай врагов» Гомперс решил применить во время президентской кампании 1908 г. Собрание президентов национальных и межнациональных профессиональных союзов 18 марта 1908 г. утвердило два документа: «Протест рабочих в конгресс» с требованием запретить применение закона Шермана против профсоюзов и «Обращение к рабочим», которое заканчивалось опять-таки призывом поддерживать друзей и выступать против врагов.

«Протест рабочих в конгресс» был вручен председателю сената и спикеру палаты представителей. Но все было тщетно: лидеры правящей республиканской партии резко отклонили требования рабочих.

Гомперс сделал еще одну попытку договориться с республиканцами. Он явился на съезд в Чикаго и предложил включить в избирательную

---

[47] Injunction Data Filed by S. Gompers. Wash., 1908, p. 117.

[48] *Фонер Ф. С.* Указ. соч., т. 3, с. 333.

платформу партии программу рабочих в обмен на поддержку их кандидата в президенты. На первом месте стояло требование о запрещении распространять действие закона Шермана на рабочие и фермерские организации. Затем шли требования об ограничении «инджанкшнз» и о передаче конфликтов на рассмотрение суда присяжных; гарантирование закона о 8-часовом рабочем дне всем лицам, занятым на государственных предприятиях; принятие закона об ответственности предпринимателей; создание министерства труда и федерального бюро горнорудной промышленности; учреждение государственных почтовых банков; принятие поправки к конституции о всеобщем избирательном праве для женщин.

Руководство республиканской партии отвергло предложения АФТ. Тогда Гомперс отправился в Денвер, где происходил съезд демократической партии. Здесь он встретил благожелательный прием, ибо демократы, выдвинувшие вновь своим кандидатом У. Дж. Брайана, были заинтересованы в поддержке АФТ. Шесть из восьми пунктов рабочей программы были включены в платформу. Съезд демократов отклонил пункты об избирательном праве для женщин и об учреждении правительством почтовых банков. Взамен демократы получили возможность печатать выступления Брайана на страницах органа АФТ «Американ федерейшионист». Впервые руководство АФТ выступило с прямым призывом к рабочим голосовать за кандидата буржуазной партии.

Тактика поддержки буржуазного кандидата федерацией ослабляла позиции кандидата в президенты от Социалистической партии Америки Ю. Дебса, представителя левого крыла в американском рабочем и социалистическом движениях. Все же вопреки руководству АФТ за него выступали многие не только местные, но и крупные межнациональные союзы.

Поддержка АФТ в 1908 г. не изменила соотношение сил республиканцев и демократов. Кандидат республиканской партии У. Г. Тафт, известный тем, что, будучи юристом, обосновал применение «инджанкшнз» против союзов, победил на выборах значительным числом голосов. Переход АФТ к тактике «поддерживай друзей и наказывай врагов» не принес каких-либо изменений в отношении предпринимателей к союзам. Предприниматели продолжали наступательные действия на союзы, власти усиливали репрессии против рабочих, особенно против членов ИРМ. Рабочий класс отвечал на эти действия стачками и выступлениями в защиту конституционного права на свободу слова. В этих выступлениях, так же как в забастовках 1909—1914 гг., большую роль играли члены ИРМ.

5. БОРЬБА РАБОЧИХ ЗА СВОБОДУ СЛОВА

«Индустриальные рабочие мира» отличались от тред-юнионистов боевым духом, храбростью, готовностью ради дела рабочего класса самозабвенно жертвовать всем, даже жизнью. Эти поразительные черты членов ИРМ — уоббли, как стали их называть повсюду, проявились во время классовых боев в 1909—1914 гг., когда они вели упорную борьбу за право выступать на уличных митингах. Это была настоящая политическая борьба за осуществление права на свободу слова, зафиксированного в конституции США. Американский историк Ф. Фонер справедливо называл эти выступления «Индустриальных рабочих мира» «одной из самых по-

разительных в истории Америки попыток претворить в жизнь билль о правах»[49].

Первое выступление рабочих за право собираться на уличные митинги произошло летом 1909 г. в г. Мизула (штат Монтана). Мизула была центром, через который проезжали тысячи сезонных рабочих в поисках работы на лесопромышленных участках. Агентства по найму, которых в Мизуле насчитывались десятки, пользовались безвыходным положением этих людей, вынужденных соглашаться на тяжелейшие условия труда да еще и выплачивать агентам немалые суммы из заработка за устройство на работу. Эти агенты (рабочие звали их «вымогателями» или «акулами найма») действовали в контакте с предпринимателями. Последние увольняли вновь принятого рабочего, как только тот выплачивал деньги за устройство на работу. Эта система, которую уоббли с горьким юмором называли «командой-из-трех» (three-crews), т. е. один едет работать, другой увольняется, третий работает, выматывала из людей последние силы.

ИРМ в 1909 г. выступили в Мизуле против подобной системы, требуя, чтобы предприниматели нанимали кочующих рабочих через союзы. Несколько организаторов ИРМ стали на улицах агитировать этих рабочих вступать в союз. Муниципалитет запретил уличные митинги, но ирмовцы не подчинились, и через два дня начались аресты.

На помощь в Мизулу бросились ирмовцы. Э. Г. Флинн, принимавшая деятельное участие в борьбе за свободу слова, писала: «В город непрерывным потоком начали прибывать члены ИРМ. Они приезжали в вагонах, на вагонах и под вагонами»[50]. Эти люди включались в борьбу, едва сойдя с поезда. Как только полиция хватала одного, его место на ящике, игравшем роль трибуны, занимал следующий. В городской тюрьме не хватало помещения для арестованных. В Мизуле ирмовцами была испробована новая тактика ненасилия, тактика пассивного сопротивления и переполнения тюрем. Местные власти не устояли перед напором ИРМ. Арестованных выпустили, уличные митинги были разрешены.

Успех в Мизуле окрылил ирмовцев. Еще до того как были освобождены последние заключенные из мизульской тюрьмы, в конце 1909 г. началась борьба за свободу слова в Спокане (штат Вашингтон), Фресно и других городах Запада[51]. Ирмовцы и здесь применяли тактику «переполнения тюрем», стойко перенося издевательства и жестокое обращение полиции.

В битвах за свободу слова участвовали люди, ставшие впоследствии знаменитыми и верными бойцами за дело рабочего класса: Фрэнк Литл, 19-летняя Элизабет Гарли Флинн (для которой тюремное заключение в Мизуле и Спокане было боевым крещением), Уильям З. Фостер, будущий руководитель Коммунистической партии США. Отбыв 2-месячное тюремное заключение в Спокане, Фостер вступил в ИРМ и вошел в комитет, руководящий борьбой рабочих[52].

Благодаря мужеству и стойкости членов ИРМ битвы за свободу слова в Мизуле, Спокане, Фресно, Абердине и некоторых других городах на

---

[49] *Фонер Ф. С.* Указ. соч., т. 4, с. 149.
[50] *Флинн Э. Г.* Указ. соч., с. 111.
[51] Подробнее о борьбе рабочих за свободу слова см.: *Фонер Ф. С.* Указ. соч., т. 4, гл. VII, VIII.
[52] *Foster W. Z.* Pages from a Worker's Life. N. Y., 1939, p. 145.

Западе закончились победой рабочих. Эта победа была завоевана в жестоких схватках, ценой страданий и даже смерти тех, кто не вынес истязаний в тюрьмах.

В 1911 г. Ассоциация торговцев и предпринимателей решила положить конец деятельности ИРМ по организации кочующих сезонных рабочих в Калифорнии. Удар был нанесен в Сан-Диего; там организаторы ИРМ проводили агитацию для вовлечения в союз трамвайщиков, рабочих сахарного завода и лесорубов. В этом городе издавна было отведено место для выступлений уличных ораторов, тем не менее городские власти внезапно запретили созывать митинги в пределах города. Это решение вызвало взрыв протеста. Ирмовцы, социалисты, члены профсоюзов АФТ и представители религиозных организаций устроили митинг, несмотря на запрещение. Но власти не собирались отказываться от принятого решения, и через месяц, когда постановление вошло в силу, начались массовые аресты. Тогда несколько тысяч уоббли и безработных из разных штатов двинулись в Сан-Диего. Повторилось то же, что и во Фресно и Абердине: местная тюрьма была переполнена, были случаи, когда полицейские насмерть забивали заключенных. Протесты либеральных газет не могли остановить озверевших «бдительных» и полицейских.

В адрес губернатора штата Х. Джонсона посыпались телеграммы и письма с требованиями прекратить зверства в Сан-Диего. Губернатор, имевший репутацию прогрессиста, направил для расследования в Сан-Диего своего представителя. Тот устроил открытое разбирательство и на основании показаний многочисленных свидетелей составил доклад, в котором, хотя и критиковал деятельность ИРМ, резко осудил зверства городских властей. Генеральному прокурору штата пришлось сделать внушение «бдительным». «Именитые граждане» Калифорнии были возмущены и обратились с письмом к президенту, в котором требовали прислать федеральные войска и покончить с «преступной организацией ИРМ». Тафт готов был бы совершить подобный шаг, но конституция США не допускала посылку федеральных войск без просьбы губернатора штата. Однако Х. Джонсон не сделал этого. В конце концов полиции пришлось постепенно освободить арестованных, но только к лету 1914 г. ирмовцы получили возможность проводить уличные митинги в Сан-Диего.

Борьба рабочих за право устраивать собрания для обсуждения своих нужд, за право организации уличных митингов оставила яркий след в истории американского народа. Ошибки ИРМ, отразившие анархо-синдикалистский дух этой организации, отказ большинства ее членов проводить планомерную работу в среде рабочих по созданию жизнестойких союзов (они покидали город, как только добивались разрешения на уличные митинги), даже тот факт, что пассивная тактика «переполнения тюрем» в итоге подтачивала силы людей и организации в целом,— все это не может зачеркнуть мужества и подлинного героизма, проявленных участниками этой жестокой и изнурительной борьбы. И, как правильно отмечал Л. Де Кокс, один из ветеранов ИРМ [53], «крестовые походы ирмовцев за свободу слова были более альтруистическим движением, чем большая часть движений угнетенных за улучшение своего положения» [54].

---

[53] Л. Де Кокс состоял в рядах ИРМ в 1921—1925 гг., когда еще были живы воспоминания о героической борьбе ИРМ в 1909—1912 гг., и в годы первой мировой войны.
[54] *De Caux L.* The Living Spirit of the Wobblies. N. Y., 1978, p. 55.

Однако истинно революционный, бунтарский дух ирмовцев, преданность общему делу сочетались с отсутствием дисциплины, отказом от политической борьбы и отрицанием политической организации рабочего класса. Все надежды возлагались на всеобщую стачку, которая когда-нибудь приведет к победе рабочего класса и созданию общественного строя, называемого ими «индустриальной республикой». Ради этой цели, маячившей где-то в будущем, члены ИРМ сражались за свободу слова и принимали непосредственное участие в забастовочном движении, широко развернувшемся во многих районах страны в эти годы.

6. СТАЧКИ И ПРОФСОЮЗЫ В 1909—1914 ГГ.

Крупные классовые битвы произошли в Мак-Кис-Роксе (1909 г.), в Лоренсе (1912 г.), в Ладлоу (1913—1914 гг.) и других местах[55]. Забастовки большей частью вспыхивали стихийно в результате чрезвычайно тяжелых условий труда и низкой заработной платы рабочих, когда их терпение истощалось и они бросали работу, ставя на карту будущее свое и своих семей.

Одной из первых крупных стачек, окончившихся победой рабочих, была стачка 1909 г. в Мак-Кис-Роксе (штат Пенсильвания) на заводе «Прест стил кар компани», дочернем предприятии «Стального треста». Ф. С. Фонер подчеркивал значение этой стачки как первой, которая доказала, что рабочие-иммигранты способны создать эффективную организацию на производственной основе[56]. Действительно, подавляющая масса рабочих Мак-Кис-Рокса были иммигранты[57]. Но именно среди них оказались люди, имевшие опыт забастовочной борьбы у себя на родине. Они внесли в забастовку элементы организации, образовали собственный комитет («Секретный комитет»), увлекший за собой колеблющихся и склонных к компромиссу квалифицированных американских рабочих. ИРМ взяли на себя руководство стачкой. Попытки компании пустить завод с помощью штрейкбрехеров не дали результатов, и ей пришлось удовлетворить почти все требования рабочих.

Однако далеко не везде рабочие добивались такого успеха, как в Мак-Кис-Роксе. Стачки 1911 г. на заводах «Стального треста» в Ньюкасле и Бетлехеме закончились поражением. В сталелитейной промышленности на долгие годы утвердилась система «открытого цеха»[58].

В конце 1909 г. вспыхнула стачка женщин — работниц швейных мастерских Нью-Йорка (последних насчитывалось до 500) — первая общая забастовка, в которой приняли участие 30 тыс. работниц. Эта стачка, по словам американского историка женского движения Э. Флекснер, разбила все утверждения о том, что женщины не могут выступать организованно[59]. Вскоре в Нью-Йорке началась забастовка портных верхнего дам-

[55] Подробное описание условий труда в различных отраслях промышленности и ход стачечной борьбы см.: *Фонер Ф. С.* Указ. соч., т. 4, гл. XII—XVI.

[56] Там же, т. 4, с. 252.

[57] В рядах стачечников были люди 16 национальностей: коренные американцы, венгры, немцы, русины, словаки, хорваты, поляки, турки, литовцы, русские, греки, итальянцы, армяне, румыны, болгары, шведы. См.: *De Caux L.* Op. cit., p. 59.

[58] *Taft Ph.* The American Federation of Labor in the Time of Gompers. N. Y., 1957, p. 274—275.

[59] *Flexner E.* Century of Struggle. The Woman's Rights Movement in the United States Cambridge (Mass.); London, 1977, p. 241—242.

ского платья за установление системы «закрытого цеха» и уничтожение потогонной системы [60]. И в том и в другом случае забастовщики добились улучшения своего положения, однако предприниматели так и не согласились на полную отмену «открытого цеха». Фактически была установлена компромиссная система «преференциального цеха», при которой из двух претендующих на место рабочих принимался все же член профсоюза.

Говоря о стачечном движении в годы, предшествовавшие первой мировой войне, нельзя не сказать о знаменитых забастовках текстильщиков в 1912—1913 гг. в Лоренсе (штат Массачусетс) и Патерсоне (штат Нью-Джерси). В Лоренсе бастовали 23 тыс. человек. Как и в Мак-Кис-Роксе, подавляющее число рабочих Лоренса были иммигранты. Они принадлежали к 25 национальностям. Однако эта огромная разноязычная масса людей смогла объединиться и выступить в защиту своих прав и человеческого достоинства. Во время стачки в Лоренсе впервые был применен метод беспрерывного подвижного пикетирования, в котором принимали участие 10 тыс. человек [61].

Для руководства стачкой в Лоренс приехала группа организаторов ИРМ: Дж. Эттор, его друг А. Джованитти — редактор итальянской рабочей газеты и поэт, Дж. Томпсон, Э. Г. Флинн и У. Хейвуд. Последний — после ареста Эттора и Джованитти — был избран председателем стачечного комитета. «Большой Билл», как с любовью называли Хейвуда товарищи, прошел тяжелую жизненную школу. Рабочий по происхождению, он был убежденным социалистом и одним из лидеров ИРМ.

Стачка в Лоренсе окончилась успешно. Предприниматели удовлетворили требования рабочих о повышении заработной платы на 5—22% (рабочие требовали повышения всем на 15%) и о реформе премиальной системы. Это был значительный успех и только первый шаг к улучшению положения текстильщиков штатов Новой Англии вообще. После Лоренса по текстильным предприятиям Массачусетса прокатилась волна стачек. Косвенным результатом победы рабочих в Лоренсе было повышение заработной платы примерно 275 тыс. текстильщиков Новой Англии [62].

Иначе обстояло дело на шелкоткацких фабриках в Патерсоне. Здесь бастовали почти два года (с 1910 по 1912 г.). Несмотря на стойкость и дисциплинированность рабочих и усилия ирмовцев, забастовка не принесла ее участникам успеха. 1 августа 1913 г. рабочим патерсоновских предприятий пришлось вернуться к станкам, почти ничего не добившись. К этому их вынудили прежде всего настоящий голод, а также полицейские репрессии [63].

Движение за привлечение в союзы неорганизованных рабочих происходило и на Юге. Здесь условия труда лесорубов были крайне тяжелыми, а заработная плата — на 15—20% ниже, чем на Западе. Бóльшая часть лесорубов (в отличие от Запада) состояла из оседлых рабочих — мелких фермеров и издольщиков, уходивших из дома на заработки в по-

---

[60] *Зубок Л. И.* Очерки истории рабочего движения в США, 1865—1918. М., 1962, с. 447—449.

[61] Подробнее см.: *Бойер Р. О., Морейс Г. М.* Нерассказанная история рабочего движения в США. М., 1957, с. 282.

[62] *Фонер Ф. С.* Указ. соч., т. 4, с. 315, 316.

[63] *Флинн Э. Г.* Указ. соч., с. 179—185.

исках сезонных работ. Среди рабочих было много негров (в некоторые периоды более половины). Они были заняты на самой низкооплачиваемой и наиболее трудной работе.

В 1911 г. местные разрозненные союзы объединились в Братство лесопромышленных рабочих. Братство стояло на консервативных позициях, отрицало всякого рода насильственные действия. В одном только руководителям братства пришлось поступиться общепринятыми традициями: в ряды организации допускались негры, без этого ее деятельность была бы просто невозможна, ибо слишком высок был процент негров среди лесорубов. Однако негры должны были объединяться в отдельные «цветные ложи».

Ассоциация лесопромышленников Юга поставила целью пресечь деятельность братства, в чем ей охотно помог Гомперс, посоветовав объявить, что лишь союзы АФТ могут действовать на предприятиях ассоциации, и рекомендовав уволить всех членов братства [64]. Это беспримерное предательство возымело обратное действие. Число членов братства возросло до 20—25 тыс. В мае 1912 г. на своем втором съезде братство приняло решение примкнуть к ИРМ.

Хейвуд и Флинн, приехавшие на съезд братства, были поражены, увидев, что рабочие-негры собрались в отдельном зале. Хейвуд произнес горячую речь, призывая белых и черных рабочих сообща решать свои дела. Это был первый случай на Юге, когда черные рабочие после речи Хейвуда сели рядом с белыми.

Не следует забывать, что ИРМ последовательно выступали против расовой дискриминации. Де Кокс справедливо подчеркивал, что «союз ИРМ был столь же антирасистским, сколь открыто расистским были союзы белых квалифицированных рабочих, входившие в АФТ» [65]. Официально (т. е. по уставу) только восемь союзов АФТ отказывали в членстве черным рабочим, зато все остальные имели такие высокие уставные требования при приеме в члены союза, что негры с их низкой квалификацией не имели никаких шансов вступить в союз АФТ [66].

В истории рабочего движения США есть немало трагических страниц, но, может быть, одной из самых трагических была «гражданская война» в Колорадо в 1913—1914 гг. В районе Тринидада, где штат Колорадо граничит с севером Техаса, были расположены шахты нескольких компаний, среди которых главное место занимала компания «Колорадо фьюел энд айрон», принадлежавшая Рокфеллеру. Невероятно тяжелые условия жизни и труда рабочих, усугублявшиеся их полной зависимостью от хозяев, которые владели не только шахтами, но и жалкими лачугами шахтеров, продовольственными и другими магазинами в поселках, вызвали в конце концов взрыв возмущения.

В сентябре 1913 г. в Колорадо началась забастовка под руководством Объединенного союза горняков [67].

Забастовка затянулась до весны следующего года. Предприниматели решили любой ценой сломать волю рабочих к сопротивлению. В апреле сформированные ими отряды «бдительных» вместе с национальной гвар-

---

[64] *Фонер Ф. С.* Указ. соч., т. 4, с. 211.
[65] *De Caux L.* Op. cit., p. 65.
[66] *Foner Ph. S.* Organized Labor and the Black Worker, 1619—1973. N. Y.; Wash., 1974, p. 73—74.
[67] Подробнее см.: *Йелн С.* Указ. соч., с. 191—211.

дией штата напали на палаточный лагерь близ Ладлоу, где жили рабочие семьи, выгнанные шахтовладельцами из своих лачуг. Лагерь был сожжен вместе с находившимися там женщинами и детьми. Забастовщики из окрестных районов двинулись на помощь Ладлоу. Десять дней шли настоящие бои, было убито около 30 человек (кроме того, 21 человек погиб при разгроме лагеря Ладлоу). Бои прекратились только 30 апреля, когда прибыли федеральные войска.

Никто не понес наказания за совершенные преступления[68]. Углепромышленники с неслыханной наглостью отвергали вмешательство даже президента Вильсона. Рокфеллер с помощью наемной агентуры забросал страну памфлетами и статьями о «фактах борьбы в Колорадо». Эта грязная кампания достигла цели: предали суду 124 рабочих, участников забастовки[69].

Битва горняков Колорадо была проиграна, но никакие репрессии не могли задержать развитие рабочего движения. Стачки в угледобывающей, сталелитейной и в других отраслях промышленности вспыхивали то в одном, то в нескольких штатах. В 1913 г. число забастовщиков достигло 997 тыс.[70] Отличительной чертой рабочего движения начала века была борьба за признание профсоюза. Именно поэтому предприниматели, особенно крупные корпорации, поставили своей задачей добиться разгрома профсоюзов. С этой целью после «гражданской войны» в Колорадо по личному указанию Дж. Д. Рокфеллера-младшего в угольном бассейне Колорадо был проведен в жизнь план создания «компанейских союзов» («план Рокфеллера»), членами которых были и предприниматели, и рабочие. Но вопросами заработной платы, пересмотра ставок даже этим союзам заниматься не разрешалось. В «компанейских союзах» шахтеры оказались в полном подчинении у своих хозяев.

Борьба рабочих за признание профсоюзов принимала ожесточенные формы. Видя, что забастовки, бойкоты, пикетирование не дают результатов, некоторые профсоюзные организаторы решались на крайнюю меру: устраивали взрывы с целью привлечь внимание общественности. Однако эта тактика «динамитчиков», как их называли в буржуазной прессе, привела к трагическим результатам. В апреле 1911 г. по обвинению во взрыве помещения газеты «Лос-Анджелес таймс» были арестованы три профсоюзных деятеля: секретарь-казначей союза сталелитейщиков Джон Макнамара, его брат Джеймс и О. Макманигал. Во время взрыва (октябрь 1910 г.) погибли или были тяжело ранены около 40 человек[71].

Процесс братьев Макнамара вызвал широкий резонанс. В их защиту выступили Дебс и даже АФТ во главе с Гомперсом и Моррисоном. Сначала братья Макнамара отрицали свою вину, однако в ходе процесса стало ясно, что улики в их виновности невозможно опровергнуть. Джон Макнамара, спасая жизнь брату, признал себя виновным, но утверждал, что не хотел никого убивать. Он был приговорен к пожизненному заключению, а его брат — к 15 годам тюрьмы.

---

[68] Из карателей был предан суду только один офицер национальной гвардии за убийство рабочего, которое было подтверждено свидетелями. Его всего лишь понизили в чине.

[69] *Фурсенко А. А.* Династия Рокфеллеров. Л., 1970, с. 116—117.

[70] *Кучинский Ю.* История условий труда в США с 1789 по 1947 г. М., 1948, с. 333.

[71] *Зубок Л. И.* Очерки истории рабочего движения в США, с. 459—462.

Дело братьев Макнамара нанесло удар рабочему движению. Престиж АФТ, подорванный соглашательской политикой лидеров, в эти годы значительно поколебался. А выступление Гомперса в защиту Макнамара, о чем глава АФТ потом сожалел, не подняло авторитета федерации. Тем более что было широко известно, как предательски держались лидеры АФТ во время забастовок в Лоренсе и Патерсоне, где всю тяжесть ведения стачек и организации помощи бастующим ткачам взяли на себя ИРМ.

В течение 1909—1913 гг. «Индустриальные рабочие мира» привлекли в свои ряды десятки тысяч рабочих [72]. Однако состав союза — и в этом была одна из его слабостей — отличался текучестью, местные организации после окончания стачек если не исчезали совсем, то теряли бо́льшую часть членов. В этом были повинны сами руководители ИРМ. После окончания стачек все организаторы складывали чемоданы и отправлялись в другие места, где требовалась их непосредственная помощь. А лишенные опытных лидеров вновь образованные союзы распадались, сворачивали работу. Таким образом, факты показали, что тактика «двойного юнионизма» не принесла ожидаемых результатов.

В 1911 г. У. З. Фостер, выдвинувшийся к этому времени как талантливый организатор и человек, беспредельно преданный делу пролетариата, пришел к выводу, что существование ИРМ рядом с АФТ и независимыми тред-юнионами приносит не пользу, а вред рабочему движению. Он побывал в Европе, познакомился с деятельностью европейских синдикалистов и социал-демократов и испытал сильное влияние французских синдикалистов. Вернувшись в США, он выступил с поддержкой идеи проведения в профсоюзном движении тактики «сверления изнутри», т. е. членам ИРМ предлагалось вступить в существующие консервативные союзы и вести там пропаганду за идеалы ИРМ. Но он не встретил поддержки у лидеров ИРМ, хотя Хейвуд в принципе одобрял «сверление изнутри» [73].

Верный захватившей его идее, Фостер вышел из ИРМ и основал Синдикалистскую лигу Северной Америки, основной задачей которой было революционное воспитание масс, а целью — ниспровержение существующего строя. Программа лиги, изложенная в брошюре Фостера «Синдикализм», была проникнута анархо-синдикалистским духом. Она отрицала политические методы борьбы, главным оружием признавала всеобщую стачку, допускала борьбу за улучшение положения рабочих в рамках капитализма и рекомендовала своим членам входить в профсоюзы для ведения там революционной пропаганды. Лига просуществовала всего два года, затем распалась.

Однако сама по себе идея тактики «сверления изнутри» не была ошибкой. Это подтверждал опыт английской секции «Индустриальных

---

[72] По данным Л. Уолмана, число членов ИРМ в 1905 г. составляло 14 300, 1906 г.— 10 400, 1907 г.— 6700, 1908 г.— 13 200, 1909 г.— 10 700, 1910 г.— 9100, 1911 г.— 12 800, 1912 г.— 18 300, в 1913 г.— 14 300. См.: *Wolman L.* The Growth of American Trade Unions, 1880—1923. N. Y., 1924, p. 118—119. Однако другие исследователи приводят иные цифры. Действительное число членов ИРМ, регулярно платящих взносы, определить трудно, что признавали сами лидеры союза. Сент-Джон утверждал, что в первый год существования ИРМ число членов союза составляло приблизительно 14 тыс. См.: *Фонер Ф. С.* Указ. соч., т. 4, с. 63—64.

[73] *Быков В.* Уильям Фостер: Страницы жизни и борьбы.— Новая и новейшая история, 1973, № 4, с. 106—107.

рабочих мира», о котором американским рабочим рассказывал Т. Манн [74], приезжавший в США в 1913 г. Но и ему не удалось убедить лидеров ИРМ, остававшихся сторонниками «двойного юнионизма». Дебс, критически относившийся ко многим пунктам программы ИРМ, как известно, разделял их отрицательный взгляд на тактику «сверления изнутри».

Анархо-синдикалистские тенденции становились в ИРМ все сильнее. Именно в этом крылась главная причина того, что союз ИРМ, несмотря на его революционный дух, не стал массовой организацией рабочего класса. Но борьба за свободу слова, забастовки, руководимые ирмовцами, составляют славную страницу в истории борьбы американского пролетариата. «Индустриальных рабочих мира» с полным правом можно назвать боевой интернационалистской организацией трудящихся США, «исходившей из непримиримости эксплуатируемых и эксплуататоров» [75].

[74] Т. Манн, английский профсоюзный деятель и один из основателей Коммунистической партии Великобритании, приезжал в США по приглашению Синдикалистской лиги Северной Америки.

[75] Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории: В 7-ми т. / Под ред. Б. Н. Пономарева и др. М., 1976—1978, т. 3, с. 330.

Глава десятая
СОЦИАЛИСТЫ: УСПЕХИ И НЕУДАЧИ

1. ОБРАЗОВАНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ АМЕРИКИ

29 июля 1901 г. в Индианаполисе на учредительном съезде, где присутствовали 125 человек — делегаты от 6546 социалистов, была создана Социалистическая партия Америки (СПА).

Обсуждение программы вновь созданной партии носило остро дискуссионный характер. Серьезные разногласия обнаружились по принципиально важному вопросу: включать ли в программу пункт о ближайших требованиях. Некоторые делегаты (их было меньшинство) настаивали лишь на пункте, касавшемся борьбы за конечную цель социалистического движения — свержение капиталистического строя и построение социалистического общества. «Импоссибилисты», как их называли, отрицали необходимость упоминать о ближайших экономических требованиях, которыми руководствовалось в своей практике профсоюзное движение. После долгих споров большинством голосов было решено внести в программу пункт о проведении впредь до установления в США социалистического строя необходимых реформ, направленных на улучшение положения рабочего класса [1].

Жаркие дебаты проходили также по вопросам об отношении социалистов к фермерам и неграм. В результате в программу не были включены фермерские требования; что касается второй группы населения, на съезде была выражена солидарность с негритянским рабочим классом. Принятие устава партии и избрание Национального исполнительного комитета прошли более спокойно.

В Национальный исполнительный комитет вошли представители объединяющихся партийных организаций по одному от каждого штата. Национальным секретарем партии был избран Л. Гринбаум. Устав партии предусматривал широкую автономию для местных партийных организаций. Этого требовала милуокская социал-демократия, лидер которой, В. Бергер, намеревался впредь проводить независимую от центральных партийных органов политику. Партийные организации на местах, говорилось в уставе, могли осуществлять «контроль за устной и печатной пропагандой, организационными вопросами и финансами», что же касается Национального исполнительного комитета, то ему предписывалось «не вмешиваться в дела соответствующей организации штата или территории без их согласия» [2]. Организационные принципы, провозглашенные в уставе СПА, свидетельствовали, что ее лидеры стремились создать как можно более широкую организацию.

---

[1] *Фонер Ф. С.* История рабочего движения в США...: В 5-ти т. М., 1949—1983, т. 2, с. 492.

[2] Constitution of the Socialist Party.— Worker, 1901, Aug. 11, p. 1.

Совершенно очевидно, что это была реакция на ригоризм руководства СРП, которое свысока смотрело на выступления непролетарских масс, излишне много говорило о «чистоте» своих принципов и постепенно превращалось в небольшую, изолированную от широких движений группу. Руководители созданной СПА действовали в противоположном направлении: стремились расширить социалистическую пропаганду и обеспечить непрерывный рост партийных рядов. Либерализация в вопросах партийного строительства и в подборе партийных кадров, о чем было заявлено на учредительном съезде, способствовала развитию этих тенденций. Однако она вызвала и ряд нежелательных явлений. Как известно, в последующие годы такая тактика привела к тому, что в партии началось засилье мелкобуржуазных реформаторов, не считавшихся с партийной дисциплиной, отвергавших марксистское учение о развитии общества и революционной борьбе пролетариата и выдвигавших взамен теории «муниципального», «государственного» и тому подобных «социализмов», которые отвлекали рабочее движение от насущных проблем и направляли в русло буржуазной политики.

Таким образом, в начале XX в. США в международном социалистическом движении были представлены двумя политическими партиями — Социалистической партией Америки, выступавшей от имени нескольких тысяч социалистов, и Социалистической рабочей партией, превратившейся к тому времени в малочисленную секту. В своих программах и платформах обе партии подтверждали верность принципам научного социализма, и обе на конгрессах II Интернационала выступали от имени американского рабочего класса.

Социалистические идеи находили все большее признание в американском рабочем движении, о чем свидетельствовала популярность лозунга «Коллективная собственность на средства производства». Однако в практической деятельности американские социалисты не были едины и между ними существовали важные расхождения по вопросам стратегии и тактики массового рабочего движения, в результате чего последнее «развивалось в отрыве от деятельности социалистических организаций» [3]. События сложились таким образом, что ключевые позиции в социалистическом движении США в начале XX в. были захвачены социал-реформистами. Это обстоятельство имело особо неблагоприятные последствия для социалистического движения в целом: оно так и не превратилось в политическое движение пролетариата.

Фактически со времени учредительного съезда СПА была идеологически расколота на три фракции: правых, центристов и левых. Правые (их ядро составляли члены партийной организации штата Висконсин во главе с В. Бергером) в теоретических установках опирались на бернштейнианство, т. е. на откровенно антимарксистское учение, направленное против социалистической революции и завоевания диктатуры пролетариата. Правые выступали в одном лагере с ревизионистами из II Интернационала, предпочитавшими путь мирных реформ и соглашений с буржуазией массовым политическим действиям рабочего класса.

Ссылаясь на теорию Бернштейна, они заявляли, что, добиваясь реформ при капитализме, социалисты завоюют признание в обществе скорее, не-

---

[3] Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории: В 7-ми т. / Под ред. Б. Н. Пономарева и др. М., 1976—1978, т. 2, с. 424.

жели агитацией за революционное свержение капиталистической системы. Поэтому особенно активно они поддерживали «экономизм» лидеров АФТ и убеждали профсоюзы оставаться нейтральными по отношению ко всем политическим, в том числе и социалистическому, движениям. Закосневшие в парламентском кретинизме, правые рассматривали политическое действие как возможность провести законным, реформистским путем различные преобразования, действуя через буржуазную законодательную и исполнительную власти. Основное дело социалистов, утверждали они,— это овладение органами городского самоуправления. По мнению Бергера, социалисты, заняв большинство мест в муниципалитетах, смогут обратить их в орудие социалистической реформы, в средство постепенного превращения капиталистической системы в социалистическую.

Трансформация капитализма, согласно правым, происходит ежедневно и является результатом расширения муниципальной собственности, результатом распространения ее на все сферы коммунального обслуживания населения. Их лозунги во многом повторяли популистские и прогрессистские программы относительно национализации трестов, железных дорог, городских коммуникаций, почты, телеграфа и т. п. Все эти мероприятия, полагали они, сокращают дивиденды капиталистических корпораций, децентрализуют капитализм в целом и способствуют «врастанию» в него социализма.

По мнению правых, социалистам следует отказаться от стратегической линии на социалистическую революцию и ограничиться участием в антитрестовском движении, в которое должны быть вовлечены как трудящиеся массы, так и определенные слои буржуазии. Уклон в сторону реформистской политики, отрицание внепарламентских действий характеризовали образ и стиль поведения правых. Один из видных деятелей правого крыла СПА, С. Стэдман, так формулировал идейное кредо социал-реформистов: «Политическая программа социалистов по существу своему конструктивна. Она исходит из капиталистической системы как таковой и использует любую возможность, чтобы помочь переходу от частного владения собственностью к общественному. В этой программе нет места революциям и социальным катаклизмам» [4].

Неудивительно, что оппортунистическая идея движения к социализму через реформу находила немало поклонников в лагере буржуазии. Так, в пропаганде «эволюционного» социализма активное участие принял миллионер Уилшир, издававший «Уилширс мэгэзин». Он охотно предоставлял страницы журнала для пропаганды социал-реформистских теорий, фабианских, прогрессистских и популистских идей [5]. Сам Уилшир, выступая в печати, заявил: «Мы можем прийти к социализму, подвигаясь шаг за шагом» [6].

Какую же роль отводили правые рабочему классу в этом эволюционном движении к социализму? В проектах «муниципальных» социалистов рабочий класс фактически выступал как пассивный элемент общества в плане политическом. Согласно правым, социализм ни в коей мере не является классовым движением пролетариата. Они провозглашали «социализм для всех», в том числе и для капиталистов. Последние из

[4] International Socialist Review, 1902, July, vol. 3, N 1, p. 25.

[5] Эпиграфом к каждому номеру была фраза: «Пусть трестами владеет нация» (Let the Nation Own the Trusts).

[6] International Socialist Review, 1902, July, vol. 3, N 1, p. 32.

«простых собственников будут превращены в реальных производителей, получающих вознаграждение от общества за свою службу» [7]. Воспринявшие идеи социал-дарвинизма, правые объявили социализм одной из стадий общественной эволюции, которая наступит в свое время и без каких бы то ни было революционных усилий со стороны рабочего класса. Поэтому, считали они, рабочие должны заниматься главным образом экономической борьбой, ограничив политическую активность участием в избирательных кампаниях.

Идейный оппортунизм правых дополнялся оппортунизмом организационным. Они отстаивали и проводили принцип автономности и независимости местных партийных организаций от вышестоящих партийных органов. Одержимые манией независимости, правые требовали такой же бесконтрольности и над социалистической прессой со стороны Национального исполнительного комитета. Влияние этих местнических настроений отрицательно сказалось на дисциплине в партии. В феврале 1902 г., т. е. спустя всего год после образования, национальный секретарь Гринбаум сообщал, что многие социалисты лишь формально числятся в партии, взносы в партийную кассу поступают нерегулярно и связь между Национальным исполнительным комитетом и большинством местных организаций фактически отсутствует [8].

В первые годы после образования СПА в идеологии центристов, как она была сформулирована их лидерами, проблема классов и классовой борьбы занимала главное место. Подобно левым, центристы утверждали в тот период, что в буржуазном обществе не может быть классового мира и только окончательное отстранение капиталистов от контроля над производительными силами и над правительственным аппаратом решит социальную проблему, перед которой стоит современное рабочее движение. В эти годы М. Хилквит, один из видных центристов («практикующий адвокат и активный социалист», как он себя однажды аттестовал [9]), выпустил в свет книгу по истории американского социалистического движения. В ней была показана связь социализма с ростом пролетарского движения и стремлением рабочих к независимым политическим действиям [10]. Другой, не менее известный теоретик центризма, Э. Саймонс, заявлял, что «современное общество должно быть преобразовано с помощью классово сознательного революционного выступления рабочих» [11].

С течением времени, однако, выступления теоретиков центра приобретали более правый характер. Центристы все теснее сближались с реформистами, все более склонялись к признанию того, что главное в движении — это победы социалистов на выборах в местные и центральные

---

[7] *Eastwood F. M.* The Question-Box. Answers to Questions About Socialism. Chicago, s. a., p. 23.

[8] International Socialist Review, 1902, Febr., vol. 2, N 8, p. 636—637.

[9] MH to A. M. Peskov, January 1, 1928.— State Historical Society of Wisconsin, Madison, 1969. The Morris Hillquit Papers (Microfilm), N 2598. (Далее: SHSW).

[10] *Hillquit M.* History of Socialism in the United States. N. Y., 1903 (рус. пер.: *Хилквит М.* История социализма в Соединенных Штатах. СПб., 1908). Спустя два десятилетия М. Хилквит, претендовавший на роль теоретика марксизма, писал в автобиографической книге, что всегда поддерживал только конституционное политическое действие, а социализм рассматривал как движение к некоей идеальной социальной цели, достижение которой является весьма проблематичным в обозримом будущем. См.: *Hillquit M.* Loose Leaves From a Busy Life. N. Y., 1934, p. 67.

[11] *Simons A. M.* The Philosophy of Socialism. Chicago, s. a., p. 21—22.

органы власти, способствующие постепенной трансформации капитализма в социализм. Ревизии были подвергнуты основные марксистские положения, касающиеся проблем соотношения политической и экономической борьбы в рабочем движении. Широкую поддержку со стороны центристов получила теория «двух рук рабочего движения», требовавшая разграничения партийной и профсоюзной работы и невмешательства СПА во внутренние дела профсоюзов[12]. При активной поддержке Хилквита и других центристов Национальный исполком СПА принял решение впредь руководствоваться в своей рабочей политике принципом невмешательства.

Следует отметить, что официальную позицию Национального исполкома поддержали не все члены партии. В период стачки рабочих антрацитовых шахт в 1902 г. пенсильванские социалисты действовали вопреки решению исполкома партии: они приняли самое непосредственное участие в событиях, вели среди бастующих социалистическую агитацию, говорили о необходимости объединить усилия для успешного окончания стачки, рассказывали о положении в промышленности и т. п. Прибывший в район стачки член исполкома СПА У. Мейли должен был признать, что присутствие и разъяснительная работа социалистов имели «самые благотворные результаты и для стачки и для профсоюза шахтеров»[13]. Сомнения относительно неукоснительного проведения принципа невмешательства высказывались и другими руководящими деятелями СПА. В разгар стачечной борьбы в 1902 г. Дж. Гарриман, например, писал М. Хилквиту: «Профсоюзы намерены идти в политику, и нам следовало бы присоединиться к ним. Ведь это 75% голосов, и мы их потеряем, если не сделаем этого. В их глазах мы будем выглядеть врагами, и вся наша деятельность среди рабочих будет дискредитирована»[14].

Отдельные критические выступления, конечно, не могли изменить положения вещей, сложившегося в партии: большинство считало правильным избегать решительных действий и какого-либо влияния на профсоюзы. Некоторое время той же точки зрения придерживались и левые. Дебс говорил в тот период, что отношение СПА к профсоюзному движению следует признать правильным, поскольку «всякое вмешательство принесло бы вред, без какой бы то ни было надежды на успех»[15].

Фактически деятельность социалистов в профсоюзном движении в результате политики невмешательства свелась к формальному их участию в ежегодных съездах АФТ, на которых социалисты выносили на обсуждение пункты партийной программы, касавшиеся вопросов национализации трестов, увеличения муниципальной собственности. Эта социалистическая тактика, получившая название «сверления изнутри», оказалась малоэффективной. Как правило, все предложения, вносимые социалистами, равным образом и любые попытки обсудить или хотя бы поставить политический вопрос, разбивались о консерватизм делегатов АФТ. В то же время руководство СПА явно уклонялось от поддержки профессиональных союзов, выступавших с критикой оппортунизма АФТ. Ссылаясь на исключительные права тред-юнионов в области экономиче-

---

[12] Выдвинувший эту теорию Бергер говорил, что социалист отдает одну руку профсоюзам, другую — партии, притом, чтобы правая не мешала в работе левой.
[13] International Socialist Review, 1902, Aug., vol. 3, N 2, p. 83.
[14] J. Harriman to MH, November 6, 1902.— SHSW, The Morris Hillquit Papers, N 55.
[15] *Debs E. V.* Writings and Speeches of Eugene V. Debs. N. Y., 1948, p. 163.

ской организации, исполком партии отказался, например, обсудить вопрос о проведении всеобщей стачки, поднятый на съезде Американского рабочего союза (АРС) [16] в 1902 г. Вынужденное санкционировать организацию шахтеров западных штатов, выступившую против принципов и тактики АФТ, правоцентристское руководство СПА вместе с тем выразило явное недовольство активной деятельностью АРС, стремившегося сплотить вокруг себя всех недовольных консервативной политикой АФТ. АРС выступил в поддержку производственных профсоюзов и принял в качестве своей политической программы социалистическую платформу.

Такой поворот событий заставил руководство СПА принять ряд экстренных мер, чтобы помешать укреплению АРС и распространению его влияния на рабочее движение. По настоянию национального секретаря СПА Л. Гринбаума был создан комитет, который инструктировал партийные организации выступить с осуждением АРС и содействовать вовлечению его в АФТ. Бо́льшая часть социалистической прессы также крайне негативно оценила программу и тактику АРС. Журнал американских социалистов в редакционной статье назвал эту тактику штрейкбрехерской и разрушительной в отношении профсоюзов АФТ. Эта статья вышла в июле 1902 г., а в ноябрьском номере того же журнала выступил Ю. Дебс, осудивший позицию руководства партии в тред-юнионах и назвавший ее нечестной и несправедливой по отношению к этому движению. Дебс заявлял, что поддержка делу социализма может быть обеспечена лишь с помощью активного участия социалистов в АРС, деятельность которого «абсолютно совместима с социалистической концепцией классово сознательного и прогрессивного профсоюзного движения» [17].

Дискуссия, развернувшаяся в партии в связи с тактикой Американского рабочего союза, завершилась политическим поражением сторонников «законного профсоюзного движения». В мае 1903 г. Гринбаум, возглавлявший летом 1902 г. кампанию против АРС, был смещен с поста национального секретаря СПА. На его место до очередного съезда партии назначили У. Мейли, занимавшего компромиссную позицию в профсоюзном вопросе. Однако фракционная борьба в партии и после этих перемещений не прекратилась, зато более явственно обозначилась линия, разделявшая левых от правых и центра. Еще до созыва очередного съезда стало очевидно, что центристы займут по самым важным проблемам стратегии и тактики движения позиции, наиболее тесно сближавшие их с правыми. Это показал, в частности, опрос, проведенный журналом «Интернэшнл соушелист ревью» среди ведущих социалистов.

Взгляды центристов на важнейшие проблемы стратегии и тактики движения наиболее четко и определенно выразил Дж. Геррон, христианский социалист по своим убеждениям [18]. Отстаивая политику «невмешательства» социалистов в профсоюзное движение, Геррон требовал признать исключительные права СПА в политической сфере. Он писал: «Одно дело — социалистическое движение как политическое движение

---

[16] Независимый от АФТ профсоюз, преобразованный в 1902 г. из Западного рабочего союза.

[17] International Socialist Review, 1902, Nov., vol. 3, N 5, p. 258.

[18] Джордж Геррон был конгрегационалистским священником, и его воззрения сложились под сильным влиянием социального евангелизма, который он не переставал проповедовать и будучи членом СПА. См.: International Socialist Review, 1901, Jan., vol. 1, N 7, p. 433, 434.

рабочих за свое экономическое освобождение, а другое — тред-юнионистское движение, образованное для экономической защиты рабочих в существующей капиталистической системе. Не будем вмешиваться во внутренние дела тред-юнионов и стремиться превратить их в политические организации. Давайте позаботимся о гармоничном и управляемом развитии социалистического политического движения, являющегося каналом, двигаясь по которому, рабочие придут к своему собственному освобождению и освобождению республики» [19].

Геррон подтвердил главный тезис правоцентристов, когда призвал социалистов отгородиться от борьбы, которую вели организованные в профессиональные союзы рабочие, и заниматься прежде всего политическим просвещением, привитием им «начал социализма». Реально это означало, что социалистам следовало и впредь сосредоточить все усилия на политической пропаганде в целях завоевания голосов для СПА в период избирательных кампаний. Этот пресловутый принцип «социалистического просвещения» с помощью избирательного бюллетеня лег в основу партийной программы — «Национальной платформы» СПА, текст которой было поручено подготовить Дж. Геррону к съезду в 1904 г.

2. БОРЬБА ЛЕВЫХ СОЦИАЛИСТОВ ЗА СОЗДАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СОЮЗОВ

Съезд СПА проходил с 1 по 6 мая 1904 г. в Чикаго. На нем присутствовали 183 делегата, в том числе 78 представителей различных профсоюзов. Съезд выступал от имени 20 тыс. членов СПА, фактически или формально примыкающих к ней. В отчете национальный секретарь партии У. Мейли отмечал расширение размаха социалистической пропаганды, рост числа членов, победы социалистов на выборах и усиление их влияния на рабочее движение.

Важное место в отчете занимала проблема политического просвещения. Это было вызвано отчасти сильно возросшей оппозицией АФТ социализму (на съезде АФТ в 1903 г. социалисты потерпели крупное поражение во время дискуссии о рабочей партии: внесенная ими резолюция была отвергнута большинством делегатов). Руководителям СПА стало ясно, что применяемая ими ранее тактика в профсоюзном движении малоэффективна и должна быть пересмотрена. Нужна повседневная и целенаправленная работа по политическому просвещению рядовых членов профсоюзов относительно задач и принципов социализма — таково было мнение многих социалистов, и оно нашло отражение в отчетном докладе национального секретаря партии, призвавшего «сконцентрировать усилия на агитации и просвещении» [20].

В связи с обсуждением вопроса о «профсоюзной политике» партии делегат от Вайоминга высказался в поддержку профсоюзов, построенных по производственному принципу, и предложил осудить «предательское и лживое сотрудничество рабочих лидеров с Национальной гражданской федерацией» [21]. Его предложение вызвало сильное недовольство право-

[19] Ibid., 1904. Apr., vol. 4, N 10, p. 590.
[20] National Convention of the Socialist Party, Held at Chicago, Illinois, May 1 to 6, 1904. Chicago, s. a., p. 57.
[21] Ibid., p. 175.

центристов — М. Хилквита, М. Хейса и других, поспешивших заявить, что позиция делегата от Вайоминга является открытым вызовом АФТ и потому не может быть признана правильной, так как это затормозит политическое просвещение членов профессиональных союзов. Под давлением правых, Хилквита и его сторонников съезд отказался от осуждения политической линии руководства АФТ.

Влияние правых, бесспорно, сказалось и в том, какое внимание съезд уделил организационным вопросам. Как отмечалось в отчетном докладе, партия, учитывающая специфику социально-политических условий, в которых ей приходится действовать, считает принципиально важным сохранить автономию местных социалистических организаций по отношению к центральным партийным органам. «При существующей политической системе,— говорил У. Мейли,— автономность партийной ячейки штата непременно должна оставаться основой организации» [22]. Известно, что принцип автономии местных партийных организаций активно поддерживал Бергер. Возглавляемая им висконсинская организация фактически с начала образования СПА никогда не подчинялась общим решениям, если они не совпадали с ее узкоместническими интересами. Недаром висконсинская организация заслужила репутацию «боссистской», руководитель которой игнорировал принцип централизма и партийной дисциплины и пытался диктовать свою волю всей партии. Поддержанный съездом принцип автономности мог иметь своим результатом все большее обуржуазивание классового состава партии, возрастание в ней роли непролетарских элементов.

С той же настойчивостью съезд подверг критике принцип партийной собственности на печать, который, как известно, последовательно проводил Де Леон и который отвергало правоцентристское руководство СПА. «Существование независимой прессы, свободной от партийного контроля... является одной из главных гарантий в отношении защиты и сохранения целостности партии»,— заявил У. Мейли [23].

Подчеркивая верность марксизму, «Национальная платформа» СПА отвергала путь классового компромисса и мира. «Между существующими в современном обществе классами не может быть никакого компромисса или какого-либо тождества интересов... Не существует также и никакой реальной базы для социального мира...» [24] Одновременно «Платформа» содержала ряд оппортунистических положений, которые свидетельствовали об отходе от классово-пролетарских принципов социализма. «Социалистическая партия,— говорилось в документе,— выдвигает однуединственную тщательно продуманную программу, касающуюся того, чтобы организовать нацию ради общего блага всех ее граждан» [25]. В этих целях «Платформа» апеллировала к «консервативной силе» тех социальных движений, которые ставят своей главной задачей завоевать полный контроль над правительственной властью. Среди них особое внимание уделялось «муниципальному» социализму как движению, обеспечивающему с помощью законодательных мер реализацию некоторых социалистических принципов.

---

[22] Ibid., p. 57.
[23] Ibid., p. 61.
[24] Ibid., p. 307.
[25] Ibid., p. 308.

Обсуждение устава («Национальной конституции») и муниципальной программы партии показало, что правоцентристское руководство чрезвычайно озабочено тем, чтобы увеличить численный состав СПА. «Принципы социалистической платформы не могут быть полностью осуществлены, пока социалистическая партия остается малочисленной»,— отмечалось в отчете так называемой муниципальной комиссии[26]. Для численного роста устав предусматривал прием в партию лиц, достигших 18 лет, согласных с принципами социалистической партии и не поддерживающих связей с другими политическими партиями.

В то же время в уставе не уделялось внимания классовому составу партии. А именно этот вопрос занимал некоторых социалистов, справедливо полагавших, что количественный рост партии не должен идти вразрез с качественными показателями. «На этих социалистов,— писал Ф. Фонер,— не производил чрезмерного впечатления рост рядов партии, так как они видели, что она привлекает в свои ряды больше представителей мелкобуржуазных слоев, чем рабочих, что увеличивается опасность для движения, которое должно уходить своими корнями в рабочую среду, быть затопленным приливом мелкой буржуазии»[27]. В этих условиях проведение принципиальной линии в вопросах тактики и стратегии партии практически становилось невозможным.

Съезд 1904 г. свидетельствовал, что СПА почти полностью находится под контролем реформистов и «муниципальных» социалистов, которые в рабочем вопросе продолжали отстаивать не оправдавшую себя доктрину «сверления изнутри». На съезде левая оппозиция не смогла оказать сопротивление реформистам. Борьба началась после съезда и выявила наличие влиятельной группы социалистов — сторонников революционного, или индустриального, юнионизма, которые открыто выступили против реформистских профсоюзов, за создание боевой рабочей федерации, основанной на производственном принципе.

В борьбе за такую организацию левые социалисты опирались на производственные союзы. Наиболее активным среди них был Американский рабочий союз, который не входил в АФТ. АРС заявлял о «признании принципов социализма без всяких оговорок», как говорилось в 1902 г. на съезде, принявшем резолюцию о национализации шахт и установлении рабочего управления на рудниках. В своей массе АРС состоял из неквалифицированных рабочих, общее число его членов достигало 27 тыс. Наиболее активными членами АРС были Хейвуд и Сент-Джон, социалисты и главные организаторы нового революционного союза. Другие вожди АРС также были членами СПА.

В создании нового рабочего союза приняли участие СРП и образованный ею Социалистический альянс профессиональных организаций и рабочих союзов. Альянс был маломощным объединением, насчитывавшим к 1905 г. лишь 1450 человек. Но, несмотря на то что он не обладал реальной силой, его оппозиция АФТ, неуклонно проводившаяся им критика консервативных цеховых союзов сыграли известную роль при формировании принципов нового союза.

Как уже отмечалось, в результате обструкции правоцентристов вопрос о производственных союзах не рассматривался съездом партии в 1904 г.

---

[26] Ibid., p. 316.
[27] *Фонер Ф. С.* Указ. соч., т. 3, с. 378—379.

Он был вновь поднят после съезда, и в его обсуждении приняли участие видные деятели социалистического и рабочего движения У. Траутман, Т. Хагерти, Ю. Дебс, Д. Де Леон и др. Дебс разослал письма к 30 радикальным политическим деятелям с приглашением принять участие во встрече в Чикаго в январе 1905 г., с тем чтобы «обсудить пути и средства объединения трудящихся Америки на правильных революционных принципах» [28]. Была сформирована специальная комиссия, выработавшая манифест будущего единого профессионального союза. Этот манифест одобрила собравшаяся в начале января 1905 г. конференция (ее совещания проходили тайно, с соблюдением строгой конспирации). Задача современного рабочего движения, говорилось в «Манифесте», состоит в том, чтобы «создать единый большой производственный союз, охватывающий все отрасли производства и базирующийся на принципах классовой борьбы... Он должен быть создан как экономическая организация рабочего класса, не связанная ни с одной из политических партий» [29].

Решения январской конференции вызвали резко отрицательную реакцию со стороны профсоюзных лидеров АФТ. С. Гомперс заявил, что создание нового профсоюза является враждебной акцией со стороны радикалов-социалистов, которые хотят использовать эту организацию в качестве конкурента АФТ [30]. Отрицательное мнение в отношении нового союза в целом разделяло и руководство Социалистической партии Америки. Много лет спустя Хилквит писал: «Социалистическая партия весьма критически отнеслась к созданию новой организации, несмотря на то что среди ее основателей и крестных отцов было несколько выдающихся социалистических лидеров, включая Юджина Дебса» [31]. Однако до учредительного съезда нового союза лишь правоцентристы Бергер и Хейс открыто высказывались против его создания. Как утверждал Бергер в официальных выступлениях и в частной переписке, новый индустриальный союз мог явиться только копией делеоновского альянса и потому должен быть с самого начала отвергнут как раскольнический [32]. Остальные правоцентристы формально признали необходимость этого союза и одобрили его принципы, хотя и не отказались от тактики «сверления изнутри» как главной в профсоюзном движении.

Большой вклад в формирование принципов индустриального юнионизма и создание профессионального союза нового типа внесли левые социалисты. Ими впервые и во всем объеме была определена проблема профсоюзного движения как движения классово сознательных пролетариев, поставивших конечной целью борьбы уничтожение системы наемного труда. Характеризуя состояние современного им американского тред-

[28] *Ginger R.* The Bending Cross. A Biography of Eugene Victor Debs. New Brunswick, 1949, p. 237.

[29] Proceedings of the First Convention of the Industrial Workers of the World. N. Y., 1905, p. 5—6.

[30] *Gompers S.* Seventy Years of Life and Labor: An Autobiography. N. Y., 1925, p. 425.

[31] *Hillquit M.* Loose Leaves From a Busy Life, p. 96.

[32] В марте 1905 г. Бергер писал М. Хилквиту: «Можно не сомневаться, что Траутман (активный деятель СПА, впоследствии один из руководителей ИРМ.— *Авт.*) и его кружок намерены расколоть тред-юнионистское движение... и привести возможно большее число его сторонников в Социалистическую рабочую партию... Я собираюсь нанести визит Дебсу и объяснить ему ситуацию. Он должен отмежеваться немедленно и самым решительным и недвусмысленным образом... иначе... его престижу будет нанесен удар...» (V. L. Berger to MH, March 27, 1905.— SHSW, The Morris Hillquit Papers, N 126).

юнионизма, левые социалисты указывали на главный порок — цеховщину. В многочисленных выступлениях и статьях они настойчиво и последовательно проводили мысль, что «чистые» и «простые» тред-юнионы, построенные по цеховому принципу, разобщают пролетариат и оставляют его безоружным перед объединенной силой капитала. Единственно эффективной формой классово-экономической организации пролетариата в условиях империализма, утверждали они, является профессиональный союз, построенный на производственной основе и написавший на своем знамени вместо лозунга реформистских тред-юнионов «Справедливая плата за справедливый рабочий день» революционный лозунг «Уничтожение системы наемного труда».

Эту убежденность в необходимости создания новых союзов особенно активно отстаивали Ю. Дебс и Д. Де Леон. Их выступления в печати и перед рабочими на митингах свидетельствовали, что для радикальной части социалистов вопрос о создании широкого производственного союза, не отделяющего себя от конечных целей социалистического движения, стал вопросом первостепенной важности и значения.

Следует отметить, что некоторые теоретические положения левых социалистов о новом юнионизме содержали серьезные ошибки синдикалистского толка. В наибольшей степени это выразилось в так называемой «индустриалистской» концепции, которую настойчиво пропагандировал в 1902—1905 гг. Де Леон.

Находясь под впечатлением успехов стачечной борьбы американского пролетариата в начале XX в., Де Леон неоднократно ставит вопрос о независимых политических действиях рабочего класса и направлении их на ниспровержение капиталистического общественного строя. В 1902 г. в статье «Две страницы из римской истории» он писал: «Сегодня уже созданы предварительные условия для освобождения пролетариата: механизм производства находится на том уровне, когда колеса вертятся сами собой... Классовые интересы революционного рабочего класса настоятельно требуют реализации коллективной собственности на землю, а также на орудия и средства производства — короче, реализации кооперативной или социалистической республики» [33]. Он утверждал, что перед рабочим классом должна стоять одна цель — уничтожение наемного рабства, политическим выразителем которого выступает буржуазное государство, «разбойничий оплот капиталистической тирании» [34].

Однако, по мнению Де Леона, революционная миссия пролетариата оканчивается на этапе свержения буржуазной государственной машины. Захват и управление средствами производства — это уже миссия экономической организации, т. е. производственных профессиональных союзов. «...Социалистическое общество знать ничего не знает о политическом государстве; в социалистическом обществе политическое государство является делом прошлого; оно либо атрофируется от неупотребления, либо его ампутируют — в зависимости от того, что диктуется обстоятельствами» [35].

Это был существенный отход от марксистского учения о роли партии как высшей формы организации рабочего класса, необходимой для завое-

---

[33] *De Leon D.* Two Pages from Roman History. N. Y., 1915, p. 51.
[34] Ibid., p. 53.
[35] *Де Леон Д.* Избранные произведения. М.; Л., 1932, с. 193.

вания и удержания власти. Это был также отход от марксистского учения о диктатуре пролетариата как основном орудии пролетарской революции. Де Леон ошибочно полагал, что диктатура пролетариата неприменима в американских условиях, что она по существу не нужна, так как сама революция, согласно его схеме, выступает в виде «всеобщего локаута капиталистического класса», который якобы подготовлен всем предшествующим развитием страны. «Полное отсутствие последних следов феодализма, в том числе отсутствие чувства чести у правящего класса,— писал Де Леон,— предоставляет американскому пролетариату благоприятный случай покончить со злом раньше, чем оно разовьется»[36].

Де Леон допускал даже возможность «мирного исхода битвы» в условиях США: американская буржуазия, полагал он, просто «сбежит», бросив производство на руки рабочего класса. На этом моменте и заканчивается, считал Де Леон, политическое движение рабочего класса. Всякое дальнейшее существование политического движения, по мнению Де Леона, следовало бы рассматривать как «узурпацию»[37].

У. З. Фостер был, очевидно, прав, называя Де Леона «интеллектуальным отцом американского синдикализма»[38]. Сам того не ведая, Де Леон вступил на тот «легкий теоретический путь», которому следовали, как писал Фостер, некоторые американские революционеры, готовые поддержать любую тенденцию, если она выступала с критикой оппортунизма АФТ, в том числе и анархо-синдикалистскую. «Индустриалистская» концепция Де Леона способствовала утверждению в новом профсоюзном движении синдикалистских тенденций, чуждых подлинно революционному рабочему движению.

На учредительном съезде ИРМ («Индустриальные рабочие мира», как стала называться новая профессиональная организация), открывшемся 27 июня 1905 г. в Чикаго, были представлены различные точки зрения. Благодаря усилиям Ю. Дебса удалось добиться известного единодушия. С речью, исполненной надежды, что, работая в «едином большом союзе», социалисты смогут в результате положить конец фракционной борьбе, разъединяющей и ослабляющей их влияние на рабочее движение, выступил также Де Леон. Он сказал, обращаясь к делегатам: «Я явился на съезд, не преследуя никаких личных целей и не имея ни малейшего намерения сводить счеты со своими противниками. Передо мной лишь один враг — капиталистический класс... В ходе борьбы друг с другом обе стороны уже кое-чему научились, и я надеюсь, что съезд послужит объединяющим моментом для тех, кто твердо стоит на почве классовой борьбы и признает, что политическое движение рабочих — только тень, отбрасываемая экономической борьбой»[39].

Однако столь желаемого Де Леоном объединения не произошло. Сразу после съезда правоцентристы повели атаку на ИРМ. Они повторяли вслед за Гомперсом, что, создавая эту организацию, ее устроители хотели уничтожить АФТ. Членов СПА, избранных в руководство ИРМ, беспощадно исключали из партии: был исключен У. Траутман, секретарь-казначей ИРМ, и редактор «Соушел демократик геральд» А. Эдвардс. Большое не-

[36] *De Leon D.* Industrial Unionism. Selected Editorials. N. Y., 1920, p. 23.
[37] *Де Леон Д.* Избранные произведения, с. 197.
[38] *Foster W. Z.* From Bryan to Stalin. N. Y., 1937, p. 34.
[39] Proceedings of the First Convention of the Industrial Workers of the World, p. 147, 148.

довольство руководители социалистической партии выражали в отношении позиции Дебса, исключить которого из рядов партии они, тем не менее, не могли ввиду популярности этого боевого вожака рабочего класса США. Все силы правоцентристов были направлены на то, чтобы изолировать левых социалистов и по возможности дискредитировать в глазах рабочего класса их деятельность по организации производственных союзов.

Желая скомпрометировать руководство ИРМ, правые социалисты повели атаку прежде всего на одного из его представителей, Де Леона. «В современной обстановке, когда новый индустриальный союз вызывает большие беспорядки и привлекает к себе много наших людей из различных районов страны, было бы очень опасно для партии ослаблять противодействие влиянию Де Леона»,— писал В. Бергер М. Хилквиту[40]. Стремясь выставить в самом невыгодном свете индустриальный юнионизм, руководство социалистической партии вновь обратилось к рассмотрению ошибок, которые в свое время были совершены Де Леоном в профсоюзном движении. Лидеры СПА указывали на идейную преемственность ИРМ созданному в конце XIX в. Де Леоном альянсу, заслужившему печальную славу «профсоюза-двойника» и отвергнутому рабочим движением. Они предрекали ИРМ судьбу этого объединения. Не было поддержано предложение Де Леона о единстве действий социалистов, сделанное им на I съезде ИРМ. Некоторые лидеры партии расценили это предложение как попытку Де Леона захватить власть над всем рабочим и социалистическим движением и считали необходимым довести эту мысль до сознания рядовых членов партии, особенно тех, «кто мало знает о Де Леоне»[41].

Враждебная кампания, поднятая правоцентристами вокруг Де Леона, имела целью, помимо указанной, заглушить голоса протеста против оппортунистической политики руководства. В партии назревал кризис. Тяжелые времена настали для Бергера — бессменного руководителя милуокской партийной организации. Видные деятели СПА У. Мейли и Г. Титус открыто называли его бернштейнианцем, обвиняли в измене социалистическим принципам, требовали расследования положения дел в милуокской организации[42]. Острой критики не избежал и М. Хилквит, оппортунизм и поведение которого глубоко возмущали левых социалистов, аттестовавших его как льстивого и увертливого манипулятора. Левые настаивали на решительном размежевании со сторонниками «муниципального» социализма.

Большую роль в расколе левоцентристской группы сыграла серия статей, написанная Г. Титусом и изданная в газете «Соушелист» под названием «Революционный и реформистский социализм». Титус подверг критике компромиссную позицию центристов и заявил, что подлинно революционной может быть только партия, стоящая на принципах классо-

---

40 V. L. Berger to MH, July 29, 1905.— SHSW, The Morris Hillquit Papers, N 157 (письмо с пометкой «конфиденциально»).

41 Ibid.

42 В письме Хилквиту секретарь висконсинской фракции Э. Томас заявляла: «...мы не можем и не позволим вмешиваться в дела висконсинской организации... Я хочу просить Вас лично использовать все свое влияние, чтобы не допустить этого расследования...» (E. H. Thomas to MH, May 19, 1905.— SHSW, The Morris Hillquit Papers, N 133).

вой борьбы пролетариата. Левые в СПА призывали покончить со случайным подбором партийных кадров, в результате чего представители наемного труда оказывались в меньшинстве по сравнению с представителями средней и мелкой буржуазии. Но главное зло центристов левые видели в том, что те задерживали развитие революционных форм движения, уповая на «нейтральность» профсоюзов в классовой борьбе пролетариата и поддерживая идеи классовой солидарности с буржуазией, выдвигаемые идеологами АФТ. Поэтому все свои надежды левые социалисты в те годы возлагали на ИРМ, в котором они составили наиболее революционное его ядро.

Левые социалисты настойчиво подчеркивали, что только через классовую борьбу, а не через «классовый мир» придет пролетариат к своему освобождению. «Принцип, на котором основывается индустриальный юнионизм,— писал В. Сент-Джон,— заключается в признании никогда не прекращающейся борьбы между работодателями и классом наемных рабочих»[43]. Что касается целей организации, то они, как отмечал Сент-Джон, состоят в том, чтобы «взять под контроль производство и затем управлять им, распределяя богатство между теми, кто вложил свой мозг или мускулы в совокупный продукт»[44]. Индустриальный юнионизм явился теорией, исполненной глубокого революционного содержания, и в качестве таковой он был поддержан всеми левыми силами страны. Но созданный на его принципах профессиональный союз — ИРМ — пошел в своем развитии иным путем, чем это было намечено идеологами индустриального юнионизма.

В ИРМ с момента образования присутствовала анархо-синдикалистская тенденция, которая со временем заметно усилилась и стала представлять угрозу для революционного рабочего движения. Появление этой тенденции следует объяснять не столько влиянием анархизма (оно никогда не было особенно сильным в американском движении), сколько реакцией рабочего движения на социал-оппортунизм СПА и реформизм АФТ. Как отмечал В. И. Ленин, «крайности оппортунизма, „парламентского идиотизма“ и филистерского реформизма» вызывают «обратные крайности революционного синдикализма»[45]. Создавая ИРМ, идеологи индустриального юнионизма и практические организаторы его стремились сформировать рабочий союз, который ничем бы не напоминал консервативные тред-юнионы АФТ и который был бы свободен от политического влияния оппортунистического руководства СПА, зарекомендовавшего себя не с лучшей стороны.

Левые социалисты повели наступление против «крайностей революционного синдикализма». На I съезде ИРМ они отстаивали «политический параграф» устава организации, в котором говорилось, что классовая борьба должна «продолжаться до тех пор, пока рабочие не объединятся как в *политической* (подчеркнуто нами.— *Авт.*), так и в экономической области...»[46]. Выступая в дискуссии по «политическому параграфу», Де Леон доказывал, что только при правильном сочетании политических и экономических действий рабочий класс может успешно бороться с

[43] *St. John V.* Industrial Unionism in the I. W. W. Cleveland, s. a., p. 2.
[44] Ibid., p. 13.
[45] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 243.
[46] *St. John V.* The I. W. W. Its History, Structure, and Methods. Chicago, 1919, p. 5.

предпринимателями [47]. Его речь была направлена против оппортунистов СПА, отвергавших необходимость независимых политических действий рабочего класса, и вместе с тем против реформистов АФТ, провозгласивших лозунг «Никакой политики в профсоюзе».

Первый съезд ИРМ после долгих дебатов принял устав, оставив в нем «политический параграф». Но, выступая в защиту политического действия в повседневной борьбе рабочего класса, Де Леон, как известно, одновременно утверждал, что после завоевания власти рабочим классом отпадет всякая необходимость как в партии, так и в государстве, которое будет заменено «полной индустриальной демократией». Это была крупная теоретическая и тактическая ошибка Де Леона. Организаторы ИРМ, большинство из которых не имело основательной марксистской подготовки, некритически восприняли теоретическое положение Де Леона и распространили его на все аспекты современного им рабочего движения. Этим был дан толчок развитию анархо-синдикализма в ИРМ, который с порога отвергал роль политической партии в рабочем движении и признавал единственно эффективной тактикой борьбы тактику «прямого действия» и «саботажа». Положение усугублялось тем, что многие руководители ИРМ (среди них Сент-Джон, Траутман, Эдвардс и др.) заняли позицию, враждебную по отношению к политическим движениям и политическим организациям рабочего класса. Сент-Джон писал, например, что «нет никакой необходимости в политической партии, а тем, кто думает, что рабочим следует объединиться в политическую партию, мы говорим: пробуйте, но не пытайтесь в дальнейшем использовать экономическую организацию в интересах этой партии» [48].

Встретив недружественное отношение со стороны союза ИРМ, большинство социалистов, входивших поначалу в его руководящие органы, вскоре вышли из них, предоставив событиям развиваться своим путем. Де Леон еще в течение нескольких лет пытался бороться с выпущенным им «джином», призывал ирмовцев возвратиться к первоначальным принципам индустриального юнионизма, изложенным в преамбуле и уставе организации. Но все его усилия разбились о сопротивление анархо-синдикалистов. На IV съезде ИРМ в 1908 г. Де Леон уже не присутствовал, ибо руководители организации не признали законным его мандат, и его лишили делегатских прав. На этом съезде «политический параграф», за который боролся Де Леон, был окончательно похоронен, а с ним был изгнан из ИРМ и «бес делеонизма» [49].

3. ПОПЫТКИ ОБЪЕДИНЕНИЯ ДВУХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Де Леон считал принципиально важным участие социалистов в движении за создание производственных союзов. Свое обращение к членам обеих социалистических партий объединить усилия в борьбе за освобождение рабочего класса он дополнял призывом активно способствовать сближению социалистов с профсоюзами. Большое внимание вопросу о

---

[47] Proceedings of the First Convention of the Industrial Workers of the World, p. 227.
[48] *St. John V.* The I. W. W. Its History, Structure, and Methods, p. 44—45.
[49] *Бриссенден П. Ф.* Промышленные рабочие мира. М.; Л., 1926, с. 109.

взаимоотношении между социалистическими партиями и профессиональными союзами уделялось на так называемой социалистической объединительной конференции в Ньюарке (штат Нью-Джерси) в декабре 1905 г.— марте 1906 г., которая имела своей целью объединить СРП и СПА. В выработанном участниками конференции манифесте говорилось: «...обязанность политической партии социализма — содействовать развитию правильно организованных союзов, пропагандировать достоинства этих союзов и одновременно разоблачать пороки цехового юнионизма...» [50]. Резолюции конференции подтвердили эту тактическую установку на сближение с профсоюзным движением. В них, в частности, отмечалось: «...социалистическое политическое движение не может оставаться нейтральным по отношению к организованным усилиям рабочего класса улучшить свои экономические условия...» [51].

Оппортунистическое руководство СПА, всеми мерами блокировавшее работу объединительной конференции, отвергло принятую резолюцию по профсоюзному вопросу, усматривая в ней злоумышления со стороны Де Леона. Но, несмотря на то что решения конференции не были реализованы на практике ввиду обструкции правых социалистов и анархо-синдикалистских элементов ИРМ, сама борьба левых социалистов против политики «нейтральности» имела принципиальное значение для социалистического движения в целом. Это нашло подтверждение в решениях Штутгартского конгресса II Интернационала (1907). Как известно, Штутгартский конгресс высказался за сближение союзов с социалистическими партиями. Проблема, перед которой стояли американские социалисты, оказалась, таким образом, проблемой международного социалистического движения, и ее предлагалось решить путем отказа от политики «нейтральности» в отношении профсоюзов. Клара Цеткин отмечала, что подавляющее большинство делегатов конгресса одобрили резолюцию, в которой подчеркивалась необходимость «связать политическую и экономическую борьбу, связать те и другие организации возможно теснее в одну единую силу социалистического рабочего класса» [52].

Среди делегатов Штутгартского конгресса, голосовавших против «профсоюзной» резолюции, американцев не значилось. Делегат от СПА М. Хилквит голосовал вместе с большинством конгресса за резолюцию. Однако впоследствии он отстаивал идею «нейтральности» партии в отношении профсоюзов, ссылаясь на «исключительность» развития американского рабочего движения. В одном из памфлетов Хилквит писал: «То, что почти немыслимо в Европе, существует в нашей стране, а именно: антагонизм между экономическими и политическими организациями рабочего класса, между тред-юнионистским и социалистическим движением... Американские социалисты понимают недостатки рабочего движения и прилагают все усилия к тому, чтобы преодолеть их, но они бессильны без поддержки тред-юнионов, а большинство американских тред-юнионистов все еще не видят этих недостатков...» [53]. Характерно, что во время съезда СПА в 1908 г. преобладающее влияние имели правые.

---

[50] Proceedings of New Jersey Socialist Unity Conference, S. l., (1906), p. VI.
[51] Ibid., p. X.
[52] Цит. по: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 83.
[53] *Hillquit M.* The Labor Movement Here and Abroad.— SHSW, The Morris Hillquit Papers, Reel 7.

Это сказалось, в частности, на резолюции по тред-юнионизму, главным пунктом которой был лозунг «Руки прочь от политики».

В социалистических партиях большинства капиталистических стран в те годы (как и в США) шло решительное размежевание левых и правых сил, и это, как считал В. И. Ленин, имело свой положительный результат, поскольку было дано наконец «более ясное определение того, из-за чего идут споры» [54]. Споры шли по проблемам стратегии и тактики рабочего движения, и они привели в результате к коренному расхождению в оценке основных задач рабочего класса. Революционной социал-демократии в ее последовательном отстаивании независимых политических действий рабочего класса на пути к конечной цели — социализму — противостояла социал-оппортунистическая группировка, которая стремилась подчинить пролетариат буржуазной идеологии и внедрить в пролетарское сознание идею о постепенном «врастании социализма в капитализм». При этом действительные интересы рабочего класса оппортунисты забывали, и дело ограничивалось призывом к парламентской тактике борьбы, т. е. главным образом к участию пролетариата в избирательных кампаниях по выборам социалистов в органы местной и государственной власти.

Идейно-политические противоречия между революционной социал-демократией и социал-оппортунистическими группами в социалистическом движении США носили чрезвычайно острый характер. Было очевидно, что возможность достижения тактического единства между американскими социалистами становится с течением времени все менее реальной. Выработанные конференцией в Ньюарке принципиальные установки для реализации единства между СПА и СРП были признаны руководством СПА неприемлемыми [55], и в дальнейшем оно отказывалось от каких-либо действий в этом направлении, полагая их опасными для существования партии и авторитета ее лидеров. Социал-оппортунистическое руководство не стеснялось в средствах в борьбе со своими политическими противниками.

В 1908 г. Хилквит, давая объяснения Международному социалистическому бюро о причинах отказа СПА от дальнейших переговоров с СРП относительно объединения, писал: «...так называемая Социалистическая рабочая партия не является партией и не представляет собою части социалистического движения Соединенных Штатов. Эта „партия" фактически не имеет ни членов, ни сторонников, и любая из наших местных партийных организаций в любом крупном городе превосходит по численности всю Социалистическую рабочую партию в 2—3 раза. Социалистическая рабочая партия трудится не для социализма, а немногие, действующие от ее имени, направляют всю свою энергию на то, чтобы уничтожить плоды нашей благородной работы, и, насколько это в их силах, стремятся выставить социализм в нелепом и неприглядном виде... Я поддерживал

[54] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 61.

[55] Резолюции ньюаркской конференции, как уже упоминалось, резко осуждали политику «нейтральности» СПА в отношении профсоюзного движения. Помимо этого, в резолюциях содержалось требование установить строгий контроль партии над партийной печатью (пункт о партийной собственности на партийную печать) и утвердить единую для всех членов партии дисциплину (это было направлено против принципа «автономии местных организаций», который выдвигал Бергер, поддержанный руководством СПА). См.: Proceedings of New Jersey Socialist Unity Conference, p. X—XI.

идею объединения с Социалистической рабочей партией при условии, если остатки этой организации будут полностью поглощены нашей партией, чтобы свести до минимума приносимый ею вред; но, с другой стороны, большинство моих товарищей считают, что яд, проникающий во все существо Социалистической рабочей партии, опасен даже в малых дозах, и потому отклоняют предложение об объединении» [56].

Ю. Дебс, который выступал за объединение социалистических партий, весьма неодобрительно отнесся к попытке Хилквита дискредитировать СРП в глазах международного социалистического движения. Он писал: «Мне не нравится такой метод борьбы с конкурирующей партией. Если это действительно национальная партия,— совершенно неважно, что она малочисленна и у нее сохраняются все права на представительство... В любом случае судить о ее заслугах должно само Бюро (Международное социалистическое бюро.— *Авт.*)» [57].

4. УСИЛЕНИЕ ПРАВООППОРТУНИСТИЧЕСКОЙ ТЕНДЕНЦИИ

Ко времени очередного съезда в 1908 г. СПА была представлена 2500 местными организациями, охватившими 41 751 человека. Однако из них лишь 6300 регулярно платили членские взносы. Анализ социального состава партии выявил, что в основном члены СПА — это представители свободных профессий и лишь 20% — рабочего класса. В руководстве партии не было ни одного рабочего. Во вновь избранном на съезде 1908 г. исполкоме партии было два адвоката, два редактора, один преуспевающий коммерсант, один миллионер и один священник.

Вместе с отходом левых и обуржуазиванием социального состава организации резко изменился духовный климат в партии и сам характер социалистической пропаганды. Она стала носить по преимуществу просветительский характер. Главное место в ней занимало распространение общественных знаний, что преподносилось, однако, как обучение «основам социализма».

Среди институтов подобного рода особой известностью пользовались Межуниверситетское социалистическое общество и школа Рэнд. Первое основали писатель Э. Синклер и промышленник Дж. Строубелл. Цель общества — стимулировать интерес к изучению социализма среди студентов высших учебных заведений через образование специальных клубов при колледжах и университетах. Первым президентом общества был избран Дж. Лондон. Школа Рэнд связана с именем христианского социалиста Дж. Геррона, который основал ее на деньги, оставленные по завещанию богатой американкой Кэрри Рэнд. Программа школы была рассчитана на несколько лет и включала изучение истории, философии, социологии, психологии, экономики, языков, теории эволюции, теории искусства, композиции, риторики. В дополнение к этим предметам большое внимание уделялось изучению истории религии и религиозной этики применительно к практике социальной борьбы. Курсы были по первона-

---

[56] MH to Members of the International Socialist Bureau, 1908, October.— SHSW, The Morris Hillquit Papers, N 371.
[57] E. V. Debs to MH, February 19, 1909.— Ibid., N 396.

чальному замыслу организованы для вечерних посещений рабочих, однако вскоре его главными слушателями стали представители буржуазной интеллигенции и студенчества.

В 1908—1910 гг. наблюдался некоторый спад активности социалистического движения в США. Показателем этого явилось то, что в течение указанных лет численность СПА росла чрезвычайно медленно и неравномерно по сравнению с предшествующими годами: в 1909 г. число членов уменьшилось до 41 479, а к 1910 г. поднялось всего до 58 011 [58].

О спаде активности свидетельствовали результаты избирательных кампаний по выборам в федеральные и местные органы власти. Так, кампания 1908 г. по выборам в президенты не была успешной для СПА: за кандидата СПА было подано только 421 520 голосов (в 1904 г.— 402 321) [59]. Частичные выборы 1910 г. также не принесли победы социалистам. Оппортунистическое руководство СПА, более всего занятое ловлей голосов, испытывало сильное беспокойство за свой электорат и обвиняло левых, якобы они революционной пропагандой отпугивали рядовых избирателей.

В связи с этим правые предлагали кардинально изменить акценты пропаганды «основ социализма». Излагая их, они или намеренно «забывали» о марксизме, или представляли его в виде некой общесоциологической теории, уповающей на эволюцию. Они стремились выхолостить из научного социализма его революционное содержание и превратить в ординарную градуалистскую доктрину, которая не шокировала бы буржуазную публику и была бы приемлема для всех классов и всех слоев американского общества. Социализм можно осуществить без насилия и революционного взрыва, утверждали правые, если большинство населения станут социалистами, т. е. примут социалистическую теорию.

На очередном съезде СПА в 1910 г. вопрос о социалистической пропаганде занимал центральное место. Со специальным докладом выступал один из ведущих теоретиков, М. Хилквит, который с удовлетворением отметил, что социалистическое движение стало фактором, официально признанным в американском обществе. Но, как заявлял докладчик, для дальнейшего развития социалистического движения необходимо расширить «зону его влияния», обратив внимание на усиление пропаганды социализма среди представителей буржуазии — средней и мелкой. К социалистическому движению, говорил Хилквит, следует привлекать государственных деятелей, мелких торговцев, священников, интеллигенцию и т. п.[60]

Доклад Хилквита ставил задачи более широкие, нежели усиление социалистической пропаганды. Речь шла об изменении социального состава партии, о численном увеличении непролетарских элементов и превращении ее в политическую партию сторонников буржуазных либеральных реформ, для которой демократизация избирательного закона является

---

[58] National Convention of the Socialist Party, Held at Indianapolis, Indiana, May 12 to 18, 1912. Chicago, s. a., p. 224.

[59] Chicago Daily Socialist, 1912, May 9, p. 8. Эти голоса были завоеваны благодаря поистине героическим усилиям кандидата в президенты Ю. Дебса, который совершил в августе — октябре 1908 г. лекционное турне по 33 штатам. См.: *Быков В.* Юджин Дебс — вождь американского пролетариата. М., 1971, с. 60—62.

[60] The Propaganda of Socialism. Report to the National Congress of the Socialist Party, Held May 15, 1910. S. l., s. a., p. 3—6.

вершиной и конечной целью деятельности. Против этой оппортунистической тенденции боролись левые социалисты, отстаивавшие интересы рабочего класса. Но на последних съездах они были в меньшинстве. Засилье правых стало настолько значительным, что им удавалось подчас проводить решения, носившие немарксистский, несоциалистический характер. Достаточно сказать, что на съезде 1910 г. правыми был принят новый устав партии, один из пунктов которого гласил, что члены партии — представители неанглоязычных групп не имеют права участвовать в партийных референдумах и выборах на общенациональном уровне [61]. Если учесть, что среди левых социалистов, особенно среди тех, кто был одновременно членом ИРМ, многие являлись иммигрантами, становится ясно, против кого был направлен данный пункт. Правые стремились изолировать левых социалистов в партии, нейтрализовать их деятельность, они прямо и недвусмысленно вели курс на раскол партии.

Несмотря на раскольнические действия правоцентристов и на неуклонно проводившуюся ими политику «невмешательства» в дела профсоюзов, 1910—1912 годы были годами некоторого полевения организованного рабочего движения. Об этом, в частности, свидетельствовал тот факт, что ряд союзов, входивших в АФТ, начал проявлять признаки недовольства консервативной политикой Гомперса. В 1911 г. на очередном съезде АФТ делегаты-социалисты внесли проект резолюции об исключении из союзов тех профсоюзных деятелей, которые сотрудничают с Национальной гражданской федерацией. Эту резолюцию Гомперсу удалось провалить, однако сам факт открытого выражения недоверия политике руководства АФТ убеждал в том, что критика левыми социалистами «чистого» и «простого» юнионизма возымела действие. Ситуация в АФТ продолжала оставаться достаточно острой и на съезде 1912 г., когда под воздействием социалистов против кандидатуры Гомперса на пост президента федерации голосовало более трети делегатов.

Ввиду возросшего влияния левых социалистов в рабочем движении правоцентристское руководство СПА удвоило критику революционной тактики ИРМ. Открыто, через печать оно обвиняло левых социалистов, входящих в ИРМ, в анархо-синдикализме и попытках насильственного свержения правительства. Борьба по вопросам тактики политического действия развернулась в период подготовки очередного партийного съезда, который должен был состояться в мае 1912 г. Готовясь дать решительный бой левым на этом съезде, правоцентристы подвергли ожесточенным нападкам У. Хейвуда, избранного в 1910 г. в Национальный исполком партии. В их политическом словаре даже утвердился термин «хейвудизм», читавшийся как синоним анархо-синдикализма.

Особенно обильную пищу для нападок на левых социалистов дала брошюра «Производственный социализм», которую Хейвуд в 1911 г. написал совместно с журналистом-социалистом Ф. Боном [62]. Хотя в брошюре не говорилось ни о «прямом действии», ни о «саботаже», правые упирали именно на возможные результаты применения этих форм борьбы в рабочем движении. С тем же пристрастием они отнеслись и к другим выступлениям Хейвуда, в частности к выступлению в феврале 1912 г. перед нью-йоркским союзом бочаров, когда он призывал рабочих помнить

[61] National Constitution of the Socialist Party, Adopted in National Congress at Chicago, Illinois, May 15 to 21, 1910. Chicago, s. a., p. 16.

[62] *Haywood W. D., Bohn F.* Industrial Socialism. Chicago, 1911.

о конечных целях социализма[63]. Все речи и печатные выступления Хейвуда рассматривались как попытка развязать гражданскую войну в США.

С острой критикой Хейвуда в тот период выступил и Ю. Дебс, что нанесло чувствительный удар левым в Социалистической партии Америки. В статье «Разумная социалистическая тактика» Дебс назвал «прямое действие» и «саботаж» «тактикой анархиствующих индивидуалистов». Он писал: «По своей природе эта тактика более всего подходит для партизанской войны, для террористов и ночных убийц, а в нашей стране применение этой тактики играет лишь на руку врагам... Рабочие могут освободить себя лишь с помощью коллективной воли, т. е. опираясь на силу, присущую им как классу. Эта коллективная воля и сила, с помощью которой они завоюют власть, являются результатом образования, просвещения и самодисциплины. Разумная тактика конструктивна, а не разрушительна»[64].

Позиция, занятая влиятельным и популярным социалистом, была вызвана стремлением сохранить тактическое единство американских социалистов. Дебс правильно подчеркивал, что ни один социалист, в том числе левый, не может поддерживать анархо-синдикализм, не изменяя в то же время основным принципам социалистического движения. Но Дебс чрезмерно преувеличивал синдикалистские тенденции в профсоюзном движении ИРМ, и это было записано правыми в свой актив. Они мечтали заручиться поддержкой Дебса в их борьбе с тактикой активных классовых действий. Однако непрекращавшаяся раскольническая политика правых социалистов вскоре убедила Дебса, что ни о каком тактическом единстве не может быть и речи ввиду серьезных идеологических разногласий в СПА. Для Дебса и других левых социалистов это стало особенно очевидно на съезде 1912 г., где произошло их окончательное размежевание с правоцентристами.

5. РАСКОЛ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ АМЕРИКИ

Очередной съезд СПА происходил 12—18 мая 1912 г. в Индианаполисе. Как сообщил открывавший съезд М. Хилквит, к этому времени в партии насчитывалось около 150 тыс. человек[65]. На съезде присутствовали 277 делегатов, и значительный процент среди них составляли представители непролетарских профессий, а именно: адвокаты, врачи, учителя, агенты по продаже недвижимой собственности, священники[66]. Подбор делегатов указывал на то, что правоцентристское руководство тщательно готовилось к съезду, решив обеспечить себе поддержку в лице наиболее консервативной части СПА.

[63] Хейвуд по своему обыкновению бросил несколько громких фраз, которые дали повод обвинить его в «заговоре» против законной власти. Он сказал: «Конечно, нашей целью является сместить правительство и установить индустриальную демократию... Мы заявляем, что это входит в наши намерения...» (International Socialist Review, 1912, Febr., vol. 12, N 8, p. 467).

[64] Ibid., p. 482, 483.

[65] National Convention of the Socialist Party, 1912, p. 4. Цифры эти могут быть несколько завышенными. На том же съезде называлась цифра 125 826 (p. 224).

[66] International Socialist Review, 1912, June, vol. 12, N 12, p. 827.

В центре внимания съезда стоял вопрос о профсоюзах, который неоднократно дебатировался и на других съездах, а сейчас вновь возник в связи с подъемом стачечного движения в стране. Специальная комиссия, в которую вошли три представителя левого направления (всего девять человек), выработала резолюцию под названием «Профсоюзы и их отношение к партии». Документ подтверждал позицию «невмешательства» партии в вопросах выбора форм организации и практических методов борьбы профсоюзов. Это была явная уступка правым, которые неуклонно, несмотря на рекомендации II Интернационала, выступали против единства социалистического и профсоюзного движений. Одновременно резолюция включала ряд положительных моментов, в числе которых было признание необходимости организации неквалифицированных рабочих и иммигрантов (кстати сказать, одно из главных требований ИРМ).

Большой победой левых явилось то, что резолюция высказала одобрение объединениям рабочих в производственные союзы и заявила об отмене условий, затрудняющих вступление в профсоюзы. Последнее было направлено против АФТ, установившей высокие вступительные взносы. Съезд утвердил резолюцию после долгой дискуссии. Казалось, что ожидавшаяся схватка между левыми и правыми была предотвращена благодаря компромиссному решению о профсоюзах. Хейвуд, воодушевленный почти единогласным принятием резолюции по профсоюзному вопросу, выразил надежду, что и в дальнейшем социалисты будут столь же единодушны. Но этот оптимизм не разделяло правоцентристское руководство, которое сознательно шло на раскол с левыми и свое намерение осуществило при обсуждении § 2 устава.

С того момента, как председатель комиссии по пересмотру устава партии М. Хилквит зачитал измененный текст параграфа, в котором речь шла об исключении из рядов партии лиц, признающих метод насилия как оружие рабочего класса, атмосфера в Томлинсон-холле, где проходил съезд, резко изменилась. Один из делегатов, У. Карвер, с санкции руководства предложил дополнить параграф упоминанием о «саботаже» как о неприемлемой для социалистов форме действия. Хилквит поспешил одобрить поправку, акцентирующую внимание на мнимой опасности тактики «прямого действия» и направленную (это не составляло ни для кого тайны) против ИРМ [67].

Съездовская трибуна была использована правоцентристами для самой безудержной антиирмовской пропаганды, для нападок на левое крыло партии, связанное с ИРМ. Среди выступавших был известный своими антимарксистскими взглядами Дж. Спарго. В защите «антисаботажного пункта» участвовал священник У. Гейлорд, заявивший, что СПА не должна поощрять никаких нарушений права собственности (!). Но всех превзошел В. Бергер, который обвинил все левое крыло партии в анархо-синдикализме.

Все попытки левых исключить из устава слова о преступлении, саботаже или насилии разбились о сопротивление правоцентристского руководства. Хейвуду, которого правые обвиняли в анархизме, не дали слова. Голосование по пункту о саботаже (проходило путем опроса, и ответ де-

[67] В новой формулировке § 2 звучал так: «Член партии, выступающий против политического действия или защищающий преступление, саботаж или какое-либо другое насилие как оружие рабочего класса в деле его освобождения, должен быть исключен из ее рядов» (National Convention of the Socialist Party, 1912, p. 199).

легата должен был быть однозначным: «за» или «против» саботажа) выявило немногочисленную (90 из 277), но сильную оппозицию левых на съезде. Только благодаря этой оппозиции удалось вновь, уже в четвертый раз, выдвинуть кандидатуру Дебса на пост президента от СПА. На этот раз закулисные махинации правых, которые готовили удобного для них кандидата, не удались. Вся оппортунистическая верхушка партии голосовала против выдвижения кандидатуры Дебса на пост президента, чем и выразила свое отношение к революционному движению рабочего класса США.

Борьба течений в СПА, которая происходила на протяжении всего первого десятилетия XX в., объективно вела к кризису движения в целом. Съезд 1912 г. обнаружил с наибольшей полнотой эти кризисные явления и дал им оформление. В истории социалистического движения США этот съезд явился переломным. На нем произошел фактический раскол между левыми и правыми социалистами, выступавшими по всем принципиальным вопросам с диаметрально противоположных позиций. Как отмечал один из делегатов съезда, левый социалист и бывший член редколлегии «Чикаго дейли соушелист» Дж. Бентол, «на сегодняшний день в социалистической партии имеется элемент прогрессивный, который стремится двигаться вперед, используя для этого все возможные и наилучшие методы... и элемент консервативный, реакционный, заигрывающий со старым, негодным к употреблению механизмом. Налицо раскол, и сколько бы ни говорили о саботаже, насилии и еще о чем-нибудь в том же роде, раскол остается единственно реальным событием» [68].

Столкновение левых и правых на съезде 1912 г. знаменовало начало их организационного размежевания. Уже в следующем году из социалистической партии вместе с Хейвудом ушло 40 тыс. социалистов [69], большинство которых не захотели мириться с откровенно оппортунистическим курсом партийного руководства, окончательно порвавшего с марксизмом и изменившего делу рабочего класса.

---

[68] Ibid., p. 128.
[69] *Foster W. Z.* History of the Communist Party of the United States. N. Y., 1952, p. 123.

Глава одиннадцатая
ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

1. АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЛИГА

Обострение социальных противоречий эпохи империализма (между монополиями и основными слоями нации) в начале XX в. вызвало к жизни демократические движения. Рассматривая их, следует прежде всего помнить, что под этим термином, вошедшим в употребление в период зарождения и развития прогрессизма или прогрессивизма, а также антиимпериалистического движения, понимаются выступления средних слоев и интеллигенции за чистоту политических нравов и за реформы, направленные на расширение демократических прав и ограничение влияния монополий. Последнее обстоятельство дает право говорить об антимонополистической оппозиции начала XX в. Борьба против экономических и политических привилегий монополий охватила широкие слои населения. Теперь — в отличие от конца XIX в.— в антимонополистическом движении основной силой были не фермеры, а многочисленные представители городской мелкой и отчасти средней буржуазии. Видная роль принадлежала интеллигенции. Эти слои и составили ту мелкобуржуазно-демократическую оппозицию империализму, на которую указывал В. И. Ленин как на типичное явление в начале XX в. «едва ли не во всех империалистских странах» [1].

Прогрессивное движение не было единым, но достаточно сильным и в то же время аморфным, распадаясь на отдельные течения или ветви, из которых выделим и рассмотрим следующие: деятельность Антиимпериалистической лиги, движение журналистов-макрейкеров, борьбу за демократические реформы и расширение политических прав (включая суфражизм), социальное христианство, борьбу негритянского народа и фермерское движение.

Первым значительным общедемократическим движением эпохи империализма стало антивоенное и антиколониальное движение, возникшее в период испано-американской войны. Его история тесно связана с деятельностью основанной 19 ноября 1898 г. в Бостоне региональной Антиимпериалистической лиги, а с октября 1899 г. общенациональной Американской антиимпериалистической лиги, руководящую роль в которых играли либеральная интеллигенция и отчасти представители популистской оппозиции.

Антиимпериалисты имели опытных политических лидеров, прежде всего из числа республиканцев старшего поколения, преимущественно из Новой Англии, принимавших участие в борьбе за уничтожение рабства, таких, как Дж. Баутвелл, М. Стори, К. Шурц и др. Многие видные деятели антиимпериалистических лиг еще ранее изобличали вопиющие злоупотребления трестов и другие пороки «позолоченного века». Среди них

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 408.

были муниципальные реформаторы в разных городах страны; известные негритянские лидеры Б. Т. Вашингтон, У. Дюбуа; публицист, поднявший голос в защиту рабочих, Э. Кросби; видная общественная деятельница Дж. Аддамс; защитник прав индейцев Г. Уэлч; первые «разгребатели грязи» Г. Д. Ллойд и Л. Стеффенс. Многие участники движения являлись членами пацифистской организации «Международное движение в защиту мира». Голос протеста громко звучал в университетских аудиториях (против захвата Филиппин выступили, в частности, известный философ У. Джеймс и социолог Т. Веблен). Хотя многие представители духовенства, подобно Дж. Стронгу, поддержали войну против Испании, с церковных кафедр раздавались и другие голоса, принадлежавшие прежде всего католическим священникам.

Единодушно осудили империалистическую экспансию США американские писатели, среди которых были писатели-реалисты Ф. Норрис, Г. Фуллер, Х. Гарленд и приверженцы «традиции утонченности» такие, как Г. Джеймс и Т. Б. Олдрич. Широкий резонанс получили антивоенные выступления великого американского писателя-сатирика Марка Твена. Его памфлет «Человеку, ходящему во тьме» был издан Антиимпериалистической лигой в 125 тыс. экземплярах. В нем Твен с необычайной силой раскрыл захватнический характер внешней политики США, прикрывавшийся демагогией о распространении «свободы и демократии». Писатель саркастически замечал, что следовало бы несколько изменить вид «звездного знамени»: «Пусть даже останется старый флаг, только белые полосы закрасим черными, а вместо звезд изобразим череп и кости» [2].

Левое крыло участников движения антиимпериалистических лиг составляла группа политических деятелей, близких интересам фермеров во главе с Р. Петтигру. Руководители движения сообщали об успехе их пропаганды в фермерских штатах Северная Дакота, Миннесота, Небраска, Канзас, Миссури, Индиана [3].

Антиимпериалистические лиги образовались во всех штатах и насчитывали около 1 млн. членов. Летом 1898 г. российский посол доносил в Петербург, что «добрая половина американцев не одобряет того пути, на который вступило правительство» [4]. Посол явно преувеличивал масштабы движения, но тенденция была им схвачена верно. К движению временно примкнули общественно-политические круги, которые были далеки от мелкобуржуазной оппозиции империалистическим захватам. К ним относятся: «серебряные демократы» во главе с Брайаном, чья критика империалистической экспансии носила в основном тактический характер; крупные аграрии Юга, опасавшиеся, что колониальные захваты приведут к конкуренции дешевого сырья и рабочей силы. Сторонником долларовой экспансии, а не прямых колониальных захватов выступал миллионер Э. Карнеги.

Движение антиимпериалистических лиг прошло ряд этапов. С конца 1898 г. основным направлением деятельности была борьба против Парижского мирного договора, по которому Филиппины и Пуэрто-Рико пе-

---

[2] *Твен Марк.* Собр. соч.: В 12-ти т. М., 1959—1961, т. 11, с. 494.
[3] W. J. Muze to W. Birney, November 23, 1899.— Library of Congress, Manuscript Department, Croffut W. A. Papers.
[4] Кассини — Муравьеву, 21 июня 1898 г.— Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия, д. 114, л. 201.

реходили во владение США. В период обсуждения договора в сенате участники движения развернули в стране кампанию протеста. Они устраивали митинги, съезды, лекции, на которых подвергалась резкой критике политика, проводимая правительством Маккинли. Исполнительный комитет лиги отмечал, что строит свою пропаганду по избирательным округам: среди деятелей республиканской и демократической партий выявлялись противники колониальных захватов, с ними связывалось руководство организации, через них распространялась антивоенная литература.

Месяцы дебатов вокруг мирного договора в конгрессе были полосой контактов, а подчас и совместных выступлений Антиимпериалистической лиги и АФТ. Уже на первое учредительное собрание лиги пригласили видного деятеля рабочего движения Дж. Мак-Нейла, а С. Гомперс был одним из вице-президентов Американской антиимпериалистической лиги. Съезд АФТ в декабре 1898 г. принял заявление против аннексий и резолюцию, осуждавшую условия мирного договора с Испанией.

Другой важной трибуной антиэкспансионистов был американский конгресс. Кампания петиций протеста против намерения США захватить Филиппины оказывала влияние на конгрессменов (антиимпериалистические лиги ставили целью собрать под петицией президенту США 10 млн. подписей). Сенаторы Р. Петтигру, Дж. Хоар, Дж. Уест и другие клеймили аннексию Филиппин как колониальную политику, не совместимую с принципами конституции США.

После утверждения Парижского мирного договора в феврале 1899 г. главной целью антиимпериалистических лиг стала борьба против американской интервенции на Филиппинах и за предоставление им независимости. О реальной помощи антиимпериалистических лиг национально-освободительному движению на Филиппинах свидетельствует множество фактов. Сам генерал Ф. Фанстон, командовавший американскими войсками на Филиппинах, заявил: «Если бы не было так называемой партии мира в Соединенных Штатах, восстание было бы подавлено к январю 1900 г.» [5].

Благодаря участию известных публицистов и издателей антиимпериалистическое движение привлекло на свою сторону часть прессы. Ведущими антиимпериалистическими изданиями стали журнал «Нейшн», издаваемый Э. Годкином, журнал «Антиимпериалист», редактором которого был Э. Аткинсон, еженедельная газета Г. Уэлча «Сити энд стейт». Памфлеты Аткинсона «Цена войны», «Военный ад» и др., призывы журнала «Антиимпериалист» к молодежи отказываться от службы в армии сильно встревожили власти. Было специально постановлено изымать произведения Аткинсона из почты, направляемой в действующую армию. Уэлч был первым, кто обратил внимание общественного мнения США на зверства американских солдат на Филиппинах. В его памфлете «По дороге в Манилу» собраны многие факты о подобного рода «цивилизаторской» миссии. Кроме больших работ известных авторов, популярным жанром антиимпериалистов были распространявшиеся в сотнях тысяч экземпляров краткие листовки, которые разъясняли принципы антиимпериалистических лиг.

В ходе развития движения антиимпериалистические лиги предприняли несколько попыток создания влиятельной политической партии, кото-

[5] Цит. по: *Pomeroy W. J.* American Neo-Colonialism. N. Y., 1970, p. 110

рая противостояла бы экспансии. Вопрос о третьей партии особенно остро встал на выборах 1900 г., однако участникам движения не удалось разорвать тенета двухпартийной системы. Особую роль при этом сыграла демократическая партия. Перехватив ряд антивоенных и антиколониальных требований антиимпериалистов, партийная машина демократов под руководством Брайана нейтрализовала движение антиимпериалистов, а затем и поглотила его. В начале 1900-х годов движение антиимпериалистов перестало быть заметной политической силой.

Основные идейные принципы антиэкспансионистов нашли выражение в платформах центральных и местных антиимпериалистических лиг.

В критике захватнической политики США антиимпериалисты опирались на демократические традиции, берущие начало от революционной войны за независимость, ссылались на теории естественного права и народного суверенитета. «Люди наделены от рождения неотъемлемым правом на жизнь, свободу и стремление к счастью», «правительства заимствуют свою власть из согласия управляемых» — эти положения Декларации независимости приводились дословно в чикагской платформе Американской антиимпериалистической лиги. В ней подчеркивалось, что антиимпериалисты придерживаются принципов Линкольна, согласно которым «ни один человек не имеет права управлять другим без его согласия. Когда белый человек управляет собой — это самоуправление, но когда он, кроме того, управляет другим человеком — это деспотизм».

Исходя из этих принципов платформа характеризовала политику правительства США на Филиппинах как нарушение конституции и преступную агрессию, требовала немедленно прекратить войну на Филиппинах и предоставить им независимость[6]. Документ отмечал пагубное влияние агрессивной внешней политики США на внутреннее положение страны: милитаризация, увеличение налогового бремени, угроза деспотического правления. «Подлинная линия фронта проходит не в пригородах Манилы, враг в нашем собственном доме. В 1861 г. была предпринята попытка разделить страну, в 1899 г. предпринимается попытка разрушить ее фундаментальные принципы и наиболее благородные идеалы»,— говорилось в платформе.

Эти программные положения выражали взгляды либеральной интеллигенции, которая доминировала в антиимпериалистическом движении и выступала с критикой внешней политики США с позиций laissez faire (свободного предпринимательства). Они были развиты лидерами Американской антиимпериалистической лиги. Э. Годкин, ведущий журналист лиги, за которым шла элита американской интеллигенции, К. Шурц, один из лучших ораторов лиги и популярнейший деятель немецких землячеств в США, Дж. Хоар, опытный конгрессмен, нередко выступавший с критикой неприглядных сторон политической жизни США, Э. Аткинсон, ярый сторонник фритреда, отразили специфические особенности либеральной антивоенной и антиколониальной аргументации в различных сферах: в публицистике и политэкономии, на массовых митингах и в стенах конгресса.

Антиимпериалистическая критика была достаточно остра, а обращение к демократическим традициям американского народа, напоминание о праве нации на самоопределение имели немалое значение в период шо-

[6] Platform of the American Anti-Imperialist League. S. l., 1899.

винистического угара. Но осуждение империалистических захватов с позиций либерализма не отвечало на вопрос о причинах разрыва с демократическими принципами и перехода к колониальной политике. Магистральная линия полемики антиимпериалистов лежала в морально-этической и конституционной областях. При рассмотрении внешнеполитических вопросов критики, как правило, упускали связь материальных интересов и внешней политики.

Печатью ограниченности было отмечено и толкование ими сущности империалистической экспансии. Фактически осуждалась лишь прямая аннексия иностранных территорий, т. е. попытка основать колониальную империю старого английского образца. Однако критики были безучастны к другим проявлениям империалистической экспансии, прежде всего долларовой, которая в этот период получила столь яркое воплощение в доктрине «открытых дверей».

Более глубокий анализ пружин империалистической экспансии был дан представителями радикального крыла антиимпериалистов, которые примыкали к популистам.

Борьба против монополий заострила внимание популистов к вопросам экономической жизни, а это помогло приблизиться к пониманию связи роста трестов с экспансией. Представители популистов в конгрессе в начале 90-х годов занимали, как правило, антимилитаристские и антивоенные позиции. Дж. Симпсон и У. Пеффер резко возражали против строительства «большого флота». В значительной мере благодаря усилиям популистов удалось отвергнуть билль, предусматривавший превращение милиции штатов в национальную гвардию.

В период испано-американской войны наиболее последовательным критиком империалистической экспансии с позиций, близких популизму, являлся Р. Петтигру. Занимаясь в течение многих лет политической деятельностью (с 1889 по 1901 г. он был сенатором), Петтигру до конца остался честным человеком. Не часто в стенах конгресса раздавались такие страстные обличительные речи против трестов. Многие доводы, выдвигавшиеся им против экспансии, сходны с доводами сторонников классического либерализма, но различна их заостренность, различны акценты.

Петтигру переносил центр тяжести с морально-конституционной аргументации на экономическую и приближался к пониманию связи экспансии с интересами монополий. «Поддерживают ли наши рабочие этот договор? — задавал он вопрос в июле 1898 г., имея в виду аннексию Гавайев, и отвечал: — Ни одна рабочая организация не поддерживает его. Выступают ли за этот договор фермеры? Я еще ни разу не слышал об этом. За него выступают круги, заинтересованные в отмене ввозных пошлин на острова, гавайские и американские сахарные тресты, а президент США идет у них на поводу» [7]. Ему вторил один из лидеров популистов, Т. Уотсон. Также вопрошая, кто обогащается на войне, он отвечал: «Банкиры ... Новые долги дают основу для образования новых банков, и их власть увеличивается. Все привилегированные классы получают прибыль от этой войны. Она отвлекает внимание народа от экономических вопросов и увековечивает несправедливую систему» [8].

---

[7] *Pettigrew R.* The Course of Empire. N. Y., 1920, p. 40.
[8] *Woodward C. Vann.* Tom Watson.— Agrarian Rebel. N. Y., 1938, p. 334.

При оценке антивоенного и антиколониального движений обращают на себя внимание два момента. Во-первых, их очевидная мелкобуржуазная ограниченность. Отправляясь в своей критике от принципов «свободной конкуренции» и буржуазно-демократических идеалов, антиимпериалисты не преследовали цели добиться коренных изменений в социально-экономическом строе США, а стремились избавить страну лишь от одного из самых отвратительных проявлений империализма — агрессивных войн и колониальных захватов. Как отмечал В. И. Ленин, эти мелкобуржуазные критики не смогли увидеть того, что «колониальная политика и империализм — вовсе не болезненные, исцелимые, уклонения капитализма... а неизбежное следствие самых основ капитализма» [9].

Вместе с тем движение антиимпериалистов было одним из тех демократических движений эпохи империализма, которые подтверждали, что империализм «*обостряет* антагонизм между этими демократическими стремлениями и антидемократической тенденцией трестов» [10] и открывает новые возможности перед освободительным движением пролетариата, расширяя круг его союзников. Антиимпериалисты внесли важный вклад в развитие демократических традиций американского народа, восприняли и применили в новых условиях традиции антимилитаризма и пацифизма, настоенные на популистской ненависти к плутократии.

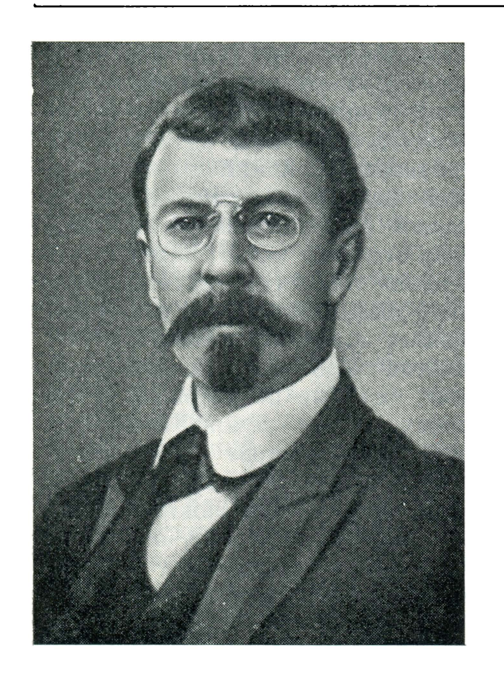
2. МАКРЕЙКЕРЫ

Движение макрейкеров — прогрессивных журналистов — в своих истоках восходит к концу XIX в., когда в печати появились произведения Марка Твена («Позолоченный век», 1873), Г. Джорджа («Прогресс и бедность», 1879), Э. Беллами («Взгляд назад», 1888), Г. Д. Ллойда («Богатство против общества», 1894), а на страницах журнала «Арена», издававшегося Б. Флауером, статьи, поднимавшие вопрос о возрастающей власти бизнеса, его тайных связях с органами управления, о растущей политической коррупции. В 1901 г. Флауер выступил со статьей, в которой говорил о необходимости прогрессивных реформ, возврата к принципам Декларации независимости, ограничения трестов, государственной собственности на землю и даже прямых выборов [11].

Журнал «Арена» поднимал острые проблемы современности. Его издатель действительно был первым, кто начал открыто говорить о пороках американской общественной жизни [12]. Правда, эта критика выражалась в общей форме, без упоминания имен мэров или конгрессменов, названий корпораций. Но выступления «Арены» подтолкнули журналистов заняться конкретными расследованиями злоупотреблений в органах городского управления и деятельности монополий.

В октябрьской книжке «Макклюрз мэгэзин» за 1902 г. появилась статья Л. Стеффенса в соавторстве с К. Уэтмором «Времена Твида в Сент-Луисе» о взяточничестве и мошенничестве членов муниципалитета. Этой статьей обычно датируют начало движения за «разгребание грязи». Ус-

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 15.
[10] Там же, т. 30, с. 102.
[11] Arena, 1901, Jan.
[12] Исследователь макрейкерского движения К. Реджиер называет Флауера «пионером макрейкерства». См.: *Regier C. C.* The Era of Muckrakers. Chapel Hill (N. C.), 1932, p. 17.



ЛИНКОЛЬН СТЕФФЕНС

пех статьи Стеффенса был огромным. Номер журнала раскупили в один день, газеты кричали о сенсации и требовали дальнейших разоблачений. С. Макклюр, а вслед за ним и другие издатели, понимавшие, что сенсация приносит деньги, предоставили журналистам возможность заняться расследованиями и публикацией разоблачительных материалов. Так началось движение макрейкеров [13].

Издатели не ошиблись в своих расчетах. Тиражи макрейкерских журналов колоссально возросли. Это позволило издателям снизить цену номера до 10—15 ц., что сделало журналы доступными для массового читателя.

Кроме «Макклюрз мэгэзин», на путь макрейкерства вступили «Эврибодиз мэгэзин», «Кольерз мэгэзин», «Космополитэн», «Хэмптонс мэгэзин», либеральный журнал «Индепендент», позднее появился «Американ мэгэзин». Макрейкерские статьи печатались и в других журналах, например в «Мэнсиз мэгэзин», хотя этот журнал лишь отчасти примыкал к направлению «разгребателей грязи». Не следует думать, что издатели отличались радикальными взглядами. Они гнались за сенсацией и преследовали цель повысить доходность журналов. Не исключено, что риск и чувство азарта также играли здесь роль.

По-другому относились к своему делу журналисты. Большинство макрейкеров были талантливыми, искренними и сравнительно молодыми людьми. Они отдавались своей работе с подлинным энтузиазмом, не останавливаясь перед опасностью подвергнуться не только преследованиям в печати, но и оказаться жертвой физической расправы. Макрейкеры действовали стихийно, самостоятельно выбирая объекты расследования. Не было никаких попыток создать какое-либо общество, скажем, по борьбе с коррупцией или преступностью. Журналисты, работающие «на Макклюра», «на Хэмптона» или в другом журнале, составляли «штаб» редакции и делили между собой сюжеты репортажей. Издатели щедро финансировали своих сотрудников в расчете на будущие прибыли. Шумный успех первых выступлений Стеффенса и Айды Тарбелл из «Макклюрз мэгэзин» подстегивал издателей, конкурирующих между собой в борьбе за читательский спрос.

Какими проблемами занимались макрейкеры? Диапазон расследовательской деятельности журналистов был очень широк. Они обнажали

[13] Термин «макрейкер» (буквально «разгребающий грязь лопатой») появился позднее, в 1906 г., после того как президент Т. Рузвельт публично назвал так энтузиастов-журналистов, раздраженный их разоблачительными выступлениями в печати. Но бранное слово превратилось в почетное звание борца за правду.

перед публикой, по образному выражению американского историка В. Л. Паррингтона, «сточные ямы», загрязняющие политическую жизнь страны, обнаружили их под каждой мэрией, каждым зданием, где располагались власти штата [14]. О продажности, взяточничестве, мошеннических махинациях облеченных властью выборных лиц (мэров, членов муниципалитетов и правительств в штатах) писал Л. Стеффенс («Позор Миннеаполиса», «Огайо: повесть о двух городах»).

Большой резонанс вызвали статьи, раскрывающие методы обогащения крупных монополий, промышленных и банковских фирм. Одной из первых работ на эти сюжеты были статьи А. Тарбелл в 1902—1904 гг. Они предали гласности скандальную историю образования и обогащения фирмы Дж. Рокфеллера «Стандард ойл».

Расследованием деятельности и злоупотребления монополий занималась не одна Тарбелл. Антимонополистическая направленность движения макрейкеров ясна из произведений плеяды журналистов и писателей, раскрывших перед страной не только беззастенчивую погоню за наживой, но и, что еще важнее, тайные связи бизнеса с правительством во всех звеньях государственного аппарата — от мэрии до правительства штата. Стеффенс, разоблачивший коррупцию в Миннеаполисе, предпринял расследование махинаций в масштабе штатов. Серия его статей под общим названием «Враги республики» о положении в Миссури и Иллинойсе, Нью-Джерси и Огайо наглядно показывала, что коррупция в политике тесно переплетается с коррупцией в бизнесе, что это единый процесс, ведущий к разложению американского общества. На примере штата Нью-Джерси Стеффенс доказал, как корпорации подрывают конституционные основы США. Законодательное собрание этого штата выработало, а губернатор утвердил известный закон, разрешавший организации любых корпораций, платящих налог Нью-Джерси, но имеющих право действовать в масштабе всей страны. Стеффенс назвал Нью-Джерси «штатом-предателем», поскольку этот закон позволял монополиям обходить принятые в других штатах антитрестовские законы и одновременно приносил огромные доходы штату [15].

Произвол и борьба «медных королей» в штате Монтана живыми красками были описаны в статьях Ч. Р. Конноли, опубликованных в 1906—1907 гг. в «Макклюрз мэгэзин». Конноли показал, как политическое и деловое соперничество монополистов из-за контроля над богатейшими медными рудниками Монтаны привело к неслыханному разложению правительственных учреждений штата, массовому подкупу законодательного собрания, попытке подкупить Верховный суд штата. Борьба закончилась компромиссом в 1906 г. между известным «медным королем» Ф. А. Хейнзе и «Амальгамейтед коппер компани». Современники отмечали огромный интерес публики к статьям Конноли ... за пределами штата Монтана. Жители Монтаны не интересовались этой битвой. «Для них это было старой историей» [16].

---

[14] *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли: В 3-х т. М., 1962—1963, т. 3, с. 482—483.

[15] *Regier C. C.* Op. cit., p. 94.

[16] The Muckrakers. The Era in Journalism that Moved America to Reform.— The Most Significant Magazine Articles of 1902—1912 / Ed. by A. and L. Weinberg. N. Y., 1961, p. 102.

Расследования злоупотреблений и коррупции в штатах неизбежно должны были привести и привели макрейкеров в Вашингтон, где под сводами Капитолия вершили дела всего государства представители штатов — сенаторы и конгрессмены. Писатель Д. Г. Филлипс пошел в этом направлении дальше Стеффенса, Конноли и Тарбелл. Он замахнулся на высший законодательный орган США — сенат. Он расследовал деятельность сенаторов и в 1906 г. опубликовал острую и политически злободневную серию статей под названием «Предательство сената», в которой наглядно показал связь сенаторов с бизнесом. Эффект статей был особо сильным потому, что в них были названы имена «столпов» правящей республиканской партии: лидера республиканцев в сенате Н. Олдрича (тестя Рокфеллера), Ч. Дипью и др. Именно после этих статей президент Рузвельт постарался дезавуировать выступление Филлипса и назвал журналистов «разгребателями грязи». Для Филлипса закрылись двери многих редакций.

Большой успех имели серии статей Т. Лоусона «Бешеные финансы», считающихся образцом разоблачения махинаций финансовых воротил Уолл-стрит. Лоусон великолепно разбирался в этих махинациях, ибо был финансистом, а не профессиональным журналистом.

Макрейкеры фактически затрагивали все или почти все стороны жизни США. Они писали о политической коррупции, разъедающей органы власти, и связи последних с бизнесом. Они раскрывали бесчестные методы финансистов и промышленников; разоблачили преступные действия владельцев заводов мясных консервов и медицинских препаратов, отравляющих население недоброкачественной продукцией. Они обрисовали злостную эксплуатацию иммигрантов и бесчеловечное отношение к цветному населению США; разоблачили обогащение предпринимателей на жестокой эксплуатации труда детей, на проституции и торговле девушками. Они обнажили фальш «святых отцов», расследовав источники дохода известной церкви св. Троицы в Нью-Йорке, владевшей доходными домами в трущобах города. Они рассказали о зависимости прессы от монополий, показав, что многие издательства, в том числе и макрейкерские, существовали главным образом за счет рекламных объявлений, предоставляемых ими различным фирмам.

Конечно, произведения разных жанров, разоблачающие пороки общества, появлялись задолго до макрейкеров. Но можно присоединиться к оценке движения А. и Л. Вейнбергами, издавшими отдельной книгой наиболее известные статьи макрейкеров. Эти авторы писали: «...впервые группа писателей и созвездие журналов обрушились громогласно на пороки, обнаруженные ими в обществе. Именно это сделало движение макрейкеров единственным в своем роде. Ни до, ни после этого в периодической литературе не возникало ничего, что можно было бы сравнить с неустанной кампанией за разоблачение» [17].

Макрейкеры много сделали, подготовив почву для движения за реформу. И главное, как писал Г. Грин, они заставили американцев «увидеть себя без прикрас» [18]. Однако дальше этого макрейкеры не пошли. Они были индивидуалистами, и философия буржуазного индиви-

---

[17] Ibid., p. XVIII.
[18] *Грин Г.* Забытый враг. М., 1958, с. 59.

дуализма пронизываал все их действия. В массе свой макрейкеры отрицали социализм, на что указывает, в частности, исследователь движения Л. Филлер. «Они хотели делать свою работу,— писал он,— а делать ее они могли, лишь не будучи связанными с партийной политикой»[19]. Некоторые из них позже перешли к апологетике государственных деятелей и «капитанов индустрии» (Р. С. Бэйкер, А. Тарбелл). Были среди них и социалисты (Ч. Рассел, Дж. Спарго, У. Дж. Гент, Э. Синклер). Правда, Спарго, Рассел примыкали к правому крылу и в дальнейшем были известны оппортунизмом и поддержкой правительства Вильсона. Но Синклер, несмотря на многие ошибки, остался верен своему «социализму чувств». Сложный путь прошел Стеффенс, который в мучительных поисках путей к очищению общества, через ошибки и заблуждения на склоне лет отказался от своей позиции «над схваткой» и пришел к коммунизму.

Движение макрейкеров было движением одиночек, не ставивших целью переустройство общества. В своих произведениях они показывали американскую действительность без прикрас и говорили только о необходимости искоренения пороков этой действительности. Выступления смелых и честных журналистов вошли в историю как движение, отразившее в основных чертах недовольство либеральной интеллигенции и развитие антимонополистических настроений в широких кругах американского общества начала XX в.

3. БОРЬБА ЗА РЕФОРМЫ И РАСШИРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ

Одновременно с движением макрейкеров возникло так называемое прогрессивное движение. Оно начало формироваться в конце XIX в. внутри обеих буржуазных партий, республиканской и демократической, в виде оппозиции руководству, которое, как правило, действовало в контакте и в интересах монополистических корпораций, будь то в отдельных городах или в масштабе штата и всей страны. Если журналисты видели свою цель только в том, чтобы обнажить язвы американского общества, то представители либеральной оппозиции внутри буржуазных партий выдвигали требования реформ, направленных на исправление пороков, расширение политических демократических прав и ограничение всевластия трестов. Они говорили, что ведут борьбу за социальный прогресс, отсюда и движение получило название прогрессивного. Сторонники реформ позднее стали называть себя прогрессистами. Как уже отмечалось, в отличие от популизма это было движение городских слоев: мелкой и средней буржуазии и буржуазной интеллигенции. С популизмом прогрессистов роднило откровенно враждебное отношение к трестам и вместе с тем явно выраженная мелкобуржуазная идеологическая основа. Все они — торговцы и предприниматели, коммивояжеры и клерки, адвокаты и священники, школьные преподаватели и профессура — прочно стояли на страже частнособственнических интересов. Тем не менее стремление к исправлению социальных пороков побуждало их к выступ-

---

[19] *Filler L.* Crusaders of American Liberalism. The Story of the Muckraking. Yellow Springs (O.), 1961, p. 305.

лениям против засилья крупного бизнеса и за демократизацию конституционных основ политического строя США [20].

В эти годы в разных городах появились энтузиасты-реформаторы, пытавшиеся личным примером доказать, что можно искоренить все злоупотребления в муниципалитетах, уничтожить политическую коррупцию и взяточничество, на основе которых процветала преступность: множились прибыльные игорные дома, а «отцы городов» наживались на спекуляции земельными участками и безнаказанно вздували цены на городском транспорте. Такими энтузиастами были мэр Миннеаполиса П. Джонс, мэр Нью-Йорка С. Лоу. В Милуоки (штат Висконсин) правый социалист Э. Зейдель был избран мэром и возглавил борьбу с финансовой кликой города. В штате Огайо прогрессивные мэры Т. Джонсон (в Кливленде) и С. Джонс (в Толидо) пытались обуздать корпорации, владевшие городскими трамваями.

Джонсон, в прошлом один из крупных железнодорожных дельцов Огайо, под влиянием книги Г. Джорджа решил отказаться от предпринимательской деятельности [21]. Он посвятил себя полностью делу очищения Кливленда от коррупции и, став мэром, решил добиться перехода предприятий общественного пользования, главным образом городской трамвайной сети, в руки муниципалитета. Острая борьба разгорелась вокруг вопроса о снижении цен за проезд в трамвае. Джонсон видел выход только в том, чтобы построить параллельную муниципальную линию и дать населению дешевый транспорт. Дорога была построена на средства частных лиц, пожертвовавших личные сбережения. Сам Джонсон вложил в нее свое состояние. Но во время кризиса 1907—1908 гг. муниципальная дорога обанкротилась, Джонсона провалили на выборах, и контроль над городом вновь оказался в руках старых железнодорожных компаний и финансистов Кливленда.

Борьба смелых реформаторов-одиночек была проявлением антимонополистической тенденции, под знаком которой развивалось все движение за реформы. Это легко проследить, сравнивая требования, выдвигавшиеся повсеместно прогрессивной оппозицией внутри обеих буржуазных партий. Контроль над деятельностью корпораций занимал важное место в программе прогрессистов во всех штатах. Они открыто ставили вопрос о необходимости ограничить использование государственного аппарата в интересах бизнеса. Особенное возмущение вызвали действия железнодорожных компаний, которые сами устанавливали тарифы на перевозки, при налогообложении пользовались незаконно получаемыми от легислатур льготами и широко применяли лоббистов для давления на законодателей. Не случайно именно вокруг этих вопросов шла острая борьба в законодательных собраниях штатов, находившая отражение и в прессе.

Наибольших результатов прогрессисты добились в Висконсине, где их лидером выступал губернатор Р. М. Лафоллетт, добившийся обложения железнодорожных компаний налогами по системе ad valorem (по стоимости), а также создания постоянной железнодорожной комиссии с правом контроля над качеством обслуживания на дорогах и установления

---

[20] Подробнее см.: *Белявская И. А.* Буржуазный реформизм в США в начале XX в. (1900—1914 гг.). М., 1968, с. 73—97.

[21] *Howe F. C.* Confessions of a Reformer. N. Y., 1925, p. 95—99.

тарифов на перевозки[22]. Кроме того, в Висконсине утвердили закон о налоге на наследство и закон о регистрации лоббистов, запрещавший им тайные связи с членами законодательного собрания.

«Висконсинский опыт» прогрессивного законодательства и борьбы с корпорациями получил известность по всей стране. В некоторых штатах усилия прогрессивной оппозиции в борьбе с железнодорожными компаниями привели к принятию в законодательных собраниях законов по частичному регулированию деятельности корпораций. В Айове губернатору О. Камминзу, выступившему с широкой программой реформ, удалось провести далеко не все. Все же прогрессисты Айовы добились принятия законов о запрещении льготных пропусков на железных дорогах, о запрещении корпорациям делать взносы на проведение политических кампаний, об ограничении продолжительности рабочего дня на железных дорогах, об учреждении правительственной комиссии по городскому благоустройству (закон стал известен повсюду как «план Де-Мойна»), о регулировании детского труда и некоторые другие[23].

В штате Нью-Йорк во время пребывания на посту губернатора Ч. Юза, которого можно считать не более как умеренным прогрессистом, был принят закон, согласно которому устанавливался контроль над предприятиями общественного пользования, в том числе и над принадлежавшими железнодорожным компаниям, а также закон о запрещении азартных игр. Особенно важен был первый из этих законов, так как давал право специально созданным комиссиям (одна из них ведала только Большим Нью-Йорком, другая — остальной территорией штата) проверять денежную документацию железных дорог, фиксировать тарифы, предписывать компаниям унифицированные методы бухгалтерского учета и вообще следить за их деятельностью.

Острая ситуация сложилась в Калифорнии, где всем штатом управляла клика бизнесменов Южно-Тихоокеанской железной дороги — «Сазерн пасифик рэйлроуд». Так называемое политическое бюро этой компании подчинило своей власти и республиканскую, и демократическую политическую машину, распоряжалось назначениями чиновников, диктовало свою волю законодателям. Против экономического и политического господства «Сазерн пасифик» выступили самые разнородные элементы, в том числе независимые предприниматели и некорпорированные компании (особенно в новых отраслях промышленности). Фермерские организации Калифорнии и рабочие союзы также проводили агитацию против засилья компании. После длительной борьбы прогрессивной оппозиции в республиканской партии, даже оформившейся в 1907 г. в Лигу Линкольна — Рузвельта, удалось подавить сопротивление политического бюро «Сазерн пасифик» и избрать в 1910 г. губернатором штата прогрессиста Х. Джонсона.

Хотя падение влияния «Сазерн пасифик» не привело, разумеется, к коренным изменениям в экономической и политической системе Калифорнии, все же на какое-то время это обстоятельство способствовало очищению общественной атмосферы. Прогрессистам, завоевавшим в 1911 г. большинство в законодательном собрании, удалось в конце кон-

---

[22] *Maxwell R. S.* La Follette and the Rise of Progressives in Wisconsin. Madison (Wis.), 1956, p. 52—54, 75—77.

[23] *De Witt B. P.* The Progressive Movement. A Non-Partisan Comprehensive Discussion of Current Tendencies in American Politics. N. Y., 1915, p. 61.

цов добиться утверждения закона, дававшего право железнодорожной комиссии штата устанавливать твердые тарифы на перевозку грузов. Кроме того, были приняты законы об ответственности предпринимателей за несчастные случаи на производстве, о 8-часовом рабочем дне для женщин, об охране природных ресурсов штата и др.[24]

Недовольство практикой железнодорожных компаний, их политическим влиянием было повсеместным. Не случайно как раз в 1903—1906 гг. администрация президента Т. Рузвельта объявила курс на внутренние реформы и регулирование деятельности железнодорожных компаний путем расширения функций Межштатной торговой комиссии, что стало предметом острых политических разногласий в конгрессе.

Борьба против влияния бизнеса на общественно-политическую жизнь страны протекала одновременно с борьбой за расширение политических прав. Наиболее популярными были требования демократизации избирательного закона: введение права инициативы и референдума, право избирателей отзывать депутатов из законодательного собрания и всех должностных избираемых лиц, всенародное избрание сенаторов США, прямые выборы в местные органы. В некоторых штатах эти требования дополнялись требованием уравнения женщин в политических правах.

Движение за расширение политических прав практически охватило всю страну, хотя в разных штатах оно развивалось с различной интенсивностью и с неодинаковым успехом. Результаты зависели от многих обстоятельств. Большое значение имел масштаб вовлечения в движение различных слоев населения: городской мелкой буржуазии, интеллигенции (профессоров колледжей, журналистов, адвокатов), в некоторых штатах — фермерства, в ряде мест — рабочих, выступивших с требованиями о сокращении рабочего дня и об улучшении условий труда. Немалую роль также играли лидеры прогрессизма, радикализм которых проверялся на практике, когда им удавалось занять пост губернатора или мэра.

Как правило, прогрессисты наталкивались на упорное сопротивление консерваторов, возглавлявших партийные машины обеих буржуазных партий. И тем не менее в исследуемый период семнадцать штатов (Юта, Орегон, Айдахо, Небраска, Невада, Монтана, Оклахома, Мэн, Миссури, Арканзас, Колорадо, Огайо, Мичиган, Южная Дакота, Аризона, Вашингтон и Калифорния) внесли в свои конституции пункт о праве избирателей на инициативу и референдум, а Массачусетс и Нью-Мексико — право референдума. Вслед за ними и в других штатах прогрессисты выдвигали требования демократизации конституции. Острые разногласия между консервативными элементами в партиях и прогрессистами возникали при попытке последних утвердить в законодательном порядке практику прямых выборов, в том числе и в сенат США. В 1903—1904 гг. прогрессисты в Висконсине добились закона о выдвижении кандидатов не на партийном съезде, а на первичных предвыборных собраниях (direct primary law)[25]. К 1915 г. подобные законы были утверждены в большинстве штатов[26].

---

[24] Ibid., p. 67.

[25] *Lovejoy A. F.* La Follette and the Establishment of the Direct Primary in Wisconsin, 1890—1904. New Haven, 1941, p. 83—95. Этот закон был утвержден в штате референдумом в 1904 г.

[26] *McDonald F.* The United States in the Twentieth Century. Vol. 1: 1900—1920. Reading (Mass.) etc., 1970, p. 157.

Важным моментом в борьбе за демократизацию избирательного законодательства явились выступления американских женщин за право голоса. Законные требования женщин вызывали сопротивление не только консервативных фракций буржуазных партий, но и многих прогрессистов. Вопиющая несправедливость законодательства страны, претендующей на звание «самой демократической в мире», усугублялась с каждым годом, ибо с каждым годом возрастало число женщин, занятых в промышленности, сельском хозяйстве, торговле, учебных заведениях. Помимо своих домашних обязанностей по ведению хозяйства и воспитанию детей, женщина несла бремя наемной работницы, являясь зачастую кормильцем семьи.

Прошло более полувека со дня проведения собрания в 1848 г. в г. Сенека-Фолс (штат Нью-Йорк), на котором группа женщин впервые во весь голос потребовала предоставления им избирательных прав. Женщины назвали свою резолюцию «Декларацией чувств». В ней было много наивного, незрелого; женщины предъявляли обвинения некоему абстрактному мужчине, установившему над ними «абсолютную тиранию» [27]. Однако требования права на образование, на равную оплату за труд, требования имущественного равенства, участия в делах церкви и, наконец, избирательных прав были вполне серьезными и первоначально вызвали резкую отповедь в прессе. Тем не менее организаторы собрания и авторы «Декларации» не сложили оружия, а объявили об организации женской суфражистской организации во главе с Элизабет К. Стэнтон, 33-летней энергичной участницей аболиционистского движения.

Следует помнить, что в рядах аболиционистского движения было много женщин. Именно в борьбе за уничтожение института рабства формировалось политическое сознание американских женщин, воспитывались организационные и ораторские навыки будущих деятельниц суфражизма. У. З. Фостер писал: «Фактически женское движение в значительной степени выросло на базе аболиционистского движения» [28].

Однако шли годы, а усилия замечательных американских женщин, первых борцов за женское равноправие — Элизабет К. Стэнтон, Сьюзен Энтони, Люси Стоун и других все еще наталкивались на глухую стену отказа, воздвигаемую законодателями в легислатурах и конгрессе [29].

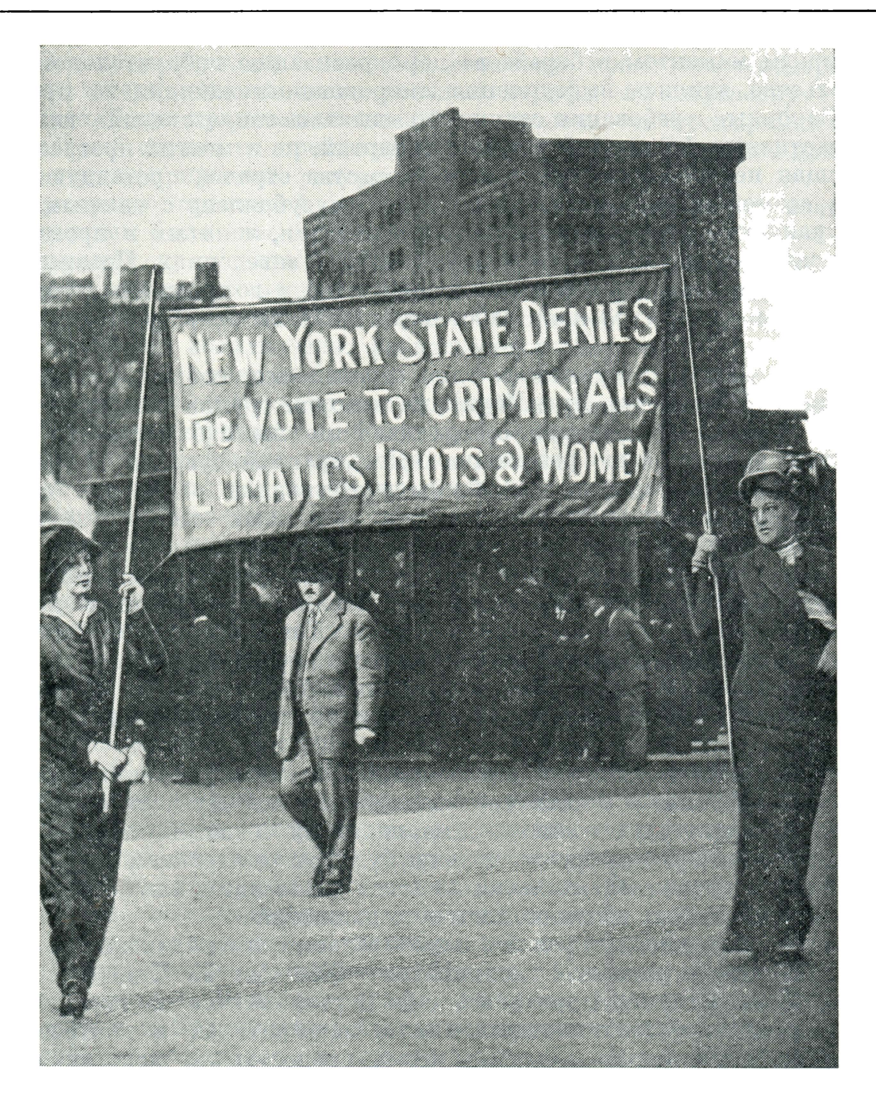
К началу XX в. только четыре штата предоставили женщинам избирательные права [30]. И это несмотря на то, что суфражистское движение занимало уже значительное место в общественно-политической жизни страны. Еще в 1860-е годы сложились две суфражистские организации: Национальная женская суфражистская ассоциация под руководством Э. К. Стэнтон и С. Энтони и Американская женская суфражистская ассоциация во главе с Л. Стоун. Руководители первой полагали, что необходимо добиваться от конгресса принятия соответствующей поправки к федеральной конституции. Американская же ассоциация выдвигала

[27] Текст «Декларации чувств» см.: The Concise History of Woman Suffrage / Ed. by M. Jo, P. Buhle. Urbana (Ill.) etc., 1978, p. 94—96.

[28] *Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки. М., 1955, с. 178.

[29] XV поправка к конституции вошла в силу в 1870 г. Она даровала избирательные права мужчинам-неграм, внесла в конституцию США разделение граждан по признаку пола. Тем самым женскому движению был нанесен тяжелый удар.

[30] Вайоминг, еще не будучи штатом, в 1869 г. принял эту поправку, Колорадо — в 1893 г., Айдахо — в 1896 г., Юта — в 1896 г.



СУФРАЖИСТКИ НА УЛИЦЕ НЬЮ-ЙОРКА

тактику борьбы женщин в штатах, с тем чтобы завоевать избирательное право женщинам в одном штате за другим. В 1890 г. они слились в одну организацию — Национальную американскую женскую суфражистскую ассоциацию.

Существовали и другие женские организации, среди которых следует отметить Национальную лигу потребителей, в работе которой большую роль сыграла социалистка Флоренс Келли. В 1903 г. возникла Женская профсоюзная лига, ставившая целью помочь женщинам-работницам в организации профсоюзов [31]. Эти организации поддерживали борьбу жен-

[31] *Flexner E.* Century of Struggle. The Woman's Rights Movement in the United States. Cambridge (Mass.); London, 1977, p. 218.

щин за избирательные права. Известная деятельница суфражизма Леонора О'Рейли, сама с 13 лет работавшая по найму, в 1912 г. выступила перед комиссией конгресса с горячей речью, требуя предоставления женщинам политических прав. Работницы поддерживали суфражизм, понимая, что получение равных с мужчинами политических прав поможет им в тяжелой борьбе за человеческие условия существования.

В течение первого десятилетия XX в. суфражистски вели в штатах упорную агитацию за права женщин, организуя многочисленные, хотя и небольшие, местные суфражистские группы, атакуя письмами и личными просьбами депутатов собраний, сенаторов и конгрессменов. Наконец, в 1910 г. поправку к конституции об избирательных правах женщин принял штат Вашингтон, затем в 1911 г.— Калифорния. В течение 1912—1914 гг. их примеру последовали шесть штатов (Орегон, Канзас, Аризона, Иллинойс, Монтана и Невада), а в 1917—1918 гг. еще девять, включая Нью-Йорк, признали политическое равноправие женщин [32].

В США в первые годы XX в. лишь одна политическая партия выдвинула в своей платформе требование об уравнении женщин в политических правах с мужчинами, причем без различия цвета кожи. Это была Социалистическая партия Америки. Затем образовавшаяся после раскола республиканцев на съезде в Чикаго в 1912 г. Прогрессивная партия также включила избирательное право для женщин в свою программу. Ее лидер Т. Рузвельт понял, что платформа новой буржуазной партии не будет популярной, если не отразит это требование. Однако понадобилось еще семь лет неустанной борьбы, чтобы конгресс вотировал поправку об уравнении женщин в политических правах [33].

Выступая с либеральных позиций за демократизацию избирательного законодательства, за проведение демократических реформ, прогрессисты, как было сказано, не связывали свою судьбу с рабочим классом. Как правило, прогрессисты и их лидеры не поддерживали стачечной борьбы рабочих и многие из них отрицательно относились к профсоюзам. Борьба рабочих за свободу слова также оставляла их почти равнодушными, хотя они и осуждали жестокие репрессии со стороны городских властей, запрещавших уличные митинги. Лафоллетт, уже будучи сенатором США, издававший журнал «Лафоллеттс уикли мэгэзин», освещал в нем некоторые забастовки. Но этим дело и ограничивалось.

Макрейкеры, возмущавшиеся тяжелым положением рабочих, особенно женщин-работниц, рассматривали рабочие союзы как некие объединения, «нарушающие свободу индивидуума», и недвусмысленно осуждали рабочих за расправу со штрейкбрехерами [34]. Но все-таки прогрессисты сочувствовали нуждам рабочих, признавали необходимость улучшения положения рабочего класса, ограничения произвола работодателей, введения законов, регулирующих взаимоотношения рабочих с предприни-

---

[32] The Electoral Thermometer.— In: *Scott A. F.* and *A. M.* One Half the People: The Fight for Woman Suffrage. Philadelphia etc., 1975, p. 166—168.

[33] XIX поправка к конституции, гласившая, что граждане США «не могут быть лишены права голоса» по признаку пола, была принята конгрессом 4 июня 1919 г. и вошла в силу 26 августа 1920 г. после ратификации штатами. См.: The Constitution of the United States, Article XIX.— In: Encyclopedia of American History / Ed. by R. B. Morris a. o. N. Y. etc., 1976, p. 578.

[34] Один из зачинателей движения макрейкеров, Р. С. Бэйкер, в 1903 г. в «Макклюрз мэгэзин» обвинял рабочий союз в том, что он мешает работать штрейкбрехерам. См.: McClure's Magazine, 1903, Jan.

мателями. Поэтому нельзя забывать о таком направлении деятельности прогрессистов, как борьба за внедрение социального законодательства, а также об организации так называемых сеттльментов в рабочих (преимущественно иммигрантских) кварталах индустриальных центров.

Борьба за рабочее законодательство велась во многих штатах. Ее большей частью начинали профсоюзы, а прогрессивная оппозиция включала в список своих требований улучшение условий труда рабочих. Конкретными требованиями повсеместно были: компенсация рабочим, получившим травму на производстве; ответственность предпринимателей за охрану труда рабочих; регулирование труда женщин и детей; установление минимума заработной платы; сокращение рабочего дня; пенсии матерям и вдовам и некоторые другие. Согласно действующему законодательству все вопросы, касавшиеся регулирования отношений между рабочими и работодателями, входили в компетенцию штатов, а не федерального правительства. Именно поэтому борьба за социальное законодательство начиналась в рамках штатов или даже городов.

Вопрос об ответственности предпринимателей за несчастные случаи на производстве также рассматривался вначале на уровне штатов и лишь впоследствии был поставлен на обсуждение в конгрессе. Одним из первых штатов, принявших закон о компенсации рабочим за травмы на производстве, был Висконсин. К 1915 г. такие законы были введены в США в 25 штатах.

Широкое распространение законодательства о компенсации рабочим объяснялось не только и не столько заботой о положении рабочего и его семьи, сколько интересами предпринимателя. Как писал Де Уитт, законы о компенсации должны были «выправить дефекты законов об ответственности предпринимателей», ибо длительная выплата компенсации искалеченным рабочим и их семьям могла угрожать предпринимателям разорением [35]. Законы о компенсации, во-первых, переносили решение из суда в специальную комиссию, во-вторых, определяли размер компенсации по специальной шкале увечий, а также определяли максимальную продолжительность выплаты пособия. Учитывая, что предприниматели всегда стремились переложить вину за несчастный случай на самого рабочего и обычно преуспевали в этом, закон принес не очень большое облегчение в положении трудящихся, хотя и был известным шагом вперед в рабочем законодательстве буржуазного государства.

Еще больше препятствий возникало у прогрессистов при попытках добиться введения закона о минимуме заработной платы. Против такого регулирования дружно восставали предприниматели и их ставленники в обеих палатах собраний. Только девять штатов к 1913 г. приняли такой закон, но и там законы ограничивались наблюдением за заработной платой женщин и девушек.

Помимо заработной платы, важным был и вопрос о продолжительности рабочего дня, ибо именно эти два условия являются главными показателями уровня жизни трудящихся. Однако в данном случае прогрессисты поднимали голос не за 8-часовой рабочий день для всех рабочих, а за регламентацию труда женщин и детей. К 1907 г. только в 20 штатах были приняты законы о 10—12-часовом рабочем дне для женщин, занятых в промышленности, на фермах, в сфере обслуживания (в прачечных,

---

[35] *De Witt B. P.* Op. cit., p. 269.

торговых заведениях и т. п.). Лишь в четырех штатах действовали законы, запрещавшие ночной труд женщин.

Детский труд широко применялся в США. Дети рабочих, как правило, начинали трудиться с раннего возраста, чтобы помочь семье. Прогрессистам в 22 штатах удалось провести законы о детском труде. В них предусматривалась выплата из казны штатов небольших пособий вдовам (а иногда и незамужним матерям) в размере нескольких долларов в месяц на содержание детей до достижения ими определенного возраста (чаще всего до 14 лет). Все эти мероприятия проводились в штатах при сильном сопротивлении со стороны консерваторов. Попытки ввести запрещение или ограничение детского труда в национальном масштабе предпринимались и в конгрессе. В течение всего периода прогрессивного движения вопрос о детском труде не снимался с повестки дня. Однако усилия поборников запрещения или хотя бы охраны детского труда были напрасны. Законопроекты об ограничении труда женщин и детей обсуждались в конгрессе в 1911, 1913, 1915 и 1917 гг., но были отвергнуты [36]. Консерваторы обеих партий, особенно республиканцы, упорно противились утверждению этих биллей конгрессом под предлогом, что такой закон нарушил бы суверенитет штатов.

В борьбе за введение в жизнь социального законодательства, за улучшение жизненных условий городской бедноты, ограничение детского труда и другие реформы прогрессисты получали поддержку работников так называемых сеттльментов. Сеттльменты формировались из представителей передовой молодежи, выходцев из средне- и мелкобуржуазных слоев. Большинство из них имели образование, были проникнуты идеями о необходимости переустройства общества и жаждали приложить силы к какому-то полезному для общества делу. Впоследствии из их среды вышло несколько социалистов. Трущобы индустриальных центров, населенные главным образом беднейшими представителями рабочего класса — иммигрантами, оказались в поле внимания этой молодежи, селившейся небольшими колониями в рабочих кварталах и пытавшихся сблизиться с их обитателями, личным трудом облегчить жизнь бедняков. Американский историк А. Ф. Дэвис назвал сеттльменты «передовыми отрядами» движения за реформу, т. е. передовыми отрядами прогрессизма [37].

Движение за организацию сеттльментов для помощи беднякам больших городов возникло в Англии. Первым был основан Тойнби-хауз в Лондоне в 1883 г. Но в Америке, а не в Англии это движение получило широкое распространение.

Первый сеттльмент в США под названием Халл-хауз был учрежден в 1889 г. в Чикаго двумя девушками, окончившими колледж и решившими заняться просветительской деятельностью среди бедняков-иммигрантов, в основном из Италии и Ирландии. Инициатором этого начинания была Джейн Аддамс, 29-летняя дочь зажиточного фермера из Иллинойса, завоевавшая впоследствии огромную известность как деятель прогрессивного движения, борец за права женщин и автор многих публицистических работ.

Вслед за Халл-хаузом открылись другие сеттльменты; наиболее известные — в Нью-Йорке (один под руководством Лилиан Уолд, второй —

[36] *Buenker J. D.* Urban Liberalism and Progressive Reform. N. Y., 1973, p. 75—76.
[37] *Davis A. F.* Spearheads for Reform. The Social Settlements and the Progressive Movement: 1890—1914. N. Y. etc., 1967, p. 25.

ДЖЕЙН АДДАМС

Вайды Скуддер), еще один в Чикаго (организатор Мэри Макдауэлл), в Бостоне (учредитель Роберт Вудс). В больших городах функционировали не один-два, а до 20 сеттльментов. Сеттльменты стали школой, через которую проходили тысячи юношей и девушек среднего сословия, стремившихся к общественной деятельности. Сеттльменты сыграли большую роль в развитии женского движения в США. В числе постоянных резидентов (т. е. постоянных работников сеттльментов) было большинство девушек и молодых женщин, которые находили в сеттльменте пристанище и работу. Например, в Халл-хаузе несколько лет жила Флоренс Келли (до того как по приглашению прогрессивного губернатора штата Иллинойс Дж. П. Алтгелда стала первой женщиной — фабричным инспектором штата).

Работники сеттльментов не ограничивались организацией лекций, устройством детских садов и тому подобных мероприятий. Жизнь столкнула их с проблемами рабочего движения. Среди резидентов появлялись женщины-работницы, профсоюзные организаторы. Но понятно, что для руководительниц и руководителей сеттльментов проблемы рабочего движения лежали в плоскости организации «мира в промышленности», а не социалистического переустройства общества. Во время конфликтов рабочих с предпринимателями, когда подопечные сеттльментов бастовали, Аддамс и другие лидеры сеттльментов стремились свести дело к арбитражу, готовы были быть посредниками, отрицая всякую идею о возможности изменения капиталистического строя.

Руководство АФТ, видевшее в «классовом сотрудничестве» свою цель, благожелательно смотрело на деятельность работников сеттльментов, но рядовые рабочие относились к ним критически и зачастую враждебно, хотя нужда и заставляла женщин-работниц и многодетных матерей принимать от них помощь. Для развития рабочего движения сеттльменты не внесли ничего значительного, так как равнялись на консервативную линию в рабочем движении. Но в мелкобуржуазном прогрессивном движении они были на левом фланге, поддерживая рабочее законодательство и другие демократические реформы.

Итак, прогрессивное движение в штатах развивалось по трем основным направлениям: борьба за ограничение власти трестов, за расширение политических прав и за социальное законодательство. Отмечая как успехи, так и недостатки движения, его ограниченность, надо помнить, что прогрессисты всегда оставались буржуазными политиками и использовали привычные им методы политической борьбы (вплоть до создания собственной партийной машины). Тем не менее они восставали против

подкупа и взяточничества в политике и своей борьбой против всевластия бизнеса, за честное правительство, за очищение общественной жизни они, как и макрейкеры, выполняли социальный заказ своего времени.

4. СОЦИАЛЬНОЕ ХРИСТИАНСТВО И РАБОЧИЕ

К прогрессивному движению начала XX в. примыкает еще одно течение — социальное христианство, идеи которого развивали представители протестантских церквей США. Как упоминалось ранее, католическое духовенство, руководствуясь требованиями Ватикана, выраженными в папской энциклике «Рерум новарум», занималось в основном борьбой с распространением социалистической идеологии. Проблема же так называемой социальной справедливости, как писала советский историк А. А. Кислова, «стала предметом специального внимания протестантов» [38].

Уже в конце XIX в. американский протестантизм сделал попытку связать христианство с рабочим движением и социализмом, провозгласив социальной миссией христианства создание на земле «царства божьего». Обращение протестантской церкви к социальному вопросу было в значительной мере вызвано стремлением духовенства укрепить влияние религии на рабочий класс [39]. Это стремление возрастало по мере радикализации рабочего движения и усиления влияния социалистической идеологии на общественно-политическую жизнь в связи с бьющей в глаза поляризацией богатства и нищеты.

Распространение социалистических идей вызвало у духовенства намерение ослабить влияние научного социализма, доказывающего неизбежность краха капитализма как системы, основанной на частной собственности и эксплуатации человека человеком. Протестантизм выступил с религиозно-этическим учением о возрождении на земле христианских идеалов всеобщего равенства, справедливости и любви при непременном сохранении института собственности как незыблемого устоя существующего порядка. Пропаганда принципов так называемого социального христианства оказала немалое влияние на формирование американской общественной мысли в начале XX в.

Идеологи социального христианства (в конце XIX в.— В. Глэдден, У. Д. Блисс, Ф. Пибоди, а позже У. Раушенбуш, Л. Эббот, Г. Уорд и др.) критиковали пороки капиталистической системы США с позиций буржуазного либерализма и выдвигали реформы под эгидой правительства в качестве единственно возможного и действенного средства для установления порядка социальной справедливости. Они стремились убедить рабочих, что отношения с предпринимателями следует регулировать в рамках существующего строя при соблюдении обеими сторонами моральных заповедей.

Видный идеолог социального христианства Л. Эббот (конгрегационалистский священник, впоследствии редактор журнала «Аутлук») был убежденным сторонником участия церкви в любом общедемократическом движении. В своих произведениях, лекциях и проповедях он настаивал

---

[38] *Кислова А. А.* Социальное христианство в США: Из истории общественной мысли, 90-е годы XIX в.— 30-е годы XX в. М., 1974, с. 31.

[39] Духовенство было сильно обеспокоено потерей влияния религии на рабочих, что признавал американский историк Р. Хофстедтер. См.: *Hofstadter R.* The Age of Reform. From Bryan to FDR. N. Y., 1956, p. 151.

на том, чтобы церковь поддерживала реформаторскую деятельность государства, заявляя, что «божественный промысел распространяется на закон, торговлю и образование»[40]. При этом, подобно Т. Рузвельту и В. Вильсону, Л. Эббот видел в реформе средство отвлечения масс от радикальных идей и выступлений.

С программой перестройки социальной жизни путем реформ выступал и У. Раушенбуш, один из главных «духовных вождей» социального христианства.

Раушенбуш был пастором баптистской церкви, расположенной в трущобах Нью-Йорка, и хорошо знал тяжелую жизнь своих прихожан. В 1900-х годах он, подобно макрейкерам, гневно критиковал язвы капиталистического общества, изобличал эксплуатацию женщин и детей, возмущался проституцией, другими пороками, порожденными нищетой и безысходностью положения низкооплачиваемых категорий рабочих. Раушенбуш предлагал перестроить общество на кооперативных началах для достижения на земле «царства божьего». По мнению Раушенбуша, церковь должна растолковать рабочим и предпринимателям необходимость взаимопонимания между классами. Он полагал, что сохранение частной собственности является непременным условием социального прогресса, а наиболее действенным фактором в налаживании классового мира называл «патернализм», т. е. руководство рабочими союзами со стороны государства[41].

Стремление представителей социального христианства усилить свое влияние на рабочий класс и концентрировать социальную деятельность церкви вылилось в создание Федерального совета церквей Христа в Америке. Совет был образован по инициативе пресвитерианской, баптистской и методистской церквей в 1908 г. и в дальнейшем объединил практическую общественную деятельность более трех десятков протестантских деноминаций. Его идейная программа была изложена в «Социальном кредо», одним из авторов которого был методистский священник Г. Уорд.

Этот документ (окончательный текст был утвержден Федеральным советом в 1912 г.) показал, что протестантская церковь попыталась взять на себя миссию участия в общедемократическом прогрессивном движении начала XX в. и признавала важность регулирования отношений между трудом и капиталом. Но, критикуя капиталистический строй с мелкобуржуазных позиций, «Кредо» защищало частную собственность на средства производства. Хотя все 16 пунктов «Кредо» были посвящены «правам» рабочего класса, оно призывало лишь к урегулированию индустриальных отношений путем законодательства. Авторы «Кредо» высказывались за постепенное уменьшение продолжительности рабочего дня; установление прожиточного минимума; за выплату «самой высокой для данной отрасли промышленности» заработной платы. Такой порядок, по уверению социальных евангелистов, мог и должен быть достигнут путем государственного контроля над приобретением и использованием собственности, организации трудового процесса и распределения продуктов производства, путем контроля над деятельностью предпринимателей и над деятельностью рабочих союзов.

---

[40] *May H. F.* The End of American Innocence. A Study of Our Own Time, 1912—1917. N. Y., 1959, p. 12.

[41] *Кислова А. А.* Идеология и политика американской баптистской церкви. М., 1969, с. 91—102.

Характерно, что в окончательном тексте «Кредо» социальное христианство высказалось за «равные права предпринимателей и рабочих на организацию и за соответствующие средства умиротворения и арбитража во время конфликта в промышленности» [42]. Вот почему, несмотря на прямое обращение к пролетариату, проповедь социального христианства не встретила признания в среде рабочего класса.

5. ПЕРВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НЕГРИТЯНСКОГО НАРОДА

Бесправное положение черных и цветных американцев оставалось неписаным законом общества, несмотря на существование XV поправки к конституции США. Нельзя обойти молчанием прискорбный факт, что прогрессивное движение было движением белых. Нигде и никогда требование об уничтожении дискриминации цветного населения США не включалось в список реформ, выдвигавшихся прогрессистами в штатах или конгрессе США. Более того, прогрессисты южных штатов, где процент негритянского населения был наиболее высоким, оставались убежденными расистами. В 1904 г. губернатором Миссисипи был избран Дж. К. Вардаман, предложивший широкую программу борьбы с трестами, за демократические преобразования, но при этом открыто заявивший, что «милостивый господь создал негра слугой» [43].

В штатах, входивших в бывшую Южную Конфедерацию, число негров, имевших право голоса, к началу XX в. было сведено буквально до минимума. Так, в Луизиане оно упало с 130 тыс. до 5 тыс., в Алабаме — с 181 тыс. до менее чем 3 тыс. Кроме того, негры подвергались унизительной дискриминации (и не только в южных штатах) в общественных местах, государственных учреждениях, при найме на работу.

Следует еще упомянуть, что именно в годы «прогрессивной эры» во многих городах местные власти проводили в жизнь сегрегационные законы, предписывавшие неграм и белым селиться в разных кварталах. Балтимор (штат Мэриленд) принял такой закон в 1910 г., в следующем году — Ричмонд (штат Виргиния), за ними последовали другие города. Американский историк Ф. Макдоналд утверждал, якобы сегрегация — нормальное явление для Америки и проистекает из стремления эмигрантов различных этнических групп к обособлению. Он считал, что южные города, куда прибывали негры из сельских районов после отмены рабства, не были готовы принять массу новых жителей и это привело к «расовым беспорядкам» [44]. Этот вывод Макдоналда служил оправданием для негритянских погромов, судов Линча и других беззаконий в отношении черного населения США.

Линчевание, самосуд озверевшей толпы были на Юге общепринятым способом расправы с неграми по малейшему поводу, а чаще «для устрашения». С 1900 по 1914 г. зарегистрировано 1079 зверских убийств негров вооруженными бандами расистов [45]. Нередки были массовые негритянские погромы: в 1898 г. в Уилмингтоне (штат Северная Каролина),

[42] *Ward H. F.* The Social Creed of the Churches. Chicago, 1914, p. 7.
[43] *McDonald F.* Op. cit., vol. 1, p. 148.
[44] Ibid., p. 148—149.
[45] *Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки, с. 546.

в Лейк-Сити и в графстве Гринвуд (штат Южная Каролина), в 1900 г.— в Новом Орлеане (штат Луизиана), в 1906 г.— в Атланте (штат Джорджия). На Севере также происходили негритянские погромы. Так, в августе 1900 г. «расовые бунты», как называла погромы буржуазная пресса, были организованы расистами в Нью-Йорке, а в августе 1908 г.— на родине Линкольна в Спрингфилде (штат Иллинойс). Эти взрывы расовой ненависти отражали развитие на рубеже веков идеологии белого шовинизма, что было связано с агрессивным империалистическим курсом во внешней политике.

Происходившие в стране процессы неизбежно оказывали влияние на классовую и социальную структуру негритянского народа. Советский историк Э. Л. Нитобург подробно проанализировал рост классовой и социально-профессиональной дифференциации негритянского населения в рассматриваемый период [46]. Бывшие рабы начали пополнять различные классы и прослойки. Индустриализация Юга способствовала миграции негров с плантаций в города. Политика джимкроуизма на Юге гнала негров на Север и Запад в поисках более сносного, а главное — более спокойного существования. Однако, как уже отмечалось, вспышки расового террора происходили и там, хотя на Севере в начале века удельный вес негритянского населения не превышал 2%. Но эти 2% негров были сосредоточены в основном в крупных городах —Нью-Йорке, Чикаго, Филадельфии и других, где было больше шансов найти работу.

Основную массу негритянского населения составлял пролетариат, главным образом сельскохозяйственные рабочие. Одновременно быстро росла численность и фабрично-заводских цветных рабочих. Значительное число негров (мужчин и женщин) работали в сфере обслуживания. Следующим по численности шло негритянское фермерство, внутри которого происходили те же процессы дифференциации и расслоения, как и среди белых фермеров: разорение, выделение зажиточной прослойки, хотя и незначительной.

Негритянская буржуазия, начавшая пробиваться «вверх» еще в 70—80-е годы, также испытала на себе последствия политики усиливающейся сегрегации. Ее клиентура сузилась, объектом ее эксплуатации осталось негритянское население. В этой прослойке преобладала мелкая буржуазия. Сколотить по-настоящему крупное состояние удавалось немногим неграм; все же начали функционировать негритянские банки, отели, различные фирмы (страховые, строительные и пр.).

Появилась и негритянская интеллигенция. С невероятными трудностями открывались негритянские школы, колледжи и университеты. К 1913 г. их насчитывалось немногим более 30. Некоторые черные смогли получить высшее образование в «белых» университетах на Севере. Всего с 1865 по 1914 г. дипломы колледжей и университетов получили почти 5 тыс. негров, в том числе около 900 женщин. Большую роль в жизни негритянской общины играл пастор. Негритянская церковь издавна представляла собой сегрегированный институт, а к началу века, когда была создана единая Африканская пресвитерианская церковь и конгрегационалисты-негры образовали отдельную церковь, разделение христианской церкви по расовому признаку окончательно завершилось. Как правило, негритянские церковники, даже более образованные из них на Се-

---

[46] *Нитобург Э. Л.* Негры в США, XVII — начало XX в. М., 1979, с. 236—241.

БУКЕР Т. ВАШИНГТОН

вере, придерживались тактики приспособления к существующим порядкам и стремились сдержать недовольство своей паствы.

Реакция лидеров негритянского народа, представителей зарождающейся негритянской интеллигенции на политику и практику сегрегации и террора была различной. Один из главных руководителей Афроамериканской лиги (образована в 1890 г. и просуществовала три года), публицист Т. Форчун, издавал в Нью-Йорке газету «Эйдж» (1883—1907 гг.), в которой протестовал против сегрегации, пропагандировал идеи ассимиляции. Как писал Э. Л. Нитобург, Форчун первым недвусмысленно заявил «о классовой общности черных и белых рабочих» и о том, что «классовая борьба — ключ к расовой проблеме» [47]. Однако отказ АФТ от помощи негритянским рабочим, упадок популистского движения, наступление расистов по линии сегрегации, постоянный страх перед вероятностью оказаться объектом террористических акций приводили к разочарованию в возможности интеграции негров в американском обществе даже таких радикальных деятелей, как Форчун. Идея приспособления, адаптации в окружающей их враждебной среде приобретала все большее число сторонников на Юге.

Наиболее известным и активным негритянским лидером, выступившим за приспособление негритянского народа к тяжелой обстановке, сложившейся к концу 1880 г., был Букер Т. Вашингтон. Бывший раб, с огромными трудностями получивший образование, Вашингтон основал в г. Таскиги (штат Алабама) сначала ремесленную школу, затем Педагогический и промышленный институт города Таскиги (отсюда название «движение Таскиги»). Он утверждал, что негры должны отказаться от политической деятельности, развивать в себе смирение, стремление к приобретению собственности и наряду с этим терпение и услужливость белым. Белых хозяев и правителей Юга он призывал хорошо обращаться с бывшими рабами, обещая, что тогда они будут иметь нетребовательную и законопослушную рабочую силу.

На начальном этапе деятельность Вашингтона, по существу капитулянтская, имела все же положительное значение, ибо способствовала распространению образования и приобретению неграми профессиональных знаний. Б. Вашингтон завоевал огромную популярность, и не только среди негров. Его программа была одобрена владельцами предприятий, а также правительством США. Президент Рузвельт посетил институт в

[47] Там же, с. 250.

Таскиги и даже рискнул однажды пригласить его основателя на обед в Белый дом.

Долгие годы Б. Вашингтон был непререкаемым авторитетом для негритянской интеллигенции. Однако его полное капитулянтство перед правящими кругами, стремление к подавлению всякой свежей радикальной мысли, психология подчинения негров белым вызвали в конце концов протест в среде мыслящей негритянской интеллигенции, образовавшей свое движение, во главе которого встал Уильям Э. Б. Дюбуа [48]. Талантливый ученый, писатель и организатор, У. Дюбуа (1868—1963) посвятил всю жизнь борьбе за освобождение и счастье негритянского народа. Ценою огромных усилий — ведь он был негром — Дюбуа получил образование в лучших университетах США и Европы. В течение 10 лет он был профессором университета для черных в г. Атланта (штат Джорджия). Дюбуа в отличие от Б. Вашингтона придавал большое значение университетскому образованию негров, полагая, что судьба освободительного движения зависит от широкой просветительской деятельности, направленной на развитие высокой культуры молодежи, что «талантливые десять процентов» мелкобуржуазных негритянских интеллигентов поведут свой народ к лучшему будущему.

Впоследствии жизнь доказала самому Дюбуа ошибочность его теории, не признававшей ведущей роли пролетариата в освободительной борьбе. Но в 1900-е годы Дюбуа был захвачен своей идеей. Его взгляды противоречили духу и содержанию «движения Таскиги». Б. Вашингтон, проповедовавший, что для негра достаточно ремесленного образования, был недоволен деятельностью Дюбуа, его непримиримостью в принципиальных вопросах и отказом идти на компромиссы. Он организовал кампанию травли Дюбуа, в результате чего тому пришлось уйти из Атлантского университета [49].

Дюбуа мечтал о полном равноправии негров. Он вошел в группу журналистов, созвавших в июле 1905 г. конференцию, на которой была объявлена декларация новой организации под названием «Ниагара». Декларация «Ниагары» явилась выражением открытого возмущенного протеста против дискриминации негритянского народа. Участники новой организации требовали обеспечения неграм возможности участия в выборах, в судах присяжных, равного отношения в армии и флоте, отмены расовой дискриминации при приеме на работу и в союзы, другими словами, проведения в жизнь законоположений, принятых конгрессом США и нарушаемых расистами.

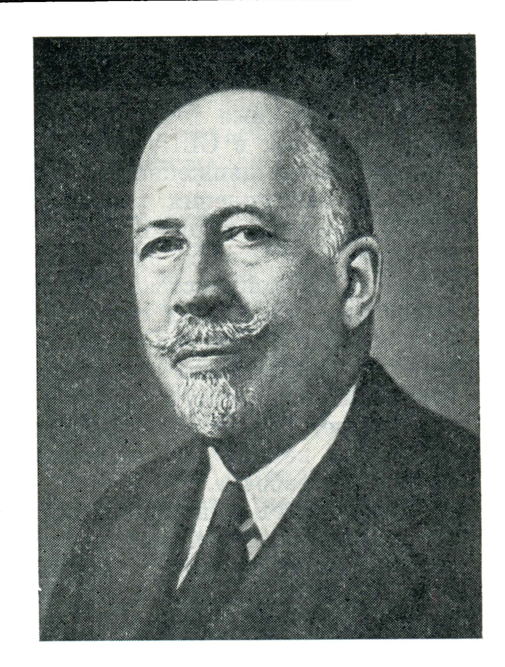
Движение «Ниагара» было малочисленным (всего 400 человек), но оно показало, что в сознании передовой части негритянского народа произошел перелом: от покорности судьбе к борьбе и сопротивлению. Как отмечал Фостер, это «означало одновременно восстание против гнетущей реакционной бюрократической системы Букера Вашингтона и начало проведения более боевой политики в борьбе против расистов и линчевателей» [50]. Движение просуществовало четыре года, а затем влилось в Национальную ассоциацию содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦН).

---

[48] *Foner Ph. S.* Organized Labor and the Black Worker, 1619—1973. N. Y.; Wash., 1974, p. 80.

[49] *Иванов Р. Ф.* Дюбуа. М., 1968, с. 124—127.

[50] *Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки, с. 541.



УИЛЬЯМ ДЮБУА

Эта организация была создана по инициативе группы либеральных и социалистических деятелей, как негров, так и белых. Толчком к образованию НАСПЦН послужил уже упоминавшийся негритянский погром в Спрингфилде летом 1908 г. Журнал «Индепендент» опубликовал статью социалиста У. Уоллинга с описанием зверств в Спрингфилде и призывом к общественности воспротивиться расовой дискриминации. Статья, по словам журналистки Мэри У. Овингтон, произвела такое впечатление, что она и несколько ее друзей-либералов пригласила Уоллинга и вместе выработали обращение с призывом сформировать центр для борьбы против беззаконий в отношении негров[51]. В мае 1909 г. на конференции в Нью-Йорке было принято решение о создании новой организации, которая в мае 1910 г. (на второй конференции) получила свое окончательное название. С осени 1910 г. Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения начала издавать печатный ежемесячный орган «Крайсис». На пост его редактора пригласили д-ра Дюбуа.

Эта организация и по составу, и по духу отличалась от «Ниагары». Хотя НАСПЦН одобряла политическую линию движения «Ниагары», осуждала политику расовой дискриминации и террор, обязалась бороться за социальное равенство негров, тем не менее в ее руководящем комитете был только один представитель негритянского народа — Дюбуа. Возглавляя «Крайсис», Дюбуа проводил широкую пропаганду против сегрегации в разных штатах и городах страны.

Озабоченные успехами НАСПЦН, консервативно настроенные негритянские деятели, продолжавшие придерживаться тактики приспособления, организовали еще одну организацию — Национальную городскую лигу (1911). В 1913 г., за два года до смерти, в ее руководство вошел Б. Вашингтон. Лигу поддерживали крупные финансовые магнаты (Дж. Рокфеллер, А. Стоун и др.). Лига организовала филантропическую помощь негритянскому народу и в то же время выступала против профсоюзов, вплоть до найма штрейкбрехеров.

Таким образом, во главе первой крупной негритянской организации стояли белые и руководили ею мелкобуржуазные либералы. Это объясняет, почему НАСПЦН не могла превратиться в подлинно боевой отряд и возглавить борьбу за политические и гражданские права негров.

---

[51] *Ovington M. W.* How the National Association for the Advancement of Colored People Began. N. Y., 1914, p. 2—3.

6. ФЕРМЕРСКИЕ СОЮЗЫ

Рассмотренные течения не исчерпывают всего разнообразия социального брожения в США в 1900-е годы. Прогрессивное движение, как мы видели, было движением городских слоев, но выступали и фермеры, хотя их выступления развивались в чисто экономическом плане. Как писал советский историк Е. Ф. Язьков, начало XX в. застало фермерство «чрезвычайно слабо организованным в политическом отношении»[52]. После спада популистского движения конца XIX в. только союз грейнджеров еще продолжал существовать, но в 1900-е годы он окончательно превратился в консервативно настроенную организацию крупного фермерства, отрицательно относившегося к рабочему движению и считавшего «ненужной» классовую борьбу. В 1907 г. на съезде грейнджеры приняли резолюцию, в которой потребовали применения жестких мер против «нарушителей закона», а таковыми, по мнению членов грейндж, были все бастующие рабочие.

Однако гнет монополий, испытываемый крупным фермерством, хотя и в меньшей степени, нежели средним и мелким, вызывал протест грейнджеров. Они выступали с требованиями регулирования железнодорожных тарифов, реформы налоговой системы, усиления антитрестовского законодательства, ассигнования средств на агротехническое образование и др. Антимонополистические выступления грейнджеров неизменно сопровождались откровенной защитой капиталистической системы, ее основы — частной собственности и грубыми выпадами по отношению к рабочему классу.

Консерватизм грейнджеров отпугивал основную массу фермерского населения, для которой гнет монополистических объединений представлял реальную угрозу существованию. Мелкие и средние фермеры стремились к непосредственному улучшению своего экономического положения. С этой целью в противовес устаревшим союзам грейнджеров они образовали новые союзы. В 1902 г. возникли первые местные организации фермеров в Техасе, а в декабре 1905 г.— общенациональный Фермерский союз во главе с Ч. Барретом. В отличие от грейнджеров Фермерский союз симпатизировал рабочему классу. Его представители высказались в пользу объединения сил рабочих и фермеров для борьбы с общим врагом — крупными трестами. Фермерский союз возник сперва в хлопководческих штатах, затем в зерновых и в последующие годы в табаководческих. На съезде 1907 г. присутствовали 72 делегата, представлявшие 20 штатов. Численность союза приближалась к 936 тыс.[53] Но негров среди них не было. Фермерский союз не допускал в свои ряды черных.

Несомненно, что антимонополистическая позиция союза и симпатии к рабочему классу, стремление выступать в единстве с рабочим движением являлись положительными чертами этой организации и привлекали к ней более широкие слои. Однако лидеры союза, а за ними и рядовые

[52] *Язьков Е. Ф.* Фермерское движение в США (1918—1929 гг.). М., 1974, с. 42. В этой работе исследуется деятельность фермерских союзов и в 1900-е годы (гл. 2, с. 40—56).

[53] *Taylor C. C.* The Farmer's Movements, 1620—1920. N. Y. etc., 1953, p. 346. Некоторые авторы считают, что не больше 500 тыс. человек. См. также: *Язьков Е. Ф.* Фермерское движение в США, с. 47, примеч. 19.

члены отказывались от каких-либо политических действий. Устав союза рекомендовал его членам воздерживаться от участия в избирательных кампаниях, от поддержки политических партий. Все силы союз желал направить на экономическое улучшение положения сельского населения, причем разрешалось использовать систему лоббизма для проведения через конгресс законов в интересах фермеров.

Параллельно с Фермерским союзом появилась еще одна крупная организация — Американское общество справедливости (Эквити), основанное Дж. Эвериттом. Первоначально общество охватывало свыше 140 тыс. членов из 19 штатов с организационным центром в Индианаполисе. После раскола, происшедшего в 1907 г., штаб общества был перенесен в Чикаго, и деятельность его распространялась только на северо-западные штаты, главным образом на Висконсин, Миннесоту, Северную и Южную Дакоты, Монтану и Айову. С этих пор численность общества колебалась между 30 тыс. и 40 тыс. членов [54].

Основной линией деятельности обеих фермерских организаций было создание кооперативных обществ по сбыту сельскохозяйственной продукции. Лидеры фермеров надеялись путем кооперирования противостоять нажиму крупных монополистических сельскохозяйственных и промышленно-финансовых объединений, организовать на местах (без помощи правительства) реформу рыночной системы, чтобы устанавливать выгодные для фермерского населения цены на сельскохозяйственные товары и проводить для фермеров сообща закупку промышленных изделий.

Суть реформы рыночной системы, по мысли руководителей «Эквити», заключалась в завоевании обществом такого положения, чтобы оно стало посредником между фермерами и торговыми фирмами. Лидеры общества полагали, что новая система поможет им контролировать закупочные цены, другими словами, роль монополистов в сфере сбыта сельскохозяйственных продуктов перейдет к ним.

Первая попытка «Эквити» провести в жизнь свой план была сделана в 1906—1907 гг. в зерновых штатах Среднего Запада, где члены общества устроили «фермерскую забастовку» — отказались продавать зерно и требовали повышения закупочных цен. Мало того, они даже сокращали посевные площади под хлебными злаками. Такие же меры были предприняты в табаководческих штатах Кентукки и Теннесси в 1907—1908 гг. Там дело дошло до организации руководством «Эквити» боевых отрядов, нападавших по ночам на фермы, хозяева которых заключали сделки с табачными фирмами («ночные рейды»).

Сначала методы лидеров «Эквити» имели некоторый успех. Монополии повысили цены в отдельных районах. Но скоро выяснилось, что тактика бойкота и «ночных рейдов» не оправдала надежд фермеров. Монополии, как и следовало ожидать, оказались сильнее. Они располагали огромными средствами, могли выжидать, а кроме того, им на помощь были брошены полицейские силы. Среди членов «Эквити» начались разногласия, приведшие к распаду общества на отдельные организации. Активность «Эквити» постепенно затухла.

Несмотря на отдельные успехи, кооперативная деятельность не принесла фермерам ожидаемых результатов. Трудности, неудачи, поражения, постигшие кооперативные общества в борьбе с капиталом, показали

[54] *Taylor C. C.* Op. cit., p. 376—377.

иллюзорность надежд фермеров добиться прочных успехов в организации сбыта без посредничества крупных торговых агентств. Положительным результатом движения можно считать значительный рост числа фермерских кооперативов в первые два десятилетия XX в. Однако и внутри этих кооперативов происходил интенсивный процесс дифференциации. Наиболее жизнеспособные становились своего рода монополистами. Они сами гнались за монопольной прибылью, не считаясь ни с интересами мелких пайщиков кооперативов, ни тем более с нуждами рабочих и вообще городского населения.

Это был закономерный результат противоречивого характера и мелкобуржуазной ограниченности фермерских союзов. Е. Ф. Язьков справедливо подчеркнул, что большинство деятелей этих союзов «выставляли на первый план не лозунг ограничения или ликвидации монополистических объединений, а различные проекты приспособления фермеров к системе монополистического капитализма» [55]. При этом руководство фермерских союзов упорно отказывалось от политических действий в течение всего периода так называемой «прогрессивной эры». Улучшение экономической конъюнктуры и спад аграрного кризиса также ослабили политическую активность фермеров. И все же антимонополистическая направленность фермерских союзов, симпатии по отношению к рабочему движению в какой-то мере роднили их с традициями популистского движения.

Антимонополистическая традиция, перешедшая от популизма к прогрессивному движению, была общей чертой различных течений прогрессизма: от антиимпериалистов и макрейкеров до реформаторов в муниципалитетах и фермеров. Значение выступления прогрессистов возрастало на фоне подъема рабочего движения и распространения социалистических идей. Именно два последних фактора рассматривались правящей элитой как реальная угроза капитализму. В стране сложилась ситуация брожения, недовольства существующим порядком, что вызывало серьезное беспокойство в правительственных сферах и монополистических кругах. Люди, стоявшие у кормила правления государством, начинали понимать, что одними репрессиями уже нельзя успокоить ни рабочих, ни буржуазное общественное мнение. И если консерваторы продолжали настаивать на жестком курсе, то либералы обратили свои взоры к буржуазным реформам, надеясь ими укрепить капиталистический порядок.

---

[55] *Язьков Е. Ф.* Фермерское движение в США, с. 49.

Глава двенадцатая

«ПРОГРЕССИВНАЯ ЭРА» — БУРЖУАЗНЫЙ РЕФОРМИЗМ В ДЕЙСТВИИ

1. «ЧЕСТНЫЙ КУРС» Т. РУЗВЕЛЬТА

В 1900 г. в Соединенных Штатах происходили очередные президентские выборы. В них участвовало несколько партий, но главными соперниками были республиканцы и демократы [1]. Кандидатом последних выступал У. Дж. Брайан. Республиканцы выдвигали президента Маккинли на второй срок.

Республиканцы, как правящая партия, построили свою предвыборную программу на восхвалении успехов администрации Маккинли. Их платформа провозглашала лозунг «дальнейшего процветания» страны, поддержку внешней захватнической политики правительства и особо подчеркивала пункт о строительстве межокеанского канала через Панамский перешеек силами исключительно Соединенных Штатов.

Демократическая партия критиковала финансовую политику правительства, требовала отмены только что принятого акта о золотом стандарте (14 марта 1900 г.) и по-прежнему настаивала на свободной чеканке серебряных денег. Помимо этого, демократы включили в платформу требования о снижении тарифов и об отказе от политики аннексий вплоть до предоставления независимости Филиппинам. Однако сам Брайан, выступая на митингах, явно избегал много говорить на внешнеполитические темы, и «антиимпериализм» платформы демократов остался в тени. Обе партии делали акцент на вопросе об ограничении трестов, играя на антимонополистических настроениях масс.

Итоги выборов показали, что брайанизм как политическое течение потерпел крах. Агитация за серебряный доллар в условиях повышенной экономической конъюнктуры не могла привлечь достаточного внимания избирателей. В «валютной панацее» разочаровались и фермеры и рабочие. Победил кандидат республиканцев [2].

Не было ничего неожиданного в успехе Маккинли. Он пользовался покровительством финансовых кругов. Сам М. А. Ханна, национальный босс республиканцев и богатейший финансово-промышленный магнат, был его другом. Поддержка Ханны обеспечила ему блестящую карьеру: от члена конгресса и губернатора штата Огайо до президента США. Имя Маккинли в списке республиканской партии выгодно дополнялось

---

[1] В 1900 г. в президентских выборах, помимо главных буржуазных партий, принимали участие еще три партии: Социалистическая рабочая партия, Партия запрещения алкогольных напитков и Социал-демократическая партия, выдвинувшая своим кандидатом левого социалиста Ю. Дебса.

[2] Голосование показало, что Маккинли собрал 7 219 530 голосов, Брайан — 6 358 071, Дебс — около 100 тыс. См.: Encyclopedia of American History / Ed. by R. B. Morris a. o. N. Y. etc., 1976, p. 317—318.

именем кандидата в вице-президенты полковника Т. Рузвельта, губернатора штата Нью-Йорк, недавно отличившегося в войне с Испанией.

В марте 1901 г., когда Маккинли произнес инаугурационную речь и его кабинет продолжил свою деятельность в почти неизменном составе, ничто, казалось, не предвещало особых потрясений для правящей элиты. Парижский мир закрепил за Соединенными Штатами новое положение — положение колониальной державы, хотя Маккинли и выплатил Испании крупную сумму за Филиппинские острова. Государственный секретарь Дж. Хэй вел, не без успеха для США, переговоры с Великобританией о статусе будущего канала через перешеек. Положение внутри страны несколько осложнялось забастовками; напряжение росло в антрацитовых районах страны, так как истекал срок коллективного договора предпринимателей с Объединенным союзом горняков. Но биржа пока была спокойна. Несмотря на уже наметившийся спад в производстве, цены акций еще держались на высоком уровне.

Однако уже в мае 1901 г. разразился финансовый кризис, на бирже началась паника, стремительно падали цены на акции, рушились состояния, рабочих выбрасывали на улицу, но мощные корпорации вышли из этой паники невредимыми. Демократы обвиняли в падении конъюнктуры правительство, покровительствующее трестам и не отказывающееся от протекционных тарифов. В поисках выхода республиканцы несколько месяцев спустя все же заявили устами президента о возможности взаимных уступок в вопросах о таможенных тарифах при торговле с некоторыми странами [3].

Таково было положение, когда 6 сентября 1901 г. в Буффало в павильоне Панамериканской выставки во время встречи с посетителями президент был тяжело ранен выстрелом из револьвера. Покушение совершил некий Л. Чолгош. Через несколько дней Маккинли скончался, его место в Белом доме занял Теодор Рузвельт.

Многие американские историки подчеркивали, что со времен Линкольна на посту президента не было столь яркой фигуры, как Рузвельт. Действительно, после плеяды бездарных политических деятелей (оговорку можно сделать лишь в отношении Кливленда) во главе правительства оказался человек незаурядных способностей, образованный и на редкость энергичный. Но вместе с этими качествами в нем соседствовали стремление к власти, бьющий в глаза эгоцентризм, непомерное тщеславие, способность к компромиссам и прямому предательству для достижения целей.

Рузвельт откровенно радовался неожиданной перемене в судьбе, так как на пост вице-президента, не суливший ему активной политической деятельности и славы, согласился под давлением партийных боссов, желавших убрать его с политической арены. Дело в том, что для М. Ханны — всесильного босса республиканцев, Т. Платта — лидера республиканской партии в штате Нью-Йорк, Н. Олдрича, возглавившего респуб-

---

[3] 5 сентября 1901 г., выступая в Буффало, Маккинли сказал: «Время исключительности ушло в прошлое. Расширение нашей промышленности и торговли является насущной проблемой. Коммерческие войны невыгодны. Политика доброй воли и дружеских торговых отношений предотвратит репрессалии. Взаимные договоры, а не репрессивные меры гармонируют с духом времени» (Documents of American History: Vol. 1, 2 / Ed. by H. S. Commager. Englewood Cliffs (N. J.), 1973, vol. 2, p. 19).

ликанскую фракцию сената, Рузвельт казался неудобным и ненадежным партнером в политике. Несмотря на относительную молодость (в момент выборов ему исполнилось 42 года), Рузвельт имел уже изрядный послужной список и был заметной фигурой на политической сцене страны. Его взгляды сформировались в течение 20 лет пребывания на различных постах на государственной службе и в окружении близких ему по духу представителей политической элиты Вашингтона. Он был империалистом до кончиков ногтей, открыто высказывался за агрессивную внешнюю политику, превозносил войну и милитаризм, требовал усиления морской мощи США. Одновременно новый президент полагал необходимым наладить социальные отношения внутри страны во избежание революционных взрывов, ради сохранения существующего строя в США. В этом плане он был консерватором, но признавал необходимость реформ сверху, совмещая свой реформизм с жестким курсом по отношению к рабочему классу.

Таков был новоявленный хозяин Белого дома. Прогрессисты считали его своим, реакционеры опасались его мнимого «радикализма». События показали, что ни те, ни другие не понимали Рузвельта. Прогрессисты переоценивали его «радикализм», партийные боссы недооценивали его гибкость.

Трезво взвесив политическую ситуацию в своей партии и понимая, что не в его силах свергнуть власть «старой гвардии» — консервативного ядра партии, Рузвельт предложил республиканским лидерам не войну, а сотрудничество. На первых порах он оставил без изменения состав кабинета Маккинли (впоследствии сменил бо́льшую часть министров или произвел перемещения) и сделал заявление, что будет продолжать политический курс своего предшественника. Еще более важным шагом было соглашение со «старой гвардией». Он заручился поддержкой Ханны, согласовал свое первое программное выступление с лидерами консерваторов (сенатором Н. Олдричем, спикером Дж. Кэнноном, членом кабинета Э. Рутом и др.), а затем даже посетил Олдрича в его поместье в штате Род-Айленд. Он обещал «старой гвардии» оставить в неприкосновенности высокие тарифы и золотой стандарт, получив в обмен согласие консерваторов не препятствовать ему в других областях.

Повсеместное недовольство крупными корпорациями, явное нарастание в штатах антитрестовского движения, усиление, особенно на Среднем Западе, прогрессистской оппозиции и избрание губернаторами и мэрами ее лидеров, объявивших войну железнодорожным заправилам,— все это подсказывало правительству политический ход, рассчитанный на привлечение симпатий более широких кругов, а именно нападение на тресты.

Выбор пал на железнодорожную компанию «Норзерн секьюритис», которая контролировалась банкирским «домом Морганов». «Норзерн секьюритис» была образована в ноябре 1901 г. в целях объединения двух конкурирующих железнодорожных компаний — «Грэйт норзерн» и «Норзерн пасифик». В руках новой компании оказалась вся железнодорожная сеть на Северо-Западе, и ее участники (помимо Моргана, в ней были заинтересованы такие крупные магнаты, как Дж. Хилл, Э. Гарриман, Дж. Ф. Бэйкер, У. Рокфеллер, Дж. Стилмен и К. С. Меллон) помышляли о трансконтинентальной монополии с привлечением в ее орбиту пароходных линий, обслуживающих рынки Восточной Азии.

Неожиданно для железнодорожных магнатов и самого Дж. П. Моргана правительство потребовало роспуска «Норзерн секьюритис компани», обвиняя ее в нарушении закона Шермана. Дело было передано в суд. Морган добился свидания с президентом, но Рузвельт отказался прекратить дело, одновременно заверив финансиста, что не будет нападать на другие фирмы «дома Морганов», в частности на «Стальной трест» [4].

Судебный процесс затянулся. В апреле 1903 г. окружной суд Сент-Пола (штат Миннесота) вынес решение в пользу правительства, а Верховный суд подтвердил его. Определение Верховного суда было встречено с удовлетворением широкой публикой. В либеральной прессе отмечалось, что процесс подорвал самоуверенность «большого бизнеса» [5]. О том, что разделение компании по требованию суда на два предприятия оказалось чисто формальным, ибо они оставались в руках тех же финансистов — Моргана и Хилла, не было известно в широких кругах. Престиж президента необычайно возрос, его начали называть «взрывателем», или «разрушителем», трестов.

Однако в действительности Рузвельт не ставил перед собой задачу уничтожить крупные корпорации. Напротив, в многочисленных выступлениях он подчеркивал «благотворную» роль «капитанов индустрии», как президент назвал ведущих предпринимателей в создании экономического потенциала США. Его идеей было не уничтожение, а регулирование трестов, регулирование, проводимое федеральным правительством. Прерогативы исполнительной власти, т. е. президента, полагал Рузвельт, должны быть расширены, дабы национальное правительство получило возможность осуществлять контроль над деятельностью крупных трестов. Для создания такого прецедента, признавался он впоследствии, и был возбужден иск против «Норзерн секьюритис компани» [6].

Программу регулирования трестов и расширения для этой цели прерогатив федерального правительства Рузвельт изложил во время лекционных турне по среднезападным и восточным штатам. «Когда оно (правительство.— *Авт.*) получит полную власть,— говорил президент,— тогда эту власть можно будет использовать для контроля над вредными влияниями точно так, как в настоящий момент правительство использует власть, данную ему антитрестовским законом Шермана» [7].

После подготовки общественного мнения правительство предложило программу по регулированию деятельности трестов, составленную генеральным прокурором Ф. Ноксом. Программа содержала шесть пунктов, включавших требования об ускорении судебных процесссов, возбужденных на основании закона Шермана, о принятии законодательства, пресекающего практику дифференцированных тарифов в торговле между штатами и др. [8] Программа не выдвигала какого-либо радикального изменения законодательства о трестах, но и она не получила полного воплощения в антитрестовском законодательстве 1903 г.

---

[4] *Bishop J. B.* Theodore Roosevelt and His Time Shown in His Own Letters: Vol. 1, 2. N. Y., 1920, vol. 1, p. 184.
[5] Nation, 1903, Oct. 15, p. 294.
[6] *Roosevelt T.* An Autobiography. N. Y., 1946, p. 427.
[7] President Roosevelt's Speeches. N. Y., 1902, p. 11—12.
[8] The Letters of Theodore Roosevelt: Vol. 1—8 / Ed. by E. E. Morison. Cambridge (Mass.), 1951—1954, vol. 3, p. 406—407, note 1.

После длительных дебатов конгресс утвердил три закона (февраль 1903 г.): об ускорении судопроизводства; затем — о создании министерства торговли и труда со специальным Бюро по делам корпораций, в функции которого входили сбор информации и расследование деятельности корпораций; наконец, закон Элкинса о запрещении железнодорожным компаниям изменять объявленные тарифы на перевозки грузов [9]. По существу это было весьма ограниченное законодательство, тем более что один из пунктов закона разрешал железнодорожным компаниям устанавливать с согласия Межштатной торговой комиссии объединенные ставки для нескольких дорог, что, как писал американский исследователь Г. Колко, вызвало восхищение крупных компаний, ибо «теперь законный государственный аппарат будет делать для них то, чего они не могли добиться сами» [10]. Таковы были результаты первых шагов правительства Рузвельта в области регулирования экономической жизни государством.

К концу 1903 г. в партийно-политических кругах Вашингтона началось оживление, обычное при приближении очередных президентских выборов. Рузвельт собирался выставить свою кандидатуру, желая во что бы то ни стало стать президентом «по собственному праву». Для этого ему надо было заручиться поддержкой деловых кругов, руководства партии и завоевать голоса избирателей. Благодаря проявленной гибкости в сотрудничестве с консервативным крылом республиканцев ему удалось сохранить неплохие отношения с лидерами их фракции в сенате — Н. Олдричем, О. Платтом и Дж. Спунером, чему немало способствовала его давнишняя дружба с сенатором Г. К. Лоджем, человеком открыто консервативных взглядов, истово защищавшим интересы промышленных магнатов Массачусетса. При всем этом в глазах американского обывателя президент оставался врагом корпораций, «разрушителем трестов», сторонником «честного курса» или «честной сделки» в промышленности и политике, о чем он не уставал напоминать в частых выступлениях.

И все же на пути Рузвельта в Белый дом в 1904 г. стояла весьма мощная фигура — Маркус Ханна, который сам был не прочь баллотироваться в президенты. Только скоропостижная смерть последнего в начале 1904 г. открыла Рузвельту беспрепятственную возможность стать кандидатом республиканской партии.

Выборы президента в 1904 г. проходили в обычной атмосфере закулисных интриг, тайных переговоров по поводу сбора средств на проведение агитационной кампании (причем финансисты жертвовали сотни тысяч долларов в фонд обеих партий) и газетного бума вокруг выступлений и программ кандидатов. Хотя О. Паркер (кандидат в президенты от демократической партии) пробовал состязаться с Рузвельтом, он был разбит наголову. Строго говоря, исход выборов можно было предсказать заранее. Рузвельт имел явные преимущества: его личная давняя популярность, известность реформатора и слава «взрывателя трестов», приобретенная уже в Белом доме. Даже то, что политическая платформа республиканцев и в 1904 г. отнюдь не отличалась прогрессивным содержанием, не помешало успеху президента. Основным пунктом его программы

---

[9] Подробнее см.: *Белявская И. А.* Буржуазный реформизм в США в начале XX в. (1900—1914 гг.). М., 1968, с. 137—141.

[10] *Kolko G.* Railroads and Regulation, 1877—1916. Princeton (N. J.), 1965, p. 101.

было регулирование трестов; кроме того, подтверждались протекционизм, агрессивная внешняя политика и требование дальнейшего усиления военно-морского флота.

Основное отличие платформы демократической партии от республиканской заключалось в требовании отмены протекционизма и уничтожения, а не регулирования трестов; демократы, наконец, отказались от идеи биметаллизма. Их кандидат судья О. Паркер был известен разве что своим консерватизмом. Так получилось, что, несмотря на развертывание прогрессивного движения в штатах, на национальной арене обе буржуазные партии выступили скорее с консервативных, нежели прогрессистских позиций.

Антитезой платформам буржуазных партий прозвучали предвыборная программа Социалистической партии Америки и яркие выступления ее кандидата Ю. Дебса, баллотировавшегося вторично. На этот раз Дебс собрал более 400 тыс. голосов, в 4 раза больше, чем на прошлых выборах. Это свидетельствовало о росте интереса к социалистическим идеям и несколько омрачало настроение президента, победившего Паркера значительным большинством голосов [11].

Став президентом «по собственному праву», Рузвельт выступил с более расширенной программой реформ, касавшихся в основном введения правительственного надзора за деятельностью крупных корпораций. Он изложил свои соображения уже в январе 1905 г. в Филадельфии на обеде в привилегированном клубе «Юнион лиг», где пытался разъяснить «капитанам индустрии» позицию правительства и необходимость для них самих соблюдения правил «честной игры».

Настаивая на необходимости введения государственного контроля, Рузвельт убеждал бизнесменов, что это должно быть сделано в их собственных интересах, для предотвращения «неожиданных и резких изменений», под которыми он понимал революцию. Он резко подчеркивал свое отрицательное отношение к революции. «Мы должны развиваться путем эволюции, а не революции,— сказал президент— ...и те, кто стремится избежать неожиданных и резких изменений, должны помнить, что как раз неожиданные и резкие изменения будут вызваны нашим отказом произвести необходимые изменения осторожными и умеренными мерами...» [12]

Главным объектом реформ правительство избрало железные дороги, являющиеся основными путями сообщения, а следовательно, наиболее важными для торговых отношений между всеми штатами. Не было секретом, что железнодорожные компании и после утверждения закона Элкинса продолжали практику дифференцированных тарифов.

Поскольку закон Элкинса оказался фикцией, в 1905 г. правительство представило в конгресс еще один билль о государственном контроле над железными дорогами, но 58-й конгресс его дружно провалил. Тогда в январе 1906 г. в конгресс 59-го созыва поступил новый законопроект; автором его считался конгрессмен Хэпберн, но было известно, что в составлении принимал участие сам президент, который еще в ежегодном посла-

---

[11] Итоги выборов 1904 г.: Рузвельт — 7 628 834 голоса; Паркер — 5 084 401 голос; Дебс — 402 460 голосов. Республиканцы сохранили большинство в обеих палатах конгресса. См.: Encyclopedia of American History, p. 320.

[12] Цит. по: Theodore Roosevelt and Reform Politics / Ed. and with Introd. by R. H. Collin. Lexington (Mass.), Toronto, London, 1972, p. 8—9.

нии конгрессу в декабре 1905 г. настаивал на введении законодательства, дававшего право Межштатной торговой комиссии устанавливать предел повышения тарифных ставок, т. е. на праве государственных органов устанавливать максимальную тарифную ставку [13].

Билль Хэпберна вызвал ожесточенную борьбу в деловых кругах. Ареной этой борьбы стал конгресс. За конгрессменами и сенаторами стояли те или иные группировки. Владельцы железных дорог выступали против билля, компании-грузоотправители поддерживали предложенную Рузвельтом форму государственного контроля над тарифными ставками.

В палате представителей законопроект прошел быстро, а в сенате прения затянулись на несколько месяцев. Лидеры «старой гвардии» приложили все усилия, чтобы выхолостить из билля прогрессивный дух. Хотя им не удалось исключить пункт о максимальной тарифной ставке (это осталось главным достоинством закона Хэпберна), консерваторы настояли на внесении добавления о праве компаний апеллировать в судебные инстанции, что по существу аннулировало действие закона, давая возможность железным дорогам выиграть время и оказать давление на членов суда. И все же Рузвельт 29 июня 1906 г. подписал акт Хэпберна: он пошел на компромисс, предпочитая союз с Н. Олдричем, У. Эллисоном сотрудничеству с прогрессистами обеих партий.

На той же сессии конгресса, во время которой обсуждался закон Хэпберна, были выработаны еще два закона: о контроле над изготовлением пищевых продуктов и медицинских препаратов и о контроле над условиями работы на скотобойнях. Правительство решилось на введение этих мер под нажимом общественного мнения. В газетах участились сообщения о многочисленных случаях отравления недоброкачественными продуктами, в том числе мясными консервами, а также патентованными лекарствами, изготовленными и распространяемыми лицами, никакого отношения к медицине не имеющими. В конгресс поступало множество писем с требованиями принять меры против мошенников и отравителей. Законодательные собрания штатов (например, Юты, Айдахо, Айовы, Коннектикута, Флориды, Виргинии и др.) прислали петиции о быстрейшем утверждении федерального закона по борьбе с этим злом. В петициях подчеркивалось, что производство недоброкачественных продуктов приносит вред добропорядочным фирмам [14].

Большую роль в принятии законов о контроле над производством продуктов и медикаментов сыграли выступления макрейкеров. Особенно сильное впечатление произвела книга социалиста Э. Синклера «Джунгли», в которой автор показал не только антисанитарные условия на заводах мясных консервов компании Армора в Чикаго, но и отчаянное положение иммигрантов, составлявших основной контингент рабочих этой отрасли промышленности.

Новое законодательство предусматривало расширение функций правительственной санитарной инспекции на бойнях и заводах мясных консервов, на ее нужды выделялись крупные ассигнования (3 млн. взамен 800 тыс. долл., которыми располагали органы инспекции ранее) [15]. Владельцы мясных и консервных заводов одобрили законы 1906 г. Дело

[13] Congressional Record, vol. 40, pt 1, p. 92.
[14] Ibid., pt 1, p. 203, 217, 382; pt 3, p. 2634.
[15] *Kolko G.* The Triumph of Conservatism. A Reinterpretation of American History, 1900—1916. Chicago, 1967, p. 106.

в том, что, во-первых, правительство несло расходы по санитарному надзору, а во-вторых, разоблачения в газетах, статьи макрейкеров, роман Синклера имели резонанс даже в Европе и повлияли на снижение спроса потребителей на мясные консервы не только внутри страны, но и со стороны заграничных фирм. Санитарные меры были действительно приняты, но положение рабочих в мясной промышленности осталось прежним, о чем с горечью писал Э. Синклер, мечтавший, что его роман заставит правительство и хозяев обратить внимание на невыносимые условия труда рабочих в мясной промышленности.

В ряду либеральных реформ, предпринятых администрацией Рузвельта в 1906—1908 гг., реформ, носивших половинчатый характер, особое место занимали мероприятия по охране (консервации) природных ресурсов.

Вопрос об охране земных недр, лесов от расхищения и берегов рек и гаваней был поднят еще в конце XIX в. во многих штатах. Среди сторонников консервации были не только специалисты — лесоводы, мелиораторы, геологи, строители, инженеры путей сообщения, но и немало политических деятелей, ученых, писателей. Даже представители делового мира высказывались, в частности, за улучшение внутренних водных путей. Во многих штатах возникли так называемые «коммерческие организации», а позднее комиссии по внутренним водным путям, сельской жизни и консервации природных богатств. В прессе появились требования об охране лесных массивов, ирригации засушливых земель, о надзоре над водными путями, об охране речных берегов и т. п. В начале 1900-х годов эти отдельные выступления оформились в сравнительно широкое движение за сбережение национальных ресурсов.

Администрация Рузвельта поддержала требования общественности по вопросу о консервации. В годы президентства Рузвельта эта поддержка в основном сводилась к расширению площади охраняемых государством земель. Зная, что среди «старой гвардии» республиканцев есть много врагов консервации, Рузвельт, не запрашивая согласия конгресса, приказами президента увеличил государственный резервный фонд более чем в 4 раза[16].

Эти земли с залежами руд, угля, нефти, разных минералов, лесные угодья, берега рек и озер и т. п. входили в фонд так называемых общественных земель (public lands), находящихся под охраной государства, которое могло назначить их к распродаже. Переход земель в руки государства лишал спекулянтов землей потенциальной возможности наживы при распродаже участков. Неудивительно, что консерваторы в конгрессе в 1907 г. приняли в штыки билль о создании национальной комиссии по водным путям. Под их давлением этот билль, предусматривавший государственные ассигнования на нужды комиссии, был отклонен и не поставлен на обсуждение[17].

Тогда правительство в мае 1908 г. созвало совещание губернаторов по вопросу о консервации. Участники совещания обратились к конгрессу с просьбой ввести законодательство по охране водных бассейнов, по принятию мер, предупреждающих расхищение и истощение минеральных

[16] К 1901 г. в государственном фонде было всего 45 млн. акров. По приказам президента в этот фонд было включено еще около 150 млн. акров. См.: *Mowry G.* The Era of Theodore Roosevelt, 1900—1912. N. Y., 1958, p. 214.

[17] Congressional Record, vol. 42, pt 1, p. 389—400; pt 7, p. 6226.

богатств: угля, нефти, газа, рудных залежей и т. д. с учетом защиты жизни трудящихся-шахтеров[18]. Кроме того, на совещании была принята резолюция о создании национальной комиссии по консервации, первым председателем которой стал Г. Пинчот. Однако конгресс отказал в ассигнованиях на нужды комиссий по охране природных ресурсов, созданных президентом. Только одна из них, а именно комиссия по водным путям, все же получила статут государственного учреждения на основании поправки к закону об охране берегов рек и улучшению гаваней, утвержденному конгрессом в марте 1909 г., перед уходом Рузвельта из Белого дома[19].

Политику Рузвельта в области охраны природных ресурсов можно причислить к прогрессивным начинаниям, ибо она была направлена против хищнического разграбления минеральных и рудных залежей, истребления лесов, против незаконной эксплуатации рек как источников энергии и средств сообщения. Его заинтересованность в этом вопросе объясняется стремлением упрочить экономическую мощь буржуазного государства, главой которого он являлся, а отнюдь не желанием ограничить доходы крупного бизнеса. Именно в корпорациях президент Рузвельт видел основу процветания нации, хотя неоднократно сетовал на тупость предпринимателей, отсутствие у них гибкости и настаивал на праве правительства вмешиваться в экономическую жизнь.

Однако администрация Рузвельта не решилась поднять вопрос о пересмотре тарифной системы. Протекционизм оставался одним из неприкосновенных пунктов республиканской программы; его отстаивали лидеры «старой гвардии». А к проблеме реорганизации банковской системы, проблеме, острота которой особенно проявилась в панике на бирже во время кризиса 1907 г., правительство подошло очень осторожно. Это показал акт Олдрича—Вриланда, принятый по свежим следам кризиса в 1908 г.

Новый закон не содержал и намека на государственный контроль. Он разрешал любым 10 национальным банкам с определенным капиталом организовать Национальную денежную ассоциацию сроком на шесть лет с правом выпуска банкнот, обеспеченных коммерческими акциями и облигациями штатов, графств и муниципалитетов (но не федерального правительства)[20]. Другими словами, банки получили право в случае критической ситуации для собственного спасения печатать и пускать в обращение временные банкноты. Наиболее важной мерой, предусмотренной данным актом, считалось учреждение в конгрессе комиссии по денежному обращению в целях изучения банковской и денежной систем в США и в европейских странах и представления рекомендаций. Характерно, что председателем комиссии был назначен тот же сенатор Олдрич.

Оставаясь убежденным защитником буржуазного строя, открыто восхищаясь «капитанами индустрии», Рузвельт вместе с тем был дальновидным политиком, понимал значение проблемы труда и капитала и уже в 1902 г. в послании конгрессу заявил о готовности правительства стать арбитром в конфликтах между рабочими и предпринимателями. Он уверял, что озабочен проблемой, «как сохранить в равной степени спра-

---

[18] Documents of American History, vol. 2, p. 50—52.
[19] Congressional Record, vol. 43, pt 4, p. 3832.
[20] Encyclopedia of American History, p. 321.

ведливое отношение и к трудящимся и к капиталистам», и ратовал за «честный курс» в рабочем вопросе[21]. Президент даже подчеркнул, что наступила «эра союзов и объединений». Но разговоры о «честном курсе» не препятствовали ему откровенно высказываться за подавление выступлений рабочего класса. Признавая, что важнейшим ингредиентом экономического процесса является пролетариат, Рузвельт считал, что его надо держать в крепкой узде, и неоднократно на деле доказывал готовность применить силу для расправы с рабочим движением, если «бунтовщики» (как он называл забастовщиков) переходили, по его мнению, границы в своих требованиях.

Первым примером регулирования взаимоотношений труда и капитала со стороны администрации Рузвельта было учреждение арбитражной комиссии во время стачки горняков 1902 г. Как уже отмечалось, правительство встретило отпор со стороны владельцев компаний, а не профсоюза горняков, и президенту пришлось обратиться к Моргану, чтобы через него заставить предпринимателей согласиться на арбитраж и компромиссное решение конфликта.

На словах президент признавал право рабочих на объединение в союзы, но затем оказывалось, что он поддерживал принцип «открытой мастерской». Это видно из его поведения в «деле Миллера», служащего государственной типографии, где союз был давно признан. Заведующий переплетным отделом У. А. Миллер подал жалобу в комиссию по гражданской службе, когда союз потребовал его увольнения как исключенного из рядов организации. Комиссия решила дело в пользу Миллера, и президент одобрил такое решение. Более того, в 1903 г. Рузвельт исполнительным приказом президента объявил все правительственные учреждения «открытой мастерской», что поставило союзы в чрезвычайно тяжелое положение. Не удовлетворившись этим, правительство издало закон, запрещавший государственным служащим подавать в конгресс петиции об улучшении своего положения.

Мирное урегулирование отношений между трудом и капиталом Рузвельт допускал в определенных пределах, оставаясь при этом на стороне работодателей. Он всегда говорил, что не остановится перед применением силы против бастующих рабочих, и доказал это, послав в 1903 г. федеральные войска на усмирение забастовщиков в Моренси (территория Аризона) по просьбе губернатора. В то же время он отказался послать войска в Колорадо в 1904 г., когда там происходили настоящие сражения, отряды вооруженных наемников убивали рабочих и Западная федерация горнорабочих просила защиты у президента. Рузвельт мотивировал отказ тем, что незадолго до этого оставил без ответа просьбу губернатора штата прислать федеральные войска для наведения порядка в районе забастовки[22].

Говоря о необходимости мира в промышленности, провозглашая лозунг «честного курса», администрация Рузвельта не предприняла никаких шагов для улучшения экономического и правового положения рабочего класса. Мы уже знаем, что президент и конгресс отказались поддержать билль о жалобах, поданный АФТ. «Инджанкшнз» оставались

[21] A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789—1909: Vol. 1—11. N. Y., 1911, vol. 10, p. 517—518.

[22] T. Roosevelt to C. D. Wright, August 5, 1904.— The Letters of Theodore Roosevelt, vol. 4, p. 882—883.

действенным оружием, широко применяемым предпринимателями вкупе с судами против профсоюзов. В стремлении задушить сопротивление рабочего класса правящие круги в период администрации Рузвельта организовали судебный процесс против рабочих лидеров Хейвуда, Мойера и Петтибона.

Характеристика деятельности администрации Рузвельта будет неполной, если не сказать о позиции президента по расовому вопросу. В частных беседах и некоторых выступлениях Рузвельт говорил о необходимости доброго отношения к цветным гражданам Америки, о желательности оценки человека по его качествам, а не по цвету кожи. Он удостоил личного визита Б. Вашингтона в Таскиги и пригласил того на обед в Белый дом. Понятно, что Рузвельт одобрительно относился к взглядам и практическим делам этого негритянского деятеля, отводившего своему народу подчиненное положение в обществе. «Движение Таскиги» вполне устраивало правящие круги США.

Президент осуждающе высказывался о судах Линча, но подчеркивал, что его возмущает лишь нарушение юридических норм при расправе толпы с неграми. Его расизм, подавивший чувство элементарной справедливости, с неожиданной для многих поклонников Рузвельта силой проявился во время печально знаменитого «браунсвиллского дела» (1906—1908). В Браунсвилле (штат Техас) произошло убийство, в котором обвинили солдат-негров из полка, расквартированного близ города. Несмотря на то что не было ни малейших улик, президент распорядился расформировать три негритянские роты и лишить бывших солдат права на пенсию и поступление на государственную службу. Тогда сенатор Форэйкер поднял голос в защиту незаконно обвиняемых солдат; было назначено расследование, которое продолжалось более года. В конце концов Рузвельту пришлось накануне окончания его полномочий подписать приказ о пересмотре дел всех разжалованных солдат в индивидуальном порядке.

Срок пребывания Рузвельта в Белом доме истекал 4 марта 1909 г. Республиканская партия намечала кандидатом в президенты У. Г. Тафта, входившего последние годы в состав кабинета Рузвельта. Не было секретом, что его кандидатуру выдвинул сам Рузвельт. Не было секретом и то обстоятельство, что Рузвельт остро сожалел о заявлении, сделанном им в день его избрания в 1904 г., что больше не станет баллотироваться в президенты. В 1908 г., невзирая на недовольство рабочих равнодушием президента к их нуждам, его выпады против макрейкеров, социалистов и рабочих вождей, невзирая даже на обострение отношений с конгрессом, у Рузвельта была реальная возможность выставить свою кандидатуру. Он оставался кумиром мелкобуржуазных слоев, был главой партии и сохранил поддержку значительной части финансовой и промышленной элиты, его агрессивная внешняя политика находила безоговорочное одобрение в этих кругах.

Решив не баллотироваться, Рузвельт оставлял в Белом доме своего друга. Он видел в Тафте человека, который будет послушно следовать планам, намеченным им, Рузвельтом. Эти планы покидавший пост президент изложил в двух посланиях конгрессу: от 8 декабря 1908 г. и 22 января 1909 г., оказавшихся наиболее радикальными из всех его выступлений в роли президента. Он призывал к дальнейшему регулированию государством экономической жизни: расширению контроля над

корпорациями, введению рабочего законодательства, включая запрещение «инджанкшнз», принятию мер по охране природных ресурсов. Вместе с тем важное место в этих выступлениях занимали планы дипломатической деятельности, направленной на усиление внешних позиций США, и призывы к дальнейшему укреплению военной и военно-морской мощи страны. Экспансия и милитаризм всегда оставались главными ингредиентами его мировоззрения и политики. За годы правления Рузвельта США действительно значительно укрепили позиции на международной арене, усилили свой военный потенциал. Достаточно вспомнить, что американский военно-морской флот при энергичном участии этого президента возрос в 2 раза.

На протяжении 7,5 лет пребывания в Белом доме Рузвельт настойчиво пытался проводить вмешательство государства в экономическую жизнь, что в социально-экономическом плане отражало процесс зарождения государственно-монополистической тенденции, а в политическом вело к усилению исполнительной власти в государственной системе США.

Рузвельт зарекомендовал себя энергичным сторонником расширения прерогатив президента. Эта идея владела им всецело и всегда доминировала во всех начинаниях и мероприятиях. Он достаточно преуспел в этой области, несмотря на сопротивление, оказываемое ему в ряде случаев конгрессом. Но факты показали, что конгресс, где господствовало большинство из консерваторов обеих буржуазных партий, отказывал президенту в поддержке именно либеральных мероприятий. Президент же охотно шел на компромисс с консерваторами, отбрасывая прочь всякие сомнения. По этой причине риторика «честного курса» в социальной политике не очень пугала ни законодателей в конгрессе, ни финансовую элиту, интересы которой в целом лежали в основе действий администрации Рузвельта.

2. КОНСЕРВАТОРЫ ПРОТИВ ПРОГРЕССИСТОВ

Политические платформы буржуазных партий на выборах 1908 г. показали, что консервативное руководство и республиканцев и демократов вынуждено было принимать во внимание настроения в широких кругах: требования рабочего класса, недовольство демократической общественности, а главное — влияние социалистической пропаганды, поднимавшей вопрос о ломке капиталистического строя. Обе партии апеллировали к народным массам, обещая прогрессивные реформы и более или менее радикальное рабочее законодательство.

Что же обещали республиканцы? Они обещали пересмотреть тарифы, издать новый закон по денежному обращению, вести борьбу с трестами, поддерживать охрану природных богатств, заботиться о здравоохранении. Они обещали рабочим расследовать условия труда женщин и детей, запретить детский труд в округе Колумбия, ввести закон о страховании от несчастных случаев на производстве и даже ограничить применение «инджанкшнз». Фермерам обещали строительство шоссейных дорог и вообще лучшую жизнь [23].

Либерализм платформы правящей партии поставил перед демократами как партией оппозиции задачу найти кандидата, за которого

---

[23] National Party Platforms: Vol. 1, 2. Urbana etc., 1978, vol. 1, p. 157—163.

пошли бы голосовать мелкобуржуазные элементы и рабочие. Таким кандидатом мог быть опять-таки У. Дж. Брайан, согласившийся испытать судьбу в третий раз. Но теперь из программы демократической партии было навсегда исключено требование о серебряном долларе. Отказавшись от этой неудачной панацеи, Брайан и его партия выступили с требованиями снизить (но не отменить!) тарифы, усилить антитрестовское законодательство (что было и у республиканцев), реорганизовать банковскую систему, ввести новые меры по регулированию деятельности железнодорожных компаний, установлению подоходного налога и охране природных богатств. Были включены требования о праве рабочих на объединение в союзы, изменении закона об «инджанкшнз», о 8-часовом рабочем дне на государственных предприятиях, создании отдельного министерства труда, об ответственности предпринимателей за несчастные случаи на производстве. Кроме того, они высказывались за расширение политических прав, прямые выборы сенаторов [24].

Даже современники отмечали сближение политических программ главных буржуазных партий, сближение, вызванное, безусловно, социальным брожением во всех штатах. Однако наиболее явственно это сближение проступало в пунктах, касавшихся не столько внутренней жизни, сколько внешней политики. Различие же заключалось лишь в том, что республиканцы выступали за активную внешнюю политику, восхваляли собственные достижения в этой области и ратовали за усиление военно-морского флота и армии. Платформа же демократической партии содержала громкие фразы, осуждавшие империализм республиканцев как «непростительную ошибку», тем не менее ее реальные предложения не шли дальше требования объявить США гарантом «независимости» Филиппин и Кубы с сохранением на этих островах военно-морских баз и угольных станций. Строительство Панамского канала не вызывало у демократов нареканий.

Как видим, в этой области республиканцы и демократы находили общий язык, хотя и стремились очернить соперников в глазах избирателей. Республиканская платформа даже обвиняла демократическую партию в стремлении к социализму с явной целью вызвать к ней враждебное отношение со стороны мелкого буржуа, заявляя, что республиканцы прочно стоят на позиции «разумного регулируемого индивидуализма» [25], тем самым подчеркивая, что государственное регулирование не угрожает частной собственности.

Нетрудно понять, что включение радикальных требований в программы буржуазных партий было вызвано желанием нейтрализовать действия Социалистической партии Америки (СПА), вновь выставившей своим кандидатом Ю. Дебса. Социалисты собирали средства на избирательную кампанию для Дебса среди рабочих буквально по доллару. На эти деньги был нанят локомотив со спальным вагоном, и на этом «красном поезде» социалистический кандидат отправился в избирательное турне.

Дебс, пользовавшийся горячей любовью рабочих, был популярен во всей стране. Даже идейные враги относились к нему с уважением. Его выступления собирали огромную аудиторию. Он выступал в больших городах и на маленьких станциях, в рабочих поселках и во временных ла-

---

[24] Ibid., p. 144—150.
[25] Ibid., p. 162.

герях, куда съезжались бедные фермеры. Он разъяснял своей аудитории требования СПА, предлагавшей широкую программу демократических реформ, обнажал лицемерие и обман буржуазных политиков, призывал к борьбе за социалистическое переустройство общества. Еще раз следует отметить, что пропаганда социалистов, воспринимаемая слушателями с одобрением, подталкивала кандидатов буржуазных партий использовать радикальную фразеологию.

Исход выборов принес разочарование демократам и социалистам. Победил Тафт, собрав 7679 тыс. голосов[26]. Для Брайана, получившего на 1270 тыс. голосов меньше, третье по счету поражение означало окончательный провал на политической сцене. Социалистический кандидат, за которого было подано 420 тыс. голосов (т. е. примерно столько же, что и на предыдущих выборах), не падал духом, ибо рассматривал всю кампанию как средство широкой агитации за социалистические идеи. Но для социалистического движения в целом выборы 1908 г. не показали роста влияния партии. Так произошло, что руководство республиканской партии, включив в программу обещания прогрессивных реформ, добилось победы своего кандидата, несмотря на то что сам Тафт, как стало ясно впоследствии, не отличался прогрессивными взглядами.

Перед новым президентом, лишь только он приступил к своим обязанностям, возник ряд проблем, и, может быть, одной из труднейших, доставшихся ему в наследство от Рузвельта, были взаимоотношения с конгрессом. Сенаторы и конгрессмены желали вернуть конгрессу влияние и власть, «узурпированные», по их выражению, предшественником Тафта[27]. То обстоятельство, что республиканцы в 1908 г. получили весомое большинство в обеих палатах, не облегчало положения, ибо внутри двух ведущих буржуазных партий зрели и усиливались прогрессистские тенденции, грозившие серьезным конфликтом.

Новый президент сформировал кабинет, в который вошли шесть (из девяти членов кабинета) адвокатов крупных корпораций. Из прежнего состава остались три министра, в том числе Ф. Нокс, который получил пост государственного секретаря. Назначения были одобрены Рузвельтом, советовавшим, кроме того, своему преемнику ориентироваться в конгрессе на сенатора Н. Олдрича и спикера Дж. Кэннона, как делал он сам. Но, как известно, при всей изворотливости Рузвельта ему не удалось сохранить с конгрессом добрые отношения, ибо он упорно проводил линию на усиление исполнительной власти — президента — за счет законодательной.

Тафт не обладал ни способностями Рузвельта, ни политической гибкостью. Это был ординарный, хотя и знающий, юрист, склонный придерживаться буквы закона. Оказавшись во главе правительства, он начал совершать одну ошибку за другой, усугубляя политические разногласия

---

[26] Кроме республиканской, демократической партий и Социалистической партии Америки, в кампании 1908 г. принимали участие еще несколько партий и групп, среди них популисты, Партия запрещения алкогольных напитков, Социалистическая рабочая партия и др. Кандидат Партии запрещения алкогольных напитков получил 252 тыс. голосов, остальные еще меньше; на формирование программ и исход выборов эти партии не оказали сколько-нибудь заметного влияния. Итоги голосования см.: Encyclopedia of American History, p. 321—322.

[27] *McDonald F.* The United States in the Twentieth Century. Reading (Mass.) etc., 1970, vol. 1, 1900—1920, p. 165.

между различными группировками, восстанавливая против себя общественное мнение и тем самым нанося вред собственной партии.

Надо признать, что на долю Тафта выпала нелегкая задача: провести ревизию тарифов — одно из главных предвыборных обещаний республиканцев. Билль о тарифах был поставлен на обсуждение специальной сессии конгресса, открывшейся 15 марта 1909 г. Законопроект подготовила республиканская часть комитета путей и средств палаты представителей, во главе которого стоял С. Пэйн (представитель штата Нью-Йорк). Демократы попробовали опротестовать билль, заявив, что «тариф Пэйна... является таким же запретительным, как и тариф Дингли»[28]. Их попытки оказались безуспешными. С небольшими поправками 9 апреля билль был утвержден палатой представителей и передан в сенат.

Обсуждение нового тарифного закона в сенате продолжалось три месяца, в течение которых шла яростная борьба между консерваторами и группой прогрессистов, в которую входили Лафоллетт, Камминз, Долливер, Клэпп, Бристоу и др. (в основном из среднезападных штатов). Сенат в это время оказался ареной, на которой за высокие пошлины боролись представители разных групп американской буржуазии. В кулуарах конгресса толпились лоббисты, приехавшие в Вашингтон для защиты интересов своих хозяев. Примирить противоречивые запросы поставщиков сырья и фабрикантов готовой продукции, земельных собственников Юга, фермеров Запада и предпринимателей Востока было невыполнимой задачей.

Битвой за тарифы со стороны консерваторов руководил Н. Олдрич (тесть Дж. Д. Рокфеллера), представивший свой текст законопроекта. В итоге, когда консерваторам удалось незначительным большинством провести законопроект[29], в нем оказалось 847 поправок, предложенных в сенате. Билль был подписан президентом и стал законом 5 августа 1909 г. под названием акта Пэйна — Олдрича. В целом это была победа промышленников восточных штатов. По сравнению с тарифом Дингли в среднем пошлины даже возросли на 1,56%, хотя на некоторые виды сырья и товаров были незначительно снижены.

Волна возмущения охватила страну. Президент, совершенно не понимавший, насколько разбушевались страсти, особенно на Западе, подлил масла в огонь, назвав новый тариф «самым лучшим законом, принятым когда-либо республиканской партией»[30]. Эта фраза была произнесена в г. Уиноне (штат Миннесота) — сердце Среднего Запада во время поездки по штатам, предпринятой Тафтом со специальной целью защитить новый тарифный закон. Подобное выступление можно объяснить только полным отсутствием политического чутья. Уинонская речь и публичные похвалы в адрес сенатора Олдрича погубили репутацию президента, которого стали причислять к «старой гвардии», т. е. наиболее реакционной группе внутри республиканской партии.

Дальнейшие действия Тафта утвердили общественность в мнении, что президент отходит от либерально-реформистского курса, хотя в выступлениях, посланиях конгрессу, он говорил о необходимости реформ,

---

[28] Congressional Record, vol. 44, pt 1, p. 161.

[29] За билль подано 45 голосов, против — 34, 13 сенаторов воздержались от голосования. См.: Ibid., pt 5, p. 4316.

[30] Documents of American History, vol. 2, p. 55.

а также о борьбе с трестами. Известно, что администрация Тафта возбудила приблизительно в 2 раза больше исков против корпораций за нарушение закона Шермана, нежели администрация Рузвельта, но результаты судебных процессов были те же, что и ранее. В 1911 г. Верховный суд вынес постановление о роспуске «Стандард ойл». Корпорация разделилась на несколько компаний, инкорпорированных в разных штатах, но все они остались в руках Рокфеллера.

При Тафте было возбуждено расследование деятельности «Стального треста», а затем «Интернэшнл харвестер компани». Оба треста пользовались покровительством Рузвельта. Моргану и его компаньонам предъявили обвинение в поглощении вопреки закону Шермана компании «Теннесси коул энд айрон» во время кризиса 1907 г. Глава «Стального треста» Э. Гэри ссылался на разрешение Рузвельта, и экс-президенту также пришлось предстать перед комиссией конгресса по расследованию и давать показания. Однако Верховный суд оправдал Рузвельта[31].

Антитрестовские процессы отнюдь не свидетельствовали о забвении Тафтом интересов крупного капитала. Президент оправдывал свои действия тем, что обязан действовать в рамках антитрестовского законодательства. Одновременно он выдвинул предложение о пересмотре этого законодательства, применив рузвельтовскую формулу о делении трестов на «хорошие» и «плохие». В январе 1910 г. Тафт в послании конгрессу недвусмысленно высказался в том плане, что можно позволить организацию «хороших» трестов, разрешить им подавлять конкуренцию и контролировать цены, «если только они не станут злоупотреблять властью для извлечения из дела слишком высокого дохода»[32].

Предложение Тафта явно противоречило духу закона Шермана. Когда после послания президента в конгресс поступил билль, уреза́вший права Межштатной торговой комиссии и предлагавший создать новый орган — Торговый суд, этот законопроект подвергся резкой критике со стороны прогрессистов. Руководимые Лафоллетом, Камминзом и другими, они добились внесения поправок в билль, в результате чего вновь принятый антитрестовский закон Мэнна—Элкинса, подписанный Тафтом 18 июня 1910 г., не урезал, а распространил юрисдикцию Межштатной торговой комиссии на телефонные и телеграфные компании[33]. Олдричу и Кэннону все же удалось оставить в законе пункт о создании Торгового суда как арбитра во время конфликтов при установлении тарифных ставок на перевозки.

Возмущение прогрессистов лидерами «старой гвардии» вылилось в открытое выступление против спикера палаты представителей Дж. Кэннона. В прессе его именовали «царем». Он действительно держал в руках бразды правления палатой представителей, единолично распоряжаясь назначениями конгрессменов и управляя работой всех комитетов палаты. Прогрессисты потребовали уничтожения «кэннонизма» (под этим термином подразумевали неограниченную власть спикера палаты). Однако сместить Кэннона не удалось, так как его поддержал президент. Все же «мятежники», как стали именовать прогрессистов, с помощью демократов

---

[31] *Link A. S., Catton W. B.* American Epoch. A History of the United States since 1900. Vol. 1—3. N. Y., 1975, vol. 1. 1900—1920, p. 102.

[32] Congressional Record, vol. 45, pt 1, p. 464.

[33] Encyclopedia of American History, p. 322.

провели резолюцию об изменении процедуры назначений в комитеты палаты представителей [34]. Это было практическим результатом «восстания против кэннонизма».

Еще большее недовольство администрацией Тафта вызвало нашумевшее «дело Баллинджера», в котором были замешаны интересы угольного синдиката Моргана—Гугенгейма [35].

Министр внутренних дел Р. Баллинджер, назначенный Тафтом, действовал вопреки политике охраны природных ресурсов, которую проводил Рузвельт. Он поддержал группу капиталистов, связанных с Гугенгеймом, настойчиво домогавшихся продажи им государством богатых угольных месторождений на Аляске. Против действий Баллинджера выступил молодой чиновник министерства внутренних дел Л. Глэйвис, за что был уволен с государственной службы. Тогда в дело вмешался генеральный лесничий, начальник Лесного управления Г. Пинчот, яростный сторонник консервации и притом близкий друг Рузвельта. Он также получил отставку, ибо президент принял сторону министра.

Дело получило широкую огласку в прессе, и в начале 1910 г. сенат назначил специальную комиссию для расследования поведения Баллинджера и обвинений его Глэйвисом и Пинчотом. Материалы расследования публиковались в газетах. Прогрессивный еженедельник, издаваемый Р. Лафоллеттом, писал о существе дела: «Проводимая Баллинджером политика „строгого толкования“ (Баллинджер настаивал на том, якобы он придерживается буквы закона.— *Авт.*), направленная на поддержку крупных корпораций, и проводимая Пинчотом политика либерального толкования законов в интересах народа так же далеки друг от друга, как два полюса» [36]. Мнения в комиссии разделились, но большинство, состоявшее из консервативных республиканцев, признало Баллинджера невиновным. Тем не менее Тафту пришлось снять министра внутренних дел и назначить на это место сторонника консервации природных ресурсов У. Л. Фишера.

«Дело Баллинджера» еще больше усилило недовольство против консерваторов и лично против президента. Это недовольство нашло выражение в новом подъеме макрейкерского движения, совпавшего с борьбой рабочего класса за свободу слова. Промежуточные выборы 1910 г. отразили общий накал политических страстей: республиканская партия потерпела поражение. В палате представителей демократы теперь имели значительный перевес. В сенате большинство осталось за республиканцами, но контроль над сенатом перешел в руки блока прогрессивных республиканцев-«мятежников» и демократов. Также наглядны были результаты выборов губернаторов: в 26 штатах избрали демократов. В их числе был Вудро Вильсон, избранный губернатором штата Нью-Джерси на основе реформистской платформы. Все говорило о недовольстве консервативной политикой правительства и росте популярности идей буржуазного реформизма.

---

[34] Congressional Record, vol. 45, pt 4, p. 3436.

[35] О «деле Баллинджера» см.: *Penick J., Jr.* Progressive Politics and Conservation. The Ballinger — Pinchot Affair. Chicago, 1968.

[36] La Follette's Weekly Magazine, 1909, Oct. 9, p. 3.

3. ИСТОКИ БУРЖУАЗНОГО РЕФОРМИЗМА. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ВЫБОРЫ 1912 Г.

Поражение консерваторов и успех прогрессистов на выборах 1910 г. отразили идейное брожение внутри обеих буржуазных партий, вызванное обострением политической ситуации в стране: борьбой рабочего класса за свободу слова, забастовочным движением, новой волной выступлений макрейкеров и распространением социалистических идей. Последний фактор играл значительную роль, толкая идеологов буржуазии продолжать поиски средств упрочения капиталистической системы. В начале XX в. буржуазно-реформистские социально-политические теории, с которыми в 80—90-е годы выступили Р. Эли, Л. Уорд и другие политэкономисты и социологи, получили развитие в работах Г. Кроули, Ч. Ван Хайза, Дж. А. Смита, Л. Брандейса, У. Уэйла. Но если буржуазные идеологи конца XIX в. разрабатывали вопросы взаимоотношения государства и общества в теоретическом плане, то пришедшие на смену им теоретики буржуазного реформизма этим не ограничились. Они перешли к предложению практических политических программ, на которые смогли опереться государственные деятели нового века [37].

Еще одна — и важная — черта характерна для представителей нового поколения идеологов буржуазного реформизма: критическое отношение к конституции. Этот документ, долгие десятилетия считавшийся источником для определения правовых и социально-экономических норм американского общества (хотя к этому времени уже вошли в силу 15 поправок к конституции), оказался объектом нападок. Ставились под сомнение не положения, а его консервативный дух, консервативная основа, заложенная «отцами-основателями». Принципы «разделения властей», «сдерживающих факторов», в первую очередь в лице Верховного суда, ограничения власти федерального правительства, наделения особыми прерогативами легислатур и исполнительной власти штатов, многоступенчатая система принятия и введения новых законов — все это подверглось критике на страницах книги «Дух американского правительства», вышедшей в 1907 г.

Автором этого сочинения был профессор Колумбийского университета на кафедре политических наук Дж. А. Смит, ставший впоследствии видным участником прогрессивного движения. Смит объявил конституцию «реакционным документом», предпринял попытку развенчать культ конституции, утверждаемый многочисленными произведениями апологетического характера. Признав, что в основе этого документа лежат принципы обеспечения частной собственности и стремление имущих классов навечно закрепить сложившиеся социально-экономические отношения, Смит утверждал, что конституция создала «правительство, не обладающее властью вмешиваться в закрепленные законом имущественные права и, следовательно, неспособное проводить с помощью законодательства политику всеобщего благосостояния» [38]. Исходя из этого факта Смит предлагал, прежде чем проводить социальные реформы, пересмотреть и изменить правовые и политические основы конституции.

---

[37] Подробнее см.: *Согрин В. В.* Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1975, с. 103—193.

[38] Там же, с. 120.

Книгу Смита встретили с одобрением в прогрессистских кругах. Его идеи в дальнейшем были развиты и в еще большей степени трансформированы в работах других сторонников буржуазно-реформаторского курса в политике. Среди них большую известность в силу многих обстоятельств получил Г. Кроули, политолог, публицист и издатель, выпустивший в 1909 г. книгу «Перспективы американской жизни». Эта работа посвящена исследованию развития политической доктрины в США. Доказывая, что американское государство сформировалось в результате борьбы антагонистических доктрин — джефферсоновской и гамильтоновской, Кроули отдавал предпочтение последней. Он развивал тезис о сильном централизованном национальном государстве, выдвигал концепцию федерализма, который в новых условиях якобы придаст демократическое звучание гамильтоновской традиции [39].

Анализируя структуру общества после гражданской войны, Кроули признавал наличие в этом обществе двух мощных противоборствующих сил: монополий и рабочих организаций. Из них более опасными для общества он считал последние, ибо монополии стремятся лишь к сохранению своих привилегий, а рабочие организации, по Кроули, угрожают экономической и политической реорганизацией общества в своих эгоистических интересах. Надежды на достижение социального мира, в чем он видел главную цель общества, Кроули возлагал на капиталистическое национальное государство, долженствующее, по его мнению, стать силой, способной сдерживать антагонистические группировки, умиротворять их противоречия и направлять их деятельность так, чтобы сохранить в неприкосновенности экономические и политические основы буржуазного общества. Буржуазный реформизм под пером Кроули обретал форму политической программы, названной им «новым национализмом», а государство объявлялось надклассовым органом, от которого требовалось активное вмешательство в жизнь общества, а не пассивное наблюдение за выполнением «свободными индивидуумами» юридических норм, выработанных в прошлом «отцами-основателями».

Рассматривая историческое развитие политической доктрины в США, Кроули подверг придирчивому анализу взгляды и поступки государственных деятелей прошлого. Наитягчайшие ошибки он нашел у Джефферсона, которому противопоставлял Гамильтона с его идеей сильной федеральной власти, но идеалом национального лидера объявлял все же не его, а Линкольна.

Истинный государственный муж, утверждал Кроули, должен видеть впереди высокую цель и не бояться решительных, радикальных мер для ее достижения. Главными заслугами Линкольна он считал сохранение целостности союза, решимость, с какой тот в острой политической ситуации не остановился перед определенными жертвами, перед презрением групповых интересов и обращением к демократическим (а в действительности к революционным) методам, без чего оказалось невозможным разрешение наступившего кризиса. На исходе же первого десятилетия нового века, по мнению Кроули, опять настало время решительных преобразований, осуществить которые может лишь сильное федеральное правительство во главе с национальным лидером. Роль такого лидера он предназначал Т. Рузвельту. Именно его имя Кроули посчитал возможным

[39] *Croly H.* The Promise of American Life. N. Y., 1914, p. 169.

поставить после имени Линкольна. Кроули считал Рузвельта единственным деятелем, способным «восстановить в глазах нации историческое положение и назначение» республиканской партии[40].

Естественно, что идеи Кроули были одобрены Рузвельтом. Они совпадали с его собственными взглядами на необходимость проведения буржуазных реформ, в которых он видел альтернативу социалистическому движению. Выступая с циклом речей во время избирательной кампании осенью 1910 г., экс-президент использовал термин «новый национализм» как название своей политической программы.

Рузвельт во многом повторял положения, выдвинутые Кроули, и — как практичный политик — давал им конкретное содержание. Он предлагал реформы, охватывавшие различные стороны социальной, экономической и политической жизни: регулирование деятельности промышленных трестов и железнодорожного транспорта, реорганизацию банковской системы, реформу налогового обложения, введение прогрессивного подоходного налога и налога на наследство, охрану природных ресурсов, опубликование расходов на избирательные кампании, социальное законодательство.

Отношение Рузвельта к крупным корпорациям полностью соответствовало позиции Кроули. Рузвельт провозгласил тресты результатом «непреложного экономического закона, который нельзя отменить политическим законодательством. Усилия запретить все объединения потерпели полный крах», заявил экс-президент[41]. Он настаивал, что перед страной один выход: не пытаться предупреждать объединения крупного капитала, но взять их под контроль.

Наиболее радикально прозвучало выступление Рузвельта по рабочему вопросу. Он высказался не только за признание права рабочих на организацию в союзы, но — в исключительных случаях — и на забастовку. «Новый национализм» ставил вопрос о рабочем законодательстве, контроле над условиями труда и продолжительностью рабочего дня[42]. Таким образом, в рабочем вопросе Рузвельт выступил с более левых позиций, нежели Смит и Кроули. Однако это следует отнести не столько за счет радикализма, приписываемого бывшему президенту, сколько за счет его способности улавливать веяния времени. А веянием времени в 1910—1912 гг. была социальная реформа. Это показали уже выборы в конгресс осенью 1910 г., когда республиканцы потерпели поражение во многих штатах, а там, где одержали победу, избранными оказались не консерваторы, а прогрессисты, «мятежники».

Недовольство политикой администрации Тафта, высказываемое прогрессистами в печати и на митингах, было особенно заметно в западных штатах, где стали поговаривать о выдвижении кандидатом в президенты опять Рузвельта. Наиболее оптимистически настроенные прогрессисты были склонны видеть в политическом возбуждении, охватившем различные слои общества, сходство с ситуацией накануне гражданской войны. Это было, конечно, преувеличением, однако перед выборами 1912 г. в стране сложилось действительно напряженное положение. Немалую роль играла и социалистическая пропаганда, что доказывало избрание со-

[40] Ibid., p. 170, 171.
[41] *Roosevelt Th.* The New Nationalism. Englewood Cliffs (N. J.), 1961, p. 29.
[42] Ibid., p. 34, 101.

циалистов мэрами и членами муниципалитетов и легислатур штатов во многих местностях. К 1912 г. около тысячи социалистов занимали выборные должности в штатах и городах [43]. Нельзя также забывать, что тяжелая и в некоторых городах кровопролитная борьба рабочих за свободу слова, хотя и не поддерживаемая буржуазными прогрессистами, все же придавала общеполитической обстановке в стране еще больший накал.

РОБЕРТ М. ЛАФОЛЛЕТТ

Размежевание по линии прогрессизма внутри республиканской правящей партии привело к образованию Национальной прогрессивной республиканской лиги. В январе 1911 г. лига выступила с Декларацией принципов, подписанной группой сенаторов, конгрессменов, губернаторов. Инициатором этого начинания и автором декларации был сенатор от штата Висконсин Роберт М. Лафоллетт.

Лига провозглашала целью борьбу за «народное правительство» и «прогрессивное законодательство»; и то и другое, говорилось в декларации, попиралось в угоду «специальным интересам» (т. е. крупному капиталу, державшему под контролем кокусы делегатов, съезды и партийные организации). Дабы народ получил возможность избрать ответственное перед ним правительство, декларация в первую очередь предлагала добиваться прямых выборов сенаторов США, делегатов на первичные собрания и на национальные съезды партий, а также ввести в конституции штатов статьи о праве народа на инициативу, референдум и отзыв депутатов, принять действенный закон по борьбе с коррупцией [44].

Призыв лиги встретил живой отклик среди «мятежных» республиканцев. В штатах Среднего Запада, а потом и в других образовались местные лиги, с энтузиазмом одобрившие программу Лафоллетта. «Мятежники» не помышляли о создании новой партии. Они надеялись летом 1912 г. на национальном съезде республиканцев выдвинуть своего кандидата в президенты вместо Тафта, престиж которого в глазах прогрессистов окончательно упал.

Первым кандидатом на пост президента большинство прогрессивных республиканцев считало Рузвельта. Однако полковник, как именовали теперь Рузвельта, занял выжидательную позицию, он еще не верил в силы прогрессивного крыла, не хотел порывать с консерваторами и ответил отказом на предложение Лафоллетта примкнуть к Прогрессивной лиге.

Между тем движение прогрессистов ширилось. «Дело Баллинджера—

[43] *O'Neill W. L.* The Progressive Years. America Comes of Age. N. Y., 1975, p. 65.
[44] Documents of American History, vol. 2, p. 59—60.

Пинчота», «бунт мятежников» в конгрессе достаточно накалили обстановку. В октябре 1911 г. в Чикаго прогрессивное крыло республиканской партии собралось на свою первую конференцию. Участники единодушно одобрили принципы декларации лиги и предложили Лафоллетту выдвинуть на будущем съезде свою кандидатуру в президенты. Висконсинский сенатор согласился, хотя его одолевали вполне законные сомнения: он не знал точно, как поведет себя Рузвельт, не захочет ли тот все же выставить свою кандидатуру.

Опасения Лафоллетта оказались ненапрасными. По мере того как прогрессисты набирали силу, отказы Рузвельта от выдвижения в кандидаты становились все неувереннее. В то же время группа влиятельных прогрессистов из числа его друзей, не терявших надежды, что Рузвельт согласится бороться с Тафтом за кресло в Белом доме, вели за него настойчивую агитацию, невзирая на то, что Лафоллетт уже выступал в роли кандидата от прогрессивного крыла. В январе 1912 г. Рузвельт дал понять, что согласен выступить кандидатом, если этого «потребует общественное мнение». Лафоллетт был бесцеремонно отодвинут в сторону, и в конце февраля экс-президент, произнося речь в Колумбусе (штат Огайо), открыто объявил, что включился в игру.

Выступление Рузвельта в качестве соперника Тафта вызвало резкое осуждение консерваторов-республиканцев, среди которых были ближайшие друзья экс-президента — сенаторы Лодж и Рут. Представители «старой гвардии» республиканцев боялись раскола на съезде, так как понимали, что Рузвельт пользовался огромной популярностью, что лозунги, выдвигаемые им, могут увлечь значительное число делегатов республиканского съезда. Тафт, отдававший себе отчет в том, что шансы на второй срок в Белом доме значительно упали, все же решил бороться до конца.

К лету 1912 г., когда должны были состояться съезды партий, принимавших участие в выборах президента, в стране кипели политические страсти. Прогрессизм как политическое течение был силен в обеих ведущих буржуазных партиях, но водораздел между прогрессистами и консерваторами в республиканской партии оказался более явственным, более резким, может быть, в силу того, что верхушка партии, реакционная «старая гвардия», упорно держалась за сохранение статус-кво, отвергая даже умеренный реформистский курс, и оказалась неспособной к политическому маневрированию. Консерваторы не желали считаться ни с оппозицией «слева» в собственной партии, ни с общей радикализацией широких масс, не учитывали притягательности социалистических идей и возросшего влияния СПА.

Социалисты вновь выдвинули своим кандидатом Ю. Дебса. Съезд Социалистической партии Америки в Индианаполисе (12—18 мая 1912 г.) принял программу, в которой нашли отражение чаяния самых широких масс. Правда, преамбула была составлена в довольно умеренных тонах, хотя партия и называла себя «партией современной революции» [45], зато обширная программа преобразований намечала путь борьбы за расширение политических демократических прав (включая требование права голоса для женщин) и за улучшение условий жизни и труда трудящихся в рамках капиталистического общества. В дальнейшем можно было ви-

[45] Socialist Party. National Campaign Book. Chicago, 1912, p. 3.

деть, что прогрессивная и демократическая партии почти что заимствовали многие пункты платформы социалистов.

В республиканской партии к моменту открытия национального съезда назрел кризис. Главным его проявлением было обособление фракции прогрессистов как результат идейных разногласий. К этому прибавлялась вражда между лидерами отдельных течений, вражда, перешедшая на съезде в открытую схватку за голоса делегатов.

Консервативные лидеры захватили руководство съездом. Мандатная комиссия не признала полномочия нескольких десятков делегатов, получивших наказ голосовать за Рузвельта, что сразу значительно ослабило шансы экс-президента. Но и внутри оппозиционного крыла партии также не было единства. Лафоллетт, оскорбленный вероломством тех, кто в 1911 г. предложил ему выставить свою кандидатуру, отказался поддержать Рузвельта. До самого съезда он выступал как кандидат и прислал съезду платформу, в которой изложил свои взгляды. Главной частью программы Лафоллетта были требования запретить тресты и принять законы, которые бы восстановили систему свободной конкуренции. Написанная с идейных позиций мелкой буржуазии, платформа тем не менее содержала развернутую критику власти «денежного мешка», роли крупного бизнеса в политике и империалистических устремлений правительства США. Лафоллетт настаивал на демократизации избирательного закона, праве голоса для женщин, а также на введении федерального социального законодательства, защите труда женщин и детей, запрещении «инджанкшнз» [46].

Платформа Лафоллетта интересна как документ, характеризующий взгляды той части прогрессивного крыла республиканцев, которая требовала роспуска, а не регулирования трестов. Эти люди поддерживали Лафоллетта в конгрессе, именно за ними утвердилось прозвище «мятежников». На съезде их оказалось мало. Только два штата (Висконсин и Северная Дакота) поддерживали Лафоллетта. Платформа была оглашена на съезде, но даже не обсуждалась.

С первого дня работы съезда было ясно, что консерваторы не допустят ни выдвижения кандидата прогрессистов, ни принятия прогрессивной платформы. Действительно, подавляющее большинство голосов получил Тафт (561), Рузвельт — 107, Лафоллетт — 41 голос [47]. 344 сторонника Рузвельта, послушные призыву своего лидера, не присутствовавшего на съезде, но приехавшего в Чикаго руководить «сражением», отказались голосовать и демонстративно покинули съезд. Поле боя осталось за консерваторами, утвердившими Тафта кандидатом в президенты от республиканской партии. Платформа, принятая консерваторами, показала, что раскол их ничему не научил, что они настаивают на прежнем курсе, исключив из своей программы практически все обещания реформ, входивших в их платформу 1904 и 1908 гг.

Ушедшие со съезда прогрессивные республиканцы объединились в собственную партию, с тем чтобы выдвинуть кандидатом в президенты Т. Рузвельта. Рузвельт, до съезда надеявшийся стать республиканским президентом на третий срок, согласился на этот шаг лишь

---

[46] La Follette's Weekly Magazine, 1912, June 29, p. 6—8, 15.

[47] *Filler L.* Appointment at Armageddon. Muckraking and Progressivism in American Life. Westport (Conn.), London, 1976, p. 386.

после того, как ему обещали материальную поддержку два финансиста: Дж. У. Перкинс из «дома Морганов» и один из крупнейших издателей — Ф. А. Мэнси.

Участие известных бизнесменов в создании и дальнейшей деятельности партии социальной реформы объяснялось не только личным знакомством с ними Рузвельта, но и в значительной степени отношениями, сложившимися между администрацией Тафта и заправилами из «дома Морганов», не забывшими о привлечении их к ответственности. К тому же некоторые финансовые магнаты, в том числе Э. Гэри и Дж. Перкинс, успели оценить пользу и выгоду для них государственного вмешательства в экономику. Таковы были причины, побудившие Перкинса и его друга Мэнси финансировать избирательную кампанию прогрессивной партии. Однако тот же Перкинс несколько месяцев спустя сделал крупный вклад в избирательный фонд кандидата демократов.

Демократическая партия, проводившая свой съезд в конце июня в Балтиморе, избежала раскола, несмотря на то что и в ее рядах была сильная прогрессивная оппозиция. Лидеры консервативного крыла демократов предпочли согласиться с кандидатурой прогрессистов и реформистской платформой, но сохранить единство партии. После 46 туров голосования необходимое большинство голосов получил В. Вильсон, губернатор штата Нью-Джерси, профессор истории и права, в прошлом возглавлявший университет в Принстоне.

Вильсон, человек консервативных взглядов, тем не менее поддержал в Нью-Джерси прогрессистские законодательные акты о прямых выборах на первичных собраниях, о наказании за политическую коррупцию и о компенсации рабочим, пострадавшим на производстве. Там он проявил гибкость, хотя отнюдь не отличался склонностью к компромиссам. Скорее, напротив. Южанин по происхождению, он был откровенным сторонником расовой сегрегации и безапелляционно увольнял негров с государственных должностей; он противился уравнению женщин в политических правах и введению законов, регулирующих женский и детский труд. Его религиозность, выглядевшая часто ханжеством, ставила в тупик даже его друзей.

Для крупного капитала Вильсон казался более удобной фигурой, нежели Рузвельт с его идеями государственного регулирования экономики. У Вильсона нашлись могущественные покровители, оказавшие ему щедрую финансовую поддержку: глава связанной с Морганом «Интернэшнл харвестер компани» С. Маккормик; «медный король» К. Додж (оба — однокашники Вильсона по Принстонскому университету); богатейший издатель журналов «Харперс уикли мэгэзин» и «Норс Америкэн ревью» Дж. Харви, связанный с «домом Морганов». Именно Харви был человеком, первым указавшим на Вильсона как на подходящего кандидата в президенты.

Платформа, принятая демократической партией, содержала все требования, выдвигаемые прогрессистами в штатах: снижение тарифов, антитрестовское законодательство, банковская реформа, подоходный налог, контроль над железнодорожными компаниями, кредит фермерам, запрещение «инджанкшнз», создание министерства труда, прямые выборы сенаторов и др.[48] Развивая положения этой платформы в дальнейших вы-

[48] National Party Platforms, vol. 1, p. 168—175.

ступлениях в роли кандидата в президенты, Вильсон назвал свою программу «новой свободой», или «новой демократией», подчеркивая тем самым, что она является альтернативой «новому национализму» Рузвельта. И прогрессивная платформа, и выдвижение такого человека, как Вильсон, являли серьезную угрозу для только что созданной прогрессивной партии. Некоторые прогрессивные республиканцы даже высказывали мысль, не следует ли отказаться от выдвижения своего кандидата и поддержать Вильсона. Но Рузвельт и его сторонники не помышляли уступать поле боя без сражения.

В первых числах августа в Чикаго открылся съезд новой партии. Современники писали, что он не походил на обычные съезды партий ни по составу, ни по настроению. Делегатами съезда были люди, приехавшие из разных уголков страны: учителя, профессора колледжей и университетов, журналисты, священники, фермеры, адвокаты, издатели местных газет и некоторые прогрессивно настроенные бизнесмены. Они были охвачены неподдельным энтузиазмом и верили, что поднимают меч на борьбу с крупным капиталом. Однако руководила съездом группа во главе с Рузвельтом и Перкинсом, настаивавшими на сохранении трестов и регулирующей роли государства.

Рузвельт был единогласно выдвинут кандидатом. Но при утверждении главного — антитрестовского — пункта платформы возник конфликт, в результате которого этот пункт, хотя и оглашенный на съезде, был исключен из текста при опубликовании платформы в прессе [49]. Этот инцидент послужил в дальнейшем предлогом для углубления разногласий внутри прогрессивной партии. В целом прогрессистская платформа предлагала широкую программу демократических реформ. Прогрессисты высказывались за демократизацию избирательного закона (включая право голоса для женщин, прямые выборы и т. д.), ограничение власти судов, борьбу с коррупцией и лоббизмом, охрану природных ресурсов, строительство дорог и гаваней, введение подоходного налога и налога на наследство, пересмотр закона о тарифах (но соглашались в принципе с протекционизмом). Большое внимание уделялось в платформе рабочему вопросу. Выдвигались требования о запрещении «инджанкшнз», о компенсации за несчастные случаи на производстве, о запрещении детского труда, об установлении минимума оплаты женского труда, обеспечении старости, признании права рабочих на организацию.

Создание новой партии и ее избирательная платформа показали, что основными, злободневными вопросами и причиной кризиса, а затем раскола республиканской партии были противоречия внутри капиталистического общества, рост рабочего движения. «Новая партия,— писал В. И. Ленин,— порождение современной эпохи, которая ставит вопрос о самом существовании капитализма» [50]. Прогрессисты обеих партий видели выход из положения в проведении буржуазных реформ с демократическим уклоном, дабы сохранить в неприкосновенности буржуазный строй. Консерваторы-республиканцы, не сумевшие понять и оценить требования времени, были обречены на поражение.

---

[49] Комиссия, составлявшая платформу, включила антитрестовский пункт, но он был вычеркнут после съезда Перкинсом и Рузвельтом. См.: *Pinchot A. R. E.* History of the Progressive Party, 1912—1916. N. Y.; Wash., 1958, p. 177.

[50] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 193.

Президентом США в 1912 г. стал Вудро Вильсон [51]. Со времени гражданской войны он был вторым президентом-демократом, притом южанином по происхождению. Его победа была логическим завершением борьбы буржуазного реформизма с консерватизмом старой школы. Кандидат прогрессистов собрал свыше 4 млн. голосов, что также подтверждало успех прогрессизма как буржуазно-реформистского течения.

Выборы 1912 г. были знаменательны еще и тем, что кандидат социалистической партии получил близкое к миллиону число голосов; оно оказалось наибольшим за всю историю социалистической партии. Таким образом, можно считать, что против консерватизма, за социальное переустройство — хотя бы в плане социальной реформы — проголосовали свыше 10 млн. американцев.

4. «НОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ» В. ВИЛЬСОНА

Вильсон, ставший президентом в результате раскола республиканской партии, вошел в Белый дом как «президент меньшинства» (собрал всего 41,8% общего числа голосов). Зато умело составленная программа демократов и выступления Вильсона обеспечили демократической партии прочное большинство в обеих палатах конгресса. К этому надо добавить, что республиканская партия, занявшая теперь место оппозиции, была разделена на две фракции, и демократы могли рассчитывать на поддержку прогрессистов.

«Новая демократия» Вильсона схематически укладывалась в три пункта: индивидуализм, свобода личности и свобода конкуренции. С этих позиций Вильсон объявил себя врагом трестов, но предлагал, как уже говорилось, не уничтожение трестов (чего требовали прогрессисты-«мятежники») и не контроль над трестами (это провозглашал Рузвельт), а регулирование конкуренции. Он убеждал своих сторонников, что такой курс приведет к ограничению роста крупных корпораций.

Идейным вдохновителем «новой демократии» был юрист Л. Брандейс, прогрессист по убеждениям, автор серии статей о финансовой элите («денежном тресте»), вышедших затем отдельной книгой [52]. Брандейс оперировал материалами комиссии Пьюджо, исследовавшей связи различных групп финансистов. На примере банкирского «дома Морганов», создавшего гигантский «Стальной трест», Брандейс доказывал, что зло заключается в «нечестной» конкуренции, перекрывающей все пути для мелкого и среднего бизнеса и вынуждавшей к сдаче позиций даже крупные некорпорированные предприятия (например, фирму Карнеги и Шваба).

Брандейс и вслед за ним Вильсон (как и Рузвельт) отошли от идеи запрещения крупных корпораций. Требование уничтожения трестов было характерно для идеологов мелкобуржуазного антитрестовского движения (в XIX в.— популистов, а в XX в.— Лафоллетта и других «мятежников»). Брандейс и Вильсон объявили себя врагами не крупного бизнеса, а монополии как результата «нечестной» конкуренции. Вильсон заявил об этом еще до вступления на пост президента, на встрече с группой промышленных и финансовых магнатов в Чикаго в январе 1913 г. Он произнес де-

[51] Итоги выборов: Вильсон получил 6286,2 тыс. голосов и 435 голосов выборщиков, Рузвельт соответственно — 4126 тыс. и 88, Тафт — 3483,9 тыс. и 8, Дебс — 897 тыс. См.: Encyclopedia of American History, p. 325—326.

[52] *Brandeis L.* Other People's Money and How the Bankers Use It. N. Y., 1914.

магогическую речь, в которой признал ведущую роль бизнеса в жизни страны, предложил бизнесменам сотрудничать с ним, заявил, что все граждане США имеют равное право на использование национальных ресурсов и что предпринимательская деятельность должна быть избавлена от всяких признаков монополии [53]. Деловые круги встретили это заявление с тревогой, но дальнейшие действия президента доказали, что их опасения были неосновательными.

Вильсон окружил себя людьми, через которых мог связываться с представителями различных группировок и течений. Первый пост в его кабинете — государственного секретаря — занял У. Дж. Брайан, поддержавший на предвыборном съезде кандидатуру Вильсона. Опираясь на него, Вильсон мог рассчитывать на поддержку Среднего Запада. Генеральный почтмейстер О. С. Берлесон представлял интересы лидеров южных штатов. Личный секретарь нового президента Дж. Тэмелти, ирландский католик, имел тесные связи с политическими боссами Севера. Наиболее близким к президенту лицом был полковник Э. Хауз из Техаса, завоевавший неограниченное доверие Вильсона. Этот богатый южанин находился в контакте с влиятельными представителями мира бизнеса. Хауз отказался войти в кабинет, оставаясь на протяжении всех лет администрации Вильсона «всего лишь» негласным советником президента, но его мнение значило больше, чем мнение кабинета.

Перед Вильсоном, главой партии, выступившей с программой реформ, теперь стояла задача приступить к выполнению предвыборных обещаний. В инаугурационной речи, в которой республиканцы обвинялись в расточительности и забвении интересов народа, новый президент очертил программу будущих мероприятий: пересмотр закона о тарифах, реорганизация банковской системы и денежного обращения, законодательство по регулированию конкуренции между предпринимателями (видоизмененный антитрестовский пункт), меры по охране природных ресурсов и некоторые другие. Первым вопросом на очередь дня была поставлена ревизия тарифов, которые Вильсон называл искусственными возбудителями конкуренции и искусственными узами предпринимательства.

Билль о тарифах, подготовленный конгрессменом О. Андервудом при непосредственном участии Вильсона, был поставлен на обсуждение сразу после открытия сессии конгресса в начале апреля 1913 г. Сравнительно быстро (через месяц) он был утвержден палатой представителей и передан в сенат. Как и в прежние годы, именно в сенате началась длительная и упорная борьба за каждый раздел, за каждый пункт билля. Сенаторы были атакованы массой лоббистов, которые съехались со всех штатов на защиту интересов различных групп предпринимателей. Президент объявил законопроект «партийным мероприятием» и публично выступил с осуждением действий лобби [54]. «Мятежные республиканцы» оказали ему поддержку, потребовав расследования связей лоббистов с сенаторами и конгрессменами. Созданная комиссия действительно раскрыла контакты многих законодателей с лобби, их финансовую заинтересованность в различных мероприятиях. Под угрозой политического скандала демократический кокус сената уступил и объявил долгом каждого демократа под-

[53] Life and Letters of Woodrow Wilson: Vol. 1—8 / Ed. by R. S. Baker. N. Y., 1927—1939, vol. 3, p. 432.

[54] *Wilson W.* The New Democracy. Presidential Messages, Addresses and Other Papers (1913—1917): Vol. 1, 2 / Ed. by R. S. Baker, W. E. Dodd. N. Y.; L., 1926, vol. 1, p. 36.

держать обещанный во время выборов тарифный законопроект. Билль был утвержден конгрессом и подписан президентом в первых числах октября 1913 г.

Новый закон снижал пошлины в среднем с 42 до 27%, так что и он оставался протекционистским; но все же ставки были снижены более чем на 900 наименований и 356 наименований были внесены в список свободного ввоза, хотя на многие товары (например, на табак и табачные изделия) сохранялись высокие тарифы. Снижение и отмена пошлины на сахар должны были проводиться в несколько сроков [55].

Кроме ревизии тарифов, закон Андервуда определил размер подоходного налога согласно XVI поправке к конституции, поправке, принятой конгрессом еще при Тафте в феврале этого же года. Под давлением прогрессистов обеих партий добавочный налог на доход свыше 500 тыс. долл. был доведен до 6% [56].

Следует отметить, что тариф Андервуда устанавливал наиболее низкие тарифные ставки по сравнению с предыдущим законодательством. Однако о его воздействии на американскую экономику трудно сказать что-либо определенное: помешали сначала начавшийся в 1913 г. экономический кризис, а затем война в Европе, нарушившая налаженные торговые отношения между странами. После войны пришедшая к власти республиканская партия вернулась на старые позиции бескомпромиссного протекционизма.

Тарифный законопроект еще обсуждался в сенате, когда Вильсон выступил на объединенном собрании палаты представителей и сената с предложением о реорганизации кредитной и банковской системы США. Вильсон заявил, что деловые круги должны получить эластичную банковскую и денежную систему, которая обеспечила бы свободу предпринимательства и индивидуальной инициативы, однако добавил, что «контроль над банковской системой и выпуском денег ...должен носить общественный характер, а не частный, должен возлагаться на само правительство, с тем чтобы банки стали инструментами, а не хозяевами бизнеса, индивидуального предпринимательства и инициативы» [57]. Эти слова были данью, которую президенту пришлось воздать прогрессистам, сторонникам государственного регулирования экономики и децентрализации банковской системы.

Несмотря на заявление Вильсона о правительственном контроле, первоначальный вариант законопроекта о банковской реформе, подготовленный лидером консервативных демократов палаты К. Глассом, полностью исключал государственный контроль и предлагал создать 15 национальных банков. Вильсон и Хауз были сторонниками сильной централизованной системы, но считали, что открыто проводить такую линию невозможно, ибо это вызовет отпор со стороны различных группировок в конгрессе и в банковских кругах.

Дабы избежать конфликта с финансовыми магнатами, к работе над биллем, обсуждение которого затянулось до конца года, были привлечены видные финансисты. Связь с ними президент осуществлял через полковника Хауза, постоянно встречавшегося с П. Уорбергом, Дж. П. Морга-

[55] Complete Table of the New Tariff Duties Compared with Old.— New York Times, 1913, Sept. 30.
[56] *Link A. S., Catton W. B.* Op. cit., vol. 1, p. 116.
[57] *Wilson W.* Op. cit., vol. 1, p. 39—40.

ном-младшим, К. Доджем, Ф. Вандерлипом, Г. Фриком и др.[58] В результате этого сотрудничества в конце концов был выработан акт о создании Федеральной резервной системы (ФРС), подписанный президентом 23 декабря 1913 г.

Закон предусматривал создание 12 федеральных резервных банков, капиталы которых образовывались из взносов национальных, штатных и промышленных банков соответствующего района[59]. Во главе всей системы стояло Федеральное резервное управление в Вашингтоне. В него входили (ex oficio) министр финансов, контролер денежного обращения и пять членов, назначаемых президентом с согласия сената. Помимо административного руководства системой, в функции управления входил выпуск банкнот, которые имели значение денежных знаков. Важно отметить, что федеральные банки выполняли роль фискальных агентов правительства.

В первый состав федерального управления вошли крупнейшие банкиры, юристы: П. Уорберг, У. Дж. Хардинг, Ч. С. Хэмлин, Ф. Делано. Если прибавить, что места в так называемом консультативном совете, предусмотренном законом, заняли известные магнаты Дж. П. Морган-младший, Дж. Форган (Чикаго), Д. Винг (Бостон) и др., то становится понятным, что федеральный резервный акт обеспечил монополистической олигархии руководящую роль в финансовой системе страны. Вместо банковской реформы в пользу мелкой и средней буржуазии и ожидаемой прогрессистами децентрализации правительство Вильсона ввело искусно замаскированную централизацию банковской системы, прикрытую делением на 12 федеральных банков. Кстати, финансисты, особенно Уорберг, настаивали на уменьшении числа финансовых центров с 12 до 8 и даже 4, но Вильсон и министр финансов У. Г. Макаду воспротивились этому.

Следует также отметить, что в рамках федеральной системы нисколько не уменьшилась роль Нью-Йорка в качестве финансового центра страны. Более того, уже в 1916 г. К. Гласс подчеркнул возросший «престиж Нью-Йорка как финансовой метрополии этого (т. е. Западного.— *Авт.*) полушария», а также не скрыл, что творцы федерального резервного акта надеялись, что он поможет «сокрушить могущество Лондона и превратить Нью-Йорк в финансовый центр мира»[60].

В реформы «новой демократии» Вильсона входят два акта, дополнявшие и коррегировавшие антитрестовское законодательство: создание Федеральной промышленной комиссии и закон Клейтона. Оба акта, которые были задуманы и в первоначальных вариантах спроектированы прогрессистами (например, билль о Федеральной промышленной комиссии), пройдя через горнило комитета сената, потеряли, можно сказать, все свое прогрессивное содержание. Демократы должны были выполнить обещание, данное ими в 1912 г. о борьбе с монополией. Вильсон, высказывавшийся на эту тему весьма туманно, много раз повторявший, что он против монополии, но за крупный бизнес (последнее положение наглядно подтверждалось федеральным резервным актом), в конце концов подписал

---

[58] The Intimate Papers of Colonel House: Vol. 1—4. L., 1926—1928, vol. 1, p. 166—167, 169—171.

[59] An Act to Provide the Establishment of Federal Reserve Banks, to Furnish an Elastic Currency and so on. Wash., 1913.

[60] Цит. по: *Kolko G.* The Triumph of Concervatism, p. 254.

оба законопроекта именно потому, что из них были выхолощены прогрессистские идеи о регулировании экономической жизни.

Федеральная промышленная комиссия, создававшаяся по закону от 26 сентября 1914 г., не получила права регулировать деятельность корпораций. Ее функции ограничивались сбором информации и привлечением к суду лиц и корпораций, замеченных в применении «нечестных» методов, объявленных незаконными (ст. 5) [61]. Таким образом, и этот акт, так же как и закон Шермана, передавал окончательное решение всех исков в руки судебной власти.

Почти одновременно с указанным актом увидел свет закон Клейтона (15 октября 1914 г.), целью которого, как предлагал президент, было «внесение ясности» в существующие антитрестовские законы, ясности, необходимой для предпринимателей. О том, что Вильсон проявлял заботу именно о бизнесе, свидетельствуют его постоянные заявления о необходимости дать деловому миру страны, «страдающему» от неопределенности антитрестовского законодательства, точные и ясные указания на возможную сферу деятельности. В этом плане и был составлен текст закона Клейтона, уточнявший некоторые формулировки для определения законности или незаконности действий корпораций. Однако вынесение окончательного вердикта возлагалось опять-таки на суды. Единственной мерой, в какой-то степени стеснявшей свободу действий корпораций, было запрещение практики перекрещивающегося директората. Законодатели не могли игнорировать сенсационных разоблачений деятельности «денежного треста», опубликованных комиссией Пьюджо.

Акт Клейтона получил известность не своими антитрестовскими статьями, а тем, что в него были включены две статьи о рабочих союзах. Профсоюзы уже давно выступали против применения закона Шермана к рабочим организациям, якобы нарушающим «свободу торговли», а также против «инджанкшнз», к которым прибегали власти при любом конфликте рабочих с предпринимателями. Лидеры демократической партии и президент решились сделать уступки рабочему классу и выполнить обещания, данные перед выборами. К этому их вынудил подъем рабочего движения 1912—1914 гг. Среди стачек этих лет особенно широкую известность получили трагические события в Колорадо (см. гл. 9). Однако на полное изъятие рабочих союзов из юрисдикции закона Шермана президент и конгресс не согласились.

Статьи нового закона гласили, во-первых, что их смысл не следует истолковывать как запрещение рабочих союзов и, во-вторых, что суды не должны безоговорочно применять «инджанкшнз», но при этом предпринимателям разрешалось обращаться в суд с жалобами на профсоюзы в случае нанесения последними «материального ущерба» владельцам предприятий [62]. Из сказанного вытекает ограниченный характер рабочего законодательства «новой демократии»; тем не менее лидеры АФТ считали эти уступки администрации Вильсона огромным достижением. Гомперс даже назвал закон Клейтона «великой хартией труда». Будущее показало, что расплывчатые формулировки закона оставляли судам и юристам корпораций достаточно возможностей для его обхода. Таковы

---

[61] Antitrust Laws with Amendments, 1890—1937. Wash., 1938, p. 14—21.
[62] Ibid., p. 23—31.

были уступки, впервые сделанные рабочему классу федеральными органами власти.

Законом Клейтона президент Вильсон завершил выполнение программы «новой демократии», или «новой свободы». Главным стержнем этой программы был акт о создании федеральной резервной системы, и даже американские буржуазные историки признавали, что Вильсон в течение всех этих месяцев стойко удерживался в рамках ограниченной реформистской программы и осуществил свое намерение «не поддаваться нажиму общественного движения, требовавшего от федерального правительства прогрессивного социального и экономического законодательства» [63]. В частности, он упорно сопротивлялся требованиям введения законодательства о контроле над применением детского труда на производстве. Прогрессистам пришлось снять такой билль с повестки дня палаты представителей, так как президент заранее сказал, что считает его неконституционным.

Отрицательное отношение Вильсона к получению женщинами избирательного права было широко известно в обществе. Кроме того, с приходом его в Белый дом в государственных учреждениях открыто начали проводить политику сегрегации в отношении негров. Увольнение или понижение в должности черных служащих было разрешено сперва в министерствах финансов и связи, а затем в других департаментах.

Подводя итоги внутриполитических мероприятий администрации Вильсона за первые полтора года ее деятельности, нетрудно увидеть, что реальным содержанием «новой демократии» было укрепление связей правительства с крупным капиталом и проведение важной для финансовой олигархии банковской реформы. Частичные, весьма ограниченные реформы в области социального законодательства проводились с целью снизить политическое напряжение в стране и поднять престиж демократической партии. Но к осени 1914 г. президенту и его ближайшему окружению казалось, что наступило время покончить с реформами. В Европе разразилась война, и перед американским империализмом обозначились совсем иные цели: как извлечь выгоду из сложившейся в мире ситуации, как приспособить американскую экономику к новым условиям. Влияние европейской войны на хозяйственную жизнь и политический режим в Соединенных Штатах возрастало день ото дня.

---

[63] *Link A. S., Catton W. B.* Op. cit., p. 119.

Глава тринадцатая

НАЧАЛО ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ

1. ЭКСПАНСИЯ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Из XIX в XX в. США вступили, сохраняя основные тенденции внутреннего и внешнеполитического курса, сложившиеся в предшествующий период. По численности населения это была уже четвертая в мире страна после Китая, Индии и России. С учетом притока иммигрантов население США в 1900 г. составляло 76 млн. человек [1].

Главное, что характеризовало США на рубеже веков как мировую державу, заключалось в бурном росте экономического потенциала, беспрецедентном развитии производительных сил, превратившем страну в динамичное индустриально-аграрное государство. Но окрепшим экономическим позициям США еще не соответствовал их политический статус и престиж на мировой арене. По мере усиления авторитета федеральной власти, закрепления политических устремлений буржуазии в программах двух главных партий в США, активизации внешнеполитической деятельности, особенно в интересах крупного капитала и экспансионистов, все более четко проявлялись методы и приемы, с помощью которых США стремились утвердиться в качестве великой державы, отрабатывались глобально-стратегические подходы, кристаллизовалась роль США как мирового жандарма, шлифовалась политика тех кругов, которые предпочитали действовать «с позиции силы».

Во внешней политике США в первые полтора десятилетия XX в. наблюдалось заметно возраставшее влияние экспансионистски настроенных представителей деловых кругов. В отличие от групп финансистов и предпринимателей, делавших ставку на освоение и развитие внутренних ресурсов страны, немногочисленные, но влиятельные, агрессивно настроенные группы дельцов и политиканов требовали расширения в мире «сферы влияния» США. В этих целях использовались различные пути превращения независимых стран в зависимые: навязывание неравноправных договоров и кабальных займов, захват стратегических баз, интервенции и применение всевозможных способов экономического, военного, дипломатического проникновения.

В поделенном империалистами мире на рубеже XIX—XX вв. территориальные приращения становились возможными только путем отвоевания владений у другой державы. Но это не останавливало экспансионистов США. Для их внешнеполитических усилий в начале XX в. характерны углубление экспансионистских тенденций, поиски новых способов расширения экспорта товаров и областей приложения капиталов. «Сам

---

[1] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975, p. 8.

являясь порождением глубоких противоречий капиталистического способа производства, вывоз капитала выносит эти противоречия в международные отношения, делает такие противоречия главным внутренним содержанием разнообразных международных связей страны, входящих в систему капитализма»[2]. Весь ход развития капитализма подталкивал США к этому. Причин, глубинных мотивов для экспансии в мире было несколько: экономические, социальные, политические, военные.

Кризисные потрясения в США конца XIX в. всячески подогревали интерес промышленников и финансистов к поискам заморских рынков. В деловых кругах США надеялись стабилизировать сбыт своей продукции и соответственно получение гарантированной прибыли. К 1912—1913 гг. американский экспорт превысил германский и почти сравнялся с английским. Однако импорт уступал французскому, был намного ниже германского и ненамного превышал половину импорта в Англию. Особенно активно действовали американские экспортеры хлопка и табака. Увеличивались капиталовложения США в других странах. В этот период США начали экспортировать также и капитал: прямые инвестиции за границей выросли с 634,5 млн. долл. в 1897 г. до 2652,5 млн. в 1914 г.[3] Хотя за последние три десятилетия XIX в. американцы «освоили» больше земель, чем за 300 лет до этого[4], борьба за новые рынки не прекратилась и продолжалась в XX в. с неослабевающей силой. Тем более что деловые круги рассчитывали расширением сбыта за счет экспорта смягчить социальное недовольство трудящихся США. Социальные факторы наряду с экономическими занимали также важное место в расширении американской экспансии.

США в этот период были вынуждены поддерживать дружественные отношения с Англией, опасаясь конфликта с «владычицей морей», который привел бы к закрытию британского рынка и блокированию рынков Европы, а также Азии, Африки, Ближнего и Дальнего Востока, что вызвало бы удар по экономическому процветанию США. Немаловажным было и то, что объем британских инвестиций в США в это время превышал $^1/_5$ всей суммы зарубежных капиталовложений Великобритании[5].

Политические деятели, оказавшиеся у власти в США, вслед за магнатами бизнеса весьма откровенно высказывались относительно своих захватнических планов. Орудием претворения в жизнь этих планов стал военно-морской флот. Если «дипломатия канонерок» практиковалась и ранее, преимущественно для давления на малые страны, то в начале XX в. флот США уже используется как весомый «аргумент» при урегулировании конфликтных внешнеполитических ситуаций. Для расширения прибыльного военного производства использовалось и искусственное обострение международной обстановки. Ускоренное строительство крупномасштабного мощного флота, рассчитанного не просто на патрульно-обо-

---

[2] *Громыко А. А.* Внешняя экспансия капитала: История и современность. М., 1982, с. 14.

[3] *Faulkner H.* The Decline of Laissez Faire, 1897—1917. N. Y., 1951, p. 73.

[4] *La Feber W.* The New Empire. An Interpretation of American Expansion, 1860—1893. Ithaca (N. Y.), 1963, p. 12.

[5] В 1913 г. он составил 20,3% всех зарубежных капиталовложений Великобритании. См.: *Buckley P. J., Roberts B. R.* European Direct Investment in the U.S.A. before World War I. N. Y., 1982, p. 16—19.

ронительные функции, но и на наступательные схватки с тяжелыми линкорами европейских держав, сопровождалось активизацией дипломатии США, включением ее в политику захватов, аннексий, войн. Этот новый этап внешнеполитической активности ставленников капитала в правительстве США развернулся с последнего десятилетия XIX в. и продолжался в начале 1900-х годов.

Крупнейшие монополии в интересах широкого сбыта своей продукции стремились к увеличению экспорта в экономически важные районы Европы, которые ранее контролировались Великобританией. Основной упор в конкурентной борьбе с Англией на европейском рынке американские монополии делали на относительную дешевизну своих изделий.

После того как США закрепили за собой тихоокеанские подступы к Азиатскому материку, захватив Гавайи, Филиппины, Самоа, от богатейших рынков Китая их отделяло лишь Южно-Китайское море. Госдепартамент всячески стремился обосновать, насколько «жизненно необходимы» для США прочные ключевые позиции в Азии, прежде всего в Китае. Поскольку США «опоздали» к дележу Китая на сферы влияния, американские экспансионисты предприняли попытку наверстать упущенное путем увеличения товарооборота с империей Цин. При этом они рассчитывали, что экономический потенциал США способен обеспечить овладение в Китае такими важными позициями, с которых можно было бы повелевать другими государствами и контролировать их действия [6].

Задача заполучения китайского рынка рассматривалась в США как первоочередная наряду с такими, как овладение зоной постройки межокеанского канала, соединяющего Атлантику с Тихим океаном. Так, Брукс Адамс, внук Джона Куинси Адамса, друг таких экспансионистов, как Т. Рузвельт и сенатор Г. К. Лодж, прямо выступал за «экономическое верховенство» США на мировых рынках. «Америка неумолимо подталкивается к производству огромных промышленных излишков»,— заявлял он. Отмечая, что «экспансия любой страны неизбежно зависит от рынков для ее избыточной продукции, а Китай — это единственный регион, который ныне представляет почти безграничные возможности для поглощения товаров» [7], Б. Адамс делал вывод, что канал через перешеек «к Тихому океану должен быть сооружен» [8]. Закрепление гегемонии США на подступах к будущему великому тихоокеанскому транспортному пути (т. е. в бассейне Карибского моря и в государствах Центральной Америки) стало конкретной целью. На достижение ее наряду с проникновением в Восточную Азию главным образом и были направлены внешнеполитические усилия США в первые полтора десятилетия XX в.

После испано-американской войны, захвата Филиппин, Пуэрто-Рико и многих других заморских территорий американские империалисты устремили взоры к югу от Рио-Гранде. На этих соседних территориях, сравнительно слабых и еще не «освоенных» европейскими империалистами, правительство США в начале XX в. создало систему протекторатов, расширяя поле деятельности для американских монополий. Конкретно это касалось таких стран, как Куба, Панама, Доминиканская республика.

---

[6] *Фурсенко А. А.* Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей, 1895—1900. М.; Л., 1956, с. 110—112, 145—148.
[7] *Adams B.* America's Economic Supremacy. N. Y., 1947, p. 89.
[8] Цит. по: *Campbell Ch. S.* The Transformation of American Foreign Relations, 1865—1900. N. Y., 1978, p. 154.

Практическая реализация рузвельтовской политики «большой дубинки» наглядно иллюстрируется отношениями США с Кубой. В начале XX в. США не признавали законность правительства Кубы. На острове фактически был установлен военный оккупационный режим. Его возглавлял американский военный губернатор — начала генерал Дж. Брук, затем (с декабря 1899 г.) генерал Л. Вуд. В то время как президент Маккинли говорил об ответственности США за будущее Кубы и о том, что ее благосостояние зависит от связей с Соединенными Штатами, со стороны экспансионистов в деловых и политических кругах США все громче звучали требования аннексировать Кубу.

Оккупационный режим на Кубе сохранялся практически до тех пор, пока ее Учредительное собрание не приняло восемь условий США; по имени американского сенатора они получили название «поправка Платта». Эта поправка к закону о военных расходах от 2 марта 1901 г. содержала условия американо-кубинских отношений, разработанные военным министром США того времени Э. Рутом. Отношение в США к этой поправке было далеко не одинаковым. Оно отразило подход различных кругов монополистов к внешнеполитическим проблемам. Демократы, обосновывая интересы компаний, выступавших за развитие внутреннего рынка США, квалифицировали поправку как измену Кубе. Республиканцы, выражая устремления экспансионистов США, утверждали, будто поправка Платта отвечает интересам прежде всего самих кубинцев. В конгрессе она была принята незначительным большинством: 161 против 137. Перед лицом явного американского диктата Учредительное собрание Кубы поначалу отвергло принципы Платта. В Вашингтон отбыла специальная комиссия во главе с Мендесом Капоте, которая, однако, ничего не добилась. Под давлением Вашингтона кубинское правительство, образованное 20 мая 1902 г., было вынуждено принять «поправку Платта» в качестве приложения к конституции Кубы [9].

В итоге объявленная независимой Куба фактически оказалась в подчинении США и даже юридически становилась их протекторатом. Под предлогом «защиты независимости и укрепления правительства» Кубы США получили «право интервенции» и устройства военно-морских баз на острове. Кубе запрещалось заключать с другими странами договоры о предоставлении территории для сооружения укреплений и получать иностранные займы [10]. Уже 22 мая 1903 г. стороны заключили кубинско-американский договор [11], в основу которого были положены упомянутые принципы Платта. Ссылаясь именно на этот договор, США получили на острове стратегически важную военно-морскую базу Гуантанамо, расположенную близ Сантьяго.

Политическое господство США над Кубой открыло выгодные возможности для американских монополий. Вытесняя конкурентов, они вскоре

---

[9] Congressional Record, vol. 34, pt 4, p. 3331—3336. Хотя по решению президента Т. Рузвельта американские войска были выведены с Кубы в 1902 г., принципы, изложенные в «поправке Платта», сохраняли силу до 1934 г., когда президент Франклин Рузвельт отменил ее.

[10] Documents of American History: Vol. 1, 2 / Ed. by H. S. Commager. Englewood Cliffs (N. J.), 1973, vol. 2, Doc. N 360, p. 209.

[11] Ст. 3 этого договора открывала для США возможность произвольно вмешиваться во внутренние дела Кубы.

утвердились во всех важнейших участках экономики Кубы — в разработке рудников, строительстве электростанций, железных дорог, в плантационном хозяйстве. По американо-кубинскому торговому договору Кубе была предначертана участь страны монокультуры: основной статьей ее экспорта в США стал сахар.

Американская политика «большой дубинки» вызывала недовольство на Кубе. Для расправы с участниками восстаний на острове неоднократно высаживалась американская морская пехота. Так было летом 1906 г., во время восстания против правительства Пальмы. Оккупанты оставались на Кубе до января 1909 г. А три года спустя, в июне 1912 г., четыре отряда американских моряков снова высадились на острове для усмирения восставших негров в Гаване, Санта-Кларе, Ориенте. Подавляя национально-освободительное движение, США охраняли эксплуататорские интересы своих монополий, теснили другие империалистические государства. Вмешиваясь в европейскую политику, США в то же время не допускали подобного вмешательства со стороны стран Европы в дела южноамериканских республик.

США проводили политику гегемонизма в Западном полушарии, ссылаясь при этом на доктрину Монро. Это наглядно проявилось во время второго венесуэльского конфликта в 1901—1902 гг., когда обострились отношения между Венесуэлой и европейскими державами, главным образом Германией, Англией и Италией. США выразили недовольство тем, что европейские державы, угрожая интервенцией, устроили «мирную блокаду» Венесуэлы [12]. Поскольку к берегам Южной Америки был направлен европейский флот, чтобы принудить Венесуэлу к уплате долгов, США заявили, что также пошлют свой флот к венесуэльскому побережью. И хотя американское правительство поддерживало финансовые претензии европейских государств, оно не могло спокойно смотреть на приготовления трех государств к возможной интервенции в Латинской Америке. После демарша США первыми отступили англичане, предложив передать спор на международный арбитраж. Особенно долго упорствовала и вызывающе держалась кайзеровская Германия. США отреагировали энергичной антигерманской кампанией.

Свои же «права» на вмешательство и жандармские функции в Западном полушарии США обосновали новой интерпретацией доктрины Монро — так называемым «дополнением Рузвельта». Сначала в письме министру Э. Руту в мае 1904 г., а затем в президентском послании в декабре 1904 г. Т. Рузвельт так изложил доктрину Монро, что вооруженное вмешательство какого-либо европейского государства в Латинской Америке исключалось. Рузвельт заявил, что в случае, если другие страны Западного полушария будут «плохо себя вести», Соединенным Штатам придется выступать в роли «международной полицейской силы» [13]. Тем самым интервенция и вмешательство во внутренние дела других стран были возведены в принцип внешней политики США.

Для выполнения жандармских функций у Соединенных Штатов уже был значительный военно-морской флот. Он базировался и на Атлантическом и на Тихоокеанском побережьях США. Возникала необходимость

---

[12] *Langley L. D.* Struggle for the American Mediterranean. United States- European Rivalry in the Gulf-Caribbean, 1776—1904. Athens (Ala), 1976, p. 181.

[13] Congressional Record, vol. 39, pt 1, p. 19.

в быстрой переброске кораблей из одного океана в другой. В кругах военных и промышленников еще с середины XIX в. обсуждалась идея сооружения канала, который соединил бы два океана. Когда во время испано-американской войны пришлось перебросить крейсер «Орегон» из Тихого океана в Атлантический, его рейс вокруг мыса Горн занял почти два с половиной месяца [14].

Президент Маккинли еще в 1898 г. недвусмысленно заявил, что межокеанский канал должен быть под контролем США, особенно ввиду аннексии Гавайских островов и перспектив распространения американского влияния и торговли в Тихом океане. За прорытие канала через Панамский перешеек давно высказывались также торговцы, одержимые поисками рынков сбыта, и только магнаты железных дорог были против сооружения канала, опасаясь, что их прибыли уменьшатся.

Англия пошла на уступки США в решении вопроса о межокеанском канале, и в ноябре 1901 г. был подписан договор Хэя — Паунсфота, который признал за США право на сооружение и управление каналом. Договор с Англией заменил договор 1850 г. Соединенные Штаты получили право строить, содержать и контролировать будущий канал. Этому предшествовали бурные дискуссии в прессе, промышленных кругах и особенно при дебатах в конгрессе о ратификации договора.

Дискуссия возобновилась, когда встал вопрос, в каком месте лучше строить канал. Фактически было два оптимальных варианта. Один — в Никарагуа, где можно было использовать озеро и реку для соединения двух океанов, другой — в колумбийской провинции Панама, где французы уже провели часть строительных работ и были готовы уступить свои права американцам. К этому времени выяснилось окончательное банкротство французского синдиката.

Один из руководителей новой компании, выкупившей обанкротившуюся фирму Лессепса,— француз Бюно-Варилья еще в середине 90-х годов уговаривал правительства разных держав приобрести право на постройку межокеанского канала [15], а в конце концов подключился к американским лоббистам, добивавшимся в конгрессе выделения средств на сооружение канала. В 1902 г. конгресс США ассигновал 40 млн. долл. на покупку акций стройки, при условии, что президент Рузвельт добьется от Колумбии юрисдикции США над зоной прохождения канала. Рузвельт предложил Колумбии за эти земли 100 млн. долл. и арендную плату в 100 тыс. долл. в год. Правительство Колумбии согласилось, но сенат решительно отверг эту сделку. Тогда 3 ноября 1903 г. проамериканские элементы произвели в Панаме «революцию» и провозгласили независимость ее от Колумбии. Сыграло также роль наличие в Панаме с середины XIX в. сепаратистских тенденций, которые были использованы американцами.

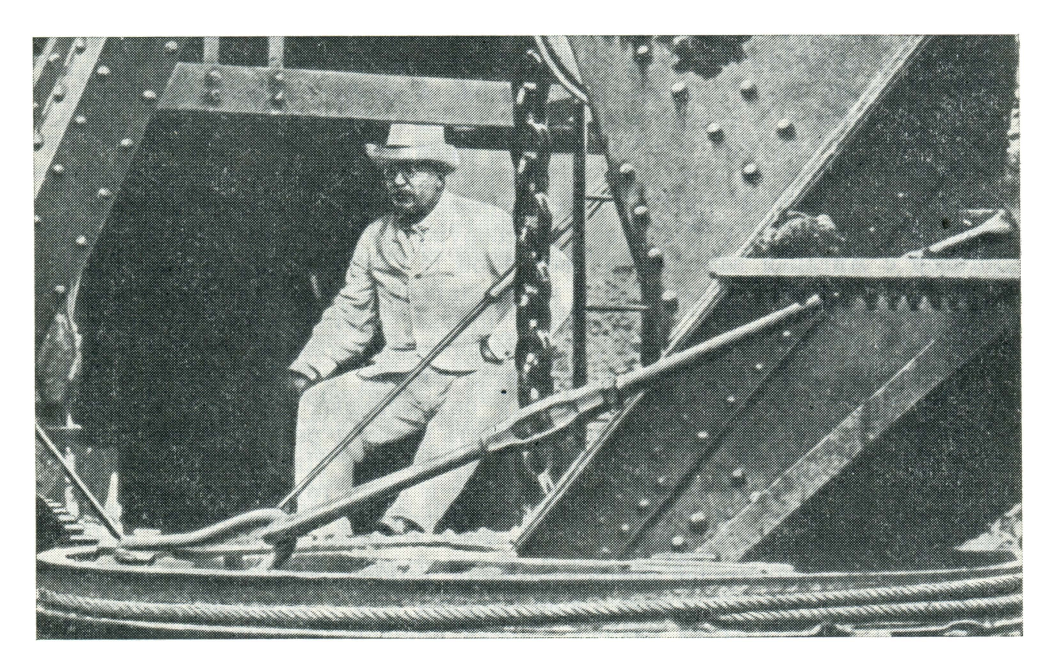
В течение часа после поступления сообщения об этом в Вашингтон Рузвельт распорядился признать новую республику, а заранее прибывшие к месту действия военные корабли США воспрепятствовали высадке колумбийских войск, которые были посланы для подавления мятежа. Возникшая Панамская республика по договору от 18 ноября 1903 г. усту-

---

[14] *Слёзкин Л. Ю.* Испано-американская война 1898 г. М., 1956, с. 86.
[15] *La Feber W.* The Panama Canal. The Crisis in Historical Perspective. N. Y., 1978, p. 21.

пила Соединенным Штатам зону Панамского перешейка[16] (впоследствии стала зоной канала).

Прокладка канала осуществлялась в обстановке интриг, коррупции, фактов грубого нарушения законов. Тем не менее Т. Рузвельт гордился своим участием в захвате зоны и в сооружении канала на Панамском перешейке, считал это величайшим достижением внешней политики США[17]. Неоднократные попытки Колумбии вернуться к обсуждению с



ПРЕЗИДЕНТ Т. РУЗВЕЛЬТ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПАНАМСКОГО КАНАЛА (1906 Г.)

Соединенными Штатами вопроса о зоне Панамского канала США отвергли, как отклоняли и предложение о вмешательстве международного арбитража.

Произвол и гегемонистские методы, примененные Соединенными Штатами при захвате зоны Панамского канала, превращение Кубы фактически в американскую колонию нанесли серьезный ущерб авторитету США в странах Латинской Америки. Это непосредственно проявилось во время второй межамериканской конференции, которая не принесла США желаемых результатов. Латиноамериканские страны очень настороженно воспринимали выступления США якобы в их «защиту» и оправдания экспансии ссылками на доктрину Монро.

Вторая межамериканская конференция, созванная формально по приглашению Мексики, а фактически по инициативе государственного

[16] В 70-е годы XX в. в Панаме вышел документальный кинофильм «Договор, под которым нет подписи ни одного панамца».

[17] *Roosevelt Th.* An Autobiography. N. Y., 1946, p. 512; См. также: *Белявская И. А.* Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь США. М., 1978, с. 167, 169.

секретаря США Дж. Хэя, продолжалась три месяца. С момента ее открытия 22 октября 1901 г. борьба вокруг вопроса об арбитраже приняла острые формы и едва не привела к срыву конференции. Чилийская делегация категорически выступала против предложения Аргентины о принудительном арбитраже по всем конфликтам и требовала договоренности о добровольном арбитраже и о присоединении к конвенциям Гаагской конференции 1899 г. В итоге длительных и ожесточенных споров на конференции в Мехико были приняты протокол о присоединении к Гаагским конвенциям от 29 июля 1899 г. о мирном разрешении международных конфликтов и о кодификации международного права, договор о разрешении третейским судом материальных претензий.

Эти документы подписали девять государств, в число которых не вошли ни Чили, ни США. Коммерческое бюро американских республик было реорганизовано в Международное бюро американских республик. Был также образован руководящий совет дипломатических представителей во главе с государственным секретарем США, что означало создание организационной основы для преобладания американского влияния в этой организации. Конференция показала, что если Соединенным Штатам в первые годы XX в. удалось добиться гегемонии в странах Карибского бассейна, то в Южной Америке им серьезно противостояли Аргентина, Чили и другие государства. У латиноамериканских стран были достаточные основания не доверять могущественному соседу, который усиленно навязывал им свое покровительство [18].

На четвертой межамериканской конференции в Буэнос-Айресе с середины июля по конец августа 1910 г. американским дипломатам не удалось заручиться поддержкой большинства латиноамериканских государств в отношении инспирированного Соединенными Штатами предложения о признании доктрины Монро в качестве основного принципа внешней политики всех американских государств. Серьезные разногласия между участниками привели к провалу этого предложения. На конференции Международное бюро американских республик было переименовано в Панамериканский союз, что явилось олицетворением межамериканской системы. Впоследствии был создан его Генеральный секретариат.

Рассматривая Карибский бассейн после захвата зоны Панамского канала как свое внутреннее море, США параллельно с методами вооруженного вмешательства прибегали к методам экономического закабаления слабых стран. Так, политика «большой дубинки» дополнялась так называемой «дипломатией доллара». Этот курс был для США предпочтительнее в условиях, когда растущий экономический потенциал стимулировал внешнюю экспансию США, а опереться на достаточную военную мощь правительство еще не могло.

Провозглашенная У. Тафтом «дипломатия доллара» отражала борьбу умеренных кругов с крайне экспансионистскими, которым больше импонировала «большая дубинка» Т. Рузвельта. В послании конгрессу о внешней политике президент У. Тафт 3 декабря 1912 г. подчеркнул: «Дипломатия нынешнего правительства стремится соответствовать современным требованиям торговых отношений. Эта политика характеризуется тем, что доллары выполняют роль штыков» [19]. Средствами, более

[18] Очерки новой и новейшей истории США: В 2-х т. М., 1960, т. 1, с. 443.
[19] Congressional Record, vol. 49, pt 1, p. 9.

предпочтительными для умеренной буржуазии, Тафт гарантировал во внешней политике активное вмешательство в целях создания американским капиталистам благоприятных возможностей для выгодных инвестиций.

Первой США поставили в полную зависимость Доминиканскую республику. Положение в ней с начала века было очень сложным. Непрерывно шла борьба против реакционной диктатуры. Страна не только зависела в финансовом отношении от Франции, Бельгии, Италии, Германии и других государств, но и не могла выплатить долгов. Американская дипломатия активно вмешалась в создавшееся положение: в результате 7 февраля 1905 г. был подписан договор, по которому США, основываясь на доктрине Монро, уже не просто обязались «уважать» территориальную целостность страны, но и «гарантировали» ее безопасность.

Империалистическая суть договора была настолько явной, что под давлением возражений со стороны оппозиционной демократической партии сенат США воздержался от его рассмотрения. Вместо него был выработан протокол о переходе всех доминиканских таможен в ведение американских властей, что фактически означало установление протектората США над Доминиканской республикой, которая не могла теперь самостоятельно ни распоряжаться своими финансами, ни обращаться за займами, ни снижать налоги, если на то не было согласия США. Вся финансовая жизнь страны перешла под контроль династии Рокфеллеров и их мощного «Нэшнл сити бэнк». Сахарные плантации на 30% оказались в руках американских владельцев [20].

В республике неоднократно вспыхивали мятежные выступления против коррупции и произвола администрации. США соответственно несколько раз предпринимали интервенцию неизменно на стороне доминиканских властей [21].

Действуя в интересах американских банкиров, правительство США одновременно укрепляло стратегические позиции, как того требовали экспансионисты-военные. С середины XIX в. по 1915 г. США, пытаясь заполучить морские базы в Гаити (независимом государстве с республиканской формой правления), не менее 20 раз направляли военные корабли в г. Порт-о-Пренс под предлогом борьбы с беспорядками и 6 раз открыто, но безуспешно пытались установить контроль над таможнями Гаити.

Под американским финансовым протекторатом вскоре оказалась и республика Гондурас. Дело в том, что в 1911 г. правительство Гондураса было вынуждено просить займ у Соединенных Штатов. Гарантией этого займа могли стать только таможенные пошлины. Воспользовавшись ситуацией, США насильственно навязали американский протекторат, применив ту же тактику, что и в Доминиканской республике. В конечном счете вся экономика Гондураса оказалась подчиненной американским монополиям.

В отношении Никарагуа также проявились оба аспекта «дипломатии доллара»: с одной стороны, с помощью дипломатии создать выгодные условия для капиталовложений, а с другой — использовать американский

---

[20] *Faulkner H. U.* American Political and Social History. 5th ed. N. Y., 1948, p. 539.

[21] В 1916 г. дело дошло до прямой высадки морских пехотинцев в столице (г. Санто-Доминго).

капитал в интересах внешнеполитической экспансии. «Экспорт американских долларов для достижения политических и стратегических целей дипломатии,— писал американский историк Пратт,— является сравнительно мало известным методом. Первые признаки его проявились в поправке Платта» [22].

Никарагуа давно привлекала внимание США не только как возможный участок для прокладки канала. Никарагуанские золотые прииски и плодородные плантации были заманчивым объектом для американских компаний. А поскольку на рубеже веков активно обсуждались планы заключения торговых и финансовых соглашений с европейскими государствами, рассматривался вопрос о передаче Англии и Японии права на строительство канала, все это в Вашингтоне было сочтено опасным для американских интересов.

Поэтому в 1901 г. США инспирировали смещение неугодного им правителя и поставили более покладистого — А. Диаса. Когда в Никарагуа в 1912 г. начались волнения масс, 2 тыс. солдат американской морской пехоты высадились в Никарагуа и подавили выступления. Лидер оппозиции был вывезен из страны, а в столице г. Манагуа — размещен отряд морской пехоты, который с 1912 по 1925 г. следил за тем, чтобы в стране, стратегически «важной» для США, проводилась проамериканская политика и не закреплялась какая-либо европейская держава. «Политика Тафта — Нокса,— отмечали американские исследователи,— по отношению к Никарагуа, а следовательно, и по отношению к остальной Центральной Америке была, безусловно, оскорбительной для латиноамериканцев» [23].

В отличие от европейских метрополий, которые слишком демонстративно господствовали в своих колониях, американские империалисты сохраняли для колоний, например для Никарагуа, видимость политической самостоятельности и довольствовались своим экономическим господством. И хотя звездно-полосатый американский флаг не развевался над правительственными зданиями в столице страны, она фактически находилась в колониальной зависимости. Американская экспансия в Карибском бассейне представляла собой продуманный курс на сколачивание вокруг США системы протекторатов, зависимых небольших стран, остающихся в орбите США.

США связали ближайших соседей системой двусторонних отношений. По договору с Панамой (ноябрь 1903 г.) Соединенные Штаты обязались сами гарантировать этой стране «независимость». По договорам с Кубой (1903) и Гаити (1915) они оговорили себе право на вооруженное вмешательство под любым предлогом (например, в случае «бесперспективной», с их точки зрения, финансовой политики правительств этих государств). На Кубе и в Никарагуа США получили «право» держать военно-морские базы. Заинтересованность в сооружении межокеанского канала, который был бы под контролем США, подогревала усилия американских военных кругов по размещению своих баз в этом районе. Положил начало такой политике Т. Рузвельт, а продолжали его преемники независимо от партийной принадлежности — и республиканец У. Тафт, и демократ В. Вильсон.

---

[22] *Pratt J. W.* America's Colonial Experiment. Gloucester (Mass.), 1964, p. 131.
[23] Encyclopedia of American Foreign Policy: Studies of the Principal Movements and Ideas: Vol. 1—3 / Ed. by A. De Conde. N. Y., 1978, vol. 1, p. 271.

Значительное внимание американская дипломатия, особенно при президенте Вильсоне, уделяла отношениям с южным соседом — Мексикой. С 1876 г. этой страной в течение 34 лет правил диктатор П. Диас, сохранявший полную лояльность в отношении США. Позиции американского капитала в Мексике были весьма основательными: инвестиции США составляли сумму свыше миллиарда долларов (четверть всех американских инвестиций за рубежом), превышая капиталовложения всех других стран, вместе взятых. Американцы владели добычей серебра, золота, меди, железными дорогами, многочисленными ранчо. Компании США сосредоточили в своих руках 80% мексиканских железных дорог, 70% нефтедобычи. Особенно выгодной для США была мексиканская нефть. Хищническая эксплуатация американскими предпринимателями природных ресурсов мексиканского народа только усиливала антиамериканские настроения масс в Мексике. Но когда с 1911 по 1913 г. в стране была предпринята попытка провести реформы в интересах коренного населения, мексиканская реакция, поддержанная зарубежными монополиями, приветствовала свержение прогрессивного правительства в Мексике. Пришедшее к власти правительство Уэрты, связанное с британским капиталом, президент Вильсон признать отказался под предлогом неодобрения насильственного характера происшедшего переворота. Тем не менее под давлением конгресса и бизнесменов в американской прессе участились выступления с требованием признать правительство Уэрты.

В Западном полушарии весьма наглядно и отчетливо проявились типичные методы экспансионистской колониальной внешней политики Соединенных Штатов. США бесцеремонно вмешивались во внутренние дела других суверенных государств, навязывали им кабальные договоры, которые открывали доступ американским монополиям и закрепляли за США важные стратегические пункты. Однако до первой мировой войны фактическое господство США над латиноамериканскими странами носило еще сравнительно ограниченный характер; они, в частности, основательно утвердились только на Кубе, в Доминиканской республике, Гондурасе и Никарагуа. В странах этого региона США высаживали войска для подавления сопротивления местного населения, устраивали реакционные антинародные перевороты, организовывали и поддерживали вооруженными силами марионеточные режимы, при помощи американских ставленников создавали благоприятные условия для извлечения монополиями прибылей.

Если в конце испано-американской войны США производили товаров на 11,4 млрд. долл., то десять лет спустя — почти вдвое больше, а к 1919 г. — на 62,4 млрд. Экспорт и зарубежные капиталовложения неуклонно возрастали. К 1913 г. посредством «дипломатии доллара» США захватили контроль над оловянной промышленностью Боливии, медной — в Чили и Перу, мясоконсервной — в Аргентине и Парагвае. Такие магнаты, как Дж. П. Морган и У. Р. Грейс, владели Чилийско-Андской железной дорогой. Сеть железных дорог в Центральной Америке все больше контролировалась американской компанией «Интернэшнл рэйлуэйз оф Сентрал Америка», предшественницей всемогущей «Юнайтед фрут», монополизировавшей со временем прибыльную торговлю фруктами в этом регионе. Компании США вторглись в речной транспорт Колумбии, Аргентины, Бразилии, Перу. США потеснили британский торговый капитал в Бразилии, Колумбии и Венесуэле, серьезно конкурировали с ним в Перу и Эквадоре.

Американский «Нэшнл сити бэнк» готовился открыть первый филиал в Южной Америке, привлекая акционеров из других крупных банковских объединений[24]. Экспансия давала свои плоды. В лице представителей различных администраций правящие круги США не жалели сил и средств для укрепления позиций монополистического капитала как внутри страны, так и за ее пределами.

2. ПОЛИТИКА В КИТАЕ, КОРЕЕ, ЯПОНИИ

В своей внешней политике на Дальнем Востоке США опирались на доктрину «открытых дверей», выгодную для них в условиях, когда непосредственный захват американцами части Китая был нереален. Выдвинутая ими доктрина якобы открывала перед всеми «равные возможности».

Предложение придерживаться подобной политики в отношении Китая содержалось в ноте государственного секретаря США Дж. Хэя, разосланной осенью 1899 г. правительствам Великобритании, Германии, России, Франции, Японии и Италии. Хотя проект ноты написали совместно англичанин А. Хиппислж, таможенный чиновник, гостивший в США, и его друг американский дипломат, специалист по дальневосточным проблемам У. Рокхил, документ вошел в историю как доктрина Хэя.

Согласно этой доктрине каждая великая держава обязывалась в своей «сфере интересов» или на «арендованной» территории не затрагивать «сложившиеся интересы других держав» и применять китайский договорный таможенный тариф на все товары, безотносительно к тому, где они произведены. Предписывалось придерживаться одинаковых сборов за железнодорожные перевозки, портовые услуги и т. д.[25] Этими мерами обеспечивалась свободная торговля в Китае для американских монополий и сводились к минимуму «сферы интересов» их зарубежных соперников.

Почти все ответы на ноту США были составлены в туманных выражениях и содержали определенные оговорки. Лишь Италия, не имевшая интересов в Китае, полностью приняла предложения американского государственного секретаря. Однако 20 марта 1900 г. Хэй объявил, что все страны согласились с американскими предложениями[26].

Доктрина «открытых дверей» в Китае, выдвинутая республиканцами, получила одобрение и представителей демократов, которые усмотрели в ней привлекательные возможности, устраивавшие как «серебряную», так и «золотую» фракции демократической партии. Выступая против внешнеполитической экспансии США, мелкобуржуазные элементы как социальная база «серебряных» ратовали за «свободу торговли», а тяготевшие к крупному бизнесу «золотые» демократы, выражая интересы магнатов восточных штатов, считали нерентабельным идти на огромные военные расходы, предпочитая военной экспансии торговую.

Политика «открытых дверей» во многом разделялась и антиимпериалистами, которые были не против «равных возможностей» в дальневосточной торговле. В целом правительство США рассчитывало завладеть китайским рынком без военной конфронтации с более сильными в тот

[24] *Lens S.* The Forging of the American Empire: A History of American Imperialism from the Revolution to Vietnam. N. Y., 1974, p. 227.
[25] Foreign Relations of the United States, 1899. Wash., 1900, p. 131—133. (Далее: FRUS).
[26] *Campbell Ch. S.* Op. cit., p. 310.

период европейскими конкурентами. Доктрина «открытых дверей» явилась выражением «дипломатии доллара» применительно к условиям новой империалистической эпохи, была разновидностью империалистической политики, стала примечательным этапом в разработке и применении Соединенными Штатами специфических методов в колониальной и экспансионистской политике. Либеральное облачение доктрины прикрывало гегемонистские притязания США. По признанию американского историка, «ирония заключалась в том, что американское население верило, будто политика открытых дверей представляла собой триумф идеализма над политикой с позиции силы и спасла Китай» [27].

Осуществляя экономическое проникновение в Китай, США стремились закрепиться в долине р. Янцзы, где их интересы сталкивались прежде всего с английскими. 2500 американских солдат, переброшенных с Филиппин, в составе 19-тысячного экспедиционного корпуса приняли участие в подавлении антиимпериалистического народного восстания ихэтуаней, вспыхнувшего против иностранных эксплуататоров в Китае. В 1900—1901 гг. США пытались занять Циньхуандао и утвердиться в провинции Хэбэй. Одновременно с подобными попытками использовать «открытые двери» для проникновения на территорию Северного Китая США намеревались путем сговора с Японией утвердиться и в Южном Китае — в провинции Фуцзянь. Американская морская пехота, приведенная в состояние боевой готовности, находилась на Филиппинах до 1906 г.

Когда Япония начала войну против России, США заняли отнюдь не нейтральную позицию. «...Американский президент имел основания быть довольным возникшим конфликтом. Он был глубоко заинтересован в сохранении дальневосточного баланса сил, который избавлял бы от необходимости направлять вооруженные силы США для защиты американских колоний или американской торговли... Рузвельт надеялся, что Япония сможет ограничить влияние России» [28]. Добиваясь на словах равновесия сил на Дальнем Востоке, США больше всего заботились об упрочении там собственных позиций. Рузвельт предупредил Германию и Францию, что, если они выступят на стороне России, США поддержат Японию. Он стремился к тому, чтобы обе воюющие державы как можно более истощили одна другую, сохранив и после войны разделявшие их противоречия [29].

Оказывая дипломатическую и финансовую поддержку Японии, правительство США предоставило ей более 450 млн. долл. в качестве различных займов. Американские товары вышли на первое место в японской внешней торговле. Экспорт США в Японию только за 1905 г. вырос в 2,5 раза по сравнению с довоенным 1903 г. Он включал боеприпасы, оружие, горючее, локомотивы, пшеницу, изделия из кожи и т. п.— продукцию, необходимую на фронте и в тылу [30].

Своего рода кульминацией американской внешнеполитической активности на Дальнем Востоке стало событие, оградившее интересы США

---

[27] *De Conde A.* A History of American Foreign Policy. 2nd ed. N. Y., 1971, p. 366.
[28] *Dobson J. M.* America's Ascent: The United States Becomes a Great Power, 1880—1914. DeKalb (Ill.), 1979, p. 192.
[29] Подробнее см.: *Harbaugh W. H.* The Life and Times of Theodore Roosevelt. L., 1975, p. 268.
[30] *Добров А.* Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М., 1952, с. 340.

от опасного соперничества Японии: секретное соглашение Тафта—Кацуры. Это была откровенная дипломатическая сделка империалистов на основе взаимных гарантий согласия с порабощением малых стран — Кореи и Филиппин. 29 июля 1905 г., когда японские войска еще были скованы военными действиями против России, военный министр США (будущий президент) У. Тафт посетил Японию и встретился с премьером Кацурой. США получили заверения, что Япония согласна с сохранением на Филиппинах американского управления. Тафт со своей стороны санкционировал установление японского протектората над Кореей и лишение ее права самостоятельно вступать в договоры с другими государствами. Соглашение это, парализовавшее какую бы то ни было независимость филиппинского и корейского народов на десятилетия, получило одобрение президента США, а в августе 1905 г. — и со стороны Великобритании. Тем не менее соглашение Тафта — Кацуры не предотвратило обострения японо-американских отношений после русско-японской войны.

Тот факт, что американская дипломатия выступила посредником на заключительной фазе русско-японской войны, объясняется несколькими обстоятельствами. Прежде всего сыграла свою роль боязнь возможных социальных перемен в результате назревавшей революции в России. Европейская, а также американская буржуазия сочла необходимым повлиять на царя с тем, чтобы не допустить в условиях революционной ситуации в стране полного военного поражения царизма. Кроме того, продолжение войны стало невыгодным Японии, где в руководстве далеко не все были за дальнейшие военные действия. США понимали это, опасаясь также и чрезмерного усиления Японии.

Получив заверение, что Япония будет придерживаться политики «открытых дверей» в Китае и эвакуирует свои войска из Маньчжурии, президент Т. Рузвельт в мае 1905 г. ответил согласием на просьбу японского посланника в США Такахиры выступить «по своей инициативе» посредником в мирных переговорах [31].

Готовясь к мирным переговорам, японская сторона заручилась поддержкой Англии и США. В январе 1905 г. Т. Рузвельт и британский посол предрешили вопрос о передаче Японии Порт-Артура и Ляодунского полуострова, а по второму англо-японскому союзному договору 1905 г., как и по секретному японо-американскому соглашению Тафта — Кацуры, были закреплены «права» Японии на Корею.

В августе 1905 г. в курортном городке Портсмуте (штат Нью-Гэмпшир) собрались делегации Японии и России на мирную конференцию. Однако переговоры вскоре зашли в тупик. Япония, настаивая на большой контрибуции, столкнулась с твердостью России и была вынуждена снять ряд требований, но не отказалась от притязаний на о-в Сахалин. В критический момент переговоров Рузвельт развернул энергичное давление на обе стороны [32], склоняя их к уступкам. Действуя через посла США в Петербурге, через германского кайзера и французских диплома-

[31] «Меня позабавило,— писал 16 июня Рузвельт Лоджу,— обращение, в котором они (японцы.— *Авт.*) просили меня пригласить обе воюющие державы встретиться по моему собственному побуждению и инициативе» (*Roosevelt Th.* The Letters of Theodore Roosevelt: Vol. 1—8 / Ed. by E. E. Morison. Cambridge (Mass.), 1951—1954, vol. 4, p. 1222).

[32] *Кутаков Л. Н.* Портсмутский мирный договор. М., 1961, с. 66—75.

тов, Т. Рузвельт убеждал Россию отказаться от Сахалина и даже пойти на выплату контрибуции японской стороне. В Петербурге вести разговор о какой бы то ни было контрибуции отказались вообще, но в обсуждении территориальных проблем действовали менее твердо. В итоге дипломатических маневров американского «посредника» было достигнуто мирное соглашение, лишившее Россию среди прочего южной части Сахалина [33]. Годом позже Т. Рузвельт получил Нобелевскую премию мира за такое посредничество [34].

Прояпонская политика США объяснялась и известными расчетами на проникновение с помощью Японии в Маньчжурию, богатую природными ископаемыми. Еще до начала русско-японской войны в Маньчжурию поступало из США больше товаров, чем откуда бы то ни было. А в 1913 г. импорт из США в Маньчжурию уже исчислялся 5,5 млн. долл. в общей сумме импорта в страну, достигавшей 13,3 млн [35]. «Поскольку американцы вели значительную торговлю с Южной Маньчжурией, государственный секретарь Э. Рут лично позаботился о том, чтобы укрепить политику открытых дверей в этом регионе»,— признавал американский исследователь Дж. Добсон [36].

Закрепиться в Маньчжурии Соединенные Штаты попытались посредством передачи маньчжурских железных дорог Китаю. Фактически это означало бы установление над ними контроля США. В ходе войны крупный владелец железных дорог Э. Гарриман добивался контракта на сооружение железной дороги через Маньчжурию, Сибирь и европейскую часть России. Гарримана поддерживал глава «Кун, Леб энд К°» банкир Дж. Шифф. Однако ухудшение японо-американских отношений сорвало эти планы. Япония дала понять США, что сама планирует эксплуатировать богатства и население в северных районах Китая. Как бы в подтверждение своих намерений Япония «закрыла двери» иностранцам в их торговле в Южной Маньчжурии. «Любое настоятельное требование со стороны США к Японии, чтобы она воздерживалась от расширения своей сферы влияния,— отметили историки,— могло, как опасались в США, привести к японскому нападению на американские владения в Тихом океане» [37].

Обострению обстановки способствовали антиамериканские выступления в Японии в кругах, не довольных Портсмутским миром, протесты в США против японской иммиграции, кампания шовинистов об угрозе «желтой опасности». Дело дошло до принятия в Калифорнии ряда дискриминационных постановлений, вызвавших в Японии очень резкую реакцию.

Когда Япония энергично и ускоренно проводила меры по закабалению корейского народа, США игнорировали свои обязательства перед Кореей по договору 1882 г., которым предусматривалось оказание помощи в случае несправедливого отношения к ней со стороны других держав, и ничем не помогли корейцам, когда оккупанты жестоко расправлялись

---

[33] История дипломатии. М., 1963, т. 2, с. 591—596. См. также: *Зубок Л. И.* Экспансионистская политика США в начале XX в. М., 1969, с. 247—250.

[34] См., в частности: *Белявская И. А.* Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь США, с. 179.

[35] American-Russian Rivalry in the Far East: A Study in Diplomacy and Power Politics, 1895—1914. Philadelphia, 1946, p. 89, 109.

[36] *Dobson J. M.* Op. cit., p. 200.

[37] *Grenville J. A. S., Young G. B.* Politics, Strategy and American Diplomacy, 1873—1917. New Haven; London, 1966, p. 313.

с участниками народных восстаний, вспыхивавших то в одном, то в другом районе Кореи.

Новое соглашение об установлении протектората над Кореей, согласно которому Японии предоставлялось руководство внешними сношениями Кореи и контроль над ними, японские власти заставили корейскую сторону подписать только угрозами и шантажом, едва не убив премьера. По некоторым данным, японцы сами похитили государственную печать Кореи в министерстве иностранных дел и произвольно приложили ее к договору. Если эмиссар короля Кореи, прибывший в Вашингтон за поддержкой, понапрасну тратил время в ожидании аудиенции в госдепартаменте, то отношение там к японским акциям было совсем иным. Как только в США получили копию кабального японо-корейского соглашения от 17 ноября 1905 г., по телеграфу немедленно было отправлено распоряжение закрыть американское представительство в Корее, оставляя ее на произвол Японии.

Обращения корейского монарха к Рузвельту с мольбами о «добрых услугах» ради защиты независимости Кореи успеха не имели. Правительство США нарушило свои договорные обязательства, не оказало никаких «услуг» покинутой и преданной ими стране на Дальнем Востоке. Окончательная аннексия Кореи Японией в 1910 г. не вызвала со стороны США даже признаков неодобрительной реакции [38]. В период ухудшения японо-американских отношений Т. Рузвельту представилась еще одна возможность проиллюстрировать свою любимую поговорку: «Говорить надо мягко, но держать в руке большую дубинку» [39]. В качестве такой дубинки был использован американский военно-морской флот. Президент США в декабре 1907 г. направил в кругосветный 42-тысячемильный рейд большую эскадру из состава Атлантического флота США.

Демонстрация флота США на Тихом океане была призвана произвести впечатление на Японию и показать всем, что США — великая тихоокеанская держава, как о том с 1903 г. не раз заявлял президент Рузвельт. Одновременно в Вашингтоне преследовали и ряд других целей. Кругосветный рейд флота как бы венчал многолетние усилия военных и деловых кругов, добившихся того, что по военно-морской мощи США уступали теперь только Великобритании. Но Германия и Франция ускоренными темпами продолжали угрожающе вооружаться. Рузвельт рассчитывал, что хорошо разрекламированный кругосветный круиз сможет с новой силой подкрепить прежние энергичные выступления за наращивание военно-морского флота, а также «наглядно покажет необходимость в короткие сроки завершить сооружение Панамского канала» [40]. Кроме того, военные моряки получали возможность пройти практику. Когда эскадра уже бороздила океанские волны, Т. Рузвельт запросил у конгресса ассигнования еще на четыре линкора и добился в итоге средств на два из них.

Американские боевые корабли демонстративно останавливались на рейде южноамериканских портов (Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айрес, Вальпараисо, Лима). Затем флот проследовал в порты Тихоокеанского побе-

---

[38] *Севостьянов П. П.* Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке (в Китае и Корее в 1905—1911 гг.). М., 1958, с. 203—239.

[39] Цит. по: *Lens S.* Op. cit., p. 197.

[40] *Beale H. K.* Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power. N. Y., 1970, p. 285.

режья и далее к Гавайям, Новой Зеландии и Австралии. Восторженная встреча кораблей, устроенная в США милитаристами, была использована буржуазной прессой для разжигания антияпонских настроений.

Упреждая развитие событий, японский посол в США Такахира пригласил от имени своего правительства флот США посетить Японию. Оставив Филиппины, 16 броненосцев вышли в Иокогаму, где 17 октября 1908 г. их встретили лучшие японские корабли. Император Японии послал Т. Рузвельту приветственную телеграмму.

Вернувшийся 25 февраля 1909 г. (через 14 месяцев) к американским берегам флот США доставил большое количество собранной во время похода информации и данных о странах Тихоокеанского бассейна и разбросанных в нем островах. Общественность США не только откровенно сетовала по поводу бесполезно потраченных 20 млн. долл. на «демонстрацию американского флага», более того, расценивала такой круиз флота как опасную и вызывающую провокацию, поскольку флот призван охранять границы страны, а не запугивать население далеких заморских стран. Однако в Вашингтоне считали иначе. Флот перед отправкой в кругосветный рейд инспектировал сам президент США Рузвельт. Он рассматривал круиз как «доказательство, не оставляющее сомнений, что США при необходимости силой могут подкрепить свои слова» [41].

Япония приложила немало усилий для смягчения неоднократно возникавшей японо-американской напряженности. Она предложила заключить общее соглашение с США. В дополнение к известному «джентльменскому соглашению» по поводу японской эмиграции в США стороны подписали 8 мая 1908 г. пятилетнюю арбитражную конвенцию, за которой последовало в ноябре 1908 г. соглашение Рута — Такахиры. Формально в обмене нотами между государственным секретарем США Э. Рутом и японским послом в Вашингтоне К. Такахирой речь шла об уважении прав собственности сторон в Тихоокеанском бассейне, о признании сложившегося положения, поддержке политики «открытых дверей» в Китае, об обеспечении мирными средствами «независимости и целостности» Китая. Предложенный Рутом пункт о сохранении территориальной целостности Китая не был включен. Фактически же соглашение означало раздел сфер влияния на Тихом океане между Японией и США, взаимное одобрение и санкционирование произведенных захватов [42].

Дипломаты США признавали особые права Японии в Маньчжурии и в Корее, за что подверглись критике либерально-буржуазных кругов внутри страны. Каждая сторона сочла соглашение Рута — Такахиры победой своей дипломатии. Однако на деле это соглашение, не смягчив японо-американского антагонизма, предоставило Японии свободу рук в Китае.

Не смогли США открыть для себя «двери» и в Центральном Китае. В 1910 г. Англия, Германия и Франция приняли США в банковский консорциум, образованный для финансирования железнодорожного строительства в Китае. Но уже три года спустя соперничество и трения привели к тому, что США по распоряжению нового президента В. Вильсона вышли из этого консорциума. Европейские и японские капиталисты

---

[41] *Dobson J. M.* Op. cit., p. 197.
[42] Международные отношения на Дальнем Востоке, 1840–1949: В 2-х кн./Под ред. Е. М. Жукова. М., 1973, кн. 1, с. 204.

оттеснили американских банкиров от участия в совместном ограблении Китая, которое предусматривал план «интернационализации» железных дорог. Этот план вслед за попытками Э. Гарримана разработал в нескольких вариантах государственный секретарь Нокс в ноябре 1909 г., но реализовать его не удалось.

Американские исследователи справедливо отмечают: «Первостепенная задача рационально проводимой внешней политики заключается в обеспечении национальной безопасности. Цели дипломатии должны быть приведены в гармоническое соответствие со здоровыми стратегическими концепциями. Ряд провалов американской внешней политики в период с 1900 по 1917 г. был вызван отсутствием такого гармонического соответствия» [43].

Таким образом, в первые десятилетия XX в. заметно усиливалось внимание правительства США к Дальнему Востоку. Этот растущий «интерес» подкреплялся устремлениями капитала США. Хотя объем американских инвестиций в Азии был сравнительно не велик, для него была характерна высокая динамика роста. Если в 1897 г. капиталовложения США в Азии составляли 23 млн. долл., то в 1908 г. — уже 235 млн., а в 1914 г. — 245 млн. [44] Американская политика имела целью «открыть двери» прежде всего для своих долларов.

3. РОССИЯ И США

Русско-американские отношения на рубеже XIX и XX вв. не носили интенсивного характера. Они развивались в значительной степени в стороне от магистральных линий мировой политики, от активной дипломатической деятельности великих держав, которой сопровождалось образование первых империалистических блоков. Лишь на Дальнем Востоке действия империалистических монополий США время от времени входили в конкурентное соприкосновение с политикой российского царизма, и региональные отношения между Россией и США становились составным элементом формировавшейся общей системы империалистических международных отношений в бассейне Тихого океана.

Характер связей и отношений между Россией и США в рассматриваемый период непосредственно проявлялся в их внешнеторговой и внешнеэкономической политике. У обеих великих держав были значительные по объему одинаковые экспортные статьи — зерно и нефтепродукты. Вследствие развития средств добычи и переработки нефти, а также транспортировки ее продуктов их экспорт на рубеже веков из России стремительно возрастал. Между Рокфеллером и русскими экспортерами — союзом бакинских керосинозаводчиков и фирмой Нобеля — заключались соглашения о разделе мировых рынков сбыта [45].

Министр финансов России С. Ю. Витте, осуществлявший политику привлечения иностранных капиталов, стремился открыть американский денежный рынок для кредитных операций российского правительства, завязать близкие деловые отношения между частными коммерческими банками России во главе с Петербургским международным коммерческим

---

[43] *Grenville J. A. S., Young G. B.* Op. cit., p. 297.

[44] Международные отношения на Дальнем Востоке, кн. 1, с. 252; *Севостьянов П. П.* Указ. соч., с. 36.

[45] *Фурсенко А. А.* Нефтяные тресты и мировая политика. М.; Л., 1965, с. 40.

банком, тесно связанным с министерством финансов, и группой американских банков, возглавляемой Морганом. Переговоры, длившиеся с 1898 по 1902 г. и касавшиеся, в частности, перспектив совместной банковской деятельности на Дальнем Востоке, оказались безрезультатными[46].

Объем торговых связей России с Соединенными Штатами отставал от показателей ее торговых отношений с другими великими державами. Часть русско-американской торговли и судоходства оставалась в руках посредников из третьих стран, развитие российского судоходства сталкивалось с многочисленными трудностями. Большинство американских судов прибывало в Петербургский порт, однако впоследствии возросло значение в русско-американской торговле дальневосточных портов[47]. Американский экспорт в Россию, значительно превышавший ввоз из нее, охватывал хлопок, сельскохозяйственные, швейные и другие машины. США импортировали из России шерсть, шкуры, кожи, древесно-бумажную массу, а также марганцевую руду. В 1901 г. в ответ на повышенное таможенное обложение в США русского сахара, введенное под влиянием сахарного синдиката США, а также керосина, российское правительство отменило тариф наиболее благоприятствуемой нации на ввоз в Россию американских машин и других металлических изделий. Поскольку их стоимость многократно превышала стоимость ввозившегося в США русского сахара, американский сахарный синдикат в сущности нанес ущерб американским же предпринимателям, занятым выпуском металлоизделий.

В США часто возникали проекты создания капиталистических предприятий в России, участия в разработке ее природных богатств, железнодорожном строительстве. Такие проекты, выдвигавшиеся иногда в геополитической форме, получили особенный импульс вследствие строительства Великой сибирской магистрали. Хотя в таких просьбах было много авантюрного, они носили довольно настойчивый характер, в частности по отношению к дальневосточным окраинам, Чукотке. Так, в содружестве с одним из членов пресловутой придворной «безобразовской шайки», В. М. Вонлярским, американским дельцам удалось на Чукотке развернуть интенсивную предпринимательскую деятельность. Что касается американских промышленных предприятий и финансовых учреждений, то они создавались в России теми корпорациями, которые стремились распространить деятельность на ряд стран, иногда с участием капиталов последних. Такими были отделения страхового общества «Нью-Йорк Эквитебл», существовавшие с 80-х — начала 90-х годов.

Знаменитая компания пневматических тормозов Вестингауза открыла в 1898 г. в Петербурге свой завод, а конкурировавшая с ней Нью-Йоркская компания воздушных тормозов создала в 1901 г. предприятие в Люберцах, под Москвой. Широкие размеры приняла в России после столыпинской аграрной реформы деятельность американской Международной компании жатвенных машин, сбывавшей здесь значительную часть своей продукции. В 1911 г. она развернула в России и производство, купив Люберецкий завод Нью-Йоркской компании воздушных тормозов[48]. В финансовых операциях (иногда спекулятивного характера)

[46] Исторический архив, 1959, № 1, с. 123—140; № 2, с. 115—135.
[47] *Куропятник Г. П.* Россия и США: Экономические, культурные и политические связи, 1867—1881. М., 1981, с. 312; *Лебедев В. В.* Русско-американские экономические отношения (1900—1917). М., 1964, с. 18 и сл.
[48] *Лебедев В. В.* Указ. соч., с. 134 и сл.

вокруг майкопской нефти и кыштымской меди вместе с рядом иностранных капиталистов, в том числе связанных с моргановской группой, принимал в эти годы участие будущий президент США Г. Гувер. В Подольске действовал завод швейных машин фирмы «Зингер», продававший в России и продукцию, производившуюся в других странах. По экономической структуре эти предприятия были «дочерними обществами» американских компаний.

Освободительное движение народов России издавна привлекало внимание американской общественности. Ее передовые демократические круги выступали против различных проявлений гнета царизма в социальной и политической сферах.

Идеология российского революционного движения вызывала в буржуазных верхах США отчетливое чувство классовой ненависти. Поляризация общественных кругов США в отношении к делу свободы народов России резко проявилась в их откликах на события первой российской революции. Ведущей силой движения симпатии и сочувствия ей выступали передовые представители американского рабочего класса, стремившиеся использовать это движение для подъема борьбы за социальный прогресс в США. Проявлениями этого подъема явились майская стачка 1905 г. в Чикаго, сопровождавшаяся кровавыми схватками с полицией, и особенно создание в июне наиболее революционной рабочей организации (по сравнению со всеми существовавшими тогда в США) — «Индустриальные рабочие мира», явившееся результатом недовольства широких слоев американского пролетариата реформистской политикой лидеров АФТ. Делегаты учредительного съезда ИРМ говорили в своих речах о вдохновляющем примере революционной борьбы российского пролетариата и приняли специальную резолюцию о ее поддержке.

Симпатии революционному движению в России, поскольку оно было направлено на свержение царизма, выражали представители прогрессивно настроенной интеллигенции, мелкобуржуазные элементы, наиболее радикальная часть буржуазных либералов. Созданное в начале 1905 г. Американское общество друзей русской свободы возглавлялось видным либеральным публицистом У. Фулком, популярной со времен гражданской войны поэтессой-аболиционисткой Дж. Хоув и инженером Дж. Кеннаном. Большим радикализмом характеризовалась деятельность Калифорнийского общества, созданного как местное отделение общеамериканского. В его организации принял участие Дж. Лондон, в творчестве которого российская революция оставила заметный след. Издававшийся Калифорнийским обществом журнал «Рашн ревью» правдиво освещал революционное движение пролетариата и крестьянства, писал о В. И. Ленине и большевистской партии, заявив, что «к ней будут обращены симпатии всех друзей русской свободы» [49].

Это имело важное значение в условиях клеветы или замалчивания, которыми были окружены подлинные революционеры России в американской буржуазной печати. Многие ее органы освещали революционные события с позиций российского самодержавия, помещая интервью с его представителями, сведения контрреволюционного характера из России активно распространяло агентство Ассошиэйтед пресс. Правительственные круги США после «кровавого воскресенья» в Петербурге стали выказы-

[49] Russian Review, San Francisco, 1905. Aug., vol. 1, N 4, p. 6.

вать неодобрение сочувственным по отношению к российской революции публичным выступлениям американцев.

Нарастание революции в России оказало прямое влияние на позицию США в русско-японском конфликте. Президент Т. Рузвельт, считавший войну полезным для тихоокеанских интересов США «взаимоистреблением» России и Японии, по мере развития революционных событий под явным влиянием страха перед ними стал склоняться к ее прекращению. В обращениях к царю с предложением своего посредничества он явственно давал понять, что хлопочет о мире в целях сохранения царизма, исходя из интересов западной буржуазии в целом. При этом, однако, американская сторона не упустила случая использовать посреднические услуги в переговорах о возвращении к тарифу наиболее благоприятствуемой нации на ввоз в Россию американских машин, и Витте перед отъездом в Америку для переговоров с Японией получил от царя на это согласие.

В Портсмуте Витте широко использовал и расположение к царизму части американской прессы, вызванное ненавистью к революционным массам, и немедленно возобновленные и заново установленные отношения с американским банковским миром. На протяжении всей мирной конференции он вел переговоры о размещении русского займа в США с Морганом, «Нэшнл сити бэнк» и др.[50] Сам факт этих переговоров «на случай мира», которые журнал «Рашн ревью» квалифицировал как попытку «вложить сколько-нибудь американских денег, чтобы подпереть падающий трон царя»[51], помог Витте в его действиях.

Но практических последствий они не имели, как и переговоры о нескольких предложениях представителей американских деловых кругов принять участие в железнодорожном строительстве и эксплуатации природных богатств Сибири и Дальнего Востока, хотя предложения эти были весьма настойчивы и даже пользовались поддержкой членов царской фамилии.

Т. Рузвельт, стремившийся своим посредничеством создать для Японии удобные подступы к русским тихоокеанским владениям и спасти от краха царский трон, вскоре после Портсмута считал, что ради самосохранения царское самодержавие должно сделать кое-какие шаги навстречу либеральной оппозиции, подчеркнув при этом: «безразлично, как коротки они будут»[52].

Сочувствие либеральной оппозиции, кадетам, их политике в думах, пришедшее на смену негодованию против «эксцессов» во время декабрьского вооруженного восстания и других революционных выступлений масс, было характерно для консервативных кругов буржуазной общественности США. Радикальные слои продолжали выражать симпатии борьбе за свободу народов России. В 1906 г. из их среды раздавались протесты против продолжавшихся попыток привлечь американские банки к кредитованию царизма. Большую роль в распространении правдивых сведений о российской революции сыграла предпринятая в том же году по инициативе В. И. Ленина поездка в Америку А. М. Горького.

Перед первой мировой войной обнаружилась тенденция к увеличению

---

[50] *Романов Б. А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л., 1955, с. 494—581.
[51] Russian Review, 1905, Nov., vol. 1, N 5, p. 1.
[52] *Roosevelt Th.* The Letters of Theodore Roosevelt, vol. 4, p. 1134; vol. 5, p. 22.

объема русско-американской торговли. Несмотря на разрыв русско-американского торгового договора 1832 г., осуществленный американской стороной в 1912 г., торговый оборот в целом возрастал, хотя и неравномерно. При этом деловые круги и правительство США проявляли в сфере расширения американского экспорта в Россию возраставшую активность, особенно в канун войны. Торговый обмен с США стимулировала и русская сторона; он приобретал взаимовыгодный характер для торгово-промышленных кругов обеих стран[53]. В течение всего 1913 г. шли начатые по американской инициативе переговоры о заключении нового торгового договора.

4. АКТИВИЗАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США В ЕВРОПЕ, НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

В начале XX в. отношение США к Ближнему и Среднему Востоку было сдержанным, основные направления экспансии только обретали предварительные очертания. Главное внимание монополистических кругов, правительства США в это время было поглощено расширением влияния в Западном полушарии и на Дальнем Востоке. Все силы молодой империалистической державы сконцентрировались на достижении гегемонии в регионах южнее и западнее США, на сооружении связывающего их Панамского канала, строительстве мощного военно-морского флота и других экспансионистских мероприятиях.

На «восточном» же направлении шла только подготовка почвы для дальнейшей практической материализации экспансионистских устремлений США. Этой подготовкой были заняты дипломатические представители США, оказавшие большую помощь заинтересованным монополиям, а также многочисленные американские миссионеры и филантропические организации, действовавшие на субсидии от крупных корпораций.

На Ближнем Востоке и в Северной Африке позиции американских империалистов в начале XX в. оставались еще сравнительно слабыми, но в Вашингтоне уже нередко звучали заявления, будто «американские национальные интересы оказались под угрозой в таких удаленных местах, как Марокко или Оттоманская империя»[54]. При этом американские деятели в правительственном аппарате не могли не учитывать, что проникновение США в эти районы способно повлечь за собой соответствующую реакцию со стороны европейских государств. Чувство реализма служило сдерживающим фактором. И только сгруппировавшиеся вокруг Т. Рузвельта крайние экспансионисты, уже в то время мечтавшие о мировой гегемонии, не желали принимать во внимание реальность ситуации. «Из всех существующих государств,— заявлял Рузвельт в 90-е годы,— охотнее всего я бы стер с лица земли Испанию и Турцию»[55].

---

[53] К истории русско-американской торговли.— Исторический архив, 1956, № 6, с. 87—104.

[54] *Kimball W. F.* Mission, Money and Manifest Destiny: U. S. Foreign Policy, 1901—1913.— In: American Diplomacy in the Twentieth Century. St. Louis (Miss.), 1980, p. 3.

[55] Цит. по: *De Novo J. A.* American Interests and Politics in the Middle East, 1900—1939. Minneapolis, 1963, p. 5.

Американские миссионеры в XIX в. обосновались в таких районах, как Анатолия и европейская Турция, Сирия, Иран (до 1935 г. — Персия). Прикрываясь лозунгами «евангелизации мира», миссионеры облегчали проникновение американского капитала в «осваиваемые» районы. Если в начале XX в. в Турции действовали 21 миссионерская станция и 162 миссионера, то в 1914 г. там было 17 основных станций, 256 филиалов, 426 школ, в которых обучалось свыше 25 тыс. человек [56]. Миссионеры, получившие образование в теологических школах и высших учебных заведениях США, относились пренебрежительно к составлявшим большинство населения мусульманам, их традициям, предпочитая связи с представителями национальных меньшинств.

Своей деятельностью среди арабов выделялась созданная американцами в 90-х годах арабская миссия. Она установила связь с Бахрейном и Маскатом и другими центрами арабского населения, включая Кувейт и Ирак. Историки отмечали, что без столь активных усилий арабской миссии «американские коммерсанты не получили бы возможности участвовать в разработке огромных нефтяных источников на Среднем Востоке» [57]. Деятельность миссионеров и представителей американских филантропических организаций вызывала неоднократные возражения со стороны местных властей.

Миссионеры постоянно координировали свои действия с посольством США в Константинополе и с американскими консулами на Ближнем и Среднем Востоке. На рубеже XIX—XX вв. генеральный консул США был в Константинополе, консульства имелись также в Бейруте, Эрзуруме, Харпуте, Иерусалиме, Смирне (совр. Измир), Багдаде и др. Египетскими делами занимался генеральный консул США в Каире. Несколько консулов США обосновались на Аравийском полуострове.

Миссионеры не раз требовали от госдепартамента США вмешательства во внутренние дела Турции, посылки боевых американских кораблей в турецкие воды для оказания давления на власти Турции. Особую активность проявили они в 1894—1895 гг., во время армяно-курдских погромов в Турции. Хотя сами американские миссионеры не пострадали, домам и имуществу их был нанесен серьезный ущерб — возмущение местной общественности деятельностью миссионеров было слишком сильно. Посланники США несколько лет добивались у турецкого правительства признания вины за причиненный миссионерам ущерб и возмещения убытков. Появление в Константинополе в 1900 г. военного корабля «Кентукки» вынудило Турцию уплатить 95 тыс. долл.[58]

Торговля США наталкивалась на сильное противодействие Англии, Франции, России и Германии, утвердившихся в Турции ранее. Из Османской империи вывозили главным образом хлопок, табак, сушеные фрукты, солодковый корень, кожу, лекарства, красящие вещества и хромовую руду. США экспортировали хлопчатобумажные и шерстяные ткани, сельскохозяйственные орудия и машины, автомобили и велосипеды, электроприборы, различные масла, керосин и т. д.

Сетуя на то, что в Турции на США смотрят как на второразрядную державу, американские миссионеры призывали госдепартамент оказать

---

[56] *Gordon L. J.* American Relations with Turkey, 1830—1930. Philadelphia, 1932, p. 222.
[57] *Hamilton Ch. W.* Americans and Oil in the Middle East. Houston (Tex.), 1962, p. 12.
[58] FRUS, 1900. Wash., 1901, p. 906—908; 1901. Wash., 1902, p. 514—518.

давление на Турцию. Правительство США незамедлительно отреагировало и направило военные суда в Сирию, где они оставались до октября 1903 г., а затем и в турецкий порт Смирну (Измир).

Турецкое правительство под различными предлогами постоянно уклонялось от обсуждения требований США о предоставлении миссионерам, имеющим американские дипломы, таких же прав и привилегий, какими пользовались подданные других держав, а также о возведении американской миссии в Турции в ранг посольства. Истекло не менее трех лет, пока США путем угроз и демонстраций флота в турецких портах вынудили Турцию выполнить все свои требования. При поддержке государственного аппарата наиболее экспансионистские американские монополисты добивались на Ближнем и Среднем Востоке не только обеспечения торговых интересов США, но и приобретения концессий на строительство железных дорог, на нефтяные промыслы и добычу руды на турецкой территории.

Развивая отношения с Турцией, США в одностороннем порядке возвели своего представителя в Константинополе в 1906 г. в ранг чрезвычайного и полномочного посла. Были усилены консульства США в Бейруте и Смирне, где к 1914 г. обычные консульства преобразовывались в генеральные. В Алеппо (совр. Халеб), Мерсине, Трапезунде (совр. Трабзон) и других центрах Османской империи открылись новые американские консульства. Султан, испытывая настойчивое давление со стороны США, уравнял в правах американские миссионерские школы и благотворительные учреждения с соответствующими институтами из других государств.

К этому периоду относятся первые попытки монополистов США разместить капиталы в Османской империи. Формально прибытие адмирала К. Честера в Турцию на броненосце «Кентукки» в декабре 1900 г. было связано с переговорами о возмещении ущерба, причиненного американским миссионерам во время армянских погромов 1894—1895 гг. Однако опытный американский адмирал не ограничился выполнением сложной дипломатической миссии: одновременно он пристально зондировал возможности получения выгодных концессий. Его усилия увенчались успехом: султан дал принципиальное согласие на железнодорожную концессию. Формальная заявка от сына адмирала — А. Честера в марте 1908 г. вызвала противодействие со стороны европейских монополистов. «Борьба за концессии Честеру, в которой энергично участвовал государственный департамент,— отмечалось в американской монографии,— предвещала, что многие другие американские бизнесмены развернут поиски нефти на Среднем Востоке, опираясь на поддержку со стороны государственного департамента» [59].

Борьба была долгой и упорной. Против проекта Честера выступали могущественные силы в Германии и Англии. Под давлением германских политиков меджлис дважды откладывал рассмотрение проекта — в 1910 г. и год спустя, в 1911 г. Столкнувшись с сопротивлением Германии и даже Англии, стремившейся помешать росту американского влияния в Турции, США оказались вынужденными отступить. Американские монополии в своей экспансионистской политике на Ближнем Востоке еще не

---

[59] *Bryson Th. A.* American Diplomatic Relations with the Middle East, 1784–1975. A Survey. Metuchen (N. J.), 1977, p. 57.

могли применять методы, которые практиковали в отношении стран Латинской Америки. Соотношение сил в этом регионе было не в пользу США, и они предпочитали невмешательство в условиях сложных конфликтов между империалистами европейских государств.

Тем не менее в период итало-турецкой войны Соединенные Штаты не исключали для себя возможности выступить в роли посредника. Правда, во время балканских войн, когда Соединенным Штатам предложили такую роль, из Вашингтона поступили инструкции отказать Турции в ее просьбе на том основании, что США никогда не принимали участия в политических проблемах, возникавших на Ближнем Востоке. Это «никогда» продолжалось недолго. Уже в 1912—1913 гг. США присоединились к другим державам и послали боевые суда к берегам Турции под предлогом «защиты жизни и имущества» иностранных граждан.

Что касается Ирана, то интересы США в начале XX в. там были весьма умеренными. Действовавший в Иране посланник США Е. С. Пратт вел борьбу за привлечение американских капиталов для эксплуатации богатств этой страны. Он поддерживал тесные контакты с министром иностранных дел Ирана, который устраивал посланнику встречи с шахом. Деятельность Пратта ускорила открытие иранской миссии в Вашингтоне. Посланники США в дальнейшем подготавливали почву для внедрения американских капиталов в Иране, а в донесениях государственному департаменту ссылались на необходимость противостоять экономической и политической экспансии других держав в Иране. Посланник Г. Боуэн высказывался за применение американского принципа «открытых дверей» на Ближнем и Среднем Востоке. Объем американо-иранской торговли в 1911 г. в 3 раза превысил показатели 1905 г., причем импорт из Ирана в США намного превышал объем экспорта из Соединенных Штатов в Иран [60] (американские монополии в тот период еще не успели достаточно утвердиться на иранском рынке).

Американские дипломатические представители неоднократно обращались к государственному департаменту с предложением применить репрессивные меры против представителей национальных меньшинств Ирана, в частности по так называемому «делу Лабари». Когда в марте 1904 г. на северо-западе Ирана курды убили американского миссионера Б. Лабари, посланник США в Тегеране Р. Пирсон обратился к госдепартаменту, настаивая на посылке американской военной эскадры в Персидский залив, чтобы преподать «этим восточным людям поучительный урок» [61]. Убийство было совершено по религиозно-национальным мотивам.

Миссионеры и генеральный консул США Дж. Тайлер требовали самого строгого наказания виновных. Шах предложил приговорить главного виновника к пожизненному заключению, его сообщников — к казни, а семье покойного миссионера выплатить компенсацию. Дело усугубилось тем, что сообщники бежали. Попытки разыскать их привели к посылке карательного отряда в северо-западный район страны. Спасаясь, курды пересекли границу Турции, после чего турецкие войска в 1907 г. вторг-

---

[60] *Абдуллаев З. З.* Начало экспансии США в Иране. М., 1963. с. 16.
[61] *Yeselson A.* United States-Persian Diplomatic Relations, 1883—1921. New Brunswick (N. J.), 1956, p. 70.

лись на территорию Ирана и захватили ряд районов. Возникли серьезные турецко-иранские осложнения. Во время столкновения с турками сотни персов и армян были убиты и ранены. «Дело Лабари» обнаружило значительные масштабы влияния миссионеров на правительство США. Много времени и сил пришлось приложить для урегулирования конфликта, причинившего столь серьезный ущерб Ирану.

Впоследствии политика, проводимая Соединенными Штатами перед лицом конкуренции со стороны европейских держав, не означала отказа от борьбы за расширение своих торговых и других связей с Ираном. Госдепартамент предпочитал не брать, на себя ответственности за возможные осложнения как с Ираном, так и с Россией и Англией. Большое воздействие на американо-иранские отношения имело назначение главным финансовым советником иранского государства американца М. Шустера, связанного с деловыми кругами США, в том числе со «Стандард ойл». Он быстро реорганизовал систему финансов в стране, чем приобрел огромный вес в экономических и политических кругах Ирана. Фактически за восемь месяцев работы в Иране от стал финансовым диктатором страны и советником военного министерства.

Деятельность Шустера в Иране способствовала созданию условий для внедрения в ближайшем будущем американского капитала. Широкие полномочия Шустера и его старания использовать в интересах США различные буржуазно-политические группировки в стране обусловили фактическое установление «замаскированного протектората» в Иране, как отметил В. И. Ленин [62], конспектируя книгу Г. Деморньи.

Что касается Африканского континента, то там Соединенные Штаты не принимали прямого участия. Однако их интерес к проблемам этого региона прослеживается еще со времен образования заатлантической республики. В начале XX в. Т. Рузвельт, добивавшийся, чтобы США выступали арбитром в разрешении всех важнейших международных политических проблем, привлек внимание американской общественности к Африке в связи с так называемым «делом Пердикариса».

Один из натурализованных американских граждан, грек Ион Пердикарис, был арестован в 1904 г. в Марокко местным вождем Рейсали. США настаивали на освобождении Пердикариса и в подкрепление своей аргументации выслали военные корабли в Марокко. Тем самым правительство США накануне президентских выборов стремилось продемонстрировать свою жесткую внешнеполитическую позицию. Государственный секретарь Хэй направил 22 июля 1904 г. послание американскому консулу в Танжере, требуя «живого Пердикариса или мертвого Рейсали» [63]. Делегаты съезда республиканцев в Чикаго устроили бурную овацию в честь своего кандидата в президенты Т. Рузвельта, полагая, что он был автором телеграммы, и приветствуя его позицию. Но обнаружилось, что Пердикарису уже предстоит освобождение и что, кроме того, он не является американским гражданином. Возникла угроза скандала. В конечном счете грека выпустили из-под стражи и правительство Марокко вынуждено было выплатить США компенсацию в сумме 4 тыс. долл. «за понесенные расходы» [64].

---

[62] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 28, с. 702.
[63] FRUS, 1904. Wash., 1905, p. 503.
[64] Ibid., p. 496—504.

Когда в 1905 г. обострилось соперничество между Францией и Германией по вопросу о Марокко, Т. Рузвельт в обстановке грозящей войны согласился посредничать в урегулировании спора. В январе 1906 г. в Альхесирасе, на юге Испании, собралась международная конференция. От США присутствовали двое — посол в Италии Г. Уайт и посланник в Марокко С. Гуммере. Американские экспансионисты приветствовали итоги альхесирасской конференции, зафиксировавшей сохранение принципа «открытых дверей». Однако в сенате прозвучало осуждение правительства за вмешательство в дела периферийных районов мира, нарушающее традиционные принципы изоляционизма во внешней политике США. Тем не менее президент США выразил удовлетворение, особенно тем, что Германия согласилась на компромисс, который представлял для нее фактически крупное дипломатическое поражение.

С Либерией Соединенные Штаты поддерживали «особые» отношения. Это «свободное» государство в Африке возникло в результате объединенных усилий американского правительства, Американского колонизационного общества и ряда филантропических ассоциаций. Известная часть американцев давно вынашивала идею создания в Африке некоей колонии переселенцев из числа свободных негров. Недовольство и выступления последних в США подогревали борьбу за равноправие негров, расшатывали устои рабовладельчества. С середины XIX в. США осуществляли своеобразную опеку над Либерией. В конце века правительство США отказалось гарантировать совместно с Англией независимость Либерии, но неоднократно выражало свою «особую заинтересованность» в сохранении суверенитета этой африканской страны. США категорически возражали против предоставления Англии концессии в Либерии, рассматривали это как нарушение принципа «открытых дверей».

Хотя внешнеполитическая активность США в Северной Африке и на Ближнем Востоке в XX в. была сравнительно невысокой и значительно уступала политике Белого дома и госдепартамента в районах Латинской Америки и Дальнего Востока, все же она заложила основы американского проникновения в ближневосточные и африканские страны и по логике империалистического развития нашла естественное и закономерное продолжение в годы первой мировой войны и в межвоенное двадцатилетие.

В период между испано-американской войной и первой мировой войной наблюдалось возрастающее участие США в мировой политике. «С конца XIX в., в век империализма,— отметили историки,— наступила сумеречная пора, когда американское правительство не смогло противостоять искушению предпринять экспансию в бассейне Карибского моря и Тихого океана, ускорить распад Испанской империи и когда интерес Америки к распространению своего влияния в других районах мира прикрывался лозунгом политики открытых дверей»[65]. И несмотря на то что в Европе распространилось движение в интересах сохранения мира и мирных способов решения международных споров, состоялось несколько международных конференций, возникали новые международные организации — все это не мешало империалистическим государствам

[65] Two Hundred Years of American Foreign Policy / Ed. by W. P. Bundy. N. Y., 1977, p. 15.

продолжать войны или с помощью угроз оказывать давление на более слабых.

Отделенные океаном от Европы, где проходили основные международные форумы, Соединенные Штаты не оставались в стороне от их работы. В 1910 г. бостонский издатель Э. Джинн учредил «Фонд мира на земле» с капиталом в миллион долларов. В это же время магнат Э. Карнеги образовал фонд международного мира «Карнеги эндаумент фор интернэшнл пис», функционирующий и поныне. С лозунгами защиты мира выступали даже некоторые бизнесмены, наживая на этом немалые прибыли. Это были главным образом предприниматели, не связанные с военным производством.

К осени 1914 г. в Вашингтоне были подписаны 29 договоров с различными странами об арбитражном решении возникавших споров. Только Германия отказалась вести переговоры на эту тему с Соединенными Штатами. Государственный секретарь Брайан тем не менее считал эти договоры одним из крупнейших своих дипломатических достижений.

Альхесирасская конференция, итоги которой считались успешными, не устранила главных причин, толкавших империалистов к войне за передел мира. Несмотря на все попытки и старания Рузвельта скрыть истинные цели политики США на Европейском континенте, конференция обнаружила подлинную направленность европейской политики США, стремление действовать военными средствами вместе с Англией и Францией против Германии. После конференции усилилась гонка вооружений. США заняли видное место среди крупнейших морских держав. Рост милитаризма, военных бюджетов в первые полтора десятилетия XX в. ускорили столкновение империалистических кругов великих держав, привели к военной катастрофе [66].

В 1907 г. Рузвельт, ссылаясь на неудачу второй Гаагской конференции по ограничению вооружений, предложил конгрессу выделить ассигнования на строительство линейных кораблей. К концу его президентства военно-морские расходы США увеличились с 10,8% федерального бюджета в 1900 г. до 16,7% в 1909 г. Военный флот США по тоннажу вышел уже на 2-е место в мире, уступая только флоту Британской империи.

«Дипломатия доллара», провозглашенная президентом У. Тафтом, преследовала те же цели, что и политика «большой дубинки» Т. Рузвельта. Не ограничиваясь регионом Дальнего Востока, США активно применяли ее и во всех других районах мира, прежде всего по соседству — в странах Центральной и Южной Америки.

Став крупнейшей индустриальной державой мира в начале эпохи империализма, США как государство монополистической буржуазии были заинтересованы в переделе мира. Они располагали самым мощным промышленным потенциалом, но в 1914 г. по зарубежным инвестициям в 10 раз уступали Великобритании, в 6 — Франции и в 4,5 раза — Германии, хотя и не имели, как отметил В. И. Ленин, «равного себе соперника ни по быстроте развития капитализма в конце XIX и начале XX века, ни по достигнутой уже ими наибольшей высоте его развития...» [67].

---

[66] The War Plans of the Great Powers, 1880—1914. L., 1979, p. 17.
[67] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 133.

У империализма США, развернувшего экспансионистскую политику, имелись острые противоречия одновременно и с военно-политическим блоком, во главе которого стояла Германия, и с группировкой держав Антанты. Однако молодой агрессивный империализм Германии для американской монополистической буржуазии представлял наибольшую опасность как соперник в борьбе за мировое господство.

Для США было крайне нежелательно усиление группировки, возглавляемой Германией. Это вело, во-первых, к упрочению позиций Германии в Европе и тем самым к нарушению «европейского равновесия» в пользу Германии, а во-вторых, означало бы усиление позиций основного американского конкурента на мировых рынках. США были склонны перейти от лавирования между Великобританией и Германией к опоре на Антанту как основному фактору своей внешней политики в Европе.

США, стремясь к политическому равновесию сил в обострявшейся международной обстановке в Европе и не желая усиления ни одного из империалистических блоков, не брали на себя каких-либо связывавших их обязательств относительно будущих действий, надеясь сохранить «свободу рук», и не примыкали открыто ни к одной из военно-политических группировок. Но в лице Антанты они видели силу, способную нанести удар по наиболее опасному конкуренту — империализму Германии. Неумолимая логика империализма толкала североамериканскую буржуазную республику к грабительскому участию в крупнейшем и бедственном для народов военном столкновении капиталистических государств того времени, каким явилась первая мировая война.

Вся история внешней политики Соединенных Штатов за период в несколько десятилетий, предшествовавших первой мировой войне,— это история приспособления к условиям империалистической эпохи, активного проведения (путем маневрирования и с применением силы) экспансионистской политики в интересах капитала и в целях гегемонизма. «Как бы мы ни называли это — глобализм, политика силы, экспансионизм или находили какое-либо иное соответствующее наименование,— неуклонный рост вовлеченности Америки в мировые дела...— отмечал американский историк У. Кимболл,— характерен для всей американской внешней политики с начала XX века» [68].

Пытаясь навязать философию «Pax Americana» всему миру, даже ценой интервенций и подавления свободы народов, одержимые милитаристской погоней за прибылями монополистические круги способны причинять неисчислимые бедствия не только другим, но и своему народу, когда выходят на доминирующие позиции в определении внешнеполитического курса страны.

---

[68] *Kimball W. F.* Op. cit., p. 1.

III
США В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914—1918)

Глава четырнадцатая
«НЕЙТРАЛИТЕТ»: СЛОВА И ДЕЛА

1. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КУРС В. ВИЛЬСОНА

Первая мировая война, вспыхнувшая в августе 1914 г., в течение десятилетий подготовлялась правящими кругами империалистических держав. Она явилась следствием всестороннего глубочайшего кризиса, охватившего капиталистический мир. В борьбе за передел колоний и сфер влияния столкнулись два империалистических лагеря: Антанта (Великобритания, Франция, Россия), с одной стороны, Германия, Австро-Венгрия и их союзники — с другой. Вскоре на стороне Антанты выступили Япония и Италия.

По ряду причин, о которых речь пойдет дальше, США объявили 4 августа 1914 г. о своем «нейтралитете». Однако буквально с первых дней войны Соединенные Штаты оказались под ее сильным воздействием и вскоре приняли в ней участие, хотя и косвенное, снабжая воюющие державы разного рода припасами, вооружением, финансами. Подобные поставки обеспечили уже в период «нейтралитета» невиданное обогащение финансового капитала США и послужили основой процветания страны вплоть до мирового кризиса 1929—1933 гг.

Таким образом, летом 1914 г. и для США кончился период «мирного» империализма. Вместе с остальным капиталистическим миром Соединенные Штаты вступали в период серьезных потрясений. Во внутренней политике США все яснее обозначивались черты государственно-монополистического капитализма, для которого характерно соединение силы монополий с силой государства. Именно первая мировая война положила начало перерастанию монополистического капитализма в государственно-монополистический, созданию военного варианта его механизма.

Война оказала огромное влияние на экономику США, вызвав подъем производства почти во всех ее отраслях, и тем самым обострила и углубила кризис перепроизводства, начавшийся еще осенью 1913 г. С особой силой кризис проявился с октября 1914 г. по март 1915 г., вызвав значительное сокращение добычи угля, производства металлов, тканей и другой продукции. Индекс промышленного производства в 1914 г. по сравнению с 1913 г. упал на 15,5 пункта. Для современников, американ-

цев и зарубежных наблюдателей не было сомнений, что страну поразил «небывалый кризис», достигший масштабов, каких «давно уже в Америке не было» [1].

С лета 1915 г. экономическая конъюнктура в США стала меняться. Война в Европе затягивалась и превращалась в войну на истощение, требовавшую колоссальных денежных и материальных ресурсов, что необычайно увеличило значение США как источника военного снабжения. Теперь заказы воюющих стран пошли широким потоком, оправдывая надежды американских капиталистов.

Предвоенное развитие межимпериалистических противоречий, а также изоляция Германии и ее союзников от морских сообщений обусловили превращение США в арсенал Антанты. Союзнические военные закупки с августа 1914 г. по апрель 1917 г. оценивались в 3—5 млрд. долл. Многочисленные займы союзников, полученные ими от Соединенных Штатов, достигли к апрелю 1917 г. суммы 1,5—2 млрд. долл. Экспорт США в страны Антанты в 1916 г. составил 80% общего экспорта (в 1914 г.— 35%) [2].

Военные заказы стали главным фактором в развитии экономики, способствовали быстрой ликвидации кризиса перепроизводства. Если индекс промышленного производства в 1915 г. превысил уровень 1913 г. всего на 3 пункта, то в 1916 г.— на 38 [3]. Производство важнейших видов промышленной продукции значительно возросло, особенно по сравнению с кризисным 1914 г. Золото воюющих держав потекло в американские банки. В 1916 г. золотой запас США составил 2,7 млрд. долл., т. е. около трети мирового запаса.

В условиях войны американские дельцы, пользуясь отчаянной нуждой иностранных правительств, назначали любые цены, что вело к безудержной спекуляции и еще большему обогащению банкиров и хозяев монополий. Прибыли буржуазии достигли неслыханного ранее размера. Чистые доходы акционерных обществ в США составили в 1916 г. 8,7 млрд. долл. (в 1913 г.— 3,9 млрд.).

Однако тенденция к подъему производства была не единственной в экономике США военных лет. Вместе с ней постепенно развивалась и другая, отражавшая односторонность военного бизнеса, его спекулятивный, паразитический характер. Далеко не все отрасли промышленности были охвачены «бумом» военных лет, а со второй половины 1916 г. все острее и явственнее стали ощущаться отмеченные В. И. Лениным истощение материальных ресурсов, трудности извлечения новых сверхприбылей, пресыщение финансового капитала США и других нейтральных стран [4]. Многие американские бизнесмены указывали на ненормальное развитие экономики. На бирже участились панические распродажи по низким ценам акций компаний, занятых, казалось бы, выгодным военным бизнесом. Ширилась инфляция, вызванная непрерывным спекулятивным ростом цен. Все эти отрицательные моменты не зачеркивали значительного увеличения экономической мощи и богатства США, но

---

[1] Донесение российского консула в Сан-Франциско, 27 мая (8 июня) 1915 г.— Архив внешней политики России (АВПР), ф. Пос-во в Вашингтоне, 1915—1917 гг., оп. 512/1, д. 373, л. 114.

[2] American Year Book. N. Y., 1917, p. 526.

[3] Historical Statistics of the United States 1789—1945. Wash., 1949, p. 179.

[4] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 241, 340.

оказали воздействие и на экономику и на политику страны, особенно в начале 1917 г.

В итоге подъема производства в основных отраслях, размещения военных заказов союзников и притока золота для их оплаты место США в системе мирового капитализма заметно изменилось. Они потеснили европейские державы, открыто бросая вызов довоенному лидеру мировой торговли и финансов — Великобритании.

В годы мировой войны усилилась экономическая экспансия американского капитала. Колоссально выросла внешняя торговля, особенно вывоз. Превышение экспорта над импортом составило в 1917 г. невиданную в истории страны сумму — 3,1 млрд. долл. (в 1913 г. — 0,6 млрд.) [5]. Резко увеличился вывоз капиталов. В 1919 г. в США еще было иностранных вложений на 3,3 млрд. долл. (до войны — 6 млрд.), а за границей американские частные вложения всех видов возросли до 7 млрд. долл. (в 1913 г. — 3 млрд.) [6]. В октябре 1915 г. США одолжили деньги правительствам Великобритании и Франции в небывалом размере — 1,5 млрд. долл., что знаменовало поворот в истории финансовых отношений США и стран Европы. В деловых кругах открыто выражали надежду поставить весь мир в положение должника США, заменить фунт стерлингов долларом и превратить Нью-Йорк в «денежную столицу мира» [7].

Основными направлениями экспансии капитала США оставались Центральная и Южная Америка, бассейн Карибского моря, а также Россия, Китай, Индия. Общий объем капиталовложений США и их торговли с этими регионами и странами значительно вырос за 1913—1918 гг. Однако экспансия встречала сопротивление стран Латинской Америки, не желавших попасть в цепкие руки «старшего соседа», и противодействие империалистов европейских стран и Японии.

Объективное развитие экономики США в условиях войны, обострение и усиление внутренних и межимпериалистических противоречий заставили буржуазию все чаще соглашаться на открытое вмешательство правительства в экономическую сферу, что означало дальнейшее развитие элементов государственно-монополистического капитализма. Правительство президента Вильсона обратилось к более энергичной экономической политике. В течение 1914—1916 гг. оно приняло ряд мер для обеспечения бесперебойного вывоза товаров в воюющие и другие страны, старалось ослабить ущерб от английской морской блокады и германской подводной войны. После недолгих лицемерных колебаний и оттяжек Вильсон разрешил Моргану разместить в США англо-французские займы [8]. В интересах крупных банкиров правительство продолжало укреплять и расширять федеральную резервную систему (ФРС), это мощное орудие кредитно-финансовой политики правящих кругов США. В сейфах банков — членов системы к марту 1917 г. было накоплено более 1 млрд. долл. Правительство ходом событий вынуждалось решать вопросы сохранения материальных и природных ресурсов, обеспечения непре-

---

[5] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975, p. 884.

[6] *Перло В.* Американский империализм. М., 1951, с. 32; Economic Almanac, 1944—1945. N. Y., 1945, p. 314.

[7] Вестник русско-американской торговой палаты, 1915, № 8, с. 275.

[8] Подробнее см.: *Гершов З. М.* «Нейтралитет» США в годы первой мировой войны. М., 1962.

рывной работы транспорта и связи за счет государства и к выгоде прежде всего монополий.

Именно такой курс взял президент Вильсон, пытаясь выправить положение на железных дорогах. Огромная транспортная система страны в результате конкуренции, лихоимства железнодорожных компаний находилась в критическом состоянии. Владельцы железных дорог и стоявшие за ними банкиры потребовали от правительства «наведения порядка» на транспорте, понимая под этим ликвидацию контроля законодательных собраний штатов над дорогами, отмену трудового законодательства, разгром профсоюзов железнодорожников, запрещение стачек, а также увеличение и без того высоких тарифов и государственных дотаций, чтобы сделать железные дороги привлекательными для новых вложений частного капитала. Одновременно крупный капитал стремился избежать национализации железных дорог. (Как известно, подобные требования поднимались уже с конца XIX в.)

Для достижения этих целей был выдвинут план федеральной инкорпорации дорог, по которому правительство брало на себя обязательство поддерживать порядок и их эффективность, оставляя за частными владельцами право получения прибылей. План инкорпорации был скопирован с закона о ФРС и приобрел поддержку среди самых влиятельных кругов буржуазии. Но Вильсон тогда не смог провести этот план в жизнь ввиду мощной оппозиции, с одной стороны, демократических антимонополистических сил, настаивавших на национализации средств транспорта и связи, а с другой — партикуляристских элементов внутри буржуазии и политиков, защищавших выгодную для них систему контроля дорог со стороны штатов.

Правительство начало вмешиваться в сферу материального производства, но лишь тогда, когда частный бизнес отказывался рисковать капиталами или не мог достичь общего согласия. Так, на государственные средства был завершен Панамский канал, долгие годы являвшийся убыточным и обошедшийся налогоплательщикам в 365 млн. долл. Было предпринято строительство железной дороги и разработка ресурсов на Аляске, на что ушли немалые средства. Конгресс принял новые законы (Ферриса, Майерса, Шилдса и др.) о консервации земель и ресурсов главным образом в целях подготовки к войне. Были приняты законы о развитии энергетики на государственных землях, предусматривавшие большие выгоды монополиям, несмотря на строгие меры правительственного контроля. Готовясь к войне, администрация Вильсона увеличивала ассигнования на армию и флот. Значительная часть этих средств шла на закупку вооружения и амуниции у частных компаний. В то же время монополисты фактически сорвали строительство государственных заводов бронеплит и взрывчатых веществ [9].

Своеобразным проявлением усилившегося государственного вмешательства в сферу экономики была деятельность Федеральной промышленной комиссии (ФПК), созданной по закону Ковингтона от 26 сентября 1914 г. Эта комиссия, опираясь на ряд положений известного антитрестовского закона Клейтона (15 октября 1914 г.), пыталась ослабить конкурентную борьбу, ограничить произвол монополий и этим обеспечить плавный ход хозяйственного механизма.

[9] Подробнее см.: *Белявская И. А.* Внутренняя экономическая политика США (1917—1918). М., 1956, с. 33—35.

Деятельность правительства в сфере экономики была столь разнообразна, энергична, даже смела, что в американской прессе стали писать о «новой эре взаимной полезности» в отношениях бизнеса и государства, а некоторые реформаторы даже предлагали создать министерство общественных работ.

Важное место в экономической политике правительства В. Вильсона заняли меры по обеспечению возросшей экспансии американского финансового капитала. Вильсон еще до войны мечтал о господстве американских товаров на рынках мира, а флота под звездно-полосатым флагом — на мировом океане. С началом войны Вильсон выступил с требованием усилить экспансию США в целях достижения «новой великой роли в новом веке мировой истории». Он добивался от бизнесменов отказа от «отсталого, провинциально-мечтательного» подхода и предлагал «поднять глаза к горизонту». В тоне проповедника Вильсон восклицал: «Пусть ваши мысль и воображение бегут за наши границы, по всему свету... Идите же, продавайте товары, которые сделают мир более удобным и счастливым, и обращайте его к принципам Америки!» [10]

С началом военных действий в Европе правительство активизировало свою деятельность, подталкивая вывоз товаров и капиталов. Оно приняло также ряд законодательных мер для поддержания экспансии, хотя некоторые из них противоречили традиционному для демократов принципу свободы торговли и недавно принятым законам против трестов. Так, билль Рейни о создании тарифной комиссии носил явно протекционистский характер, а билль Уэбба, ставший законом в 1918 г., разрешал объединение бизнесменов для вывоза товаров и был, по мнению либерально-реформистского журнала «Нью рипаблик», одной из атак на антитрестовское законодательство.

Важное, принципиальное значение имел закон о федеральном управлении судоходством (ФУС). Борьба за его принятие, длившаяся более двух лет, отразила сложный, противоречивый характер процесса вызревания государственно-монополистического капитализма, столкновения общих интересов класса буржуазии, защиту которых взяло на себя правительство, и частных интересов отдельных фракций, монополий и партийных клик. Проведение закона оказало большое влияние и на политическую судьбу президента США и его партии [11].

Связанное с войной расширение экспансии США выявило слабость американского торгового флота и судостроительной промышленности. Судопромышленники, ничего не обещая, требовали государственных субсидий. Перевозки товаров морем страшно вздорожали, и торгово-промышленные круги, фермеры и связанные с экспортом банкиры требовали от правительства создания «адекватного судоходства». В августе 1914 г. Дж. Александер, демократ от Миссури, внес билль, учреждавший Федеральное управление судоходством из членов кабинета с правами контроля над судоходством, создания и эксплуатации флота, который становился, таким образом, конкурентом частных судов. Принятый в сентябре 1916 г. закон Александера был мерой, характерной для государственно-монополистической политики.

---

[10] Commercial and Financial Chronicle, 1916. July 15, p. 195—196.

[11] *Козенко Б. Д.* «Новая демократия» и война. Саратов, 1980, с. 193—194.

Противники принципа государственного вмешательства в экономику, судовладельцы, банкиры, дельцы, имевшие «интересы» в английском судоходстве, республиканские политики, искавшие повод для критики администрации, составили грозную коалицию и начали в прессе, а затем и в конгрессе битву против билля о ФУС. Авторов законопроекта (Александера, Макаду) и президента Вильсона обвиняли в патернализме, социализме, доказывали неэффективность, бесполезность и вредность предлагаемых мер. Билль несколько раз (и весьма бурно) обсуждался в конгрессе и только в сентябре 1916 г. в сильно измененном виде стал законом. Но теперь в состав ФУС вводились не члены кабинета, а беспартийные эксперты-бизнесмены; полномочия и функции управления значительно ограничивались. Однако управление получало право строить и эксплуатировать корабли, которые после войны должны были продаваться частному капиталу по дешевой цене. В целом закон носил компромиссный характер, но его цели были достаточно ясны: помочь проникновению монополии США в Латинскую Америку и другие регионы, принести им новые барыши, возложив издержки и убытки на государство.

Еще летом 1916 г. правительство Вильсона предприняло ряд шагов по мобилизации экономики. Вильсон одобрял так называемое движение «индустриальной готовности» и провел через конгресс законы, не только увеличившие военные расходы США, но и создавшие ряд органов мобилизации экономики на случай войны, в том числе Совет национальной обороны (СНО) и Совещательную комиссию при нем. В этих государственных органах члены правительства открыто сотрудничали с представителями крупного бизнеса. Администрация демократов попыталась собрать и необходимые для военных приготовлений средства. Однако вокруг вопроса о финансировании этих приготовлений в стране и конгрессе разгорелись острые споры. Большинство демократов традиционно избегали возрастания государственного долга через внутренние займы. Увеличение же налогов могло вызвать недовольство в стране.

Представители рабочих и фермерских организаций, мелкой и средней буржуазии, пацифистски настроенные избиратели, особенно в штатах Юга и Запада, требовали увеличить налоги на промышленников, занятых военным производством, на предметы роскоши и при получении наследства. Крупный же капитал стоял за увеличение числа лиц, облагаемых налогами, и самих налогов, особенно косвенных. В итоге недолгой, но яростной борьбы в конгрессе был принят закон, по ряду пунктов отвечавший требованиям масс. Вводились 8%-ный налог на прибыль корпораций и налог на так называемую военную сверхприбыль, а также федеральный налог на передачу наследства. Либерально-буржуазные круги одобрили закон, хотя он резко увеличивал также и косвенные налоги.

Таким образом, в период «нейтралитета» правительство Вильсона оказалось необычайно деятельным. Война и подъем экономики, усилив и обострив противоречия капитализма, выявили тот важный факт, что частный бизнес, как писал журнал «Уорлд уорк», оказался неготовым и неспособным принять «широкий и патриотический взгляд»[12]. Правительство демократов было вынуждено вмешаться в сферу экономики,

[12] World Work, 1916, Febr., p. 460.

отходя еще дальше от laissez faire и старых догм партии. Оно действовало стихийно, без плана, следуя ходу событий, колеблясь и отступая под давлением различных социальных классов и сил. Государство отходило от роли «ночного (и дневного) сторожа» [13] и становилось все более активным фактором в развитии экономики, имея своей целью прежде всего обслуживание интересов монополий. Следует при этом отметить вынужденный характер вмешательства государства. Как писал журнал «Нью рипаблик» в июле 1916 г., финансовые круги оказались способными контролировать экономические процессы в хорошую погоду, но во время шторма руль должно брать государство. Все это было свидетельством не только усиления власти монополий, но и обострения противоречий капитализма в преддверии участия США в мировой войне.

2. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ «НОВОЙ ДЕМОКРАТИИ»

Начало войны в Европе, а также кризис и безработица в США вызвали временное ослабление классовой борьбы в этой стране. Но вскоре она пережила новый, еще более грозный подъем рабочего, фермерского и общедемократического (в форме антивоенного) движений. Крупная монополистическая буржуазия, консервативные буржуазные круги предлагали следовать жестким курсом. Хозяева «Ю. С. стил корпорейшн», «Стандард ойл», медных и прочих трестов верили в свои возможности задушить выступления рабочих открытым насилием. С ними была солидарна Национальная ассоциация промышленников (НАП), которая объединяла владельцев 3700 предприятий, нанимавших более 3 млн. рабочих. НАП отвергала все формы организации трудящихся, требовала запретить стачки и другие средства борьбы пролетариата, в принципе возражала против любого трудового законодательства, соглашаясь в крайнем случае лишь на законы о безопасности на производстве и компенсации пострадавших. Эти круги раздражало слишком большое вмешательство правительства в частный бизнес [14].

Разгром стачек и профсоюзов в 1914—1916 гг. на шахтах Колорадо и Аризоны, на сталелитейных и нефтяных заводах Нью-Джерси и Огайо демонстрировал методы «решения» трудовых конфликтов крупным капиталом. Выражая его позицию, «Коммершиал энд файненшиал кроникл» писал в марте 1916 г.: «Если рабочие будут наступать, то лучший способ держать организованных рабочих в рамках мира и приличия — это встретить их лицом к лицу и бить... не сгибаться перед ними и не сдаваться».

Однако представители «передовой», современной, образованной буржуазии понимали недостаточность и даже опасность таких методов. Они поддерживали и в годы войны социальные реформы как средство против социальной революции. Идеологи реформизма проповедовали «организацию капитализма» под эгидой государства и защищали государственное регулирование социальных отношений. Они порицали «промышленный феодализм» и насилие менее «интеллигентных» предпринимателей и

---

[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 403.

[14] Proceedings of the Nineteenth Annual Convention of the National Association of Manufacturers of the United States of America, May 19—20, 1914. N. Y., 1914, p. 12—13, 150—156.

предлагали принять идеи «индустриальной демократии» [15], включавшие признание профсоюзов, допущение экономических стачек и разнообразные социальные реформы. Некоторые из этих идеологов предлагали даже включить профсоюзы в структуру буржуазного общества и государства и превратить их в послушное орудие против радикального рабочего движения и социалистов.

Правительство Вильсона, занимавшего прежде в рабочем вопросе умеренно-либеральную позицию, должно было избрать курс, отвечающий общим интересам империалистической буржуазии. Выбор такого курса оказался делом сложным; президент и лидеры конгресса маневрировали, стараясь приспособиться к давлению различных социальных и политических сил. В течение первых военных лет, отмеченных упадком демократических движений, Вильсон легко отказался от обещанных в программе «новой свободы» социальных реформ. Этому способствовали и внутренние условия, в частности усиление антирабочих реакционных настроений. По всей стране прокатилась волна судебных процессов, полицейских провокаций и расправ с деятелями и активистами рабочего движения, особенно с членами ИРМ. Жертвой террора оказался и певец ИРМ, поэт, автор боевых песен американских рабочих Джо Хилл. Многие ирмовцы были убиты без суда и следствия.

Основные усилия реакции были направлены в тот период на разгром уже принятого в ходе многолетних битв и под огромным давлением рабочих социального законодательства. Главным орудием его сокрушения был Верховный суд, состоявший из реакционеров, назначенных еще президентом У. Тафтом. Самым характерным и наиболее важным по последствиям явилось решение Верховного суда от 25 января 1915 г. по широко известному делу профсоюза шляпников из г. Данбери. Решение это объявило незаконным средством бойкот товаров, применявшийся стачечниками, что явилось прецедентом для судебного преследования рабочих организаций. «Реакционная волна прокатилась по стране и ослабила поддержку тех, кто был верным другом трудового законодательства»,— отмечалось в одном обзоре [16]. В конгрессе была «заморожена» серия законов о труде, а президент Вильсон, объявив в октябре 1914 г. (после принятия закона Клейтона) о завершении «новой свободы», открыто порвал с «реформаторами социальной справедливости» из рабоче-фермерских кругов.

Позиция Вильсона способствовала задержке и отклонению ряда законопроектов по рабочему вопросу. Исключением оказался лишь закон Лафоллетта, принятый в марте 1915 г., несмотря на яростную оппозицию судовладельцев и кругов, с ними связанных. Этот закон действительно улучшил условия труда примерно 300 тыс. моряков и рыбаков. Однако принятие его не меняло в целом враждебную политику администрации Вильсона по отношению к рабочему классу, да и продиктовано было не заботой о тружениках моря, а стремлением увеличить морскую мощь США. В послании конгрессу в декабре 1915 г. Вильсон не обещал каких-либо существенных мер социального законодательства на 1916 г.

---

[15] *Derber M.* The American Idea of Industrial Democracy, 1865—1965. Urbana (Ill.), 1970, p. 111, 118—121.

[16] American Labor Legislative Review, 1916, vol. 6, N 1, p. 87.

Забастовочная борьба вызывала у президента США явное раздражение. Он выступил с «разоблачением» профсоюзов, обвиняя их в «сдаче германским агентам», угрожал репрессиями всем, кто «вливает яд нелояльности в артерии национальной жизни» [17], имея в виду слишком большое, по его мнению, число стачечников. Но убедившись, что запугивание не помогает, что сила рабочего движения растет, учащаются массовые антимилитаристские выступления и оживают в этой связи давние антимонополистические настроения, Вильсон вновь вернулся к проповедям классового партнерства, гуманизации социальных отношений и даже стал говорить о возможности руководить отношениями классов, используя влияние и инициативу правительства.

23 сентября 1916 г. президент США опубликовал специальное обращение «Труд и капитал» и первый раз в истории АФТ участвовал в церемонии освящения нового здания федерации в Вашингтоне. Президент АФТ С. Гомперс впервые был включен в государственный орган — Совещательную комиссию при СНО. В преддверии выборов 1916 г. Вильсон обещал, в случае вторичного избрания, «привести труд и капитал к ясному пониманию общности интересов» [18].

Демократы в конгрессе подхватили инициативу президента и дали ход давно обсужденным и пылившимся в его комитетах социальным законопроектам. Среди них были: закон Китинга — Оуэна, запрещавший применение детского труда в производстве товаров для межштатной торговли (в 1918 г. Верховный суд объявил его неконституционным); закон Керна — Макгиллакуди о компенсациях при несчастных случаях на работе лицам, занятым на государственных предприятиях, касавшийся примерно полумиллиона служащих и рабочих. Стал законом в 1917 г., несмотря на вето президента, билль об ограничении иммиграции, которого давно добивались консервативные лидеры АФТ и фермерские организации. Президент Вильсон поддержал почти все социальные реформы, понимая, что от принятия многих из них зависела судьба партии на выборах.

Но рабочее движение заставило президента и лидеров конгресса решить вопрос о реформе, которую они и не планировали, и не собирались проводить, а именно о введении на частных железных дорогах 8-часового рабочего дня. Его потребовали железнодорожники—члены четырех братств, угрожая национальной забастовкой. Президент Вильсон внес в конгресс предложения по урегулированию конфликта на дорогах. Эти предложения стали основой соответствующего билля, внесенного конгрессменом У. Адамсоном. Осторожные — в канун выборов — члены конгресса попытались отложить обсуждение, но отступать было некогда — на 7 сентября назначалась общая забастовка железнодорожников. После коротких, ожесточенных трехдневных дебатов билль был принят, и президент, торопясь покинуть жаркий Вашингтон и отдохнуть, подписал его, забыв, что делает это 3 сентября, в воскресенье (билль пришлось подписывать «на всякий случай» еще раз).

Несомненно, акт Адамсона, значительно улучшавший положение части рабочих на транспорте, своим появлением был обязан прежде

[17] The Public Papers of Woodrow Wilson. New Democracy. Presidential Messages, Addresses and Other Papers (1913—1917) by W. Wilson: Vol. 1, 2 / Ed. by R. S. Baker, W. E. Dodd. N. Y.; L., 1926, vol. 1, p. 423—425.
[18] Commercial and Financial Chronicle, 1916, Nov. 4, p. 1644.

всего борьбе самих трудящихся. Именно этим он встревожил буржуазию, посчитавшую принятие такого закона — «под кнутом» рабочих лидеров — опасным прецедентом. Оппозицию консервативных кругов вызвал сам способ разрешения конфликта путем законодательства. Но, по мнению журнала «Нью рипаблик», закон Адамсона открывал новую эру государственного вмешательства, ибо правительство вступило в конфликт «не как полицейский или благочестивый миссионер», а как активная и решительная сила [19].

Добились уступок от правительства и фермеры. Под их сильным нажимом в 1913—1914 гг. были приняты некоторые меры по улучшению положения фермеров (например, закон Смита — Левера о расширении сельскохозяйственного образования). Летом 1916 г. Вильсон после долгого, упорного сопротивления удовлетворил главное требование фермерства, подписав билль Балкли — Холлиса, значительно облегчавший условия фермерского кредита, особенно для зажиточных фермеров. Закон создавал новый орган — Федеральное управление фермерского кредита, состоявшее из бизнесменов, чиновников и известных лидеров фермерства. Были приняты также законы об усовершенствовании дорог, улучшении сортов злаков и др. В целом аграрное законодательство демократов укрепило позиции фермерской верхушки, способствовало дальнейшему расслоению в американской «деревне». Но в массах фермеров Вильсон завоевал явное одобрение и поддержку [20].

Законы Клейтона, Лафоллетта, Китинга—Оуэна, Керна—Макгиллакуди, Адамсона, а также Смита—Левера, Балкли—Холлиса и другие составили по тому времени внушительный список. К нему добавился значительный объем социального законодательства в штатах, решавшего многие вопросы условий труда и жизни трудящихся. Вместе с мероприятиями начала 1900-х годов, тоже вызванными усилением борьбы рабочих, эти реформы заложили основы трудового законодательства, принесшего определенное облегчение условий труда, жизни и борьбы рабочих и фермеров. Профсоюзы АФТ получили, хотя и неполное, признание в законах штатов и на федеральном уровне. Многие важные победы рабочих создали прецедент на будущее, наметили перспективы и задачи борьбы последующих поколений трудящихся. Тем не менее в целом социальное, в особенности трудовое, законодательство США, по признанию буржуазных авторов, весьма далеких от критических оценок, все же отставало вплоть до 30-х годов от уровня передовых западноевропейских стран на 20—50 лет [21].

Сопротивление монополий, консервативных кругов буржуазии, колебание, непоследовательность и нерешительность самих реформаторов отразились на характере социальных реформ «новой демократии» Вильсона. Эти реформы имели множество недостатков: неполнота, ограниченность, недостаточность законов, весьма неравномерное распределение по регионам, отраслям экономики и отрядам трудящихся. Их отличали двусмысленность, наличие лазеек для капиталистов, которые и так постоянно их нарушали.

---

[19] New Republic, 1916, Nov. 25, p. 84.
[20] *Козенко Б. Д.* Аграрное законодательство В. Вильсона и фермеры.— В кн.: Американский ежегодник, 1977. М., 1977, с. 29—57.
[21] *Morison S. E., Commager H. S.* The Growth of the American Republic: Vol. 1, 2. N. Y., 1955, vol. 2, p. 167.

Отрицательную роль сыграла и позиция руководства АФТ во главе с Гомперсом, которое опасалось, что, вступив в битву за трудовое законодательство, трудящиеся осозна́ют необходимость политической борьбы, создания самостоятельной пролетарской партии и отвергнут узкий, архаичный цеховой юнионизм. Позиция лидеров АФТ почти полностью совпадала с политикой умеренно-либеральной буржуазии.

Вместе с тем нельзя отрицать, что в годы «новой демократии» социальная политика больше, чем когда-либо прежде, оказалась в центре внимания общества, что произошли очевидные сдвиги в сознании и настроениях определенных кругов буржуазии. Изменилась и позиция правительства в рабочем вопросе. Государство чаще, в более широком масштабе, чем прежде, использовалось для разрешения трудовых конфликтов. Были созданы специальные органы «регулирования» классовой борьбы, и президент лично, опираясь на авторитет главы исполнительной власти, участвовал в решении наиболее острых столкновений, доводя их до мирного конца, иногда не без выгоды для рабочих.

Поступая так, Вильсон защищал интересы монополистической буржуазии и сумел с помощью реформ нанести немалый урон рабочему движению в США, углубив раскол в рабочем классе, способствуя распространению в нем идеологии «классового сотрудничества», укреплению веры в «демократический капитализм», в «дружественность» буржуазного правительства. В итоге буржуазное влияние в пролетариате усиливалось. Реформы «новой демократии» усыпляли и обманывали трудящихся, поскольку не требовали устранения главных основ капиталистического строя и означали, как писал В. И. Ленин, «изменения, *совместимые с сохранением* этих основ» [22].

Социальные реформы В. Вильсона 1914—1916 гг. по существу представляли регулирование государством социальных процессов, что свидетельствовало о складывании элементов государственно-монополистического капитализма. Открывался новый этап в становлении и упрочении в США замаскированных форм эксплуатации и угнетения трудящихся. Социальная политика Вильсона и демократов отражала рост и обострение противоречий американского империализма.

3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА. ВЫБОРЫ 1916 Г.

Экономический кризис и вызванное войной в Европе нарушение торгового оборота усилили недовольство консервативных кругов американской буржуазии либеральной политикой правительства. Они и раньше противились реформам, подозревая в каждой из них «социалистический эксперимент» и «уступку» профсоюзам. Теперь они решительно выступили против реформистских мероприятий. Представители многих крупных монополий считали, что нововведений Вильсона в экономической политике вполне достаточно для дальнейшего обеспечения их интересов.

Республиканцы использовали кризис, безработицу, рост цен для атак на демократов, якобы вызвавших эти беды своей «экстравагантной политикой». Выражая их взгляды, сенатор Галлинджер говорил в сентябре 1914 г.: «Мы нуждаемся в том, чтобы было побольше бизнеса и поменьше ругани... Бизнесу нужно, чтобы его оставили в покое, а пре-

[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 87.

зиденту США дали бы передышку от требований доктринеров и агитаторов»[23]. С этих позиций республиканцы и вступили в избирательную кампанию 1914 г. по частичным выборам в конгресс и в местные органы власти ряда штатов.

Президент Вильсон защищал проведенные им законы, а кризис объявил явлением из области... психологии. В то же время он давал понять, что готов прекратить принятие реформ, особенно социальных. В письмах лидерам конгресса Вильсон неоднократно подчеркивал мысль об исчезновении антагонизма между «бизнесом и правительством»[24]. В Белом доме снова появились Морган, Форд, Хиггинсон и другие магнаты капитала, которых Вильсон избегал прежде принимать открыто. Демократы попытались использовать и начало мировой войны, спекулируя на объявленном Вильсоном «нейтралитете». Они выдвинули лозунг «Война — на Востоке (т. е. в Европе.— *Авт.*), мир — на Западе. Благодарим господа бога за Вильсона»[25].

Но международные вопросы не привлекли в то время большого внимания избирателей, прямо или косвенно страдавших от кризиса и хаоса в экономике, наступившего в первые месяцы после начала войны в Европе. К тому же война смазала положительный эффект от снижения тарифов и других реформ. Республиканцы свели кампанию частичных выборов к вопросам внутренней жизни и добились успехов в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Пенсильвании, Огайо и других штатах. Они завоевали в палате представителей 73 новых места.

Тяжелое поражение потерпела прогрессивная партия, собравшая по всей стране в 3 раза меньше голосов, чем 2 года назад. В ней продолжался распад, начавшийся, как отметил В. И. Ленин, на другой же день после выборов 1912 г.[26] Некоторые лидеры партии во главе с Т. Рузвельтом уже тогда были готовы возвратиться в ряды республиканцев, и итоги кампании 1914 г. ускорили их переход. Общие результаты выборов оказались в пользу реакционных и консервативных сил, означали ослабление и раскол буржуазно-реформистского движения. Они предвещали победу республиканцев в следующей президентской кампании и, по мнению социалистической прессы, открывали период «ультраконсерватизма в американской политической жизни»[27].

Оценив значение выборов и изменение политического климата в стране, воспользовавшись резким ослаблением рабочего и общедемократического движений, Вильсон объявил о завершении программы «фундаментальной реорганизации американской экономики», о том, что «прогрессивное движение выполнило свою миссию» и что должно наступить новое время — «взаимного сотрудничества и понимания общей цели»[28]. Реакционные и консервативные круги были довольны таким поворотом в политике, вскоре отразившемся на законодательной деятельности демократов в конгрессе и на местах. И только прогрессисты в обеих

---

[23] Congressional Record, vol. 51, pt 15, p. 14608.
[24] Ibid., 14804—14805.
[25] Boston Evening Transcript, 1914, Oct. 15.
[26] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 212—213.
[27] New Review, 1914, vol. 2, N 12, p. 694.
[28] A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789—1902: Vol. 1—20 / Ed. by J. D. Richardson. Wash., 1903, vol. 18, p. 8015.

партиях негодовали по поводу «измены» Вильсона и провала в конгрессе новых, прежде всего социальных, реформ.

Но борьба фракций в лагере буржуазии по вопросу о реформах не прекращалась. Вместе с тем в центр политических битв с конца 1914 г. постепенно начал выдвигаться другой, более важный вопрос: о войне и мире, о вооружении и участии США в мировом конфликте.

В правящих кругах существовало мнение о неизбежности, даже необходимости где-то на завершающей стадии войны вступления в нее США. Но к этому надо было готовиться, увеличить вооруженные силы, мобилизовать общественное мнение. Выполнить эти задачи с точки зрения внутриполитической было очень сложно и трудно ввиду открытого и почти всеобщего нежелания американцев участвовать в войне. Уже начало военных действий в Европе вызвало осуждение в различных слоях населения США, подавляющее большинство которого считало, что эта война их не касается. В стране преобладали нейтралистские, изоляционистские и пацифистские настроения. В Америке, говорил один из магнатов капитала, Р. Бэкон, имеется 50 тыс. человек, которые понимают необходимость немедленного вступления Соединенных Штатов в войну. Но есть 100 млн. американцев, которые даже и не думают об этом. «Задача состоит в том, чтобы эти цифры поменялись местами...» [29]

Для этой цели и было организовано буржуазно-националистическое, шовинистское и милитаристское движение, раздувшее в стране еще невиданную кампанию агитации и пропаганды под фальшивым лозунгом «готовности» (preparedness), готовности на словах к обороне, а на деле к войне. Preparedness, указывал В. И. Ленин, есть «война, милитаризм и маринизм» [30]. Движение возникло еще в конце 1914 г., однако масса населения оказалась «апатичной к разговорам о нуждах обороны» [31]. Все же милитаристская кампания ширилась, охватила почти всю страну и в начале 1916 г. достигла вершины, когда В. Вильсон и большинство конгресса открыто выступили за «готовность».

Инициаторами и финансистами движения, его закулисными лидерами были виднейшие представители финансового капитала — Морганы, Рокфеллеры, Гугенгеймы, Дюпоны и проч. Торговые палаты и другие организации бизнесменов стали основой движения, снабдили его кадрами. Американские историки признают, что финансовые и промышленные лидеры страны в сотрудничестве с консервативными политиками установили свое почти полное господство в движении «готовности» [32]. Большую роль в милитаристской кампании играла военщина. К ней примкнула часть духовенства и интеллигенции, студенчества, верхушка фермерства и рабочей аристократии. Но массы рабочих, фермеров, представителей городской демократии, многие священнослужители и значительная часть интеллигенции не только остались вне движения «готовности», но и оказали ему сильное сопротивление.

---

[29] Цит. по: *Peterson H. C.* Propaganda for War. The Campaign Against American Neutrality. 1914—1917. Norman (Okla), 1939, p. 21.

[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 292.

[31] *Link A. S.* American Epoch. A History of the United States since the 1890's. N. Y., 1955, p. 186.

[32] *Harbaugh W. H.* Wilson, Roosevelt and Interventionism, 1914—1917. A Study of Domestic Influences. Ann Arbor (Mich), 1954, p. 121—122.

В рядах милитаристов объединились представители всех буржуазных партий. Политическое лидерство захватили республиканцы, но и в демократической партии нашлось достаточно сторонников «готовности». Вильсон долгое время занимал уклончивую позицию и публично осуждал пропагандистов «готовности» [33]. Но, опасаясь потерять доверие финансовых магнатов и следуя своим давним экспансионистским устремлениям, он в конце 1915 г. открыто перешел на сторону милитаристов и даже предпринял пропагандистское турне по штатам Среднего Запада — цитадели пацифистских настроений, предлагая слушателям поддержать «адекватную оборону». Сделал это Вильсон весьма искусно, сумев отличить себя от «фанатиков готовности» и остаться в глазах многих американцев защитником мира.

Движение «готовности» объединяло большое число самых различных буржуазных организаций, открыто милитаристских, какими были ранее существовавшие Лига армии и Лига военно-морского флота и вновь созданные «патриотические». Среди последних выделялись Лига национальной безопасности (ЛНБ) — один из главных органов движения, Комитет американских прав, Американское общество обороны, Американский легион (в 1919 г. передал это название организации ветеранов мировой войны).

Значительную роль в идейной обработке американцев играла Лига поддержания мира, в которой и республиканцы и демократы (У. Тафт, В. Вильсон, О. Штраусс и пр.) совместно убеждали страну отойти от политики изоляции и ...силой поддержать «американский мир» [34]. Эти «патриотические» организации стремились превратить Соединенные Штаты в единый военный лагерь, со строгой дисциплиной, националистической сплоченностью и конформизмом в образе мыслей и поведения. Одной из важнейших задач являлось подавление любой оппозиции, любых проявлений радикализма, протеста и социальной критики, подавление даже ценой ограничения буржуазно-демократических свобод. Не случайно бизнесмены охотно поддержали «готовность» как средство сокрушать стачки под предлогом патриотизма.

Сторонники «готовности» выступали и против социального законодательства, пропагандировали шовинизм, нейтивизм и организовали кампанию «американизации» иммигрантов, в которой участвовал и В. Вильсон. В стране нагнеталась атмосфера тревоги, страха, ненависти, шпиономании. Пацифистов травили и преследовали как трусов, ущербных лиц, изменников. В США, заявил бывший конгрессмен Литлтон, два сорта людей — «американцы и предатели» [35]. Для достижения своих целей пропагандисты «готовности» использовали все доступные им средства и формы пропаганды. В крупных городах прошли парады «готовности». Первый из них состоялся 13 мая 1916 г. в Нью-Йорке. Затем последовали парады в Вашингтоне, Чикаго, Сент-Луисе и других городах. Во время парада в Сан-Франциско произошли трагические события, положившие начало «делу Муни—Биллингса» [36]. Милитаристская

---

[33] Boston Evening Transcript, 1914, Oct. 20.

[34] Enforced Peace. Proceedings of the First Annual National Assemblage of the League to Enforce Peace, May 26—27, 1916. N. Y., 1916.

[35] Цит. по: New York Times, 1916, Mar. 4.

[36] В колоннах демонстрантов неизвестные лица взорвали бомбу, вызвавшую большие жертвы. Полиция без всяких оснований арестовала рабочих вожаков Т. Муни.

пропаганда широко использовала потопление германской подводной лодкой пассажирского лайнера «Лузитания» 7 мая 1915 г. и гибель американцев на этом и других кораблях, а также различные перипетии войны, превратно изображаемые и толкуемые шовинистической прессой.

Ввиду явного миролюбия американского народа истинные цели «готовности» приходилось скрывать, и вся милитаристская кампания проходила под фальшивым флагом «готовности к обороне» от вторжения кого-то из воюющих, хотя крупные военные авторитеты доказали невозможность такого вторжения в то время. Используя военных, охотно раскрывавших любые секреты, милитаристы убеждали страну в слабости ее обороны, уверяли, что только «готовность» является средством против милитаризма, обеспечит безопасность страны и всего мира и гарантирует демократию, свободу и т. д. Редкие годы американский народ был предметом такого давления со стороны организованного меньшинства [37].

Однако благодаря сопротивлению миролюбивого большинства американцев кампания «готовности» развивалась с большими трудностями. «Эмоциональные взрывы», вызывавшиеся милитаристами, оказывались недолговечными. Движение «готовности» не раз выдыхалось, и весной 1916 г. Т. Рузвельт признался, что устал от абсолютной неудачи «готовности».

В ходе избирательной кампании 1916 г. стало ясно, что обратить большинство американцев в «милитаристскую веру» не удалось. Лидеры «готовности» на время отступили. И только после выборов, используя искусно поднятый В. Вильсоном вопрос о национальной чести и правах американцев на море, империалистам удалось, нагнетая страх и тревогу, вызвать приступ шовинистической истерии и относительно легко толкнуть страну в войну. «Готовность» способствовала принятию обширной военно-морской программы.

Милитаристы не были удовлетворены результатами кампании за «готовность» и в канун вступления, и позже, в ходе войны, признавали, что страна к войне не готова. Во многом это было все же явным преувеличением, но серьезные основания для таких оценок были. Большинство американцев не проявили «должного энтузиазма» даже при объявлении войны Германии в апреле 1917 г. Не удалось и рассеять подозрения трудящихся относительно роли крупного бизнеса, т. е. насчет классовой направленности «готовности».

Борьба вокруг кампании «готовности» оказалась важнейшим фактором внутриполитической жизни Соединенных Штатов, наложила глубокий отпечаток на все стороны их политики. В. И. Ленин придавал большое значение проблеме «готовности» и выступлениям против нее [38]. Борьба вокруг «готовности» грозила вызвать раскол в стране между силами милитаризма и миролюбивыми силами, причем линия раздела относительно полно совпала с линией, разделившей империалистическую реакцию и антимонополистический лагерь.

У. Биллингса и других, сурово осужденных затем местным судом. См.: *Мальков В. Л.* Том Муни — узник Сан-Квентина. М., 1976.

[37] *Link A. S.* Woodrow Wilson and the Progressive Era. L., 1954, p. 178.

[38] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 233—234, 236—237, 292.

Вопросы «готовности», войны и мира оказались в центре внимания избирательной кампании 1916 г., на исход которой заметное влияние оказали выступления широких масс трудящихся.

К осени 1916 г. в США создалась сложная обстановка. Крупный капитал, традиционно ориентировавшийся на республиканцев, имел, особенно после принятия акта Адамсона, все основания вернуть их к власти. Многих бизнесменов раздражали «излишняя» уступчивость демократов к требованиям рабочих и фермеров, их неопределенная позиция относительно протекционистского тарифа. Не все из них успевали за стремительными маневрами и зигзагами внешней политики Вильсона, особенно по отношению к Мексике. Вызывал недовольство и сам президент, слишком независимый и властолюбивый, «слишком серьезно» воспринявший себя в роли главы государства, стремившийся «вершить дела на обоих концах Пенсильвания-авеню» [39]. Однако многие представители монополий понимали, что в данный момент, когда Соединенные Штаты постепенно втягивались в войну, недюжинные таланты Вильсона, его склонность к демагогии и лицемерию могли оказаться весьма уместными.

Большинство представителей буржуазии перешло все же на сторону республиканцев. Их партия, казалось, достигла прежнего единства и имела все виды на успех. В ее рядах объединились многие крупные капиталисты и банкиры Северо-Востока, все антирабочие, реакционные элементы и «фанатики готовности». Правда, в канун выборов республиканцам пришлось «снизить тон», учитывая настроения масс. Поэтому в предвыборной платформе партия обещала соблюдать законы о труде, принять меры безопасности на производстве, запретить детский труд и др. В целях привлечения бывших прогрессистов в платформу включили пункты об ограниченном регулировании транспорта, но главный упор делался на протекционистский тариф как гарантию процветания после войны (что привлекало на их сторону и часть рабочих), на «американизм» как средство социальной дисциплины и на «разумную», расширенную «готовность», в том числе экономическую и финансовую. Во внешней политике республиканцы обещали защищать «права» американцев на море и в Мексике, резко атакуя линию президента Вильсона [40].

Однако республиканцы испытывали трудности с кандидатом в президенты. «Любимые сыны» партии У. Тафт, Э. Рут, Б. Пенроуз, Г. Лодж были либо слишком стары, либо чересчур реакционны. Руководство партии наотрез отказалось поддержать и кандидатуру бывшего «раскольника» Т. Рузвельта. В итоге закулисных переговоров и маневров в качестве кандидата был выдвинут 54-летний судья Верховного суда Ч. Юз, завоевавший в бытность губернатором штата Нью-Йорк славу либерального реформатора (но с тех пор, по ехидному замечанию У. Тафта, «многому научившийся»).

Выдвижение Юза произошло на съезде партии в Чикаго в июне 1916 г. Съезд проходил спокойно, без дебатов. Предполагалось, что Юз сможет объединить всю партию, противостоять попыткам демократов привлечь на свою сторону прогрессистов-республиканцев. Однако лич-

---

[39] Commercial and Financial Chronicle, 1916, Apr. 1, p. 1201—1202; May 27, p. 1936.
[40] World Almanac and Encyclopedia, 1917. N. Y., 1917, p. 882—884.

ные качества Юза не позволяли считать его кандидатуру лучшим выбором, а главное — он не сумел сформулировать четкой, позитивной и конструктивной программы внутренней и внешней политики, сосредоточив все усилия на критике курса Вильсона, его якобы «уступчивости», «мягкости» и т. п. К тому же Юз был известен как сторонник судебных запрещений стачек, поддержавший в свое время решение суда о шляпниках Данбери. Весьма резко и энергично Юз осудил и законы о труде, особенно акт Адамсона, обвинив конгресс в капитуляции перед профсоюзами. Неудивительно, что на многих митингах рабочие встречали его криками: «Ура 8-часовому Вильсону!» [41] Юз не нашел также верного способа обращения с различными этническими группами.

Не сумел Юз сблизиться и с прогрессивными республиканцами, особенно в штатах Дальнего Запада. «Бородатый айсберг», как звал Юза Т. Рузвельт, оказался послушной игрушкой в руках реакционеров из «старой гвардии», и это во многом определило его поражение.

Накануне выборов окончательно распалась Прогрессивная партия. Она пришла к выборам с «пустыми руками». Ее программа экономических и социальных реформ была частично выполнена правительством В. Вильсона. Участие «верхнего эшелона» партии во главе с Т. Рузвельтом в кампании «готовности» внесло раскол в ряды прогрессистов, так как многие из них держались пацифистских взглядов [42].

Съезд партии проходил (не без умысла) рядом и одновременно со съездом республиканской партии. Среди делегатов развернулась борьба фракций. «Истинные прогрессисты» во главе с X. Джонсоном, В. Мэрдоком требовали самостоятельного выступления. Дж. Перкинс, Джонс, Флинн и другие представители «верхов» настаивали на соединении с республиканцами. В разгар этих споров Рузвельт издевательски предложил выдвинуть вместо себя кандидатом в президенты злейшего врага прогрессизма сенатора Г. К. Лоджа или голосовать за Юза. Это предательство потрясло делегатов. Партия распалась и фактически в выборах не участвовала, большинство бывших прогрессистов голосовали за В. Вильсона.

Съезд демократической партии проходил 14—16 июня 1917 г. в Сент-Луисе и без особых проволочек выдвинул кандидатом на второй срок президента Вильсона. Но руководство партии неожиданно столкнулось с трудностями при выборе девиза кампании. Сначала лидеры остановились на шовинистическом лозунге «американизма». Делегаты съезда приняли его без энтузиазма, но первые же упоминания о нейтралитете были встречены бурей оваций, настоящей демонстрацией приверженности делу мира. Лозунгом кампании Вильсона стала фраза: «Он удержал нас от войны». Лидеры демократов сделали нейтрализм главной нотой в обращении к избирателям: «Если вы хотите войну — голосуйте за Юза! Если хотите мира с честью — голосуйте за Вильсона!» [43]. Таким образом, давление широких масс вынудило демократов занять позицию сторонников мира, хотя Вильсон уже тогда понимал неизбежность скорого вступления в войну и проводил соответствующие меры. Демократическая партия приняла предвыборную платформу, поддержавшую прежние и

[41] New York Times, 1916, Sept. 27, Oct. 14, 15, 19.
[42] Подробнее см.: *Белявская И. А.* Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь США. М., 1978, с. 278—281.
[43] *Link A. S.* Woodrow Wilson and the Progressive Era, p. 244.

обещавшую очередные социальные реформы. Демократы опубликовали внушительный список своих законодательных достижений и обещали новые уступки в пользу трудящихся.

Основная дискуссия по внутренним проблемам шла вокруг закона Адамсона. Реакционные и консервативные круги сделали этот акт центром атак на демократов, обвиняя их в трусости, отсутствии выдержки, в унизительном и паническом отступлении перед рабочими союзами, в подкупе рабочих избирателей перед выборами и т. п.

Демократы были вынуждены защищать свою политику и более всего закон о 8-часовом дне. Его автор У. Адамсон даже заявлял, что демократы не остановятся на одном законе в пользу 8-часового дня, что через некоторое время будут приняты и другие.

Защита нейтралитета и социального законодательства стала основой, на которой сложилась на время стихийная коалиция профсоюзов, фермерских организаций, женщин (там, где они имели право голоса), буржуазно-реформистских и пацифистских элементов, а также традиционно голосующих за демократов белых избирателей Юга. Многие «искренние идеалистические миролюбивые люди Америки чувствовали, что их представляет В. Вильсон»,— писал «Нью рипаблик» в сентябре 1916 г. Вильсон привлек на свою сторону и реакционных партийных боссов, раздавая им государственные посты. На его стороне оказались такие богачи, как К. Додж, Э. Догени, Р. Сэлливан, Т. и Дж. Джонсы, Ф. Пенфилд, Ч. Р. Крейн и др. Около 170 тыс. лиц внесли в фонд демократов 1,5—2 млн. долл. Взносы в фонд республиканцев были на 500 тыс. долл. больше.

Кампания проходила в острой борьбе, и вначале выявилось некоторое преимущество республиканцев. Поэтому, когда настал день выборов, 7 ноября 1916 г., и республиканцы повели за собой один за другим важнейшие промышленные штаты, Вильсон легко поверил в свое поражение. На следующий день, однако, пришло известие, что благодаря позиции Х. Джонсона — губернатора Калифорнии — и других прогрессистских республиканцев штатов Дальнего Запада Вильсон имел перевес в 7 тыс. голосов и завоевал места в коллегии выборщиков от этих штатов. Всего Вильсон получил 277 голосов выборщиков, Юз — 254. Голоса избирателей разделились почти поровну: 9,1 млн.— за демократов и 8,5 млн.— за республиканцев. Перевес Вильсона составил всего 591 тыс. голосов, но по сравнению с 1912 г. он получил на 2,8 млн. голосов больше.

Многие причины объясняли победу Вильсона. Одной из них, несомненно, явилось доверие части монополистов к президенту и его партии. Лидеры демократов, усваивая принципы государственно-монополистической политики, доказывали не только преданность буржуазии, но и понимание требований «нового века», умение решительно вторгаться в сферу экономики и ослаблять классовую оппозицию. Демократическая партия вновь, как и в 1912 г., сумела перехватить народное недовольство и направить его в безопасное русло. Демократы получили поддержку широких масс. Республиканские лидеры, отметил в ноябре 1916 г. журнал «Нью рипаблик», позволили Вильсону отождествить в народном сознании демократов с прогрессизмом, а республиканцев — с консерватизмом. С другой стороны, многие рабочие и их лидеры голосовали за Вильсона в надежде, что тот не допустит войны.

Республиканское единство оказалось непрочным, ибо только кандидатура Юза и общая неприязнь к Вильсону объединяли республиканцев и вернувшихся к ним бывших прогрессистов.

Кампания выявила и некоторые новые характерные черты. Значительно возросла роль широких народных масс. Появился такой фактор в политике, как женщины-избирательницы. Пожалуй, впервые в истории США международная политика, вопросы войны и мира заняли важное место в избирательной кампании.

В целом же выборы 1916 г., несомненно, укрепили позиции финансового капитала, стремившегося к участию в войне, выявили сохранение влияния республиканской партии в буржуазных кругах, что обещало партии, эксплуатировавшей индивидуалистические традиции этих кругов, возвращение к власти на следующих президентских выборах. А главное — в 1916 г. распалась прогрессивная партия и США вернулись к двухпартийной системе, одному из самых могучих средств против политической самостоятельности рабочего класса.

4. ЭКСПАНСИЯ В ЗАПАДНОМ ПОЛУШАРИИ И НА ТИХОМ ОКЕАНЕ (1914—1917)

Заняв с конца XIX в. первое место в мире по экономическим показателям, Соединенные Штаты усилили вывоз товаров и капиталов. Однако существовало несоответствие между экономической мощью США и их долей в мировой торговле, в вывозе капиталов, в колониальных владениях. Даже в Западном полушарии они уступали европейскому капиталу.

Стремясь ликвидировать несоответствие между своей силой и долей в империалистическом грабеже, империализм США вступил в острые, глубокие конфликты со всеми ведущими державами. Но масштаб и острота противоречий с каждой из них были неодинаковыми. Старые англо-американские противоречия, особо резко проявлявшие себя в борьбе нефтяных, горнорудных и иных монополий и банков, смягчались до известной степени давними экономическими, культурными и прочими связями и традициями, а главное — прогрессирующим ослаблением капитализма Великобритании. Сближала Англию и США общая опасность, исходившая от империалистической Германии. На рынках мира немецкие и американские монополии сталкивались все чаще и резче; не раз возникали и дипломатические конфликты. Все развитие американо-германских отношений вело к неизбежному столкновению этих стран. После 1905—1907 гг. усилились противоречия США с Японией. Японская иммиграция на Тихоокеанском побережье США вызывала конфликты, которые могли стать поводом для войны. Союз с Англией, сближение с царской Россией, возможный сговор с Германией делали Японию опасной для США.

Как только началась мировая война, США усилили экспансию, стремясь вытеснить с мирового рынка европейских конкурентов. Главным направлением в наступлении американского капитала оставались Южная и Центральная Америка, а также бассейн Карибского моря. За годы войны общий объем торговли США с Латинской Америкой вырос с 0,7 млрд. в 1913 г. до 1,6 млрд. долл. в 1919 г. Американские банки

открывали в странах соседнего континента свои отделения, бросая вызов европейской финансовой монополии.

Правительство Вильсона стремилось сделать все возможное для поддержания экономической экспансии. Было срочно завершено строительство Панамского канала, приняты меры по охране «интересов» монополий США и т. д. Особое место в политике Вильсона заняли панамериканские экономические конференции, которые использовались, чтобы создать условия для внедрения американского капитала в экономику Южной и Центральной Америки. Первая такая конференция прошла в мае 1915 г. в Вашингтоне. О значении, которое придавалось этой конференции, говорил факт участия в ней 150 крупнейших банкиров и капиталистов Соединенных Штатов и всего кабинета во главе с президентом.

Вильсон, министр финансов Макаду и другие представители США фактически требовали разрыва экономических сношений с Европой и подчинения всех соседних стран диктату Уолл-стрит. Конференция приняла ряд общих решений и создала межамериканскую Верховную комиссию по экономическим проблемам. В США высоко оценили итоги конференции, но позже выяснилось, что в Вашингтоне поспешили с положительной оценкой. После тщательной подготовки в апреле 1916 г. в Буэнос-Айресе собралась вторая панамериканская конференция, обсуждавшая уже конкретные вопросы: о создании общих средств транспорта, связи, валюты и т. п. Однако ввиду сопротивления латиноамериканских стран и стоявших за ними великих держав вопросы, поставленные на конференции, по выражению российских дипломатов, «как бы повисли в воздухе», и дело ограничилось принятием резолюций, не имевших обязательной силы [44].

Правящие круги США не смутило сопротивление, и они продолжали свой курс. Одно время они пытались создать Ассоциацию американских государств во главе с США с целью юридически оформить гегемонию, добивались объединения всего континента под лозунгом «Америка для американцев», чтобы изгнать европейский капитал.

Вильсон, «теоретически» обосновывая экспансию, утверждал, что США, как «старший брат», отвечают за «свободу, право и национальный суверенитет на обоих континентах полушария», что имеют обязательства защищать не только свои фланги, «не только порты, но и души» [45]. Этот «патернализм» сочетался с доктриной «непризнания» неугодных для США правительств, которые подвергались давлению, экономической и политической блокаде. Доктрина Монро использовалась как «мандат американского империализма», угрожавшего интервенцией всем, кто не будет «соблюдать у себя порядок» [46].

Первой жертвой интервенционистской политики Вильсона была Мексика. Воспользовавшись ослаблением позиций Англии, США усилили свой нажим, использовав инцидент в Тампико, где в апреле 1914 г. имел место краткосрочный арест американских матросов. Несмотря на извинения со стороны мексиканских властей, США начали

---

[44] Е. Штейн — С. Д. Сазонову, Рио-де-Жанейро, 14(27) апреля 1916 г.— АВПР, ф. II Деп-та I-5, 1916 г., оп. 408, д. 901, л. 8; Е. Штейн — С. Д. Сазонову, 17(30) мая 1916 г.— Там же, л. 12.

[45] New Democracy, vol. 2, p. 11—12.

[46] *Зубок Л. И.* Очерки истории США (1877—1918). М., 1956, с. 392.

весной 1914 г. давно готовившуюся интервенцию. Морская пехота, поддержанная всем Атлантическим флотом США, захватила 21 апреля мексиканский порт Веракрус [47].

Этот шаг вызвал сильное сопротивление мексиканцев и возмущение на всем континенте. Правительство Вильсона, оберегая авторитет «доброго соседа», было вынуждено искать другой выход и приняло посредничество послов стран АВС (Аргентины, Бразилии и Чили) в «дружеском урегулировании» конфликта. Однако конференция в Ниагара-Фолс в мае—июле 1914 г. не дала реальных результатов.

В августе 1914 г. в Мексике к власти пришел К. Карранса, который поднял вопрос о выводе войск США, что последним и пришлось сделать в ноябре 1914 г. В течение всего 1915 г. правительство В. Вильсона не оставляло попыток закрепиться в Мексике, играя на противоречиях разных течений и отрядов в лагере революции, широко используя демагогию и разного рода маневры, хотя ему пришлось признать правительство Каррансы де-факто. Империалисты США, испуганные перспективой национализации нефтеносных и других земель, требовали вмешательства в дела Мексики, используя любой повод. Налет мексиканских партизан на г. Колумбус (Нью-Мексико), о котором в Вашингтоне знали заранее, и гибель нескольких американских граждан дали такой предлог.

В Соединенных Штатах развернулась яростная шовинистская кампания с требованием «наказать Мексику» [48]. Вильсон, предпочитавший более гибкие средства подчинения соседних стран, все же уступил давлению влиятельных кругов. К тому же он хотел нейтрализовать критику республиканцев в канун президентских выборов. В марте 1916 г. правительство США отправило против повстанческой армии Вильи армию генерала Дж. Першинга в 12 тыс. солдат с артиллерией и авиацией. Вторжение американцев встретило решительный отпор мексиканцев. «Экспедиция Першинга» затянулась; она стоила дорого и не вызвала энтузиазма и поддержки среди населения США. Президент Вильсон, готовясь к войне с Германией, был вынужден отступить. В декабре 1916 г. обе стороны пошли на соглашение, и в феврале 1917 г. войска США были выведены из Мексики [49]. Карательная экспедиция закончилась бесславно, показав истинное лицо лицемерной «добрососедской» политики Вильсона.

Вступив в апреле 1917 г. в войну с Германией, США продолжали вмешиваться во внутренние дела Мексики, стремясь задержать принятие новой буржуазно-радикальной конституции в этой стране. Постоянные происки США облегчали мексиканской реакции подавление движения трудящихся и тормозили развитие революции.

Интервенционистские методы широко применялись империализмом США в отношениях с другими соседними странами. Долгое время США добивались полного контроля над Гаити, пользуясь трудным состоянием финансов этой страны. В 1914 г. США задались целью установить контроль над таможенно-тарифной системой Гаити и за этот счет выплачивать долги зарубежным кредиторам. По распоряжению из Вашингтона

---

[47] Подробнее см.: *Альперович М. С., Руденко Б. Т.* Мексиканская революция 1910—1917 гг. и политика США. М., 1958, с. 192—198.

[48] *Link A. S.* Woodrow Wilson and the Progressive Era, p. 136.

[49] *Лавров Н. М.* Мексиканская революция 1910—1917 гг. М., 1972, с. 246—248.

морские пехотинцы США бесцеремонно высадились в гаитянской столице, изъяли из подвалов Национального банка Гаити золотые запасы на 500 тыс. долл., переправили их в США и поместили в один из банков Нью-Йорка.

В начале 1914 г., а затем в июле 1915 г. они высадили на острове морскую пехоту, которая, беспощадно истребляя гаитянцев, обеспечила избрание президентом Гаити ставленника североамериканских монополий и заключение в сентябре 1915 г. правительством Гаити нового кабального договора сроком на 20 лет, по которому США установили над страной бесконтрольное господство в форме протектората [50]. Таким же путем США установили в мае 1916 г. полный оккупационный режим в соседней с Гаити Доминиканской Республике. В 1914 г. по плану, детально разработанному президентом Вильсоном, США контролировали ход выборов в республике, правительство которой попыталось отвергнуть навязываемый ей из Вашингтона кабальный договор. Высадив в мае 1916 г. морскую пехоту, американцы создали здесь военную диктатуру, сохранившуюся до 1924 г., которая способствовала захвату богатств страны монополиями Соединенных Штатов [51].

Когда на Кубе возникла угроза свержения ставленника США — президента Менокала, американцы поставили ему большое количество оружия, а в феврале 1914 г. послали на помощь войска для «защиты кубинской конституции». Подавив народное движение, американские контингенты оставались на Кубе до января 1922 г. Таким образом, А. Линк имел все основания заявить, что годы администрации В. Вильсона стали свидетелями вмешательства США в масштабах, которые прежде никогда не наблюдались и не ожидались [52].

Применяя вооруженные силы и жесткую политику, Вильсон в то же время широко использовал пацифистскую и либеральную фразеологию, стремился укрепить позиции финансового капитала США методами, более гибкими, чем его предшественники. Ему удалось заключить с Никарагуа в 1914 г. договор Брайана—Чаморро, навязавший народу этой страны режим, зависевший от поддержки США. США подписали договор и с Колумбией, по которому обязывались уплатить компенсацию в 25 млн. долл. за отторжение в 1903 г. территории Панамского канала. Однако этот договор встретил в конгрессе резкую критику республиканцев, и его ратификация была отложена вплоть до апреля 1917 г.

На Филиппинах, где экономика уже была в руках американских монополий, США из стратегических соображений пошли на некоторую либерализацию режима. Закон Джонса от 1916 г. создавал на Филиппинах парламент из двух палат и расширял участие национальной буржуазии и помещичьих кругов в управлении страной. Однако полной независимости народ Филиппин не получил.

Расширение экономической экспансии США наталкивалось повсюду на сильное сопротивление других империалистических держав, в том числе и воевавших в Европе. «Торговые войны» на всех рынках мира продолжались, хотя их масштабы и условия изменились.

---

[50] *Зубок Л. И.* Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна. М.; Л., 1948, с. 327—330. 352—354.
[51] *Луцков Н. Д.* Оккупация Гаити Соединенными Штатами, 1915—1934. М., 1981.
[52] *Link A. S.* Woodrow Wilson and the Progressive Era, p. 93, 96—99.

В годы «нейтралитета» усилились разногласия США с Японией. Экспансионистские замыслы этих государств столкнулись на обширной территории дальневосточного региона и в бассейне Тихого океана. США усилили вывоз товаров и капиталов в этот район, но ненамного — препятствием явилась позиция Японии, которая сама стремилась использовать войну в Европе, чтобы укрепить свое положение во всей Азии. 18 января 1915 г. она предъявила китайскому правительству ноту, содержавшую 21 требование, которые означали фактически полное закабаление Китая японским империализмом. США пытались ограничить действия Японии, оказав Китаю некоторую дипломатическую поддержку, лишенную, впрочем, силы и энергии. Япония не обратила серьезного внимания на демарш из Вашингтона. Китай к осени того же года был вынужден принять почти все японские требования.

Американские капиталисты с досадой смотрели, как Япония извлекает выгоду из слабости Китая. «Наши отношения с Японией неудовлетворительны в высшей степени, война с ней неминуема» [53] — такое заключение делали ведущие органы американской прессы. И в США, и за границей пришли к единому мнению: американская политика на Дальнем Востоке потерпела крах, и гонка вооружений, особенно военно-морских, в США направлена скорее против Японии, чем Германии. Это обстоятельство подчеркивал и В. И. Ленин, указывая, что Америка вступает в войну, чтобы иметь предлог создать сильную постоянную армию. США, писал Ленин, доводят вооружение до бешенства «явно в целях *второй* великой империалистской войны» [54]. Уже тогда Ленин указывал, что «действительная цель вступления Америки в войну — это подготовка к будущей войне с Японией» [55].

Империалисты США из опыта отношений с союзниками и Японией поняли необходимость иметь мощную военную силу и уже в 1915 г. приняли спешные, хотя и осторожные, прячась от собственного народа, меры по усилению армии и флота. В августе 1916 г. президент и конгресс одобрили программу строительства большого флота, рассчитанную на пять лет, которая выводила военно-морские силы Америки на второе место в мире после Англии. А Вильсон уже мечтал о флоте сильнее британского, чтобы можно было делать «что хотим» [56].

Важным фактором в развитии и дальнейшем обострении межимпериалистических противоречий явилось изменение роли и места США (ввиду их гигантского обогащения на войне) в системе мирового капитализма. Обогащение финансового капитала США имело, как указывал В. И. Ленин, значение «крупного поворота в мировой политике» [57]. США превращались в центр мировой финансовой системы, их «вес» возрастал, и это еще более усиливало противоречия с другими державами. В правящих кругах США довольно скоро осознали свое новое положение в мире, а также отношение к ним империалистических соперников. «По мере того как мы богатеем,— сетовал Э. Хауз,— мы становимся менее популярными» [58]. Расхождение позиций Англии и США

[53] North American Review, 1917, Mar., p. 330—333.
[54] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 255.
[55] Там же, т. 32, с. 98, 271.
[56] Архив полковника Хауза: В 4-х т. М., 1937—1944, т. 2, с. 241.
[57] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 275.
[58] Архив полковника Хауза, т. 2, с. 77.

состоит в том, разъяснял Хауз В. Вильсону, что США строят большой торговый флот, что торговля расширяется в необычайных размерах, что страна быстро становится на место, которое до войны занимала Германия [59].

Претензии правящих кругов США на мировое господство непомерно росли. В. И. Ленин приводил заявление «руководящей газеты американских миллиардеров», отмеченное «чисто американской откровенностью и чисто американским цинизмом»: «В Европе идет война из-за господства над миром. Для того, чтобы господствовать над миром, нужно иметь две вещи: доллары и банки. Доллары у нас есть, банки мы сделаем и будем господствовать над миром» [60]. Банкиры ставили вопрос грубо и прямо. Идеологи американского империализма во главе с Вильсоном облекали его в пацифистскую, псевдодемократическую оболочку, толковали об отказе от изоляционизма, о выходе из провинциального положения, о необходимости дать миру «экономическое» (и политическое) руководство, принести всем народам «блага» американского образца жизни. Наиболее полным воплощением этих идей стала концепция «интернационализма» (точнее было бы сказать интервенционизма), с которой выступали в 1916 г. В. Вильсон, Т. Рузвельт, Э. Рут, У. Липпман и др.

Таким образом, объективный процесс развития межимпериалистических противоречий, политика экспансии США неизбежно подталкивали эту страну к участию в борьбе за передел мира насильственным путем, т. е. к войне. Но прежде чем вступить в нее, более 2,5 лет Соединенные Штаты пребывали в положении «нейтральной» державы.

5. АМЕРИКАНСКИЙ «НЕЙТРАЛИТЕТ»

К началу военных действий в Европе Соединенные Штаты находились, как мы видели, на периферии мировой, в сущности европейской, политики. Значение их в военно-политическом отношении было слишком невелико, чтобы вести «свою игру», острота противоречий с другими державами еще не дошла до уровня, когда единственным решением могла стать смертельная схватка. Примечательно, что ни одна из держав, вступивших летом 1914 г. в войну, не учитывала США в своих планах и не предполагала их вмешательства, а тем более участия в европейском конфликте [61].

Но и сами Соединенные Штаты не были готовы участвовать в вооруженной борьбе. Отдаленность от театров военных действий (более 3 тыс. миль до Европы), недостаточность вооруженных сил, пацифистские и изоляционистские настроения — все это делало невозможным немедленное вступление в конфликт. Принятие правительством категорических решений при этих обстоятельствах было проблематичным. Учитывалось и то, что по обе стороны Атлантики ожидали скорого окончания войны, до «осеннего листопада» или рождества, самое позднее — к лету 1915 г.

Вместе с тем если США не вступили в войну немедленно, то и не участвовать в ней, хотя бы косвенно, они также не могли. Война не

[59] Там же, с. 240.
[60] Цит. по: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 84—85.
[61] *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914—1918 гг. М., 1924, с. 3, 14.

затрагивала непосредственно интересы империализма США, однако в нее были вовлечены все великие державы, и исход их схватки был для США небезразличен. США, писал известный публицист и статистик Р. Бэбсон, желают быть нейтральными, но не в отношении результатов войны, поскольку их не устраивает решительная победа ни Германии, ни Англии и Франции. К тому же американские капиталисты рассчитывали, как и в эпоху наполеоновских войн, нажиться на снабжении воюющих стран, избавиться от начавшегося с осени 1913 г. кризиса перепроизводства. Правительство президента Вильсона должно было учесть все эти факторы и изыскать пути и средства, не вступая в войну, влиять на ее развитие и исход, с тем чтобы соперники, вступившие в схватку между собой, как можно дольше дрались, а следовательно, ослабляли друг друга, и чтобы американский капитал успел получить прибыли на войне.

Едва наметилась угроза вооруженного конфликта в Европе, как правящие круги США проявили к нему острый интерес, предвидя будущие барыши. Начало военных действий отнюдь не огорчило заокеанских политиков. «Мы избежали кровопролития...— писал американский посол в Великобритании У. Пейдж Хаузу в августе 1914 г.,— улаживать все это придется нам, и в любом случае мы выигрываем» [62].

Объявив «нейтралитет», Вильсон дважды попытался навязать себя воюющим в качестве «беспристрастного арбитра». В августе — сентябре 1914 г. и в начале 1915 г. Хауз, государственный секретарь У. Брайан, посол в Берлине Д. Джерард предлагали посредничество США. Но еще полные сил воюющие державы отвергли навязчивые услуги американцев.

Необычайно выгодная экономическая конъюнктура вызвала в кругах американского финансового капитала желание затянуть войну в Европе. В сентябре 1915 г. журнал Американской банкирской ассоциации писал, что ни одна страна не будет так богата, как США, если война продлится достаточно долго. Банкир М. Харрисон утверждал, что не надо будет ни о чем беспокоиться, если война не кончится до 1920 г.[63] Соображения магнатов финансового капитала стали ведущим мотивом для американской дипломатии в ее усилиях способствовать затягиванию войны, истощению сил воюющих и сохранению в Европе выгодного для США баланса сил. Тем временем Соединенные Штаты усиливали вооружение, разрабатывали планы подготовки к войне, с тем чтобы в «нужный момент» силой поддержать свои претензии на «руководство миром».

Выполняя требования финансового капитала, правительство В. Вильсона разработало стратегию внешней политики, основу которой составило осуществление нажима поочередно на оба воюющих лагеря, чтобы не допустить «преждевременного» окончания войны, чрезмерного ослабления той или другой коалиции. Э. Хауз писал Вильсону: «...политика США должна заключаться в том, чтобы избегать и серьезных разногласий с союзниками в вопросе блокады и сохранять дипломатические отношения с Германией» [64].

---

[62] Архив полковника Хауза, т. 1, с. 84.
[63] Commercial and Financial Chronicle, 1916, July 22, p. 290.
[64] Архив полковника Хауза, т. 2, с. 103.

Довоенное соперничество с Германией, усугубленное ее первоначальными военными успехами, а также господством Англии на морях, обусловливало превращение США в арсенал Антанты. Этому способствовала позиция влиятельной группы финансового капитала, возглавляемой Морганом, которая считала поражение Германии предпочтительнее ее победы, но при том условии, что страны Антанты не будут «грубо нарушать общепризнанные права» [65], под которыми подразумевались интересы США.

Правительство США не только разрешило частные займы и поставки оружия союзникам, но и помогало его вывозу, предупредив Германию, чтобы она не рассчитывала на введение эмбарго на вывоз снаряжения в страны Антанты. И дух и буква «нейтралитета» были нарушены с первых же дней войны. Мало того, администрация Вильсона поставила своей целью добиться ослабления германской подводной войны, что было на руку Антанте (и в интересах торгующих с ней монополий США). Это стало одним из главных направлений внешней политики Соединенных Штатов.

Начало подводной войны было расценено в США как прямой вызов их интересам. К лету 1915 г. борьба вокруг подводной войны достигла критической точки. 7 мая 1915 г. подводная лодка «У-20» потопила «Лузитанию». Среди 1198 погибших 123 пассажира являлись гражданами США. Америка была потрясена этой трагедией. Возмущение и негодование американцев были использованы англофильской пропагандой и отечественными милитаристами. Военные заговорили об увеличении армии и флота, о подготовке к войне. Но ни войны, ни даже разрыва с Германией не последовало — было еще рано, с точки зрения правящих кругов США. Вильсон выступил с серией нот протеста, лишь затянувших разрешение кризиса.

Новое обострение американо-германских отношений произошло весной 1916 г. в связи с гибелью американцев на торпедированном пароходе «Сэссекс». Госдепартамент послал ноту, в которой угрожал разорвать отношения с Германией, а посол в Берлине Джерард пустил слух о своем отъезде. Но и тогда разрыва не произошло. Германия вновь отступила, пообещав прекратить подводную войну, при условии, правда, что и Англия ослабит блокаду. Однако вероятность разрыва оставалась, что оказывало определенное сдерживающее влияние на поведение Германии. «Мы должны были понять,— писал позже немецкий адмирал А. фон Тирпиц,— что политика Вильсона была вымогательской» [66].

Помимо подводной войны, были и другие проблемы, обострявшие отношения двух стран: борьба на рынках мира, происки Германии в Японии и Мексике и пр. Сильная германская агентура работала и в самих Соединенных Штатах, осуществляя диверсии на военных заводах и в портах, занимаясь шпионажем и пропагандой [67]. Противоречия США и Германии в течение периода американского «нейтралитета» усиливались, накалялись, подготовляя открытое столкновение.

Нельзя забывать, что в деловом мире и в правительстве США были сильные элементы, не желавшие победы Антанты. Большая группа фи-

---

[65] Там же, с. 41.
[66] *Тирпиц А. фон.* Воспоминания. М., 1957, с. 406.
[67] *Лан В. И.* США от первой до второй мировой войны. М., 1976, с. 24—27.

нансовых магнатов (Рокфеллеры, Гугенгеймы и др.) стояла на стороне немцев, связанная с ними давними экономическими интересами. Она решительно выступила против английской блокады и домогалась у правительства Вильсона суровых мер по отношению к Англии, которая, нацелив блокаду против Германии, использовала ее также для ослабления американских конкурентов. Не случайно первыми жертвами блокады оказались пароходы с нефтью, медью и хлопком из США [68].

Реакция последовала немедленно. Конгрессмены и сенаторы от «медных», «хлопковых» и иных штатов выступили с протестами, угрожая добиться запрета на вывоз оружия союзникам. Правительство Вильсона, отвечая на давление достаточно влиятельных кругов, выступало в 1914—1915 гг. с угрозами и протестами против блокады, правда скорее демагогическими, ибо разрыв с выгодным торговым партнером не входил в его планы. Эмбарго на вывоз оружия так и не было введено.

Хотя в англофильских кругах США любили говорить, что, воюя с Германией, Антанта делает «американское дело», полного тождества интересов с Антантой никогда не существовало. Методы блокады, энергичные и недвусмысленные приготовления Антанты к послевоенной «реконструкции» мира заставляли американцев с тревогой думать о будущем англо-американских отношений. В США имели основания сомневаться в доброжелательном отношении Англии к их планам участия в послевоенном переделе мира. Этот вопрос беспокоил правящие круги США, и в конце 1915 — начале 1916 г. Вильсон и Хауз организовали колоссальную по замыслам политическую разведывательную операцию — новый визит Хауза в Европу. Миссия Хауза была тщательно подготовлена, цели ее скрывались: было объявлено, что он везет представителям США за границей информацию и новые указания президента.

В течение января—февраля 1916 г. Хауз посетил ряд столиц с целью апробировать у союзников американский «план мира», который сводился к тому, что в подходящий, с точки зрения союзников, момент, т. е. в случае германских успехов или тупика в войне, Вильсон сделает предложение о созыве мирной конференции на условиях, заранее и втайне одобренных Антантой и, следовательно, заведомо неприемлемых для Германии. Если Германия откажется, США вступят в войну и «форсируют решение вопроса» [69]. Предлагая свой план, Хауз и правительство США подкрепляли его определенным нажимом: немцев пугали перспективой вступления США в войну, англичан — возможным сепаратным миром Германии с Россией и усилением борьбы против блокады. Лансинг в это время опубликовал ряд нот, потребовал от воюющих сторон соблюдения правил войны на море. Министр иностранных дел Великобритании сэр Э. Грей и Хауз 22 февраля 1916 г. подписали меморандум — секретное соглашение о возможном вступлении США в войну, но обязательно по просьбе Англии и Франции [70].

Однако очень скоро стало ясно, что изощренные дипломаты союзников провели Хауза и вовсе не собираются ни сейчас, ни позже допустить США к дележу добычи в случае успеха. Их не устраивали условия американцев, означавшие усиление России там, где она сталкивалась с Анг-

[68] *Ерофеев Н. А.* Англо-американские отношения и союзная блокада в 1914—1915 гг.— Ист. зап. АН СССР, 1947, № 21, с. 181.
[69] Архив полковника Хауза, т. 2, с. 67—68, 71—72, 125.
[70] Там же, с. 148—154.

лией, и сохранявшие сильную Германию как противовес Франции. К тому же союзники надеялись добиться победы своими силами, запланировав на 1916 г. наступательные операции против Германии на всех фронтах. Помочь серьезно, не имея большой сухопутной армии, американцы не могли, а брать их «в долю» из благодарности за оплаченные европейским золотом поставки никто не собирался [71].

Сами американцы, хотя и донимали англичан просьбами и даже угрозами [72], понимали, что ведут политическую игру с элементами блефа и шантажа. Выведывая отношение союзников к их планам участия в войне и условиям мира, Хауз не требовал от союзников точных сроков выступления США. Вильсон, одобрив меморандум, в том месте, где речь шла о вступлении США в войну, добавил всего лишь одно слово «вероятно» [73]. Хауз, подписавший секретное соглашение, не занимал никакого официального поста, был частным лицом, но дипломаты Антанты будто бы «не заметили» этого обстоятельства. Американцы поняли, что, не имея вооруженных сил и не участвуя в войне, им нечего рассчитывать на место на будущей мирной конференции.

В общем итоги политической разведки Хауза оказались малоутешительными. Вильсон, если верить А. Линку, сначала воспринял меморандум Хауза — Грея как готовность англичан следовать его руководству [74] и был раздражен, уяснив действительное положение вещей. Переговоры, начатые в духе дружбы и возможного партнерства в войне, окончились плачевно, выявив острые разногласия. «Если союзники нанесут поражение Германии,— писал Хауз в мае 1916 г.,— то может создаться положение, при котором они попытаются играть в Европе и других частях света роль диктатора. Я совершенно отчетливо вижу, в чем они могут изменить свои взгляды на милитаризм на суше и на море. Это зависит исключительно от того, какая страна применяет его и считает ли она это добром или злом» [75].

Словно желая подтвердить мысль Хауза, англичане, используя успехи на фронтах и укрепление своего военно-промышленного потенциала, усилили нажим на США. В июле 1916 г. Англия опубликовала «черный список» 85 американских фирм, которые были уличены в торговле с Германией, что вызвало раздражение в США. Одновременно был усилен контроль над средствами связи через Атлантику, над снабжением углем и проч. Участились захваты американских судов. США отвечали нотами протеста, строгими внушениями. В конгрессе звучали антибританские речи, вносились резолюции, осуждавшие Англию, но билль, предлагавший разрыв с Великобританией, был похоронен в комитете палаты представителей [76].

Со своей стороны правительство США провело ряд мер, усиливавших военный потенциал страны, в частности ускорило строительство большого военно-морского флота, что было также нацелено против господства Британии на морях. Хауз и Вильсон даже не скрывали этого. Резкое

---

[71] Там же, с. 130.
[72] *Link A. S.* Wilson the Diplomatist. A Look at His Major Foreign Policies. N. Y., 1974, p. 62—64.
[73] Архив полковника Хауза, т. 2, с. 153—154.
[74] *Link A. S.* President Wilson and His English Critics. Oxford, 1959, p. 13—14.
[75] Архив полковника Хауза, т. 2, с. 215.
[76] Congressional Record, vol. 53, pt 13, p. 13899.

осуждение встретили в США решения межсоюзнической экономической конференции, состоявшейся в июне 1916 г., которые были истолкованы правящими кругами и прессой США как попытка разрушить экономику Германии после войны. Между тем, заявляла американская печать, США нуждались в Германии, а Германия — в США [77]. Конечно, администрация Вильсона понимала преждевременность и даже фактическую невозможность разрыва с Англией. Но напряженность в отношениях двух стран все время нарастала.

Таким образом, в годы «нейтралитета» в разной степени и в различных масштабах противоречия США с Германией, Японией, Англией значительно возросли и обострились. Решение этих противоречий в условиях «нейтралитета», т. е. косвенного участия в войне, затруднялось, откладывалось, увеличивая их взрывную силу. Развитие межимпериалистических противоречий подталкивало правящие круги Соединенных Штатов к выводу о неизбежности и необходимости перехода к прямому, открытому участию в войне. Такой шаг являлся естественным продолжением прежней империалистической политики США и закономерным следствием «нейтралитета», который представлял по сути своеобразную форму участия империализма США в мировой войне, в борьбе за передел мира. «Разве американский и прочий финансовый капитал,— подчеркивал Ленин летом 1916 г.,— мирно деливший весь мир, при участии Германии, скажем, в международном рельсовом синдикате или в международном тресте торгового судоходства, не *переделяет* теперь мир на основе новых отношений силы, изменяющихся совсем *не*мирным путем?» [78].

Проводя лицемерную, вымогательскую политику, гигантски наживаясь на войне, США стремились затянуть ее в целях истощения сил обеих враждующих коалиций. Вопрос о вступлении в войну в правящих кругах Соединенных Штатов был решен. Они выжидали только подходящего момента, когда ослабевшим союзникам придется принять американские условия.

---

[77] Commercial and Financial Chronicle, 1916, Oct. 1, p. 1257; New Republic, 1916, July 8, p. 239—241.

[78] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 394.

Глава пятнадцатая
УЧАСТИЕ В ВОЙНЕ

1. ВСТУПЛЕНИЕ: ПРИЧИНЫ И ЦЕЛИ

В конце 1916 г. международная обстановка начала стремительно меняться самым кардинальным образом. Военные действия почти на всех фронтах зашли в тупик, выхода из войны, казалось, не было. Во всех воюющих странах росло недовольство народных масс, поднимались революционные настроения. Истощение материальных ресурсов и угроза нараставшей революции вызвали крутой поворот в мировой политике от империалистической войны к империалистическому миру [1]. Правящие круги искали пути быстрейшего окончания войны путем сепаратных переговоров или «последнего», решающего сражения.

Кое-кто в США высказывал опасения за положение стран Антанты. Их потери были огромны, экономика ослаблена, ресурсы истощены. В России зрела революция, а в окружении царя готовились к сепаратному миру с Германией. Перспективы Антанты выглядели беспросветными. Между тем в «дело» Антанты были вложены немалые деньги Моргана и других американских банкиров.

На самом же деле вряд ли можно было говорить о вероятном военном крахе Англии и Франции. Страны Антанты сохраняли огромный сравнительно с германским блоком экономический потенциал, ибо располагали колоссальными внешними источниками снабжения людскими ресурсами и припасами (из колоний, полуколоний, из США), большой, хорошо вооруженной армией и флотом. К ним перешла в ходе сражений 1916 г. стратегическая инициатива в войне, и как раз на следующий год союзники планировали крупные наступательные операции [2]. И об этом знали в США так же хорошо, как и о действительно тяжелом, почти отчаянном положении стран Центральной Европы, которые истощали свои людские и материальные ресурсы в войне на два фронта, были отрезаны от внешних источников снабжения. Эти державы, писал журнал «Нью рипаблик» в октябре 1916 г., ближе к поражению.

Поэтому не гипотетическая угроза краха Антанты могла подтолкнуть США к вступлению в войну, тем более что правящие круги и США и стран Антанты понимали, что американцы не могли бы помочь в военном отношении ввиду недостаточной укомплектованности, необученности и плохого снабжения их армии. В Лондоне отнюдь не торопили вступление США в войну и даже побаивались, зная о различии целей и планов обеих сторон в войне и особенно в послевоенном переделе мира.

Гораздо более важной, пожалуй определяющей, причиной вступления США в войну было все усиливавшееся истощение материальных, финансовых и людских ресурсов Европы, а с другой стороны, накопление золо-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 241, 339—340.

[2] *Вержховский Д. В., Ляхов В. Ф.* Первая мировая война, 1914—1918. М., 1964, с. 202—203.

та, пресыщение финансового капитала США. Бизнес, основанный на военных заказах, становился рискованным с точки зрения монополий, поскольку война могла внезапно окончиться, а заказы — остаться неоплаченными. К тому же конец войны вызвал бы кризис перепроизводства. С голодной, разорившейся Европы уже трудно было бы получить новые сверхприбыли [3]. На Уолл-стрит заговорили о том, что мир с точки зрения бизнеса выгоднее войны, что военный бизнес «давно потерял свою привлекательность» [4].

Американских дельцов пугал и приближающийся крах европейской экономики. Они хотели окончания войны до наступления полного истощения воюющих стран, особенно Германии. Их не прельщала перспектива предоставлять обессиленной Европе плохо обеспеченные кредиты. Выход был один — втянуть в войну США, чтобы стимулировать военное производство и гарантировать новые максимальные прибыли монополиям.

Другой причиной, ускорившей вступление США в войну, был страх перед назревавшей в воюющих странах революцией. Американская буржуазная пресса с тревогой отмечала повсеместный рост мирных настроений, народный протест против дороговизны и голода в странах, вовлеченных в войну, особенно в России.

Наконец, возможное скорое окончание войны означало борьбу за новый передел мира, и, чтобы участвовать в нем «на равных», США должны были вступить в ряды воюющих на стороне Антанты.

Получив в ноябре 1916 г. мандат избирателей, Вильсон уделил основное внимание проблемам внешней политики. Он предвидел обострение международных отношений, но, учитывая антивоенные настроения большинства американцев, по-прежнему выдавал себя за миротворца и гуманиста. Более того, он хотел предстать в этом качестве перед народами всего мира и разработал проект обращения о мире, который должен был, по его мнению, вызвать всеобщие симпатии и доверие к США и их президенту. Однако, к огорчению и досаде президента, Германия опередила его, предложив 12 декабря 1916 г. созвать мирную конференцию. Все же государственный департамент опубликовал 18 декабря ноту, которая получила большой международный резонанс. В ней заявлялось, что президенту США «неясны» причины войны и он просит воюющие стороны «уточнить» их и заодно назвать свои условия мира. Вместе с тем он давал понять, что США, не имеющие якобы каких-либо материальных интересов, готовы выступить для приближения мира [5].

Нота вызвала восторг в мелкобуржуазных и социал-пацифистских кругах. «На улице пацифистов нечто вроде праздника»,— насмешливо отметил Ленин [6]. Лидеры же воюющих держав отнюдь не испытывали восторга. Они поняли ноту Вильсона как заявку на участие в мирной конференции и, следовательно, в войне и как явный намек на тайные договоры о переделе мира. 21 декабря Лансинг опубликовал специальное заявление, в котором неосторожно заявил, что страна находится на грани войны. Подобное «разъяснение» ноты президента лишь усилило трево-

---

[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 241, 340.
[4] Financial Age, 1917, Febr. 3, p. 178, 181.
[5] The Papers of Woodrow Wilson / Ed. by A. S. Link a. o. Princeton, 1982, vol. 40, p. 272—273.
[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 339.

гу и у воюющих держав, и у американцев, и Лансингу пришлось подтвердить в печати, что США не собираются отказываться от «нейтралитета» [7].

Пока возбужденный мир гадал, что же означают ноты и разъяснения Вашингтона, деловая пресса вынесла свое суждение: «нас втягивают в войну». 22 января 1917 г. Вильсон выступил в сенате с новым «эпохальным» заявлением, изложив в нем американские условия мира: равенство народов, свобода морей и торговли, мир без аннексий и контрибуций. В конце речи Вильсон предложил воюющим державам заключить «мир без победы» [8]. Тщательно разработанное псевдодемократическое выступление Вильсона являлось вызовом союзникам, противопоставляло их тайной дипломатии лицемерную демагогическую доктрину борьбы «за справедливый мир и демократию». В то же время оно выдавало претензию США на руководство в послевоенном переустройстве мира.

В Германии верно поняли заявление Вильсона как знак скорого вступления США в войну и решили упредить его, объявив с 1 февраля 1917 г. неограниченную подводную войну, разрешив американским судам рейсы в Европу на довольно обидных условиях. В свою очередь, заручившись поддержкой лидеров сената, Вильсон 3 февраля объявил о разрыве дипломатических отношений с Германией и отзыве посла.

Различные министерства и ведомства спешно, но осторожно готовились к войне. Однако Вильсон неожиданно «ушел в тень», нигде не появляясь, и 23 дня молчал, ничего как будто не предпринимая. Пошли слухи, слабо опровергаемые Лансингом, что президент надеется избежать войны. В то же время США отвергли предложение о переговорах с Германией, используя посредничество Швейцарии. Несомненно, Вильсон ждал какого-то неосторожного шага со стороны Германии, чтобы объявить ей войну. Немецкое же руководство словно задалось целью облегчить Вильсону эту задачу. К 6 апреля 1917 г. германские лодки потопили с десяток американских судов, а 23 февраля посол в Великобритании У. Пейдж получил от британской контрразведки и тут же передал в Белый дом перехваченную и расшифрованную депешу министра иностранных дел Германии А. Циммермана посланнику в Мексике Эрхардту от 16 января 1917 г., в которой тому предлагалось втянуть правительство Каррансы в союз с Германией, а возможно и с Японией против США [9].

Замысел был небезосновательным (учитывая антиамериканскую позицию Каррансы и давние происки немцев и японцев в Мексике), но неисполнимым. Получив перехваченную депешу, Вильсон, однако, скрыл ее, совершив, с точки зрения российского посла, «весьма ловкий маневр» [10]. Для США депеша Циммермана была настолько выгодна, даже необходима, что Вильсон не сразу поверил в нее, заподозрив мистификацию. Но германские дипломаты сами подтвердили ее подлинность.

Располагая посланием Циммермана и сообщением о потопленных судах, Вильсон 26 февраля наконец-то появился в конгрессе. Перечислив

---

[7] Foreign Relations, 1916, Supplement, p. 97—99, 107.

[8] The Papers of Woodrow Wilson, vol. 40, p. 533—539.

[9] *Альперович М. С., Руденко Б. Т.* Мексиканская революция 1910—1917 гг. и политика США. М., 1958, с. 272—277.

[10] Секретная телеграмма Ю. П. Бахметева, 17 февраля (2 марта) 1917 г.— Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия, 1916 г., оп. 470, д. 118, л. 11—12.

все обиды, нанесенные Германией американцам, он потребовал объявить «вооруженный нейтралитет» и вооружить торговые суда. Но и тогда Вильсон давал понять, что колеблется объявить войну и ждет реакции конгресса и народа [11]. Палата представителей одобрила предложения президента, однако 11 сенаторов — пацифистов и изоляционистов, организовав в течение трех дней обструкцию, сорвали принятие соответствующих решений, затянув прения до окончания сессии 3 марта. Вильсон резко осудил «горстку своенравных людей» и, чтобы сразить пацифистов наповал, опубликовал 1 марта текст депеши Циммермана. В стране поднялась яростная шовинистическая кампания. Конгресс принял билль об ассигновании 517 млн. долл. на строительство флота по трехлетней программе, а Вильсон подписал его. «Теперь уже бесспорно,— писал В. И. Ленин о войне в марте 1917 г.,— что она — всемирная, ибо Соединенные Штаты и Китай наполовину втянуты уже в нее сегодня, будут вполне втянуты завтра» [12].

4 марта состоялась инаугурация Вильсона, и вскоре было объявлено о созыве на 16 апреля чрезвычайной сессии конгресса. Президент, не дожидаясь санкции конгресса, издал приказ о вооружении американских торговых судов. Теперь военные приготовления шли открыто, в газетах и на митингах говорилось о фактической войне с Германией. Сессия конгресса была спешно перенесена на 2 апреля. На ее открытии выступил президент. Он объявил, что Соединенные Штаты находятся в состоянии войны с Германией. Вильсон, конечно, не назвал подлинные цели и причины вступления в войну, а разглагольствовал об установлении на земле вечного мира, освобождении народов, правах великих и малых наций и т. п.[13] Примечательно, что Вильсон избрал формулу «состояния в войне», а не объявления войны, ибо хотел, как предсказывал журнал «Файненшл эйдж» еще в марте 1917 г., чтобы груз ответственности упал на Германию.

Итак, США вступили (или «оказались») в войну фактически с 3 февраля 1917 г., формально — со 2 апреля. Вильсон сумел растянуть процедуру объявления войны на два месяца, но не из-за колебаний или каких-то соображений гуманизма и морали. Он учитывал антивоенные настроения большинства народа США и считал, что в феврале—марте мало кто откликнулся бы на его призыв воевать. «Президент знал, что страна разделена,— откровенно писал «Нью рипаблик» в марте 1917 г.,— и двигался медленно, чтобы иметь за собой к моменту решения более объединенную страну».

4 апреля 1917 г. сенат и 6 апреля палата представителей приняли резолюцию о состоянии войны с Германией. Период «нейтралитета» закончился. Начался новый период — прямого военного участия в империалистической войне. «США,— писала газета «Правда» 8 апреля 1917 г.,— не могли остаться в стороне при том колоссальном, невиданном переделе всего земного шара, который произведут правительства, заключая мир между правительствами».

---

[11] The Public Papers of Woodrow Wilson. New Democracy, Presidential Messages, Addresses and Other Papers (1913—1917) by W. Wilson: Vol. 1, 2. N. Y.; L., 1926, vol. 1, p. 428—432.

[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 13.

[13] The Public Papers of Woodrow Wilson. War and Peace: Vol. 1, 2. N. Y., 1970, vol. 1 p. 16.

2. ВОЙНА, БИЗНЕС И ГОСУДАРСТВО

Разрыв отношений с Германией вызвал откровенный энтузиазм в кругах буржуазии США, ожидавшей деловой активности, «новой эры индустриального роста» [14]. На Нью-Йоркской бирже дельцы кричали о начале необыкновенного процветания.

Основания для радости банкиров и промышленников были: с 6 апреля 1917 г. оплату военного бизнеса вместо Антанты взяло на себя американское государство. Конгресс сразу же отпустил на нужды войны 7 млрд. долл. Военные расходы составили за войну более 35 млрд. долл., бóльшая часть которых шла на закупку товаров и услуг для государства [15].

В итоге таких обильных ассигнований почти все отрасли американской экономики пережили новый подъем. Производство главных видов промышленной продукции значительно возросло. Это относилось прежде всего к автомобильной, нефтехимической, энергетической и другим отраслям хозяйства. Так, производство электроэнергии за 1916—1918 гг. возросло более чем на треть и составило в конце войны 29,2 млрд. квт. Добыча нефти поднялась с 300,7 млн. баррелей в 1916 г. до 356 млн. в 1918 г., а угля соответственно — с 526,8 млн. т до 605,5 млн. Медленнее росло металлургическое производство. Некоторые отрасли, не затронутые потребностями войны, даже сократили выпуск продукции, но в целом налицо был экономический подъем.

В среднем индекс промышленного производства за время войны возрос на 32%, значительно увеличились сельскохозяйственное производство, вывоз товаров и капиталов, а также другие экономические показатели. Национальное богатство США приравнивалось в 1912 г. 187,7 млрд. долл., а в 1920 г. оценивалось (в текущих ценах) в 290 млрд. долл. США давали более половины мирового производства станков, стали, добычи нефти, угля, 85% автомобилей и держали в 1918 г. около 40% мирового золотого запаса [16]. Произошло невиданное усиление США, превратившихся в результате войны в центр хозяйственной и финансовой эксплуатации всего капиталистического мира. Выросли престиж и влияние финансовой олигархии США. Доллар окончательно утвердился на мировом денежном рынке как самая прочная валюта.

Война способствовала небывалому обогащению американской буржуазии, прежде и больше всего монополистической. Многие компании получали баснословные прибыли, превышавшие в 5—10 раз доходы 1914 г.[17] Чистая прибыль корпораций с 2684 млн. долл. в 1914 г. выросла в 1917 г. до 7958 млн., т. е. почти втрое, составив в 1918 г.— 4513 млн. долл. (после вычета налогов) [18].

Важнейшим следствием войны явилось усиление монополий. Число предприятий с годовой продукцией более 1 млн. долл. выросло за 1914—1919 гг. с 2,1 до 4,6% общего числа предприятий, а их доля в общей продукции — с 48,6 до 67,8% [19].

---

[14] Financial Age, 1917, Apr. 14, p. 417.
[15] *Люмер Х.* Военная экономика и кризис. М., 1955, с. 13—14.
[16] Очерки новой и новейшей истории США: В 2-х т. М., 1960, т. 2, с. 12—13.
[17] Там же, т. 1, с. 475.
[18] *Клод А.* Куда идет американский капитализм. М., 1951, с. 41.
[19] Statistical Abstracts of the United States. 1925. Wash., 1926, p. 746.

Однако эти факты и явления не исчерпывали всего содержания экономического развития США в годы активного участия в войне. Едва была объявлена война Германии, как американские дельцы бросились в погоню за гигантскими барышами, за выгодными военными заказами и поставками. Это вызвало невероятный хаос, путаницу, трудности и даже срывы в военном производстве и снабжении, способствовало росту лихоимства и казнокрадства. Деловой мир США как бы взялся подтвердить известные слова В. И. Ленина о том, что работа на войну «есть систематическое, узаконенное *казнокрадство*» [20].

Но война требовала иного — внесения элементов планомерности, организации экономики, ее руководства из единого центра. А это противоречило частному предпринимательству с его анархией и конкуренцией. Военное производство означало работу на государство, «на казну» и создавало по сути дела новый тип хозяйственного механизма.

В столкновении этих начал — частнокапиталистического хищничества и военно-государственной организации — нашел свое выражение в условиях войны конфликт между гигантским ростом обобществления производительных сил и системой частнособственнических отношений. На его основе даже в условиях благоприятной конъюнктуры обострились все противоречия капиталистической системы хозяйства, чему способствовал рост концентрации производства и капиталов в руках монополий при сохранении и ужесточении конкурентной борьбы. Вот это и было главными причинами перехода к военному регулированию, а вовсе не плохая зима 1917/18 г., хотя, действительно, таких буранов и морозов не было в стране 40 лет.

Во имя общих интересов буржуазии, прежде всего монополистической, правительство вынуждено было провести в жизнь систему военного регулирования государством экономической, социальной и даже духовной жизни страны. Однако разработка и воплощение принципов государственного регулирования проходили в упорной борьбе различных классов, социальных групп, разных фракций буржуазии, отдельных монополий и т. п.

Столкновение этих сил произошло уже в мае 1917 г. при обсуждении в конгрессе внесенного конгрессменом Э. Левером билля, который должен был создать законодательную основу военного регулирования, как его понимали в то время в правительстве, т. е. обеспечить сырьем, топливом, транспортом и средствами связи развитие военного производства, а также решить проблему снабжения продовольствием, имевшую важное военное и социально-политическое значение. Вокруг билля завязалась острая дискуссия. Сторонники laissez faire кричали об уничтожении свободы торговли и отвергали «диктат автократов и дилетантов» из Вашингтона. Представители аграрных штатов оспаривали твердые цены на пшеницу. Профсоюзы, напротив, требовали твердых цен на все продовольственные товары. Республиканцы искусственно затягивали дискуссию, добиваясь создания «военного кабинета» с их участием или хотя бы комиссии конгресса, которая контролировала бы деятельность правительства. Президент, раздраженный проволочками, пустил в ход все меры воздействия на конгресс и даже обратился 12 июля 1917 г. к общественному мнению с речью о несовместимости патриотизма и выколачивания

---

[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 173.

прибылей на военных заказах. С большим трудом значительно измененный билль был принят 10 августа 1917 г.

Акт о контроле над продовольствием, сырьем и топливом давал президенту США право создавать новые учреждения и принимать любые другие меры для снабжения армии и флота всем необходимым, а также для предупреждения спекуляций. Для осуществления контроля вводилась система лицензий, предусматривалась возможность реквизиций предприятий и продукции, но за соответствующую компенсацию. Однако твердых цен закон не вводил, кроме цены на пшеницу в 2,2 долл. за бушель (т. е. ниже рыночной). Никаких серьезных наказаний за нарушение закона не устанавливалось [21].

Таким образом, закон Левера провозглашал принцип государственного контроля в экономике, хотя и ограничивал его применение сферой продовольствия, топлива и сырья. Он значительно увеличивал права исполнительной власти, позволяя, в частности, президенту США создавать новые органы регулирования, не обращаясь в конгресс. Вместе с тем закон охранял прибыли и не запрещал их увеличение, тем более что Вильсон изменил в пользу монополий ряд статей законопроекта [22]. Пункт о реквизициях не смущал капиталистов, уверенных, что суды ее не допустят. Понятно отсюда то одобрение, с которым встретили новый закон в буржуазных кругах. В целом в законе Левера были изложены основные идеи и принципы государственного вмешательства, содержалось правовое обоснование будущих чрезвычайных решений президента, были заложены основы механизма регулирования социально-экономической жизни страны.

Подписав акт Левера, Вильсон в тот же день назначил Г. К. Гувера главой Продовольственной администрации (ПА) с весьма широкими полномочиями. Проблема снабжения вооруженных сил, союзников и населения страны продуктами питания к этому времени резко обострилась, от ее решения во многом зависела судьба войны. Анархия в производстве, конкуренция множества закупочных комиссий, стремление фермеров взять «свое», грабеж и спекуляция монополий и всякого рода посредников создали в деле продовольственного снабжения хаос и неразбериху, грозившие значительными политическими осложнениями.

Положение масс мало изменялось к лучшему. Весной 1917 г. в ряде городов Северо-Востока прошли «голодные бунты» и демонстрации. Демократические силы поставили вопрос о национализации пищевой промышленности и введении твердых цен на продовольствие [23]. Крупная буржуазия требовала «подтянуть пояс», разумеется за счет трудящихся. Эту задачу в сущности и должна была выполнить Продовольственная администрация. Ее глава Г. К. Гувер предлагал решить проблему, опираясь на добровольное сотрудничество всех патриотов, а на деле требовал от президента полномочий «продовольственного диктатора», независимого от правительства. Гувер собрал в аппарат ПА реакционных бизнесменов и политиков и организовал несколько кампаний по экономии продовольствия с помощью массовой пропаганды, сопровождавшейся

[21] Congressional Record, vol. 55, pt 1, p. 5775—5779.
[22] *Cuff R.* The War Industries Board. Baltimore, 1973. p. 87, 108—109.
[23] The Hoover — Wilson Wartime Correspondence / Ed. by F. W. O'Brien. Ames, 1974, p. 103—104.

угрозами. С большим трудом ПА удалось наладить снабжение армий и населения, хотя еще весной 1918 г. в этом деле были серьезные срывы.

Жертвами кампаний «экономии» и всей деятельности ПА были фермеры и наиболее обездоленные слои городского населения. Зато агропромышленный бизнес через ПА и созданную ею зерновую корпорацию США и сахарную компанию сохранил и даже увеличил свои прибыли. Капиталисты нарушали все предписания ПА, отделываясь символическими штрафами. Регулирование снабжения продовольствием явилось ярким образцом реакционно-бюрократических методов борьбы с голодом.

Таким же по классовому характеру и целям оказалось решение топливной проблемы. К лету 1917 г. гигантская угольная промышленность США стала работать с перебоями, появились признаки нехватки угля в промышленных центрах, началась спекуляция углем. Все попытки правительства уговорить многочисленных шахтовладельцев (добыча угля была слабо монополизирована) установить твердые цены ниже тех, на которых они настаивали, ни к чему не привели. Ширились требования национализации шахт. Взвесив все обстоятельства, Вильсон решил избежать прямой национализации отрасли, учредив приказом от 23 августа 1917 г. Топливную администрацию (ТА) во главе с Г. Гарфилдом[24]. Несмотря на все старания, к началу зимы снабжение топливом резко ухудшилось, к тому же возникли заторы на транспорте. Лишенные угля школы, больницы и многие предприятия, особенно мелкие, закрывались, останавливались паровозы и пароходы. Возникли стихийные «угольные бунты». Тогда Гарфилд с одобрения Вильсона отдал 17 января 1918 г. распоряжение о прекращении поставок угля, т. е. о фактическом закрытии на востоке страны всех невоенных учреждений и предприятий на пять дней и о введении «безугольных понедельников» до конца марта.

Страна была потрясена столь бесцеремонным вмешательством в частный бизнес, которое тяжело отразилось и на положении широких масс. В конгресс посыпались протесты рабочих организаций, фермеров, мелких и средних бизнесменов. Но монополии, так или иначе связанные с военным производством, не пострадали от этих мер.

Что касается снабжения нефтью, то Рокфеллер быстро подчинил себе и Топливную администрацию и все комитеты, ведавшие этой отраслью. «Нефтяные короли» не только нажили за войну гигантские прибыли, но и добились фактически принудительного картелирования всей отрасли, опираясь на «гибкую» политику правительства.

Провал попыток хозяев железнодорожных компаний наладить работу транспорта вынудил В. Вильсона и в этой отрасли прибегнуть к государственному регулированию. Острейшая конкурентная борьба за выгодные поставки, казнокрадство, произвол, пренебрежение вопросами безопасности и эффективности движения довели транспорт, находившийся и без того в кризисном состоянии, до развала. В портах и на товарных станциях Северо-Востока скопилось 200 тыс. неразгруженных вагонов, а на Западе не хватало более 158 тыс. вагонов для отгрузки военной продукции.

---

[24] General Orders, Regulations and Rules of the United States Fuel Administration... Wash., 1919, p. 26—27; 433—435; American Year Book. 1918. N. Y.; L., 1919, p. 72—74.

Вся хозяйственная деятельность и ведение войны оказались под угрозой краха. «Ситуация на дорогах беспокоит больше, чем Россия»,— утверждал печатный орган Уолл-стрит [25]. С новой силой раздались требования передать дороги в государственную собственность. Вильсон, предупреждая более решительные меры и не дожидаясь обсуждения вопроса в конгрессе, объявил о создании Железнодорожной администрации (ЖА) во главе с министром финансов У. Макаду. Этой администрации с 31 декабря 1917 г. вручался контроль над всеми системами транспорта, кроме городского [26]. После недолгого обсуждения конгресс принял 21 марта 1918 г. соответствующий закон, по которому на период войны и 21 месяц после ее окончания (или раньше — по приказу президента) железные дороги передавались под контроль Железнодорожной администрации. Их владельцы сохраняли право собственности и получали гарантированный доход, равный средней годовой прибыли за три предшествующих года. На содержание и ремонт дорог конгресс отпустил первоначально 500 млн. долл.; вопрос о ставках тарифов решал теперь сам президент США.

Таким образом, несмотря на некоторые ограничения (например, пассажирского движения) и уступки Макаду рабочим (повышение заработков, признание профсоюзов), в целом правительственное регулирование помогло не только улучшить работу транспорта, но и значительно укрепило позиции хозяев железных дорог, которые получили, кроме прибыли в 1,8 млрд. долл., еще 2 млрд. компенсации за контроль, плюс еще 716 млн. долл. было безвозмездно вложено государством в усовершенствование и эксплуатацию дорог в период контроля.

На таких же выгодных для капиталистов условиях государство в самом конце войны взяло под контроль все средства связи, спасая этим телеграфные компании от угрозы забастовки 25 тыс. рабочих.

Огромные средства — до 2 млрд. долл.— правительство вложило в создание торгового и транспортного флота, строительство верфей. «Стальные короли» с весны 1918 г. почти полностью подчинили себе судостроительную программу правительства, извлекая немалые барыши. После войны построенные за счет налогоплательщиков суда были проданы капиталистам по цене в 20—40 раз дешевле их стоимости [27].

Весьма энергично администрация США контролировала внешнюю торговлю, пытаясь закрыть доступ стратегически важных товаров, продовольствия в первую очередь в Германию и высвободить для войны дефицитные суда. Совет по торговле и Военно-торговое управление, в которых члены кабинета заседали вместе с бизнесменами, взяли под контроль более тысячи наименований товаров, запрещенных к вывозу (без особых лицензий) в 56 стран, включая страны Антанты и их колонии [28]. В деловых кругах сопротивлялись такому контролю, утверждая, что президент душит американскую торговлю. Протестовали и нейтральные страны, оказавшиеся на грани голода. Между тем объем торговли США, в том числе и вывоз в невоюющие страны мира, в 1917—1918 гг. продолжал расти, а вместе с ним и прибыли монополий.

---

[25] Financial Age, 1917, Nov. 25, p. 869.
[26] The Public Papers of Woodrow Wilson. War and Peace, vol. 1, p. 143—146, 147—149, 150—154.
[27] *Люмер Х.* Указ. соч., с. 93, 98.
[28] Report of the War Trade Board. Wash., 1920, p. 358—359, 372—374.

3. ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ И ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В правительстве США еще до вступления в войну, изучив опыт воюющих стран, поняли необходимость перевода всей экономики на «военные рельсы» и создали соответствующий военно-экономический аппарат. Участие США в войне явилось испытанием, которого этот аппарат руководства военной экономикой не выдержал. Выяснилось, что никто в США не представлял ни масштабов войны, ни характера и степени участия в ней американских вооруженных сил. Соперничество закупочных органов усиливало хаос и неразбериху в военном производстве, способствовало искусственно созданной нехватке ряда товаров. Как показали расследования, во время войны были расхищены колоссальные средства. Так, из 18,5 млрд. долл., затраченных военным министерством в 1917—1919 гг., треть просто разворовали [29].

Конкурентная борьба предпринимателей усиливала рыночную стихию, бешено росли цены (например, цены на сталь с июля 1914 г. по апрель 1917 г. поднялись до 340%, а за апрель—июль 1917 г.— до 435%) [30]. Спекулятивная горячка, хищничество мелких и средних предпринимателей не только затрудняли военные приготовления, но и подрывали сложившееся и выгодное монополиям соотношение цен на рынке, угрожали стабильности их прибылей. Были и политические аспекты этой проблемы. Администрация опасалась, что, не создав мощной военно-экономической базы, США окажутся не в состоянии ни помочь победе Антанты, ни предупредить ее поражение. А это, в свою очередь, могло повлиять на роль США за столом мирных переговоров и при переделе мировых рынков.

Наконец, широкие массы открыто возмущались наглым грабежом капиталистов и требовали национализации важнейших отраслей экономики. Вновь оживились антимонополистические настроения, и общественный энтузиазм, вызванный военной пропагандой с таким трудом, мог исчезнуть.

Учитывая все это, крупный капитал в лице Торговой палаты США и отдельных монополистов потребовал решительных мер. После состоявшегося в сентябре 1917 г. «Военного съезда американского бизнеса», созванного в Атлантик-Сити, где собрались 200 представителей разных отраслей экономики, делегация Торговой палаты вручила президенту США и членам правительства меморандум, в котором предлагалось провести полную реорганизацию управления военной экономикой, вплоть до создания министерства военного снабжения, остановить рост цен и т. д., короче, внести порядок и централизацию [31].

После обсуждений в правительстве, слушаний и скандальных разоблачений в конгрессе, когда республиканцы и некоторые демократы прямо заявили о развале военной машины США, президент Вильсон, поколебавшись, пошел на решительный шаг. Он учитывал и давление дело-

---

[29] *Ландберг Ф.* 60 семейств Америки. М., 1948, с. 243—246.

[30] *Cuff R. D., Urofsky M.* The Steel Industry and Price-fixing During World War I. Interpreting XXth Century America. N. Y., 1973, p. 116.

[31] *Белявская И. А.* Внутренняя экономическая политика США (1917—1918). М., 1956, с. 69—71.

вых кругов, и резкое ухудшение снабжения союзников и экспедиционных войск США, и обострение под влиянием Октябрьской революции политического положения в стране и Европе. 4 марта 1918 г. президент выделил созданное еще в июле 1917 г. Военно-промышленное управление (ВПУ) из подчинения СНО и военного министерства и поручил ему, теперь уже самостоятельному органу под контролем только президента, координировать все снабжение вооруженных сил США и союзников, развитие военного производства, изыскание и распределение материальных ресурсов, рабочей силы и т. д.[32] Право окончательного решения этих вопросов передавалось председателю ВПУ, известному биржевому маклеру и спекулянту, близкому к «медным королям», доверенному лицу В. Вильсона Бернарду М. Баруху.

Персонал управления (около 1,5 тыс. человек) состоял из разного рода чиновников и экспертов, но преобладал «цвет американского бизнеса» — менеджеры крупных корпораций почти из всех промышленных центров. В этом отношении управление являло пример теснейшей личной унии капитала и государства, характерной для государственно-монополистического капитализма.

Целью ВПУ было наведение порядка в снабжении войск всем необходимым, ограничение конкурентной борьбы и не в последнюю очередь подрыв «популярных планов социализации промышленности»[33]. ВПУ добилось некоторого порядка и централизации в военном снабжении, успешно провело кампанию стандартизации и унификации, сокращения типоразмеров изделий, что повысило конкурентоспособность американских товаров после войны[34]. Была проделана работа по экономии и накоплению дефицитных изделий и видов сырья, по переводу ряда мирных отраслей на военное производство. Резко сократилось гражданское строительство. Но полного успеха ведомство Баруха вопреки его утверждениям не достигло. Оно так и не стало единственным, или центральным, органом снабжения и потерпело полное поражение, попытавшись ограничить производство легковых автомобилей и других товаров, не предназначенных непосредственно для ведения войны. И, наконец, Вильсон изъял из ведения ВПУ вопрос о ценах.

После вступления в войну правительство США попыталось остановить рост цен (и, следовательно, прибылей) на каком-то «разумном», «справедливом» уровне. Вильсон предложил формулу «стоимость производства плюс разумная прибыль», но крупный капитал отверг ее. Начавшиеся осенью 1917 г. переговоры о ценах на сталь, медь, уголь превратились в острые стычки. Хозяева «Стального треста», «медные короли» в итоге одержали победу, заключив выгодные для себя соглашения о ценах на производимые их корпорациями изделия. Администрация Вильсона отступила. Возник, как и во многих других отраслях, союз правительства и крупнейших трестов против потребителей и мелких производителей.

Весной 1918 г. вопрос о ценах был передан специальному Комитету по фиксации цен во главе с В. Брукингсом. Этот отставной делец и миллионер проповедовал необходимость уступок рабочим, дабы предотвра-

---

[32] *Baruch B. M.* American Industry in the War. A Report of the War Industries Board, 1921, March. N. Y., 1941, p. 24—25.

[33] *Cuff R.* Op. cit., p. 154—155.

[34] *Далин С. А.* Военно-государственный монополистический капитализм в США. М., 1961, с. 163—167.

тить стачки, но переговоры о ценах с предпринимателями вел тем не менее всегда на основе их добровольного согласия, никогда не прибегая к принуждению.

Общие итоги решения вопроса о ценах могли только радовать крупный капитал. Всего под регулирование подпали 573 наименования товаров, но цены на контролируемые изделия были выше и росли быстрее, чем на неконтролируемые, принося капиталистам огромные барыши. И в Америке и в Германии, подчеркивал В. И. Ленин, регулирование экономической жизни обеспечивало капиталистам «прибыли *выше* тех, какие были до войны» [35].

Правительство США пыталось как-то регулировать и самую индивидуализированную отрасль экономики — сельское хозяйство. Но помощь на деле была невелика и свелась к попыткам (лишь отчасти успешным) обеспечить фермеров рабочей силой, удобрениями, научно-технической и экономической информацией и, наконец, деньгами через систему сельскохозяйственного кредита, созданную еще в 1916 г. Зато стимулирование производства важнейших продуктов питания и сырья было организовано с размахом. Побуждаемые правительством фермеры резко увеличили запашку, ввели в оборот новые земли, которые, однако, вскоре пострадали от эррозии, пыльных бурь и были заброшены.

Администрация не сумела регулировать движение рабочей силы в стране, хотя и стремилась к этому. Попытки уменьшить текучесть рабочей силы наталкивались на острейшую борьбу предпринимателей, переманивавших к себе рабочих, особенно квалифицированных. Малоэффективными оказались меры разного рода ведомств и учреждений по охране труда, в частности труда женщин и детей. Военно-трудовые органы не смогли преодолеть анархию капиталистического производства.

Важнейшей проблемой в 1917—1918 гг. было финансирование войны. По этому вопросу в стране все время шла острая борьба. Мелкая и средняя буржуазия, демократические организации требовали «мобилизации богатства», т. е. ограничения прибылей монополий (не более 3—6% на капитал и не более 100 тыс. долл. в год), высокого обложения налогами военных прибылей, отказа от внутренних займов, перелагавших груз войны на следующие поколения и увеличивавших государственный долг. Выступления конгрессменов по этим вопросам носили резкий характер [36].

Иной была позиция финансового капитала. Дж. П. Морган обнародовал свое мнение: налоги на прибыли должны покрывать не более 20% всех военных расходов, чтобы «не обескураживать вкладчиков». Торговая палата США разработала проект закона, по которому налоги на корпорации дали бы не более четверти общих поступлений.

Еще до вступления в войну, в марте 1917 г., конгресс принял закон о налогах, вводивший 8%-ное обложение чистой прибыли корпораций и увеличивавший налог на наследство, ранее собиравшийся только в штатах. Одновременно были увеличены и косвенные налоги с широких народных масс. Но монополии критиковали закон, называя его «перераспределением налогов в пользу рабочих и фермеров», уступкой аграрному Югу и т. п.[37] С объявлением войны в конгресс был внесен законопроект,

[35] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 166.
[36] Congressional Record, vol. 55, pt 8, p. 15—16, 103—104, 128, 144.
[37] Commercial and Financial Chronicle, 1917, Apr. 28, p. 1649.

который предусматривал увеличение подоходного и косвенных налогов, но одновременно и высокое обложение прибылей, особенно в военной промышленности, и ретроспективный налог на все прибыли рекордного по доходам 1916 г.

Финансовый капитал, его пресса и представители в конгрессе обрушились на проект «конфискационного», по их мнению, закона, разработанного якобы «социалистическими подсказчиками», и добились значи-

ВУДРО ВИЛЬСОН ВО ГЛАВЕ МАНИФЕСТАЦИИ ПО СЛУЧАЮ ВЫПУСКА «ЗАЙМА ПОБЕДЫ»

тельного изменения билля в интересах корпораций и в ущерб мелким предпринимателям. 3 октября билль стал законом. Он предусматривал получение 2,5 млрд. долл., из которых более 1,5 млрд. представляли налоги с населения.

Всего налоги дали около 37% средств, потраченных США на войну. Остальную часть правительство получило от внутренних займов. В 1917—1918 гг. была проведена подписка на четыре «займа свободы» и один «заем победы» на общую сумму 21,3 млрд. долл. Проведение подписки сопровождалось мощной пропагандистской кампанией. Если пропаганда не помогала, в ход пускались разного рода меры принуждения. В итоге широкие массы, около 55 млн., подписались на облигации займов, в том числе рабочие, фермеры, мелкие бизнесмены. Но главную часть облигаций купили крупные капиталисты и банкиры, которых привлекал и высокий процент (3—4% годовых), и освобождение облигаций от налого-

вого обложения. Таким образом, займы стали источником гарантированного дохода, да еще с процентами.

Подписка на займы проходила при активном участии банков Федеральной резервной системы. Годы войны стали временем дальнейшего расширения и укрепления ФРС. В 1917—1918 гг. были приняты дополнения к закону 1913 г., расширившие сферу ее действия в стране и за границей. Вырос золотой запас в банках — членах системы, укрепились позиции крупнейших банков. С помощью резервной системы крупные банкиры участвовали с большой выгодой в финансировании войны. Когда же это показалось им рискованным, и огромные суммы денег стали оседать в банках и сберкассах или направляться в не работавшие на войну отрасли, государство взяло на себя прямое финансирование военной промышленности, выдавая кредиты через Военно-финансовую корпорацию, созданную по закону 5 апреля 1918 г.

Таким образом, экономическая политика правительства США в годы непосредственного участия в мировой войне оказалась заметным отступлением от принципов капитализма свободной конкуренции. Несомненно, что определенные элементы порядка и централизации военное регулирование вносило, ограничивая стихию свободного рынка. Но справиться с ней до конца так и не смогло. «...Контроль за капиталистами невозможен,— писал В. И. Ленин,— если он остается бюрократическим, ибо бюрократия тысячами нитей сама связана и переплетена с буржуазией» [38].

Все военное регулирование экономики по содержанию, формам и целям представляло собой систему реакционно-бюрократического контроля, стоявшего на страже интересов крупной буржуазии, ее обогащения и стремившегося переложить всю тяжесть войны на широкие массы народа, на трудящихся, ибо прежде всего охранялись интересы монополий. Не случайно одним из итогов деятельности всех органов регулирования стало принудительное картелирование в ряде отраслей. В конгрессе США отмечали, что именно политика правительства давала возможность трестам и другим объединениям расти подобно сорной траве. Позиция администрации, особенно военно-экономических учреждений, способствовала и тому, что в 1917—1918 гг. фактически было отброшено в сторону антитрестовское законодательство.

Вместе с тем создание системы военно-экономических органов свидетельствовало об обострении противоречий капитализма, о кризисном состоянии дел. Развал в ряде отраслей, обострение экономических и социально-политических противоречий побудили государство вмешаться в социально-экономическую сферу. Буржуазия была вынуждена с этим согласиться, ощутив и осознав свое бессилие решать противоречия в рамках частнособственнических отношений и выполнить своими силами и средствами требования войны. В чрезвычайных военных условиях закладывались основы бюрократического контроля государства над экономикой и отношениями классов, соединялись в единый механизм сила государства и сила монополий. Война и в США ускорила вызревание государственно-монополистического капитализма.

В этих условиях американская буржуазия попыталась использовать вступление США в войну, чтобы взять реванш на внутриполитической

---

[38] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 187—188.

арене за поражения и уступки предвоенных лет и загнать рабочих на «военную каторгу». Она стремилась в первую очередь разгромить организации рабочих, ликвидировать трудовое законодательство, провести, прикрываясь патриотизмом, фактическую мобилизацию рабочих. Многие капиталисты рассчитывали, что война заставит правительство и конгресс отказаться от каких бы то ни было социальных реформ и вообще от вмешательства в отношения труда и капитала.

Местные власти с готовностью поддерживали атаки капиталистов. Едва была объявлена война, как в ряде штатов попытались «временно» приостановить действие законов о труде или даже вовсе отменить их в целях подъема военного производства. В Нью-Йорке, Пенсильвании, Массачусетсе такие попытки были отбиты профсоюзами вкупе с либералами, но во многих штатах Запада трудовое законодательство было ослаблено и ограничено и были приняты антирабочие законы. Суды все чаще запрещали стачки. В конгрессе постоянно требовали расправы над ИРМ, над стачечниками. Осуждали даже лидеров АФТ за неспособность подчинить массы. Были урезаны ассигнования министерству труда, принят реакционный закон об иммиграции, а президенту страны дано право приостанавливать действие закона о 8-часовом рабочем дне при выполнении государственных заказов.

Однако известная часть буржуазии с сомнением и даже тревогой встретила усиление нажима на рабочих. Опыт воюющих стран, уроки классовых битв в Соединенных Штатах 1914—1916 гг. научили многих капиталистов признавать силу и роль рабочего движения, понимать и по-новому оценивать значение буржуазно-реформистской социальной политики, выгодность вмешательства государства в социальную сферу. Эта часть буржуазии пыталась приспособить политику реформизма к условиям военного времени и утверждала, что только государство может обеспечить «классовый мир» обещанием реформ и уступок — иное решение могло бы лишь ускорить взрыв недовольства народных масс.

Либеральная и прогрессивная буржуазия требовала расколоть рабочее движение: разгромить ИРМ как источник «саботажа и анархии», противопоставить им АФТ, поддерживая ее социальным законодательством и другими уступками, с тем чтобы гомперсисты подчинили затем всех рабочих.

В правительстве США нашлись люди, которые прислушались к советам реформаторов и, учитывая опыт воюющих стран, приняли курс на политику «сотрудничества труда и капитала» ради общих классовых интересов буржуазии. Эту линию поддержал и Вильсон. Нисколько не сочувствуя рабочим, а боясь их движения, президент стремился уступками расколоть и ослабить рабочий класс. Именно этим объяснялись либеральные нотки в его выступлениях. Уже в мае 1917 г. он заявил, что была бы «печальной» даже временная приостановка законодательной защиты труда [39]. Вильсон сделал весьма знаменательный, символический жест, выступив, впервые в истории АФТ, на съезде этой федерации в Буффало в ноябре 1917 г., где призывал рабочих стоять «рядом со всеми», т. е. не бастовать, пока не исчерпаны все методы примирения. Абсолютно никому нет пользы мешать военному производству, предупредил президент.

---

[39] American Labor Legislative Review, 1918, Dec., vol. 8, N 4, p. 371, 373.

В течение всей войны Вильсон проповедовал идею «классового партнерства». Он пошел и на определенные практические шаги, включив, например, профлидеров в состав ряда организаций по военному регулированию и назначив Гомперса членом СНО и главой Комитета по труду в Совещательной комиссии.

Ряд министерств и ведомств подписали с профсоюзами соглашение, устанавливавшее часы работы и ставки оплаты по существующим профсоюзным стандартам, что было вначале выгодно рабочим. Однако скоро фиксированная заработная плата отстала от роста стоимости жизни. Кроме того, соглашение предусматривало фактически принудительный арбитраж всех споров, т. е. запрет стачек, и уничтожало «закрытый цех».

Все эти шаги тем не менее не могли остановить борьбы рабочих. Уже летом 1917 г. буржуазная пресса отметила, что еще не было времени, когда отношения с трудом были бы более напряженными. Опубликованные в начале 1918 г. данные о стачках за первые шесть месяцев участия в войне были ошеломляющими: 6 млн. потерянных рабочих дней![40]

В правящих кругах вновь разгорелась дискуссия о путях и методах решения рабочего вопроса, обострившаяся в связи с победой Октябрьской революции и революционным подъемом в Европе. В буржуазной печати с тревогой обсуждался вопрос о позиции рабочего класса. Реакционные круги требовали усилить нажим на рабочих, задушить террором их выступления. В конгрессе появились билли, предусматривавшие запрещение всех стачек на производстве и при перевозке военных припасов. С другой стороны, либералы предупреждали, что правительство не сможет достичь максимума производства, посадив всех рабочих в тюрьму.

Взвесив все обстоятельства, Вильсон пришел к выводу, что одни жесткие методы подавления не дадут должного эффекта, тем более в стране, объявившей «крестовый поход» за демократию во всем мире. Правительство было вынуждено усилить свое вмешательство во взаимоотношения предпринимателей с рабочими.

Была создана президентская посредническая комиссия во главе с министром труда по разрешению наиболее острых трудовых конфликтов, а в январе 1918 г. министр труда У. Б. Вильсон был назначен Национальным администратором труда в военное время. Наконец, 2 апреля 1918 г. президент США назначил членов нового чрезвычайного органа регулирования классовых отношений — Военно-трудового управления (ВТУ). Управление состояло из представителей профсоюзов и предпринимателей (пять человек с каждой стороны). Сопредседателями управления стали: от профсоюзов Ф. Уолш, бывший председатель индустриальной комиссии конгресса, слывший либералом и реформатором; от предпринимателей — экс-президент У. Тафт.

Главная задача ВТУ была выражена кратко и ясно: никаких стачек и локатутов во время войны. ВТУ должно заниматься разрешением конфликтов в промышленности, работающей на войну, создать механизм и средства для этого, а также использовать все имеющиеся уже центральные и местные органы посредничества. Решения правительственных посредников считались обязательными для всех сторон в конфликте, и правительство могло силой заставить их принять эти решения. Управление

---

[40] National Industrial Conference Board. Strikes in American Industry in Wartime, April 6 to October 6, 1917. Boston, 1918, p. 6—8.

признавало право рабочих на организацию в профсоюз и на коллективный договор, так же как право предпринимателей организовываться в ассоциации. Оно рекомендовало предпринимателям не ослаблять мер по охране здоровья и безопасности труда рабочих, установить равную с мужчинами оплату женщинам за равный труд, признавать 8-часовой день как основу во всех случаях с учетом военных нужд федерального правительства.

Эти принципы означали серьезные уступки в пользу рабочих, улучшение условий их труда и жизни и признание права на организацию. Однако это касалось только организованных рабочих — членов АФТ, а их было тогда менее $^1/_{14}$ всех занятых по найму и около $^1/_8$ занятых в промышленности и на транспорте. А главное — требовалось поддержание всеми средствами максимума производства.

В дополнение к ВТУ летом 1918 г. министр труда создал еще один орган — Управление военно-трудовой политики (УВТП) во главе с либеральным юристом Ф. Франкфуртером, уже имевшим опыт регулирования трудовых отношений с рабочими. Целями УВТП были более полный сбор информации о конфликтах в промышленности, выработка общих принципов национальной политики в вопросах условий труда рабочих и в решении споров, а также разъяснение и пропаганда политики правительства.

Работа новых органов военно-трудового регулирования длилась недолго, но их классовый характер и направленность проявились достаточно четко. Так, ВТУ фактически отказалось поддержать организацию новых профсоюзов, стремилось подменить их разного рода комитетами с участием рабочих, лишенных существенных прав, и профсоюзам приходилось тратить «слишком много времени и денег в Вашингтоне и вокруг него» [41].

Правительство, выступая в поддержку рекомендаций ВТУ, зачастую принимало сторону капиталистов, широко применяя принцип «Сражайся или работай». Так поступил В. Вильсон, вынуждая прекратить забастовку профсоюза плотников на судоверфях и металлистов Бриджпорта в 1918 г.[42] Те немногие случаи, когда администрация пошла на реквизицию предприятий (заводы «Смит энд Вессон») или национализацию отрасли (средств связи), были связаны с предупреждением стачки или невозможностью ликвидировать ее обычными средствами.

Но и предприниматели оставались недовольны политикой правительства и военно-трудовых органов. Система военного регулирования не ликвидировала стачечного движения; она вынуждала капиталистов идти на уступки рабочим и поступаться частью прибыли, что мелкие фирмы ощущали достаточно остро, в то время как монополии легко переносили потери, а чаще всего обходили или игнорировали решения ВТУ при поддержке «своих людей» в государственном аппарате. Правительственные органы и предприниматели не всегда, как мягко выразился У. Тафт, стремились поддержать профсоюзные стандарты и признать профсоюзы. Постоянный поток их жалоб шел в Вашингтон. Имели место попытки помешать работе управления. Деятельность правительства демократов в

[41] American Labor Legislative Review, 1918, Dec., vol. 8, N 2, p. 129—130, 173.
[42] The Public Papers of Woodrow Wilson. War and Peace, vol. 1, p. 185—186, 252.

области трудовых отношений немало способствовала тому, что деловой мир отказался поддержать их на выборах 1918 и 1920 гг.

В общем итоге политика регулирования классового конфликта не дала полного эффекта; она лишь смягчила в ряде случаев его проявление, но не устранила. Таким образом, в США в 1917—1918 гг. было широко применено государственное регулирование социальных отношений, обусловленное обострением противоречий в условиях войны. Военное регулирование трудовых конфликтов содержало в себе некоторый элемент буржуазно-реформистской социальной политики, но целиком к ней не сводилось. В его арсенале были и принуждение, насилие, террор, что отражало и выражало усиление реакции в США в период участия в мировой войне.

4. УСИЛЕНИЕ РЕАКЦИИ

Едва Вильсон выступил с посланием о войне, как по стране прокатилась волна «ура-патриотизма», шовинизма и национализма. Монополии развязали и щедро финансировали новую кампанию по «укреплению тыла», т. е. подавлению антивоенной оппозиции, по разгрому социалистического и рабочего движений, искоренению любого рода радикализма. Основными объектами гонений стали социалисты, члены ИРМ и других левых организаций, активисты рабочего класса, пацифисты, «сомнительные патриоты» и «подозрительные иностранцы», особенно немцы, а с осени 1917 г.— русские, финны и другие бывшие граждане царской России, в которых видели потенциальных большевиков. Под ударом оказалась и передовая часть интеллигенции, даже пацифистски настроенные священники.

С особой яростью пропаганда нетерпимости и антирадикализма развернулась после победы Октябрьской революции. Заговор молчания вокруг Советской Республики скоро сменился грязной клеветнической кампанией, призывами удушить молодую республику. Включение США в антисоветскую интервенцию усилило реакцию в стране и вызвало жесточайшие преследования всех революционных, радикальных и либеральных элементов.

В течение 1917—1918 гг. имели место многочисленные случаи линчевания «нелояльных» лиц, негров и белых, вызвавших подозрение и гнев разбушевавшихся (а иногда и пьяных) «патриотов». В Бисби (штат Аризона) более 1000 шахтеров-забастовщиков были окружены бандой «бдительных» во главе с местным шерифом, избиты, вывезены в вагонах для скота в пустынную местность и брошены там без воды и пищи [43]. В августе 1917 г. был зверски убит известный лидер ИРМ Ф. Литл, в Талсе (штат Оклахома) жестоко избили 17 членов ИРМ. Шовинисты на автомобилях устроили охоту за священником-пацифистом Г. Бигелоу. Даже Вильсон был вынужден осудить эту «нетерпимую жестокость» [44]. В Чикаго, Филадельфии, Цинциннати и других городах арестовали многих членов профсоюзов, в Нью-Йорке и Бостоне полиция, солдаты и матросы при явном попустительстве властей разгоняли антивоенные митинги, а в Чикаго — конференцию созданного в мае 1917 г. Народного совета, избивая участников и разрывая лозунги и транспаранты [45].

---

[43] Книга Билля Хейвуда. М., 1932, с. 298.
[44] Nation, 1917, Dec. 20, p. 627.
[45] *Зубок Л. И.* Очерки истории США (1877—1918). М., 1956, с. 530—531.

Антирадикализм нашел выражение и в репрессивном законодательстве ряда штатов, особенно западных, где классовый конфликт был острее и где в 1917—1918 гг. были приняты законы о преступном синдикализме и саботаже, по которым предусматривалось строгое наказание (до 10 лет тюрьмы) их нарушителям. Законы стали фактически орудием борьбы с членами ИРМ, Беспартийной лиги (БПЛ) — фермерской организации и социалистами.

Местные «патриотические» организации, возглавляемые, как правило, крупными бизнесменами, использовали войну для изгнания из колледжей и университетов либеральных преподавателей, обвиняя их в социализме, пацифизме или просто в безразличии к вопросам войны. Так, были уволены профессор Кэттл и еще пять преподавателей из Колумбийского университета: им инкриминировали «недостаток патриотизма». Изгнали «непатриотичных» профессоров и преподавателей из университетов в Небраске, Миннесоте, Орегоне и др.

Волна шовинистической истерии затронула все слои и все сферы жизни страны. Демократические силы пытались все же оказать, хотя и слабое, сопротивление. Либералы опасались, что террор помешает «национальной унификации» и заронит в массах сомнения относительно искренности целей правительства США в войне.

Разгул реакции в Соединенных Штатах вызвал критические отклики и за границей. Русские рабочие подняли голос протеста против расправы с Т. Муни, и многие американцы только из сообщений об этом протесте узнали о судебной инсценировке в Сан-Франциско [46].

Правительство Вильсона, возложившее на себя миссию спасения демократии во всем мире, было вынуждено определить свою позицию по отношению к массовым расправам с радикалами, которая оказалась на редкость лицемерной. Вильсон в самых энергичных выражениях осудил уличные расправы [47] и демонстративно отверг предложенный сенатором Э. Оверменом билль о военно-полевых судах. В то же время президент заявил, что суды и министерство юстиции должны иметь право расправляться с «заговорщиками». «Сейчас не время для уничтожения свобод,— сказал Вильсон,— но и не время шутить с нелояльностью какого-либо сорта» [48]. В духе последнего тезиса президент уже 15 июня 1917 г. подписал закон о шпионаже. Формально нацеленный против подрывной деятельности и пропаганды германских агентов, закон на практике стал орудием для подавления радикалов и сторонников мира, лишив их прежде всего возможности рассылать по стране свои газеты и журналы [49].

В январе 1918 г. министерство юстиции внесло в конгресс проект закона о борьбе с подрывной деятельностью якобы в целях защиты порядка во время подписки на «займы свободы». Реакционеры в сенате требовали ужесточить меры против «предателей и германских пропагандистов». Правительство, военная разведка и печать монополий оказали серьезное давление на конгресс, и сенат принял закон 48 голосами против 26. В палате представителей против выступил лишь социалист

---

[46] New Republic, 1917, May 5, p. 8.
[47] The Public Papers of Woodrow Wilson. War and Peace, vol. 1, p. 122—123.
[48] Цит. по: American Year Book, 1918, p. 10—11.
[49] *Громаков Б. С.* Очерки по истории антидемократического законодательства США. М., 1958, с. 146—148.

М. Лондон[50]. 16 мая 1918 г. Вильсон подписал закон о мятежах или подрывной деятельности, который устанавливал суровые наказания (до 20 лет тюрьмы) всякому, кто мешал операциям вооруженных сил, препятствовал мобилизации и военному производству. Закон дал право министру почт запрещать доставку газет и любых изданий, высказывавшихся против войны, и отказывать в почтово-телеграфном обслуживании лицам, нарушавшим закон. Наказывались и чиновники за нелояльные выступления.

Тогда же, весной 1918 г., началось обсуждение в комитетах конгресса билля об опасных организациях, добивавшихся каких-либо социальных, государственных и иных перемен. В мае 1918 г. журнал «Нейшн» оценил билль как первый шаг к созданию военно-полевых судов. Разрабатывались и другие меры, создавалась система государственного подавления всякой оппозиции войне и правительству.

Опираясь на эти законы, органы юстиции развернули настоящее наступление. Уже к весне 1918 г. в тюрьмах только за «противодействие набору» оказались 3900 мужчин и женщин, частью по недоказанным обвинениям. К 1919 г. были осуждены лишь 67 немецких агентов, зато более 2 тыс. радикалов получили в общей сложности 25 тыс. лет тюрьмы[51]. Среди арестованных и осужденных в 1917—1918 гг. были лидеры социалистов: 63-летний Ю. Дебс, Ч. Рутенберг, Э. Вагенкнехт, В. Бергер, С. Ниринг и др.

5 сентября 1917 г. агенты министерства юстиции совершили налет на отделения ИРМ по всей стране, захватив и уничтожив почти всю документацию. В тюрьмах оказались более 4 тыс. членов ИРМ. Под суд были отданы десятки и сотни активистов, а 112 из них во главе с У. Хейвудом были осуждены в Чикаго на процессе, длившемся почти пять месяцев и отличавшемся предвзятостью и насилием против обвиняемых[52].

Жестоким преследованиям подвергались так называемые «обжекторы», люди, сознательно (по политическим, нравственным, религиозным и иным причинам) отказывавшиеся идти на войну и вообще на военную службу. Их судили, натравливали на них общественное мнение, помещали в специальные дисциплинарные лагеря и тюрьмы, где подвергали унижению, моральным и физическим пыткам. Известные американские историки Ч. и М. Бирды писали, что конституционные гарантии прав и свободы личности в отличие от прав собственности не оказались барьером для правительства при проведении арестов и судов[53].

Новым «демократическим достижением» явилось введение администрацией демократов фактической цензуры, ярым сторонником которой выступил президент В. Вильсон[54]. Несмотря на сопротивление некоторых влиятельных органов буржуазной печати и выступления оппозиции с протестами в конгрессе, власти воспользовавшись XII пунктом закона о

---

50 American Year Book, 1918, p. 10—11.

51 *Лан В. И.* США от первой до второй мировой войны. М., 1976, с. 110.

52 *Харди Дж.* Те бурные годы: Воспоминания о борьбе за свободу на пяти континентах. М., 1957, с. 128—129.

53 *Beard Ch. A., Beard M.* The American Leviathan. The Republic in the Machine Age. N. Y., 1930, p. 63.

54 The Public Papers of Woodrow Wilson. War and Peace, vol. 1, p. 46.

шпионаже, задушили радикальную прессу; первой жертвой стали социалистические и радикальные газеты и журналы.

Функции цензуры наряду с министерством почт исполнял и образованный в апреле 1917 г. по приказу президента Комитет общественной информации (КОИ), в который вошли государственный секретарь, военный и морской министры. КОИ создал свой разветвленный аппарат, руководимый близким к В. Вильсону известным журналистом Дж. Крилом. Одновременно с цензурой Комитет должен был (впервые в истории США) осуществлять идеологическое воспитание населения, обрабатывать его в нужном правительству духе, манипулировать общественным мнением, учитывая опыт и воевавших стран, и уроки кампании «готовности». КОИ развернул широкую пропагандистскую работу в США и за границей. Он издавал «Юнайтед Стейтс офишиэл бюллетин», направлял материалы о войне в 16 тыс. газет и журналов, 9 тыс. библиотек, 17 тыс. отделений профсоюзов, 47 тыс. банков и других предприятий, учреждений, 56 тыс. почтовых отделений. Он использовал писателей, актеров, журналистов, к 1918 г. имел около 110 тыс. так называемых «четырехминутных ораторов». Пропаганда шла с экранов 17 тыс. кинотеатров, сотен театров, эстрад и т. п. В 1918 г. по стране пошли агитпоезда, развозя раненых «героев» и трофеи, отнятые у немцев [55].

Однако страна без энтузиазма встретила усилия пропагандистов комитета информации. Не только либеральная, но и консервативная печать возмущалась деятельностью комитета в качестве цензора. В течение всего периода участия США в войне правительство и буржуазия нагнетали в стране атмосферу страха, напряженности, нетерпимости, террора. 19 месяцев, писал далеко не либеральный историк Ф. Макдональд, страной управляли с помощью контролируемой истерии, «тотальной демократии», насилия толпы, направляемого правительством [56].

В обстановке подавления гражданских свобод и прав личности 5 ноября 1918 г. состоялись частичные выборы в конгресс. Выборы должны были показать, как оценила страна военную политику правительства и готова ли она выдать ему вексель на реконструкцию в послевоенных условиях. К этому времени из политической жизни ушла (хотя и на время) буржуазно-реформистская, прогрессивная партия. Либеральные силы в обеих буржуазных партиях были в смятении, напуганы, разделены или находились под сильным влиянием лицемерных маневров и заявлений В. Вильсона.

Реакционно-монополистические и консервативные элементы, воздав должное военной политике администрации В. Вильсона, особенно репрессиям в отношении социалистов и ИРМ, продолжали все же делать ставку на республиканскую партию, проповедовавшую индивидуализм, независимость бизнеса от государства, свободу бизнесменов в организации предприятий и эксплуатации рабочих, жестокое подавление социальной борьбы.

Руководство «старой великой партии» все годы войны не оставляло мысли о возвращении к власти. Республиканские лидеры осторожно, но все же критиковали президента-главнокомандующего, главным обра-

---

[55] *Лан В. И.* США от первой до второй мировой войны, с. 43—44.

[56] *McDonald F.* The United States in the Twentieth Century, vol. 1. 1900—1920. Reading, 1970, p. 235.

зом за флирт с трусами, пацифистами и некомпетентными лицами [57], зато резкой, даже грубой критике подвергались отдельные министры и лидеры демократов в конгрессе. Республиканцы перестроили аппарат своей партии, обновили состав Национального комитета и готовились дать бой на выборах 1917—1918 гг.

Первое место в избирательных программах 1917—1918 гг., естественно, занимала война. Реакционные, шовинистические круги были раздосадованы тем, что многие американцы, в том числе и в конгрессе, встретили войну без энтузиазма, сопротивлялись набору в армию и подписке на военные займы. Эти круги приняли соответствующие меры против «нелояльных», добиваясь изгнания их из конгресса.

Уже в 1917 г. в политическую жизнь страны вошли два других важных вопроса: о праве голоса для женщин и о запрещении производства и продажи спиртных напитков. Первый из них имел долгую историю. Женщины США требовали принятия XIX поправки к конституции о предоставлении права голоса вне зависимости от пола. К 1917 г. в 12 штатах были приняты соответствующие законы, в 1916 г. в конгресс была избрана первая в истории страны женщина. «Марш демократического духа», как выспренно окрестила эти скромные успехи либеральная пресса, остановился у стен конгресса, где встретил сильное сопротивление. Реакционеры доказывали, что женщина не может быть юристом, военным или полицейским и, следовательно, не равна мужчине. Расисты негодовали при одной только мысли о голосующих негритянках, и все делегации южных штатов в конгрессе, исключая Арканзас, выступили против предоставления женщинам права голоса.

Вильсон, долго уклонявшийся от поддержки женщин, наконец заявил в январе 1918 г., что расширение их прав — акт справедливости к женщинам страны и всего мира, и потребовал принять резолюцию о XIX поправке. В сенате Вильсон лично выступил с просьбой поддержать резолюцию, чтобы доказать другим народам искренность и способность США «вести их в войне за демократию». Сенат принял резолюцию 53 голосами против 31 (из них 21 демократ). Но для необходимого в таких случаях большинства в $^2/_3$ не хватало трех голосов, и резолюция вернулась на новое рассмотрение. Это было 13-е поражение XIX поправки. Она была принята лишь в 1919 г., а ратифицирована в августе 1920 г.

Другой вопрос — о запрещении производства и продажи спиртных напитков — тоже разрешался давно и трудно. Борьба против употребления алкоголя имела, с одной стороны, благородную, гуманную цель поднять культуру и мораль американцев. С другой стороны, многие промышленники проповедовали запрещение спиртных напитков как меру социальной дисциплины и повышения производительности труда.

Противники запрета представляли пеструю, разъединенную, но влиятельную коалицию фермеров, выгодно сбывавших свою продукцию для производства спиртного; хозяев винокурен и пивоваренных предприятий, в том числе монополистов, владельцев многочисленных салунов, гостиниц; американцев, традиционно употреблявших алкоголь, особенно пиво. В 1914 г. уже в 14 штатах, главным образом промышленных, продажа алкоголя была запрещена. Вступление в войну придало новый импульс борьбе за XVIII поправку. Акт Левера и другие законы содержали опре-

[57] North American Review, 1918, May, p. 800.

деленные меры запрета на продажу алкогольных напитков в зонах военной промышленности и вокруг солдатских лагерей. Вильсон, Гувер, ряд министров, Гомперс выступили против «опасного эксперимента». Сенат, однако, не внял предостережениям, и Вильсону пришлось просить его хотя бы отсрочить введение запретов. Билль о запрете производства вина и пива с 1 мая, а всего прочего — с 1 июля 1919 г. был принят в августе 1918 г. В январе следующего года XVIII поправка была ратифицирована $^{3}/_{4}$ штатов, и с января 1920 г. США стали страной «сухого закона».

Однако важнее вопросов о правах женщин и запрете спиртных напитков стал другой вопрос — о социализме, большевиках и Советской России. Избирательные кампании 1917 и 1918 гг. были первыми, в которых правящие круги США использовали жупел антикоммунизма и антисоветизма. Это особенно проявилось на выборах мэра Нью-Йорка в 1917 г. Главными соперниками были либеральный республиканец мэр города Митчелл и демократ-реакционер судья Хайлен. Митчелл, несмотря на все старания (даже чрезмерные) выступать лояльнее оголтелых шовинистов, потерпел поражение. Самым впечатляющим в кампании оказалось голосование за М. Хилквита, лидера Социалистической партии Америки, собравшего за свою умеренную, оппортунистическую, но все же антивоенную программу 145 тыс. голосов.

Голосование за Хилквита было принципиально важным. Американцы отдавали голоса не оппортунисту и беззубому пацифисту, каким был на деле Хилквит, а представителю партии, в которой они видели наиболее последовательного борца за мир и демократию. Именно поэтому выборы в Нью-Йорке вызвали яростную антисоциалистическую кампанию. Все кандидаты буржуазии, пресса, политики, вплоть до либеральных, выступили сплоченно против социалистов. Орган финансистов назвал голосование за социалиста в Нью-Йорке «позором города» и требовал «извлечь уроки». Журнал разъяснял: «Необходим урок дисциплины: команда направо — и все следуют направо без разговоров» [58].

Взбудораженная близким окончанием войны и Октябрьской революцией страна вступила в избирательную кампанию 1918 г. Правительство использовало подписку на 4-й «заем свободы» для подавления критики в свой адрес. Оно запретило, ссылаясь на эпидемию гриппа, все массовые собрания и митинги, и кампания шла необычно — через газеты, листовки, рекламу и т. п. Обе партии клялись в лояльности отечеству, обещали решительно бороться с Германией и остановить рост социализма. Республиканцы, кроме того, проповедовали индивидуализм как средство против революции и социализма и протекционизм как защиту от возможного демпинга послевоенной Европы. Они прокламировали возвращение к нормальным, конституционным порядкам, критиковали демократов, обвиняя их во всех бедах, даже в эпидемии гриппа.

Демократы, уже разделенные по ряду вопросов, но официально единые, прославляли руководство президента и конгресса, хвастались успехами на фронте и в тылу (против социалистов), отстаивали свободную торговлю, участие США в мировой политике и известную степень государственного контроля в экономике и социальной сфере. Вильсон требовал единства руководства партии во всех вопросах и в нарушение всех

[58] Financial Age, 1917, Nov. 10, p. 778; 1918, Jan. 12, p. 85.

традиций выступил 25 октября 1918 г. с обращением к избирателям, настаивая, чтобы они голосовали за демократов в знак одобрения войны и военной политики правительства и лично президента США [59]. Сторонники демократов были шокированы. Лидеры республиканцев сразу же подхватили вызов президента, обрушив на него обвинения в возрождении партийных амбиций в период войны. В то же время, атакуя Вильсона и демократов, республиканцы звали их объединиться в тех округах, где, по их мнению, возникала угроза победы социалистов и пацифистов.

Выборы 5 ноября 1918 г. принесли победу республиканцам. Они получили в сенате 50 мест, а демократы — 46, потеряв 12. В палате представителей теперь оказались 239 республиканцев против 194 демократов, одного независимого и одного социалиста В. Бергера, осужденного за антивоенную позицию. Демократы потеряли, таким образом, контроль над конгрессом. Потерпели поражение многие кандидаты в конгресс и на пост губернатора, которых лично поддерживал президент США. Военное регулирование, усиление государственного вмешательства отпугнули от демократов буржуазные круги, настроенные к концу войны чрезвычайно консервативно. И в конгрессе и в ключевых штатах укрепились позиции консервативных и даже реакционных элементов, выступавших против государственного «социализма».

Итоги выборов показали, что избиратели из буржуазных кругов совершили поворот направо, отвергнув все, что казалось радикальным, прогрессивным и даже либеральным. Широкие массы разочаровались в демократах и лично в Вильсоне, обманувшем их на выборах 1916 г. Растаял также и образ президента-реформатора, пацифиста и либерала.

Выборы 1918 г. явственно предвещали поражение демократов и в будущей президентской кампании. Крупная буржуазия США уже не нуждалась ни в партии, по ее мнению, слишком склонной к нововведениям, реформам и уступкам трудящимся, ни в ее лидере, слишком авторитетном и независимом. Она тяготилась перестройкой государственного аппарата, расширением его функций и сферы деятельности. Наступали «новые времена», и, как казалось тогда многим, должны были вернуться «нормальные», довоенные порядки и ценности.

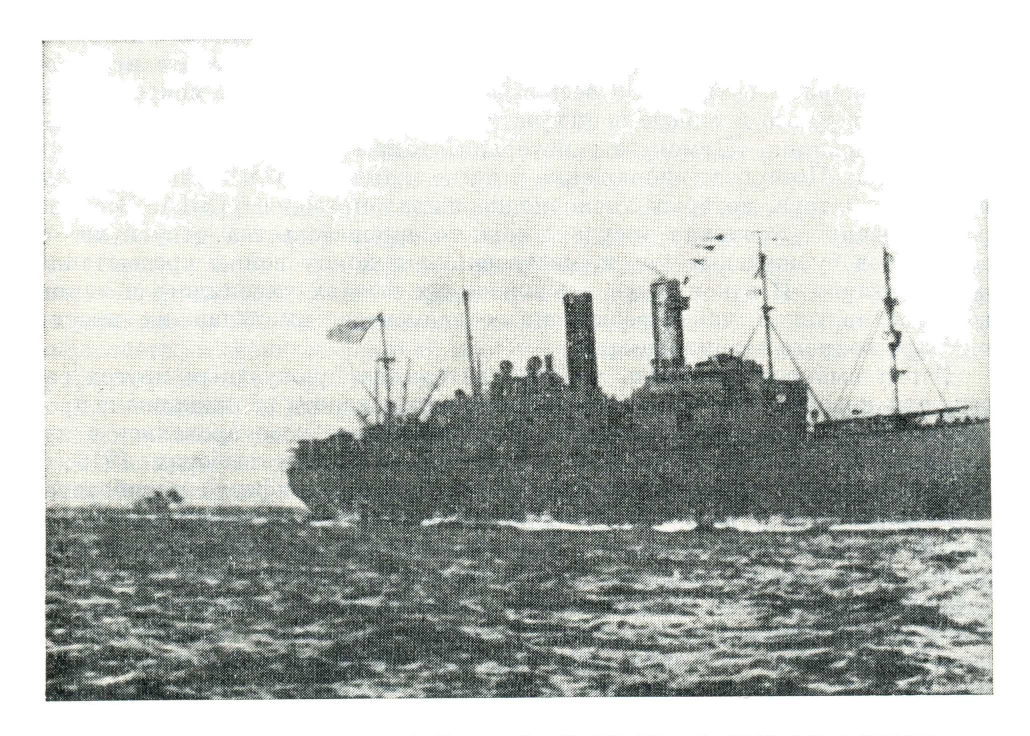
5. АМЕРИКАНЦЫ В ЕВРОПЕ: ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ДИПЛОМАТИЯ

К апрелю 1917 г. армия США насчитывала всего 134 тыс. солдат и офицеров и еще 123 тыс. входили в территориальные войска штатов — национальную гвардию [60]. Обучение и снаряжение этих войск были недостаточными. В правящих кругах США многие полагали, что помощь деньгами и кораблями будет достаточным вкладом в общее дело союзников, и не торопились с развертыванием большой армии. Формирование новых частей проходило медленно. С трудом преодолев массовую оппозицию, правительство только 18 мая 1917 г. провело через конгресс закон о всеобщей воинской повинности, но с так называемым селективным набором. По специальной процедуре, создававшей видимость демократи-

[59] The Public Papers of Woodrow Wilson. War and Peace, vol. 1, p. 286—288.
[60] История первой мировой войны, 1914—1918: В 2-х т. М., 1975, т. 2, с. 300.

ческого и справедливого подхода к мобилизации, все мужчины от 18 до 30 лет (позднее — до 45) подлежали регистрации. Затем из числа зарегистрированных по жребию отбирали уже для службы в вооруженных силах. Всего к концу войны таким путем была создана армия в 4,8 млн. человек [61].

Военно-морской флот США насчитывал 197 боевых и 106 вспомогательных судов и 67 тыс. личного состава. Флот почти сразу вступил в



ТРАНСПОРТ С АМЕРИКАНСКИМИ ВОЙСКАМИ, ПЕРЕПРАВЛЯЕМЫМИ В ЕВРОПУ

боевые операции, главным образом против германских подводных лодок, но не слишком активно.

Первые американские войска отправились за океан уже летом 1917 г. Но даже к началу 1918 г. во Франции было не более 200 тыс. плохо обученных американских солдат, без тяжелого вооружения. Союзники не считали возможным, несмотря на свои потери, вводить эти войска в бой. Только в ноябре 1918 г. численность американских войск на Западном фронте достигла 2 млн.[62]

Первой американской армии под командованием генерала Дж. Першинга была доверена операция по очищению Сен-Мийельского выступа. Она планировалась и осуществлялась совместно с французами при поддержке их пехоты, артиллерии, танков и авиации. Перевес в силах был

---

[61] *Тардье А.* Мир. М., 1943, с. 41.

[62] История первой мировой войны, т. 2, с. 494—496.

двукратным, а на направлении главного удара — восьмикратным. Операция завершилась успехом. В последнем общем наступлении союзников участвовали 1-я и 2-я американские армии. Их привлекли к Маас-Аргоннской операции в сентябре 1918 г. Однако продвигались американцы медленно, несли большие потери. Действия американского командования вызвали осуждение французов. «Эти американцы погубят наш шанс на крупную победу до зимы»,— утверждал Ж. Клемансо. Он даже говорил

АМЕРИКАНСКАЯ ПЕХОТА НА МАРШЕ (РАЙОН КОБЛЕНЦА, ГЕРМАНИЯ, 1918 Г.)

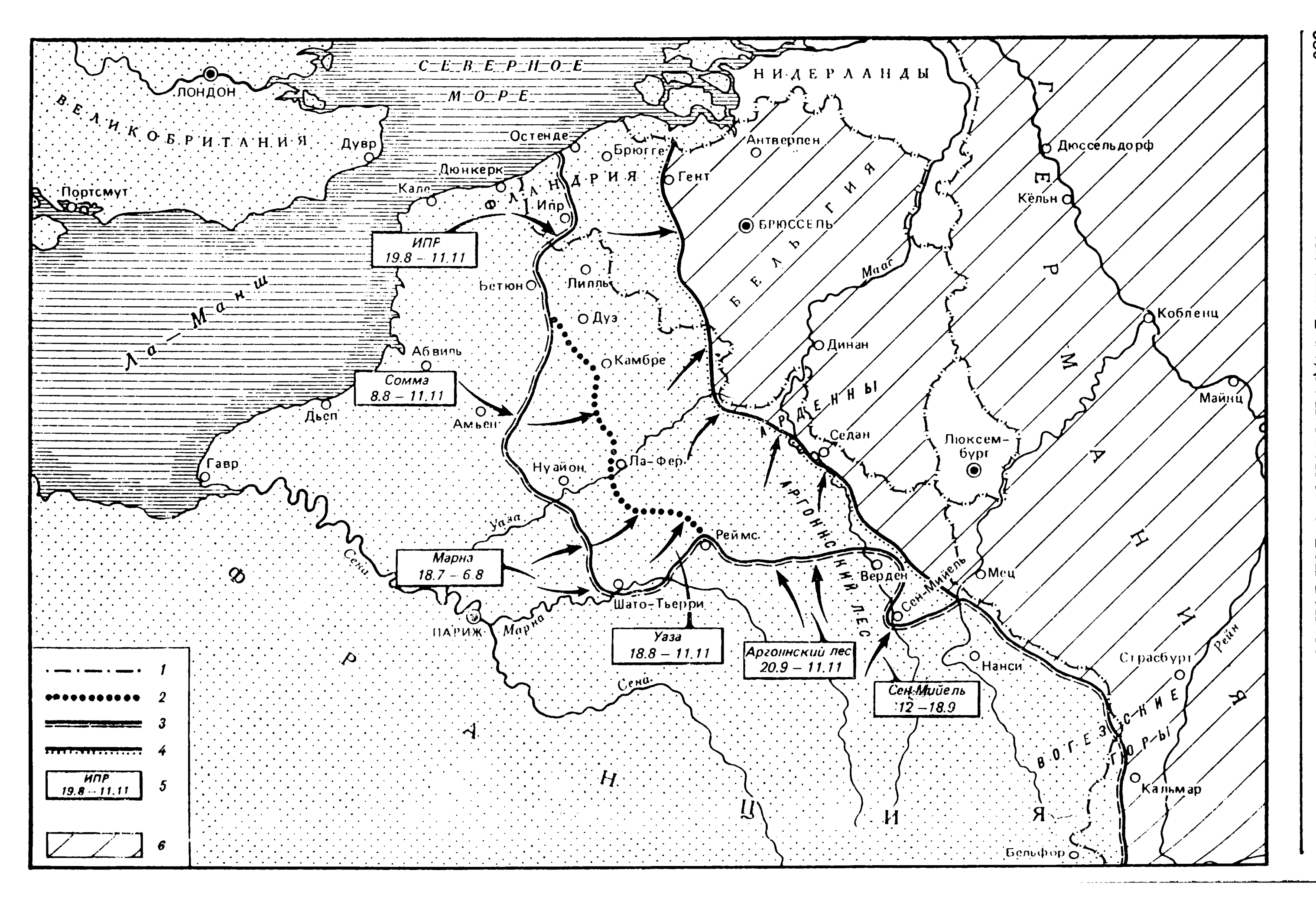
о «кризисе американской армии» и хотел заменить Першинга, как неспособного руководить крупными операциями, но этого не сделали, боясь конфликта с США в самый разгар наступления [63].

Однако в ноябре 1918 г. 1-я американская армия прорвала сильные позиции немцев и этим способствовала их непрерывному отступлению до самого окончания войны 11 ноября.

Как только обозначились успехи на фронте, руководители дипломатии США начали решать сложную задачу: как обеспечить достижение главной цели — мировой гегемонии. Особое внимание привлекал «русский вопрос», т. е. сохранение России в качестве воюющей стороны.

Но война внесла существенные изменения в экономические и политические отношения России с США. Как и для других стран Антанты, США стали поставлять вооружение для России. Большие и все возраставшие производственные мощности заводов США принимали новые военные заказы, несмотря на усиливавшиеся трудности в развитии американской военной промышленности (сказывались ее молодость, отсутст-

[63] *Фош Ф.* Воспоминания (война 1914—1918 гг.). М., 1939, с. 385—386.


ГЕРМАНИЯ
НИДЕРЛАНДЫ
БЕЛЬГИЯ
ФРАНЦИЯ
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
ЛА-МАНШ
ФЛАНДРИЯ
АРДЕННЫ
АРГОННСКИЙ ЛЕС
ВОГЕЗСКИЕ ГОРЫ
ЛОНДОН
Портсмут
Дувр
Кале
Дюнкерк
Остенде
Брюгге
Гент
Антверпен
БРЮССЕЛЬ
Ипр
Лилль
Дуэ
Камбре
Бетюн
Амьен
Абвиль
Дьеп
Гавр
Нуайон
Ла-Фер
Реймс
Шато-Тьерри
ПАРИЖ
Сена
Марна
Уаза
Седан
Динан
Маас
Верден
Сен-Миель
Мец
Нанси
Люксем-бург
Кёльн
Дюссельдорф
Кобленц
Майнц
Рейн
Страсбург
Кальмар
Бельфор
ИПР 19.8 – 11.11
Сомма 8.8 – 11.11
Марна 18.7 – 6.8
Уаза 18.8 – 11.11
Аргоннский лес 20.9 – 11.11
Сен-Миель 12 – 18.9
1
2
3
4
5
6

вие традиций, опытных кадров, неимоверный рост военного производства не обеспечивался соответствующими темпами развития машиностроения и т. п.). В производстве оружия, боеприпасов, других военных материалов большую роль играли компании «Ремингтон», «Винчестер», «Вестингауз», «Кольт», «Дюпон» и др.

Деньги на оплату военных заказов царское правительство сначала пыталось получить у американских банкиров; намечалась поездка С. Ю. Витте в США с предполагаемым проектом нового торгового соглашения. Но затем основным источником кредитования стали английские займы. Английские представители в США и Морган как коммерческий агент британского правительства получили фактически неограниченные возможности контроля за размещением, выполнением и доставкой в Россию военных заказов и распределением союзнического тоннажа для морских перевозок. Выполненные заказы (в основном боеприпасы) скапливались в американских портах; большие партии их лежали без движения в Архангельске и Владивостоке, так как русский железнодорожный транспорт не справлялся с перевозками.

В годы войны место, которое до 1914 г. занимала Германия по основным статьям ввоза различных товаров в Россию, перешло к США. Шумная борьба с «германским засильем» и нараставшее недовольство экономическими отношениями с Англией и Францией делали США для царизма и русских буржуазных кругов подходящим новым «экономическим союзником», который при этом рассматривался как нейтральный и даже аполитичный. Между тем представители открытого в Петрограде отделения «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк», различные американские бизнесмены и посол Д. Р. Фрэнсис не скрывали далеко идущих планов внедрения американского капитала в русскую экономику.

Наряду с другими промышленниками большую активность проявил Г. Гувер, создав компании по добыче майкопской нефти и получив подряд на строительство нефтепровода на юге России. Вместе с компаньонами Гувер основал Русско-азиатское общество для эксплуатации лесных и минеральных богатств Урала и Сибири, синдикат по разработке цветных металлов на Алтае и под Нерчинском, добился концессии стоимостью в 1 млрд. долл.[64] Компания Ч. Р. Крейна владела значительным пакетом акций Петербургского тормозного завода Вестингауза. С С. Н. Харпером (профессором Чикагского университета) и Крейном правительственные круги США советовались по делам России. Их советы оборачивались косвенным, а то и прямым политическим признанием царизма, дополненным пожеланиями некоторых реформ.

В то же время в США видели гнилость и неспособность царского режима и искали возможности его замены либерально-буржуазным правительством. Поэтому Февральская революция, свергнувшая царизм, была

[64] *Hoover H.* The Memoirs of Herbert Hoover: Vol. 1—3. N. Y., 1952, vol. 1. Years of Adventure, 1874—1920, p. 102—103, 107—108.

ДЕЙСТВИЯ АМЕРИКАНСКИХ ВОЙСК НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

1 — государственные границы; *2* — линия Гинденбурга; *3* — линия фронта на 18 июля 1918 г.; *4* — линия фронта на 11 ноября 1918 г.— день подписания соглашения о перемирии на Западном фронте; *5* — время участия в боях в 1918 г.; *6* — Германия и оккупированные ею территории на 11 ноября 1918 г.

одобрительно встречена в Вашингтоне и, несомненно, значительно ускорила вступление США в мировую войну. Буржуазное Временное правительство, прилагавшее все усилия, чтобы продолжить войну и остановить в России революционный процесс, немедленно получило официальное признание правительства США.

Стремясь к военно-политическому лидерству в союзнической коалиции, США оказали содействие Временному правительству в борьбе с революцией и сделали продолжение первой мировой войны основой своей политики в «русском вопросе».

Предложение кредитов последовало теперь с американской стороны, но одновременно выдвигались требования усилить подавление революционных выступлений и борьбу с антивоенными настроениями в массах. По мере развития революции эти требования превратились в курс, рассчитанный на удержание России в зависимости от американского кредитора путем строгого дозирования денежных займов с упором на возможность американского вмешательства в русские внутренние дела и оказание влияния на политику Временного правительства.

Вместе с дипломатами Антанты представители США бесцеремонно вмешивались во внутренние дела России, требуя, чтобы Временное правительство подавило революцию и устранило большевиков. Осенью 1917 г. союзники достигли соглашения о разграничении их деятельности в деле «помощи» России. К этому времени американцы предоставили России займы на сумму 325 млн. долл.[65] США всячески подчеркивали независимость от Антанты своего курса в русских делах, изображая себя вернейшими друзьями «новой России» и одновременно оказывая на нее сильный и жесткий нажим. Представители США постоянно сообщали Временному правительству о недовольстве в Вашингтоне выступлениями народных масс в России, развалом армии. Чтобы побудить Временное правительство к решительным действиям, США затягивали решение вопроса о кредитах или обещали дать 3 млрд. долл., но только на ведение войны.

Провал летнего наступления русской армии вызвал в правящих кругах США известную сдержанность, а затем сопротивление всем просьбам Временного правительства. В июле—августе пресса США сокрушалась, что Россия фактически вышла из войны, и поскольку Антанта на краю истощения, груз войны придется нести Америке. Досаде, гневу американских капиталистов не было предела.

По этим причинам в Россию одна за другой начали прибывать американские миссии. Их посылали различные правительственные ведомства в целях политической и экономической рекогносцировки, для пропагандистских кампаний в пользу продолжения участия России в войне и упрочения власти Временного правительства. Президент Вильсон отправил миссию во главе с Э. Рутом, который был возведен в ранг чрезвычайного посла, а все восемь членов этой миссии, в том числе социалист крайне правого толка Ч. Э. Расселл и вице-президент АФТ Дж. Данкен,— в ранг чрезвычайных посланников. Их многочисленные публичные выступления с призывами продолжать войну успеха не имели.

---

[65] *Кунина А. Е.* Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. М., 1954, с. 24.

Рекомендовав Вашингтону усилить помощь Временному правительству, миссия Рута тем не менее выразила сомнения в его жизнеспособности. Рут, по его собственным словам, накануне июльских событий настаивал перед Временным правительством на аресте В. И. Ленина, разгроме большевистской партии[66]. Этого же требовал и посол Фрэнсис, активно вмешивавшийся в действия Временного правительства в моменты политических кризисов.

Собственную миссию прислал в Россию американский Красный Крест, официально действовавший в качестве филантропической организации, но тесно связанной с Уолл-стрит. Ее возглавлял сначала У. Б. Томпсон, уолл-стритовский магнат, а затем Р. Робинс, профессиональный политик, буржуазный радикал и социальный реформатор. Эта миссия развернула широкую пропагандистскую кампанию в поддержку правительства Керенского и продолжения войны, субсидируя правых эсеров и их печать.

Однако никакие усилия внешней и внутренней реакции не смогли воспрепятствовать свершению первой в истории человечества победоносной пролетарской революции. 10 ноября 1917 г. американские газеты сообщили о победе большевиков в России.

Великая Октябрьская социалистическая революция ознаменовала коренной поворот во всемирной истории, открыла новую эпоху в истории человечества — эпоху перехода от капитализма к социализму. После прорыва фронта мирового капитализма в России было создано первое в истории социалистическое государство.

В гуще революционных событий октябрьских дней вместе с рабочими и солдатами Петрограда были радикальные американские журналисты, ставшие друзьями Советской России, деятелями коммунистического и рабочего движения США — Джон Рид, Артур Рис Вильямс, Луиза Брайант, Бесси Битти. Книга Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир», получившая большое политическое звучание, стала для миллионов людей во всем мире важнейшим источником сведений об Октябрьской революции.

Вначале официальный Вашингтон, узнав о победе Октябрьской революции, надеялся, что Советская власть обречена на поражение. Эту мысль высказывали буржуазные журналисты, об этом писал из Петрограда посол Фрэнсис, ту же идею развивал в своих меморандумах президенту Вильсону государственный секретарь Р. Лансинг, требуя немедленной помощи лидеру контрреволюции на Дону генералу А. М. Каледину. Разумеется, военные поставки из США в Советскую Россию были прекращены. Непризнание Советского правительства, активное противодействие его усилиям в пользу установления мира и участие в различных контрреволюционных действиях с целью свержения Советской власти и восстановления власти буржуазии стали главными элементами русской политики США на ее новом этапе.

Руководители американского правительства вместе с лидерами Антанты пытались толкнуть Советскую Россию на путь продолжения войны с Германией. Между тем Советское правительство противопоставляло милитаризму Антанты и США политику делового взаимовыгодного со-

---

[66] *Ганелин Р. Ш.* Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975, с. 265 и др.

трудничества. В. И. Ленин в беседах с Робинсом предложил организацию советско-американского товарообмена. Вслед за этим молодые советские хозяйственные органы провели 15 февраля 1918 г. в Петрограде совещание с английскими и американскими представителями, на котором обсуждались конкретные пути установления советско-американских деловых связей. Советская сторона предлагала рассчитываться за американские поставки золотом. Речь шла о возможности предоставления Соединенными Штатами крупного кредита для промышленных поставок с депонированием русского золота в нейтральных странах и об американской концессии на Камчатке или в Восточной Сибири. Советские ведомства готовили к отправке в США специальную комиссию для ликвидации военных заказов царского правительства и установления экономических отношений на новых основах.

Советские предложения, будь они приняты, имели бы большое политическое значение. В. И. Ленин впоследствии заявил Л. Брайант: «В начале 1918 г. я говорил американцам, в частности полковнику Робинсу, что дружеское отношение к Советской России в интересах Соединенных Штатов. Уже тогда я указывал на желательность торговых отношений — как с нашей точки зрения, так и с точки зрения Америки. Мы предложили концессии иностранному капиталу» [67].

К маю 1918 г. при участии В. И. Ленина был разработан подробный план развития советско-американских экономических отношений. Это был чрезвычайно обстоятельный и реалистический документ, в котором содержался глубокий историко-экономический анализ русско-американских торговых связей, доказывавший их взаимовыгодность и перспективность [68].

Однако правящие круги Соединенных Штатов, ослепленные классовой ненавистью, опасаясь воздействия первого социалистического государства на мировой пролетариат, развили бурную антисоветскую деятельность, установлением экономической блокады стремились уничтожить Советскую страну [69]. Вместе с Англией и Францией США разрабатывали планы раздела России на зоны интервенции и хотели сорвать заключение ею мира с Германией. Англичане и американцы высадили 13 тыс. войск на Советском Севере.

Американские войска высадились также на Дальнем Востоке и фактически выступили как пособники русской контрреволюции, активно поддерживали, в частности, Колчака. Правящие круги США не могли примириться с победой трудящихся в России и продолжали участвовать в антисоветской интервенции и после окончания мировой войны.

Обозначившийся с самого начала антисоветской интервенции ее военный и политический провал в результате наступления Красной Армии ощущался в США с большой силой. Американские солдаты в составе интервенционистских сил проявляли недовольство. В самих США рабочие, прогрессивные организации выражали решительный протест как против пребывания американских войск на советской земле, так и против

[67] Ленинский сборник, XXXVII, с. 254.

[68] *Гвишиани Л. А.* Советская Россия и США (1917—1920). М., 1970, с. 61 и сл.; *Ганелин Р. Ш.* Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г., с. 146 и сл.; *Шишкин В. А.* В. И. Ленин и внешнеэкономическая политика Советского государства (1917—1923). Л., 1977, с. 124 и сл.

[69] Подробнее см.: *Березкин А. В.* Октябрьская революция и США, 1917—1922. М., 1967.

помощи российской контрреволюции. Выступления Ю. Дебса, Ч. Рутенберга, Дж. Рида, А. Р. Вильямса и других пропагандистов идей мира и социализма, знакомивших соотечественников с трудами В. И. Ленина, встречали отклик в массах американского населения. Симпатии к первой в мире социалистической революции в России, пролетарская интернациональная солидарность нашли выражение в движении «Руки прочь от Советской России». Интервенционистская политика правительства Вильсона натолкнулась на недовольство и среди некоторой части либерально-буржуазной общественности и в конгрессе США. Впоследствии из этой среды вышли деятели, которые выступали в вопросе об отношениях с Советским государством с реалистических позиций. В немалой степени этому способствовала политика Советского правительства, отстаивавшего курс на деловое и взаимовыгодное всестороннее сотрудничество между обеими странами.

Кроме «русского вопроса», во внешней политике США 1917—1918 гг. существовали и другие, достаточно важные и острые проблемы. Участие Америки в войне не ослабило, а только видоизменило межимпериалистические противоречия. Их основой было дальнейшее усиление США, а вместе с этим и рост их претензий на мировое руководство. «Нам предназначено играть важную роль в войне, и нам будет что сказать, когда начнут определять условия мира»,— утверждала американская печать [70]. Исходя из этого правящие круги, финансовый капитал стремились идти самостоятельным курсом, вести «свою игру». Особенно четко ставился вопрос о послевоенной политике: Америка не должна быть связана какими-либо союзами, соглашениями. «США продвинут справедливое (т. е. выгодное для них.— *Авт.*) решение вопросов мира, если их руки не будут связаны безвозвратными обещаниями»,— предупреждали в деловых кругах [71]. Оговаривалась и независимая линия по отношению к Германии.

В кругах, особенно близких к Вильсону, пропагандировали американскую программу будущего мира: либерализм, в том числе и «коммерческий», т. е. свобода морей и торговли; либеральные условия мира; никаких репрессий против побежденных, никаких захватов и протекционизма; либерализация Германии и т. д.

Полное и последовательное выражение эта программа получила в известных «14 пунктах» Вильсона, сформулированных в речи президента США 8 января 1918 г. и определявших курс внешней политики страны на время войны и в послевоенные годы. Содержание основных «пунктов» сводилось к следующему: уничтожение тайных соглашений и замена их открытыми договорами; свобода морей и торговли, в том числе и в военное время; сокращение вооружений; разрешение колониальных споров с учетом интересов не только хозяев, но и населения колоний; освобождение Бельгии, Эльзас-Лотарингии и других оккупированных Германией территорий; свободное урегулирование и независимое решение всех вопросов, связанных с событиями в России; исправление границ Италии на национальной основе; автономия народов, населяющих Австро-Венгрию и Турцию; создание независимой Польши; организация союза наций в

[70] North American Review, 1918, Apr., p. 619.
[71] Commercial and Financial Chronicle, 1917, Apr. 7, p. 1326.

целях гарантии независимости, целостности всех государств и прочного мира и др.[72]

За либеральной и псевдопацифистской фразеологией «14 пунктов» скрывались намерения империализма США утвердить свои позиции на мировых рынках, ликвидировать имевшееся тогда военное превосходство Антанты, удовлетворить претензии капиталистов тех стран, которые не являлись соперниками США, подавить революцию в России и т. д. Внешне миролюбивые предложения не меняли агрессивной сущности этой программы, выражавшей стремление США к гегемонии во всем мире.

Подлинное содержание «14 пунктов» прояснялось комментариями к ним, опубликованными 27 сентября 1918 г. Их написали У. Липпман, Ф. Кобб при участии и с одобрения В. Вильсона и Э. Хауза. Учитывая происшедшие события (затянувшаяся война и агония германского блока, нарастание революции во всей Центральной Европе), комментарий ужесточал требования к Германии, «не соблюдающей договоров», и усиливал антисоветскую направленность п. 6, предлагая фактически расчленить бывшую царскую Россию и ликвидировать Советскую власть[73].

«14 пунктов» носили империалистический, антисоветский характер, были прямо нацелены против революционного и национально-освободительного движения. Под эгидой Лиги наций США намеревались создать объединенный фронт капиталистов в целях уничтожения революции. Вильсон призывал создать «новый порядок» против «яда большевизма». «14 пунктов» как пропагандистский документ были противопоставлены миролюбивой политике Советского государства в целях умалить значение Декрета о мире, предложений о мирных переговорах и публикации документов о тайных договорах Антанты. Не случайно В. И. Ленин назвал Вильсона идолом мещан и пацифистов[74].

Опубликование «14 пунктов» было дипломатическим маневром правительства США: Вильсон планировал захватить в свои руки будущие мирные переговоры и подтолкнуть страны «тройственного согласия» обращаться с просьбами о мире именно к США.

«14 пунктов» были ударом и по союзникам, ибо противопоставляли их тайным договорам лицемерный идеализм предложений американского президента и демагогические фразы о суверенитете, равенстве, демократии, самоопределении и т. п. Империалисты США широко использовали «14 пунктов» для расшатывания изнутри германского блока и давления на собственных союзников.

Вступив в войну, США сразу же объявили, что не являются членом Антанты, а только примыкают к ней. Характерно, что война Австро-Венгрии была объявлена лишь 7 декабря 1917 г., а по отношению к Болгарии и Турции США сохраняли нейтралитет до конца войны.

В феврале 1918 г. Вильсон высказал надежду, что экономическая мощь американцев будет столь велика, что союзники должны будут по необходимости уступить их давлению и принять американскую «программу мира». Англия и Франция, писал он, не разделяют подобных взглядов на мир, но, когда война кончится, можно будет заставить их изменить позицию[75]. США стремились подчинить себе финансы союзников,

[72] The Public Papers of Woodrow Wilson. War and Peace, vol. 1, p. 159—161.
[73] Архив полковника Хауза, т. 4, с. 148—157.
[74] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 224.
[75] Цит. по: Архив полковника Хауза, т. 3, с. 40.

ущемляли их интересы в вопросах снабжения, строительства судов, проводили свою программу вооружения в ущерб союзникам, не выполняя их заказы и даже угрожая лишить помощи.

Естественно, курс на подчеркнутую самостоятельность обострял и осложнял отношения США с партнерами по войне. Едва вступив в войну, дипломатия США начала борьбу вокруг условий будущего мира в целях свести на нет значение тайных договоров антантовской коалиции. Первые разногласия выявились уже в апреле 1917 г., когда прибывший в Вашингтон министр иностранных дел Великобритании А. Бальфур встретился с Э. Хаузом, а затем с Вильсоном. Переговоры шли втайне, так как американцы боялись оглаской их содержания повредить демагогическим выступлениям Вильсона. Но встреча не дала положительного результата, а лишь выяснила для обеих сторон степень противоречий. Вильсон и позже пытался организовать дискуссию о военных целях стран Антанты, но они решительно отклоняли ее.

Участие США в войне не изменило сущности и характера японо-американских отношений, хотя печать обеих стран прославляла их сотрудничество в общей борьбе с Германией. В правящих кругах, однако, знали истинную цену этого сотрудничества. Оба империалистических хищника зорко следили друг за другом, используя промахи, ошибки, чтобы укрепить свои позиции. В США боялись дальнейшей японской экспансии в Китае. Европейская пресса подчеркивала, что США вступлением в войну хотят упредить возможные успехи Японии на мирной конференции[76].

Но и в Японии весьма сдержанно встретили известие о вступлении США в войну, подозревая, что американцы воспользуются этим, чтобы усилить свой флот на Тихом океане. Учитывая занятость на Европейском театре войны, сложную игру Англии и Франции на Дальнем Востоке, ситуацию в России, правительство Вильсона заняло выжидательную позицию по отношению к Японии. Последняя попыталась добиться от США признания ее «специальных интересов», т. е. захватов в Китае. С этой целью была направлена в Вашингтон японская миссия, чтобы поздравить Соединенные Штаты со вступлением в войну. Ее глава виконт Исии вел переговоры с Лансингом, но достиг, несмотря на все усилия, весьма скромных результатов. Соглашение Исии — Лансинга (в виде обмена письмами 2 ноября 1917 г.) свелось к признанию США «специальных» интересов Японии в Китае. В свою очередь, Япония обещала блюсти принцип «открытых дверей». Обе страны выступили против усиления в Китае других держав.

В секретном приложении, которое по просьбе Японии не публиковалось, она обещала не ущемлять в Китае американские интересы. Обе стороны объявили соглашение своей победой. На самом деле «временный и гнилой компромисс» серьезного значения не имел. Он был заключен за спиной Китая, явившись сговором двух хищников за счет интересов китайского народа[77]. Соглашение ненадолго разрядило напряженность в американо-японских отношениях, которые с окончанием мировой войны вступали в новую фазу.

Противоречия с союзниками, упорно не желавшими признавать претензий США на гегемонию, оказались неразрешимы. Подводя итог дипло-

[76] АВПР, ф. Отдел печати, 1917 г., д. 731, л. 260.

[77] Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949). 2-е изд. / Под ред. Е. М. Жукова. М., 1956, с. 284—286.

матическим усилиям США, американский журнал писал: «... У нас есть основания быть командующей фигурой, так как мы выиграли, ибо пришли свежими „за час до победы", но нам не дают решающего голоса. Мы могли бы надеяться, что союзники уступят нам руководство в советах мира, но они, относясь к нам вежливо, не принимают наше лидерство и не показывают даже намерения сделать это» [78].

Мировая война шла к концу. Успех летнего наступления Антанты и США показал, что центральные державы проиграли. Австро-Венгрия и Германия к вящей радости американского президента обратились к Вильсону, предлагая начать переговоры о мире на основе «14 пунктов». Однако Вильсон не торопился. Ситуация на фронтах, наращивание военной и экономической мощи США позволяли и дальше если не затягивать военные действия, то во всяком случае шантажировать противника этим, вымогая уступки. Великобритания и Франция выступали против такой тактики, их разногласия с США усилились, и Вильсон даже угрожал сепаратными переговорами с немцами[79].

Начавшаяся в Германии Ноябрьская революция заставила империалистов всех стран поспешить. К тому же демократы потерпели серьезное поражение на частичных выборах в ноябре, что отразилось на престиже главного «миротворца» Вильсона[80]. 11 ноября 1918 г. было объявлено перемирие. Война за передел мира закончилась. Капитализм вступил в период общего кризиса: на шестой части земного шара победила социалистическая революция. Во многих странах поднималось революционное движение во главе с рабочим классом.

---

[78] North American Review, 1918, Dec., p. 811—812.
[79] История дипломатии, т. 3, с. 115—119.
[80] Подробнее см.: *Попова Е. И.* США: борьба по вопросам внешней политики (1919—1922). М., 1966.

Глава шестнадцатая
СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

1. РАБОЧИЙ КЛАСС В ВОЙНЕ

Годы первой мировой войны оказались для США периодом острых классовых и общественных конфликтов. В центре классовых битв находился американский пролетариат, потенциально очень мощный, но по уровню сознания отстававший от рабочего класса России и других европейских стран.

Мировая война, усилив и обострив кризис перепроизводства, резко ухудшила условия труда, жизни и борьбы рабочего класса США. Главным бедствием оказалась небывало высокая безработица, даже по официальным данным составлявшая в 1913 г. 1671 тыс., в 1914 г.— 3120 тыс. и в 1915 г.— 3777 тыс.[1] Как отмечал В. И. Ленин в январе 1914 г., около половины всех рабочих в Америке были заняты неполное рабочее время[2]. Положение безработных оказалось катастрофическим ввиду отсутствия какой-либо системы помощи, кроме буржуазной благотворительности.

Возросшая безработица способствовала снижению заработной платы и жизненных стандартов тех, кто оставался на работе. Происходило массовое понижение ставок оплаты рабочих. С другой стороны, резко возросли цены, особенно на продовольствие, а с ними и стоимость жизни. Сокращались и номинальный и реальный заработки, произошло абсолютное ухудшение условий жизни значительной части трудящихся.

В трудных условиях кризиса ослабла и стачечная борьба, уменьшилась численность профсоюзов. Зато в ряде штатов и городов поднялось движение безработных. Оно началось на Тихоокеанском побережье, затем распространилось на Нью-Йорк, Чикаго и другие промышленные центры. В нем активно участвовали многие лидеры ИРМ, социалистов, профсоюзов. Но движение безработных было невелико; оно охватывало лишь отдельные промышленные центры. Безработные действовали стихийно, разобщенно. Ни члены ИРМ, ни социалисты зимой 1914/15 г. не смогли возглавить борьбу безработных. Все же для своего времени масштаб безработицы и их массовые выступления были грозным явлением, которое привлекло внимание всей страны, заставило правящие круги задуматься о мерах предупреждения безработицы, страхования ее жертв.

С весны 1915 г. началось оживление стачечного движения. Первой крупной битвой стала забастовка металлистов — членов Интернациональной ассоциации механиков (среди них большим влиянием пользовались социалисты) в Бриджпорте и других промышленных городах, где размещались военные заводы. Движение быстро набирало силу, и 1916 год стал пиком забастовочного движения. Этот год начался с драматических

---

[1] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975, p. 135.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 272.

выступлений металлургов в г. Янгстаун (штат Огайо), затем в борьбу включились шахтеры, швейники и трамвайщики Нью-Йорка, нефтяники Нью-Джерси[3]. Угроза всеобщей забастовки 400 тыс. железнодорожников — членов братств, поддержанных АФТ, вынудила конгресс и президента Вильсона пойти на принципиальную уступку — закон Адамсона о 8-часовом рабочем дне на частных железных дорогах. Страх перед последствиями выступления железнодорожников был настолько велик, что «весь Вашингтон — от президента до швейцара» был в панике[4]. Всего в 1916 г. бастовало невиданное еще число рабочих — более 1,5 млн.

Многие боевые стачки проходили под руководством членов ИРМ. Как правило, они завершались ожесточенными схватками с полицией и наемниками компаний (стачки в г. Бейонн, штат Нью-Джерси, в г. Месаби, штат Миннесота, а также на Западном побережье и др.). Наряду с этим ИРМ продолжали работу среди кочующих неквалифицированных рабочих. В 1916 г. они создали Организацию сельскохозяйственных рабочих № 400, которая быстро росла и крепла. Перед ИРМ открылась перспектива превратиться в мощный союз неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих, в эффективную рабочую организацию, пропагандиста производственного юнионизма. Но идеология и практика анархо-синдикализма, а позже и правительственные репрессии помешали найти путь к рабочим массам. Тем не менее героическая деятельность ИРМ внесла значительный вклад в развитие стачечной борьбы и рабочего движения, заложив основы производственного юнионизма в Соединенных Штатах.

Вступление США в войну с Германией означало новый этап классовой борьбы. Руководство АФТ открыто перешло на сторону буржуазии и правительства. Оно собрало 12 марта 1917 г. совещание лидеров основных союзов и федераций АФТ, которое приняло резолюцию о безоговорочной поддержке правительства в «войне против автократии»[5]. В течение войны Исполнительный совет АФТ открыто призывал рабочих не бастовать и поддерживать правительственную политику регулирования классовой борьбы. Вступив в различные военно-трудовые и экономические управления, реакционные профбюрократы официально отказались от принципов рабочего движения.

Главной своей задачей руководство АФТ считало свертывание стачечной борьбы. Оно активно боролось против всяких «перерывов» в производстве, не заботилось о росте федерации, которая в 1918 г. насчитывала вопреки всем обещаниям Гомперса около 3 млн. членов.

Перед лицом антивоенных выступлений и возникновением революционных настроений среди рабочих, особенно после событий в России, Гомперс в августе 1917 г. организовал «Альянс за труд и демократию», ставший центром контрреволюционной и шовинистической агитации. АФТ, отмечал буржуазный историк Пэксон, взяла на себя борьбу с рабочими радикалами и контрпропаганду против их пропаганды[6].

---

[3] *Козенко Б. Д.* Рабочее движение США в годы первой мировой войны. Саратов, 1965, с. 33—41.

[4] Congressional Records, vol. 53, pt 15, p. 2046.

[5] *Lorvin L. L.* The American Federation of Labor. History, Policies and Prospects. N. Y., 1970, p. 145. См. также: *Mandel B.* Samuel Gompers: A Biography. Yellow Springs, 1963, p. 359—360.

[6] *Paxson F. L.* American Democracy and World War. America at War, 1917—1918. Boston, 1941, p. 359—360.

Но рабочие массы и в 1917—1918 гг. продолжали активно бороться за свои права и интересы, протестовать против войны, дороговизны и наступления капитала. В эти годы произошло немало забастовок нефтяников, судостроителей и докеров, горняков, лесорубов и других отрядов трудящихся. Необычайно острые классовые схватки имели место в швейной промышленности Чикаго, на военных заводах Массачусетса и Род-Айленда, где войска взяли предприятия под свой контроль, а президент Вильсон пригрозил объявить мобилизацию работающих в армию, используя известную формулу «Работай или сражайся» [7].

Большую активность и самопожертвование в стачечных боях и в деле организации рабочих лесной и горнодобывающей промышленности проявили ИРМ. Организованное и руководимое ими выступление лесорубов под лозунгом сокращения рабочего дня в северо-западных штатах вызвало вмешательство правительства, вынужденного ввести 8-часовой день без уменьшения заработной платы во всем районе стачки.

Важнейшей чертой рабочего движения в США в годы мировой войны явилось значительное полевение части рабочих, преодолевавших не только оппортунизм АФТ, но и анархо-синдикалистские заблуждения ИРМ. Об этом говорила деятельность Чикагской федерации труда, возглавляемой Дж. Фитцпатриком и Э. Ноккелсом, в рядах которой активно работали У. Фостер, Дж. Джонстон и другие члены Интернациональной лиги профсоюзной пропаганды [8]. В 1917—1918 гг. в Чикаго успешно прошла кампания по организации железнодорожников, рабочих мясоконсервных заводов. В ходе многих острых классовых битв именно в Чикаго были заложены основы Национальной рабочей партии, которая, в свою очередь, положила начало национальному движению за создание массовой рабоче-фермерской партии в целях глубоких социально-экономических преобразований и ограничения власти монополий, хотя и в рамках буржуазного строя.

Несмотря на рост политического сознания рабочего класса, главным средством его борьбы оставались экономические забастовки. Число их с 1914 г. неуклонно возрастало, достигнув вершины в 1917 г. (4450 забастовок), и несколько сократилось в следующем году. Увеличилось также и число бастующих рабочих, превзойдя все довоенные показатели. Даже в период непосредственного участия Соединенных Штатов в войне в стране бастовало в 1917 и 1918 гг. вдвое больше рабочих, чем в 1914 г. Примечательной чертой забастовочного движения этих лет был рост числа конфликтов, завершавшихся компромиссом между требованиями рабочих и позицией предпринимателей, главным образом под воздействием военного регулирования трудовых отношений.

Итоги статечной борьбы в годы мировой войны показали смелость, боевитость, упорство стачечников, и в то же время резче проявились оппортунизм, лакейство их вождей перед капиталом. Примечательным явлением стали укрепившаяся самостоятельность, инициатива неорганизованных масс и рядовых членов профсоюзов, активные действия женщин-работниц, усиление влияния среди стачечников социалистов и членов ИРМ.

Рабочие обнаружили большую тягу к солидарности, единству действий,

---

[7] American Labor Year Book, 1919—1920. N. Y., 1920, p. 161—162.

[8] *Foster W. Z.* History of the Communist Party of the United States. N. Y., 1952, p. 137—139.

твердость и сознательность. Совместные выступления союзов одной отрасли, одной профессии стали обычным делом. Активисты рабочего движения все чаще обсуждали идеи всеобщей стачки в масштабах целой отрасли, города, штата или по всей стране.

Подъем рабочего движения сопровождался обострением борьбы оппортунистической и революционной тенденций в рабочем движении. Участие широких масс рабочих, вносивших в стачки боевой дух, их стремление к бескомпромиссной политике, ожесточенность классового конфликта толкали авангард американского рабочего движения к революционной борьбе. Активная роль левого крыла профсоюзов во время стачек явилась одной из главных причин известных успехов рабочего класса США в защите своих прав и интересов в годы мировой войны.

Немалую роль сыграли и объективные условия: подъем в экономике в 1915—1918 гг., рост занятости[9], недостаток рабочей силы, вызванный сокращением иммиграции и набором в армию, и др. Определенное значение имела возросшая организованность рабочих.

В итоге действия этих факторов рабочие добились определенного улучшения условий труда и жизни, в частности сокращения рабочего дня. В 1919 г. 48,7% всех промышленных рабочих имели 8-часовой рабочий день, 25% работали 9—10 часов, остальные — 12 и более часов. В то же время сверхурочные работы, к которым прибегали во время войны в значительных размерах, доставляя рабочему дополнительный заработок, одновременно удлиняли его рабочий день до 10 и даже 12 часов там, где официально устанавливался 8-часовой день. Сокращение рабочего дня зачастую сопровождалось усилением интенсификации труда рабочего. Во время войны степень эксплуатации пролетариата в США вообще возросла. В итоге травматизм и смертельные случаи в промышленности и на транспорте не уменьшались.

Вступление США в войну вызвало еще большее ускорение темпов работы в промышленности и на транспорте, что увеличило число жертв. Только в 1917—1918 гг. погибли более 70 тыс. рабочих и более 9 млн. получили ранения, т. е. значительно больше, чем на фронте.

Наиболее заметным достижением рабочих за годы войны явилось увеличение номинального и в меньшей степени — реального заработка. Уже в период «нейтралитета» примерно 6—7 млн. трудящихся добились повышения ставок заработной платы[10].

Рост ставок заработной платы почти всех категорий, особенно неквалифицированных, рабочих (в значительной степени за счет сверхурочных часов) означал некоторое улучшение их материального положения. Но непрерывное возрастание стоимости жизни сдерживало, а частично и снижало увеличение реального заработка. Учитывая дороговизну жизни, ряд буржуазных исследователей пришли к выводу, что реальная заработная плата многих рабочих повышалась неравномерно, а к концу 1918 г. не поднялась, а даже сократилась. У других же она увеличилась, но крайне незначительно[11], главным образом в военных отраслях промышленности. По данным П. Дугласа, реальная заработная плата рабочих,

---

[9] Несмотря на начавшийся в 1915 г. промышленный подъем, безработица в США сохранилась на уровне 2043 тыс. человек в 1916 г., 1848 тыс. в 1917 г. и 536 тыс. в 1918 г. См.: Historical Statistics of the United States, p. 133.

[10] Monthly Labor Review, vol. 4, N 2. p. 231—232.

[11] *Богарт Э. Л.* Экономическая история Соединенных Штатов. М., 1927, с. 349.

занятых непосредственно на производстве, выросла за годы войны в среднем на 8%, в военных отраслях — на 19—22%, а в ряде мирных отраслей рост был небольшим или же вообще не отмечался [12].

В целом же трудящиеся США, не пережившие на своей территории ужасов войны, в упорной борьбе смогли добиться известного улучшения своего положения, особенно сравнительно с народами Европы.

2. ФЕРМЕРСКИЙ ПРОТЕСТ

Непрерывно увеличивающиеся потребности воюющих и нейтральных стран в продовольствии и сырье создали небывало благоприятную конъюнктуру для сельского хозяйства. Росли все показатели сельскохозяйственного производства, еще более — уровень цен на его продукцию, значительно обгонявших цены на промышленные товары. В итоге валовой доход фермерских хозяйств вырос за 1914—1919 гг. в 2,3 раза и положение фермеров, особенно капиталистической верхушки, за время войны улучшилось. Но блага «военного процветания» распределялись весьма неравномерно, доходы, даже верхнего слоя, росли медленно.

Одной из причин этого являлись наредкость неблагоприятные погодные условия в 1915—1918 гг. Но главной и самой серьезной причиной было ощутимое возрастание эксплуатации фермерства монополистическим промышленно-финансовым капиталом. Важнейшими проявлениями этой эксплуатации стали вздорожание земли и спекуляции участками, значительный рост цен на удобрения, семена, технику, на все виды товаров и услуг. Осложнился вопрос кредитования фермеров, особенно небогатых, усилился произвол хозяев банков, трестов, владельцев элеваторов, железных дорог, разного рода посредников, беспощадно обиравших фермера. Ввиду недостатка сезонных рабочих и роста ставок их оплаты выросли общие затраты фермерства на наемный труд.

Увеличились федеральные и местные налоги с фермеров, в том числе косвенные. Расширение и одновременно удорожание сельскохозяйственного производства привели к росту залога ферм за 1910—1920 гг. до 37,2% общего числа по стране [13]. Крупный фермер использовал ссуды под залог обычно для дальнейшего расширения хозяйства, но мелкие владельцы закладывали фермы, чтобы удержаться «в седле», избежать разорения. Фермерские долги выросли в 1920 г. против 1910 г. на 244%, составив общую сумму 8,5 млрд. долл. [14] Естественным следствием роста задолженности было разорение мелких хозяйств. Число мелких и средних ферм за 1910—1920 гг. сократилось, в то время как крупные хозяйства, за исключением Юга, повсеместно росли. Арендаторство, принявшее уже до войны серьезные размеры, составило в 1920 г. до 38% по всей стране, а в южных штатах — до 49,8% общего числа фермеров [15].

Таким образом, несмотря на благоприятную конъюнктуру военных лет, положение мелких фермеров, арендаторов, а тем более издольщиков

---

[12] *Douglas P. H.* Real Wages in the United States, 1890—1926. Boston; New York, 1930, p. 260, 272, 280 etc.

[13] *Язьков Е. Ф.* Фермерское движение в США (1918—1929). М., 1974, с. 37.

[14] *Гордеев Н. Н.* Обезземеливание американского фермера: Процессы дифференциации. М., 1928, с. 49.

[15] Новые материалы к работе В. И. Ленина «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии». М.; Л., 1936, с. 268—269.

даже ухудшилось. Но и аграрная буржуазия богатела не так быстро, как хотела. Относительно плохими оставались бытовые условия фермерства, постановка здравоохранения и просвещения. Все же с началом мировой войны, особенно после завершения к осени 1916 г. большого объема аграрного законодательства, включая закон о сельскохозяйственном кредите [16], нужды и требования фермеров начали меняться. Перемены внесло и вступление США в войну и создание системы военного регулирования экономики. Заметно оживилась деятельность всех фермерских организаций, даже предпринимались попытки к их объединению и выработке единых требований, содержание которых было, правда, весьма различным в зависимости от региона, условий времени и положения самих фермеров.

Американское фермерство в массе своей, хотя и без энтузиазма, приняло войну и оказало правительству поддержку, послушно (и не без выгоды) выполняя его призывы увеличить сельскохозяйственное производство. Как мелкие аграрии, фермеры стремились получить свою долю национального дохода, выступая антагонистами потребителей — рабочих и служащих, выступавших за снижение и фиксацию цен на продовольствие. Вместе с тем требования дешевых семян, удобрений, кредита, борьба против спекуляций, произвола банков, железных дорог и трестов и за фиксацию цен на товары промышленности означали в конечном счете покушение фермерства на прибыли монополий. Антимонополистический характер фермерских выступлений особенно ясно выявился в требовании мобилизовать на войну не только людей, но и «богатство», т. е. капиталы, и финансировать ведение войны за счет налогов с военных сверхприбылей промышленников и банкиров. Изменилась и политическая программа фермеров. Теперь они добивались признания их роли в политике, учета их голоса на важных конференциях, решающих вопросы войны.

Наиболее радикально, энергично выступали фермеры Среднего Запада, которые в числе прочего добивались национализации или муниципализации элеваторов, мельниц и других предприятий пищевой промышленности, а также прямых государственных вложений в фермерский кредит. Фермерство этого региона страдало от установления ограничений цен на пшеницу и решительно выступало против деятельности Продовольственной администрации Гувера, окружившего себя давними врагами фермеров — членами торговых палат и хлебных бирж из аграрных штатов. Фермеры сокращали посевы, прятали хлеб, протестовали на митингах, и в их речах, как доносил Г. К. Гувер президенту США, содержалась «добрая доля антивоенных чувств». Сопротивление было так велико, что Гувер даже начал разрабатывать план реквизиции хлеба у фермерства [17].

Во главе фермеров Северо-Запада стала Беспартийная лига (БПЛ), возникшая в 1915 г. в Северной Дакоте. БПЛ представляла политическую организацию, защищавшую интересы фермерства. Лига действовала через какую-либо из буржуазных партий, но не присоединяясь ни к одной из них (отсюда и название лиги). Орудием фермеров стали «праймериз» — первичные собрания избирателей, имевшие возможность до определенного уровня продвигать своих кандидатов. БПЛ быстро распространилась по Северной Дакоте и с помощью местных профсоюзов

[16] Подробнее см.: *Козенко Б. Д.* Аграрное законодательство В. Вильсона и фермеры.— В кн.: Американский ежегодник, 1977. М., 1977, с. 50—56.

[17] The Hoover — Wilson Wartime Correspondence / Ed. by F. W. O'Brien. Ames, 1974, p. 69, 80—82, 149, 169—170.

успешно выступила на выборах 1916 г., завоевав часть мест в законодательном собрании штата. Л. Фрезиер — состоятельный фермер с университетским образованием — стал губернатором штата, Д. Бери — членом конгресса. Лига провела ряд мероприятий в пользу фермеров, в частности значительно улучшив систему образования в штате. Она вступила в контакт с пацифистами, поддерживала пацифистские организации и всех борцов за гражданские права. Влияние лиги распространилось на соседние с Северной Дакотой штаты, с ней сотрудничали местные профсоюзы. В январе 1918 г. лига стала именовать себя Национальной беспартийной лигой (НБПЛ).

Буржуазия всей страны увидела в БПЛ угрозу двухпартийной системе и организовала наступление против нее, представляя лигу как организацию нелояльную, прогерманскую, даже социалистическую. Митинги лиги разгоняли и запрещали, литература уничтожалась, агитаторов избивали и арестовывали. В начале 20-х годов НБПЛ потерпела поражение на местных выборах в ряде штатов, но ее деятельность заложила основу для дальнейшего подъема демократического движения после войны и создания рабоче-фермерской партии. БПЛ, несомненно, помогла сближению части фермеров с рабочим классом. Ее подъем отражал процесс радикализации определенных слоев фермерства, усиление его политической деятельности, был частью общего процесса полевения масс в Америке в годы войны.

Одновременно в фермерском движении США шел и другой процесс — укрепление позиций аграрной буржуазии, усиление консервативного течения. Его опорой стали фермерский союз Грейндж, закосневший в своем развитии (его численность за войну практически не изменилась), и кооперативы (в 1920 г. насчитывалось не менее 11 тыс. кооперативов, объединявших в форме сбытовой кооперации около 8% всех хозяйств).

Борьба течений в фермерском движении, ясно наметившаяся в годы войны, в последующие десятилетия проявилась с еще большей силой, определив в конечном итоге новое место и значение «аграрного протеста».

3. НАРОД — ПРОТИВ ВОЙНЫ

Многие американцы, занятые своими делами и бедами, равнодушно отнеслись к началу войны в Европе. Однако антивоенные настроения проявились достаточно ясно и сильно, особенно в рабочих кругах.

Уже косвенное участие США в мировой войне в качестве ее арсенала и кредитора побудило выступления американцев под лозунгом сохранения действительного нейтралитета. Кампания «готовности», поставившая страну перед угрозой милитаризма и вступления в войну, вызвала еще более широкое движение протеста. Никогда прежде Соединенные Штаты не знали столь мощной и такой массовой антивоенной борьбы.

В авангарде шли передовые рабочие, революционные социалисты, открыто проповедовавшие «гражданскую войну за социализм» как ответ на участие в империалистической войне. Основной силой движения против милитаризма и войны были рабочие — члены профсоюзов и неорганизованные трудящиеся, фермеры, широкие полупролетарские слои, которые своим «пожеланием мира в самой неопределенной форме» выражали «нарастающее смутное революционное настроение»[18]. Массовые выступле-

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 193.

ния за мир оживили и буржуазно-пацифистское движение, подтолкнули в его ряды часть мелкой и средней буржуазии и интеллигенции, бывших участников прогрессистского движения. Все эти социальные силы представляли стихийную, без единого плана и руководства, но потенциально достаточно мощную коалицию, оказавшую большое воздействие на политическую жизнь США в 1914—1918 гг.

Одним из центров антивоенной борьбы стала радикальная оппозиция в АФТ, объединившая рабочих, в большинстве иммигрантов — членов ряда профсоюзов, находившихся под влиянием социалистов (механики, пивовары, швейники, типографы и др.). В начале войны и вся федерация заняла пацифистскую, нейтралистскую позицию, зафиксированную в решениях 34-го съезда АФТ [19]. Но с подъемом кампании «готовности» верхушка АФТ перешла на сторону буржуазии, поддержав военные приготовления.

Против позиции гомперсистов выступили крупные профсоюзы: горняков, возчиков и шоферов, швейников и многие другие профцентры Нью-Йорка, Чикаго, Сиэтла и проч. Под давлением оппозиции съезд АФТ в 1916 г. осудил систему милитаризма и создание постоянной армии, но изменить весь курс АФТ антивоенные силы не смогли. Оппозиция хотя и ослабла после объявлений войны, но борьбы не прекратила. Примечательно, что руководители 31 союза не явились на конференцию 12 марта 1917 г., зная, что там будет предпринята попытка дезорганизовать антивоенное течение в рядах АФТ. Многие организации весной и летом 1917 г. открыто протестовали против войны и клеймили Гомперса как предателя рабочего класса.

Против милитаризма и войны поднялись и «Индустриальные рабочие мира». ИРМ решительно осудили мировую войну на съезде 1914 г., заявив, что признают только одну войну — войну классов и что в случае участия США в мировой бойне они объявят всеобщую забастовку [20]. Ирмовцы распространяли антивоенные листовки и литературу, разоблачали милитаризм и классовый характер войны, но серьезной антивоенной работы, в частности против кампании «готовности», не вели. Этому мешали анархо-синдикалистское отрицание политической, в том числе антивоенной, борьбы и увлечение экономическими стачками. Лидеры ИРМ опасались, что протесты против войны вызовут репрессии, которые затормозят развитие профсоюзного движения.

В канун вступления США в войну большинство исполкома ИРМ отвергло предложение о необходимости открыто занять антивоенную позицию и объявить всеобщую забастовку, о чем не раз заявлялось прежде. Однако ИРМ возглавили многие стачки в военной промышленности, что дало возможность буржуазии выдвинуть версию о «тайном плане» ИРМ встретить войну необъявленной всеобщей забастовкой [21].

Рабочие проявляли оппозицию войне в самых различных формах. На собраниях они принимали антивоенные резолюции и петиции, участвовали в деятельности пацифистских организаций, бойкотировали милитаристские парады в Чикаго, Сан-Франциско и других городах, а в Нью-

---

[19] American Federationist, 1914, Dec., p. 1080—1083.

[20] *Зубок Л. И.* Очерки истории рабочего движения в США, 1865—1918. М., 1962, с. 522—524.

[21] *Gambs J. S.* The Decline of the I. W. W. N. Y., 1932, p. 36—41.

Йорке провели 100-тысячную демонстрацию, неся лозунги (на 27 языках) «Война — войне!» Оппозиция рабочих и фермеров сорвала попытки набрать добровольцев в армию и милицию весной — летом 1916 г. Многие рабочие поддержали Вильсона на выборах осенью 1916 г., поверив его миролюбивым заверениям.

Объективно антивоенный характер носило стачечное движение, особенно в штатах, связанных с подготовкой к войне. Массовые выступления активизировались весной 1917 г., когда угроза войны стала ощутимой. Из больших и малых городов в Белый дом и конгресс приходили тысячи писем и телеграмм с требованием остановить военные приготовления и не допустить участия страны в войне.

Трудящиеся осудили вступление США в войну, сопротивлялись принятию закона о наборе в армию. Свыше 330 тыс. человек отказались регистрироваться, и около 50% явившихся попросили освобождения. В ряде мест (Нью-Йорк, Кливленд, Чикаго, Сан-Франциско) произошли многочисленные демонстрации и бунты против призыва в армию[22]. Распространялись антивоенные прокламации. К 30 июня 1918 г. министерство юстиции рассмотрело дела 220 тыс. лиц, уклонившихся от призыва, в том числе 55,3 тыс.— по политическим мотивам, и вынесло обвинение против 23,4 тыс. человек[23].

Значительную роль в антивоенной оппозиции играло фермерство. Правда, зажиточные фермеры-бизнесмены увидели новый источник наживы и выступили против эмбарго на вывоз оружия, снаряжения и продовольствия воюющим странам, поддержали военные приготовления к «обороне». Но большинство фермеров, исходя в основном из принципов изоляционизма и пацифизма, осудили войну в Европе и решительно отвергли кампанию «готовности»[24]. Именно аграрные штаты питали антивоенную оппозицию в конгрессе, возглавляемую такими видными деятелями, как Р. Лафоллетт, Дж. Норрис, К. Китчин.

Когда США вступили в войну, во многих штатах Юга и Запада фермеры протестовали против набора в армию. В 1917—1918 гг. средоточием фермерской антивоенной оппозиции стала Беспартийная лига Северной Дакоты. Объединенный фронт рабочих и фермеров, оппозиция простого народа во многом сорвали планы американских империалистов, задержали развитие милитаризма в стране. Они оживили и придали новые силы буржуазно-пацифистскому движению, пережившему в годы войны и большой подъем, и серьезные перемены.

Сначала пацифисты защищали истинный нейтралитет США, требуя запретить вывоз оружия и снаряжения, а также кредиты воюющим странам. Они созвали Американскую конференцию за эмбарго, на которой было представлено более 2,5 тыс. организаций, главным образом из штатов Среднего Запада. В конгресс были внесены десятки резолюций и законопроектов и, наконец, петиция с требованием эмбарго, которую подписали около 3 млн. американцев. Однако участие в борьбе за эмбарго иммигрантов из Германии и Австро-Венгрии было использовано проантантовской прессой для дискредитации всего движения.

Подъем кампании «готовности» внес раскол в буржуазно-пацифистский лагерь. Борьбу с милитаризмом повели новые, более демократиче-

---

[22] *Зубок Л. И.* Очерки истории США (1877—1918). М., 1956, с. 467.
[23] *Allen D.* The Fight for Peace. N. Y., 1930, p. 558—559.
[24] Congressional Record, vol. 53, pt 12, p. 11909; pt 14, p. 60—64, 217, 2941—2942 etc.

ские по составу и духу организации (Американский союз против милитаризма, Женская партия мира, Федерация за немедленный мир и многие другие), действовавшие в контакте с антивоенным движением рабочих и фермеров, с социалистами. Против войны выступали квакеры и другие религиозные общины, деятели науки и культуры.

Буржуазные пацифисты организовывали многочисленные лекции, собрания, конференции и демонстрации, выступления в прессе и конгрессе. Они создали движение «реальной готовности», охватившее 19 штатов и 33 города[25].

В самый канун вступления США в войну пацифисты, видя ее неотвратимость, в отчаянии потребовали национального референдума по вопросу об участии в войне, но безуспешно. 11 сенаторов-пацифистов при обсуждении билля о вооружении американских судов как военной меры организовали флибустьер, т. е. затягивание прений для срыва принятия решений. Им это удалось. Вильсон и большинство сената осудили их и назвали публично «горсткой злонамеренных людей». При голосовании резолюции о состоянии войны с Германией 6 сенаторов из 96 (Р. Лафоллетт, Дж. Норрис, А. Гронна, Дж. Вардамен, Г. Лейн, председатель комитета иностранных дел сената У. Стоун) и 50 членов палаты представителей проголосовали против.

Вступление в войну нанесло буржуазному пацифизму тяжелый удар. Многие организации распались, их лидеры перебежали на сторону правительства. И все же в годы мировой войны пацифистское движение поднялось на более высокую ступень. Наиболее радикальная часть его участников перешла от «наивного идеализма и гуманизма к социально-экономическому радикализму»[26].

Выражением этой радикализации пацифистов явилась деятельность Народного совета за справедливый демократический мир и гражданские права. Идея такого совета родилась в рабочих кругах под влиянием призыва рабочих масс и крестьян России к миру без аннексий, который получил в США название «русской формулы мира». Летом 1917 г. в Нью-Йорке, затем в других городах, несмотря на противодействие и репрессии властей, возникло массовое движение за создание Народного совета. В нем участвовали не менее 2 млн. человек. В начале сентября в Чикаго собралась учредительная конференция, на которой присутствовали 300 делегатов пацифистских и демократических организаций от 24 штатов, но власти разогнали ее на следующий день. Однако вскоре в Нью-Йорке все же был создан Народный совет, принявший программу борьбы за скорейшее заключение мира без аннексий и контрибуций, восстановление и охрану гражданских прав и трудового законодательства, обложение налогами крупного капитала, снижение стоимости жизни и т. д.[27]

Это была программа буржуазно-демократического характера, умеренная и ограниченная, далекая от революционных и социалистических целей, что определялось составом Народного совета, куда входили в основном буржуазные демократы и пацифисты, бывшие участники прогрессистской партии, представители центристского крыла Социалистиче-

---

[25] New York Times, 1916, June 25.

[26] *Chatfield Ch.* For Peace and Justice. Pacifism in America, 1914—1941. Knoxville, 1971, p. 31—37, 59.

[27] Revolutionary Radicalism: Its History, Purpose and Tactics: Vol. 1, 2. Albany, 1920, vol. 1, p. 1040, 1072—1073.

ской партии Америки. Совет пользовался поддержкой многих профсоюзов Нью-Йорка и других городов, имел связи с БПЛ, с антивоенными массовыми организациями, в какой-то мере условно, конечно, представляя «единый фронт»[28] если не всех, то многих демократических элементов, выступавших против войны и разгула реакции, требовавших скорейшего заключения мира. Поднявшись на защиту Советской России, Народный совет выразил антимонополистические устремления широких масс, их недовольство политикой правительства, стремление к миру и демократии.

4. НЕГРИТЯНСКИЙ ВОПРОС

Накануне войны в стране проживали 9,8 млн. негров (10,7% всего населения), 90% которых были сосредоточены на Юге, большей частью в сельской местности. По данным 1910 г., свыше 54% негров были заняты в сельском хозяйстве, 21% — в обслуживании, 13,8% — в горной и обрабатывающей промышленности, 5% — на транспорте и в связи[29]. Положение негров в городе и в «деревне» было почти одинаково тяжелым. Дискриминация и сегрегация усугубляли и обостряли гнет и эксплуатацию, которым подвергались черные американцы. Администрация В. Вильсона в значительной части состояла из расистов, открыто защищавших сегрегацию черного населения. Вильсон одобрял их политику, проводимую якобы для пользы... самих негров.

Начало войны в Европе не вызвало интереса у негритянского населения и его лидеров. Только У. Дюбуа откликнулся рядом статей, разоблачавших колониальный, захватнический характер войны[30]. Кампания «готовности» также мало затронула негров: «патриоты» не хотели их участия в делах нации. Лишь вступление в войну привлекло внимание к негритянскому вопросу. Но и тогда расисты использовали негров в военных усилиях США в самой уродливой, оскорбительной для черных форме. Принятый конгрессом закон о мобилизации требовал раздельного военного обучения и службы белых и черных, рекомендовал направлять последних во вспомогательные, а не строевые части.

Дискриминация и сегрегация преследовали негра и в тылу и на фронте. Хотя негритянские войска сражались храбро, американские генералы не хотели этого признавать, открыто порочили и дискредитировали негров в глазах союзных войск и французского населения как представителей «низшей расы»[31]. В тыловых лагерях, особенно в южных штатах, негры становились жертвами местных расистов. Так, в г. Хьюстон (штат Техас) полиция спровоцировала вооруженное выступление черных солдат, в результате которого военный суд приговорил 19 негров к повешению и 91 — к тюремному заключению[32]. Дискриминация, антинегритянский террор приобрели во время войны новый размах и остроту.

Тем не менее, когда США вступили в войну, все видные деятели, организации и органы негритянского движения, а также церковь поддер-

---

[28] *Chatfield Ch.* Op. cit., p. 58—59.
[29] U. S. Department of Commerce. Negro Population in the United States, 1790—1915. Wash., 1918, p. 21, 65, 88.
[30] *Kellog Ch. F.* NAACP. A History of the National Association for the Advancement of Colored People: Vol. 1, 2. Baltimore, 1967, vol. 1, p. 182.
[31] Journal of Negro Education, 1943, Summer, vol. 12, N 3, p. 364, 432.
[32] *Дюбуа У.* Воспоминания. М., 1962, с. 334.

жали, за малым исключением, правительство, провозглашая, что долг негров — сражаться до победы, после которой будут решены все вопросы жизни цветного человека.

Участие в войне многое изменило в сознании негров. Они сравнивали положение в Европе, где не было подобного оголтелого расизма, и в США, делали соответствующие выводы. Новые настроения хорошо отразил У. Дюбуа в журнале «Крайсис», когда писал: «Мы вернулись из сражения. Мы вернулись сражаться. Откроем путь для демократии. Мы спасли ее во Франции и... спасем ее в США»[33]. Не случайно ветераны войны встали в первых рядах негров, оказывавших вооруженное сопротивление расистам в погромах 1919 г.

Важными и глубокими были сдвиги в социально-экономическом положении негритянского населения США. За годы войны серьезно изменилась его структура, усилилась массовая миграция негров с Юга на Север. Значительно увеличилось число черных — рабочих и служащих, в том числе с известной квалификацией, а следовательно, выросли их заработки, соответственно улучшились социальные условия. Выросли прослойка цветной буржуазии, ее капиталы и сфера влияния.

Однако все эти перемены не означали, что неравноправие негров исчезло и положение изменилось коренным образом. Негры оставались «народом второго сорта», в целом условия их жизни были по-прежнему тяжелыми, хуже, чем у белых. Так, неграмотность по всей стране в 1920 г. составляла 4% всего населения, а среди негров — 9, причем 26% — в южных штатах.

Переселившиеся негры на Севере вновь столкнулись, но уже в более утонченной форме, с дискриминацией и сегрегацией, преследованиями, социальным остракизмом и т. п. Миграция обострила межрасовые отношения. Белое население враждебно встречало пришельцев с Юга, видя в них конкурентов по работе и причину вздорожания жизни. Именно в военные годы расширялись негритянские гетто в больших городах. Демократия, с горечью писал журнал «Нейшн» в марте 1916 г., имеет два пароля: эмансипация и... сегрегация. Продолжались линчевания негров, по официальным данным, не менее 260 человек за годы войны[34]. В 26 городах произошли массовые негритянские погромы. Особенно страшный, потрясший всю Америку, имел место в Ист-Сент-Луисе (штат Иллинойс): десятки негров были убиты, искалечены, ограблены[35]. Вновь дал о себе знать Ку-клукс-клан. В 1915 г. некий «полковник» и баптистский деятель У. Симмонс объявил, что «провидение» призвало его восстановить клан. Через год в рядах этой террористической организации насчитывалось около 100 тыс. человек.

Трудным оказалось вхождение негров и в ряды рабочего класса. Насаждаемые десятилетиями взаимные недоверие и враждебность осложняли и задерживали сближение белых и черных пролетариев.

И все же миграция негров и ее следствия имели общий положительный итог. Выросли самосознание негров, чувство собственного достоинства, понимание общности интересов своего народа, причастности к жизни всей страны. За годы войны еще больше углубилась классовая и

---

[33] Цит. по: *Franklin J. H.* From Slavery to Freedom. A History of American Negro. N. Y., 1956, p. 470—471.

[34] Thirty Years of Lynching in the U. S., 1889—1918. N. Y., 1919, p. 29.

[35] *Rudwick E. M.* Riot at the East St-Louis. N. Y., 1964, p. 3, 27—36, 60—61.

общественная дифференциация черного населения. Относительно большой негритянский пролетариат вошел в контакт с наиболее важными и развитыми отрядами американского рабочего класса. Придя на Север и в города, негры не попали в рай земной, но избавились от затхлой, застойной атмосферы Юга, этой, по определению В. И. Ленина, тюрьмы для «освобожденных» негров[36]. Несколько улучшились их социальные и бытовые условия, а главное, как писал негритянский историк Б. Броули, «родилось новое сознание, которое побуждало американского негра на борьбу за свободу своей расы во всех смыслах этого слова»[37].

Сдвиги, происходившие в положении и сознании негров, отразились и на их освободительной борьбе. За годы войны усилилась деятельность негритянских организаций, выросли их численность, влияние. Усилилось радикальное течение. У. Дюбуа и его сторонники пытались сочетать поддержку участия США в войне с борьбой против сегрегации и дискриминации негров. Они обратились к правительству с программой соответствующих мероприятий. Но власти оказались глухи к их просьбам. Не удалась попытка У. Дюбуа объединить всех негритянских лидеров на основе компромиссной программы, предложенной им на конференции в г. Аминия в 1916 г. Сторонники Б. Вашингтона, скончавшегося годом ранее,— Скотт, Мотон, Хейн — по-прежнему занимали позиции приспособления и отказа от политической борьбы за равноправие.

У многих недавних мигрантов, остро и болезненно переживавших свое перемещение на Север, находили отклик смелое обличение расизма, призывы к активному действию сейчас, немедленно, с которыми выступал М. Гарви. Выходец из Вест-Индии, Гарви весной 1916 г. выступил с призывом создать Всемирную ассоциацию улучшения положения негров. Он полагал, что неграм необходимо возвратиться «домой», в Африку. В движении Гарви выражались дух протеста, рост национального самосознания и самоутверждения. Однако движение принимало такие формы, которые предопределили его последующее вырождение в махровый шовинизм[38].

Важно отметить расширение социалистической пропаганды среди негров, появление революционных настроений. Среди передовой части негров начался процесс полевения, ускоренный победой Октябрьской революции в России. В начале 1917 г. в нью-йоркском Гарлеме возникла ячейка социалистов-негров, выступавших с антивоенных, антирасистских позиций, призывавших к совместным действиям белых и черных трудящихся, к национализации промышленности и т. д. В то же время в их прессе печатались и националистические, анархистские статьи, проповедовалась национальная рознь.

Можно сказать, что в годы мировой войны наметилась перспектива дальнейшей борьбы за равноправие черных американцев.

5. ПОЗИЦИЯ СОЦИАЛИСТОВ

Мировая война и крах II Интернационала обострили размежевание течений в социалистическом движении, поставив новые вопросы. «Нейтралитет» США, отдаленность от театров военных действий, непонимание

[36] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 144.
[37] *Browley B. G.* A Short History of the American Negro. N. Y., 1927, p. 179.
[38] Revolutionary Radicalism, vol. 2, p. 1477—1484.

даже левыми социалистами сущности империализма и действительных причин и значения краха II Интернационала смазывали разногласия по вопросам войны. Правоцентристское руководство СПА, хотя и осудило войну в Европе, тем не менее предложило буржуазно-пацифистскую программу борьбы с ней (эмбарго на вывоз оружия, строгое сохранение нейтралитета, петиции в конгресс и т. п.). Проникшись доверием к «миролюбию» Вильсона, правые выдвинули тезис об отделении классовой борьбы от антивоенной, сеяли парламентские и легалистско-пацифистские иллюзии.

Позиция левых социалистов была другой. С самого начала они недвусмысленно заявили, что идет капиталистическая, захватническая война ради интересов господствующих классов, что рабочие всех стран не должны участвовать в ней, что их долг решительно выступить против войны и против капитализма. Левые стояли за решительные антивоенные выступления, связанные с классовой борьбой пролетариата и подготовкой социальной революции. Они осуждали пацифизм лидеров СПА и их попытки бороться с войной мирными программами. Левые социалисты стремились не только к поддержке, но и к руководству массовыми действиями.

Кампания «готовности» имела для американского рабочего движения в известной мере то же значение, что и развязывание войны для европейского, вызвав острейший кризис в СПА. Оппортунизм правого крыла партии сразу же приобрел социал-шовинистскую направленность. Лидеры СПА поддержали призывы к «готовности для обороны», увлекая за собой нетвердых «социалистов чувства» из числа интеллигенции (У. Уоллинг, Э. Синклер, Дж. Лондон и др.). Центристы выступили на словах против «готовности», но предлагали бороться с отечественным милитаризмом законными, парламентскими средствами, по-прежнему разделяя антивоенную и классовую борьбу, боясь даже поставить вопрос о революции.

Иную позицию заняло левое крыло СПА. Революционные социалисты пришли к выводу, что кампания «готовности» «покрывает все другие проблемы», и сразу же начали решительную борьбу с милитаризмом. Они разоблачали классовый характер и направленность кампании «готовности», ее истинных вдохновителей — монополии США. Левые считали необходимым поднять против «готовности» рабочие массы, поддержать стачечное движение, связать антивоенные выступления с классовой борьбой, воспитывать в рабочих дух пролетарского интернационализма, солидарности, поднимать их сознание.

Большую роль в развертывании антимилитаристской пропаганды сыграл Ю. Дебс. Пламенный трибун, непримиримый борец с капитализмом, Дебс проявил в борьбе против «готовности» лучшие качества пролетарского интернационалиста, выступил знаменосцем антивоенного движения трудящихся США [39]. В газете «Эпил ту ризн» от 11 сентября 1915 г. Дебс писал: «Я не против всех войн, любое подобное заявление дискредитировало бы меня как революционера, но я против войны правящего класса и не пролью кровь за угнетателей рабочего класса». В. И. Ленин не раз упоминал о подобных высказываниях Дебса [40].

---

[39] *Козенко Б. Д.* Юджин Дебс — социалист. Саратов, 1967; *Быков В.* Юджин Дебс — вождь американского пролетариата. М., 1971.

[40] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 233—234; т. 37, с. 59, 486.

Борьба с милитаризмом и угрозой войны заставила левых более глубоко подойти к вопросам о причинах и характере мировой войны и краха II Интернационала, об империализме. Они начали осознавать необходимость разрыва с социал-шовинистами. Большое значение имели для их идейно-теоретического роста материалы Циммервальдской и Кинтальской конференций, знакомство с работами В. И. Ленина, тесные контакты с европейскими интернационалистами.

В январе 1916 г. в «Интернэшнл соушелист ревью» появился пересказ статьи В. И. Ленина «Социализм и война». По поручению Ленина А. М. Коллонтай дважды ездила в США (в конце 1915 г. и в начале 1917 г.), где выступала с разъяснением решений этих конференций социалистов [41]. Все это идейно обогащало американских левых, оказывало влияние на их теоретическое развитие и практическую деятельность, подталкивало к более решительной борьбе с оппортунизмом и ревизионизмом. Осенью 1915 г. в Бостоне была создана Лига социалистической пропаганды, что явилось по существу первой попыткой организационного оформления левого крыла в СПА. Группа обратилась к В. И. Ленину с письмом, излагавшим ее позицию, которую он в общем одобрил [42]. Образовались группы левых и в Нью-Йорке. В прессе социалистов все чаще появлялись статьи с призывами к решительному размежеванию с правыми. Уже в феврале 1916 г. В. И. Ленин отметил, что и в социалистическом движении США «полный раскол» [43], сложились два совершенно непримиримых враждебных течения.

Однако в целом процесс организационного укрепления и идейного освобождения левого крыла от влияния оппортунизма шел медленно. Этому отчасти способствовала примиренческая позиция самого авторитетного тогда из социалистов Ю. Дебса, не понимавшего необходимости размежевания и даже боявшегося его. Центристское руководство СПА, укрепившееся после ухода откровенных шовинистов, всеми силами стремилось сохранить формальное единство в партии перед президентскими выборами 1916 г., «помирить социал-шовинистов с революционными интернационалистами» [44]. Оно пошло на маневры, в частности отказалось («чтобы избавиться от конфликта») созвать съезд партии в 1916 г., несмотря на требования многих местных организаций, сорвало наметившееся сближение с СРП.

Но остановить обострявшуюся с каждым днем борьбу течений центристы уже не могли. Им пришлось назначить съезд партии на апрель 1917 г. За день до открытия съезда США вступили в войну; обстановка резко изменилась. Газета русской федерации СПА «Новый мир» 10 апреля 1917 г. призывала: «Мы должны объединить и сплотить наши батальоны. „Против течения!“ — вот наш боевой призыв. Это девиз интернационалистов в Германии, правдистов в России, Дебсов в Соединенных Штатах».

На съезд, открывшийся в Сент-Луисе, собрались 192 делегата от 44 штатов, среди которых было много левых, представлявших промышленные штаты. Дебс на съезд не поехал, и левое крыло фактически возгла-

---

[41] *Коллонтай А. М.* Избранные статьи и речи. М., 1972, с. 180—194.
[42] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 71—75; т. 31, с. 174; т. 49, с. 200, 310.
[43] Там же, т. 27, с. 236.
[44] Там же, т. 30, с. 268.

вил Ч. Рутенберг. В центре работы съезда, естественно, оказался вопрос о войне. Специальный комитет разработал резолюцию, принятую голосами 141 делегата против 31. В резолюции СПА подтверждала верность принципам интернационализма и решительно выступала против только что объявленной войны. Резолюция отклоняла предложение о «классовом мире», требовала усилить классовую борьбу и выдвигала программу конкретных антивоенных действий.

Резолюция большинства имела известные недостатки. Она не давала четкого определения империализма, не различала справедливые и несправедливые войны, огульно отвергая все; не осуждала социал-шовинизм, не выдвигала лозунга превращения войны империалистической в войну гражданскую. В целом это был компромисс революционного и центристского течений. Тем не менее резолюция отражала антивоенные настроения большинства членов партии, звала к активным внепарламентским действиям, являлась боевым призывом к борьбе с войной.

Правоцентристские элементы в СПА оказали сопротивление принятию столь решительной резолюции, но успеха не имели. Затем резолюция съезда была передана на общепартийный референдум, на котором 22 тыс. членов СПА против 500 одобрили ее, что означало, что партия в целом заняла открыто антивоенную позицию. Голосами 78 делегатов против 42 съезд выбросил из устава партии пресловутый пункт 6, статьи 2 [45], несмотря на заявление оппортунистов о поощрении анархистов и саботажников. Этот шаг показал возросшее стремление социалистов к более решительным формам борьбы, к единству всех отрядов рабочего класса.

Таким образом, съезд в Сент-Луисе принял ряд важных решений и в целом означал поражение оппортунистов и открытых социал-шовинистов, большой успех левых антивоенных сил в партии и рабочем классе. Эти решения, поднимавшие боевой дух масс, были с одобрением и энтузиазмом встречены рабочими и с ненавистью и раздражением в буржуазных кругах, осудивших «доктринерскую» позицию СПА, оказавшейся «хуже германской социал-демократии» [46].

Авторитет и влияние СПА, несмотря на репрессии и благодаря уходу из партии шовинистических, мелкобуржуазных элементов, стали быстро расти. В партию приходили теперь рабочие из промышленных центров Северо-Востока. Только за апрель—июнь 1917 г. в нее вступили 13 тыс. новых членов. Многие рабочие отдали социалистам свои голоса на местных выборах 1917—1918 гг., особенно в городах Северо-Востока и Среднего Запада.

Однако вскоре верх в партии взяли центристы. Выступая с антивоенными речами и призывами, они на деле саботировали решения съезда в Сент-Луисе. «Центризм стал господствующей формой оппортунистического руководства» [47].

Не сразу левые разглядели оппортунистическое существо центристских лидеров. Но постепенно в партии стали расти требования порвать с политикой колебаний и твердо следовать антивоенным революционным курсом. Начался отход масс от центристов. Левое крыло укреплялось. На

---

[45] Этот пункт позволил оппортунистам в 1912 г. исключить из СПА многих членов партии, связанных с ИРМ и якобы пропагандировавших «саботаж».

[46] New Republic. 1917, July 17, p. 288.

[47] *Foster W. Z.* History of the Communist Party of the United States, p. 135.

его стороне оказались организации социалистов Мичигана, Огайо, Вашингтона и национальные федерации, которые объединяли в своих рядах в 1917 г. более 53% всех членов партии. Борьба усиливалась. Великая Октябрьская социалистическая революция еще более обострила ее.

6. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРОГРЕССИВНАЯ АМЕРИКА

Великая Октябрьская социалистическая революция, явившись закономерным следствием развития классовой борьбы в условиях империализма, коренным образом изменила ход истории человечества. В результате ее победы возникло первое в мире социалистическое государство, открылась новая эпоха — перехода от капитализма к социализму. Октябрьская революция оказала и огромное непосредственное воздействие на весь мир, способствуя развитию и укреплению революционных элементов в международном рабочем и социалистическом движении, вдохновила всех прогрессивно настроенных людей.

Революция произвела сильнейшее впечатление и в США, где интерес и сочувствие к освободительному движению в России были давней традицией демократических сил. Прогрессивные американцы приветствовали Октябрьскую революцию, указавшую выход из кровавого хаоса войны и провозгласившую программу действительно справедливого, демократического всеобщего мира. Их восхищала созидательная деятельность Советской власти с первых же дней ее существования. А преступная необъявленная война с молодым пролетарским государством, интервенция на его территорию империалистов США и Антанты вызвали волну сочувствия и поддержки Советской России. Передовые рабочие США приветствовали Октябрьскую революцию. Социалисты, члены ИРМ на массовых митингах в Нью-Йорке, Бостоне, Балтиморе, Сиэтле и других городах принимали резолюции солидарности с рабочими России, первыми одержавшими победу над капитализмом [48]. В ряде промышленных центров возникли Рабочие советы. Ширился интерес к Ленину и его трудам. В социалистических газетах публиковались речи и статьи вождя российского пролетариата. «Слова „большевики“ и „Советы“ стали частью нашего языка»,— писала Э. Г. Флинн [49].

Американские рабочие хотели знать как можно больше о положении в Советской России, проявляли живой интерес к любому сообщению из первого в мире пролетарского государства. Огромную популярность приобрели книги, речи и статьи А. Р. Вильямса, Дж. Рида, Луизы Брайант и других американцев, побывавших в Советской стране. Октябрьская революция способствовала росту классового сознания американских рабочих, указывала перспективу революционным силам.

Однако лидеры АФТ приняли участие в клеветнической кампании против Советской России и сыграли позорную роль в гонениях на социалистов и пацифистов. Против революционных идей Октября гомперсисты выдвинули принцип реформизма, составивший основу так называемой

[48] Прогрессивная Америка в борьбе, 1917—1973: Документы и материалы / Отв. ред. И. М. Краснов. М., 1974, с. 42—47, 50—57.
[49] *Флинн Э. Г.* Указ. соч., с. 319.

программы реконструкции, которую Исполнительный совет АФТ разработал в конце 1918 г. Провозглашая «демократию в промышленности», требуя улучшения условий труда и жизни рабочих, программа в то же время отвергала самостоятельные политические действия рабочего класса [50]. Лидеры АФТ особо возражали против создания рабочей партии. Такая политика встретила отпор многих рабочих—членов профсоюзов, выступавших в защиту Советского государства и за более радикальные и решительные средства и методы борьбы.

Наиболее сознательные члены ИРМ (Э. Флинн, Дж. Харди, У. Хейвуд), узнав об Октябрьской революции, сразу же перешли на ее сторону. Но некоторые работники ИРМ отнеслись к революции скептически, объявили ее «немарксистской» и преждевременной.

Октябрьская революция поставила перед ИРМ вопросы, решить которые, опираясь на идеологию и тактику анархо-синдикализма, было невозможно. Это привело к расколу и способствовало вырождению в слабую маловлиятельную группу некогда мощной организации.

Пролетарская революция в России немало помогла дальнейшему обострению и доведению до закономерного логического конца — раскола — борьбы течений среди американских социалистов. К расхождениям по вопросам антивоенных выступлений весной 1917 г. добавилось несогласие в оценке сначала Февральской, а затем и Октябрьской революций в России.

К моменту Октября конфликт течений в Социалистической партии Америки был уже достаточно глубоким. Массы были недовольны центристскими лидерами, саботировавшими на деле решения съезда в Сент-Луисе. Они все больше поддерживали левых, силы которых росли и крепли.

Октябрьская революция поставила со всей остротой и силой важнейшие вопросы теории и практики мирового революционного движения, прежде всего о диктатуре пролетариата и Советах, о партии нового типа, ее роли, задачах и т. д. Отношение к этим вопросам стало мерилом социалистических убеждений. Борьба революционной и оппортунистической тенденций вступила в новую фазу.

Левые решительно поддержали Октябрьскую революцию, идею диктатуры пролетариата и Советов как ее формы, приняли и проводили в жизнь революционную линию, хотя и не полностью освободились от левацких анархо-синдикалистских и иных ошибок и заблуждений [51]. Большую роль в их теоретическом «взрослении» сыграли работы В. И. Ленина, появившиеся в США уже летом 1917 г. Была переведена на английский и издана работа В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» и др. В декабрьском номере журнала «Класс страгл» за 1918 г., а позже отдельным изданием опубликовано знаменитое «Письмо к американским рабочим».

Оппортунистическое руководство СПА встретило Октябрьскую революцию настороженно, а затем и открыто враждебно. Не в силах отрицать ее всемирное значение и зная настроения масс, оно сводило содержание Октября только к мирной программе. «Центр стал объективно течением

---

[50] *Бимба А.* История американского рабочего класса. М., 1930, с. 201—203.

[51] *Мальков В. Л.* Великий Октябрь и рабочее движение в США (1917—1922).— В кн.: Американский ежегодник, 1978. М., 1978, с. 15, 16—22.

антисоциалистическим»[52], что привело к отчуждению руководства СПА от большинства членов партии. Левые уже начали понимать необходимость размежевания, об этом говорило образование в декабре 1918 г. Лиги коммунистической пропаганды и левого крыла — секции СПА. Не дожидаясь перехода всей партии на левые позиции, центристские вожди спровоцировали раскол, исключая одну за другой левые федерации, приближая этим крах СПА.

Октябрьская революция вызвала размежевание и в другой — Социалистической рабочей партии, которая в годы мировой войны сделала попытку освободиться от пут сектантства и догматизма. Однако вскоре выявилось расхождение между опытом Октябрьской революции и теоретическими догмами руководства СРП, которое ждало воплощения в России идей индустриального юнионизма Де Леона. Не увидев этого, оно выступило против революции. СРП так и не смогла преодолеть узкий догматизм, снова отошла от рабочих масс и окончательно превратилась в секту. Вопреки всему этому в годы мировой войны и Октябрьской революции и в США произошли усиление революционного крыла в социалистическом движении, качественные изменения в его идеологии и политике. Оно приблизилось к ленинизму, к новым, высшим формам организации и борьбы. Кризис СПА и СРП стал закономерным результатом борьбы революционной и оппортунистической тенденций, свидетельством того, что передовые рабочие осознали необходимость освобождения от идеологии оппортунизма и перехода на позиции марксизма-ленинизма. Марксистское движение в США поднялось на новую, качественно более высокую ступень.

Октябрьская революция оказала воздействие и на освободительное движение черных американцев. С радостью встретили Октябрь группа негров-социалистов и радикальные деятели во главе с У. Дюбуа. На многочисленных митингах и собраниях, в прогрессивной прессе они разъясняли негритянскому народу значение событий в далекой России, защищали Советскую страну от клеветы, особо подчеркивая, что Советская власть разрешила национальный вопрос[53].

В защиту первого пролетарского государства выступили отдельные буржуазные пацифисты и либералы, лучшие представители которых осознали колоссальное прогрессивное значение Октябрьской революции для судеб человечества. Глубокий и давний интерес к российской культуре, сочувствие к народу, страдавшему от самодержавного произвола, уважение к русским революционерам разных поколений помогли этим людям подняться выше предрассудков и взглядов своей среды.

Органом этой группы стал журнал «Нейшн», уже в феврале 1918 г. призвавший предоставить России самой решать свои дела[54]. В течение всего 1918 г. «Нейшн» выступал против интервенции, утверждая, что «мир за счет России — чудовищная вещь», требовал признать Советскую власть, «завоевать доверие Советов». В 1918 г. «Нейшн» опубликовал первые декреты Советской власти и Конституцию РСФСР, «закрепившую диктатуру пролетариата»[55].

---

[52] Коммунистический Интернационал, 1919, № 5. с. 704.
[53] Revolutionary Radicalism, vol. 2, p. 1479.
[54] Nation, 1918, Febr. 28, p. 227—233.
[55] Ibid., Mar. 7, p. 253; Apr. 11, p. 442; May 25, p. 607; July 10.

Прогрессивная Америка с разной степенью глубины и ясности, но искренне и действенно поддержала Октябрьскую революцию. В этом проявились симпатии и сочувствие трудящихся масс США к советскому народу.

Четыре года мировой войны явились важным этапом в развитии классовой борьбы в США. Все отряды антимонополистического лагеря испытали за это время оживление и подъем. Везде обозначились революционная и оппортунистическая тенденции, обострилась их борьба. Оппортунизм в лице социал-шовинизма получил мощную и открытую поддержку правительства, военщины, буржуазии. Монополии смогли неизмеримо больше, чем ранее, уделять из своих гигантских сверхприбылей средства на подкуп верхов рабочего класса. Реакционные профлидеры вошли в государственный аппарат, что было использовано буржуазией для подавления левых сил. На руку гомперсистам оказалось и завоеванное в стачках известное улучшение материального положения части рабочих. Оппортунизм в профсоюзном движении значительно укрепился.

Но это была лишь одна сторона. Огромный рост стачечного движения, активизация профсоюзов, радикализация части фермерства, небывалое по размаху антивоенное движение, перемены в положении и формах борьбы негров — все это свидетельствовало об усилении и расширении борьбы трудящихся против гнета монополий, против милитаризма, войны и реакции. А это, в свою очередь, ускорило процесс развития классового сознания авангарда пролетариата, усилило его тягу к самостоятельной политической партии. Произошел определенный и явный сдвиг влево в мышлении и действиях передовых трудящихся, чему способствовала победа Октябрьской революции. И в США происходил указанный В. И. Лениным медленный, но неуклонный поворот влево, проходивший своеобразным путем, в зависимости от складывавшихся исторических условий [56].

[56] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 297.

IV
НАУКА И КУЛЬТУРА

Глава семнадцатая
ПРОСВЕЩЕНИЕ И НАУКА

1. НАЧАЛЬНОЕ И СРЕДНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Американские исследователи в области педагогики справедливо считают гражданскую войну 1861—1865 гг. поворотным пунктом в развитии системы образования США. Происшедшие изменения в этой области они усматривали в увеличении денежных ассигнований на нужды обучения народа, в продлении учебного года, улучшении деятельности органов народного образования, в широком использовании новых методов обучения, а также в расширении учебного процесса за счет предметов естественнонаучного цикла [1]. Несомненную роль в усовершенствовании всей системы просвещения в стране сыграло установление обязательного начального обучения.

Бурно развивавшаяся промышленность конца XIX в. требовала новые кадры высококвалифицированных рабочих, которые владели бы определенным запасом знаний. Рабочие, умеющие только считать и писать, больше не соответствовали потребностям и характеру самого производства. Именно это прежде всего обусловило введение обязательного начального обучения в США. Однако не менее важны были и политические мотивы, непосредственно вытекавшие из указанных экономических причин. Дело в том, что обязательного начального образования для детей рабочих стал добиваться сам пролетариат. Уже основанные профессиональные союзы США наряду с требованиями экономических и политических прав выдвигали и требование обязательного начального образования. Эта борьба вынудила буржуазию пойти на уступки и предпринять определенные шаги для введения обязательного обучения, спекулируя при этом на демократических лозунгах и выставляя себя поборницей и защитницей прав всего американского народа.

В результате установления к концу XIX в. в большинстве штатов обязательного начального образования в стране стабилизировалась следующая структура школьного образования: начальная, или элементарная, школа (Common School) с восьмилетним сроком обучения (для детей 6—14 лет); средняя 4-летняя школа (High School) для учащихся 14—

[1] *Russel J.* The American Educational System. Boston. 1940, p. 37—38.

18 лет. В 1897/98 учебном году школьным обучением были охвачены уже 15 038 636 человек, или 20,68% общего числа населения страны [2].

США первыми среди других капиталистических стран стали на путь массовой школы. Однако децентрализованная система управления школьным делом накладывала различия, и очень значительные, на состояние образования во многих штатах. Это прежде всего относится к содержанию образования и продолжительности учебного года. В некоторых штатах, особенно в Новой Англии, круг изучаемых предметов был очень широк. А учебный год в Род-Айленде (191 день), Массачусетсе (186 дней), Нью-Джерси (185 дней), Нью-Йорке (176 дней) не мог идти ни в какое сравнение с продолжительностью занятий в Арканзасе (69 дней).

Таким образом, единой системы образования в США не было. Следует отметить, что положительной особенностью американской школы конца XIX в. стала наметившаяся преемственность в обучении между I и II ступенями школы, чего раньше не было.

Изучение содержания образования помогает яснее представить не только уровень, на который поднялась американская школа в конце XIX в., и особенности, отличавшие ее от школ Старого Света, но и объясняет, почему, несмотря на отмеченные успехи, она все еще продолжала вызывать недовольство общественности и что определяло те пути, по которым пошло ее дальнейшее развитие.

В начальной школе основу обучения составляли чтение, письмо, счет — «3R» (reading, [w]riting, [a]rithmetic). Преподавались также рисование, география, музыка и другие предметы. Средняя школа углубляла знания, полученные учащимися. Они изучали физику, химию, естествознание. В это время в учебные планы все прочнее стали входить предметы естественнонаучного цикла. Физика, химия, биология, математика, астрономия способствовали развитию у молодого поколения практических навыков, тем более что преподавание этих предметов осуществлялось не только в теоретическом плане. Включение в учебные планы средних школ таких предметов, как черчение, бухгалтерия, съемка планов местности, гигиена, и других свидетельствовало о практической направленности школьного образования.

Наиболее примечательной особенностью американской школы явилось широкое распространение уроков труда. США стали одной из первых стран, которые пошли по пути введения трудового обучения в общеобразовательную школу.

Задача введения уроков труда, отмечал прогрессивный педагог США К. М. Вудворд, заключалась не в подготовке ремесленников. Главная цель — общеобразовательная. Все доводы Вудворда сводились в конечном итоге к утверждению, что общее образование и развитие способностей человека являются теми предпосылками, которые в дальнейшем определяют выбор профессии для практической деятельности людей. В США было немало педагогов, общественных деятелей, которые считали ручной труд средством профессиональной подготовки школьников. Во всяком случае, к началу 90-х годов уроки труда прочно вошли в американскую школу.

---

[2] Education in the United States of America. N. Y., 1900, p. 484.

Расширение содержания образования требовало иных методов обучения. Новые предметы становилось все сложнее преподавать старыми методами. Словесно-схоластическая школа медленно, но верно отмирала. «Мы видели, как культурные нужды буржуазии определили программу реального образования,— справедливо писал известный советский педагог П. П. Блонский.— Но, конечно, влиянию новых веяний должны были подвергнуться и методы школы. Они также стали либеральными, и школа

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА В ШТАТЕ АЙОВА

пассивного слушания постепенно превращается в школу активности, ибо „предприимчивость"— основная добродетель нового времени» [3]. Уже в это время все отчетливее проявилась тенденция к утилитаризму в обучении. Так, суперинтендант школ Нью-Йорка Крупер заявлял: «Нам необходимо меньше геометрии, а больше деловой арифметики; меньше ботаники и французского, а больше и лучше машинописи» [4].

Превращение США из аграрно-индустриальной страны в индустриальную державу ставило новые задачи перед школой. В сложной ситуации перерастания капитализма в свою высшую стадию — империализм резко изменилось и отношение общественности к народному образованию, острее возник вопрос о реформе школы, не поспевавшей за бурными событиями эпохи. С 1909 г. стали основываться так называемые промежуточные школы (Junior High School), рассчитанные на три года. В результате складывалась система не 8+4, а 6+3+3. Идея организации промежуточной школы была связана со стремлением наладить более тесную связь между элементарной и средней школой. Деятели народного

---

[3] *Блонский П. П.* Избранные педагогические произведения. М., 1961, с. 215.
[4] Цит. по: *Smith J. H.* The New Education. N. Y., 1893, p. 15.

образования США отмечали, что старая система недостаточно гибка, не учитывает многих специфических особенностей переходного возраста (12—15 лет), мало внимания уделяет трудовому обучению.

Промежуточную школу американские педагоги рассматривали как своеобразный мост между начальной и средней школой. Трудовое обучение в промежуточной школе осуществлялось намного лучше, чем в старших классах прежней элементарной школы. Правда, новая система распространялась довольно медленно и на первых порах лишь в крупнейших городах страны. Так, в 1909 г. только в 22 городах были введены школы такого типа. Постепенно они завоевывали право на существование по всей стране.

Деятельность в плане усовершенствования школьного образования в конце XIX — начале XX в. привела к тому, что Соединенные Штаты обладали известными преимуществами по сравнению с другими капиталистическими странами: школа здесь была бесплатной, на ее нужды тратилось гораздо больше средств, чем в других капиталистических странах. В. И. Ленин отмечал высокий уровень развития народного образования в США и обращал внимание, что даже среди негритянского населения грамотность была значительно выше, чем среди народов царской России. «В России *неграмотных* 73%, не считая детей до 9-летнего возраста. Среди негров в Северо-Американских Соединенных Штатах неграмотных (1900 г.) — 44 ½%»[5]. Указывал В. И. Ленин и на сравнительно больший охват детей школой. «В Америке учащихся было в 1908 году *17 миллионов,* то есть *192 учащихся на тысячу жителей — более чем вчетверо* больше против России»[6].

В рассматриваемый период школа США не испытывала еще бремени милитаризма и в этом плане выгодно отличалась от школ многих других капиталистических стран. Однако американская школа в начале XX в. во многом не удовлетворяла гигантски возрастающим требованиям экономики. Достаточно ознакомиться хотя бы с содержанием образования в начальной и средней школах. Несмотря на включение в учебные планы предметов естественнонаучного и трудового циклов и определенные успехи в этом плане, львиная доля учебного времени уходила по-прежнему на чтение, письмо и счет. Так, в 1900 г. на эти предметы отводилось 60% учебного времени[7], в 1904 г.— 58, в 1914 г.— 54%[8]. Процесс снижения доли «3R» в учебном плане шел довольно медленно. Известный американский психолог и педагог Дж. С. Холл писал, что объем «3R» в начальной школе все же остается неоправданно большим и, чтобы окончательно не оторваться от жизни, школа должна быть как можно скорее реформирована. По его мнению, в школе необходимо преподавать предметы, развивающие инициативу, активность, самостоятельность, интерес у ребят. И в этом отношении важное место Холл отводил труду[9].

Преобладание в учебном процессе доли «3R» означало, что на изучение остальных предметов оставалось мало времени, а это приводило к низкому уровню образования молодежи. Такой недостаток сильнее всего ощущали промышленники, владельцы предприятий. Не случайно именно

---

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 346.
[6] Там же, т. 23, с. 128.
[7] *Douglas H. R., Grieder C.* American Public Education. N. Y., 1948, p. 47.
[8] *Соловьев И. М.* Элементарная школа в США. М., 1936, с. 67.
[9] *Hall G. S.* Educational Problems: Vol. 1, 2. N. Y., 1911, vol. 2. p. 630.

они поднимали голоса за приближение школьных занятий к требованиям развивающейся промышленности, главным образом за введение трудового обучения в более широких масштабах.

Американская школа значительно быстрее, чем школы других ведущих капиталистических стран, начала перестраиваться исходя из потребностей промышленности. «Особенно подчеркивалась необходимость воспитания для практической деятельности, для дела»,— писала Н. К. Крупская о школе США конца XIX в.[10] Острую нужду в технически образованных рабочих ощутила прежде всего буржуазия таких стран, как США и Германия, где техника развивалась гигантскими шагами. Вот почему буржуазия этих стран настаивала на изменении характера школьного обучения, сделав его более практическим.

Созданная в 1896 г. в Соединенных Штатах Национальная ассоциация промышленников на протяжении многих лет активно выступала за расширение трудового обучения, за организацию различного рода профессиональных школ. Эта ассоциация была не единственным объединением, занимавшимся вопросами трудового обучения. Эти проблемы привлекали пристальное внимание и Всеобщего бюро по народному образованию, основанного Дж. Рокфеллером в 1903 г.

Многие американские педагоги понимали непосредственную заинтересованность промышленников во введении утилитарного трудового обучения. Так, Дж. С. Холл в работе «Проблемы образования» писал, что крупные бизнесмены в конечном итоге определяют и направляют всю жизнь страны. И вполне естественна их неудовлетворенность существующей школьной системой, которая не готовит детей к жизни, к труду на фабриках и заводах, в то время как промышленность является основой национального могущества и процветания [11]. «Общественная школа базируется не только на признании величайших индустриальных изменений века, но также и на принятии курса занятий, который соответствовал бы этим изменяющимся условиям»,— читаем в одном из ежегодных отчетов Бюро по народному образованию [12].

С начала XX в. теория и практика обучения в США самым тесным образом были связаны с психологической теорией врожденности и неизменности умственных способностей. А так как почти все видные американские педагоги и представители педагогической психологии поддерживали эту теорию, то вполне естественно, что они стали инициаторами введения и широкого распространения в школьной практике интеллектуальных тестов, основой для разработки которых было признание факта врожденности умственных способностей.

Прочному внедрению тестов в школьную жизнь способствовал ряд факторов. Небывалый подъем промышленности, вовлечение в производство огромных масс людей, острая нехватка высококвалифицированных рабочих, наиболее рациональное использование новой, более сложной техники, создание массовой общественной школы — все эти факторы и дали толчок для развития дифференциальной психологии.

Сторонники теории умственной одаренности полагали, что большинство людей не обладают склонностями к умственной деятельности, а вос-

---

[10] *Крупская Н. К.* Педагогические соч.: В 11-ти т. М., 1938—1963, т. 1, с. 340.
[11] *Hall G. S.* Op. cit., vol. 1, p. 629.
[12] Board of Education. Annual Report... Grand Rapids, 1905, p. 43.

питание не может изменить свойств личности, поэтому изменение этих свойств, убеждений, стремлений невозможно. И система тестов, по их мнению, подтверждала это положение. К целесообразности введения тестов видный педагог США Дж. Дьюи подходил следующим образом: «Едва ли один процент из всех детей школьного возраста достигает того, что мы называем высшим образованием, только пять процентов доходит до стен средней школы; в то время как более чем половина всех школьников покидает школу даже до окончания курса пятилетнего элементарного обучения. Просто и очевидно, что у громадного большинства человеческих существ интеллектуальный интерес не является господствующим. Они обладают так называемыми практическими склонностями и распоряжением» [13]. Теоретическое мышление, по его мнению,— удел избранных. Массовое воспитание должно поэтому носить сугубо практический характер, развивать унаследованные ребенком инстинкты, и тесты служат превосходным средством определения умственных способностей учащихся. Таким образом, Дьюи оправдывал существовавшую классовую систему образования, ограничивавшую возможность детям трудящихся продолжать обучение в средней высшей школе.

Тесты проникли сначала в элементарную, затем в среднюю школу. С помощью тестов детей стали делить на способных к умственной деятельности и неспособных к ней. В разряд одаренных, как правило, попадали дети обеспеченных слоев населения, так как большинство ребят из бедных семей не могли справиться с предлагаемыми им тестами. Установленный коэффициент умственной одаренности считался неизменным и постоянным. На самом же деле интеллектуальные тесты отражали только степень эрудированности ученика, а не его умственные способности. В разряд «неспособных» попадали, как правило, дети трудящихся.

На основании результатов тестовой проверки каждый ученик зачислялся в разряд «сильных», «средних» или «слабых» и занимался уже в определенной учебной группе. «Теперь в больших городах ученики одного класса, достигая известного уровня, часто делятся на несколько групп, обычно на три, по степени их способностей, а затем учебный материал, а также темп его прохождения соответственно приспособляют к этим степеням»,— писал один из американских педагогов, Каунтс [14].

В педагогической литературе стали появляться утверждения, что только 15% населения США имеют интеллектуальное развитие, позволяющее получить высшее образование. Школьные администраторы на все лады расхваливали практику тестирования, которая создала благоприятные условия для обучения одаренных детей.

Таким образом, сделав среднюю школу массовой, господствующие классы сделали все возможное, чтобы не дать простому народу продолжать образование. Большая часть учащихся после окончания школы шла на производство, так как не получала полноценного общего образования. Это во многом объяснялось широко распространившейся практикой тестирования. Многие американские педагоги и не скрывали истинные цели психологических новшеств в школе. Главным аргументом защитников сегрегации школьников на основании установления коэффициента умственной одаренности был довод в пользу подготовки лидеров во всех сферах

---

[13] *Дьюи Дж.* Школа и общество. М., 1924. с. 33.
[14] *Каунтс Д.* Теория воспитания в Америке. М.; Л., 1931. с. 71.

хозяйства и государственной службы. «Очень трудное положение создалось с отбором и подготовкой одаренной молодежи... для лидерства в демократическом обществе... Если мы не найдем и не подготовим гениев, наше общество низвергнется в варварство» [15].

Рассматриваемый период характеризовался становлением и формированием прагматистской педагогики, которая не только знаменовала собой новую веху в развитии американской школы и педагогики, но и оказала огромное влияние на школу других капиталистических стран. Ее влияние объясняется тем, что она как бы вобрала в себя и обобщила те отдельные, частные положения, с которыми выступали до этого американские педагоги, отбросила все малозначащее для правящих кругов и создала педагогическую концепцию, отвечавшую требованиям американского буржуазного общества.

Общепризнанным главой этого направления является Дж. Дьюи. В работах американских историков педагогики работы Дьюи расцениваются как важное событие XX в. «Двадцатое столетие характеризуется существенными новшествами в современном образовании. Эти новшества можно связать с двумя замечательными вкладами — публикацией лекций У. Джеймса по вопросам психологии воспитания и работой Дьюи „Школа и общество“, появившихся в 1899 г.»,— писал, например, А. Мейер [16].

Однако буржуазные историки педагогики ограничиваются лишь объективистским изложением фактов, не пытаясь теоретически осмыслить причины появления данной конкретной теории и разобраться в тех философских корнях, на которых расцвели идеи прагматистской педагогики. Анализ того и другого дает ключ к пониманию существа этого педагогического направления в целом и, самое главное, объясняет, почему эта педагогика оказала столь огромное влияние на американскую школу. Как уже отмечалось, историческая обстановка, сама американская действительность требовали от школы воспитания дельца, человека, чувствующего себя уверенно в бешеном темпе «американского образа жизни», человека, помыслом которого, на какой бы ступени социальной лестницы он ни оказался, было только одно — нажива, практическая польза, бизнес. Этот апофеоз практицизма и делячества и выражал сущность нового педагогического течения. «Прагматизм,— писал английский марксист М. Корнфорт,— выражает фанатическую преданность обеспечению прибылей и платежей, победе над конкурентами, открытию новых областей для делового предприятия, абсолютному подчинению всего интересам бизнеса. Прагматизм есть „философия действия“ жесткого, циничного, безжалостного в своем выражении капиталистического индивидуализма» [17].

Педагогические идеи Дьюи вытекали из его философских и социологических воззрений. Историю общества он рассматривал с точки зрения психической деятельности людей, а изменение сознания индивидуумов считал главным условием общественного прогресса. Исходя из этого Дьюи идеалистически решал вопрос о назначении школы, неправомерно

---

[15] *Monroe W. S., Devoys J. C., Kelly F. J.* Educational Tests and Measurements. Boston, 1924, p. 439.

[16] *Meyer A. E.* The development of Education in Twentieth Century. N. Y., 1946, p. VII.

[17] *Корнфорт М.* Наука против идеализма: В защиту философии против позитивизма и прагматизма. М., 1957, с. 253—254.

большое значение придавал роли образования, якобы способного оградить США от социальных потрясений. В одной из ранних работ — «Мое педагогическое кредо» он несколько раз повторил мысль о том, что воспитание служит основным методом социального прогресса и социальных реформ.

Педагогические идеи Дьюи противоречивы. С одной стороны, он утверждал, что школа — важнейший рычаг в жизни общества и определяет ход его развития, а с другой — вынужден признать, что изменения в социально-экономической жизни общества предъявляют новые требования к школе, тем самым он отмечал зависимость школы от уровня общественного развития.

Дьюи подверг резкой критике существовавшую практику школьного образования. Но он не был тем первооткрывателем, который увидел эти недостатки американской школы. Система народного образования подвергалась резкой критике и до его публичных выступлений в печати. Однако заслуга Дьюи состоит в том, что он не только популярно и убедительно показал соотечественникам тесную связь менявшихся социально-экономических условий с состоянием школьного обучения, но и наметил конкретные пути улучшения школьного дела в стране, среди которых далеко не последнюю роль должно было сыграть трудовое обучение и воспитание.

По мнению Дьюи, изменения в школьной практике касались не деталей, как это казалось некоторым педагогам, а самого существа педагогического процесса. Об этом свидетельствовало введение активных методов обучения, возросшее применение принципов наглядности и самодеятельности. Но подобная перестройка школьной системы происходила медленно и не охватывала всех сторон жизни школы. Отмечал он и пассивные методы старого обучения, однообразие программ; даже внешний вид школьных комнат с расставленными партами говорил, как считал Дьюи, о том, что в школе все направлено для работы с большими массами детей, чтобы ни на минуту не выпускать их из виду. В школе все было приспособлено «для слушания», которое предполагало пассивность, «впитывание» фактов из книги.

Но особую неудовлетворенность Дьюи выражал по поводу постановки в школах трудового обучения и воспитания. Трудовое обучение, как правило, осуществлялось бессистемно, без должного внимания к этой важной педагогической проблеме, и приводимые доводы в защиту ручного труда часто были или недостаточными, или даже ошибочными.

Подводя итог той критике, которой подверг Дьюи современную ему школу, можно заключить, что недостатки народного образования он видел в существовании устаревших программ, недостаточном внимании к предметам естественнонаучного цикла, в пассивных методах обучения, в слабой постановке трудового обучения.

Самым мощным рычагом для переустройства школьной жизни он считал производительный труд. Такой труд не должен был ограничиваться работой в мастерских, а пронизывать все учебные занятия. Если в основе жизнедеятельности общества лежит труд, то и школа должна быть, по его мнению, слепком или копией этого общества и должна положить в основу своей работы труд. Вот почему Дьюи любил повторять: «Школа есть жизнь». Он рассматривал работу в школе по дереву и металлу, шитье, кулинарию как метод воспитания и обучения, а вовсе не как отдельные самостоятельные предметы. И снова исходил из основ прагматистской

педагогики, переоценивал обучение «посредством делания» и недооценивал значение систематического преподавания учебных дисциплин.

Дьюи не только защищал идею связи трудового обучения с науками, но и сами учебные дисциплины советовал как можно теснее связывать с трудовой деятельностью людей и даже подчинить ей. В этом проявился практический, утилитарный подход Дьюи к учебным предметам, противоречивость его взглядов. Так, арифметику он рекомендовал увязывать с банковским делом, показывать учащимся, как банк функционирует, ибо банк является «двигателем современной жизни». Аналогичный подход проявлял Дьюи и в отношении преподавания других дисциплин. Подобного рода предложения, хотя и выдвигались под лозунгом приближения школы к жизни, неизбежно способствовали умалению теоретического уровня учебных предметов, снижали качество знаний, делали их бессистемными.

Педагогическая концепция Дьюи быстро распространилась по всей стране, публиковалась масса работ, почти дословно повторявших основные положения его педагогического учения, появилось много педагогов, которые пропагандировали идеи прагматизма.

Дьюи был типичный представитель буржуазной педагогики, всецело защищавший интересы крупной американской буржуазии, но ряд его идей были прогрессивными для того времени и оказали заметное влияние на развитие народного образования не только США, но и других капиталистических стран. Американская школа в значительной степени построена на тех принципах, которые обосновал Дж. Дьюи. Но он — верный слуга класса эксплуататоров, обосновывающий идею о необходимости установления всемирного господства США и утверждения американского образа жизни с «позиции силы».

2. ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Ускоренное развитие капитализма в промышленности и сельском хозяйстве США поставило новые задачи перед высшей школой, которая безнадежно отставала от потребностей социально-экономической и духовной жизни и была едва ли не одним из самых консервативных институтов общества. Это отставание обусловливалось тем, что по мере развития промышленности, как указывал К. Маркс, накопление богатства все больше зависело «от общего уровня науки и от прогресса техники» [18]. Подготовка специалистов, способных применить научно-технические знания в процессе производства, а также работников духовной сферы общества не обеспечивалась узкой базой высшего образования. Приток интеллигенции из Европы, получение некоторыми американцами образования в европейских университетах не удовлетворяли спроса на эти категории работников в Соединенных Штатах, где фундаментальные науки — основа технических знаний — были развиты слабо.

После принятия закона Моррилла (1862) и ряда преобразований в системе высшего образования была несколько ослаблена ее полная зависимость от частной инициативы, контроля церкви, некомпетентности попечительских советов. Субсидии штатов, а также пожертвования

[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 213.

крупных бизнесменов, заинтересованных в наличии специалистов для различных отраслей науки и техники, стали материальной основой, на которой начала создаваться новая система высшего образования. Для подобной перестройки требовались новые идеи, опыт, а в Соединенных Штатах — профессиональная подготовка инженеров, агротехников, врачей, юристов, исследователей в различных отраслях науки в течение многих десятилетий осуществлялась путем «ученичества» после окончания общеобразовательного колледжа. Профессиональные школы при колледжах были редкими, в связи с чем последние теряли притягательную силу: если в 1840 г. в колледже занимался 1 человек из 67 представителей мужского населения в возрасте 18—20 лет, то в 1860 г.— 1 из 71, а в 1869 г.— 1 из 79. В то время как за этот период население страны выросло на 21 млн., число студентов — только на 4 тыс.[19]

Постановка дела в университетах Германии, где исследовательские институты работали в контакте с учебными кафедрами университетов и студенты в процессе учебы приобретали навыки исследовательской работы, давно интересовала энтузиастов перестройки американских учебных центров. Так, если в первой половине XIX в. в университетах Германии побывали 200 американцев, то в 1880-е годы — 2 тыс.[20]

Все эти проблемы касались мужской половины американской молодежи. Вопрос об образовании девушек вызывал горячие споры, сопротивление широких кругов на том основании, что женское население обладало-де более низкими интеллектуальными способностями, а их социальная роль в обществе не требовала высокой образованности. О том, насколько сложной была данная проблема и как трудно было преодолеть предрассудки, свидетельствует и такой факт: крупнейший реформатор университетского дела президент Мичиганского университета Г. Ф. Тэппен, например, был против допуска женщин в университет по причине их интеллектуального отставания от мужчин. Появившиеся еще в первой половине XIX в. женские «академии» и «семинарии» давали девушкам светское образование, необходимое представительницам имущих слоев общества[21]. В Новой Англии движение за высшее образование женщин развернулось фактически после гражданской войны, причем, как отмечали исследователи, в нем было два направления — консервативное, представленное Американской ассоциацией за образование женщин, добивавшейся создания чисто женских колледжей, и аболюционистско-суфра-

---

[19] *Altschuler G. C.* Andrew D. White — Educator, Historian, Diplomat. Ithaca, 1979, p. 72.

[20] *Thwing Ch. F.* The American and German University. One Hundred Years of History. N. Y., 1928, p. 42. При реорганизации технического обучения в США был также использован опыт Московского технического училища (ныне Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана — МВТУ). См.: *Филиппова Л. Д.* Высшая школа США. М., 1981, с. 61.

[21] Первые женские колледжи, присуждавшие ученую степень бакалавра, возникли на Юге. Это Уэслейн колледж в Джорджии (1836), Гудзон колледж в Алабаме (1838), Мэри Шарп колледж в Теннесси (1852). Среди северных штатов первым открыл женский колледж Иллинойс (г. Рокфорд, 1849), затем Висконсин (г. Милуоки, 1851). В 1853 г. был открыт колледж Эльмира в Нью-Йорке. Прецедент совместного обучения мужчин и женщин был создан Оберлинским колледжем в Огайо, в который в 1837 г. были приняты четыре женщины, получившие по окончании учебы степень бакалавра (в этот колледж могла поступить и негритянская молодежь). В 1855 г. были приняты девушки в университет штата Айова, в 1863 г.— Висконсина, затем Индианы, Миссури, Мичигана, Калифорнии.

жистское, выступавшее за совместное обучение в высших учебных заведениях [22].

Три университета (Корнеллский, Джонса Гопкинса и Гарвард) приняли на себя роль пионеров в формировании новой системы университетского образования, включавшей первую и высшую ступень (undergraduate and graduate education), создавшей условия научно-исследовательской работы, а также профессиональные школы для подготовки специалистов с высшим образованием. Эти учебные центры соответственно возглавляли Э. Д. Уайт, Д. К. Гилман и Чарлз У. Элиот.

Э. Д. Уайт окончил Йель в 1853 г., учился в Париже и Берлине, в 1857 г. стал профессором истории Мичиганского университета [23], где президентом был известный реформатор высшей школы Г. Ф. Тэппен, преобразовательская деятельность которого способствовала освобождению этого учебного заведения от влияния религиозных сект, введению разнообразных курсов обучения и возможности выбора между ними. На эти принципы опирался Уайт при создании Корнеллского университета.

Возглавляя сенатскую комиссию штата Нью-Йорк по вопросам образования, Уайт добился того, что средства, полученные штатом по закону Моррилла, не были истрачены на религиозные и мелкие учебные заведения, а полностью поступили в распоряжение Корнеллского университета, открытого в Итаке в 1869 г. Его первым президентом стал Уайт. Выдвинутая им программа предполагала осуществление тесной связи между всеми звеньями системы образования в штате (начальные и средние школы, колледж, университет).

Обучение в Корнелле было платным. Поначалу только четырем лучшим выпускникам школ штата были предоставлены стипендии [24].

Первостепенной задачей университета Уайт считал изучение теоретических курсов и практических дисциплин, создание кафедр современной литературы, истории, архитектуры, естественнонаучных лабораторий и привлечение к преподавательской деятельности способных профессоров. Но эту задачу тогда осуществить было трудно, так как те немногие имевшиеся в стране ученые не желали оставлять свои лаборатории.

Уайт нашел выход из этого положения следующим образом: он получил консультации известных профессоров по постановке дела, а также пригласил в Корнелл их молодых талантливых учеников на должности профессоров. Такие же известные в то время ученые, как Ж. Л. Агассис, Т. Дуайт, Дж. У. Кертис, поэт Дж. Р. Лоуэлл читали свои курсы в качестве «приглашаемых» профессоров.

Уайт предоставил студентам право выбора группы дисциплин для изучения, сузив общеобразовательный курс, хотя все традиционные предметы наряду с новыми могли стать объектом глубокого специального изучения по желанию и выбору студента. Вместе с тем закон Моррилла, целью которого являлась подготовка специалистов в области промышлен-

---

[22] *King P. M.* The Campaign for Higher Education for Women in 19th Century Boston.— Proceedings of the Massachusetts Historical Society, 1981, vol. 93, p. 61.

[23] Э. Д. Уайт — автор работ по истории и педагогике, международным отношениям, был посланником Соединенных Штатов в России (1892—1894) и послом в Германии (1897—1902).

[24] *White A. D.* Autobiography: Vol. 1, 2. N. Y., 1905, vol. 1, p. 332.

ности и сельского хозяйства, не исключал изучения других наук и классических предметов, и Уайт свободно действовал в соответствии с этим [25].

В Корнелле стали образовываться «колледжи» по определенной специальности. Одним из них стал колледж истории и политических наук во главе с деканом Уайтом, где осуществлялась подготовка профессиональных историков-исследователей. Здесь получили образование Р. Т. Эли, Ч. Н. Адамс, Дж. Л. Бёр и др. В условиях, когда учебные центры страны в подавляющем большинстве не обеспечивали необходимой профессиональной подготовки выпускников, в Корнеллском университете главное внимание было обращено на подготовку инженеров, агрономов, агротехников и других специалистов с высшим образованием. Выбор направлений для специализации был широким. В этом отношении Корнеллский университет стал моделью для других лучших университетов. В первый же год (1869) наплыв абитуриентов был невиданным, составив для своего времени рекордную цифру — 418 человек. Другие университеты принимали тогда около 50 человек.

Вражда церковных кругов к университету и лично Уайту ожесточилась в связи с тем, что образование в стенах Корнелля было секуляризировано. Устав гласил: «Представители любой религиозной секты, равно как и не принадлежащие ни к какой религиозной деноминации, на равных основаниях допускаются на любую должность...» [26]. Впервые устав вводил совместное обучение мужчин и женщин.

Как и Уайт, выпускником Йеля был его близкий друг Д. К. Гилман, с именем которого связано становление учебного и исследовательского центра Джонса Гопкинса в Балтиморе в 1876 г. Этот университет Гилман возглавлял четверть века.

После возвращения из Петербурга, где вместе с Уайтом Гилман был сотрудником американской миссии, он стал одним из организаторов Научной школы имени Шеффилда в Йеле, затем профессором физической и политической географии в этой же школе. В 1872 г. Гилман вступил в должность президента Калифорнийского университета. Он предложил план перестройки университета в научный центр, но не смог осуществить его. Проекты Гилмана привлекли внимание доверенных лиц балтиморского финансиста и промышленника Джонса Гопкинса (умер в 1873 г.) [27], пригласивших Гилмана для руководства университетом и предоставивших ему широкие полномочия в деле создания исследовательского центра. Университет создавался по модели университетов Германии.

Американская деловая общественность, заинтересованная в развитии наук, приветствовала назначение Гилмана. Журнал «Нейшн», констатируя отставание «интеллектуальной активности» в США от европейской, писал: «Наш интеллектуальный прогресс не находится ни в какой зависимости от нашего прогресса в накоплении богатств и развитии техники.

---

[25] *Reinsford G.* Congress and Higher Education in the Nineteenth Century. Knoxvill, 1972, p. 102.

[26] *Becker C. L.* Cornell University: Founders and the Founding. Ithaca, 1949, p. 93. В университете, писал Уайт, «не должно быть контроля никакой секты, он должен быть свободен от всех религиозных и партийных пут» (*White A. D.* Op. cit., p. 289).

[27] Джонс Гопкинс завещал 3,5 млн. долл. на создание университета. Кандидатура Гилмана доверенным лицам была подсказана (независимо друг от друга!) Э. Д. Уайтом, Ч. У. Элиотом, президентом Йеля Н. Портером и др. См.: American Higher Education. A Documentary History: Vol. 1, 2 / Ed. by R. Hofstadter, W. Smith. Chicago, 1961, vol. 2, p. 642.

Развитию мировой мысли мы способствовали постыдно мало...»[28]. План Гилмана предполагал организацию такого учебного центра, в который принимались бы в основном студенты, закончившие колледж и уже имевшие степень бакалавра, для продолжения образования на второй, более высокой ступени. Процесс обучения был секуляризированным.

Считая, что «масштабность университета зависит от немногих одаренных ученых» и что лучшие европейские университеты прославились работой талантливых индивидуумов[29], Гилман особенно тщательно подбирал профессуру, известных ученых и преподавателей, привлекая их не только относительно высокой заработной платой, но и главным образом возможностью сочетать преподавательскую деятельность с исследовательской работой.

Гилману удалось многое. К созданию кафедры математики он привлек знаменитого английского профессора Дж. Силвестера. Рекомендованные О. У. Гиббсом А. Ремсен и Г. Роуланд создали кафедру физической химии, а молодой английский ученый Г. Мартин организовал в Балтиморе первую на континенте крупную лабораторию физиологических исследований. Все это стало научной основой медицинского центра при университете Джонса Гопкинса. Этот центр (с 1887 г.) имел клинику, где проходили практику специалисты-медики.

Научные работы в области патологоанатомии, физиологии, бактериологии, биохимии создавали фундамент подготовки медиков-практиков, медиков-исследователей и преподавателей. В результате университету Джонса Гопкинса в конце XIX в. удалось стать важным центром подготовки научных кадров в США. Его воспитанники заняли ведущие позиции в десятках колледжей и университетов страны. Преподаватель университета Джонса Гопкинса в начале XX столетия возглавил Рокфеллеровский институт медицинских исследований. В 1896 г. в Гарварде было 10 профессоров из Балтимора, в Колумбийском университете — 13, в Висконсинском — 19. Ф. Тернер, Дж. Коммонс, Дж. Дьюи, Дж. Ройс, У. Пейдж, Г. Б. Адамс, А. Смол, В. Вильсон были среди первых студентов университета Джонса Гопкинса, где многие из них и получили докторские степени.

В университете Джонса Гопкинса методика преподавания была та же, что и в Корнеллском университете: лекции для большой аудитории, немногочисленные семинарские группы для исследовательских занятий и лаборатории для проведения экспериментов. Существовал свободный режим и свобода выбора курсов предметов по так называемой «групповой системе», где каждая группа включала предметы естественнонаучного профиля, исторического или философского. От студента требовалось выбрать предметы в пределах одной или нескольких групп.

Преобразования старейшего частного консервативного колледжа — Гарварда — связаны с именем Ч. У. Элиота, избранного его президентом в 1869 г. (оставался на этом посту до 1909 г.). Элиот был выпускником Гарварда, учился за границей, стал профессором химии Массачусетского технологического института, опубликовал ряд работ о реорганизации университетского образования, что и привлекло внимание к его кандидатуре на должность президента.

---

[28] Цит. по: *Flexner A.* Daniel Coit Gilman. N. Y., 1946, p. 51.

[29] *Hawkins H.* Pioneer: A History of the Johns Hopkins University, 1874—1889. Ithaca, 1960, p. 39.

Элиот критиковал разногласия в старых колледжах относительно того, каким предметам (естественным или гуманитарным) следует отдать предпочтение в стенах учебного заведения. Первостепенное внимание президент обращал на качество, уровень преподавания всех предметов, считая, что «актуальной проблемой является не что изучать, а как изучать» [30]. Он предлагал отказаться от укоренившегося стереотипного поверхностного представления, что «янки все по плечу», и обратиться к индивидуальным возможностям каждого студента, учесть и использовать их. Учитывая эти соображения, Элиот разработал детали элективной системы как необходимого условия успешной подготовки специалистов и ученых и внедрил ее в Гарварде. Уже к 1874/75 учебному году обязательная программа в основном ограничивалась первым годом обучения, к 1883/84 учебный процесс первого курса был выборным на $^3/_5$, в 1895 г. обязательными предметами этого курса остались английский язык и один из современных иностранных. В целом Элиот уделил большое внимание перестройке, повышению качества преподавания в колледже, который становился основой, первой ступенью (undergraduate) высшего образования, где наряду с общим можно было получить и специальное высшее образование. Вторую ступень (graduate) составляли исследовательские школы, создаваемые при Гарварде, а затем при других старых классических колледжах, следовавших примеру Гарварда. В Гарварде были открыты и высшие профессиональные школы (3-годичная юридическая (1876) и 4-годичная медицинская (1879) [31].

Таким образом, Гарвард под руководством Элиота показал пример внедрения в учебный процесс идей, которые были положены в основу создававшихся новых учебных заведений. Элективный метод способствовал тому, что притягательную силу получали те предметы, которые приобретали практическое значение в современной жизни. Молодежь стремилась идти в ногу со временем.

Женщины не были допущены к обучению в Гарварде. Первые шаги в этом направлении в Массачусетсе были сделаны университетом Бостона, в котором все семь школ и колледжей, созданных в 1871—1874 гг., включая теологический, медицинский, юридический, принимали женщин. В г. Кеймбридж, где находился Гарвард, стали приезжать молодые и среднего возраста женщины для того, чтобы получить частные уроки у профессоров Гарварда. В 1879 г. в Кеймбридже возник центр (впоследствии Рэдклиф колледж), где были организованы частные занятия для женщин силами гарвардской профессуры. В его создании участвовали жены и дочери известных профессоров Гарварда — А. Лонгфелло, М. Кука и др. Первым президентом стала вдова известного зоолога — Э. Агассис [32]. В первый же год в Рэдклифе было 25 студенток, через год — 42.

Содержание учебного процесса, методы преподавания, как мы видели, претерпели изменения. В социальном же отношении Гарвард оставался

---

[30] American Higher Education..., vol. 2, p. 603.

[31] Впервые в 1870—1871 гг. перечень предметов был объявлен согласно кафедре, а не классу, как было ранее. В 1881 г. курс предметов был разделен на две части. См.: *Morison S. E.* Three Centuries of Harvard, 1636—1936. Cambridge (Mass.), 1978, p. 338—339.

[32] *Howells D. E.* A Century to Celebrate Radcliffe College, 1879—1979. Cambridge, 1978, p. 3.

элитарным учебным заведением для молодых людей «лучших» семей Новой Англии. Финансово-деловые круги, молодые представители которых учились в Гарварде, поддержали реформы Элиота.

Однако элективный метод, нарушивший традиционный уклад колледжей, вызвал сопротивление в первую очередь в тех еще многочисленных учебных заведениях, руководство которых осуществлялось церковными организациями. Они увидели в этом методе угрозу секуляризации, подрыва веры. Мелкие же колледжи опасались потерять часть студентов, ибо у них не хватало средств для преподавания новых дисциплин.

Сильное сопротивление исходило и от многих известных деятелей ведущих учебных центров. Йель, как и прежде, был цитаделью сторонников обязательного полного классического образования. Его президент Н. Портер видел в новой системе тенденции, подрывавшие традиционное широкое образование, а также безусловное «зло, разрушавшее обычную жизнь класса и всего колледжа, требовавшее нерентабельных расходов и вызывавшее непреодолимые трудности» [33].

Президент Принстона Дж. Маккош, видная фигура шотландского религиозного мира, приглашенный в США, выступил в 1885 г. в дискуссии с Ч. У. Элиотом, квалифицировавшим элективный метод как «свободу в образовании». Маккош назвал эти новшества стремлением к популярности с помощью безответственных методов, так как система Элиота, по мнению принстонца, дезорганизует весь учебный процесс, разрушает дисциплину и служит прикрытием для вытеснения из университетских курсов теологических дисциплин.

Дискуссии по поводу элективного метода носили острый характер. Они стали предметом внимания не только педагогических и научных кругов, но и широкой общественности. Еженедельник «Нейшн» систематически помещал материалы дискуссии. В редакционной статье «Йель и Гарвард» (19.I 1882) противопоставлялась постановка образования в этих университетах. В статье выражалась уверенность в том, что путь дальнейшего успешного развития — путь Гарварда, путь отказа от чрезмерной опеки студентов в стенах университета.

Постепенно к концу столетия элективный метод распространился на большинство высших учебных заведений. Метод расширял учебную программу, подчеркивая важность каждого предмета. Было поднято значение многих отраслей научных знаний и дисциплин, носящих прикладной характер. Последовало ускоренное развитие специализации, подготовившее создание научных школ определенного профиля, а также способствовавшее отпочкованию и развитию новых отраслей знаний. Всему этому содействовали и расширявшиеся учебно-научные контакты с университетами Европы, в первую очередь Германии.

Элективный метод пробивал себе дорогу, хотя не во всех университетах на нем строилась программа обучения. Некоторые учебные центры распространили эту систему на половину учебного процесса.

Обследование 97 колледжей показало, что к 1901 г. в 34 из них 70% курсов предлагались на выбор, в 12 — на 50—70, в 51 — менее чем на 50%. К этому же году относится документ — анализ результатов обуче-

[33] American Higher Education..., vol. 2, p. 699. Н. Портер (президент Йеля с 1871 г.) был известен своими реакционными взглядами и выступлениями против эволюционной теории Дарвина, когда она получила широкое распространение в американской науке.

ния с помощью элективного метода студентов Гарварда [34]. В нем отмечены очевидные упущения и недостатки, связанные с неравномерной учебной нагрузкой студентов, с элементами самотека, обширностью отдельных программ за счет глубины изучения. Руководство Гарварда приняло меры для увеличения насыщенности программ и углубления занятий по специальности, ограничив число курсов, выделив приблизительно одинаковое число часов занятий для разных курсов и т. д.

Развитие как фундаментальных, так и прикладных наук в конце XIX в. потребовало усовершенствования экспериментальных, лабораторных, исследовательских занятий. Разрабатывалась методика исследований, техника лабораторных работ, появились разнообразные учебники для студентов. Новые методы научной работы распространялись и на гуманитарные дисциплины. Требовалось изучение точных данных, анализ документального материала. В университетах увеличивались фонды библиотек.

Преобразование системы высшей школы в США, связанное с социально-экономическими переменами в стране, вызвало приток студентов в стены университетов. Так, если в 1869/70 г. из 4,6 млн. населения 18—24-летнего возраста 52,3 тыс. были студентами вузов, то в 1889/90 г. из 8,8 млн.— 156,8 тыс., а в 1919/20 г. из 12,8 млн.— 597,9 тыс. За каждое десятилетие почти вдвое возрастало количество студентов второй ступени университетов [35].

В 70—80-е годы происходил рост учебных заведений, в том числе за счет «земельных» колледжей и университетов. После того как были разработаны модели новых университетских центров, их примеру последовали как частные, так и государственные учебные заведения (т. е. штатов). Происходило укрупнение университетов. Распадались многие мелкие колледжи, которые не могли обеспечить необходимый уровень научной и практической подготовки специалистов. И все же налицо был количественный рост высших учебных заведений: 563 — в 1869/70 г., 998 — в 1889/90 г. и 1041 — в 1919/20 г.

Система высшего образования трансформировалась под воздействием социально-экономических требований и научного прогресса. Трудно переоценить в этом отношении влияние теории Дарвина на оживление научной жизни и пересмотр многих концепций в науке, морали, этике, на ослабление позиций церкви в учебных заведениях. Разразились баталии, как писали исследователи, «между двумя видами эрудитов — клерикалами и учеными, между двумя видами контроля над образованием — церковным и светским, между двумя путями познания — авторитарным и эмпирическим, творческим... Наука и образование объединили силы против двух главных противников — клерикалов и сторонников догматической морали. Одним из результатов этой коалиции явилось ускорение процесса реформ в академическом мире» [36]. С появлением «Происхождения видов» Ч. Дарвина [37] в 1859 г. и быстрым распространением его тео-

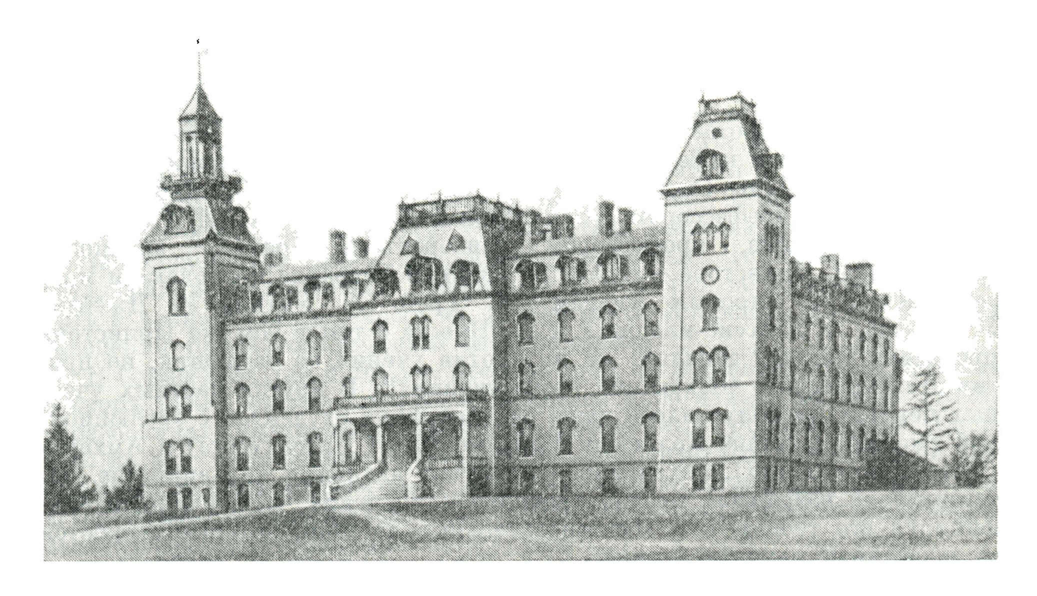
[34] American Higher Education..., vol. 2, p. 737—741.

[35] Digest of Educational Statistics, 1971. Wash., 1972, p. 68.

[36] *Hofstadter R., Metzger W.* The Development of Academic Freedom in the United States. N. Y., 1955, p. 346.

[37] В 1869 г. Дарвин был избран почетным членом Американского философского общества, затем и других обществ. Французская академия наук в этот период отвергла кандидатуру Дарвина. Английский Кеймбридж присвоил Дарвину почетное звание только через 20 лет после выхода в свет «Происхождения видов».

рии в США, прежде всего среди молодых ученых, обострилась проблема академической свободы в колледжах и университетах. Большое значение имело то обстоятельство, что последние превращались в учреждения научных исследований и их будущее зависело от успешного развития науки. Церковники начали атаку на эволюционную теорию особенно после того, как Дарвин заявил, что она распространяется на происхождение всех живых организмов, в том числе и на человека. В 60, 70-е и в начале



ЗДАНИЕ КОЛЛЕДЖА ШТАТА АЙОВА

80-х годов синоды строжайше предупреждали попечителей колледжей и университетов не допускать к преподаванию еретиков. Активно действовали в данном направлении местные приходы и церковная пресса. В первую очередь чистке подверглись теологические семинарии — пресвитерианские в округе Колумбия, Южной Каролине, и конгрегационалистская Андоверская академия. Из последней был уволен преподававший там Э. С. Смит, профессор истории религии Браунского университета, руководитель преподавательского состава этого учебного центра.

Университет Вандербилта (г. Нашвилл, штат Теннесси) в 1878 г. привлек к себе внимание научных кругов нетерпимостью обстановки. Несмотря на то что университет, получив пожертвования миллионера, превращался в современное учебно-научное учреждение, совет попечителей в течение многих лет возглавлял воинственный церковник методистский священник Х. Н. Мактайер, который добился увольнения из университета известного геолога и зоолога А. Уинтчелла.

Увольнение Уинтчелла вызвало протест университетских деятелей. Гилман, Уайт, Элиот, Д. С. Джордан (президент Стэнфорда) и другие квалифицировали грубое вмешательство религиозных деятелей в научный процесс как угрозу существованию университетской идее как таковой. С возмущением Уайт писал Гилману по поводу инцидента в Нашвилле:

«Какое же представление об университете имеет тамошний совет попечителей! То, что было трагедией в случае с Галилеем, сейчас выглядит фарсом... Мир как будто бы достиг прогресса только в том, что из рук римского католического кардинала мы попали в руки методистского священника»; и далее: «... можно сказать, что отсутствие пыток вовсе не свидетельствует о недостатке желания прибегнуть к ним. Я написал письмо Уинтчеллу по поводу всего дела, поздравил его с тем, что его поведение при этих обстоятельствах было очень мужественным...» [38]. Уинтчелл вскоре возглавил кафедру в Мичиганском университете, а впоследствии создал Американское геологическое общество, президентом которого и был избран.

Несмотря на протест клерикалов, в 80-е годы многие университеты предоставляли свои кафедры сторонникам эволюционной теории Дарвина. Профессорами Йеля стали известный палеонтолог О. С. Маш, зоолог А. Э. Веррилл, профессором сравнительной анатомии — С. И. Смит, геологии — Д. Дейна, профессором университета Брауна — энтомолог А. С. Пакард, Принстона — геолог А. Гюйо. В Гарварде преподавали многие ученые с мировым именем — А. Грей, У. Уитни, У. Джеймс, У. Фарлов, А. Агассис-младший и др. Вместе с тем в том же Принстоне президент Маккош заявлял: «Я не против учения об эволюции, но против атеистического толкования этого учения»[39]. В других частных учебных центрах не допускалось даже ознакомление студентов с эволюционной теорией Дарвина. Колледжи Уильямс (штат Массачусетс) и Амхерст (штат Коннектикут), находившиеся в руках активных кальвинистов, категорически возражали против преподавания учения Ч. Дарвина, квалифицируя его теорию как «безосновательные догадки, которые выдаются за доказанные научные истины» [40].

Среди частных учебных заведений Гарвард был одним из первых, отказавшихся от системы обязательного посещения студентами церковной службы (с 1881 г.). Такие учебные центры, как Дартмут, Йель, Уильямс, освободили студентов от этой обязанности в 1920-е годы, Принстон — формально только в 1932 г.

Под влиянием деловых кругов в советах попечителей увеличился процент представителей их интересов, зачастую за счет клерикалов. Тем не менее, по подсчетам, проведенным в 1906 г., только 51 частный колледж был светским, в 109 учебных заведениях состав совета попечителей должен был полностью или частично комплектоваться из представителей определенной деноминации. 200 учебных заведений находились непосредственно в руках церкви, которая назначала совет попечителей, причем значительный процент подобных колледжей был римско-католического религиозного направления.

Позиции бизнеса в науке и образовании, как и во всех сферах американской жизни, к концу XIX столетия чрезвычайно усилились. Филантропические действия диктовались, как известно, соображениями экономического и политического порядка. Так, Стэнфордский университет получил 24 млн. долл. от железнодорожного магната, университет Чикаго — 34 млн. от «Стандард ойл». Возникли специальные фонды и общества для ассигнования научных исследований и подготовки кадров (фонды Рок-

[38] American Higher Education..., vol. 2, p. 848—849.
[39] Цит по: *Hofstadter R., Metzger W.* Op. cit., p. 335.
[40] Ibid., p. 334. Высказывание президента колледжа Амхерст священника Дж. Сили.

феллера, Карнеги, миссис С. В. Харкман и др.). Особое значение эти фонды придавали профессиональному уровню выпускников.

Заинтересованность миллионеров в развитии университетского дела была столь велика, что инициатива в создании учебно-исследовательских центров зачастую исходила от них самих. Так было в случае с университетами Джонса Гопкинса, Кларка, со Стэнфордским. В советах попечителей как государственных, так и частных университетов возросло прямое влияние «деловых» людей. Если в 1860 г. в 20 обследованных университетах 48% попечителей были бизнесменами, банкирами и юристами, то в 1900 г.— 60%. По прямому указанию филантропов президенты могли расторгать контракты с профессорами, сокращать жалованье, изменять структуру университета, как это и было, например, в 1888 г. в университете Кларка (г. Вустер, штат Массачусетс) при Дж. С. Холле.

В книге Холла, известного психолога, основателя Американского общества психологов, описаны случаи, когда судьба целого университета, сложившегося исследовательского коллектива зависела от воли и возможностей монополий. Так, У. Р. Харпер — президент Чикагского университета, финансировавшегося Рокфеллером, получил возможность пригласить в данный центр ученых из университета Кларка и других учебных заведений, предложив им более высокие ставки [41].

В Стэнфорде, где с 1893 г. все функции совета попечителей держала в своих руках миссис Стэнфорд, женщина энергичная, но недостаточно образованная, никто, даже президент — известный ученый-зоолог Джордан, не мог воспротивиться увольнению авторитетных профессоров. Побывав на лекции профессора Г. Пауэрса, миссис Стэнфорд обвинила его в «еретической фальсификации» и добилась отстранения. Заступничество коллег и президента не помогло.

В условиях, когда роль науки и объективный престиж профессуры возросли, когда в университетах работали выдающиеся исследователи и преподаватели, религиозные догмы и власть некомпетентных бизнесменов рассматривались как препятствие на пути плодотворной научной деятельности, нарушение демократических норм. Требование «академической свободы» подразумевало освобождение от «опеки» со стороны советов попечителей, состоявших отнюдь не из ученых. «Американские колледжи и университеты выросли из своего младенческого одеяния... Требуются новые одежды разного покроя и разного качества»,— писал Дж. Дж. Стивенсон [42], известный ученый-геолог, профессор университета Нью-Йорка, имея в виду и диктат бизнеса, и стесненное положение многих профессоров, и влияние некомпетентных попечителей на учебный процесс.

Интересы бизнеса в университетах нашли поддержку в лице нового направления в американской социологии — социал-дарвинизма, т. е. перенесения на социальную почву учения Дарвина. Главой социал-дарвинизма стал выпускник Йеля священник-епископал, профессор, возглавивший в 1872 г. кафедру политических и социальных наук того же университета, У. Г. Самнер. Социал-дарвинизм для объяснения социальных процессов и классовой борьбы выделял такие понятия, как естественный отбор, борьба за существование, естественная гибель неприспособленных индивидов. В трудах Самнера противоречия труда

[41] *Hall G. S.* Life and Confessions of a Psychologist. N. Y., 1923, p. 297. В течение многих лет Дж. С. Холл был профессором университета Джонса Гопкинса.
[42] American Higher Education..., vol. 2, p. 771.

и капитала объявлялись непреходящим законом общественного бытия, а удачливые бизнесмены — продуктами естественного отбора и развития цивилизации. Социал-дарвинизм, теоретически обосновывая неприемлемость попыток управления общественно-политическими процессами, импонировал индивидуалистическому образу мышления представителей «деловых» классов. Последнее обстоятельство в значительной мере объясняет тот факт, что на кафедрах общественных наук большинства университетов в последние десятилетия XIX — начале XX в. активно пропагандировались идеи социального дарвинизма, например в Колумбийском, где в защиту этого направления выступали профессора Дж. Б. Кларк и Ф. Г. Гиддингз.

Однако уже в 80—90-е годы теории социального дарвинизма буржуазные ученые, работающие в области социологии, политической экономии, философии, противопоставили теорию социального регулирования. Среди социологов данного направления следует прежде всего назвать Л. Ф. Уорда[43], а также экономистов Р. Эли и Е. А. Росса из Висконсинского университета, С. Пэттэна из Пенсильванского университета, Ч. Г. Кули из Мичиганского университета и др. Буржуазная социальная мысль переживала кризис.

Политическая и идеологическая борьба в американском обществе в 90-е годы, обострившаяся в связи с кризисом 1893 г. и усилением стачечной борьбы рабочего класса и фермерского движения, обнажила новые глубокие противоречия университетского развития. На этот период приходится волна гонений против американских ученых. Естественно, исследователи-экономисты, социологи, политологи и историки обратились к изучению таких насущных проблем, как монополии и их неограниченная власть в обществе, классовая борьба, рабочее, социалистическое движения, популизм, а также к изучению внешнеполитических вопросов, связанных с испано-американской войной. В этих условиях «академическая свобода» подвергалась проверке и испытанию, причем «если раньше конфликт носил форму борьбы науки с теологией, то теперь он открыто демонстрировал борьбу между наукой и богатством»[44].

В 1892 г. был уволен президент колледжа Лоренса (штат Висконсин) Дж. М. Стил за выступление в поддержку гринбекеров и популистов; в 1893 г. по политическим мотивам отстранили президента сельскохозяйственного колледжа Северной Дакоты Г. Е. Стокбриджа; за участие в съезде популистов из Чикагского университета изгнали талантливого преподавателя И. Гурвича.

Подъем популистского движения, поход безработных во главе с Кокси на Вашингтон, рост социалистического влияния в профсоюзах, произвол монополий вызвали реакцию многих прогрессивно мыслящих ученых в поддержку демократических требований. Один из бывших студентов Р. Эли, известный экономист Э. У. Бемис, выступил с осуждением железнодорожных компаний. Президент Чикагского университета Харпер, выполнявший волю «Стандард ойл», осудил Бемиса, который вскоре был отстранен от должности.

Гонениям подвергся и Р. Эли, профессор политической экономии, возглавлявший школу экономики, политики и истории при Висконсин-

---

[43] *Согрин В. В.* Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1975, с. 31—62.
[44] *Hofstadter R., Metzger W.* Op. cit., p. 421.

ском университете, создатель Американской экономической ассоциации (1885). Его обвиняли в поддержке забастовки печатников Мадисона, в связях с представителями рабочих, в распространении идей социализма. Однако Эли был уже известным проповедником христианского социализма, активно сотрудничал с религиозными представителями этого направления и буржуазными реформаторами[45]. Поэтому регентский совет Висконсинского университета в конце концов отверг обвинение Эли в причастности к социализму, но сам факт постановки этого вопроса характеризовал атмосферу в университетах.

Ученик Эли Дж. Коммонс, впоследствии известный деятель буржуазного реформизма и глава историко-экономической школы рабочего движения в США, обосновывавший «исключительность» его развития по сравнению с европейским, также стал жертвой преследований. В 1896 г. фактически за проявленный им интерес к проблемам рабочего движения Коммонс был уволен из университета Индианы, а в 1899 г.— из университета в Сиракьюсах.

В период испано-американской войны захватнические планы США подверглись критике во многих университетских аудиториях. Президент Стэнфордского университета Джордан, профессор истории Чикагского университета Г. Е. Голст, президент Северо-Западного университета Г. У. Роджерс, Корнеллского — Д. Скармен, а также известные социолог Т. Веблен и философ У. Джеймс[46] открыто осуждали империалистическую политику. Все они испытали на себе разные формы репрессий. Президент Роджерс, например, был уволен из университета.

Конфликт части академических кругов с бизнесом, некомпетентными попечителями, а также со злоупотреблявшими своим влиянием и властью президентами и деканами[47] университетов дал толчок движению за создание профессиональной ассоциации профессоров университетов с целью обеспечить определенную независимость и защиту от репрессий. В эпоху «прогрессивных» реформ был дан выход накопившимся разногласиям и недовольству. В результате продолжительных усилий энтузиастов в 1915 г. была создана Американская ассоциация профессоров университетов (ААПУ). Она объединила около 900 профессоров.

В первые годы существования ассоциация не принимала президентов университетов и деканов, подчеркивая тем самым свой демократический характер. Однако в ассоциацию вошла лишь элита профессуры, так как согласно уставу в нее могли вступить только «известные преподаватели и ученые колледжа или университета, которые в течение десятк лет, включая настоящий момент, преподают или занимаются исследовательской работой»[48]. Таким образом, те, кто не имел работы в учебных центрах, не могли вступить в ассоциацию. Категорически отказались вступить в ассоциацию профессор Колумбийского университета Ч. Бирд,

[45] В начале XX в., когда буржуазный реформизм стал сферой практической политики правящих кругов, Эли был признан официально. Он являлся одним из ученых-консультантов при рождении программ социально-экономического регулирования. См.: *Согрин В. В.* Истоки современной буржуазной идеологии в США, с. 62—104.

[46] *Дементьев И. П.* Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.). М., 1973.

[47] Декан университета — председатель, руководитель профессорско-преподавательского состава университета.

[48] *Hofstadter R., Metzger W.* Op. cit., p. 477. Только с 1920 г. прием в члены ААПУ начал постепенно расширяться.

У. Т. Каунсилман из медицинской школы Гарварда и другие известные ученые, считая, что ассоциация не может защитить независимость профессоров.

Все же в документах, принятых ассоциацией, были отражены требования момента. В докладе комитета по вопросам «академической свободы» и положения профессоров ААПУ сообщалось: «На ранней стадии существования университетов в Америке главной угрозой академической свободе было духовенство, от которого больше всего страдали такие предметы, как философия и естественные науки. В последние времена в опасности оказались политические и социальные науки»[49]. По мнению ААПУ, проблема заключалась в том, что руководящий аппарат университета состоит из людей, в силу своего положения лично заинтересованных в больших частных предприятиях. «А благотворители и большинство родителей, которые посылают своих детей в частные институты, сами принадлежат к наиболее преуспевающим и обычно наиболее консервативным классам». Из этого ясно, говорилось в документе, что «все эти интересы оказывают огромное давление на университетские власти»[50].

История развития высшего образования в США убеждает в том, что колледжи и университеты оставались как объектом религиозной, социально-политической борьбы, так и центрами политической активности и политического влияния. Выросшие и окрепшие университеты становились опорой определенных политических, партийных кругов. Достаточно упомянуть, что президентом США в 1912 г. стал профессор истории и права Принстона, бывший до 1910 г. президентом этого университета, В. Вильсон, использовавший поддержку влиятельных кругов своей alma mater в борьбе за Белый дом. У его же предшественника, соперника на выборах президента США Т. Рузвельта ближайшим советником был президент Колумбийского университета Н. М. Батлер, известный впоследствии гонениями на ученых, высказывавшихся против участия США в первой мировой войне.

Как и все американское общество, университеты во время войны оказались в состоянии глубокого кризиса. Ученые разделились на лояльных и нелояльных, и обвинения в нелояльности угрожали положению профессоров в университетах. Многие не выдерживали испытаний. ААПУ выступила с заявлением, в котором отказ от поддержки военных мероприятий рассматривался как акция, враждебная США, не подлежавшая защите со стороны ААПУ. Лидеры ассоциации Дж. Дьюи, А. Ловджой, Ф. Гиддингз и другие помогали официальным кругам обрабатывать общественное мнение. Научные исследования были заброшены во имя пропагандистской литературы, выходившей из-под пера известных экономистов, историков, юристов. Среди них оказался и Дж. Коммонс, подвергавшийся гонениям в конце 90-х годов.

Руководство Колумбийского университета возглавило кампанию гонений. В помощь совету попечителей была создана «комиссия 9-ти» для изучения тенденций преподавания в военное время. Этот акт многие ученые факультета политических наук университета назвали «догматической инквизицией»[51].

---

[49] American Higher Education..., vol. 2, p. 868.
[50] Ibid., p. 869.
[51] *Hofstadter R., Metzger W.* Op. cit., p. 499.

6 июля 1917 г. президент Колумбийского университета Батлер заявил: «То, что раньше можно было считать заблуждением, теперь является призывом к бунту». Все это относилось к таким крупным ученым, как Дж. М. Кэттл, президент Американской ассоциации психологов, и другим. Кэттл обратился к конгрессменам с призывом противиться использованию американского военного контингента в войне в Европе. Совет попечителей уволил Кэттла. Одновременно был уволен и профессор литературы Г. У. Дейна, который поддержал студентов, выступавших за отмену закона о воинской повинности.

Против подобных увольнений протестовал известный профессор-историк Ч. Бирд. В письме Батлеру тот подчеркнул, что над университетом «установлен контроль малочисленной, но активной группы попечителей, не имеющих никакого авторитета среди деятелей образования, реакционных и близоруких в политике, узколобых и дремучих в вопросах религии» [52]. Бирд подал в отставку, которая была немедленно принята. Бирд стал объектом нападок наиболее реакционных кругов и прессы. Оставляя преподавательскую деятельность, в декабре 1917 г. Бирд опубликовал документ, в котором убедительно доказал наличие угнетающего контроля со стороны некомпетентных лиц над учебным процессом в университетах.

Увольнения в период войны происходили и в других центрах. Из университета штата Небраска были исключены три профессора за то, что «верили в интернационализм». В 1918 г. из университета Виргинии удалили руководителя школы журналистики Л. Р. Уиппла, который оказался также «зараженным» интернационалистскими идеями и убеждением, что Россия будет духовным лидером следующего поколения [53].

В условиях реакции состояние науки и учебного процесса, как видим, подверглось влиянию общих кризисных явлений капиталистической системы. В первую очередь их разрушительное действие сказалось на секторе социально-политических наук, истории, философии, праве, политэкономии. Но и ученые точных и технических отраслей знаний также преследовались за политические взгляды и требования свободы слова. Все это следует иметь в виду, когда речь идет о росте университетского дела в США после гражданской войны, перестройке колледжа — первой ступени обучения, начале и развитии общей широкой профессиональной и научной подготовки студентов на второй, высшей ступени.

Рост же университетской подготовки специалистов и ученых был налицо: число окончивших высшие учебные заведения и получивших ученые степени бакалавра, магистра, а также доктора увеличилось с 9372 в 1869/70 учебном году до 29 375 в 1899/1900 учебном году и до 53 516 — в 1919/20 учебном году. Среди получивших степени возрос процент женщин, хотя даже в 1919/20 г. из 2985 молодых магистров женщин было 1294, а докторов — 93 из 522 [54].

Таким образом, в начале XX в. в США была создана модель современного университета, нацеленного как на удовлетворение нужд индустриализации страны, так и на обеспечение ее высококвалифицированными кадрами, исследователями в области прикладных и фундаментальных наук. Во втором десятилетии XX в. около двух десятков универ-

---

[52] American Higher Education..., vol. 2, p. 883.
[53] *Hofstadter R., Metzger W.* Op. cit., p. 497.
[54] Digest of Educational Statistics, 1971, p. 77.

ситетов соответствовало требованиям времени. Вместе с тем распыление сил, низкий уровень большинства мелких учебных центров оставался непреодоленной проблемой. Обнаружились и издержки элективного метода в тех заведениях, где зачастую предлагались «облегченные» программы, не обеспеченные квалифицированными кадрами преподавателей. Университетская общественность была обеспокоена недостаточностью подготовки абитуриентов, а также неадекватностью обязательных программ университетов, что сужало общую подготовку, кругозор, эрудицию выпускников.

Учитывая усиление роли высшей школы в обществе, принятие ею определенных экономических и социальных функций, правящие круги были заинтересованы в установлении идеологического контроля в этой сфере. Колумбийский университет выступил с инициативой введения обязательного курса, «из которого студент получал бы знания о наиболее значительных и влиятельных факторах материальной и социальной действительности». Этот курс был назван «современной цивилизацией»[55] и начал читаться с 1919 г. Рассчитанный на два года, курс включал определенный материал как гуманитарного, так и естественнонаучного направлений. Руководство Колумбийского университета видело назначение данного курса в том, чтобы интерпретацией значительных событий прошлого века направить умы молодежи в нужном для правящих кругов аспекте. В стенах университетов и колледжей унифицировались курсы, призванные формировать мировоззрение будущих поколений американских граждан.

3. НАУКА И ТЕХНИКА

В течение сорокалетия — от конца Реконструкции Юга до первой мировой войны — масштабы американской науки[56] значительно возросли и в то же время проявился ряд особенностей, важных и для ее последующих этапов. В частности, в наиболее (по сравнению с другими капиталистическими странами) отчетливом виде сформировалась система постановки науки на службу монополий; развился характерный плюрализм структуры науки и научной деятельности, основанный на распылении исследований между многочисленными университетскими, академическими, индустриально-исследовательскими центрами, рассеянными по различным штатам.

Впрочем, география американской науки по-прежнему традиционно ограничивалась в основном Новой Англией, среднеатлантическим районом и штатами северо-восточного центра. После 1877 г. создаются новые научно-культурные очаги, в том числе университеты, в южных и западных штатах (например, только в Техасе за 1877—1917 гг. было учреждено 16 университетов), но самостоятельных исследований в них пока еще почти не велось. Сохранилась узость научной традиции, неохотно выходившей за рамки практически-прикладных, сулящих немедленную прибыль разработок и исследований.

Известный перелом к осознанию предпринимателями, отчасти и государством, огромной ценности «чистого», теоретического исследования

---

[55] American Higher Education..., vol. 2, p. 904.
[56] В данном параграфе рассматриваются естественные науки.

как ресурса новой технологии наметился на рубеже XIX и XX вв., т. е. несколькими десятилетиями позже аналогичного явления в Европе. Но и тогда отставание США в области фундаментальной науки еще не было ликвидировано, поскольку перелом в сторону высокой оценки теоретических исследований не сразу отразился на их прогрессе.

В течение первых десятилетий XX в. США, продолжая отставать по «чистой» науке от европейских стран, более или менее успешно стремились компенсировать это отставание широким использованием результатов европейской науки; частым приглашением европейских профессоров для чтения лекций, участия в конференциях и т. д.; созданием развернутой сети университетских и других центров естественнонаучного и технического преподавания, которые в случае необходимости могли быть привлечены и в целях ускоренной подготовки кадров, в том числе в фундаментальных областях, и в целях создания благоприятной обстановки для деятельности перворазрядных исследователей (например, иммигрантов). Таким образом, на базе высокоразвитой капиталистической экономики в США формировалась своего рода «научная инфраструктура», потенциально столь же пригодная для эксплуатации интеллектуальных ресурсов других стран и регионов (в особенности менее развитых), как для развития «автохтонных» исследований.

Показателем постепенного роста международного признания американской науки и техники служило увеличение числа патентов, выданных за границей на сделанные в США изобретения. К 1904 г. США, все еще отставая от Германии по числу зарегистрированных за рубежом патентов, значительно опередили по этому показателю Англию. В то же время увеличилось и число зарубежных изобретателей и фирм, стремившихся запатентовать свои изобретения в США. Американские ученые чаще стали участвовать в международных естественнонаучных съездах и конференциях. Впервые и сами США становятся местом проведения международных научных конгрессов (МНК): уже в 1876 г. в Филадельфии собрался V МНК по химии, а в Нью-Йорке — V офтальмологический. Имена американских ученых начинают встречаться и в списках лауреатов Нобелевской премии: по физике (А. Майкельсон, 1907 г.— за сконструированные спектрометрические и другие оптические приборы и выполненные с их помощью изыскания) и по химии (Т. Ричардс, 1914 г.— за точные определения атомных масс).

Противоречие между капиталистическим использованием науки и объективными потребностями научно-технического прогресса резко обострилось в специфичных условиях американского социально-экономического уклада с его «практицистскими» тенденциями. В особенности на этапе империализма эксплуатация научной и изобретательской деятельности в борьбе за рынки, в конкуренции, в милитаристских целях не могла не приводить к диспропорциям в научно-техническом прогрессе и применении его достижений.

В целом история американской науки конца XIX — начала XX в. представляет сложную мозаику во многом противоречивых тенденций к обобществлению и «приватизации» исследований, к их централизации (создание первых правительственных органов по науке) и децентрализации, к развитию собственного научного потенциала и к максимальному импорту технологии и идей. При этом ареной борьбы между различными тенденциями в развитии научно-технического потенциала стала

в наибольшей мере область организации науки и научной деятельности. Положение в этой области в США в конце XIX в. мало соответствовало требованиям ускорившегося научного прогресса (и прежде всего в фундаментальной области).

Прежде всего бюджетирование науки производилось почти исключительно из частных источников. Несовершенство такого принципа очевидно на примере организации отраслевых исследований, в частности в астрономии, которая тогда в США все же была «сравнительно с прочими теоретическими дисциплинами наиболее популярна в качестве объекта поддержки со стороны частного капитала. Тем не менее и здесь исследования финансировались лишь спорадически и почти всегда только в ответ на конкретную просьбу о закупке каких-либо особо важных приборов. К концу XIX в. у американских астрономов было даже слишком много приборов, но зато не хватало постоянных бюджетных фондов на исследование, публикацию и оплату труда сотрудников» [57].

В качестве иллюстрации можно привести организационные трудности, с которыми столкнулся Э. Пикеринг — один из крупнейших американских астрономов, автор всемирно принятой системы спектральной классификации звезд, открывший спектральные двойные звезды. Пока Пикеринг был директором Гарвардской обсерватории, т. е. в 1877—1919 гг., он вынужден был почти непрерывно обращаться посредством объявлений в научных журналах к их подписчикам с просьбами о пожертвованиях; таковые поступали преимущественно от иностранных ученых обществ. Только после 1907 г., когда удалось наладить связь обсерватории с «благотворительными фондами», положение несколько стабилизировалось, хотя продолжало зависеть от успешности переговоров с тем или иным меценатом.

Если подобное явление можно было в какой-то мере рассматривать как специфически местное (в Англии, Германии и других европейских странах правительственная поддержка науки к тому времени стала регулярной), то другая категория трудностей, связанная с кризисом таких традиционных форм организации науки, как академии и научные общества, видимо, носила глобальный характер. Национальная академия наук США, основанная еще в 1863 г. и задуманная прежде всего как консультативный орган для военного министерства и других федеральных ведомств, оказалась не в силах ни заменить отсутствующие государственные центры регуляции и координации исследований, ни выполнить консультативную функцию [58].

---

[57] *Miller H. S.* Dollars for Research. Science and Its Patrons in Nineteenth-Century America. Seattle; London, 1970, p. 112.

[58] «Между 1863 и 1913 гг. военное министерство обращалось к услугам Национальной академии наук всего пять раз по следующим вопросам: проверка чистоты виски, сохранение краски на армейских ранцах, гальванизирующее действие соединений железа и цинка, исследование Йеллоустоуна, метеорологические науки и их применение» (Политика США в области науки. М., 1971, с. 169). О международном характере кризиса академических форм организации науки в конце XIX в. см.: *Ben-David J., Zloczower A.* Universities and Academic Systems in Modern Societies.— In: Science and Society. Chicago, 1965, p. 62—85. Первое действительно эффективное организационное мероприятие было осуществлено Национальной академией также в связи с военными задачами, но уже в 1916 г., когда на ее базе был основан Национальный исследовательский совет, в начале 1917 г. включенный в Совет национальной обороны.

Естественнонаучных и технических обществ было много (к 1900 г.— более 400, большая часть которых возникла в последние десятилетия XIX в.), но они выполняли лишь функции научного общения и, кроме того, были сосредоточены преимущественно в приатлантических штатах. Однако они сыграли значительную роль в установлении принципов научной специализации и в пропаганде научных знаний, а также в формировании научной периодики в США. Так, основанное в 1876 г. в Вашингтоне впоследствии одно из крупнейших американских научных обществ — химическое — с 1879 г. начало издавать «Джорнэл оф Америкэн кемикэл сосайети», а в 1907 г. выпуском широко известных сейчас «Кемикэл абстрактс» положило начало новому для США типу научной информации — реферативным журналам; с 1909 г. то же общество издает «Джорнэл оф индастриэл энд техникал кемистри».

Не все общества были столь же активны в данном отношении; во всяком случае вместо трех существовавших до 70-х годов журналов общенаучного профиля к концу столетия образовалось уже более 400 специализированных журналов, печатавших статьи естественнонаучного и технического содержания, в том числе такие пользующиеся авторитетом (и до настоящего времени) издания, как «Джорнэл оф хэредити» (с 1885 г.), «Джорнэл оф джиолоджи» и «Физикэл ревью» (с 1893 г.), «Астрофизикал джорнэл» (с 1895 г.), и многие другие.

Возникли новые общенаучные журналы с популяризаторским уклоном: «Попьюлар сайенс мантли» (1872—1915), «Сайентифик Америкэн сапплемент» (1876—1919), «Сайенс» (с 1883 г.). Несомненно, рост числа и тиражей научных журналов свидетельствовал об интенсификации научной жизни в стране и содействовал оживлению коммуникации, играя роль организующего фактора по отношению к складывавшемуся в конце XIX в. американскому научному сообществу.

Но ни научные общества, ни академии наук (Национальная и в отдельных штатах) сами по себе не могли решить проблемы, которая все более настоятельно ставилась развитием экономики,— проблемы создания постоянно функционирующей и регулярно финансируемой системы прикладных и фундаментальных исследований. За отсутствием эффективных специально-научных (не преподавательских) и координационных центров, которые могли бы принять на себя роль такой системы в масштабе страны, некоторое время эту роль играли университеты[59] и вообще высшие учебные заведения, включая как основанные ранее и уже стабилизировавшиеся (в отношении кадров, бюджета и научных тра-

[59] Университеты работали в тесном контакте с научными обществами, совместно с ними выпуская многие упомянутые журналы. С 70-х годов в американской науке и преподавании появилась такая оказавшаяся впоследствии жизнеспособной организационная форма, как летние школы, первые из которых были проведены в Сейлеме (штат Массачусетс) при Академии наук имени Дж. Пибоди (Peabody Academy of science), эфемерном исследовательском центре, основанном в 1866 г. на пожертвования коммерсанта и мецената Дж. Пибоди и слившемся впоследствии (1915 г.) с Сейлемским музеем естественной истории. В 1870—1871 гг. сейлемскими летними школами руководил иммигрировавший в США из Швейцарии палеонтолог и геолог Л. Агассис, в 1876—1882 гг.— энтомолог Э. Пиккард. Впоследствии эта форма организации научных встреч и дискуссий получила широкое распространение в мировом научном сообществе. См.: *Dexter R. W.* Contributions of the Salem Group of Agassiz Zoologists to Natural Science Education.— Bios, 1946, vol. 47, N 1, p. 25—30.

диций) Гарвардский, Йельский, Мичиганский и другие университеты, Массачусетский технологический и Смитсоновский институты, так и многочисленные вновь основываемые университеты и колледжи, в уставах которых нередко с самого начала предусматривался принцип соединения исследовательской и преподавательской деятельности.

При этом студентами под руководством профессоров выполнялись научные программы, что, конечно, повышало исследовательский потенциал системы вузов в целом и отчасти компенсировало почти полное отсутствие в них особых (свободных от преподавания) штатных единиц для ученых-исследователей. Эти программы, как и вообще университетская наука, стали получать поддержку со стороны предпринимателей, в частности Моргана, Рокфеллера (выделившего 30 млн. долл. Чикагскому университету) и др.

Начиная с 1902 г., когда был учрежден фонд Э. Карнеги, поддержка все чаще оказывалась через «благотворительные» фонды — формально некоммерческие организации, бюджеты которых не облагались налогами и расходовались на проведение исследовательских и других программ в направлении, желательном для благотворителей. Первоначальным образцом для таких фондов послужили фонд К. Цейса и прочие такого рода центры в Германии, но в США деятельность фондов приобрела больший размах и (в силу недостатка других источников финансирования) большее значение как форма капиталистической организации науки. К 1915 г. в США было уже 27 «благотворительных фондов», и их число и роль продолжали быстро расти. Субсидируя как университетские, так и внеуниверситетские исследования и публикации, фонды начали в ряде случаев поощрять работы фундаментального характера, не дававшие прямой прибыли, что увеличивало гибкость системы монополистического регулирования науки.

Другим источником финансирования университетов продолжали оставаться бюджеты отдельных штатов и муниципальных органов. За счет этих бюджетов с 1887 г. при университетах начинают создаваться сельскохозяйственные и технические опытные станции, что получило и законодательное оформление (законы Хетча). К 1918 г. было организовано более 50 одних только сельскохозяйственных станций.

За 1877—1900 гг. в США были вновь открыты или преобразованы из колледжей 82 университета, в результате чего сформировалась основная сеть существующих и поныне университетских исследовательских центров. Достаточно сказать, что приблизительно из 60 современных вузов США, имеющих право присуждать степени доктора наук, только два (Питтсбургский университет, 1908 г.; Лос-Анджелесский филиал Калифорнийского университета, 1919 г.) основаны в XX в., остальные уже существовали к 1900 г. За 1900—1922 гг. было основано всего 44 университета, преимущественно из категорий более мелких (с годичным выпуском до 50—100 человек), которые, помимо общеобразовательных колледжей, включали иногда лишь два-три факультета и по европейским понятиям должны были бы считаться институтами узкого профиля.

Процесс концентрации производства своеобразно отразился и в сфере образования: выделилась небольшая (не более 10—20) группа университетов, фактически монополизировавших присвоение высших ученых степеней. 14 вузов, объединившихся в 1900 г. в Ассоциацию американ-

ских университетов, выпускали 90% от общего числа докторов наук в стране.

Новые для США формы организации науки, появившиеся в конце XIX в., были связаны, во-первых, с созданием промышленных лабораторий, специализировавшихся в данный научный период своего существования на исследованиях технического характера (речь о них пойдет впереди); во-вторых, с деятельностью «благотворительных фондов», не ограничивавшихся рамками поддержки университетской науки и образования и тесно взаимодействовавших с государственным аппаратом (что особенно проявилось начиная с 1916 г.); в-третьих, с попытками огосударствления науки.

И раньше имелись случаи, когда государственные организации (в основном военные, например Армейский корпус инженеров и Армейский корпус связи, основанные соответственно в 1802 и 1863 гг.) спорадически занимались научно-техническими вопросами. Но первое правительственное ведомство, специально созданное с функциями научного центра, появилось в США только в 1879 г.: это была Геологическая служба министерства внутренних дел. В ее задачи входило геологическое и палеонтологическое обследование всей территории страны, изучение рудных и водных ресурсов США, топографическая съемка. При организации Геологической службы был использован опыт аналогичного британского учреждения, существовавшего с 1832 г.

Вообще в сфере государственного регулирования науки США отставали от европейских стран, пока положение не стало меняться в связи с подготовкой к войне и участием в ней США. До 1916 г. в США не было федеральных центров по науке с полномочиями, приближавшихся к полномочиям, например, основанного еще в 1853 г. английского департамента науки и технических ремесел. Редким исключением продолжали оставаться институты или лаборатории правительственного подчинения, несмотря на положительный опыт Смитсоновского института. Только в 1890 г. было создано Бюро погоды (в Англии — с 1854 г., в России — с 1872 г.); в 1901 г.— Национальное бюро стандартов, в задачи которого вошли исследования разнообразного круга связанных со стандартизацией проблем в области физики, химии, металлургии, электротехники, гидравлики, строительной техники и т. д. К 1917 г. в бюро работало более 400 человек. Исследованиями занимались также некоторые службы министерства сельского хозяйства: Бюро по химии (с 1883 г.), Горное бюро (с 1910 г.) и др. Всего этого было, однако, еще совершенно недостаточно для эффективного руководства наукой в целом.

Первая мировая война, выявив резкое отставание США в ряде отраслей военной промышленности, например в военном судостроении и самолетостроении, и связь этого отставания с недостаточной интенсивностью и координацией исследований и разработок, подтолкнула дело организации исследований. В 1915 г. был образован Национальный консультативный комитет по аэронавтике, предшественник позднейшего НАСА (Национального управления по аэронавтике и освоению космоса), а также Военно-морской консультативный комитет. При созданном в августе 1916 г. в целях мобилизации научных и технологических ресурсов Совете национальной обороны были учреждены отраслевые комитеты, деятельность которых должна была координироваться Национальным исследовательским советом (НИС). В него вошли представители прави-

тельства, «благотворительных фондов» (это были два основных источника финансирования деятельности совета)[60], Национальной академии наук (основное обеспечение в собственно научном отношении), университетов и промышленных лабораторий. К проведению военно-организационных мероприятий по науке были привлечены видные ученые.

Так, во главе НИС был поставлен известный астрофизик, крупнейший исследователь Солнца Дж. Хейл; его заместителем был Р. Милликен; Военно-морским консультативным комитетом руководил Т. А. Эдисон. В рамках НИС в 1918 г. впервые была создана (хотя еще не как постоянно действующая система) государственная служба научной информации. Непосредственное участие представителей капитала в центрах управления наукой с этого периода стало одной из важных особенностей организации науки в США.

Таким образом, начавшиеся попытки государственного регулирования науки (которая по своим масштабам все более могла быть приравнена к крупной отрасли производства) имели преимущественно военную ориентацию и предпринимались в тесном контакте государства с монополистическим капиталом, извлекавшим максимальную выгоду из правительственных заказов.

При подобном положении в области организации науки развитие технических дисциплин (на долю которых приходился наибольший объем по сравнению со всеми остальными научными исследованиями) неизбежно осуществлялось, по крайней мере до начала XX в., в первую очередь усилиями индивидуальных изобретателей, часто самоучек, работавших на свой страх и риск. Во многих случаях история технико-прикладных исследований вообще не может рассматриваться отдельно от работ таких изобретателей, как Эдисон, Белл или Холлерит, поскольку их деятельность составляла главный компонент оригинального вклада США в технические дисциплины. Для прогресса этих последних первостепенную роль сыграли наметившиеся еще в период Реконструкции Юга факторы, а именно быстрое развитие внутреннего рынка; стабилизация экономических связей в масштабе страны; рост потребности производства (включая военную промышленность, транспорт, строительство) в научно-техническом обеспечении.

Существен для технического прогресса был не только сам по себе экономический подъем, но и тот факт, что протекал он в условиях, сравнительно свободных от груза устаревшей техники, изживших себя традиций (в том числе научно-организационных) и т. п. Так, рост сети железных дорог, достигшей к началу XX в. протяженности более 300 тыс. км (т. е. гораздо большей, чем во всей Европе), был в какой-то мере вызван самим отсутствием развитого шоссейного сообщения. Определенное воздействие на развитие технологических нововведений оказывала и нехватка рабочих рук.

Наиболее значительными в США были успехи научных и инженерных изысканий, связанных с электротехнической промышленностью как самой типичной «для новейших успехов техники, для капитализма *конца* XIX и начала XX века»[61]. Большое впечатление произвели на

---

[60] *Dupree A. H.* Science in the Federal Government. A History of Policies and Activities to 1940. Cambridge (Mass.), 1957, p. 312.

[61] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 365.

современников моторы фирмы Вестингауза мощностью до 1000 лошадиных сил, модели турбин для гидроэлектростанции на Ниагарском водопаде, электрические маяки и прочие электротехнические устройства, экспонированные на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 г.

В этот же период немаловажный вклад в формирование технических, в особенности электротехнических, достижений США внесли исследования и изобретения сербского инженера Н. Теслы, в 1884 г. переселившегося в США, в том числе такие, как создание известного трансформатора Теслы (1891 г.), а также асинхронного электродвигателя и других электрических машин; описание вращающегося магнитного поля (1888 г.); работы по беспроволочной передаче сигналов и созданию дистанционно управляемых самоходных механизмов. В 1900 г. он теоретически обосновал возможность радиолокации.

По мнению многих радиотехников и историков науки, до А. С. Попова никто не был так близок к созданию радио, как Тесла. Впрочем, судьба тесловских механизмов с беспроволочным управлением («телеавтоматов») сложилась неудачно: предложенные перед испано-американской войной 1898 г., они были первоначально применены для разработки проблем дистанционного управления американскими военными инженерами, которые, используя служебное положение, лишили Теслу прав на его изобретение[62].

Исследования в технической сфере базировались в США в конце XIX в. и еще больше в начале XX в. на промышленных лабораториях как структурной ячейке научно-технических работ, которая оказалась наиболее эффективной в данных условиях. В. И. Ленин в 1916 г. указывал на работу особых «инженеров для развития техники» и стимуляцию изобретений в американских трестах как на явление, характерное для новейшего этапа монополистической концентрации производства[63].

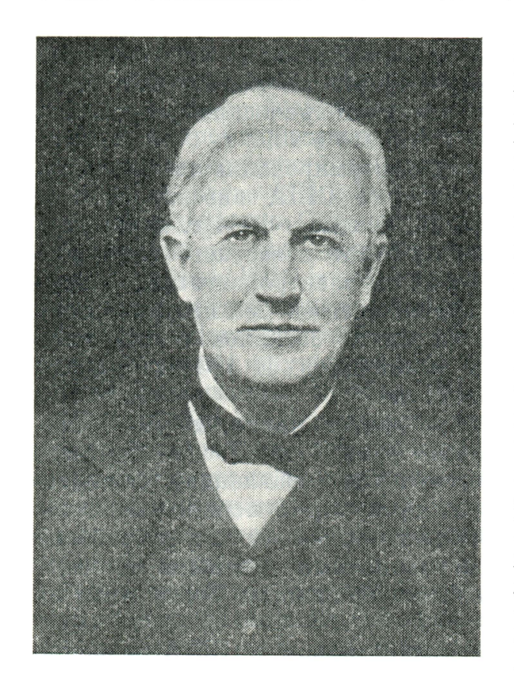
Прообразом для позднейших исследовательских центров в американской промышленности послужила созданная Т. А. Эдисоном в 1872 г. лаборатория в Менло-парк (с 1887 г. — в Уэст-Ориндж). Последовательная производственная ориентация и творческая организация изобретательской деятельности сделали эту сравнительно малочисленную (60—80 человек) лабораторию настоящей фабрикой изобретений, число которых, считая только запатентованные, достигало трех-четырех ежемесячно.

Эдисоновские изобретения и усовершенствования охватывали практически все отрасли техники: были созданы звукоусиливающие устройства, разработана магнитная сепарация руды, изобретены железо-никелевые аккумуляторы, усовершенствованные лампы накаливания и т. п. Особенно высоко (что и естественно) современники оценивали, с одной стороны, те достижения Эдисона, которые явились беспрецедентными в своем практическом выполнении, например звуковоспроизведение (фонограф, 1877 г.), а с другой — те, с которыми так или иначе ассоциировалось вступление общества в новую технологическую эру, «электрический век». К этой категории относятся дуплексная и квадруплексная телеграфия; постройка электролампового завода (1880); электрификация железных

---

[62] В настоящее время приоритет Теслы полностью признан. См.: *Miessner B. F.* On the Early History of Radio Guidance. San Francisco, 1964, p. 44.

[63] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 319.



ТОМАС АЛВА ЭДИСОН

дорог; пуск в ход в 1882 г. центральной станции электроснабжения Нью-Йорка «Пирл-стрит». В начале XX столетия появились и другие имеющие очень широкий профиль центры технических исследований в промышленности, например основанный в Питтсбурге «алюминиевым королем» Э. Меллоном Институт промышленных исследований.

Однако более характерными для исследований и разработок в области технических дисциплин были сравнительно специализированные лаборатории типа основанного в 1893 г. центра для исследования в области фотографии при компании «Истман Кодак», лаборатории резиновой компании «Б. Ф. Гудрич» (1895) или лаборатории компании АТТ («Американ телефон энд телеграф компани», 1907). Некоторые центры такого типа имели консультативный уклон, в частности фирма, основанная в 1886 г. в Бостоне химиком А. Д. Литлом.

Технический прогресс в США в большей мере, чем в какой-либо европейской стране, нес отпечаток капиталистической технологии, прямой ориентации на извлечение максимальной прибыли. Удачливые изобретатели в ряде случаев могли стать участниками компании по эксплуатации их изобретений. А. Г. Белл, в 1876 г. запатентовавший изобретенный им телефон, в 1879 г. основал для развития соответствующей отрасли производства компанию, которая после ряда реорганизаций постепенно монополизировала телефонную связь не только в США, но и в ряде других стран, особенно Западного полушария. «Возникновение крупной фирмы — Лабораторий Белла — стало символом процесса превращения ряда областей исследования в самостоятельную сферу капиталистического предпринимательства» [64]. Аналогичным образом на базе использования изобретений Дж. Вестингауза в области электротехники и железнодорожной автоматики в 1886 г. возникла корпорация «Вестингауз электрик»; лаборатория Эдисона, после того как ее «поддержала», а фактически поглотила финансовая группа Моргана, послужила исходным пунктом для формирования корпорации «Дженерал электрик».

К началу XX в. экономические и технологические преимущества сближения исследовательских центров с промышленностью стали очевидны. К 1920 г. в США насчитывалось уже до 300 промышленных лабораторий. В то же время они еще не могли обеспечить синтез прикладных исследований с теоретическими, поскольку последние в основном оставались вне их поля зрения.

[64] Социализм и наука. М., 1981, с. 87.

Вообще слабой стороной многих американских технических исследований оставалась недостаточная связь с фундаментальной наукой. Например, ошибочная позиция Эдисона, в 80-х годах категорически выступившего за применение одного лишь постоянного тока (в 1889 г. он отказался даже ознакомиться с созданным перед тем М. О. Доливо-Добровольским первым трехфазным генератором переменного тока), на некоторое время затормозила развитие техники переменного тока в США. Электроника, это характерное для XX в. проявление «тесной интеграции академической физики и электротехнической промышленности» [65], в определенной мере опиралась и на ранние достижения американских исследователей: на термоэлектронную эмиссию, которую в 1883 г. открыл Эдисон, и на созданные в 1906 г. Л. Форестом и усовершенствованные затем И. Ленгмюром триоды. Тем не менее в результате недостаточного внимания к теоретической стороне дела и нежелания американских радиокомпаний в 10—20-е годы XX в. вкладывать средства в индустрию с неясными перспективами лидерство в этом комплексе исследований перешло к европейским странам.

Среди определенной части американских ученых и инженеров постепенно распространялось понимание неспособности капитализма разрешить насущные проблемы научной деятельности как в отношении ее организации, так и в плане определений приоритетов. Для рассматриваемого периода примером ученого — крупнейшего специалиста и организатора науки, социалиста по своим убеждениям может служить Ч. П. Штейнмец, один из основателей современной теории электрических и электромагнитных механизмов, исследователь гистерезиса, автор многочисленных изобретений в области электротехники и светотехники. Известно его письмо В. И. Ленину, в ответ на которое В. И. Ленин приветствовал убеждение Штейнмеца «в необходимости и неизбежности замены капитализма новым общественным строем, который установит планомерное регулирование хозяйства и обеспечит благосостояние всей народной массы на основе электрификации целых стран» [66].

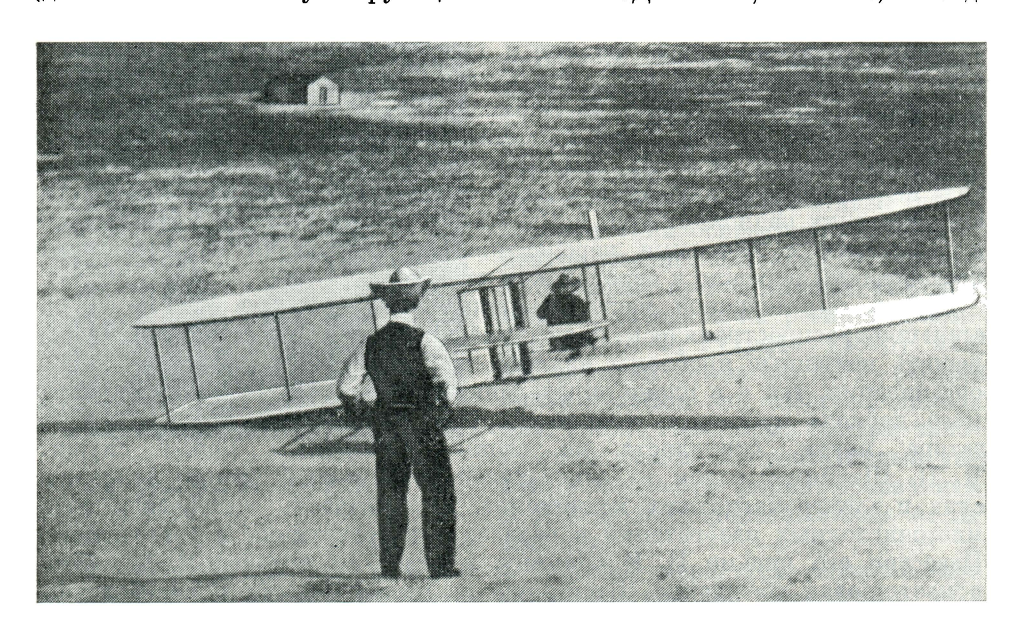
Следует отметить и некоторые другие успехи американских изобретателей и исследователей в технической области: создание новых жаток и других сельскохозяйственных машин сначала с паровыми двигателями (в 1906 г. был сконструирован трактор с двигателем внутреннего сгорания); первые полеты на аэропланах (братья Райты, 1903); ряд изобретений, позволивших к 20-м годам наладить массовое производство автомобилей; нововведения, связанные с фотографией (усовершенствованная целлулоидная пленка Дж. Истмана и разработанный Эдисоном и У. Диксоном с ее применением «кинетоскоп» — предшественник кино; фотографирование в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах — Р. Вуд).

Был создан ряд вычислительных машин. Так, в течение нескольких десятилетий важнейшим средством статистического и бухгалтерского учета оставался изобретенный в 1885 г. Д. Ю. Фелтом «комптометр». Г. Холлерит, сын немецких иммигрантов, работая над статистической обработкой материалов переписей населения, создал первую или во всяком случае наиболее удачную из первых электрических вычислительных машин — табулятор, снабженный перфораторными устройствами. К 1900 г.,

[65] *Бернал Дж.* Наука в истории общества. М., 1956, с. 420.
[66] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 147.

после того как Холлерит организовал компанию по серийному выпуску своих машин, они стали применяться во многих странах (в частности, и в России, куда Холлерит приезжал для организации переписи) и подготовили дальнейшее развитие счетно-аналитической техники на перфокартной основе.

В последующие годы продолжалось развитие как механической (десятиклавишные суммирующие машины «Дальтон», 1902 г.; «Сенд-



БРАТЬЯ РАЙТ — УИЛБЕР И ОРВИЛЛ СО СВОИМ ПЕРВЫМ САМОЛЕТОМ В КИТТИ-ХОК (1902 Г.)

странд», 1914), так и электромеханической вычислительной техники. Проникновение монополистического капитала в данную область исследований и разработок выразилось в основании в 1911 г. корпорации «Интернэшнл бизнес машинз», в последующие годы сконцентрировавшей в своих руках основной объем производства и продажи вычислительной техники.

Потребность в обеспечении железных дорог и промышленности топливом уже к 80-м годам XIX в. привела к необходимости в изобретениях и усовершенствованиях в угольной промышленности, прежде всего в создании новых врубовых машин. Развитие в этой области рассматривалось в конце XIX в. в качестве важнейшей предпосылки технического прогресса в целом. К. Маркс в 1881 г. писал по поводу создания в США принципиально новой конструкции врубовой машины, что эта разработка, вероятно, «даст могучий толчок развитию страны янки и сильно поколеблет промышленное превосходство Джона Буля» [67]. В самом деле, к началу XX в. парк врубовых машин в США превысил 15 тыс.,

[67] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 35, с. 160.

и они стали давать половину годовой добычи угля (в то время как в Великобритании имелось 3500 врубовых машин, которые добывали менее 8% общей угледобычи).

Большими инженерными достижениями были построенный в 1914 г. 30-километровый тоннель для нью-йоркского водопровода, а также крупнейшие в мире по тем временам Бруклинский и особенно Уильямсбергский (1903 г., общая длина почти 500 м) висячие мосты. Применив разработанные французскими инженерами методы использования стального несущего каркаса, американцы смогли довести высоту зданий к 1908 г. до 200 м, а в 1910-е годы — более чем 250 м (небоскреб «Вулворт» в Нью-Йорке); в 20-е годы те же приемы были использованы для постройки небоскреба «Эмпайр Стейт» (около 380 м). Однако позже, с прогрессом железобетонных конструкций, от этих методов практически отказались, поскольку они были связаны с колоссальным расточительством металла.

Военная техника, если не считать сконструированного в 1883 г. X. Максимом станкового пулемета, основывалась до первой мировой войны преимущественно на европейских образцах, но затем, как уже отмечалось, именно в этой области началось наиболее интенсивное вмешательство государства в союзе с монополиями в сферу организации исследований и разработок. В результате был осуществлен и внедрен ряд военных изобретений (акустическое обнаружение подводных лодок, новые артиллерийские приборы), и практически ни одно из новейших достижений технических дисциплин, включая телеграф, радио, авиацию и т. д., не избегло использования в милитаристских целях. В 1917—1918 гг. началась разработка и производство отравляющих веществ, в частности люизита, синтезированного У. Льюисом.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. в США на базе решения европейскими и американскими учеными важнейшей технической проблемы — получения и применения электроэнергии — был достигнут значительный технический прогресс, результаты которого, однако, не могли быть адекватно использованы в условиях капиталистической организации науки и производства. На развитии техники и технических дисциплин все в возрастающей мере отражалась тенденция к монополизации и милитаризации сферы производства и распространения знаний.

Переходя к рассмотрению прогресса в сфере фундаментальных наук, необходимо прежде всего отметить, что к концу XIX в., а в значительной мере — и к началу XX в. в США еще не сформировалось то, что в современном науковедении называют «фронтом исследований». Научные усилия сосредоточивались по большей части в нескольких отдельных областях. В частности, в области точных наук развивались преимущественно такие дисциплины, как алгебра и математическая логика, статистическая механика, астрономия и т. д., в которых уже в данный период, несмотря на сравнительную невыработанность научной традиции и недостатки в организации исследований, имелся ряд крупных достижений.

Начало систематических исследований в области математики в США связывается обычно с пребыванием здесь английского математика Дж. Дж. Сильвестра, автора ряда классических результатов в области теории чисел и алгебры. Он основал в 1878 г. первый американский математический журнал («The American Journal of Mathematics») и вос-

питал немало учеников в период своей преподавательской деятельности в университете Дж. Гопкинса в 1877—1883 гг. Но имеются основания рассматривать в качестве родоначальника американской математической традиции, в особенности в области формальной логики и алгебры, Б. Пирса, профессора астрономии и математики в Кеймбриджском университете (штат Массачусетс). Его имя носит применяемый до настоящего времени критерий отбрасывания сомнительных данных при астрономических наблюдениях. В 70-х годах значительная часть работ Б. Пирса в области формальной логики, а также по теории гиперкомплексных чисел (например, по их матричному представлению) и другим алгебраическим вопросам выполнена была им совместно с сыном Ч. С. Пирсом.

Ч. С. Пирсу принадлежит открытие ряда законов формальной логики, в том числе широко применяемого закона материальной импликации, получившего название закона Пирса; до настоящего времени сохранили свою значимость предложенное им около 1880 г. комбинированное исчисление классов и высказываний, а также работы по логике отношений. Он был пионером логико-семиотических исследований в США.

В работах ученика Ч. С. Пирса Б. Джилмена были развиты идеи Ч. С. Пирса по поводу применения алгебры для формализации теории вероятностей. Важный результат был получен М. Шеффером, в 1913 г. доказавшим возможность обосновать исчисление высказываний с помощью единственной операции, а именно отрицания («штрих Шеффера»). Из посмертно опубликованных работ Ч. С. Пирса было позднее установлено, что он получил тот же результат независимо от Шеффера и значительно раньше.

Здесь нельзя не отметить, что Ч. С. Пирс был также одним из основателей и хронологически наиболее ранним представителем идеалистической философии прагматизма. В то же время по крайней мере на определенных этапах эволюции взглядов Ч. С. Пирса его методология «не являлась субъективистской, а в отдельных пунктах даже приближалась к осознанному материализму» [68].

Заслуживают упоминания также работы Э. Т. Белла, Э. Б. Ван-Влека, М. Дена, Дж. Л. Кулиджа, Г. Б. Файна, Э. В. Хантингтона, других математиков США рассматриваемого периода. В области топологии и проективной геометрии особо следует подчеркнуть работы Г. Блисса и М. Бохера; в области вариационного исчисления — Блисса и У. Ф. Осгуда. Для развития некоммутативной алгебры мировое значение имели начатые приблизительно с 1900 г. работы школы, группировавшейся вокруг Э. Г. Мура, Л. Э. Диксона и Дж. Веддерборна. Американскими учеными был внесен также вклад в специальную разработку отдельных отраслей математики для использования их в математической физике и механике. Здесь надо упомянуть прежде всего лекции Дж. У. Гиббса, прочитанные им в 90-х годах в Йельском университете и приведшие (наряду с работами О. Хевисайда в Англии) к включению векторного анализа в теоретическую физику в качестве неотъемлемой части ее математического аппарата.

Топологические методы были введены в математическую физику Дж. Д. Биркгофом, о котором один из его наиболее известных учеников,

---

[68] *Стяжкин Н. И.* Формирование математической логики. М., 1967, с. 439.

Н. Винер, сформулировавший основные положения кибернетики, заметил в воспоминаниях, что «этот голландец из штата Мичиган был первым значительным американским математиком, не учившимся нигде, кроме Соединенных Штатов»[69]. Впоследствии Дж. Д. Биркгоф внес также вклад в статистическую (критерии устойчивости движения) и теоретическую (эргодическая теорема) механику.

Дж. У. Гиббс стоит в американской науке XIX — начала XX в. изолированно в том отношении, что явился единственным в США в полном смысле слова физиком-теоретиком, получившим мировое признание как создатель законченной дедуктивной системы статистической механики. Причем должная оценка заслуг Гиббса была гораздо раньше дана в Старом Свете, чем в Америке, где его труды до самой смерти в 1903 г. оставались почти неизвестными.

В 1878 г. Гиббс разработал теорию термодинамических потенциалов и вывел правило фаз, что позволило ему впервые дать общеприменимый и теоретически безупречный способ рассмотрения проблем термодинамического равновесия применительно к кристаллам, жидкостям, газам и поверхностным явлениям. В более поздней работе «Элементарные принципы статистической механики» (1902) Гиббс, стремясь к рациональному обоснованию термодинамики, разработал общую теорию флуктуаций и интерпретировал ранее введенные им термодинамические функции с последовательно атомистической точки зрения.

В разработке квантовых идей успехи в США были достигнуты только в 10-е годы благодаря экспериментам Р. Милликена, установившего, в частности, численное значение постоянной Планка и на опыте проверившего эйнштейновское уравнение фотоэффекта[70]. В целом перестройка, охватившая физику на рубеже XIX и XX вв., выразившаяся в коренной ломке всей физической картины мира и имевшая огромное мировоззренческое и философское значение[71], запоздала для Америки на полтора-два десятилетия.

Более основательную традицию по сравнению с теоретической физикой имели в США экспериментальные физические исследования. Опыт Г. Роуланда, выполненный в 1878 г. (впрочем, не в США, а в Германии, в лаборатории Гельмгольца) и неоднократно воспроизведенный впоследствии, подтвердил принципиально важную максвелловскую гипотезу относительно того, что движущееся заряженное тело, так же как ток, создает магнитное поле. Более поздние работы Роуланда привели к перевороту в спектроскопии, поскольку он коренным образом усовершенствовал дифракционные решетки и впервые дал высокоточные абсолютные

---

[69] *Винер Н.* Я — математик. 2-е изд. М., 1967, с. 20.

[70] Подчеркнем, что Милликен предпринял свои опыты именно с целью опровергнуть теорию Эйнштейна и квантовые представления, а согласился с ними только к 1915 г. под «принуждением» своих экспериментальных данных. Из исследований Милликена надо отметить также анализ космических лучей в ионизационной камере; разработку принципов атомной спектроскопии в крайней ультрафиолетовой области; и измерение (1910) заряда электрона — достижение, после которого даже наиболее скептически относившийся к реальности атомов немецкий физико-химик В. Ф. Оствальд был вынужден признать: «Полученные опытным путем доказательства... дают возможность даже самому осторожному ученому говорить о том, что теория атомного строения вещества экспериментально доказана» (цит. по: *Уилсон М.* Американские ученые и изобретатели. М., 1975, с. 94—95).

[71] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 295; т. 29, с. 316.

определения длин волн фраунгоферовых линий. Созданию теории атомных и молекулярных спектров способствовали также эксперименты Р. Вуда, открывшего явление оптического резонанса (1902) и поляризацию резонансного излучения в зависимости от магнитного поля.

Стиль работы Вуда и созданной им в университете Джонса Гопкинса научной школы характеризовался вниманием не столько к максимальной точности измерений, сколько к наглядности опытов (по свидетельству одного из крупнейших советских оптиков, академика Д. С. Рождественского, «в его индивидуальности, живописности, односторонности — его сила. Но здесь же и его слабость»[72]). Для другой американской школы физиков-экспериментаторов, сложившейся в Чикагском университете под воздействием А. Майкельсона (а впоследствии возглавленной Р. Милликеном), напротив, характерно стремление прежде всего к максимальной точности измерений.

Это явствует и из высказываний самого Майкельсона, который любил говорить, что «новые законы теперь открываются только в пятом знаке»[73]; и из созданных им сверхчувствительных устройств: прибора для эталонизирования длины метра световыми волнами и носящего его имя интерферометра; и из его осуществленных с помощью этого интерферометра (в 1884—1887 гг. совместно с Э. У. Морли) уже упоминавшихся нами опытов по измерению скорости света, благодаря которым была опровергнута механистическая гипотеза о неподвижном мировом эфире.

В области астрономии благодаря сконструированной Э. Пикерингом в 1888 г. на частные пожертвования аппаратуре был совершен переход от визуальных наблюдений к фотометрическим. С. Ньюком во многом усовершенствовал математический аппарат астрономии, дал точные методы определения констант прецессии и нутации, организовал работу по составлению каталогов точных положений звезд. Г. Дрейпер положил начало систематическому фотографированию Луны и комет, а также спектральному фотографированию звезд. П. Ловелл показал сезонность изменений на поверхности Марса, а в 1915 г. рассчитал орбиту Плутона, тогда еще неизвестного (эта планета была открыта прямым наблюдением в 1930 г.). Дж. Хилл построил теорию движения Юпитера и Сатурна, используемую и поныне для наблюдений и космических экспериментов, касающихся этих планет.

Над кольцами Сатурна спектроскопические наблюдения вел Дж. Килер, открывший в 1895 г. (одновременно с русским астрономом А. А. Белопольским), что скорость вращения колец зависит от расстояния до поверхности планеты, причем эта зависимость указывает на составленность колец твердыми частицами. Э. Барнард в 1892 г. открыл пятый, последний из крупных спутников Юпитера (первые четыре были известны еще Галилею). Кроме того, Барнарду, а также Х. Д. Кертису и особенно Килеру принадлежит ряд наблюдений, стимулировавших прогресс внегалактической астрономии: ими было открыто множество туманностей за пределами Млечного Пути и показана (Килер) спиральная структура большинства этих туманностей, т. е. других галактик. В спектре многих из них В. Слайфер в 1912—1914 гг. обнаружил «красное смещение» —

---

[72] *Рождественский Д. С.* Избранные труды. М.; Л., 1964, с. 338.
[73] Там же, с. 341.

сдвиг линий к красному концу спектра. Теоретическая ценность всех этих наблюдений выяснилась позже, после того как Э. Хаббл в 1929 г. установил пропорциональность этого смещения удаленности соответствующих галактик. Тем самым оказалась подтвержденной выдвинутая независимо от всех этих данных (А. А. Фридманом в СССР в начале 20-х годов) модель нестационарной Вселенной.

В области химии американские исследования второй половины XIX столетия ограничивались в основном прикладными проблемами, связанными с развертыванием и интенсификацией различных отраслей химической промышленности [74]. Исключение, конечно, составляла разработанная Гиббсом в последней четверти столетия, но не получившая тогда распространения в США система химической термодинамики, охватывавшая важнейшие законы фазового равновесия, адсорбции и поверхностных явлений. На более позднем этапе фундаментальные открытия в области химии поверхностных явлений и коллоидных систем принадлежат И. Ленгмюру, изучавшему в 1909—1916 гг. адсорбцию газов на твердых поверхностях, а в дальнейшем исследовавшему процессы термической ионизации газов и паров. Общепринятой стала предложенная в 1912—1916 гг. Г. Льюисом электронная теория химической связи.

Из числа химических исследований необходимо выделить также доказательство в 1900 г. М. Гомбергом, уроженцем России, возможности устойчивого существования органических свободных радикалов; предпринятые У. Банкрофтом и Г. Джонсом попытки систематизировать материал, накопленный физической химией; труды Б. Б. Болтвуда, положившие начало американской радиохимии.

Что касается биологических наук, их необходимо рассматривать в комплексе с медицинскими [75] и сельскохозяйственными, поскольку с конца XIX — начала XX в. в США (как и в других странах) медицина

---

[74] В этой области следует отметить прежде всего разработанные в 80—90-х годах методы получения карбидов кальция и кремния в электропечах, а также открытие способов электролитического получения алюминия из бокситов (Ч. Холл) и извлечения золота из руд с помощью цианистых растворов (У. Мак-Артур, Дж. Форрест). Два последних открытия были сделаны в конце 80-х годов, когда в целом США далеко уступали Германии и некоторым другим европейским странам по развитию химических и химико-технологических знаний. Однако американские исследования в области производства лаков и красок, в особенности минеральных, получили в этот период большой размах. Это объясняется запросами со стороны хлопчатобумажной промышленности, по поводу которой Ф. Энгельс в 1888 г. отметил, что «изобретательский гений перекочевал из Англии в Америку» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 386). Вклад химии в практику выразился также в научном обосновании методов изготовления суперфосфатов и прочих неорганических удобрений, резины, пластмасс и т. д. и в разработке Дж. Крафтом принципов органического синтеза с помощью хлористого алюминия.

[75] На организации медицинских исследований и здравоохранения в особой мере отразились как общее несовершенство организации науки, так и социальные язвы американского общества: расовая дискриминация, наркомания (законодательные акты 1909, 1912 и 1914 гг. по борьбе с наркотиками не дали результатов), скудость ассигнований на общественные нужды и т. п. На рубеже XIX и XX в. в США развернулось движение за ликвидацию или по крайней мере объективное изучение этих недостатков, а также за допущение женщин к врачебной профессии. Это движение, особенно после опубликования в 1902 г. первой американской женщиной-врачом Элизабет Блекуэлл ее «Очерков медицинской социологии», приобрело общественный резонанс, но не привело к значительным практическим последствиям, оставшись в рамках призывов к филантропической помощи.

и отчасти сельское хозяйство все в большей мере стали основываться на теоретических и экспериментальных концепциях биологии.

Самостоятельные исследовательские направления и школы в области медико-биологических наук ранее всего сложились в США в физиологии животных и человека. Исторически ведущую роль в этом сыграли в 70—80-е годы работы Г. Боудича, обосновавшего представление о том, что мышца действует по принципу «все или ничего». Влияние Боудича испытали У. Кеннон, У. Хоуэлл и другие авторы, развившие идею равновесия (гомеостазиса) как условия существования организма. Эта идея была конкретизована, с одной стороны, Л. Гендерсоном (1908) в плане математической и экспериментальной характеристики кислотно-щелочного равновесия в организме, с другой — в плане терморегуляции в исследованиях Ф. Бенедикта (на материале анализа теплового баланса у множества млекопитающих — от мыши до слона) и Г. Барбура, открывшего тепловой центр в гипоталамусе.

Дж. Эрлангер в 1905—1912 гг. вскрыл резервные механизмы в функционировании сердечной мышцы, показав, что в случае нарушения активности синоартериального узла функцию водителя сердечного ритма принимает на себя атриовентрикулярный узел, а при его ослаблении — волокна Пуркинье. В развитии исследований по нормальной и патологической физиологии и морфологии центральной нервной системы значительную роль сыграла деятельность Ч. Элсберга, Ч. Фрезьера и особенно Х. У. Кушинга, основателя нейрохирургических центров при университетах Дж. Гопкинса (1905) и Гарвардском.

В 90-е годы Ч. Чайлд создал концепцию физиологических градиентов, давшую возможность математического описания ряда характеристик органов и тканей (чувствительности к недостатку кислорода или к ядам, интенсивности обмена веществ и т. п.) как постепенно (градиентно) убывающих или возрастающих от одного участка организма (зародыша) к другому. В физиологию поведения вклад внесли многолетние наблюдения (в основном над птицами) школы Ч. Уитмена — У. Крэга, разработавших в 10-е годы XX в. классификацию инстинктивных типов поведения (влечение, поисковое поведение и т. д.) и доказавших их высокую константность, в силу которой они могут служить даже основой для различения между видами.

В этот же период под влиянием европейской физиологии (в особенности исследований В. М. Бехтерева и И. П. Павлова в России) в США усилился интерес к изучению условных и безусловных рефлексов. Однако развертывание работ американских физиологов и зоопсихологов в данном направлении шло в тесном взаимодействии с формировавшимся в те же годы в США бихейвиоризмом как философо-психологической концепцией, что наложило на эти работы определенный механицистский отпечаток, поскольку реальное единство организма и среды подменялось суммой связей по типу «стимул — реакция».

В области биохимии и эндокринологии событием явилось выделение в 1914 г. Э. Кендаллом в кристаллическом виде гормона щитовидной железы. Дж. Наттолл одним из первых продемонстрировал бактерицидные свойства сыворотки крови. Он известен также своими трудами по паразитологии. Им в течение первого десятилетия XX в. были основаны важнейшие периодические издания США по паразитологии и гигиене. Тогда же У. Рид и Ф. Раус показали вирусную природу некоторых инфекци-

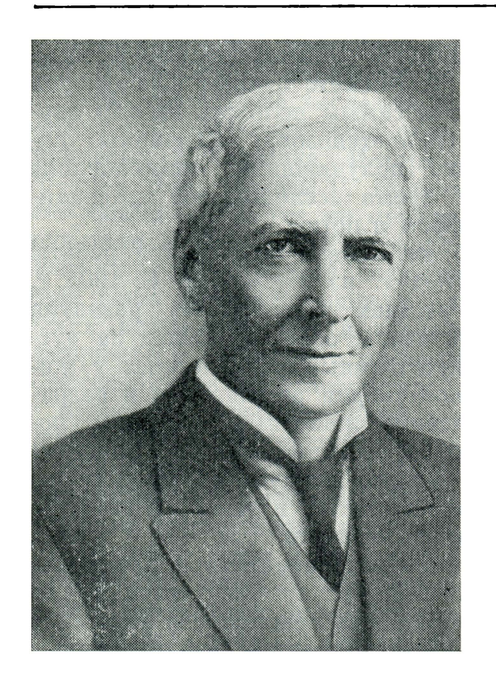
онных заболеваний, что послужило наглядным успехом делавшей тогда первые шаги вирусологии. В 1908 г. Х. Т. Риккетс открыл возбудителя пятнистой лихорадки Скалистых гор и тем самым положил начало изучению группы инфекционных болезней (риккетсиозов), вызываемых паразитическими микроорганизмами, позже получившими наименование риккетсий. В 1909—1910 гг. Риккетс во время исследований мексиканского сыпного тифа заразился сыпным тифом и погиб.

В области эмбриологии и учения об онтогенезе выделяются работы Ж. Лёба, переселившегося в США в 1891 г. из Германии. В 1901 г. Лёб показал в опытах на морских звездах возможность развития яйцеклетки без оплодотворения, получив таким образом (вслед за русским зоологом А. А. Тихомировым) искусственный партеногенез у животных. Он был также автором химической теории регенерации и разрабатывал физиологические вопросы поведения животных. Перенеся понятие тропизма с растений на животных, Лёб ошибочно истолковывал сложные формы поведения как суммы физико-химических реакций на внешние стимулы, т. е. так же, как бихейвиористы, и даже в еще большей степени становился на редукционистские позиции.

В экспериментальной эмбриологии необходимо отметить и посвященные развитию органов чувств, нервной системы и конечностей труды Р. Гаррисона, который одним из первых применил межвидовую пересадку частей зародыша, а в 1907 г.— метод культивирования изолированных тканей. Ему впервые удалось наблюдать рост нервных волокон вне организма. Эффективная методика поддержания тканевых культур в течение длительного времени (десятилетий) была разработана приехавшим в США в 1904 г. французским патофизиологом и хирургом А. Каррелем во время его деятельности в Чикагском университете, а затем в Рокфеллеровском институте в Нью-Йорке. В годы первой мировой войны Каррель выполнил ряд теоретических и практических исследований по способам заживления ран.

В экологии следует отметить работы С. Форбса 80-х годов («Озеро как микрокосм» и др.), где выдвинуты концепции роли борьбы за существование в формировании структуры сообщества, сопряженности колебаний численности популяций хищника и жертвы и т. д. Ф. Э. Клементс, основываясь на разработанном Х. Каулсом учении о сукцессиях, создал в 1910-е годы первую американскую экологическую школу мирового значения. Учение Клементса о «климакс-формациях» как сообществах, строго отвечающих каждому данному комплексу экологических условий, было иллюстрировано автором на огромном фактическом материале и послужило ценным инструментом описания экосистем различных континентов. В то же время оно страдало известной метафизичностью, выразившейся, в частности, в том, что Клементс абсолютизировал климакс-формации и (под явным влиянием философии Г. Спенсера) приравнивал их к «организмам», преувеличивая целостность биологического сообщества.

Некоторые экологические исследования имели важное значение с точки зрения развития теоретических основ сельского хозяйства. Так, Э. В. Хильгард в конце XIX в. впервые в США стал изучать биоценозы как показатель почвенных условий. Однако эти исследования, как и упомянутые идеи Форбса, настолько опередили свое время, что в течение нескольких десятилетий практически не упоминались в научной ли-



ЛЮТЕР БЕРБАНК

тературе США. Г. Аллард и Г. Стори одними из первых ввели экологический принцип в фитопатологию, показав роль насекомых в передаче ряда болезней сельскохозяйственных растений.

В области селекции наиболее значительными были достижения Л. Бербанка, который вывел более тысячи новых сортов растений, в том числе такие не встречавшиеся в природе формы, как грецкий орех с очень тонкой скорлупой, кормовые и плодовые кактусы без колючек, персикоминдаль и т. д. Результаты, полученные Бербанком, в полной мере не были оценены академической наукой; одна из современных американских сельскохозяйственных энциклопедий отмечает по его поводу: «...он осуществлял свои исследования исключительно, чтобы получить практические результаты, а не для того, чтобы открыть какие-либо научные принципы» [76]. Но более справедливым представляется отзыв К. А. Тимирязева, согласно которому результаты Бербанка «одинаково важны как в практическом, так и в научно-теоретическом отношении» [77]. В самом деле, Бербанк показал ранее неизвестные возможности методов гибридизации и отбора. Его деятельность в историческом плане, несомненно, были связана с характерным для рассматриваемого периода возрастанием в США (как и в других странах, под влиянием дарвинизма) интереса к вопросам изменчивости организмов и ее механизмам.

В проникновении эволюционного образа мышления в американскую биологию, а в какой-то мере и в общественное сознание в целом немалой была заслуга неоднократно приезжавших за океан английских последователей дарвиновского учения: Т. Гексли, Дж. Гукера, А. Уоллеса. Ранние американские пропагандисты эволюционизма, в частности ботаник Аза Грей или популяризатор науки Дж. Фиск, также участвовали в этом процессе, хотя их воззрения носили компромиссный характер и нередко сочетались с фидеистической и даже теологической (например, у Фиска) интерпретацией биологического прогресса.

Распространение эволюционизма, в особенности в его материалистически-дарвинистской форме, сталкивалось с упорным противодействием со стороны влиятельных клерикальных кругов, с основанием усматривавших в новом учении не просто орудие биологического исследования, но и явный вызов креационизму и религии. Борьба продолжалась и в тече-

[76] *Schapsmeier E. L., Schapsmeier F. H.* Encyclopedia of American Agricultural History. Westport etc., 1975, p. 50.
[77] Энциклопедический словарь «Гранат и К°». 7-е изд. М., Б. г., с. 168—169.

ние первой четверти XX столетия, о чем свидетельствуют принятые в ряде южных штатов законы против преподавания теории происхождения человека и печально знаменитый «обезьяний процесс» 1925 г., когда учитель из штата Теннесси был приговорен к штрафу за нарушение этих законов.

Неудивительно, что многие американские ученые, в том числе и сами немало давшие для филогенетики, в то же время избегали открытого признания эволюции. Так, по поводу Дж. Лейди, одного из родоначальников палеонтологических исследований в США, Г. Осборн писал в воспоминаниях, что тот «в тайне был эволюционистом: эволюционистом, никогда не употреблявшим слова „эволюция“» [78]. Что касается самого Осборна, автора капитальных трудов по ископаемым хоботным и копытным, он склонен был признавать в качестве механизма эволюции наследование приобретенных признаков (в действительности не существующее) [79], т. е. стоял на неоламаркистских позициях, а позже выдвинул откровенно идеалистическую концепцию аристогенеза как творческого и непознаваемого в своей сути процесса формирования новых свойств.

На неоламаркистской точке зрения стояли Э. Коп и Ф. Клементс, а также геолог и палеонтолог К. Р. Кинг, пропагандировавший в последние десятилетия XIX в. концепцию «неокатастрофизма», согласно которой дарвиновский естественный отбор действует только в промежутки между геологическими переворотами: образование новых форм имеет место только в моменты этих переворотов. К этой гипотезе вполне применима характеристика, данная Ф. Энгельсом катастрофизму Кювье как теории, которая «была революционна на словах и реакционна на деле» [80].

Дарвинизм нередко (особенно после лекций Г. Спенсера в США в 1882 г.) распространялся в приданной ему Спенсером вульгаризованной форме: в качестве учения об эволюции как о переходе от простого к сложному, как о движении к равновесию через интеграцию и дезинтеграцию. Однако частые злоупотребления дарвинистской фразеологией не должны затушевывать того факта, что дарвинизм и в целом представления об историчности и диалектичности природы продолжали влиять на мировоззрение и мироощущение прогрессивных и либеральных слоев американского общества. В 1886 г. поэт и публицист Дж. Р. Лоуэлл выразил впечатление, которое производило на него колоссальное расширение естественнонаучной картины мира: «Естествознание, указав человеку на его эфемерность, в то же время облагодетельствовало человечество, ибо признало за человеком как коллективным существом часть того непреходящего достоинства, в котором пришлось отказать индивидууму. Человек теперь — уже не сотворенное совсем недавно существо, но высшее произведение природы, наследник бесчисленных веков, ибо время теперь стало таким же бесконечным, как раздвинутое астрономией пространство» [81].

Вклад американских биологов в исследование эволюции для рассматриваемого периода можно разделить на два этапа. На первом, приблизительно до 1909—1910 гг., основное внимание уделялось филогенетической

---

[78] *Osborn H. F.* Impressions of Great Naturalists. N. Y.; L., 1924, p. 39.
[79] Подробнее см.: *Бляхер Л. Я.* Проблема наследования приобретенных признаков: История априорных и эмпирических попыток ее разрешения. М., 1971.
[80] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 352.
[81] *Lowell J. R.* The Progress of the World.— In: Lowell J. R. Latest Literary Essays and Addresses. Boston; New York, 1892, p. 167—168.

перестройке традиционных биологических дисциплин, в особенности систематики и морфологии. Так, Ч. Э. Бесси в 1893 г. (а затем в усовершенствованном виде в 1915 г.) предложил эволюционную классификацию цветковых растений, принципы которой (единство генезиса всех цветковых, происхождение однодольных от двудольных, переход от сложных к вторично простым формам) в XX в. стали широко признанными. Э. Ч. Джеффри в начале XX в. предпринял разработку «стелярной теории», с помощью которой ему удалось выяснить тенденции морфогенетической эволюции современных и ископаемых папоротников и хвойных. Б. М. Дэвис в 1903 г. сделал попытку вывести их строение из более древних форм (водорослей). Г. Н. Колкинс в 1901 г. построил систему простейших в своей монографии, первой в США на данную тему.

В энтомологию идеи эволюционной классификации в 80—90-е годы были введены Дж. Л. Леконтом, Л. Говардом (он был также одним из зачинателей сельскохозяйственной энтомологии в США) и Дж. Хорном; в ихтиологию — Д. С. Джорданом. А. Хайатт на обширном ископаемом материале выяснил взаимосвязь онтогенеза и филогенеза у аммонитов. Р. Басслер в 1900 г. дал первый монографический обзор североамериканских представителей очень важной в палеонтологическом отношении группы мшанок. Эволюционно-палеонтологическое изучение позвоночных начато Дж. Лейди, открывшим много богатых костями местонахождений в западных штатах США, и с успехом продолжено Э. Копом, О. Маршем и Г. Осборном.

Второй этап в исследованиях эволюции был связан с преимущественным вниманием к вопросам генетики и микроэволюции. Его началом можно считать 1909—1910 гг., когда Т. Г. Морган и его сотрудники К. Бриджес и А. Стертевант приступили к изучению изменчивости и наследования у дрозофилы (плодовой мушки). Морган экспериментально установил ряд кардинальных генетических феноменов: зависимость кроссинг-овера от расстояния между участвующими в нем генами, локализацию генов в хромосах, наличие сцепленного с полом наследования. В 1910 г. Стертевант, Бриджес и Г. Дж. Мёллер выявили роль x- и y-хромосом в детерминации пола; с 1913 г. было начато составление генетических хромосомных карт.

В ряде случаев авторы этих исследований недооценивали роль естественного отбора и склонялись к тому, чтобы считать мутационный процесс непосредственным и даже единственным фактором эволюции (в 20—30-е годы эти ошибки были исправлены благодаря работам С. С. Четверикова, И. И. Шмальгаузена и других представителей советской генетической школы, показавших полную совместимость дарвинизма с генетикой). Однако и на уровне, достигнутом в первые два десятилетия XX в., проведенные в лаборатории Моргана изыскания способствовали постановке эволюционных исследований на твердую экспериментальную почву.

В области геолого-географических исследований надо упомянуть полярную экспедицию А. Грили, проведшую в 1881—1884 гг. метеорологические и магнитные наблюдения на севере Гренландии и на о-ве Элсмир. Широта, достигнутая экспедицией (83°24′ с. ш.), долгое время оставалась рекордной. Организованная военным министерством в порядке выполнения Первого международного полярного года, экспедиция тем не менее была крайне недостаточно финансирована и страдала от нехватки

оборудования, а затем и от голода; из 25 ее участников 18 погибли на обратном пути.

В 80-х годах, вслед за открытием золота на Аляске, туда был направлен ряд экспедиций, однако они носили в основном золотоискательский характер, и только с 1897 г. Геологическая служба начала сплошное геологическое обследование полуострова (экспедиции А. Брукса, Э. Леффингуэлла) в рамках программы геологического изучения и картирования всей территории США и их владений. Р. Э. Пири в ходе своих экспедиций 1892—1906 гг. несколько раз пересек и обследовал северный купол Гренландии, а 6 апреля 1909 г. достиг Северного полюса.

Ф. Кларк в 1889 г. начал подсчеты среднего содержания элементов в земной коре и вывел практически для всех известных тогда элементов показатели, которым позже по предложению уточнившего их А. Е. Ферсмана было присвоено название «чисел Кларка», или просто «кларков». Работавший совместно с Кларком Г. С. Вашингтон начиная с 1905 г. создал оригинальную схему геохимической зональности Земли.

Дж. Хейфорд в 1909 г. выполнил наиболее точный для начала XX в. расчет фигуры Земли, и его модель была затем принята в качестве эталона Международным геодезическим и геофизическим союзом. В области физики атмосферы значительным достижением явился тот факт, что А. Кеннелли (в 1887—1894 гг. работал в качестве главного ассистента Эдисона в его лаборатории в Уэст-Ориндже) в 1902 г. указал на существование в атмосфере на высоте 100—300 км отражающего электромагнитные волны слоя. Этот важнейший компонент ионосферы получил название слоя Кеннелли — Хевисайда, поскольку одновременно с Кеннелли он был открыт английским физиком О. Хевисайдом.

В истории геоморфологии заметный след оставило учение У. Дейвиса о формировании рельефа от взаимодействия экзогенных и эндогенных факторов; его же концепция возникновения асимметричных пластовых ландшафтов (куэстовых гряд); разработанные Г. К. Джилбертом представления о зависимости рельефа от поднятий (преимущественно молодых в геологическом смысле) и опусканий земной коры.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. для американской науки характерны в основном те же тенденции, что и для мировой науки в целом, включая рост масштабов и эффективности исследования, интеграцию (например, между биологическими и медицинскими, астрономическими и физическими знаниями) и дифференциацию, усиление совместного характера научного труда на базе новых форм организации и коммуникации в науке. Были достигнуты существенные успехи на ряде участков научно-технических работ, в особенности за последние годы рассматриваемого периода (генетика, экспериментальное подтверждение квантовой физики, ряд областей астрономии и т. д.). Не случайно и прогресс в организации научных исследований приходится в основном на эти годы, хотя, с другой стороны, немалую роль здесь сыграло и стремление поставить науку на службу военному производству, поскольку этот отрезок времени совпал с подготовкой и участием США в первой мировой войне. Это стремление усилилось под воздействием признания необходимости науки для укрепления экономического, индустриального и военного потенциала.

Усиление эксплуатации научно-технической сферы со стороны монополий, выделение ими определенной части своих доходов на цели иссле-

дований и разработок не могли не привести к проникновению в эту сферу коренных пороков империализма: конкуренции; зависимости от экономической конъюнктуры и кризисных спадов; дискриминации, в частности расовой [82]; милитаристских тенденций.

Все в большей мере проявлялись отрицательные последствия неорганизованного и хаотического технического воздействия на природу: эрозия почвы, рост загрязненности окружающей среды, вымирание многих видов ранее обитавших на территории США организмов. Почти исчезли бизоны, до 80-х годов встречавшиеся миллионными стадами; к 1900 г. вымер странствующий голубь — характерный представитель животного мира Северной Америки; невосстановимо погибли и многие другие виды растений и животных.

Экологические нарушения, вызванные научно-техническим прогрессом и ростом производительных сил в условиях бесконтрольного загрязнения и нарушения среды, привели к необходимости срочных мер по восстановлению численности промысловых рыб, редких животных, по охране ценных экологических комплексов и т. д. Однако такие меры, если не считать организации нескольких заповедных территорий и рыбонадзорных станций [83], практически отсутствовали. Вплоть до 1916 г., когда был принят акт о службе национальных парков, не существовало какой-либо общей системы охраны природы в масштабе страны.

Все в возрастающей мере наука и техника в конце XIX — начале XX в. использовались в целях придания массового, стандартизованного характера не только материальному, но и духовному производству, в целях капиталистической интенсификации труда и увековечения существующих социальных отношений. Неудивительно, что господствовавший в широких слоях интеллигенции в середине XIX в. сциентистский оптимизм все чаще уступал место антисциентистским настроениям. Достаточно сравнить знаменитое уитменовское «ура позитивным наукам! да здравствует точное знание!» («Песня о себе») [84] с интонациями, например, Т. Олдрича: «мы заурядности черты вдыхаем с догмами наук» [85].

Конечно, отрицание, подчас эстетски-снобистское, достижений научно-технического прогресса, характерное для ряда идеологических направлений США и других стран в эпоху империализма, имело мало общего с реальными трудностями и кризисными явлениями в самой науке: с мировоззренческой перестройкой при переходе от классической физики к квантовой и к теории относительности, с эволюционной и генетической переориентацией биологии и т. п. Однако сочетание трудностей роста самой науки, сомнений в отношении ее социального престижа и нараставшего давления на науку в целях ее капиталистически-милитаристского использования создало (на фоне еще не изжитого сциентистского оптимизма и прогрессизма XIX в. с его надеждами, что наука «сама по себе» устранит социальные трудности) к началу XX столетия своеобразную ситуацию в развитии естествознания, проявившуюся в социально-эконо-

---

[82] *Baker H. E.* The Colored Inventor. 2nd ed. N. Y., 1969.
[83] *Кольцов Н. К.* Исследовательские институты в Соединенных Штатах Америки.— Природа, 1917, № 10, с. 984.
[84] *Уитмен У.* Избранные произведения. М., 1970, с. 69.
[85] Цит. по: *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли: В 3-х т. М., 1962—1963, т. 3, с. 94.

мических условиях США, быть может, наиболее ярко по сравнению с другими капиталистическими странами.

Еще в последние десятилетия XIX в. объективный вклад ученых США в мировую науку не мог сопоставляться по своей значимости с достижениями европейских стран. Вспомним, что американских ученых в отличие от европейских не было ни среди деятелей раннего — до 1900-х годов — периода становления генетики, ни среди предшественников и первых пропагандистов открытого Д. И. Менделеевым периодического закона, ни (если не считать Гиббса) среди основателей современной теоретической физики, ни в ряде многих других важнейших научных движений той эпохи, породивших в конечном счете современное естествознание. Однако начиная с 1910-х годов американская наука на своем новом этапе стала быстро приобретать интернациональный характер, и обращение к достижениям мировой науки наряду с использованием собственных ресурсов способствовало интенсификации научных исследований в США, в том числе и сравнительно отстававших прежде фундаментальных исследований.

Глава восемнадцатая
ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

1. ЛИТЕРАТУРА

В литературном процессе после окончания гражданской войны и Реконструкции и до 1918 г. достаточно отчетливо выделяются два этапа; «водоразделом» здесь оказывается испано-американская война [1].

На исходе столетия завершают свой путь Уитмен, Лонгфелло, Мелвилл, исчерпывает себя романтическое движение, выдвигаются на первый план писатели, приверженные к реализму и социальной критике. Это прежде всего центральная фигура литературного процесса второй половины XIX века — Марк Твен. Реалистические принципы закрепляются в творчестве У. Д. Хоуэллса, Э. Беллами, Ф. Брет Гарта, литература обогащается психологическим анализом в романах Г. Джеймса, в поэзии Э. Диккинсон. В 90-е годы начинается развитие натуралистических тенденций (у Норриса, Крейна, Гарленда, молодого Драйзера), что явилось во многом реакцией на буржуазно-охранительные веяния. Важный фактор литературного процесса в США — активное усвоение художниками слова (Хоуэллс, Джеймс) опыта русской (Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов) и французской литератур (Флобер, Золя, Мопассан). В исследуемый период усиливается кризис буржуазно-демократических иллюзий, блекнет вера в американскую исключительность. Эти настроения окрашивают позднее творчество Марка Твена. Настроения разочарования характерны для последних лет жизни Уитмена.

Обострение социальных противоречий в стране в последние десятилетия XIX столетия нашло отражение в процессе углубившейся поляризации сил в литературе. Художественно-эстетические споры писателей, естественно, определялись и их различиями в социально-политическом плане. В условиях спекулятивного «бума», наступившего после гражданской войны, усиливаются буржуазно-апологетические тенденции в литературе; в частности, знамением времени становится так называемая «деловая повесть», прославляющая добродетели бизнесмена и дельца. Одним из ее творцов был Джордж Хорас Лоример (1867—1937), известный как редактор массового, рассчитанного на вкусы «среднего американца» журнала «Сэтерди ревью оф литерачур» (с 1899 по 1936 г.), тираж которого поднялся с 1800 экземпляров до 3 млн. Сам Лоример был автором известной повести, содержавшей откровенное поучение о том, как накопить капитал: «Письма купца, сделавшего самого себя, своему сыну» (1902).

Другой характерной фигурой литературы такого рода был Хорейшо Олджер (1832—1899), священник, автор более 130 бестселлеров для детей, расходившихся огромными для того времени тиражами. Особой популярностью пользовалась серия повестей, в центре которых был образ

---

[1] Русские переводы и критическая литература по рассматриваемому периоду собраны в кн.: *Либман В. А.* Американская литература в русских переводах и критике: Библиография, 1776—1975. М., 1977; *Либман В. А., Исаева И. Н.* Американская литература в русской критике: Библиографический указатель. 1976—1980. М., 1984.

Оборванца Дика. В них разрабатывался сюжет, потом многократно варьировавшийся Олджером: ребенок, познавший нужду, поднимался к богатству и успеху. «Розовые» сказки Олджера должны были внушить читателю убеждение в «американских возможностях»: ведь в США каждый мог сделать сам себя, достичь процветания, выказав трудолюбие, бережливость, находчивость.

В 70—80-е годы художественные вкусы во многом диктовались группой литераторов буржуазно-охранительной, консервативной ориентации, сторонников так называемой «традиции утонченности». За ученость их часто называли «браминами», иногда «бостонцами».

Рупором «бостонцев», группировавшихся вокруг Гарвардского университета, был журнал «Атлантик мансли». Их деятельность была своеобразной реакцией на вульгарность и торгашеский дух «позолоченного века» [2], попыткой отгородиться от серьезных жизненных проблем в сфере «чистой» красоты. Ориентация на европейские и особенно английские образцы, культ «чистой» формы, враждебность к реализму, которому приписывались «грязь» и «грубость» в искусстве, соединились с политическим консерватизмом.

Среди ревностных апологетов «традиции утонченности» был Томас Олдрич (1836—1907), прозаик, поэт и критик, редактор журнала «Атлантик мансли» (1881—1890). Сторонник традиционных форм, изысканно-рафинированного стиля, консервативной идеологии, Олдрич отрицательно воспринимал все свежее и жизненное; Уитмен, например, был для него не более как «шарлатан». Другим поборником «идеального» стал критик Эдмунд Кларенс Стедмен (1833—1908), который в своих многочисленных сочинениях ориентировался на английские «викторианские» образцы. В группу ведущих «бостонцев» входил поэт Ричард Генри Стоддард (1825—1903), стихи которого, популярные в свое время, несли печать сентиментальности и безликости. Наконец, приметную роль играл и поэт Байярд Тейлор (1825—1878), оставивший около десятка томов стихов, в основном среднего уровня, среди которых выделяется лишь сборник «Домашние пасторали» (1875).

В известной мере близки к «бостонцам» были и некоторые писатели, чья лучшая пора связана с аболиционистским движением; Г. Бичер-Стоу, Г. У. Лонгфелло, Дж. Г. Уитьер, Р. У. Эмерсон, Дж. Р. Лоуэлл, О. У. Холмс. На склоне лет они во многом растеряли боевой пыл и радикализм молодости, обрели статус «мэтров» и довольно органически вписались в новоанглийский университетский культурный контекст. В это время они продолжали полезную деятельность как просветители, переводчики, критики, содействовавшие ознакомлению американской публики с шедеврами европейской художественной культуры. Наиболее решительно «бостонские» стандарты утверждали их эпигоны во главе с Олдричем и Стедменом.

К началу 90-х годов «традиция утонченности» оказалась во многом дискредитированной на фоне очевидных достижений художников-реалистов. Этому способствовало творчество таких писателей, как Г. Джеймс, У. Д. Хоуэллс, Э. Беллами и, конечно же, М. Твен.

[2] Термин «позолоченный век», ставший весьма меткой характеристикой конца XIX столетия, времени спекулятивного разгула и массовой коррупции, закрепился после опубликования в 1873 г. одноименного романа, созданного Твеном совместно с Ч. Уорнером.

Генри Джеймс (1843—1916) — одна из выдающихся фигур американской литературы второй половины XIX в., художник, ставший международно признанным. Интеллектуал, влюбленный в искусство, аристократ духа, Джеймс ощущал свою «несовместимость» с миром вульгарной буржуазной практики, которая окружала его в США. Это во многом объясняет его добровольную экспатриацию: бо́льшую часть жизни он провел вне родины — в Европе (с 1875 г. поселился в Англии, где в 1915 г. принял британское подданство). Эстетическая критика буржуазных нравов занимала существенное место в его творчестве. Пребывание в Европе позволило ему как художнику слова обогатиться благодаря дружбе и переписке с выдающимися современными ему художниками: Флобером, Тургеневым, Мопассаном и др. В то же время многолетняя оторванность от родной почвы, общение исключительно с миром художественной интеллигенции не могли не сказаться на его творчестве, отличающемся известной узостью тематики, сосредоточенностью на проблемах искусства.

Наследие Джеймса — романиста, новеллиста и критика — весьма обширно. В романах («Родрик Хадсон», 1876; «Европейцы», 1878; «Площадь Вашингтона», 1880; «Женский портрет», 1881; «Бостонцы», 1886 и др.), в повести «Дейзи Миллер» (1878), имевшей большой успех, Джеймс по преимуществу осваивает две главные темы: взаимоотношения американцев и европейцев; столкновение наивного, неискушенного сознания с миром алчности и денежных интересов. Иногда эти две темы взаимосвязаны. Герои Джеймса — по большей части выходцы из состоятельной среды, художники, литераторы. В последний период творчества, в 1900-е годы Г. Джеймс эстетически интерпретирует главным образом проблемы, затрагивающие творческую деятельность, жизнь художников, писателей (например, в повести «Письма Асперна», 1888); нередко прибегает к сложным стилевым приемам (романы «Поворот винта», 1898; «Послы», 1903; «Крылья голубки», 1902, и др.). Не остается Джеймс глухим к социальным противоречиям своей эпохи: в романе «Принцесса Казамассима» (1886), например, изображен Лондон, город острых социальных контрастов. Однако революционеры представлены Джеймсом тенденциозно, во многом предвзято, как люди, склонные к террористическим методам.

В историю литературы Г. Джеймс вошел как мастер психологического анализа, тонко улавливавший нюансы в поведении и настроениях своих героев, как изощренный стилист, уделявший пристальное внимание вопросам художественной формы, повествовательной манере, стремившийся к теоретическому осмыслению самого творческого процесса, вопросов писательского мастерства.

Опираясь на опыт русских и французских писателей-реалистов, Г. Джеймс полемизировал с принципами «традиции утонченности», с попытками лакировки действительности, отстаивал правду в искусстве, а главное — первым среди американских критиков занялся проблемами романной формы (статья «Искусство романа»).

Значительную роль в литературном процессе конца века играл и Уильям Дин Хоуэллс (1837—1920), романист, очеркист, журналист и влиятельный литературный критик, путь которого характеризуется отходом от «бостонских» канонов. Как и Джеймс, Хоуэллс был связан с европейской культурой, в молодости занимал пост консула в Венеции, на его ранних произведениях (книга очерков «Жизнь в Венеции», 1866;

романы «Их свадебное путешествие», 1872; «Случайная встреча», 1873; и др.) заметно влияние «традиции благопристойности», а объект изображения — малозначительные семейные и любовные коллизии в среде американской аристократии, путешествующей за океаном. В это время он еще полагал, что «улыбчатые стороны жизни» являются «наиболее американскими». В дальнейшем тематика Хоуэллса расширяется и углубляется: он критикует с этических позиций буржуазный успех (роман «Современная история», 1882), показывает горестную судьбу «честного», «старомодного» предпринимателя, столкнувшегося с бесстыдными дельцами новой формации (в романе «Карьера Сайласа Лафэма», 1885).

УИЛЬЯМ ДИН ХОУЭЛЛС

В середине 80-х годов, прежде всего под воздействием хеймаркетской трагедии, потрясшей Хоуэллса, воззрения писателя заметно радикализируются, в его творчестве происходят очевидные перемены. В связи с казнью лидеров трудящихся в Чикаго, жертв буржуазного лжеправосудия, писатель отправил письмо протеста в газету «Нью-Йорк дейли трибюн», что было актом немалого гражданского мужества в обстановке кампании травли, развернутой против «красных» и «анархистов». Это выступление Хоуэллса по праву сравнивается со знаменитым письмом Золя в защиту Дрейфуса «Я обвиняю». «Историческая действительность такова,— приходил к выводу Хоуэллс,— что свободная республика убила пять человек за их убеждения» [3]. Горькое сознание того, что американская демократия перерождается в плутократию, наложила отпечаток на последующее творчество писателя. В 80-е годы Хоуэллс-критик начинает формулировать свои реалистические эстетические принципы, заостренные как против «традиции утонченности», так и против эпигонов романтизма. Он пропагандирует достижения передовых писателей Европы, в частности Золя, Ибсена и особенно Льва Толстого, который с середины 80-х годов стремительно завоевывает сердца американских читателей.

Хоуэллс испытывал в эти годы разнородные идейные влияния таких художников и мыслителей, как Э. Беллами, Л. Гронлунд, У. Моррис и Л. Н. Толстой; определяющим же для него был принцип экономического равенства всех людей и признание недостаточности формальной буржуазной демократии в политической сфере. Хоуэллс был первым американским писателем, открыто называвшим себя социалистом; правда, его социализм носил христианско-реформистскую окраску. В серии «нью-йоркских», или «экономических», романов («Энни Килберн», 1889; «Преврат-

---

[3] Цит. по: College English. 1958. Apr., p. 203.

ности погони за богатством», 1890; «В мире случайностей», 1893) писатель выходит за пределы узкосемейной тематики, в поле его зрения оказывается коренной для США контраст богатства и нищеты. Роман «Превратности погони за богатством» (1890) — широкая социальная панорама; в нем показаны в конфликте и противоборстве старая американская аристократия и воротилы «большого бизнеса», представители литературно-художественной интеллигенции, богачи и бедняки Ист-Сайда.

Во многом под влиянием Морриса и Беллами Хоуэллс создает социально-утопическую дилогию «Путешественник из Альтрурии» (1894) и «Через игольное ушко» (1907), в которой острая критика расколотых социальным имущественным неравенством современных США, их идеологической надстройки, господствующих нравственно-этических понятий оттеняется с помощью изображения идеальной страны Альтрурии. В Альтрурии реализованы принципы социальной справедливости, труд носит всеобщий характер, исчезла паразитическая прослойка населения, а жестокая конкурентная борьба уступает место альтруизму, взаимопомощи, братству людей.

Хотя в позднем творчестве Хоуэллса заметен некоторый спад социально-критических мотивов (роман «Сын Ройала Лэнгбрита», 1904; книга очерков «Чудесные английские города», 1906; и др.), в своей публицистике он стоит на антибуржуазных позициях. В начале 90-х годов Хоуэллс участвует в антитрестовском движении, позднее вместе с Марком Твеном входит в Антиимпериалистическую лигу, осуждает политику «большой дубинки» на Кубе, в Мексике. Тема его рассказа «Эдита» (1902), связанного с событиями испано-американской войны 1898 г.,— пагубность милитаристского дурмана.

Правда, радикальные общественные воззрения Хоуэллса заметно «опережали» его художественный метод. Писатель испытывал на себе «табу» «респектабельного» общества, его мягкой, спокойной манере не хватало резких, решительных красок; писателю кабинетного типа, ему недоставало жизненного опыта, прежде всего знания быта низов. Хоуэллс олицетворял определенный ранний этап в развитии реализма в литературе США. Он ободряюще напутствовал первые шаги нового поколения писателей: Т. Драйзера, С. Крейна, Х. Гарленда, Р. Херрика, Ф. Норриса, которые пошли дальше Хоуэллса. То зло, о котором спорили, теоретизировали герои Хоуэллса в гостиных и кабинетах на страницах его романов, предстало в творчестве этих художников в виде наглядных конкретных картин нищеты, бедности, человеческой деградации.

В обстановке резкого углубления социальных противоречий в США в 80-х годах Э. Беллами (1850—1898) опубликовал свой знаменитый роман «Взгляд назад» (1888). Его выход явился событием не только литературного, но и общественного значения. В романе, используя мотив летаргического сна, Беллами переносил главного героя Джулиана Уэста из Бостона 1887 г. в 2000 г., в обстановку «новой цивилизации человеческого братства». Обличая пороки и противоречия капитализма, порождающего обнищание масс, кризисы, безработицу, унижение трудящегося человека и безжалостную конкуренцию, Беллами рисовал с присущей ему обстоятельностью образ Нового Мира. В нем воплощалось в жизнь экономическое равенство, все орудия и средства производства переходили в руки государства, техника достигала сказочно высокого уровня, соперничество конкурентов сменяли отношения взаимопомощи.

Правда, эклектически соединив некоторые положения марксизма с теориями современных ему либеральных реформаторов, Э. Беллами при многих прозрениях упрощенно представлял будущее как некое царство мещанского комфорта, автоматически разрешившее все жизненные противоречия. Однако доходчивость манеры Беллами, убедительность и конкретность предложенного им плана весьма импонировали читателям. В США возникло политическое движение «национализаторов», целью которого была реализация планов Беллами по передаче всех средств производства в руки государства; возникли также клубы Беллами.

Роман вызвал оживленную литературную и общественную полемику[4]: в конце 80-х — начале 90-х годов увидело свет несколько десятков утопических романов. Часть из них развивала идеи Беллами (С. Х. Стоун, С. Шиндлер, «альтрурийская» дилогия У. Д. Хоуэллса), в то время как некоторые литераторы консервативного направления (А. Додд, К. Вильбранд, Р. Михаэлис и др.) занялись продуцированием антисоциалистических пасквилей. Полемическим откликом на роман Беллами с его идеей мирного перехода к социалистическому обществу стал роман-предостережение И. Доннелли «Колонна Цезаря» (1890), изображавший народное восстание против тирании олигархии как «кровавый и ужасный урок». Своеобразная полемика с уравниловкой и фетишизацией техники в романе Беллами содержалась в романе английского социалиста У. Морриса «Вести ниоткуда» (1891).

Отзываясь на развернувшуюся полемику, Беллами выпустил беллетризованный трактат «Равенство» (1897), сюжетно связанный с романом, но художественно бледный. Сенсационный успех романа «Взгляд назад»[5], воспринятого многими читателями едва ли не как прямое руководство к действию не только в США, но и во многих других странах, объясняется интернационалистским характером тех социалистических идеалов, которые в нем при всех противоречиях нашли выражение. Клара Цеткин, переведшая роман на немецкий язык, считала его крайне полезным для трудящихся масс[6]. В Нидерландах создали специальную Ассоциацию Беллами. Книгу с жадностью читали в России. По мнению У. З. Фостера, вместе с книгой социалиста Л. Гронлунда «Кооперативная республика» роман Беллами «способствовал популяризации социалистических и полусоциалистических идей среди американских масс»[7]. Ф. Фонер назвал роман «первым учебником социализма» в США[8].

---

[4] *Гиленсон Б. А.* Роман Э. Беллами «Взгляд назад» и его роль в литературной и общественной борьбе в США.— В кн.: Американский ежегодник, 1972. М., 1972, с. 41—62.

[5] Когда в 1935 г. Колумбийский университет обратился к философу Дж. Дьюи, историку Ч. Бирду и редактору журнала «Атлантик» Э. Уиксу с предложением составить список из 25 книг, оказавших наибольшее влияние на умонастроения и дела людей во всем мире за истекшие полвека, то все трое поставили на первое место «Капитал» Маркса, а на второе — роман Беллами «Взгляд назад». О международном резонансе этой книги см. антологию: *Bowman S. E.* Edward Bellamy Abroad. N. Y., 1962.

[6] Интересные данные о восприятии романа в Германии см. в кн.: *Riederer F.* Edward Bellamy's Utopischer Sozialismus und sein Einfluss auf der Sozialistische Denken in Deutschland. München, 1961.

[7] *Foster W. Z.* The History of the Communist Party of the United States. N. Y., 1952, p. 75.

[8] *Фонер Ф. С.* История рабочего движения в США...: В 5-ти т. М., 1949—1983, т. 2, с. 52.

Марк Твен (литературный псевдоним Сэмюэла Клеменса, 1835—1910) был не только центральной фигурой литературного процесса второй половины XIX столетия, но и, подобно Уитмену, ярким олицетворением культуры США, ее национальных особенностей. Хоуэллс, друживший с Твеном, назвал его «Линкольном американской литературы». Творчество Твена отразило важнейшие черты духовной жизни целой эпохи, более того, пути американской истории. Б. Шоу заметил как-то, что по произведениям Твена можно будет изучать историю США XIX столетия так же, как по произведениям Вольтера историю Франции XVIII в. Сама эволюция Твена от жизнерадостного юмора в раннюю пору к глубокому скепсису и горечи на склоне лет по-своему отразила драматические сдвиги и перемены в жизни страны.

Марк Твен пришел в литературу из самой гущи народной жизни: прежде чем заняться серьезным творчеством, перепробовал немало профессий, был учеником типографа, лоцманом на Миссисипи, старателем в Неваде, газетчиком провинциальной прессы. Дебютировав новеллой «Знаменитая прыгающая лягушка из Калавераса» (1865), он заявил о себе как писатель, несущий свежее, национально-самобытное начало, грубоватый юмор Запада, впитавший элементы фольклора «границы», простонародную демократическую стихию, что было своеобразным вызовом стерильности, анемичности новоанглийской словесности. Эти особенности Твена отчетливо сказались на фоне его тяготевших к европейским образцам современников, таких, как Хоуэллс и Джеймс. Ранние новеллы Твена («Разговор с интервьюером», «Журналистика в Теннесси», «Как меня выбирали в губернаторы» и др.), а также книги («Простаки за границей», 1867; «Налегке», 1872) отражают светлое мироощущение молодого писателя, пронизаны жизнерадостной веселостью, искрометным юмором, отмечены неуемной фантазией. Наряду с критическими мотивами они еще исполнены оптимистической веры Твена в американские возможности, в превосходство молодой демократии Нового Света над «старушкой» Европой. Постепенно, однако, кристаллизуются его критические воззрения на американскую действительность (роман «Позолоченный век», 1873).

Обратившись в «Приключениях Тома Сойера» (1876), первой части автобиографической трилогии, к дорогой ему поре жизни в Ганнибале, Твен создал своеобразный поэтический эпос юности. Красота великой реки, романтика лоцманского труда запечатлены во второй части трилогии «Жизнь на Миссисипи» (1882). Но подлинный шедевр Твена — роман «Приключения Гекльберри Финна» (1884), образец зрелого реализма и критицизма писателя по адресу буржуазной цивилизации. В этом произведении ярко выписаны образы Гека и негра Джима, их приключения показаны на богатом социальном фоне США. Роман, исполненный гуманистического пафоса, органично соединил объективное повествование с гротеском, символикой, метафоричностью и лиризмом, он словно бы аккумулировал в себе темы, мотивы, литературные приемы, характерные для последующего художественного развития в США. Э. Хемингуэй верно уловил значение романа, сказав о нем: «Вся современная американская литература вышла из одной книги Марка Твена, которая называется „Гекльбери Финн“» [9].

---

[9] *Хемингуэй Э.* Старый газетчик пишет. М., 1983, с. 67.

В середине 80-х годов общественно-политическая позиция Твена заметно радикализируется. В марте 1886 г. писатель произносит знаменитую речь: «Рыцари труда — новая династия» (была полностью обнародована лишь в 1957 г.). В ней Марк Твен осудил господствующую в США социальную несправедливость и высказал убеждение, что фальшивая знать уберется прочь, а законный владелец вступит во владение своим домом. В подымающемся рабочем классе он видел «нового короля», способного взять власть с помощью всеобщего избирательного права.

Питая особый интерес к истории, к эпохе средневековья, что показали повесть «Принц и нищий» (1882) и книга «Личные воспоминания о Жанне д'Арк» (1896), Марк Твен улавливал в далеком прошлом очевидные параллели с современностью. Об этом ярко свидетельствовал и роман «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» (1889), в котором сатира писателя метила не только в титулованную знать артуровских времен (VI в. н. э.), но и в новоявленных «королей нефти, индустрии, денежного мешка», в тех, кто олицетворял «новый феодализм». В этой «сказке артуровских времен» Твен солидаризировался с правом народа на восстание, выдвигая в качестве идеала широкую концепцию народовластия[10]. Однако при всей проницательности и остроумии социальной критики Марк Твен не выходил за рамки общедемократических воззрений, прошел мимо набиравшего силы в начале 1900-х годов социалистического движения.

На исходе века юмор Твена перерастает в жгучую обличающую сатиру: таков его знаменитый рассказ «Человек, который совратил Гедлисберг» (1899), этот убийственный вердикт буржуазному двуличию, социальное обобщение большой силы. Твен возвышает голос против агрессивной внешней политики США, сатира исполнена гнева, его знаменитые памфлеты бичуют империализм. Он клеймит расизм («Соединенные Линчующие Штаты», 1901), империалистическую агрессию и вероломство («В защиту генерала Фанстона», 1902; «Человеку, ходящему во тьме», 1901), колониальный грабеж («Монолог короля Леопольда», 1905), милитаризм («Военная молитва», 1905, впервые напечатано в 1923 г.), деспотизм российского самодержавия («Монолог царя», 1905).

В поздний период творчества, увенчанный славой «король смеха» Твен переживает внутреннюю драму, с горечью видя крушение былой веры в демократические идеалы, ощущая раскол с буржуазной Америкой. На страницах «Автобиографии», которую он пишет, по его словам, «из могилы», возникают сатирически окрашенные фигуры столпов американской государственности, сенаторов, магнатов промышленности (Т. Рузвельт, Дж. Хэй, Дж. Гульд, Э. Карнеги и др.). Будущее видится Твену безнадежно мрачным, господствующее зло — почти извечным, «вселенским» в своих масштабах (трактат «Что такое человек?», 1906; повесть «Таинственный незнакомец», впервые опубликована в 1916 г.). Твен горь-

[10] Роман воспринимался современниками как произведение политически актуальное. Одно из первых его изданий было снабжено иллюстрациями художника Чарлза Берда: он придал лицу одного из феодальных крепостников черты сходства с Дж. Гульдом, архимиллионером, известным своей жестокостью. Отрывки из романа Твена читались на рабочих митингах. Подробно о том, сколь злободневно воспринимался роман, см.: *Smith H. N.* Twain's Fable of Progress. New Brunswick (N. J.), 1964.

ко корит себя за то, что не всегда находил мужество высказать «всю правду» о своей стране, которую любил [11].

Среди современников Твена, писателей-реалистов, выделялся и Ф. Брет Гарт (1836—1902), пришедший в литературу с немалым запасом жизненного опыта. Пребывание в Калифорнии (1854—1871), завороженной «золотой лихорадкой», где он с головой погрузился в быт старателей и горняков, оказалось для него самой счастливой и плодотворной порой. Рассказы «Счастье Ревущего Стана», «Изгнанники Покер-Флета», «Мигглс», «Компаньон Теннесси» и другие принесли писателю мировую известность. В них Брет Гарт воспевает романтику борьбы с природой, трудностями, дух приключений, художественно запечатлевает целый уклад жизни. Это Калифорния — земля, залитая южным солнцем, с поселками старателей, колоритный мир людей Дальнего Запада (горняки, трактирщики, уличные женщины), зачастую не нашедших места в «цивилизованном» обществе, отверженных, неспособных на благородные, мужественные поступки.

В ряде новелл Брет Гарта показана разлагающая власть золота («Человек из Солано»; «Миллионер из Скороспелки»), осуждается расизм («Ван Ли — язычник», «Трое бродяг из Тринидада»), с симпатией изображена нравственная красота простых людей («Граница прилива»). Его критические воззрения на американскую действительность, неприятие спекулятивной горячки отчетливо проявляются в романе «Габриэль Конрой» (1876), повести «История одного рудника» (1878).

Выступал Брет Гарт и как поэт, автор баллад из жизни старателей. В остроумных пародиях на современных ему писателей, европейских и американских, Диккенса, Булвер-Литтона, Дюма-отца, Гюго, Купера и других (книга «Романы в самом кратком изложении», 1867) он заявил о себе как сторонник реализма.

Брет Гарт не сумел, однако, закрепить свой литературный успех. Разлад с родиной привел к тому, что с 1878 г. Брет Гарт, переживший глубокую душевную драму, обосновывается в Европе; произведения последних лет, весьма многочисленные, уступают ранним, хотя в них Брет Гарт продолжает осваивать калифорнийскую тему («Восточные и западные стихи», 1871; «Двое из Сэнди бара», 1876; «Сузи», 1893). В это время Брет Гарт заинтересовался также, без особого успеха, историей. В повести «Тэнкфул Блоссом» (1877) действие происходит в 1779 г., в эпоху борьбы за независимость, создан заметно идеализированный образ Вашингтона; в романе «Кларенс» (1895), произведении неровном, не лишенном мелодраматизма, Брет Гарт пишет о событиях гражданской войны 1861—1865 гг., создает ряд удачных батальных сцен.

---

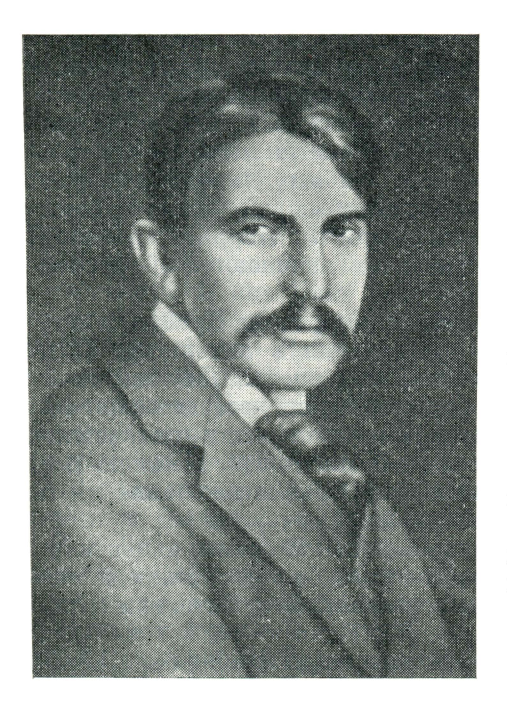
[11] После смерти великого писателя на протяжении почти полувека — это случай едва ли не уникальный в истории мировой литературы — продолжались публикации из архива не увидевших свет произведений, как правило, исполненных критического пафоса. Среди них некоторые памфлеты, «Записные книжки» (1936), ряд глав из «Автобиографии», содержащих резкие характеристики его маститых современников, сатирический рассказ «Письмо ангела-хранителя» (1946), антиклерикальная сатирическая книга «Письма с земли» (1962) и др. Усилиями советских (М. О. Мендельсон, А. И. Старцев, М. Н. Боброва, А. С. Ромм и др.) и прогрессивных американских твеноведов (Ф. Фонер, М. Гайсмар) опровергнута долго бытовавшая легенда о Твене как беззлобном юмористе, мастере анекдота, показана значимость его социальной сатиры, освещена общественная позиция.

Последнее десятилетие XIX в. в истории США характеризуется дальнейшим обострением социальных конфликтов, что нашло отзвук в искусстве слова, в котором все решительней укрепляются позиции реализма, принципы жизненной правды. Социальная проблематика начинает играть все более значительную роль. На исходе XIX столетия выдвигается группа писателей «новой волны», в творчестве которых четко проявилось стремление к художественному познанию глубинных процессов, происходящих в американской действительности. Это Ф. Норрис, С. Крейн, Х. Гарленд, Х. Фредерик, Г. Фуллер. Тогда же начинают свой путь молодые Т. Драйзер и Дж. Лондон.

Критики обычно относят их, прежде всего Норриса и Крейна, к натуралистам. Проблема натурализма как направления в литературе США на рубеже веков сложна, до сих пор вызывает споры. Действительно, с конца 80-х годов творчество Э. Золя и его теоретико-эстетические воззрения, в частности изложенные в книге «Экспериментальный роман», привлекают пристальный интерес американских писателей. В книгах Норриса, Крейна, ряда других художников слова отражаются такие черты натуралистической доктрины, как прямолинейный детерминизм, т. е. рассмотрение характера в качестве продукта социальной среды, акцентировка внимания на физиологических, биологических чертах личности, беспристрастность, объективизм, культ факта, пессимизм и фатализм в подходе к историческому процессу.

Однако в США не сложилось цельной школы натурализма, каждый из названных писателей шел своей дорогой. Даже Норрис и Крейн не были натуралистами «в чистом виде»; в их лучших произведениях, так же как и у ценимого ими Золя (в отличие от «стопроцентного» натуралиста, скажем, Гюисманса), ведущей оставалась реалистическая тенденция, осложненная натуралистическими веяниями и элементами. Своеобразие натурализма в США заключалось в том, что он развивался в конфронтации с мифом об американской «исключительности», в споре с «традицией утонченности», с буржуазно-апологетической литературой, со столь влиятельной пуритански-ханжеской идеологией, враждебной правдивому, нелицеприятному изображению действительности. Американским писателям-«натуралистам» были чужды бесстрастное наблюдение жизни, равнодушие к добру и злу: Норрис и Гарленд сочувствовали популистскому движению; Крейн был участником Антиимпериалистической лиги; Дж. Лондон — активным членом социалистической партии. Они художественно, не без помощи социологии, нелицеприятно исследовали жизнь, в том числе ее мрачные стороны и контрасты, а не спешили «подогнать» ее под априорную натуралистическую схему.

Художником большого дарования, которое не успело раскрыться, был Стивен Крейн (1871—1900), начинавший, подобно многим его собратьям по перу, как журналист, репортер-газетчик: он побывал на Кубе во время восстаний 1895 и 1896 гг., был очевидцем греко-турецкой (1897) и испано-американской (1898) войн. Близкий в молодые годы к кругам нью-йоркской богемы, он всю жизнь стремился к приключениям, познанию неизведанного. В его творчестве прочерчиваются три главные темы: жизнь трущоб, трагедия войны и обездоленность детей. Сюжетом повести «Мэгги — девушка с улицы» (1893) стала горестная судьба работницы, живущей в трущобах Бауэри, соблазненной, вынужденной пойти на панель и кончающей жизнь самоубийством. Нагнетая мрачные, натурали-



СТИВЕН КРЕЙН

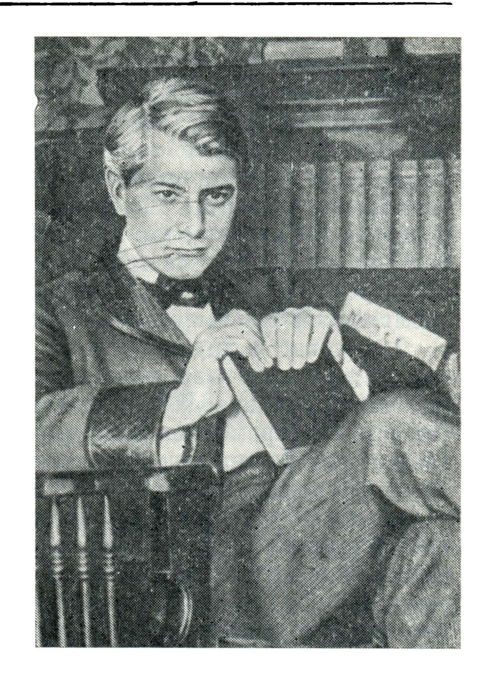
стические подробности, Крейн рисовал нью-йоркское «дно», что шокировало буржуазных издателей, отклонивших произведение писателя, который подвергся нападкам и был обвинен в «безнравственном натурализме».

В дегероизации войны — пафос его романа «Алый знак доблести» (1895). Главное в нем — изображение психологического состояния юноши Генри Флеминга, солдата, осознающего себя винтиком безличной армейской машины. В романе сказались пацифистские тенденции, равно как и натуралистическая интерпретация войны, предстающей в виде бессмысленной, разрушительной стихии. Крейн внес существенный вклад в жанрово-тематическое обогащение американской новеллистики, обратившись к широкому кругу проблем; он пишет о детях («Его новые варежки», «Стыд», «Смерть и чудовище»), о трагизме провинциального существования («Чудовище», «Голубой отель»), о быте городских трущоб («На тему о нищете», «Мать Джорджа»), о войне («Военный эпизод»). Крейн предвосхитил некоторые мотивы, настроения и темы в американской литературе XX в., в частности у Драйзера, Хемингуэя. Его оригинальный стиль, соединивший лаконизм и точность повествования, драматизм, первые опыты внутреннего монолога, импрессионистически окрашенные детали, предварили важные художественные искания писателей XX столетия.

Как и Крейн, Фрэнк Норрис (1870—1902), проживший недолгую и бурную жизнь, пришел в литературу в начале 90-х годов, много сил отдавал журнально-газетной работе, побывал в разных концах страны, а также в Южной Африке, где наблюдал первые выступления буров, и на Кубе во время испано-американской войны. С первых шагов он заявил о себе как последователь Золя, в его художественной программе, реалистической в своей основе, заостренной против украшательской, анемичной, худосочной буржуазной литературы, имелись натуралистические тенденции (биологизм, несколько прямолинейный детерминизм). В сборнике «Ответственность романиста» (1903), вошедшем в историю литературно-критической мысли в США, Норрис выступает как противник, по его словам, «формализма и старых кумиров», как поборник социально активного искусства, которое должно быть обращено к народу, «единственному искателю Истины». Его воодушевляет мечта о создании «Великого американского романа», способного выразить коренные качества американской жизни. Крайне важным для Норриса, так же как и для Хоуэллса, Крейна, Драйзера, Гарленда, был пример и опыт Толстого.

В своих ранних произведениях Норрис отдает дань романтизму, в даль-

нейшем по-своему реализует эстетические принципы Золя. Особенно показателен в этом плане роман «Мак Тиг» (1899), в котором он стремится запечатлеть «кусок жизни». История сан-францисского дантиста Мак Тига, его жены Трины и их окружения служит иллюстрацией того, как алчность, зависть и жестокость имеют своим результатом разрушение личности. Самым же значительным произведением Норриса стала его эпическая трилогия «О пшенице», состоящая из двух романов: «Спрут. Калифорнийская история» (1901), «Омут. Чикагская история» (1902). Последний роман «Волк» он задумал, но не успел написать.



ФРЭНК НОРРИС

«Спрут» — выдающееся, эпическое по размаху произведение американской реалистической литературы отразило, в частности, интерес Норриса к популистскому движению и знакомство с его лидерами. В основу романа Норрис положил реальный исторический эпизод открытой классовой борьбы, «великой трагедии», вооруженное столкновение в округе Мусоельслаф в 1880 г. В основе произведения — противоборство железнодорожной монополии и живущих в калифорнийской долине Сан-Хоакин фермеров, которые логикой событий принуждены с оружием в руках отстаивать право на землю и труд. Их движение представлено во многом как стихийный, слабо осознанный протест.

В этом эпическом полотне поистине сверкает богатая палитра художественных красок. Норрис тяготеет к символике, к многозначной метафоре. Спрут — символ страшной, распространившей свои щупальца монополии, которой противостоит «сквозной» образ живого моря пшеницы, олицетворяющей вечную природу. В «Омуте», романе художественно менее удачном, интересным оказался образ «громады торговой биржи», во главе которой стоит монополист Джеджвин, в итоге сокрушенный своими конкурентами.

Почти одновременно с Крейном и Норрисом начал путь и Хамлин Гарленд (1860—1940). Сын бедного фермера, он остался в литературе как значительный мастер, хорошо изображавший знакомый с детства сельский быт. Широкую известность приобрел его первый и, пожалуй, лучший сборник рассказов «Главные проезжие дороги» (1891), в котором он первым среди американских писателей правдиво, сурово и без прикрас запечатлел жизнь, заботы, труд людей, связанных с землей. Эпиграф к книге удачно передавал ее дух и атмосферу: «Главная проезжая дорога долга и однообразна, вдоль нее встречаются то глухой городок, то дом фермера-труженика. Как по столбовой дороге жизни, проходят по ней люди, представляющие разные классы общества; но всего

более бедняков и тех, кто измучен жизнью». Далее последовал сборник «Люди прерий» (1893).

Излюбленным объектом изображения в этих книгах Гарленда стали фермерский уклад и характерный пейзаж Среднего Запада, воспроизведенные им в духе школы «местного колорита». В его новеллах звучит социальная тема: он рисует горькую судьбу ветерана гражданской войны (рассказ «Возвращение солдата»); создает исполненный внутреннего достоинства образ бедняка-труженика (рассказ «Под лапой льва»).

В романе «Джесон Эдвардс» (1892) Гарленд отстаивал в сущности утопический план возврата к патриархальному укладу, защищал идеи Г. Джорджа; в другом романе, «Член третьей палаты» (1892), показывал наступление нарождающихся монополий на фермеров. Среди произведений Гарленда 90-х годов также интересен роман «Доходное место. Повесть о современном Западе» (1892), события в котором развертываются на фоне широкого общественного движения 70—90-х годов. В нем автор выступает как сторонник популизма.

Эстетические взгляды Гарленда изложены в книге статей «Разрушающиеся идолы» (1894), прочно вошедшей в историю литературно-критической мысли в США. В ней Гарленд отстаивает реализм, осуждая лжеромантику и различные формы украшательства, и формулирует свою теорию так называемого «веритизма», т. е. верности искусства правде жизни, под которой разумеет поэтизацию будничного, обыденного. «Для „веритиста“,— подчеркивал Гарленд,— только современность является жизненной темой» [12]. Утверждая, что «прошлое — мертво», что каждое новое поколение сокрушает вчерашние художественные «идолы», Гарленд, однако, недооценивал роль традиции.

Девяностые годы остались как самая плодотворная пора в творчестве и жизни Гарленда, который осваивал и опыт русских писателей, прежде всего Тургенева и Толстого. В дальнейшем же он «интегрируется» в буржуазный «истэблишмент», социально-критический пафос в его творчестве иссякает. В последние десятилетия уже без особого успеха он возвращается к испытанной фермерской теме в автобиографической трилогии: «Сын Среднего Запада» (1917); «Дочь Среднего Запада» (1922); «Возвращение со Среднего Запада» (1928).

В последнее десятилетие XIX в. выступил интересный художник-реалист Генри Фуллер (1857—1929), творчество которого недооценивается буржуазной критикой. Фуллер был одним из первых представителей так называемой «чикагской школы» писателей (к ней относят также Гарленда, Херрика, Сэндберга, Драйзера, Андерсона, Делла). Они изображали жизнь обитателей и разительные социальные контрасты Чикаго, стремительно растущего индустриального гиганта, и шире — всего Среднего Запада. В остросюжетном романе «Обитатели скал» (1893) критически освещен мир капиталистических хищников, одержимых алчностью и тщеславием, прежде всего фигура главного героя транспортного магната банкира Брейнарда. Дэвид Маршалл, герой другого, самого значительного романа Фуллера «За процессией» (1895),— богатый чикагский купец, человек старой формации, дети которого, сын и двое дочерей, ослепленные блеском светской жизни, стремятся во всем подражать роскоши и экстравагантным замашкам чикагской плутократии и нуворишей.

---

[12] American Literary Criticism. Moscow, 1981, p. 133.

Критическая позиция Фуллера сказалась в годы испано-американской войны, когда в памфлете «Новый флаг» он осудил монополии, наживающиеся на войне. В начале 1900-х годов Фуллер в серии новелл и повестей обращается к проблеме положения искусства в обществе, где господствуют плоские торгашеские интересы (повести «Падение Эбнера Джонса», «Доктор Гауди и тыква», «Маленький О'Грейди против треста»). В дальнейшем, однако, Фуллер, которому инкриминировали сочинение «пасквилей на действительность», замолкает. Драйзер, высоко его ценивший, видел в нем одного из пионеров реализма, «затравленного оравой» «романтически настроенных, взбесившихся недоносков-критиков пуритан» [13].

Как журналист, редактор и репортер начинал свой путь еще один видный писатель 90-х годов, Харолд Фредерик (1856—1898). Он — автор значительного социально-психологического романа «Проклятие Зерона Уэйра» (1896), герой которого — священник, разуверившийся в религии и церкви, переживающий глубокий духовный кризис. Перу Фредерика, в методе которого сказываются натуралистические черты, принадлежат также произведения на исторические темы: роман «В долине» (1890) из эпохи войны за независимость и сборник «Марсена и другие рассказы» (1894) о войне Севера и Юга.

Испано-американская война, нашедшая, как уже отмечалось, энергичный отзвук в литературе, открывает также и новый этап художественного развития. Он обнимает примерно два десятилетия и завершается с окончанием первой мировой войны. Центральной фигурой этой эпохи был, бесспорно, Т. Драйзер (1871—1945): он принадлежал к поколению Норриса, Крейна, Гарленда, формировался как литератор в 90-е годы, но именно его роман «Сестра Керри» (1900) имел принципиально важное значение для истории американской литературы, открыл XX в. Его автор сыграл пионерскую роль в утверждении реализма в США, своей бескомпромиссной приверженностью искусству жизненной правды он пробивал дорогу Андерсону, С. Льюису, Хемингуэю, Фолкнеру, Р. П. Уоррену и другим выдающимся мастерам, которые пришли после него и воздали ему дань уважения.

Огромный запас жизненных наблюдений Драйзер получил в годы (1890—1900), отданные сотрудничеству в газетах и журналах («Чикаго глоуб», «Нью-Йорк уорлд», «Эвримен» и др.), которые предшествовали появлению его первого романа. Статьи и очерки Драйзера, профессионального журналиста, написанные в 90-е годы, свидетельствуют о том, что уже с первых шагов он с большой проницательностью представлял социальные противоречия американского общества и вместе с тем стремился проникнуть в глубинные закономерности человеческого бытия, в природу взаимоотношений индивида и социальной среды. В это же время формируются и эстетические взгляды Драйзера, кумирами которого были Бальзак, Толстой, а также Золя. Он стремился запечатлеть жизнь как великую и завораживающую тайну, во всем ее «трагизме, ужасе и красоте», прокламировал свое понимание миссии художника слова — говорить суровую правду, не идя на компромиссы с господствующими условностями.

---

[13] *Драйзер Т.* Собр. соч.: В 12-ти т. М., 1951—1954, т. 11, с. 552.

Роман «Сестра Керри» (1900) показывал, какой моральной ценой приходится оплачивать пресловутый американский успех. Логикой художественных образов, без ложного мелодраматизма и сенсационности он убеждал, что за внешне добропорядочным фасадом американского общества прочно укоренились как нечто совершенно естественное аморальность и преступность. Керри Мибер, ставшая любовницей Друэ, предавшая мужа Герствуда, когда тот обеднел, сделавшая карьеру в театре, но так и не ставшая подлинным художником сцены, наконец, сам Герствуд, похитивший деньги из сейфа,— обо всем этом Драйзер повествует как о норме американского образа жизни. Подвергнувшийся после выхода романа нападкам критики, Драйзер вынужден был замолчать почти на 10 лет.

Тема «борьбы за существование», едва ли не главенствующая в раннем творчестве писателя, получает дальнейшее развитие в романе «Дженни Герхардт» (1911). В этом произведении, показывающем, как нищета и богатство «сосуществуют» в американском обществе, прослежена судьба главной героини Дженни, дочери рабочего, наделенной природным обаянием и редким душевным благородством. Писателю, умевшему проникнуть в женскую психологию, удалось создать яркий, незабываемый образ молодой американки.

Важной вехой в творчестве Драйзера становится работа над «Трилогией желания». В первых ее частях «Финансист» (1912) и «Титан» (1914) действие развертывается на фоне роста американского капитализма от гражданской войны до конца XIX в. Завоеванием писателя стало создание обретшей классические масштабы фигуры Фрэнка Каупервуда (прототипом послужил известный американский магнат, миллионер Чарлз Йеркс), энергичного, напористого, умело продирающегося в джунглях капиталистического бизнеса. Каупервуд действует сначала в Филадельфии, затем в Чикаго.

Образ главного героя обрисован Драйзером в двух планах: «деловом», и здесь писатель по-бальзаковски конкретно, досконально и со знанием дела воспроизводит механику его махинаций; и в «личном», когда одержимый жаждой успеха у женщин Каупервуд бросается в омут любовных приключений, покупает и меняет любовниц. В целом в его обрисовке, особенно в первых частях трилогии, заметна двойственность: с одной стороны, Драйзер показывает Каупервуда как хищника, с другой — невольно любуется им как сильной, «магнетической» личностью. В этом, да и в других ранних романах Драйзера еще давали себя знать объективизм, биологизм и приверженность к социальному дарвинизму. Развенчание Каупервуда произойдет несколько позднее, в заключительной части трилогии, в «Стоике» (издан в 1947 г.).

Наконец, в романе «Гений» (1915) писатель ставит столь заботившую его проблему искусства в долларовом мире. С тонким проникновением в психологию творческой натуры выписан в романе главный герой художник Юджин Витла, человек талантливый, но слабый, капитулирующий перед фетишем материального успеха. Выход этого произведения вызвал ярость со стороны церковников и ханжей-пуритан, защитников буржуазной «добродетели», добившихся в ряде штатов запрещения книги как «аморальной».

Уже в первых романах Драйзер проявил себя как художник объективной, детализированной манеры, обильно документирующий повество-

вание, несколько тяжеловесное, но подкупающе правдивое. Склонный к философствованию, он стремился уловить за судьбами своих героев проявление общих законов бытия. Правда, его философская позиция оставалась противоречивой: в ряде произведений, в пьесе «Рука гончара» (1913), в автобиографической книге «Каникулы уроженца Индианы» (1916) звучат мысли о фатальном трагизме человеческой жизни, о невозможности изменить мир. Однако в эти годы уже начинается та серьезная внутренняя идейная перестройка Драйзера, которая была ускорена под воздействием Октябрьской революции и общественного подъема в пору «красных 30-х»; она привела писателя на склоне лет к вступлению в ряды Коммунистической партии США.

Успехи социалистического движения в США в начале 1900-х годов оказали сильное и многообразное воздействие на литературный процесс, что нашло отзвук в творчестве Э. Синклера, Дж. Лондона, К. Сэндберга, Р. Борна, Э. Пула, Дж. Рида и многих других писателей [14]. Трудно назвать такого крупного американского художника на заре века, который бы так или иначе не отозвался на проблемы социализма [15].

В отличие от Беллами, Джеймса, Хоуэллса, литераторов кабинетного склада, в начале века в литературу приходит новое поколение писателей, прошедших суровые жизненные университеты. Среди них едва ли не самой колоритной фигурой был Дж. Лондон (1876—1916). С ранних лет он приобщился к труду, к борьбе за существование, переменил множество профессий, с жадностью занимался самообразованием. В середине 90-х годов начал штудировать труды Маркса, с 1895 по 1901 г. он — член Социалистической рабочей партии, с 1901 по 1916 г. — в рядах Социалистической партии Америки.

Джек Лондон пришел в литературу со своей темой, стилем, излюбленными характерами сильных, мужественных людей. В конце 90-х годов он публикует первые рассказы, овеянные романтикой подвига, борьбы с природой, посвященные Северу, в частности Аляске (впоследствии вошли в сборники «Сын Волка», «Бог его отцов», «Дети мороза», «Мужская верность» и др.), которые приносят ему славу («За тех, кто в пути», «Белое безмолвие», «Северная Одиссея», «Киш, сын Киша», «Закон жизни» и др.); рассказ «Любовь к жизни» (1906) повествует о схватке сражающегося из последних сил человека с волком. По свидетельству Н. К. Крупской, читавшей этот рассказ В. И. Ленину незадолго до его кончины, Ильичу он «понравился чрезвычайно» [16]. В лучших «северных» и «тихоокеанских» рассказах Лондона звучит осуждение волчьего индивидуализма, эгоизма, стяжательства, ради которых попираются светлые человеческие чувства («Человек со шрамом», «Тысяча дюжин», «Золотой каньон» и др.). Художник-реалист, в творчестве которого решительно выражено также и романтическое начало, Джек Лондон в ряде произведений отдает, однако, дань биологизму, спенсерианству,

---

[14] *Гиленсон Б. А.* Социалистическая традиция в литературе США. М., 1975.

[15] Драйзер, например, в начале 1910-х годов по совету друзей-социалистов стал готовить к печати сборник «Идиллии бедных», а социалистическая газета «Нью-Йорк колл» перепечатала его очерк «Люди во мраке», посвященный обитателям ночлежек. Однако подлинное сближение Драйзера с рабочей Америкой произойдет позднее, в 30-е годы.

[16] *Крупская Н. К.* Что нравилось Ильичу из художественной литературы.— В кн.: Ленин о литературе и искусстве. М., 1979, с. 625.

идеям Ницше (роман «Дочь снегов», 1902; рассказ «Сын волка»). Лондон также проявил себя как талантливый художник-анималист (повести «Белый клык», «Зов предков» и др.).

В начале века складываются эстетические воззрения Лондона, настаивавшего на том, что нелицеприятное следование жизненной правде, как бы она ни была горька и тяжела,— непременная забота честного художника, который должен развить свое оригинальное видение действительности (статья «О писательской философии жизни», 1899). Последнему не следует заниматься, по мысли Лондона, «фотографированием» реальности, но дать ее «сгусток», проникнуть во все ее поры; литературные произведения останутся холодными, невыразительными, если их не одухотворит подлинная «любовь к человеку» [17].

Расширяются социальные, географические горизонты Джека Лондона: он — военный корреспондент в годы англо-бурской (1901—1902) и русско-японской войн (1904—1905), собирает в Лондоне материал для книги под афористическим заголовком «Люди бездны» (1903) — насыщенного фактами репортажа о горькой участи беднейших обитателей и изгоев лондонского Ист-Сайда. Жизненный опыт подвел Лондона к пересмотру некоторых прежних воззрений, к развенчанию «сильного человека» ницшеанского толка, в частности героя романа «Морской волк» (1904) капитана Вулфа Ларсена.

В 1905—1907 гг. под влиянием российской революции общественная позиция Лондона радикализируется, он совершает лекционные турне по стране [18]. Его статьи и речи исполнены боевого пафоса. Собранные в сборниках «Борьба классов» (1905) и «Революция» (1910), они свидетельствуют о его враждебности к капиталистическому строю, приверженности революционным методам борьбы. Правда, в публицистике Лондона этих лет сказывалось неизжитое до конца спенсерианство, представления о социальном конфликте как о выражении все той же извечной борьбы за существование.

Его роман «Железная пята» (1907) — произведение сложной жанровой структуры, решительная демонстрация социалистических убеждений писателя. Роман предсказывал грозящие США революционные катаклизмы и одновременно явился взволнованным повествованием о современности. Главный герой Эрнест Эвергард, обрисованный широкими романтическими мазками,— важное звено на пути создания образа революционера в литературе США. Правда, панорама народного восстания, история гибели «чикагской коммуны» выписаны не во всем удачно: перед нами взрыв доведенных до отчаяния «людей бездны». Но Лондон оказался проницательным в главном, в предвидении реакционных, фашистских тенденций, порождаемых крупным капиталом в империалистическую эпоху, в художественной характеристике власти монополий в мнимо демократическом государстве.

В «Мартине Идене» (1909), художественно наиболее убедительном романе, пользующемся мировой известностью, Лондон обратился к волновавшей его теме — писатель и общество, к изображению творческой

---

[17] Писатели США о литературе: В 2-х т. М., 1982, т. 1, с. 282.

[18] Свежие детали, относящиеся к выступлениям Лондона в эту пору, содержатся в воспоминаниях ветерана коммунистической печати США Арта Шилдса «Годы формирования» (1982). См.: *Shields A.* My Shaping-up Years. The Early Life of Labor's Great Reporter. N. Y., 1982, p. 80—84.

личности, ее психологии и судьбы. Автобиографизм — очевидная особенность образа главного героя, бывшего рабочего и моряка, ставшего благодаря упорному труду и самообразованию знаменитым писателем. В то же время писатель не одобрял в Мартине Идене черты индивидуализма и ницшеанства. Своим романом он с большой художественной силой показал во многом типичную участь оторвавшегося от народа художника в долларовом мире.

Во время двухлетнего кругосветного путешествия на судне «Снарк» (1907—1909) Лондоном были созданы лучшие «морские» рассказы («Дом Мапуи», «Под палубным тентом», «Китовый зуб» и др.), составившие несколько сборников.

С конца 1900-х годов в творчестве Лондона нарастают кризисные явления. Он по-прежнему трудится с большой продуктивностью, однако все чаще подчиняя свой талант требованиям кассового успеха у буржуазных издателей. Ослабление реализма Лондона, уступка господствующим вкусам, тяготение к развлекательности и мелодраматизму сказываются в романах «Лунная долина» (1913), «Маленькая хозяйка большого дома» (1916), «Мятеж на Эльсиноре» (1914), «Сердца трех» (1920). Его представления о будущем порой окрашены в мрачные тона («Алая чума», 1915). Вместе с тем и в позднем творчестве писателя заметны и плодотворные поиски, его устремленность в завтрашний день человечества, интересное использование фантастических элементов, неприязнь к миру собственничества (например, в пьесе «Кража», 1910). Разочарование в оппортунистической политике социалистической партии вынуждает его в 1916 г. выйти из ее рядов. Осенью того же года Лондон умирает.

Важным фактором не только общественной, но и художественной жизни США в начале 1900-х годов стало движение макрейкеров («разгребателей грязи»). Макрейкеры (А. Тарбелл, Р. С. Бейкер, У. Хард, Ч. Э. Рассел и др.), близкие к доктрине натурализма, исходили из принципа фактографии и документализации, широко использовали «разоблачительную» технику, стремились к сенсационности, броскости материала. Они ощущали резкий контраст между идеалами Просвещения, заветами «отцов-основателей» и неприглядной американской действительностью, хотя и не выходили за рамки либерального реформизма. Их выступления в целом содействовали укреплению социально-критических тенденций в литературе, развитию «социологической» разновидности реализма.

Макрейкеры содействовали сближению беллетристики с журнализмом, «интеграции» социологии и публицистики в ткань художественного произведения. Влияние макрейкерства ощутимо в творчестве ряда писателей, в частности Дэвида Грэма Филлипса (1867—1911), автора известных в свое время «разгребательских» статей и очерков и двух десятков романов. В его художественных произведениях главенствуют две основные темы: разоблачение махинаций финансовых воротил и изображение «новой женщины», стремящейся к самоутверждению, поиску своего места в жизни. Самое значительное его произведение — роман «Сьюзен Ленокс: падение и возвышение» (1908, издан посмертно в 1917 г.) рисует одиссею молодой девушки, данную на фоне трущоб Цинциннати и коррумпированного нью-йоркского света. Пережив многие испытания и личные разочарования, она благодаря своему таланту становится известной актрисой.

Через «разгребательскую» фазу прошел и Линкольн Стеффенс (1866—1936), творчество которого составило значительную страницу в истории публицистики и журналистики США. Событием стала знаменитая книга Стеффенса «Позор городов» (1904), в которой поставлена волновавшая его проблема — связь политической машины, городских властей с преступным миром, их сотрудничество с «большим бизнесом», подчинение муниципалитетов интересам денежного мешка. Искажение принципов народовластия, перерождение демократии в плутократию — тема других его книг: «Борьба за самоуправление» (1906), «Строители» (1909).

Стеффенс одним из первых ввел в оборот термин «система», имея в виду, в частности, глубоко укоренившуюся продажность, ставшую в стране «постоянно действующей нормой». В статье «Борьба Фолка за Миссури» он писал: «Всякий раз, когда я стремился докопаться до источников политической коррупции городской верхушки, потоки грязи разливались в самых неожиданных направлениях и проникали в сплетения вен и артерий так глубоко, что не было такой части политического тела, которая оставалась бы незараженной» [19].

Терпят неудачу реформистские эксперименты Стеффенса, его попытка создать «образцовый» муниципалитет в Бостоне в 1908 г., вмешательство в процесс над рабочими лидерами братьями Макнамара (1911). Постепенно Стеффенс, разочаровывающийся в либерализме и реформизме, начинает задумываться над революцией как средством разрешения социальных проблем. Для того чтобы понять ее, он едет в охваченную крестьянским восстанием Мексику (1916), а затем дважды, весной 1917 и в феврале 1919 г., в Россию, которая открывает новый этап в его творчестве.

Близость к макрейкерам, особенно в ранних произведениях, сказывается и у Эптона Синклера (1878—1968). Вместе с тем по своим воззрениям он выходил за рамки «разгребательского» либерализма, демонстрируя стойкую приверженность к идеалам социализма, правда в реформистском варианте. Его долгий творческий путь, насыщенный непрестанным трудом, продолжался почти семь десятилетий. За это время из-под его пера вышли десятки произведений, переведенных почти на 60 языков мира. Писатель работал едва ли не во всех известных жанрах — как романист, публицист, драматург, критик, эссеист.

Б. Шоу довольно удачно определил его творческую индивидуальность, когда писал, что Синклер — «писатель-борец с социальным подходом», для которого перо — оружие, а «литературные приемы интересны не сами по себе, но лишь как средство донести до читателя свои идеи» [20]. Писатель с «просветительским» уклоном, он стремился не только показывать, но поучать, побуждать к действию, к реформам, содействовать перестройке общества на началах социальной справедливости.

Э. Синклер начинал как автор легковесных произведений, которые с присущей ему оперативностью «продуцировал» в пору юности. Правда, тогда же он написал и несколько серьезных романов: «Король Мидас» (1901), «Дневник Артура Стирлинга» (1903), «Манассас» (1904). Всемирная слава пришла к нему с появлением романа «Джунгли» (отдельное издание 1906 г.), сердцевиной которого стало знаменитое описание

---

[19] *Steffens L.* The Struggle for Self-Government. N. Y., 1906, p. 3.
[20] *Sinclair U.* My Lifetime in Letters. N. Y., 1961, p. 61.

чикагских боен, насыщенное впечатляющими, незабываемыми подробностями. Бойни сделались для писателя емкой, крылатой метафорой, концентрированным воплощением системы «промышленного рабства», приводящей к гибели членов семьи литовского иммигранта Юргиса. Он, как и некоторые другие синклеровские герои, открывает для себя выход, переживает «обращение» в социалистическую веру. Правда, психологически это недостаточно мотивировано. В «Джунглях», также отмеченных чертами социологизма и прямолинейности, сказалось умение Синклера представить в предельно обнаженном виде механизм, пружины капиталистической эксплуатации.

Синклер не был первым, кто написал о положении рабочих, их труде и протесте. Тема эта уже давно пробивалась в американской литературе [21]. Уже в 40-е годы появились первые, пока еще бледные произведения из жизни рабочих, например роман А. И. Каммингса «Фабричная девушка» (1847). Значительно удачней и убедительней оказалась повесть Ребекки Хардинг Дэвис (1831—1910) «Жизнь на литейных заводах» (1861), реалистически рисующая будни американских пролетариев. Позднее, особенно в 80-е годы, тема классового конфликта начинает с большой решительностью звучать в литературе. В социально-утопическом романе «Разрушение Вавилона» (1886), написанном в романтической, не лишенной мелодраматизма манере, Хоакин Миллер (1841—1913) показал Нью-Йорк как город кричащих социальных контрастов, поляризации роскоши и нищеты, который, буквально, сметается народным восстанием, неким подобием апокалипсиса. В другом романе, «Строительство прекрасного города» (1897), Х. Миллер предложил утопическую картину совершенного общества будущего.

Публиковались и иные произведения, освещавшие классовый конфликт в буржуазно-охранительном духе. Таков был, например, роман Дж. Хея «Кормильцы» (1883), в сущности сатира на профсоюзы, в котором добропорядочные, но наивные рабочие представали как жертвы хитроумных демагогов. В рассказе Октава Тане (1850—1934) «Жена коммуниста» (1887), опубликованном после хеймаркетской трагедии, впервые в американской литературе был выведен образ революционера, непреклонного противника существующего порядка.

Однако все эти произведения не имели такого общенационального резонанса, как книга Э. Синклера. Была создана специальная комиссия конгресса для выявления злоупотреблений на чикагских бойнях. Лондон в письме Синклеру назвал роман «„Хижиной дяди Тома“ наемных рабов капитала» [22].

«Джунгли» и другие произведения Э. Синклера, написанные в том же художественном «ключе», с наглядностью явили своеобразие «социологического романа». Его герои, как правило, «репрезентировали» определенные социальные силы, действие экономического механизма, что приводило к известному схематизму.

Наряду с «социологическим романом» в творчестве Синклера, которому отнюдь не была чужда сфера любви, брака, искусства, получил развитие другой тип романа, семейно-бытового: «Сэмюэл — искатель»

---

[21] Большой, но еще не изученный в полной мере материал по этой теме содержится в кн.: *Blake F. M.* The Strike in the American Novel. Metuchen (N. J.), 1972.

[22] *Sinclair U.* My Lifetime in Letters, p. 20—21.

(1910), «Испытания любви» (1911), «Сильвия» (1913), «Замужество Сильвии» (1914). Сильна в его творчестве и публицистическая стихия: при этом, особенно на первых порах, он выступает как реформатор, предлагающий наивные, в духе либерализма и христианского социализма проекты перестройки общества (например, в посвященном Г. Уэллсу трактате «Индустриальная республика», 1907).

Но всего действенней был Э. Синклер там, где вторгался в область социально-экономических отношений и выступал как обличитель, «разгребатель грязи». В романах «Столица» (1907) и «Менялы» (1908) объектом разоблачения сделались вызывающая роскошь, паразитизм и расточительство нью-йоркских верхов. Эту линию наиболее четко представил другой знаменитый роман Синклера, «Король Уголь» (1917), в основу которого положены реальные исторические факты, забастовка в Колорадо весной 1914 г. В романе пролетарии выступают уже не как жертвы, сломленные нуждой; они с достоинством отстаивают свои права. На фоне безрадостных горняцких буден, труда в шахтах, выписанного наглядно и зримо, развертывается любовная история Хала Уорнера, сына миллионера, и Мэри Барк, «красной Мэри», работницы-ирландки, которую критик Г. Брандес назвал «Валькирией рабочего класса» [23].

Вторжение в мир классового конфликта не обедняло, а, напротив, обогащало диапазон литературы, расширяло привычные «семейные» рамки романа, которые сложились в XIX в. Рабочий и его труд обрели права гражданства в качестве эстетической темы наряду с представителями средних слоев; наступила, по словам С. Льюиса, «эпоха простого человека». Эту тенденцию отразили своим творчеством также Драйзер, Лондон, Норрис, Херрик и др.

Правда, в эти годы давала себя знать аморфность идейной позиции Эптона Синклера, который никогда не был научно мыслящим марксистом; он, порой эклектически, «аккумулировал» теории Беллами, эволюционизм Спенсера, известный идеализм, веря в силу нравственного убеждения, проповеди. Природа внутренних противоречий Э. Синклера была точно определена В. И. Лениным, который назвал его «социалистом чувства, без теоретического образования» [24].

На гребне рабочего движения в начале века появляется немало романов, запечатлевших классовую борьбу пролетариата (Л. Скотт, Э. Бренхольц, Дж. Кук, С. Гласпелл и др.). Среди них как наиболее интересный выделяется роман «Гавань» (1915). Его автор Эрнест Пул (1880—1950) начал литературную деятельность публицистом, близким к «разгребателям грязи», ратовал в пользу социальных реформ, например запрещения детского труда, сотрудничал с Э. Синклером в подборе материала к роману «Джунгли». Будучи близким к социалистическому движению, он совершил в 1905 г. первую поездку в Россию, откуда присылал репортажи о революции. В романе «Гавань» поставлена характерная для «литературы протеста» проблема «перехода» главного героя журналиста Билла на позиции рабочего класса. Фоном в романе служили картины быстро растущего нью-йоркского порта, центральным событием стала забастовка докеров. В романе «Его семья» (1917) (удостоен Пулитцеровской премии) воссоздается история трех поколений — Роджера Гейла,

---

[23] *Sinclair U.* King Coal. N. Y., 1925, p. XI.
[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 270.

богатого вдовца, трех его дочерей, их детей — история, воспроизведенная на широком социальном фоне Нью-Йорка начала века.

Наряду с социологической разновидностью реализма в начале века продолжало развиваться и его психологическое направление, у истоков которого стоял Г. Джеймс. Это направление представляли такие писатели, как Э. Уортон, Э. Глазгоу, У. Кэсер. Мастера стиля, они ориентировались на Стендаля и Флобера, уделяли немалое внимание отделке формы, хотя их тематика и отличалась известной камерностью.

Последовательницей Г. Джеймса, не только использовавшей его технику, но и обогатившей ее новыми нюансами, была Эдит Уортон (1862—1937), живописавшая быт и нравы аристократического общества, к которому принадлежала по рождению. Известность принес ей роман «Дом радости» (1905), первая часть трилогии, история молодой, необеспеченной девушки Лили Барт, которая в стремлении к выгодному замужеству нарушает социальные условности высшего света и подвергается своеобразному остракизму. Во второй части трилогии, романе «Обычай страны» (1913), показано наступление вульгарных нуворишей на общество с патриархально-аристократическими устоями. Внутренним мотивом произведений Уортон, в том числе и удостоенного Пулитцеровской премии романа «Простодушный век» (1920), заключительной части трилогии, был контраст утонченной, рафинированной культуры, старомодной морали и вульгарного плоского практицизма буржуазного общества. Уортон тяготела к своеобразному регионализму, «местному колориту». Американская действительность виделась ей в определенном, достаточно узком ракурсе.

«Самобытным, искренним и способным художником, превосходным мастером пера» назвал В. Л. Паррингтон [25] Уиллу Сиберт Кэсер (1876—1947), которая выступила как своеобразный художественный летописец штата Небраска. Известный «регионализм» не помешал Кэсер вырасти в фигуру общеамериканского значения. Как и Э. Уортон, она, особенно на раннем этапе, опиралась на опыт Г. Джеймса, стилиста и психолога; ей близка джеймсовская тема художника, противостоящего враждебному окружению дельцов и стяжателей.

Тематика эта реализуется в ее широко известной новелле «Похороны скульптора» из сборника «Сад троллей» (1905): с сатирическим блеском выписан мир провинциального мещанства, бездуховного, одержимого алчностью, глубоко чуждого тому художественному, творческому началу, которое олицетворял их земляк, безвременно скончавшийся выдающийся скульптор Гарви Меррик. Цикл романов, принесших Кэсер заслуженное признание («О, пионеры», 1913; «Песня жаворонка», 1915; «Моя Антония», 1918; «Один из наших», 1922), составляет своеобразную тетралогию, эпическую сагу, посвященную суровой, полной трудов и невзгод жизни фермеров Среднего Запада, людей с сильными, самобытными характерами. В раннем творчестве Кэсер, наблюдательном бытописателе реалистического склада, звучат критические ноты в отношении духа собственничества и стяжательства, ноты, которые в дальнейшем несколько ослабевают.

Своеобразный налет «областничества» лежал и на творчестве Эллен Глазгоу (1874—1945), родившейся и выросшей в штате Виргиния, месте

---

[25] *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли: В 3-х т. М., 1962—1963, т. 3, с. 458.

действия многих ее произведений, и стоявшей у истоков «южной школы» американского романа. При этом как художник она с первых шагов (в романах «Потомок», 1897; «Фазы низшей планеты», 1898) вступила в полемику с так называемой «традицией плантации» (представлена в творчестве Томаса Нельсона Пейджа, 1853—1922), с той псевдоромантической беллетристикой, которая представляла сентиментально-идиллическую апологетику южной аристократии и рабовладельческих устоев. Глазгоу заявила о приверженности к реализму, верности «голой и трезвой действительности», решимости преодолеть господствующие стереотипы и высказать «правду о Юге».

В этом смысле она имела предшественника в лице Джорджа Кейбла (1844—1925), который в своем творчестве запечатлел существенные стороны развития «нового Юга», проникновение буржуазных отношений в самые отсталые патриархальные углы. Он вошел в историю американской литературы как художественный летописец креолов: сборник «Старые креольские времена» (1879), книга очерков «Креолы Луизианы» (1884).

Тема «нового Юга», развала некогда крепкой аристократии присутствует в романе Глазгоу «Избавление» (1904). В ее лучшем произведении раннего периода, романе «Виргиния» (1913), пронизанном сочувствием к неграм, главный герой — Виргиния Пендлтон, образцовая «южная леди», искусственные идеалы которой неизбежно вступают в конфликт с действительностью.

Сатирическая традиция, заложенная Твеном, развивается в творчестве Финли Питера Данна (1867—1936), автора нескольких книг фельетонов («Мистер Дули в дни мира и войны», 1898; «Мнения мистера Дули», 1901; «Наблюдения мистера Дули», 1902 и др.). Они объединены собирательным образом центрального персонажа — Мартина Дули, содержателя питейного заведения, ирландца, словоохотливого доморощенного философа, выразителя взглядов, как правило, американского мещанства, людей наивных, «простаков». Авторской иронией и юмором окрашены тирады Дули, касающиеся политики, религии, государственных мужей, текущих событий.

Близок к Твену и Амброз Бирс (1842—1914?). Острое разочарование в американской буржуазной демократии определило своеобразие его едкой сатиры, злого сарказма. В «Фантастических баснях» (1899) излюбленный объект его насмешки — буржуазные политиканы. В сборнике афористических сентенций «Словарь сатаны» (1906) высмеиваются грязь, хищничество и цинизм «позолоченного века». В обширном наследии Бирса, включающем 12 томов прозы, стихов и очерков, наиболее значительна его новеллистика отчетливо выраженной психологической направленности (сборники «Самородки и пыль», 1872; «Паутина на черепе», 1874; и др.). Для Бирса-новеллиста характерны настроения одиночества, его влекут ситуации ужаса, отчаяния, он развивает жанр «страшного рассказа» Э. По, романтическая фантастика сочетается с гротескным юмором.

Существенный вклад в развитие такого специфически национального жанра, как новелла, внес О. Генри (псевдоним Уильяма Сиднея Портера, 1862—1910), проживший недолгую и драматическую жизнь. О. Генри дебютировал в 1904 г. книгой «Короли и капуста», серией авантюрно-юмористических новелл, события в которых происходят в Центральной

Америке. Начиная с этого момента он работает с большой энергией и продуктивностью, ежегодно выпуская по одному-двум сборникам новелл: «Четыре миллиона» (1906), «Сердце Запада» (1907), «Горящий светильник» (1907), «Милый жулик» (1908) и др. В новеллах О. Генри, составляющих как бы сложенную из мелких фрагментов панораму американской действительности, в частности жизнь Нью-Йорка, действует богатейшая галерея персонажей, по преимуществу «маленьких людей» — представителей едва ли не всех слоев общества, обрисованных то с симпатией, то с иронией и мягким юмором. Новеллы О. Генри отличаются неистощимой выдумкой по части острофабульного, занимательного сюжета, завершаются, как правило, счастливыми, непредвиденными концовками, в чем порой сказывается уступка вкусам издателей, приспособление к принятым в массовой беллетристике шаблонам.

В 1910-е годы заметную роль стал играть радикальный журнал «Мэссиз» (1911—1917), ставший средоточием всего подлинно живого, активного, что было в американской культуре. Вокруг редакции журнала сформировался широкий авторский актив писателей — от Дж. Рида, Р. Борна до Ш. Андерсона, О'Нила, К. Сэндберга. Своей задачей журнал считал «непрекращающуюся атаку на устарелые системы, мораль, предрассудки, на тот обветшалый духовный груз, защищаемый мертвецами, который должен быть заменен новыми ценностями» [26]. Критический отдел возглавил Флойд Делл (1887—1969), журналист, публицист и прозаик, впоследствии автор широко известного романа «Чудак» (1920), первой в США монографии об Э. Синклере (1927). В конце 1917 г. журнал был закрыт за антивоенные выступления, а его редакторы предстали перед судом.

Канун первой мировой войны был отмечен в США подъемом радикального движения, захватившего широкие круги художественной интеллигенции; в это время начали свой путь многие писатели (С. Льюис, Ю. О'Нил, Ш. Андерсон, Дж. Рид, Р. Борн и др.). Синклер Льюис (1885—1951), близкий в начале 1910-х годов к социалистическому движению, выпустил ряд романов («Наш мистер Ренн», 1914; «Полет сокола», 1915; «Простаки», 1917; и др.), не возвышающихся над средним уровнем; слава приходит к нему в 20-е годы, после выхода «Главной улицы» (1920). Шервуд Андерсон (1876—1941) также проявляет интерес к социализму, пишет, правда, не лишенный схематизма роман о рабочих «Марширующие люди» (1917).

Юджин О'Нил (1888—1953), симпатизировавший в 1910-е годы социалистическим идеям, вместе с Дж. Ридом принимает участие в работе объединения драматургов радикальной ориентации «Провинстаун плейерс», создает свои первые одноактные пьесы, явившиеся прологом его прославленных драм 20-х годов. Для этих писателей, ставших центральными фигурами литературного процесса 20—30-х годов, «социалистическая закалка» их молодости оказалась важной, она во многом определила антибуржуазный пафос их творчества.

В «Мэссиз» сотрудничал Джон Рид (1887—1920), творческий путь которого начался в канун мировой войны. Питомец Гарвардского университета, Рид дебютировал как очеркист и эссеист в журнале «Американ мэгэзин», в пору юности вращался в среде Гринвич Вилледжа, квартала

---

[26] Echoes of Revolt. The Masses, 1911—1917 / Ed. by W. L. O'Neill. Chicago, 1966, p. 6.

радикальной художественной интеллигенции, что содействовало формированию его критических настроений. Уже в ранних очерках и новеллах («Капиталист», «Куда влечет сердце», «Еще один случай неблагодарности» и др.) он описывал Нью-Йорк, кварталы трущоб, рисовал безработных, «людей дна». Вехой в его развитии стал посвященный стачке текстильщиков очерк «Война в Патерсоне» (1913). Становлению Рида как революционного писателя содействует поездка в Мексику (1914). Его репортажи были собраны позднее в книге «Восставшая Мексика» (1914), увлекательной, романтичной, красочной, в которой Рид создал убедительный собирательный образ народа, борющегося за свободу.

Осенью 1914 г. Рид отправляется в поездку по европейскому театру мировой войны: он осуждает «войну торговцев» и шовинистическую истерию. Этой же теме посвящены его рассказы 1914—1916 гг.: «Глава рода», «Потерянный мир», «Так принято» и др. Весной 1915 г. Рид выехал на балканский театр военных действий, побывал в России, итогом чего стала книга «Война на Восточном фронте» (1916), построенная как серия путевых очерков, исполненных горечи и боли. После вступления США в войну он становится в ряды активных антимилитаристов, оказывается объектом травли со стороны «патриотов доллара».

С проницательностью оценил Рид известие о падении царизма в России, увидев в этом событии лишь первую фазу революции. В конце августа 1917 г. он приезжает в Петроград, за два месяца до Октябрьского восстания. Его симпатии безоговорочно отдаются большевикам. С Октябрьской революцией, с Лениным связан последний, самый плодотворный этап в жизни Рида (1917—1920), превращение его, бунтаря и радикала, в научно мыслящего революционера, коммуниста, художника нового типа.

Десятые годы XX в. были временем активной деятельности талантливого публициста и критика Рендолфа Борна (1886—1918). Выходец из интеллигентной семьи, Борн еще в пору учебы в Колумбийском университете принимал участие в работе Социалистического общества колледжей. Его мысль устремляется за пределы «ужасной капиталистической системы», он неоднократно высказывает симпатию к «религии социализма». В ранней книге «Молодежь и жизнь» (1913) он декларирует убеждение в необходимости «изменения социального порядка», «преодоления отживших философий и экономических форм». В 1916 г. под его редакцией выходит сборник статей, посвященных проблемам мирного урегулирования военного конфликта. Борн — автор и один из вдохновителей журнала «Севен артс» («Семь искусств», 1916—1917), просуществовавшего недолго, но ставшего рупором литераторов, стоявших на демократических и антиимпериалистических позициях. В нем печатались Шервуд Андерсон, Уолдо Фрэнк, Джеймс Оппенгеймер, Джон Рид, критик Ван Вик Брукс. В журнале Борн опубликовал свою программную статью «Война и интеллигенция», заостренную против милитаризма и конформизма. К осени 1917 г. относятся его контакты с американскими левыми социалистами, которых он называет «большевиками»; он высказывает также симпатии к освободительным идеям социалистической России.

Как критик, Борн исходил из того, что «литературная пропаганда» может и должна быть поставлена «на службу радикальным идеям». Его формулой веры были реализм, симпатия к угнетенным, неприязнь к робкому, буржуазно-апологетическому искусству. С прозорливостью и ре-

шительностью он выступал в защиту национальной самобытности американской литературы, разъяснял ценность «полезного прошлого», наследия таких гигантов, как Уитмен, Эмерсон, Торо, обращался к опыту русской литературы, посвятив статьи Достоевскому и Горькому, встал на защиту Драйзера, приветствовал новые явления в литературе, в частности книги М. А. Нексе и Э. Синклера. Один из предтеч марксистской критики в США, Борн умер в 32 года, в самом начале пути. В 1935 г. Лига американских писателей учредила медаль его имени.

Интересную и богатую картину представляет американская поэзия второй половины XIX — начала XX в.[27] Ее центральной фигурой был Уолт Уитмен (1819—1892). В отличие от несколько «европеизированных» Хоуэллса и Джеймса Уитмен, как и Твен, явился ярким олицетворением национально-самобытных черт американской литературы. Великий художник, новатор, он шел неизведанными путями в поэзии. Он раздвинул тематические рамки поэзии, был родоначальником новой формы «свободного стиха», и это определило мировой резонанс его творчества. Трудно назвать значительного американского поэта, который не испытал бы воздействия автора «Листьев травы».

Сын фермера, сменивший в молодые годы немало профессий, Уитмен начинал, подобно многим соотечественникам-литераторам, как журналист, газетчик. Его первые стихи и очерки не возвышались над заурядным уровнем. Тем неожиданней был взлет, ознаменованный выходом его сборника стихов «Листья травы» (1855). Это была одна из самых необычных книг в истории литературы: в ней, как казалось современникам, все было вызовом «хорошему вкусу» и установившимся традициям. Книгу приняли дружной хулой; лишь Р. У. Эмерсон угадал в ее авторе оригинальный, своеобычный талант. Действительно, Уитмен настолько опередил эстетические представления своего времени, что масштаб и значимость его сборника были поняты едва ли не полстолетия спустя. Лишь на закате жизни пришло к поэту признание: его оценили в Европе, в Англии, в России. Ныне «Листья травы» осознаются как принципиальная веха в истории не только американской, но и мировой литературы. В 1955 г. по решению Всемирного Совета Мира отмечалось столетие выхода этой книги.

В «Листьях травы» по-своему отразились тот общественный подъем, те надежды и чаяния, которые владели демократической общественностью США в канун гражданской войны, в преддверии решительного штурма бастионов рабства. Не случайно Уитмен предпослал первому изданию книги пространное, программное предисловие, в котором, в частности, высказал оптимистическое убеждение в неизбежном торжестве демократических идеалов. «Листья травы» 1855 г.— тоненькая, более чем скромно изданная книжечка. Но в ней были заложены основные идеи и мотивы Уитмена. Следующие издания книги (всего при жизни Уитмена их вышло девять) «обрастали» новыми и новыми циклами и поэмами.

В годы гражданской войны поэт служил братом милосердия в госпиталях. В цикле «Барабанный бой» он воспел героику антирабовладельческой борьбы. Трагическая гибель президента Линкольна исторгла у него неподдельную скорбь («Когда во дворе перед домом цвела этой весною сирень»; «О, Капитан, мой капитан» и др.).

[27] Поэзия США / Сост., вступ. и коммент. А. Зверева. М.. 1982.

Последние годы жизни Уитмена были печальными: его разбил паралич, надвигалась старость, в стихах, прежде лучезарно-радостных, появились минорные настроения. С грустью наблюдал поэт разгул спекулятивного «бума» в послевоенную пору, возвышение зловещего «дракона наживы». В публицистической книге «Демократические дали» (1871), во многом расставаясь с былыми иллюзиями об американской «исключительности», поэт с горечью констатировал: «...при беспримерном материальном прогрессе общество в Соединенных Штатах искалечено, развращено, полно грубых суеверий и гнило. Таковы политики, таковы и частные лица. Во всех наших начинаниях совершенно отсутствует или недоразвит и серьезно ослаблен важнейший, коренной элемент всякой личности и всякого государства — совесть» [28].

Поэзия Уитмена, отказавшегося от классических размеров и форм, от привычной тематики, совершенно необычна. Его стихи, как правило, бессюжетные, построены в виде цепи картин, образов, лирико-философских размышлений и отступлений. Здесь и поэмы, такие, как «Песня большой дороги», «Песня о топоре», «Рожденный на Поманоке», «Песня о выставке», и другие; и лаконичные фрагменты, миниатюры, состоящие всего из нескольких строк. Лирический герой Уитмена — рядовой американец, один из множества себе подобных, человек-труженик, который словно бы растворяется в неоглядной вселенной. Одна из главных особенностей поэзии Уитмена — разлитое в ней ощущение земной шири, космических масштабов, красоты и многообразия мироздания. Некоторые поэмы Уитмена — своеобразные путешествия лирического героя, открывающего и окружающий мир, и самого себя. Близкий к философии трансцендентализма, Уитмен исповедует своеобразный пантеизм, слияние человека с природой. Звучит в его стихах и мотив реабилитации плоти, прославление чувственной природы человека (цикл «Адамовы дети»).

Уитмен — певец масс, он славит содружество всех людей, всего живого:

Я с вами, мужчины и женщины нашего поколения
и множества поколений грядущих...
И я был участником жизни, частицей живой толпы,
такой же, как всякий из вас... [29]

Поэту свойственна счастливая способность словно бы растворяться в других людях, быть причастным к их болям и радостям. Ратуя за единение людей, их солидарность, Уитмен выходил за рамки буржуазно-демократического миропорядка, утверждал те нравственно-этические нормы, которые возможны лишь в обществе социальной справедливости (стихотворение «Приснился мне город»).

Его поэзия отличается исключительным многообразием тем и мотивов: Уитмен славит труд, деяние, достижения технического прогресса, достоинство человека с черным цветом кожи; как подлинный интернационалист, он приветствует революционную и освободительную борьбу народов («Европейскому революционеру, который потерпел поражение», «О Франции звезда», «Испания 1873—1874» и др.). Уитмен был одним из первых поэтов-урбанистов, певцом стремительно растущих городов.

Это новое содержание, масштабность тематики требовали отказа от традиционной поэтики, поиска иной, емкой, раскованной формы: здесь и

---

[28] *Уитмен У.* Избранные произведения. М., 1970, с. 357.
[29] Там же, с. 142.

использование свободного стиха, и широкая ораторская интонация, и своеобразный «космизм» художественного мышления, и богатство языка, насыщенного неожиданными метафорами и символикой. В методе Уитмена, по преимуществу романтика, сильны и реалистические элементы: в поле зрения поэта живые, конкретные, бытовые, нередко сугубо «прозаические» подробности. Он — предтеча поэтического реализма XX в.

Уитмен, прежде всего как мастер свободного стиха, дал мощный импульс тому процессу обновления поэтических форм, который проходил на рубеже XIX—XX столетий не только в США, но и в Европе. В сущности все развитие американской поэзии в нашем веке проходит под знаком уитменовской традиции, интерпретируемой весьма широко художниками разных идейно-эстетических позиций. С особой силой усвоение уитменовских гуманистических, демократических мотивов заметно в творчестве поэтов прогрессивной ориентации (К. Сэндберг, Дж. Рид, М. Голд, У. Лоуенфелс, Р. Лоуэлл и др.).

Непосредственным продолжением и развитием традиций Уитмена, обращенных к революционному процессу в XX столетии, стала деятельность Гораса Лого Тробела (1858—1919). Друг автора «Листьев травы», его биограф и литературный душеприказчик, Тробел вошел в литературу как автор фундаментального труда «С Уолтом Уитменом в Кемдене» (1906—1963, т. 1—5), в котором бережно собрал все детали и факты, относящиеся к последним годам жизни великого поэта. Менее известна в США другая сторона деятельности Тробела — публициста, поборника социалистических идеалов, и поэта, автора сборников «Гимны коммуны» (1905), «Оптимос» (1910), «Коллектс» (1915), поэмы «Титаник» (1912), в которых воспета борьба трудящихся во имя светлого будущего[30]. Тробел использовал уитменовский свободный стих, широкую ораторскую интонацию, ему было свойственно оптимистическое мироощущение. Отрывок из поэмы «Титаник» (в переводе Л. Сталь) был опубликован 30 мая 1913 г. в газете «Правда», о чем В. И. Ленин одобрительно отозвался[31]. Тробел был другом Дебса, его ценили М. Горький, Р. Роллан.

Современницей Уитмена, поэта-трибуна, была Эмили Диккинсон (1830—1886), художник камерного звучания, негромкого, но удивительно искреннего, проникновенного голоса. Сегодня критики США, активно изучающие ее творчество, ставят поэтессу рядом с Уитменом и Лонгфелло; при жизни же Диккинсон была практически неизвестна. Дочь состоятельных родителей, она обитала тихо и незаметно в родном городе Амхерсте. Но затворническое существование Диккинсон не было безмятежным, жизнь талантливой поэтессы, как можно судить по ее стихам, отличалась глубокими внутренними переживаниями. Ее наследие включает около тысячи стихотворений, причем почти все они увидели свет после смерти поэтессы. Диккинсон тяготеет к малой форме, к лирической миниатюре. Темы ее поэзии — мир тонко чувствующей, легко ранимой женщины, неразделенная, трагическая любовь, размышления о жизни и смерти, религиозные мотивы. Диккинсон часто прибегает к намекам, полутонам, аллегориям, символике, заменяет точные рифмы ассонансами.

Гражданскую тему в поэзии представлял Сидней Ланир (1842—1881), признание к которому также пришло в XX столетии. Мастер пейзаж-

[30] Подробнее см. насыщенную свежим фактическим материалом кн.: *Любарская А. М.* Горас Тробел: Слава и забвение. Л., 1980.

[31] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 190.

ЭМИЛИ ДИККИНСОН

ной и философской лирики, он воспевал природу своей страны, в частности родного штата Джорджия (стихотворения «Топи Глинна», «Урожай» и др.). Сторонник конфедератов в период гражданской войны, он осудил нашествие северян-«саквояжников», развал старого Юга в цикле «Дни стервятников» (1868).

Рубеж XIX — начала XX в., время, отмеченное достижениями реалистической прозы, было сравнительно мало плодотворным для поэзии. После ухода Диккинсон и Уитмена наиболее значительной фигурой был Эдвин Маркхем (1852—1940). Проживший долгую жизнь, он остался в литературе как автор небольшой, написанной белым стихом поэмы «Человек с мотыгой» (1899), навеянной популистским движением. В первом десятилетии XX в. выдвинулся Уильям Воан Муди (1869—1910), произведения которого отличались известной рассудочностью, риторичностью, моралистическим пафосом. Много сил отдававший преподавательской работе в университетах, он приобрел известность стихами, осуждающими агрессию США на Кубе и Филиппинах («Ода во времена сомнения», «О солдате, павшем на Филиппинах»). Э. Маркхем и У. В. Муди подготовили решительный поворот к реализму и социальной критике, обозначившийся в поэзии в самый канун первой мировой войны.

Подобно дате выхода «Листьев травы», 1912 год стал в этом плане знаменательной вехой: увидел свет первый номер журнала «Поэтри», который начал издаваться в Чикаго критиком и поэтессой Гарриет Монро (1860—1936). Журнал, имевший широкий резонанс в стране, публиковал поэтов разных художественных стилей, в том числе тех, кто составил цвет американской поэзии: Фроста, Робинсона, Сэндберга, Мастерса, Линдзи. Критики включают их в «Большую пятерку»; при этом последних трех относят к «чикагской школе». Эпоха их наибольшей активности (с 1912 по 1925 г.) получила название «поэтического Ренессанса», что связано прежде всего с творческими успехами этих мастеров стиха, которых отличали стремление к демократизации языка, к обновлению традиционных художественных форм. Благодаря достижениям прежде всего «Большой пятерки» поэзия перестала быть Золушкой в семье других искусств США.

Социально-критический пафос «поэтического Ренессанса» проявился в творчестве Эдгара Ли Мастерса (1869—1950), почти два десятилетия пребывавшего в безвестности в Чикаго, пока не увидела свет его знаменитая «Антология Спун-ривер» (1915), имевшая беспрецедентный для поэзии успех. Она состояла, примерно, из 250 «автоэпитафий» и миниа-

тюрных автобиографий умерших жителей маленького среднезападного городка Спун-ривер. Эти пронизанные драматизмом исповеди и признания мертвецов говорили о неудавшихся, неисполненных желаниях, о больших и малых человеческих трагедиях, жизнях несчастливых, бесцветных, несложившихся; они словно бы срывали ханжеский флер показного благолепия, камуфлировавшего подлинное бытие подобного провинциального захолустья. «Антология» Мастерса оказалась предвестником того «бунта против провинциализма», который позднее станет характерной приметой литературы 20-х годов.

Еще один представитель «чикагской школы», Вэчел Линдзи (1879—1931), приобрел известность после выхода сборника «Генерал Бутс идет на небо» (1913). Будучи странствующим проповедником, он рассматривал свои стихи как своеобразные музыкальные речитативы и кантаты, рассчитанные на восприятие массовой аудиторией. Придавая большое значение музыкальной инструментовке своих произведений, Линдзи применял ритмы танца, джаза, церковной литургии, использовал, правда несколько поверхностно, мотивы и формы негритянского и африканского фольклора (в сборнике «Конго», 1914). В своих произведениях он не раз обращался к образам замечательных американцев, президента Линкольна («Авраам Линкольн бродит в полночь»), губернатора Дж. Алтгелда («Орел позабытый»), ставшего на сторону рабочих во время Пульмановской стачки.

Ко времени «поэтического Ренессанса» Эдвин Арлингтон Робинсон (1869—1935) был автором сборников стихов «Дети ночи» (1897) и «Капитан Крэг» (1902), в которых присутствовал один из главных мотивов его творчества — тревожное, острое ощущение неблагополучия, укоренившегося в американском образе жизни. Словно предвосхищая «Антологию» Мастерса, он создает серию портретов-миниатюр обитателей небольшого американского городка. Однако лишь сборник «Человек на горизонте» (1916) принес 47-летнему поэту давно заслуженное признание. В этом и других сборниках Робинсон художественно истолковывал философские и психологические проблемы, касавшиеся отношения человека к миру и неумолимой судьбе; он пользовался традиционным, рифмованным стихом.

Роберт Фрост (1874—1963), выходец из семьи фермеров, навсегда сохранивший связь с людьми и природой Новой Англии, воспетой им в стихах, выпустил свой первый сборник «Воля мальчика» в 1914 г. Поэт-лирик, философ и гуманист, приверженный к традиционным формам, классическим размерам и новоанглийскому «местному колориту», он вырос в художника национального размаха, говорящего с неторопливой весомостью о предметах общечеловеческой значимости. За внешней непритязательностью белого стиха, используемого Фростом, обыденностью сельской, пасторальной тематики кроется щедрость внутреннего содержания. Поэта отличают лаконизм и отточенность формы, ощущение нравственного здоровья и афористичность незамутненного народного языка, а главное — ясное, гуманное миросозерцание и уважительное отношение к человеку-труженику.

Если традиционный и несколько «старомодный» Фрост был близок к поэтике английских сентименталистов, то Карл Сэндберг (1878—1967) явился во многом его художественным антиподом. Он использовал свободный стих, был ярким продолжателем уитменовской традиции. Привер-

женный к социальной проблематике, Сэндберг находился на «левом фланге» «Большой пятерки». В молодости он прошел трудовую школу, рано вступил в Социалистическую партию Америки, являлся ее функционером и публицистом. Известность пришла к нему с выходом сборников: «Стихи о Чикаго» (1916) и «Молотильщики» (1918). В этих стихах, грубоватых, порой шероховатых, Сэндберг (о котором тепло отзывался Маяковский [32]) заявил о себе как певец простых людей, их труда, певец заводов, фабрик, индустриальных гигантов, стали, железа, бескрайних пшеничных полей. Под его пером возникал образ Чикаго, «свинобоя и мясника всего мира», машиностроителя, «хлебного ссыпщика». Он не только предоставил слово новому герою поэзии, труженику, дорожному рабочему, горняку, лесорубу, продавцу рыбы (стихотворения «Землекопы», «Иллинойский фермер» и др.), прославил бунтаря и борца («Памяти достойного», «Динамитчик»). В годы войны сотрудничавший в журнале «Мэссис», он был среди тех, кто клеймил милитаризм («Убийцы», «Флажки»), обличал тех, кто ослепляет народы бессовестной ложью («Лжецы»), приветствовал Октябрьскую революцию («Троесловие»).

В рассматриваемый период заметную роль играет обычно игнорируемая буржуазным литературоведением массовая поэзия, связанная с антитрестовским и рабочим движением. Истоки рабочей песенной традиции уходят в далекое прошлое, в XVIII столетие. После войны Севера и Юга в условиях углубления конфликта между трудом и капиталом появляются первые поэты-песенники, разрабатывающие рабочую тематику. Они были у рабочей организации «Рыцари труда» (Дж. Томпсон, Х. Фуллер и др.), у участников Пульмановской забастовки 1894 г., у сторонников единого налога Г. Джорджа, у популистов [33]. В 70-е годы появились и ранние ростки социалистической поэзии (С. Каллен, автор «Боевого гимна пролетариата»). Широкое развитие получила социалистическая массовая поэзия в начале века.

Значительная, еще не до конца изученная глава в истории политической песни и поэзии была связана с деятельностью ИРМ. Эта рабочая организация издавала более 60 периодических изданий, газет, журналов, альманахов, выходивших на русском, шведском, испанском, итальянском и других языках, имела своих художников, карикатуристов, графиков, в ее недрах проходило вызревание пролетарского искусства, о котором Билл Хейвуд писал: «...Я думаю, что оно будет вызвано к жизни революцией, что оно будет гуманнее, чем искусство буржуазное. В нем будет присутствовать социальный дух...» [34].

В песнях ИРМ, этих спутниках классовой борьбы, проявлялись и патетика, и насмешка, и юмор, и прямой отклик на то или иное политическое событие, обычно крупную стачку. «Гимном американского рабочего движения», по словам одного из критиков, стала песня видного поэта-уоббли Ралфа Чаплина (1887—1961) «Солидарность». Другой поэт ИРМ, Чарлз Эшли, печатал свои стихи и очерки в радикальных журналах 1910-х годов «Мэссиз» и «Либерейтор»; в дальнейшем он вступил в ряды

[32] *Маяковский В. В.* Избранные сочинения. М., 1949. с. 146.

[33] Ценнейшие разыскания в области рабочей поэзии США XIX в. провел известный историк и критик-марксист Ф. Фонер, включивший в свою антологию более 550 песен и баллад, большинство которых было неизвестно. См.: *Foner Ph. S.* American Labor Songs of the Nineteenth Century. Urbana; Chicago, 1975.

[34] Цит. по: Proletarian Writers of the Thirties / Ed. by D. Madden. London; Amsterdam, 1968, p. 244.

Компартии. Талантливым поэтом ИРМ был Артуро Джованитти (1884—1959), итальянец по происхождению, автор известной поэмы «Шаги», в которой убедительно и живо переданы переживания узника одиночной камеры. Постоянный автор «Мэссиз» и «Либерейтора», он был одним из первых американских поэтов, приветствовавших Октябрь.

Самым замечательным поэтом ИРМ был Джо Хилл (1879—1915), выходец из Швеции (настоящее имя Джоэль Эмануэль Хегглунд). Стачечник, уличный оратор, пропагандист, участник развернувшейся в начале 1910-х годов борьбы за свободу слова, испытавший побои, тюрьму, нужду, Хилл сформировался как талантливый поэт-песенник и стойкий противник капитализма. Его поэзия, отмеченная музыкальностью и богатством интонаций — от юмора, сатиры до патетики и лиризма — несла дух социального протеста: клеймила лицемерие милитаристов («Кругом обман») и скэбов («Кейси Джонс»), призывала солдат к неповиновению («Если я солдатом буду»), скорбела о горькой участи девушки, пошедшей на улицу («Белая рабыня»). Агенты монополий сфабриковали против него уголовное дело. Хилл был арестован, судим и, несмотря на протесты, всколыхнувшие всю Америку, казнен в ноябре 1915 г. Поэт-мученик, увековеченный во многих художественных произведениях, стал легендарной фигурой.

Канун мировой войны был также временем, когда стали формироваться авангардистские течения в американской поэзии, прежде всего имажизм[35]. На раннем этапе его представлял Эзра Паунд (1885—1972), позднее один из мэтров западного модернизма. После отхода Паунда от имажизма лидером его американской ветви стала Эми Лоуэлл (1874—1925), выпустившая три альманаха «Поэты-имажисты» (1915—1917). Творчество поэтов-имажистов, утративших влияние к середине 1920-х годов, явилось своеобразным эстетическим бунтом против вульгарности, торгашества и пошлости буржуазного общества, которому противопоставлялся мирок утонченно-рафинированных переживаний художника. Имажисты фиксировали случайные, мимолетные предметы, хрупкие впечатления, их стихи превращались в «каталоги чистых образцов».

Рассматриваемый период оказался чрезвычайно важным для развития литературы американских негров.

Судьба духовной, художественной культуры этого народа в сущности отразила тяжелую участь темнокожих пасынков Америки, подвергаемых дискриминации и сегрегации — тяжелому наследию, сохранившемуся после гражданской войны. Литература, созданная неграми, также сегрегировалась и «геттоизировалась», она изолировалась от «белой» читающей публики, была фактически замкнута внутри черной общины. Вклад негров в культурную сокровищницу США, особенно в XIX в., долгое время игнорировался буржуазной наукой. Лишь в XX столетии появились писатели-негры, подобно Л. Хьюзу, Р. Райту, Л. Хенсберри, Дж. Болдуину и другим, которые получили официальное признание. А между тем литература негров, истоки которой уходят в XVIII столетие, отличалась самобытностью, будучи связана с фольклором рабов, с их религией и песенно-танцевальной культурой[36].

Несмотря на обретение формальной свободы, возможности для культурного роста, художественного творчества темнокожих американцев

[35] *Зверев А. М.* Модернизм в литературе США. М., 1979.
[36] *Беккер М. И.* Прогрессивная негритянская литература США. Л., 1957.

оставались крайне неблагоприятными. Литераторы-негры не только зачастую не имели возможности получить необходимое образование, но и нередко страдали от материальной нужды, не могли найти издателя; над ними довлел своего рода тяжкий «комплекс неполноценности», сознание собственной униженности, «второсортности», что сковывало их творческие импульсы.

В эпоху аболиционизма творила большая группа поэтов-негров (Д. Симпсон, Дж. Уошон, Д. Уитфилд и др.), в творчестве которых звучала тема осуждения рабства[37]. Талантливой поэтессой проявила себя Френсис Эллен Харпер (1825—1911), принимавшая в молодости участие в «подземной дороге» в Пенсильвании. В 1854 г. вышел ее сборник «Стихи на разнообразные темы», вызвавший большой читательский интерес. И после крушения рабства она не перестает служить делу свободы для черных. В «Обращении к американскому народу» (1871) она напоминала о героизме черных солдат, призывала к братству между людьми разных рас; много писала она также на семейно-нравственные, религиозные темы. В 1873 г. опубликовала прозаическую книгу «Очерки из южной жизни», в которой рассказ ведется от лица тетушки Хлои, бывшей рабыни, женщины умной и практичной. В 60—90-е годы продолжается активная литературная и общественная деятельность Фредерика Дугласа (1817—1895); долгое время он работал над автобиографией, расширяя и дополняя ее. Книга выдержала три издания, последнее в 1892 г.

Отмена рабства привела к тому, что аболиционистская тема, естественно, утратила актуальность. На первый план выдвигается борьба против наследия рабства, разных форм дискриминации, судов Линча. Появляются первые писатели, которые выходят за пределы «цветного барьера», их творчество становится заметным явлением художественной жизни США. Это прозаик Ч. У. Чеснатт и поэт П. Л. Данбар.

Чарлз Уэддел Чеснатт (1858—1932) сыграл, по мнению критики, основополагающую роль в развитии негритянской прозы, выразив настроения негритянской интеллигенции, страдавшей от дискриминации. Чеснатт был первым писателем-негром, сочинения которого сделались достоянием также и «белой» читающей публики: в 1887 г. его рассказ «Заколдованный виноградник» увидел свет на страницах одного из ведущих литературных журналов — «Атлантик мансли». Правда, его издатели не решились поначалу сообщить, что автор — негр. Первый сборник рассказов Чеснатта «Колдунья» (1889), состоящий из семи новелл, художественно воссоздал жизнь на Юге до гражданской войны. В сборнике «Супруга его юности и другие рассказы о цветном барьере» (1899) темой стало разрушительное воздействие расизма и джимкроуизма на мораль и нравы американцев в пору Реконструкции. Значительно большей зрелостью по сравнению с произведениями его предшественников У. У. Брауна и Ф. Уэбба отличались романы Чеснатта, пронизанные антирасистским пафосом («В поисках традиции», 1901; «Мечта полковника», 1905).

Классиком негритянской поэзии по праву считается Пол Лоуренс Данбар (1872—1906), сын бывшего раба, работавший лифтером, рассыльным, выпустивший за собственный счет первый сборник стихов «Дуб и плющ» (1892). На второй его сборник — «Старшие и младшие» (1896) — откликается сочувственной рецензией Хоуэллс, что положило начало из-

---

[37] *Sherman J. R.* Invisible Poets. Afro-Americans of the Nineteenth Century. S. l., 1974.

вестности Данбара. В его поэтическом наследии выделяются две группы произведений. Одна — это стихи, написанные на английском литературном языке (сонеты, баллады, оды, стансы). В них он утверждает расовую гордость («Ода к Эфиопии»), славит черных, сражавшихся в рядах северян («Невоспетые герои», «Цветные солдаты»), посвящает сонеты Ф. Дугласу, Б. Т. Вашингтону, Г. Бичер-Стоу. Другая группа — стихи на негритянском диалекте, распространенном на плантациях Юга. В них заметны слащавость, сентиментальность, появляются фигуры добросердечных плантаторов и довольных негров. В то же время Данбар выступает и как тонкий поэт любви и природы. Перу Данбара принадлежат четыре романа (лучший из них — «Забава богов», 1903), а также несколько сборников новелл; как прозаик он уступает поэту. В ряде его рассказов («Трагедия в Три-Форкс», «Линчевание Джуба Бенсона») запечатлен ужас южного расизма.

На рубеже веков выдвигается Джеймс Уелдон Джонсон (1871—1938), поэт, прозаик, критик. Наиболее значительным его произведением был выпущенный анонимно роман «Автобиография бывшего цветного» (1912), поставивший актуальную для негритянской литературы проблему положения светлокожего мулата в американском обществе.

Признанным лидером радикального направления в негритянской литературе становится У. Э. Б. Дюбуа (1868—1963), человек завидной многогранности, ученый, историк, социолог, педагог, журналист, поэт и прозаик. Его статьи и очерки составили знаменитую книгу «Души черных людей» (1903), ставшую вехой в истории негритянской культуры. Оспаривая оппортунистические концепции Б. Т. Вашингтона, Дюбуа формулировал первоочередные задачи цветного населения: обретение права голоса, гражданских прав и возможности для молодежи получить образование, прежде всего техническое. Дюбуа одним из первых сформулировал дилемму, стоящую перед негром, писал о его «двойном сознании»: с одной стороны, он американец, а с другой — негр, пребывающий во враждебном окружении, а потому занимающий «оборонительную» позицию. В романе «За серебряным руном» (1911) Дюбуа показал столкновение маленькой негритянской общины с огромным хлопковым трестом, созданным в результате сговора плантаторов Юга и миллионеров Севера.

Творчество Чеснатта, Данбара, а также Дюбуа свидетельствовало о том, что литераторы-негры перестают послушно копировать «белые» художественные образы, медленно, но отходят от господствующих стереотипов, ищут выражение своей этнической самобытности. Они уже во многом подготовили тот художественный и культурный взлет, который нашел выражение в негритянском Ренессансе 1920-х годов.

Итак, в рассматриваемый период проходил процесс консолидации национальной литературы, стирание региональных черт, формирование ее самобытных элементов. Решающее значение приобрел художественный опыт Уитмена и Твена. В противоборстве с буржуазно-апологетическими тенденциями, «традицией утонченности», пуританизмом складывалась реалистическая школа: ее ранний этап представляли Г. Джеймс и У. Д. Хоуэллс, более поздний, осложненный натуралистическими чертами,— Норрис, Крейн, Гарленд. Выдающуюся роль в утверждении принципов критического реализма сыграл Драйзер.

В этот период были заложены предпосылки для того плодотворного развития, которое пережила литература США в период между двумя

мировыми войнами, в 20—30-е годы. Наряду с писателями старшего поколения (Драйзером, Андерсоном, Синклером, Фростом, Сэндбергом и др.) выдвинется плеяда талантливых мастеров (Хемингуэй, Фолкнер, О'Нил, С. Льюис, Дос Пассос, Уайлдер, Фицджеральд, Стейнбек, Вулф, Райт, Колдуэлл и др.). Их достижения, особенно в жанре социального и психологического романа, станут фактором мирового литературного развития.

2. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Семидесятые годы XIX столетия знаменовали начало нового периода в истории культуры Соединенных Штатов. Как писал известный американский историк В. Л. Паррингтон, «в результате титанического столкновения Америка избавилась от мутных источников междоусобных распрей... В нетерпеливой новой эпохе не было дела до абстрактных теорий... возвышенных литературных идеалов, демократических учений о государстве — все эти пережитки прошлого были отброшены в сторону в разгар ожесточенной борьбы за богатство и власть» [38].

В 1876 г. в Филадельфии открылась «Столетняя выставка», разместившаяся более чем в 100 павильонах. В 15 павильонах было представлено американское искусство и собрания коллекционеров. Ретроспективный отдел включал произведения Копли, Уэста, Стюарта, пейзажи «школы реки Гудзон», из современных художников — Хомера. Но внимание посетителей привлекали не павильоны, а «Машинный зал», где были выставлены локомотивы, различные машины, станки; многочисленные технические новшества вызывали искреннее восхищение. И не случайно.

Именно в те годы в Соединенных Штатах стал проявляться интерес к научной мысли, к точным наукам. Центр интеллектуальной мысли страны лежал в области науки, техники, изобретательства. Прагматизм становился американской философией. Мысли наиболее энергичных и образованных американцев были обращены не к искусству, а к финансовым операциям, захвату и освоению новых территорий. И все же, хотя искусство по-прежнему не занимало ведущего положения в жизни общества, среди интеллигенции (ученых, врачей) интерес к нему заметно возрос. Развиваясь независимо, без особой поддержки, искусство этих десятилетий тем не менее подарило США поистине яркие явления.

Начиная с 70-х годов XIX в. американское изобразительное искусство переживает ряд важных процессов, оказавших влияние на всю его последующую историю. С этого времени сознание и воображение американцев были захвачены пристальным и внимательным изучением европейского искусства. В потоке литературы, созданной американскими путешественниками, звучали разные настроения. Э. С. Бенедикт в книге «Путешествие по Европе» справедливо убеждал соотечественников, что знакомство со Старым Светом «может быть очень полезным для нашего национального характера... оно выпустит немного газа из воздушного шара нашего самодовольства и уменьшит наше непомерное тщеславие» [39]. Среди книг о европейском искусстве особенно популярен был «Путеводитель по живописи», написанный известным тогда художественным кри-

---

[38] *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли: В 3-х т. М., 1962—1963, т. 1, с. 540.

[39] Литературная история Соединенных Штатов Америки. М., 1978, т. 2, с. 386.

тиком Дж. Дж. Джарвисом. В «Путеводителе» не только содержалось описание шедевров европейской живописи, но и резко осуждались американцы за их предрассудки в области морали и быта (автор с юмором замечает, что, «когда американский турист попадал в галерею Уффици и смотрел на Венеру Тициана, он начинал испытывать муки совести»).

Пристанищем, Меккой американских художников стали Париж и Мюнхен. Школа изящных искусств в Париже не могла принять всех приезжих. Толпы студентов из США заполнили Академию Жюльена. Но из этого потока людей, стремившихся овладеть ремеслом живописца или скульптора, мало кто стал художником. На довольно-таки тусклом фоне американской художественной жизни конца 70-х — начала 80-х годов неожиданно появляются художники, которым суждено было стать крупнейшими фигурами в истории искусства США — У. Хомер, Т. Эйкинс, А. П. Райдер.

Будучи совершенно разными в творческих устремлениях, в художественном развитии своего таланта, они обладали четко проявившимися в их творчестве самостоятельностью художественного видения, определенными гражданскими и нравственными критериями, огромной любовью к своей стране и ее людям. Сила критического мышления не позволяла им принять Америку такой, как она есть, а творчество стало для них единственной возможностью высказать свое отношение к миру. Не понятое и не оцененное широкой публикой, их искусство является национальной гордостью США. Хомер и особенно Эйкинс, как и их великие современники Эдгар По, Уолт Уитмен или Марк Твен, способствовали формированию взглядов и эстетических вкусов передовой американской интеллигенции. Вот почему изобразительное искусство США в 1877—1918 гг. отличается цельностью, логичностью.

Классиком жанровой живописи по праву считается Уинслоу Хомер (1836—1910). Истинный американец, предки которого поселились в Массачусетсе почти за два столетия до его рождения в Бостоне, Хомер чувствовал и любил Америку и видел ее так, как никто другой. Хомер начинал свою деятельность графиком (в Бостоне посещал литографскую мастерскую). В 21 год он стал постоянным сотрудником известного тогда журнала «Харперс уикли». Особой популярностью пользовались его рисунки с фронтов гражданской войны, отличавшиеся наблюдательностью, пристальным вниманием к жизни военных лагерей. Непредвзятый взгляд на натуру и стремление справедливо ее передать будут отличать и первые живописные работы Хомера. Успешная практика рисовальщика, слава одного из лучших иллюстраторов вселили в него уверенность, и Хомер решает серьезно заняться искусством. Переехав в Нью-Йорк, он посещает вечерние классы Национальной академии рисунка. Но здесь ему приходится только рисовать со слепков, что практиковалось во всех художественных заведениях страны. Несколько уроков живописи Хомер берет у малоизвестного французского живописца Фредерика Ронделя. Хомер сам почувствовал необходимость работать на натуре и уезжает за город. С картины «Пленные с фронта», написанной в 1866 г. под впечатлением боев, началась его карьера живописца.

Хомер никогда не писал город, только сельские окрестности. С детства полюбив охоту, рыбную ловлю, он обратился к природе и стал с какой-то лишь ему присущей непосредственностью и прямотой запечатлевать ее на полотне. Хомер в отличие от своих предшественников —

жанристов 50-х годов никогда не был сентиментально-слащавым. Он стал родоначальником американской реалистической жанровой живописи.

Но совершенно естественно, что искусство Хомера так или иначе было связано с поисками европейских художников. Удивительным образом перекликаются картина Хомера «Игра в крокет» (1866) с известным произведением молодого К. Моне «Женщина в саду». Отдаленная связь с поисками импрессионистов прослеживается в творчестве

УИНСЛОУ ХОМЕР. ПОДНИМАЮЩИЙСЯ ВЕТЕР. 1876

У. Хомера еще до поездки художника во Францию и до того, как импрессионизм стал известен в Соединенных Штатах. Во многом, так же как и на французских художников, на Хомера повлияло японское искусство, которое он увидел в коллекции своего друга Дж. Ла Фаржа. Японские гравюры многому могли научить художника в понимании декоративности, линии, распределении тени и света.

В конце 1866 г. Хомер едет на 10 месяцев во Францию. Однако в отличие от современников он не учился в Париже ни в каком художественном заведении, писал за городом (в пригородах Парижа было написано «Возвращение с жатвы», 1867, частная коллекция). Хомер умел впитывать лучшие достижения европейских мастеров, учась на их произведениях. После ознакомления с Парижской всемирной выставкой 1867 г. в его работах появилось больше света, воздуха, насыщенной атмосферы. В 37 лет он начал заниматься акварелью и стал самым блестящим акварелистом в стране. Он писал сцены из американской жизни — любил изображать детей, игру в крокет, занятия в школе, по-прежнему подробно и внимательно относясь к деталям одежды, костюмам, особенностям интерьера.

В 1881 г. Хомер второй раз выезжает за границу, теперь в Англию. Два сезона проводит он в живописнейшем рыбачьем порту на берегу Северного моря. В Англии его мастерство обрело зрелость. Впервые он акварелью пишет море. Акварели становятся более плотными, свободными. Вероятно, сама атмосфера жизни в порту способствовала появлению в его работах героических сюжетов, что позже особенно ярко скажется в живописных полотнах, написанных на побережье штата Мэн. Начиная с 90-х годов в творчестве Хомера романтически и поэтично звучит тема единения человека и природы. Его темы — лес, море, жизнь охотников и моряков, рыболовов. В последние годы жизни художника его картины обрели невиданную ранее монументальность, совершенно исчезла литературность, сюжет изменился и стал более философским. Власть и опасность моря, драма океана — вот компоненты его романтического реализма.

С годами чувство художником цвета, пространства, композиции стало глубже и острее. Такие полотна, как «Охота на лисицу» (1893, Пенсильванская академия художеств), «Раннее утро после шторма на море» (1902, Музей искусств, Кливленд), «Летняя ночь» (1890, Музей современного искусства, Париж), «Норд-ост» (1895, Метрополитен музей, Нью-Йорк), стали образцом синтеза и монументальности в американской живописи. Критики справедливо называют Хомера поэтом моря, чащ, лесов. Но мало кто понял, что в каждой картине художника шел волнующий диалог между ним и природой, природа стала спасением Хомера от мрачной жизни Нью-Йорка. «Жизнь, которую я выбрал, полна часов радости. Солнце не восходит и не садится без того, чтобы не известить меня»,— писал У. Хомер[40], единственный в США живописец, запечатлевший драматическую жизнь моря, природы и человека.

Томас Эйкинс (Икинс) (1844—1916) — один из самых ярких художников США. Значение его творчества определяется не только степенью талантливости, но и теми вопросами, которые он впервые поставил. Эйкинс, как никто другой, с научной точностью и эмоциональной силой не просто воплотил современников, но и передал духовную жизнь своего времени (что впоследствии будет подстать лишь Фолкнеру). Каждый портрет — как бы страница романа, во всей сложности раскрывающая жизнь американской интеллигенции. С последовательностью и убежденностью Эйкинс, не пользовавшийся при жизни официальным признанием, отстаивал свои художественные принципы, ни разу не пойдя на уступки ни обывательскому вкусу заказчика, ни прославляющей мещанство критике.

Эйкинс получил прекрасное для того времени образование. Сильное влияние на него оказал отец — человек разносторонних интересов, независимого характера, писатель-демократ, сражавшийся в годы гражданской войны на стороне Севера. С 1846 г. семья постоянно живет в Филадельфии, в городе, который продолжает на протяжении всей второй половины XIX в. оставаться центром культурной жизни. В 1861—1866 гг. Эйкинс занимается в Пенсильванской академии художеств и одновременно изучает анатомию в Джефферсоновском медицинском колледже. Эйкинс интересуется точными науками, проблемой движения, делает много рисунков различных механических моделей. Эйкинс пришел в

[40] *Goodrich W.* Homer. N. Y. etc., 1959, p. 22.

искусство удивительно разносторонним для того времени, и в его судьбе, как в зеркале, отразились всеобщий интерес к научным, техническим проблемам, но живопись все-таки победила в этом потоке поисков, чему себя посвятить.

В 1866—1870 гг. Эйкинс учится сначала в Париже в мастерской Жерома, а затем, находясь в Испании, проводит часы у полотен Веласкеса и Риберы. С 1870 г. Эйкинс постоянно живет в Филадельфии.

С первых же полотен Эйкинс предстает художником одаренным и постоянно ищущим. В картинах «Макс Шмитт в лодке» (1871, Метрополитен музей, Нью-Йорк), «Купающиеся мальчики» (1883, Художественный музей, Форт-Уэрт) его интересуют вопросы движения, перспективы. Эйкинс, в молодости увлекавшийся спортом, пишет боксеров в полотне «Между раундами» (1899, Художественный музей, Филадельфия). Известная картина Эйкинса «Клиника доктора Гросса» (1875, Джефферсоновский медицинский колледж, Филадельфия) вызвала бурю недовольства со стороны американской публики. Изображение операции, открытой раны шокировало зрителей.

В 1876—1886 гг. Эйкинс преподает анатомию в Пенсильванской академии художеств. Деятельность Эйкинса-педагога имела громадное значение, однако он был исключен за постановку в классе обнаженной натуры. Тогда его ученики ушли вместе с ним, организовав Лигу художественных студентов. (Среди его последователей был Уильям Меррит Чейз (1849—1916), хороший портретист и прекрасный педагог, продолживший традиции Эйкинса.) В 1888—1894 гг. Эйкинс преподавал в Национальной академии рисунка в Нью-Йорке. В 1902 г. был избран академиком. В начале XX в. авторитет Эйкинса в среде американских реалистических художников был очень высок.

С именем Эйкинса связано, с нашей точки зрения, рождение интеллектуального портрета в живописи США. Не случайно его моделями стали поэты, актеры, музыканты — близкие друзья художника. Эйкинса интересовали лица художественно одаренные, сложные и творческие натуры, обостренно воспринимавшие жизнь. Эйкинс сумел отразить в портрете настроение общества, его сильное разочарование в действительности, ничем не напоминавшей идеалы американской революции.

В портретах Эйкинса счастливо сочетается повышенная степень художественного обобщения, предельная концентрация чувств и дар колористического видения. Достойно выражена художником личность знаменитого американского поэта У. Уитмена. «Портрет Уолта Уитмена» (1887, Пенсильванская академия художеств, Филадельфия) выдержан в оттенках темно-зеленой гаммы. На гладком фоне выделяется убеленная сединами голова поэта, четко обрисованная кистью фигура написана в широкой, свободной манере. Путь от материального к духовному выражен в портрете в явном стремлении художника изучить и передать не внешнее сходство модели, а воплотить всю сложность ее внутреннего мира. Процесс изучения человека вглубь составляет основное содержание замысла и цель исканий.

Особой силы образного звучания достигают поздние портреты Эйкинса, например «Портрет кардинала Мартинелли» (1902, Католический университет Америки, Вашингтон). Как обычно в своих картинах, где модель расположена будто бы в глубине картины, вдали от зрителя,

ТОМАС ЭЙКИНС. ПОРТРЕТ ЖЕНЫ ХУДОЖНИКА. 1885

художник мастерски создает ощущение созерцательного уединения.

Стремясь к созданию обобщенных типов-характеров, художник называет свои работы «Мыслитель», «Виолончелист», «Актриса». «Мыслитель» (1900, Метрополитен музей, Нью-Йорк) — портрет, созданный на скрещивании рационального и эмоционального. На нейтральном фоне изображена мужская фигура в рост, очертания которой мягки и расплывчаты. Состояние углубленного погружения в себя и воплощение этого момента в живописи — так можно охарактеризовать этот портрет, представляющий и для творчества Эйкинса, и для американской портретной живописи редкое явление.

В женских портретах Эйкинса психологизм в раскрытии образов сливается с созданием своеобразного портрета в портрете. Один — отчетли-

во видимый зрителем, а другой — мир в себе, как бы скрытый от постороннего взгляда. И полное отсутствие художественной идеализации и лести (многие просто боялись позировать Эйкинсу). В этом ряду портрет «Мед Кук» (1894, частное собрание, Нью-Йорк), глубоко трагичный портрет «М-с Эдиг Мэхон» (1904, Смитсоновский институт, Вашингтон) и психологически тонкий портрет «Леди с собакой» (1885, Метрополитен музей, Нью-Йорк). Подлинной колористической свободы, динамичной манеры письма, неожиданности цветовых и тоновых отношений достигает Эйкинс в одном из своих последних портретов — «Актриса» (1903, Художественный музей, Филадельфия).

В истории американского искусства второй половины XIX в. творчество Т. Эйкинса, так же как в начале столетия искусство Г. Стюарта, не только было высшим достижением национального искусства, но и по своим масштабам выходило на уровень мировой культуры. Портреты, написанные Эйкинсом, могут быть поставлены в один ряд с портретами Э. Мане, Дж. Уистлера, В. А. Серова.

В искусстве второй половины XIX в. творчество Алберта Пинкема Райдера (1847—1917) стоит особняком. Его живопись — это плод напряженной внутренней жизни, а ее истоки следует искать в американской романтической литературе (По, Мелвилл, Диккинсон). В живописи предшественником Райдера был Вашингтон Олстон. К последней трети XIX в. старая величественная романтическая традиция изменила направление и дала путь более личному, интимному романтизму. Романтическое воображение проявилось в живописи Райдера с большей интенсивностью, чем у кого-либо из его предшественников.

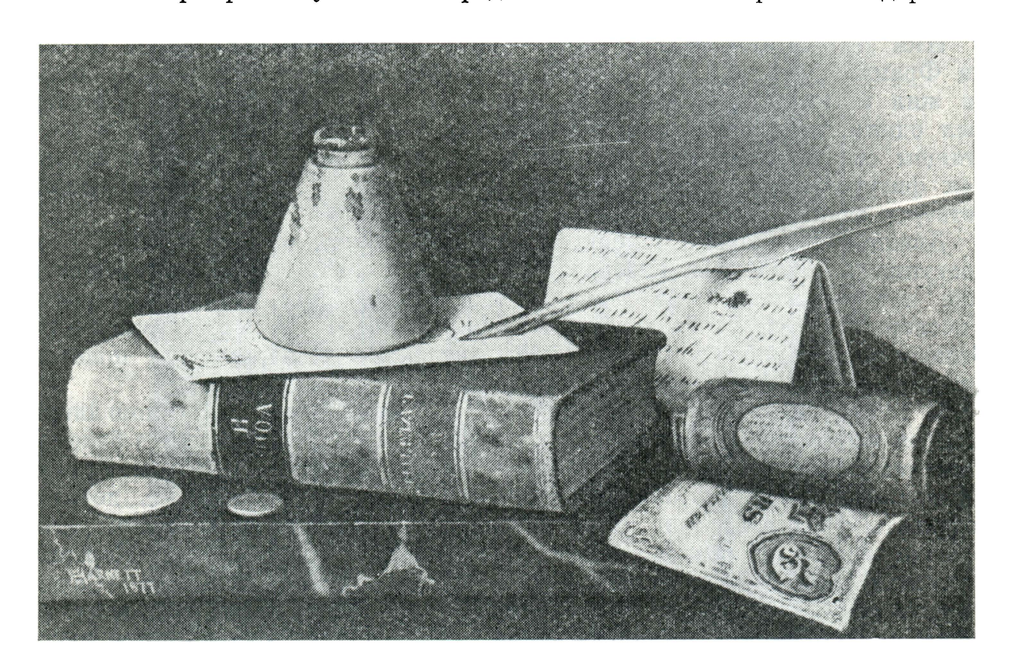
А. П. Райдер родился в Нью-Бедфорде (штат Массачусетс) — большом порту. С ранних лет жизнь Райдера была связана с морем, и еще ребенком он стал рисовать море. Райдер окончил местную школу — воспаление глаз помешало ему учиться дальше. Он начал писать сам, без постоянного учителя, ему помогали овладевать ремеслом местные художники-любители. Впоследствии Райдер скажет: «Натура — учитель, который никогда не обманывает. Надо служить натуре так же верно, как я служу искусству».

Райдер никогда не датировал своих произведений, часто не подписывал их, а над многими из них работал годами. Его картины 70-х годов — это в большинстве пейзажи, порой с изображением людей, с различными животными; по стилю они более натуралистичны, чем его поздние картины. Заход солнца, луна, редкие часы полного освещения были его излюбленными мотивами. Несомненное влияние на творчество Райдера оказали Блэйк и его последователи.

Глубоко впитывая натуру, Райдер писал обычно по памяти. Сильной стороной его творчества являются пейзажи — мрачные по настроению, глубокие и сильные по живописи. Райдер писал небеса с тяжелыми облаками, волнующееся море, и все это окрашивалось таинственным. загадочным настроением, трудно передаваемым словами, созвучным лишь музыке («Мертвая птица», галерея Филипс, Вашингтон). Многие полотна написаны художником на библейские и мифологические сюжеты, соответствующие его мировосприятию («Зигфрид и сирены», Национальная галерея искусств, Вашингтон; «Пасторальная сцена», Смитсоновский институт, Вашингтон). Райдер часто путешествовал и отнюдь не был затворником, как его любят изображать американские искусствоведы.

В 1877 г. он провел месяц в Лондоне, летом 1882 г. объездил всю Англию, а позже – Францию, Нидерланды, Италию, Испанию. В 1887 и 1896 гг. снова пересекал Атлантику.

Творчество Райдера оставило заметный след в истории американского искусства, но признание пришло после смерти (Райдер умер в нищете). На первой же крупной международной выставке в Нью-Йорке в 1913 г. «Армори шоу» было представлено шесть картин Райдера.



УИЛЬЯМ ХАРНЕТТ. ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛ. НАТЮРМОРТ. 1877

Хомер, Эйкинс, Райдер – самые крупные явления в американском изобразительном искусстве второй половины XIX в. К своеобразным явлениям в живописи США этого периода относится натюрморт. В 80-е годы сильный импульс к его развитию дали У. М. Харнетт и Дж. Ф. Пито.

Уильям Майкл Харнетт (1848–1892) жил в Филадельфии и Нью-Йорке, учился сначала в Пенсильванской академии, а затем в Национальной академии рисунка. Работал гравером. В Филадельфии, где уважались традиции Рембрандта, Пила, Харнетт впервые начал писать натюрморты. Излюбленным мотивом художника стало изображение старых музыкальных инструментов, лучшей его картиной является «Старые модели» (1892, Музей изящных искусств, Бостон). Харнетт прекрасно владел искусством композиции, а его живописный стиль был под стать старым голландским мастерам.

Джон Фредерик Пито (1854–1907) был тесно связан с Филадельфией. В 1878 г. учился в Пенсильванской академии, затем работал самостоятельно. Пито во многом шел по стопам Харнетта, являясь одновременно его почитателем и соперником. Многие натюрморты Пито припи-

сывались ранее Харнетту. В своих произведениях Пито предстает тонким и одаренным живописцем («Натюрморт с лампами», Бруклинский музей, Нью-Йорк).

В это же время вне США громкой славы достигают художники — американцы по происхождению — Дж. Уистлер, М. Кэссетт, Дж. С. Сарджент, имена которых вписаны в историю европейского искусства, но их творчество порой необъяснимым образом связано с традициями американской культуры.

Имя Джеймса Уистлера (1834—1903) принадлежит в равной степени Франции, Англии и США. И не только потому, что в разные годы он жил в Париже, Лондоне, а родился в штате Массачусетс. Уистлер был одним из самых ярких художников 70—90-х годов XIX в. в блестящем созвездии европейских мастеров живописи. Одинокая и странная фигура, он создал настроение и звучание в живописи последней четверти века.

Двадцатидвухлетний юноша приехал в Париж в ноябре 1855 г. и поступил в Академию Глэера. Он оказывается в одной мастерской с еще неизвестными тогда живописцами Мане, Дега, Фантен-Латуром. Уистлер прошел через множество увлечений и весьма разных — от Веласкеса и Курбе до японской гравюры. Но с первых же полотен предстал самостоятельным мастером.

В 1862 г. Уистлер создает картину «Белая девушка» (Национальная галерея искусств, Вашингтон), задуманную им как «Симфония в белом». Решение живописных задач полотна было совершенно новым — отказ от привычного гладкого письма, манера суммарно обозначать детали, создавать формы не при помощи линий, но противопоставлением цветов (моделировать объемы, вместо того чтобы очерчивать их). Картине Уистлера было предоставлено «место почета» перед входом в «Салон отверженных» в 1863 г. Эмиль Золя, посетивший выставку вместе со своим другом Сезанном, впоследствии рассказывал, что у картины люди подталкивали друг друга и хохотали чуть не до истерики, перед ней всегда стояла толпа ухмыляющихся зрителей. Так были восприняты современниками почти все произведения Уистлера.

Уистлер неоднократно бывал в Англии. В Лондоне им написаны пронизанные музыкой удивительные пейзажи: «Ноктюрн — синее с серебром. Огни Кремерна», «Ноктюрн — черное с золотом. Огненное колесо». Уистлер виртуозно передавал жизнь природы, полную трепета и движения. В 80-е годы он создал блестящую серию рисунков в Венеции. Но главной в его творчестве была портретная живопись, в которой талант Уистлера — чуткого интерпретатора души человеческой и редкого колориста, способного цветом дать психологическую характеристику,— раскрылся в полной мере. Два из созданных им портретов — «Портрет матери» (1871, Лувр, Париж) и «Томас Карлейль» (1872, Художественная галерея, Глазго) тесным и неожиданным образом связаны с традициями американской живописи XVIII в.: пуританская строгая ограниченность композиционного решения, некоторая отстраненность образа от зрителя, не смешанная палитра, ограниченная двумя-тремя цветами.

Портрет Карлейля, названный Уистлером «Гармония в сером и черном», изображает Карлейля в профиль, сидящим у гладкой стены, так что на ее сером фоне четким силуэтом выделяется его фигура. Богатейшие оттенки двух цветов передают состояние глубокой, внутренней

ДЖЕЙМС УИСТЛЕР. ГАРМОНИЯ В СЕРОМ И ЧЕРНОМ. 1872
(ПОРТРЕТ ТОМАСА КАРЛЕЙЛА)

сосредоточенности уже немолодого ученого и в сочетании с четкими, почти геометрическими стенами и острой выразительностью контура выражают благородство и аристократизм, изысканность натуры.

По этому же принципу построен и портрет матери, о котором прекрасно сказал Бенуа: «Все, что мы будем говорить за или против него, останется не более как плеском воды у подножия скалы. Воплощенная в традиции расы, она признается классической, а о классической вещи можно говорить как о жизни с точки зрения личного чувства» [41].

Судьба Уистлера была трудной, признание пришло лишь в конце 90-х годов в Лондоне, когда он был избран президентом международного общества скульпторов, художников, граверов.

---

[41] *Бенуа А.* Выставка Уистлера.— Мир искусства, 1905, № 8, с. 49.

С историей французского импрессионизма неразрывно связано имя Мэри Кэссетт (1844—1926), художницы, родившейся в США. В 1851 г. семья художницы переехала в Европу, поселилась в Париже. В 1855 г. они вернулись в Америку. В 1861—1865 гг. Кэссетт занимается в Пенсильванской академии художеств. В 1866 г. едет во Францию и здесь занимается в студии Чарлза Чаплина. В 1868 г. впервые выставляется во французском Салоне, в 1870 г. возвращается в Филадельфию, но только на один год, затем путешествует по Италии, в Парме изучает живопись Корреджо. Здесь же занимается гравюрой в студии Карло Раймонди. В 1873 г. едет в Мадрид, Севилью, где знакомится с испанской, фламандской и голландской живописью. В этот же год выставляется в Салоне «Торреро и молодая девушка». Когда в ателье Надара на бульваре Капуцинок открылась первая выставка «отверженных» художников, в будущем названных импрессионистами, рядом с «Ложей» Ренуара и «Впечатление. Восход солнца» К. Моне висела картина М. Кэссетт «Портрет мадам Кортье», одобренная Дега. (Известно высказывание Дега: «Я никогда не думал, что женщина может так рисовать».)

С тех пор Кэссетт — постоянная участница почти всех выставок импрессионистов вплоть до 1886 г. В 1891 г. в Париже в галерее Дюран-Рюэля — первая персональная выставка Кэссетт (10 гравюр, две картины маслом и две пастели); в 1893 г.— выставка у Дюран-Рюэля, включавшая уже 98 работ; в 1896 г. в галерее Дюран-Рюэля в Нью-Йорке работы Кэссетт впервые были показаны в Америке; в 1914 г. большая выставка Кэссетт была организована у Дюран-Рюэля в Париже и у нее на родине. Кэссетт была награждена Золотой медалью Пенсильванской академии. Художница умерла в 1926 г. во Франции (не работала с 1914 г. из-за слепоты).

Эволюция творчества Кэссетт легко прослеживается. В ранних произведениях сильно проступает влияние старых мастеров — «Торреро и молодая девушка» (1873, Художественный институт, Чикаго). Влияние импрессионизма, легкость и воздушность живописи наблюдаются в картине «Читающая женщина» (1878, городской музей, Лос-Анджелес). Стиль твердо очерченного рисунка отличает картины «Мать, моющая спящего ребенка» (1880, городской музей, Лос-Анджелес), «Чашка чая» (1880, Музей изящных искусств, Бостон), «В опере» (1880, Музей изящных искусств, Бостон). Зрелым, реалистическим мастером предстает Кэссетт в произведениях «Мать и дитя» (1890, Художественный музей, Канзас-Сити), «Купание» (1891, Художественный институт, Чикаго).

В творчестве Кэссетт удивительным образом сочетались традиции европейского, восточного и американского изобразительного искусства. В ее женских портретах есть осязаемость образов, их прямая и «земная» характеристика, твердый, графический рисунок — черты, характерные для американского портрета XVIII в.

Художником, пользующимся огромной популярностью в Европе и в США, был Джон Сингер Сарджент (1856—1925). Американец по происхождению, он родился в Италии. Юношей учился у салонного французского живописца Каролюса Дюрана. С 20 лет начал писать заказные портреты. Сарджент много путешествовал, изучая европейское искусство старых мастеров, жил в Париже, затем в Лондоне. Одна из его ранних

ДЖОН СИНГЕР САРДЖЕНТ. ГОСПОЖА ДАЙЕР. 1880

работ — портрет Каролюса Дюрана, написанный в Париже и выставленный в Салоне в 1879 г.,— получила признание в аристократических кругах. В 1881 г. за портрет «Доктор Поцци у себя дома» художник получил вторую премию и медаль Салона. В этом портрете, так же как и в картине «Дочери Эдварда Дарли Буа» (1882, Музей изящных искусств, Бостон), чувствуется сильное увлечение Веласкесом. В ряде портретов прослеживается влияние Хальса. Из современников Сарджент был близок в отдельных, лучших своих произведениях к Э. Мане и Т. Эйкинсу.

Обычно Сарджент писал портреты в полный рост на гладком фоне или в интерьере, свободно моделируя объемы, выделяя светом лицо портретируемого, создавая какую-то определенную атмосферу, соответствующую характеру изображенного. Далеко не все портреты отличаются подлинной глубиной раскрытия образа (Сарджент написал довольно

много холодных, салонных портретов). Когда же в произведении сочетаются свойственные этому живописцу элегантность и утонченность, легкость и виртуозность письма со стремлением постичь образ, Сарджент-портретист достигает подлинных высот реалистического искусства, например в портретах «Роберт Луис Стивенсон (1834—1887, музей Тафта, Цинциннати), «Госпожа Пуарсон» (1885, Институт искусств, Детройт) или в портрете «Ашер Вертхеймер» (1898, галерея Тэйт, Лондон).

Сарджент неоднократно бывал в США, стремясь оставить свой след в культуре страны. Кроме ряда портретов, созданных на американской земле, среди которых выделяется портрет «Госпожа Эдвард Л. Дэвис и ее сын Ливингстон» (1890, коллекция А. Хаммера, Лос-Анджелес), написанных под влиянием картин Дж. С. Копли, Сарджент сделал фрески в Бостонской публичной библиотеке (1889), а также в Музее изящных искусств в Бостоне (1916—1925). Творчество Сарджента, отмеченное как взлетами, так и неудачами, тем не менее представляет собой явление мировой культуры и связано с поисками, характерными для искусства Англии, Франции, России конца XIX в.

Таким образом, во второй половине XIX в. американская живопись развивается в нескольких направлениях. В самих Соединенных Штатах художники стремятся упрочить и развить национальные реалистические традиции, ясно понимая то, о чем великолепно написал Г. Адамс: «Что нам необходимо, так это школа. Нам необходим в национальном масштабе круг молодых людей, таких, как мы, или лучше нас, чтобы положить начало новым веяниям не только в политике, но и в литературе... в обществе...» [42]. Художники Соединенных Штатов, жившие в Европе, не связанные с традициями культуры своей страны, во многом способствовали развитию новых тенденций в европейском искусстве. Они были новаторами отнюдь не в меньшей степени, чем их великие современники.

В 70-е годы XIX столетия переживает расцвет американская скульптура, чему способствует творчество Огастеса Сент-Годенса (1848—1907) — поистине великого скульптора. В скульптуре, так же как и в живописи, влияние европейской культуры было чрезвычайно сильным. Наиболее известные скульпторы — Олин Леви Варнер, Огастес Сент-Годенс и Даниэл Честер Френч — учились в Париже в конце 60-х годов, в Школе изящных искусств. Вернувшись после гражданской войны в США, они попали в общее движение преодоления провинциального натурализма и поисков новых идей и направлений.

Сент-Годенс родился в Дублине и был привезен в Соединенные Штаты ребенком. С 13 лет занимался резьбой по камню, затем учился в Национальной академии рисунка. В 1867 г. был отправлен отцом учиться в Париж, в мастерскую Жюффруа — одного из самых известных тогда академистов. Затем два года провел в Риме. Его первой крупной работой, созданной в Нью-Йорке в 1874 г., стала мраморная статуя «Тишина» (Дом массонов, Нью-Йорк). Сент-Годенс стал одной из наиболее обещающих фигур «нового движения». Когда его работы не были допущены на очередную академическую выставку, он принял участие в организации Общества художников в 1877 г. Затем скульптор вернулся в Париж, где работал над панельными рельефами для композиции «По-

[42] Литературная история США. М., 1979, т. 3, с. 179.

клонение Христу» для церкви св. Троицы в Нью-Йорке — прекрасный пример академического эклектизма — парафраз итальянских рельефов XV в. (погибли при пожаре 1905 г.). Но главным созданием тех лет был грандиозный памятник в бронзе адмиралу Дэвиду Фаррагуту — герою гражданской войны (поставлен в Мэдисон-парке в Нью-Йорке). Памятник Фаррагуту сразу принес признание Сент-Годенсу, сумевшему в этом произведении соединить высокий стиль великих мастеров Италии, в частности Донателло, и суровость американского реализма в традициях Гудона. Памятник Фаррагуту стал ярким достижением американской реалистической скульптуры XIX в.

С 1881 г. Сент-Годенс постоянно живет в Нью-Йорке, и созданные им произведения в течение двух десятилетий ставят его в число веду-

ОГАСТЕС СЕНТ-ГОДЕНС. НАДГРОБИЕ М-С АДАМС. 1891.
КЛАДБИЩЕ РОК-КРИК, ВАШИНГТОН

щих скульпторов страны. В 1887 г. он создает памятник Линкольну (для Линкольн-парка, Чикаго). Несмотря на некоторую литературность, «академичность» в постановке фигуры, скульптор раскрыл одухотворенный образ президента — противника рабства. Самой известной и, пожалуй, лучшей работой Сент-Годенса стал надгробный памятник на могиле м-с Адамс, на кладбище Рок-Крик в Вашингтоне (1886—1891). Аллегорическая статуя «Мир господень» решена предельно обобщенно. В сидящей женской фигуре, закутанной в плащ, пластически монументально выражена идея скорби. В этом надгробии талант Сент-Годенса, большого художника, проявился особенно ярко. Последней работой Сент-Годенса стала конная статуя генерала Шермана в Нью-Йорке (1897—1905, Центральный парк).

Независимым от изобразительного искусства представляется путь развития американской архитектуры этого периода. С 70-х годов XIX в. в архитектуре усилилась борьба двух направлений. С одной стороны, продолжалось развитие эклектизма, а с другой — функционализма. Это была не только эстетическая, но и моральная дилемма современного человека изменить мир с его устаревшими традициями и концепциями.

Американские архитекторы стали искать новые формы сотрудничества между архитектором и инженером для сочетания в здании функционального и эстетического начал. Для американского эклектизма источниками послужили два противоположных стиля — викторианская готика и стиль Наполеона III, возродивший французское классическое барокко времен Людовика XIV. Интересно отметить, что школы, библиотеки, музеи строились в готическом стиле, в то время как правительственные и коммерческие сооружения, отели — в псевдобарочном. Наиболее яркими представителями эклектической эпохи в архитектуре США были Ричард Моррис Хант (1827—1895) и Хенрай Хобсон Ричардсон (1838—1886).

Многие архитекторы этого времени были вдохновлены идеями Джона Рёскина, изложенными им в книгах «Семь светочей архитектуры» и «Камни Венеции». Влиянием рёскинского подхода к материалу отмечено творчество Френка Фюрнеаса (1839—1912), автора здания Пенсильванской академии художеств (1872—1876). Стремительный взлет художественной, технической, инженерной мысли был свойствен молодому поколению архитекторов, творчество которых во многом предопределило направленность развития американской архитектуры XX в. Особое значение имела деятельность «чикагской школы», основное внимание уделявшей применению ранее не использованных в строительстве материалов — стекла, стали, впервые начали возводиться металлические конструкции. Функциональное назначение здания было главным для архитекторов, а вернее — инженеров «чикагской школы». Во главе их стоял Уильям Барен Дженни (1832—1907), инженер по образованию, автор первого в США небоскреба «Лейтер» (1879, Чикаго).

Самым крупным архитектором конца XIX в. был Луис Салливен (1856—1924), один из представителей «чикагской школы». Два известных сооружения Салливена — «Аудиториум» в Чикаго (1886—1890) и «Уэйнрайт» в Сент-Луисе (1890) отразили его эстетическую позицию, новую для американской архитектуры и нашедшую впоследствии развитие в творчестве Ф. Л. Райта. Эклектизм, так распространенный в архитектуре США, был абсолютно чужд Салливену. Он предпочитал сочетать

функциональное назначение здания с формой. Салливен был единственным представителем «чикагской школы» со специальным архитектурным образованием (учился в Париже в Школе изящных искусств).

Нельзя не отметить и творчество инженеров-строителей Джона Огастеса Рёблинга (1806—1869) и его сына Вашингтона Рёблинга (1837—1926) — авторов Бруклинского моста в Нью-Йорке, открытого в 1884 г.

По целенаправленности американская архитектура конца XIX — начала XX в. выделяется в истории мировой архитектуры. Молодое поколение архитекторов активно участвовало в застройке городов, в создании планов, соответствующих новым требованиям индустриальной эпохи. Этим требованиям полностью отвечало возведение небоскребов, которые впервые появились в крупных городах — Нью-Йорке, Чикаго, Филадельфии. Их конструкции как бы пропагандировали применение стекла и стали и отвечали социальным задачам времени. Они группировали оффисы в городских центрах и делали их удобными, заключая в одном пространстве.

ЗДАНИЕ «АУДИТОРИУМ» В ЧИКАГО, 1886—1890
(АРХИТЕКТОР Л. САЛЛИВЕН)

Резким контрастом к поискам современников стоит творчество Франка Ллойда Райта (1869—1959) — известного американского архитектора, ранние постройки которого относятся к началу XX в. Ученик Салливена Райт сосредоточился на разработке проектов частных домов-вилл. Он реализовал связь дома с окружающим пространством. Пространство планировалось таким образом, чтобы достичь впечатления единого це-

лого. Для Райта архитектура не существовала сама по себе, ее красота зависела от того, насколько она гармонирует с естественным пространством. Не случайно на Райта большое впечатление произвела японская архитектура (Роби-хауз, 1909, Чикаго; Хикокс-хауз, 1900, Иллинойс; Виллитс-хауз, 1902, Иллинойс).

Во всех областях культуры США переход к XX столетию был спокойным и не означал в первые годы резких перемен. В конце XIX—

ЗДАНИЕ «УЭЙНРАЙТ» В СЕНТ-ЛУИСЕ (ШТАТ МИССУРИ). 1890
(АРХИТЕКТОР Л. САЛЛИВЕН)

начале XX в. реалистические традиции Хомера и Эйкинса обрели новую жизнь в произведениях их последователей. В этом ряду самой яркой фигурой, обладавшей особым магнетизмом, стал Роберт Хенри (1865—1929), значение которого для развития новых стилевых возможностей огромно.

Основы профессионального мастерства будущий художник получил в Филадельфии, в Пенсильванской академии художеств у ученика Эйкинса — Томаса Аншутза. Тяга к изучению европейского искусства, восхищение произведениями Э. Мане, представленными на выставке импрессионистов в Нью-Йорке в марте 1886 г., укрепляют намерение 23-летнего Хенри продолжать обучение во Франции. В 1888—1891 гг. он занимается сначала в Академии Жюльена, а затем переходит в Школу изящных искусств. Однако основной школой для него становится Лувр, здесь определяются его интересы и влечения. Мир образов Веласкеса, Гойи, Хальса, особенности живописного строя произведений этих великих мастеров навсегда оставили след в творчестве Хенри. Современная ему жизнь кафе «Новых Афин», страсть споров, искания французских художников, их взлеты и разочарования прошли мимо него. Он был покорен искусством старых мастеров.

Вернувшись в США в 1891 г., Хенри создает портреты, отмеченные поисками своего стиля. В это же время, столкнувшись с мещанской, ограниченной и вместе с тем агрессивной в своей тупости средой, в борьбе с которой проходила жизнь Эйкинса, Хенри решает открыть собственную студию в Филадельфии и порывает с Пенсильванской академией художеств. Именно эта студия становится школой известных в будущем живописцев. Здесь читаются первые лекции Хенри об искусстве, среди его слушателей оказываются открытые им для американской живописи и графики неизвестные тогда рисовальщики У. Глаккенс, Дж. Лакс и Э. Шинн. Он утверждал, что создаваемые ими иллюстрации — выразительные и неприкрашенные зарисовки действительности — несут в себе зачатки большого искусства.

Филадельфия в самом конце XIX в. по существу уже перестает быть художественным центром. В начале XX в. судьбу национального искусства во многом определяет Нью-Йорк. Хенри переезжает туда в 1901 г. и, открыв школу у Линкольн-центра, противопоставляет ее Национальной академии рисунка, консервативное жюри которой решало судьбу художественных выставок. Постепенно часть его учеников также перебираются в Нью-Йорк (у Хенри учились крупнейшие художники — Джордж Беллоуз, Эдуард Хоппер, Рокуэлл Кент, творчество которых будет определять следующий период в истории американского искусства).

В 1907 г. Национальная академия рисунка отказалась принять на свою весеннюю выставку полотна Хенри и его последователей. Вот в это время и пришло решение «отвергнутых» организовать собственную выставку. Основное ядро группы Р. Хенри составляли Джон Слоун (1871—1951), в творчестве которого впервые в живописи США ощущались элементы социально направленной сатиры; Уильям Глаккенс (1870—1939) — тонкий живописец, плененный искусством О. Ренуара; Эверетт Шинн (1876—1953) — правдивый художник, написавший много картин, посвященных цирку, театру (в степени мастерства он уступал и Глаккенсу, и Слоуну); Джордж Лакс (1867—1933) — серьезный и хо-

роший портретист, близкий по остроте видения Слоуну. В выставке «Восьмерка» участвовали также Эрнест Лоусон (1873—1939), Морис Прендергаст (1859—1924), Артур Дейвис (1862—1928).

Началом их борьбы и одновременно самостоятельного творческого пути стало устройство выставки «Восьмерка» в феврале 1908 г. в Нью-Йорке в предоставленном им помещении галереи Уильяма Макбета. Успех выставки был непредвиденным — 300 посетителей за час (выставка была затем в Чикаго и Детройте). Реакция на выставку критики оказалась грубой и невежественной. Художников назвали «черной бандой», «разгребателями грязи», «школой мусорного ведра». Это название, звучащее по-английски «Ash can school», как ни странно, по сей день осталось во всех историях американского искусства.

Сейчас трудно себе представить, что произведения художников, кстати очень разных, могли вызвать столь единую негодующую реакцию. Назовем характерные произведения этой выставки, в адрес которых были направлены ожесточенные нападки. Это прежде всего выхваченная из жизни сцена в композиции «Окно парикмахерской» (1907) Дж. Слоуна; изображение неприглядного двора, видневшегося из окон студии Шинна, в полотне «На снегу» (1907); шокирующая публику картина «Борцы» (1908) Дж. Лакса; произведение Глаккенса «Каток» (1906); тихий уголок Гудзона в пейзаже Э. Лоусона «Весна» (1907); Нью-Йоркский центральный парк в композиции М. Прендергаста «Под деревьями, № 2» (1906); «Пасторальная идиллия» (1907) А. Дейвиса и, наконец, один из портретов Р. Хенри — убедительный и достоверный «Портрет Эвы Грин», 1907. (Интересно отметить, что на этой выставке восемь произведений были куплены Гертрудой Уитни и стали основой коллекции американского искусства, переданной государству в 1931 г., когда был утвержден первый в стране музей собственно искусства США, называющийся «Музей Уитни».)

Больше всего раздражал критиков объект изображения, хотя это были безобидные уличные сцены, пейзажи, портреты. И то, что наибольшее негодование вызвали портреты простых американцев, вероятно, не случайно. В этом и заключалось главное противоречие между Хенри и господствовавшими тогда вкусами.

Остро чувствуя новое, что несет в себе время, Хенри обращает главное внимание живописцев на процесс урбанизации. Художники стали писать растущий стальной город-исполин. Так в американском искусстве рождается «городской жанр». Полотна Слоуна, Лакса, Шинна, Глаккенса посвящены Нью-Йорку и его жителям.

Кредо Хенри — «жизнь — главный мотив искусства»[43]. Правда характера, человеческое достоинство — основное, что, по его мнению, должно быть передано художником. И этому принципу Хенри неукоснительно следовал сам. Наиболее интересными и важными для истории искусства США представляются следующие произведения Хенри: «Маскарадное платье» (портрет жены художника, 1911, Метрополитен музей, Нью-Йорк); «Молодая женщина в белом» (1904, Национальная галерея искусств, Вашингтон); «Портрет Уильяма Глаккенса» (1904, частное собрание, Нью-Йорк).

---

[43] *Glackens J.* W. Glackens and the Ashcan Group. N. Y., 1957, p. 6.

Главные и почти всегда повторяющиеся компоненты его благородной и гармоничной живописи — это строгая простота вертикальной композиции, где фигура очерчивается ясным и четким контуром и располагается на темном нейтральном фоне; сильные контрасты противоположных по интенсивности и глубине тонов. Для первых десятилетий XX столетия полотна Хенри были исключением. Они внесли в царившее тогда салонно-академическое искусство незыблемость жизненной правды, ясность и конкретность образов, гуманистическое начало.

После 1908 г. Хенри уделяет большое внимание организации новых выставок. «Восьмерка», заявив о себе, вскоре распалась. И это не случайно. Декоративность и легковесность пейзажей Лоусона, идиллические образы Дейвиса, отдаленно напоминающие самобытные произведения Райдера, созвучная постимпрессионизму живопись Прендергаста являлись в идейном и в стилистическом плане прямой противоположностью работам Хенри и его филадельфийским последователям. Тем не менее важно другое. Уже эта первая выставка, организованная Хенри, показала формирование разных течений в американском искусстве. Бунтарский дух, охвативший ее участников и направленный против официального академического искусства, способствовал организации ими целого ряда экспозиций, основным девизом которых стало «Ни жюри, ни премий, расположение полотен в алфавитном порядке».

Однако вскоре этот призыв обратился против самого Хенри и художников реалистического направления. После известной международной выставки современного искусства «Армори шоу», в организации которой приняли участие и Хенри, и С. Дэвис, ситуация резко изменилась. Впервые американцы получили возможность видеть основные искания европейских художников. Произведения Пикассо, Брака, Сезанна, Леже способствовали появлению огромного числа подражателей в среде живописцев США. (Еще в 1908 г. в фотоателье Штиглица открылась выставка картин Матисса, в 1911 г. — Пикассо.) От П. Пикассо, Ж. Брака, В. В. Кандинского началось распространение в США влияния кубизма и абстракционизма. Впитывание идей европейских художников особенно проявилось в творчестве первых американских модернистов — Макса Вебера (1881—1961) и Джозефа Стеллы (1877—1946).

Приближался 1914 год, европейские события все более и более будоражили умы американцев. Первые два года войны были для США фактически мирным временем, и, пожалуй, лишь в творчестве графиков война сразу же нашла резкое осуждение. Война изменила стиль графического юмора, придав ему остро социальный характер. В 1915 г. Арт Янг (1866—1943) в качестве корреспондента едет на Балканский фронт. Вместе со страстными очерками Дж. Рида на страницах известного прогрессивного журнала «Мэссиз» печатаются и рисунки Янга. Передовые писатели, графики, журналисты объединились вокруг этого журнала. Из художников его организаторами стали Джон Слоун, Роберт Хенри, Джордж Беллоуз, Боардмен Робинсон, вдохновителем «Мэссиз» был Дж. Рид. Рисунки углем, тушью, созданные Янгом в 10-е годы — время зарождения модернизма в американском искусстве,— передают грустную и тяжелую жизнь простых людей, согреты добрым взглядом художника. Если во Франции «живописцем улицы» называют Стейнлена, то в США это был Арт Янг. Самый яркий период творчества Янга падает на 10—20-е годы. До конца своих дней Янг оставался борцом за мир и

выступал с гневом и возмущением как обличитель капиталистического строя. Традиции А. Янга будут продолжены прогрессивными художниками-графиками начиная с 20-х годов.

Художественная жизнь США с каждым годом развивалась все более интенсивно. В 1917 г. в Гранд-Паласе при активном участии Хенри, Слоуна, Дэвиса открылась «Выставка независимых художников», явившаяся весьма представительной и крайне противоречивой (было представлено 2 тыс. произведений американских живописцев, скульпторов, графиков). Она стала жертвой принципов, смысл которых был истолкован весьма превратно. Свобода в искусстве большинством ее участников была возведена в культ самовыражения. Общественные и эстетические нормы, ясно сформулированные Хенри, отвергались представителями формалистического искусства. С этого времени реализм уже должен был сражаться со множеством формалистических течений, рьяно поднятых на щит буржуазным обществом.

3. МУЗЫКА

После гражданской войны начинается новый этап в истории американского народа и развитии его культуры. Освобождение черного населения от рабства пробудило в нем особый интерес к творческой жизни, обусловило огромный подъем и расцвет негритянского искусства. Трудовые песни негров, спиричуэлс, блюзы, регтайм, джаз привлекли всеобщее внимание самобытностью образов и настроений и явились классическими образцами американского искусства.

В негритянском искусстве США нашли яркое отражение актуальные проблемы политической и экономической жизни страны. Важнейшие общественно-политические события, такие, как гражданская война, не нашли отклика в музыкальных произведениях профессиональных композиторов, но прозвучали в народных негритянских песнях и гимнах последней трети XIX в. В них запечатлены подлинные лидеры гражданской войны — А. Линкольн, Ф. Дуглас и др. Особую популярность получил «Боевой гимн республики», способствовавший подъему боевого духа армии Севера. Мелодия гимна исполнялась с разными вариантами текста. Один из них был посвящен выдающемуся борцу за освобождение негров Дж. Брауну. В других текстах отчетливо слышны призывы к единству и братской солидарности трудящихся. Только в 40-е годы XX в. американские композиторы обратились к событиям эпохи гражданской войны. Интерес к этой теме в творчестве композиторов США был обусловлен патриотическим движением передовых сил всего мира в годы второй мировой войны.

Революционные преобразования гражданской войны не уничтожили полностью социальных противоречий между капиталистическим Севером и рабовладельческим Югом. Традиционный антагонизм жителей Юга к республиканскому правительству Севера нашел отражение в одной из песен Юга, записанной Дж. Ломаксом:

Я — старый, добрый бунтовщик.
Я проклинаю эту страну свободы.
Я ненавижу нацию янки и все, что они делают.
Я ненавижу Декларацию независимости[44].

---

[44] *Lomax J.* American Ballads and Songs. N. Y., 1936.

Капиталистический путь развития с его стремительным ростом железных дорог, заводов, фабрик, шахт вызвал значительный рост численности пролетариата. Новые условия труда рабочего класса выдвинули новую тему в американской песне — тему труда.

В трудовых песнях рабочего класса, получивших распространение после гражданской войны, отражены противоречия между трудом и капиталом, с особой остротой подвергаются критике пороки капиталистического общества. Наиболее яркие страницы социальной борьбы отразились в песнях протеста. Они были созданы для рабочей организации «Орден рыцарей труда» в 80-е годы, для Пульмановской забастовки 1894 г., для сторонников единого налога Г. Джорджа и Народной партии, наиболее активно выступавшей в 90-е годы XIX в. Дж. Стейнбек говорил, что «песни трудящихся всегда были ярчайшим выражением их стремлений, той формой, которую нельзя было уничтожить. Можно сжигать книги, подкупать газеты, запрещать петиции и памфлеты, но нельзя запретить людям петь» [45].

После гражданской войны открываются школы, колледжи и университеты для негров. В 1871 г. был основан негритянский хор университета Фиска (г. Нашвилл), возглавляемый и руководимый Дж. Уайтом, аболиционистом, сражавшимся вместе с неграми в гражданской войне. Выступления хора вызвали огромный общественный резонанс. Впервые широко были представлены негритянские духовные гимны — спиричуэлс, которые привлекли внимание не только американской публики, но и всего мира. Воспитанником этого хора и выдающимся исполнителем спиричуэлс являлся негритянский певец Роланд Хейс (1887—1976), удостоенный почетного звания доктора музыки университетов Фиска, Уэсли, Бостонского университета и других наград.

В канун гражданской войны была организована первая экспедиция жителей северных районов в южные районы США, участники которой оценили художественное своеобразие негритянского фольклора и в 1867 г. издали книгу «Песни рабов Соединенных Штатов». Импульсом к изучению негритянского фольклора явились также концерты хора университета Фиска. В последней трети XIX в. и затем в XX в. в связи с усилением интереса американских исследователей к негритянскому фольклору появляются сборники негритянского фольклора. Именно в недрах негритянского фольклора зародились специфические американские национальные жанры, такие, как спиричуэлс, блюз, джаз. Среди многообразия жанров афро-американского фольклора можно отметить два направления. Одно связано с песнями негров, исполняемыми в процессе труда, трудовые песни плантаций. Другое объединяет песни, созданные вне работы, в которых главенствует возвышенное, эмоциональное начало, раскрывается духовное богатство внутреннего мира черного населения.

Трудовые песни рабов повествуют о жестокой эксплуатации. Музыкально-стилистические особенности трудовых песен сформировались под воздействием традиций африканских песнопений. Это проявляется в использовании омузыкаленных выкриков, нетемперированных звуков, перекличек солиста и хора, небольшого диапазона мелодии, прерывистых музыкальных фраз. Выдающийся деятель негритянского движения Ф. Дуглас, вспоминая детские годы, неоднократно с сожалением отмечал

---

[45] Цит. по: *Greenway J.* American Folk Songs of Protest. N. Y., 1953, p. VII.

принудительный характер исполнения трудовых песен негров в процессе тяжелой работы под неусыпным взглядом надсмотрщиков.

Среди различных музыкальных жанров, создаваемых неграми вне работы на плантациях, особое место занимают хоровые песни — спиричуэлс, воплотившие лучшие черты духовного облика негритянского народа. Первые сведения о спиричуэлс относятся к 60—70-м годам XIX в. Плантаторы Юга, стремясь к полному повиновению негров, усиленно распространяли с конца XVIII в. христианство, видя в нем одно из средств порабощения негритянского населения.

Находясь в условиях жестокой эксплуатации, негры тянулись к религии и были особенно восприимчивы к ней (христианству). В религиозном культе их больше привлекал эмоциональный облик церковных песнопений, нежели философско-нравоучительная сторона молитв. Тексты спиричуэлс преимущественно связаны с религиозной тематикой, хотя и трактованной более свободно. Тема страдания народа, пронизывающая многие библейские сказания, ставшая близкой и понятной обездоленному и угнетенному негритянскому народу, заняла главное место в негритянских духовных песнях. Несмотря на то что тексты спиричуэлс часто окрашены трагическими тонами, в них выражена вера в светлое будущее.

Церковные гимны, привезенные европейцами, явились лишь импульсом к созданию оригинальных негритянских песен, в которых претворились структурные элементы англокельтской баллады, основанной на противопоставлении запева и хорового припева, пентатонические и гексатонические интонации шотландских и ирландских песен, широко бытовавших на Юге США, в сочетании с африканской манерой исполнительства, выраженной в использовании вокальных вибрато, «трелей», нетемперированных звуков, глиссандо, виртуозного синкопирования, обусловивших яркие самобытные черты спиричуэлс. Спиричуэлс — это искусство коллективной импровизации. Каждый исполнитель насыщает напев новыми своеобразными чертами. Импровизационность способствует постоянному обогащению спиричуэлс. Таким образом, спиричуэлс — хоровые духовные песни без сопровождения возникли в результате синтеза художественных традиций англокельтского и африканского видов фольклора на социальной и культурной почве южных районов США.

В фольклорных сборниках конца XIX в. появляются различные обработки спиричуэлс. Но записанные темперированными звуками в сопровождении традиционных европейских гармоний, спиричуэлс утрачивают своеобразие и оригинальность импровизированных народных песен [46]. Интересно отметить, что впервые элементы спиричуэлс нашли отражение в симфонии «Из Нового Света» чешского композитора А. Дворжака, который в 1892—1895 гг. жил в США. Обращение Дворжака к традициям спиричуэлс способствовало в дальнейшем появлению интереса к ним американских композиторов так называемого фольклорного направления — Э. Фаруэлла, Г. Гилберта, Ч. Кадмена.

В период Реконструкции после гражданской войны в негритянской среде, помимо спиричуэлс, сформировались евангелические песни-госпел, которые развивались под большим влиянием европейских гимнов. Госпел, подобно другим духовным жанрам, возникли в период подъема негритян-

---

[46] Подробнее см.: *Конен В.* Пути американской музыки. М., 1977, с. 92—156.

ского движения. Но в отличие от многих духовных жанров, появлявшихся преимущественно в отдаленных сельских и пограничных районах, госпел сформировался как городской жанр. В текстах госпел преобладают приподнятые чувства и возвышенные настроения, часто используется прием метафоры для создания евангельских образов. Наряду с этим можно встретить в госпел элементы иронии, пародии и гротеска. Среди авторов госпел были А. Дж. Сэнки (1840—1908), Роберт Лоури (1826—1899). Синкопированная ритмика госпел нашла отражение в скрипичной сонате № 4 Ч. Айвза «День детей в загородном лагере» (Айвза цитирует рефрен песни Р. Лоури «Прекрасная река») и в «Вариациях и фуге на воскресные школьные мелодии» В. Томсона.

На рубеже XIX—XX вв. в негритянской музыкальной культуре в отличие от духовного жанра спиричуэлс зародились светские лирические песни-блюзы. Они возникли в среде негров на Юге США на хлопковых плантациях, фабриках, в тюрьмах. В содержании блюзов преобладает тема неразделенной, несчастной любви. В отличие от хоровых спиричуэлс блюзы — сольные песни под аккомпанемент гитары или банджо.

Музыкально-стилистические черты блюзов имеют много точек соприкосновения со спиричуэлс (вокальные вибрато, детонирование, лад с малой и большой терциями, малой и большой септимами), но в эстетическом отношении эти жанры различны. Если в спиричуэлс тема одиночества и страдания сочеталась с верой в светлое будущее и темой протеста, то в блюзах преобладают пессимистические настроения отчаяния, безверия, безнадежности, тоски и скептицизма.

В развитии блюзового искусства выделяют три «школы»: «сельский» блюз (country blues), «городской», или «классический» (city blues) и «урбанистический» блюз (urban blues).

Самым ранним является «сельский» блюз, возникший в 70-е годы XIX в., в период Реконструкции. В содержании блюзов отразились типичные настроения «свободных негров» послевоенных десятилетий. Бывшие рабы-невольники сначала испытали огромное чувство подъема и оптимизма. Но веками господствовавшая расовая ненависть белых жителей к неграм продолжала существовать. Живя в атмосфере конкуренции и соревнования с белыми американцами, негры вновь подвергаются унижениям и преследованиям со стороны белых южан. В их сознании укрепляются чувства глубокого разочарования, трагического одиночества в своей собственной стране.

Эти новые душевные настроения негров с особой остротой отразились в блюзах. Образы страданий, неудовлетворенной любви, откровенной чувственности и эротики, типичные для блюзов, окрашены мрачным колоритом. Как правило, основа содержания текстов блюзов — сцены из реальной жизни негров (в притонах, тюрьмах, публичных домах и различных увеселительных заведениях), отражающие их неприглядность, с использованием циничных и грубых оборотов речи. Характерные черты «сельских» блюзов — импровизационность, отсутствие нотирования их и влияния профессионального искусства. Исполнителями «сельских» блюзов в основном были мужчины.

Вторая «школа», известная под названием «городской», или «классический», блюз, сложилась в начале XX в. В отличие от «сельского» «классический» блюз занимает прочное место на городских эстрадах; именно в этой разновидности блюзов выдвинулись яркие исполнители —

Гертруда Ма Райни, Хэдди Ледбеттер, Бесси Смит (вошедшая в историю как «императрица блюзов»), Кинг Оливер, Луи Армстронг.

Позднее от «классического» блюза, получившего широкое распространение в городских негритянских районах, ответвляется новый вид блюзов, известный как «урбанистический», или «изысканный». Эта разновидность блюзов популярна не только в негритянской среде, но и у белых американцев.

Сразу же после утверждения «классических» блюзов к этому жанру обращаются профессиональные композиторы. Негритянский композитор Уильям Хенди («отец блюзов») был одним из первых профессиональных авторов, создавший ряд песен, назвав их блюзы. Огромную популярность завоевали его «Блюзы Мемфиса», «Блюзы Сент-Луи», «Блюзы Гарлема».

Однако обработки блюзов (как и многих других жанров негритянского искусства в традиционной манере), нотные записи лишают жанр главной особенности — импровизационного начала и предстают в обедненном и часто искаженном виде. Подобные аранжировки блюзов получили название «коммерческий» [47].

Блюз явился одним из основных предвестников джаза, он оказал воздействие и на эстетику джаза и на его музыкально-выразительные средства. Но корни джаза возникли не только в различных видах негритянского фольклора. Гораздо ранее они проявились в менестрельной комедии, бурный расцвет которой приходился на 60—80-е годы XIX в. Искусство менестрелей, зародившееся в США в 40-е годы XIX в., представляет своеобразную разновидность музыкального эстрадного театра. Период Реконструкции в США, последовавший после окончания гражданской войны, характеризовался, с одной стороны, активным ростом капиталистических отношений, а с другой — упадком общественных настроений, расцветом буржуазного мещанства и обывательства. Американская публика XIX в., в целом отличавшаяся консервативными взглядами и отсутствием высокой культуры, тяготела в основном к развлекательным эстрадным жанрам. Эта общая атмосфера ограниченных художественных интересов и обусловила легкожанровую направленность менестрельного театра.

В обработках менестрельных песен заметны также черты негритянского фольклора, что особенно проявляется в инструментальной партии банджо — синкопирование, нисходящее движение мелодии, «остинато» кратких пентатонических мотивов, последовательность параллельных септаккордов, а также в использовании тамбурина и кастаньет. Негритянские влияния ощутимы в менестрельной музыке и в антифонных сопоставлениях хора, солистов и инструментов. Таким образом, специфические черты менестрельного театра сложились в результате взаимодействия англокельтской и негритянской музыки легкого жанра.

В недрах менестрельного театра утверждаются танцевальные эстрадные жанры — кекуок, уанстеп, регтайм. Особую роль среди них призван сыграть регтайм, который наряду с блюзами также явился предвестником джаза. Эпоха широкого распространения и увлечения регтаймом охватывает период с 90-х годов XIX в. до конца первой мировой войны.

---

[47] Подробнее см.: *Конен В.* Блюзы и XX век. М., 1980.

Регтайм — городской танцевальный жанр фортепьянной музыки, исполняемый неграми в разного рода увеселительных заведениях. Необычная трактовка фортепьяно как ударного инструмента в корне отличалась от его использования в Европе в XIX в. Острые ритмические акценты и синкопы, применение на фортепьяно приемов, родственных ансамблевой игре на банджо, придавали своеобразие регтайму. Ярким представителем этого жанра был негритянский композитор-самоучка Скотт Джоплин (1869—1917). Возрождение творчества Джоплина начинается в 70-е годы XX в., в канун 200-летия образования США.

Наряду с менестрельным театром в 90-е годы существуют различные музыкально-театральные представления — мюзик-холл, варьете, эстрадные танцевальные шоу. На рубеже XX в. в США широко распространилась оперетта, которая затем в синтезе с элементами английской комической оперы, популярной в Америке, и менестрельного спектакля порождает мюзикл — специфический жанр именно американского музыкального театра. Огромного успеха в создании мюзикла и эстрадных песен достигли Виктор Герберт, Рудольф Фримл, Зигмунд Ромберг, Джером Керн, Коул Портер, Винсент Юманс, Ричард Роджерс и Джордж Гершвин.

Профессиональное композиторское творчество в США продолжало развиваться под воздействием западноевропейских школ. Со второй половины XIX в. господство английских музыкальных традиций сменилось влиянием немецкого романтического искусства. Несмотря на то что в этот период в США создаются свои кафедры композиции на музыкальных факультетах крупнейших университетов, они не пользуются популярностью у музыкантов, многие композиторы получают образование в Германии. Находясь долгое время вдали от родины, будучи изолированными от общественной атмосферы своей страны, по возвращении домой они не смогли создать значительной и единой национальной композиторской школы. Но уже во второй половине XIX в. в США возникли отдельные симфонические и хоровые произведения американских композиторов У. Мейсона, Дж. Бристоу, У. Фрая, не оказавших большого влияния на профессиональное композиторское творчество.

Первая композиторская школа в США сложилась в Бостоне (Новая Англия) в последней трети XIX в. Главным представителем так называемой «новоанглийской школы» был Джон Пейн (1839—1906), среди его последователей — члены кафедры композиции Гарвардского университета Дж. Чэдвик, Д. Бакк, Г. Паркер, А. Фут, С. Прат. Все они учились в Германии (Берлине, Мюнхене, Лейпциге), были активными приверженцами немецкой симфонической школы и с пренебрежением относились к народно-национальным видам американской музыки. Творчество композиторов «новоанглийской» школы, тесно связанное с немецкими романтическими традициями, представляло собой своеобразный филиал европейского музыкального искусства и не вызвало широкого общественного резонанса ни в США, ни в Европе. В последней четверти XIX в. в США выделились два самобытных композитора — Эдвард Мак-Доуэлл и Чарлз Айвз, оставившие яркий след в истории американской музыкальной культуры.

Основоположником композиторской школы в США американские критики называют «музыкального гения Америки» Эдварда Мак-Доуэлла (1861—1908), получившего признание и на родине и за рубежом. Творческие принципы Мак-Доуэлла сформировались под влиянием эстетиче-

ских и просветительских идей немецких романтиков, особенно Р. Шумана и позднее Ф. Листа. Это воздействие проявилось в широте художественных интересов Мак-Доуэлла, в его взглядах на искусство, в последовательном утверждении прогрессивного значения синтеза поэзии и музыки. Получив образование во Франкфурте-на-Майне, он работал в Германии как композитор, пианист и педагог. По совету передовых представителей американской интеллигенции Мак-Доуэлл вернулся в 1889 г. на родину, но, как отмечал американский музыковед Г. Чейс, «не расстался с Германией, а привез ее с собой»[48]. Он сохранил верность традициям немецких композиторов-классиков.

Вместе с тем Мак-Доуэлл пытался решить в своем творчестве проблему создания национального характера в музыке. Он впервые обращается к индейскому фольклору («Индейская сюита»). Однако композитор понял безуспешность попытки создания национального произведения на основе индейского фольклора, развивавшегося изолированно от американской музыкальной жизни. Мак-Доуэлл был активным общественным деятелем, пропагандировал передовые идеи музыкального искусства в лекциях, прочитанных в университетах Бостона и Нью-Йорка. Он утверждал, что национальное музыкальное искусство должно не только претворять типичные черты музыкального фольклора, но и воплощать характерные особенности духовного и психического склада народа, его культуры и природы страны.

В фортепьянных сочинениях Мак-Доуэлла прослеживается влияние программных фортепьянных циклов Р. Шумана. Лирические образы и настроения, романтическая мечтательность, картины природы, навеянные американской и европейской литературой (Г. У. Лонгфелло, У. Ирвинг, Н. Готорн, В. Гюго, Г. Гейне, И. В. Гёте), нашли отражение в его фортепьянных циклах «Заброшенная ферма», «Из сказок дяди Ремуса», «Рассказы при заходе солнца», «Рассказы у камина», «Идиллии Новой Англии», «Лесные эскизы», «Шесть поэм по Гейне», «Ориентали по Гюго», «Шесть идиллий по Гёте». Окрашенная поэтическим настроением музыка Мак-Доуэлла дала возможность американским критикам сравнивать его творчество с поэзией У. Уитмена.

Возглавив музыкальную кафедру Колумбийского университета в Нью-Йорке (1896—1904), Мак-Доуэлл разработал проект программы музыкального образования будущих композиторов и педагогов. Он полагал, что только широкое эстетическое образование может способствовать формированию творческих принципов музыканта и композитора. Широта и прогрессивность взглядов Мак-Доуэлла на музыкальное образование не нашли поддержки в университетских административных кругах, коммерческий дух которых противоречил самой идее служения искусству. Преследуя более узкую цель, дирекция хотела ограничиться курсом практического руководства по композиции. Работая в обстановке жестокой травли и ложных обвинений со стороны администрации университета, но не желая идти на компромисс, Мак-Доуэлл вынужден был оставить кафедру в 1904 г.

Творчество Мак-Доуэлла, получившее огромную популярность при жизни композитора, подверглось резкой критике в начале XX в. Ни один из американских композиторов XX в. не пошел по пути, проложенному Мак-Доуэллом. Ратуя за создание национального характера в музыке,

[48] *Chase G.* America's Music. N. Y., 1955, p. 348.

он не смог в полной мере воплотить эту идею в своем творчестве. Историческая роль Мак-Доуэлла заключается в утверждении веры в будущее профессиональной музыки США [49].

Особое место в музыке США принадлежит Чарлзу Айвзу (1874—1954), творчество которого не связано ни с одним из направлений американской музыки. Музыкальные произведения Айвза, созданные в период с конца XIX в. до 1918 г., почти не звучали при жизни композитора. Не получило должной оценки творческое наследие Айвза и в музыкальной критике того периода. Но это не мешало ему последовательно отстаивать свои эстетические принципы. После долгих лет забвения в 40-е годы XX в. состоялось «открытие» музыки Айвза для американцев. Композитор впервые услышал некоторые свои сочинения. Пропагандистами его творчества были Г. Коуэлл, Н. Слонимский, Л. Бернстайн, Дж. Киркпатрик и др. И только в 70-е годы нашего столетия, в канун 100-летия со дня рождения композитора, его музыка заняла прочное место на концертных сценах мира. В СССР постоянно исполняются фортепьянные сонаты, песни, камерные и симфонические произведения Айвза. Его творчеству посвящен ряд статей и книг. Будучи одиноким и непонятым в современном ему мире и не имея последователей, Ч. Айвз разделил трагическую судьбу многих выдающихся европейских композиторов, взгляды которых были направлены в далекое будущее.

Новаторские достижения Айвза, часто предвосхищающие или совпадающие с экспериментами в европейской музыке в более позднее время XX в., представляют художественный и научный интерес. Айвз решительно порывает с традиционной системой музыкального мышления. Четвертитоновая техника, приемы политональности, полиритмии, кластеры, двенадцатитоновая серия, пространственное сочетание нескольких оркестровых групп, коллаж, алеаторика нашли выражение в его музыке значительно раньше, чем в творчестве европейских композиторов. Сознавая, что его музыка не будет сразу понята и оценена, Айвз все же ищет контакты с аудиторией. Он предваряет свои сочинения предисловиями, в которых раскрывает идейное содержание музыкальных произведений и их философскую концепцию. Эстетические, философские и теоретические взгляды Айвза наиболее полно отражены в книге «Очерки к сонате» (фортепьянной сонате № 2) [50]. В ней раскрывается отношение Айвза к искусству, к окружающей среде, к проблемам национальной культуры и истории.

Учение американских философов-трансценденталистов XIX в. оказало влияние на многих представителей художественной культуры США, в том числе на Айвза. Как глубоко мыслящий художник, Айвз хотел пропагандировать в своих сочинениях взгляды философов-трансценденталистов, приобщить широкие массы слушателей к идеям Эмерсона, Торо и Готорна. В одной из своих фортепьянных сонат («Конкорд-соната» № 2) он воплотил впечатление о «духе трансцендентализма». Четыре части сонаты имеют посвящения американским поэтам и философам-трансценденталистам XIX в.— Эмерсону, Готорну, Олкотту и Торо, взгляды которых разделял Айвз.

Творческий путь Айвза был необычен, свыше 30 лет он служил в страховом агентстве, занимался композицией лишь в свободное время.

[49] *Конен В.* Этюды о зарубежной музыке. 2-е изд. М., 1975, с. 243—253.
[50] *Ives Ch.* Essays before a Sonata. N. Y., 1962.

Только включившись в сферу «большого бизнеса», композитор получил творческую независимость в музыкальном мире. Но перенасыщенный режим работы преждевременно подорвал здоровье композитора, и после 1918 г. Айвз почти не писал музыки. В 1919 г. он издал за свой счет ряд произведений, среди которых «114 песен», фортепьянная «Конкорд-соната», пьеса для трубы, квартета деревянных и струнного оркестра «Вопрос, оставшийся без ответа» и др.

В 30-е годы он написал очерки на социально-политические темы, автобиографические заметки, изданные только в 1972 г. На протяжении почти всей жизни Айвз находился в изоляции от окружающего его музыкального мира, но это не мешало ему бороться и отстаивать в своем творчестве новые пути развития американской музыки.

Айвз — яркий и самобытный национальный художник. Его сочинения, не все из которых равноценны в художественном отношении, тесно связаны с историческим прошлым Америки, жизнью и обычаями его народа. Айвз — первый композитор, отразивший в творчестве национальный характер своего народа [51].

А. Шенберг писал о нем: «В этой стране живет великий человек — композитор, который решил проблему сохранения личной и творческой независимости. Он отвечает презрением на безразличие окружающих. Он не прислушивается ни к похвалам, ни к нападкам. Его имя — Айвз» [52].

Ориентация на немецкое романтическое искусство преобладала в американской музыке второй половины XIX в. Вместе с тем в конце XIX — начале XX в. в творчестве отдельных композиторов (Ч. Гриффс, Ч. Лефлер) ощущается воздействие французского импрессионизма. В программных произведениях для голоса и солирующих инструментов Ч. Лефлера (1861—1935) заметно влияние вокально-декламационного стиля К. Дебюсси. Интерес Лефлера к мистическим настроениям французского символизма проявился в симфонической фантазии для органа «Дьявольская вилланелла» и в поэме «Смерть Тентажиля» (по М. Метерлинку) для виолы д'амур и симфонического оркестра. В вокальных сочинениях Ч. Гриффса (1884—1920) можно заметить воздействие особенностей стиля М. Равеля.

Музыкальная жизнь США после гражданской войны характеризуется общим подъемом и интенсивностью. Во второй половине XIX в. создаются ведущие симфонические оркестры — Нью-Йоркский (1878), Бостонский (1881), Чикагский (1892), Филадельфийский (1900). Большое участие в их организации и деятельности принимали известные европейские дирижеры, обосновавшиеся в США, Т. Томас, В. Герике, Л. Дамрош, В. Дамрош, А. Никиш, К. Мукк, благодаря которым в США появилась аудитория, способная к восприятию классической европейской музыки. В концертах американских оркестров исполнялись симфонические и хоровые произведения Баха, Генделя, Гайдна, Бетховена, Шуберта, Шумана, Листа, Мендельсона, Вагнера, Брамса.

Многие всемирно известные европейские музыканты стремились выступать в США. В этот период на гастроли в Америку приезжали Дворжак, Штраус, Бюлов, Малер, Рубинштейн и др. В 1891 г. Нью-Йоркским симфоническим оркестром дирижировал П. И. Чайковский, принимав-

---

[51] *Павлишин С.* Чарлз Айвз. М., 1979.
[52] *Cowell H.* and *S.* Charles Ives and his Music. N. Y., 1955, p. 114.

ший участие в торжествах по случаю открытия концертного зала Карнеги-холл в Нью-Йорке. В 1906—1909 гг. с этим же оркестром выступал русский дирижер В. И. Сафонов.

В репертуаре американских оркестров преобладали произведения европейских композиторов и лишь изредка звучала музыка отечественных авторов. Преклонение публики перед европейской классической и романтической музыкой и пренебрежение к музыке отечественных авторов привели к тому, что профессиональные композиторы США, творчество которых носило академический характер, преимущественно продолжали подражать европейским классическим образцам.

Крупнейший постоянно действующий театр «Метрополитен-опера» был открыт в Нью-Йорке в 1883 г. В становлении театра огромную роль сыграл дирижер Леопольд Дамрош. Репертуар театра состоял в основном из опер немецких композиторов, что также было обусловлено общей ориентацией профессиональных американских композиторов на немецкое романтическое искусство. В качестве солистов и дирижеров приглашаются лучшие представители мировой музыкальной культуры. В «Метрополитен-опера» пели К. Нильсон, Н. Мельба, Л. Нордика, В. Морель, Э. Решке и др. В 1907 г. в театре пел Ф. И. Шаляпин.

Один из ярких периодов деятельности «Метрополитен-опера» связан с работой дирижера А. Тосканини в 1908—1915 гг., который повысил художественный уровень исполнительства и значительно расширил репертуар театра, включив в него оперы французских, немецких и русских композиторов (Мусоргского, Чайковского, Римского-Корсакова). Оперы своих национальных композиторов — большая редкость на сцене «Метрополитен-опера». Впервые американская опера «Трубка страсти» Ф. Конверса была поставлена в 1910 г., через 28 лет после открытия «Метрополитен-опера».

Наряду с симфоническими оркестрами и «Метрополитен-опера» в США во второй половине XIX в. постоянно функционировали различные музыкальные общества и хоровые коллективы. Особую популярность получили Ораториальное общество Нью-Йорка (1873), хоровой коллектив Общества музыкального искусства (1894—1921), исполнявшие хоровые произведения О. Лассо, Дж. П. Палестрины, И. С. Баха, Г. Ф. Генделя. Организация и деятельность многих симфонических оркестров, театров и других музыкальных учреждений осуществлялись при поддержке крупных меценатов и фондов.

В конце XIX в. в США возникли первые центры музыкального образования. Почти все консерватории и музыкальные школы принадлежали частным лицам. Позднее появились государственные музыкальные учебные заведения. В конце XIX в. были открыты музыкальные факультеты в крупнейших университетах США — в Гарвардском (1862), Колумбийском (1866), Новоанглийском (Бостон, 1867), институте Кертис (Филадельфия, 1877). При университетах возникали студенческие оркестры, хоры и оперные студии. Музыкальные учебные заведения в Америке в отличие от симфонических оркестров не оказали значительного влияния на развитие музыкальной культуры американцев. Симфонические оркестры и театры внесли огромный вклад в музыкальную жизнь США.

В начале XX в. более ощутимо стало влияние социалистических идей на передовых деятелей литературы и искусства США. В новую фазу развития вступает политическая песня протеста, пронизанная пафосом рево-

люционной борьбы и тесно связанная с деятельностью профсоюзной организации американских рабочих «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ), созданной в 1905 г. На социалистических поэтов, выдвинувшихся внутри профсоюзной организации ИРМ, оказал огромное влияние революционный дух поэзии У. Уитмена. Американский поэт, воспевший труд человека и уважение к человеческой личности, призывающий к солидарности и пролетарскому интернационализму, мечтал о том, чтобы «поэзия и поэты стали интернациональны и объединяли все страны, какие есть на земле, теснее и крепче, чем любые договоры и дипломатия»[53].

Ирмовцы, выступая сначала только с экономическими требованиями, постепенно включались в политическую борьбу. Деятельность ИРМ способствовала появлению нового революционного искусства в стране. Лидеры ИРМ считали наивысшим идеалом создание песен и драм, которые будут исполняться народными массами на улицах. Такие представления состоялись в 1913 г. на сцене Мэдисон-сквер-гарден. Сюжетом для одного из представлений стали события забастовки на ткацких фабриках в Патерсоне. Режиссером спектакля был Джон Рид, в ролях выступали сами участники стачки. (Подобные массовые представления, отражавшие эпизоды классовой борьбы, имели место в России в первые годы после Октябрьской революции. Они состоялись на площадях городов и олицетворяли собой новые формы массового революционного искусства).

ИРМ имела более 60 периодических изданий: газеты, журналы, альманахи, песенники, сборники. С 1909 г. ИРМ регулярно выпускает «Маленький красный песенник», содержавший тексты пролетарских песен и мелодии к ним. Тексты песен ирмовцев отражают основные события рабочего движения: стачки в Лоренсе и Патерсоне, антимилитаристские настроения в годы первой мировой войны, выступления в защиту арестованных и томящихся в тюрьмах ирмовцев, требования солидарности с Октябрьской революцией.

Песни создавались рабочими поэтами, среди которых огромной известностью пользовались Ралф Чаплин, Джеймс Конелл, Артуро Джованитти, Чарлз Эшли, Джо Фолей. Песни ирмовцев звучали на митингах, забастовках, демонстрациях рабочих и представляли собой одну из форм народного творчества. Выдающимся поэтом-ирмовцем был народный поэт Джо Хилл. Создание песни «Кейси Джонс» принесло ему огромную популярность. Образ Кейси Джонса — штрейкбрехера, пытавшегося сорвать забастовку рабочих, существовал в рабочем песенном фольклоре США задолго до обращения к нему Дж. Хилла. Но в песне Хилла, написанной под впечатлением забастовки на Тихоокеанской железной дороге в 1912 г., образ Кейси Джонса, которого рабочие заклеймили позором, получил особую остроту и рельефность.

К числу наиболее известных песен Хилла принадлежит «Проповедник и раб», в которой повествуется о тяжелой участи безработных, стоящих в очередях за миской бесплатного супа, и которая представляет собой злую иронию над теми, кто рассказывает голодным рабочим сказки о счастливой жизни. Песни Дж. Хилла не утратили остроты и актуальности по сей день и часто исполняются во время массовых демонстраций и забастовок. Джон Рид писал в 1918 г.: «Не забывайте, что „Индустриальные рабочие мира“ — единственная организация американских рабо-

[53] *Чуковский К.* Мой Уитмен. М., 1966, с. 205.

чих, которая поет. А потому бойтесь ее, так как организация, которая поет, непобедима... В ИРМ любят и почитают своих певцов. По всей стране рабочие распевают песни Джо Хилла... Я не знаю другого такого объединения американцев, которое бы так чтило своих певцов...»[54].

Осветив основные тенденции в развитии американской музыки в 1877—1918 гг., можно отметить, что наиболее яркие и своеобразные черты музыки США формировались в таких народных жанрах, как спиричуэлс, менестрельная эстрада, блюз, возникших изолированно и вдали от крупных музыкальных центров и профессиональных композиторских школ.

В этих жанрах национального фольклора отразилась специфика неевропейских форм музыкального мышления, которые в этот период с уверенностью противостоят господствовавшим на протяжении многих веков европейским формам музыкального мышления и утверждают право на самостоятельное существование. К сожалению, американские композиторы, за исключением Айвза, не заметили богатства фольклора и продолжали подражать европейским композиторам. Любопытно, что именно последние впервые обратили внимание на своеобразие американского фольклора (спиричуэлс, менестрели, джаз) и воплотили их черты в своих сочинениях. Несмотря на то что во второй половине XIX — начале XX в. в США были такие яркие композиторы, как Э. Мак-Доуэлл и Ч. Айвз, в целом профессиональная музыка характеризуется отсутствием единой композиторской школы. Таким образом, проблема создания единой профессиональной школы не была разрешена в этот период и продолжала быть в центре внимания передовой музыкальной общественности страны.

4. РУССКО-АМЕРИКАНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

Со второй половины XIX в. американская литература в лице ее лучших представителей широко входит в художественную жизнь России. Так, начиная с 1861 г. почти ежегодно появляются новые переводы Лонгфелло, первого поэта США, который приобрел широкую популярность у русских читателей. Его стихи против рабства оказались созвучными антикрепостническим настроениям российского общества По словам его переводчика и пропагандиста в России М. Л. Михайлова, русского поэта-революционера, в стихах Лонгфелло «чувствуется горячее биение сердца, полного любви к человечеству»[55]. После ареста Михайлова его переводы «Песен невольничества» распространялись в списках. Среди переводчиков Лонгфелло были также А. Майков, А. Фет, П. Вейнберг, а позднее К. Бальмонт, К. Чуковский.

Событием в художественной жизни России стал перевод «Гайаваты», сделанный И. А. Буниным. В его лице Лонгфелло обрел конгениального интерпретатора. К работе над переводом 25-летний Бунин приступил в середине 90-х годов и посвятил этому труду около семи лет[56]. Первый вариант публиковался в газете «Орловский вестник» с мая по сентябрь 1896 г., затем вышел в Орле отдельной книжкой. Она переиздавалась в

[54] *Рид Дж.* Восставшая Мексика: Рассказы и очерки. М., 1959, с. 487—488.
[55] Современник, 1860, № 12, с. 315.
[56] *Шаламов В.* Работа Бунина над переводом «Песни о Гайавате».— Вопр. литературы, 1963, № 1, с. 153—158.

1898, 1899 гг. и, наконец, в 1903 г. Эти переводы дорабатывались Буниным для каждого нового издания, в текст вносились многочисленные коррективы.

В творческом процессе главной заботой для Бунина сделалась не формальная, буквальная точность, а верность духу подлинника, передача его интонации и музыки. Называя свой труд «слабой данью благодарности великому поэту», Бунин писал: «Я работал с горячей любовью к произведению, дорогому для меня с детства» [57]. Его перевод, вобравший в себя все богатство русского художественного слова, стал фактом отечественной поэтической культуры.

Вариант 1903 г., обнародованный руководимым М. Горьким издательством «Знание», был окончательным. Вместе со сборником оригинальных стихов Бунина «Листопад» он был увенчан Пушкинской премией Академии наук. Горький отозвался о нем лаконично: «Лонгфелло — прелесть» [58]. Стихи Лонгфелло нравились Л. Н. Толстому [59]. В свою очередь, Лонгфелло выказывал интерес к России, которой посвящен 20-й том его антологии «Стихотворения о местностях». О своем внимании к русской природе Лонгфелло свидетельствовал, беседуя с русским путешественником Ю. Арсеньевым, бывшим его гостем в 1878 г. Лонгфелло сожалел, что ему не довелось овладеть русским языком, хотя он занимался им в юности [60].

С 70-х годов начали появляться и переводы Марка Твена, а уже в 1896—1899 гг. вышло его собрание сочинений в 11-ти томах. Русская печать живо интересовалась всем, что связано с личностью знаменитого писателя, рецензировала его произведения [61]. Во время пребывания Горького в США в 1906 г. произошла его встреча с Твеном, они совместно выступили на митинге в пользу русской революции. Фотография увековечила двух корифеев с группой писателей и журналистов в Нью-Йорке. Тогда Горький сделал лаконичную, афористичную запись о Твене, отлично выразившую сущность последнего: «У него на круглом черепе — великолепные волосы,— какие-то буйные языки холодного белого огня. Из-под тяжелых, всегда полуопущенных век редко виден умный и острый блеск серых глаз, но когда они взглянут прямо в твое лицо, чувствуешь, что все морщины в нем измерены и навсегда останутся в памяти этого человека» [62]. Кончина «короля смеха» в 1910 г. вызвала широкие отклики в русской прессе (А. Т. Аверченко, К. И. Чуковский). С редкой теплотой и проникновенностью сказал о нем А. И. Куприн в статье «Умер смех».

С 70-х годов быстро приобретает популярность Брет Гарт: уже в 1895 г. при жизни писателя печатается его 6-томное собрание сочинений, а через год начинает выходить 11-томное. Брет Гарта высоко оценили М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский и особенно Н. Г. Чернышев-

---

[57] *Бунин И. А.* Предисловие переводчика.— В кн.: Лонгфелло Г. Песнь о Гайавате. М., 1959, с. 8.
[58] *Горький М.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1949—1955, т. 28, с. 280.
[59] Литературное наследство. М., 1979, т. 90, кн. 1, с. 143.
[60] *Арсеньев Ю.* Воспоминание о Лонгфелло.— Московские ведомости, 1882, 17 марта. Об интересе Лонгфелло к русской поэзии и языку см.: *Алексеев М. П.* Американо-русские заметки.— Науч. бюл. Ленингр. ун-та, 1946, № 8, с. 27—28.
[61] Подробнее см.: Проблемы литературы США XX в. М., 1970, с. 469—492; *Левидова И. М.* Марк Твен: Биобиблиографический указатель. М., 1974.
[62] Цит. по: *Мендельсон М.* Марк Твен. М., 1964, с. 375.

ский, который, томясь в сибирской ссылке, прочитал со вниманием несколько его рассказов, а один из них — «Мигглс» — перевел. В этом рассказе он усмотрел «материал для курса морали», а в письме жене так характеризовал автора: «Сила Брет Гарта в том, что он, при всех своих недостатках, человек с очень могущественным природным умом, человек необыкновенно благородной души и — насколько, при недостаточности запаса своих впечатлений и размышлений, понимает вещи — выработал себе очень благородные понятия о вещах» [63].

С 80-х годов в России появились переводы романов У. Д. Хоуэллса, которые привлекли внимание Л. Н. Толстого. По поводу романа «Карьера Сайласа Лафэма» Толстой сделал в дневнике такую запись: «Целый день читаю „Howells Silas“. Недурно» (т. 50, с. 138) [64]. В письме М. Никифорову от 22 июля 1890 г. он рекомендовал опубликовать в журнале роман Хоуэллса — «лучшего, очень замечательного американского писателя, с хорошим современным содержанием, прекрасно написанный» (т. 65, с. 130). Вообще США, а также американская литература находились постоянно в сфере внимания Л. Н. Толстого [65]. В письме английскому журналисту Э. Гарнету Толстой так характеризовал особенности литературы США: «Если бы мне пришлось обратиться к американскому народу, то я постарался бы выразить ему мою благодарность за ту большую помощь, которую я получил от его писателей, процветавших в пятидесятых годах». Далее он называл имена Паркера, Эмерсона, Уитьера, У. Уитмена и других, «блестящую плеяду, подобную которой редко можно найти во всемирной литературе» (т. 72, с. 397).

Как свидетельствует Д. П. Маковицкий, Л. Н. Толстой с особой теплотой отзывался о Г. Торо, перечитывал его «Уолдена», любил трактат «Гражданское неповиновение». В Торо Толстого привлекали этические принципы, культ природы, идея непротивления злу насилием [66]. Любил Толстой и Эмерсона, которого считал «самым глубоким из всех» американских аболиционистов [67]. В 1904 г. Толстой написал предисловие к английской биографии аболициониста У. Л. Гаррисона, составленной В. Г. Чертковым. Уэнделл, сын Гаррисона, был корреспондентом и адресатом Толстого.

Получив роман Э. Синклера «Джунгли» с дарственной надписью, Толстой записывает в дневнике: «Удивительная книга. Автор — знаток жизни рабочих. Выставляет недостатки всей этой американской жизни. Не знаешь, где лучше». И добавлял: «Следовало бы его издать по-русски» [68]. О романе Беллами «Взгляд назад» Л. Н. Толстой заметил: «Очень замечательная вещь» — и содействовал его переводу [69].

В Ясной Поляне среди посетителей Толстого и его корреспондентов было немало американцев: в 1887 г.— переводчица Э. Хэпгуд, которая

---

[63] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М., 1939—1950, т. 15, с. 240.
[64] Здесь и далее в тексте даны ссылки на издание: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90-та т. М., 1928—1958.
[65] *Моод Э.* Разговоры с Толстым.— В кн.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1960, т. 1, с. 437.
[66] Цит. по: *Гудзий Н. К.* Толстой и Торо.— В кн.: Русско-европейские литературные связи. М.; Л., 1966, с. 63—68; *Покровский Н. Е.* Торо. М., 1983, с. 168—171.
[67] Литературное наследство, т. 90, кн. 1, с. 143.
[68] *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого: В 2-х т. М., 1958—1960, т. 2, с. 573.
[69] Там же, т. 1, с. 728.

впоследствии переписывалась с автором «Войны и мира», в том же году — путешественник и писатель Дж. Кеннан, в 1889 г.— священник У. Ньютон, в 1890 г.— журналист Дж. Крилмен и др. Толстой свидетельствовал, что получал из США писем в 10 раз больше, чем из Англии.

Особенно значительной была его встреча с Джорджем Кеннаном (1845—1924), который объездил Сибирь и написал серию очерков, посвященных «системе ссылок». Его книга «Сибирь и ссылка» (1891, т. 1, 2) вызвала широкий общественный резонанс и привлекла пристальное внимание Л. Н. Толстого. «Очень, очень благодарен Вам, как и все живые русские люди, за оглашение совершающихся в теперешнем царствовании ужасов»,— писал он Кеннану (т. 65, с. 138). Работая над «Воскресением», Толстой опирался на материалы Кеннана. К книге Кеннана обращался и В. Г. Короленко в процессе создания «Истории моего современника». Кеннан также дал своеобразный импульс А. П. Чехову для путешествия на Сахалин [70].

Л. Н. Толстой питал долговременный и принципиальный интерес к Г. Джорджу и его теориям. Внутренняя и внешняя политика США на рубеже веков находилась в его постоянном поле зрения. Он осуждал испано-американскую войну 1898 г., «умиротворение» Филиппин, протестовал против расизма, угнетения негров, судов Линча [71].

В 1903 г. Толстой принял в Ясной Поляне известного американского политического деятеля, кандидата в президенты на выборах 1896 и 1900 гг. от демократической партии У. Брайана. Об огромном авторитете Толстого в США свидетельствует тот факт, что президент Т. Рузвельт в журнале «Аутлук» в 1909 г., воздав должное ему как великому писателю, заметил, что его философия — «плохое руководство» для «людей дела». Толстой счел статью «глупой», а Рузвельта, о котором был невысокого мнения, характеризовал как «милитариста и империалиста» [72].

Интересная страница русско-американских литературных контактов связана с именем автора «Листьев травы». Первое упоминание об Уитмене в русской прессе относится к 1861 г. В 1872 г. Тургенев выполнил перевод его стихотворения «Бей, бей, барабан» и даже намеревался издать в своих переводах цикл его стихов, но не сумел осуществить это намерение [73]. К 80—90-м годам относятся первые серьезные критические статьи об Уитмене (П. Попова, В. Зотова и др.), который, в свою очередь, проявлял интерес к России [74].

В письмах и дневниках Толстого рассеяно немало отзывов об Уитмене, нередко противоречивых. Тем не менее он считал его «оригинальным и смелым поэтом», «очень интересным». В декабре 1907 г. Д. П. Маковицкий записал такой его отзыв об Уитмене: «Он очень малоизвестен в России, а значительнее всех» [75]. Показательно, что на кончину Уитмена журнал «Книжки „Недели“» откликнулся некрологом, озаглавленным «Американский Толстой».

---

[70] *Меламед Е. И.* Джордж Кеннан против царизма. М., 1981, с. 40—41, 71.
[71] Подробнее см.: Литературное наследство. М., 1965, т. 75, кн. 1, с. 473—479; 490—493.
[72] Там же, т. 90, кн. 1, с. 267.
[73] Рус. лит., 1966, № 2, с. 196—199.
[74] *Дичаров З. Л.* «Заметки о России» Уолта Уитмена.— Изв. АН СССР. Сер. ОЛЯ, 1962, т. 21, вып. 3, с. 245—251.
[75] Литературное наследство, т. 90, кн. 2, с. 587 и 245—251.

Активно популяризировал творчество Уитмена в России К. И. Чуковский: впервые познакомившись в начале 1900-х годов с «Листьями травы», он был пленен мощью и первозданной свежестью уитменовской поэзии, стал уитменианцем[76]. В 1907 г. вышел сборник стихов Уитмена в переводах Чуковского, в 1914 г.— ко второму изданию предисловие написал И. Е. Репин. На протяжении практически всей творческой жизни К. И. Чуковский трудился над Уитменом, отрабатывал и шлифовал свои переводы, критические статьи, а также самый отбор текстов. Всего вышло 12 изданий этого сборника: два последних (1966 и 1969 гг.) он назвал «Мой Уитмен».

Питал интерес к американскому поэту и Бальмонт, выпустивший в 1911 г. сборник переводов, озаглавленный «Побеги травы». Однако К. Бальмонт был весьма далек от уитменовской поэтики и стилистики, вольно обращался с подлинником, что вызвало обоснованную критику К. И. Чуковского. Своеобразным путем, в частности через Верхарна, уитменовские импульсы шли к Брюсову. В его стихотворении «К счастливым» просвечивает своеобразная перекличка с Уитменом («Приснился мне город»). Знаменательно само формирование у Брюсова новой для него жанровой разновидности лирической поэмы, бессюжетной, представляющей монологическое размышление, многоплановую картину природы или городской пейзаж, философскую медитацию («Замкнутые», «Париж», «Мир»), что имеет определенное типологическое сходство с уитменовскими поэмами[77].

Художественный опыт Уитмена, поэта города, техники, индустрии, был близок русским футуристам, например В. В. Хлебникову, автору «Зверинца». К. И. Чуковский, друживший с молодым Маяковским и часто беседовавший с ним об американском поэте, свидетельствовал: «...Маяковский в начале своей литературной работы творчески воспринял и пережил поэзию „Листьев травы"... Маяковский никогда не был подражателем Уитмена... В Уитмене он видел не учителя, а как бы старшего собрата и соратника»[78]. Позднее, в первые послеоктябрьские годы, происходит резкий взлет популярности Уитмена.

В свою очередь, с 70-х годов Уитмен выказывал интерес к России, выражал надежду, что между двумя странами будут укрепляться контакты[79]. В известном «Письме к русскому» Уитмена (1881) высказана его заветнейшая мечта о том, чтобы «поэмы и поэты стали интернациональны и объединяли все страны, какие только есть на земле, теснее и крепче, чем любые договоры и дипломатия...». Сбылась и надежда Уитмена на то, что с ним войдут в «эмоциональный контакт великие народы России»[80].

---

[76] К. И. Чуковский так вспоминал о своем первом знакомстве с «Листьями травы», которое произошло в 1901 г.: «Это была книга великана, отрешенного от всех мелочей нашего муравьиного быта. Я был потрясен новизною его восприятия жизни и стал новыми глазами глядеть на все, что окружало меня... Естественно, мне захотелось приобщить к моему уитменианству возможно большее количество людей...» (*Чуковский К.* Мой Уитмен. М., 1966, с. 5).

[77] *Гиленсон Б. А.* Брюсов и Уитмен.— В кн.: Брюсовские чтения 1980 года. Ереван, 1983, с. 237—249.

[78] Цит. по: *Чуковский К.* Указ. соч., с. 253, 254.

[79] *Дичаров З. Л.* Указ. соч.

[80] Цит. по: *Чуковский К.* Указ. соч., с. 205—206.

Знаменательно, что некоторые произведения американской литературы «вписывались» в контекст революционного движения в России на рубеже веков. Так, роман Беллами «Взгляд назад» (он был переведен тогда под названием «Через сто лет») вызвал интерес у Толстого, Чехова, Короленко, Горького. В рабочих кружках им зачитывались так же, как романом Чернышевского «Что делать?», «Оводом» Войнич, «Спартаком» Джованьоли [81]. Книга Беллами распространялась и через тайные социал-демократические библиотеки [82].

В начале 1900-х годов в России приобрел известность Дж. Лондон, и уже при жизни писателя было завершено его 22-томное собрание сочинений (1910—1916). Если на первых порах Лондон воспринимался лишь как мастер приключенческого жанра, то вскоре в нем увидели певца активности и борьбы, что противопоставляло его литераторам упаднического, декадентского толка [83]. Об этом хорошо сказал Л. Андреев: «Чувствуешь, как крепчают мускулы, как властно зовет вечно невинная жизнь к работе и борьбе» [84]. В. Г. Короленко отмечал «горьковское русло» в творчестве писателя. Большим поклонником Дж. Лондона был молодой Маяковский: в 1918 г. он снимался в центральной роли поэта Ивана Нова в фильме «Не для денег родившийся». Сценарий был им написан по мотивам «Мартина Идена» [85].

В 1906 г. появился перевод романа Э. Синклера «Джунгли» (тогда он назывался «Дебри»). В дальнейшем известность этого писателя быстро росла: в 20-е годы он вышел на первое место среди всех иностранных авторов, издававшихся в СССР. К 1912 г. относится начало его переписки с Горьким: двух писателей связывали дружеские отношения [86].

После гражданской войны в США русская литература властно входит в духовную жизнь американцев [87]. Тургенев был фактически первым писателем России, ее своеобразным полпредом, которого открыл Новый Свет [88]. Творчество Тургенева обсуждалось критиками, ведущие журналы отзывались рецензиями на его романы. По словам известного литературоведа Ч. Э. Нортона, профессора Гарвардского университета, в сочинениях русского писателя проявлялось «высочайшее искусство романиста в изображении глубоко жизненных человеческих характеров» [89]. Критик Т. С. Перри, комментируя романы «Накануне» и «Новь», отдавал

---

[81] *Nicolukin A. N.* Bellamy in Russia.— In: Bowman S. E. Edward Bellamy Abroad. N. Y., 1962, p. 67—85.

[82] *Травушкин Н. С.* Зарубежный утопический роман в русском революционном движении конца XIX — начала XX века.— Учен. зап. Астрах. пед. ин-та, 1969, т. 27, с. 96—112.

[83] *Суховерхов С. М.* Джек Лондон в СССР.— Учен. зап. Шадрин. пед. ин-та, 1958, вып. 2, с. 102—143.

[84] Цит. по: *Парчевская Б. М.* Джек Лондон: Биобиблиографический указатель. М., 1969, с. 12.

[85] *Черемин Г. С.* Маяковский и роман Дж. Лондона «Мартин Иден».— Рус. лит., 1970, № 1, с. 121—135.

[86] Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами.— В кн.: Архив Горького: В 14-ти т. М., 1939—1976, т. 8, с. 303—309.

[87] *Мендельсон М. О.* Русско-американские литературные связи конца XIX в.— В кн.: Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. М., 1961, с. 390—395.

[88] *Гиленсон Б. А.* Тургенев в американской критике.— Учен. зап. Горьков. ун-та, Сер. филологии, 1958, вып. 27, с. 99—107; *Николюкин А. Н.* И. С. Тургенев и американские писатели.— В кн.: Американский ежегодник, 1983. М., 1983, с. 131—153.

[89] Цит. по: *Gettman R. A.* Turgenev in England and America. Urbana (Ill.), 1941, p. 40.

Тургеневу решительное предпочтение перед некоторыми популярными романистами Запада, следовавшими готовым шаблонам. «Если герой английского романа,— замечал Т. С. Перри,— был потерян в море, то читатель обязательно на последней странице должен был встретить его, идущего вместе с героиней к брачному венцу». Подобные книги, по мысли Перри, «скользили по поверхности жизни», в то время как русский роман, ярко представленный Тургеневым, «погружался в ее глубины» [90]. С теплотой отзывались о Тургеневе Уитмен и Лонгфелло.

Неутомимым пропагандистом творчества Тургенева был Г. Джеймс, лично знакомый с русским писателем, состоявший с ним в переписке и считавший его первым романистом современности. Для Джеймса Тургенев был не только примером совершенного мастера, стилиста, но и художником-реалистом, произведения которого вобрали в себя огромный запас наблюдений над человеческой природой. Проживший большую часть жизни в Европе, Джеймс с особой наглядностью ощущал величие русского писателя, сила которого коренилась в глубокой связи с народом и историческими судьбами России. «Его гений,— писал Джеймс,— был для нас голосом славянства, голосом тех неведомых нам масс, о которых теперь приходится говорить все чаще» [91]. В ранний период Г. Джеймс находился под влиянием Тургенева, которое, по выражению литературоведа Корнелии Келли, «было подобно тонизирующей сыворотке, входившей в его плоть и кровь» [92].

Поклонником Тургенева был и У. Д. Хоуэллс, написавший о нем несколько работ, в частности о романах «Дым» и «Дворянское гнездо», пока не обратился к новому кумиру — Толстому. Широкое хождение приобрел остроумный афоризм английского писателя Дж. Мура: «Джеймс поехал в Европу и стал читать Тургенева, а Хоуэллс остался дома и стал читать Генри Джеймса» [93]. Оба писателя, по словам М. М. Ковалевского, были типичными представителями «тургеневской школы в американской литературе» [94]. Пропагандистом Тургенева был также Х. Бойесен, поместивший в журнале «Гэлекси» очерк о встрече с русским писателем в Париже. В беседе с Бойесеном Тургенев интересовался литературной жизнью Америки, тепло отзывался о Готорне, Бичер-Стоу, Уитмене [95].

В 80-е годы русские писатели приобретают исключительную популярность в США. В 1886 г. писатель Дж. Киркленд публикует в журнале «Дайэл» статью, выразительно озаглавленную «Толстой и русское вторжение в область беллетристики». В ней он так характеризует художественную атмосферу в стране: «Эти русские романы открывают новую эру в литературе. Романтизм и реализм вступили в бой не на жизнь, а на смерть». По мысли Киркленда, исход битвы должен быть в «пользу реа-

---

[90] Ibid., p. 46.

[91] Минувшие годы, 1908, т. 8, с. 48. Статья Г. Джеймса «Иван Тургенев (Из воспоминаний»)» вошла в кн.: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1983, т. 2, с. 309—321.

[92] *Kelley C.* The Early Development of H. James. Urbana, 1965, p. 176.

[93] Цит. по: Писатели США о литературе: В 2-х т. М., 1982, т. 1, с. 282. В этой антологии содержится большой материал по русско-американским связям, в том числе на рубеже XIX—XX вв.

[94] *Ковалевский М. М.* Воспоминания об И. С. Тургеневе.— Минувшие годы, т. 8, с. 51.

[95] *Бойесен Х.* Визит к Тургеневу: (Из воспоминаний).— В кн.: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, т. 2, с. 322—333.

лизма» [96]. И действительно, Толстой и другие русские реалисты сыграли важную роль, содействуя укреплению в США позиций правдивого, социально-критического искусства.

1886 год ознаменовался появлением в переводе таких произведений Толстого, как «Война и мир», «Анна Каренина», автобиографическая трилогия. В 1890 г. одновременно в трех городах появилась «Крейцерова соната», вызвавшая сильнейший резонанс и острую полемику. Одновременно стали известны и публицистические, философские сочинения Толстого. Уже в 1888 г. под редакцией Доула стало выходить 15-томное собрание сочинений писателя, а с 1898 г.— 12-томное [97]. Началось серьезное изучение русской литературы [98]. Среди первых ее неутомимых переводчиков и пропагандистов была Элизабет Хэпгуд, переводчица Толстого, Тургенева, Гоголя, Горького, выпустившая в 1886 г. сборник русских былин со своими комментариями («Эпические песни России»), а также «Краткий обзор русской литературы» (1902). Хэпгуд, изучавшая русскую историю, культуру, отлично переводившая, состояла в переписке с Толстым.

Пионером научного изучения русской литературы был также Лео Винер (1862—1939) (отец Норберта Винера), выходец из России, профессор славянских языков в Гарвардском университете, много занимавшийся переводом произведений Толстого [99]. В США появляются многочисленные последователи Толстого, одним из которых был писатель Э. Кросби, антимилитарист и сторонник непротивления. В 1891—1906 гг. состоял в переписке с Толстым, считавшим его своим «очень близким другом», в 1894 г. посетил Толстого в Ясной Поляне, выпустил о нем несколько книг и брошюр («Жизнепонимание Толстого», 1896; «Толстой и его учение», 1903; «Толстой как школьный учитель», 1904; и др.). Известная статья Толстого о Шекспире выросла из первоначально задуманного предисловия к брошюре Кросби «Отношение Шекспира к рабочему классу» (1903).

Значителен и вклад У. Д. Хоуэллса как пропагандиста творчества Толстого в США. Им было написано около трех десятков статей, рецензий, заметок о Толстом, помещенных, в частности, на страницах ведущего журнала «Харперс мэгэзин» (главным образом в 1886—1893 гг.). В это время вокруг творчества Толстого разгорелась острая полемика: если многочисленные религиозные организации, «шейкеры», квакеры воспринимали его как «учителя жизни», пропагандируя непротивление и другие аспекты философии Толстого, то критики консервативной ориентации

---

[96] Цит. по: *Åhnebrink L.* The Beginning of Naturalism in Ameircan Fiction. Uppsala (Sweden); Cambridge (Mass.), 1950, p. 35.

[97] Ценный материал, связанный с восприятием Толстого в США, его воздействием на литературный процесс, содержится в трудах Т. Л. Мотылевой: О мировом значении Л. Н. Толстого (М., 1957); «Война и мир» за рубежом. Переводы. Критика. Влияние. М., 1978. См. также: *Журавлев И. К., Сыздыкова Т. Н.* Из истории переводов произведений Толстого в США (1887—1917).— Казахский пед. ин-т им. Абая. Русская литература. Алма-Ата, 1975, вып. 5, с. 30—37.

[98] *Григорьев А. Л.* Русская литература в зарубежном литературоведении. Л., 1977, с. 143—176.

[99] Художественные произведения Л. Н. Толстого в переводах на иностранные языки / Вступ. ст. Т. Л. Мотылевой, Э. Е. Зайденшнур. М., 1961. Л. Винер был переводчиком и редактором 14-томного Собрания сочинений Л. Н. Толстого, выходившего в Бостоне в 1904—1912 гг. Всего им переведено более 60 произведений русского классика.

атаковали русского писателя как опасного «ниспровергателя основ» буржуазного миропорядка. Для Хоуэллса, а также Драйзера, Норриса, Лондона Толстой был прежде всего величайшим реалистом и поборником социальной справедливости. В период полемики, возникшей в США вокруг «Крейцеровой сонаты», Хоуэллс подчеркивал ее «неодолимую правдивость».

В предисловии к американскому изданию «Севастопольских рассказов» (1887) Хоуэллсом отмечалось: «...его творчество, столь несравненное в смысле эстетическом, еще более совершенно в смысле этическом» [100]. Толстой оставался для американского писателя примером бескомпромиссного правдоискателя: «Литература иногда может показаться вымыслом; только книги Толстого всегда воспринимаются как правда» [101]. Во время споров в связи с распространением в США трактата Толстого «Что такое искусство?» Хоуэллс поддержал основной тезис русского писателя о высокой общественной миссии художника слова. Он писал, что «подлинное искусство сегодня то, которое служит человечеству» [102]. Влияние Толстого было одним из факторов, определивших в середине 80-х годов поворот Хоуэллса к социальной проблематике [103].

Художественный опыт русского гения оказался плодотворным и для других американских писателей-реалистов на рубеже веков. Ф. Норрис в сборнике статей «Ответственность романиста» (1903) многократно обращался к примеру русского писателя, ставшего «достоянием всего мира», сумевшего выразить жизнь русского народа; мечтал о том, что в США появится «второй Толстой» [104]. Драйзер в автобиографической книге «Заря» вспоминал, какое неотразимое впечатление произвело на него чтение «Крейцеровой сонаты» и «Смерти Ивана Ильича», и добавлял: «Я был так потрясен и восхищен жизненностью картин, которые мне в них открылись, что меня вдруг охватила неожиданная мысль: как чудесно было стать писателем. Если бы можно было писать так, как Толстой, заставляя весь мир прислушиваться к твоим словам» [105].

Х. Гарленд познакомился с творчеством Толстого в середине 80-х годов; «Анна Каренина» стала одним из его любимых произведений. В сборнике статей «Разрушающиеся идолы» (1894) Гарленд отстаивал тезис о том, что художник слова должен быть летописцем народной жизни; с этим тезисом он связывал имя Толстого [106]. Для Уиллы С. Кэсер, по словам критика Брауна, Толстой сделался «одним из главных элементов литературного опыта всей ее жизни» [107]. Э. Синклеру Толстой был близок как обличитель несправедливости и поборник социально активного искусства [108].

В 1894 г. появляется первый перевод А. П. Чехова в США: рассказ «Дома», выполненный Э. Хэпгуд. В 1917 г. выходит уже четыре тома че-

---

[100] *Howells W. D.* Prefaces to Contemporaries. N. Y., 1957, p. 6.
[101] Ibid., p. 3—4.
[102] Harper's New Monthly Magazine, 1888, Dec.— 1899, May, vol. 77, p. 136.
[103] *Гиленсон Б. А.* У. Д. Хоуэллс и Л. Н. Толстой.— В кн.: Л. Н. Толстой: Статьи и материалы. Горький, 1963, с. 282—295.
[104] *Norris F.* The Responsibilities of the Novelist. N. Y., 1903, p. 88.
[105] Цит. по: Литературное наследство, т. 75, кн. 1, с. 148.
[106] Там же, с. 165.
[107] *Brown E. K.* Willa Cather. A Critical Biography. N. Y., 1953, p. 70.
[108] Литературное наследство, т. 75, кн. 1, с. 287.

ховских новелл, критика называет его «Толстым русского рассказа». Осуществляются и первые постановки чеховских пьес: в 1916 г. на сцене театра «Вашингтон скуэр плейерс» шла «Чайка» [109]. Однако Чехов уступает в начале века в известности Тургеневу и Толстому. То же относится к Достоевскому, который начал переводиться в США с середины 80-х годов. Но «осваивался» Достоевский сравнительно медленно. Среди его первых серьезных истолкователей был критик социалистической ориентации Р. Борн. В статье «Вечный смысл Достоевского» он писал, что когда-то американцам импонировал Диккенс с его несколько статичной концепцией личности. Достоевский же открыл неведомые прежде тайники души, его творчество может стать «могучим стимулом развития творческого сознания в Америке» [110]. Однако по-настоящему популярность к Чехову и Достоевскому приходит в 20-е годы, когда в литературе США углубились психологические тенденции, резко возрос интерес к внутренней жизни человека.

В начале 1900-х годов американские читатели открывают для себя Горького, известность которого стремительно растет [111]. Выход в 1901 г. перевода «Фомы Гордеева» вызывает отклик двух крупнейших американских писателей — Хоуэллса и Лондона. По словам Хоуэллса, «эта книга вселяет в душу отчаяние и насыщает ее отрицанием, которые и есть единственно возможная истина в сложившихся обстоятельствах» [112]. По мысли Дж. Лондона, «как у всех русских собратьев Горького, его творчество насыщено горячим, страстным протестом... Горький пишет потому, что у него есть что сказать миру, и он хочет, чтобы его слово было услышано» [113].

Происходят и непосредственные встречи американцев с деятелями русской литературы и культуры. В 1891 г. с триумфом проходили гастроли Чайковского по Соединенным Штатам [114]. Его музыка приобретала необычайную популярность в стране. Позднее, в бытность свою студентом Гарварда, Дж. Рид напишет замечательный сонет «Чайковский» (1907). В 1891 г. в США приезжал С. М. Степняк-Кравчинский, который был тепло принят У. Д. Хоуэллсом. Он рекомендовал Степняка своим друзьям-литераторам, в том числе М. Твену, прося поддержки в пропагандистской работе во имя освобождения России. Твен, познакомившийся со Степняком в апреле 1891 г., писал ему: «Я прочитал „Подпольную Россию“ от начала до конца с глубоким, жгучим интересом. Какое величие души!» [115]. Позднее Твен написал блестящий памфлет «Монолог царя». В нем выражалась надежда, что деспотизм рухнет и в России победит республика. В одной из газет был помещен дружеский шарж на Твена: писатель сталкивает своим огромным пером с престола Николая II. Шарж сопровождала подпись: «Янки при дворе царя Николая...».

---

[109] *Виннер Т.* Чехов в США.— В кн.: Литературное наследство. М., 1960, т. 68, с. 777—800.

[110] *Bourne R.* History of a Literary Radical and Other Papers. N. Y., 1920, p. 190.

[111] Произведения Горького в переводах на иностранные языки. М., 1958.

[112] North American Review, 1901, Dec., p. 878.

[113] *Лондон Дж.* Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1954—1956, т. 5, с. 633.

[114] Дни и годы Чайковского. М.; Л., 1940, с. 523—529.

[115] *Твен М.* Собр. соч.: В 12-ти т. М., 1958—1961, т. 12, с. 613.

В 1893 г. в США приезжал Короленко: американская тема присутствует в ряде его рассказов и очерков. В рассказе «Без языка» крестьянин Лозинский, оказавшись в Соединенных Штатах, протестует против бездушия механизированной цивилизации. Короленко писал из Америки: «...Только здесь чувствуешь всем сердцем и сознаешь умом, что наш народ, темный и несвободный,— все-таки лучший по натуре из всех народов! Это не фраза и не славянофильство. Нам недостает свободы, и мы ее достойны» [116].

В годы первой российской революции укрепились контакты между прогрессивными писателями России и США. Джек Лондон, связанный в этот период с левым крылом социалистической партии и совершавший лекционные турне по стране, открыто выражал свои симпатии русским революционерам [117]. По словам дочери писателя Джоан Лондон, «без 1905 года „Железная пята" никогда не была бы написана» [118]. Конечно же, не случайны упоминания в романе о деятельности «черных сотен», созданных в США, о боевых группах революционеров для борьбы с «железной пятой». В американской социалистической поэзии начала 1900-х годов зазвучали темы солидарности с русскими товарищами по классовой борьбе («Царю» Э. Баркера, «Русской революции» Г. Джерома, «Заря социализма» Э. Лоу и др.).

Сильнейший общественный резонанс имела поездка Горького в США, где им был написан роман «Мать» [119]. В то время как реакция развернула инспирированную царскими агентами кампанию травли Горького, левые, радикальные круги выражали свою солидарность с русским писателем [120]. В разгар травли Горького был устроен в его честь прием, на котором присутствовали поэт Э. Маркхем, писатель Г. Дж. Уэллс, социалистический лидер М. Хилквит. Прием вылился в манифестацию симпатий к русскому писателю и освободительному движению в России. Между Горьким и М. Хилквитом завязалась переписка, длившаяся с 1906 по 1913 г.[121] Арестованные рабочие лидеры У. Хейвуд и Ч. Мойерс, получив телеграмму солидарности от Горького, отвечали ему: «Брат! Классовая борьба, охватившая весь земной шар, как Россию, так и Соединенные Штаты, делает нас истинными братьями» [122]. Имя Горького было в эти годы популярно в среде ИРМ.

События российской революции 1905 г. нашли отражение в очерковой книге публициста-социалиста У. Уоллинга «Благовест России» (1908). Д. Рид назвал ее в качестве одного из источников, использованных в

---

[116] *Короленко В. Г.* Избр. письма. В 3-х т. М., 1932—1936, т. 1, с. 109. Характеристика американских впечатлений писателя дана в кн.: *Бялый Г. А.* В. Г. Короленко. М.; Л., 1949, с. 223—237.

[117] *Быков В. М.* Джек Лондон. М., 1964, с. 75—76.

[118] *London J.* Jack London and His Times. N. Y., 1939, p. 280.

[119] *Бродская С. Я.* О деятельности М. Горького в Америке в 1906 г.: (По материалам американской печати).— В кн.: М. Горький в эпоху революции 1905—1907 гг. М., 1957, с. 388—404; *Буренин Н. Е.* Поездка в Америку в 1906 г.— Там же, с. 97—113; *Ганелин Р.* Горький и американское общество в 1906 г.— Рус. лит., 1958, № 1, с. 200—222. См. также: Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Вып. 1—4. М., 1958—1960, вып. 1, с. 594—628.

[120] *Журавлев И. К.* Горький в оценке американской социалистической печати.— Рус. лит., 1968, № 1, с. 212—218.

[121] Письма А. М. Горького к М. Хилквиту.— В кн.: Горьковские чтения. М., 1962.

[122] *Foner Ph. S.* History of the Labor Movement in the United States. N. Y., 1965, vol. 4, p. 52.

процессе работы над книгой «10 дней, которые потрясли мир». По словам Рида, Уоллинг «прекрасно описывает умонастроение русских рабочих, впоследствии почти единодушно выступивших на стороне большевизма» [123]. Уоллинг дает убийственную характеристику черным силам реакции, царю, его присным, полицейскому аппарату. Уоллинг был, видимо, первым американцем, встретившимся с Лениным, которого он называл самым популярным вождем в России. Указав, что «все воззрения Ленина базируются на чрезвычайно обширных знаниях экономической и политической ситуации в других странах», Уоллинг подчеркивал «коренное отличие большевиков от социал-демократов реформистской складки» [124].

Таким образом, в рассматриваемый период связи между литературами двух стран неизмеримо расширились, приобрели многообразный характер. В послеоктябрьские годы началось еще более интенсивное «освоение» творчества американских писателей, его научное осмысление. В свою очередь, знакомство с русской классикой подготовило американцев к восприятию советской литературы.

---

[123] *Рид Дж.* Восставшая Мексика. 10 дней, которые потрясли мир. Америка, 1918. М., 1968, с. 255.

[124] *Walling W. E.* Russia's Message. N. Y., 1908, p. 187.

ИСТОРИОГРАФИЯ

1. РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В КОНЦЕ XIX— НАЧАЛЕ XX В.

Социально-политические процессы, связанные с перерастанием домонополистического капитализма в монополистический, рост классовых конфликтов во многом предопределили сдвиги в общественной мысли США. Идеалистический романтизм с его умозрительной теорией был слабой опорой для решения новых острых и сложных социальных проблем. С другой стороны, научно-технический прогресс усиливал, по выражению В. И. Ленина, «ток от естествознания к обществоведению». Особенно популярными в США становятся работы Ч. Дарвина. Все эти обстоятельства подтолкнули к усвоению европейской позитивистской философии. Позитивизм во всех его формах откликался на главный запрос буржуазной идеологии этого времени — на стремление отвергнуть революционное понимание исторического процесса, но при этом попытаться приспособиться к успехам научного мышления. Отсюда слияние ряда положительных элементов позитивизма с консервативными: признание закономерности исторического развития и механистическое истолкование этой закономерности (перенесение естественнонаучных законов на развитие общества); утверждение идеи органической эволюции и одностороннее понимание историзма — отрицание революционных скачков в истории; обращение к социально-экономической тематике, объяснение исторического процесса с помощью теории «равноправных факторов».

В конце XIX в. пришла в упадок господствовавшая в течение полувека в буржуазной историографии США так называемая «ранняя» (романтическая) школа, важнейшей чертой которой был провиденциализм. Ведущее место заняли направления, в той или иной мере испытавшие влияние позитивистской социологии. Американская историческая мысль оставалась в этот период еще достаточно провинциальной, и воспринятые ею европейские идеи порой упрощались и огрублялись. Так, одним из первых американских позитивистов был историк и естествоиспытатель Дж. Дрэпер. Применяя географическую теорию англичанина Бокля к объяснению гражданской войны, Дрэпер видел причины возникновения рабства на Юге США исключительно в жарком климате. Б. Адамс в книге «Закон цивилизации и упадка» (1895) вслед за французским социологом Контом положил в основу своей исторической концепции законы физики.

Шумно и напористо выступили историки, получившие образование в университетах Германии и Великобритании и ставшие ядром так называемой англосаксонской школы. Один из них, Дж. Фиске, писал: «Революция, которая происходит в исторической науке начиная с середины XIX в., также решительна и всеобъемлюща, как революция, свершившая-

ся под влиянием учения Дарвина в биологии»[1]. Для историков этой школы, помимо овладения критическими приемами анализа источников, характерно видение «социальной эволюции» исключительно в развитии политических учреждений. Существенной же особенностью либерального крыла позитивистской историографии (во главе с Ч. Бирдом) был поворот к изучению социальной и экономической проблематики.

Рассматриваемый период в американской буржуазной историографии ознаменовался заметным прогрессом исторических знаний. Прежде всего выросла источниковая база и значительно улучшилась методика обработки источников. В этом, несомненно, сказалось воздействие позитивизма с его стремлением к тщательной проверке и накоплению точных фактов. Начали переиздаваться на более научной основе «Протоколы федерального конвента 1787 г.»; «Протоколы Континентального конгресса»; документы видных политических деятелей революции Дж. Вашингтона, Т. Джефферсона и др. По постановлению конгресса была предпринята публикация документов федеральной и конфедеративной армий и флота времен гражданской войны 1861—1865 гг.[2] Увеличивалась сеть библиотек, а также их фонды. Гарвардская библиотека насчитывала к концу XIX в. около 5,5 млн. книг и брошюр, в 1895 г. открылась Нью-Йоркская публичная библиотека.

После гражданской войны в ведущих университетах страны начали читать лекции по истории и проводить семинарские занятия, где изучалась методика работы с источниками. Немалое значение имели поездки в Европу и обучение там американских студентов, особенно в Германии. По возвращении в США многие из них возглавили кафедры истории или политических наук в ведущих университетах: Г. Б. Адамс — в университете Джонса Гопкинса, Дж. Барджесс — в Колумбийском, А. Уайт — в Корнеллском и т. д. Написание исторических работ уже не было, как прежде, делом литератора, занятие историей сделалось профессией. В 1884 г. была создана Американская историческая ассоциация. Она получила поддержку правительства, ее отчеты публиковались в официальных изданиях конгресса. К концу XIX в. ассоциация объединяла и координировала деятельность около 200 местных исторических обществ, с 1895 г. издавала журнал «Америкэн хисторикал ревью».

Историческая наука расширила поле деятельности как вследствие овладения новыми источниками и специализации научной работы, так и под влиянием общественно-политической борьбы. Главными темами изучения стали: колониальная история, война за независимость, гражданская война; в специальные отрасли выделились экономическая история, дипломатическая. Важной предпосылкой создания обобщающих трудов была разработка истории отдельных районов. Так, исследования Г. Бэнкрофта по истории западных штатов[3] содержали огромный материал о быте и нравах запада Северной Америки, испытавшего влияние испан-

---

[1] Цит. по: Political Science Quarterly, 1939, Sept., p. 421.

[2] Records of Federal Convention of 1787. Wash., 1911. Vol. 1—3; Journals of the Continental Congress. Wash., 1904—1937. Vol. 1—34; War of the Rebellion: A Compilation of the Official Records of the Union and Confederate Armies. Wash., 1880—1901. Vol. 1—130; Official Records of the Union and Confederate Navies in War of the Rebellion. Wash., 1894—1914. Vol. 1—30.

[3] *Bancroft H.* The Native Races of the Pacific States of North America. N. Y., 1874—1876. Vol. 1—5; *Idem.* History of California. San Francisco, 1884—1890. Vol. 1—7; *Idem.* History of Mexico. San Francisco, 1883—1888. Vol. 1—6.

ской культуры. Достижением исторической науки было появление исследования Л. Моргана по истории первобытного общества. Изучая жизнь индейцев, Морган высказал мысль об универсальности пути развития человеческого общества от материнского рода к отцовскому и привел важные факты об историческом характере возникновения частной собственности. Ф. Энгельс в классической работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» опирался на фактический материал книги Л. Моргана «Древнее общество» (1877).

Доминировавшая в изучении колониального периода англосаксонская школа обладала рядом черт, связанных с особенностями ее формирования. Многие американские студенты, уезжавшие учиться в Европу, заимствовали в семинарах немецких университетов не только более совершенную методику обработки источников, но и шовинистические идеи. Господствовавшая в конце XIX в. в немецкой историографии школа Зибеля — Трейчке считала германцев якобы носителями идей «индивидуальной свободы» и решающей силой европейской истории начиная с падения Римской империи. Большое влияние на формирование англосаксонской школы оказал также английский историк Э. Фримен. Фримен односторонне применил методы сравнительной филологии к истории политических учреждений. С помощью «сравнительной политики» он рассматривал политические институты вне вызвавших их к жизни социально-экономических условий, выдвинув формулу: «История — это политика в прошлом, политика — история в настоящем».

Центром нового направления стал университет Джонса Гопкинса в г. Балтимор, а его энергичным пропагандистом — Герберт Б. Адамс. Его семинары были самыми многолюдными в США. Он ставил целью выяснить генеалогию американских политических учреждений, найти в колониальной Америке связующее звено с древнегерманской племенной организацией. В работах «Саксонская десятина в Америке», «Германское происхождение городов Новой Англии» [4] и др. Адамс сопоставлял политические организации и земельные отношения пилигримов Новой Англии и древних германцев. Он привел факты, показывавшие, что в ранних колониальных поселениях Америки сохранялись отдельные элементы сельской общины, сделал интересные наблюдения об управлении пуританскими колониями. Однако расширительно истолковывая эти вполне определенные свидетельства источников, Адамс пришел к выводу о «политическом родстве», идущем от «расовой общности» американских пуритан с древними германцами. Подобные идеи развивали и другие историки англосаксонской школы: Дж. Фиске, Дж. Барджесс, Дж. Госмер. Ряд историков этой школы выступили с призывами к империалистической экспансии, провозгласили «право» и «обязанность» США распространить свои политические учреждения далеко за пределы страны.

Важное место в изучении колониальной истории США и войны за независимость заняла в начале XX в. так называемая «имперская школа». Историки Г. Осгуд, Дж. Бир [5] и другие произвели существенный по-

---

[4] *Adams H. B.* Saxon Tithingmen in America.— Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science, 1883, vol. 1; *Idem.* The Germanic Origin of New England Towns.— Ibid.

[5] *Osgood H.* The American Colonies in Seventeenth Century. N. Y. 1904—1907. Vol. 1—3; *Beer G.* British Colonial Policy, 1754—1765. N. Y., 1907; *Idem.* Old Colonial System. N. Y., 1912. Vol. 1, 2.

ворот в трактовке войны за независимость, далеко отойдя от концепции Дж. Бэнкрофта, рисовавшей борьбу пробудившейся в колониях свободы против британской тирании. Исходная посылка «имперской» концепции революции состояла в том, что последнюю нельзя понять и оценить в рамках американской истории. Рассматривая американские колонии прежде всего как часть «организма» Британской империи, представители этой школы в обширных экскурсах в глубь истории весьма детально проанализировали политические и административные аспекты взаимоотношений метрополии и колоний. Хотя историки «имперской школы» прямо не осуждали войну за независимость, тем не менее сузили основы и значение революции, поставили под вопрос ее неизбежность. Они утверждали, что главная причина войны за независимость лежала в несоответствии динамичного роста колоний окостенелой структуре британской колониальной системы и предоставление им статуса доминиона могло бы предотвратить восстание в Америке.

В последней четверти XIX в. проблемы гражданской войны продолжали занимать видное место в американской историографии. Хотя еще сказывалось размежевание между историками-северянами и защитниками «проигранного дела» из числа бывших южных конфедератов, достигнутое под руководством крупного капитала Севера «национальное единство» требовало своего оформления в идеологии. Признание положительного значения отмены рабства заняло прочное место в работах буржуазных историков. Вместе с тем началось переосмысление гражданской войны, которое проявилось в более примирительном отношении к контрреволюционному мятежу рабовладельцев.

Эти черты буржуазной историографии особенно рельефно отразил Дж. Родс. Его труд «История Соединенных Штатов от компромисса 1850 г.»[6] — первая детальная политическая история США периода гражданской войны. Влияние позитивизма сказалось в его работе главным образом в применении критических приемов анализа источников и «объективизме». Он полнее осветил многие события войны: восстание Джона Брауна, выступление народных масс Севера против «конституционной» войны. Родсу представлялась очевидной необходимость уничтожения рабства. Вместе с тем для Родса характерен отход от принципиальных прогрессивных исторических оценок первых буржуазных исследователей гражданской войны (Г. Грили, Дж. Дрэпер). Он развивал идеи о том, что многие действия радикальных республиканцев и правительства Линкольна, способствовавшие развязыванию революционной активности американского народа, были ошибочны. Ряд традиций рабовладельческого Юга включались Родсом в национальные. Он восторженно писал о стойкости солдат рабовладельческой Конфедерации и военном искусстве генералов Ли и Джексона, изображал Юг «единым» и оказался не в состоянии оценить вклад негритянского народа в уничтожение рабства. Оценкам Родса следовали многие историки: В. Вилсон, Ф. Чендлер и др.

Переосмысление с консервативных позиций второй Американской революции особенно отчетливо сказалось на освещении нисходящего ее этапа — Реконструкции (1865—1877 гг.). Широкое признание в буржуазной историографии получили положения работы У. Даннинга «Полити-

[6] *Rhodes J.* History of the United States from the Compromise of 1850. N. Y., 1892—1906. Vol. 1—7.

ческая и экономическая Реконструкция» [7]. Главный положительный результат Реконструкции Даннинг видел не в борьбе за демократизацию вчерашнего рабовладельческого Юга, не в успехах только что вышедшего из рабства негритянского народа, а в компромиссе 1877 г., знаменовавшем «национальное примирение», консолидацию господствующих классов США Севера и Юга. Искажение борьбы негров за землю и гражданские права было также во многом продиктовано расистскими предрассудками автора.

К XX в. в США набрал силу буржуазный экономизм в историографии. По своей политической ориентации он был близок к позиции буржуазно-реформистских кругов. В новых условиях часть буржуазных идеологов и ученых стремились более пристально вглядеться в материальные основы возмущения масс, найти средства смягчения классового конфликта. Историки экономического направления дали в своих трудах плодотворную постановку отдельных исторических проблем, их деятельность способствовала разработке социально-экономических сюжетов. Однако историки-«экономисты» остались чужды научного понимания общественно-экономических процессов: развитие экономики и обмена рассматривалось ими вне зависимости от производственных отношений; классовое деление общества подменялось классификацией по отраслям хозяйства, «экономическим группам».

Один из самых видных зачинателей экономического направления в США, Ф. Тернер, выдвинул тезис о колонизации Запада как основной движущей силе в истории США [8]. В работе «О значении границы в американской истории» (1893) он писал: «Вплоть до наших дней история Америки является в значительной степени историей колонизации Великого Запада. Существование пространства свободной земли, его постепенное медленное сокращение и продвижение населенной полосы (границы) на Запад объясняют развитие Америки» [9]. Тернер подчеркивал влияние новых естественных условий («окружения»), в которые попадали поселенцы, как фактора, преобразовывавшего старые европейские идеи, традиции и учреждения в американские. Он утверждал, что демократия не была привезена в Виргинию на борту «Сары Констант» или «Мейфлауэра» в Плимут, а «вышла из американского леса».

Сам факт привлечения внимания исследователей к проблемам социально-экономического развития имел немаловажное значение. Однако эти вопросы не получили у Тернера правильного решения. Существенным пороком концепции Тернера был ее географический детерминизм. С другой стороны, Тернер искусственно разорвал тенденцию развития капитализма вширь и вглубь, абсолютизировав первую из них. Развитие капитализма вширь, связанное с заселением и освоением новых территорий, он изобразил как основной, определяющий процесс в истории США.

Наиболее последовательно буржуазный экономизм разработан в трудах Ч. Бирда [10]. Если по схеме Тернера буржуазная демократия рожда-

---

[7] *Dunning W.* Reconstruction Political and Economic, 1865—1877. N. Y., 1907.

[8] Подробнее см.: *Ефимов А. В.* США. Пути развития капитализма. М., 1969, с. 638—651; *Болховитинов Н. Н.* США: проблемы истории и современная историография. М., 1980, с. 301—339.

[9] *Turner F.* The Frontier in American History. N. Y. 1920, p. 11.

[10] *Дементьев И. П.* Об исторических взглядах Чарльза Бирда.— Вопр. истории, 1957, № 6.

лась в условиях якобы имевшей место социальной гармонии американского Запада, то, по утверждению Бирда, это происходило в условиях острых столкновений «экономических групп», обладавших различными видами собственности, прежде всего аграрных и промышленных интересов.

В разгар предвоенного политического кризиса в США крупным событием стало появление исследования Бирда «К экономическому объяснению конституции США»[11]. Он показал, что последняя была не плодом «эпохи социальной гармонии», не результатом свободного волеизъявления масс, а выросла на базе значительного неравенства, как итог деятельности представителей торгово-денежных интересов, стремившихся извлечь из нее вполне реальные материальные выгоды.

Разоблачения Бирда вызвали широкий резонанс и были восторженно встречены участниками прогрессистского движения. Однако нарисованная им картина создания конституции была далека от исторической действительности. В духе буржуазного экономизма он подменял классовое строение общества делением на «экономические группы». В результате борьбу вокруг принятия конституции Бирд интерпретировал как столкновение «движимой» и «недвижимой» собственности. В лагерь поборников новой конституции он зачислил буржуазию Севера, ее противниками называл «аграриев» (плантаторы и фермеры) Севера и Юга. Эта схема вступала в противоречие с ценным, впервые поднятым Бирдом конкретным материалом, борьба «экономических интересов» не совпадала с реальными линиями классового конфликта, затушевывала активную позицию трудящихся масс.

В общем потоке буржуазного экономизма развивались и буржуазно-реформистские концепции истории американского рабочего движения. Их существом были теория «исключительности» США и сведение в духе Гомперса классовой борьбы к борьбе экономической, за лучшие условия продажи рабочими своей рабочей силы. В этом русле началась деятельность висконсинской школы, во главе которой стоял профессор Висконсинского университета Дж. Коммонс. Первым шагом висконсинцев явилось опубликование «Документальной истории американского индустриального общества»[12] — по существу огромной коллекции документов по истории рабочего движения, подбор которых диктовался отмеченными тенденциями.

На рубеже XX в. зародилась прогрессивная американская историография эпохи империализма, истоки которой лежат в боевой антиимпериалистической публицистике времени испано-американской войны 1898 г. и острой антитрестовской критике «разгребателей грязи». Отражая возмущение широких слоев народа растущим засильем монополий, они с позиций laissez faire яростно атаковали тресты, их махинации, продажность партийно-политических машин. Более вдумчивые критики стремились заглянуть в глубь десятилетий в поисках корней этих явлений.

Одним из первых «разгребателей грязи» стал Г. Д. Ллойд. В книге «Богатство против общества»[13] он показал поистине криминальные методы, с помощью которых возвысился нефтяной трест «Стандард ойл».

---

[11] *Beard Ch.* An Economic Intepretation of Constitution of the United States. N. Y., 1913.
[12] A Documentary History of American Industrial Society: Vol. 1—10 / Ed. by J. Commons a. o. Cleveland, 1910—1911.
[13] *Lloyd H. D.* Wealth Against Commonwealth. N. Y., 1894.

В работе Дж. Бриджа была описана история «Стального треста» Карнеги [14]. Большую известность получил труд Г. Майерса «История крупных американских богатств» [15]. Источниками обогащения американских мультимиллионеров — Асторов, Гульдов, Вандербилтов и других автор называл грабеж индейцев, обман казны поставками негодных военных материалов, расхищение государственных земель и т. п. Все это были не просто публицистические работы, но документированные исследования. Они закладывали основы радикального направления в историографии США.

К ней примыкает и формирующаяся прогрессивная негритянская историография, наиболее яркой фигурой которой был У. Дюбуа. В 1903 г. вышла его книга «Души черного народа» [16], где была нарисована страшная картина положения негров в США: террор куклуксклановских банд, цветные барьеры, полное политическое бесправие. В работах «Отмена африканской торговли», «Джон Браун» Дюбуа подчеркнул значение восстаний Габриэла, Д. Вези, Н. Тернера [17]. Дюбуа воссоздал светлый образ Дж. Брауна, искаженный буржуазной историографией. В исследовательских статьях Дюбуа наметил основные направления пересмотра господствовавших расистских истолкований эры Реконструкции. 20 лет спустя они получили развитие в фундаментальном исследовании «Черная Реконструкция».

Пионерами марксистской историографии в США стали соратники Маркса и Энгельса и видные деятели социалистического движения. Благотворное влияние на складывание марксистского направления оказали публицистические выступления Д. Де Леона и Ю. Дебса. Они развивали исторические взгляды, полные оптимистического мироощущения, веры в прогресс, в неизбежность гибели эксплуататорского общества. Де Леон подчеркивал формирование материальных предпосылок революций, берущих начало «в скалистом ложе материальных нужд». Он рисовал восходящую линию развития американского рабочего класса. Дебс в большей мере, чем Де Леон, почувствовал революционно-демократические традиции американского народа, рожденные великими социальными битвами прошлого. Он писал: «социалистическое движение в союзе с силами прогресса: мы сегодня то, чем были аболиционисты в 1858 г.» [18].

Серьезное значение имел труд ветерана рабочего движения Ф. А. Зорге «Рабочее движение в Соединенных Штатах» [19]. Книга представляла первый опыт переосмысления с марксистских позиций ряда важных общественно-исторических процессов в США. Зорге ярко иллюстрировал известное положение Маркса о том, что капитализм всем ходом развития создает своего могильщика — пролетариат, показывая нарастание классовых антагонизмов в США.

В содружестве с Зорге работал Г. Шлютер (так же как Зорге — немецкий социалист, иммигрировавший в США). Его работы «Начало не-

---

[14] *Bridge J.* The Inside History of Carnegie Steel Company. N. Y.. 1904.
[15] *Myers G.* History of the Great American Fortunes. N. Y., 1909—1910. Vol. 1—3.
[16] *Du Bois W.* The Souls of Black Folk. Chicago, 1903.
[17] *Du Bois W.* The Suppression of African Slave Trade to the United States of America.— Harvard Studies, 1896; *Idem.* John Brown. Philadelphia, 1909.
[18] E. Debs: His Life, Writings and Speeches. St. Louis, 1908, p. 488.
[19] *Зорге Ф.* Рабочее движение в Соединенных Штатах. СПб., 1907. Впервые опубликована в «Neue Zeit», 1890—1892 гг.

мецкого рабочего движения в Америке», «Линкольн, труд и рабство» [20] были направлены прежде всего против реформистских концепций, пытавшихся свести историю рабочего движения в США исключительно к тред-юнионистской борьбе. Шлютер весьма подробно остановился на участии американского рабочего класса в борьбе против рабства, особо подчеркнув роль немецких социалистов, иммигрировавших в США. Он показал интернациональную помощь английских рабочих. Монография Шлютера «Интернационал в Америке» (1918) — по существу первая попытка с научных позиций рассмотреть деятельность различных социалистических групп в США, в 1876 г. объединившихся в Социалистическую рабочую партию.

Таковы основные тенденции развития американской исторической науки в начале эпохи империализма. Следующий этап американской историографии — период развертывания методологического кризиса буржуазной историографии и развитие марксистской идеологии — связан с победой Великой Октябрьской социалистической революции и наступлением общего кризиса капитализма.

2. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ США НАЧАЛА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Ключ к пониманию важнейших проблем социально-экономического развития и классовой борьбы в США в новую эпоху дает ленинская теория империализма. В труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» и других работах В. И. Ленин проанализировал огромный материал об американском империализме и охарактеризовал его общие черты и особенности. Ленин подчеркивал, что США — классическая страна империализма, что ни в одной другой стране монополии не получили такого развития и не завоевали такого господствующего положения. Рост монополий и концентрация в руках горстки финансовой олигархии огромных богатств превратили США в страну глубоких социальных контрастов, резко усилилось противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения.

Чудовищное давление монополий вызвало особенно характерную для США активность мелкобуржуазной оппозиции, выразившуюся «в усилении движения против трестов» [21]. Это открывало новые возможности перед освободительным движением пролетариата, расширяя круг его потенциальных союзников. В сложившихся условиях буржуазия вынуждена была обратиться к новым методам поддержания своего господства; Ленин дал четкое определение сущности буржуазного реформизма как «реформы *против* революции, частичное штопанье гибнущего режима в интересах разделения и ослабления рабочего класса, в интересах удержания власти буржуазии *против* революционного ниспровержения этой власти» [22].

Ленин вскрыл также особенности агрессивного характера внешнеполитического курса американского империализма, который, с одной стороны,

---

[20] *Schlüter H.* Die Anfänge der deutschen Arbeitbewegung in America. Stuttgart, 1907; *Idem.* Lincoln, Labor and Slavery. N. Y., 1913.

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 181.

[22] Там же, т. 20, с. 305.

опирался на экономическую мощь, а с другой — был обусловлен тем, что США вступили на путь колониальных захватов, когда земной шар был фактически поделен, и испано-американская война 1898 г. явилась первой войной эпохи империализма за передел колоний. Из экономической мощи США вытекало и обращение к долларовой экспансии как специфической форме американской колониальной политики. В 1920 г. Ленин отмечал, что Америка «грабит всех, и она грабит очень оригинально. У нее нет колоний» [23].

Буржуазные историки вполне осознали масштабы и степень воздействия ленинского учения об империализме на развитие мира в новейшую эпоху. Характерно высказывание профессоров Р. Кебнера и Г. Шмидта, которые писали в 1964 г., что восприятие теории империализма «имело огромные последствия. Исторические взгляды, воплощенные в этом понятии, в большой степени определили стереотипы отношения народов к западной цивилизации и западным странам, особенно Англии и США. Коммунисты во всем мире на основе теории империализма представляли себе облик строя, в борьбе против которого должен был возникнуть их новый мир. Теория империализма имела столь же сильное воздействие и на умы тех, кто не перешел на сторону коммунизма» [24].

Признавая силу ленинского учения об империализме, буржуазное обществоведение пытается, однако, представить причины широчайшего влияния ленинизма в искаженном свете. В одном случае отмечается эмоциональное и пропагандистское воздействие теории империализма, в другом ей отказывается в научной значимости, в третьем муссируются измышления о «неоригинальности» ленинского труда, о его сходстве с работами мелкобуржуазного критика Дж. Гобсона или реформиста Р. Гильфердинга. Это, в свою очередь, открывает возможность подменять анализ, данный в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», наскоками на работы последних. Не видя в империализме стадии в развитии капиталистической формации, буржуазные историки стараются раздробить учение об империализме на части и опровергнуть его положения.

В области экономических исследований буржуазные ученые стремятся ограничиться освещением отдельных явлений — роль банковского капитала, трестирование, экспорт капитала и т. д. Нередко в апологетических тонах описывается роль монополий в хозяйственной жизни. Особенно это характерно для «школы бизнеса», набравшей силу после второй мировой войны и попытавшейся с позиций монополистического капитала пересмотреть всю историю США, представить «большой бизнес» двигателем экономического прогресса страны. Образцом подобной апологетики является написанная еще в 1940 г. книга А. Невинса «Джон Д. Рокфеллер. Героическая эпоха предпринимательства». Позднее вышли сотни работ о Фордах, Меллонах, Морганах, которые изображаются архитекторами материального роста США.

С попытками опровержения марксистско-ленинского учения об общественных формациях, например стадии империализма, которая занимает конкретное место, выступили также экономисты и социологи. Наиболее из-

---

[23] Там же, т. 42, с. 67.
[24] Цит. по: Критика современной буржуазной и реформистской историографии/Отв. ред. А. А. Искендеров. М., 1974, с. 5.

вестная из них — теория стадий экономического роста У. Ростоу. Игнорируя социально-экономические отношения, он выдвинул в качестве критерия социального прогресса научно-технический потенциал и количество потребления товаров. Начало XX в. открывает, согласно Ростоу, эру «нового индустриального общества» [25].

Еще одной чертой буржуазной литературы является отрыв внешней политики от социально-экономических корней, определение империализма как политики внешней экспансии. Так, А. Торнтон в книге «Доктрины империализма» характеризует империализм как идею господства сильных народов над слабыми [26], Р. Уинкс также описывает империализм как извечный феномен стремления к господству, не поддающийся рациональному объяснению [27].

С борьбой против научной концепции империализма так или иначе связаны трактовка буржуазными историками важнейших проблем США конца XIX — начала XX в.: их внутренней и внешней политики, рабочего и общедемократического движения.

«Прогрессивная эра» (так в американской буржуазной историографии именуется период от начала XX в. до первой мировой войны), вобравшая в себя важнейшие социально-экономические и политические проблемы начала эпохи империализма, оказалась в центре внимания историков различных направлений [28].

Первую оценку «эры реформ» дали историки экономического (или прогрессистского) направления, многие из которых были современниками и участниками описываемых событий. В работах Ч. Бирда, В. Л. Паррингтона, Р. С. Бэйкера [29] и других была предпринята небезуспешная попытка проанализировать роль социально-экономического фактора в объяснении причин и характера реформ «прогрессивной эры». Они отмечали важное значение массовых движений, в том числе рабочего. Критический настрой помог им приблизиться к верному изображению сложных социальных конфликтов и осудить наиболее одиозные действия монополий. Вместе с тем представители прогрессистской историографии стояли на почве защиты буржуазного строя, полагали возможным разрешение социальных противоречий американского общества не путем революционных преобразований, а посредством либеральных реформ. В «среднем классе» и его лидерах они видели силу, способную поставить крупный бизнес под контроль буржуазной демократии, считали, что реформы, проведенные в период президентства Т. Рузвельта, а затем В. Вильсона, шли в этом направлении, ущемляли тресты и были в интересах «маленького человека».

После второй мировой войны набрало силу апологетическое направление «согласованных интересов» (консенсуса), представители которого (от

---

[25] *Rostow W.* The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifest. Cambridge (Mass.), 1960.

[26] *Thornton A. P.* Doctrines of Imperialism. N. Y., 1965.

[27] The Age of Imperialism / Ed. by R. W. Winks. N. Y., 1969, p. 2.

[28] Подробнее см.: *Белявская И. А.* Буржуазный реформизм в США (1900—1914). М., 1968, с. 380—385; *Козенко Б. Д.* Новые концепции «прогрессивной эры» в американской буржуазной историографии.— Вопр. истории, 1976, № 10.

[29] *Beard Ch.* and *M.* The Rise of American Civilization: Vol. 1, 2. N. Y., 1927. Vol. 2; *Паррингтон В. Л.* Основные течения американской мысли: В 3-х т. М., 1962—1963. Т. 3; *Baker R. S.* Woodro Wilson: Life and Letters. N. Y., 1927—1939. Vol. 1—8.

умеренных либералов до откровенных консерваторов) выдвинули концепцию уникальности американского общества, единства взглядов американцев по фундаментальным вопросам общественно-политического устройства на всем историческом пути. Важнейшие вехи к «организованному капитализму», к «государству всеобщего благоденствия» они видели в «новом национализме» Т. Рузвельта, «новой свободе» В. Вильсона, «новом курсе» Ф. Рузвельта, а затем «новых рубежах» Дж. Кеннеди.

В работах Р. Хофстедтера, Э. Голдмена, А. Линка, Дж. Маури[30] отчетливо проступало стремление смягчить конфликтные ситуации «прогрессивной эры»; не обострение классовых антагонизмов, а возникшие на рубеже XIX—XX вв. специальные привилегии «большого бизнеса» вызвали, по их словам, недовольство в стране. Хофстедтер выдвигал формулу «революции статуса» в США в начале XX в. «Старый средний класс» города (священники, юристы, врачи, мелкие предприниматели), так же как фермерство, теряет свои позиции в социальной жизни страны, а рядом с ним вырастает «новый средний класс» (технический персонал, служащие корпораций и т. д.). В этом основа конфликта «прогрессивной эры». Хофстедтер подверг сомнению позитивное содержание антимонополистических выступлений 1900-х годов, сведя устремления его участников к борьбе за консервативные идеалы прошлого, к неумению приспособиться к условиям нового индустриального общества.

Неолибералы стараются отодвинуть на задний план активные действия народных масс. Наибольшее внимание уделяется реформаторам консервативного толка (Т. Рузвельт, В. Вильсон), а деятельность радикальных (типа Р. Лафоллетта) остается в тени. Президенты-реформаторы, по их мнению, действуя в духе либеральной традиции, осуществили главную задачу — беспристрастное государство поставило под свой контроль отношения между классами, ограничило незаконные действия трестов, уменьшило пропасть между бедностью и богатством. Начало XX в. становится исходной вехой в «трансформации» капитализма. Рождается более совершенная Америка.

Теория «согласованных интересов» получила еще более жесткую трактовку в трудах историков неоконсервативного направления. На его формирование непосредственное влияние оказала «школа бизнеса», стремившаяся возвеличить деятельность «капитанов индустрии». Неоконсервативные историки решительно отказываются видеть в истории США какие-либо конфликты классового характера. В работах ведущих историков этого направления Р. Уиби и С. Хейса[31] отвергается роль рабочего, социалистического и общедемократического движений в период «прогрессивной эры». Взамен этого выдвигаются тенденциозные социологические схемы, скрадывающие социальные противоречия. Хейс писал о столкновениях секционных, отраслевых и других интересов, промышленного Востока — с аграрными Югом и Западом, фермера — с рабочим, поставщика — с владельцем железных дорог и т. д.

---

[30] *Hofstadter R.* American Political Tradition and Men Who Made It. N. Y., 1948; *Idem.* The Age of Reform: from Bryan to F. D. R. N. Y., 1955; *Goldman E. F.* Rendezvous with Destiny. N. Y., 1952; *Link A. S.* Wilson. The New Freedom. Princeton, 1956; *Mowry G. F.* The Era of Theodore Roosevelt, 1900—1912. N. Y., 1958.

[31] *Wiebe R. H.* Businessmen and Reform: a Study of the Progressive Movement. Cambridge (Mass.), 1962; *Idem.* The Search for Order, 1877—1920. N. Y., 1967; *Hays S. P.* The Response to Industrialism, 1885—1914. Chicago, 1963.

Если неолибералы гипертрофировали роль политических лидеров в событиях «прогрессивной эры», то у историков неоконсервативного направления их место занимает «деловая элита» — бизнесмены и технократы. Последние добиваются рационализации и эффективности экономики, новой системы управления, модификации социальных процессов. За всем этим явственно вырисовываются контуры государственно-монополистического капитализма в его далеко не либеральном варианте.

Против трактовки событий «прогрессивной эры» с позиций «согласия» и «преемственности» выступили историки радикального направления. Оно во многом выросло из «новой левой» идеологии, порожденной движением социального протеста 60-х годов. Историки-радикалы отвергали «бесконфликтную историю», их внимание привлекали массовые движения («низов»). Вместе с тем их методология носит эклектический характер, испытывая как влияние многих критических направлений буржуазной философии и социологии (от экзистенциализма до молодежной леворадикальной контркультуры 60—70-х годов), так и определенное воздействие марксизма. Признавая наличие в истории США острых антагонистических конфликтов, историки-радикалы подчас модернизируют прошлое, а их левацкие максималистские мерки в оценке тех или иных событий нередко оборачиваются антиисторизмом.

Взгляды историков-радикалов на «эру прогрессизма» наиболее четко выражены в работах Г. Колко «Триумф консерватизма», «Железные дороги и регулирование, 1877—1916» и Дж. Вейнстейна «Корпоративный идеал и либеральное государство, 1900—1918» [32]. Авторы выступали против неолиберальной концепции «прогрессивной эры» как времени реформ, дарованных народу просвещенными лидерами и ограничивших всевластие капитала. В их изображении 1900—1914 годы — время острой борьбы либерально-реформистских сил и крупного бизнеса. Последний победил и провел законы в интересах монополистов, утвердил в США новую систему отношений бизнеса и правительства.

Историки-радикалы приводят большой материал и отмечают ряд существенных черт вмешательства государства в экономическую жизнь (по терминологии Колко — «политического капитализма», по определению Вейнстейна — «корпоративного либерализма»). Необходимо сказать, что имеется существенное отличие в понимании этого явления между марксистами и радикалами. Для радикалов «корпоративный либерализм»— всего лишь маневр крупного бизнеса, вдохнувший жизнь в умирающий капитализм. В результате реформ Т. Рузвельта и В. Вильсона реформистские силы были интегрированы в структуру буржуазного государства. Согласно ленинскому определению, государственное вмешательство в сферу экономики подготавливает материальную базу для кардинальных социальных преобразований общества.

Одной из существенных черт «новой левой» концепции «прогрессивной эры» является недооценка классовой борьбы пролетариата и антимонополистических выступлений. Другая черта — преувеличение силы и возможностей «истэблишмента», в конечном счете мощи капитализма. В истории США начала XX в. радикалы выделили одну тенденцию и

[32] *Kolko G.* The Triumph of Conservatism: A Reinterpretation of American History, 1900—1914. N. Y., 1963; *Idem.* Railroads and Regulation, 1877—1916. Princeton, 1965; *Idem.* Main Trends in Modern American History. N. Y., 1976; *Weinstein J.* The Corporate Ideal in the Liberal State, 1900—1918. Boston, 1968.

возвели ее в абсолют. В результате со счетов сбрасывается либеральное социальное законодательство «прогрессивной эры», все реформы рассматриваются в плане интересов крупного бизнеса и эпоху, известную бурным подъемом демократического движения, историки-радикалы называют «консервативной эрой».

С конца 60-х годов «прогрессивная эра» стала предметом исследования представителей так называемой новой методологии. Она привнесла в историографию междисциплинарный подход (методику социологии, политологии, психологии и других гуманитарных наук). На ее волне возникла «новая социальная», «новая политическая», «новая экономическая» и другие школы и течения в американской буржуазной историографии. Колоссальный рост объема исторической информации давно уже требовал новых средств для ее обобщения и типологизации. Сторонники междисциплинарного подхода широко использовали количественные методы обработки источников с помощью современной вычислительной техники. Междисциплинарный подход обогатил технику исторических исследований, расширив тематику и позволив осветить не изученные ранее грани исторического процесса. Однако новая методика не вывела буржуазную историческую науку из тупика релятивизма и элитистского подхода, ее фундаментальные теоретико-методологические принципы не были подвергнуты пересмотру.

Приверженцы «новой социальной истории» обратили внимание на исследование этнической и демографической структуры США, географическую и социальную мобильность населения, культуру в широком ее значении, что обогащает картину общественного развития, помогает раскрытию жизни широких слоев населения. Однако все это может быть осмыслено лишь в связи с магистральными линиями социального развития США, чего как раз не в состоянии сделать сторонники «новой социальной истории».

Важнейшими объектами изучения «новых политических историков» явились политическое сознание и характер голосования избирателей на выборах. Так, в работах Г. Аллена, Дж. Клаба, Ф. Альтхофа, Д. Брэди, Э. Клаузена [33] и других первостепенное внимание уделяется вопросам массового поведения избирателей, характеру их голосования, структуре и составу партий. Введение в научный оборот данных компьютерной обработки источников позволило привлечь значительный материал и выйти на новый уровень обобщений материалов политической борьбы на президентских выборах и в конгрессе.

«Новые политические историки» склонны сводить общественные конфликты начала империалистической эпохи к противоборству «аграрных» и «индустриальных» интересов. В сельском «среднем классе» Юга и Запада, который был заинтересован в регулировании деятельности железнодорожных компаний, банковской реформе, общеполитических преобразованиях, они видят главную силу прогрессистского движения и основную социальную опору демократической партии. В правившей же в начале XX в. республиканской партии, которая пользовалась тради-

---

[33] *Allen H., Clausen A., Clubb J.* Political Reform and the Negro Rights in Senate, 1909—1915.— Journal of Southern History, 1971, vol. 37, N 5; *Brady D., Althoff Ph.* Party Voting in the U. S. House of Representatives, 1890—1910: Elements of a Responsible Party System.— Journal of Politics, 1974, vol. 36, N 4; *Gould L.* Reform and Regulation: American Politics, 1900—1916. N. Y., 1978.

ционной популярностью в урбанизированных регионах Северо-Востока и Среднего Запада, эти требования не встречали поддержки. Противоречия между «городской» и «сельской» партиями усиливались, по мнению этих исследователей, также из-за различий в партийной ориентации религиозных групп: протестантской, тяготевшей к республиканской партии, и католической — к демократической. Наконец, разным был этнический состав партий: ядро республиканцев составляли американцы англосаксонского происхождения, к демократической партии принадлежали национальные меньшинства, многочисленные иммигранты конца XIX — начала XX в. из стран Восточной Европы.

Попытка объяснить межпартийную борьбу секционными и этнокультурными противоречиями (так называют «новые политические историки» этнические и религиозные противоречия), которые оказывали корректирующее, а не определяющее влияние на ход событий, приводит к затушевыванию социального лица избирателей.

Исследования американскими буржуазными историками периода «прогрессивной эры», предпринятые в последние десятилетия, ввели в научный оборот большой фактический материал, были сделаны важные выводы по проблемам частного характера. Вместе с тем четко выявилось стремление приглушить противоречия капитализма, провести идею уникальности «американской демократии», делающей ненужными революционные перемены.

В американской буржуазной историографии рабочего движения конца XIX — начала XX в. долгое время ведущее место занимала висконсинская школа [34]. В «Документальной истории американского индустриального общества», в «Истории рабочего движения в США» [35], в работах коллег и многочисленных учеников Коммонса — З. Перельмана (в прошлом русский меньшевик), Д. Сапоса, С. П. Миттельмана и других — содержался большой новый материал о положении рабочего класса и отчасти о его массовых выступлениях в конце XIX — начале XX в.

Однако в основу своих исследований эти историки положили апологетическую теорию «исключительности» развития американского капитализма. «Свободные» земли, огромные ресурсы внутреннего рынка, постоянный приток эмигрантов, своеобразие системы государственного управления и политического механизма — все эти особенности исторического развития США возводились в степень абсолютного отличия их от других стран и привлекались для доказательства якобы «исключительности» условий развития американского рабочего движения. Следствием этого были высокая социальная мобильность и отсутствие антагонистических противоречий между пролетариатом и буржуазией, подобных европейским.

Висконсинцы уделяли первостепенное внимание Американской федерации труда, которая уже в конце XIX в. представляла большей частью лишь квалифицированных рабочих. Самостоятельные политические действия рабочего класса и его союзников, проявившиеся в выступлениях

---

[34] Подробнее см.: *Мальков В. Л.* Джон Коммонс и висконсинская школа.— В кн.: История и историки. М., 1966; *Аскольдова С. М.* История рабочего движения в новое время (1880—1918).— В кн.: Основные проблемы истории США в американской историографии, 1861—1918 / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1974.

[35] *Commons J.* et al. History of Labor in the United States. N. Y., 1918—1935. Vol. 1—4.

«Рыцарей труда», «Индустриальных рабочих мира», в участии в антимонополистическом движении, остались вне поля зрения этой исторической школы, которая игнорировала также влияние социалистических идей и революционные тенденции в рабочем движении.

После второй мировой войны влиятельные представители висконсинской школы Ф. Тафт, Дж. Гроб [36] и другие продолжали отстаивать старые догмы, но время безраздельного господства висконсинцев в историографии рабочего движения прошло. В 60-е годы возникла «новая рабочая история» [37]. При всей пестроте ее состава (одна часть историков — вчерашние «новые левые», другая — весьма респектабельные академические историки) в методологическом отношении для всех них характерно обращение к междисциплинарному подходу (они тесно связаны с «новой социальной историей») и количественным методам исследования. Центром «новой рабочей истории» стал журнал «Лейбор Хистори», основанный в 1960 г.

Радикальные историки выступили с критикой висконсинской школы за элитизм, сведение истории американского пролетариата к истории тред-юнионов и невнимание (даже в рамках истории тред-юнионов) к жизни рядовых членов АФТ. Отвергнув концепции висконсинской школы как институционалистские, т. е. посвященные изучению лишь организации АФТ, они начали искать новые подходы к изучению жизни и труда рядовых рабочих на путях социально-культурной истории (сильное воздействие при этом на них оказали английские историки Э. Томпсон и Э. Хобсбаум, сформулировавшие методологические принципы изучения поведения и культуры рабочего класса).

Для изучения культуры рабочего класса США немало сделал Г. Гатман, стремившийся изучить социальную психологию рабочих, выявить в их обыденном сознании (ритуалах, праздниках, семейной этике, религиозных взглядах и т. д.) ростки сопротивления эксплуатации и протеста против буржуазного образа жизни [38]. Проблема рабочей культуры и формирования классового сознания занимает важное место и в работах других историков. Одни из них, подобно Дж. Ласлетту, освещали эту тему, анализируя радикализацию взглядов рядовых членов тред-юнионов под влиянием антимонополистических и социалистических идей [39], другие обращались к истории рабочих организаций, противостоявших АФТ. В работах М. Дубовского, К. Лэша анализируются умонастроения и устремления членов «Рыцарей труда» [40], Дж. Конлин, М. Дубовский исследуют классовое сознание членов «Индустриальных

---

[36] *Taft Ph.* The American Federation of Labor in Time of Gompers. N. Y., 1957; *Idem.* Organized Labor in American History. N. Y., 1964; *Grob G.* Workers and Utopia. A Study of Ideological Conflict in the American Labor Movement. Evanston, 1961.

[37] Подробнее см.: *Савельева И. М. Сивачев Н. В.* «Новая рабочая история» в США.— Рабочий класс и совр. мир, 1978, № 4; *Согрин В. В.* Американская радикальная историография рабочего и социалистического движения в США.— В кн.: Американский ежегодник, 1982. М., 1982.

[38] *Gutman H.* The Workers Search for Power: Labor in the Gilded Age.— In: Gilded Age: A Reappraisal. Syracuse, 1963; *Idem.* Work, Culture, and Society in Industrializing America: Essays in Working-Class and Social History. N. Y., 1976.

[39] *Laslett J.* Labor and the Left: a Study of Socialist and Radical Influence in American Labor Movement, 1881—1924. N. Y., 1970.

[40] *Dubofsky M.* Industrialism and the American Worker, 1865—1920. N. Y., 1975; *Lash C.* The Agony of the American Left. N. Y., 1969.

рабочих мира», организации, отразившей радикальные тенденции американского пролетариата в начале XX в.[41]

Типичная для «новой рабочей истории» проблематика — этнический состав рабочих и положение рабочих-иммигрантов, их культурный уровень и влияние церкви, миграция рабочих. Основное внимание уделялось не политике руководства рабочих организаций, а деятельности низовых ячеек. Сделаны первые небезуспешные шаги в анализе положения неорганизованных в профсоюзы рабочих.

Однако при всей значимости изучения этих аспектов жизни рабочих вне поля зрения исследователей осталось главное — анализ социальной сущности рабочего класса. «Новая рабочая история» трактует понятие «класс» прежде всего как культурно-психологическую общность, отрывая ее от производственных отношений (преобладает данное Томпсоном определение класса как «осознание идентичности интересов, возникающее на основе общего опыта»). При этом исчезает стержень, скрепляющий различного рода активность рабочих, отходят на второй план проблемы классовой борьбы. Как выразился один из критиков, это история рабочих без фабрик и заводов, учителей без школ, врачей без больниц.

Особое место в буржуазной историографии занимают проблемы социалистического движения в США[42]. После второй мировой войны усилились нападки на деятельность революционных сил в прошлом и настоящем. Типичная для консервативной литературы книга Т. Дрейпера «Корни американского коммунизма»[43]. Анализируя деятельность Социалистической партии Америки, Дрейпер относил образование в ней революционного крыла на счет европейского влияния, ибо в США якобы отсутствовала почва для социалистических идей. Он искажал причины упадка социалистической партии, сводя их к деятельности левых, которые-де под влиянием большевизма в стремлении создать коммунистическую партию в США разрушали СПА.

Буржуазно-либеральные историки также отправляются от тезиса о ненужности какого-либо движения за социализм, о неприменимости учения марксизма-ленинизма к США. В работах Д. Белла «Основание и развитие Марксова социализма в США» (1952), Г. Моргана «Юджин Дебс» (1952), Д. Шеннона «Социалистическая партия Америки» (1955) отрицались пролетарский характер и революционные цели социалистического движения в США. Авторы этих книг вырывали социалистическое движение из сферы борьбы классов и переносили в общий поток американского радикализма, трактовали как «левое крыло прогрессистского движения», выполнявшего, по их мнению, определенную полезную работу по совершенствованию американской демократии.

Особняком в американской исторической литературе стоит небольшое число научных исследований, авторы которых менее предвзято подходят к изучению истории социалистического движения в США в конце XIX — начале XX в. В работах Г. Куинта, А. Кипниса, Р. Джинжера[44] и дру-

[41] *Conlin G. R.* Bread and Roses Too: Studies of the Wobblies. Westport, 1969; *Idem.* Big Bill Haywood and the Radical Union Movement. Syracuse, 1969; *Dubofsky M.* We Shall be All: A History of the Industrial Workers of the World. Chicago, 1969.

[42] Подробнее см.: *Козенко Б. Д.* Кризис социалистической партии Америки.— В кн.: Основные проблемы истории США в американской историографии, 1861—1918.

[43] *Draper Th.* The Roots of American Communism. N. Y. 1957.

[44] *Quint H. H.* The Forging of American Socialism. Origins of the Modern Movement. Columbia. 1953; *Kipnis J.* The American Socialist Movement, 1897—1912. N. Y., 1952;

гих содержится ценный материал по истории рабочего движения, свидетельствующий (иногда помимо воли авторов), что корни социалистического движения следует искать в социально-экономическом развитии США.

Проблемы социалистического движения привлекли внимание и «новой рабочей истории». В работах ряда историков, например Дж. Грина «Корни социализма: радикальные движения на Юго-Западе, 1895—1943» [45] приведен убедительный материал, показывающий, что социалисты черпали своих приверженцев из числа радикальных популистов, а в начале XX в. — среди участников прогрессистского движения. Тем самым еще раз была подчеркнута мысль об американских корнях социалистического движения в стране. Подверглась критике и трактовка, возлагавшая вину за развал социалистической партии на коммунистов. Так, М. Кантор видел объяснение упадка социалистической партии в сползании на путь реформизма и поглощении ее двумя главными буржуазными партиями [46].

Развернувшееся в конце XIX в. движение миллионов фермеров оставило неизгладимый след в национальной истории, создав устойчивую антимонополистическую традицию. Естественно, что каждая крупная научная школа в американской историографии обращалась к этим событиям [47].

Первые исследования по истории антимонополистического фермерского движения создавались в период наибольшего влияния концепций Ф. Тернера. Он писал о фермерском «пограничном» происхождении американской демократии. В работах С. Бака «Грейнджерское движение» и вышедшей позднее гораздо более полной по охвату источников книге Дж. Хикса «Популистское восстание» [48] борьба фермеров рассматривалась во многом как проявление борьбы географических секций, извечного в американской истории конфликта между «аграрной демократией» и «промышленной цивилизацией». Бак и Хикс считали, что в конце XIX в. фермеры Запада попали в тяжелое положение прежде всего ввиду исчезновения «границы» и исчерпания фонда «свободных» земель, в результате чего чаша весов в долголетней борьбе склонилась в пользу промышленного капитализма Востока. Плутократия ограничила экономическую независимость фермеров и оттеснила их от государственной власти. Рассматривая движение фермеров в несколько романтических тонах, исследователи этого направления показывали и позитивную его роль в борьбе за экономическую и политическую демократию [49].

В 30—40-е годы концепция историков-прогрессистов дополнилась существенным звеном — в ряде исследований было обращено внимание на связи между выступлениями фермеров и рабочих. Значительный интерес

Ginger R. The Bending Cross. A Biography of Eugene Victor Debs. New Brunswick, 1949.

[45] *Green J. R.* Grass-roots Socialism: Radical Movements in Southwest, 1895—1943. Baton Rouge, 1978.

[46] *Cantor M.* The Devided Left. American Radicalism, 1900—1975. N. Y., 1978.

[47] Подробнее см.: *Куропятник Г. П.* Фермерское движение в США: От грейнджеров к Народной партии, 1867—1896. М., 1971, гл. 1.

[48] *Buck S. J.* The Granger Movement. Cambridge (Mass.), 1913; *Hicks J. D.* The Populist Revolt: A History of Farmers Allians and the People's Party. Minneapolis, 1931.

[49] *Woodward C. Vann.* Origins of New South, 1877—1913. Baton Rouge, 1951.

в этом плане представляло исследование Ч. Дестлера о создании рабоче-популистского блока в штате Иллинойс в 1894 г.[50]

После второй мировой войны приверженцы школы «согласованных интересов» предприняли ревизию истории массовых фермерских движений последней трети XIX в. Характерно, что первыми в 50-е годы подвергли пересмотру историю популистского движения не профессиональные историки, а консервативные публицисты, политологи, социологи. В. Феркисс, П. Вайрек, Д. Белл и другие обрушились со злобными нападками на популистов, обвинив их на основе тенденциозно подобранных фактов в шовинизме, джингоизме и антисемитизме. Они демагогически объявили популистов предшественниками современного маккартизма.

В этом же русле идут и работы Р. Хофстедтера и О. Хэндлина. В монографии Хофстедтера «Эра реформ» развивалась мысль, что в условиях США обречены на неудачу любые социально-политические движения, выходящие за рамки буржуазно-реформистских преобразований сверху. Хофстедтер дал широкий фон, рисуя бурный процесс индустриализации США в конце XIX в., и порой весьма реалистично показал разорение фермерства. Однако автор перевел конфликт в сферу психологии (пусть даже с элементами социальной психологии), по существу отрывая его от материальных интересов. Он утверждал, что действия людей, как правило, не определяются «материальными мотивами или соображениями обладания власти»: скорее, чем реальные интересы, движущими силами оказываются предрассудки, страх и ненависть [51].

Таковыми были якобы мотивы выступлений популистов. Требования популистов, согласно Хофстедтеру, глубоко консервативны, они продукт мифа о потерянном «аграрном Эдеме», «ностальгия по утраченным идеалам индивидуализма», «восстания против дисциплины индустриального общества». Выступления фермеров против концентрации банков рисуются Хофстедтером как реминисценция джексоновского периода; борьба против британских земельных компаний как англофобия; протест против коррупции в муниципалитетах как антиурбанизм. Естественно, ему чужда мысль о борьбе популистов как глубоко прогрессивном антимонополистическом протесте. Вне поля его зрения оказываются также рабочее и социалистическое движения, которые послужили немалым позитивным фактором в возникновении и развитии антимонополистического движения.

В 60—70-е годы под влиянием острых конфликтов современности, подъема демократических движений в США ослабли позиции сторонников теории «согласованных интересов». Многие историки от либералов до радикалов (К. Ванн Вудворд, Т. Салутос, У. Наджент, Р. Дарден, Н. Поллак) отвергли обвинения, выдвинутые против популистов, в национализме, антисемитизме и антидемократизме как необоснованные и просто недобросовестные. Отмечалось, что во многих отношениях популисты шли впереди своего времени. Впервые после периода Реконструкции 1865—1877 гг. белые фермеры Юга и негры нередко объединялись для совместных выступлений; популистские газеты печатали статьи против Ротшильдов, но это был не антисемитизм — критика направлялась против них

---

[50] *Destler Ch. M.* American Radicalism, 1865—1901: Essays and Documents. New London (Conn.), 1946.

[51] *Hofstadter R.* The Paranoid Style in American Politics and Other Essays. N. Y., 1965, p. 39.

как крупнейших банкиров того времени; программные требования Народной партии предусматривали широкий круг реформ по демократизации политической жизни (прямые выборы президента и сенаторов) и т. д.

Важно, что полемические выступления в защиту популизма были подкреплены анализом различных сторон фермерского движения. Получили распространение региональные исследования. В работе Т. Салутоса «Фермерские движения на Юге, 1865—1933» [52] была рассмотрена история Южного альянса. Книги Р. Скотта об аграрных движениях в Иллинойсе, У. Наджента — в Канзасе, Н. Поллака — в Небраске и Канзасе углубили представление о среднезападных штатах как центре популизма [53]. В трудах других историков был поставлен вопрос о сложном характере популистской идеологии, о влиянии на платформу популистской партии идей национализации земли Г. Джорджа, социальных воззрений Г. Д. Ллойда и Э. Беллами, воплощавших радикально-демократическую критику монополий [54]. В серии биографических работ была освещена деятельность видных руководителей популистов: фермера, оратора и автора популярного утопического романа «Колонна Цезаря» И. Доннелли; одного из основателей рабоче-популистского блока в Иллинойсе — Г. Д. Ллойда; популиста-конгрессмена У. Пеффера [55] и др.

Чувствительный удар по ревизии популистского движения нанесла хорошо фундированная источниками книга леворадикального историка Н. Поллака «Популистский ответ на появление индустриальной Америки» (1962). В противовес Хофстедтеру, рассматривавшему популизм как ретроградный протест сельских собственников, Поллак видел в популизме классовое движение, выступившее против эксплуатации монополий. Поллак подчеркивал, что популистское движение вобрало в себя часть промышленных рабочих, средних городских слоев и интеллигенции. В книге имеется и ряд преувеличений. Автор шел настолько далеко, что оценивал популистское движение как имевшее серьезный антибуржуазный потенциал и ставившее задачей преобразование общества в социалистическом духе.

Получивший широкое распространение в 70-е годы междисциплинарный подход был применен и к изучению популизма. Примером является фундаментальное исследование тяготеющего к радикальному направлению Д. Гудвина «Обещание демократии. Популистский час в Америке» [56]. Опираясь на методологию «новой социальной истории», Гудвин исследовал формирование массового сознания фермерства («культуру популизма»). Возникшие в фермерских альянсах идеи «сотрудничества» переросли в идеологии популистской партии в принципы «общества сотрудничества», противостоявшие идеям «корпоративного государства», с которыми

[52] *Saloutos Th.* The Farmer Movements in the South, 1865—1933. Berkeley, 1960.

[53] *Scott R. V.* The Agrarian Movement in Illinois, 1880—1896. Urbana, 1962; *Nugent W. T. K.* The Tolerant Populists. Kansas Populism and Nativism. Chicago, 1963; *Pollack N.* The Populist Respons to Industrial America. Cambridge (Mass.), 1962.

[54] *Barker Ch.* Henry George. N. Y., 1955; *Destler Ch.* Henry Demarest Lloyd and Empire of Reform. Philadelphia, 1963; *MacNair E. W.* Edward Bellamy and Nationalist Movement, 1889 to 1894. Milwaukee, 1957.

[55] *Ridge M.* Ignatius Donnelly: The Portrait of a Politician. Chicago, 1962; *Argensinger P. H.* Populism and Politics: W. A. Peffer and People's Party. Lexington, 1974. Еще ранее было опубликовано исследование о видном популисте-южанине Т. Уотсоне. См.: *Woodward C. Vann.* Tom Watson — Agrarian Rebel. N. Y., 1938 (3d ed., 1963).

[56] *Goodwin L.* Democratic Promise. The Populist Moment in America. N. Y., 1976.

выступал крупный капитал. Поражение популизма нанесло, по мнению Гудвина, непоправимый удар демократии в Америке.

Методология «новой социальной истории» привела и к ошибкам в анализе популизма. Неопределенен критерий для выделения элементов «культуры популизма», в результате не рассматривается политическое сознание целых отрядов популистов. Так, сторонники серебряной валюты характеризуются как псевдопопулисты. С другой стороны, «классовое сознание рядовых» выступает в изображении Гудвина как единое, сглаживая разношерстный состав популистского движения, в котором принимали участие различные слои — от негров-поденщиков до крупных фермеров.

История изучения буржуазной историографией как фермерского, так и рабочего движений свидетельствует, что рост профессионализма и обращение к новым методикам, обогащая в ряде моментов познание исторической действительности, не могут восполнить отсутствие цельного научного мировоззрения, научной методологии.

На рубеже XIX—XX вв. США вышли на арену мировой империалистической политики, вступили в борьбу за колонии, источники сырья, сферы приложения капитала. Американские правящие круги выдвинули специфические методы экспансии в различных районах мира: в отношении стран Латинской Америки они формулировали новую интерпретацию доктрины Монро, на Дальнем Востоке провозгласили политику «открытых дверей», положившую начало так называемой долларовой экспансии, против Испании развязали империалистическую войну за передел колоний. Этот комплекс проблем внешней политики США стал в центре внимания главных направлений буржуазной историографии [57].

В начале 1900-х годов ведущее место в историографии внешней политики США занимало официальное направление. Дж. Кэллахан, А. Кулидж, Дж. Латане, Ф. Чэдвик [58] и другие следовали политическим тенденциям, выраженным в официальных публикациях правительства и заявлениях его руководящих деятелей У. Маккинли, Т. Рузвельта, Дж. Хэя. Они готовы были охарактеризовать политику великих европейских держав как «империалистическую», но экспансию США обосновали выполнением «цивилизаторской миссии», стремлением распространить «передовую» политическую систему США, их культуру и религию. Они активно поддержали официальную версию о том, что США вступили в войну с Испанией, якобы руководствуясь гуманными побуждениями. Руководители внешней политики США и американские историки, разделявшие официальную точку зрения, ссылались часто также на то, что американское государство родилось в результате антиколониальной борь-

---

[57] *Кунина А. Е., Марушкин Б. И.* Миф о миролюбии США. М., 1960; *Слёзкин Л. Ю.* Испано-американская война 1898 г.— В кн.: Основные проблемы истории США в американской историографии, 1861—1918; *Окунева М. А.* Карибская политика США конца XIX — начала XX в.— Там же; *Мурадян А. А., Халфин Н. А.* Эволюция интерпретации политики США на Дальнем Востоке в XIX — начале XX в.— Там же; *Фурсенко А. А.* О происхождении доктрины Хэя.— Там же.

[58] *Callahan J. M.* Cuba and International Relations. Baltimore, 1899; *Idem.* American Relations in the Pacific and Far East, 1784—1900. Baltimore, 1901; *Coulidge A.* The United States as a World Power. N. Y., 1909; *Latane J.* America as a World Power, 1897—1907. N. Y.; L., 1907; *Chadwick F.* The Relations of the United States and Spain. N. Y., 1900—1901. Vol. 1—3.

бы и внешняя политика США якобы и теперь сохраняет ее сущность.

В период между двумя мировыми войнами тезис об альтруизме и гуманизме внешней политики США был широко распространен в американской буржуазной историографии. С большей или меньшей последовательностью его развивали такие известные историки, как Т. Деннет, Т. Бейли, С. Ф. Бимис, А. У. Грисуолд, Ф. Р. Даллес, Д. Перкинс [59].

Политика США в Латинской Америке в конце XIX – начале XX в. привлекала пристальное внимание американских историков. Общая тональность литературы определялась постулатами, выдвинутыми еще в начале XX в.: защита интервенционистской политики США, обусловленной якобы внутренними «беспорядками» в латиноамериканских странах и опасностью вмешательства со стороны европейских держав; апология «долларовой экспансии». Эти черты характерны для получившей широкую известность монографии Г. Хилла «Рузвельт и страны Карибского моря» (1927) и А. Денниса «Рискованные предприятия в американской дипломатии, 1896—1906» (1928).

Среди работ о политике США на Тихом океане и в Восточной Азии выделялась монография Т. Деннета «Американцы в Восточной Азии» (1922). Она основана на солидных источниках и оказала влияние на последующее изучение проблемы. Тихоокеанская политика Соединенных Штатов в изложении Деннета всегда основывалась на принципах равных коммерческих возможностей США с европейскими державами и сотрудничества с народами Азии. Фактически выступив с оправданием империалистической политики США, Деннет пытался доказать, якобы доктрина «открытых дверей» учитывала национальные интересы Китая и способствовала сохранению его независимости от посягательств европейских колониальных держав.

Тезис об альтруистическом характере внешней политики США сочетался у ряда видных историков 20—30-х годов с изоляционистским подходом к внешнеполитическим акциям на рубеже XIX—XX вв. Так, Бейли назвал войну с Испанией ненужной, а С. Бимис сформулировал тезис о «внешнеполитических ошибках» США. Эти ошибки начались с 1898 г., когда США отошли, по его мнению, от традиционных принципов неучастия и нейтралитета. «Приобретение Филиппин,— писал Бимис,— было самой крупной ошибкой американской дипломатии; она вовлекла США в соперничество с великими державами в Азии, а затем и в Европе» [60]. С другой стороны, экспансия США, потребовав больших материальных затрат, не принесла им никаких экономических выгод.

Бимис и Бейли проводили также положение об ошибочности провозглашенной доктрины «открытых дверей», так как «принимаемая ответственность не компенсировалась соответствующими выгодами для Соединенных Штатов». В этом случае политика США якобы лишь охраняла Китай от раздела между европейскими державами. Бимис и Бейли выдвинули версию, что доктрина «открытых дверей» была провозглашена по британской подсказке. Этот тезис подробно развил Грисуолд.

---

[59] *Dennett T.* Americans in Eastern Asia. N. Y., 1922; *Baily Th.* A Diplomatic History of the American People. N. Y., 1936; *Bemis S. F.* A Diplomatic History of the United States. N. Y., 1936; *Griswold A. W.* The Far Eastern Policy of the United States. New Haven; London, 1938; *Dulles F. R.* America in the Pacific. Boston; New York, 1932; *Perkins D.* The Monro Doctrine, 1867—1907. Baltimore, 1937.

[60] *Bemis S. F.* A Diplomatic History..., p. 475, 482.

С начала 30-х годов важные позиции в американской историографии внешней политики США заняло психологическое направление. На формирование его методологии немалое влияние оказали взгляды Й. А. Шумпетера — видного австрийского экономиста, который получил известность в Европе, а затем с 1932 по 1950 г. преподавал в Гарвардском университете. В работе «Социология империализма» (1919) он стремился доказать, что империалистическая внешняя политика не имеет никакого отношения к капитализму. Империализм — не что иное, как атавизм в современном обществе, восходящий в своем происхождении по крайней мере к древнему Египту и Ассирии.

Отправным положением психологического направления является отрицание связи между капитализмом, интересами монополий и империалистической политикой. Глава и один из зачинателей направления, Дж. Пратт, в монографии «Экспансионисты 1898 г.» [61] пытался опровергнуть тезис о причастности крупного бизнеса к вовлечению США в войну с Испанией. Обосновывая эти положения, Пратт приводил довод, что деловой мир был удовлетворен процветанием, наступившим после опустошительного экономического кризиса 1893—1897 гг., и опасался, что война может неблагоприятно отразиться на экономическом положении США. Предпосылкой подобного искажения было тенденциозное использование материалов, освещавших роль бизнеса в испано-американской войне (опущены документы Национальной ассоциации промышленников, объявлены «несущественными» выступления тех журналов и газет, которые требовали захвата внешних рынков, и т. д.).

Пратт дал содержательный очерк экспансионистской идеологии — доктрин Д. Стронга, А. Мэхэна, Дж. Барджесса, Дж. Фиске, но в то же время утверждал, что формирование агрессивных доктрин не было связано с интересами бизнесменов. В конечном счете Пратт пытался доказать, что «общественные чувства», «настроения масс» ответственны за империалистическую политику США на рубеже XIX—XX вв. Этот тезис был последовательно развит в работах приверженцев психологического направления М. Уилкерсона и Дж. Уизана [62]. Последний, например, писал: «Испано-американская война, столь важная по своим последствиям, была всенародным крестовым походом. Ее не желали ни бизнесмены, ни правительство. Публика, возбужденная прессой, требовала ее» [63].

В период между двумя войнами в буржуазной историографии внешней политики наряду с официальным и психологическим направлениями заметное место занимало экономическое. Его сторонники, как правило, воздерживались от восхваления империалистической экспансии, приводили свежий материал, а главное — поднимали вопрос об экономических мотивах экспансии США в странах Латинской Америки и Дальнего Востока.

Эти черты свойственны исследованиям Ч. Бирда. В ранних работах, а также трудах 30-х годов Бирд попытался, хотя часто и непоследовательно, применить экономическую интерпретацию к анализу испано-американской войны. Он одним из первых буржуазных историков отметил связь внешней политики США с внутриполитической ситуацией в стране. Вступая в полемику с официальной историографией, Бирд констатировал

[61] *Pratt J. W.* Expansionists of 1898. Baltimore, 1936.
[62] *Wilkerson M.* Public Opinion and the Spanish-American War. Baton Rouge, 1932; *Wisan J.* Cuban Crisis as Reflected in the New York Press (1895—1898). N. Y., 1934.
[63] *Wisan J.* Op. cit., p. 455.

преимущественно демагогический характер кампании в США за освобождение Кубы. «Без всякого умаления возвышенных чувств, которые имели место в период войны с Испанией,— писал он,— остается фактом, что американские интересы, связанные с кубинской промышленностью и торговлей, требовали прямой интервенции и ожидали от нее практических выгод» [64].

Бирд справедливо полагал, что США, аннексируя Филиппины, руководствовались экономическими и военно-стратегическими интересами на Тихом океане. Филиппины они рассматривали как базу в широком смысле слова (а не только военную) для своей политики на Дальнем Востоке, а Китай — как наиболее желанный рынок. В то же время Бирд разделял распространенное в буржуазной литературе представление об империализме лишь как определенном курсе внешней политики, а развитие американского капитализма изображал скорее как «коммерческое», нежели социально-экономическое.

На исторические оценки Бирда, несомненно, повлияла изоляционистская концепция. Считая, что выход за пределы Западного полушария и особенно захват Филиппин крайне осложнили военно-стратегические задачи США, Бирд призывал возвратиться к так называемому континентальному изоляционизму. В преддверии второй мировой войны он неверно ориентировал американскую общественность на необходимость проведения политики нейтралитета, «возделывания собственного сада» [65]. Сходные взгляды на внешнюю политику США рубежа XIX—XX вв. развивали другие представители экономического направления — Дж. Х. Робинсон, А. М. Шлезингер-старший [66] и др.

В 20—30-е годы под влиянием антивоенных настроений масс и подъема классовой борьбы в историографии внешней политики США отчетливо выявилась критическая струя. Представители этого течения резко осуждали внешнеполитическую экспансию, показывали ее связь с интересами монополий.

Для начального этапа критического направления характерны работы Р. Петтигру «Политика империи» (1920) (сборник его антиколониалистских речей), «Торжествующая плутократия» (1921), М. Стори и М. П. Личанко «Завоевание Филиппин, 1898—1925» (1926). Петтигру и Стори — активные участники движения антиимпериалистов 1898 г.— по-прежнему страстно выступали против колониальных захватов США, отправляясь от буржуазно-демократических принципов. Развернутую критику империалистической политики США на рубеже XIX—XX вв. дали С. Ниринг и Дж. Фримен в широко известном труде «Дипломатия доллара. К исследованию американского империализма» (1925). Авторы подчеркивали обусловленность внешней политики США интересами монополий и показывали, что и республиканская и демократическая партии в равной мере несут за нее ответственность.

Не меньшую известность получила работа профессора Колумбийского университета П. Т. Муна «Империализм и мировая политика» [67], отметившего, что США усовершенствовали европейские методы империали-

---

[64] *Beard Ch.* The Idea of National Interest. N. Y., 1934, p. 70.
[65] *Beard Ch.* The Devil Theory of War. N. Y., 1936.
[66] *Robinson J. H., Smith E. P.* Our World Today and Yesterday. Boston, 1934; *Schlesinger A. M.* Political and Social Growth of the United States. N. Y., 1937.
[67] *Moon P.* Imperialism and World Politics. N. Y., 1927.

стической политики, применив на Кубе и Филиппинах новые формы колониальной зависимости. Критический характер носят труды известного историка либеральной ориентации Дж. Риппи. В серии «Исследования по вопросу об американском империализме» (1928—1935) вышли работы Л. Г. Дженкса «Наша кубинская колония: Исследование сахарной проблемы», М. М. Найта «Американцы в Санто-Доминго», Ч. Кепнера и Дж. Суфилла «Банановая империя» [68] и др. В них приводились факты о заинтересованности американских монополий в экспансии.

Глобальная империалистическая стратегия США после второй мировой войны обусловила особое внимание американской буржуазной историографии к внешнеполитическим проблемам. Все большее распространение получает презентизм, т. е. истолкование истории под углом зрения современных политических требований.

Как и ранее, ведущее место в историографии внешней политики США изучаемого периода занимают официальное и психологическое направления, различие между которыми все более стирались. В монографиях и статьях С. Бимиса, Т. Бейли, Д. Перкинса, Ф. Р. Даллеса [69] и других развивалась мысль об альтруизме, идеализме, гуманизме как главных мотивах внешней политики США на рубеже XIX—XX вв. В то же время все более настойчиво проводилась мысль, что внешнеполитический курс США был выражением «общественного мнения» широких слоев американского народа.

Характерна трактовка латиноамериканской политики США. В предисловии к вновь переизданной в 1967 г. книге «Латиноамериканская политика Соединенных Штатов» Бимис утверждал, что многочисленные интервенции США в страны Латинской Америки были продиктованы заботой о безопасности Западного континента от угрозы нападения европейских держав, это был «благожелательный империализм» [70]. Те же тезисы лежат в основе работ другого видного специалиста по истории внешней политики США в странах Латинской Америки, Д. Перкинса. Вопреки очевидным фактам Перкинс настаивал, что правительство не выступало в поддержку американского капитала.

После второй мировой войны претерпело эволюцию психологическое направление, дав экспансии США еще более апологетическое истолкование. Так, Дж. Пратт в книге «Американский колониальный эксперимент» (1951), отстаивая свое прежнее утверждение, что главные причины американской экспансии имели «интеллектуальный и эмоциональный, а не экономический характер» [71], в то же время проводил идею, что для США это был кратковременный и теперь давно забытый «колониальный эксперимент». Усвоив идеи официального направления об альтруизме США,

---

[68] *Jenks L. H.* Our Cuban Colony: A Study in Sugar. N. Y., 1928; *Knight M. M.* The Americans in Santa Domingo. N. Y., 1928; *Kepner Ch. D., Soothill G. H.* Banana Empire. A Case Study of Economic Imperialism. N. Y., 1935.

[69] *Bemis S. F.* American Foreign Policy and the Blessing of Liberty and Other Essays. New Haven; London, 1962; *Baily Th. A.* The Man in the Street. The Impact of American Public Opinion on Foreign Policy. N. Y., 1948; *Idem.* A Diplomatic History of the American People; *Perkins D.* The United States and the Caribbean. Cambridge (Mass.), 1947; *Idem.* The United States and Latin America. Baton Rouge, 1961; *Dulles F. R.* America's Rise to World Power, 1898—1954. N. Y., 1955; *Idem.* Prelude to World Power. American Diplomatic History, 1860—1900. N. Y.; L., 1965.

[70] *Bemis S. F.* The Latin American Policy of the United States. N. Y., 1967, Preface.

[71] *Pratt J. W.* America's Colonial Experiment. Gloucester (Mass.), 1964, p. 36.

Пратт писал: «Эта политика постоянно... имела целью материальный и духовный прогресс колониальных народов, развитие их способности к самоуправлению» [72].

Другой приверженец психологического направления, Э. Мей, попытался применить опыт современных социологических исследований к анализу событий 1898—1900 гг. Он оперировал категорией «истэблишмент» (имущественная и интеллектуальная элита, обычно формирующая воззрения буржуазного общества по внутри- и внешнеполитическим вопросам), оказавшегося в этот период по ряду причин разъединенным, что предопределило влияние европейских империалистических доктрин на США. Это-де и привело к «национальной аберрации» [73], кратковременной и случайной империалистической политике.

В последние десятилетия важную роль в изучении истории внешней политики США и международных отношений продолжает играть официальное направление (или школа «политического идеализма»). Наряду с ней выросла школа «реальной политики» (Г. Моргентау, Дж. Кеннан, Р. Осгуд [74] и др.). В противовес школе «политического идеализма», оперирующей категориями «американских идеалов», «реалисты» считают определяющими факторами международных отношений «борьбу за выживание», «политику силы и баланса сил» (т. е. выводят ее из якобы свойственного людям от природы стремления к власти и господству) и критикуют ряд внешнеполитических акций США в настоящем и в прошлом как нереалистические.

Если «идеалисты» изображают внешнюю политику США на рубеже XIX—XX вв. как альтруистическую, то «реалисты» подчас делают упор на ее критике (в какой-то мере повторяя аргументацию работ Т. Бейли и С. Бимиса 30-х годов), считая ее утопичной, неадекватной фактическим возможностям США. Такими, по мнению Моргентау и Кеннана, были вступление США в войну с Испанией и экспансия в странах Тихого океана. В результате «романтической» внешней политики США поставили на карту слишком многое, не получив взамен ни экономических, ни политических выгод [75]. Представители этого направления, возможно, действительно мыслят реалистичнее, чем историки официального направления, однако концепция «национального интереса», так же как концепция «альтруистических побуждений», маскирует империалистическую сущность внешней политики США, пытается придать ей надклассовый характер.

С 50—60-х годов ряд исследователей экономического направления и историки-радикалы подвергли критике официальную версию о непричастности «большого бизнеса» к экспансии США на рубеже XIX—XX вв. Ч. Кэмпбелл в монографии «Американские деловые интересы и доктрина открытых дверей» [76] привел обширный, ранее неизвестный материал о влиянии заинтересованных в эксплуатации Китая деловых кру-

---

[72] Ibid., p. 3.

[73] *May E. R.* American Imperialism: A Reinterpretation. N. Y., 1968, p. 225.

[74] *Morgenthau H.* In Defence of the National Interest. N. Y., 1951; *Kennan G.* American Diplomacy, 1900—1950. Chicago, 1952; *Osgood R.* Ideals of Self-Interest in American Foreign Relations. Chicago, 1953.

[75] *Мурадян А. А.* Американская историография тихоокеанской политики США в XIX в. М., 1975, с. 164—172.

[76] *Campbell Ch. S.* Special Business Interest and the Open Door Policy. New Haven, 1951.

гов на дальневосточную политику госдепартамента. Документы свидетельствовали, что одним из важнейших побуждений выступления США с доктриной «открытых дверей» были экономические мотивы.

Видный радикальный историк В. Э. Вильямс (многие ученики которого стали «новыми левыми») в работах «Трагедия американской дипломатии» (1959), «Контуры американской истории» [77] и др. поставил под сомнение догму буржуазной историографии о непричастности «большого бизнеса» к возникновению испано-американской войны 1898 г. Его ученик У. Лафебер в хорошо документированной монографии «Новая империя» [78] убедительно продолжил разрушение этой концепции. Он привел факты, свидетельствующие, что государственные деятели США не были жертвами «массового возбуждения» и «пропаганды прессы», но людьми, искавшими разрешения внутренних экономических и социальных проблем США на путях экспансии. Американский историк показал, что экономические интересы сыграли решающую роль в развязывании войны с Испанией. Разработка темы о влиянии «властвующей элиты» на экспансию США в районе Дальнего Востока была развита радикальным историком Т. Маккормиком [79].

При всем позитивном значении научного творчества «новых левых» им свойственны и немалые недостатки. Стремление занять псевдорадикальные позиции при отсутствии должного классового анализа приводило их подчас к неверному суждению о том, что на рубеже XIX—XX вв. американская общественность в своем большинстве высказалась в пользу экспансионистской политики. Вильямс относил к экспансионистскому лагерю американское фермерство, а Лафебер «могикан буржуазной демократии» — антиимпериалистов 1898 г.

Американские историки-марксисты составляют пока сравнительно небольшой отряд. Их работа в стране — цитадели мирового капитализма — связана с огромными трудностями и невозможна без величайшей убежденности и большого мужества. Ученые-марксисты практически почти не могут принимать участия в деятельности научных академических обществ и преподавать в университетах, затруднена публикация их исследований. Но, несмотря на все препятствия, углубляется марксистское понимание узловых проблем истории США. Естественно, что основное внимание историки-марксисты уделяют изучению опыта широких народных антимонополистических движений в США, и в первую очередь борьбе рабочего класса.

Исследования американских учеников К. Маркса и Ф. Энгельса — Ф. Зорге, Г. Шлютера и других ознаменовали первые шаги марксистской историографии в США. Однако становление марксистской школы связано с ленинским анализом эпохи империализма, с влиянием Великой Октябрьской революции. В работах У. Фостера «Очерк политической истории Америки» (1951), В. Перло «Американский империализм» (1951) и дру-

[77] *Williams W. A.* The Tragedy of American Diplomacy. N. Y., 1959; *Idem.* The Contours of American History. Chicago, 1961; *Idem.* The Roots of Modern American Empire. N. Y., 1969.

[78] *La Feber W.* The New Empire. An Interpretation of American Expansion, 1860—1898. Ithaca, 1963.

[79] *McCormick T. J.* China Market. America's Quest for Informal Empire, 1893—1901. Chicago, 1967.

гих историков-марксистов, посвященных исследованию широкого круга явлений эпохи империализма, в сжатой форме были поставлены проблемы становления монополистического капитализма в США. Их труды заострены против теории «исключительности» американского капитализма и положений буржуазной историографии об «улучшении» капитализма в начале XX в., его «демократизации» и «гуманизации» под воздействием государственного вмешательства. Они показывают, что социальные антагонизмы в США еще более обострились с наступлением эпохи империализма.

В работах историков-марксистов анализируется внешняя политика США, в частности на рубеже XIX—XX вв., и разоблачается миф о ее «особом характере». Убедительная аргументация содержится в капитальном труде Ф. Фонера по истории кубино-американских взаимоотношений [80]. В томах, посвященных испано-американской войне 1898 г., автор исследует главные причины, побудившие США начать империалистическую войну. Важнейшей из них он считает стремление к господству на заокеанских рынках, прежде всего на Дальнем Востоке, для чего трамплином должны были послужить Панамский перешеек, Гавайи и Филиппины. В работе У. Помроя «Американский неоколониализм» (1970) рассматривается внутриполитическая обстановка в США в связи с колониальной войной на Филиппинах в 1898—1900 гг. И Фонер, и Помрой уделяют первостепенное внимание национально-освободительным движениям на Кубе и Филиппинах.

В изучении истории рабочего движения марксистская историография США имеет давние традиции. Еще в 20—30-е годы вышли ценные работы А. Бимбы и С. Йелна [81], посвященные крупнейшим стачечным боям американского пролетариата в конце XIX в.: борьбе горняков штата Пенсильвания в 70-е годы, чикагской трагедии 1886 г., Гомстедской и Пульмановской забастовкам.

Ныне виднейшим историком рабочего движения является Ф. Фонер. Его пятитомный труд «История рабочего движения в США» (1947—1980) является фундаментальным научным исследованием истории американского пролетариата от колониального времени до конца первой мировой войны, основанным на широком круге источников: архивных документах, рабочих газетах, листовках, отчетах рабочих и правительственных организаций. В отличие от висконсинской школы Фонер не только освещает тред-юнионистскую борьбу, но и уделяет пристальное внимание «выдающейся роли рабочего класса в важнейших демократических и социальных битвах, происходивших на всем протяжении истории страны» [82]. Особое внимание обращено на политические выступления рабочих, на историю «Индустриальных рабочих мира». В труде Фонера показаны процесс распространения марксизма в США, деятельность социалистических организаций. Все это проливает свет и на причины буржуазного реформизма «прогрессивной эры». Даже буржуазные историки

---

[80] *Фонер Ф.* История Кубы и ее отношений с США. 1492—1845. М., 1963; *Он же.* История Кубы и ее отношений с США, 1845—1895. М., 1964; *Он же.* Испано-кубинская война и рождение американского империализма, 1895—1902. М., 1977. Т. 1, 2.

[81] *Бимба А.* История американского рабочего класса. М., 1930; *Он же.* Молли Магвайрс: Из истории рабочего движения в США. М., 1950; *Йелн С.* Из истории забастовочного движения в США. М., 1950.

[82] *Фонер Ф.* История рабочего движения в США....: В 5-ти т. М., 1949—1983, т. 1, с. 22.

признали высокий научный уровень исследований Фонера. Дж. Барбаш отмечал, что Фонером предпринято «первое всестороннее исследование архивов АФТ для написания общей истории рабочего движения» и в этом отношении его труд превосходит «классическое исследование Дж. Коммонса» [83].

Научно-публицистический очерк рабочего и социалистического движений конца XIX—XX в. дан Р. О. Бойером и Г. М. Морейсом в увлекательно написанной книге «Нерассказанная история рабочего движения» (1955), рассчитанной на широкого читателя. В марксистской историографии США исследуются и другие сюжеты рабочего движения. С. Гарлин написал очерк о Дж. Суинтоне, борце за интересы трудящихся США, современнике и друге Карла Маркса; К. Рив проанализировал сложный и противоречивый путь видного деятеля социалистического движения Д. Де Леона [84]. Важные вопросы об особенностях и трудностях распространения марксизма в США и роли социалистических партий поднимаются в книге О. Джонсона [85].

Американские историки-марксисты внесли немалый вклад в изучение фермерского движения. А. Рочестер в работе «Популистское движение в Соединенных Штатах» определила популизм как «оборонительное движение фермеров и других мелких производителей против жестокого наступления финансового капитала» [86]. Впервые в американской марксистской литературе Рочестер подчеркнула важный вклад популистов в развитие демократических традиций американского народа. В свою очередь, в разделах капитального труда Фонера «История рабочего движения в США» была поставлена проблема союза рабочего класса и фермерства в общей борьбе против монополистического капитала. На материалах, почерпнутых из архивов АФТ и СРП, автор проследил связи рабочих и социалистов с фермерским движением. Характерно, что подавление Гомстедской стачки в 1892 г. и Пульмановской в 1894 г. лишь усилило размах популистского движения, за популистскую партию проголосовали многие рабочие, отошедшие от старых буржуазных партий.

Традиционно сильной стороной марксистской историографии является разработка истории негритянского народа. В трудах историков Дж. Аллена, Г. Аптекера, У. Фостера были изучены важные аспекты борьбы негров-рабов в первой половине XIX в. и их роль в гражданской войне 1861—1865 гг. и Реконструкции. Значительный вклад внесен и в исследование негритянского освободительного движения последующего периода. Рочестер в работе о популистах подчеркнула, что в 80—90-е годы начало возрождаться сотрудничество между белыми и негритянскими тружениками в южных штатах.

В работе Фонера «Организованное рабочее движение и негритянский рабочий, 1619—1973» [87] анализируется проблема союза белых и черных рабочих. Национальный союз цветных рабочих, созданный в 1869 г., впервые в истории страны призвал к единству всех американских рабо-

[83] Industrial and Labor Relations Review. 1957. Jan., p. 327.
[84] *Garlin* S. John Swinton: American Radical. N. Y., 1976; *Reeve C.* The Life and Times of Danial De Leon. N. Y., 1972.
[85] *Johnson O. C.* Marxism in the United States History before the Russian Revolution (1876—1917). N. Y., 1974.
[86] *Rochester A.* The Populist Movement in the United States. N. Y., 1943, p. 9.
[87] *Foner Ph. S.* Organized Labor and Black Worker, 1619–1973. N. Y.; Wash., 1974.

чих независимо от расы и цвета кожи. Позднее с таким же лозунгом рабочей солидарности выступали «Орден рыцарей труда» и «Индустриальные рабочие мира». В то же время автор показал, что политика дискриминации и расизма неизменно усиливалась в руководстве АФТ. В обобщающем труде У. Фостера «Негритянский народ в истории Америки» (1954) были проанализированы важнейшие движения негров конца XIX — начала XX в.: «Таскиги», «Ниагара», гарвеизм. Фостер отметил, что в тот период ни Социалистическая партия Америки, ни Социалистическая рабочая партия не понимали специфики негритянского вопроса в США (расового угнетения негров), рассматривая его только как классовый.

Особо следует отметить исследования видного историка-марксиста, незаурядного полемиста Г. Аптекера. Все его творчество убедительно подтверждает сделанный им вывод: «История негритянского народа должна быть понята не только потому, что это история пятнадцати миллионов американских граждан, но также и потому, что вся американская жизнь не может быть осмыслена без знания этой истории»[88]. Важное место среди работ Аптекера занимает «Документальная история негритянского народа США» (1951). Более 15 лет разыскивал он в государственных архивах, частных коллекциях, прессе и т. п. свидетельства борьбы негритянского народа за свободу и опубликовал многие из них. Аптекером начато многотомное издание трудов выдающегося негритянского борца за свободу У. Дюбуа.

На протяжении 20 лет Аптекер является директором Института марксистских исследований в США, ведущего большую работу по пропаганде марксистско-ленинского учения.

В борьбе с буржуазной историографией американские историки-марксисты осуществили значительную работу по изучению важных проблем истории США. Их деятельность призвана помочь американскому народу правильно осмыслить историю своей страны.

3. СОВЕТСКАЯ АМЕРИКАНИСТИКА

Теоретической и методологической базой советской американистики служат труды основоположников марксизма-ленинизма, в которых дан анализ важнейших закономерностей развития капитализма в США. Для исследователей истории США конца XIX — начала XX в. решающее значение имело овладение ленинской теорией империализма.

Формирование школы советских американистов началось еще в 20-е годы, но особую роль для ее становления сыграли вышедшие в 30-е годы работы А. В. Ефимова, В. И. Лана и позднее Л. И. Зубока. Ефимов внес крупный вклад в разработку проблем генезиса американского капитализма в целом, заострил свое исследование против теории «исключительности» развития США; Лан поставил ряд проблем социально-политического развития США, связанных с переходом страны в империалистическую стадию; Зубок дал систематическое изложение главных событий американской истории конца XIX — начала XX в.[89]

---

[88] *Aptheker H.* To be Free: Studies in American Negro History. N. Y., 1948, p. 9.

[89] *Ефимов А. В.* К истории капитализма в США. М., 1934; *Лан В. И.* Классы и партии в США. М., 1932; *Зубок Л. И.* Очерки истории США (1877—1918). М., 1956.

Новые обобщающие труды по истории США 60—70-х годов [90], прежде всего двухтомные «Очерки новой и новейшей истории США» (1960), дали картину социально-экономического, политического и культурного развития американского народа; их источниковая база была шире, а методика совершеннее, чем большинства работ 30-х годов. В середине 50-х годов начался крутой подъем советской американистики. Были созданы новые научные центры, и выросло число квалифицированных специалистов. Результатом явилось расширение спектра исследуемых проблем, углубление источниковой базы и совершенствование методики. Существенно продвинулось вперед и изучение истории США конца XIX — начала XX в.

Важное значение имела разработка проблем формирования экономики и политики монополистического капитализма, тенденций государственно-монополистического капитализма. В хорошо документированном исследовании И. А. Белявской «Буржуазный реформизм в США (1900—1914)» (1968) впервые в советской историографии были проанализированы характер и значение буржуазного реформизма в США в начале XX в. как метода внутренней политики. Автор показала основные направления антимонополистического движения (рабочего и общедемократического), которые вынудили правительство пойти на проведение такого курса. В книге о Т. Рузвельте [91] Белявская продолжила исследование, нарисовав политический портрет одного из лидеров империалистической буржуазии, проводившего линию реформ внутри страны и экспансии вовне.

Тема формирования тенденций развития государственно-монополистического капитализма в США была плодотворно продолжена в монографии Б. Д. Козенко «Новая демократия и война» (1980). Исследуя внутреннюю политику президента В. Вильсона в своеобразных условиях «нейтралитета» США в первой мировой войне, автор показал, что интересы монополистического развития привели к государственному интервенционизму в глубинных сферах хозяйственной жизни. Обоснован вывод, что социальный курс правительства носил буржуазно-реформистский характер, продолжался до 1917 г. (до вступления США в войну) и был обусловлен в первую очередь напором рабочего и антимонополистического движений. Еще ранее в исследовании И. А. Белявской был прослежен процесс усиления государственного регулирования в 1917—1918 гг., в период участия США в мировой войне [92]. Изучение тенденций государственного регулирования в начале XX в. в США приняло в определенной мере комплексный характер. Его вели не только историки, но и экономисты и юристы [93].

Вопросы изучения партийной проблематики «прогрессивной эры» были поставлены в монографии В. И. Лана, но только в последнее время они нашли свое продолжение. Весьма интенсивную работу в этом направлении ведет в МГУ на кафедре новой и новейшей истории исторического факультета лаборатория по изучению двухпартийной системы

[90] *Лан В. И.* США: от испано-американской до первой мировой войны. М., 1975.
[91] *Белявская И. А.* Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь США. М., 1978.
[92] *Белявская И. А.* Внутренняя экономическая политика США (1917—1918). М., 1956.
[93] *Бобраков Д. И.* США: федеральная резервная система и экономическое регулирование. М., 1971; *Жидков О. А.* Антитрестовское законодательство на службе монополий. М., 1976.

США. Исследователи отправляются от ленинского положения о том, что буржуазные партии функционируют в виде «системы 2-х партий», которая является «одним из самых могучих средств помешать возникновению самостоятельной рабочей, т. е. действительно социалистической партии»[94]. Опубликован ряд работ теоретического и конкретно-исторического характера об особенностях функционирования двухпартийной системы, узловых этапах ее развития, идеологии и организационной структуры. В работе А. С. Маныкина прослеживается эволюция партий на протяжении 200-летней истории, а двухпартийная система конца XIX – начала XX в. исследуется В. О. Печатновым. Автор показывает, как в борьбе против антимонополистических сил, за удержание масс в рамках «законности» демократическая партия становилась на путь реформистской политики[95].

Одновременно весьма детальному изучению была подвергнута буржуазно-реформистская идеология, занявшая важнейшее место в американской общественной мысли конца XIX – начала XX в. И. П. Дементьев проанализировал ее формирование в сфере исторической мысли. В центре его исследования концепция крупнейшего историка Ч. Бирда, искавшего в прошлом США аргументы для реформ в начале XX в.[96] А. А. Кислова в работе «Социальное христианство в США. Из истории общественной мысли, 90-е годы XIX в.— 30-е годы XX в.» (1974) впервые в советской историографии провела сложный анализ теологических доктрин «социального евангелизма» конца XIX – начала XX в., ориентировавших на реформы общественных институтов США. Особую активность проявила протестантская церковь, выдвинувшая таких идеологов, как В. Глэдден, Л. Эббот, У. Раушенбуш. Исследование идейных истоков буржуазного реформизма было проделано В. В. Согриным[97]. Автор показывал, как реформистская мысль, превратившись в начале XX в. усилиями нового поколения политологов, социологов, экономистов (Г. Кроули, У. Уэйл, Л. Брандейс и др.) в четко очерченную идеологию буржуазного реформизма, была использована политическими деятелями от Т. Рузвельта до В. Вильсона. Прав автор, утверждая преемственность буржуазно-реформистской мысли начала XX в. и современных ее вариантов в области «регулирования» трестов и государственного вмешательства во взаимоотношения труда и капитала.

Комплекс исследований социально-политической жизни США еще раз подтверждает верность ленинского положения о буржуазном реформизме как характерной черте политического процесса в развитых капиталистических странах Европы и США в начале XX в. (его проводили Т. Руз-

---

[94] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 193.

[95] *Дементьев И. П., Маныкин А. С., Сивачев Н. В., Согрин В. В., Язьков Е. Ф.* О некоторых принципах функционирования двухпартийной системы США.— Вестн. МГУ. Сер. 8, История, 1981, № 6; Политические партии США в новое время / Отв. ред. Н. В. Сивачев. М., 1981; Политические партии США в новейшее время / Отв. ред. Н. В. Сивачев. М., 1982; *Маныкин А. С.* История двухпартийной системы США (спецкурс). М., 1981; США: политическая мысль и история / Отв. ред. Н. Н. Яковлев. М., 1976, с. 305—434.

[96] Историография нового времени стран Европы и Америки / Отв. ред. И. С. Галкин. М., 1967, ч. 3, гл. VIII; ч. 4, гл. V.

[97] *Согрин В. В.* Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1975. См. также: *Валюженич А. В.* Американский либерализм: иллюзии и реальности. М., 1976.

вельт в США, Ллойд Джордж в Англии, Джолитти в Италии, Бюлов в Германии).

Характерной чертой советской историографии всегда был глубокий интерес к истории рабочего движения. Опыт его изучения накоплен еще в 20—30-е годы, когда появились работы об «Индустриальных рабочих мира», о Д. Де Леоне и т. п.[98] Как справедливо отмечал Н. Н. Болховитинов[99], заметное влияние на советскую историографию рабочего движения в США оказали также переводы работ У. З. Фостера, А. Бимбы, избранных произведений Де Леона, автобиографии В. Д. Хейвуда[100], а позднее исследований Ф. Фонера.

Однако лишь в 50—60-е годы исследование проблем рабочего движения приняло систематический характер. Многое для этого сделал Л. И. Зубок. Его обобщающая монография «Очерки истории рабочего движения, 1865—1918» (1962) явилась и результатом собственной многолетней исследовательской работы, и определенным итогом достижений всей советской историографии. Работа направлена против реформистской теории «исключительности» рабочего движения в США, принципы которой в течение десятилетий исповедовались висконсинской школой. Автор показал, что с 70-х годов XIX в. и до конца первой мировой войны противоречия между буржуазией и пролетариатом в США были не менее острыми, чем в европейских странах. В то же время ряд особенностей развития американского капитализма задерживал формирование у американских рабочих подлинно пролетарской идеологии. «Таким образом, к 1918 г. в США объединенному в мощные тресты и предпринимательские организации монополистическому капиталу противостоял потенциально сильный и боевой, но в организационном и идеологическом отношении все еще незрелый рабочий класс»,— заключал автор[101].

Развитию борьбы пролетариата США за 8-часовой рабочий день посвящено исследование С. М. Аскольдовой «Начало массового рабочего движения в США (80-е годы XIX в.)» (1966). В период перерастания капитализма в империалистическую стадию рабочее движение в США впервые приобрело национальный масштаб. Г. В. Плеханов писал: «Призрак коммунизма пугает теперь не только европейских бар и мещан. С ним познакомился также и „Новый Свет“»[102]. В другой монографии С. М. Аскольдовой[103] рассматривается процесс формирования гомперсистской идеологии, происходивший в борьбе с революционной тенденцией в американском рабочем движении. Автор вскрыла ограниченность идеологии и политической практики «простого» и «чистого» тред-юнионизма. Абсолютизировав одну из форм классовой борьбы, догмати-

[98] *Чекин А. (В. Яроцкий).* Индустриальные работники мира: (К характеристике профессионального движения Соединенных Штатов). М., 1921; *Райский Л. Г.* Рабочее движение в США в конце XIX и начале XX в.— Книга для чтения по истории нового и новейшего времени. Харьков, 1930, т. 3.

[99] *Болховитинов Н. Н.* США: проблемы истории и современная историография, с. 362—363.

[100] *Фостер У. З.* Профжулики в С. А. С. Ш. М., 1928; *Де Леон Д.* Избранные произведения. М.; Л., 1932; Книга Билля Хейвуда. Автобиография Вильяма Д. Хейвуда. М.; Л., 1932.

[101] *Зубок Л. И.* Очерки истории рабочего движения в США (1865—1918). М., 1962, с. 567.

[102] *Плеханов Г. В.* Литературное наследие. Сб. 2. М., 1934, с. 7.

[103] *Аскольдова С. М.* Формирование идеологии американского тред-юнионизма. М., 1976.

чески сузив экономические и политические задачи, гомперсисты фактически отказались от общепролетарских задач, способствуя тем самым усилению влияния буржуазии на рабочий класс.

В книге Б. Д. Козенко «Рабочее движение США в годы первой мировой войны» (1965) показано, что принятые в период «нейтралитета» США социальные реформы — результат давления прежде всего рабочего класса. В работе исследуется также вопрос об отношении к войне крупнейших рабочих организаций. И. П. Дементьев изучал эту проблему в связи с испано-американской войной 1898 г. Автор, основываясь на анализе обширной американской рабочей и социалистической прессы, пришел к выводу, что АФТ в тот период занимала пацифистские позиции, а социалисты при всех их ошибках вели наиболее последовательную из всех политических групп США антиимпериалистическую борьбу [104].

В последние два десятилетия в советской историографии появились научные очерки жизни и деятельности лидеров американского рабочего движения. Б. Д. Козенко написал книгу о Ю. Дебсе. Исследование этой темы было продолжено В. М. Быковым. В работах З. К. Эггерт и А. А. Кисловой исследовалась сложная и противоречивая деятельность видного социалиста Д. Де Леона. М. И. Лапицкий написал очерк жизни легендарного Билла Хейвуда.

Серьезное внимание советские исследователи уделили вопросу иммиграции в США, роли иммиграции в формировании американского пролетариата, изучению ее влияния на ход классовой борьбы. Этой теме посвящена книга А. Н. Шлепакова «Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма» (1966), первые главы которой относятся к концу XIX в. В центре монографии Ш. А. Богиной «Иммигрантское население США, 1865—1900» (1976) три иммигрантских потока в США — немецкий, итальянский и скандинавский. На основе тщательного анализа писем, путевых заметок и прессы автор проследила взаимодействие тенденций общенациональной интеграции и группового этноцентризма. Особо отмечается вклад иммигрантов в развитие рабочего и социалистического движений в США. В исследовании также показывается стремление американской буржуазии разжечь национальную рознь, используя, в частности, этнические стереотипы.

В изучении аграрного вопроса в США советские историки отправляются от ленинской научной концепции двух основных путей развития капитализма в сельском хозяйстве и данного В. И. Лениным конкретного анализа американского фермерского пути. В исследовании истории американского фермерства выделяется труд Г. П. Куропятника — «Фермерское движение в США: От грейнджеров к Народной партии, 1867—1896» (1971). В работе дана история массовых антимонополистических движений в США в последней трети XIX в., ядром которых было популистское движение. Большое место уделено борьбе за создание рабоче-фермерской коалиции. В работе широко использованы материалы из советских и американских архивов.

Серьезное внимание советская историография уделяет истории негритянского народа. Однако период конца XIX — начала XX в. изучен слабо. В ряду исследователей следует назвать Р. Ф. Иванова. В написанных

---

[104] *Дементьев И. П.* Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.). М., 1973, ч. 2, раздел II.

им очерках жизни выдающегося негритянского общественного деятеля, писателя, историка У. Дюбуа последний показан не только как видный ученый, но и как руководитель движения «Ниагара». (История таскигийского и ниагарского движений рассматривается также в исследовательских статьях А. П. Королевой.) В популярной работе Р. Ф. Иванова «Черные пасынки Америки» (1978) обрисована система джимкроунизма, укрепившаяся в США с переходом к империализму.

Л. Н. Митрохин в работе «Негритянское движение в США: идеология и политика» (1974) делал упор на выяснении социально-психологических корней расизма в США и рассматривал историю американских негров в свете борьбы тенденций к ассимиляции и сегрегации. Свежий взгляд на негритянский вопрос бросает этнограф Э. Л. Нитобург [105]. Он рассмотрел брачно-семейные отношения в негритянской общине, влияние церкви, миграцию негров и приспособление к урбанизированной Америке. Подобно Митрохину, Нитобург уделял внимание развитию расово-этнического сознания негров США.

Внешняя политика США начала эпохи империализма всегда была в центре внимания советских историков и разработана детальнее многих других проблем американской истории. Исследователи сосредоточились прежде всего на изучении политики США на Дальнем Востоке и в Латинской Америке.

Литература 20—30-х годов явилась важным подготовительным этапом в развитии советской историографии дальневосточной политики США. Историки предвоенного времени, овладевая марксистской методологией, выдвинули ряд важных идей в анализе экспансионистской политики американского империализма, которые сохранили свою ценность до сих пор. Получила известность работа А. Я. Канторовича «Америка в борьбе за Китай» (1935). Автор одним из первых поставил вопрос о «долларовой экспансии» как специфике американской империалистической политики на Дальнем Востоке. Однако в целом работы этого периода носили описательный и в значительной мере публицистический характер, их источниковая база была узка (не были введены в научный оборот документы конгресса США, пресса и т. д.).

Новый этап в изучении политики США на Дальнем Востоке наступил в послевоенный период [106]. Вышли в свет монографии В. Я. Аварина, посвященные более чем полувековой борьбе США за Тихий океан [107], широкую известность получил коллективный труд «Международные отношения на Дальнем Востоке» (1981). Эталоном для исследователей явились фундаментальные труды А. А. Губера и А. Л. Нарочницкого, анализирующие империалистическую политику США и европейских держав в странах Дальнего Востока в конце XIX в.[108] Труды этих авторов

---

[105] *Нитобург Э. Л.* Негры США (XVII — начало XX в.). М., 1979.

[106] Подробнее см.: *Мурадян А. А.* Некоторые вопросы политики США на Дальнем Востоке в XIX в. в советской исторической литературе.— В кн.: Американский ежегодник, 1973. М., 1973.

[107] *Аварин В. Я.* Борьба за Тихий океан: Японо-американские противоречия. М., 1947; *Он же.* Борьба за Тихий океан: Агрессия США и Англии, их противоречия и освободительная борьба народов. М., 1952.

[108] *Губер А. А.* Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. М., 1948; *Нарочницкий А. Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860—1895. М., 1956.

были основаны на привлечении документов из советских архивов и американских государственных документов, в научный оборот был введен широкий круг новых материалов.

В работах советских историков были подняты и проанализированы кардинальные проблемы внешней политики США на Дальнем Востоке: ее обусловленность перерастанием американского капитализма в монополистическую стадию, политическая борьба в США по вопросам экспансии. Советские авторы подвергли критике мифы об «альтруистической» политике США в этом районе мира, показали экономические и стратегические интересы США на Дальнем Востоке. Характерно резкое расширение масштабов исследований как в качественном, так и в количественном плане.

В монографиях А. А. Фурсенко, С. Б. Горелика, Р. М. Бродского [109] была глубоко и всесторонне проанализирована доктрина «открытых дверей». Еще раньше Б. А. Романов, А. Ф. Добров, П. П. Севостьянов обратили внимание на стремление правящих кругов США использовать русско-японские противоречия для укрепления своих позиций на Дальнем Востоке [110].

Другая группа исследователей сосредоточилась на изучении борьбы США за овладение рядом островов на Тихом океане. Г. П. Куропятник проанализировал экономическое и политическое проникновение США на Гавайские острова в конце XIX в., завершившееся их аннексией в 1898 г.[111] Ряд вопросов экономической, военно-политической и идеологической экспансии США поставлен в работах Н. А. Халфина и А. А. Мурадяна.

История взаимоотношений США со странами Латинской Америки была менее разработана в предвоенный период, чем дальневосточная политика США. Из получивших известность работ следует отметить работу Г. Донского «Борьба за Латинскую Америку» (1928). В послевоенный период положение во многом изменилось, появилось значительное число книг и исследовательских статей по различным вопросам политики США в латиноамериканских странах [112]. Полезную роль в развитии исследований сыграла монография Л. И. Зубока «Империалистическая политика США в странах Караибского бассейна (1900—1939)» (1948), значительная часть которой охватывала период начала 1900-х годов.

Вслед за этим появились исследования Л. Ю. Слёзкина, Л. С. Владимирова, К. С. Шустова, С. А. Гонионского, М. С. Альперовича, Б. Д. Руденко, посвященные испано-американской войне 1898 г. и империалистической политике США в отношении Кубы, интервенции США в зоне Панамского канала, вмешательству США в мексиканскую револю-

---

[109] *Фурсенко А. А.* Борьба за раздел Китая и американская доктрина «открытых дверей». М.; Л., 1956; *Бродский Р. М.* Американская экспансия в Северо-Восточном Китае, 1898—1905. Львов, 1965; *Горелик С. Б.* Политика США в Маньчжурии в 1898—1903 гг. и доктрина «открытых дверей». М., 1970.

[110] *Добров А.* Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М., 1952; *Романов Б. А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны, 1895—1907. 2-е изд. М., 1955; *Севостьянов П. П.* Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке, в Китае и Корее в 1905—1911 гг. М., 1958.

[111] *Куропятник Г. П.* Захват Гавайских островов США. М., 1958; *Малаховский К. В.* Борьба империалистических держав за тихоокеанские острова. М., 1966.

[112] Подробнее см.: *Альперович М. С.* Советская историография стран Латинской Америки. М., 1968.

цию 1910—1917 гг. и другим проблемам[113]. Все они были написаны на высоком профессиональном уровне.

Происхождению панамериканизма и истории Панамериканского союза посвящены монографии М. В. Антясова и Б. Н. Гвоздарева[114]. Авторы исследовали сложный и противоречивый характер панамериканизма, показали, что опираясь на доктрину Монро, США попытались использовать идеологию панамериканизма в своих империалистических целях. Проанализированы основные причины создания Организации американских государств и договорно-правовые аспекты ее деятельности. В работе Н. В. Королева «Страны Латинской Америки в международных отношениях (1898—1962)» (1962), основанной на широком круге источников, в частности из архива МИД России, показана борьба ведущих империалистических держав за влияние в странах Латинской Америки.

При обилии исследований об американской политике на Дальнем Востоке и отчасти в Латинской Америке отношения США с европейскими странами специально почти не изучались. Исключением является обстоятельная монография З. М. Гершова «„Нейтралитет" США в годы первой мировой войны» (1962).

В последние годы все большее внимание исследователей привлекает история отношений США и России. Это вполне естественно. Хотя русско-американские отношения в течение всего периода новой истории являлись далеко не определяющими в системе международных отношений, опыт общения двух великих народов в прошлом несет весьма поучительные уроки. Русско-американские отношения конца XIX — начала XX в. изучены менее, чем в период войны за независимость и гражданской войны, но и по этому периоду появились ценные исследования. В книге Г. П. Куропятника «Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи, 1867—1881» (1981), основанной на материалах из советских и американских архивов, рисуются многообразные связи между двумя странами: межгосударственные, торговые, научно-технические, культурные, взаимообогащавшие народы обеих стран.

Еще ранее появились монографии В. В. Лебедева и А. А. Фурсенко[115], также на материалах архивов показывающие экономические отношения США и России и их соперничество в период империализма. В монографии Р. Ш. Ганелина «Россия и США, 1914—1917» (1969) детально прослежены русско-американские отношения во время первой мировой войны. Интересен раздел, показывающий взгляды различных общественных групп США на ход революционного процесса в России.

Советские историки внесли вклад в изучение внешнеполитической идеологии США. Первый шаг в разработке этой темы был сделан

---

[113] *Слёзкин Л. Ю.* Испано-американская война. М., 1956; *Владимиров Л. С.* Дипломатия США в период американо-испанской войны 1898 г. М., 1957; *Гонионский С. А.* История панамской «революции». М., 1958; *Альперович М. С., Руденко Б. Т.* Мексиканская революция 1910—1917 гг. и политика США. М., 1958; *Шустов К. С.* Освободительная война на Кубе (1895—1898) и политика США. М., 1970.

[114] *Антясов М. В.* Современный панамериканизм: Происхождение и сущность доктрины «панамериканской солидарности». М., 1960; *Он же.* Панамериканизм: идеология и политика. М., 1981; *Гвоздарев Б. Н.* Организация американских государств. М., 1960; *Он же.* Эволюция и кризис межамериканской системы. М., 1966.

[115] *Лебедев В. В.* Русско-американские экономические отношения (1900—1917). М., 1964; *Фурсенко А. А.* Нефтяные тресты и мировая политика, 80-е годы — 1918 г. М.; Л., 1965.

Л. И. Зубоком в книге о политике США в странах Карибского бассейна. Специально этой теме посвящена монография И. П. Дементьева «Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.)» (1973). Автор исследовал формирование экспансионистской идеологии на пороге империалистической эпохи в различных областях американской общественной мысли: в сфере исторических, социологических, экономических теорий. На основе архивных материалов проанализированы также деятельность и идеология Американской антиимпериалистической лиги, отразившей первое общедемократическое противостояние империализму в сфере внешней политики.

Крупными обобщающими и в немалой мере подводящими итог трудами в области внешней политики США явились книги Н. Н. Иноземцева «Внешняя политика США в эпоху империализма» (1960) и Л. И. Зубока «Экспансионистская политика США в начале XX в.» (1969). Иноземцев уделил значительное внимание характеру и особенностям внешней политики США в начале XX в.; Зубок дал развернутую картину империалистической политики США в различных районах мира: на Кубе и Филиппинах, в Китае и странах Карибского бассейна, в Латинской Америке и на Ближнем Востоке. Однако с момента издания этих работ прошло много лет, и огромный материал, накопленный советскими историками по истории внешней политики и дипломатии США, требует осмысления и обобщения на более высоком уровне.

Итоги изучения советскими исследователями проблем истории США конца XIX — начала XX в. свидетельствуют о немалых успехах американистики. Этот ключевой период истории США — период перерастания капитализма свободной конкуренции в монополистическую стадию, естественно, оказался в центре внимания советских исследователей, так как помогает понять многие явления современного американского капитализма, корни которых лежат в рассматриваемой эпохе. В работах советских историков были подвергнуты анализу проблемы становления монополистического капитализма и тенденций государственного регулирования, буржуазный реформизм и функционирование двухпартийной системы, кардинальные проблемы империалистической внешней политики США. Были подчеркнуты прогрессивные традиции американского народа, нашедшие проявление прежде всего в выступлениях рабочего класса, антимонополистических движениях, освободительной борьбе негров. Важно отметить, что в последние два десятилетия изучение этих проблем было основано на весьма широкой источниковой базе, подчас с привлечением документов из американских библиотек и архивов.

Все это позволило советским исследователям аргументированно выступить против главного тезиса современной буржуазной историографии США об «исключительности» американского капитализма и его «совершенствовании» с помощью государственного регулирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конец XIX столетия и начало XX являются переломным периодом в истории мирового капитализма. От свободной конкуренции — к монополии, от борьбы за раздел мира — к войнам за его передел, от политики невмешательства в экономическую жизнь (laissez faire) — к государственному регулированию экономики и, наконец, от борьбы за расширение буржуазной демократии — к реакции по всем линиям. Таковы характерные черты этого исторического периода, включающего два этапа: формирование и окончательное становление высшей стадии капитализма — империализма. Соединенные Штаты явили собой наглядный пример воплощения данного процесса в историческую реальность. Именно США дали наиболее яркий образец возникновения монополии, представляющей, как писал В. И. Ленин, главный признак империализма [1].

В Соединенных Штатах процесс монополизации в начале XX в. зашел столь далеко, что наложил отпечаток не только на экономику, но и на политику правительства, социальную структуру и общественную жизнь страны. Это подтвердило известное положение В. И. Ленина о том, что «монополия, раз она сложилась и ворочает миллиардами, с абсолютной неизбежностью пронизывает *все* стороны общественной жизни, независимо от политического устройства и от каких бы то ни было других „частностей“» [2].

Историк-марксист, стремясь воссоздать объективную картину развития страны, подчеркивает единство исторического процесса. Анализ «частностей», под которыми понимаются особенности исторического развития, лишь оттеняет объективные закономерности эволюции общественной формации. Такой подход позволяет выявить общие черты в развитии капиталистических стран (например, Великобритании, Франции, Германии, США и др.) в рассматриваемый период и одновременно учесть специфические особенности, отличающие каждую нацию и каждое государство и вытекающие из исторически сложившихся предпосылок, как то: географическое положение, природные ресурсы, состав населения, общественно-политический строй, общественные и политические институты, уровень образования, степень политических свобод и т. д.

Изучение истории США приводит к выводу, что страна развивалась на базе закономерностей, общих для всех капиталистических государств, что теория «исключительности» ее развития, выдвигаемая буржуазными историками, не имеет под собой исторической почвы. Концепции буржуазных исследователей (имперская школа, теория «консенсуса», прогрессистская, «неолиберализм» и «неоконсерватизм», «новая радикальная история» и др.) критически проанализированы в томе.

На протяжении 40 лет с неуклонной периодичностью (в 1882—1885, 1893—1897, 1903, 1907—1908, 1913—1914 гг.) страну поражали экономические кризисы, сменяемые все более сокращающимися периодами подъема в промышленности. Кризисам в промышленности сопутствовал затяж-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 385—386.
[2] Там же, с. 355.

ной аграрный кризис. Иными словами, США не избежали экономических спадов и подъемов, бурных классовых потрясений, классовых битв. В свете неопровержимых фактов теория «консенсуса» оказывается несостоятельной.

Подобно другим капиталистическим странам США стремились к экспансии, вступили на путь создания колониальной империи и, наконец, наряду с другими развитыми странами в начале XX в. обратились к политике внутренних реформ, к вмешательству в экономическую деятельность в поисках средств, которые нейтрализовали бы распространение в стране социалистических идей и активность рабочего класса.

История США рассмотрена под углом зрения трех взаимосвязанных кардинальных проблем: формирование монополистического капитализма, социальные движения, внешняя экспансия. В чем заключалась сущность этих проблем и каковы были итоги политического и социально-экономического развития США к концу второго десятилетия XX в.?

Перерастание американского капитализма в монополистический сопровождалось стремительным подъемом промышленности и ростом железнодорожной сети, начавшимися в десятилетие, последовавшее за гражданской войной. История железнодорожного строительства в США, роль железнодорожных компаний в трестировании промышленности, влияние, оказываемое ими на экономику и социальную жизнь страны, вновь подтвердили мысль, высказанную В. И. Лениным в 1920 г. (в предисловии к французскому и немецкому изданиям его труда «Империализм, как высшая стадия капитализма») о том, что железные дороги «это — итоги самых главных отраслей капиталистической промышленности, каменноугольной и железоделательной, итоги — и наиболее наглядные показатели развития мировой торговли и буржуазно-демократической цивилизации» [3]. Железные дороги связали промышленный Северо-Восток страны с сельскохозяйственным Северо-Западом и бывшим рабовладельческим Югом, способствовали миграции населения и консолидации национального рынка.

Все это в целом оказало влияние на развитие капитализма в земледелии США, которое происходило в сложных условиях: на Западе миллионы переселенцев осваивали под сельскохозяйственные культуры огромные территории, вытесняя с плодородных земель их исконных владельцев-индейцев, и в это же время капитализм интенсивно перерастал в монополистическую стадию, захватывая в орбиту своего действия сельское хозяйство. В результате монополизация земли и концентрация производства в крупных хозяйствах приводили к классовому расслоению фермеров и выделению из их среды сельскохозяйственного пролетариата.

Бурный экономический подъем дополнился развитием нефтяной промышленности, а в начале XX в.— электротехнической, автомобилестроительной, химической и др.; всем этим отраслям, рост которых обусловливался развитием техники и внедрением изобретений, была присуща высокая степень концентрации и монополизации.

Возникновение финансовой олигархии и сращивание правительственного аппарата с крупным финансовым капиталом свидетельствовали о проявлении тенденции к формированию государственно-монополистического капитализма. Слова В. И. Ленина о том, что империализм — это эпоха гигантских капиталистических монополий и эпоха перерастания мо-

---

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 304.

нополистического капитализма в государственно-монополистический [4], подтверждаются опытом исторического развития Соединенных Штатов. Складывание государственно-монополистического капитализма в США обрело свое выражение в государственном регулировании промышленности и социальных отношений в годы первой мировой войны.

Эти глубинные процессы внутри капиталистической формации сопровождались изменениями в социально-политической структуре американского общества, выдвижением на первый план политической активности крупного монополистического промышленного, а затем финансового капитала. Одновременно происходил численный рост пролетариата как за счет «коренных» американцев из разорявшихся мелкобуржуазных слоев города и деревни, так и за счет притока иммигрантов, продолжавших с переменной интенсивностью прибывать в эту «землю обетованную» из различных уголков земного шара. Из этих разнородных элементов складывалась американская нация.

Формирование нации — многосторонний процесс; в нем играют роль не только экономические и социально-политические факторы, но неменьшее значение имеет и становление национальной культуры во всем ее разнообразии. Эта сложная проблема также нашла отражение в томе. В четвертой части сделан обзор школьного и высшего образования в США, проанализирован прагматический характер реформ в области просвещения, вызванных к жизни интересами монополистической буржуазии. Этим же целям подчинялось и развитие естественных наук, сделавших значительный шаг вперед. Одновременно происходит формирование национальных черт в музыке, изобразительном искусстве и прежде всего в литературе, в которой утверждается направление критического реализма.

Особую роль в истории страны сыграли макрейкеры («разгребатели грязи»). Их произведения, открывшие жанр разоблачительной публицистики, имели острую политическую направленность. Они представляли мелкобуржуазное прогрессивное течение в широком спектре социально-политических движений, потрясавших страну и после окончания гражданской войны и Реконструкции, когда, казалось, отмена рабства должна была бы стабилизировать политическую обстановку.

Вторая, не менее важная проблема исследуемого периода — классовая борьба, проявлявшаяся в различных формах. Анализируя социальные движения конца XIX — начала XX в., их идейные истоки, характер, движущие силы, авторы доказывают, что это был результат обострения в капиталистическом обществе США внутренних противоречий, усилившихся с формированием монополистического капитализма, когда с особой наглядностью предстает конфликт между растущим обобществлением производства и частной формой присвоения.

В основе социальных движений лежали антимонополистические настроения самых широких кругов населения страны. Они наглядно проявились в фермерском движении конца XIX в. (грейнджеры, гринбекеры, популисты), в прогрессивном движении 1900-х годов. Но главным носителем антимонополистической традиции был рабочий класс.

Классовые бои пролетариата, массовое стачечное движение, волнами прокатывавшееся по стране в 70—90-е годы и в начале XX в., рост

[4] См.: Там же, т. 33, с. 33.

численности профсоюзов, возникновение боевого рабочего союза «Индустриальные рабочие мира», возглавившего тяжелую борьбу во многих штатах за свободу слова, наконец, имевшее огромное значение распространение социалистических идей в стране, рост Социалистической партии Америки, ее участие в президентских кампаниях со своим кандидатом (что давало возможность широкой пропаганды социализма) — все эти факторы, создавшие острую ситуацию, привели в 1912 г. к политическому кризису в обеих буржуазных партиях, к выступлению на выборах третьей буржуазной партии с реформистской программой и в конечном итоге к трансформации двухпартийной системы в более гибкий политический инструмент.

Курс буржуазного реформизма, начатый президентом Т. Рузвельтом, представителем республиканской партии, и проводившийся с 1913 г. пришедшей к власти после 16-летнего перерыва демократической партией во главе с В. Вильсоном, был средством укрепления капиталистического строя. Демократы перехватили лозунги Прогрессивной партии, которые В. И. Ленин, современник тех событий, оценивал как согласие буржуазии пойти на все уступки, все реформы, кроме одной — экспроприации капиталистов [5]. Тактическая линия демократов во внутренней политике в какой-то мере оказала влияние и на распад Прогрессивной партии, и на сохранение двухпартийной системы. При этом история показала, что реформистский курс правительства США не исключал применения жестких репрессивных мер по отношению к рабочему классу.

Третьей кардинальной проблемой, освещенной в томе, является экспансионистский характер внешней политики правящих кругов США. С ростом экономической мощи США ширились планы сначала экономической, а затем военной экспансии. Для ее оправдания милитаристски настроенные круги пытались подвести идеологическое обоснование, развивая в новых условиях печально известную доктрину «предопределения судьбы» и настаивая на усилении военно-морских сил США.

Вехами экспансионистской, империалистической политики США были такие акции, как доктрина Олни, захват Гавайских островов, испано-американская война, провозглашение политики «открытых дверей» в Китае, захват зоны Панамского канала, расширенное толкование доктрины Монро как стремление США играть роль полицейской силы в Западном полушарии, используя методы «большой дубинки». Характерной чертой империалистической политики США была «дипломатия доллара», т. е. использование финансового могущества для подчинения менее развитых стран. А за долларом следовал флаг. Так действовало правительство США — правительство монополий — на Кубе, в Гаити, в Доминиканской республике. Дважды (в 1914 и в 1916—1917 гг.) США вводили войска в Мексику, пытались осуществить вмешательство во внутренние дела этой страны.

Не довольствуясь захваченными в Западном полушарии позициями, США уже в 1900-е годы своим посредничеством в русско-японской войне и участием в Альхесирасской конференции заявили явную претензию на место среди «великих держав». Мало того, политические и идеологические лидеры экспансионизма — от Мэхэна и Лоджа до Т. Рузвельта и Вильсона — всерьез провозгласили, что их стране предуготована роль до-

[5] См.: Там же, т. 22, с. 194.

минирующей в мире державы. В целях утверждения себя в этой роли США и вступили в мировую войну в апреле 1917 г.

Война произвела глубокие сдвиги в экономическом укладе и политической жизни США. Под влиянием войны происходила трансформация американского капитализма в государственно-монополистический: развитие военной экономики шло под знаком государственного регулирования, проводившегося в интересах крупного монополистического капитала. Война принесла колоссальные прибыли монополиям. Осуществились вожделения американских банковских воротил: все воюющие страны оказались в тенетах финансовой зависимости от Уолл-стрит и финансовый центр мира переместился из Лондона в Нью-Йорк. Лишь одна из воюющих стран еще за год до окончания империалистической войны подняла голос в защиту мира для всех народов. Это была революционная Россия.

Октябрьская революция расколола мир на две системы. Далеко не многим в то время была ясна грандиозность этого события для судеб всего человечества, его влияние, растущее с годами, на ход истории, и в частности на развитие рабочего и демократического движений во всех странах.

Эхо октябрьских залпов прокатилось по всему миру. Конкретным воплощением победы рабоче-крестьянского правительства в России был Декрет о мире, первый декрет правительства большевиков, возглавленного В. И. Лениным. В странах Европы, истерзанных войной, забрезжила надежда на окончание войны, вспыхнули очаги революционных восстаний.

Революционный выход России из войны нарушал планы империалистов Антанты и США. С их стороны были приложены все силы и использованы все средства — дипломатия, экономический нажим, вооруженная интервенция, чтобы задушить молодую Страну Советов. Но эти попытки потерпели провал. В то же время на другом полюсе американского общества идеи Октября вызывали симпатии, сочувствие, повлияли на рост классового сознания американского пролетариата.

Таковы главные черты почти полувекового периода, рассмотренного в данном томе «Истории США».

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16.
Маркс К. Капитал, т. 1 — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23.
Маркс К. Капитал, т. 2.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24.
Маркс К. Капитал, т. 3.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25.
Маркс К. Теории прибавочной стоимости.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч.. 2-е изд., т. 26, ч. 1.
Энгельс Ф. О концентрации капитала в Соединенных Штатах.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19.
Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19.
Энгельс Ф. Американские продукты питания и земельный вопрос.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19.
Энгельс Ф. Рабочее движение в Америке. Предисловие к американскому изданию «Положение рабочего класса в Англии».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21.
Энгельс Ф. Президентские выборы в Америке.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22.
Маркс К., Энгельс Ф. Избр. письма. М., 1953.
Ленин В. И. Маркс об американском «черном переделе» — Полн. собр. соч., т. 10.
Ленин В. И. Предисловие к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.» — Полн. собр. соч., т. 15.
Ленин В. И. Горючий материал в мировой политике.— Полн. собр. соч., т. 17.
Ленин В. И. В Америке.— Полн. собр. соч., т. 22.
Ленин В. И. Две утопии.— Полн. собр. соч., т. 22.
Ленин В. И. Итоги и значение президентских выборов в Америке.— Полн. собр. соч., т. 22.
Ленин В. И. Русские и негры.— Полн. собр. соч., т. 22.
Ленин В. И. О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы.— Полн. собр. соч., т. 23.
Ленин В. И. 4000 рублей в год и 6-часовой рабочий день.— Полн. собр. соч., т. 24.
Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полн. собр. соч., т. 27.
Ленин В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск 1. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки.— Полн. собр. соч., т. 27.
Ленин В. И. Секретарю «Лиги социалистической пропаганды».— Полн. собр. соч., т. 27.
Ленин В. И. Тетради по империализму.— Полн. собр. соч., т. 28.
Ленин В. И. Империализм и раскол социализма.— Полн. собр. соч., т. 30.
Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме».— Полн. собр. соч., т. 30.
Ленин В. И. Статистика и социология.— Полн. собр. соч., т. 30.
Ленин В. И. Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33.
Ленин В. И. Письмо к американским рабочим.— Полн. собр. соч., т. 37.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ПУБЛИКАЦИИ КОНГРЕССА, ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА

American Diplomatic History since 1890 / Compl. by W. B. Fowler. Northbrook (Ill.), 1975.
Annual Reports of the Secretary of the Navy, 1872, 1896. Wash., 1872, 1896.
A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789—1920: Vol. 1—20 / Ed. by J. D. Richardson. Wash., 1903—1921.
Documents of American History: Vol. 1, 2 / Ed. by H. S. Commager. Englewood Cliffs (N. J.), 1973.

Documentary History of the Negro People in the United States: Vol. 1—3 / Ed. by H. Aptheker. N. Y., 1951—1974.
History of Women Suffrage: Vol. 1—6 / Ed. by E. C. Stanton et al. Rochester (N. Y.), 1881—1922.
The Hoover — Wilson Wartime Correspondence / Ed. by E. W. O'Brien. Ames (Ia), 1974.
Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1877—1918. Wash., 1877—1926; Supplement: The World War, 1914—1918. Wash., 1928—1933.
Treaties, Conventions, International Acts, Protocols and Agreements between the United States and Other Powers, 1776—1923: Vol. 1—3 / Compl. by W. M. Malloy. Wash., 1910—1923. Vol. 2.
Two Hundred Years of American Foreign Policy / Ed. by W. P. Bundy. N. Y., 1977.
United States Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates. 1877—1918. Wash., 1877—1918.
United States Department of Labor. Annual Report of the Commissioner of Labor, 1886—1910. Wash., 1886—1911.
Decisions of the Courts and Opinions Affecting Labor, 1915—1927. Wash., 1927.
History of Wages in the United States from Colonial Times to 1928. Wash., 1929.
Strikes in the United States, 1880—1936 / Compl. by F. Peterson. Wash., 1938.
United States Senate. Committee on Education and Labor. Reports: Vol. 1, 2. Wash., 1885.

ДОКУМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

American Farmers' Movements: Documents / Compl. by F. A. Shannon. Princeton (N. J.), 1957.
American Federation of Labor. Proceedings of the American Federation of Labor. Twelth Convention Held at Philadelphia. Bloomington (Ia), s. a.
American Radicalism, 1865—1901: Essays and Documents / Ed. by Ch. Destler. New London (Conn.), 1946.
Constitution of the Social Democracy of America. Chicago, 1898.
Farmers' Alliance History and Agricultural Digest / Ed. by N. A. Dunning. Wash., 1891.
Industrial Workers of the World: Proceedings of the First Convention of the Industrial Workers of the World. N. Y., 1905.
Knights of Labor: Proceedings of the General Assembly of the Order of Knights of Labor, 1887—1890. N. Y., 1887—1890.
League to Enforce Peace. N. Y.. 1915.
Must we Arm? A Debate on the Question... N. Y., 1916.
National Association of Manufacturers of the United States: Proceedings of the XIX Annual Convention of the National Association of Manufacturers of the United States. N. Y., 1914.
National Party Platforms, 1840—1872. 4th ed. / Compl. by D. Johnson, K. H. Porter. Urbana (Ill.), 1973.
People's Party Campaign Book. Wash., 1894.
Populist Mind (Documents) / Ed. by N. Pollack. Indianapolis (Ind), 1967.
Proceedings of New Jersey Socialist Unity Conference. S. l., 1906.
The Seizure of Haiti by the United States: A Report by 24 American Lawyers. N. Y., 1922.
Socialist Democratic Party of the US: Report of the Delegates of the Socialist Democratic Party of the US to the International Socialist Congress. P., 1900.
Socialist Labor Party: The Attitude of the Socialists towards the Trade Unions. N. Y., 1900.
Proceedings of the National Convention Held at Chicago, 28 September, 1889. Cincinnati (O.), 1889.
Proceedings of the Ninth Convention of the Socialist Labor Party. N. Y., 1896.
Socialist Labor Party in New York: (A criticism). N. Y., 1892.
Socialist Party: National Constitution of the Socialist Party. Chicago (Ill.), 1910.
National Convention of the Socialist Party. Chicago, s. a.
National Convention of the Socialist Party. Chicago. 1904.
Propaganda of Socialism: Report to the National Congress of the Socialist Party, Held May 15, 1910. S. l., s. a.
Third Party Movements in the United States: Documents / Ed. by W. B. Hesseltine. N. Y., 1962.

БУМАГИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, ПЕРЕПИСКА, МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ТРУДЫ СОВРЕМЕННИКОВ СОБЫТИЙ

Архив полковника Хауза: В 4-х т. М., 1937—1944.
Бекер Р. С. Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. М.; Пг., 1923.
Беллами Э. Общественное движение, возникшее в Америке под влиянием книги «Через сто лет». СПб., 1892.
Бриссенден П. Ф. Промышленные рабочие мира. М.; Л., 1926.
Де-Воллан Г. В стране миллиардеров и демократии. СПб.; М., 1907.
Де Леон Д. Избранные произведения. М., 1932.
Дьюи Д. Школа и общество. М., 1924.
Зорге Ф. Рабочее движение в Соединенных Штатах Америки. СПб., 1907.
Коллонтай А. М. Из моей жизни и работы. М., 1974.
Петтигру Р. Ф. Торжествующая плутократия. М., 1922.
Рид Дж. Избранные произведения. М., 1957.
Скальковский К. А. Русская торговля в Тихом океане. СПб., 1883.
Флинн Э. Г. Своими глазами. М., 1962.
Фош Ф. Воспоминания (война 1914—1918 гг.). М., 1939.
Харди Дж. Те бурные годы. Воспоминания о борьбе за свободу на пяти континентах. М., 1957.
Хилквит М. История социализма в Соединенных Штатах. СПб., 1907.
Babson R. W. The Future of the World Peace. Boston, 1915.
Baruch B. M. American Industry in the War. N. Y., 1941.
Beard Ch. An Economic Interpretation of Constitution of the United States. N. Y., 1913.
Beard Ch. Contemporary American History, 1877—1913. N. Y., 1915.
Bridge J. The Inside History of Carnegie Steel Company. N. Y., 1904.
Bryan W. J. The First Battle. Chicago, 1896.
[*Bryan W. J.*] The Library of Congress. Manuscript Department. Wash., William Jennings Bryan General Correspondence, Container 3.
Bryan W. J., Bryan M. B. Memoirs of William Jennings Bryan. Chicago, 1925.
Buch S. J. The Granger Movement. Cambridge (Mass.), 1913.
Callahan J. M. Cuba and International Relations. Baltimore (Md), 1899.
Callahan J. M. American Relations in the Pacific and Far East, 1784—1900. Baltimore (Md), 1901.
Chadwick F. The Relations of the United States and Spain. N. Y., 1900—1901. Vol. 1—3.
Coulidge A. The United States as a World Power. N. Y., 1909.
[*Croffut W. A.*] The Library of Congress. Manuscript Department. Wash., W. A. Croffut Papers.
Croly H. The Promise of American Life. N. Y., 1914.
[*Daniels J.*] The Cabinet Diaries of Josephus Daniels, 1913—1921 / Ed. by D. Cronon. Lincoln (Wis.), 1963.
De Leon D. Industrial Socialism. N. Y., 1920.
De Witt B. P. The Progressive Movement: A Non-partisan Comprehensive Discussion of Current Tendencies in American Politics. N. Y., 1915.
Debs E. V. Writings and Speeches of Eugene V. Debs. N. Y., 1948.
A Documentary History of American Industrial Society: Vol. 1—10 / Ed. by J. Commons et al. Cleveland (O.), 1910—1911.
[*Donnelly I.*] Minnesota Historical Society: Division of Archives and Manuscripts. Minneapolis (Min.), Ignatius Donnelly Papers.
Du Bois W. The Souls of Black Folk. Chicago, 1903.
Eastwood F. M. The Question-box: Answers to Questions about Socialism. Chicago, s. a.
Eliot Ch. W. Educational Reform. N. Y., 1969.
Fiske J. American Political Ideas. N. Y., 1885.
[*Fiske J.*] The Letters of John Fiske / Ed. by E. F. Fiske. N. Y., 1940.
Foster W. Z. Pages From a Worker's Life. N. Y., 1939.
[*Garfield J. A.*] The Life and Letters of J. A. Garfield / Ed. by Th. C. Smith. New Haven (Conn.), 1925. Vol. 1, 2.
[*Garfield J. A.*] The Diary of James A. Garfield / Ed. by H. J. Brown, F. D. Williams. East Lancing (Mich), 1891, Vol. 4.
George H. A. A Perplexed Philosopher. N. Y., 1892.
George H. A. Progress and Poverty. N. Y., 1929.
George H. A. Social Problems. N. Y., 1966.

Gerard J. W. My Four Years in Germany. N. Y., 1917.
Gladden W. Tools and the Man: Property and Industry under the Christian Law. L., s. a.
Gilman D. C. The Launching of a University. N. Y., 1906.
Gompers S. Seventy Years of Life and Labor. N. Y., 1973. Vol. 1, 2.
Hall G. S. Educational Problems. N. Y., 1911. Vol. 1, 2.
Haywood W. D. Bill Haywood's book: The Autobiography of W. D. Haywood. N. Y., 1958.
Haywood W. D., Bohn F. Industrial Socialism. Chicago, 1911.
Hillquit M. History of Socialism in the United States. N. Y., 1903.
Hillquit M. Loose Leaves from a Busy Life. N. Y., 1934.
[*Hillquit M.*] State Historical Society of Wisconsin. Madison (Wis.), Morris Hillquit Papers. Microfilm edition. Madison (Wis.), 1969.
Howe F. C. Confessions of a Reformer. N. Y., 1925.
The Jeffersonian and Hamiltonian Traditions in American Politics: A Documentary History / Ed. by A. Fried. Garden City (N. J.), 1968.
[*La Follette R. M.*] La Follette's Autobiography. Madison (Wis.), 1913.
Lloyd H. D. Wealth Against Commonwealth. N. Y., 1894.
Lloyd H. D. Lords of Industry. N. Y., 1910.
[*Lloyd H. D.*] State Historical Society of Wisconsin. Madison (Wis.), Henry Demarest Lloyd Papers.
Lowell J. R. Latest Literary Essays and Addresses. Boston; New York. 1892.
Mahan A. The Interest of America in Sea Power, Present and Future. Boston (Mass.), 1897.
Manning J. C. The Fadeout of Populism. N. Y., 1928.
Mayers G. History of the Great American Fortunes. N. Y., 1909—1910. Vol. 1—3.
Moody J. The Truth about the Trusts. N. Y., 1904.
Noyes A. D. Forty Years of American Finance. N. Y., 1909.
Osborn H. F. Impressions of Great Naturalists. N. Y.; L., 1924.
[*Page W.*] The Life and Letters of Walter Page / Ed. by B. J. Hendrick. N. Y., 1922—1925; L., 1930.
Pettigrew R. The Course of Empire. N. Y., 1920.
Powderly T. V. Thirty Years of Labor. 1859—1889. Columbus (O.), 1890.
Roosevelt Th. An Autobiography. N. Y., 1946.
[*Roosevelt Th.*] The Letters of Theodore Roosevelt: Vol. 1—8 / Ed. by E. E. Morison. Cambridge (Mass.), 1951—1954.
Roosevelt Th. The New Nationalism. Englewood Cliffs (N. J.), 1961.
Roper D. C. Fifty Years of Public Life. Durham (N. C.), 1941.
Saint John V. The I. W. W.: Its History, Structure and Methods. Chicago, 1919.
Saint John V. The Philosophy of Socialism. Chicago; Cleveland, s. a.
Simons A. M. The Philosophy of Socialism. Chicago, s. a.
Selections from the Correspondence of Theodore Roosevelt and Henry Cabot Lodge, 1884—1918. N. Y., 1925. Vol. 1, 2.
Smith J. H. The New Education. N. Y., 1893.
[*Steffens L. J.*] The Autobiography of Lincoln Steffens. N. Y., 1931.
Strong J. The Times and Young Men. N. Y., 1901.
Strong J. Our Country: Its Possible Future and its Present Crisis. Cambridge (Mass.), 1963.
Sumner W. G. The Forgotten Man and Other Essays. New Haven (Conn.), 1918.
Thurston L. A. Memoirs of L. A. Thurston. Honolulu (Haw.), 1936.
Turner F. The Frontier in American History. N. Y., 1920.
Ward H. F. The Social Creed of the Churches. Chicago, 1914.
White A. D. Autobiography. N. Y., 1905. Vol. 1, 2.
White W. A. An Autobiography. N. Y., 1946.
Wilson W. Life and Letters of Woodrow Wilson: Vol. 1—8 / Ed. by R. S. Baker. N. Y., 1927—1939.
[*Wilson W.*] The Public Papers of Woodrow Wilson. The New Democracy. Presidential Messages, Addresses and Other Papers (1913—1917): Vol. 1, 2 / Ed. by R. S. Baker, W. E. Dodd. N. Y., L., 1926.
Wilson W. The Papers of Woodrow Wilson: Vol. 1—40 / Ed. by A. S. Link et al. Princeton (N. J.), 1982. Vol. 40.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ, СПРАВОЧНИКИ, УКАЗАТЕЛИ

Дипломатический словарь: В 3-х т. / Под ред. А. А. Громыко и др. М., 1971—1973.
American Federation of Labor: History, Encyclopedia, Reference Book. Wash., 1919—1924. Vol. 1, 2.
American Federation of Labor Records: The S. Gompers Era. Madison (Wis.), 1981.
American Labor Year Book, 1914—1915. N. Y., 1925.
American Political Parties: A Selective Guide to Parties and Movements of the 20th Century / Compl. by L. R. Wynar. Littleton (Colo.), 1969.
A Century of Population Growth from the First Census of the United States to the Twelfth, 1790—1900. Wash., 1909.
Biographical Directory of the American Congress, 1774—1971. Wash., 1971.
Checklist of the United States Public Documents, 1798—1909. Wash., 1909, Vol. 1.
Dictionary of American Biography: Vol. 1—23 / Ed. by A. Johnson, D. Malone. N. Y., 1928—1932.
Dissertation Abstracts. Ann Arbor (Mich), 1952—1983.
Dissertation in History: An Index to Dissertations of the United States and Canadian Universities: Vol. 1, 2 / Ed. by R. B. Morris. New York; Lexington, 1965—1972.
Encyclopedia of American History / Ed. by R. B. Morris. N. Y., 1982.
Encyclopedia of Social Sciences / Ed. by E. R. Seligman. N. Y., 1932.
Finding J. E. Dictionary of American Diplomatic History. Westport (Conn.), 1980.
Guide to the Diplomatic History of the United States, 1775—1921 / Ed. by S. F. Bemis, G. G. Griffin. Wash., 1935.
Harvard Guide to American History: Vol. 1, 2 / Ed. by F. Freidel. Cambridge (Mass.), 1974.
Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970. Wash., 1975.
National Union Catalogue of Manuscript Collections: Vol. 1—12. Wash., 1962—.
Poole's Index to Periodical Literature (1802—1906): Vol. 1—6. Boston (Mass.), 1882—1908. Cumulative Author Index. Ann Arbor (Mich), 1971.
The Statesman Year Book for 1916. L., 1916.
United States Department of Commerce. United States Bureau of Census. Negro Population in the United States, 1790—1915. Wash., 1918.
Statistical Abstracts of the United States, 1914—1925. Wash., 1915—1926.
Twelfth Census of the United States, 1900. Wash., 1902. Vol. 5.
Thirteenth Census of the United States, 1910. Wash., 1913. Vol. 5.
The World Almanac and Encyclopedia, 1917. N. Y., 1917.

ПРЕССА И ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Американский ежегодник, 1970—1983. М., 1971—1984.
Вестник русско-американской торговой палаты, 1915 *.
Новая и новейшая история, 1958—1973.
American Federationist, 1900—1915.
American Labor Legislative Review, 1915—1918.
American Review of Reviews, 1894—1896 *.
American Socialist, 1915—1916.
Arena, 1895, 1901 *.
Chicago Tribune, 1886 *.
Commercial and Financial Chronicle, 1916—1917.
Dawn, 1889, 1901 *.
Financial Age, 1917—1918.
International Socialist Review, 1901—1916.
Journal of American Bankers Association, 1915—1916.
La Follette's Weekly Magazine, 1900—1913.
Mississippi Valley Historical Review, 1925, 1934, 1958 *.
Nation, 1900—1918.
New York Call, 1916 *,
New York Times, 1891—1892, 1898, 1913—1916.
New Republic, 1916-1917.
North American Review, 1892, 1895, 1901, 1917—1918 *.
Russian Review, 1905 *.
Times Weekly, 1890—1894.
Wilshire's Magazine, 1902, 1906 *.
World Work, 1915—1916.

* Отдельные номера.

ЛИТЕРАТУРА

Аверкиева Ю. П. Индейцы в Северной Америке. М., 1974.
Александровская О. А. Формирование и особенности сети научных учреждений США. М., 1979.
Альперович М. С., Руденко Б. Т. Мексиканская революция 1910—1917 гг. и политика США. М., 1958.
Антясов М. В. Панамериканизм: идеология и политика. М., 1981.
Аскольдова С. М. Начало массового рабочего движения в США (80-е годы XIX в.). М., 1966.
Аскольдова С. М. Формирование идеологии американского тред-юнионизма. М., 1976.
Белявская И. А. Внутренняя экономическая политика США (1917—1918). М., 1956.
Белявская И. А. Буржуазный реформизм в США в начале XX в. (1900—1914 гг.). М., 1968.
Белявская И. А. Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь США. М., 1978.
Богина Ш. А. Иммигрантское население США, 1865—1900. Л., 1976.
Богословский В. Н. Эптон Синклер. М., 1978.
Бойер Р. О., Морейс Г. М. Нерассказанная история рабочего движения в США. М., 1957.
Болховитинов Н. Н. Россия и США: архивные документы и исторические исследования. М., 1984.
Боноски Ф. Две культуры. М., 1978.
Беккер М. И. Прогрессивная негритянская литература США. Л., 1957.
Быков В. М. Джек Лондон. М., 1964.
Быков В. М. Юджин Дебс — вождь американского пролетариата. М., 1971.
Вержховский Д. В., Ляхов В. Ф. Первая мировая война 1914—1918. М., 1964.
Владимиров Л. С. Дипломатия США в период американо-испанской войны 1898 г. М., 1957.
Гершов З. М. «Нейтралитет» США в годы первой мировой войны. М., 1962.
Гиленсон Б. А. Америка Синклера Льюиса. М., 1972.
Грин Г. Забытый враг. М., 1958.
Губер А. А. Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. М., 1961.
Дементьев И. П. Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.). М., 1973.
Добров А. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М., 1952.
Жидков О. А. США: Антитрестовское законодательство на службе монополий. М., 1976.
Зверев А. М. Американская литература XX века. М., 1984.
Зубок Л. И. Очерки истории США (1877—1918). М., 1956.
Зубок Л. И. Очерки истории рабочего движения в США (1865—1918). М., 1962.
Зубок Л. И. Экспансионистская политика США в начале XX в. М., 1969.
Иванов Р. Ф. В. И. Ленин о Соединенных Штатах Америки. М., 1965.
Иванов Р. Ф. Дюбуа. М., 1968.
История дипломатии. 2-е изд.: В 5-ти т. / Под ред. А. А. Громыко и др. М., 1974—1979. Т. 3.
Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки / Под ред. И. С. Галкина, И. П. Дементьева и др. М., 1967.
Йелн С. Из истории забастовочного движения в США. М., 1950.
Кислова А. А. Идеология и политика американской баптистской церкви (1900—1917). М., 1969.
Кислова А. А. Социальное христианство в США. Из истории общественной мысли, 90-е годы XIX в.— 30-е годы XX в. М., 1974.
Козенко Б. Д. Рабочее движение в США в годы первой мировой войны. Саратов, 1965.
Козенко Б. Д. «Новая демократия» и война. Внутренняя политика США в 1914—1917 гг. Саратов, 1980.
Конен В. Пути американской музыки. М., 1977.
Конен В. Блюзы и XX век. М., 1980.
Корнкрофт М. Наука против идеализма. М., 1957.
Куропятник Г. П. Захват Гавайских островов США. М., 1958.
Куропятник Г. П. Фермерское движение в США: От грейнджеров к Народной партии, 1867—1896. М., 1971.
Куропятник Г. П. Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи, 1867—1881. М., 1981.

Куропятник Г. П. Проблемы научной концепции истории США нового времени, XVII—XIX вв. М., 1983.
Кутаков Л. Н. Портсмутский мирный договор. М., 1961.
Кучинский Ю. История условий труда в США с 1789 по 1947 г. М., 1948.
Лавров Н. М. Мексиканская революция 1910—1917 гг. М., 1972.
Лан В. И. США: от испано-американской до первой мировой войны. М., 1975.
Лебедев В. В. Русско-американские экономические отношения (1900—1917 гг.). М., 1964.
Ленс С. Бедность: неискоренимый парадокс Америки. М., 1976.
Литературная история США: В 3-х кн. М., 1977—1979.
Луцков Н. Д. Оккупация Гаити Соединенными Штатами, 1915—1934. М., 1981.
Маныкин А. С. История двухпартийной системы США (1789—1980). М., 1981.
Международные отношения на Дальнем Востоке, 1840—1949 / Под ред. Е. М. Жукова. М., 1973.
Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории: В 7-ми т. / Под ред. Б. Н. Пономарева и др. М., 1976—1978. Т. 2—3.
Мендельсон М. О. Жизнь и творчество Уитмена. 2-е изд. М., 1969.
Мировые экономические кризисы, 1848—1935 / Под ред. Е. Варга. В 3-х т. М., 1937—1939.
Мозолин В. П. Корпорации, монополии и право США. М., 1966.
Мурадян А. А. Американские миссионеры в странах Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Океании в XIX в. М., 1971.
Мурадян А. А. Американская историография тихоокеанской политики США в XIX в. М., 1973.
Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860—1895. М., 1956.
Нитобург Э. Л. Негры США: Историко-этнографический очерк (XVII — начало XX в.). М., 1979.
Основные проблемы США в американской историографии (1861—1918). М., 1974.
Очерки новой и новейшей истории США / Под ред. Г. Н. Севостьянова, И. А. Белявской и др.: В 2-х т. М., 1960. Т. 1.
Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли: В 3-х т. М., 1962—1963.
Помрой У. Становление американского неоколониализма. М., 1973.
Проблемы литературы США. М., 1964.
Севостьянов П. П. Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке, в Китае и Корее в 1905—1911. М., 1958.
Сивачев Н. В. Правовое регулирование трудовых отношений в США. М.. 1972.
Слёзкин Л. Ю. Испано-американская война. М. 1956.
Согрин В. В. Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1975.
Стэвис Б. Человек, который никогда не умирал. Записки о Джо Хилле и его времени. М., 1964.
Филиппова Л. Д. Высшая школа США. М., 1981.
Фонер Ф. Джек Лондон — американский бунтарь. М., 1966.
Фонер Ф. История рабочего движения в США. В 5-ти т. М., 1949—1983.
Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М., 1953.
Фостер У. З. Негритянский народ в истории Америки. М., 1955.
Фурсенко А. А. Борьба за раздел Китая и американская доктрина «открытых дверей», 1895—1900. М.; Л., 1956.
Фурсенко А. А. Нефтяные тресты и мировая политика. 80-е годы — 1918 г. М.; Л., 1965.
Фурсенко А. А. Династия Рокфеллеров. 2-е изд. Л., 1970.
Шлепаков А. Н. Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма. М., 1966.
Abrams R. M. Issues of the Populist and Progressive eras. N. Y., 1969.
Albion R. G. Makers of Naval Policy, 1798—1947. Annapolis (Md), 1980.
America, Changing Times: A Brief History / Ed. by Ch. M. Dollar. N. Y., 1980.
American Expansionism: The Critical Issues / Ed. by M. B. Young. Boston (Mass.), 1973.
American Higher Education: A Documentary History: Vol. 1, 2 / Ed. by R. Hofstadter, W. Smith. Chicago, 1961. Vol. 2.
American Imperialism and Antiimperialism / Ed. by Th. G. Palerson N. Y., 1973.
American-Russian Rivalry in the Far East: A Study in the Diplomacy and Power Politics, 1895—1914. Philadelphia, 1978.

Argensinger P. H. Populism and Politics: W. A. Peffer and People's Party. Lexington, 1974.
Asimov I. The Golden Door: The United States from 1865 to 1918. L., 1977.
Baily Th. A Diplomatic History of the American People. Englewood Cliffs (N. J.), 1936.
Bassett M. E. R. The Socialist Party of America, 1912—1919. Ann Arbor (Mich), 1971.
Baylin B., Davis D., Donald D. H. The Great Republic. Boston; Toronto, 1977.
Beale H. K. Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power. N. Y., 1970.
Becker W. H. The Dynamics of Business-Government Relations: Industry and Export, 1893—1921. Chicago, 1982.
Beisner R. L. Twelve Against Empire: The Anti-imperialists, 1898—1900. N. Y., 1968.
Brody D. Steelworkers in America: The Nonunion Era. Cambridge (Mass.), 1960.
Brody D. Workers in Industrial America: Essays on the Twentieth Century Struggle. Oxford (N. Y.), 1981.
Brownlee W. E. Dynamics of Ascent: A History of the American Economy. N. Y., 1974.
Brubacher J., Rudy W. Higher Education in Transition: A History of American Colleges and Universities, 1636—1968. N. Y., 1968.
Bryson Th. A. American Diplomatic Relations with the Middle East, 1784—1975: A Survey. Metuchen (N. J.), 1977.
Buenker J. D. Urban Liberalism and Progressive Reform. N. Y., 1973.
Buhle M. J. Women and American Socialism, 1870—1920. Urbana (Ill.), 1981.
Burns A. F. Production Trends in the United States since 1870. N. Y., 1934.
Bywater H. C. Sea-power in the Pacific. N. Y., 1970.
Campbell Ch. S. The Transformation of American Foreign Relations. 1865—1900. N. Y., 1976.
Cantor M. The Devided Left: American Radicalism, 1900—1975. N. Y., 1978.
Challener R. D. Admirals, Generals and American Foreign Policy, 1898—1914. Princeton (N. J.), 1973.
Chambers J. M. The Tyranny of Change: America in the Progressive Era, 1900—1917. N. Y., 1980.
Chase G. America's Music. N. Y., 1955.
Clayton B. The Savage Ideal: Intolerance and Intellectual Leadership in the South, 1890—1914. Baltimore (Md), 1972.
Clepper R. The Economic Bases for Agrarian Protest Movement in the United States, 1870—1900. N. Y., 1978.
The Coming to Power: Critical President Elections in American History / Ed. by A. Schlesinger, Jr. N. Y., 1972.
Commager N. S. The American Mind: An Interpretation of American Thought and Character since the 1880s. L., 1963.
Commons J. R. et al. History of Labor in the United States. N. Y., 1935. Vol. 4.
Conlin G. R. Bread and Roses Too: Studies of the Wobblies. Westport, 1969.
Cooper J. M., Jr. The Vanity of Power: American Isolationism and the First World War, 1914—1917. Westport (Conn.), 1969.
Corbin D. A. Life, Work and Rebellion in the Coal Fields: The Southern West Virginia Miners. 1880—1922. Urbana (Ill.), 1981.
Cowings C. B. Populists, Plungers and Progressives, 1890—1936. Princeton (N. J.). 1965.
Curti M. The Growth of American Thought. N. Y., 1964.
Czempiel E.-O. Amerikanische Aussenpolitik; Ges. Anforderungen und politische Entscheidungen. Stuttgart, 1979.
De Novo J. A. American Interests and Politics in the Middle East, 1900—1939. Minneapolis (Minn), 1963.
Derber M. The American Idea of Industrial Democracy, 1865—1965. Urbana (Ill.), 1970.
Dick W. M. Labor and Socialism in America: The Gompers Era. Port Washington, 1972.
Dickinson J. Y. The Role of the Immigrant Women in the US Labor Force, 1890—1910. N. Y., 1980.
Dobson J. M. America's Ascent: The United States Becomes a Great Power, 1880—1914. DeKalb (Ill.), 1978.
Dodge E. S. Islands and Empires: Western Impact on the Pacific and East Asia. Minneapolis (Minn), 1976.
Doenecke J. D. The Presidencies of J. A. Garfield and Ch. A. Arthur. Lawrence, 1891.
Dorwart J. M. The Pigtail War: American Involvement in Sino-Japanese War of 1894—1895. Amherst (Mass.), 1975.
Dubofsky M. We Shall be All: A History of the Industrial Workers of the World. N. Y., 1969.

Dulles F. R. Prelude to World Power: American Diplomatic History, 1860—1900. N. Y., 1965.
Ekirch A. A. Ideas, Ideals and American Diplomacy: A History of Their Growth and Interaction. N. Y., 1966.
Ekirch A. A. Progressivism in America. N. Y., 1974.
Faulkner H. U. The Decline of Laissez Faire, 1897—1917. N. Y., 1951.
Fine N. The Labor and Farmer Parties. N. Y., 1961.
Fisher G. Les Etats Unis et le canal de Panama. P.. 1979.
Fite G. C. American Farmers: The New Minority. Bloomington (Ind), 1981.
Flexner E. Century of Struggle: The Woman's Right Movement in the United States. Cambridge (Mass.); London, 1977.
Foner Ph. S. The Spanish-Cuban-American War and the Birth of American Imperialism, 1895—1902. N. Y.; L., 1972, Vol. 1.
Foner Ph. S. Organized Labor and Black Worker. 1619—1973. N. Y.; Wash., 1974.
Forcey Ch. The Crossroads of Liberalism: Croly, Weyl and Lippmann and the Progressive Era. 1900—1925. N. Y., 1961.
Foreman-Peck J. A History of the World Economy: International Economic Relations since 1850. Brighton (U. K.), 1983.
Foster W. Z. The History of the Communist Party of the United States. N. Y., 1952.
Franklin J. H. From Slavery to Freedom: A History of American Negro. N. Y., 1956.
Friedman M., Schwartz A. J. A Monetary History of the United States. 1867—1960. Princeton (N. J.), 1966.
Gaither G. H. Blacks and the Populists: Ballots and Bigotry in the New South. Montgomery (Ala), 1975.
Ginger R. Eugene V. Debs: A biography. N. Y., 1962.
Ginger R. Age of Exess: The United States from 1877 to 1914. N. Y., 1965.
Goldman E. F. Rendezvous with Destiny: A History of Modern American Reform. N. Y., 1952.
Goodwin L. Democratic Promise: The Populist Moment in America. N. Y.. 1976.
Gould L. Reform and Regulation: American Politics, 1900—1916. N. Y., 1978.
Green J. R. Grass-root Socialism: Radical Movements in South-West, 1895—1943. Baton Rouge, 1978.
Greenwald M. W. Women, War and Work: The Impact of World War I on Women Workers in the United States. Westport (Conn.). 1980.
Greenway J. American Folk Songs of Protest. N. Y., 1953.
Greenville J. A. S., Young G. B. Politics, Strategy and American Diplomacy, Studies in Foreign Policy. 1873—1917. New Haven (Conn.). 1966.
Grob G. Workers and Utopia: A Study of Ideological Conflict in the American Labor Movement. Evanston, 1961.
Hacker L. M. The Course of American Economic Growth and Development. N. Y., 1970.
Hagan K. J. American Gunboat Diplomacy and the Old Navy, 1877—1889. Westport (Conn.). 1973.
Harbaugh W. H. Wilson, Roosevelt and Interventionalism, 1914—1917: A Study of Domestic Influences. Ann Arbor (Mich). 1954.
Harris W. H. The Harder We Run: Black Workers since the Civil War. N. Y., 1982.
Hartz L. The Liberal Tradition in America. N. Y.. 1955.
Hays S. P. The Response to Industrialism, 1885—1914. Chicago. 1963.
Healy D. F. US Expansionism: The Imperialist Urge in the 1890s. Madison (Wis.), 1970.
Hicks J. D. The Populist Revolt: A History of Farmers Allians and the People's Party. Minneapolis, 1931.
Hirsch H. The Right of the People: An Introduction to American Politics. Wash. (D. C.), 1980.
Hofstadter R. American Political Tradition and Men who Made It. N. Y., 1948. Repr., 1962.
Hofstadter R. The Age of Reform: From Bryan to F. D. R. N. Y.. 1955.
Hofstadter R. The Paranoid Style in American Politics and Other Essays. N. Y., 1965.
Huckshorn R. J. Political Parties in America. North Scituate (Mass.), 1980.
Ingham J. N. The Iron Barons: A Social Analysis of an American Urban Elite, 1874—1965. Westport (Conn.), 1978.
Johnson O. C. Marxism in United States History before the Russian Revolution, 1876—1917. N. Y., 1974.
Karson M. American Labor Unions and Politics, 1900—1918. Cambridge (Mass.), 1958.

Kaufman B. J. Efficiency and Expension: Foreign Trade Organization in the Wilson Administration, 1913—1921. Westport (Conn.), 1974.

Kaufman S. B. Samuel Gompers and Origins of the American Federation of Labor, 1848—1896. Westport (Conn.), 1973.

Kellog Ch. F. NAACP: A History of the National Association for the Advancement of Colored People. Baltimore (Md), 1967. Vol. 1, 2.

Kennedy P. M. The Samoan Tangle: A Study in Anglo-German-American Relations, 1878—1900. N. Y., 1974.

Kipnis I. The American Socialist Movement, 1897—1912. N. Y., 1952.

Kirkland E. C. Industry Comes of Age: Business, Labor and Public Policy, 1860—1897. N. Y., 1967.

Knight M. M. The Americans in Santa Domingo. N. Y., 1928.

Kocka J. White Collar Workers in America, 1890—1940. Beverly Hills (Cal.), 1980.

Kolko G. The Triumph of Conservatism: A Reinterpretation of American History, 1900—1914. N. Y., 1963.

Kolko G. Main Trends in Modern American History. N. Y., 1976.

Kraditor A. The Radical Persuasion, 1890—1917. Baton Rouge (La), 1981.

Kraut A. M. Huddled Masses: The Immigrant in American Society, 1880—1921. Arlington Heights (Ill.), 1982.

La Feber W. The New Empire: An Interpretation of American Expansion, 1860—1898. Ithaca (N. Y.), 1963.

La Feber W. The Panama Canal: The Crisis in Historical Perspective. N. Y., 1979.

Langley L. D. Struggle for the American Mediterranean: United States-European Rivalry in the Gulf Carribean, 1776—1904. Athens (Ga), 1976.

Lasch Ch. The New Radicalism in America (1889—1963): The Intellectual as a Social Type. N. Y., 1965.

Laslett J. Labor and the Left: A Study of Socialist and Radical Influence in American Labor Movement, 1881—1924. N. Y., 1970.

Lears T. J. J. No Place of Grace: Antimodernism and the Transformation of American Culture, 1880—1920. N. Y., 1981.

Linderman G. F. The Mirror of War: American Society and the Spanish-American War. Ann Arbor (Mich), 1974.

Link A. S. Woodrow Wilson and the Progressive Era. L., 1954.

Link A. S. Wilson the Diplomatist: A Look at His Major Foreign Policies. N. Y., 1974.

Link A. S., Catton W. B. American Epoch. 4th ed. N. Y., 1973. Vol. 1—3.

Liska G. Career of Empire: America and Empirial Expansion over Land and Sea. Baltimore (Md), 1978.

Litwack L. F. The American Labor Movement. Englewood Cliffs (N. J.), 1962.

Livermore S. W. Woodrow Wilson and the War Congress, 1916—1918. Seattle (Wash.); London, 1966.

Lomax D. American Ballads and Songs. N. Y., 1936.

Lorvin L. L. The American Federation of Labor: History, Policies and Prospects. N. Y., 1970.

Loth D. Public Plunder: A history of Graft in America. Westport (Conn.), 1970. Repr.

MacNair E. W. Edward Bellamy and Nationalist Movement, 1889 to 1894. Milwaukee, 1957.

Marchand C. R. The American Peace Movements and Social Reform, 1898—1918. Princeton (N. J.), 1972.

Marcus R. D. Grand Old Party: Political Structure in the Gilded Age, 1880—1896. N. Y., 1971.

Market Institutions and Economic Progress in the New South, 1865—1900. N. Y., 1981.

May E. R. American Imperialism: A Reinterpretation. N. Y., 1968.

May H. F. The end of American Innocence: A Study or Our Own Time, 1912—1917. N. Y., 1959.

McCormick R. L. From Realignment to Reform: Political Change in New York. 1893—1910. Ithaca (N. Y.), 1981.

McDonald F. The United States in the Twentieth Century. Reading (Mass.), 1970. Vol. 1. 1900—1920.

Morgan H. W. From Hayes to McKinley: National Party Politics, 1877—1896. N. Y., 1969.

Morison S. E. Three Centuries of Harvard. Cambridge (Mass.), 1936.

Morlan A. Political Prarie Fire: Non-partisan League, 1915—1922. Minneapolis (Minn), 1955.

Mowry G. F. The Era of Theodore Roosevelt, 1900—1912. N. Y., 1958.
Müller R. E. Revitalizing America: Policies for Prosperity. N. Y., 1980.
Nash M. Conflict and Accomodation: Coal Miners, Steel Workers and Socialism, 1890—1920. Westport (Conn.), 1982.
Noble D. W. The Progressive Mind, 1890—1917. Minneapolis (Minn), 1981.
Notter H. The Origins of the Foreign Policy of Woodrow Wilson. N. Y., 1965.
Nouailhat Y. H. Evolution economique des Etats-Unis du milleu du XIXe siècle à 1914. P., 1982.
Osborne Th. J. «Empire Can Wait»: American Opposition to Hawaiian Annexation, 1893—1898. Kent (O.), 1981.
Parmet R. D. Labor and Immigration in Industrial America. Boston, 1981.
Pleck J. H. The American Man. Englewood Cliffs (N. J.), 1980.
Pollack N. The Populist Respons to Industrial America. Cambridge (Mass.), 1962.
Pomeroy W. J. American Neo-colonialism. N. Y., 1970.
Pratt J. W. America's Colonial Experiment. Gloucester (Mass.), 1964.
Pratt J. W. Expansionists of 1898. N. Y., 1936.
Priest L. B. Uncle Sam's Stepchildren: The Reformation of the United States Indian Policy, 1865—1887. New Brunswick (N. J.), 1942.
Primack M. L., Willis J. F. An Economic History of the United States. Menlo Park (Cal.), 1980.
Quint H. H. The Forging of American Socialism: Origins of the Modern Movement. Columbia, 1953.
Railroad: Trains and Train People in American Culture / Ed. by J. A. McPherson, W. Miller. N. Y., 1976.
Rappoport A. A History of American Diplomacy. N. Y., 1975.
The Rhetoric of Protest and Reform, 1878—1898 / Ed. by P. H. Boase. Athens (O.), 1980.
Ringenbach P. T. Tramps and Reformers, 1873—1916. Westport (Conn.), 1973.
Rosenberg E. S. Spreading the American Dream: American Economic and Cultural Expansion, 1890—1945. N. Y., 1982.
Rostow W. The Stages of Economic Growth: A Non-communist Manifest. Cambridge (Mass.), 1960.
Rothman D. S. Politics and Power: The United States Senate, 1865—1901. Cambridge (Mass.), 1966.
Rudolph F. The American College and University: A History, N. Y., 1965.
Saloutos Th. The Farmer Movements in the South, 1865—1933. Berkeley, 1960.
Scott A. F. and *A. M.* One Half the People: The Fight for Woman Suffrage. Philadelphia; Toronto, 1975.
Schirmer D. B. Republic or Empire: American Resistence to the Phillippine War. Cambridge (Mass.), 1972.
Schlesinger A. M. Political and Social Growth of the United States. N. Y., 1937.
Sewell J. W. The US and World Development. N. Y., 1977.
Shannon F. A. Progressivism and Postwar Disillusionment, 1898—1928. N. Y., 1966.
Shergold P. R. Working-class Life: The «American Standard» in Comparative Perspective, 1899—1913. Pittsburg (Penn.), 1982.
Smith J. Illusion of Conflict. Anglo-American Diplomacy Toward Latin America, 1865—1896. Pittsburg (Penn.), 1979.
Sobel R. Panic on Wall Street: A History of America's Financial Disasters. N. Y., 1968.
Social Problems in Corporate America / Ed. by H. I. Safa, G. Levitas. N. Y., 1975.
Studies on Ethnicity: The East European Experience in America / Ed. by Ch. A. Ward et al. N. Y., 1980.
Tate M. Hawaii: Reciprocity or Annexation. East Lancing (Mich), 1968.
Terrill T. E. The Tariff, Politics and American Foreign Policy, 1874—1901. Westport (Conn.), 1973.
Thornton A. P. Doctrines of Imperialism. N. Y., 1965.
Tomkins B. E. Anti-imperialism in the United States: The Great Debates, 1890—1920. Philadelphia, 1970.
Trask D. F. The War with Spain in 1898. N. Y., 1981.
Turner F. J. The Frontier in American History. N. Y., 1921.
Two Hundred Years of American Foreign Policy / Ed. by W. P. Bundy. N. Y., 1977.
Urofski M. J. Big Steel and the Wilson Administration: A Study in Business-Government Relations. Columbus (O.), 1969.
Ware N. The Labor Movement in the United States, 1860—1895. N. Y., 1929.
Weinberg A. Manifest Destiny. Gloucester (Mass.), 1958.

Weinstein J. The Decline of Socialism in America, 1912—1925. N. Y., 1967.
Welch R. E. Respons to Imperialism: The United States and the Philippine-American War, 1899—1902. Chapel Hill (N. C.), 1979.
Weston R. F. Racism in US Imperialism, 1893—1946. Columbia (S. C.), 1972.
Whitney S. N. Antitrust Policies: American Experience in Twenty Industries. N. Y., 1958. Vol. 1, 2.
Wiebe R. H. Businessmen and Reform: A Study of the Progressive Movement. Cambridge (Mass.), 1962.
Wiebe R. H. The Search for Order, 1877—1920. N. Y., 1967.
Williams W. A. The Roots of Modern American Empire. N. Y., 1969.
Williams W. A. America Confronts a Revolutionary World: 1776—1976. N. Y., 1976.
Woodruff W. America's Impact on the World: A Study of the Role of the United States in the World Economy, 1750—1970. N. Y.; L., 1975.
Yellowitz I. Labor and the Progressive Movement in New York State, 1897—1916. Ithaca (N. Y.), 1965.
Yeselson A. United States — Persian Diplomatic Relations, 1883—1921. New Brunswick (N. J.), 1956.
Zinn H. A People's History of the United States. N. Y., 1980.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

IV
НАУКА И КУЛЬТУРА

ИСТОРИЯ США

ТОМ ВТОРОЙ

1877—1918

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства
Л. И. БЕЛЕНЬКАЯ

Художник
Е. А. МИХЕЛЬСОН

Художественный редактор
Н. Н. ВЛАСИК

Технический редактор
Ф. М. ХЕНОХ

Корректоры
Ю. Л. КОСОРЫГИН, В. А. НАРЯДЧИКОВА

ИБ № 26509

Сдано в набор 29.10.84
Подписано к печати 29.01.85
Т-02716. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 48,56 Усл. кр. отт. 50,78 Уч.-изд. л. 52,0
Тираж 30.000 экз. Тип. зак. 770
Цена 3 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

3 р. 70 к.